

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXI-й.

І Ю Л Ь.

1900 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Императоръ Николай I и Польша въ 1825—1831 годахъ. П. К. Шильдера	1—32	VIII. Разбитая жизнь. Рассказъ ослышанаго. (Изъ исторіи близкнства на Руси). (Окончаніе). С. А. Коваленко.	155—182
II. Изъ записокъ барона (последствіи графа) М. А. Корфа. (Окончаніе).	33—55	IX. Изъ дневника П. Г. Дювона	183—200
III. Александръ Ефимовичъ Измайловъ. 1779—1831 гг. Изъ Кувасова.	57—78	X. Записки Михаила Чайковского. (Судьба-Мечетьъ наша). Переводъ В. В. Гнѣшовскаго.	201—224
IV. Письмо Михаила Никифоровича Наткова Помпею Николаевичу Батюшкову о положеніи дѣлъ въ виленискомъ гснералъ губернаторствѣ	79—82	XI. Записная книжка „Русской Старины“: Къ исторіи Московскаго университета въ началѣ XIX вѣка. Писана М. Муравьева къ В. Н. Карамзину (стр. 56).—П. Зыбинскій. (Изъ исторіи золотой смуги въ 1868 г.). Сообщ. А. Мердереъ (112).—Записка слободско-укрѣпленскаго губернатора Муратова о статскомъ совѣтникѣ Карамзинѣ. 1-го марта 1826 г. (153—154).	
V. Нѣмцы о Пушкинѣ въ 1899 г. М. Велеваткина	83—111	XII. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).	
VI. Изъ записокъ барона Додона	113—138		
VII. Краткій очеркъ жизни и дѣятельности генералъ-лейтенанта Карла Александровича Бельгарда. В. Ф. Фреузе.	139—152		

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Архивъ Брюлловыхъ.

2) Портретъ гсн.-лейт. Карла Александровича Бельгарда. Грав. П. Н. Хелъницкій.

Принимается подпонока на „Русскую Старину“ изд. 1900 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ подѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ въ 7 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Печать“,
Большая Подкопная, 23.
1900.

Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ митрополиту московскому Филарету (съ 1812 по 1867 гг.), издавныя съ библиографическими свѣдѣніями и пояснительными примѣчаніями А. Н. Львовымъ. С.-Петербургъ, 1900 г.

Высокое влѣяніе Филарета, митрополита московскаго, его выдающееся значеніе и вліяніе въ рѣшениіи вопросовъ церковной и государственной жизни придають, безъ сомнѣнія, особенный интересъ всему, что касается этого выдающагося дѣятеля.

Въ бумагахъ покойнаго митрополита Филарета, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Синода, нѣтъ довольно большое количество писемъ равныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, обращающихся къ владыкѣ или за разъясненіемъ по разнымъ случаямъ текущей церковной и гражданской жизни въ Россіи, или же сообщавшихъ ему о важнѣйшихъ происшествіяхъ, съ объясненіемъ иногда отношеній разныхъ историческихъ дѣятелей къ совершающимся событіямъ и съ указаціемъ побужденій и цѣлей таже или другаго мѣропріятія. Письма эти обнимаютъ время съ 1812 г., когда Филаретъ только-что сдѣлался ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи, и оканчиваются 1867-мъ — годомъ кончины знаменатаго московскаго святителя.

Всѣхъ писемъ ¹⁾, напечатанныхъ въ разсматриваемой нами книгѣ, — 378, и они принадлежатъ 89-ти духовнымъ и свѣтскимъ авторамъ.

Письма эти сгруппированы по авторамъ, расположеннымъ въ хронологическому порядку ихъ первыхъ писемъ; писма каждого автора помѣщены тоже въ хронологическомъ порядкѣ. Такое расположеніе печатаемыхъ писемъ представляется тѣмъ удобство, что даетъ возможность непрерывно слѣдить — иногда на протяжении даннаго періода времени — какъ за существовавшими взаимоотношеніями между авторомъ писемъ и адресатомъ, такъ равно и за тѣми предметами, которые изъ въ данную пору интересовали.

Для облегченія справокъ приложены въ концѣ книги предметный и личный указатели, а текстъ снабженъ примѣчаніями, въ которыхъ А. Н. Львовъ сообщаетъ краткія библиографическія свѣдѣнія объ авторахъ писемъ и о тѣхъ лицахъ и событіяхъ, о которыхъ говорится въ писемъ.

Обратившись къ самимъ письмамъ. Прежде всего напечатаны собственноручныя писма князя А. Н. Голицына, имѣвшія значеніе и интересъ не столько со стороны сообщаемыхъ въ нихъ фактовъ, сколько для зарысканія взаимныхъ отношеній, существовавшихъ между княземъ А. Н. Голицынымъ и митрополитомъ Филаретомъ за періодъ времени отъ 4-го января 1812 до 24-го мая 1841 года. Приведемъ нѣкоторые изъ писемъ.

9-го января 1813 г. кн. А. Н. Голицынъ

¹⁾ По рассказамъ лицъ, близко стоявшихъ къ митрополиту Филарету въ послѣднія годы его жизни, онъ, предъ самою своею кончиною, уничтожилъ много бумагъ, наполнявшихъ его кабинетъ; несомнѣнно, что съ этихъ погибло много писемъ.

писалъ: «Высокопреподобный Отецъ Филаретъ Вахъ извѣство, что съ Высочайшаго дозволенія учреждено здѣсь Общество библіефиле, которое будетъ жить первое засѣданіе въ субботу будущую, т. е. 11-го генваря изъ двѣхъ ямокъ западнѣе, въ 12 часовъ по полнотчи. Состояніе сіе поручило мнѣ звать въ сей день Ваше Высокопреподобіе, прося сдѣлать ему честь принятиемъ на себя званіе члена оного. Присущеніе: митрополиты Амвросій и Серафимъ архіепископы мѣской и духовникъ Его Величества ямокъ уже приглашены въ члены. Пробываю въ протечѣ съ истиннымъ високопочтаниемъ Вашего Высокопреподобія покорнѣйшій слуга кн. Александръ Голицынъ».

Въ письмъ-скриптурѣ къ писью отъ 21-го декабря 1823 г. князь сообщаетъ: «снѣ Китая получены самія пріятныя извѣстія о нашей духовной миссіи. Правительство китайское съдѣлаетъ свое удовольствіе и государь въ знакъ благоволенія своего послать отцу архимандриту ¹⁾ 3-го Владиміра».

Въ секретномъ письмѣ отъ 19-го января 1831 г. кн. Голицынъ, между прочимъ, писалъ: «Теперь обращусь къ порученію Государя: Онъ велѣлъ мнѣ испросить Ваше мнѣніе въ разсужденіи Вѣдурской епаріи. Государь имѣетъ намѣреніе имѣть тамъ архіерея болѣе сообразнаго съ видами Правительства въ Вѣдурскіи; ивѣншій ²⁾, какъ скланивать, добродѣтели, ревностныя поборники православія, но, владыка посреди торжествующаго римско-католическаго духовенства, иногда увлекался усердіемъ къ пользѣ своей церкви, выходилъ изъ предѣловъ, предписываемыхъ благоразумною осторожностію, и рѣзко: Государь хотѣлъ бы безобидно перевести его въ другую епарію, а на мѣсто его избрать: кроткаго духомъ, низкаго сердца, чтобы онъ безтрепетно рѣшился на многолѣтнюю борьбу съ духовенствомъ хитрымъ, гордымъ, властолюбивымъ».

Изъ писемъ князя А. М. Горчакова приведемъ письмо отъ 5-го января 1861 г., въ которомъ онъ писалъ: «Г. оберъ-прокуроръ (Много, по просьбѣ моей, доставить Вамему Высокопреосвященству копіи съ грустныхъ сообщеній, полученныхъ изъ Константинополя ³⁾. Я дозволю себѣ прибавить копію съ частнаго письма ко мнѣ кн. Лобанова, сопроводившаго эти сообщенія. Посланнымъ намъ еще по волею, когда писалъ ко мнѣ, предписанія министерства, которое Вашему Высокопреосвященству извѣстно. Я приглашалъ кн. Лобанова не падать духомъ и надеяться, какъ мы надѣемся, что благословіе Божіе подтвердитъ дѣяствія стараній нашихъ съ сохраненіемъ единства православной церкви».

Интересно письмо Н. В. Елагина отъ 29-го декабря 1858 г. Вотъ нѣкоторые выдержки

¹⁾ Архимандритъ Петръ, начальникъ Пекинской миссіи и директоръ С.-Петербургскаго библіефиле общества — Примѣч. А. Н. Львова.

²⁾ Епископъ моголицевскій Павелъ (Морехъ — Павловъ); 7-го августа 1831 г. перешелъ архіепископомъ въ Тобольскъ.

³⁾ Князь Лобановъ писалъ, что 150 болгаръ въ Константинополѣ открыли (перешли въ латинство и что они посылаютъ отъ себя уполномоченныхъ во всей южной Болгаріи для собиранія болгаръ въ нѣмцы.

ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТЪ
КАРЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ БЕЛЬГАРДЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 г.

1900.

ИЮЛЬ.— АВГУСТ.— СЕНТЯБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ

ТОМЪ СТО ТРЕТИЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Вол. Подъяч., № 39.
1900.

~~Slaw 2510~~
P S18Y 605.25

Pierce fund.

Императоръ Николай I и Польша.

1825—1831 г.г.

—
XIII ¹).

Наступилъ 1831 годъ,—годъ страшнаго разсчета между Россією и Польшею, наложившаго свою роковую печать на правительственныя мѣропріятія послѣдовавшаго затѣмъ цѣлаго двадцати-пятилѣтія.

Несмотря на всѣ недавнія личныя огорченія, испытанныя цесаревичемъ въ Польшѣ, незлобіе и доброе сердце его имѣли случай выказаться еще разъ въ полномъ блескѣ въ самомъ началѣ года. Посылая императору Николаю въ письмѣ изъ Бржестовицы отъ 1-го (13-го) января 1831 года свои вѣрноподданническія поздравленія и пожеланія наилучшихъ успѣховъ, Константинъ Павловичъ прибавилъ:

«Но я не могу сдѣлать этого, не осмѣлившись еще разъ поручить вашему милосердію заблудшій народъ, члены котораго не всѣ виновны, а виновны именно тѣ, которые вывели его на путь преступленія и всевозможнаго разврата.

«Пощада для нихъ, дорогой и несравненный братъ, и снисхожденіе для всѣхъ,—это мольба брата, имѣвшаго несчастіе, изъ послушанія, посвятить лучшую часть своей жизни на образованіе войскъ, къ сожалѣнію, обратившихъ свое оружіе противъ своей родной страны.—Моя общественная роль кончена послѣ всего того, что случилось со мною въ послѣднее время, никакое командованіе не прельщаетъ меня». Затѣмъ цесаревичъ выразилъ желаніе остаться при своемъ гвардейскомъ отрядѣ,

---

¹) См. „Русскую Старину“ іюнь 1900 г.

выведенномъ имъ изъ Варшавы. «Потерпите, чтобы я остался съ нимъ»,— писалъ Константинъ Павловичъ,—«ихъ судьба будетъ моею. Если же тѣмъ не менѣе вы полагаете, что я долженъ разстаться съ нимъ, разрешите мнѣ совсѣмъ удалиться отъ дѣлъ и сдѣлаться совершенно незначущимъ (que je devienne absolument nul), чѣмъ, я чувствую это все болѣе и болѣе,—я являюсь въ дѣйствительности»¹⁾.

Почти одновременно, императоръ Николай писалъ цесаревичу 3-го (15-го) января:

«Трудно прозрѣть будущее, но соображая въ предѣлахъ человѣческаго разума, взвѣсивая различныя вѣроятія успѣха, трудно предположить, чтобы новый годъ оказался для насъ болѣе тяжелымъ, чѣмъ 1830 годъ; дай Богъ, чтобы я не ошибся. Я желалъ бы видѣть васъ спокойно водворившимся въ вашемъ Бельведерѣ и порядокъ возстановленнымъ повсюду, но сколько еще предстоитъ сдѣлать, прежде чѣмъ быть въ состояніи достигнуть этого.—Кто изъ двухъ долженъ погибнуть,—такъ какъ повидимому погибнуть необходимо—Россія или Польша? Рѣшайте сами. Я исчерпалъ всѣ возможныя средства, чтобы предотвратить подобное несчастье, средства, совмѣстимыя только съ честью и моею совѣстью, эти средства исчерпаны, или, по крайней мѣрѣ, ничто не можетъ заставить меня повѣрнуть, чтобы ихъ хотѣли тамъ; что же мнѣ остается дѣлать?»²⁾

¹⁾ „Mais je ne saurais le faire sans oser encore recommander à votre clémence une nation égarée et dont tous les membres ne sont pas tous coupables, mais bien ceux qui les ont induits dans le sentier du crime et de la perversité de tous genres. Grâce pour eux, cher et excellent frère, et indulgence pour nous,—c'est le voeu d'un frère qui a eu le malheur de passer la plus belle époque de sa vie et par obéissance à former une troupe qui malheureusement a tourné ses armes contre son pays natal.—Mon rôle public est fini après tout ce qui vient de m'arriver; tout commandement ne me flatte aucunement... Souffrez que je reste avec elle (la garde); leur sort sera le mien. Si toutefois vous jugez, cher et excellent frère, que je dusse la quitter, souffrez que je me retire entièrement et que je devienne absolument nul, ce que je sens de plus en plus que je le suis“. (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 1-го (13-го) января 1831 года).

²⁾ „Il est difficile de pénétrer dans l'avenir, mais en combinant humainement parlant les diverses chances, il paraît difficile qu'elle pût être pire pour nous que celle de 1830, et fasse le ciel que je ne me trompe pas. Je voudrais vous voir tranquillement établi dans votre Belvédère et tout rentré dans l'ordre, mais que de choses à faire avant que de pouvoir en venir là. Qui des deux doit périr, car il paraît que périr il faut, est-ce la Russie ou la Pologne? Décidez vous même. J'ai épuisé tous les moyens possibles pour prévenir un pareil malheur; les seuls moyens compatibles avec l'honneur et ma conscience, ces moyens sont épuisés, ou du moins rien ne peut me faire croire que l'on en veuille là bas; que me reste-t-il à faire?“ (Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 3-го (15-го) января 1831 года).

Вскорѣ въ Варшавѣ принято было рѣшеніе, довершившее разрывъ Польши съ Россією. 13-го (25-го) января 1831 года сеймъ объявилъ династію Романовыхъ лишенною польскаго престола. Такимъ образомъ сами поляки развязали руки императору Николаю, и единоборство Россіи съ Польшею стало неизбѣжнымъ. Императоръ Николай отвѣтилъ на этотъ вызовъ 25-го января (6-го февраля) манифестомъ, въ которомъ было сказано:

«13-го сего мѣсяца, среди мятежнаго протпвозаконнаго сейма, присвоивая себѣ имя представителей своего края, дерзнули провозгласить, что царствованіе наше и дома нашего прекратилось въ Польшѣ, и что тронъ, возстановленный императоромъ Александромъ, ожидаетъ иного монарха. Сіе наглое забвеніе всѣхъ правъ и клятвъ, сіе упорство въ зломысли исполнили мѣру преступленій; настало время употребить силу противъ незнающихъ раскаянія, и мы, призвавъ въ помощь Всевышняго Судію дѣлъ и намѣреній, повелѣли нашимъ вѣрнымъ войскамъ идти на мятежниковъ. Россіяне! Въ сей важный часъ, когда съ скорбіемъ отца, но съ спокойною твердостью царя, исполняющаго священнѣйшій долгъ свой, мы извлекаемъ мечъ за честь и цѣлость державы нашей, соедините усердныя мольбы свои съ нашими мольбами предъ алтаремъ Всевидящаго, Праведнаго Бога. Да благословитъ Онъ оружіе наше, для пользы и самихъ нашихъ противниковъ; да устранить скорою побѣдою препятствія въ великомъ дѣлѣ успокоенія народовъ, десницею Его намъ вѣрннхъ, и да поможетъ намъ, возвративъ Россіи мгновенно отторгнутый отъ нея мятежниками край, устроить будущую судьбу его на основаніяхъ прочныхъ, сообразныхъ съ потребностями и благомъ всей нашей имперіи, и положить на всегда конецъ враждебнымъ покушеніямъ злоумышленникомъ, мечтающихъ о раздѣленіи».

Въ день изданія манифеста, главныя силы русской арміи перешли границы Имперіи¹⁾ и вступили въ царство Польское¹⁾, а 13-го (25-го)

¹⁾ Донося императору Николаю 28-го января (9-го февраля) 1831 года изъ Высоко и Мазовецка о благополучномъ вступленіи арміи въ предѣлы царства Польскаго, графъ Дибичъ украсилъ письмо свое тяжсловѣснымъ разсужденіемъ, могущимъ служить образцомъ стилистикъ забалканскаго героя:

„L'absence totale de troupes régulières, même de tout poste d'avertissement dans un espace aussi grand et vis-à-vis nos forces concentrées paraît indiquer une grande nullité dans les mesures défensives du gouvernement qui a osé prendre sur lui la conduite de la rébellion criminelle, soutenue malheureusement par la soi-disante noblesse en presque totalité, ainsi que par le clergé, avec cette chaleur insensée qui a toujours distinguée les Sarmates des Slaves du nord et qui me paraît une suite de l'éducation faite toujours dans un sens semi-républicain-aristocratique et des séductions d'un sexe qui s'est distingué dans ce malheureux pays depuis des siècles plus encore par son immoralité et son penchant pour les intrigues politiques, et qui est mené encore par un clergé ignorant et inconséquent et plus immoral encore“.

февраля послѣдовалъ рѣшительный бой передъ Прагою при Гроховѣ, заставившій польскую армію отступить въ Варшаву съ потерей до 12.000 человекъ. Съ нашей стороны потери были также весьма велики и состояли изъ 9.400 человекъ.

Около пяти часовъ вечера графъ Дибичъ, послѣ нѣкотораго колебанія, прекратилъ бой и приказалъ войскамъ стать биваками въ одной верстѣ отъ Праги. Рѣшеніе, внезапно принятое фельдмаршаломъ, лишило его плодовъ одержанной побѣды и возможности окончить кампанію однимъ рѣшительнымъ ударомъ. А между тѣмъ дѣла противника находились не въ блистательномъ положеніи. Во время сраженія Хлопицкій былъ тяжело раненъ; удаленіе его съ поля битвы лишило польскую армію общаго управленія. Номинальный главнокомандующій Радзивиллъ совершенно растерялся, шепталъ про-себя молитвы, а на вопросы отвѣчалъ текстами изъ священнаго писанія: малодушный Шембекъ плакалъ; Уминскій ссорился съ Круковецкимъ, и изъ старшихъ строевыхъ начальниковъ одинъ Скржинецкій сохранилъ полное присутствіе духа и обнаружилъ распорядительность, содѣйствующую поддержанію нѣкотораго порядка въ потрясенной арміи¹⁾. Когда же, послѣ нашей кавалерійской атаки, среди поляковъ распространилась паника, она отразилась и на Радзивиллѣ, который ускакалъ со свитой въ Варшаву.

«Если бы Дибичъ звалъ—въ какомъ состояніи находилась польская армія»—пишетъ А. К. Пузыревскій,—«то едва-ли бы приостановился въ нанесеніи полякамъ рѣшительнаго удара. Деморализація была полная; всѣ почти стремились въ Варшаву, полагая тамъ найти убѣжище. Радзивиллъ дотого растерялся, что приказалъ очистить не только Прагу, но и пражскій тетдепонъ; только впослѣдствіи онъ отмѣнилъ это приказаніе, вернувшись и самъ въ Прагу, чтобы озаботиться отступленіемъ арміи за Вислу; Скржинецкій долженъ былъ прикрывать эту опасную операцію, которая началась въ 6 часовъ вечера; сначала должны были переправиться обозы, затѣмъ кавалерія, наконецъ пѣхота. При этомъ случаѣ обнаружилась главная невыгода Гроховской позиціи, т. е., что въ тылу ея было дефиле—единственный мостъ чрезъ Вислу. Потрясенныя части собрались къ нему въ безпорядкѣ; пѣхота, кавалерія, артиллерія, обозы—все это торопилось переправиться поскорѣе, мѣшало одно другому. Около полуночи переправа окончилась. Радзивиллъ поручилъ защиту тетдепона бригадѣ Малаховскаго, а самъ возвратился въ Варшаву.

«Жители Варшавы, слѣдившіе съ возвышеннаго берега рѣки за ходомъ сраженія, были устрашены постепеннымъ приближеніемъ гула

¹⁾ Пузыревскій: Польско-Русская война 1831 года. С.-Петербургъ 1890, т. II, стр. 106.

канонады; множество приносимыхъ съ поля сраженія раненныхъ, рассказы бѣглецовъ—все это повергло ихъ въ ужасъ и смятеніе; національная гвардія побросала мундиры и смѣшалась съ населеніемъ; не много нужно было усилій, чтобы привести городъ въ повиновеніе русскому правительству; но когда гроза притихла—всѣ постепенно успокоились, и настроеніе быстро измѣнилось»¹⁾.

Спрашивается, въ чемъ заключалась таинственная причина ранняго прекращенія боя? Почему графъ Дибичъ отказался отъ немедленнаго штурма Праги и на плечахъ непріятели не овладѣлъ мостомъ, представлявшимъ единственный путь отступленія для разбитаго непріятели, или же не выставилъ на берегу многочисленную артиллерію съ угрозой бомбардировать мятежную столицу?—Для объясненія столь страннаго образа дѣйствій фельдмаршала приводятъ разныя причины: графомъ Дибичемъ руководилъ будто ложный расчетъ, на основаніи котораго онъ полагалъ, что, разгромивъ польскую армію, Варшава покорится безъ новаго кровопролитія. Другіе утверждаютъ, что прекращеніе боя послѣдовало по настоятельному совѣту графа Толя. Бенкендорфъ приписываетъ внезапное бездѣйствіе графа Дибича неумѣстнымъ совѣтамъ цесаревича Константина Павловича и пишетъ:

«Въ Варшавѣ распространился общій ужасъ. Мостъ черезъ Вислу былъ покрытъ бѣгущими; безпорядокъ сдѣлался общимъ; мятежная столица уже видѣла себя на краю гибели и выбирала депутацію для поднесенія побѣдителю ключей и испрошенія помилованія. Еще одно усиліе, чтобы овладѣть пражскими укрѣпленіями, Варшава была бы наша, и революція окончена. Но въ эту рѣшительную минуту звѣзда фельдмаршала Дибича померкла. Онъ заколебался, велѣлъ войскамъ построиться въ колонны для атаки, повелъ ихъ, но потомъ самъ остановилъ ихъ порывъ и такимъ образомъ задержалъ побѣду, а съ нею и развязку дѣла. Онъ утратилъ свою славу и изъ экспедиціи, которой слѣдовало быть однимъ громовымъ ударомъ, брошеннымъ рукою могущественнаго владыки Россіи на слабыхъ мятежниковъ маленькаго царства Польскаго, развилъ продолжительную кровавую войну. Съ этого времени убѣдившись самъ, но уже поздно, въ неизвинительной своей ошибкѣ и тщетно искавъ ее поправить, Дибичъ потерялъ энергію и то, можетъ быть преувеличенное, довѣріе, которое питалъ къ своимъ дарованіямъ. Въ упомянутую выше минуту, когда онъ велъ свои колонны на пражскія укрѣпленія, одинъ генералъ далъ ему совѣтъ приостановить нападеніе, чтобы избѣжать кровопролитія, и онъ имѣлъ слабость его послушаться. Дибичъ никогда не хотѣлъ назвать этого генерала по имени и тайну свою унесъ въ гробъ; но на смертномъ ордѣ сказалъ графу

¹⁾ Пузыревскій, т. II, стр. 108.

Орлову: «Мнѣ дали этотъ пагубный совѣтъ; послѣдовавъ ему, я провинился передъ государемъ и Россією. Главнѣйшій командующій одинъ отвѣчаетъ за всѣ свои дѣйствія». Заслуженная Дибичемъ укоризна глубоко отозвалась въ благородномъ сердцѣ его, преданномъ государю и Россіи, и погасила его твердость и таланты. Думаютъ, что совѣтъ, оставившій карательный мечъ, поднятый имъ надъ крамольною Варшавою, принадлежалъ цесаревичу Константину Павловичу. Видъ этого города, гдѣ цесаревичъ жилъ и начальствовалъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, гдѣ образовались его связи и устроился его бракъ, гдѣ укрѣпились всѣ его привычки, видъ этого города въ минуту грозившаго ему бѣдствія могъ тронуть сердце цесаревича и внушить ему мысль о спасеніи Варшавы. Если точно имъ данъ былъ этотъ совѣтъ, то онъ понесъ жестокое наказаніе въ горестяхъ и униженіи, не перестававшихъ съ тѣхъ поръ его преслѣдовать и низведшихъ его вскорѣ въ гробъ, вдали отъ береженной имъ Варшавы»¹⁾.

Въ письмѣ къ императору Николаю, посланномъ графомъ Дибичемъ на другой день послѣ Гроховскаго сраженія, главнѣйшій командующій ничего не упоминаетъ о данномъ ему совѣтѣ и объясняетъ прекращеніе боя слѣдующимъ образомъ:

¹⁾ Записки генералъ-адъютанта Бенкендорфа были послѣ его смерти прочтаны императоромъ Николаемъ; при малѣйшемъ уклоненіи отъ истины или неточности разсказа, государь дѣлалъ на поляхъ поправки—поэтому историкъ не можетъ оставить безъ вниманія обстоятельство, что разсказъ Бенкендорфа о цесаревичѣ Константиѣ Павловичѣ не вызвалъ со стороны императора Николая ни малѣйшаго возраженія. Не служитъ ли отсутствіе всякой поправки косвеннымъ доказательствомъ справедливости и разсказа Бенкендорфа?

Въ неизданной части записокъ Эразма Ивановича Стогова разсказъ о внимательствѣ Константина Павловича въ исходѣ Гроховскаго сраженія переданъ со словъ очевидца съ нѣкоторымъ фантастическимъ оттѣнкомъ, слѣдующимъ образомъ:

„Поля у палатки были подняты, Дибичъ передъ палаткой сидитъ на барabanѣ, пригнулся къ колыямъ и грызетъ ногти правой руки, замѣтно, что онъ слышитъ каждый выстрѣлъ; штабные, адъютанты, ординарцы—всѣ разосланы. Говорили, что сраженіе къ концу, поляки разбиты. При палаткѣ Дибича оставался я одинъ. Вижу, галопомъ ѣдетъ великій князь Константинъ Павловичъ, подѣхалъ и громко сказалъ: „фельдмаршалъ! поздравляю васъ съ побѣдой!“—Дибичъ будто не видитъ, не пошевелился и продолжалъ кусать ногти. Я думаю, не хватилъ ли онъ чрезъ-чуръ. Великій князь громко говоритъ: „фельдмаршалъ, поляковъ рѣжутъ какъ барановъ! фельдмаршалъ, милосердіе!“ Дибичъ не шевелился.—Великій князь всплилъ: „фельдмаршалъ, съ вами говоритъ старшій братъ вашего государя!“ Дибичъ, точно кто ткнулъ шиломъ, быстро вскочивъ, руку къ шляпѣ и проговорилъ: что угодно приказать вашему высочеству?—„Прекратить рѣзаніе!“—Дибичъ обернулся къ съѣхавшимся штабнымъ и адъютантамъ и повелительно скомандовалъ: „отбой на всѣхъ пунктахъ“. (Записки эти находятся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины“).

«Вся линия войскъ подвинулась впередъ, и такъ какъ Грохово оказывалось занятымъ, то поляки бѣжали въ безпорядкѣ и оставили поле сраженія, покрытое трупами и усѣянное ружьями, киверами и даже косами. По приближеніи князя Шаховскаго, я построилъ его батальоны въ колонны къ атакѣ; въ это время его артиллерія подбивала полевые батареи поляковъ. Пѣхота, кавалерія—все искало спасенія въ бѣгствѣ. Но такъ какъ наступилъ вечеръ, то я не могъ штурмовать само предмѣстіе, еще вооруженное многочисленною артиллеріею. Я приказалъ прекратить огонь (j'ai fait cesser le feu); мятежники отступили къ Прагѣ, гдѣ расположились подъ прикрытіемъ орудій этого укрѣпленія; тамъ они не могли держаться и ночью очистили это предмѣстье»¹⁾.

Предмостное укрѣпленіе продолжало держаться и, по мнѣнію графа Дибича, занято было на другой день послѣ Гроховской битвы четырьмя или пятью батальонами.

Что же касается цесаревича Константина Павловича, то онъ писалъ государю 14-го (26-го) февраля: «Если бы всё оказались на своихъ мѣстахъ, какъ это слѣдовало бы ожидать, день былъ бы рѣшительнымъ и кампанія оконченной. Но Богу угодно было рѣшить иначе, и все отложено до другаго раза. Если бы князь Шаховской прибылъ бы на наше правое крыло, какъ онъ долженъ былъ сдѣлать это, никогда поляки не увидѣли бы снова Праги, но—не понимаю—произошло колебаніе. Впрочемъ, поговорка говоритъ: que sans des si et des mais, l'on met des villes dans des bouteilles»²⁾.

¹⁾ „Toute la ligne s'étant avancée et Grokhowo se trouvant occupé, les Polonais ont fui en désordre et ont abandonné le champ de bataille, convertis de morts et parsemé de fusils, de schakos et même de faux. Le prince Schakowskoy s'étant rapproché, j'ai formé ses bataillons en colonnes d'attaque; son artillerie démontait pendant ce temps les dernières batteries de campagne polonaises. Infanterie, cavalerie, tout cherchait son salut dans la fuite. Le jour étant cependant tombé je n'ai pu faire attaquer le faubourg lui-même, garni encore de nombreux canons. J'ai fait cesser le feu; les rebelles se sont retirés à Prague où se sont placés le canon de cette place; ils n'y pouvaient tenir et comme j'ai eu déjà l'honneur de le dire, ils ont évacué dans la nuit ce faubourg“.

Изъ письма графа Дибича къ императору Николаю отъ 14-го (26-го) февраля 1831 года изъ Грохова, которое начинается слѣдующимъ общимъ обзоромъ боя 13-го числа: „La journée d'hier a été sanglante et décisive. Les troupes de Votre Majesté Impériale ont battu les rebelles, les Polonais fuient derrière la Vistule; les approches de Prague avaient été occupées et le faubourg a été évacué durant la nuit, la tête de pont tient seule encore et ne peut contenir que 4 ou 5 bataillons au plus“.

²⁾ Si tout le monde s'ent trouvé à sa place, comme il y avait à prévoir, la journée eut été décisive et la campagne terminée; mais le bon Dieu en a décidé autrement et c'est pour une autre fois que la partie est remise. Si le prince Schakowskoy serait arrivé à notre aile droite, comme il devait le faire, jamais

Получивъ донесеніе о Гроховской побѣдѣ и достигнутыхъ ею отрицательныхъ результатахъ, императоръ Николай высказалъ фельдмаршалу неудовольствіе, справедливо замѣтивъ: «Почти не вѣроятно, что послѣ такого успѣха непріятель могъ спасти свою артиллерію и перейти Вислу по одному мосту. Слѣдовало ожидать, что онъ потеряетъ значительную часть своей артиллеріи и что произойдетъ вторая Березинская переправа ¹⁾. И такъ, потеря 8.000 человекъ и никакого результата,

les Polonais n'eussent revu Prague, mais je ne sais, il y a eu hésitation. Au reste le proverbe dit que sans des si et des mais, l'on met des villes dans des bouteilles". (Изъ письма цесаревича къ императору Николаю отъ 14-го (26-го) февраля 1831 года).

¹⁾ „C'est hier à 3 heures qu'est arrivé Boudberg porteur de votre lettre du 14 (26). Je bénis Dieu pour le succès qu'il a daigné nous accorder; la bravoure de nos excellentes troupes ne saurait me surprendre, je ne m'étonnerais que du contraire. Mais je vous avoue, mon cher ami, que je m'attendais à de plus grands résultats, et surtout plus décisifs, vu l'immense supériorité de nos forces et les autres avantages que la position nous offrait. Il est presque incroyable qu'après de telles chances, l'ennemi ait pu sauver toute son artillerie et repasser en entier la Vistule sur un seul pont. L'on pouvait au moins s'attendre à lui voir perdre une grande partie de son artillerie et voir répéter un second Bérézina. Maintenant c'est partie remise. Il faut le dire que le bon Dieu l'a voulu ainsi et s'y résigner, en continuant cette guerre odieuse avec toute la vigueur possible“.

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 21-го февраля (5-го марта) 1831 года. Въ томъ же письмѣ, государь снабдилъ фельдмаршала слѣдующими наставленіями на случай слачи Варшавы:

„Reste enfin la supposition d'une reddition; elle ne doit être qu'à discrétion. Vous ferez dans ce cas arrêter tous les grands coupables, en faisant amnistie à la мелочь; j'appelle grands coupables les fauteurs de l'attaque contre Belvédère et les assassins, les membres du gouvernement illégal et sur tout Tchartorisky et Lélével, et autres faquins semblables. Vous établirez dans la ville telle administration que vous trouverez convenable pour le moment. Je vous autorise de transformer le château royal en hôpital militaire, en ne respectant que le cabinet de feu l'Empereur. Tous les objets, tels que l'uniforme de l'Empereur et autres objets qui lui ont appartenus, me seront envoyés sur le champ. Les objets royaux comme trône etc. devront être mis en lieux de sûreté et scellés jusqu'à nouvel ordre. Vous ferez de même mettre les scellés sur la bibliothèque de l'université et celle de la société des belles-lettres. Les canons de Varna devront être enlevés et envoyés à Dunabourg. Du reste la plus exacte discipline, le moins de troupes possible en ville et l'indispensable en casernes. Le mieux serait de confier la garde de la ville à la Garde, qui y possède ses établissemens et ses habitudes“.

Въ письмѣ отъ 4-го (16-го) марта 1831 года, государь снова возвращается къ этому предмету и пишетъ:

„Ma lettre précédente vous a délié les bras et mis au fait de mes résolutions irrévocables: 1) Soumission complète. 2) Amnistie pour tous hors les grands coupables, et rien de plus; il s'entend que je conserverais au pays ses lois d'administration, mais rien d'engagemens constitutionnels

развѣ только тотъ, что непріятель потерялъ по малой мѣрѣ то же число людей. Это очень, очень прискорбно! но да будетъ воля Божія!»¹⁾

Но какъ бы то ни было, графъ Дибичъ не сумѣлъ воспользоваться психологическимъ моментомъ и потому несетъ передъ потомствомъ отвѣтственность за недовѣршеніе побѣды подъ Гроховымъ, а въ слѣдствіе сего за семи-мѣсячную отсрочку въ покореніи царства Польскаго²⁾. Поляки опомнились въ-время; князь Радзивиллъ отказался отъ

et surtout de conditions de soumission. Plus que l'on tardera à se soumettre et plus que l'on aura versé de sang et moins l'on pourra espérer d'indépendance*.

¹⁾ „Ainsi 8.000 hommes hors de combat, et excepté une perte pour le moins égale en hommes chez l'ennemi, aucun autre résultat! C'est bien fâcheux. Mais que la volonté de Dieu se fasse!“ (Изъ письма императора Николая графу Дибичу отъ 24-го февраля (8-го марта) 1831 года).

²⁾ Въ письмѣ отъ 8-го (20-го) февраля 1831 года, императоръ Николай писалъ между прочимъ графу Дибичу:

„D'après ce que vous me dites, je vous crois maintenant devant Varsovie, mais je me demande ce que vous y ferez? Une fois que l'ennemi a su se refuser à un combat en rase campagne, où le nombre vous assurait un avantage probable et qu'il se sera renfermé dans les retranchements, quel avantage aurez-vous? Voulez vous faire le second volume de l'assaut de Praga? Je n'y vois rien d'avantageux? ainsi que reste-t-il à faire? Il me paraît, comme je vous l'ai toujours dit qu'en tournant Varsovie et en l'isolant ainsi de tous les moyens physiques et moraux, c'est à dire en la privant par là de ses relations avec l'Europe, vous forcerez probablement l'armée à sortir et venir vous offrir le combat où toute chance de succès est pour vous et cette armée tombée, détruite, Varsovie est à vous et par conséquent la Pologne soumise“.

Приведенныя строки изъ письма государя подали поводъ къ ошибочному заключенію, будто бы императоръ Николай, не одобряя повтореніе Суворовскаго штурма, вызвалъ бездѣйствіе графа Дибича послѣ Гроховской побѣды. Письмо государя написано при томъ очевидномъ предположеніи, что поляки въ виду наступающей русской арміи откажутся отъ намѣренія принять сраженіе въ открытомъ полѣ впереди Праги; сверхъ того упомянутое здѣсь письмо получено было графомъ Дибичемъ 14-го (26-го) февраля, на другой день послѣ Гроховскаго сраженія, въ то время, когда фельдмаршалъ собирался послать въ Петербургъ донесеніе о происшедшемъ наканунѣ боѣ; слѣдовательно, письмо государя, даже ложно понятое, не могло повліять на несвоевременный отбой, данный, по приказанію главнокомандующаго, вечеромъ 13-го (25-го) февраля.

Графъ Дибичъ пишетъ государю 14-го (26-го) февраля:

„C'est au moment ou je voulais envoyer le Colonel Boudberg avec la nouvelle de la sanglante bataille d'hier, qui après des chances quelque fois presque douteuses par le retard du détachement du prince Schachoffskoi à reprendre l'offensive, a eu pour résultat décisif la retraite de l'armée rebelle dans un état bien dérangé au delà de la Vistule, que j'ai eu le bonheur de recevoir avec une grande célérité la lettre de Votre Majesté Impériale du 8 Février“.

Дѣйствительно, письмо императора Николая отъ 8-го (20-го) февраля.

званія главнокомандующаго, и вмѣсто него избранъ былъ Скржинецкій, который немедленно принялся за реорганизацію арміи. Измѣнившаяся обстановка препятствовала графу Дибичу исправить ошибку, сдѣланную 13-го февраля; а затѣмъ предстоящее вскрытіе Вислы не позволяло и думать о переправѣ на лѣвый берегъ. Оставалось только расположить армію по квартирамъ. Съ этого времени для злополучнаго фельдмаршала начался печальный періодъ колебаній, дѣйствій оцупью и нелѣпыхъ предначертаній, между тѣмъ какъ инициатива дѣйствій всецѣло перешла на сторону поляковъ, которые воспользовались ею не безъ успѣха. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ Ф. П. Опочинину 13-го (25-го) марта изъ Бѣлостока: «Военныя наши дѣйствія не заключаютъ, какъ ихъ ни рассказывай, доселѣ ничего рѣшительнаго и, по моему глупому смыслу, поляки имѣютъ доселѣ initiative дѣйствій надъ нами. У насъ войска на бумагѣ бездна и, какъ говорится, чортова пропасть, а на дѣлѣ взять—вездѣ такой некомплектъ, что ей-ей страшно». По мнѣнію Дениса Давыдова: «Дибичъ былъ человекъ умный, это безспорно, но умъ, подобно безумію, имѣетъ многія степени. Умъ Дибича далеко не былъ необыкновеннымъ. Кажется, что ему была бы по плечу какая-нибудь войнишка съ какимъ-нибудь Гессенскимъ курфирстомъ, но врядъ-ли онъ могъ управиться даже съ королемъ Саксонскимъ.—Мантія полководца была не по росту Дибичу».—Скржинецкій и его сотрудники олицетворяли собою образъ того фантастическаго Саксонскаго короля, созданнаго воображеніемъ Давыдова, который долженъ былъ низвести Забалканскаго героя на степень прежняго ничтожества! Въ этой печальной истинѣ пришлось, къ сожалѣнію, убѣдиться постепенно самому императору Николаю, и къ тому же въ войнѣ, отъ которой, по мѣткому выраженію государя, зависѣло: политическое бытіе Россіи.

Николай Павловичъ высказалъ эту мысль въ письмѣ отъ 2-го (14-го) апрѣля, сопровождая её слѣдующими разсужденіями:

«Да будетъ воля Божія! Я ей покоряюсь; но, однако, мнѣ позволено будетъ выразить вамъ мое изумленіе и мою скорбь, что въ теченіе всей этой несчастной войны, вы извѣщаете меня больше о пораженіяхъ,

---

снабженное еще принскою отъ 9-го (21-го) февраля, доставлено было графу Дибичу съ необычайною скоростью, пробывъ въ дорогѣ всего шесть дней. Отвѣтъ же главнокомандующаго полученъ былъ государемъ только по прошествіи восьми дней, т. е. 20-го февраля (4-го марта).

Замѣтимъ здѣсь, что императоръ Николай былъ вообще того мнѣнія, что драма, разыгравшаяся въ Польшѣ, должна быть окончена рѣшительнымъ ударомъ, и писалъ графу Дибичу 17-го февраля (1-го марта) 1831 года, еще до полученія донесенія о Гроховскомъ сраженіи: „Il est temps que ce drame finisse d'une manière éclatante“.

чѣмъ о счастливыхъ дѣлахъ, что, имѣя, согласно вашему рапорту, 189.000 человекъ подъ ружьемъ, мы ничего не предпринимаемъ противъ, приблизительно, 80.000 человекъ и что непріятель встрѣчаетъ насъ повсюду, по меньшей мѣрѣ, въ равномъ числѣ, мы же почти всегда дѣйствуемъ малыми силами.... Безпокойство мое не поддается описанію, потому что во всѣхъ вашихъ распоряженіяхъ я не вижу ничего могущаго обѣщать успѣхъ и наконецъ обезпечить за вами исходъ кампаніи, такъ какъ я не усматриваю въ вашихъ собственныхъ мысляхъ ничего опредѣленнаго (je ne vois enfin rien de fixe dans vos propres idées).... Не удивляйтесь поэтому, что я удрученъ оборотомъ, который приняла правая война, начатая съ огромными средствами, и, скажемъ прямо, отъ которой зависитъ политическое бытіе Россіи,—все это держится вашей головою! Что же я могу сдѣлать на такомъ разстояніи другаго, какъ не скорбѣть послѣ совершившагося факта и не проповѣдывать постоянно одно и то же? Докажите мнѣ, что я ошибаюсь, и я буду счастливъ въ этомъ; но я не брежу, я говорю на основаніи фактовъ.... Не обижайтесь сказаннымъ мною, оно причлещуется тому, который одинъ имѣетъ право говорить вамъ правду и который васъ искренно любитъ, хотя и не всегда одобряетъ ваши измѣнчивыя рѣшенія (vos déterminations trop peu stables). Да вдохновитъ васъ Богъ*).

Въ послѣдовавшихъ затѣмъ письмахъ императоръ Николай писалъ Дибичу:

«Суворовъ. умѣлъ бить поляковъ съ малымъ числомъ людей».—Я не

*) Que la volonté de Dieu soit faite! et je m'y résigne; mais il m'est très permis de vous exprimer ma surprise et ma douleur de ce que dans cette malheureuse guerre vous m'annoncez bien plus d'échecs que de bonnes nouvelles; qu'avec 189.000 hommes dans votre rapport, nous ne faisons rien devant à peu près 80.000; que l'ennemi est partout en nombre pour le moins égal, et nous partout presque toujours en forces inférieures et insuffisantes... Mon inquiétude ne peut se décrire, par ce que je ne vois rien dans toutes vos dispositions, qui puisse faire présager un succès, qui puisse enfin vous assurer l'issue de la campagne, parceque je ne vois enfin rien de fixe dans vos propres idées... Ne vous étonnez pas alors que je sois navré de la tournure qu'a prise une guerre juste, commencée avec des moyens immenses et tranchons le terme, dont dépend l'existence politique de la Russie,—tout cela repose sur votre tête! Que puis-je moi dans cet éloignement si non me désoler après coup et prêcher toujours la même chose. Prouvez moi que je me trompe et j'en serais heureux; mais je ne rêve pas, je parle sur des faits... Ne vous offendez pas de mon langage, il est celui qui convient à celui qui seul a le droit de vous parler vrai, et qui vous aime sincèrement malgré qu'il n'approuve pas toujours vos déterminations trop peu stables. Que le bon Dieu vous inspire". (Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 2-го (14-го) апрѣля 1831 года.

*) „Suvoroff savait battre les Polonais avec peu de monde“. (Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 5-го (17-го) апрѣля 1831 года).

отчаяваюсь и не буду ни въ чемъ отчаяваться. Русскіе не могутъ бытъ постоянно побѣждаемы поляками; въ томъ порукою вѣка. Богъ поможетъ намъ снова сіе доказать. Итакъ мужество, твердость; обладайте ею сами и вселите ее въ души тѣхъ, которые могли бы колебаться; съ нами Богъ, и все можетъ еще поправиться» ¹⁾. Правду сказать, я не знаю болѣе ни того, что вы дѣлаете, ни того, что происходитъ въ васъ, и готовъ поспорить, что этого не пойметъ кто бы то ни было.... Ваша постоянная нерѣшительность, марши и контръ-марши могутъ только истощать и убивать армію; она должна потерять всякое довѣріе къ своему вождю, когда она не видитъ другаго результата своихъ бесполезныхъ усилій, какъ нужду и смерть!.... Ради Бога не теряйте времени, будьте тверды въ своихъ рѣшеніяхъ, не колеблитесь постоянно и постарайтесь смѣлымъ и блестящимъ подвигомъ доказать Европѣ, что русская армія неизмѣнно та же, какою дважды она была въ Парижѣ. Плачевное воздѣйствіе этой несчастной кампаніи на нашихъ друзей—хуже, чѣмъ можно представить себѣ это. Все можетъ быть исправлено, если, въ концѣ концовъ, вы снова станете тѣмъ, чѣмъ вы были. Постоянство, сила, непоколебимая твердость и поболѣе дѣятельности и порядка, съ Божіею помощію, снова приведутъ насъ къ днямъ славы. Русскій народъ, а вмѣстѣ съ нимъ и я не можемъ понять, чтобы его армію нельзя было вести къ побѣдѣ, когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы повести русскихъ сражаться съ поляками. Нужно снова доказать ему это, и съ Божіею помощію мы достигнемъ этого» ²⁾.

---

¹⁾ „Que Sa sainte volonté soit faite! Je suis prêt et résigné à tout. Je prends de grands moyens, mais ne désespère, ni ne désespérerais de rien. Des Russes ne peuvent pas être toujours vaincus par les Polonais; les siècles sont là pour le prouver. Dieu nous aidera pour le prouver encore. Courage donc, fermeté; ayez en vous-même et sachez la faire passer dans l'âme de ceux qui pourraient faiblir, сь нами Богъ et tout pourra se remettre“. (Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) апрѣля 1831 года).

Въ такомъ же духѣ государь писалъ 13-го (25-го) апрѣля 1831 года: „Il ne faut pas ni se laisser abattre par un grand revers, ni surtout laisser voir aux autres ce que l'on éprouve et faire ainsi tomber l'esprit de l'armée. Dites positivement à tous, officiers et soldats, que j'attends la nouvelle d'une victoire, que les Russes doivent toujours finir par battre les Polonais, et que je ne croirais jamais le contraire. Il faut les conduire et vous le saurez faire je n'en doute pas avec l'espoir que nous mettons en Dieu, tous tant que nous sommes... Constance et persévérance et tout ira bien et à bonne fin“.

²⁾ „En vérité je ne sais plus ce que vous faites ni ce qui se passe en vous et je défie qui que ce soit de le comprendre... Tout cela est réellement inexplicable—et fort triste et pour ici et pour l'armée, que vos continuelles irrésolutions, marches et contre-marches ne font qu'épuiser et abattre; elle doit perdre toute confiance en son chef, quand elle ne voit d'autre résultat de ses efforts inutiles que la misère et la mort!.. Au nom de Dieu, ne perdez pas de temps,

« Я ничего не понимаю ни во всемъ томъ, что происходитъ, ни въ вашихъ намѣреніяхъ, и съ покорностью волю Божьей ожидаю того, что Ему въ Его милосердіи будетъ угодно сотворить изъ всего этого. Вѣдь это въ первый разъ, что русская армія въ составѣ, по словамъ вашего же собственнаго рапорта, 89.000 человекъ оказывается въ оборонительномъ положеніи противъ мятежниковъ численностью отъ 40.000 до 50.000 человекъ. Суворовъ, располагая вдвое меньшими силами, чѣмъ у непріятеля, умѣлъ побѣждать его, потому что онъ умѣлъ внушать русскому солдату, что онъ долженъ постоянно побѣждать двухъ непріятелей; я опасаясь, чтобы вскорѣ армія не утратила этого преданія и не увѣровала бы въ противное.—*Tout cela est pitoyable*», прибавилъ государь ¹⁾).

Приведенныя здѣсь выписки изъ писемъ императора Николая въ достаточной мѣрѣ выясняютъ плачевное положеніе дѣлъ въ дѣйствующей арміи въ 1831 году и отношеніе къ нимъ государя. Затруднительность нашего положенія усиливалась еще появленіемъ въ рядахъ нашей арміи холеры и возстаніемъ въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ, затруднявшимъ сообщенія съ арміею и самое продовольствованіе ея. Пришлось организовать резервную армію, начальство надъ которой ввѣрено было графу П. А. Толстому. Наконецъ графъ Дибичъ пришелъ къ печальному заключенію, что русская армія не въ силахъ побороть польскую революцію и что для сего потребуются содѣйствіе народнаго ополченія ²⁾). Всѣ эти обстоятельства побудили императора Николая 5-го

soyez ferme dans vos résolutions ne tergiversez pas continuellement, et tâchez par une action brillante et hardie de prouver à l'Europe que l'armée russe est toujours celle qui a été deux fois à Paris. L'effet détestable de cette malheureuse campagne sur nos ennemis et même sur nos amis est pire que l'on ne peut se l'imaginer. Tout peut être réparé, si à la fin des fins vous redevenez ce que vous avez été. Constance, force et fermeté inébranlable et plus d'activité et d'ordre nous ramèneront avec l'aide de Dieu à des journées de gloire. La nation russe ne peut comprendre et moi avec, que ses armées ne soient pas menées à la victoire, quand il s'agit de mener des Russes combattre des Polonais. Il faut le lui prouver de rechef, et avec l'aide de Dieu, nous y arriverons».

¹⁾ Je ne comprends rien à tout ce qui se passe ni à vos intentions, et j'attends avec soumission aux volontés de Dieu ce qu'il voudra dans sa miséricorde faire dériver de tout cela. C'est la première fois qu'une armée russe forte d'après votre propre rapport de 89.000 combattants, se trouve sur la défensive devant 40.000 à 50.000 révoltés. Souvoroff avec la moitié des forces de l'ennemi savait le battre par ce qu'il savait persuader aux soldats russes qu'ils devaient battre toujours deux ennemis; je crains que bientôt l'armée n'en perde la tradition et ne croie le contraire». (Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу 27-го апрѣля (9-го мая) 1831 г.).

²⁾ Въ письмѣ къ императору Николаю отъ 2-го (14-го) апрѣля графъ Дибичъ пишетъ:

(17-го) апрѣля вызвать изъ Тифлиса фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго.

„En général il est certain qu'il faut les plus grands moyens pour dompter cette révolution et qu'il faudra employer contre l'incendie dans nos provinces même toutes les forces militaires et même nationales de la Russie. Je répète que c'est le plus cruel malheur pour moi d'avoir si mal répondu par les opérations de l'armée aux justes espérances de Votre Majesté Impériale. Je prie Dieu de vouloir me donner les forces pour ne pas succomber à l'abatement du chagrin profond qui me dévore et de m'inspirer les moyens pour rétablir autant que possible les malheurs essayés“.

Всего болѣе долженъ былъ беспокоить императора Николая полнѣйшій упадокъ духа, замѣченный имъ въ фельдмаршалѣ. Объ этомъ свидѣлствуетъ письмо графа Дибича отъ 12-го (24-го) апрѣля 1831 года:

„Que je serais heureux de pouvoir réparer le passé au moins en partie, mais je ne serais pas digne de vous servir, Sire, si je ne vous avouerais pas avec franchise, que je sens avoir baissé sensiblement dans mes facultés morales et physiques, et que malgré toute la peine que je me donne pour reprendre mes anciens sentiments de confiance dans le succès, les revers continuels et surtout la non réussite de toutes les opérations que j'ai cru pouvoir mener à un but heureux avec les forces principales m'ont inspiré une espèce de timidité morale qui m'a été inconnue autrefois dans les plus grands revers et qui d'après moi est un des plus grands défauts d'un commandant en chef. Je ferai tout mon possible pour vaincre ce malheureux sentiment; les conseils du brave Toll m'aideront en cela, mais je repète que je craindrais de manquer à mon devoir si je n'exprimais pas devant Votre Majesté mes appréhensions, d'autant plus qu'une faiblesse toujours augmentante de nerfs, irrités par des effets moraux, pourra augmenter le mal. Votre Majesté connaît mon dévouement entier à remplir exactement ses volontés, j'espère qu'elle est aussi persuadée que je sacrifie avec plaisir toute personnalité et tout amour propre, si elle trouvait un chef plus digne que moi pour commander ses armées, et qu'elle l'est aussi de mes sentiments que je suis dans tous les temps, et partout à ses ordres, sans bornes et sans limites“.

Спрашивается, что же можно было ожидать отъ полководца, утратившаго всякую вѣру въ свои собственные предначертанія, который самъ произнесъ надъ собою приговоръ, выраженный въ приведенныхъ выше строкахъ, и, будучи удрученъ постоянными неудачами, называлъ себя: „le plus malheureux des hommes“?

Графъ Толъ находился не въ лучшемъ положеніи; о немъ фельдмаршалъ писалъ 4-го (16-го) мая 1831 года:

„Il y a dans plusieurs chefs et surtout dans ceux que l'âge et les fatigues de tant de guerres ont vieilli, une certaine fatigue, suite d'une rude campagne d'hiver et dont le succès n'a pas répondu aux espérances qu'on s'était formé. Je ne m'exclus pas de ce nombre, Sire, malgré toutes les peines que je me donne et mon moral est encore plus abattu que mon physique. Le mécontentement de Votre Majesté Impériale exprimé d'une manière aussi douloureuse pour moi,

XIV.

Когда дѣйствующая армія перешла границу царства Польскаго началась междоусобная война, императоръ Николай задалъ себѣ вопросъ, что же слѣдуетъ дѣлать послѣ вторичнаго покоренія возставшей страны

m'abat encore tous les jours davantage. Je prie Dieu qu'Il veuille bien me donner des nouvelles forces et je cherche à employer celles qui me restent aussi bien que je l'entends, mais je sens bien qu'elles ne répondent pas à mes vœux et je serais coupable si je ne répétais pas cette malheureuse conviction à votre Majesté. En vertu d'elle je n'aurais pas hésité un moment de supplier Votre Majesté de permettre que je remette les hauts intérêts qu'elle a daigné me confier au comte Toll, mais malheureusement il sent aussi ses forces décliner et m'a formellement déclaré qu'il ne pourrait jamais accepter le commandement de l'armée; si donc Votre Majesté n'a pas d'autre en vue, je ne puis que me fier à la grâce de Dieu qu'Il m'inspirera mieux dans le sens de vos augustes intentions et dans vos intérêts, Sire, et qu'Il voudra dans Sa miséricorde suprême augmenter mes forces et me laisser surpasser avec résignation les cruelles épreuves, pour pouvoir recouvrir votre confiance“.

Упадокъ силъ, замѣченный главнокомандующимъ въ графѣ Толлѣ, побудилъ 11-го (23-го) мая 1831 года фельдмаршала написать о немъ государю еще слѣдующія строки:

„Malheureusement ma triste situation est encore bien empirée par le changement visible qui s'est opéré dans l'état physique de mes premiers et fidèles aides Toll et Neidhart. Les fatigues énormes de la campagne d'hiver et l'âge, qui ne permet pas de supporter pareille chose, les a rendu méconnaissables et tout les deux viennent encore me répéter aujourd'hui leur ferme persuasion qu'il leur est impossible de remplir leurs fonctions avec cette activité que les circonstances actuelles demandent si sérieusement et qu'ils ont au moins besoin d'un repos, après lequel le premier se fera un devoir de revenir à l'armée comme chef de corps, le second sera disponible pour le poste que Votre Majesté Impériale lui destinera.

„Je ne puis pas leur refuser de présenter cette persuasion à Votre Majesté; je vous ai fait mes aveux sur le même article depuis assez longtemps, Sire, mais si Votre Majesté Impériale malgré cela et la fatalité dont la Providence divine paraît vouloir punir toutes mes entreprises, veut cependant me conserver dans mon poste, j'espère comme toujours dans l'aide de Dieu de trouver des forces, et dans ce cas je ne pourrai demander que Gortchakoff et Berg à la place de Toll et de Neidhart. Ayant exposé cette conviction à Votre Majesté en serviteur malheureux mais fidèle, il me reste à répéter avec la même franchise, que j'ai la persuasion qui peut être fausse comme tant de mes suppositions l'ont été, mais que je crois jusqu'à présent vraie, que même le passage de la Vistule ne donnera pas une souveraine décision aux affaires, tant que les insurgés ne sont pas comprimés dans nos provinces“.

На это заявленіе императоръ Николай отвѣчалъ 23-го мая (4-го іюня) 1831 года:

„Je ne vous réponds rien au sujet de ce que vous m'avez écrit au nom de Toll et Neidhard, quoique j'ai peine à croire qu'ils vous aient chargé de me demander à s'en aller dans le moment le plus décisif de la guerre. Si à

и какимъ образомъ удовлетворить интересы Россіи въ этомъ сложномъ политическомъ дѣлѣ. Первоначальныя мысли свои по этому вопросу государь изложилъ въ собственноручной запискѣ, въ которой, подъ впечатлѣніемъ огорченія, вызваннаго недавними событіями, онъ пришелъ къ совершенно неожиданному заключенію, что Россія не имѣетъ никакого интереса владѣть провинціями, неблагодарность которыхъ обнаружилась столь очевиднымъ образомъ. Поставивъ вопросъ такимъ образомъ, государь остановился на мысли новаго раздѣла Польши между Россією, Австрією и Пруссією.

Приведемъ здѣсь содержаніе записки императора Николая.

«Польша постоянно была соперницей и самымъ непримиримымъ врагомъ Россіи,—пишетъ государь.—Это наглядно вытекаетъ изъ событий, приведшихъ къ нашествію 1812 года, и во время этой кампаніи

leur honte c'est le cas, alors je dis hardiment qu'ils ne sont plus dignes de porter l'uniforme russe; l'on meurt à son poste, mais on ne le quitte pas, et c'est vous qui auriez dû le leur dire“.

Вообще въ то время государь былъ недоволенъ штабомъ графа Дибича и писалъ главнокомандующему 2-го (14-го) мая:

„En attendant il m'est revenu que Toll s'est permis de donner un soufflet à un officier polonais prisonnier; je vous laisse à penser l'effet qu'une pareille cochonnerie a produit sur moi. Je vous prie de lui dire que je suis étonné de ce qu'un aide de camp général à moi aie osé se souiller au point de faire chose pareille“.

Еще ранѣе, 22-го апрѣля (4-го мая) государь писалъ: „Je dois à cette occasion vous dire que toutes les notions qui nous arrivent de l'armée s'accordent à dire que l'on se plaint généralement de la grossièreté de Toll qui l'est surtout envers les généraux“.

Графъ Дибичъ на послѣднее обвиненіе отвѣчалъ 30-го апрѣля (12-го мая):

„J'ai parlé à Toll de ce que Votre Majesté Impériale m'écrit sur son compte; il a été extrêmement sensible et peiné d'un pareil reproche qu'on lui fait, ne se rappelant positivement pas d'avoir dit des grossièretés à aucun général, tout en ayant souvent fortement exigé l'exécution des ordres donnés. Il supplie de lui citer un fait pour pouvoir s'en rappeler et être plus sur ses gardes, ou se laver du reproche s'il serait injuste“.

Относительно пощечины, данной графомъ Толемъ, въ перепискѣ графа Дибича не встрѣчается никакихъ разъясненій.

Но если графъ Дибичъ, до известной степени, отстаивалъ въ глазахъ государя своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, графа Толя и Нейдгарта, то онъ съ другой стороны съ полною бевпошадностью обвинялъ большинство генераловъ своей арміи въ неспособности и отсутствіи соображеній. Такъ, напримѣръ, главнокомандующій неодобрительно отзывался о генераль-адъютантѣ баронѣ Розенѣ, равно какъ о графѣ Паленѣ 2-мъ; князя Щербатова признавалъ: „une nullité des plus tristes pour toute disposition militaire“; одинъ графъ Паленъ 1-й удостоился особенной похвалы; но и тому фельд-маршалъ желалъ побольше здоровья. Вообще же графъ Дибичъ, въ письмѣ

опять-таки поляки, болѣе ожесточенные, чѣмъ всѣ прочіе участники этой войны, совершили болѣе всего злодѣйствъ изъ тѣхъ же побужденій ненависти и мести, которыя одушевляли ихъ во всѣхъ войнахъ съ Россією. Но Богъ благословилъ наше святое дѣло, и наши войска завоевали Польшу. Это неоспоримый фактъ. Въ 1815 году Польша была отдана Россіи по праву завоеванія. Императоръ Александръ полагалъ, что онъ обезпечилъ интересы Россіи, возсоздавъ Польшу, какъ составную часть Имперіи, но съ титуломъ королевства, особою администраціею и собственною арміею. Онъ даровалъ ей конституцію, установившую ея будущее устройство, и заплатилъ такимъ образомъ добровольнымъ благодареніемъ за все зло, которое Польша не переставала причинять Россіи. Это было местию чудной души (*C'était la vengeance d'une belle âme*). Но цѣль императора Александра была ли достигнута?»

отъ 27 го апрѣля (9-го мая), прознесъ надъ своими сотрудниками слѣдующій безошадный приговоръ:

„Dans plusieurs de mes rapports précédents j'ai eu occasion de soumettre à Votre Majesté toute la gêne que m'impose constamment le manque d'aides capables de bien diriger une opération ou un commandement isolé. Parmi mes généraux, sans en excepter même les chefs de corps, la grande majorité remplie de bravoure personnelle et même de très bonne volonté, se trouve dénuée soit de moyens, soit de l'habitude de toute disposition et surtout de toute combinaison militaires. Une fois soumis à une direction supérieure ils pensent que leur devoir se borne uniquement à obéir et exécuter; pour tout objet soit grave soit peu important ils attendent des ordres, sans même les demander, et toute mesure, tout détail que les instances du chef n'auraient point prévus restent négligés. C'est ainsi que parvenus eux-mêmes à un commandement isolé, ils se trouvent manquer de l'aplomb et de l'expérience nécessaires pour le mener habilement, surtout au milieu de circonstances un peu graves ou compliquées. Une semblable gêne m'est principalement pénible au milieu de la guerre actuelle, lorsque le système dont l'ennemi a fait choix, son extrême activité, la hardiesse de ses partis et tous ses efforts pour attiser une guerre nationale m'obligent impérieusement à détacher des troupes tantôt pour maintenir nos communications, tantôt pour défendre quelque point menacé sur l'immense étendue que nous avons à couvrir, ou bien pour escorter nos convois et préserver nos dépôts et nos hôpitaux, ou enfin pour étouffer quelques germes de rébellion naissante. Dans toutes ces opérations secondaires j'ai pu jusqu'à présent soit trouver quelques officiers actifs parmi les plus jeunes des généraux, soit remédier à l'inhabileté du chef par un surcroît de forces à sa troupe. Tel ne pourrait plus être le cas dans une combinaison stratégique; là je me trouve limité pour le choix d'un chef détaché aux seuls commandants des corps, et la force numérique elle-même ne saurait remédier à l'impéritie du commandant ou au manque de vigilance“.

Много лѣтъ спустя императору Николаю пришлось вторично услышать нѣчто подобное въ 1854 году, но при несравненно болѣе тягостныхъ политическихъ и военныхъ обстоятельствахъ—когда князь Меншиковъ началъ жаловаться на своихъ крымскихъ сотрудников!

*

«Я сказалъ выше, что главная цѣль заключалась въ обезпеченіи интересовъ Россіи путемъ возсозданія Польши, счастливой и процвѣтающей подъ покровительствомъ и благодаря связи съ Россіей. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что эта маленькая страна, разоренная, ослабленная непрерывными войнами, напряженіемъ, вызывавшимся цѣлымъ рядомъ революцій, частымъ переходомъ изъ однихъ рукъ въ другія, въ пятнадцатилѣтній промежутокъ времени достигла замѣчательнаго благосостоянія; ея финансовыя средства оказались не только достаточными для удовлетворенія потребностей страны, но послужили еще для образованія наличнаго фонда казначейства, пригодившагося въ теченіе почти года, для покрытія всѣхъ нуждъ настоящей борьбы. Наконецъ, армія, созданная по образцу арміи Имперіи, снабженная всѣмъ и богато надѣленная запасами въ арсеналахъ, безъ всякаго обремененія страны, достигшая рѣдкаго совершенства, оказалась въ состояніи послужить кадрами для 100.000 человекъ. Что же хорошаго вышло изъ этого для Имперіи? Огромныя жертвы, хотя и не выдѣленные особо изъ того, что было сдѣлано въ 1813 и 1814 годахъ, были принесены для осуществленія завоеванія ея; другія столь же значительныя жертвы были принесены въ послѣдующія 15 лѣтъ, частью для содержанія и снаряженія арміи, частью для вооруженія крѣпостей и обременительнаго содержанія ядра войскъ, служившихъ ей инструкторами.

«Имперія, въ ущербъ своей собственной промышленности, была наводнена польскими произведеніями; однимъ словомъ, Имперія несла всѣ тягости своего новаго пріобрѣтенія, не извлекая изъ него никакихъ иныхъ преимуществъ, кромѣ нравственнаго удовлетворенія отъ пріавленія лишняго титула къ титуламъ своего государя. Но вредъ былъ дѣйствительный. Прежнія польскія провинціи, видя, какъ ихъ соотечественники пользуются вблизи ихъ всѣми правами самостоятельнаго народа, которыми они даже злоупотребляютъ, болѣе чѣмъ когда-либо стали задумываться надъ тѣмъ, какъ ускользнуть отъ владычества Имперіи. Поэтому оказалось, что, при первой же искрѣ, эти провинціи готовы были возстать и, какъ слѣдствіе этого, самымъ пагубнымъ образомъ повліяли на дѣйствія арміи. Другое еще болѣе существенное зло заключалось въ существованіи передъ глазами порядка вещей, согласно съ современными идеями, почти не осуществимаго въ королевствѣ, а, слѣдовательно, невозможнаго въ Имперіи. Зародившіяся надежды нанесли страшный ударъ уваженію власти и общественному порядку и впервые привели къ несчастнымъ послѣдствіямъ, открытымъ въ концѣ 1825 года. Разъ ударъ былъ нанесенъ, примѣръ поданъ, трудно предположить, чтобы во время всеобщихъ волненій и смуть эти идеи не продолжали развиваться, несмотря на доказанную ихъ призрачность

и опасныя послѣдствія. Однимъ словомъ, это являлось разрушеніемъ того, что составляло силу Имперіи, то-есть убѣжденія, что она можетъ быть велика и могущественна лишь при монархическомъ образѣ правленія и самодержавномъ государѣ. То, что было ложно въ основаніи, не могло продержаться долго. При первомъ же толчкѣ, зданіе рухнуло. Такъ какъ интересы различно понимались въ обѣихъ странахъ, то отсюда проявилось разногласіе въ воззрѣніяхъ на жизненный вопросъ: какимъ образомъ разсматривать и судить преступленія противъ безопасности государства и особы государя. То, что признавалось какъ преступленіе въ Имперіи, было оправдано и даже нашло защитниковъ въ королевствѣ. Вслѣдствіе всего этого создались непреодолимыя затрудненія, настроеніе умовъ обострилось, поляки укрѣпились въ своемъ намѣреніи избавиться отъ русскаго владычества и, наконецъ, довели дѣло до катастрофы 1830 года.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ средства примиренія, совмѣстимыя съ достоинствомъ Россіи, были снова испробованы, но напрасно. Присяга была повсюду нарушена, измѣна сдѣлалась общею, и всякая возможность соглашенія исчезла. Тогда-то были двинуты русскія войска. Они шли, чтобы отомстить за свою народную честь, оскорбленную самою черною неблагодарностію въ томъ, что она представляетъ наиболѣе священнаго. Всевозможныя неслыханныя жертвы приносятся ежедневно для этой цѣли. Но, когда она будетъ достигнута и вопросъ будетъ рѣшенъ силою оружія, въ чемъ же будетъ заключаться результатъ, къ которому нужно будетъ стремиться? Или лучше сказать, въ чемъ будетъ заключаться при этихъ обстоятельствахъ истинная польза Россіи?»

«Все, что дѣлается, и все, что еще происходитъ въ Польшѣ, очевидно, доказываетъ, что прошла пора великодушія; неблагодарность поляковъ сдѣлала его невозможнымъ, и на будущее время во всѣхъ сдѣлкахъ, касающихся Польши, все должно быть подчинено истиннымъ интересамъ Россіи. Установивъ это положеніе, нельзя не согласиться, что русскій интересъ не совмѣстимъ съ существованіемъ польскаго королевства въ томъ видѣ, какъ оно было создано въ 1815 году, и при условіи сохраненія имъ своей конституціи. Дѣло идетъ не только о томъ, чтобы лишить Польшу матеріальной возможности вредить Россіи, но слѣдуетъ еще разсмотрѣть, какое вознагражденіе можетъ получить Россія за свои тяжкія жертвы и какія выгоды она можетъ извлечь изъ обладанія Польшей? На первый вопросъ легко отвѣтить: ничто не можетъ вознаградить Россію за жертвы и потери, понесенныя ею лишь для отомщенія за свою народную честь. Что же касается втораго вопроса, мнѣ кажется, что Россія не можетъ извлечь изъ Польши такой, какова она есть, никакихъ дѣйствительныхъ выгодъ, и что еще болѣе

важно, что для имперіи даже нѣтъ гарантій, которыя могли бы обезпечивать ей въ будущемъ спокойное обладаніе этой страной. И такъ, вѣрный принципу, который я высказалъ въ началѣ, то-есть истинной пользѣ Россіи, я полагаю, что единственный способъ отдать себѣ отчетъ въ этомъ вопросѣ заключается въ слѣдующемъ:

«Россія—держава могущественная и счастливая сама по себѣ; она никогда не можетъ быть угрозой ни для другихъ сосѣднихъ государствъ, ни для Европы. Но она должна занимать внушительное, оборонительное положеніе, способное сдѣлать невозможнымъ всякое нападеніе на нее. Бросивъ взглядъ на карту, страшно становится, видя, что граница польской территоріи имперіи доходитъ до Одера, тогда какъ фланги отходятъ за Нѣманъ и Бугъ, чтобы упереться близъ Полагнена въ Балтійское море и устье въ Дунай въ Черное море. Въ этой выдающейся части находится армія, чтобы держать ее въ покорности. Эта страна ничего не приноситъ Имперіи. Напротивъ того, она не можетъ существовать иначе, какъ посредствомъ постоянныхъ жертвъ со стороны Имперіи, чтобы дать ей возможность удовлетворить потребностямъ собственной администраціи. Такимъ образомъ, убѣдительно, что выгоды отъ этого неудобнаго положенія ничтожны, а недостатки велики и даже угрожающы. Остается рѣшить, какъ помочь этому? Я тутъ не вижу другаго средства, кромѣ слѣдующаго:

«Объявить, что честь Россіи получила полное удовлетвореніе завоеваніемъ королевства, но что Россія не имѣетъ никакого интереса владѣть страной, неблагодарность которой была столь очевидна; что истинные ея интересы требуютъ установить свою границу по Вислѣ и Нареву; что она отказывается отъ остальнаго, какъ недостойнаго принадлежать ей, предоставляя своимъ союзникамъ поступить съ нимъ по своему усмотрѣнію; что, тѣмъ не менѣе, оставаясь вѣрною своимъ принципамъ, Россія предоставляетъ той части королевства, которая останется за нею, пользованіе ея законами и учрежденіями въ той мѣрѣ, которая окажется совмѣстимою съ истинными будущими интересами; что титулъ королевства польскаго останется присвоеннымъ этой части страны, во избѣжаніе того, чтобы подобное наименованіе, данное другой какой-либо части, не создало бы вновь государства враждебнаго Россіи, чего она не потерпитъ ни въ какомъ случаѣ»¹⁾).

По мѣрѣ дальнѣйшаго хода междоусобной польско-русской войны, императоръ Николай пришелъ къ заключенію, что задуманное имъ рѣшеніе польскаго вопроса представляется въ дѣйствительности невозможнымъ. Такимъ образомъ, мысли государя, изложенныя въ вышепри-

¹⁾ Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

веденной запискѣ, остались безъ примѣненія и перешли къ потомству какъ любопытное политическое разсужденіе.

Тѣмъ не менѣе, записка императора Николая была, вѣроятно, передана на обсужденіе фельдмаршала Паскевича, потому что послѣдній, съ своей стороны, представилъ государю, 4-го (16-го) іюня 1831 года, записку, въ которой, взамѣнъ безвозмездныхъ уступокъ воеводства лѣваго берега Вислы и Кракова, онъ предлагалъ замѣнить ихъ устьями Нѣмана съ городомъ Мемелемъ и крѣпостью Торнемъ съ одной стороны, и Восточной Галиціей—съ другой.

Паскевичъ въ упомянутой запискѣ писалъ государю слѣдующее:

«Разсматривая со всѣхъ сторонъ теперешнее положеніе, мнѣ пришло на мысль: нельзя ли наказать дерзкихъ и неблагодарныхъ такъ, чтобы они въ дальнѣйшемъ своемъ потомствѣ чувствовали сіе, упрочить навсегда наше положеніе въ Польшѣ, словомъ, постановить такимъ образомъ, какъ вы, государь, въ манифестѣ своемъ изволили сказать, что надобно, чтобы Польша для Россіи была полезна, но не вредна¹⁾».

«Разсуждая на сихъ основаніяхъ, я осмѣливать изложить мои мысли:

«Какимъ образомъ наказать неблагодарныхъ поляковъ, какъ не лишивши ихъ даже имени поляка?»

«Для исполненія сего надобно уничтожить царство Польское.

«Въ Европѣ согласатся ли на сіе? ибо въ этомъ (то-есть въ настоящемъ положеніи вещей) они видятъ ослабленіе Россіи, а всѣ государства, не исключая ни одного, думаютъ, какъ бы насъ ослабить.

«То какимъ образомъ постановить, чтобы интересовать государства въ нашу пользу?»

«Я полагаю слѣдующее:

«1) Три воеводства на лѣвой сторонѣ Вислы уступить Пруссіи, т. е. Мазовецкое, Калишское и Сандомірское; четвертое Краковское—уступить Австріи.

«2) Взамѣнъ уступленныхъ Пруссіи сихъ трехъ воеводствъ, Пруссія должна уступить намъ крѣпость Торнь съ окрестностями, по удобству, и восточной Пруссіи по рѣку Прегель; если же большое сопротивленіе будетъ на сіе, или доходы или населеніе превышаютъ требуемыя нами земли отъ Пруссіи, то уступку взять по мѣстности. Въ семъ, перерѣзанномъ многими рѣками въ разныхъ направленіяхъ, край можно сдѣ-

¹⁾ Припомнимъ здѣсь, что въ манифестѣ императора Николая отъ 25-го января 1831 года сказано: „возвративъ Россіи мгновенно отторгнутый отъ нея мятежниками край, устроить будущую судьбу его на основаніяхъ прочныхъ, сообразныхъ съ потребностями и благомъ всей нашей Имперіи, и положить навсегда конецъ враждебнымъ покушеніямъ злоумышленниковъ, мечтающихъ о раздѣленіи“.

дать хорошую границу. Если и на сіе Пруссія не согласится, то можетъ взамѣнъ земель, ею получаемыхъ, давать деньгами; но во всякомъ случаѣ, граница съ этой стороны должна быть по крайней мѣрѣ по Нѣманъ съ городомъ Мемелемъ и съ другими городами, сколько удобство для коммерціи того потребуетъ.

«3) Австрія уступить Краковское воеводство, а взамѣнъ взять Тарнополь или другія земля въ обмѣнъ по числу народонаселенія и доходовъ.

«4) Если же отъ Пруссіи трудно будетъ получить взамѣнъ трехъ воеводствъ, то уступить Пруссіи два, а два воеводства уступить Австріи на вышеизложенныхъ основаніяхъ.

«Такимъ образомъ, сіи двѣ державы будутъ дѣйствовать съ нами, ибо участвовали въ семь раздѣлѣ, какъ то было и при вашей бабушкѣ. Польза обѣихъ сихъ державъ въ уничтоженіи королевства состоитъ въ томъ, что притязанія Россіи, какъ королевства Польскаго, на взятыхъ Пруссією и Австрією провинціи имъ уничтожаются. Если взять въ соображеніе, что королевство Прусское не только имѣетъ отъ Польши пріобрѣтенныя въ первомъ раздѣлѣ провинціи, но даже и сама Пруссія есть уступка отъ Польши курфюрсту Бранденбургскому, то удовольствіе ея будетъ велико, когда все, могущее возродить домогательства, однимъ актомъ уничтожается. Австрія находится въ томъ же положеніи, и существованіе королевства Польскаго есть ей всякую минуту угроза на ея галиційскія провинціи. Итакъ, Пруссія и Австрія будутъ въ нашихъ интересахъ. Но Франція и Англія что скажутъ?

«По теперешнемъ новомъ образованіи Франціи, она весьма сильна, и, конечно, съ нею надобно бы весьма осторожно поступать.

«Но можетъ быть, что для общаго спокойствія, когда онѣ увидятъ, что Россія, отдавая свои провинціи за Вислой, отступаетъ, такъ сказать, отъ Европы, то, можетъ быть, согласится; въ противномъ случаѣ, надобно выждать время, или когда Франція будетъ въ войнѣ, или когда будетъ имѣть внутреннія безпокойства.

«Что же касается до Англіи, то я не полагаю, что если будутъ согласны съ нами Австрія и Пруссія, чтобы Англія могла намъ вредна быть, выключая въ коммерціи.

«Итакъ, изъ сихъ предположеній явствуетъ:

«1) Что Россія ничего не потеряетъ въ народонасеніи и въ доходахъ, ибо получить взамѣнъ то же.

«2) Государство выиграетъ гораздо лучшую границу, ибо Висла представляетъ всѣ удобства къ дефенсивной войнѣ и для коммерціи во время мира.

«3) Сямъ ваше императорское величество докажете европейскимъ

государствамъ, что вы не хотите распространяться въ Европѣ, ибо отдаете провинціи, которыя въ наступательной войнѣ ихъ устрашали.

«4) Накажете сей народъ за ихъ вѣроломство и неблагодарность искорененіемъ ихъ съ лица земли и тѣмъ покажете, что вы не хотите сдѣлать имъ честь носить имя ихъ короля.

«5) Введете Пруссію и Австрію быть участницами въ семь дѣлъ.

«6) Но важнѣе всего, что вы изволите уничтожить представительное правленіе въ вашемъ государствѣ, которое, по теперешнимъ мыслямъ въ Европѣ, влечетъ и вашихъ російскихъ подданныхъ къ сямъ новизнамъ; но если онаго не будетъ, то государство Россійское, не имѣвши въ себѣ ничего разнообразнаго, будетъ представлять оплотъ противъ вольнодумства»¹⁾.

Русское правительство не рѣшилось, однако, вступить на путь международныхъ переговоровъ по вопросу, затронутому въ приведенныхъ нами запискахъ; поэтому высказанныя въ нихъ предположенія остались лишь любопытными памятниками политическаго настроенія минуты.

XV.

Неудачный оборотъ, принятый польско-русскою войною, вызвалъ слѣдующее письмо графа Чернышева къ фельдмаршалу Паскевичу, отъ 5-го (17-го) апрѣля:

«Государь императоръ, желая, чтобы при настоящихъ обстоятельствахъ, какъ политическихъ, такъ и военныхъ, ваше сіятельство находились при особѣ его величества, высочайше повелѣтъ мнѣ соизволилъ сообщить о семъ вашему сіятельству и покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, въ исполненіе сей высочайшей воли, поспѣшить сколь возможно прїѣздомъ въ С.-Петербургъ.

«Управленіе войсками и краемъ, вамъ ввѣреннымъ, его величество соизволилъ предоставлять устроить тѣмъ же порядкомъ, какой былъ принятъ во время отсутствія вашего въ С.-Петербургѣ въ минувшемъ году, а именно: войска на кавказской линіи подчинить совершенно генералу-отъ-кавалеріи Эммануэлю, а войска, въ Грузіи находящіяся, подчинить начальнику штаба вашего, генераль-лейтенанту Панкратеву; гражданскую же часть оставить на томъ основаніи, какое заблагоразудитъ изволите. Впрочемъ, если ваше сіятельство изволите признать нужнымъ сдѣлать въ порядкѣ управленія по военной части

¹⁾ Князь Щербатовъ: „Князь Паскевичъ“, т. 4-й, стр. 175–179.

какія-либо измѣненія, то его величество предоставляетъ оныя вашему усмотрѣнію, но желаетъ только, чтобы всѣ распоряженія о семъ были окончены въ нѣсколько дней, дабы его величество могъ сколь возможно скорѣе имѣть удовольствіе увидѣть васъ въ С.-Петербургѣ».

Графъ Паскевичъ получилъ письмо 20-го апрѣля (2-го мая); сдѣлавъ необходимыя распоряженія, онъ выѣхалъ изъ Тифлиса 26-го апрѣля (8-го мая) и прибылъ въ Петербургъ 12-го (24-го) мая¹⁾. Между тѣмъ, съ самаго вызова Паскевича, неудовольствіе императора Николая противъ графа Дибича съ каждымъ днемъ все болѣе возростало. Нерѣшительность главнокомандующаго и неустойчивость въ его мысляхъ (*Je ne vois rien de fixe dans vos propres idées*) побудили государя выработать планъ для дѣйствій противъ польскихъ мятежниковъ; но, сообщая графу Дибичу свои предположенія, государь не хотѣлъ, однако, насиловать намѣренія и волю главнокомандующаго, напротивъ того, въ письмѣ, отъ 7-го (19-го) апрѣля, предоставлено было фельд-маршалу, по обсужденіи плана совмѣстно съ Толемъ и Нейдгартомъ, слѣдовать собственному плану, если онъ будетъ признанъ лучшимъ; но, прибавилъ государь: «требую письменнаго опроверженія».

Спорный вопросъ заключался въ слѣдующемъ: графъ Дибичъ предполагалъ перейти Вислу въ верхнемъ ея теченіи, между тѣмъ какъ императоръ Николай справедливо признавалъ нижнюю Вислу мѣстомъ будущей переправы арміи на лѣвый берегъ, при чемъ продовольствованіе войскъ могло быть обезпечено соглашеніемъ съ прусскимъ правительствомъ²⁾.

Отвѣтъ графа Дибича, на присланный ему планъ дѣйствій, не удовлетворилъ императора Николая. «Отвѣтъ вашъ на мой проектъ,—пи-

¹⁾ 23-го апрѣля (5-го мая) 1831 года, графъ Паскевичъ писалъ графу Чернышеву:

„Отношеніе вашего сіятельства отъ 5-го апрѣля № 180 я имѣлъ честь получить 20 го числа сего мѣсяца. Для исполненія высочайшей государя императора воли во всей точности, я въ то же время приступилъ къ необходимымъ распоряженіямъ, а по окончаніи оныхъ, поставлю себѣ въ непремѣнную обязанность выѣхать изъ Тифлиса сего мѣсяца 26-го числа, хотя и теперь страдаю лихорадочными припадками. Прося покорнѣйше васъ, милостивый государь, доложить о семъ его императорскому величеству, съ истиннымъ почтеніемъ и пр. (Архивъ военнаго министерства).

²⁾ Въ письмѣ отъ 7-го (19-го) апрѣля императоръ Николай писалъ Дибичу: „Je vous propose donc dans la note ci-jointe mon plan de campagne que j'abandonne tout à fait à votre jugement, quoique convaincu de l'immense avantage qu'il vous présente. Je désire que vous le raisonnez avec Toll et Neidhardt, décidez ensuite, et au cas qu'il vous convienne tout en me répondant, procédez de suite à son exécution; dans le cas contraire suivez votre plan, arrêté avec Toll dans la note que vous m'avez envoyé“.

самъ государь 22-го апрѣля (5-го мая) 1831 года, — мнѣ доказываетъ, что вы съ удовольствіемъ готовы отказаться отъ всякой отвѣтственности, сваливъ ее на меня, предоставляя себѣ впоследствии сказать, что я помѣшалъ вамъ исполнить ваши намѣренія, и я предвижу уже, что можетъ быть подобное соображеніе побудило васъ отказаться отъ наступленія, къ которому вы приступили. Я не хочу характеризовать, насколько подобный образъ дѣйствій можетъ быть признанъ предсудительнымъ, тѣмъ болѣе, что, хотя я и убѣжденъ, что мой планъ представляетъ единственно возможное рѣшеніе вопроса, я вамъ, однако, положительно приказалъ руководствоваться исключительно вашимъ личнымъ убѣжденіемъ. Только быстрое и немедленное исполненіе могло сдѣлать эту операцію удобною и рѣшительною, но если вы предполагаете двинуться лишь черезъ четыре недѣли, и при томъ вести дѣло съ тою же слабостію, съ тою же нерѣшимостію и при соблюденіи того же безпорядка, я предвижу одно несчастіе и гибель, вмѣсто почти вѣрнаго успѣха» ¹⁾.

¹⁾ La réponse à mon projet me prouve que vous êtes charmé de vous décharger de la responsabilité de tout ce qui se fait sur moi, en pouvant dire pour le futur que c'est moi qui vous ai empêché de suivre vos projets, et je prévois déjà que c'est peut-être cela qui vous a fait renoncer à l'attaque que vous aviez commencée. Je ne caractériserai pas ce qu'une pareille manière de faire aurait de blamable, d'autant plus, que tout en étant convaincu que ce que je proposais était le seul parti à prendre, je vous ai expressément ordonné de ne suivre que votre propre conviction. Il n'y avait qu'une prompte et immédiate exécution qui pouvait rendre cette opération aisée et décisive; mais si ce n'est qu'en quatre semaines que vous comptez vous mettre en mouvement, et que le tout soit conduit avec la même faiblesse, la même irrésolution et le même désordre, je ne prévois que malheur et désastre, au lieu d'un succès presque certain“.

Когда графъ Дябичъ усмотрѣлъ изъ этихъ строкъ гнѣвъ государя, онъ отвѣчалъ 30-го апрѣля (12-го мая):

„Je suis bien malheureux du mécontentement de Votre Majesté Impériale avec les opérations, mais je m'y soumetts avec résignation, je ne me sens pas au contraire coupable du reproche accablant d'avoir cédé au plan d'agir par la droite et basse-Vistule par un calcul qui serait, j'ose le dire, infâme de ma part. Si Votre Majesté peut me croire capable d'une telle conduite, je ne puis trouver de consolation que dans la conviction que l'Être Suprême qui lit dans tous les coeurs me donne la force de supporter comme homme ce malheur si inattendu pour quelqu'un qui trouvait une consolation réelle, dans les malheurs de la carrière politique, dans des intentions toujours fidèles et à toute épreuve; mais ces mêmes sentimens qui ne me quitteront jamais, Sire, me font un devoir, Sire, de vous avouer franchement que je ne conçois pas comment avec une pareille supposition de l'intention infâme (je dois répéter le seul mot applicable à une telle conduite) de vouloir rejeter mes torts sur mon souverain, ne fussiez vous pas même mon bienfaiteur, ne m'eussiez vous pas même comblé de cette confiance qui est bien au dessus de toutes les grâces,—vous pourriez gar-

Для разъясненія положенія дѣлъ въ арміи, императоръ Николай послалъ къ фельдмаршалу генералъ-адъютанта графа Орлова¹⁾, «pour suppléer par une conversation à tout ce que mes lettres paraissent n'avoir pu vous faire comprendre». Но пока графъ Орловъ пробирался черезъ возставшую Литву въ главную квартиру фельдмаршала, на театрѣ военныхъ дѣйствій произошли новыя событія. Сержинецкій, ободренный бездѣйствіемъ Дибича, предпринялъ наступательное движеніе противъ гвардейскаго корпуса. По мнѣнію императора Николая, высказанному въ письмѣ къ графу Дибичу: «все это движеніе непріятеля было бы настоящимъ безуміемъ, если бы вы не приучили его безнаказанно предпринимать все. Есть мѣра всякому терпѣнію, а я, кажется, проявилъ его въ достаточной степени»²⁾.

der la moindre confiance pour les temps futurs, confiance sans laquelle tout sera glacé.“

Императоръ Николай остался при своемъ мнѣніи и писалъ 6 го (18-го) мая:

„Vous vous êtes offensé de ce que j'ai dû vous écrire, en recevant la singulière note qui a motivé ma réponse. Je suis persuadé que vous n'avez pas voulu donner un sens pareil à ce que vous écriviez, le fait est cependant que vous l'avez écrit, et que l'effet que cela a produit sur moi d'abord, a été partagé par tous ceux qui l'ont lu comme moi“.

Когда въ письмѣ отъ 4-го (16-го) мая графъ Дибичъ выражалъ свое глубокое горе по поводу того, что совершенно лишился довѣрія государя, императоръ Николай отвѣтилъ фельдмаршалу 10-го (22-го) мая:

„Vous me dites que vous voyez avoir perdu ma confiance; si c'était entièrement le cas, vous me connaissez assez pour savoir que je ne vous aurais pas conservé le commandement de l'armée; ce n'est pas dans mon caractère. Mais rappelez vous de ce qui s'est passé avant votre départ d'ici, de ce que je n'ai cessé de vous répéter depuis, de ce que vous avez persisté de faire depuis, et des résultats que tout cela a eu et jugez vous même si ma confiance a été complètement justifiée... Ici tout va bien, le commerce est pareil à celui de l'année 1917, c'est à dire immense; l'année dernière il n'y avait que 15 vaisseaux d'arrivés à cette époque; il y en a plus de 400 déjà à Cronstadt, et plus de 800 à Riga; des victoires à côté de cela et une prompte fin et tout serait bien,—mais!“

Изъ этихъ строкъ письма императора Николая видно, насколько ошибочна была сложившаяся легенда о томъ, что графъ А. Θ. Орловъ отправился въ дѣйствующую армію вѣстникомъ увольненія графа Дибича отъ должности главнокомандующаго.

¹⁾ Государь писалъ фельдмаршалу: „Je vous renvoie pour tout à Orloff qui vous vaudra mieux que dix lettres“.

²⁾ „Tout ce mouvement de sa part serait une vraie folie, s'il n'avait pas été habitué par vous de pouvoir tout entreprendre impunément et en face de vous, sans que même vous le sachiez. J'espère dans la miséricorde Divine qu'il vous donnera dans ce moment décisif assez d'énergie pour ne pas laisser échapper cette occasion précieuse de punir l'ennemi de son audace et de le battre dans la position la plus avantageuse possible pour vous et la plus fatale pour lui, si vous savez en profiter. Aussi mon angoisse n'est pas à décrire; il est

Дибичъ, наконецъ, встрепенулся, и 14-го (26-го) мая разыгралась кровопролитная битва при Остроленкѣ. Здѣсь, подобно тому, какъ и подъ Гроховымъ, одержана была рѣшительная побѣда, но нерѣшительность главнокомандующаго вторично спасла польскую армію отъ гибели; несмотря на настоянія графа Толя, фельдмаршала, отказавшись отъ преслѣдованія непріятели, далъ Скржинецкому возможность спокойно отступить съ разбитою арміею въ Варшаву¹⁾. Бездѣйствіе графа Дибича послѣ остроленской побѣды принесло плачевные плоды. Совершилось то, что предвидѣлъ императоръ Николай, когда писалъ фельдмаршалу: «Теперь поляки будутъ имѣть достаточно времени, чтобы восполнить свои потери, укрѣпить, что имъ нужно, однимъ словомъ, изгладить всѣ слѣды своего пораженія, заставляя насъ путемъ новыхъ и тя-

---

temps que nous sachions enfin que l'armée russe existe, car en vérité on pourrait en douter d'après tout ce qui arrive... L'ennemi vous dérobe le mouvement de toutes ses forces, vous brûle votre pont de communication et vous n'en savez rien; enfin depuis trois jours la garde se bat et se tire par son audace et la sagesse de Michel de la position la plus difficile, et c'est à peine alors que vous daignez vous convaincre qu'elle mérite la peine que vous marchiez à son secours! Je défie qui que ce soit de vous comprendre. Enfin voici la dernière occasion pour vous justifier aux yeux de tout militaire; espérons en Dieu que vous ne la laisserez pas échapper; cela serait trop fort.. Il y a mesure à toute patience et je crois en avoir eu assez... Enfin je veux encore espérer de la bonté Divine, que vous redeviendrez ce que vous devez être, et personne n'en sera plus heureux et sous tous les rapports que moi". (Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу, отъ 14-го (26-го) мая 1831 года).

¹⁾ 23-го мая (4-го іюня) 1831 года императоръ Николай писалъ графу Дибичу: „J'ai reçu hier soir votre lettre du 15 (27) d'Ostrolenka; la bravoure de nos grenadiers, ainsi que des autres troupes qui ont pris part au combat sanglant du 14 (26), est admirable comme toujours. Il est d'autant plus triste de voir que ces braves ont été sacrifié comme le 13 (25) sous Praga, dans une affaire sans résultat, comme sans vrai but dans cette occasion, tandis qu'une autre direction prise depuis Nur, amenait inmanquablement la destruction de l'armée Polonoise... L'on peut encore moins comprendre pourquoi vous n'avez pas profité du succès du 14, pour poursuivre l'ennemi, et ayiez attendu 24 heures pour le faire suivre par un détachement. Tout cela est inexplicable et fait craindre de nouvelles pertes sans plus de résultats“.

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 27-го мая (8-го іюня) 1831 года, государь слова возвращается къ оцѣнкѣ Остроленскаго сраженія и пишетъ:

„Les détails sur la bataille sont d'un grand intérêt et relèvent encore plus l'éclat de la bravoure admirable de nos excellentes troupes; d'autant plus je regrette que ce succès nous ait coûté si cher. Je crois toujours aussi que si vous aviez poussé de suite fortement ce qui ne s'était pas battu aux trousses de l'ennemi, le succès eut été bien plus grand encore... Activité, prudence et vigueur et que le Ciel vous soit en aide, un grand pas est fait, sachez en profiter et prouvez que vous êtes encore le старый Забалканскій“.

желыхъ жертвъ искупить выгоды, за которыя мы уже такъ дорого заплатили и отъ которыхъ добровольно отказываемся».

Дибичъ расположился между Пултускомъ, Голыминомъ и Маковымъ, готовая къ движенію на нижнюю Вислу.

«Prouvez que vous êtes encore le старый Забалканскій»,—писалъ императоръ Николай графу Дибичу, но государь такъ и не дождался воскресенія стараго Забалканскаго. 1-го (13-го) іюня Николаю Павловичу пришлось заключить переписку съ своимъ фельдмаршаломъ горестнымъ восклицаніемъ: «Прощайте, любезный другъ, поступите же, наконецъ, такимъ образомъ, чтобы я могъ понять васъ (Adieu, mon cher ami, faites enfin de façon que je puisse vous comprendre)». Но это письмо¹⁾ не было уже прочитано графомъ Дибичемъ: 29-го мая (10-го іюня) фельдмаршалъ внезапно скончался отъ холеры въ с. Клешовѣ, около Пултуска.

Графъ Толь, на основаніи «учрежденія объ управленіи большой дѣйствующей арміи», вступилъ во временное командованіе войсками²⁾,

¹⁾ Hier soir est arrivée votre lettre du 25; elle n'a fait qu'augmenter mon étonnement et mon affliction par les lenteurs inexplicables que vous mettez à vos opérations. C'est elles qui vous ont privé de tous les avantages que la glorieuse journée d'Ostrolenka vous offrait pour abîmer encore plus un ennemi battu. Toutes les lettres de Varsovie prouvent unanimement leur surprise et leur joie de ce que vous ne les avez pas poursuivis. Maintenant ils auront tout le temps pour se refaire de leurs pertes, fortifier ce qui leur convient, en un mot effacer toutes les traces de leur défaite pour nous faire acheter par de nouveaux et cruels sacrifices les avantages que nous avons déjà si chèrement payés, et que nous abandonnons gratuitement... Adieu, mon cher ami, faites enfin de façon que je puisse vous comprendre". (Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу, отъ 1-го (13-го) іюня 1831 года).

²⁾ Сообщая, 4-го (16-го) іюня 1831 года, цесаревичу Константину Павловичу вѣстіе о кончинѣ графа Дибича, императоръ Николай писалъ:

„Vous vous êtes dit d'avance avec quel pénible sentiment j'ai appris hier soir la triste nouvelle de la mort de notre digne maréchal; j'y perds un ami, et vous, cher Constantin, un être qui vous était sincèrement dévoué et vous conservait un profond sentiment de reconnaissance“.

Цесаревичъ, по поводу того же событія, писалъ государю 2-го (14-го) іюня:

„Malgré les défauts du maréchal et ses fautes stratégiques, dont certe je ne suis pas juge, je ne saurais m'empêcher de le plaindre ainsi que sa perte, l'ayant sincèrement aimé. Sa mort est trop prompte au dire du courrier pour qu'elle soit toute naturelle; est-ce choléra, est-ce autre chose?“

Въ письмѣ отъ 7-го (19-го) іюня, цесаревичъ снова возвращался къ смерти графа Дибича, высказывая о немъ слѣдующее сужденіе:

„Je regrette infiniment le maréchal, qui certainement était un homme de bien et de rare probité et ayant des principes moraux et de soumission qui ne sont plus de ce siècle. Pour les défauts, et qui n'en a pas? et il serait fort injuste et de peu d'équité de vouloir prétendre qu'il n'en ait pas, lorsque chacun en a plus ou moins“.

но, отправляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Петербургъ всеподданнѣйшее письмо, онъ просилъ государя о скорѣйшемъ назначеніи главнокомандующаго, признаваясь, что чувствуетъ себя неспособнымъ принять на себя столь важную обязанность. Просьба графа Толя вполне соответствовала прежнимъ его заявленіямъ, сдѣланнымъ еще покойному фельдмаршалу.

Желаніе графа Толя исполнилось въ самомъ скоромъ времени.

Еще до Остроленскаго сраженія смѣна Дибича графомъ Паскевичемъ представлялась уже до нѣкоторой степени вполне вѣроятною; но какъ справедливо замѣтилъ будущій князь Варшавскій: «Остроленское дѣло удержало мою поѣздку въ армію, ибо трудно было послать смѣнить главнокомандующаго, выигравшаго сраженіе»¹⁾. Когда же 3-го (15-го) іюня пришло въ Петербургъ извѣстіе о кончинѣ графа Дибича, то на другой день 4-го (16-го) іюня послѣдовалъ указъ Сенату о назначеніи фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго главнокомандующимъ дѣйствующею арміею. Въ виду возстанія въ Литвѣ, принимавшаго все большіе размѣры, новый главнокомандующій долженъ былъ, для большей безопасности, избрать морской путь, а затѣмъ слѣдовать въ армію черезъ Пруссію. Онъ быстро собрался въ предстоявшій ему новый походъ и 6-го (18-го) іюня отправился изъ Петергофа въ три часа утра на пароходѣ «Ижора» въ Мемель. По прибытіи въ этотъ городъ 9-го (21-го) іюня, фельдмаршалъ, продолжая путь черезъ Тильзитъ, пріѣхалъ въ армію въ ночь съ 13-го (25-го) на 14-е (26-е) іюня.

Изъ Пултуска, фельдмаршалъ Паскевичъ 17-го (29-го) іюня писалъ императору Николаю: «Я рѣшилъ дѣйствовать по плану, апробованному вашимъ величествомъ». Планъ же государя заключался въ томъ, чтобы совершить переправу на нижней Вислѣ и затѣмъ идти къ Варшавѣ²⁾.

Ф. П. Опочинину цесаревичъ писалъ изъ Витебска 8-го (15-го) іюня 1831 года: „полагаютъ, что Дибичъ умеръ: 1) или отъ холеры, 2) или отъ отравленія въ ѣдѣ, 3) или отъ отравленія своевольнаго и 4) или отъ удара. Вотъ слухи. Странно и странно, въ два часа будучи здоровымъ и гуляющимъ по саду въ 11 часовъ вечера, умереть въ часъ по полуночи“. Разсуждая о скоротечности человѣческой жизни, цесаревичъ не предчувствовалъ, что уже онъ самъ стоитъ на краю могилы; ему лично предстояло въ скоромъ времени испытать, что можетъ сотворить холера въ нѣсколько часовъ времени.

Подробности кончины фельдмаршала, дошедшія до цесаревича, оказались невѣрными: Дибичъ заболѣлъ ночью на 29-е мая и скончался утромъ въ 11¹/₄ часовъ.

¹⁾ Князь Щербатовъ: „Князь Паскевичъ“, т. 4, стр. 19.

²⁾ Въ запискахъ П. К. Менъкова (томъ 2, стр. 183) воспроизведенъ со словъ Паскевича фантастическій разсказъ фельдмаршала о томъ, какъ „отецъ командиръ“ на вопросъ государя, какому плану онъ намѣренъ слѣдовать, внезапно вдохновившись, указалъ на Осьекъ, какъ на мѣсто будущей пере-

Вскорѣ послѣ кончины графа Дибича-Забалканскаго, прусская армія также понесла чувствительную потерю. 11-го (23-го) августа 1831 года въ Познани скончался отъ холеры фельдмаршалъ графъ Гнейзенау, его постигла одинаковая участь съ другомъ и сотоварищемъ по Наполеоновскимъ войнамъ графомъ Дибичемъ. Смерть Гнейзенау весьма опечалила императора Николая; онъ писалъ по этому случаю графу Паскевичу изъ Царскаго Села 26-го августа (7-го сентября) 1831 года.

«Прусская армія и мы всѣ сдѣлали невозвратную потерю въ фельдмаршалѣ Гнейзенау, который меня и Россію любилъ и видѣлъ спасеніе Европы и пользу Пруссіи въ короткой связи обоихъ государствъ».

Не напрасно императоръ Николай отзывался въ столь сочувственныхъ выраженіяхъ о герояхъ войнъ за освобожденіе Германіи, никогда не забывавшемъ чувство признательности къ Россіи за жертвы, принесенныя ею въ 1813 году; во время польско-русской войны Гнейзенау искренно соболѣзновалъ о неудачахъ, постигшихъ русскую армію подъ предводительствомъ графа Дибича, и въ апрѣлѣ совѣтовалъ королю Фридриху-Вильгельму III немедленно вступить съ двумя корпусами въ Польшу, чтобы покончить съ возстаніемъ¹⁾.

Н. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

правы черезъ Вислу, и получилъ благословеніе государя на совершеніе этого подвига. Однимъ словомъ, изъ этого разсказа оказывается, что переправа на нижней Вислѣ была придумана какъ нѣчто новое, не приходившее никому въ голову, равно какъ и продовольствованіе арміи изъ Пруссіи; въ дѣйствительности же подобный планъ дѣйствій былъ уже давно предначертанъ государемъ, и подготовительныя къ тому работы приведены въ исполненіе графомъ Дибичемъ.

¹⁾ Briefe des Feldmarschalls Grafen Gneisenau an seinen Schwiegersohn Wilhelm Scharnhorst.—Historische Zeitschrift. 1896.

Большинство напечатанныхъ въ этомъ историческомъ журналѣ писемъ графа Гнейзенау относятся къ 1831 году.

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

XXIII ¹⁾.

1851 годъ.

Опрокинутія сани.—Слова Николая I о герцогѣ Мекленбургъ-Стрелицкомъ.—Статья о Фавни Эльслеръ.—Князь Петръ Михайловичъ Волконскій.—Баронесса Фредериксъ.—Ударъ съ княземъ Чернышевымъ.—Праздники 1-го іюля.—Мостъ во Владимірѣ.—Генералъ-маіоръ Поливановъ.—Театръ въ Красномъ Селѣ.—Маневры.—Смерть Френа и Погѣнова.—Открытие Московской желѣзной дороги.—Внезапное возвращеніе государя изъ путешествія.—Разказы о Брестъ-Литовскомъ шоссе.—50-лѣтній юбилей графа Вронченко.—Варшавская желѣзная дорога.—Піеска „Чему быть, тому не миновать“.—Пріемные дни русской аристократіи въ Парижѣ.—Присяга великаго князя Николая Николаевича.—Новыя правила для посѣтителей Публичной бібліотеки.—Занятія, по волѣ государя, статсъ-секретаря барона Корфа съ великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами.—Разговоръ государя о Публичной бібліотекѣ, о частныхъ коллекціяхъ, о Луи-Наполеонѣ, лордѣ Гренвиллѣ, драмѣ Кукольника „Денщикъ“, о женахъ сосланныхъ по дѣлу 14-го декабря.

Н а масляницѣ, поздно вечеромъ, государь возвращался въ санихъ въ Зимній дворець. Посреди Адмиралтейской площади, застроенной балаганами, его кучеръ неосторожно задѣлъ ѣхавшія мимо извозничьи сани, которыя опрокинулись. Первымъ движеніемъ государя было выскочить изъ своихъ и подбѣжать къ лежавшимъ на боку извозничьимъ. «Не ушиблись ли вы?»—спросилъ онъ у поднявшихся уже на ноги сѣдока и извозчика. Первый, узнавъ тотчасъ спрашивавшаго, отвѣчалъ, что ему не сдѣлано никакого вреда, а послѣдній жаловался только на то, что

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюнь 1900 г.

у его саней передомили оглобли. Между тѣмъ, государь, не полагаясь на повторенныя увѣренія сѣдока, что онъ нисколько не ушибся, заставилъ его, почти силою, сѣсть въ свои, царскія сани и ѣхать въ нихъ домой, а самъ пошелъ ко дворцу пѣшкомъ, велѣвъ извозчику слѣдовать за собою. Но послѣдній, тоже узнавъ, изъ словъ сѣдока, съ кѣмъ столкнулся, вмѣсто исполненія приказанія, со страху повернулъ въ другую сторону. На другой день, однако жъ, онъ, по приказанію государя, былъ отысканъ полиціею и приведенъ во дворецъ, гдѣ, за свою гривенную оглоблю получилъ—25 р. сер.

Опрокинутый сѣдокъ былъ родственникъ генераль-адъютанта барона Мейендорфа, иѣкто Вольфъ, молодой человекъ, только-что выпущенный изъ школы. Но государь, усаживая его въ свои сани, не спросилъ, кто онъ таковъ, и обо всемъ этомъ случаѣ узнали уже на другой день, изъ рассказовъ самого Вольфа своимъ роднымъ.

Послѣ уже начатія повелѣнныхъ мнѣ занятій съ герцогомъ Мекленбургскимъ, я случайно встрѣтилъ государя, на обычной его пѣшеходной прогулкѣ. Остановясь со мною, онъ милостивѣе, кажется, чѣмъ когда-нибудь, пожалъ мнѣ руку со словами: «Спасибо за новую дружбу».—Затѣмъ, мимоходная наша бесѣда, хотя и на улицѣ, но при ярко-сіявшемъ полувесеннемъ солнцѣ (2-го марта) продолжалась минутъ пять, и государь, въ продолженіе ея, распространился съ похвалою о прекрасныхъ дарованіяхъ новаго моего ученика, о благородномъ его характерѣ, живомъ желаніи быть полезнымъ Россіи и пр.

Положеніе его,—сказалъ онъ, между прочимъ—трудное, ибо согласись, что благородному человеку не легко отказаться отъ родины и посвятить себя новому отечеству, устроенному совсѣмъ на другихъ началахъ, но онъ, кажется, понялъ уже, что править Россіею, и теперь весь нашъ.

При такихъ разговорахъ на улицахъ, или въ саду ¹⁾, государь всегда приказывалъ собесѣднику тотчасъ накрываться, хотя бы то было и лѣтомъ.

Если въ Петербургѣ танцовщица Фанни Эльслеръ всегда вызывала живой восторгъ, то въ Москвѣ, гдѣ она давала представленія въ продолженіе зимы съ 1850-го на 1851-й годъ, этотъ восторгъ достигъ совершеннаго неистовства, переступившаго даже предѣлы приличія. Такъ, изъ-подъ ея экипажа выпрягали лошадей и возили на себѣ, при чемъ

¹⁾ Былъ ими удостоиваемъ весьма часто, я вношу сюда, разумѣется, только тѣ, которые могутъ служить въ какомъ-нибудь отношеніи къ характеристикѣ императора Николая.

должностныя лица садились на козлы, на запятки и т. п. Петербургская публика знала, что такія неумѣстныя выходы возбудили большое неудовольствіе государя, но что впрочемъ выраженію ихъ не препятствовали официально. Вдругъ, въ «Сѣверной Пчелѣ» (21-го марта № 64), появились стихи, порицавшіе и осмѣивавшіе эту восторженность, но въ такомъ тонѣ и съ такой точки зрѣнія, которые мнѣ представились почти столько же неумѣстными, какъ и сама та восторженность. Въ городѣ говорили, что эти стихи напечатаны—по Высочайшему повелѣнію; но какъ высшему нашему Цензурному комитету (2-го апрѣля 1848 г.) ничего не было дано о томъ знать, то я и счелъ, по обязанности его предсѣдателя, противнымъ долгу нашего призванія удержаться отъ представленія государю замѣчаній о неприличіи сихъ стиховъ. Въ Комитетѣ, по предложенію моему, состоялся слѣдующій журналъ.

«Комитетъ, по разсмотрѣніи напечатанныхъ въ «Сѣверной Пчелѣ» стиховъ, подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ Московской жизни», нашелъ, что, содержа въ себѣ, можетъ статья, и справедливое, но весьма, однако же, рѣзкое порицаніе всего московскаго населенія, по случаю преувеличеннаго чествованія Фанни Эльслеръ, они едва-ли могутъ быть признаны приличными въ томъ отношеніи, что сравниваютъ и какъ бы ставятъ въ параллель преходящія похвалы нѣсколькихъ восторженныхъ лицъ съ тѣми общими, священными чувствами вѣроподданнической любви и преданности, за которыя вся Москва удостоивалась всегда изъявленій монаршаго благоволенія.

«Считая, что включеніе въ напечатанные для публики стихи подобнаго сравненія не можетъ не быть огорчительно для самой большей части московскихъ жителей, не участвовавшихъ въ этихъ смѣшныхъ изліяніяхъ восторга, и потому неумѣстно, комитетъ долгомъ признаетъ такое заключеніе свое повергнуть на Высочайшее воззрѣніе».

Слухи городскіе оказались справедливыми. Журналъ нашъ возвратился съ слѣдующею надписью государя, не показывавшею, впрочемъ, никакого неудовольствія на комитетъ: «Напечатано съ моего дозволенія, какъ полезный урокъ за дурачества части Московскихъ туеядцевъ».

На другой день, графъ Орловъ, по докладу котораго разрѣшено было напечатать стихи, рассказалъ мнѣ, что государь пенялъ ему за непредвареніе нашего Комитета, что они будутъ напечатаны по его волѣ.

— За то—прибавилъ государь—Комитетъ порядкомъ погонялъ меня!

Черезъ присоединеніе Публичной бібліотеки къ составу министер-

ства императорскаго двора, я имѣлъ случай болѣе сблизиться съ начальникомъ этого министерства, княземъ Петромъ Михайловичемъ Волконскимъ, котораго до тѣхъ поръ зналъ болѣе, только по его прежнимъ служебнымъ подвигамъ и по обществу, и весьма мало по дѣловымъ сношеніямъ. Этотъ примѣчательный, историческій старецъ, котораго современная публика не очень жаловала за брюзгливость и еще болѣе за скупость, забывая, что онъ скупится не на свои, а на царскія деньги, тотчасъ приковалъ къ себѣ все мое вниманіе, все глубокое уваженіе. Несмотря на жестокую болѣзнь, выдержанную имъ въ 1845-мъ и 1846-мъ годахъ, и которую всѣ врачи признавали въ то время безусловно смертельною, онъ до такой степени оправился и ожилъ, что въ 1850-мъ нельзя было замѣтить слѣдовъ этой болѣзни ни въ физическомъ, ни въ моральномъ отношеніи. Онъ былъ бодръ тѣломъ и духомъ до невѣроятности, и чудесную, часто удивлявшую меня память, сохранилъ до самой своей кончины. Пріѣзжая къ нему часовъ въ 10 утра в ранѣе, я всегда заставалъ его уже не только одѣтымъ, но даже въ мундирѣ, и всегда за бумагами. Взглядъ его на предметы, изощренный многолѣтнею опытностью и проходившею черезъ его руки массою важнѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ дѣлъ, былъ необыкновенно ясенъ; онъ понималъ и обнималъ все съ перваго слова, почти прежде, нежели это слово было вполне выговорено; между тѣмъ давалъ докладывающему высказаться, внимательно выслушивалъ, рассуждалъ, не перебивая и не смѣшивая предметовъ, и хотя обыкновенно начиналъ съ отказа, особливо когда дѣло шло о новой издержкѣ, но потомъ склонялся на убѣжденія, или побѣдно отвѣчалъ на нихъ самыми логическими возраженіями; словомъ, работать съ нимъ было истиннымъ наслажденіемъ. Врагъ, и въ себѣ и въ другихъ, всякаго пустословія, всякаго фразерства, жеманства, всего напыщеннаго, привыкнувъ при множествѣ его занятій дорожить временемъ, онъ прямо шелъ къ корню, къ основу дѣла, и бумаги его отличались такимъ лаконизмомъ, которому, при нашей бюрократической плодovitости, не встрѣчалось примѣра ни въ какомъ другомъ вѣдомствѣ. Рѣдкая изъ нихъ переходила на вторую страницу. Но, потому же самому, ненавидя всякое шарлатанство и все не относящееся прямо къ дѣлу, онъ требовалъ такой же сжатости и отъ другихъ. Лоскъ и блески редакціи не производили на него никакого дѣйствія: чѣмъ короче и проще, тѣмъ лучше, хотя бы являлся одинъ сухой скелетъ. Человѣкъ дѣла и практики, Волконскій былъ далеко отъ всякой идеологіи; но, впрочемъ, въ то время, когда я ближе узналъ его, и отъ всякаго энтузіазма. Здраваго ума, логики, рассудительности, всего этого было въ немъ пропасть, но жестоко ошибся бы тотъ, кто сталъ бы искать или старался бы возбудить въ немъ огонь, воодушевленіе, поэзію мысли: онъ былъ холоденъ, какъ воплощенный

опытъ. При краткости и сжатости формъ изложенія, распространявшейся у него равно и на бумаги, и на изустную работу, князь успѣлъ отправленіе дѣлъ по своему министерству довести до изумительной степени быстроты, хотя почти по каждому изъ нихъ требовался предварительный докладъ государю, и хотя каждую бумагу, была ли она изъ Государственнаго Совѣта, или отъ простаго мужака, онъ непременно самъ прочитывалъ всю, отъ начала до конца. Едва проходилъ одинъ день, много два, отъ представленія или вопроса, и уже являлся отвѣтъ, съ изъясненіемъ испрошенной имъ высочайшей воли. Наконецъ, что касается до вѣшняго обращенія князя, то оно было очень просто, также безъ фразъ, нѣсколько даже холодно, но вообще вѣжливо. На то, что называется представительностію, онъ, несмотря на длинную, безконечную опытность, и, казалось бы, привычку, не былъ сроденъ и даже нѣсколько затруднялся при появленіи передъ большимъ числомъ людей.

Какъ Сперанскій любилъ цвѣты, какъ Васильчиковъ былъ страстный любитель охоты и лошадей, какъ Голицынъ окружалъ себя миллиономъ табакерокъ, такъ и Волконскій имѣлъ свою страсть—часы, карманные, столовые, стѣнные и пр. При немъ самомъ всегда находилось ихъ трое: одни въ черствѣ на рукѣ, или иногда въ мундирной пуговицѣ, и по однимъ въ каждомъ жилетномъ карманѣ; а утромъ, вставъ, первымъ дѣломъ его было собственноручно завести часы, всѣхъ видовъ и размѣровъ, разсыянные по его комнатамъ, числомъ около тридцати. Припомнивъ, однако, что цѣлая жизнь старика была всегда поглощена службою, и что даже и тогда еще, несмотря на свои 76 лѣтъ ¹⁾, онъ продолжалъ работать какъ поденщикъ, легко можно было помириться съ этою невинною странностію.

Одинъ важный упрекъ, который останется на памяти Волконскаго, состоитъ въ томъ, что онъ не велъ своихъ записокъ, или не заставлялъ, по крайней мѣрѣ, другихъ записывать о всемъ, происходившемъ передъ его глазами, или проходившемъ черезъ его руки. Проведя всю жизнь при дворѣ и почти неотлучно при лицѣ двухъ монарховъ, сложившихъ исторію цѣлаго полувѣка; начальникъ Главнаго штаба въ 1812-мъ году; сопутникъ Александра во всѣхъ его побѣдныхъ шествіяхъ и мирныхъ поѣздкахъ; свидѣтель его кончины; 25-тъ лѣтъ министръ Николаева двора. . . . . Какая полная, обильная событіями и предметами для наблюденій жизнь; сколько воспоминаній, сколько анекдотовъ! И между тѣмъ, все это исчезло со смертію дѣйствателя, не оставивъ никакого слѣда для исторіи ⁴⁾.

¹⁾ Князь скончался въ 1852-мъ году 77-ми лѣтъ.

²⁾ Здѣсь надо, впрочемъ, сказать, что князь каждый день записывалъ

6-го декабря 1850 года доблестный нашъ старецъ достигъ высшей цѣли давнишнихъ своихъ стремленій, осуществленія мечты, тревожности которой онъ не скрывалъ отъ приближенныхъ. Князь былъ пожалованъ въ генераль-фельдмаршалы. Императоръ Николай снисходительно принялъ къ послѣднему желанію вѣрнаго своего слуги и, накануне своего тезоименитства, самъ принесъ ему фельдмаршальскій жезлъ. 8-го числа новому фельдмаршалу представлялся, въ Гербовой залѣ Зимняго дворца, весь гвардейскій корпусъ, подъ начальствомъ наследника цесаревича и съ прочими великими князьями въ своихъ рядахъ. Все это безмѣрно радовало Петра Михайловича, переносившагося тутъ въ старину, когда, въ званіи начальника главнаго штаба, онъ находился во главѣ арміи. Вскорѣ затѣмъ, по всему придворному вѣдомству предписано было, въ рапортахъ, представленіяхъ и пр., его свѣтлости вмѣсто прежняго заголовка: господину министру императорскаго двора, писать впредь: господину генераль-фельдмаршалу, министру императорскаго двора....

Въ апрѣлѣ 1851 года, въ самый день тезоименитства императрицы, Волконскому, по случаю одного новаго назначенія ко двору, показалось, что государь хочетъ поставить его на очную ставку съ однимъ изъ его подчиненныхъ. Онъ глубоко симъ оскорбился и, въ первомъ волненіи, на другой день рано отправилъ слѣдующее письмо, котораго содержаніе осталось тайною для всѣхъ, кромѣ самого государя и лица, изложившаго, со словъ князя, это письмо, послѣ впрочемъ собственноручно имъ переписанное.

«Прослуживъ 57 лѣтъ, въ томъ числѣ 25 при лицѣ вашего императорскаго величества, съ чистымъ усердіемъ и, благодаря Бога, съ неукоризненною совѣстію, я, во все продолженіе многолѣтней моей службы, руководствовался однимъ чувствомъ—безпредѣльною преданностію къ моимъ государямъ и ревностнымъ исполненіемъ возлагаемыхъ ими на меня обязанностей. Воля вашего величества всегда была для меня священнѣйшимъ закономъ, второю моею религіею. Чуждый всякаго лицепріятія, я слѣдовалъ ей неуклонно, и смѣю сказать, съ самоотверженіемъ, и былъ столько счастливъ, что вы, всемилостивѣйшій государь, постоянно удостоивали меня высочайшаго вашего благоволенія. Осыпанный милостями вашими, я былъ наконецъ возведенъ на высшую степень государственныхъ званій. Мнѣ оставалось только усугубить послѣднія, при преклонныхъ лѣтахъ моихъ, силы, чтобы заслужить вполне эту великую монаршую милость и скончать остатокъ дней моихъ у

что-то въ памятную книжку, которую тотчасъ пряталъ въ стогу, когда кто-нибудь входилъ въ комнату; но это что-то, какъ одному приближенному удалось раза два подмѣтить, относилось главнѣйше и едва-ли не исключительно до службы.

подножія вашего престола. Но внезапный гнѣвъ вашего величества, въ которомъ, къ жестокому прискорбію, выразилась для меня и потеря довѣренности вашей, каковою столько лѣтъ имѣлъ я счастье пользоваться, глубоко потрясъ мою душу. Лишаясь этого драгоценнаго достоинства со вредомъ для самой службы, я нахожусь вынужденнымъ всеподданнѣйше просить ваше императорское величество объ увольненіи меня отъ управленія высочайше ввѣреннымъ мнѣ министерствомъ».

Что же сдѣлалъ государь? Онъ въ ту же минуту самъ постѣпиль къ князю, объяснилъ причины и истинный смыслъ своего дѣйствія, расцѣловалъ его и, объявивъ, что только смерть можетъ ихъ разлучить, тутъ же разорвалъ принесенное съ собою письмо Волконскаго. Старикъ, увлеченный только первою вспышкой, разумѣется, не могъ остаться холоднымъ къ такимъ изъявленіямъ милости и—все было забыто!

Жена оберъ-штабмейстера, статсъ-дама баронесса Цецилія Владиславовна Фредериксъ, жестоко прохворала весь апрѣль, и внутренній ракъ, или какой-то подобный тому недугъ подвергнувъ ее всѣмъ пыткамъ соединеннаго петербургскаго факультета, даже и самымъ мучительнымъ операціямъ. Внимательность государя и императрицы окружала ее всѣми возможными попеченіями и ласками, и ничто не помогло! Государь, передъ самымъ отъѣздомъ своимъ въ Варшаву ¹⁾ успѣлъ еще заѣхать проститься съ нею. Спустя нѣсколько часовъ, страданія ея окончились на вѣки.

Баронесса Фредериксъ, урожденная графиня Гуровская, сестра извѣстнаго политическаго писателя, поляка и католичка ²⁾, принявшая позже православную вѣру, принадлежала къ современной исторіи нашего двора. Воспитанная вмѣстѣ съ императрицею, будучи старше ея только нѣсколькими годами, она была ближайшимъ ея другомъ дотого, что въ своемъ кругу онѣ называли себя «ты» и «ты». Женщина добрая, со всѣми вѣжливая, всѣмъ доступная, не отказывавшая по возможности никому въ помощи, особенно же не дѣлавшая никому преднамѣренно зла,—свойство столь важное въ приближенныхъ ко двору,—она пользовалась общею любовію и потому уже, что была отраженіемъ боготворимой нашей императрицы. Мужъ ея, нѣкогда командиръ лейбгвардіи Московскаго полка и едва-ли не умерщвленный бунтовщиками 14-го декабря 1825 года, былъ тоже человекъ добрый, но котораго жена всю жизнь влекла, съ ступени на ступень, за торжественною своею колесницею. Анекдотовъ о немъ ходило по городу множество.

¹⁾ Государь уѣхалъ въ Варшаву въ ночь съ 28-го на 29-е апрѣля, вслѣдъ за императрицею, которой такъ понравилась пребываніе тамъ въ предшесшую осень, что она рѣшилась повторить снова свою поѣздку весной 1851 г.

²⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „протестантка“.

Встрѣтясь со мною, за нѣсколько дней до кончины своей жены, онъ просилъ меня, какъ опытнаго заграничнаго туриста, составить ему смѣту для поѣздки въ Киссингенъ, «comme il avait l'intention d'y aller dès la mort de sa femme» ¹⁾. Вслѣдъ за этимъ, я свидѣлся гдѣ-то съ оберъ-гофмаршаломъ графомъ Шуваловымъ и не утерпѣлъ, чтобы не передать ему этой черты супружеской нѣжности.

— Eh bien—отвѣчалъ графъ—cela ne m'étonne guère, parce qu'hier encore j'ai reçu de sa part une lettre sinon officielle, du moins officieuse, ou il me demande s'il peut espérer qu'après la mort de sa femme on lui conservera l'appartement de la cour, qu'ils avaient occupé ensemble a Tsarskoé Selo ²⁾!

Лѣтніе мѣсяцы 1851 года я провелъ, для здоровья моей жены, за границею, и потому все, происходившее на родинѣ, становилось мнѣ извѣстнымъ только изъ писемъ моихъ корреспондентовъ. Вотъ перечень главныхъ фактовъ, совершившихся во время моего отсутствія изъ столицы.

Съ княземъ Чернышевымъ сдѣлался ударъ, уже не первый въ его жизни, но сильнѣйшій прежнихъ. При одномъ изъ личныхъ докладовъ его государю, у него отнялся языкъ. Немедленное кровопусканіе спасло ему жизнь, но не могло вполне возстановить силъ, и его отвезли лѣчиться въ Киссингенъ.

1-е іюля было праздновано въ Петергофѣ разными воинскими торжествами минованіе 25 лѣтъ отъ назначенія императрицы шефомъ Кавалергардскаго полка.

Къ этому дню, весь корпусъ офицеровъ, прежнихъ и находившихся еще въ полку; поднесъ ей великолѣпнѣйшій альбомъ, съ разными живописными изображениями, относящимися до исторіи полка и пр., въ серебряномъ ковчегѣ и переплетѣ, за которые извѣстному нашему художнику Сазикову заплачено 15.000 р. сер. Но награды по полку не было никакихъ и причину такой невзгоды приписывали дуэли, бывшей, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, между двумя молоденькими офицерами, почти мальчиками, графомъ Гендриковымъ и барономъ Розеномъ. Послѣ обѣда, они повздорили между собою, и ссора кончилась тѣмъ, что Розенъ

¹⁾ Такъ какъ онъ имѣлъ намѣреніе туда ѣхать послѣ смерти своей жены.

²⁾ Итакъ—отвѣчалъ графъ.—Это меня не удивляетъ, потому, что вчера я еще получилъ отъ него письмо, если не официальное, то по крайней мѣрѣ услужливое, гдѣ онъ спрашиваетъ меня, можетъ ли онъ надѣяться, что послѣ смерти своей жены, ему оставятъ помѣщеніе во дворцѣ, которое они вмѣстѣ занимали въ Царскомъ Селѣ.

всадилъ Гендрикову пулю въ голову,—рана, отъ которой послѣдній умеръ, спустя нѣсколько дней, въ жестокихъ страданіяхъ.

Въ Владимірѣ, при крестномъ ходѣ, провалился только-что оконченный новый мостъ и въ паденіи своемъ увлекъ множество людей, слѣдовавшихъ за процессією. Изъ числа ихъ до 150 человекъ погибло на мѣстѣ и еще болѣе значительное число было изувѣчено.

Въ московской комиссаріатской комиссіи обнаружилия какіе-то безпорядки и недостатокъ суммъ, вслѣдствіе чего начальникъ ея, генераль-маіоръ Поливановъ, былъ отданъ подъ судъ. Прикѣновенность подсудимаго къ дѣлу оказалась, однако жъ, неважною, и государь простилъ его; но пока курьеръ везъ извѣстіе о томъ въ Москву, Поливановъ, не дождавшись его, застрѣлился ⁴⁾.

Для развлеченія офицеровъ въ Красносельскомъ лагерѣ, устроенъ былъ тамъ, по представленію наслѣдника цесаревича, временный театръ, на который пріѣзжали играть артисты императорскихъ театровъ. Эти спектакли, довольно часто повторявшіеся, открылись впервые «Бѣлоу Камелією», прелестною пьескою, сочиненною братомъ жены моею, надѣлавшею въ предшесшую зиму настоящій fuгоге въ С.-Петербургѣ и Москвѣ и въ особенности очень понравившеюся при дворѣ.

Красносельскими маневрами командовалъ въ это лѣто, съ одной стороны, графъ Ридигеръ, знаменитый покоритель Гергея. Государь былъ въ совершенномъ восхищеніи отъ искусныхъ его распоряженій и эволюцій и тѣмъ опять поднялъ старика, который, отъ малаго знанія дѣла и языка, погибалъ совершенно безмолвнымъ членомъ въ Государственномъ Совѣтѣ, не успѣвъ при томъ стяжать благоволенія къ себѣ князя Чернышева, постоянно обходившагося съ нимъ почти какъ съ мальчикомъ.

Въ теченіе лѣта, всемогущая смерть не коснулась ни одного изъ государственныхъ нашихъ сановниковъ, но унесла много людей, пользовавшихся извѣстностію въ другихъ отношеніяхъ. Умерли, между прочимъ, въ глубокой старости, два труженика науки: знаменитый ориенталистъ Френъ, слава нашей Академіи наукъ и одинъ изъ самыхъ ревностныхъ ея дѣателей, и тайный совѣтникъ Полѣновъ, много писавшій и еще болѣе работавшій про себя надъ собираніемъ матеріаловъ для нашей исторіи XVIII вѣка. Въ послѣднее время, онъ управлялъ всѣми архивами министерства иностранныхъ дѣлъ, и, сверхъ того, послѣ назначенія князя Шихматова министромъ, былъ назначенъ на его мѣсто предсѣдателемъ русскаго отдѣленія Академіи наукъ. Сверхъ того, умерли: живописецъ Егоровъ, одна изъ первыхъ артистическихъ нашихъ знаменитостей, особенно по живописи образовъ; президентъ медико-

⁴⁾ Императоръ Александръ II замѣтилъ: „Выдумка, онъ и доселѣ живъ“.

хирургической академіи Шлегель и архитекторъ Ефимовъ, составившій планъ для учрежденнаго въ то время въ Петербургѣ Ново-Воскресенскаго женскаго монастыря и погребенный подъ основаніями возникавшаго его произведенія.

Но важнѣйшимъ событіемъ этого періода времени было открытіе С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги, на первый разъ для императорской фамилии. Разумѣется, что по всему ея протяженію сперва нѣсколько разъ проѣхали: графъ Клейнмихель и, частію, даже обер-гофмаршалъ графъ Шуваловъ и лейбъ-медикъ Мандтъ, чтобы удостовѣриться, каждому по своей части, будетъ ли покоенъ проѣздъ для императрицы. 18-го августа, вечеромъ, она прибыла на Петербургскую станцію и провела ночь въ предназначенномъ для нея вагонѣ, состоявшемъ изъ трехъ изящно убранныхъ комнатъ, съ каминомъ, съ кухнею, погребомъ и ледникомъ. Поѣздъ, въ которомъ находились также государь, цесаревичъ съ супругою и двумя старшими своими сыновьями и оба младшіе великіе князя ¹⁾, тронулся 19-го числа въ 4-мъ часу утра, сначала очень медленно, чтобы не потревожить сна императрицы. Въ движеніи своемъ этотъ поѣздъ былъ неоднократно останавливаемъ государемъ для обозрѣнія разныхъ работъ желѣзной дороги и, сверхъ того, подвергся задержкѣ отъ нелѣпости одного изъ строителей, которому вздумалось, для украшенія какого-то моста, выкрасить идущіе по немъ рельсы масляною краскою ²⁾, отъ чего, несмотря на все напряженіе паровъ, колеса вертѣлись бесплодно, нисколько не подвигая локомотива, пока успѣхи отскоблить краску... Во многихъ пунктахъ дороги все окрестное населеніе стекалось къ ней, чтобы полюбоваться на царскую фамилію, впервые катящуюся по желѣзнымъ колеямъ изъ одной своей столицы въ другую. Но въ самой Москвѣ, отъ поздняго прихода поѣзда, родилась страшная сумятица. Неизвѣстно почему, рассчитали, что путешественники должны пріѣхать непременно въ 7 часовъ вечера, и съ этого часа весь городъ ждалъ у станціи. Но прибыло уже 8 и 9, а ихъ все еще нѣтъ; безпокойство и нетерпѣливость перешли въ волненіе. Толпа вообразила себѣ, что случилось какое-нибудь несчастіе. Стали кричать: «нѣтъ государя; уходила его злодѣя!» Шумъ все возрасталъ и принималъ почти размѣры бунта, какъ наконецъ въ 11 часовъ появился поѣздъ. Тогда не было предѣла восторгу. Выйдя изъ вагона, государь, въ виду всѣхъ перекрестясь и обнявъ Клейнмихеля, направился прямо къ часовнѣ Иверской Божіей Матери и пріѣхалъ въ Кремлевскій дворецъ уже въ первомъ часу ночи.

¹⁾ Императоръ Александръ II къ этому прибавилъ, что здѣсь же находилась: „Великая княгиня Ольга Николаевна съ своимъ супругомъ и герцогъ Веймарскій, сынъ великой княгини Маріи Павловны съ своей супругой“.

²⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „посыпать рельсы пескомъ“.

Двадцатипятилѣтіе коронаціи, 22-го августа, подобно двадцатипятилѣтію царствованія, не отличалось ничѣмъ особеннымъ при дворѣ. Государь еще прежде объявилъ, что ѣдетъ въ Москву молиться и благодарить Бога, а не веселиться, чѣмъ и объяснялось отсутствіе наградъ и всякихъ придворныхъ празднествъ. Вообще, во все это пребываніе въ Москвѣ императорскаго дома, было только два бала: у князя Сергія Михайловича Голицына и у военнаго генераль-губернатора, графа Загребскаго.

Молебствіе, совершенное 22-го августа въ Успенскомъ соборѣ, рѣчь митрополита Филарета и пр., какъ описанное въ газетахъ, не можетъ имѣть здѣсь мѣста; но о чемъ умолчали газеты, это о несчастіи, случившемся на желѣзной дорогѣ, на самыхъ первыхъ порахъ. Пока государь оставался въ Москвѣ, происходило по этой дорогѣ постоянное движеніе фельдъегерей; но, за неокончаніемъ еще вполнѣ втораго ряда рельсовъ, петербургскій имѣлъ приказаніе отправляться въ путь каждый разъ не прежде прибытія московскаго. Это правило было, однакожь, нарушено, и около Клина два поѣзда въ туманную погоду столкнулись на всемъ ходу, такъ что нѣсколько человекъ, машинистовъ и кочегаровъ легло на мѣстѣ. Вину въ этомъ одно вѣдомство слагало на другое. Дѣло, впрочемъ, осталось безъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Въ началѣ сентября, государь уѣхалъ изъ Москвы, для обозрѣнія войскъ, въ Луцкъ, Елисаветградъ и Кіевъ, а императрица, съ остальными членами своего дома, возвратилась въ Царское Село, снова тѣмъ же путемъ.

Открытіе желѣзной дороги для публики ¹⁾, за тѣмъ же неокончаніемъ еще втораго ряда рельсовъ, равно какъ нѣкоторыхъ станціонныхъ домовъ и пр. могло послѣдовать не прежде 1-го ноября. Много ли будетъ охотниковъ прокатиться по новой дорогѣ? спрашивали въ городѣ въ ожиданіи этого событія, и вездѣ почти слышался одинъ отрицательный отвѣтъ ²⁾. Съ одной стороны, пугали всѣхъ не собственно желѣзная дорога, а образъ ея устройства и движенія по ней въ Россіи, гдѣ столь многое предоставляется любимому нашему авось. Съ другой стороны, въ изданномъ тогда же Положеніи, являлись разныя стѣсненія, не только противныя порядку, заведенному вездѣ въ Европѣ, но и мало соотвѣтственныя свойству и назначенію желѣзныхъ дорогъ вообще. Отъ каждаго пассажира требовались и формальный паспортъ и свидѣтельство полиціи на безпрепятственный выѣздъ; всѣмъ надле-

¹⁾ Но еще не для товарныхъ поѣздовъ, которые стали отправляться лишь съ 11-го числа.

²⁾ Возвратясь изъ-за границы еще въ началѣ сентября, я въ это время давно уже былъ въ Петербургѣ.

жало быть на станціи за часъ до отправленія поѣзда, а пожитки свои привозить туда за два часа; запрещалось курить не только въ вагонахъ, но и на остановочныхъ пунктахъ и пр.

— Прибавьте къ этому—толковали въ городѣ—поспѣшность, съ которою устроена дорога, неопытность кондукторовъ и прочей прислуги. всю вѣроятность ихъ пьянства и всякихъ отъ нихъ грубостей, и согласитесь, что, въ первое по крайней мѣрѣ время, мало кто отважится на такую головоломную и окруженную столь многими неприятностями поѣздки!

По городу разнесся даже анекдотъ, разумѣется вымышленный, будто бы два министра, которыхъ взаимная ненависть была всѣмъ известна, находя, что обоимъ вмѣстѣ нельзя долѣе жить на свѣтѣ, но считая, однакоже, неприличнымъ ихъ званію и лѣтамъ кончить дѣло поединкомъ на животъ или на смерть, рѣшились бросить узелокъ, кому изъ нихъ трижды прокатиться по новой дорогѣ между столицами.

Несмотря на все это, та же публика, наканунѣ первой поѣздки, утверждала, что за требованіемъ билетовъ явилось до полутора тысячи человекъ, но что самой большей части было отказано, такъ какъ поѣздъ беретъ съ собою, въ одинъ разъ, не болѣе трехсотъ пассажировъ. И это все были одни празднословные вымыслы.

Первый поѣздъ долженъ былъ отправиться изъ С.-Петербурга и изъ Москвы одновременно, въ 11-ть часовъ. Ненастное и темное, почти какъ ночь, утро не помѣшало огромнымъ массамъ народа столпиться къ этому времени на станціи и вокругъ нея. То же самое происходило и въ Москвѣ, гдѣ любопытство возбуждено было еще въ высшей степени, ибо у насъ, по опыту сообщенія съ Царскимъ Селомъ и Павловскомъ, по крайней мѣрѣ знали уже давно, что такое желѣзная дорога, а тамъ она представлялась совершенною новизною. Публика ждала молебствія или освященія новаго пути, но ихъ не было, за совершеніемъ уже этого обряда передъ царскою поѣзdkoю.

— Да и зачѣмъ служить молебствіе?—говорили остряки,—скорѣе придется отслужить въ Москвѣ панихиду!

Наконецъ, вмѣсто 11-ти часовъ, поѣздъ, подъ предлогомъ новости дѣла, тронулся въ 20 минутъ 12-го и достигъ мѣста назначенія совершенно благополучно, но тоже, вмѣсто 5-ти часовъ утра, какъ слѣдовало по положенію, только въ 9-ть ¹⁾. Московскій поѣздъ, съ своей стороны, двинулся тоже въ 12-мъ часу и прибылъ сюда въ половинѣ 10-го. Пассажировъ на этотъ разъ было, по соразмѣрности, конечно, немного и съ обѣихъ сторонъ почти равное число. Изъ Петер-

¹⁾ Напечатанное Положеніе назначало для переѣзда 18-ть часовъ; но этотъ срокъ, съ перваго же дня, увеличенъ до 22-хъ.

бурга выѣхало: на первыхъ мѣстахъ 17, на вторыхъ 63 и на третьихъ 112, всего 192; изъ Москвы же пріѣхало всѣхъ 134. Въ противность предсказаніямъ скептиковъ, все оказалось прекраснымъ: и вагоны, и станціонные дома, и прислуга. Цѣны были опредѣлены съ перваго дня слѣдующія: за первое мѣсто 19, за второе 13, за третье 7 руб. сер.

Такимъ образомъ, въ теченіе менѣе года, совершились два огромныя событія, одно многознаменательное для Сѣверной столицы, другое и для нея, и для Москвы, и для цѣлой Россіи: открытіе Благовѣщенскаго моста, откинувшее всѣ ужасы весеннихъ и осеннихъ сообщеній черезъ Неву въ область преданій, и открытіе С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги, перенесшее, какъ нѣкогда, при первой мысли о томъ, выразился императоръ Николай, Москву въ Кронштадтъ и обратно.

Послѣ всѣхъ исполненныхъ подвиговъ славнаго царствованія, это былъ достойный вѣнецъ его двадцатипятилѣтія!

По возвращеніи моемъ изъ-за границы, я 23-го сентября былъ приглашенъ императрицею къ обѣду въ Царское Село. Государь, какъ я уже писалъ, въ началѣ этого мѣсяца поѣхалъ въ Луцкъ, Елисаветградъ и Кіевъ, и по маршруту ожидали его возвращенія только черезъ день, т. е. 25-го числа. За столомъ, сверхъ императрицы, цесаревича и его супруги, находились: министръ двора князь Волконскій, генералъ-адъютантъ графъ Паленъ, прусскій министръ Роховъ и я, всего семь человекъ; но оставался еще пустымъ восьмой приборъ, поставленный для великаго князя Константина Николаевича, который только передъ самымъ обѣдомъ прислалъ сказать, изъ Павловска, что почему-то не можетъ быть. Итакъ мы сѣли, кончили устерсы и супъ и уже принимались за говядину, какъ вдругъ тихо отворилась задняя дверь во внутреннія комнаты и изъ нея выглянулъ—государь, котораго, хотя онъ обыкновенно предупреждалъ маршрутные сроки, въ эту именно минуту никто не ожидалъ. Императрица вспорхнула, какъ птичка, съ своего мѣста, и всѣ мы, разумѣется, тоже тотчасъ вскочили изъ-за стола. Пошли семейныя объятія, разспросы, точно въ частномъ быту; прибѣжали немедленно и дѣти цесаревича и повисли на шеѣ у дорогаго дѣдушки.. Впервые еще случилось мнѣ быть свидѣтелемъ такой фамильной сцены въ царственномъ домѣ, и передъ величественною простотою этой картины я едва могъ удержаться отъ слезъ. Рохова, проведшаго лѣто на франкфуртскомъ сеймѣ, государь также обнялъ, а намъ, остальнымъ, ласково поклонился, назвавъ каждого поименно. Потомъ сѣли опять за столъ, накрытый, какъ я уже сказалъ, будто нарочно на восьмерыхъ. Хозяинъ, какъ былъ, въ дорожномъ сюртукѣ, помѣстился возлѣ хозяйки, мы спустились каждый ниже на одинъ при-

боръ, и обѣдъ начался съизнова. Государь казался чрезвычайно утомленнымъ и прямо въ томъ сознавался, рассказывая, что всего только четверо сутокъ съ четырьмя часами какъ выѣхалъ изъ Елисаветграда, да и изъ этого времени одѣтъ сутки провелъ еще въ Кіевѣ.

— Гдѣ не было шоссе и по пескамъ—говорилъ онъ,—мы (т. е. онъ съ графомъ Орловымъ) никакъ не успѣвали сдѣлать въ сутки болѣе 340 верстъ; но на шоссе, какъ посмотрѣли сегодня при утреннемъ чаѣ сколько проѣхали отъ вчерашняго, т. е. въ 24 часа, вышло 480 верстъ.

Боже мой! подумалъ я, какая непрерывная нить опасностей для этой дорогой жизни! И когда каждый изъ насъ, послѣ такого полета и столькихъ бессонныхъ ночей, тотчасъ залегъ бы спать, этотъ человѣкъ, составлявшій во всемъ изысканіе, едва сѣвъ за столъ, послалъ фельдъегеря въ Павловскъ сказать Константину Николаевичу, чтобы отнюдь не пріѣзжалъ самъ, а ждалъ бы его.

— Quand nous nous leverons de table—прибавилъ онъ—et que je me serai dégrassé et rasé, j'irai embrasser la nouvelle-née (родившуюся въ его отсутствіи великую княжну Ольгу Константиновну) et la maman.

Разговоръ за столомъ носилъ на себѣ, однакожь, явные слѣды усталости новопрѣзжаго. Государь коротко спрашивалъ о Царскосельскомъ и Павловскомъ обществѣ того сезона, о тамошнихъ увеселеніяхъ, о томъ, гдѣ Паленъ и я провели лѣто за границею, о здоровьи князя Чернышева и фельдмаршала князя Варшавскаго, котораго въ Луцкѣ, при смотрѣ, ушибла лошадь; но не входилъ самъ ни въ какіе подробные рассказы и не предлагалъ также тѣхъ плодотворныхъ вопросовъ, которыми такъ всегда умѣлъ поддерживать бесѣду. Замѣтно было, впрочемъ, изъ его словъ, что онъ въ эту поѣздку остался чрезвычайно доволенъ тремя вещами: 1) осмотрѣнными имъ войсками; 2) новымъ Московско-Бобруйскимъ шоссе, которому, какъ онъ тутъ же отозвался, «никогда подобнаго не видывалъ, а лучшаго, конечно, никогда и не увидитъ», 3) весьма уже далеко подвинувшимся въ то время постояннымъ мостомъ черезъ Днѣпръ у Кіева. Обѣдъ шелъ чрезвычайно скоро; государь кушалъ очень мало, а за нимъ спѣшили или отказывались и другіе; послѣ же стола тотчасъ подали кофе, а за нимъ, почти въ ту же минуту, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ, послѣдовалъ и прощальный поклонъ.

Поѣздка эта, какъ я слышалъ послѣ отъ имѣвшихъ случаи часто видѣть государя, если и утомила его болѣе обыкновеннаго тѣлесно, то чрезвычайно оживила его духъ, въ которомъ, въ послѣднее передъ нею время, замѣчали какую-то особенную мрачность, или, что называется, *mauvaise humeur*. Проявленіе этого дурнаго расположенія духа преимущественно обнаруживалось всегда, когда шло дѣло о заграничныхъ отпускахъ, въ разрѣшеніи которыхъ, кромѣ значительнаго возвышенія

цѣны за паспорта (250 р. для здоровыхъ и 100 р. для больныхъ), онъ снова сдѣлался въ это время строже и разборчивѣе, чѣмъ когда-либо. Одному богатому, неслужащему курляндцу, съ родни мнѣ, который просился къ водамъ съ больною семьею, было объявлено, что онъ, вмѣсто чужихъ краевъ, можетъ ѣхать къ отечественнымъ водамъ. Такіе примѣры, какъ и простые отказы, повторялись безпрестанно. Но ни надъ кѣмъ дѣло не разразилось такъ плачевно, какъ надъ сыномъ бывшаго нѣкогда оберъ-штальмейстера князя Долгорукова, служившимъ въ Государственной канцеляріи и просившимся за границу на годъ, по здоровью, не только разстроенному, но и совершенно разрушенному. На представленіи о томъ, государь, къ испугу высшаго петербургскаго общества, написалъ: «Уволить отъ службы».

Восхищеніе государя отъ Брестъ-Литовскаго шоссе, изъявленіямъ котораго я былъ свидѣтелемъ, не осталось безъ послѣдствій, можно сказать совершенно необычайныхъ и безпримѣрныхъ. Это шоссе, со всѣми къ нему принадлежностями, строилъ, по подряду, отставной поручикъ Воляриарскій, человекъ очень хорошій, очень умный и гениальный спекуляторъ, въ совершенствѣ исполнившій въ этомъ случаѣ свою контрактную обязанность, но взявшійся за дѣло, какъ и всякій подрядчикъ, все же имѣя въ виду извлечь для себя выгоды. Вдругъ, приказомъ 25-го сентября, онъ «за примѣрно-превосходное и совѣстное исполненіе взятой на себя обязанности, былъ пожалованъ изъ отставныхъ поручиковъ—прямо въ статскіе совѣтники, съ назначеніемъ состоять при I-мъ отдѣленіи собственной его величества канцеляріи для особыхъ порученій!

12-го октября, совершилось пятидесятилѣтіе службы нашего министра финансовъ. Это число пришлось въ пятницу, всегдашній день его личнаго доклада; но государь, въ нѣжной предупредительности, велѣлъ ему на этотъ разъ явиться къ себѣ, вмѣсто пятницы, въ четвергъ. Едва Вронченко вошелъ въ кабинетъ, какъ государь, взявъ со стола приготовленные заранѣе знаки Андреевскаго ордена, самъ ихъ на него возложилъ и потомъ прочелъ ему написанный собственноручно проектъ грамоты на эту милость. Вронченко, почти въ безпамятствѣ отъ такого счастья, припалъ къ его ногамъ и умолялъ отдать ему этотъ черновой проектъ, какъ драгоценнѣйшую для него награду; но государь не согласился, говоря, что проектъ отошлется въ 1-е отдѣленіе собственной канцеляріи, для заготовленія по немъ настоящей грамоты. Въ городѣ нельзя было обратиться толковъ и пересудовъ о новомъ андреевскомъ кавалерѣ; но едва-ли они имѣли основаніе. Важнѣйшее, неожиданнѣйшее, невѣроятнѣйшее, такъ сказать рѣшительнѣйшее въ карьерѣ Вронченко было—назначеніе его управлять министерствомъ фи-

нансовъ; все же прочее, какъ скоро труды и личность его были угодны государю, должноствовало слѣдовать за этимъ само-собою.

Еще зимою съ 1850 на 1851 годъ учрежденъ былъ особый Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ наслѣдника цесаревича, для разсмотрѣнія вопроса: быть или не быть желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Варшаву. Этотъ Комитетъ рѣшилъ дѣло, преимущественно основавшись на мнѣніи графа Гурьева, тѣмъ, чтобы окончателное разсмотрѣніе его отложить на годъ со времени открытія Московской дороги, дабы удостовѣриться изъ опыта, какіе доходы будетъ приносить сія послѣдняя. Но, въ пребываніе свое въ Москвѣ осенью 1851 года, государь перевершилъ этотъ вопросъ, велѣвъ приступить къ построению Варшавской дороги немедленно и въ возможной скорости, не столько для тѣхъ цѣлей, для которыхъ обыкновенно сооружаются желѣзныя дороги, сколько изъ видовъ стратегическихъ.

— Въ случаѣ внезапной войны,—говорилъ онъ,—притеперешней общей сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ, Варшава, а оттуда и весь нашъ западъ могутъ быть наводнены непріятельскими войсками прежде, чѣмъ наши успѣютъ дойти изъ Петербурга до Луги.

Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было новую дорогу строить на счетъ казны, посредствомъ займа. Прямаго публичнаго извѣщенія о семъ, впрочемъ, въ то время, не послѣдовало, но явилось, нѣкоторымъ образомъ, косвенное, въ приказѣ 8-го октября, которымъ объявлялось особенное монаршее благоволеніе товарищу главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, генералу Герстфельду, за «отличное и вполнѣ удовлетворительное исполненіе возложеннаго на него порученія по изысканіямъ къ сооруженію С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги».

Смерть короля Ганноверскаго, этого энергическаго до упорства старичка, который одинъ, въ минувшіе страшные годы, умѣлъ отстоять монархизмъ въ Германіи, не осталась у насъ безъ нѣкотораго сочувствія, хотя, впрочемъ, по его лѣтамъ, она не могла быть неожиданною. Извѣстіе о ней пришло сюда въ одну изъ ноябрьскихъ субботъ, когда на воскресенье уже былъ назначенъ спектакль въ Царскомъ Селѣ, гдѣ имѣлъ еще свое пребываніе императорскій домъ. Вслѣдствіе того спектакль отгѣнили, но только въ половину, т. е. вмѣсто представленія въ постоянномъ театрѣ, устроенномъ въ одной изъ залъ стараго дворца, актеры играли въ Александровскомъ, гдѣ, вмѣсто декорацій, были поставлены простыя ширмы. Въ этотъ день давалась новая, неизгранная еще тогда на петербургскихъ театрахъ, русская пьеска, въ родѣ французскихъ «Провербовъ», подъ заглавіемъ: «Чему быть, тому не миновать». Эта умная, милая болтовня принадлежала также перу сочинителя

«Бѣлой Камелии», т. е. брату моей жены. Государь чрезвычайно остался ею доволенъ и нѣсколько разъ принимался хвалить (впрочемъ заочно) своего редактора «Инвалида», должность, которую занималъ въ то время мой шурина.

Большія собранія въ петербургскомъ высшемъ обществѣ, въ теченіе зимы 1851 года, были чрезвычайно рѣдки. При всѣхъ препонахъ, полагавшихся заграничнымъ поѣздкамъ, главная часть нашего большого свѣта находилась тогда въ Парижѣ, и вмѣсто того, чтобы принимать здѣсь, распредѣлила между собою вечера тамъ. Посреди политическаго шума, борьбы партій и ожидавшихся безпокойствъ, графъ Воронцовъ-Дашковъ, графиня Разумовская, князь Радзивиллъ, Рибопьеръ и другіе учредили свои пріемные дни въ заперщенномъ Парижѣ, какъ бы у себя дома, въ нашемъ мирномъ Петербургѣ!

26-го ноября, въ Георгіевъ день, ровно черезъ четыре года послѣ присяги великаго князя Константина Николаевича, принесъ такую же съ тѣмъ же торжествомъ и по тому же церемонаіалу, великій князь Николай Николаевичъ. Случилось только двѣ разницы въ окружавшихъ обстоятельствахъ: во 1-хъ, Константинъ Николаевичъ во время своей присяги былъ уже женихомъ и даже сама невѣста его уже находилась въ Петербургѣ, а для Николая Николаевича будущее его въ семь отношеніи оставалось еще покрытымъ совершенною неизвѣстностью; во 2-хъ я тогда уже болѣе мѣсяца преподавалъ Константину Николаевичу законовѣдѣніе, а братъ его еще не приступалъ ни къ какимъ занятіямъ по этой части. Наканунѣ этого дня, пришли сюда первыя телеграфическія вѣсти о новомъ переворотѣ въ Парижѣ, приблизившемъ Наполеона «le petit», какъ его тогда у насъ называли, къ роли Наполеона «le grand».

Разныя преобразованія, предпринятая въ Публичной библиотекѣ со времени вступленія моего въ управленіе ею, повели за собою, между прочимъ, и составленіе, для ея посѣтителей, новыхъ правилъ. Проектъ ихъ я отвезъ, въ началѣ декабря, къ князю Волконскому. Бѣдный старичекъ въ то время уже около мѣсяца имѣлъ ноготѣду на ногѣ и не выѣзжалъ, даже не могъ ходить, сколько отъ боли, столько и отъ невозможности обуваться. Эти страданія не мѣшали ему, однакожъ, работать и оканчивать дѣла съ обыкновенною дѣятельностью и быстротою, и вся разница состояла въ томъ, что государь, вмѣсто пріема его и выслушыванія его докладовъ у себя, самъ къ нему приходилъ ¹⁾. При та-

¹⁾ Князь жилъ во дворцѣ, близъ стараго Эрмитажа, и особый подъѣздъ, съ котораго вѣла къ нему лѣстница, назывался, частью и официально, подъѣздомъ „князя Волконскаго“.

комъ докладѣ, врученъ былъ Волконскимъ и мой проектъ. На другой день, государь встрѣтилъ меня съ моимъ сыномъ въ Большой Морской.

— Здорово, Корфъ, — сказалъ онъ, остановившись указывая на моего мальчика, — что, который номеръ? А все ли у тебя благополучно? Читаль я твое Положеніе для посѣтителей; все очень хорошо, только не надо пускать въ Библиотеку кадетъ. Что имъ тамъ читать при элементарномъ ихъ образованіи? Нужныя по степени ихъ книги есть и въ собственныхъ корпусныхъ бібліотекахъ. Нижнимъ чинамъ тѣмъ болѣе нечего тамъ дѣлать. Студенты—дѣло другое: это прямая ихъ обязанность и назначеніе. Передѣлай же, пожалуйста, статью въ этомъ смыслѣ.

Подъ конецъ царствованія императора Николая, частью отъ болѣзненнаго состоянія императрицы, частью же отъ увеличившагося въ немъ самомъ, съ лѣтами, нерасположенія къ представительности, то, что называется при нашемъ дворѣ большими выходами, т. е. церемоніальныя шествія въ придворный соборъ, бывавшія въ прежнее время разъ двѣнадцать и болѣе въ году, становились постепенно все рѣже и назначались, напослѣдокъ, кромѣ какихъ-нибудь особенныхъ придворныхъ церемоній (крестинъ, бракосочетаній и проч.) уже только въ Пасху, въ Рождество и въ праздникъ Богоявленія. Такъ и 6-го декабря 1851 г., въ день тезоименитства государя, все ограничилось однимъ лишь выходомъ въ малую Дворцовую церковь, въ которую приглашалась всегда военная свита, а изъ числа прочихъ особъ являлись, безъ зова, только нѣкоторые изъ членовъ Государственнаго Совѣта и изъ другихъ приближенныхъ. Послѣ обѣдни, государь, сказавъ нѣсколько словъ старшимъ членамъ Совѣта, обошелъ быстро остальныхъ и, остановившись передо мною, стоявшимъ однимъ изъ послѣднихъ, протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— А я къ тебѣ опять съ челобитною: за двухъ послѣднихъ, понимаешь? Надѣюсь, что ты, изъ дружбы ко мнѣ, и въ этотъ разъ не откажешь.— И онъ пошелъ такъ скоро далѣе, что я могъ только поклониться, не успѣвъ ничего выговорить.

Между тѣмъ, мнѣ не трудно было понять, къ чему относились эти мимолетныя слова, такъ какъ еще наканунѣ управлявшій воспитаніемъ великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей генералъ-адъютантъ Философовъ предварилъ меня объ отъѣздѣ государя, что и имъ уже пора бы начать свои занятія по законовѣднію и что онъ самъ меня о томъ попросить. Вслѣдствіе того, возвратясь домой, я написалъ записку, въ которой, изъявивъ благоговѣйную готовность сдѣлаться, по силамъ, достойнымъ вновь явленнаго мнѣ знака монаршаго довѣрія, испрашивалъ разрѣшеніе, должны ли занятія съ великими князьями имѣть то же содержаніе и тотъ же объемъ, какіе предначертаны были его величествомъ для бесѣдъ моихъ съ старшимъ ихъ братомъ?

Записка эта возвратилась съ слѣдующею надписью: «Душевно благодарю; желаю, чтобъ занятія ваши были совершенно на подобіе бывшихъ съ Константиномъ Николаевичемъ, хотя предвараю, что младшіе братья не столь еще приготовлены, какъ былъ онъ».

Великіе князья Николай и Михайлъ Николаевичи были воспитаны и ведены, какъ и всѣ дѣти императора Николая, въ самой патриархальной простотѣ. Половина ихъ, въ Зимнемъ дворцѣ, въ концѣ извѣстнаго большаго корридора, возлѣ самой ротонды, передъ малою Дворцовою церковью, состояла, кромѣ самой маленькой передней, всего изъ трехъ комнатъ: залы, которая была вмѣстѣ бильярдною, гостиною и даже столовою (для завтраковъ, потому что обѣдали великіе князья вмѣстѣ съ августѣйшими своими родителями); спальни, гдѣ стояли, почти рядомъ, имѣя какую-нибудь сажень между собою, головами къ стѣнѣ, двѣ низенькія и узенькія походныя кровати, и гдѣ, на диванѣ, постоянно спалъ при нихъ многіе годы помощникъ Философова, дальній мой родственникъ, теперь генералъ-адъютантъ, баронъ Корфъ; наконецъ учебной, гдѣ вдоль всѣхъ стѣнъ размѣщена была библіотека. Большою залою, примыкавшею къ учебной и посреди которой стояла огромная модель корабля ¹⁾, они располагали только въ случаѣ чрезвычайныхъ и болѣе многочисленныхъ пріемовъ. Когда начались мои занятія съ ними, я, при одной изъ нашихъ бесѣдъ, чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ и жаловался на лихорадочный ознобъ.

— Совѣтую вамъ,—сказалъ Михайлъ Николаевичъ,—напитаться на ночь горячаго чаю и хорошенько укрыться шинелью.

Этотъ совѣтъ укрыться шинелью содержалъ въ себѣ цѣлую исторію ихъ спартанскаго воспитанія!

22-го декабря, за столомъ у государя присутствовали, сверхъ цесаревича и его супруги и двухъ младшихъ братьевъ, генералъ-адъютантъ графъ Паленъ, оберъ-шенкъ графъ Віельгорскій и я.

— Ну—сказалъ государь, подойдя передъ обѣдомъ ко мнѣ первому—я, кажется, испытываю твое терпѣніе до конца (намекъ на новыхъ моихъ учениковъ); но за то, уже впередъ, огромное тебѣ спасибо.

За нѣсколько дней передъ симъ, цесаревичъ и супруга его осчастливили своимъ посѣщеніемъ обновленную мною Публичную библіотеку и остались всѣмъ очень довольны. Какъ только сѣли за столъ, государь сказалъ:

¹⁾ Въ этой залѣ прежде, при императорѣ Александрѣ I-мъ и въ первые годы царствованія его преемника, собирался Государственный Совѣтъ, переведенный, впоследствии, въ Эрмитажъ.

— Я слышу отъ дѣтей, что ты сдѣлалъ изъ библіотеки просто чудеса, и кругомъ виновать, что еще не побывалъ у тебя; но если бѣ ты зналъ, какъ въ концѣ года я заваленъ... постараюсь, впрочемъ, скоро исправить свою вину ¹⁾. Виновать еще и въ томъ, что отнял у тебя твои хорошенькія рукописи, съ которыми свидѣлся, впрочемъ, въ Эрмитажѣ, какъ съ старыми знакомыми: представь, что онѣ мнѣ памятны, почти совѣстно сказать, еще съ 1805 года, когда ихъ привезъ Дубровский! Правда, что, въ тогдашнія мои лѣта, онѣ не много доставляли мнѣ удовольствія... За то, я велѣлъ передать тебѣ изъ Эрмитажа разныя другія рукописи и пропасть книгъ. Надо жѣ намъ, наконецъ, согласиться въ цѣли. Эрмитажная библіотека есть, въ моемъ понятіи, семейная, и потому въ ней должно быть то, что можетъ понадобиться мнѣ или моему семейству; все прочее, вся латынь, все ученое, слѣдуетъ въ Публичную библіотеку, гдѣ будетъ гораздо полезнѣе. При томъ оба заведенія состоятъ теперь въ одномъ главномъ вѣдомствѣ и все нужное Эрмитажу можно будетъ тотчасъ получать изъ библіотеки.

Далѣе, государь говорилъ еще о торфяномъ ея отопленіи и прибавилъ, что запахъ отъ него заносится даже въ Караванную; хвалилъ мысль мою имѣть во внутреннихъ лѣстницахъ деревянныя ступени, потому что, въ случаѣ пожара, ихъ можно тотчасъ отломать, а желѣзныя такъ накаляются, что становятся хуже деревянныхъ; рассуждалъ, тоже съ похвалою, о произведенномъ нами перемѣщеніи всѣхъ печей въ подвалы, о вновь устроенныхъ вертящихся витринахъ и пр.; словомъ, изъяснялся обо всѣхъ сдѣланныхъ у насъ улучшеніяхъ, какъ бы самъ ихъ осматривалъ, очевидно по рассказамъ его сыновей. Но когда я упомянулъ, что во всемъ этомъ гораздо болѣе заслуга со стороны моего помощника князя Одоевскаго съ архитекторомъ Соболевичевымъ, которыми все главное сдѣлано во время заграничной моей поѣздки, то онъ замаялъ мои слова и, какъ бы не разспышавъ ихъ, перемѣнилъ предметъ разговора. Было также говорено объ извѣстной московской коллекціи старопечатныхъ книгъ Карабанова, именно около этого времени перешедшей, послѣ смерти ея владѣльца, въ руки правительства, и объ еще болѣе извѣстномъ московскомъ же «Древлехранилищѣ» Погодина, о которомъ въ особенности цесаревна отзывалась съ чрезвычайнымъ уваженіемъ.

— Уполномочиваю тебя—сказалъ мнѣ государь—если Погодинъ расположится продать свое собраніе, при жизни или послѣ смерти, войти съ нимъ въ условія для его приобрѣтенія въ казну. Всегда желатель-

---

¹⁾ Государь, дѣйствительно, удостоилъ библіотеку своимъ посѣщеніемъ 13-го декабря 1852 года.

нѣе, для самаго сбереженія такихъ коллекцій, чтобы онѣ оставались въ рукахъ правительства, а не частныхъ людей ¹⁾).

— Et pourtant,—замѣтила цесаревна—si ici un particulier n'avait pas songé à recueillir et à ramasser ces curiosités elles auraient été perdues pour la science.

— C'est vrai,—отвѣчалъ государь—mais quel est le sort ordinaire de ces collections? Après la mort de celui qui les a amassées à grands frais, des héritiers ignorants ou cupides cherchent à s'en défaire à tout prix et elles finissent par se diffémener, s'il n'arrive pas encore pire, comme avec la célèbre collection du Comte Pouchkine, brûlée en 1812 ²⁾. Я благодарилъ за великолѣпный портретъ императрицы Екатерины II, работы современнаго ей художника Левицкаго, присланный библиотекѣ въ подарокъ отъ государя, и сказалъ, что онъ поставленъ въ Ларинской залѣ, гдѣ производитъ неподобный эффектъ, составляя, однакожь, маленькій анахронизмъ, потому что и Ларинская зала и вся эта часть библиотеки построена при нынѣшнемъ государѣ, котораго портретъ находится въ отдѣленіи рукописей.

— Этому легко пособить,—возразилъ усмѣхнувшись государь—мою рожу выкинуть, а на ея мѣсто поставить портретъ Екатерины.

— Позвольте протестовать противъ этого, государь—отвѣчалъ я—вашъ портретъ стоитъ между знаменитыми трофеями вашихъ побѣдъ: рукописями Ахалцихскими, Ардебильскими и пр. и не можетъ тутъ никому уступить своего мѣста!

Изъ числа разговоровъ, не относившихся до библиотеки, интереснѣйшіе за этимъ обѣдомъ были слѣдующіе:

1) Государь спросилъ у императрицы:

— As-tu déjà lu la lettre de Fritz (такъ онъ называлъ всегда, въ домашнемъ кругу, прусскаго короля)? Il va jusqu'à dire qu'avant la fin de l'année prochaine Louis Napoléon deviendra notre collègue. Je me permets d'en douter. Qu'il devienne tout ce qu'il voudra, grand-Muphti même, s'il lui plait; mais quant au titre d'Empereur ou de Roi, je ne crois pas qu'il soit assez imprudent pour y viser... J'ai encore remarqué

¹⁾ Послѣ многихъ переговоровъ, собраніе Погодина было куплено, осенью 1852 года, за 150 тыс. руб. сер.

²⁾ — И однако,—замѣтила цесаревна,—если бы здѣсь частный человекъ не подумалъ собрать и подобрать эти рѣдкости, онѣ были бы потеряны для науки.

— Это вѣрно,—отвѣчалъ государь,—но какова обыкновенно участь этихъ коллекцій? Послѣ смерти того, кто собралъ ихъ съ большими расходами, невѣжественные или алчные наслѣдники стараются во что бы то ни стало отъ нихъ отдѣлаться и кончаютъ тѣмъ, что коллекція умалется, если худшее не случается, какъ со знаменитою коллекціею графа Пушкина, сгорѣвшей въ 1812 г.

une chose dans la lettre de Fritz: il prétend que Louis Napoléon a été, par sa conduite, cause de la mort de sa mère; mais jamais je n'en ai entendu parler ¹⁾, и государь обратился съ вопросомъ о томъ къ графу Палену, какъ долго находившемуся нашимъ посланникомъ въ Парижѣ; но и тотъ отвѣчалъ, что никогда ничего подобнаго не слыхивалъ ²⁾.

2) Была рѣчь о замѣнѣ въ Англии министерства Пальмерстона министерствомъ Гренвилля; но государь, несмотря на известное его нерасположеніе къ первому, не выразилъ тутъ никакого мнѣнія и сдѣлалъ только Палену нѣсколько вопросовъ о прежней карьерѣ Гренвилля.

3) Спросивъ меня, видѣлъ ли я новую драму Кукольника: «Денщикъ», государь очень ее хвалилъ. Когда же цесаревичъ замѣтилъ, что въ ней есть хорошіе стихи, но, какъ драматическое пѣлое, она лишена жизни, длинна и скучна (что было и общимъ мнѣніемъ публики), государь согласился, что пьеса слишкомъ растянута.

4) На вопросъ императрицы, поѣдетъ ли государь въ тотъ вечеръ въ театръ, онъ отвѣчалъ, что еще не знаетъ, удосужится ли, потому что долженъ писать фельдмаршалу (князю Варшавскому).

— Бѣдный фельдмаршалъ,—продолжалъ государь—мало того, что онъ самъ все хвораетъ и хвораютъ также и умираютъ его дѣти; вотъ теперь сгорѣлъ еще его Гомель (имѣніе князя въ Могилевской губерніи) со всеѣмъ, что было у него тамъ собрано.

¹⁾ Государь спросилъ у императрицы:

— Прочла ты уже письмо Фрица? Онъ дошелъ до того, что говорить, будто до конца будущаго года Людовикъ Наполеонъ сдѣлается нашимъ товарищемъ. Я позволяю себѣ сомнѣваться въ этомъ. Пусть онъ сдѣлается чѣмъ онъ захочетъ, самымъ великимъ Муфтиомъ, если это ему нравится, но что касается до титула императора или короля, я не думаю, чтобы онъ былъ настолько неостороженъ, чтобы посягалъ на него.... Я еще замѣтилъ одну вещь въ письмѣ Фрица: онъ утверждаетъ, что Людовикъ Наполеонъ, чрезъ свое поведеніе, былъ причиною смерти своей матери; но я никогда не слышалъ объ этомъ.

²⁾ Здѣсь—одна очень примѣчательная вещь. На другой день, встрѣтись съ графомъ Бенкендорфомъ (племянникомъ шефа жандармовъ и наслѣдникомъ его графскаго титула), пріѣхавшимъ сюда изъ Берлина, гдѣ онъ состоялъ въ то время военнымъ нашимъ агентомъ и, вмѣстѣ, домашнимъ, такъ сказать, посредникомъ между обоими царственными домами, я рассказалъ ему объ этомъ разговорѣ. „Comment—возразилъ онъ—personne n'a-t-il donc remarqué que le Roi de Prusse dans sa lettre ne songeait nullement à la véritable mère de Louis Napoléon et qu'il s'exprimait simplement a u figuré, en voulant dire que le président de la république avait violé et abrogé la constitution, dont lui-même était le produit et le fils“. (Какъ,—сказалъ онъ,—никто не замѣтилъ, что король прусскій въ своемъ письмѣ нисколько не думалъ о настоящей матери Луи Наполеона и что онъ выражался иносказательно, желая сказать, что президентъ республики, будучи ея сыномъ, нарушилъ и ограничилъ конституцію).—Дѣйствительно, это никому не пришло на мысль.

5) Вслѣдствіе какого-то à parte съ сидѣвшею возлѣ государя цесаревною, котораго я не разслышалъ, онъ перечислилъ всѣхъ женъ преступниковъ 14-го декабря, которыхъ, при ссылкѣ ихъ мужей въ Сибирь, добровольно за ними послѣдовали, и прибавилъ, что, во всякомъ случаѣ, «c'était un trait de dévouement digne de respect, d'autant plus qu'on voyait si souvent le contraire» ¹⁾).

Во время стола прибѣжали дѣти цесаревича и съ ними маленькій Николай Константиновичъ, котораго, вмѣстѣ съ его сестрою, перевезли на время отсутствія ихъ родителей (они проводили ту зиму въ Венеціи), въ Зимній дворецъ, подъ крылышко къ доброй бабушкѣ, и помѣстили гамъ въ комнатахъ, бывшихъ великой княгини Ольги Николаевны.

За обѣдомъ у императрицы сдѣлался обыкновенный ея припадокъ біенія сердца, и она принуждена была удалиться, что, однакожъ, не помѣшало ей принять насъ послѣ стола, лежа на диванѣ, у котораго сѣли государь и всѣ мы.

— Allez vous aujourd'hui chez les enfans?—спросила она меня—je veux dire chez les grands enfans: Nicolas et Michel ²⁾)?

— Я отвѣчалъ, что это не мой день и что буду у нихъ завтра.

— Tâchez donc d'en faire non des juriconsultes, mais des hommes connaissant les véritables intérêts de leur patrie»—сказала императрица ³⁾).

¹⁾ Это былъ знакъ преданности, достойный уваженія, тѣмъ болѣе, что такъ часто видимъ противное.

²⁾ Идете вы сегодня къ дѣтямъ? спросила она меня.—Я хочу сказать къ большимъ дѣтямъ: Николаю и Михаилу?

³⁾ Постарайтесь сдѣлать изъ нихъ не юрисъ-консультовъ, но людей знающихъ настоящіе интересы ихъ отечества,—сказала императрица.

Въ исторіи Московскаго университета въ началѣ XIX вѣка.

Письмо М. Муравьева къ В. Н. Каразину ¹⁾.

Я все брежу объ университетѣ и посылаю вамъ мой бредъ. Не такимъ ли образомъ выразить намъ въ докладѣ?

Что касается до Московскаго университета, то для доставленія ему всей дѣятельности и вліянія, каковыхъ онъ можетъ быть способенъ, комитетъ устремилъ все свое вниманіе, какъ на разсмотрѣніе недостатковъ, препятствовавшихъ ему донинѣ исполнять совершенно назначеніе свое, такъ и на присканіе истинныхъ способовъ увеличить принимаемую имъ пользу. Съ одной стороны усмотрѣли мы, что первоначальное начертаніе его было чрезвычайно ограничено, какъ малымъ числомъ и содержаніемъ профессоровъ, такъ и скуднымъ иждивеніемъ, употребленнымъ на студентовъ, которые ожидали нетерпѣливо времени оставить университетъ, не окончивъ полного ученія. Гимназія, смѣшанная съ университетомъ, занимала главное вниманіе какъ начальниковъ онаго, такъ и публики и налагала нѣкоторое неуваженіе на самый университетъ. Съ другой стороны въ проектѣ, предложенномъ разсмотрѣнію комитета, и бумагахъ, заимствованныхъ отъ кураторовъ, не видя на нѣкоторое прѣвіе противныхъ мнѣній, не нашли мы средствъ довольно сильныхъ для отвращенія сихъ неудобностей.

Я оставляю строчки сіи въ полное распоряженіе ваше и есмь съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ и преданностію вашъ покорнѣйшій слуга

М. Муравьевъ.

P.S. Я помню гдѣ-то выраженіе: въ глубокой увѣренности; не лучше ли въ полномъ увѣреніи.

¹⁾ Въ сожалѣнію, на собственноручномъ письмѣ М. Муравьева нѣтъ обозначенія времени, когда писано письмо.

Ред.

Александръ Ефимовичъ Измайловъ.

1779—1831 гг. ¹⁾

III.

1826—1829 годы жизни Измайлова.—Служба въ Твери.—Служебныя и литературныя занятія Измайлова.—Тверское общество; отношеніе его къ Измайлову и Измайлова къ нему.—Причины перевода въ Архангельскъ.—Измайловъ въ Архангельскѣ. Общество послѣдняго.—Непріятности по службѣ. С. И. Милицкій. Ссора съ нимъ Измайлова и устраненіе послѣдняго отъ службы вице-губернатора.—Отъѣздъ Измайлова въ Петербургъ.

1826 годомъ начинается новая эпоха въ жизни и дѣятельности Александра Ефимовича. Ноября 5-го, какъ значится въ формулярѣ, онъ былъ опредѣленъ въ Тверь на должность вице-губернатора.

«Не знаю еще самъ»—писалъ онъ И. И. Дмитріеву 9-го ноября—«долго ли останусь въ Петербургѣ. И прежде имѣлъ мало времени на служеніе Музамъ; теперь велятъ совсѣмъ ихъ оставить и посвящать все время на дѣла Вакха».... ²⁾

Оставивъ семью въ Петербургѣ и взявъ съ собой лишь сына Александра (впослѣдствіи профессора Военно-Медицинской Академіи), онъ выѣхалъ изъ столицы и въ декабрь 1826 года былъ уже на мѣстѣ новаго служенія.

Трудно сказать положительно, что заставило Александра Ефимовича промѣнять, какъ онъ самъ выражается, «служеніе Музамъ на дѣла Вакха»,—можетъ быть, непріятности по службѣ въ Петербургѣ, отъ ко-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ июнь 1900 г.

²⁾ „Русск. Архивъ“ 1871 г., стр. 994—995. См. также его стих. „На отъѣздъ въ Тверь“ (Собр. соч., т. I, стр. 265—267).

торыхъ, какъ мы видѣли, онъ не былъ свободенъ; но вѣрнѣе предположить, что причиной къ тому были расчеты чисто матеріальныя, а, пожалуй, и усталость отъ постоянно напряженной дѣятельности записнаго журналиста и живаго работника вообще на поприщѣ литературы. Какъ ни какъ, но средства, доставляемыя Александру Ефимовичу перомъ и службой въ департаментѣ, были недостаточны для жизни въ Петербургѣ съ большой семьей. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что Измайловъ мечталъ о вице-губернаторствѣ еще въ 1813 году, что видно изъ письма его къ Н. Ѳ. Грамматину¹⁾. Это даетъ намъ поводъ думать, что Александръ Ефимовичъ стремился самъ получить мѣстечко вице-губернатора, и, что, вѣроятно, въ данномъ случаѣ съ его стороны были приложены нѣкоторыя старанія; но, добившись назначенія, увѣзжать изъ столицы, гдѣ у него было такъ много пріятныхъ воспоминаній, гдѣ онъ началъ свою литературную и служебную карьеру и приобрѣлъ имя, Александру Ефимовичу было, очевидно, не легко, а вице-губернаторская дѣятельность не рисовалась ему въ хорошихъ краскахъ:

«Донесу вамъ по чистой совѣсти—писалъ онъ Дмитріеву—что передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга былъ чрезвычайно боленъ и пріѣхалъ полубольной»....

....«утѣшаюсь единственно тѣмъ,—писалъ онъ еще ранѣе Дмитріеву—что скоро возстановятся откупа и что не долго буду исправлять должность перваго цѣловальника въ губерніи“....²⁾).

Въ то время въ число обязанностей вице-губернатора входило и наблюденіе за питейнымъ дѣломъ, что Александру Ефимовичу было въ особенности не по душѣ. А возиться съ питейными дѣлами Измайлову приходилось постоянно, на что онъ съ раздраженіемъ жалуется въ своихъ письмахъ. Въ расчетѣ, что служба въ качествѣ вице-губернатора будетъ полегче службы въ Петербургѣ, Александръ Ефимовичъ сильно ошибся.—Не говоря о томъ, что ему непріятно было мѣнять столицу на провинцію, самая жизнь его въ Твери сложилась такъ, что онъ радъ былъ изъ нея вырваться, тѣмъ болѣе, что служба отымала у него еще больше времени, чѣмъ въ Петербургѣ.

«Въ первые мѣсяцы моего здѣсь пребыванія, не столько волею, сколько неволей, такъ занялся питейными и другими новыми для меня дѣлами»,—пишетъ онъ И. И. Дмитріеву—«что едва имѣлъ время вести переписку съ женой, которая пріѣхала сюда въ началѣ мая. Наканунѣ ея пріѣзда принялъ я губернаторскую должность и во все продолженіе времени моего губернаторства, цѣлыя семь недѣль,—клянусь богами

¹⁾ „Библиограф. замѣтки“ 1859 г., стр. 421 (Ср. также: собр. соч., т. I, стр. 359).

²⁾ „Русск. Арх.“, 1871 г., стр. 995.

моими—Аполлономъ и Бахусомъ,—не спалъ покойно ни одной ночи, видѣлся съ семействомъ моимъ только во время обѣда и сидѣлъ почти безвыѣздно въ своемъ кабинетѣ, какъ въ тюрьмѣ ¹⁾».

Замѣщенія же губернаторской должности для Александра Ефимовича были не рѣдки. Да и его собственныя обязанности, какъ вице-губернатора, были нелегки, особенно если принять во вниманіе частыя разъѣзды съ ревизіонной цѣлью по уѣздамъ губерніи и для приѣма рекрутовъ;

..... правнаюсь, омучилъ

Я отъ рекрутскаго приѣма...

пишетъ Александръ Ефимовичъ одной изъ своихъ знакомыхъ ²⁾.

Вообще, служба въ Твери для Измайлова была весьма не легка, къ тому же, будучи далеко уже не молодымъ, онъ частенько и прихварывалъ, что видно изъ его писемъ къ И. И. Дмитріеву, женѣ и другимъ лицамъ.

Но муза его не дремала и въ тверской глуши; правда, она была уже не такъ плодovита, какъ въ Петербургѣ, но Александръ Ефимовичъ ухитрился писать стихи и во время своихъ разъѣздовъ ³⁾; да и въ Твери онъ написалъ кромѣ разныхъ посланій, альбомныхъ стиховъ и нѣсколько басенъ.

Подводя итогъ тверской жизни Измайлова, приходится повторить, что ни служба, непріятная ему по самымъ своимъ обязанностямъ, ни общество не удовлетворили Измайлова, и сдѣлалъ онъ въ Твери по части столь любимой имъ литературы очень мало. А у него были кое-какія желанія поработать перомъ: онъ мечталъ между прочимъ загладить свою неисправность по отношенію къ подписчикамъ «Благонамѣреннаго», прекратившагося по случаю его отъѣзда:

«Надѣюсь,—писалъ онъ 6-го іюля 1827 года Дмитріеву—что послѣ всѣхъ этихъ испытаній (служебныхъ) буду несравненно свободнѣе прежняго, а, можетъ быть, для сюрприза подписчикамъ на «Благонамѣренный» выдамъ остальные нумера этого несчастнаго журнала» ⁴⁾.

Но Александръ Ефимовичъ не имѣлъ времени даже «написать, какъ слѣдуетъ, письма». Мечталъ онъ «выправить свои стишонки, коихъ много еще не было напечатано», но и это намѣреніе осталось невыполненнымъ: «ничего печатнаго почти не читаю, кромѣ сенатскихъ указовъ и изрѣдка «Сѣверной Пчелы». Не читалъ даже критики на мои басни,

¹⁾ ibidem.

²⁾ Е. Н. Ергальской (неиздан.).

³⁾ Напр.: на приѣмъ рекрутовъ (см. въ собр. сочин. т. I, 294), въ Кашинѣ хозяйкѣ дома, любезно принявшей его (неизд.) и мн. др.

⁴⁾ „Русск. Арх.“. 1871 г., стр. 996.

напечатанной въ «Телеграфѣ», хотя этотъ журналъ и получается у насъ въ клубѣ»— писалъ онъ И. И. Дмитріеву ¹⁾).

Понятно, что при такихъ условіяхъ трудно было что-нибудь сдѣлать по части поэзіи. Мы уже указали на то, что не удовлетворяло Измайлова и общество тверское. Дѣйствительно, Тверь была далеко не «литературный городъ», и интересы тверской интеллигенціи рѣзко расходились съ интересами петербургскаго журналиста. Въ его письмахъ и стихахъ мы нерѣдко встрѣчаемъ ѣдкіе нападки на пустоту и глупыя развлечения тверянъ: въ широкомъ распространеніи тамъ были карты, а Александръ Ефимовичъ былъ заклятымъ врагомъ ихъ; карточной же игрой увлекались и мужчины и—еще болѣе ихъ—женщины.

«Представь себѣ—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ женѣ— что здѣсь ежегодно продается картъ на 18.000 рублей (ассиг.) Теперь играютъ только въ вистъ и бостонъ, а прежде играли и въ банкъ. Нарочно записные игроки прѣзжали для этого въ Тверь. Есть и дамы, которыя поютируютъ и мечутъ банкъ. Спасибо губернатору—онъ запретилъ эту проклятую игру. Въ гостиницѣ Гальяни прибитъ листъ, на которомъ написано, что если будутъ тамъ играть въ банкъ, то первый разъ взыщется за это штрафа 500 рублей, а послѣ, не знаю—что-то гораздо хуже».... ²⁾).

«Здѣшнія дамы,—говоритъ онъ въ другомъ письмѣ—не только мужей, но и дѣтей для картъ забываютъ и дома рѣдко бываютъ» ³⁾).

Не сойдясь съ мужскимъ обществомъ, Измайловъ не сошелся и съ обществомъ тверскихъ дамъ, хотя онъ считался и самъ себя называлъ большимъ поклонникомъ прекраснаго пола. «Писатель для дамъ» не ужился съ послѣдними: его сатирическая муза нашла себѣ много пищи для хлесткаго изображенія нравовъ тогдашнихъ тверянокъ, и онъ даже поплатился за свои смѣлыя картины въ обычномъ, присущемъ ему тенъеровскомъ жанрѣ. Сыръ-боръ загорѣлся изъ-за сказки Измайлова «Бабушка и внучка» ⁴⁾, которую одна изъ тверскихъ «бабушекъ» приняла на свой счетъ. На Александра Ефимовича посыпались пасквили, тотъ отвѣчалъ, и «дѣло дошло до скандала»: говорятъ, что тверскія дамы обратились будто бы съ жалобой на Измайлова къ губерна-

¹⁾ Ibid., стр. 999.

²⁾ Отъ 24 янв. 1827 г.

³⁾ Отъ 15 февр. 1827 г. Въ одномъ изъ неизд. стих. Измайлова есть такіа строки:

„Не милы мнѣ дамы-игрицы въ Твери:
Весь день козыряютъ, чортъ ихъ побери!“.

⁴⁾ Собр. соч. т. I, стр. 205. Ср. также его сказку „Дворянка-буянка“ (ibid., стр. 230)

тору и будто бы это было поводомъ къ его скорому перемѣщенію изъ Твери въ Архангельскъ. Да и не одиѣ дамы вызывали со стороны Александра Ефимовича ѣдкія насмѣшки: почти всѣ стихотворенія, писанныя Измайловымъ въ Твери, дышать сатирой и на мужское общество, и на тамошніе порядки, на начальствующихъ лицъ, учрежденія и т. п. ¹⁾). Характерно въ этомъ отношеніи его стихотвореніе, написанное по случаю отъѣзда обратно въ столицу его петербургскаго пріятеля Н. П. Мятлева, пріѣхавшаго въ Тверь навѣстить Измайлова:

«Не любятъ здѣсь литературы,
Здѣсь всѣ почти карикатуры...
(Скажу я по секрету Вамъ).
Особенно явъ старыхъ дамъ —
Клянусь, здѣсь многія дворянки
Не стоятъ, право, и крестьянки:
Играютъ въ карты день и ночь
И сплетничаютъ во всю ночь... ²⁾»

Не мудрено, поэтому, что Александръ Ефимовичъ постоянно обращался къ Петербургу, радовался пріѣзду своихъ столичныхъ друзей-пріятелей и въ воспоминаніяхъ о нихъ находилъ утѣшеніе.

Впрочемъ, и въ Твери были кое-какія лица, къ которымъ Измайловъ относился съ уваженіемъ и въ обществѣ которыхъ любилъ бывать. Но такихъ лицъ было не много. Прежде всего, «почтеннѣйшая», по выраженію его, сосѣдка — княгиня Елизавета Семеновна Хилкова ³⁾; она была «важною дамой», въ Твери жители которой еѣ называли не иначе, какъ «княгиней-богиней». Съ ней было знакомо не мало литераторовъ, и въ альбомѣ ея запечатлѣвали знаки своего уваженія такія лица, какъ И. И. Дмитріевъ, Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, знаменитый графъ Д. И. Хвостовъ; въ ея альбомѣ писалъ, какъ хорошій знакомый и сосѣдъ ея, и Измайловъ ⁴⁾.

Кромѣ того, съ большимъ уваженіемъ относился Александръ Ефимовичъ къ архіепископу тверскому и кашинскому Амвросію ⁵⁾.

¹⁾ Ср. его сказку „Крестьянинъ и кляча.“ (Собр. соч., т. I, стр. 71—73).

²⁾ Ср. его любопытную „Инструкцію женѣ моея тверской вице-губернаторшѣ“ (Собр. соч., т. I, 371, впервые обнарод. сыномъ Измайлова въ „Русск. Стар.“ 1875 г. т. XIV, стр. 758—760), сообщившимъ, что „Инструкція“ эта, какъ говоритъ семейное преданіе, „доведена была къмъ - то до свѣдѣнія государя и что государь, при прочтеніи ея, много смѣялся“.

³⁾ Урожденная Волчкова; за вв. Степаномъ Алексѣевичемъ Хилковымъ (1786—1854) была въ третьемъ замужествѣ; скончалась въ Москвѣ 2-го іюля 1856 года. См. о ней „Сѣв. Пчела“ 1856 г. № 15, „Рус. Арх.“ 1871 года, стр. 988 и др.

⁴⁾ Издан. см. въ собр. сочин., т. I, стр. 376, 250, также 332, 393.

⁵⁾ Въ мирѣ Алексѣй Протасовъ (См. о немъ въ словарь С. А. Венгерова, т. I, вып. II, стр. 493—496).

Въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву отъ 11-го августа 1827 г. онъ называетъ Амвросія «умнѣйшимъ, ученѣйшимъ, благороднѣйшимъ и любезнѣйшимъ человѣкомъ»¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ его «красой ученыхъ всѣхъ монаховъ»,

«Который, молвить не въ укоръ,
Умѣе даже Филарета²⁾,
Краснорѣчивѣе его»³⁾.

Измайловъ любилъ бывать у него (и тотъ не оставлялъ его своимъ посѣщеніемъ), и назидательныя бесѣды съ преосвященнымъ оставили глубокий слѣдъ въ душѣ Александра Ефимовича; онъ вспоминалъ архіепископа и впослѣдствіи, когда былъ въ Архангельскѣ и Петербургѣ. Кромѣ того, симпатіей его пользовались мужъ покойной Пономаревой, А. И. Пономаревъ, жившій недалеко отъ Твери, затѣмъ нѣкоторые сослуживцы, напримѣръ, губернаторъ В. А. Борисовъ и его семья (но только первое время по пріѣздѣ въ Тверь); прокуроръ Приказа общественнаго призрѣнія Н. И. Голубевъ, военные—за ихъ молодечество, галантность и пр. Но все-таки общество въ Твери было не по немъ, оно тяготило его, онъ всегда чувствовалъ себя петербуржцемъ, что видно изъ каждаго письма его, изъ каждаго стихотворенія. Впрочемъ, скоро ему пришлось проститься съ Тверью. Въ 1828 году въ мартѣ мѣсяцѣ Измайловъ получилъ новое назначеніе—вице-губернаторомъ же въ Архангельскѣ, куда и выѣхалъ вскорѣ, не теряя времени.

Трудно съ положительностью сказать, что было причиной его перемѣщенія въ Архангельскъ; самъ Александръ Ефимовичъ ничего не говоритъ объ этомъ ни въ своихъ письмахъ, ни въ произведеніяхъ. Весьма вѣроятно, что это перемѣщеніе отнюдь не было личнымъ желаніемъ Измайлова, и что оно было сдѣлано въ силу распоряженія свыше, въ удовлетвореніе какихъ-нибудь жалобъ на него, можетъ быть, и со стороны тверскаго общества, чему, между прочимъ, не противорѣчатъ и его письма. Но какъ бы то ни было, несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что, какъ начальникъ, Александръ Ефимовичъ оставилъ по себѣ хорошую память въ сердцахъ подчиненныхъ. До насъ дошло любопытное письмо тверскихъ сослуживцевъ Измайлова, посланное ими по случаю его смерти въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей».

«Чиновники здѣшней казенной палаты, — говорится въ немъ — узнавъ о кончинѣ почтеннаго начальника своего бывшего тверскаго вице-губернатора статскаго совѣтника Александра Ефимовича Измай-

¹⁾ „Рус. Арх.“ 1871 г., стр. 999.

²⁾ Филаретъ Дроздовъ (род. въ 1782 г., ум. въ 1867 г.); съ 1826 г. митрополитъ московскій.

³⁾ „Русс. Арх.“ 1871 г., стр. 1014, см. также „Славянинъ“ 1829 года—VIII, стр. 255, собр. соч., т. I, стр. 360.

лова, оставившаго въ сердцахъ ихъ неизгладимое временемъ благодарное воспоминаніе, совершили въ память его вчерашняго числа панихиду въ Желтиковомъ монастырѣ. Достойный настоятель монастыря съ братіей охотно исполнилъ сіе ихъ желаніе».....

Извѣстіе о семъ заключается словами:

«Миръ праху твоему, человекъ благородный! Память о тебѣ будетъ жить въ сердцахъ всѣхъ, кто зналъ и умѣлъ цѣнить тебя. Прими въ селеніяхъ вѣчности награду за твои добродѣтели»¹⁾).

Это выраженіе чувствъ чиновниковъ, теплымъ словомъ помянувшихъ своего бывшаго начальника, по поводу его кончины, совершенно искренно. Измайловъ, какъ начальникъ, былъ человекъ въ высшей степени гуманный, добрый. Изъ неизданныхъ писемъ его къ женѣ и одному родственнику мы узнаемъ, что онъ не разъ, за время своего вице-губернаторства въ Твери, посылалъ бумаги въ Петербургъ къ высшему начальству, прося заступничества за какого-нибудь чиновника, подвергшагося не милости со стороны губернатора. И Измайловъ былъ въ правѣ сказать въ одномъ изъ своихъ писемъ:

«Напрасно, Иванъ Ивановичъ²⁾ изволить обо мнѣ худо думать. По совѣсти можно сказать, немного у него такихъ вице-губернаторовъ. Есть, впрочемъ, опытыѣ меня, дѣлыѣ, умыѣ, но любимыѣ—ни одного»³⁾).

Но, заступаясь за чиновниковъ, которые того стоили, Измайловъ строго каралъ своихъ подчиненныхъ, уличенныхъ имъ въ противузаконныхъ поступкахъ, особенно во взяткахъ, — и никакіе доводы, ни даже уговоры губернатора, не могли смягчить тогда Александра Ефимовича.

Вмѣстѣ съ тѣмъ добросовѣстный, честный Измайловъ не могъ равнодушно смотрѣть, не могъ терпѣть упущеній или безпорядковъ, допускаемыхъ въ казенномъ дѣлѣ кѣмъ бы то ни было, хотя бы его ближайшимъ начальствомъ: онъ нѣсколько разъ писалъ о различныхъ безпорядкахъ въ тверской палатѣ къ министру, несмотря на все неудовольствіе тогдашняго тверскаго губернатора Борисова.

Понятно, что подобное отношеніе къ дѣлу и лицамъ, выше стоящимъ по службѣ, не могло не навлечь на Измайлова неприятностей: съ нимъ поссорилось все высшее начальство Твери, начиная съ губернатора, который писалъ министру, прося убрать отъ него этакого безпокойнаго и до невозможности неуживчиваго вице-губернатора.

¹⁾ „Моск. Вѣд.“ 1831 г., № 24.

²⁾ И. И. Розенбергъ—директоръ департамента госуд. казначейства (ум. 16-го дек. 1829 г.).

³⁾ Отъ 8 марта 1829 г.

Но Измайловъ не унимался: онъ въ свою очередь посылаетъ новую бумагу, въ которой, въ рѣзкихъ выраженіяхъ, описываетъ представителей тверской администраціи, не щадя даже ... жены самого губернатора Борисова. Но это не прошло для Измайлова даромъ: несмотря на заступничество за него такихъ лицъ, какъ И. И. Розенбергъ, И. М. Ореусъ ¹⁾, Д. М. Княжевичъ ²⁾ и другихъ, «повѣя не устояла», какъ выражалась про его устраненіе отъ должности тверскаго вице-губернатора задѣтая имъ, въ письмахъ къ министру, жена Борисова.

Александръ Ефимовичъ получилъ строгій выговоръ отъ министра и вскорѣ затѣмъ указъ о переводѣ его на вице-губернаторскую должность въ Архангельскѣ. Измайловъ до поры до времени снесъ этотъ ударъ безропотно и, оставивъ семью въ Твери ³⁾, выѣхалъ въ началѣ мая въ Архангельскъ въ надеждѣ, что «встрѣтитъ тамъ людей болѣе порядочныхъ», чѣмъ въ Твери. Но надежда эта, какъ увидимъ, была напрасна.

Весь май мѣсяцъ 1828 года Измайловъ провелъ въ пути къ мѣсту новаго назначенія. По дорогѣ заѣзжалъ онъ въ Москву, гдѣ былъ принять радушно И. И. Дмитріевымъ; тамъ же онъ успѣлъ повидаться и со старыми своими литературными пріятелями и знакомыми, оставившими въ разное время Петербургъ: съ А. Ѳ. Мерзляковымъ, М. Т. Каченовскимъ, Н. А. Полевымъ и другими ⁴⁾. Заѣзжалъ онъ и въ Троицко-Сергіевскую обитель и въ имѣніе графа Д. И. Хвостова, взглянуть на знаменитую Кубру ⁵⁾, и вездѣ по дорогѣ, отъ скуки, писалъ стихи. Подви-

¹⁾ Тайн. сов., товарищъ министра финансовъ, впоследствии сенаторъ.

²⁾ Директоръ департ. госуд. казначества; впоследствии попечитель Одесскаго учебн. округа, основатель Одесск. общества исторіи и древн. (род. въ 1788 г., ум. въ 1844 г.) См. о немъ въ „Рус. Ст.“, 1888 г., т. LVIII, стр. 125—142.

³⁾ Супруга Измайлова вмѣстѣ съ дочерью пріѣхала въ Тверь за нѣсколько мѣсяцевъ до перевода Александра Ефимовича въ Архангельскъ.

⁴⁾ См. „Славянинъ“ 1828, VII, стр. 254.

⁵⁾ Рѣка въ имѣніи графа, которую не разъ воспѣвалъ въ своихъ варшавскихъ значенитый ея метроманъ - владѣлецъ (см. подробности въ акад. изд. соч. Г. Р. Державина, т. II. Спб. 1869, стр. 304—308). Измайловъ по примѣру гр. Салтыкова, Державина и др. писателей, обращавшихся по этому поводу съ стихотворными посланіями къ „Пѣвцу Кубры“, набросалъ слѣдующее довольно остроумное стихотвореніе за время пребыванія своего въ имѣніи графа.

„Пѣвцу Кубры“

„О рѣчка малая, Кубра!
Славнѣй ты Тигра и Евфрата,
Славнѣе, чѣмъ Дунай и Ра,
Хоть ты струями не богата.
Но воспоенъ пѣвецъ тобой,
Парнаскаго исполненъ жара,

гаясь ближе къ мѣсту назначенія, Александръ Ефимовичъ долго прилужденъ былъ, «за разрушеніемъ колесницы», прожить въ Вологдѣ, гдѣ свелъ кое-какія знакомства, написалъ нѣсколько басенъ и различныхъ стихотвореній¹⁾. Наконецъ, «послѣ разныхъ приключеній» онъ достигъ Архангельска и тотчасъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей.

Но тутъ Александру Ефимовичу, какъ говорится, совсѣмъ не повезало; ему жилось въ Архангельскѣ хуже даже, чѣмъ въ Твери. Тамъ, по крайней мѣрѣ, «тучный фабулистъ» могъ въ качествѣ вице-губернатора болѣе или менѣе продолжительное время оставаться въ городѣ, но съ новымъ назначеніемъ ему пришлось проводить почти все время въ разъѣздахъ. Разъѣзды эти, дурно дѣйствовавшіе на Измайлова еще во время тверской службы, здѣсь, въ зимнюю стужу, совершенно разстроили его здоровье; при томъ же ему часто приходилось по дѣлу рекрутскаго набора или по другимъ служебнымъ обязанностямъ уѣзжать въ довольно далекія и глухія мѣстности. О занятіяхъ литературой при подобномъ положеніи дѣла, конечно, и говорить было нечего; Александръ Ефимовичъ не имѣлъ времени и прочитатъ что-нибудь.

«Занятія мои, по уѣздамъ въ Россійской словесности—писалъ онъ графу Хвостову отъ 31-го января 1829 года—ограничивались чтеніемъ донесеній рекрутскихъ отдатчиковъ, мірскихъ приговоровъ и безтолковыхъ прошеній всякаго рода»²⁾.

И понятно, что, какъ въ Твери «дѣла кабацкія» не позволяли Александру Ефимовичу быть исправнымъ служителемъ Музъ, такъ и въ уѣздахъ Архангельской губерніи возня съ «мірскими», канцелярскими, рекрутскими и т. п. дѣлами не могла ему навѣять какихъ-нибудь поэтическихъ образовъ. Все-таки Измайловъ ухитрился и въ такомъ положеніи писать стихотворенія, но на сюжеты самые прозаическіе. Такъ, имъ написана во время разъѣздовъ «Бѣжецкая вице-губернаторская пѣсня», гдѣ онъ описываетъ свой тревожный сонъ въ Бѣжецкѣ: ему не спалось, а, если и удавалось забыться, то тотчасъ передъ нимъ вставали самыя непріятныя, будничныя картины, большею частью съ сюжетомъ изъ его служебной дѣятельности; то видѣлъ онъ

Соперникъ древняго Пиндара;
Своей волшебною рукою
Прославилъ онъ тебя на лирѣ,
И стала первой ты рѣкой
Во всемъ подлунномъ здѣшнемъ мірѣ.

Стихи эти (неизд.) Измайловъ написалъ карандашомъ на стѣнѣ въ китайской бесѣдѣ графа подъ стихами „рабочаго Воейкова“, также нѣкогда заѣзжавшаго въ имѣніе гр. Хвостова. (Изъ неизд. письма Измайлова къ женѣ отъ 16-го мая 1828 г.).

¹⁾ „Русск. Архивъ“ 1871, стр. 999—1002.

²⁾ „Р. Стар.“ 1890, № III, стр. 675.

„Отдатчиковъ, земскихъ головъ,
И рекрутовъ тощихъ, трехъ меньше вершковъ“,

то мужиковъ, ползающихъ на колѣняхъ съ просьбой,
„Которыхъ и самъ Новиковъ ¹⁾ не пойметъ“,
и ему становилось такъ плохо, что онъ готовъ былъ уѣхать даже въ...
Тверь ²⁾).

Написалъ онъ также въ Шенкурскѣ «рекрутскую пѣсню» (въ стилѣ народной пѣсни), въ которой ободряетъ воиновъ на служеніе царю и отечеству; покидая Шенкурскъ, онъ оставилъ надпись на печкѣ въ той комнатѣ, которую занималъ; кромѣ того «простился въ стихахъ съ жителями Мезени», гдѣ ему пришлось прожить цѣлый мѣсяцъ; дорогой въ Холмогоры сочинялъ въ кибиткѣ сказку. По приѣздѣ въ Холмогоры сильно заболѣлъ, слегъ въ постель, но скоро поправился благодаря усердію врача Шелле, о чемъ свидѣтельствуетъ его «надпись, сдѣланная надъ кроватью», въ которой онъ пролежалъ нѣсколько сутокъ больнымъ ³⁾).

Что касается жизни собственно въ Архангельскѣ, то она мало представляла пріятнаго для Александра Ефимовича по тѣмъ же причинамъ, что и въ Твери. Дни проходили у него какъ-то однообразно и скучно. Правда, вскорѣ по приѣздѣ онъ началъ-было прилежно читать Ломоносова и высказалъ однажды желаніе увидѣть «хорошее изданіе его твореній, неполное, но избранное, съ комментаріями»...

«Да надъ этимъ надобно посидѣть—писалъ онъ гр. Д. И. Хвостову— а комментаріями немногіе любятъ и могутъ у насъ заниматься» ⁴⁾).

Затѣмъ онъ посѣщалъ иногда учебныя заведенія ⁵⁾), изучалъ архангельское нарѣчіе, на которомъ между прочимъ написалъ письмо въ «Славянинъ» о томъ, какъ онъ проводитъ день ⁶⁾); составлялъ «архангельско-русскій словарь, для котораго набралъ болѣе 200 словъ»; собиралъ старыя книги, рукописи; подготовлялъ новое изданіе своихъ сочиненій, но постоянные разъѣзды и дѣла по службѣ отвлекали его отъ занятій литературой, и онъ успѣлъ по части послѣдней немного сдѣлать за время своего втораго и послѣдняго вице-губернаторства.

Что касается архангельскаго общества, то въ немъ Измайлову при-

¹⁾ Его секретарь.

²⁾ См. Собр. соч., т. I, стр. 269.

³⁾ Любопытнымъ и заслуживающимъ вниманія памятникомъ его разъѣздовъ, кромѣ стиховъ, остались его „Письма о самоѣдахъ“, частью напечатанныя. (См. собр. сочин., т. II, стр. 188—202; также см. „Славянинъ“ 1829 г. XII, стр. 497—511; „Маякъ“ 1844 г., т. XV).

⁴⁾ „Славянинъ“ 1828, VIII, стр. 364.

⁵⁾ Между прочимъ гимназію и духовную семинарію, преподаваніе въ которыхъ, судя по письмамъ Измайлова, было весьма неудовлетворительно, такъ что онъ предпочелъ учить своего младшаго сына дома.

⁶⁾ См. „Славянинъ“ 1828 г., VIII, стр. 151.

шло такъ же скоро разочароваться, какъ и въ Твери. При болѣе близкомъ знакомствѣ оно показалось Александру Ефимовичу хуже тверскаго.

„Въ Архангельскѣ, Шенкурскѣ и Мезени
Люди хуже, чѣмъ олени...
Иной, ей Богу, людоѣдъ,—
Страшнѣ самоѣдъ“.

писалъ онъ къ женѣ отъ 30-го августа 1829 года ¹⁾).

Правда, старый «писатель для мужчинъ и дамъ» не могъ обойтись совершенно безъ общества, особенно женскаго, и мы знаемъ, что кое-кто и пользовался его симпатіями, хотя и слабыми. Такъ, любя вращаться среди дамъ, онъ и въ Архангельскѣ появлялся часто въ ихъ обществѣ, занимаемая ихъ чтеніемъ стиховъ своихъ или чужихъ (между прочимъ Пушкина, Крылова), игралъ съ ними «въ вопросы и отвѣты», писалъ имъ «стихи въ альбомъ», поздравительные, экспромпты и т. п.

Изъ мужскаго общества особенной симпатіей его пользовался губернаторъ Иванъ Яковлевичъ Бухаринъ ²⁾, человѣкъ весьма добросовѣстный, честный, дѣятельный, но крайне вспыльчивый. Измайловъ высоко цѣнилъ его честность и дружилъ съ нимъ; кромѣ того, онъ съ большою любовью относился къ нѣкоторымъ изъ своихъ подчиненныхъ, къ доктору Шелле, и водилъ хлѣбъ-соль съ кое-какими иностранными купцами, которыхъ немало было въ Архангельскѣ. Но такихъ лицъ было слишкомъ немного, и Измайловъ былъ обреченъ на постоянную тоску, горечь которой усиливала разлука съ семьей, оставшейся въ Твери. [Александръ Ефимовичъ оставилъ семью въ Твери, такъ какъ съ одной стороны, не рѣшился везти ея на далекій сѣверъ, съ другой, не могъ удѣлить ей изъ своего скромнаго жалованія достаточно средствъ на проживаніе въ Петербургѣ ³⁾].

Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ Александра Ефимовича постигла крупная неприятность по службѣ. Чистосердечный, честный и открытый, онъ любилъ говорить правду въ глаза, не терпѣлъ низкопоклонства и «колѣноподибательства» (его выраженіе), и посему неминуемо долженъ былъ прійти въ неприятное столкновеніе съ лицами, дѣйствовавшими противъ его убѣжденій. Замѣтивъ массу упущеній въ палатѣ, взяточничество, злоупотребленія властью и недобросовѣстное въ высшей степени отношеніе къ дѣлу

¹⁾ Собр. соч., т. I, стр. 360.

²⁾ И. Я. Бухаринъ,—съ 1810 г. былъ гродненскимъ губернаторомъ, затѣмъ кievскимъ, наконецъ архангельскимъ; скончался въ Москвѣ на 86 г. отъ роду (въ 1858 г.) въ чинѣ тайн. совѣтника. (Похорон. на кладб. Моск. Новодѣв. монастыря).

³⁾ Впрочемъ, семья Измайлова, съ помощью добрыхъ людей, успѣла переехать въ Петербургъ до возвращенія Александра Ефимовича изъ Архангельска.

самого генераль-губернатора С. И. Миницкаго, Измайловъ возмутился ¹⁾. Однако онъ долго терпѣлъ, ожидая лишь удобнаго случая «вывести на свѣжую воду всѣ плутни», и наконецъ такой случай представился. Миницкій однажды вмѣшался въ распоряженія Измайлова по дѣлу кое-какихъ злоупотребленій губернскаго казначея, затѣмъ выразилъ Александру Ефимовичу свое неудовольствіе за то, что онъ круто обошелся съ однимъ изъ фаворитовъ генераль-губернатора и даже началъ преслѣдовать Измайлова въ обществѣ. Александръ Ефимовичъ долго боролся съ непріязненнымъ расположеніемъ къ нему этого грубаго начальника, но дѣйствовалъ по-своему.

«Ни жалованья здѣсь, ни взятокъ не беру,—писалъ онъ женѣ—

..... За то, когда умру,
 Не пошадю къ бѣсамъ въ подземныя селеня:
 Не сдѣлаю никому по службѣ притѣсненя,
 Но защищаю крестьянъ, сколь могъ, отъ разореня;
 За правду, хотъ теперь терплю,
 А все такъ, какъ тебя, люблю.
 Амвросій ²⁾ запретилъ мнѣ ревновать лукавымъ
 И беззаконникамъ. „Иссохнутъ какъ трава“,—
 Прощаясь, мнѣ сказалъ. Ахъ! что за голова!
 Быть лучше бѣднымъ, лишь бы правымъ.
 Архiereя я послушаться не могъ,
 За правду же заплатитъ Богъ” ³⁾.

Наконецъ, когда терпѣніе Измайлова истощилось, онъ рѣшилъ написать обо всемъ къ министру. Бухаринъ, хотя и держался взглядовъ Александра Ефимовича, все же совѣтовалъ ему сначала не дѣлать такого рѣшительнаго шага, но убѣжденный Измайловымъ въ невозможности дѣйствовать иначе, склонился на его сторону и самъ отправилъ въ Петербургъ бумагу о подвигахъ Миницкаго, отношенія съ которымъ у этихъ двухъ представителей архангельской гражданской администраціи изъ натянутыхъ перешли въ открыто враждебныя.

Жена Измайлова, отъ которой онъ ничего не скрывалъ, сильно тревожилась и, изъ опасенія, что его могутъ отставить, умоляла его въ своихъ письмахъ прекратить «эту войну». Но Александръ Ефимовичъ, твердо увѣренный въ своей правотѣ и успѣхъ донесеній министру, успокаивалъ ее, совершенно серьезно выставляя ей на видъ необходимость рѣшительныхъ мѣръ и всю неосновательность ея страха,

¹⁾ Ср. его басню „Скотское правосудіе“ (Собр. сочин., т. I, стр. 101—102), написан. въ Архангельскѣ въ минуту особеннаго раздраженія на Миницкаго и его секретаря.

²⁾ Бывшій архіепископъ тверской и кашинскій; ум. въ 1831 г (см. выше)

³⁾ Собр. сочин., т. I. стр. 360.

и упрекая ее въ малодушіи ¹⁾. Вотъ напримѣръ, какъ онъ отвѣчаетъ на одно изъ ея писемъ:

«Сегодня получилъ отъ тебя, милая Катенька, письма отъ 12-го ноября. Въмѣсто того, чтобы укрѣпить мое здоровье, они его разстроили. Побойся Бога, не будь такъ малодушна. Министръ сердится на меня: его воля—пусть и побранить... Не брань министра страшитъ меня, а твои слезы. И такъ, мой другъ, довольно въ жизни настоящаго, существеннаго горя; для чего же прежде времени плакать и изнурять себя по пустякамъ? За что меня отставить? за то, что я берегъ государево добро? что привелъ палату въ такое положеніе, въ какомъ никогда она до меня не была? что соблюдаю въ точности присягу? Нѣтъ, за это нынѣшній государь не отставляетъ... а если бы и отставилъ, то опять опредѣлить и дать еще лучшее мѣсто. Лучше быть отставлену за правду, нежели за участіе и связь съ плутами и ворами. Я надѣюсь твердо на Бога... неужели на Него ты не надѣнешься?» ²⁾.

Надежду на Бога онъ высказываетъ не разъ въ своихъ письмахъ: «Не безпокойся обо мнѣ, милая Катенька: у меня сильный покровитель и защитникъ—Богъ, сильнѣе графа Аракчеева»... ³⁾

Но жена по-прежнему продолжала «убиваться». Тогда Александръ Ефимовичъ (зная, что она привыкла его видѣть всегда въ веселомъ настроеніи), дабы увѣрить ее, что у него совѣсть чиста и спокойна, посылаетъ ей рядъ писемъ, въ которыхъ отношенія свои (купно съ Бухаринымъ) къ Миницкому описываетъ въ самомъ шутивомъ тонѣ:

«Войска наши, какъ слышно, размѣщены по зимнимъ квартирамъ, а у насъ Архангельскѣ съ начала зимы открылась междоусобная война. Одинъ мужъ уже имѣлъ нѣсколько сраженій, хотя не генеральныхъ, съ своей женой, и каждый разъ оставался побѣдителемъ. Принялъ всѣ мѣры, чтобъ не допускать къ своей супругѣ непріятельскаго войска. Начальникъ штаба генерала Миницкаго—Ш... ⁴⁾ искуснымъ и рѣшительнымъ маневромъ раздѣлилъ два соединенныхъ корпуса Бухарина и Измайлова; послѣдній принужденъ отступить; но ретирада его для непріятеля была страшнѣе атаки. Начальникъ штаба Ш. раненъ не въ бровь, а въ самый

¹⁾ Ср. написанную имъ въ Архангельскѣ басню „Орелъ и Сорока“ (собр. соч., т. I, стр. 100—101).

²⁾ Письмо отъ 22-го ноября 1828 г. (неизд.).

³⁾ (Неизд.) отъ 19-го окт. 1828 г.

⁴⁾ Шамаринъ—правитель канцеляріи архангельскаго генералъ-губернатора. Между прочимъ на Шамарина Измайловъ написалъ „быль“—„Воевода и подъячій съ приписью“, не вошедш. въ собр. сочин. (см. сборникъ въ пам. Смирдина. Сиб. 1858 т. I, стр. 335. Тутъ же и „посланіе Измайлова Смирдину“). Стихотвореніе это въ свое время не было пропущено въ печать цензоромъ Корсаковымъ, написавшимъ: „или измѣнить конецъ или вовсе исключить“. (См. „Отчетъ Имп. публ. библиотеки за 1889 г.,—Сиб. 1893 г., стр. 68).

глазъ картечью, и даже главнокомандующій получилъ нѣсколько контузій, которыя переносятъ съ примѣрнымъ терпѣніемъ. Хотя и открытъ-было онъ недавно съ одной маскированной батареи огонь, но выстрѣлы не причинили никакого вреда» ¹⁾...

Или: «Сегодня въ два часа по полудни непріятель сдѣлалъ самый сильный натискъ на корпусъ Измайлова; но онъ давно уже приготовился къ нападенію, и непріятельскія войска, командуемая рапортующимъ больнымъ начальникомъ штаба Шамаринымъ, отретировались со скандаломъ, а начальникъ штаба въ лазаретѣ и главнокомандующій въ обозѣ получать тяжелыя и опасныя раны не въ генеральномъ сраженіи, но въ партизанской схваткѣ. Въ первомъ дѣлѣ уже убитъ одинъ человекъ—старый атаманъ разбойниковъ, т. е. командиръ уѣздныхъ казначеевъ—губернскій казначей» ²⁾...

Или, вотъ какъ онъ рисуетъ программу своей дѣятельности, если его лишатъ должности:

«Если не дадутъ мнѣ хорошаго вице-губернаторскаго мѣста, пойду... въ актеры—трагическіе: лѣтъ десять еще могу украшать сцену. А не то—въ шуты: еще лучше! То-то начну проказить... Всего выгоднѣе быть шутомъ» ³⁾...

Но отпоръ Миницкому кончился для Измайлова и Бухарина плохо. Миницкій, явившись въ Петербургъ, успѣлъ оклеветать и того и другаго передъ высшимъ начальствомъ, и оба его противника были лишены должности. Впрочемъ, у Александра Ефимовича были въ Петербургѣ сильные друзья и покровители, которые добились того, что Измайловъ былъ причисленъ къ министерству финансовъ.

Но этимъ дѣло не кончилось. Положеніе Измайлова, въ которомъ онъ очутился, было для него слишкомъ тяжело; не говоря о томъ, что онъ лишился такимъ образомъ средствъ къ существованію, его до глубины души возмутило такое несправедливое къ нему отношеніе, испытываемое имъ не первый разъ.

«Вся моя вина—писалъ онъ съ горечью одному изъ своихъ родственниковъ—⁴⁾ въ томъ, что тверской губернаторъ золь, архангельскій генераль-губернаторъ глупъ, а правитель канцеляріи его мошенникъ и возмечталъ о себѣ какъ второй Навуходоносоръ. Непремѣнно надобно было подличать передъ ними, или рѣшительно съ ними при первомъ случаѣ поссориться, когда честь и польза службы того потребуютъ. Я

¹⁾ Письмо отъ 23-го окт. 1828 г. (неизданное).

²⁾ Отъ 25-го окт. 1828 г. (неизд.).

³⁾ Отъ 1-го марта 1829 г. (неизд.)

⁴⁾ Къ М. А. Каменеву-Любовскому.

такъ и сдѣлалъ... Пусть говорятъ обо мнѣ что угодно ¹⁾; но, надѣюсь, не скажутъ, по крайней мѣрѣ, чтобы я подличалъ предъ старшими себя и кривилъ душой. Пишу, что велитъ Тотъ, Имъ же царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду... Если бы Спаситель—заключаетъ свое письмо Александръ Ефимовичъ—сошелъ опять на землю и опредѣлился въ российскую службу по гражданской части не въ столицѣ, а въ провинціи... не прослужить бы ему и мѣсяца въ одной губерніи: тотчасъ бы перевели въ другую, а изъ другой—въ третью» и т. д. ²⁾).

Измайловъ рѣшилъ продолжать дѣло, войти съ ходатайствомъ къ самому государю и «объяснить ему все, какъ было»: для этого нужно было ѣхать въ Петербургъ, и онъ, на-скоро собравшись, 16-го мая 1829 года оставилъ Архангельскъ.

IV.

1829—1831 годы жизни Измайлова въ Петербургѣ.—Бѣдственное положеніе безъ службы; прискиваніе занятій; уроки въ Пажескомъ корпусѣ.—Дѣло съ С. И. Миницкимъ и оправданіе Измайлова по архангельской службѣ.—Послѣдній годъ жизни Измайлова; болѣзни, кончина.—Общая характеристика Измайлова, какъ писателя и человѣка.

Оскорбленнымъ, разбитымъ физически и нравственно прибылъ Измайловъ въ Петербургъ, гдѣ на первое время его ждала не лучшая участь, чѣмъ въ Архангельскѣ. Прежде всего нужно было позаботиться о присканіи средствъ къ жизни, ибо, хотя онъ и былъ причисленъ къ министерству финансовъ чиновникомъ особыхъ порученій, но жалованія не получалъ. Всю надежду Александръ Ефимовичъ возлагалъ на то, что ему удастся устроиться при какомъ-нибудь журналѣ, но и тутъ онъ потерпѣлъ неудачу: кто-то перебилъ у него мѣсто сотрудника при журналѣ Греча ³⁾. А недостатокъ средствъ сильно давалъ себя чувствовать Измайлову, и онъ горько жаловался въ своихъ письмахъ къ Дмитріеву ⁴⁾ и неизвѣстному лицу ⁵⁾ на ту несправедливую задержку жалованія, ко-

¹⁾ Ср. его послѣсловіе къ баснѣ „Орелъ и Сорока“, написан. въ Архангельскѣ. (Собр. соч. т. I, стр. 101):

„Пускай глушцы зовутъ меня излишне строгимъ,
Неосторожнымъ, дерзкимъ, злымъ“ и т. д.

²⁾ Отъ 2-го марта 1829 г. (везд.)

³⁾ „Иллюстрація“ 1846 г., № 17.

⁴⁾ „Р. Архивъ“ 1871, стр. 1003 и др.

⁵⁾ „Иллюстрація“ 1846 г. № 17.

торая происходила благодаря проiscaмъ Миницкаго. Эта задержка такъ тяготила Александра Ефимовича, что онъ просилъ даже объ отдачѣ его подѣ судѣ, чтобы тѣмъ скорѣе разрѣшилось его неопредѣленное положеніе. Приходилось уповать только на Бога.

«Я въ крайности, не въ бѣдности, а въ совершенной нищетѣ,—но не унываю и на Бога уповаю»—писалъ онъ одному изъ своихъ пріятелей ¹⁾).

Наконецъ, чтобы какъ-нибудь бороться съ нуждой, Александръ Ефимовичъ не отказался отъ предложенія давать уроки словесности въ Пажескомъ корпусѣ ²⁾. Занятія въ корпусѣ, судя по дошедшимъ до насъ въ рукописи отрывкамъ дневника Измайлова, интересовали его, радовали его и подборъ учениковъ и ихъ успѣхи etc ³⁾. Замѣтимъ, кстати, что, несмотря на короткое время своего преподаванія въ корпусѣ, онъ свискалъ къ себѣ самое искреннее расположеніе и теплую любовь со стороны воспитанниковъ ⁴⁾. Но мѣсто преподавателя въ Пажескомъ корпусѣ, конечно, далеко не могло удовлетворить нуждамъ Александра Ефимовича, и онъ былъ радъ даже, въ погонѣ за кускомъ хлѣба, давать частные уроки ⁵⁾. Наконецъ, онъ задумалъ снова пріняться за изданіе журнала; онъ уже составилъ его программу, получилъ утвержденіе ⁶⁾, напечаталъ публикаціи (журналъ предполагалось назвать «Любитель Отечественнаго»), но изданіе это не осуществилось, ибо, во-первыхъ, какъ онъ самъ говоритъ,—«ему предложили мѣсто и такое мѣсто, какого и во-снѣ не видѣлъ»,—во-вторыхъ, предпріятію тому помѣшали болѣзнь и смерть. Не осуществилось также намѣреніе его напечатать кое-что изъ своихъ бумагъ (между прочимъ дневникъ) и выпустить новое изданіе своихъ басенъ и сказокъ.

Такъ разбивались одно за другимъ предпріятія Александра Ефимовича, на старости лѣтъ принужденнаго съ такими усиліями пріиски-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Говорятъ, что онъ получилъ это предложеніе при содѣйствіи Я. И. Ростовцева, тогда адъютанта вел. кн. Михаила Павловича (см. „Дѣло“ 1874 г. № 4); но, чтобы начать уроки, Измайлову все-таки пришлось испытать немало проволочекъ (см. „Иллюстрація“ 1846 г. № 18).

³⁾ См. подробности въ письмѣ Измайлова къ И. И. Дмитріеву: „Р. Арх.“ 1871 г., стр. 1005; также въ статьѣ „петерб. старожила“ (Бурнашевъ): „Кто былъ оригиналомъ Митрофанушки“ („Иллюстрація“ 1861 г., № VII, впрочемъ статья эта полна грубыхъ ошибокъ).

⁴⁾ Въ дошедшихъ до насъ въ рукописи отрывкахъ дневника Измайлова часто встрѣчаются замѣтки Александра Ефимовича о своемъ преподаваніи въ корпусѣ и о тѣхъ знакахъ уваженія, которые часто выражали ему пажы, весьма довольные его и лекціями и обхожденіемъ.

⁵⁾ См. „Р. Архивъ“ 1871 г., стр. 1004.

⁶⁾ Отъ 27 ноября 1829 года.

вать себѣ необходимыя средства къ существованію. Къ несчастіямъ разнаго рода присоединились еще болѣзни, которыя чаще и съ большими осложненіями стали навѣщать писателя, уже и безъ того разстроеннаго и ослабѣвшаго отъ перенесенныхъ бурь. Такъ, едва успѣвъ оправиться отъ удара, постигшаго его въ началѣ 1830 года, вслѣдствіе котораго онъ надолго лишился способности владѣть нѣкоторыми членами, Измайловъ въ мартѣ мѣсяцѣ сильно простудился и заболѣлъ горячкой.

«Тогда и послѣдній скудный источникъ моихъ финансовъ изсякъ совершенно»—писалъ онъ И. И. Дмитріеву.—«Но Богъ милостивъ:—прибавляетъ онъ—въ то время, когда искуснѣйшіе врачи сомнѣвались въ моемъ исцѣленіи, болѣзнь моя и дѣла приняли счастливѣйшій оборотъ. Государь воздвигъ меня, можно сказать, со смертнаго одра, всемилоствѣйше пожаловавъ мнѣ, по ходатайству благотворительнаго и справедливаго министра, 2.000 рублей. Миницкаго отставили, а любимцы его, ненавидѣвшіе насъ съ Бухаринымъ за то, что мы знать ихъ не хотѣли, и не умѣли подгибать колѣни, и теперь, чай, сидятъ въ Петропавловской крѣпости»¹⁾.

Дѣйствительно, къ началу апрѣля 1830 года дѣло Измайлова съ Миницкимъ было разобрано; оказалось, что Измайловъ былъ виновенъ только въ «нѣкоторыхъ неприличныхъ выраженіяхъ»²⁾, допущенныхъ имъ въ сношеніяхъ съ архангельскимъ генераль-губернаторомъ, по адресу правителя канцеляріи—Шамарина. Миницкій же былъ уволенъ отъ службы «за предосудительныя и пользамъ службы несоотвѣтственные поступки»³⁾. Получивъ, такимъ образомъ, давно желанно⁶ оправданіе, Александръ Ефимовичъ подалъ черезъ министра Канкринна государю прошеніе, «коимъ, повергая Монаршему благоуваженію крайне бѣдное положеніе свое при многочисленномъ семействѣ и долготѣнную безпорочную службу, испрашивалъ назначенія ему жалованія для спасенія его при наступающей старости отъ совершенной нищеты». Просьбу эту 8-го августа того же года высочайше повелѣно было исполнить. Департаменту казначейства былъ отданъ приказъ «объ опредѣленіи статскаго совѣтника Измайлова на первую могущую открыться вакансію начальника отдѣленія по департаменту государственнаго казначейства», и, хотя таковой въ наличности не оказалось, но департаментъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, нашелъ возможнымъ «считать Измайлова начальникомъ одного изъ контрольныхъ отдѣленій съ производствомъ ему

¹⁾ „Р. Арх.“ 1871, стр. 1004.

²⁾ Изъ доклада гр. Е. Ф. Канкринна его императ. величеству, отъ 8-го августа 1830 г. (Архивъ министерства финансовъ).

³⁾ См. „Общій морской списокъ“, Сиб. 1890 г., стр. 365.

штатнаго жалованія по 3.000 рублей въ годъ»¹⁾.... Въ ноябрѣ того же года, какъ значится въ формулярѣ, онъ было уволенъ вовсе отъ службы съ пенсіономъ въ 2.000 рублей въ годъ.

Послѣднимъ утѣшеніемъ Александра Ефимовича было—удачная выдача замужъ младшей дочери²⁾, въ напутствіе которой, при ея вступленіи въ брачную жизнь, онъ далъ «инструкцію», начинающуюся словами:

„Опора нѣжная дебелиаго слѣнца!
Ты покидаешь мать и хвораго отда,
И только-что теперь изъ-подъ вѣнца!
Прими же ты мое сердечно поздравленье,
Благословенье;
Приданнаго не дамъ тебѣ причина: нѣтъ!
Не крѣчкотворецъ я,—поэтъ.
А дамъ, пожалуй, наставленье,
Инструкцію въ стихахъ:
Да вѣрнутся мои слова у васъ въ сердцахъ“....

(Дальше идетъ наставленіе мужу и женѣ, подкрѣпляемое частыми ссылками на Священное Писаніе)³⁾.

Но наслаждаться прелестями спокойной жизни Александру Ефимовичу пришлось не долго,—дни его были сочтены: въ четвергъ 16-го января слѣдующаго года (1831) на одной изъ лекцій въ корпусѣ онъ почувствовалъ себя дурно, и, несмотря на тотчасъ же оказанную помощь, привезенъ былъ домой въ безпамятствѣ и въ два часа по полудни скончался⁴⁾. 18-го января состоялось торжественное погребеніе на средства, собранныя обширнымъ кругомъ знакомыхъ и друзей Александра Ефимовича, большею частью изъ пишущей братіи. Гробъ несли всѣ оказавшіеся налицо петербургскіе литераторы. Похороненъ онъ на Смоленскомъ кладбищѣ, гдѣ стоитъ и понынѣ надъ его могилой скромный памятникъ.

Нѣкоторые журналы и газеты почтили умершаго писателя краткими некрологами⁵⁾.

¹⁾ Изъ архива министерства финансовъ по департаменту госуд. казначейства отъ 11 авг. 1830 г., за № 51.

²⁾ См. „Иллюстрація“, 1846 г. № 17.

³⁾ Собр. соч., т. I, стр. 367—370.

⁴⁾ Гр. Д. И. Хвостовъ такъ отмѣтилъ скоропостижную кончину А. Е. Измайлова въ надгробіи, посвященномъ нашему баснописцу:

Но ахъ! закашлявшись на родинѣ Пиндара,
Въ Петрополь привата, скончался отъ удара.

(См. „Стихотворенія гр. Д. И. Хвостова“, т. VII, Спб. 1834, стр. 227 и 276).

⁵⁾ „Колокольчикъ“, № 6, стр. 24; „Сѣв. Пчела“, № 56; „Литерат. газета“ № III, стр. 39; „Сѣв. Меркурій“, № 5 и др.

Такъ грустно закончилось на 52-мъ году существованіе человѣка, въ продолженіе болѣе чѣмъ 30 лѣтъ неустанно, по мѣрѣ силъ своихъ, трудившагося на поприщѣ общественной, въ широкомъ смыслѣ, и литературной, въ частности, дѣятельности. Тяжело было Александру Ефимовичу на закатѣ своихъ дней сознавать себя въ томъ горькомъ, безотрадномъ положеніи, въ которомъ онъ очутился по несправедливости.....

25 слишкомъ лѣтъ, не выѣзжая изъ Петербурга, прослуживъ въ одномъ вѣдомствѣ, какъ честный чиновникъ, и столько же поработавъ на нивѣ нашей литературы, какъ честный откровенный литераторъ, какъ журналистъ, поставившій одной изъ цѣлей своего органа—будить чувство состраданія къ несчастнымъ, наконецъ, какъ представитель одного изъ лучшихъ нашихъ литературныхъ обществъ, Александръ Ефимовичъ на старости лѣтъ долженъ былъ оставить городъ, гдѣ, можно сказать, сложилась его жизнь и слава, и ѣздить по всея Россійскаго государства, переключивая изъ одного уѣзда Тверской губерніи въ другой, или тащась по промерзлой почвѣ архангельскихъ тундръ за рекрутскими наборами, по «кабацкимъ дѣламъ» и прочимъ обязанностямъ вице-губернатора тогдашнихъ временъ. Тяжело жилось въ провинціи Александру Ефимовичу среди удручающей пустоты провинціального прозябанія, дразнь и плутней чиновниковъ, испытывая подъ часъ несправедливости и упреки со стороны ближайшаго начальства, но еще тяжелѣе пришлось ему чувствовать себя въ Петербургѣ послѣ своихъ невольныхъ странствованій, по причинамъ намъ извѣстнымъ. Глубокой грустью и истинно-безотраднымъ чувствомъ отзываются его письма и произведенія двухъ послѣднихъ годовъ его жизни. Онъ уже не пишетъ ни шуточныхъ посланій, ни мадригаловъ, ни эпиграммъ, если же и прозвучитъ кое-когда шутливая нотка, то какой-то болѣзненностью и грустью вѣетъ отъ нея.

Порой въ отчаяніи Александръ Ефимовичъ перестаетъ считать себя и сочинителемъ, и отказывается отъ званія стихотворца:

„ . . . Я ужь не поэтъ.

Плохой теперь я сочинитель:

Не только для стиховъ, для прозы не гожусь“ ¹⁾,—

писалъ онъ въ концѣ 1830 года женѣ, которой нѣжное попеченіе о своемъ больномъ мужѣ доставляло ему самое лучшее облегченіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ—какъ мы успѣли замѣтить—въ немъ сильнѣе говорить религиозное чувство, надежда на Бога и Его милость. Не переставая интересоваться текущей литературой и слѣдя за появляющимися въ ней новинками, онъ въ то же время прилежно занимается чтеніемъ Священнаго Писанія, проситъ, чтобъ его чаще читали изъ него, такъ какъ

¹⁾ Собр. соч., т. I, стр. 361.

самъ онъ, почти потерявъ зрѣніе, не въ состоянїи дѣлать этого; этимъ глубокимъ, живымъ религіознымъ чувствомъ проникнуто все, что писалъ онъ въ послѣдніе предъ смертью годы.

Многіе пожалѣли объ его смерти,—многіе изъ тѣхъ, что получали отъ него чисто-нравственныя и въ особенности матеріальныя благодѣянія, которыя Александръ Ефимовичъ въ изобилїи расточалъ въ лучшую пору своей жизни; пожалѣли его многіе и изъ пишущей братїи, какъ тѣ, съ которыми онъ сохранялъ дружбу и былъ прївѣтливъ, такъ и тѣ, съ кѣмъ онъ нерѣдко вступалъ въ перебранку на столбцахъ своего журнала.

«Покойный Измайловъ,—записалъ Кюхельбекеръ въ свой дневникъ вскорѣ послѣ смерти Александра Ефимовича,—былъ истинно добрый мужикъ: я зналъ его очень хорошо, любилъ его и многимъ ему обязанъ» ¹⁾.

«Измайловъ былъ человѣкъ самыхъ честныхъ, благородныхъ правилъ, добрый семьянинъ, кроткій, благонравный, добродушный»,—вспоминаетъ о немъ Гречъ въ своихъ «Чтенїяхъ» ²⁾.

«Измайловъ стоялъ того, чтобы знать его коротко,—писалъ Булгаринъ.—Во всемъ онъ былъ оригиналенъ: и по фигурѣ, и по одеждѣ, и по образу жизни, и по изложенїю въ своихъ сочиненїяхъ, и даже по голосу. Лучшая изъ всѣхъ его оригинальностей была удивительная честность и праводушіе» ³⁾.

А тотъ самый Воейковъ, который такъ осмѣялъ Измайлова въ своемъ «Домѣ сумасшедшихъ», между прочимъ писалъ ему въ 1827 году:

«Веселость и счастье были всегда вашими адъютантами, а чистая совѣсть—начальникомъ штаба» ⁴⁾.

Итакъ, вотъ какимъ представляется Александръ Ефимовичъ, его жизнь и дѣятельность по документальнымъ даннымъ, воспоминанїямъ отзывамъ знавшихъ его лицъ и проч.; но для полноты его біографїи, какъ весьма существеннымъ пособїемъ, можно воспользоваться его собственными указанїями на свою личность, разсѣянными въ стихотворенїяхъ, прозаическихъ произведенїяхъ и на страницахъ его журнала «Благонамѣренный», въ статьяхъ, выноскахъ, примѣчанїяхъ.

Трудно указать другаго, кромѣ Александра Ефимовича, писателя, котораго не только личность, но вся жизнь со всѣми ея повседневными частностями, даже мелочами, выражалась бы такъ полно въ его произведенїяхъ, какъ у Измайлова.

¹⁾ „Русск. Старина“ 1883, VIII, стр. 114.

²⁾ Т. II, стр. 295.

³⁾ „Свѣ. Пчела“ 1849 г., № 141.

⁴⁾ Письмо отъ 10-го апрѣля 1827 г. (неизд.)

Этотъ добродушный и откровенный до наивности литераторъ—весь въ своихъ произведеніяхъ, и если бъ до насъ не дошла его біографія, мы по однимъ лишь его произведеніямъ могли бы довольно близко познакомиться съ семейными, служебными и прочими обстоятельствами его жизни. Къ его произведеніямъ, въ данномъ случаѣ, какъ нельзя болѣе, подходитъ старинный стихъ:

„Душа писателя въ твореніяхъ видна“.

«Творенія» Измайлова тѣмъ цѣннѣе для насъ въ этомъ отношеніи, что онъ, при своей откровенности, былъ замѣчательно правдивъ, въ чемъ легко убѣдиться, сравнивъ его собственныя данныя о себѣ съ тѣмъ, что сообщаютъ о немъ современники или говорятъ документы. Въ упомянутой нами ранѣе статьѣ Галахова читатель найдетъ довольно подробную характеристику писателя на основаніи его произведеній и можетъ убѣдиться, насколько, дѣйствительно, личность и малѣйшія стороны жизни и особенности Александра Ефимовича полно отражаются въ произведеніяхъ этого въ высшей степени добродушнаго, откровеннаго до наивности и, прибавимъ, симпатичнаго писателя. Измайловъ,—если можно такъ выразиться,—пропиталъ каждую строку своихъ произведеній своею личностью; онъ слился съ ними такъ нераздѣльно, что, читая его—басню-ли, сказку-ли, подстрочное-ли примѣчаніе его въ журналѣ подъ чужими произведеніями,—ну, такъ и видишь предъ собою этого добродушнѣйшаго русскаго человѣка.

Въ этомъ отношеніи Галаховъ, дѣйствительно остроумно выразился, что Измайловъ,—была личность «эгоистическая въ добромъ смыслѣ»¹⁾: онъ любитъ, чрезвычайно любитъ говорить о себѣ, о своей личности, о всемъ, что относилось и относится къ нему.

Но можно-ли осуждать его за эту слабость: пусть онъ много любитъ говорить и говорилъ о себѣ, но онъ былъ истинно русскій добрый человѣкъ, и, читая его professions, знакомясь съ его личностью по его собственнымъ же указаніямъ о себѣ, мы знакомимся съ однимъ изъ честнѣйшихъ и добрѣйшихъ людей стараго времени, гдѣ и среди мрака, грубости и невѣжества были все же люди, память о которыхъ достойна самаго глубокаго уваженія; мы знакомимся въ лицѣ Александра Ефимовича, если не съ крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ или писателемъ крупнаго таланта, то во всякомъ случаѣ съ человѣкомъ, сдѣлавшимъ много добра и не принесшимъ никому зла ни дѣйствіемъ, ни своими безобидными произведеніями. И съ полною справедливостью на его могилѣ можно было бы написать ту самую эпитафію, которую онъ сочинилъ своему отцу:

¹⁾ „Современникъ“ 1850 г., № 23, отд. крѣт., стр. 54.

„Здѣсь прахъ покоится честнаго человѣка:
Онъ зла не дѣлалъ и врагамъ;
Служилъ съ усердіемъ отечеству полвѣка,
И имя доброе оставилъ только намъ“¹⁾...

И Измайловъ,—заклучимъ мы біографію его,—имѣлъ полное основаніе выразить слѣдующую мысль о своей «могилкѣ», жалуясь въ одномъ изъ писемъ женѣ изъ Архангельска на притѣсненія Миницкаго и вида оправданіе своей дѣятельности лишь въ потомствѣ:

... «на мою могилку, когда и внуковъ уже нашихъ не будетъ, зайдутъ добрые люди и помолятся.—«Вотъ,—скажутъ,—здѣсь погребенъ баснописецъ Измайловъ, котораго немногіе при жизни умѣли оцѣнить»²⁾).

Ив. Кубасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Помѣщ. въ „Собр. сочин.“, т. I, стр. 383.

²⁾ Отъ 1-го марта 1829 г. (неизд.)

Письмо Михаила Никифоровича Каткова—Помпею Николаевичу Батюшкову о положеніи дѣлъ въ виленскомъ генераль-губернаторствѣ ¹⁾).

9-го ноября 1869 г.

Многоуважаемый,
Помпей Николаевич!

Васъ постигло тяжкое испытаніе, и я не могу не выразить моего глубочайшаго соболѣзнованія. Я знаю ваше честное гражданское чувство и не сомнѣваюсь, что вы безропотно покорились священной волѣ государя, которому угодно было удалить васъ изъ края, гдѣ вы съ такою преданностью служили ему. Но въ то же время, васъ постигла скорбная утрата въ лицѣ такъ нѣжно любившей васъ сестры вашей, которая не могла перенести поразившаго васъ удара, такъ неожиданнаго для всѣхъ.

Въ положеніи вашемъ я принимаю тѣмъ живѣйшее участіе, что интрига, которой нѣтъ имени, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, распускаетъ въ публикѣ слухи, будто бы ваше, равно какъ и контръ-адмирала Шестакова увольненіе отъ должности было послѣдствіемъ какихъ-то сношеній со мною, будто бы у меня былъ сдѣланъ обыскъ и будто бы у меня найдены ваши письма, компрометирующія васъ?

Пишу къ вамъ объ этомъ потому, что слухи эти сильно распространены въ Петербургѣ и въ своихъ главныхъ основаніяхъ идутъ изъ высшихъ административныхъ сферъ. По пріѣздѣ вашемъ въ Петербургъ вы, безъ сомнѣнія, были осаждены ими.

Мы оба, какъ вы, такъ и я, можемъ быть равнодушны къ общественнымъ сплетнямъ, но можемъ ли мы оставаться спокойны при махѣйшемъ сомнѣніи, что мы оклеветаны предъ государемъ?

---

¹⁾ П. Н. Батюшковъ былъ передъ тѣмъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа и только-что отчисленъ отъ этой должности.

Что касается меня, то я готовъ отвѣтиться на все и пожертвовать всѣмъ для того, чтобы государю императору, которому посвящены были всѣ мои помыслы и дѣйствія, была открыта истина.

Контръ-адмирала Шестакова я вовсе не зналъ, никогда не видалъ его и никогда не находилъ, ни по какому предмету, ни въ прямыхъ, ни въ косвенныхъ сношеніяхъ съ нимъ. Крестьянское дѣло въ Западномъ краѣ я зналъ во всѣхъ его подробностяхъ гораздо прежде, чѣмъ онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Вильну, и не думаю, чтобы онъ могъ сообщить что-нибудь новое какъ по этому вопросу, такъ и вообще по дѣламъ тамошняго управления. О циркулярѣ, полученномъ имъ отъ генераль-губернатора для разсылки по мировымъ учреждениямъ, я узналъ впервые изъ «Виленскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», гдѣ онъ былъ напечатанъ, и о содержаніи этого циркуляра была рѣчь въ моей газетѣ на основаніи опубликованнаго во всеобщее свѣдѣніе документа. Другіе же документы, о которыхъ была рѣчь въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и которые поразили меня, и вынудили къ разъясненіямъ и подали къ тому первый поводъ, относились не къ Шестакову. Подлежа закону гласности, циркуляры административной власти по крестьянскимъ учреждениямъ не составляютъ канцелярской тайны, а всякій легко можетъ узнавать и о ихъ существованіи, и о ихъ содержаніи. Могъ ли генераль-губернаторъ рассчитывать на то, что его циркуляры останутся тайною, когда они назначались имъ для разсылки по мировымъ учреждениямъ, которыя обязаны предъявить ихъ обѣимъ заинтересованнымъ сторонамъ? Весь край зналъ о ихъ существованіи. Слухи о нихъ проникли даже за границу и копіи съ нихъ были распространены повсюду. Въ Москвѣ многіе знали ихъ прежде, чѣмъ они дошли до моего свѣдѣнія.

За нѣсколько часовъ предъ симъ, просматривая газету «Вѣсть», которая, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, служить органомъ лицъ, находящихся въ близкихъ сношеніяхъ и съ шефомъ жандармовъ, и съ виленскимъ генераль-губернаторомъ, я встрѣтилъ ясные, совершенно не двусмысленные намеки на мои сношенія съ вами и съ Шестаковымъ. Клевета, проникнувъ въ печать, обязываетъ меня къ личному объясненію, и считаю своимъ долгомъ предупредить васъ объ этомъ, въ надеждѣ, что вы поймете и оцѣните побужденія, которыя заставляютъ меня заговорить публично о васъ и о моихъ отношеніяхъ къ вамъ. Васъ я давно знаю, съ вами дѣйствительно находился въ сношеніяхъ. Но въ какихъ? Когда вы завѣдывали дѣломъ постройки храмовъ въ Западномъ краѣ, я препровождалъ къ вамъ пожертвованія, которыя собирались на этотъ предметъ въ редакціи моей газеты, а отъ васъ получалъ официальные свѣдѣнія для публикаціи о ходѣ этого дѣла. По назначеніи васъ почетелемъ въ Вильну, вы раза два, или три присылали мнѣ религіозныя римско-католическія изданія, которыя выходили при вашемъ управле-

ни, и въ то же время, по просьбѣ моей, сообщали мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, появившіяся впрочемъ и въ «Виленскомъ Вѣстникѣ», свѣдѣнія объ учебномъ дѣлѣ въ вашемъ округѣ и объ успѣхахъ русскаго языка между католиками, которыми этотъ важный вопросъ обязанъ вашей неутомимой и просвѣщенной заботливости.

Я долженъ сказать это въ печати и смѣю думать, что вы вслѣдствіе этого не посѣтуете на меня за нескромность. Клевета, какъ мнѣ извѣстно, воспользовалась даже вашею поѣздкою въ Москву и увѣряетъ съ непостижимою наглостью, будто вы диктовали мнѣ статьи о тѣхъ систематически, очевидно, предумышленныхъ и поразительныхъ уклоненіяхъ отъ объявленной высочайшей воли, на которыя было съ подробнымъ объясненіемъ указано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ виду тѣхъ неотразимо пагубныхъ послѣдствій, которыя не замедлили бы произойти, если бы распоряженія генераль-губернатора не были замѣчены и продолжали приводиться въ исполненіе. Но клевета, примѣшивая ваше имя къ этому дѣлу, забыла только то, что статьи «Московскихъ Вѣдомостей» появились въ свѣтъ задолго до вашего выѣзда изъ Вильны, и что стало быть трехдневное пребываніе ваше въ Москвѣ не можетъ имѣть съ ними ничего общаго. Вчера одно уважаемое и заслуживающее вполнѣ довѣрія лицо, прибывши изъ Петербурга, сообщало мнѣ, что тамъ толкуютъ также о томъ, что вы, находясь въ Москвѣ, по старому доброму знакомству посѣтили меня. Но я принималъ у себя многихъ лицъ, стоявшихъ въ главѣ администраціи, начиная съ нынѣшняго министра внутреннихъ дѣлъ. Неужели я зачумленный или каторжный, что даже простое знакомство со мною можетъ компрометтировать людей почтенныхъ и заслуженныхъ. Что же сдѣлалъ я предосудительнаго въ моей дѣятельности, которая протекла на глазахъ у всѣхъ?

Если бы даже и былъ между нами какой разговоръ о положеніи крестьянскаго дѣла въ виленскомъ генераль-губернаторствѣ, то развѣ откровенное выраженіе мнѣнія по этому предмету можетъ быть сочтено за дѣло предосудительное и преступное? Но именно объ этомъ-то предметѣ не было ни слова сказано между нами. Я видѣлся съ вами два раза: по пріѣздѣ вы сдѣлали мнѣ короткій визитъ, при которомъ, кромѣ обычныхъ привѣтствій, мы не успѣли сказать другъ-другу почти ни слова, а на другой день вы у меня обѣдали въ обществѣ довольно многочисленномъ и послѣ стола уѣхали прежде всѣхъ. Единственный сколько-нибудь дѣловой предметъ, котораго мы касались въ общемъ разговорѣ, было распространеніе русскаго языка между иновѣрцами, къ чему подадо поводъ случайное въ то время присутствіе у меня католическаго священника Фелинскаго, съ которымъ я васъ познакомилъ, и который сообщилъ вамъ свои взгляды и соображенія по этому вопросу.

Разумѣется, всѣхъ этихъ подробностей я не могу рассказывать въ печати; тѣмъ не менѣе надобно же разъяснить сущность дѣла и отразить клевету. Не знаю, какъ я успѣю въ этомъ, въ печати я могу дать только тѣ намеки, которые высказались въ печати же. Сію минуту принялся бы я за перо, но я едва имѣю силы дописать и это длинное посланіе къ вамъ. Здоровье мое страшно потрясено, я чувствую невыносимое стѣсненіе въ груди и едва могу держать перо въ рукѣ. Извѣстія одно другаго мрачнѣе доходятъ до меня изъ Петербурга. Вчера былъ день моихъ именинъ, и никогда еще не проводилъ я этого дня такъ печально. Вотъ результатъ моей многолѣтней дѣятельности, на которую я положилъ всего себя, и въ которой, видитъ Богъ, не имѣлъ никакого побужденія, кромѣ пользы и службы государю.

Будущее, близкое будущее разоблачить всю истину. Но мои силы уже надломлены, и мнѣ остается только молить Бога за дѣло, которому служилъ. Я долженъ поспѣшить принятіемъ мѣръ къ тому, чтобы такъ или иначе прекратить мою публичную дѣятельность и передать кому-нибудь нашу газету. И такъ я не знаю, успѣю ли скоро написать необходимое объясненіе для печати. А между тѣмъ клевета, которая касается и вашей и моей чести, продолжаетъ распространять свой ядъ. Я уполномочиваю васъ показывать всѣмъ вашимъ друзьямъ и знакомымъ это письмо мое, за каждое слово котораго я готовъ отвѣчать хотя бы предъ судомъ ¹⁾.

Душевно преданный М. Катковъ.

¹⁾ Письмо это 13-го ноября было представлено императору Александру II, который, встрѣтивъ генераль-адъютанта Николая Васильевича Зиновьева, женатаго на сестрѣ Помпея Николаевича, сказалъ ему: „Прочиталъ письмо Каткова къ Батюшкову,—много правды. Хочу тебѣ его показать, но въ настоящую минуту оно у императрицы“.

Нѣмцы о Пушкинѣ въ 1899 г.

V¹).

Мреже, чѣмъ приступить къ рѣшенію только-что указанной задачи, намъ, однако, необходимо коснуться, въ видѣ матеріала, мнѣнія нѣмецкихъ писателей объ отдѣльныхъ, преимущественно главнѣйшихъ произведеніяхъ Пушкина. Оцѣнка этихъ произведеній съ точки зрѣнія нѣмецкой критики уяснить намъ самую постановку нашей главной задачи посредствомъ ряда отвѣтовъ на вопросы, вызванные предыдущей главою. Мы должны убѣдиться въ томъ, насколько борьба творческаго самознанія съ внѣшними на него влияніями отразилась на достоинствахъ и качествахъ произведеній Пушкина. Мы не будемъ однако касаться лицейской эпохи въ поэтической дѣятельности Пушкина и смѣло можемъ ее пропустить, какъ періодъ подготовительный и уже достаточно затронутый нами въ упоминаніяхъ о стихотвореніяхъ «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» и «Принцу Оранскому». Впрочемъ, мы будемъ обращать вообще вниманіе лишь на тѣ произведенія Пушкина, которыя упоминаются юбилейными нѣмецкими о немъ статьями, и считаемъ излишнимъ дополнять, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, скудные данныя этого источника. Нѣмецкая критика всего подробнѣе и существеннѣе останавливается на поэмахъ и драматическихъ произведеніяхъ Пушкина, лирикѣ его отводитъ незначительное сравнительно мѣсто, а его сочиненій въ прозѣ, за небольшими исключеніями, касается почти мимоходомъ. Въ этомъ порядкѣ мы приступаемъ къ нашему обзору.

«Руслана и Людмилу» нѣмцы вполнѣ правильно отмѣчаютъ, какъ

¹) См. «Русскую Старину», май 1890.

первый шагъ, вполнѣ обезпечившій литературную славу Пушкина. Поэма эта, благодаря своему объему и содержанию, впервые указала русскому обществу на силы поэта во всей ихъ полнотѣ, а равно и обнаружила его подлинное имя. Критика юбилейной прессы особенно подчеркиваетъ такое значеніе произведенія Пушкина и подробно обсуждаетъ причины успѣха «Руслана и Людмилы». Да не посѣтуютъ на насъ читатели за обстоятельную передачу нѣмецкихъ отзыовъ.

«Въ 1820 году появилась поэма «Русланъ и Людмила», первое произведеніе, подписанное: Александръ Пушкинъ. Этою поэмою, сочиненною въ формѣ народной сказки, русская поэзія открыла себѣ путь въ область всемірной литературы и особенностями своихъ подробностей возбудила въ Россіи столько же восторга, сколько и порицанія. Однимъ эта поэма показалась дерзкимъ вызовомъ, брошеннымъ по адресу неуязвимыхъ преданій классицизма, другіе привѣтствовали въ немъ свѣтлую зорю новѣйшей поэзіи. Въ «Русланъ и Людмилѣ» народныя повѣрія подверглись фантастическому пересказу со своею яркостью и сочностью красокъ, присущихъ романтизму, со всею, недоступною предшественникамъ Пушкина, прелестью языка, со всею игрою чувствъ, переливающихся до самой ѣдкой сатиры. По мнѣнію историковъ русской литературы, немногія гениальныя творенія способны были возбудить страсти до такой степени, какъ эта поэма» (ф. Ст.). Второй критикъ относится къ этому первому крупному плоду таланта Пушкина нѣсколько строже и говоритъ: «несмотря на свою незрѣлость и отсутствіе оттѣнка истинной народности, произведеніе это заслужило несомнѣнный успѣхъ новизною сюжета и необычностью его обработки» (Норденъ), и затѣмъ повторяетъ извѣстіе перваго автора о спорѣ, возникшемъ изъ-за поэмы Пушкина, между «молодымъ поколѣніемъ и приверженцами ложнаго классицизма». Третій критикъ, Адамъ, во главѣ романтиковъ, восхищавшихся поэмою Пушкина, называетъ Жуковского и сообщаетъ, что классики отнеслись къ ней, какъ къ пародіи на народныя пѣсни. Успѣхъ «Руслана и Людмилы» зависѣлъ отъ рѣзкости, съ которою Пушкинъ, какъ романтикъ, выступилъ противъ приверженцевъ царившаго тогда псевдоклассицизма (Ульманнъ). Брандесъ, мнѣніе котораго не лишено интереса, говоритъ о «Русланѣ и Людмилѣ» слѣдующее: «это произведеніе имѣло громаднй успѣхъ, хотя являлось лишь сказкой въ стихахъ, заимствованной изъ русскаго народнаго преданія. Поэма эта, помимо старательности въ отдѣлкѣ и искусства въ изложеніи сюжета, не представляла даже оригинальности. По чисто романтическому своему характеру и при полномъ отсутствіи психологическаго значенія, это произведеніе произвело впечатлѣніе лишь нѣкоторою легкостью тона и сильною чувственною окраскою». Любопытно, по риторическимъ прикрасамъ, объясненіе успѣха «Руслана и Людмилы»

Голантомъ. «Впечатлѣніе, произведенное этою поэмою, было подобно пушечному выстрѣлу среди ночной тишины или метеору, озарившему глубокой мракъ небесъ. Поэма эта въ корнѣ нарушила всѣ господствовавшія въ тогдашней литературѣ условія неестественности и манерности. Въ «Русланѣ и Людмилѣ» нельзя было найти слѣдовъ ни *лудульности* и жеманности классиковъ, ни плаксивой чувствительности и туманной мечтательности романтиковъ. Глупцы, засѣвшіе за оплоты классицизма, объявили «Руслану и Людмилѣ» войну и поэму эту, со- вмѣстно съ ея авторомъ, восходящимъ свѣтиломъ, оцѣнили по достоинству лишь Жуковский, поэтъ и переводчикъ, да историкъ Карамзинъ». Однако не всѣ нѣмецкіе критики ограничиваются однимъ полемическимъ значеніемъ поэмы, какъ причиною ея необычайнаго успѣха, и многіе изъ писателей со вниманіемъ останавливаются на ея положительныхъ достоинствахъ. «Языкъ», — говоритъ Энгельгардъ, — «яркость и легкость изображенія, богатство мысли и юмора, насмѣшливость сатиры и сила реализма, въ связи съ глубокимъ пониманіемъ русскихъ народныхъ преданій, бывшихъ до того въ полномъ пренебреженіи, — все это показалось чѣмъ-то небывалымъ въ русской литературѣ, и превосходство Пушкинскаго гѣнія принуждены были признать даже его враги». Цабель отмѣчаетъ въ «Русланѣ и Людмилѣ», «прелесть изложенія, глубину чувства и легкость насмѣшки», Адамъ, — чарующее обаяніе слога, мелодичную плавность стиховъ, живую роскошь картинъ и пластичный реализмъ въ изображеніи пестраго сказочнаго міра. Прочіе нѣмецкіе писатели даютъ подобные же отзывы. Въ этой поэмѣ Пушкинъ проявилъ всѣ свои отличительныя черты, художественность, легкость шутки, сильную чувственность и грустный лиризмъ настроенія (Ремеръ), сдѣлала попытку связать чужеземный романтизмъ съ мѣстными особенностями русской народности («Веймарская газета»); несмотря на свою незрѣлость, поэма эта отличается свѣжестью и жизненностью. и соединяетъ въ себѣ самые разнообразныя элементы: романскую пылкость южнаго воображенія съ сказками о скудной природѣ сѣвера и итальянскіе мотивы съ русскими подробностями (Шакъ). Нѣкоторые авторы статей въ нѣмецкихъ газетахъ ограничиваются только упоминаніемъ названія разбираемой поэмы Пушкина, не входя въ ея оцѣнку (Французъ, Стернъ, Ржехакъ, «Вѣнская Новая Пресса»), или указываютъ въ немъ слѣды чуждыхъ вліяній, какъ напримѣръ Аріоста (Норденъ, Цабель, Адамъ, Брандесъ, Французъ), нѣмецкихъ романтиковъ вообще (Французъ) и Виланда въ особенности, а равно и Жуковского (Брандесъ). О. Вольбрюкъ сообщаетъ, что Пушкинъ, по мѣрѣ работы надъ «Русланомъ и Людмилою», прочитывалъ на вечерахъ у Жуковского отрывки изъ поэмы, въ которой явны вліяніе русскаго романтика съ одной стороны, а съ другой — слѣды народныхъ преданій родины. Энгельгардтъ

сравниваетъ «Руслана и Людмилу», по произведенному впечатлѣнію, съ Гётевскимъ Гецомъ фонъ-Берлихингенъ, но съ оговоркою: «въ нѣмецкой литературѣ уже до Геца существовали произведенія, проникнутыя реализмомъ, а Пушкинъ впервые далъ образецъ новой художественной формы, порвавъ съ преданіями классицизма и не запутавшись въ лабиринтъ романизма».

Первый періодъ ссылки Пушкина, именно эпоха его пребыванія на югѣ Россіи, ознаменовалась появленіемъ четырехъ его поэмъ, написанныхъ подъ впечатлѣніями Кавказа, Крыма и Бессарабіи, именно: «Кавказскаго плѣнника», «Братьевъ разбойниковъ», «Бахчисарайскаго фонтана» и «Цыганъ». Эти четыре произведенія, которыя мы для сокращенія ссылокъ назовемъ южными поэмами Пушкина, оказываютъ на себѣ особенное вниманіе нѣмецкой критики и даютъ матеріалъ для соображеній большинству изъ числа авторовъ юбилейныхъ статей (Адамъ, Брандесъ, Вольбрюкъ, «Веймарская газета», Голантъ, Энгельгардтъ, Ремеръ, Ржекакъ, Стернь, Ульманнъ, Францозъ, Шакъ, д-ръ Z.). Знающій по-русски читатель оцѣнить въ этихъ произведеніяхъ всѣ достоинства формы и языка, а пользующемуся переводомъ понравятся описанія степей и горныхъ странъ (Францозъ). Поэмы эти со всею пестротою колорита и яркою живостью изображаютъ богатыя картины чуждой Пушкину среды (Dr. Z.), свидѣтельствуютъ о благотворномъ вліяніи, почерпнутомъ Пушкинымъ изъ посѣщенія новаго для него края (Стернь), и отмѣчены печатью непосредственнаго сближенія съ дѣйствительною жизнью (Голантъ). Оцѣнивая каждую изъ южныхъ поэмъ въ отдѣльности, нѣмецкіе писатели высказываютъ слѣдующія мысли: «Братья разбойники» являются отраженіемъ очень сильной личности (Ремеръ), превосходятъ всѣ прежнія произведенія Пушкина пластичностью формы, совершенствомъ психологическаго анализа и поэтическою прелестью (Голантъ); поражаютъ искренностью чувствъ, которыя нельзя упрекнуть въ явной подражательности Байрону, хотя «Разбойники» Пушкина, конечно, отличаются отъ настоящихъ; поэма эта съ наивною вѣрностью отражаетъ настроеніе самого автора (Брандесъ). «Кавказскій Плѣнникъ» представляетъ собою величественное описаніе природы (Ремеръ) и замѣчательнъ ея картинами (Брандесъ), обратилъ Пушкина изъ извѣстнаго поэта въ знаменитаго и послужилъ первымъ поводомъ для послѣдующихъ описаній Кавказа въ русской литературѣ (Вольбрюкъ). Татарская повѣсть («Веймарская газета») «Бахчисарайскій Фонтанъ» содержитъ въ себѣ великолѣпное описаніе мрачныхъ тайнъ и безмолвныхъ страданій магометанскаго гарема (Ульманнъ) и отражаетъ сильную личность автора (Ремеръ). Особенно поэтическія достоинства и красоты «Цыганъ», лучшей изъ южно-русскихъ поэмъ Пушкина (Брандесъ), поражаютъ

нѣмецкую критику превосходнымъ изображеніемъ непосредственной природы Земфиры (Ремеръ). Но, — говоритъ Энгельгардтъ, — образы героевъ въ важныхъ поѣмахъ Пушкина «недостаточно очерчены и освѣщены, совсѣмъ, какъ у Байрона, который также не умѣлъ изображать характеры. Однако, въ «Цыганахъ» Пушкинъ, возвышается надъ своимъ оригиналомъ и въ лицахъ Алеко и Старика создаетъ такіе противоположные и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поразительные по реализму и жизненной правдѣ типы, какихъ мы тщено стали бы искать у Байрона». Вліяніе байронизма на четыре перечисленныя поэмы Пушкина нѣмецкая критика вообще не оставляетъ безъ вниманія (д-ръ Z., Ремеръ), а одинъ писатель этому вопросу посвящаетъ слѣдующія строки. «Всѣ подробности байронизма: міровая скорбь, пресыщеніе жизнью и презрѣніе общественныхъ условій пропитываютъ всѣ лирическія и эпическія произведенія Пушкина этого періода его творчества. Въ каждой изъ названныхъ четырехъ поэмъ явны слѣды какого-нибудь изъ героевъ Байрона, именно Чайльдъ-Гарольда въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ», Гаура, въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ», Шильоноваго узника и Корсара въ «Братьяхъ разбойникахъ» и, наконецъ, героемъ «Цыганъ» оказывается тотъ же самый Байроновскій типъ скептика и врага цивилизаціи, какой, въ болѣе грубомъ видѣ, воплощенъ въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ» (Шакъ). Подобное же мнѣніе высказываютъ Адамъ, Брандесъ и Ульманнъ, а Французъ останавливается на скудной несложности содержанія южныхъ поэмъ и на однообразномъ впечатлѣніи отъ постоянной раздвоенности героевъ, которая обусловлена внѣшними причинами. Но законченностью и симпатичностью своихъ женскихъ типовъ Пушкинъ превосходитъ Байрона, по отзыву нѣкоторыхъ нѣмцевъ (Энгельгардтъ, Шакъ), которые восхваляютъ нашего поэта также и за картины природы и черты мѣстной и народной жизни (Адамъ, Энгельгардтъ, Ульманнъ).

Ограничившись однимъ упоминаніемъ о «Графѣ Нулинѣ» (Вольбрюкъ, Стернъ, Шакъ, «Веймарская газета») или замѣтками о проникнутомъ ѣдкой сатирою реализмъ этой поэмы (Французъ) и о сходствѣ ея съ Байроновскимъ Белпо (Французъ), нѣмецкая критика главное свое вниманіе обращаетъ на капитальное произведеніе Пушкина, именно на «Евгенія Онѣгина».

Этимъ романомъ въ стихахъ занимаются чуть ли не всѣ наши источники (Адамъ, Бахманъ, Брандесъ, «Веймарская газета», Вольбрюкъ, «Гамбургскій листокъ» (№ 18) и «Указатель» (№ 19), Голантъ, журналъ «Дома», Энгельгардтъ, Феликсъ, Французъ, Норденъ, Ремеръ, Ржехакъ, Сандоръ, Стернъ, ф. Ст., Ульманнъ, Шакъ, Цабель, д-ръ Z., газеты: «Кельнская», «Крестовая», «Вѣнская Пресса и Нелля»); уже одинъ этотъ длинный перечень именъ авторовъ и изданій

свидѣтельствуешь о томъ, что нѣмецкая критика въ «Евгеніи Онѣгинѣ» видитъ главнѣйшее произведеніе Пушкина, не только по размѣрамъ, но и по значенію. Даже время, посвященное поэтомъ занятіямъ надъ этимъ лучшимъ своимъ произведеніемъ («Новая Вѣнская Пресса»), недостижимымъ образцамъ романа въ стихахъ («Гамбургскій мѣстный указатель», № 19), вознесшимъ Пушкина на верхъ славы (Стернь), привлекаетъ особенное любопытство нѣмцевъ, указывающихъ на разные, хотя въ общемъ приблизительно и согласные, періоды 1823—1831 годовъ (Шакъ), 8 лѣтъ (Цабель), 7 лѣтъ 4 мѣсяца (Вольбрюкъ) и къ тому еще 17 дней (Адамъ). Такъ какъ «Евгеній Онѣгинъ» видимо является центромъ вниманія нѣмецкой критики, то наши читатели вѣроятно не поспѣтуютъ на насъ за приведеніе въ подлинныхъ выраженіяхъ главнѣйшихъ отзывовъ объ этой поэмѣ. «Во многихъ чертахъ этой поэмы,—говоритъ Цабель,—отражается пессимизмъ лорда Байрона, Мюссе и Леопарди и все-таки въ своихъ подробностяхъ она имѣетъ какой-то, совершенно особенный, оттѣнокъ русской народности. Оттѣнокъ этотъ обусловленъ не только мѣстомъ дѣйствія, происходящаго въ Петербургѣ и Москвѣ, въ городѣ и деревнѣ, но и самыми характерами изображаемыхъ лицъ». «Другіе русскіе поэты далеко превзошли Пушкина, но его «Евгеній Онѣгинъ» настолько же извѣстенъ въ Россіи, насколько у насъ (то-есть въ Германіи) драмы Шиллера. Этотъ романъ даетъ дѣйствительно хорошую картину русской жизни того времени, но Пушкинъ не виноватъ въ томъ, что эта картина не привлекательна (*wenig ansprechend*). Все очарованіе этой поэмы заключается единственно въ прелести ея языка, и этимъ соображеніемъ должны руководствоваться нѣмецкіе читатели, не могущіе по переводамъ согласиться съ высокою оцѣнкою этого романа въ Россіи» (журналъ «Дома»). «Главнѣйшее произведеніе Пушкина имѣетъ прямое отношеніе къ міровой скорби, которую онъ, если не во всѣхъ подробностяхъ, то въ главнѣйшихъ чертахъ, облекъ въ «Онѣгинъ» въ специальный нарядъ русской народности. При всемъ байронизмѣ своего характера, «Евгеній Онѣгинъ» въ сущности является чисто русскимъ представителемъ Николаевской эпохи, тунедцемъ, который никогда ничѣмъ не занимался, лишнимъ человекомъ въ обществѣ, съ которымъ связанъ судьбою, и безъ характера, чтобы вырваться изъ него. По словамъ Герцена, онъ всегда чего-то ждалъ, но ничего не случилось, и вся его жизнь протекла въ бесплодномъ чаяніи..... Конечно, въ «Онѣгинѣ» можно замѣтить недостатки, въ планѣ его нѣтъ связности, ходъ завязки страдаетъ отсутствіемъ движенія и вліяніе Байрона отражается на небрежности разсказа болѣе, чѣмъ казалось бы необходимымъ. Но въ этой повѣсти преобладающее значеніе принадлежитъ народнымъ чертамъ. Русская жизнь проходитъ передъ нами, какъ движущаяся панорама, со всѣми свѣтскими и помѣ-

щичьими нравами, съ картинами природы и времянь года, съ чертами закоснѣлаго суевѣрія и моднаго воспитанія. Странное, всю поэму проникающее, смѣшеніе восторженности и скептицизма, пламенной поэтичности и холодной разсудочности, также являютъ собою чисто русскую особенность» (Ульманъ). «Романъ этотъ описываетъ жизнь разочарованнаго представителя тогдашняго русскаго общества и заключаетъ въ себѣ образцовое изображеніе общественной жизни и социальныхъ типовъ Россіи, при чемъ разсказъ сопровождается глубокою наблюдательностію и остроумными сатирико-юмористическими выходками автора («Веймарская газета»). «Подчиненіе модѣ проходитъ по всему «Евгенію Онѣгину» и самую яркою чертою проявляется въ эпизодѣ убійства Онѣгинимъ своего лучшаго друга, Ленскаго, вызваннаго на дуэль ради соблюденія условій общественнаго приличія» (Брандесъ). «Евгеній Онѣгинъ» составилъ эпоху въ русской литературѣ. Въ немъ Пушкинъ впервые и съ полнымъ сознаніемъ провозгласилъ идею реализма. Содержаніе поэмы вполне исчерпывается Пушкинскимъ стихомъ

Тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ ¹⁾.

Романъ этотъ былъ вѣрнимъ зеркаломъ тогдашней русской дѣйствительности, и въ этомъ зеркалѣ русское общество сейчасъ же себя узнало. Въ лицѣ Онѣгина встрѣчаемъ мы родоначальника всѣхъ тѣхъ общественныхъ типовъ, которые представлены Лермонтовымъ въ Печоринѣ, Гоголемъ въ Тентетниковѣ, Тургеневымъ въ Рудинѣ и Гончаровымъ въ Обломовѣ. Всѣ эти типы объясняются особенностями русскаго характера, и честь открытія этихъ особенностей принадлежитъ Пушкину. Въ своемъ романѣ «Наканунѣ» Тургеневъ для изображенія челоуѣка дѣла принужденъ былъ взять типъ болгарина, а Гончаровъ образцомъ живой силы и практическаго ума избралъ нѣмца Штольца» (Голантъ). «Въ новѣйшее время, когда русскій романъ заслужилъ международное значеніе и всемірную оцѣнку, часто возникалъ вопросъ о томъ, который именно русскій романъ слѣдуетъ признавать самымъ выдающимся образцомъ русской словесности. Прежде такимъ произведеніемъ обыкновенно считались «Мертвыя Души» Гоголя, но теперь русскіе литераторы согласны въ убѣжденіи, что ни «Война и Миръ», ни «Анна Каренина» Толстаго не могли бы появиться, если бы не имѣли предшественника въ «Евгеніи Онѣгинѣ», въ которомъ Пушкинъ вступилъ на почву трезваго реализма, независимаго отъ злобы дня и не отгѣченнаго ни романтизмомъ, ни доктринерствомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ «Онѣгинъ» является первымъ русскимъ художественнымъ романомъ, отражающимъ среду образованнаго общества, о свѣтлыхъ и темныхъ

¹⁾ „Русланъ и Людмила“, Прологъ.

сторонахъ котораго Пушкинъ могъ судить гораздо лучше, чѣмъ многіе его современники («Гамбургскій листокъ» № 18). «Евгеній Онѣгинъ» явился предшественникомъ въ стихахъ цѣлой серіи героевъ позднѣйшихъ русскихъ романовъ въ прозѣ» (Стернгъ). Единственнымъ диссонансомъ во всемъ этомъ нѣмецкомъ, болѣе или менѣе хвалебномъ, хорѣ, является отзывъ анонима «Новой прусской крестовой газеты», который говоритъ слѣдующее: «знаменитый «Евгеній Онѣгинъ» по своему содержанию является задуманнымъ на низменномъ уровнѣ понятій, такъ какъ выдвигаетъ героя съ душою низкою, безотчетною къ нравственнымъ запросамъ и не чувствующею отвращенія къ обыденной низости» (sic).

Сдѣланныя выписки исчерпываютъ область общей оцѣнки «Евгенія Онѣгина». Но нѣмецкіе критики не ограничиваются такою оцѣнкою и входятъ по поводу поэмы Пушкина въ частныя соображенія. Изъ такихъ частныхъ одною изъ главнѣйшихъ является вопросъ о слѣдахъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» вліанія Байрона. Отчасти вопросъ этотъ уже затронутъ въ приведенныхъ нами отзывахъ. Мы рѣшаемся дополнить эти отзывы слѣдующими подробностями. Въ «Евгеніи Онѣгинѣ»,—говоритъ одинъ изъ критиковъ,—«нельзя отрицать слѣдовъ Байрона въ чертахъ героя, разочарованнаго свѣтскаго человѣка, но въ немъ отражаются въ извѣстной степени и личные взгляды автора и кое-какія особенности его собственнаго характера. Однако, отдѣльныя, полныя жизни, картины поэмы даютъ такое вѣрное изображеніе всего русскаго быта, что Пушкинъ никакъ не можетъ быть обвиненъ въ недостаткѣ самостоятельности» (Адамъ). Другой писатель указываетъ, что «весь планъ «Онѣгина» и въ особенности типъ его главнаго героя едва-ли могли возникнуть въ воображеніи поэта безъ воздѣйствія Байрона» (Бахманъ). Третій нѣмецкій авторъ, не называя байронизма, объясняетъ мизантропію «Онѣгина» личными впечатлѣніями Пушкина. «Любя всю ярмарку общественнаго тщеславія, Пушкинъ далъ намъ остроумное и вѣрное ея изображеніе, особенно въ первыхъ пѣсняхъ своего главнаго произведенія. Но вездѣ, гдѣ мы встрѣчаемся съ такимъ изображеніемъ, вездѣ оно проникнуто чувствомъ горькаго презрѣнія. Авторъ постоянно подчеркиваетъ, что онъ вполне созналъ его пустоту и вынесъ изъ него лишь разочарованіе, горечь страданія и чувство отвращенія. Весь вопросъ въ томъ, насколько это настроеніе, свидѣтельствующее объ увлеченіи Байрономъ, было у Пушкина искреннимъ (Ульманъ) «Онѣгинъ» не мыслимъ безъ Байрона (Францозъ). «Конечно»,—объясняетъ Нордентъ,—«суть настроенія великаго англичанина осталась чужда русскому поэту, который, наравнѣ съ Байрономъ, не былъ способенъ выработать свое собственное самостоятельное міровоззрѣніе». Приведемъ еще одну цитату, которая послужитъ намъ переходомъ къ опре-

дѣленію тѣхъ произведеній иностранныхъ литературъ, которыя нѣмецкіе критики выбираютъ для сравненія съ «Евгеніемъ Онѣгинымъ». Хотя черты Байрона,—пишетъ ф. Ст., говоря объ одесскомъ періодѣ Пушкинскаго творчества,—еще продолжаютъ отражаться въ русскомъ поэтѣ, совмѣстно со слѣдами нѣмецкаго романтизма, но съ этого времени почвенная русская окраска придаетъ произведеніямъ Пушкина полную самостоятельность. Правда, его романъ въ стихахъ «Евгенія Онѣгина» неоднократно сравнивали съ «Донъ Жуаномъ» Байрона, но это сравненіе касается только характера героя. Самый романъ, помимо своихъ поэтическихъ достоинствъ, имѣетъ и высокую культурно-историческую цѣну, какъ живое изображеніе русскаго общества, показное образованіе котораго передается бичеванію въ слѣдующихъ стихахъ:

„Мы всѣ учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь,
Таки воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ не мудрено блеснуть“.

Большинство нѣмецкихъ критиковъ ограничивается краткимъ указаніемъ на сходство «Евгенія Онѣгина» съ «Донъ-Жуаномъ» Байрона (Адамъ, Брандесъ, Ремеръ, д-ръ Z., «Веймарская газета»), но нѣкоторые писатели подробно обсуждаютъ вопросъ объ этомъ сходствѣ. «Въ каждой исторіи литературы»,—пишетъ Стернь —сообщается, что «Евгеній Онѣгинъ» возникъ на почвѣ Байрововскаго «Донъ-Жуана». Этой почвѣ, какъ извѣстно, обязана происхожденіемъ обширная эпическая литература, въ которой можно насчитать цѣлый рядъ подобныхъ же самостоятельныхъ поэмъ. Въ своей основѣ Пушкинскій романъ ограниченъ болѣе узкими, рѣзкими предѣлами, чѣмъ «Донъ-Жуанъ», бурныя приключенія котораго увлекаютъ насъ на пространство цѣлаго полу-міра. Безъ сомнѣнія, Байронъ является родоначальникомъ какъ поэтическаго воспроизведенія современной жизни, такъ и постояннаго чередованія объективнаго разсказа съ сатирическими вставками автора. Но планъ, ходъ дѣйствія въ «Онѣгинѣ» и характеристика героевъ отличаются еще большею своеобразностью, чѣмъ допускается общепринятыми правилами». Цапель ограничиваетъ сходство «Онѣгина» съ «Донъ-Жуаномъ» и «Чайльдъ-Гарольдомъ» вставками въ разсказъ собственныхъ замѣчаній и намековъ автора. Мы отводимъ далѣе мѣсто указанію Сандора на «Онѣгина», какъ на типъ, соединяющій въ себѣ черты, напоминающія «Донъ-Жуана», «Манфреда», «Гамлета» и «Фауста», и удовольствуемся здѣсь упоминаніемъ о томъ, что журналъ «Сцена и Свѣтъ» (№ 15, въ текстѣ Пушкина) признаетъ, что «Онѣгинъ» настолько же принадлежитъ всемірной словесности, какъ «Донъ-Жуанъ» и «Чайльдъ-Гарольдъ». Но на мнѣніи Энгельгардта намъ не-

обходимо остановиться, какъ на возраженіи противъ обычнаго сравненія «Онѣгина» съ Байроновскимъ «Донъ-Жуаномъ». «Это обвиненіе»,— такъ выражается Энгельгардтъ,—«можно допустить лишь въ самой незначительной долѣ; Пушкинъ самымъ энергическимъ образомъ возставалъ противъ подобнаго пониманія своего «Онѣгина». Конечно, въ первой особенно главѣ поэмы, мы можемъ замѣтить нѣкоторые слѣды Байроновскаго вліянія, но затѣмъ слѣды эти вскорѣ исчезаютъ, и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи «Евгеній Онѣгинъ» представляется намъ произведеніемъ, поразительнымъ по своей реальности и по характеру своей истинно русской народности. Типы Татьяны, Евгенія и Ленскаго, а равно и достоинства этой поэмы ставятъ ее гораздо выше Байроновскаго «Донъ-Жуана». Если Евгеній, герой романа, и не имѣетъ никакихъ положительныхъ качествъ, то, углубившись въ содержаніе поэмы, мы должны признать, что самъ Пушкинъ стоитъ гораздо выше изображеннаго имъ типа, который онъ въ концѣ концовъ разоблачаетъ до полной наготы». Бахманъ находитъ связь между «Онѣгиннымъ» и другимъ героемъ Байрона, но не «Донъ-Жуаномъ». По мнѣнію этого писателя, Пушкинскій Онѣгинъ является предшественникомъ Лермонтовскаго Печорина, а оба эти типа въ свою очередь происходятъ отъ ихъ общаго родоначальника Чайльдъ-Гарольда. Между этимъ Байроновскимъ героемъ и типомъ Печорина Онѣгинъ составляетъ только звено и переходную ступень. Французъ идетъ еще дальше и къ предметамъ сравненія присоединяетъ еще Гётевскаго «Фауста». «По манерѣ изложенія»,—говоритъ этотъ критикъ—«Онѣгинъ» вполне напоминаетъ «Чайльдъ-Гарольда» и «Донъ-Жуана». Чѣмъ художественнѣе подражаніе этимъ образцамъ, со всею годностью и негодностью въ приѣмахъ изложенія, со всѣми причудами и отступленіями автора отъ своего сюжета, тѣмъ менѣе мы склонны въ этой почти рабской копіи усмотрѣть побѣду русскаго поэта надъ англійскимъ; тѣмъ менѣе мы можемъ признать въ «Онѣгинѣ» произведеніе равное Гётевскому «Фаусту», истинную жемчужину всемірной поэзіи, такъ называютъ эту поэму русскіе историки словесности, преувеличивая заслуги Пушкина. Тѣмъ не менѣе эта комедія тунеяднаго дворянина заслуживаетъ особеннаго вниманія именно въ отношеніи ея культурно-историческаго значенія. По формѣ она подражательна, но по содержанію отличается самобытностью народности». Изложенному мнѣнію Францоza, смягченному въ своемъ концѣ, противорѣчитъ не только-что вышепривѣденный отзывъ Энгельгардта, предпочитающаго «Онѣгина» «Донъ-Жуану», но и согласныя съ этимъ отзывомъ оцѣнки Пушкина въ сравненіи съ Байрономъ, принадлежащія Адаму и Нордену. Въ заключеніе приведенныхъ нами образцовъ отношенія нѣмецкой критики къ сходству «Онѣгина» съ твореніями иностранной литературы, мы должны еще

остановиться на мнѣніи д-ра Z. Не довольствуясь сравненіемъ съ «Донъ-Жуаномъ» Байрона, этотъ анонимъ пользуется новѣйшимъ примѣромъ и сообщаетъ, что «Евгеній Онѣгинъ» написанъ въ духѣ Лилиенкронновскаго Поггфреда (sic). Это любопытное сообщеніе о вліяніи *post factum* требуетъ объясненія. Въ числѣ новѣйшихъ нѣмецкихъ писателей приобрѣлъ извѣстность баронъ Детлефъ фонъ-Лилиенкронъ (род. 1844), участвовавшій въ войнахъ Германіи 1866 г. и 1870—71 годовъ и прославившійся рассказами изъ военного быта, поэмами, стихотвореніями, драмами и романами. Какъ лирикъ, Лилиенкронъ считается лучшимъ современнымъ представителемъ реализма въ поэзіи. Изъ числа написанныхъ имъ эпическихъ поэмъ одна носитъ заглавіе «Поггфредъ» (Poggfred). Къ сожалѣнію, въ московскихъ бібліотекахъ и книжныхъ магазинахъ мы не могли найти этой поэмы, интересъ къ которой возбужденъ въ насъ словами анонимнаго критика въ «Сѣверо-Германской Всеобщей газетѣ» (№ 9) ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, д-ръ Z указалъ намъ на любопытный фактъ посмертнаго вліянія живаго писателя на мертваго. Впрочемъ, можетъ быть, что вопросъ этотъ гораздо проще рѣшается въ обратномъ смыслѣ. Тѣмъ болѣе жаль, что слава знаменитаго творенія барона Лилиенкрона не успѣла еще дойти до Москвы.

Посмотримъ теперь, какъ нѣмцы смотрятъ на типы, выведенные Пушкинымъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ», и въ чемъ эти типы отражаютъ черты русской народности и общественной среды? Начнемъ съ главнаго героя поэмы. Евгенийъ является пресыщеннымъ кутилой (Цабель), одновременно Донъ-Жуаномъ, Манфредомъ, Гамлетомъ и Фаустомъ, каждымъ понемножку и вмѣстѣ съ тѣмъ «русскимъ дворяниномъ начала нашего столѣтія» (Савдоръ). Въ первомъ объясненіи Евгения съ Татьяной въ саду, когда онъ, въ отвѣтъ на ея признаніе въ любви, въ рѣзкой холодной отвѣди открываетъ передъ нею свое презрѣніе къ свѣту и предостерегаетъ ее отъ неразумнаго шага, Ульманнъ видитъ чисто-русскую черту самоистязанія и даже гдубости ума, отличающей особенно героя «Кавказскаго Плѣнника». Францовъ замѣчаетъ, что въ Россіи и до сихъ поръ еще много Онѣгинныхъ, подобныхъ тѣмъ, которые, по вышеприведенному опредѣленію Герцена, всю жизнь проводятъ въ бесплодномъ ожиданіи чего-то не случающагося и этимъ ожиданіемъ удовлетворяютъ всѣ свои запросы. Отто Феликсъ считаетъ Онѣгина прототипомъ всѣхъ русскихъ нигилистовъ, какъ выведенныхъ Тургеневымъ въ Лаврецкомъ, Рудинѣ и

¹⁾ Лилиенкронъ и его сочиненія дали матеріалъ цѣлой книгѣ, написанной Отто Барбаумомъ и вышедшей въ 1892 году въ Лейпцигѣ. (Otto Bierbaum, Detler von Lilienkron, Leipzig, 1892). См. также о Лилиенкронѣ въ «Энциклопедическомъ словарѣ, издаваемомъ Брокгаузомъ по-русски въ Петербургѣ (т. XVII, а, стр. 684).

Базаровъ, такъ и получившихъ политическую окраску въ печальныхъ событіяхъ начала 1880-хъ годовъ. «Въ томъ-то и заключается»,—говорятъ этотъ критикъ,—«все значеніе каждаго, истинно великаго художника, изображающаго человѣчество, что въ чертахъ героя своей эпохи онъ безсознательно даетъ намъ типъ, изъ котораго вытекаютъ всѣ образы послѣдующихъ эпогонъ». Далѣе, намекая на современность Пушкина поколѣнію декабристовъ, къ числу которыхъ онъ однако не принадлежалъ, Отто Феликсъ продолжаетъ: «лихорадочная суетливость и бесплодная жажда подвиговъ, пылкое стремленіе къ высокимъ идеаламъ и грубое обращеніе съ людьми, готовыми ссуществить эти идеалы простыми средствами, хотя бы отчасти, безграничное мягкосердіе рядомъ съ самою безсердечною жестокостію, сентиментальность рядомъ съ почти циническимъ скептицизмомъ,— вотъ тѣ, кажущіяся несомнѣстными противорѣчія, которыя составляютъ ужасы чистилища, проходимаго еще не вполне установившеюся душою русскаго народа. Земнымъ сосудомъ для этой души въ началѣ столѣтія служилъ Евгений Онѣгинъ и, подобно своему автору, онъ былъ отголоскомъ своего поколѣнія, со всѣми его пороками и добродѣтелями». Ржехакъ въ блѣдномъ лицѣ Евгенія Онѣгина почему-то находитъ отгѣнокъ декадентства (sic), а г-жа Зин. Венгерова (№ 54) приводитъ изъ юбилейнаго Пушкинскаго нумера журнала «Міръ и Искусство» отзывъ Минскаго, на основаніи котораго Онѣгинъ жестокъ въ своихъ стремленіяхъ къ недостижимому, грубо отталкивая Татьяну и влюбляясь въ нее, когда она сдѣлалась женою другаго.

Отношеніе типа Онѣгина къ характеру и личности самого Пушкина также не оставляется нѣмецкими критиками безъ вниманія. Большинство рѣшаетъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, признавая, что въ своемъ романѣ авторъ отразился какъ въ зеркалѣ, во всей рѣзкости и противоположности между реальными людьми и созданіями идеала (ф. Ст.), воспроизвелъ черты собственной биографіи (Брандесъ, Ремеръ), нарисовалъ свой собственный портретъ, хотя и отрицаетъ такое сходство (Сандоръ). Шакъ замѣчаетъ, что, подобно Гётевскому Фаусту, подробности Евгенія Онѣгина намекаютъ на личныя приключенія автора, которыя Пушкинъ сознательно ввелъ въ свой романъ, а Отто Феликсъ находитъ, что Пушкинъ, въ своей способности къ быстрой смѣнѣ впечатлѣній, препятствующей твердымъ рѣшеніямъ, является двойникомъ не только Евгенія Онѣгина, но даже всего русскаго народа въ его типическихъ чертахъ. Изъ всѣхъ критиковъ лишь одинъ Энгельгардтъ беретъ нашего поэта подъ свою защиту и, какъ мы уже видѣли, ставитъ Пушкина выше созданнаго имъ типа Онѣгина.

Переходя къ прочимъ героямъ поэмы, нѣмцы хвалятъ Пушкина за его вполне русскіе типы Ленскаго, Татьяны и Ольги (Норденъ) и осо-

бенно за изображеніе русскихъ дѣвушекъ (Бахманъ). Ленскій въ особенности привлекаетъ сочувствіе нѣмцевъ, какъ «восторженный, длиноволосый поэтъ, учившійся въ Геттингенѣ и преклоняющійся предъ Кантовскимъ императивомъ (Цабель), какъ пылкій и мечтательный юноша, по словамъ самого Пушкина,

Съ душою прямо Геттингенской,
Поклонникъ Канта и поэтъ (Сандоръ).

Въ своемъ мѣстѣ мы укажемъ, что германскій оттѣнокъ въ Ленскомъ не остался безъ вліянія вообще на оцѣнку нѣмцами Пушкина, какъ поэта. Прелестный типъ Татьяны особенно нравится нѣмцамъ критикамъ и вызываетъ ихъ искреннія похвалы. «Настоящимъ героемъ Онѣгина»,—говоритъ Энгельгардтъ,—«является не мужчина, а женщина, именно Татьяна. Въ трогательномъ, удивительно обрисованномъ, образѣ дѣвушки Пушкинъ создалъ непреходящій типъ величайшей красоты и чистоты. Подобнаго типа никогда не создавала русская словесность, и только Лиза въ «Дворянскомъ гнѣдѣ» Тургенева можетъ нѣсколько подходить къ нему. Тургеневъ, Достоевскій и Толстой могли создать свои произведенія лишь на основѣ Пушкинскаго Онѣгина и въ особенности прелестнаго образа Татьяны, которую великій анатомъ человѣческой души, Достоевскій, имѣлъ право назвать бессмертнымъ и недостижимымъ образцомъ. По словамъ другаго заграничнаго писателя, «изображеніе Татьяны, странная въ ней смѣсь смѣшныхъ предразсудковъ съ рѣшительною волею, нѣжной довѣрчивости съ трезвымъ взглядомъ на жизнь,—всѣ эти черты относятся къ области истинныхъ жемчужинъ поэзіи» (Цабель). Третій критикъ (Адамъ) сознается въ своемъ увлеченіи и очарованіи «трогательнымъ по сердечной простотѣ образомъ бѣдной, пренебреженной Татьяны, этого идеальнаго типа русской дѣвушки». Другіе писатели также останавливаются на созданіи перваго типа русской дѣвушки, какъ на величайшей заслугѣ Пушкина, которому обязаны и Тургеневъ, и Толстой (Вольбрюкъ). Бахманъ замѣчаетъ, что Татьяна послужила прототипомъ всѣхъ русскихъ дѣвушекъ, образы которыхъ рисуются не только Пушкинымъ въ своихъ остальныхъ прозаическихъ произведеніяхъ, но и послѣдователями великаго поэта, Тургеневымъ, Гончаровымъ и Толстымъ. Прототипъ этотъ проникнуть поэтичностью и является самостоятельнымъ созданіемъ Пушкина, какъ изображеніе рѣшительнаго и дѣятельнаго характера, впервые повторяющагося въ Наташѣ «Войны и мира». Ульманъ пользуется характеристикю Татьяны по Герцену, а Сандоръ ограничивается краткимъ пересказомъ ея романа съ Евгениемъ Онѣгинымъ и приходитъ къ слѣдующему выводу: «какъ романтикъ, Пушкинъ сохранилъ чувство поэтической справедливости, а какъ ученикъ

Байрона, онъ увидѣлъ конецъ своего романа и обрывисто закончилъ его». Тотъ же Сандоръ указываетъ на портретъ Арины Родионовны въ нянѣ Татьяны Лариной.

Ольга Вольбрюкъ передаетъ о впечатлѣніи, которое производили, по мѣрѣ ихъ появленія въ журналахъ, отдѣльныя главы «Евгенія Онѣгина», встрѣчавшіяся читателями съ напряженнымъ вниманіемъ. «О героинѣ романа, Татьянѣ, толковали, какъ о дѣйствительно существующей личности и умоляли поэта одарить ее счастьемъ; одни стали упрекать Онѣгина за вызовъ Ленскаго на дуэль, другіе прямо нападали на него; возникали цѣлыя споры, обсуждался какъ будто дѣйствительный случай, а конецъ романа былъ привѣтствованъ съ восторгомъ радости». Теперь, по прошествіи 70 лѣтъ, всѣ страсти улеглись, и нѣмцы хладнокровно относятся къ вопросу о литературной оцѣнкѣ «Евгенія Онѣгина», при чемъ, какъ увидимъ далѣе, нѣкоторые представители юбилейной критики судятъ о поэмѣ Пушкина очень строго. О техническихъ достоинствахъ «Евгенія Онѣгина» Цабель выражается слѣдующимъ образомъ: «Стихи текутъ съ поразительной легкостью по всѣмъ восьми главамъ повѣсти, приблизительно по 50 строфъ въ каждой; каждая строфа состоитъ изъ 14 четырехстопныхъ ямбическихъ стиховъ. Всѣ они отличаются такою силою и яркостью выраженія, что передача ихъ въ полномъ совершенствѣ недоступна многочисленнымъ нѣмецкимъ переводамъ, въ самыхъ лучшихъ изъ которыхъ «нельзя отрицать грубости въ изложеніи тонкостей подлинника и искаженія» его колорита блѣднымъ и не вполне точнымъ пересказомъ (sic). Стернъ называетъ этотъ романъ въ стихахъ превосходно составленной повѣстью. Отзывъ О. Феликса отличается своеобразною суровостью. «Читающій «Евгенія Онѣгина» въ переводѣ»,—говоритъ онъ,—«очень склоненъ найти въ немъ не болѣе, какъ повѣсть въ стихахъ, такую же, какъ подобныя ей, встрѣчающіяся въ нѣмецкой литературѣ цѣлыми дюжинами, поэмы съ благозвучными стихами, красивымъ размѣромъ, съ легкимъ и плавнымъ слогомъ, съ сочувствіемъ къ природѣ, съ большимъ юморомъ и безобидною сатирой, съ расплывчатыми изображеніями характеровъ и съ блѣднымъ содержаніемъ, поразительнымъ по отсутствію дѣйствія» (sic). Но... «Это благодатное *no* на половину спасаетъ Онѣгина отъ неумолимаго приговора нѣмецкаго критика, который продолжаетъ: «стоитъ только, хотя бы въ переводѣ, глубже вникнуть въ значеніе двухъ главныхъ фигуръ, Евгенія и Татьяны, въ особенности же познакомиться съ подлинникомъ, перелистать произведенія подпольной русской печати, наполненныя всякимъ запретнымъ плодомъ, или даже почитать между строками главнаго критическаго, издавнаго въ Петербургѣ, труда Бѣлинскаго, чтобы вывести совершенно другія впечатлѣнія. Тогда объяснится вполне, чѣмъ былъ Онѣгинъ, какимъ художественнымъ созданіемъ онъ явился народу, для

котораго былъ написанъ. Это портретъ отцовъ, въ которомъ сыновья и внуки узнаютъ собственныя черты и въ которомъ отражается истинно русское колебаніе характеровъ, указанное въ стихахъ А. К. Толстаго:

Во мнѣ надеждъ, и отчаяній рой,
Кочующей мысли прибой и отбой,
Приливы любви и отливы*.

Послѣ только-что приведенныхъ словъ намъ будетъ понятенъ отзывъ о Пушкинѣ Францоza, который находитъ, что слава нашего великаго поэта слишкомъ преувеличена въ Россіи. Однако излагать этотъ отзывъ здѣсь во всѣхъ подробностяхъ намъ кажется преждевременнымъ, такъ какъ намъ еще предстоитъ оцѣнка другихъ произведеній Пушкина.

Умалчивая о «Домикѣ въ Коломнѣ», нѣмецкая критика изъ числа остальныхъ эпическихъ поэмъ Пушкина останавливается только на «Полтавѣ» (Адамъ, Брандесъ, «Веймарская газета», Энгельгардтъ, Стернъ, Францовъ, Цабель, Шакъ и д-ръ Z) и на «Мѣдномъ Всадникѣ» (Адамъ, Бахманъ, Голантъ, Энгельгардтъ, Ульманъ, Цабель, д-ръ Z). Нѣкоторые писатели ограничиваются одною ссылкой на имя первой поэмы («Веймарская газета», Стернъ, д-ръ Z), а другія входят по ея поводу въ подробныя соображенія, указывая на великолѣпныя подробности произведенія, хотя и не оконченнаго Пушкинымъ (Шакъ), на замѣчательное описаніе знаменитой баталіи (Адамъ) и на прославленіе Петра во всемъ его величіи какъ война (Цабель). Болѣе оригинальная, чѣмъ южно-русскія поэмы Пушкина «Полтава», по словамъ Францоza, «явилась какъ бы вызовомъ критикѣ на задачу рѣшить вопросъ о томъ, на сколько авторъ освободился отъ вліянія Байрона». Вопросъ этотъ рѣшается не только положительно, но даже въ пользу Пушкина тремя его нѣмецкими критиками, которые даютъ ему преимущество передъ Байрономъ въ созданіи типа Мазепы (Энгельгардтъ), «настоящаго, прямо народнаго казака» (Францовъ). Брандесъ выражается въ томъ же духѣ: «Полтава очевидно вдохновлена Байроновскимъ Мазепою; но само по себѣ юношеское произведеніе Байрона значительно превзойдено у Пушкина живостью картинъ, историческою вѣрностью страшнаго типа стараго гетмана, въ корнѣ отличнаго отъ романтическаго отгѣнка въ Байроновскомъ твореніи».

Помимо нѣмецкихъ критиковъ, упоминающихъ объ одномъ заглавіи «Мѣднаго Всадника» (Бахманъ, Голантъ, Энгельгардтъ, д-ръ Z), двое изъ нихъ вкратцѣ излагаютъ содержаніе поэмы (Ульманъ и Адамъ). Послѣдній писатель, отмѣчая отсутствіе окончания въ «Мѣдномъ Всадникѣ», сочиненномъ съ цѣлью прославить Петра Великаго, напоминаетъ описаніе памятника Петра, принадлежащее перу другаго славянскаго поэта, именно поляка Мицкевича. Предисловіе Пушкина къ «Мѣдному

Всаднику» Цебель называетъ гимномъ во славу Петербурга, а всю поэму—восхваленіемъ Петра Великаго.

Нашъ обзоръ сужденій нѣмцевъ объ эпическихъ произведеніяхъ Пушкина занялъ такъ много мѣста, что изложенію отзывомъ о его творчествѣ въ областяхъ драмы, лирики и повѣствовательной прозы мы принуждены отвести особую, слѣдующую главу.

VI.

Обращаясь къ драматическимъ произведеніямъ Пушкина, мы должны прежде всего отмѣтить прекрасную статью о нихъ въ Берлинскомъ журналѣ «Сцена и Свѣтъ» (Bühne und Welt, май, тетрадь 2, стр. 721—726) и сказать нѣсколько словъ объ авторѣ статьи. Александръ (Александровичъ) фонъ-Рейнгольдъ живетъ въ Петербургѣ, служитъ въ министерствѣ финансовъ и состоитъ членомъ союза русскихъ писателей. Последнее обстоятельство свидѣтельствуетъ о занятіяхъ литературою не на одномъ нѣмецкомъ языкѣ. Въ Германіи Рейнгольдъ извѣстенъ исторіей «Русской словесности», выходявшею отдѣльными выпусками въ теченіе 1884—1886 г. и составляющею отдѣльный, седьмой по счету, томъ изданной въ Лейпцигѣ Вильгельмомъ Фридрихомъ «Исторія всеобщей словесности» въ отдѣльныхъ обзорахъ, т. е. подобной нашему русскому изданію К. Л. Риккера подъ редакціею В. Ѡ. Корша и А. И. Кирпичникова. Несомнѣнные достоинства труда Рейнгольда признаны критикою не только за границею, но и въ Россіи, о чемъ авторъ заявляетъ въ начальныхъ строкахъ своего предисловія. Главное преимущество названной книги заключается въ источникахъ, на которыхъ она основана, именно въ сочиненіяхъ и изданіяхъ, написанныхъ русскими учеными и напечатанныхъ въ Россіи. Это обстоятельство даетъ автору преимущество въ точности сообщаемыхъ имъ фактовъ сравнительно съ тѣми прискорбными ошибками заграничныхъ нѣмцевъ, образчики которыхъ мы встрѣчали въ главѣ нашей статьи, излагающей юбилейныя біографіи Пушкина. А. фонъ-Рейнгольдъ очень хорошо знакомъ съ своимъ предметомъ, хотя иногда способенъ возбуждать пререканія относительно нѣкоторыхъ подробностей не совсѣмъ обычнымъ для насъ освѣщеніемъ сообщаемыхъ имъ фактовъ. Несомнѣнно однако, что трудъ Рейнгольда является въ настоящее время лучшимъ на нѣмецкомъ языкѣ руководствомъ къ изученію исторіи русской литературы и въ этомъ отношеніи заслужилъ за границею вполне правильную оцѣнку. Однако В. Генкель въ своей статьѣ о вступительной лекціи С. А. Венгерова

въ Петербургскомъ университетѣ (см. въ нашемъ перечнѣ, подѣ № 36, «Мюнхенскія Новѣйшія Извѣстія» отъ 2-го августа) не вполне удовлетворяетъ почтенной (sic) исторіей русской литературы Александра фонъ-Рейнгольда, какъ источникомъ недостаточнымъ для полнаго разумѣнія вопроса о сущности того свѣта, который «съ востока бросаетъ на западъ Европы такіе ослѣпительные лучи» (sic). Въ только-что приведенныхъ словахъ нельзя не признать даже ироніи, хотя и тщательно скрываемой подѣ явно раздутою похвалою. Въ Пушкинской юбилейной нѣмецкой прессѣ 1899 г. А. фонъ-Рейнгольдъ принялъ участіе прекрасною статью, озаглавленной: Александръ Пушкинъ, какъ драматургъ, помѣщенной въ берлинскомъ журналѣ «Сцена и Свѣтъ» (№ 15 по нашему перечню). Въ текстѣ къ портрету Пушкина, помѣщенному среди статьи Рейнгольда, редакция журнала дѣлаетъ слѣдующее заявленіе: «Помѣщая основательную и достойную внимательнаго изученія работу Александра фонъ-Рейнгольда, мы руководствуемся тѣмъ соображеніемъ, что несмотря на многочисленныя славянскіе труды о Пушкинѣ его драматическія произведенія еще не подвергались спеціальному изслѣдованію. Съ этимъ замѣчаніемъ пожалуй можно согласиться и въ области Puschkiniana на русскомъ языкѣ, хотя драматическое творчество Пушкина входитъ у насъ въ общіе критическіе труды о немъ, а равно и составляетъ кромѣ того предметъ разборовъ отдѣльныхъ произведеній нашего поэта, напримѣръ «Бориса Годунова», «Русалки» и т. д. Статья Рейнгольда заслуживаетъ особенно нашего вниманія, и понятно, что мы будемъ преимущественно руководствоваться ею въ изложеніи оцѣнокъ нѣмецкой критики относительно драмъ и драматическихъ отрывковъ Пушкина, при чемъ начнемъ съ главнаго его творенія, а именно съ «Бориса Годунова».

Приступая къ оцѣнкѣ этой драмы, нашъ главный и самый авторитетный источникъ, Рейнгольдъ, немногими словами очерчиваетъ состояніе русской драматической литературы до Пушкина и говоритъ: «Въ области драмы еще во времена Пушкина царили старыя псевдоклассическія преданія или трогательныя слезливыя пьесы, какъ отголосокъ гражданской драмы. Объ опытахъ сочиненія такъ называемыхъ народныхъ пьесъ не стоитъ и говорить. Авторъ, желавшій вывести на сцену живыхъ людей, долженъ былъ прибѣгнуть ко всѣмъ новымъ средствамъ». Пушкинъ пользуется одиночествомъ въ Михайловскомъ, чтобы, во французскихъ переводахъ, изучать Шлегеля, Шекспира, Шиллера, теорію драмы, а равно и русскую исторію по Карамзину и по древнимъ лѣтописямъ. Затѣмъ, Рейнгольдъ указываетъ на Пушкинскія статьи о драмѣ, на его «опытъ» о ея задачахъ и заключаетъ извѣстнымъ уже намъ отзывомъ о его неспособности рѣшить эти задачи. Сообщая о работахъ Пушкина надъ драматическою теоріею и «Борисомъ

Годуновымъ», Адамъ приводитъ длинныя выписки изъ письма поэта 1829 г. къ Н. Н. Раевскому. «Въ концѣ концовъ природное чутье, къ счастью Пушкина, натолкнуло его на Шекспира, и вѣдъ этого условія его Борисъ не могъ бы сдѣлаться образцовымъ произведеніемъ» (Рейнгольдъ). Въ числѣ источниковъ и образцовъ, повліявшихъ на Пушкинскую драму, нѣмецкіе критики называютъ, кромѣ Шекспира, еще Гёте, Шиллера, Кальдерона и Карамзина (ф. Ст.), древнія народныя русскія преданія (Стернь, ф. Ст.). Приведемъ о «Борисѣ Годуновѣ» отзывы главнѣйшихъ юбилейныхъ статей—начиная, конечно, съ Рейнгольда. «Это великолѣпное произведеніе доказываетъ всю зрѣлость генія Пушкина, который въ 1825 году пишетъ: «Я сознаю, что мои силы развились вполнѣ, и чувствую, что способенъ творить»¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что трагедія Шекспира «Король Ричардъ III» и «Макбетъ» произвели на Пушкина сильнѣйшее впечатлѣніе.... Борисъ Годуновъ вступилъ на престолъ послѣ смерти своего зятя (Феодора Ивановича) и былъ обвиненъ въ кровавомъ преступленіи, въ убійствѣ 10-ти-лѣтняго, а по Пушкину 7-ми-лѣтняго царевича Дмитрія. Глазъ народа простилъ ему преступленіе, и усиліямъ Бориса удалось устроить комедію избранія на престолъ, которая во многомъ напоминаетъ сцену изъ «Ричарда III» многозначительнымъ молчаніемъ народа, нарушаемымъ при помощи подкупленныхъ крикуновъ. Въ остальномъ «Борисъ» не имѣетъ съ «Ричардомъ» ничего общаго. «Ричардъ» представляется намъ злобнымъ кушающимся въ крови, демономъ и искуснымъ лицедемъ, который лишь въ самомъ концѣ уступаетъ угрызениямъ совѣсти. Въ «Борисѣ», наоборотъ, происходитъ постоянная борьба между благородными побужденіями, свойственными благодѣтелю человѣчества и дальновидному политику, и необходимостью защитить свою шаткую власть и свою личность, а совѣсть не даетъ ему покоя съ той поры, какъ онъ достигаетъ своей тщеславной цѣли. Въ этомъ отношеніи Борисъ Годуновъ имѣетъ болѣе точекъ соприкосновенія съ Макбетомъ, настолько же по природѣ добрымъ и великодушнымъ. Бориса преслѣдуютъ такіе же страшныя сновидѣнія, среди которыхъ является призракъ зарѣзаннаго царевича. Подобно угрозамъ Ричмонда Ричарду и Малкольма Макбету, сны Годунова воплощаются въ Лжедмитрія, который своимъ домогательствомъ престола угнетаетъ вѣнценоснаго убійцу». Рядомъ съ этимъ прекраснымъ сравненіемъ Пушкинской драмы съ «Ричардомъ III» и «Макбетомъ», Шакъ ограничивается однимъ упоминаніемъ о несомнѣнномъ вліяніи названныхъ произведеній Шекспира на «Бориса Годунова». Далѣе, Рейнгольдъ подвергаетъ прекрасной критической оцѣнкѣ Пушкинскаго

¹⁾ Ср. послѣднія строки французскаго письма Пушкина къ Н. Н. Раевскому, написаннаго въ октябрѣ 1825 г. изъ Михайловскаго

героя, какъ драматическій характеръ и психологическій типъ, и эта оцѣнка стоитъ подробной ея передачи въ русскомъ переводѣ. «Образъ Бориса»,—говоритъ Рейнгольдъ,—«въ смыслѣ изображенія личности и какъ психологическая задача, отличается полнѣйшею самостоятельностью и точнымъ соответствіемъ съ понятіями русскаго народа. Въ своей государственной мудрости, Борисъ Годуновъ оказывается гораздо выше всей, окружающей его среды, а въ частной жизни исполненъ сердечной доброты и нѣжности къ своимъ дѣтямъ. Ему невыносима мысль о томъ, что сынъ его можетъ быть лишенъ престола Лжедмитріемъ, къъ бы этотъ самозванецъ въ сущности ни былъ. Задача Бориса, та задача, которой онъ посвятилъ всѣ свои силы, всю свою жизнь, не должна погибнуть. Хотя онъ достигъ престола путемъ преступленія, но онъ тѣмъ добросовѣстнѣе стремился исполнять обязанности государя, онъ жалѣетъ, что его усилія заслужить народную любовь встрѣтили противодѣйствіе въ стеченіи неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Душевный страхъ вызываетъ предъ царемъ призракъ измѣны у собственнаго порога. Онъ прибѣгаетъ, подобно Валленштейну, къ помощи суевѣрія и окружаетъ себя прорицателями, чародѣями и кудесниками. Враждебные ему бояре начинаютъ дрожать за свою собственную жизнь и, хотя не вѣрятъ въ самозванца, но въ воскресшемъ царевичѣ привѣтствуютъ своего изабавителя, а Борисъ, сдѣлавшись невольнымъ тираномъ и мучась угрызеніями, убѣждается въ томъ, что душевный покой достигается только чистою совѣстью. Борисъ вызываетъ наше сочувствіе главнымъ образомъ тѣмъ, что въ немъ ничего насъ не отталкиваетъ; его преступленіе лежитъ за предѣлами драмы, а въ самой драмѣ мы видимъ только несчастнаго, который мало-по-малу склоняется подъ бременемъ своей некупленной вины. Появленіе Лжедмитрія устрашаетъ его, какъ кара Божія, которой онъ долженъ покориться, а извѣстіе о самозванцѣ является для него послѣднею каплею, переполняющею чашу его страданій». Рейнгольдъ не ограничивается краткимъ пересказомъ содержанія драмы и осмысленнымъ выясненіемъ типа Бориса Годунова, но касается и вопроса объ исторической вѣрности Пушкинскаго творенія. «Любопытно»,—пишетъ этотъ критикъ,—«что до самаго послѣдняго времени «Борисъ Годуновъ» былъ предметомъ упрековъ Пушкину за повтореніе Карамзинской версіи разсказа о цареубійцѣ, завладѣвшемъ престоломъ». Затѣмъ Рейнгольдъ указываетъ на И. Н. Жданова, по мнѣнію котораго Пушкинъ, посвятивъ свою драму русскому историку, тѣмъ не менѣе значительно отклонился отъ взгляда Карамзина, который, въ освѣщеніи дѣяній и характера Годунова, отчасти руководствовался предвзятою мыслию и отчасти отразилъ свою собственную сентиментальность. Но поэтическій инстинктъ заставилъ Пушкина прибѣгнуть къ древнимъ лѣтописямъ, пре-

даніямъ и запискамъ современниковъ и въ нихъ уловить голосъ народа и духъ эпохи».

Судьба самозванца, давшая поводъ избрать его героемъ драматическаго произведенія, не только Пушкину, но и Шиллеру, даетъ Рейнгольду поводъ сравнивать плоды вдохновенія обоихъ поэтовъ, русскаго и нѣмецкаго. «Образъ Пушкинскаго Лжедмитрія (у Шиллера—Деметрія) является менѣе цѣлымъ, хотя изображенъ съ подобающимъ художественнымъ интересомъ. Это не простой обманщикъ, но человекъ съ чувствомъ, склонный къ видѣніямъ мечтатель, который признаетъ въ себѣ орудіе Провидѣнія и рѣшается выступить въ этой роли. Но Димитрій обладаетъ и чертами идеальнаго характера въ своемъ рыцарствѣ, великодушіи и сознаніи нравственныхъ обязанностей». Сцену у фонтана Рейнгольдъ называетъ «по справедливости красотою всемірной поэзіи».

Заключительная, общая оцѣнка Пушкинскаго «Бориса Годунова» дѣлитъ нѣмецкихъ критиковъ на двѣ части, изъ которыхъ одна хвалитъ драму безусловно, а другая усматриваетъ въ ней недостатки (Энгельгардтъ, Францозъ, Сандоръ и Ржехакъ). Изъ этихъ названныхъ писателей одинъ упрекаетъ «Бориса Годунова» въ недостаткѣ драматическаго единства (Энгельгардтъ), другой ставитъ Пушкину въ вину то, что онъ обезсмертилъ имя татарина, который похитилъ царскій престолъ и ввелъ въ Россіи крѣпостное право (Ржехакъ). Недостатокъ связи въ планѣ драмы и между отдѣльными ея сценами всегда лишаетъ «Бориса Годунова» успѣха на театрѣ, при всемъ богатствѣ этой драмы чертами глубокой самобытности (Цабель). Несмотря на то, что «Борисъ Годуновъ» является лучшимъ драматическимъ произведеніемъ Пушкина, пьеса эта, по мнѣнію Францоza, «построена не по всемъ правиламъ искусства и непригодна для театра, какъ рядъ сценъ, слѣдующихъ одна за другою безъ внутренней связи; но сцены эти преисполнены глубокою силою и мощными характеристиками. Такихъ людей не создалъ Пушкинъ ни въ одномъ изъ остальныхъ своихъ твореній, хотя и можно спросить: тѣ ли это люди, какіе жили въ 1598 году? Но отвѣта на этотъ вопросъ слѣдуетъ ждать лишь отъ того, кто зналъ такихъ людей. «Меня лично»,—заключаетъ Францозъ,—«удовлетворяетъ сознаніе полной вѣры въ такихъ людей при чтеніи «Бориса Годунова» или при воспоминаніи объ этомъ произведеніи». Отзывъ Сандора оказывается болѣе строгимъ и затрогиваетъ отсутствіе способности къ драмѣ не только у Пушкина, но и послѣднихъ русскихъ писателей. «Пушкинъ», говоритъ Сандоръ, «не сумѣлъ справиться съ величественнымъ сюжетомъ Лжедмитрія», со множествомъ вызываемыхъ этою темою мыслей и со сложностью сценарія и дѣйствующихъ лицъ. На этомъ произведеніи талантъ его осѣкся (sic). Мнѣ кажется, что въ

русской литературѣ драматическая поэзія вообще еще не укоренилась и что, кромѣ «Ревизора» Гоголя и «Власти тьмы» Толстаго, ни одна русская пьеса не можетъ разсчитывать на сценическій успѣхъ внѣ предѣловъ Россіи. Эта истина недавно доказана репертуаромъ труппы придворныхъ русскихъ актеровъ, игравшихъ въ Берлинѣ на сценѣ Лессингова театра». Д-ръ Z. обозначаетъ «Бориса Годунова» эпитетомъ «такъ называемой драмы», а другіе нѣмцы ничего не говорятъ о ней, ограничиваясь лишь сообщеніемъ ея заглавія (Ульманнъ, О. Феликсъ, Вѣнская Новая Пресса», журналъ «Дома») ¹⁾. Однако, несмотря на упреки «Борису Годунову» въ его частностяхъ, нѣмецкіе критики все-таки признаютъ это произведеніе богатымъ жемчужинами несравненной красоты (Энгельгардтъ), превосходною драмою (Вольбрюкъ), а Голантъ подробно останавливается на достоинствахъ этой драмы. Отзыву Голанта мы, однако, даемъ мѣсто дажѣ, въ описаніи впечатлѣнія, произведеннаго «Борисомъ Годуновымъ» при его появленіи въ печати, а теперь вернемся къ Рейнгольду и къ его авторитетному голосу. «Движеніе драмы, помимо нѣкотораго недостатка во взаимной связи сценъ, вполне ясно, и послѣдовательно, и мотивировано. Ходъ дѣйствія развивается быстро, иногда захватываетъ духъ, и драматическій интересъ растетъ въ необходимой постепенности. Развязка поражаетъ, какъ ударъ вѣчной справедливости, внезапный, страшный, возмутительный, но она вѣрна исторіи и человѣческой природѣ. Языкъ и стихи, ямбическіе по размѣру, вполне благозвучны, благородны, прекрасны, яркі въ своемъ немногословіи и выражаютъ полную мысль автора. Вообще «Борисъ Годуновъ» принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ всемірной словесности въ области высокой трагедіи». Рейнгольдъ, а за нимъ и Шакъ, опровергаютъ ошибочное мнѣніе нѣкоторыхъ нѣмецкихъ критиковъ (Вольбрюкъ, «Веймарская газета»), переводчиковъ (Фр. Фидлеръ), и издателей (Мейеръ, Рекламъ) Пушкина о томъ, что «Борисъ Годуновъ», какъ драма, будто бы не имѣетъ конца и въ такомъ видѣ оставлена авторомъ.

Отмѣчая «Бориса Годунова» вообще, какъ образцовую зрѣлую драму Пушкина и перлъ всемірной словесности, Рейнгольдъ подробно распространяется о томъ впечатлѣніи, которымъ произведеніе это отразилось при своемъ появленіи въ свѣтъ, на русской читающей публикѣ. «Въ 1831 г.»—говоритъ петербургскій нѣмецкій критикъ,—трагедія «Борисъ Годуновъ» вызвала первое громогласное заявленіе поэтическаго гевія Россіи о своемъ существованіи. Изъ сценъ, казавшихся набросанными такъ легко и нанизанными безъ всякой

¹⁾ Ульманнъ ухитрился даже перевернуть имя «Бориса Годунова» (sic). Впрочемъ, мы надѣмся, что это только опечатка.

связи, живо струилось прошлое Россіи; отчасти въ нихъ вѣяло вдохновеніе великаго британца, но изъ бездонной глубины этого вдохновенія былъ услышанъ голосъ человѣческихъ страстей. Въ пониманіи задачъ трагедіи Пушкинъ дошелъ до самаго корня. Послѣ всего того, что заключалось въ драматическихъ опытахъ предшественниковъ Пушкина, «Борисъ Годуновъ» могъ быть созданъ только зрѣлымъ и мощнымъ талантомъ». Другой нѣмецкій писатель съ подобною же похвалою описываетъ достоинства Пушкинской драмы, поразившія его современниковъ. «Царствованіе Годунова было богато политическими переворотами и они способны были вдохновить Пушкина, котораго всегда привлекалъ героическій элементъ въ исторіи. Громадно было впечатлѣніе произведенное этою пьесою на тогдашнюю русскую литературную Россію. Историческая вѣрность въ изображеніи эпохи, искусный и блестящій діалогъ, глубокое знаніе народности, остроумныя обрисовки дѣйствующихъ лицъ, въ связи съ поэтической прелестью слога и съ введеніемъ новыхъ словъ и выраженій,—всѣ эти черты доставляли «Борису Годунову» въ тогдашней драматической словесности Россіи значеніе драгоценной жемчужины. Сцена у Фонтана представляется единственною по своимъ достоинствамъ, по прелести поэзіи, по драматическому движенію и по знанію человѣческихъ страстей. «Борисъ Годуновъ» легъ въ основу русской драматической литературы, лучшимъ представителемъ которой явился впоследствии Островскій» (Голантъ). Наконецъ, ф. Ст. (въ «Берлинской Вечерней Почтѣ») сравниваетъ успѣхъ «Бориса Годунова», при его обнародованіи, съ тѣмъ, какой выпалъ при подобныхъ же условіяхъ на долю Гётевскаго Геца фонъ Берлихингеня. «Характерную черту таланта Пушкина надо признать въ той особенноти, что дѣйствіе его единственной крупной по объему драмы происходитъ на русской почвѣ, между тѣмъ какъ его мелкія драматическія произведенія какъ-то: «Фаустъ», «Моцартъ и Сальери», «Каменный Гость», навѣяны вліяніемъ нѣмецкихъ оригиналовъ. Даже въ отношеніи «Русалки», его послѣдняго неоконченнаго произведенія, въ исторіи русской литературы усматриваютъ высшее проявленіе народной поэзіи, славянства въ связи съ художественнымъ творчествомъ, можно указать чужеземный источникъ вдохновенія, именно «Ундины» нѣмецкаго поэта Фуке». Изложенное замѣчаніе ф. Ст., анонимнаго критика «Берлинской Вечерней Почты», заставяетъ насъ разстаться съ «Борисомъ Годуновымъ» и перейти къ остальнымъ драматическимъ произведеніямъ Пушкина.

Упомянувъ о «Донъ Жуанѣ» (sic вмѣсто «Каменнаго Гостя»), «Моцартъ и Сальери» и «Скупомъ рыцарѣ», Энгельгардтъ дѣлаетъ по поводу этихъ драматическихъ поэмъ слѣдующее замѣчаніе. «Каждое изъ этихъ произведеній, въ особенности два послѣднія, отличаются самыми

высокими художественными достоинствами. Какъ въ этихъ, такъ и во многихъ другихъ поэмѣхъ великаго русскаго писателя поражаютъ, какъ особенно замѣчательныя черты, широта взгляда и совершенства, при-
мѣненные авторомъ къ изображенію отличительныхъ свойствъ отдѣльных національностей и крайне живое воспроизведеніе типовъ, принадлежащихъ къ самымъ разнообразнымъ народамъ и эпохамъ. Рѣдкая по силѣ поэтическая фантазія составляетъ яркую характеристическую черту таланта Пушкина, который чувствуетъ себя также дома и въ сферѣ Россіи, древней и новой, какъ и въ мірѣ классической древности, наконецъ въ средневѣковой эпохѣ Западной Европы, умѣя придавать своимъ произведеніямъ всѣ оттѣнки мѣстнаго и историческаго колорита». Голантъ ограничивается перечисленіемъ Пушкинскихъ «Моцарта и Сальери», «Скупаго рыцаря» и «Каменнаго Гостя», котораго по примѣру Энгельгардта также называетъ ошибочно «Донъ Жуаномъ». Отъ авторитетной критики Рейнгольда мы въ правѣ ожидать большаго вниманія къ каждому изъ названныхъ произведеній Пушкина въ отдѣльности. Это ожиданіе не обманываетъ насъ и относительно «Пира во время чумы» и «Сценъ изъ рыцарскихъ временъ», о которыхъ умалчиваютъ прочіе авторы юбилейныхъ статей.

«Каменный Гость», — выписываемъ слова Рейнгольда, — «представляетъ собою замѣчательный художественный этюдъ. Произведеніе это затрогиваетъ вопросъ о благородствѣ челоуѣка, лишеннаго нравственныхъ устоевъ (Das Problem von der Selbstherrlichkeit eines eutarteten Menschen). Фигура Лепорелло и финальная катастрофа заимствованы Пушкинымъ у Мольера и Да-Понте, во всемъ остальномъ пьеса эта вполне самостоятельна. Въ Пушкинскомъ изображеніи характера Донъ Жуана, гордость, тщеславіе, презрѣніе къ смерти преобладаютъ надъ всѣми остальными побужденіями героя, какъ-то: его стремленіемъ къ красотѣ и неугасимымъ ненасытнымъ пламенемъ его, чисто эротической, любви. Этотъ Испанскій Фаустъ безъ зазрѣнія совѣсти попираетъ все чистое и святое. Подобно строителю Сольнесу ¹⁾, онъ искушаетъ свою собственную судьбу и кидаетъ дерзостный вызовъ самому небу. Всѣ лица пластичны, какъ бы вылиты изъ металла, діалоги увлекаютъ простотою и блескомъ прелести; каждая строка проникнута предательскимъ смѣхомъ и пылкимъ темпераментомъ юга». О «Моцартѣ и Сальери» Рейнгольдъ ограничивается слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Различіе между гениемъ и талантомъ низшаго разряда проведено Пушкинымъ съ психологическою тонкостью». «Скупой рыцарь» даетъ нашему критику поводъ подозрѣвать въ этой поэмѣ реальную подкладку, заимствованную изъ отношеній Пушкина къ своему отцу, который «не былъ свободенъ отъ порока

¹⁾ Въ драмѣ того же имени, принадлежащей перу Ибсена.

старого барона», именно скупости; но намекъ Рейнгольда на то, что Сергѣй Львовичъ способенъ былъ «умертвить въ себѣ всякія человѣческія чувства и дойти до полного окаменѣнія души», страдаетъ, въ всякаго сомнѣнія, приувеличеніемъ параллели. Такой же слѣдъ постоянного отраженія личныхъ впечатлѣній А. С. Пушкина Рейнгольдъ находитъ и въ «Ширѣ во время чумы», написанномъ во время холернаго карантина и заимствованномъ изъ англійской трагедіи Дж. Вильсона «Городъ Мора». Однако лучшія мѣста этой пьесы, именно пѣсни Мери и предсѣдателя цира, отличаются полною самостоятельностью. «Сцены изъ рыцарскихъ временъ» могли бы, по мнѣнію Рейнгольда, «считаться однимъ изъ лучшихъ произведеній Пушкина, если бы были окончены. Обѣ, вставленныя въ эту пьесу, пѣсни, именно Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный и Воротился ночью мельникъ заслужили большую извѣстность и вѣрно отразили черты средневѣковаго быта».

Сцена изъ Фауста, которой «Веймарская газета» приводитъ одно заглавіе, и которою, по выраженію Шака, Пушкинъ заплатилъ свою дань нѣмецкому гению, вызываетъ Рейнгольда на сравненіе русскаго поэта съ Гёте. Сцена изъ Фауста поэтически дополняетъ твореніе Гёте. У Гёте одураченный докторъ является послѣдовательнымъ искателемъ наслажденій. Невинную Гретхенъ онъ опутываетъ всѣми сѣтями искушенія и ведетъ ее къ гибели. Даже посѣщеніе тюрьмы не способно вызвать въ немъ инаго чувства, кромѣ простой жалости, отъ которой онъ легко отдѣлывается въ своемъ стремленіи къ новымъ наслажденіямъ, нисколько не задумываясь надъ бременемъ своей отвѣтственности. Желая удовлетворить запросы этики, Пушкинъ спрашивалъ себя, изобразилъ ли Гёте, какъ эллинь, своего героя нравственнымъ чудовищемъ? и долженъ былъ рѣшить этотъ вопросъ отрицательно. Пушкинъ хотѣлъ довести Фауста по крайней мѣрѣ до полного признанія своей испорченности и написалъ глубоко продуманную сцену. Съ истинно дьявольскимъ цинизмомъ Мефистофель поражаетъ смущеннаго доктора такимъ вѣрнымъ анализомъ его тайныхъ намѣреній относительно Маргариты, что изблеченный Фаустъ приходитъ въ бѣшенство и повелѣваетъ сатанѣ потопить первый, случайно появившійся на морѣ корабль, съ цѣлью избавить человѣчество отъ заразы порочныхъ плавателей. Въ этомъ выразилась дань почтенія, оказанная русскимъ поэтомъ не только великому германцу, но и этической идеѣ, вложенной въ основу всечеловѣческой трагедіи».

Лишь одинъ Норденъ называетъ Ангело и то мимоходомъ, но на Русалкѣ останавливается не одинъ нѣмецкій критикъ. Замѣчаніе ф. Ст. объ «Ундинѣ», Фуке, какъ прототипѣ драматической поэмы Пушкина, намъ уже извѣстно. Энгельгардтъ упоминаетъ о «Русалкѣ» въ перечнѣ сочиненій Пушкина, а Рейнгольдъ отводитъ особое мѣсто изло-

женію ея содержанія, не только по подлинному тексту Пушкина, но и по его окончанію, сохраненному Д. П. Зуевымъ. «Вопросъ о концѣ «Русалки» не рѣшенъ и до сихъ поръ»,—говоритъ Рейнгольдъ,—хотя и склоняется какъ будто въ пользу доводовъ Э. Е. Корша, убѣжденнаго въ подлинности Зуевской записи. Упомяная объ этомъ предметѣ литературной полемики, нѣмецкій критикъ доказалъ, что, живя въ Петербургѣ, онъ усердно слѣдитъ за всѣмъ, что печатается о Пушкинѣ по-русски. Но вернемся къ оцѣнкѣ «Русалки» въ юбилейной статьѣ Рейнгольда. «Эта поэма»,—говоритъ онъ,—«по общему мнѣнію и по полному праву должна занять второе мѣсто послѣ «Бориса Годунова», но превосходить историческую трагедію Пушкина внутреннимъ чувствомъ и живостью драматическаго движенія. «Русалка» написана въ 1832—1833 г.г. въ Болдинѣ, въ ту эпоху, когда авторъ предался изученію народныхъ пѣсень славянъ. Въ извѣстномъ собраніи серба В. Ст. Караджича Пушкинъ нашелъ пѣсню, которую воспользовался какъ темою для своего произведенія», напечатаннаго въ «Современникѣ» уже по смерти автора, въ бумагахъ котораго ее отыскали въ неоконченномъ видѣ, въ составѣ пяти сценъ и 17 строкъ изъ начала шестой. Не отрицая въ «Русалкѣ» нѣкоторыхъ слѣдовъ, напоминающихъ объ «Ундинѣ», Фуке, Рейнгольдъ признаетъ однако, что эта поэма насквозь проникнута чисто славянскими мифологическими элементами поэзіи и что Пушкинъ доказалъ этимъ произведеніемъ все свое умѣніе въ сочетаніи народной славянской пѣсни съ личнымъ поэтическимъ творчествомъ, сообщивъ фантастическимъ преданіямъ языческой эпохи всю глубину психологической задачи и все значеніе общечеловѣчности. О техническихъ и музыкальныхъ достоинствахъ «Русалки» читаемъ у Рейнгольда слѣдующія строки: «Движеніе въ этой драмѣ струится рѣкою, въ волнахъ которой отражается тема. Сильное впечатлѣніе какого-то грустнаго, подавленнаго (*düsteres*) настроенія проходитъ по всему произведенію и вполне понятно, что Даргомыжскій выбралъ именно этотъ сюжетъ для своей протуствованной оперы. Ни одно изъ остальныхъ твореній Пушкина не представляетъ такого богатаго матеріала въ отношеніи пѣвучести, такихъ выгодъ по своей мелодичности и лирическому настроенію. Оживленная природа поетъ здѣсь на всѣ лады. Голосъ утопленницы, невидимкою проникшей на княжескую свадьбу, хороводъ русалокъ, поднимающійся изъ волнъ въ утреннемъ туманѣ, печальные берега рѣки, жилище русалокъ на днѣ Днѣпра,—все это сообщаетъ оттѣнокъ музыкальности пьесѣ, сверхъ того проникнутой подвижною и горячею струею драматизма».

Прекрасными словами Рейнгольда мы закончимъ нашъ отчетъ о нѣмецкой критикѣ драматическихъ произведеній Пушкина и перейдемъ теперь къ его стихотвореніямъ, въ которыя включимъ не только лири-

ческія пьесы, но также и часть его эпического творчества, именно сказки, баллады и т. д., однимъ словомъ все то, что ранѣе не нашло себѣ мѣста въ нашей статьѣ.

Мимоходомъ упомянувъ о «нѣсколькихъ русскихъ сказкахъ въ прекрасной поэтической обработкѣ» и о пѣсняхъ западныхъ славянъ, Энгельгардтъ, единственный изъ всѣхъ юбилейныхъ авторовъ, касается этого отдѣла произведеній Пушкина. Баллады вызываютъ Брандеса на слѣдующее замѣчаніе: «Двѣ изъ нихъ не только навѣяны Мицкевичемъ, но дословно переведены изъ него, хотя это нигдѣ точно не указано (?). Мы имѣемъ въ виду извѣстнѣйшія и всего чаще встрѣчающіяся въ нѣмецкихъ изданіяхъ Трехъ Вудрысовъ и Воеводу. Можетъ быть это обстоятельство отмѣчено въ какихъ-нибудь прежнихъ изданіяхъ Пушкина, но отнюдь не въ новѣйшемъ дешевомъ ¹⁾, а въ переводахъ Боденштедта, появившихся въ 1855 г., эти баллады прямо приписаны Пушкину».

Изъ лирическихъ стихотвореній Норденъ называетъ Чернь и Поэту, «въ которыхъ Пушкинъ пламенными словами излил свое негодованіе противъ толпы и русскаго общества», а Цабель и «Кельнская газета» (№ 35) останавливаются на Талисманъ и Анчаръ. Нельзя, по мнѣнію Цабеля, забыть два послѣднія стихотворенія, прочтя ихъ хоть разъ. По поводу Талисмана, одного изъ лучшихъ стихотвореній Пушкина, очень скоро по его сочиненіи въ 1827 г. переведеннаго на языки всѣхъ образованныхъ народовъ ²⁾, «Кельнская газета» сообщаетъ, что въ стихотвореніи этомъ имѣется въ виду перстень, подаренный поэту княгиней Воронцовой. Затѣмъ нашъ источникъ продолжаетъ: «Идущій изъ Севастополя пароходъ, зайдя въ Ялту, огибаетъ гору Аюдагъ, возвышающуюся на южномъ берегу Крыма вблизи Юрзуфа. При видѣ любимыхъ Пушкинымъ скалъ путешественники, тѣснясь на палубѣ, называютъ имя поэта, и какой-нибудь его юный поклонникъ рѣдко удерживается отъ желанія запѣть Талисманъ ³⁾, какъ это напоминаетъ Рейнскіе пароходы передъ скалою Лореей, у подошвы которой пѣснь Гейне должна убѣдить все веселое общество туристовъ въ непо-

¹⁾ Этими словами Брандесъ не намекаетъ-ли на изданіе А. С. Суворина въ 10 томахъ, въ которомъ обѣ баллады приписаны Мицкевичу («Изъ Мицкевича»).

²⁾ Данныя, приведенныя нами въ отдѣлѣ II настоящей статьи, гдѣ перечисляются нѣмецкіе переводы Пушкина, едва-ли подтверждаютъ заключеніе «Кельнской газеты» о свовременности переводовъ Талисмана.

³⁾ Талисманъ положенъ на музыку Титовымъ еще въ 1829 г. (Межовъ, № 3991, ср. у него же №№ 4512, 4513 и 4523).

нятной причинѣ ихъ собственной грусти ¹⁾ («Кельнская газета»). Странный, чтобы не сказать болѣе, отзывъ о поэзіи Пушкина мы находимъ въ коварной, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, статьѣ «Новой Прусской Крестовой газеты» (№ 10 по нашему перечню), которая положительно красоту находить у нашего поэта только въ описаніяхъ природы, а настоящую силу его таланта признаетъ только въ его большихъ политическихъ памфлетахъ (sic). Но, къ стихамъ Пушкина, проникнутымъ политическимъ свободомысліемъ (Ульманнъ), сочувствіемъ къ декабристамъ (Ц. К.), къ памфлетамъ и эпиграммамъ, нашедшимъ среди молодежи повсемѣстное распространение и усердныхъ читателей (Голантъ), гораздо справедливѣе и вѣрнѣе «Крестовой газеты» относится другой заграничный нѣмецкій критикъ, именно Э. Феликсъ. «По правдѣ сказать»,—вотъ его слова,—«все недопущенное въ Россіи. собраніе запрещенныхъ стихотвореній Пушкина стоятъ по достоинствамъ неизмѣримо ниже его позволенныхъ цензурою лирическихъ произведеній, уже не говоря объ «Онѣггійѣ», «Борисѣ Годуновѣ», «Русалкѣ» и повѣстяхъ въ прозѣ». Къ числу энергическихъ стиховъ Пушкина надо причислить и его оду На выздоровленіе Лукулла, которою онъ затронулъ графа Уварова и окончательно возбудилъ противъ себя всю желчь и глупость высшихъ слоевъ Петербургскаго свѣта (Энгельгардтъ), Мы уже выше упоминали о статьѣ «Австрійской Народной газеты» (№ 43), въ которой ея авторъ, Ц. К., не входя въ критическую оцѣнку Пушкинской оды, ограничивается подробнымъ разсказомъ о послѣдствіяхъ саркастической выходки поэта и о его разговорѣ по поводу ея съ Бенкендорфомъ. Гораздо болѣе вниманія нѣмецкая критика обращаетъ на пьесы: Клеветникъ въ Россіи и Памятникъ. Первое стихотвореніе возбуждаетъ у нѣмцевъ отнюдь не литературно-критическую оцѣнку, а лишь желаніе ограничиться указаніемъ на вызовъ Пушкина всему свѣту по поводу польскаго возстанія (Энгельгардтъ) или заявить о сомнѣніи въ искренности Пушкина, только какъ будто лишь для показнаго впечатлѣнія (Адамъ), примирившагося съ политическими условіями тогдашней дѣйствительности (Стернь) и питавшаго свой искусственно возбужденный патріотизмъ враждебными чувствами противъ Польши и мирволившей ей Западной Европы (Брандесъ). Памятникъ даетъ поводъ Цабелю указать на вполне сознательное пониманіе Пушкинымъ своихъ заслугъ русскому народу и на высокую его оцѣнку самого себя, а Бахмана—заявить объ отраженіи на этомъ стихотвореніи заимствованій изъ Овидія, Горация и Державина. «Пушкинъ»,—прибавляетъ Бахманъ,—«сочи-

¹⁾ Ich weiss nicht was soll es bedeuten,

Dass ich so traurig been?

Такъ начинается это извѣстное стихотвореніе Гейне

нилъ эту свою лебединую пѣснь 21-го августа 1836 года, какъ будто предчувствуя близость своей кончины».

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о сочиненіяхъ, написанныхъ Пушкинымъ въ прозѣ, на которыя нѣмецкая критика обращаетъ вообще немного вниманія сравнительно съ поэтическими произведениями Александра Сергѣевича. «Насколько хороши стихи Пушкина, настолько же отличается достоинствами и его проза», замѣчаетъ Цабель и въ доказательство приводитъ въ переводѣ отзывъ Гоголя о способности Пушкина изображать военные битвы. «Изящные рассказы Пушкина открыли путь изображеніямъ жизни послѣдующихъ поколѣній и направленію сентиментально-натуральному, по выраженію одного русскаго критика» (Брандесъ). «Эти рассказы имѣютъ передъ прежними произведениями Пушкина нѣкоторое преимущество въ отношеніи прелести и граціозности, силы воображенія, реальности изображенія, художественности отдѣлки и богатства мысли» (Голантъ). Впрочемъ, эти слова могутъ быть отнесены скорѣе къ «Капитанской дочкѣ», «Арапу Петра Великаго» и «Египетскимъ ночамъ». Нѣкоторые критики указываютъ на повѣсти Бѣлкина (Д-ръ Z, Французъ, О. Феликсъ), имѣвшія большое вліяніе на развитіе реалистическаго направленія въ русской литературѣ (Голантъ), а Бахманъ перечисляетъ эти повѣсти и по поводу женскихъ въ нихъ типовъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Капитанская дочь, Маша, героиня Дубровскаго, даже Барышня-крестьянка задуманы нѣсколько въ сентиментальномъ стилѣ Карамзина и Жуковскаго. Во всѣхъ этихъ лицахъ мы находимъ первообразы тѣхъ типовъ дѣвушки, которые повторяются и развиваются Тургеневымъ и Гончаровымъ. Всѣ эти дѣвушки томятся романтическимъ стремленіемъ къ чему-то неясному и съ покорностію безсилія отдаются избраннику сердца; въ большинствѣ, всѣ онѣ очень изнѣжены, но, когда надобно, оказываются способными на великіе подвиги». Кромѣ изложеннаго мнѣнія Бахмана и слѣдующаго далѣе отзыва Цабеля, нѣмецкіе критики лишь мимоходомъ упоминаютъ о Дубровскомъ (Энгельгардъ, «Веймарская газета») и о Капитанской дочкѣ («Веймарская газета»), предшественницѣ Гоголевскаго «Тараса Бульбы» (Брандесъ), превосходной повѣсти Пушкина, проза которой не устарѣла и для нашего времени (Энгельгардтъ)». Въ этой повѣсти, по словамъ Цабеля, «рассказъ о вымышленныхъ событіяхъ изъ патріархальнаго помѣщичьяго быта соприкасается съ мрачнымъ образомъ изверга Пугачева, но какъ съ появляющимся послѣ ужасной ночи солнцемъ, въ концѣ романа все примиряется появленіемъ величественной, доброй и справедливой царицы, именно Екатерины II». Въ Арапѣ Петра Великаго, въ которомъ Пушкинъ изобразилъ своего предка, находятся «превосходныя картины русскаго общества и прекрасный очеркъ личности самого царя» (Цабель). Въ этомъ рассказѣ Пушкинъ достигъ полной безыскусственности въ простотѣ и чистотѣ повѣствовательнаго слога,

въ высшей степени художественнаго и до сихъ поръ являющагося образцомъ, нѣмѣтъ еще въ Россіи не превзойденнымъ (Голантъ). Адамъ ограничивается сообщеніемъ одного заглавія «Арапа Петра Великаго», а Шахъ—только упоминаніемъ объ историческихъ повѣстяхъ Пушкина. «Египетскія ночи», названныя однимъ изъ нѣмцевъ отрывкомъ изъ романа въ стихахъ, написаннымъ въ 1825 году. (sic—Шахъ), даютъ другому критику поводъ назвать Чарскаго портретомъ самого Пушкина (Брандесъ).

Въ интересныхъ (Шахъ) запискахъ о походѣ въ Эрзерумъ, «описанія тогдашней Арменіи и поразительно гадкаго и грязнаго города Эрзерума могли бы и теперь представить всю свѣжесть современности въ замѣткахъ Пушкина» («Кельнская газета»). Заглавіе этихъ записокъ отмѣчено также Голантомъ и анонимомъ «Веймарской газеты».

Мы уже выше указали на прекрасную (sic) Исторію Петра Великаго (sic), которую Сандору удалось найти въ сочиненіяхъ Пушкина. Брандесъ исправляетъ ошибку товарища, сообщая, что Пушкинъ далъ императору Николаю I легкомысленное обѣщаніе (sic) написать эту исторію за 6.000 р. ежегодной пенсіи. По другимъ свѣдѣніямъ, Пушкинъ написалъ лишь одни Матеріалы для исторіи Петра Великаго (sic—Голантъ) и только занимался для этой цѣли работами въ архивахъ. Но плодомъ этихъ архивныхъ занятій явилась Исторія Пугачевского бунта, а не Петра (Энгельгардтъ). Нѣкоторые нѣмецкіе писатели ограничиваются однимъ упоминаніемъ объ исторіи Пугачевского бунта (Шахъ, Сандоръ, Ц. К.) другіе видятъ въ ней плодъ не только труда Пушкина въ архивахъ, но и поѣздки его въ восточныя губерніи Россіи («Веймарская газета»). Юбилейная критика подвергаетъ это историческое сочиненіе самой разнообразной опѣнкѣ, находя его дилеттантскимъ (sic—журналъ «Дома»), основательнымъ изслѣдованіемъ (Вольбрюкъ), несравненнымъ, несмотря на всѣ достоинства, съ поэтическими произведеніями автора (Стернь), страдающимъ явными недостатками въ общемъ и въ изложеніи (Энгельгардтъ). Лишь одинъ критикъ даетъ безусловно лестный отзывъ, первой подробной и достовѣрной «Исторіи Пугачевского» бунта, въ которой Пушкинъ, «съ талантомъ историка и съ сердцемъ патріота, изобразилъ Пугачева во всей его отвратительной изобрѣтательности палача и ненасытной кровожадности» (Цабель).

Нѣмцы сообщаютъ также и объ участіи Пушкина въ русскихъ журналахъ, гдѣ онъ возбуждалъ своимъ именемъ соревнованіе (Вольбрюкъ) двухъ самыхъ модныхъ тогда московскихъ Телеграфа и Вѣстника (Стернь, «Веймарская газета»). Наконецъ, мы находимъ извѣстіе объ основаніи Пушкинымъ въ 1836 году собственнаго журнала, «Современника», недолго впрочемъ просуществовавшаго (Шахъ, «Веймарская газета»).

В. Збышевскій.

(Изъ исторіи польской смуты въ 1863 г.).

Въ 1879 году Эмигрантъ Владиславъ Збышевскій возбудилъ въ установленномъ порядкѣ ходатайство о разрѣшеніи ему вернуться въ предѣлы Россіи.

Возникшая по этому поводу переписка даетъ не безынтересныя о немъ свѣдѣнія.

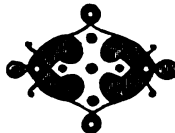
Оказывается, что въ 1863 году, въ чинѣ лейтенанта, онъ съ отрядомъ русскихъ судовъ находился въ Шанхаѣ, командуя пароходомъ Сибирской флотиліи—«Америка».

Въ одинъ прекрасный день Збышевскій исчезъ, оставивъ своему начальству письмо, въ которомъ объяснялъ, что не считаетъ возможнымъ служить дольше подъ російскими знаменами, во избѣжаніе военныхъ дѣйствій противъ защитниковъ родины.

Черезъ Панаму и Нью-Йоркъ, онъ пробрался въ Польшу, гдѣ, подъ именемъ Карпъ и Карповскій, увлекся организаціей польскаго флота, коего назначенъ былъ адмираломъ.

Но попыткамъ его въ Лондонѣ, Парижѣ и Италіи не суждено было увѣнчаться успѣхомъ.

Сообщилъ А. Мердеръ.

Изъ записокъ барона Дедема.

Въ текущемъ году въ Парижѣ изданы записки генерала барона Дедемъ де-Гельдера ¹⁾, голландца, служившаго въ рядахъ французской арміи во времена первой имперіи, послѣ присоединенія голландскаго королевства къ Франціи.

Баронъ Антонъ (Antoine Baudouin Gisbert) Дедемъ родился 23-го августа 1774 г. въ Голландіи; 10-ти лѣтъ отъ рода онъ отправился съ родителями въ Константинополь, гдѣ его отецъ занималъ въ теченіе 27 лѣтъ постъ голландскаго посланника; тамъ онъ готовился къ дипломатической карьерѣ, къ которой его предназначалъ отецъ, хотя онъ выказывалъ съ дѣтства рѣшительную склонность въ военной службѣ. Въ юныхъ лѣтахъ онъ много путешествовалъ, посѣтилъ Грецію, Малую Азію, Египеть; въ 1793 г. вернулся на родину, въ Голландію, и, вступивъ на дипломатическое поприще, занималъ довольно видныя для своихъ лѣтъ и отвѣтственныя должности. Такъ, въ 1798 г. онъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Парижѣ, съ 1800—1810 г. былъ послѣдовательно чрезвычайнымъ посланникомъ при Виртембергскомъ дворѣ, въ Берлинѣ, въ Вестфаліи, въ Неаполѣ. Въ 1810 г., когда Голландія была присоединена къ Франціи, баронъ Дедемъ рѣшилъ перемѣнить карьеру и посвятить себя военной службѣ и былъ назначенъ въ 1811 г. командующимъ бригадою въ дивизіи маршала Даву, стоявшей въ Голландіи. Въ 1812 году онъ совершилъ со своей бригадою походъ въ Россію въ авангардѣ короля Неаполитанскаго и былъ раненъ подъ Смоленскомъ. Дедемъ одинъ изъ первыхъ

¹⁾ Mémoires du général baron de Dedem de Gelder (1774—1825). Un général hollandais sous le premier empire. Paris.

вступилъ въ Кремль, а во время отступленія французской арміи привезъ въ Вильно извѣстіе объ этомъ несчастіи. Затѣмъ онъ служилъ въ «великой арміи» въ Германіи подъ начальствомъ маршала Нея, сражался при Бауценѣ, Лейпцигѣ, Ганау и т. д.; послѣ реставраціи Бурбоновъ вернулся въ Голландію.

Онъ скончался въ 1825 г.

Баронъ Дедемъ оставилъ мемуары, сохранившіеся въ его семействѣ, въ которыхъ онъ описалъ свою жизнь и политическія и военныя событія, имъ пережитыя; для насъ интересна та часть этихъ записокъ, въ коихъ онъ описываетъ кампанію 1812 г.; не вдаваясь въ своею описанію въ изложеніе всѣмъ извѣстныхъ подробностей военныхъ дѣйствій, онъ рассматриваетъ эти событія съ точки зрѣнія политической и даетъ критическую оцѣнку дѣйствій французскихъ генераловъ и Наполеона I, стараясь по возможности быть безпристрастнымъ. Онъ рисуетъ въ своихъ запискахъ настроеніе французской арміи и ея вождей въ началѣ и во время похода, указываетъ на многія слабыя стороны въ организаціи этой арміи и на тяжелыя условія, въ коихъ она очутилась съ самаго вступленія своего на русскую землю; рассказываетъ, какъ смотрѣли на объявленіе войны Россіи люди болѣе дальновидные, какихъ они ожидали отъ нея результатовъ и, наконецъ, какъ относился самъ Наполеонъ къ дѣлаемымъ ему предостереженіямъ.

Съ этой частью записокъ барона де-Дедема мы намѣрены познакомить читателей «Русской Старины», такъ какъ его рассказы дополняетъ отчасти извѣстныя намъ подробности великой эпопеи 1812 г.

I.

Въ 1810 г., въ то время, когда Голландское королевство, возникшее на развалинахъ Нидерландовъ, завоеванныхъ Франціей во время великой революціи, было присоединено къ французскимъ владѣніямъ, баронъ Дедемъ де-Гельдеръ былъ посланникомъ въ Неаполѣ. Согласно полученному имъ приказанію, онъ передалъ бумаги посольства повѣренному въ дѣлахъ Франціи и самъ отправился въ Парижъ. Императорскій дворъ находился въ Фонтенебло. Всѣ голландцы, представлявшіеся Наполеону, были принимаемы самымъ милостивымъ образомъ, изъ желанія этимъ позолотить горькую для нихъ пилюлю. Такого же приѣма удостоился и де-Гельдеръ и даже нерѣдко былъ приглашаемъ на интимные вечера императрицы, гдѣ Наполеонъ подолгу бесѣдовалъ съ ними о дѣлахъ Голландіи и о лицахъ, стоявшихъ тамъ во главѣ правленія.

Не имѣя никакого опредѣленнаго назначенія, но постоянно вращаясь въ придворныхъ сферахъ, де-Гельдеръ прожилъ въ Парижѣ до 15-го апрѣля 1811 г., когда онъ былъ назначенъ бригаднымъ командиромъ.

«Въ теченіе восьми мѣсяцевъ, проведенныхъ мною въ Парижѣ,— читаемъ въ его запискахъ,—я имѣлъ возможность слѣдить за ходомъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ. Я видѣлся ежедневно съ герцогомъ де-Бассано, съ князьями Меттернихомъ и Шварценбергомъ, съ графомъ Нессельроде, который былъ въ то время официально секретаремъ русскаго посольства въ Парижѣ, но въ дѣйствительности былъ совѣтникомъ посланника князя Куракина и пользовался уже довѣріемъ императора Александра.

«Нессельроде жаловался мнѣ неоднократно на то, что отъ министра иностранныхъ дѣлъ герцога Кадора никогда нельзя было добиться никакого положительнаго отвѣта. Онъ не хотѣлъ даже передавать заявленій посланника и говорилъ зачастую: «я не смѣю сказать этого императору». Нессельроде замѣчалъ, что, дѣйствуя такимъ образомъ, нельзя будетъ придти къ соглашенію, и что Россія и Франція поссорятся вслѣдствіе того, что онѣ не имѣютъ возможности объясниться.

— Между тѣмъ ни вы, ни мы не нуждаемся въ новой войнѣ,—говорилъ онъ;—у васъ своя болячка—Испанія, у насъ Турція, гдѣ мы ведемъ войну столь же неполитичную и разорительную, какъ на Пиренейскомъ полуостровѣ.

«Нессельроде искренно желалъ, чтобы миръ не былъ нарушенъ; и хотя онъ предвидѣлъ, что миръ не будетъ продолжителенъ, но старался выиграть время. Онъ попросилъ меня переговорить объ этомъ съ герцогомъ де-Бассано, который тотчасъ передалъ его слова императору. Герцогу было приказано немедленно переговорить съ Нессельроде; послѣ перваго же ихъ свиданія, Наполеонъ былъ внѣ себя отъ гнѣва по поводу того, что герцогъ Кадоръ не передавалъ ему все, что слѣдовало, и отрѣшилъ его отъ должности, назначивъ министромъ иностранныхъ дѣлъ де-Бассано, который давно уже добивался этого назначенія, хотя совершенно не годился для него.

«Де-Бассано высказывалъ въ это время нерѣдко такіе же странные взгляды, какъ и его монархъ. Бесѣдуя съ нимъ, я старался однажды доказать ему, что императоръ Александръ I не могъ присоединиться къ континентальной системѣ, и, воспользовавшись случаемъ, сказалъ то, что графъ Нессельроде просилъ меня передать ему, что императоръ Александръ искренно желалъ сохранить дружественныя отношенія къ Франціи и дорожилъ дружбою Наполеона, но что онъ не могъ объявить войну Англій.

— Россіи,—отвѣчалъ министръ,—остается только сдѣлать выборъ и присоединиться всецѣло къ нашей системѣ, а для того чтобы мы

были въ этомъ вполнѣ увѣрены, ей надобно предоставить намъ право размѣстить французскихъ таможенныхъ чиновниковъ отъ Ревеля до Кронштадта; но передайте графу Нессельроде, что малѣйшіе переговоры съ Англіей послужатъ поводомъ къ войнѣ съ Франціей.

— Впрочемъ я самъ скажу ему это,—прибавилъ онъ.

«Поляки видимо желали войны; всѣ извѣстія, получаемыя изъ Варшавы, свидѣтельствовали о томъ, что Россія имѣла полное право жаловаться на враждебныя демонстраціи со стороны поляковъ. Наполеонъ считалъ себя еще неготовымъ къ войнѣ, и это заставляло его медлить.

«Когда я уѣхалъ въ Гамбургъ, то императоръ приказалъ мнѣ вести переписку съ герцогомъ де-Бассано и увѣдомлять его обо всемъ, что я узнаю отъ моихъ прежнихъ политическихъ друзей въ Германіи. Это могло быть весьма затруднительно для меня, такъ какъ мой начальникъ, кн. Экмюльскій, былъ человѣкъ крайне неспокойный и подозрительный. Однако, онъ не препятствовалъ мнѣ исполнить возложенное на меня порученіе съ одной стороны потому, что я сообщалъ ему о повелѣніи императора, а во-вторыхъ, потому, что я часто сообщалъ ему получаемыя мною депеши. Онъ держалъ себя очень тактично.

— Я смотрю на вещи иначе,—говорилъ онъ;—я пишу въ своихъ донесеніяхъ совершенно противное; но каждый изъ насъ долженъ писать обо всемъ такъ, какъ онъ смотритъ на дѣло.

«Восемнадцать мѣсяцевъ спустя герцогъ де-Бассано сказалъ мнѣ въ Варшавѣ: «вы были жестокимъ пророкомъ», но на мои донесенія до тѣхъ поръ обращали весьма мало вниманія или, лучше сказать, на нихъ никто не обращалъ вниманія, такъ какъ всѣ были ослѣплены удачей. Я писалъ, между прочимъ, изъ Ростока, что нашими притѣсненіями мы до такой степени возстановили противъ себя Германію, что народъ возстанетъ противъ насъ, не спрашивая согласія своихъ монарховъ, и что если мы испытаемъ въ Россіи малѣйшее пораженіе, то мы можемъ быть отрѣзаны отъ Франціи; нѣмцы навѣрно возстанутъ поголовно, чтобы избавиться отъ владычества французовъ, и возстаніе это распространится до предѣловъ Голландіи. Я сообщилъ также любопытныя подробности о Россіи, о непреклонномъ намѣреніи русскихъ все сжечь и опустошить и завлечь насъ въ пустынную мѣстность, чтобы уморить голодомъ.

«Положеніе дѣлъ обрисовывалось въ такомъ видѣ уже въ 1811 г., и я тогда же посылалъ объ этомъ донесеніе за донесеніемъ въ Парижъ. Сынъ герцога Мекленбургскаго служилъ въ Россіи; отецъ писалъ ему, чтобы онъ подалъ въ отставку, но молодой принцъ отвѣчалъ, что напротивъ слѣдуетъ какъ можно болѣе сблизиться съ Петербургскимъ дворомъ, что сумасбродства Наполеона и его владычество окончатся вмѣстѣ съ осуществленіемъ его плановъ противъ Россіи и что послѣдняя освободитъ

Германію отъ его ига. Адъютантъ этого принца, пріѣхавшій изъ Петербурга, сообщилъ мнѣ еще нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя должны были послужить предостереженіемъ. Я добросовѣстно передалъ ихъ кому слѣдовало, но министръ и императоръ были не особенно довольны моимъ пророчествомъ. Я очень сожалѣю, что копии съ моихъ писемъ утрачены въ Россіи. Тѣмъ не менѣе я могу утверждать, что такова именно была сущность моихъ предсказаній, которыя высказывались мною быть можетъ болѣе энергично. Я честно служилъ императору и всегда говорилъ ему правду, рискуя заслужить его неудовольствіе.

«Менѣ всего мы сходились съ княземъ Экмюльскимъ въ одномъ пунктѣ, а именно: относительно намѣреній берлинскаго двора. Онъ совершенно не довѣрялъ обѣщаніямъ короля и его министровъ; я ничего не утверждалъ относительно министровъ, но ручался за короля, чистосердечный характеръ котораго мнѣ былъ извѣстенъ. Я хорошо зналъ все происходившее въ Берлинѣ, но Франція хотѣла думать, что Пруссія не права.

«Наполеонъ ненавидѣлъ короля и всегда мечталъ свергнуть его. Какъ истый корсиканецъ и италіанецъ, Наполеонъ не могъ даже представить себѣ, какимъ образомъ Фридрихъ-Вильгельмъ могъ искренно быть его союзникомъ и другомъ. Французскіе генералы хотѣли воевать съ Пруссіей, чтобы получить помѣстья.

— Гдѣ же вы хотите, чтобы мы получили земли, какъ не въ Пруссіи?—говорили мнѣ нѣкоторые изъ нихъ.

— Не въ пустыняхъ ли Россіи,—говорили другіе,—намъ дадутъ маіораты? Вы плохой товарищъ, если вы не хотите, чтобы мы заняли Пруссію.

«Наполеону съ трудомъ удалось сдѣлать эту державу своей союзницей; противъ этого возставали многіе, между прочимъ маршалъ Даву, который до послѣдней минуты надѣялся, что мы отнесемъ къ ней какъ къ странѣ непріятельской. Но, несмотря на это, получивъ противныя приказанія императора, онъ честно велъ переговоры съ генераломъ барономъ Кнобельсдорфомъ, коему королемъ прусскимъ было поручено сдѣлать вмѣстѣ съ маршаломъ Даву надлежащія распоряженія для прохода арміи черезъ Штеттинъ и Данцигъ.

«Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Гамбургъ маршалъ послалъ меня инспектировать 111-й полкъ и присутствовать при его окончательномъ сформированіи. Надобно было сформировать 4-й и 6-й батальоны такимъ образомъ, чтобы въ нихъ было старыхъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ столько же, сколько въ другихъ батальонахъ, въ которые надобно было перечислить соотвѣтственное число новобранцевъ.

«Это дѣло требовало большаго вниманія; несмотря на обстоятельныя инструкціи, данныя намъ начальникомъ штаба, нѣкоторые генералы не удостоились за это похвалы; я же былъ настолько счастливъ,

что заслужилъ полное одобреніе маршала, и онъ поставилъ меня въ примѣръ другимъ. Вскорѣ онъ поручилъ мнѣ командованіе второй бригадою прекрасной дивизіи генерала Фриана (Friant), и мнѣ пришлось поселиться въ Новомъ Бранденбургѣ въ Мекленбургъ-Стрелицѣ.

«Сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь мѣсяцы (1811 г.) были употреблены на обученіе офицеровъ и солдатъ. Трудно себѣ представить, какъ много отъ насъ требовали. Мы едва успѣвали поѣсть. Манѣвры, ученія, экзамены въ полковыхъ школахъ, безконечные рапорты,—все это слѣдовало одно за другимъ. Мы были заняты съ 5 часовъ утра до 6 вечера. Едва-ли когда-нибудь такъ заботились о войскѣ и старались поддержать въ немъ столь строгую дисциплину.

«За потерянный платокъ наряжали строжайшее слѣдствіе. Въ случаѣ малѣйшей жалобы со стороны мѣстныхъ жителей, виновные подвергались самому строгому наказанію. Новобранцевъ судили сами солдаты. Штабъ-офицеры не могли оставить лагерь и отправиться въ городъ, не получивъ особаго дозволенія отъ бригаднаго генерала.

«Въ моемъ 33-мъ полку было 1.500 солдатъ, достаточно хорошо обученныхъ для того, чтобы быть произведенными въ унтеръ-офицеры; изъ нихъ болѣе 700 человекъ знали десятичную систему счисленія, первыя три правила ариеметики, основы полевой фортификаціи, а 300 человекъ могли бы занять мѣсто секретарей въ департаментѣ любого министра. Можно оплакивать потерю всѣхъ этихъ доблестныхъ людей, погибшихъ въ Россіи скорѣе по винѣ главнаго штаба, нежели отъ морозовъ.

«Войска расположились на зимнихъ квартирахъ лишь 15-го декабря, и то не надолго. Обученіе солдатъ продолжалось такъ же дѣятельно, какъ прежде, и хотя солдаты имѣли болѣе отдыха, чѣмъ въ лагерѣ, но за то бригаднымъ генераламъ было гораздо болѣе дѣла. Несмотря на то, что зима была очень суровая и дороги были занесены снѣгомъ, я разъѣзжалъ все время верхомъ, осматривая отдѣльныя части въ мѣстахъ ихъ расквартированія.

«Войскамъ было строго-на-строго запрещено требовать хотя бы одинъ раціонъ болѣе того, что полагалось; за всякую самовольную реквизицію виновнаго присуждали уплатить ея стоимость, и кромѣ того онъ подвергался наказанію, каковъ бы ни былъ его чинъ. Генералу Далтону былъ сдѣланъ выговоръ въ дневномъ приказѣ, и онъ былъ посаженъ на три мѣсяца подъ арестъ за то, что потребовалъ столовыя деньги, не утвержденныя маршаломъ. Только благодаря этой строгости Мекленбургъ могъ прокормить такое огромное количество войска, превышавшее его средства».

13-го января 1812 г. генералу Дедему было приказано выступить

съ его бригадой изъ мѣста ея стоянки, а въ началѣ марта вся армія выступила въ походъ.

Пруссаки встрѣтили французскую армію крайне недоброжелательно и были недовольны кое-какими злоупотребленіями со стороны французовъ, которыя были неизбежны при проходѣ такого огромнаго войска въ странѣ бѣдной, жители которой, не любя французовъ, неохотно давали имъ самое необходимое.

«Наши офицеры особенно страдали отъ недостатка вина,—пишетъ генералъ Дедемъ;—гѣмцы его не употребляютъ, а мои офицеры были не въ духѣ, когда имъ приходилось обходиться безъ вина. Куда бы мы ни пришли, насъ встрѣчали съ неудовольствіемъ; дамы въ особенности не скрывали своего отчаянія по поводу того, что ихъ король былъ союзникомъ Наполеона противъ Россіи. Все это еще болѣе подтверждало то, что я неоднократно писалъ герцогу Бассано. Губернаторъ Данцига, генералъ Раппъ, принялъ насъ великолѣпно; тутъ послѣдній разъ разсортировали людей, которые были не въ состояніи переносить тяжести военнаго времени, но офицерамъ было безусловно запрещено возвращаться во Францію: имъ велѣно было всемъ остаться въ Штеттинѣ. Въ Данцигѣ изготовлялись для арміи сухари; для перевозки ихъ и бочекъ съ мукой и солониной были приготовлены телѣги новаго образца, но армія была двинута въ Россію слишкомъ поспѣшно. Такъ какъ русскіе все разорили по пути, то возницы и ихъ лошади истребили дорогою провіантъ, предназначенный для войскъ, и повозки пришли къ мѣсту назначенія почти пустыя.

«Мы двинулись въ половинѣ мая на Эльбингъ, гдѣ нашли принца Экмюльскаго. Мы простояли на квартирахъ въ окрестностяхъ Браунсберга до 11-го іюня; въ этотъ день армія двинулась далѣе. Принцъ Экмюльскій хотѣлъ, чтобы его войско казалось многочисленнѣе, нежели оно было на самомъ дѣлѣ, и приказалъ проходя черезъ города, идти не по-взводно, но по-полувзводно. Еще важнѣе было приказаніе, имѣвшее самыя прискорбныя послѣдствія, а именно, чтобы, выступая изъ Данцига, каждый полкъ взялъ съ собою не болѣе 1.500 паръ сапогъ, не считая тѣхъ трехъ паръ, которыя были розданы каждому солдату и находились всегда при немъ.

«Пока шли все эти приготовленія, я поселился въ замкѣ Линденау, въ двухъ льѣ отъ Браунсберга, гдѣ я засталъ и генерала Фріана; тутъ я получилъ знаменитый приказъ по полку, который весьма естественно возбудилъ ропотъ среди пруссаковъ. Каждому военному, офицеру и солдату, было предписано взять у того, у кого онъ квартировалъ, съѣстныхъ припасовъ на 10 дней. Мы запаслись сухарями и хлѣбомъ; у каждаго солдата былъ небольшой мѣшочекъ съ 10 фунтами риса и другой съ 10 ф. муки, которые были завернуты въ шинель. Мы за-

брали у мѣстныхъ жителей всѣ телѣги, для которыхъ нашлись упряжные лошади, чтобы везти на нихъ фуражъ и даже солому. Трудно себѣ представить, какое мы причинили разореніе несчастнымъ жителямъ. Въ Гумбинненѣ императоръ произвелъ смотръ нѣкоторымъ корпусамъ арміи и объявилъ о производствахъ. Мы двинулись на Вильковишки по направленію къ Нѣману; роковой моментъ приближался.

«Мы прошли черезъ Пруссію не какъ чрезъ союзную страну, а скорѣе какъ чрезъ страну завоеванную.

«Приказъ относительно десятидневнаго провіанта былъ не что иное, какъ данное официально разрѣшеніе грабить и дѣлать насилія; видя все это, отеческое сердце короля прусскаго должно было обливаться кровью. Но лояльность этого монарха была такъ велика, что онъ до послѣдняго момента давалъ Наполеону (который былъ въ то время номинально его союзникомъ) самые драгоценныя совѣты и оказывалъ ему самую существенную помощь. Его честность была такова, что до похода, въ продолженіе и по окончаніи его онъ старался не поддаваться своимъ сомнѣніямъ въ искренности Наполеона по отношенію къ нему, но старался увѣрить себя въ томъ (таково было свойство его великодушнаго сердца), что Наполеонъ пойметъ наконецъ свои собственныя выгоды, интересы Франціи и всей Европы и не только поддержитъ, но даже увеличитъ Пруссію.

«Нѣманъ былъ перейденъ 24-го іюня ⁴⁾ не безъ нѣкотораго колебанія. Графъ Нарбоннъ, посланный къ императору Александру I съ порученіемъ въ Вильно, передалъ Наполеону мирныя предложенія, сдѣланныя государемъ, который возложилъ всю отвѣтственность за войну на насъ, сказавъ: «чего хочеть отъ меня императоръ французовъ? Будемъ жить по-прежнему въ добромъ согласіи, время еще не ушло; но если вы перейдете Нѣманъ, то я завлеку французскую армію въ глубину Россіи, гдѣ она найдетъ свою могилу».

«Трудно изобразить величественную картину, которую представляло 600 тысячное войско, расположившееся у подошвы холма, на которомъ Наполеонъ приказалъ разбить свои палатки. Съ этой возвышенности онъ обозрѣвалъ всю армію, Нѣманъ и мосты, приготовленные для нашей переправы ⁵⁾. Мнѣ удалось случайно полюбоваться этимъ зрѣлищемъ. Дивизія Фриана, которая должна была находиться въ авангардѣ, сбилась съ пути и достигла возвышенности въ то время, когда вся

⁴⁾ Всѣ числа приведены по новому стилю.

⁵⁾ Наполеонъ заказалъ своему батальному живописцу большую картину, изображающую переправу черезъ Нѣманъ. Я видѣлъ эскизъ этой картины у кн. Меттерниха въ 1815 г. Она исполнена какъ нельзя болѣе близко къ истинѣ. (Прим. автора).

армія была уже въ сборѣ. Императоръ, увидавъ, что мы наконецъ появились, подозвалъ Фріана и сталъ давать ему приказанія. Въ это время дивизія остановилась въ ожиданіи своего начальника передъ императорской палаткой; я подошелъ къ группѣ генераловъ, составлявшихъ свиту Наполеона. Среди нихъ царствовало зловѣщее молчаніе, чуть не уныніе. Когда я позволялъ себѣ пошутить, генераль Августъ де-Коленкуръ, съ которымъ я былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, сдѣлалъ мнѣ знакъ и сказалъ тихонько: «здѣсь не смѣются; это великій день». Онъ указалъ при этомъ на противоположный берегъ рѣки, какъ будто хотѣлъ присвокупить: «вотъ наша могила».

«Когда императоръ прекратилъ разговоръ съ генераломъ Фріаномъ, дивизія прошла мимо всѣхъ армейскихъ корпусовъ, направляясь къ мостамъ; вскорѣ она очутилась на противоположномъ берегу. Тогда солдаты испустили громкіе крики радости, которые привели меня въ ужасъ; они какъ будто хотѣли сказать: «Теперь мы на непріятельской землѣ! наши офицеры не будутъ болѣе наказывать насъ, когда мы будемъ кормиться на счетъ жителей!» До тѣхъ поръ, согласно строгому предписанію императора, начальству удалось поддержать строгую дисциплину. Прокламаціи напоминали войску, что, проходя по владѣніямъ короля прусскаго, мы находились на территоріи союзника и что къ нему слѣдовало относиться такъ, какъ будто мы находились на французской землѣ. Мы видѣли, къ сожалѣнію, что это приказаніе нерѣдко было забыто или пренебрежено; но по крайней мѣрѣ войско поступало въ такихъ случаяхъ вопреки приказанію начальства, которое удерживало солдатъ, говоря: «когда мы будемъ на русской землѣ, вы будете брать все, что захотите». Такимъ образомъ министры и генералы Наполеона слѣдовали тому же принципу, коимъ руководствовались, какъ повѣствуетъ намъ Тацитъ, въ своихъ дѣйствіяхъ римскіе сенаторы и первые императоры: «Римляне, говоритъ онъ, не относились къ тѣмъ націямъ, съ которыми они воевали, какъ къ непріятелю, защищающему свое отечество, но какъ къ рабамъ, которые осмѣлились возмутиться».

«Авангардъ обошелъ лѣсъ, роспій у берега, но мы нашли въ немъ только кое-гдѣ слѣды людей; мы были уже въ странѣ пустынной. Императоръ, принцъ Невшательскій, король Неаполитанскій и принцъ Экмюльскій прокатились по сосновому бору и были удивлены или быть можетъ испуганы тѣмъ, что они не видѣли нигдѣ ни жителей, ни русскихъ солдатъ. Поляки, посланные на высокіе, поросшіе лѣсомъ холмы, чтобы обозрѣть мѣстность, донесли, что издали былъ виденъ арріергардъ непріятеля, двигавшійся по направленію къ Вильно».

«Въ два часа мы вошли въ Ковно. Кавалерія, подъ командою генерала Пайоля, вступила туда еще по утру, и при приближеніи ея непріятельская кавалерія выступила изъ города. Какъ извѣстно, русскіе,

сдѣлавъ видъ, будто они намѣрены защищать переправу черезъ Нѣманъ, отступили поспѣшно за Двину, гдѣ генераль Пфуль устроилъ Дрисскій укрѣпленный лагерь. Уже въ Ковно армейскіе полки убѣдились въ томъ, что имъ придется все уступать гвардіи, чѣмъ они были весьма недовольны. Мы нашли въ городѣ много всякихъ съѣстныхъ припасовъ, но вскорѣ было получено приказаніе поставить у городскихъ воротъ караулъ и не впускать ни солдатъ, ни офицеровъ, ни даже генераловъ, такъ какъ все должно быть предоставлено въ распоряженіе императорской гвардіи, которая одна вступить въ городъ; остальные корпуса, не исключая авангарда, должны были стать по другую сторону города. Такимъ образомъ мы стали бивуакомъ по дорогѣ въ Вильно въ двухъ верстахъ отъ города въ сосновомъ лѣсу, на берегу Вилии, между тѣмъ какъ императоръ остановился въ Ковно, а гвардія грабила магазины и частныя дома. Жители разбѣжались и разнесли ужасъ и уныніе по окрестности. Этотъ примѣръ конечно не могъ побудить населеніе прочихъ городовъ встрѣчать насъ съ удовольствіемъ и доставлять намъ все необходимое. Однако энтузіазмъ поляковъ и ихъ желаніе вернуть свою самостоятельность были столь велики, что многіе изъ нихъ все же встрѣчали насъ какъ желанныхъ гостей.

«Русскіе сожгли большой виленскій мостъ, чтобы замедлить наше движеніе, которое и безъ того было крайне затруднено дождями и плохимъ состояніемъ дорогъ. Транспортныя повозки запаздывали; онѣ прибывали не рѣдко тогда, когда войско уже успѣвало выступить съ извѣстнаго пункта, вслѣдствіе чего солдаты на первыхъ же порахъ продовольствовались очень дурно. По недостатку хлѣба и овощей, они ѣли слишкомъ много мяса, котораго было въ изобиліи. Всѣ тѣ, которые участвовали въ походѣ 1806 г., выводили изъ всего этого весьма неутѣшительныя заключенія. Состоявшій подъ моимъ начальствомъ полковникъ Pouchelon, командовавшій 33-мъ линейнымъ полкомъ, участвовалъ въ битвѣ при Эйлау и былъ женатъ на богатой полькѣ; онъ имѣлъ знакомыхъ среди мѣстныхъ поляковъ и былъ человекъ умный и способный, хотя довольно угрюмый; онъ предсказывалъ мнѣ въ самомъ началѣ, что дѣла примутъ дурной оборотъ. Мѣсяць спустя, въ Витебскѣ, онъ сказалъ мнѣ: «Я посылаю обратно всѣ свои вещи. Армія погибла». Хотя Наполеона во многихъ случаяхъ обманывали, но ему стало извѣстно вскорѣ по вступленіи въ Россію, что армія отчаивается въ успѣшномъ исходѣ войны.

«Мы вступили въ Вильно 28-го числа. Польскіе помѣщики, державшіе сторону Россіи, выѣхали изъ города; польская партія приняла насъ восторженно; но Наполеонъ не былъ доволенъ тѣми средствами, коими онъ располагалъ для дальнѣйшихъ дѣйствій, поэтому онъ не могъ обнадеживать поляковъ относительно ихъ будущей независимости.

— Воспользуйтесь случаемъ,—сказалъ онъ польскимъ депутатамъ;— постарайтесь вернуть свою независимость, пока я веду войну съ Россіей. Если вы усилитесь, то я включу васъ въ условія мирнаго договора, но я не могу проливать за васъ кровь французовъ; и если императоръ Александръ предложитъ мнѣ заключить миръ на возможныхъ условіяхъ, то я буду вынужденъ оставить васъ.

«Этотъ отвѣтъ, рѣдкій по откровенности со стороны завоевателя, былъ передѣланъ и смягченъ министрами и приближенными императора, но поляки напрасно полагались на слова этихъ подчиненныхъ лицъ. Имъ слѣдовало руководствоваться словами самого Наполеона; они также напрасно обвиняли его впоследствии по поводу его мнимыхъ обѣщаній. Я слышалъ отъ одного изъ депутатовъ, что Наполеонъ даже сказалъ имъ:

— Я вижу, что у васъ нѣтъ достаточно средствъ; совѣтую вамъ не компрометтировать себя по отношенію къ русскому императору; я съ минуты на минуту могу заключить съ нимъ миръ.

«Въ Вильковишкахъ Наполеонъ обнародовалъ прокламацію противъ русскихъ и ихъ монарха. Въ Вильно же мы познакомились съ содержаніемъ прокламаціи императора Александра, которая была написана не менѣе энергично; за нею было право и справедливость. Что же касается воззванія, съ коимъ литовскій комитетъ обратился къ полякамъ, то въ немъ, равно какъ и въ высокопарномъ донесеніи Варшавскаго сейма, возвѣщалось возстановленіе Польскаго королевства. Но всѣ, кто зналъ близко Наполеона и его манеру выражаться, понимали, что въ этихъ прокламаціяхъ гораздо менѣе было видно намѣреніе императора возстановить королевство Польское, нежели чрезвычайное желаніе поляковъ, чтобы это совершилось, хотя всѣ ихъ надежды основывались только на двусмысленныхъ обѣщаніяхъ французскихъ министровъ. Рѣшивъ что-либо, Наполеонъ имѣлъ обыкновеніе выражать свое намѣреніе вполне ясно. Обманчивыя надежды, честолюбіе и поверхностное знаніе человека, съ которымъ имъ приходилось имѣть дѣло, разногласіе между словами министровъ и тайными планами монарха, въ которыхъ поляки не могли дать себѣ отчета—вотъ что ввело въ заблужденіе этихъ восторженныхъ людей, которымъ было простительно горячо желать возстановленія независимости ихъ отечества.

«Неприятельская армія совершила отступленіе безподобно; это движеніе дѣлаетъ большую честь ея генераламъ и дисциплинѣ солдатъ. 27-го іюля вечеромъ насъ отдѣлялъ отъ нея глубокій оврагъ. Линія русскихъ войскъ тянулась вправо и влѣво. По утру, на разсвѣтѣ русское войско исчезло какъ бы по мановенію волшебнаго жезла. Каждый изъ насъ искалъ его и удивлялся тому, что его не видно; но наше удивленіе возрасло, когда, несмотря на быстроту нашего форсированнаго марша,

намъ не удалось уже не говоря отыскать русскую армію, но даже напасть на ея слѣдъ.

«Пройдя три версты за Витебскъ, мы не могли еще опредѣлить, въ какомъ направленіи совершилось отступленіе русскихъ. Нигдѣ не было ни одной павшей лошади, ни забытой повозки, ни отсталого солдата.

«Однако сомнѣніе французовъ было такъ велико, что я самъ былъ свидѣтель, какъ нѣкоторые генералы сердились, если кто-либо выражалъ свое удивленіе по поводу этого отступленія. Я дерзнулъ во всеуслышаніе выразить свое удивленіе. Мнѣ отвѣчали холодно, что слово «отступленіе» не существуетъ въ словарѣ французской арміи! Это не помѣшало мнѣ пожелать въ душѣ, чтобы наша армія, черезъ нѣсколько времени, также блистательно совершила бы свое отступленіе.

«Наполеонъ, которому былъ переданъ этотъ разговоръ, былъ весьма недоволенъ моими замѣчаніями, и я узналъ въ Витебскѣ, что меня изобразили въ его глазахъ фрондеромъ и политическимъ резонеромъ. Дѣйствительно, я руководствовался всегда неизмѣннымъ правиломъ говорить то, что я думалъ о нашемъ положеніи; это было одно изъ свойствъ моего независимаго характера. Я имѣлъ вслѣдствіе этого однажды горячее объясненіе съ генераломъ Фрианомъ. Онъ хотѣлъ, чтобы я представилъ ему отчетъ о состояніи 33-го линейнаго полка и чтобы я показалъ численность его въ 3.280 человекъ, тогда какъ въ дѣйствительности въ немъ осталось, какъ мнѣ было извѣстно, не болѣе 2.500 человекъ. Форсированные переходы, недостатокъ продовольствія способствовали этой страшной убыли болѣе, нежели непріятельскій огонь. Генералъ Фрианъ полагалъ, что Наполеонъ разсердится на короля Неаполитанскаго, и такъ какъ онъ желалъ добиться новыхъ милостей, то боялся повредить себѣ, разгнѣвая монарха, и поэтому предпочелъ ввести его въ заблужденіе.

«Вы не хотите дать мнѣ вѣдомость, которую я требую»,—сказалъ онъ,—«я съумѣю достать ее и безъ васъ». Дѣйствительно, полковникъ Rochelou составилъ ее въ томъ видѣ, какъ желалъ Фрианъ, т. е. показавъ наличный составъ полка въ 3.500 человекъ. Когда я укорялъ его за это, то онъ отвѣтилъ мнѣ: «я не хочу ссориться съ генераломъ Фрианомъ. Неужели вы думаете, что это дѣлается безъ вѣдома маршала? Не будемъ имъ мѣшать». Я узналъ впоследствии, что въ представленной императору вѣдомости численность арміи была показана на 35.000 человекъ болѣе дѣйствительной. Также точно поступали и относительно провинта. Я уже говорилъ, что, уходя съ зимнихъ квартиръ съ Пруссіи, каждому солдату былъ данъ небольшой мѣшечекъ съ 10 фун. риса и другой съ 10 фун. муки; по расчету г.г. интендантовъ главной квартиры содержимое этихъ мѣшечковъ должно было замѣнить въ случаѣ надобности 20 дневный паекъ. По этому расчету генералъ графъ Матье-

Дюма ¹⁾ заявилъ императору въ Витебскѣ, что дивизія Фріана имѣла продовольствія еще на 17 дней, тогда какъ намъ уже приходилось пользоваться запасами. Если что-либо можетъ служить оправданіемъ Наполеона, такъ это именно то, что его жестоко обманывали въ донесеніяхъ.

«Запасы риса и муки были уже початы. Мои лошади зачастую голодали.

«Бывая въ гостяхъ у графа Дарю или у генерала Матье-Дюма, я приносилъ вечеромъ одинъ или два бѣленькихъ хлѣбца моимъ полковникамъ, въ видѣ лакомства, а эти господа, желая отплатить мнѣ за вниманіе любезностью, посылали мнѣ, въ видѣ большаго подарка, по половинѣ ржанаго хлѣба для моихъ солдатъ. По этому можно судить, каково было наше положеніе во время нашего триумфальнаго шествія. И при подобныхъ-го обстоятельствахъ императору осмѣлились сказать официально, что дивизія Фріана имѣла съѣстныхъ припасовъ на 17 дней. Въ награду за такое усердіе и заботливость Наполеонъ назначилъ въ Витебскѣ генерала Фріана командиромъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка. Это была награда для генерала, который долго командовалъ войскомъ на войнѣ, который уже въ Египтѣ командовалъ дивизіей и былъ извѣстенъ какъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и лучшихъ строевыхъ офицеровъ арміи; но разумѣется, это не свидѣтельствовало объ его административныхъ способностяхъ и умѣніи организовать войско. Принцъ Экмюльскій, двоюродный братъ Фріана, очень вѣрно охарактеризовалъ его, сказавъ: «генералъ Фріанъ самъ не знаетъ, что говорить; онъ уменъ только на полѣ битвы».

«Въ теченіе двѣнадцати дней, которые я стоялъ лагеремъ въ двухъ верстахъ отъ Витебска, мнѣ пришлось, чтобы не умереть съ голода, посылать партіи людей за провіантомъ для моихъ баталіоновъ и для главнаго штаба. Эти партіи отправлялись за пять, за шесть верстъ, переправлялись даже за рѣку и возвращались обыкновенно съ хорошей добычей; но нѣкоторыя изъ нихъ попадались въ руки казакамъ. Извѣстно, что мародерство дѣйствуетъ на армію развращающимъ образомъ, уничтожаетъ дисциплину, способствуетъ дезертирству и вызываетъ со стороны солдатъ жестокіе поступки, коими они потомъ хвастаются; слушая ихъ, я содрогался. Война ожесточаетъ человѣческое сердце. Новобранцы были кротки и человѣколюбивы, многіе же изъ старыхъ солдатъ утратили всякое нравственное чувство.

«Нѣмецкіе корпуса соблюдали обыкновенно порядокъ и дисциплину даже при отступленіи. Голландцы менѣе всего переносили лишенія, форсированные переходы, холода. Ихъ нравственный духъ былъ вскорѣ

¹⁾ Mathieu-Dumas, главный интендантъ арміи.

поколебленъ. Ими были довольны въ отношеніи храбрости и обученія офицеровъ; но молодые люди, въ особенности, страдали сплиномъ, падали духомъ при мысли о томъ, что ихъ ведутъ далеко отъ родины, то-сковали по своимъ методическимъ привычкамъ, и большинство изъ нихъ не отличалось той веселостью, любовью къ завоеваніямъ и господству, какими отличались французы, что, поддерживая въ нихъ бодрость духа, давало имъ возможность легче переносить лишения и сутолоку, среди которой намъ приходилось жить. Маршалъ Даву пользовался еще по-прежнему вліяніемъ; дѣла шли еще на взглядъ достаточно хорошо для того, чтобы императоръ не имѣлъ повода упрекать его за то, что онъ совѣтовалъ ему начать походъ въ то время, когда Испанія причиняла еще Франціи довольно большія затрудненія. Наполеонъ надѣялся, что въ Витебскѣ къ нему явится русская депутація для переговоровъ, но онъ ошибся въ своихъ расчетахъ.

«Императоръ созвалъ совѣтъ, на которомъ обсуждался вопросъ о томъ, куда идти—на Петербургъ или на Москву, или же остановиться, организовать въ Польшѣ, устроить продовольственные магазины и прежде, нежели идти далѣе, уничтожить русскую армию, возвращавшуюся съ турецкой границы. Была сдѣлана попытка войти въ сношеніе съ казаками, которымъ подали надежду на образованіе независимаго государства ¹⁾. Отвѣтъ получился неопредѣленный, уклончивый, даже отрицательный. Казаки дали понять, что они не видѣли никакой выгоды уйти изъ-подъ русскаго владычества, чтобы подпасть подъ власть Наполеона, отъ котораго они могли ожидать не столько свободы, сколько деспотизма.

«Въ окрестностяхъ Витебска населеніе проявило революціонныя чувства. Помѣщики со всѣхъ сторонъ стали обращаться къ витебскому губернатору, генералу Шарпантье, съ просьбою прислать охрану для ихъ защиты отъ крестьянъ, которые грабили помѣщичьи дома и дурно обходились съ самими помѣщиками (я самъ видѣлъ, какъ многія семейства перѣехали въ Витебскъ, заботясь о своей безопасности). Я полагаю, что императоръ могъ бы возбудить возстаніе въ русскихъ губерніяхъ, если бы онъ хотѣлъ дать волю народу, такъ какъ народъ этого ожидалъ, но Наполеонъ былъ уже въ то время не генералъ Бонапартъ, командовавший республиканскими войсками. Для него было слишкомъ важно упрочить монархизмъ во Франціи, и ему трудно проповѣдывать революцію въ Россіи.

¹⁾ Наполеону приписывали намѣреніе вызвать возстаніе народа противъ дворянства и даже говорили, будто онъ принималъ къ этому мѣры. Но подобный образъ дѣйствій шелъ слишкомъ въ разрѣзъ съ его личными интересами и съ его деспотической системой правленія, чтобы можно было этому повѣрять. (Прим. автора).

«Рѣшивъ идти на Смоленскъ, Наполеонъ двинулся впередъ 11-го августа, и 17-го числа мы атаковали городъ. Въ этотъ день нѣсколько тысячъ человекъ было убито безъ всякой пользы, такъ какъ уже въ 4 часа по полудни по нѣкоторымъ признакамъ можно было судить, что неприятель готовится сжечь городъ и оставить его, хотя онъ еще оборонялся весьма энергично.

«Красивый, богатый и хорошо обстроенный Смоленскъ пострадалъ не только отъ бомбардировки, но былъ почти совершенно разграбленъ и сожженъ. Дивизія Фриана прошла сквозь пламя на городскую площадь, гдѣ и расположилась бивуакомъ. Я провелъ ночь на этой площади, лежа на роскошномъ диванѣ, который солдаты принесли изъ одного изъ сосѣднихъ богатыхъ домовъ. Я ѣлъ на ужинъ варенье, которое было превосходно; судя по огромнымъ запасамъ, которое мы находили вездѣ, въ особенности въ Москвѣ, надо полагать, что русскіе помѣщики истребляютъ варенье въ огромномъ количествѣ. Мнѣ принесли два великолѣпныхъ ананаса и персиковъ, хотя я предпочелъ бы стѣсть хорошаго супа, но на войнѣ разбирать не приходится, надобно ѣсть то, что придется.

«Надежда на то, что мы отдохнемъ въ Смоленскѣ, не осуществилась. Я получилъ въ 4 часа утра приказаніе двинуться далѣе и занять укрѣпленія за Днѣпромъ, затѣмъ мы прошли по развалинамъ предмѣстья, и вся армія двинулась къ Москвѣ. Отъ Наполеона зависѣло окончить войну въ Смоленскѣ, возстановивъ королевство польское, за чтѣ Европа была бы ему признательна. Если вѣрить тому, что я слышалъ, то русскіе ожидали этого. Говорили, будто генераль Вильсонъ, бывшій представителемъ Англій въ главной квартирѣ, писалъ въ Петербургъ и Лондонъ, въ первой депешѣ: «Все потеряно; Смоленскъ взятъ», а два дня спустя онъ послалъ втораго курьера съ извѣстіемъ: «Все спасено, французы идутъ на Москву». Императоръ Наполеонъ не сумѣлъ остановиться въ Смоленскѣ.

«Русскіе очистили постепенно Дорогобужъ, Вязьму и Гжатскъ и имѣли съ нами нѣсколько довольно жаркихъ стычекъ, впрочемъ, не имѣвшихъ особеннаго значенія, такъ какъ въ дѣлѣ бывалъ только одинъ авангардъ.

«Дорогобужъ былъ довольно порядочный городокъ; Вязьма, красивый городъ, казался только-что отстроенымъ; онъ сожженъ въ то время, когда армія находилась въ Москвѣ; Гжатскъ менѣе обширенъ. Императоръ провелъ тутъ два дня, чтобы дать отсталымъ и ослабѣвшимъ время подойти и присоединиться къ своимъ полкамъ. Онъ хотѣлъ сосредоточить свою армію, такъ какъ все предвѣщало, что мы приближаемся къ рѣшительному дню. Всѣмъ было извѣстно, что фельдмаршалъ Кутузовъ заступилъ мѣсто Барклая-де-Толли и что побѣдитель турокъ,

желая отомстить за Аустерлицъ, хочетъ дать намъ сраженіе, не доходя до Москвы, чтобы спасти столицу».

II.

Упомянувъ о Бородинскомъ сраженіи и коснувшись болѣе подробно нѣкоторыхъ стычекъ, въ которыхъ авторъ самъ участвовалъ, онъ останавливается на описаніи вступленія Наполеона въ Москву.

«Шпіонъ,—говоритъ онъ,—добродушно принятый нами за дезертира, сообщилъ намъ, что русскіе собирались дать намъ сраженіе подъ стѣнами Москвы, гдѣ позиція ихъ была сильно укрѣплена. Дѣйствительно, 14-го (2-го) сентября по утру мы замѣтили нѣкоторыя приготовленія; русскіе вырубали деревья, возводили редюнты, а на высотахъ, окружавшихъ Москву, виднѣлась кавалерія. Я слѣдовалъ съ моей бригадою по пятамъ за королемъ неаполитанскимъ, который, идя все время впередъ, указывалъ намъ путь. Мы видѣли его постоянно среди развѣдчиковъ, и непріятель могъ также легко различить его по его большому бѣлому султану и по зеленому плащу съ золотыми петлицами. Русскіе сдѣлали четыре или пять выстрѣловъ изъ орудія; но огонь вскорѣ прекратился; провесся слухъ, будто начались переговоры. Но адъютантъ императора, генераль графъ Нарбоннъ, посланный съ какимъ-то порученіемъ къ королю неаполитанскому, сказалъ мнѣ: «Кончено, русскіе покидаютъ Москву, оставляя ее на великодушіе французовъ». Немного погодя императоръ проѣхалъ въ экипажѣ и, подозревая меня, сказалъ: «Прикажите войскамъ двинуться, еще не кончено». Я видѣлъ ясно, что онъ былъ озабоченъ; не знаю, какія были къ тому причины, но очевидно гр. Нарбоннъ считалъ извѣстіе, привезенное имъ, болѣе благопріятнымъ, нежели его нашелъ императоръ. Быть можетъ, его величество былъ недоволенъ радостью, которую выказали солдаты при мысли, что скоро начнутся переговоры о мирѣ. Они ясно выразили эти чувства, привѣтствуя императора въ то время, когда онъ проѣзжалъ мимо нихъ къ городу.

«Быль седьмая часть вечера, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ со стороны Калужскихъ воротъ. Непріятель взорвалъ пороховой погребъ, что было, повидимому, условленнымъ сигналомъ, такъ какъ я увидѣлъ, что тотчасъ взвились нѣсколько ракетъ и полчаса спустя показался огонь въ нѣсколькихъ кварталахъ города. Какъ только я убѣдился, что насъ хотѣли поджарить въ Москвѣ, я тотчасъ рѣшилъ присоединиться къ моей дивизіи, стоявшей бивуакомъ, не сходя съ лошадей на

Владимірской дорогѣ, подъ стѣнами города; я устроилъ свою главную квартиру на мельницѣ, гдѣ я былъ увѣренъ, что я не буду сожженъ. Вѣтеръ былъ очень сильный; къ тому же было очень холодно. Только слѣпой могъ не видѣть, что это былъ сигналъ къ войнѣ на жизнь и смерть; все подтверждало извѣстія, полученныя мною еще въ январѣ мѣсяцѣ въ Ростокѣ и Висмарѣ относительно намѣренія русскихъ сжечь свои города и завлечь насъ въ глубь Россіи. Я уже говорилъ, что я предупреждалъ объ этомъ герцога де-Бассано и что король прусскій, какъ вѣрный союзникъ, предсказалъ императору Наполеону все, что съ нами случилось и что ожидало насъ впереди.

«Лучшіе дома Москвы были покинуты жителями, изъ коихъ иные уѣхали всего за нѣсколько минутъ до нашего вступленія въ городъ.

«Трудно себѣ представить чисто азіатскую роскошь, коей слѣды мы видѣли въ Москвѣ. Запасы, хранившіеся во дворцахъ и частныхъ домахъ, превзошли всѣ наши ожиданія. Если бы въ городѣ былъ порядокъ, то арміи хватило бы продовольствія на три мѣсяца; но дисциплины боги не существовало. Провіантскіе чиновники думали только о себѣ. Раненымъ генераламъ отказывали въ красномъ винѣ подъ предлогомъ, будто его не было, когда же, шесть недѣль спустя, герцогъ Тревизскій взорвалъ Кремль, то онъ приказалъ перебить хранившіеся тамъ двѣ тысячи бутылокъ вина для того, чтобы солдаты молодой гвардіи не перепились. Для того чтобы получить кулъ овса, надобно было имѣть разрѣшеніе генералъ-интенданта, а его было довольно трудно получить, а когда мы ушли изъ Москвы, то въ магазинахъ осталось столько овса, что его хватило бы для прокорма 20 тысячъ лошадей въ теченіе шести мѣсяцевъ. Уѣзжая изъ Москвы, я видѣлъ неимоверной длины складъ, подъ сводами котораго хранились кули съ превосходной крупчатной мукою; складъ этотъ былъ преданъ разграбленію, а между тѣмъ за недѣлю передъ тѣмъ я съ трудомъ получилъ мѣшокъ самой грубой муки. Если бы чиновники и въ особенности низшіе служащіе выказали болѣе дѣятельности и старанія, армія была бы лучше обмундирована и накормлена. Болѣе третьей части города осталось нетронутой, и въ ней было въ изобиліи все то, въ чемъ мы нуждались. Въ городѣ не было только сѣна и соломы, и принцъ Невшательскій посылалъ за ними по окрестнымъ деревнямъ. Казаки нерѣдко уводили у насъ лошадей, захватывали экипажи. Жителямъ Москвы надобно было безобразія, чинимыя нашими слугами; потерявъ терпѣніе, они стали убивать ихъ или бѣжали просить помощи у казаковъ въ то время какъ наши люди пировали и нагружали всякимъ добромъ свои повозки и лошадей. Миѣ кажется, что наши дѣла были бы гораздо лучше, если бы мы дѣйствовали осторожнѣе. Миѣ удалось обставить дѣло такъ, что мои фуражиры возвращались всегда благополучно дня черезъ 4—5, и приносили миѣ

яица, картофель и иногда дичь, благодаря тому, что мною было отдано строгое приказаніе ничего не брать даромъ кромѣ фуража, а за все остальное платить. Одинъ сержантъ, человекъ весьма порядочный, сопровождалъ всегда моихъ слугъ съ нѣсколькими вооруженными солдатами. Онъ не допускалъ никакихъ злоупотребленій, и эта мѣра дала прекрасные результаты. Однажды, жители деревни, въ которую мои люди часто являлись за покупками, вышли къ нимъ на встрѣчу, неся двухъ куръ и яицъ, и совѣтовали имъ не входить въ деревню, такъ какъ у нихъ были казаки, что оказалось совершенно справедливо.

«Мнѣ послужилъ также на пользу слѣдующій случай. Я встрѣтилъ двухъ солдатъ, нагруженныхъ серебряными вазами и церковной утварью; это было въ двухъ шагахъ отъ маленькой церкви, находившейся возлѣ занятого мною дома; я подумалъ, что солдаты ограбили именно эту церковь, отправился туда и передалъ всѣ вещи священнику, открывшему мнѣ двери.

«Солдаты продавали за бездѣнокъ великолѣпныя шубы. Въ Кремлѣ, въ комнатахъ, предназначенныхъ для императорской гвардіи, хранились серебряныя вызолоченныя блюда, брилліанты, жемчугъ, шелковыя ткани и т. п. Я представлялъ себѣ мысленно картину Самарканда при нашествіи Тамерлана. Пылавшій городъ напомнилъ мнѣ также пожары, истребившіе на моихъ глазахъ часть Константинополя и Смирны; но этотъ разъ зрѣлище было величественнѣе: это было самое потрясающее зрѣлище, какое мнѣ довелось видѣть. Я никогда не забуду четвертую ночь по вступленіи нашемъ въ городъ, когда императоръ былъ вынужденъ покинуть Москву и искать убѣжища въ Петровскомъ дворцѣ. Я выступилъ наканунѣ со своей дивизіей по Владимірской дорогѣ, но страданія, которыя я испытывалъ послѣ взятія Смоленска, вслѣдствіе полученной мною сильной контузии, такъ усилились, что я не могъ болѣе сидѣть на лошади и былъ вынужденъ просить у короля неаполитанскаго позволеніе уѣхать для пользованія въ Москву, давъ временно командованіе бригадою. Пламя пожара освѣщало дорогу на разстояніи болѣе двухъ верстъ отъ города; подъѣзжая къ Москвѣ, я увидѣлъ цѣлое море огня и такъ какъ вѣтеръ былъ очень сильный, то пламя волновалось, какъ разъяренное море. Я радъ былъ добраться до моей мельницы, откуда я наслаждался всю ночь этимъ единственнымъ въ своемъ родѣ, зловѣщимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ величественнымъ зрѣлищемъ. Пожаръ Смоленска былъ еще величественнѣе: глядя на высокія стѣны и толстыя башни, по которымъ съ яростью взвивалось пламя, я представлялъ себѣ Иліонъ (Трои) въ роковую ночь, такъ высокохудожественно описанную Virgiliemъ. Пожаръ Москвы, обнимавшій собою гораздо большее пространство, былъ менѣе поэтиченъ.

«Императора Наполеона осуждали за то, что въ одномъ изъ своихъ

бюллетеней онъ говорилъ съ восторгомъ объ этой катастрофѣ. Но онъ не могъ упрекнуть себя въ этомъ случаѣ ни въ чемъ, и безъ сомнѣнія, онъ былъ бы радъ сохранить Москву, не изъ расположенія къ русскимъ, но для своей собственной выгоды. Какъ ни смотрѣть на пожаръ Москвы,—какъ на проявленіе высокаго патріотическаго чувства, или какъ на явленіе, вызванное безсильной злобою,—все-таки, рѣшимость русскихъ сжечь Москву была основана на плохомъ разчетѣ; сожженіе ея не имѣло и не могло имѣть никакого вліянія на участь арміи. Я уже говорилъ, что въ уцѣлѣвшей части города остались огромные запасы и что если бы въ нашей арміи было болѣе порядка и начальство дѣйствовало бы предусмотрительнѣе, то мы могли бы безъ труда дойти обратно до Вильно. Провести зиму въ Москвѣ было невысказано. Мы пробивались до этого города, но ни одна изъ пройденныхъ нами губерній не была нами покорена. Армія генерала Кутузова сформировывалась вновь и начала обходить насъ съ праваго фланга; такъ какъ Тула и Калуга были во власти русскихъ, то она могла раньше насъ придти въ Можайскъ и въ Вязьму. Съ другой стороны, миръ, заключенный съ Турціей, давалъ арміи адмирала Чачагова полную возможность отрѣзать наши сообщенія съ Польшею; мы были слишкомъ далеко отъ Курляндіи, чтобы надѣяться на какую-либо помощь со стороны корпуса герцога Тарентскаго. Такъ какъ Витебскъ, какъ показали дальнѣйшія событія, не могъ быть нами удержанъ, то чѣмъ долѣе мы оставались въ сожженной или несожженной Москвѣ, тѣмъ вѣрнѣе была наша гибель; мы готовили себѣ приблизительно такую же судьбу, каковая постигла Камбиза въ Лидіи или армію Александра Великаго въ пустынѣ Гедрозіи.

«Великая ошибка Наполеона состояла не въ томъ, что онъ пошелъ въ Москву, хотя это была неосторожность съ его стороны и противъ этого возставали почти всѣ его генералы въ Витебскѣ и въ Смоленскѣ; его ошибка заключалась въ томъ, что онъ остался въ Москвѣ.

«Вступая въ Москву, Наполеонъ былъ пораженъ тѣмъ, что ему на встрѣчу не выѣхала депутація и что его не встрѣтили съ почестями, какъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ; онъ былъ этимъ смущенъ, не зная, какъ поступить далѣе; роковая судьба внушила ему самое пагубное рѣшеніе. Онъ былъ на высшей ступени славы; его звѣзда померкла въ Москвѣ и вскорѣ закатилась.

«Императоръ Наполеонъ былъ озадаченъ, какъ человѣкъ, не привыкшій быть обманутымъ въ своихъ разчетахъ. Онъ заперся въ Кремлѣ, какъ будто выжидая время, тогда какъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ каждый моментъ становился драгоцѣннѣе. Онъ все еще хотѣлъ заблуждаться. Вообразивъ, что Александръ будетъ просить мира, онъ былъ увѣренъ, что русскій императоръ поспѣшитъ по крайней мѣрѣ принять этотъ миръ, если онъ будетъ ему предложенъ. Король

неаполитанскій далъ одурчить себя старику Кутузову и повѣрилъ льстивымъ увѣреніямъ другихъ генераловъ, которые заключили перемиріе съ тѣмъ, чтобы выиграть время, и нарушили его самымъ неожиданнымъ образомъ двѣ недѣли спустя.

«На другой же день по прибытіи въ Москву, Наполеонъ призвалъ г-жу Бурсе, директрису французскаго театра, и приказалъ ей давать на сценѣ французскія пьесы. Г-жа Бурсе повиновалась, удивляясь спокойствію императора; она дала маршалу Дюроку важныя указанія, коими пренебрегли потому, что при французскомъ дворѣ все было спѣсъ и хвастовство. Эта женщина, бывшая долгое время любовницею герцога Брауншвейгскаго, убитаго при Іенѣ, и ранѣе бывшая въ большой дружбѣ съ принцемъ Генрихомъ прусскимъ, видѣла въ Москвѣ всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ и знала все, что дѣлалось и замышлялось противъ насъ. Императоръ старался забыться, посѣщая концерты и театр; онъ часто игралъ въ бульотъ и былъ веселъ. Чтеніе журналовъ и множество декретовъ, подписанныхъ имъ въ Москвѣ, составляли его препровожденіе времени; онъ усыплялъ себя на краю пропасти. Онъ хотѣлъ также заняться организаціей страны, но люди, коимъ было поручено выполненіе этихъ мѣръ, не имѣли достаточно энергіи и необходимыхъ способностей, чтобы быть на высотѣ столь труднаго положенія. Слуги императора были плохи. Принцъ Невшательскій старѣлся; его начальникъ штаба, генералъ гр. Монтіонъ, былъ человекъ тщеславный; вообще выборъ людей былъ плохъ. Талантовъ было мало, а самогнѣнія бездна.

«Мнѣ приходится теперь говорить о мирныхъ переговорахъ, начатыхъ императоромъ чрезъ генерала графа Лористона, его адъютанта и послѣдняго посланника въ Петербургѣ. Я содѣйствовалъ отчасти посылкѣ этого уполномоченнаго, и вотъ что мнѣ извѣстно по этому поводу. Горреръ, французскій эмигрантъ, которому я спасъ жизнь и который былъ друженъ съ фельдмаршаломъ Кутузовымъ, говорилъ мнѣ, что заключеніе мира зависитъ не отъ императора Александра, а отъ арміи; и что императоръ по желанію народа назначилъ вновь командующимъ войскомъ фельдмаршала.

— Вы знали фельдмаршала въ Константинополѣ, — присовокупилъ онъ; — вы знаете, что онъ очень честолюбивъ и тщеславенъ; могу васъ увѣрить, что онъ принялъ командованіе арміей только въ надеждѣ отомстить за Аустерлицъ, такъ какъ императоръ Александръ несправедливо приписываетъ ему потерю этого сраженія. Какъ знать, не сочтетъ ли онъ за честь поработать для примиренія двухъ великихъ имперій? Миръ зависитъ отъ него; если онъ пожелаетъ, миръ будетъ заключенъ; безъ него сдѣлать этого не удастся. Такъ какъ я знаю

его близко, я отправлюсь къ нему и позондирую почву; я оставляю здѣсь въ залогъ жену, мать и дѣтей.

«Я передалъ эти слова Горрера графу Дарю, который въ свою очередь говорилъ объ этомъ съ императоромъ Наполеономъ. Два дня спустя мнѣ было приказано явиться къ императору, но какъ разъ въ этотъ день я лежалъ въ постели отъ полученной мною контузии. Я написалъ графу Дарю, который показалъ мое письмо императору, и на слѣдующій день генералъ Лористонъ былъ посланъ для переговоровъ. Мнѣ сообщилъ объ этомъ тотъ же Горреръ, который тогда же сказалъ, что эти переговоры не приведутъ ни къ чему, такъ какъ Лористонъ везъ письмо къ императору Александру, а не обратились къ фельдмаршалу Кутузову какъ къ посреднику, и это не могло быть пріятно для самолюбія стараго воина. Но императоръ Наполеонъ не былъ уже генераломъ Бонапартомъ, который могъ писать эрцгерцогу Карлу, командующему австрійской арміей въ Италіи, и вести съ нимъ переговоры о мирѣ; въ Москвѣ онъ считалъ бы унижительнымъ для своего достоинства вести переговоры съ кѣмъ-либо инымъ, какъ съ російскимъ императоромъ. Это разсужденіе было справедливо въ принципѣ, но на дѣлѣ было важно выпутаться изъ затруднительнаго положенія и поэтому слѣдовало поступиться самолюбіемъ. Въ оправданіе Наполеона скажу, что когда я увидѣлся два года спустя, въ Парижѣ, съ Горреромъ, то онъ признался, что его попытка не имѣла бы успѣха. Онъ видѣлся, послѣ нашего отъѣзда изъ Москвы, съ фельдмаршаломъ Кутузовымъ, который сказалъ ему, что онъ никогда не согласился бы заключить миръ послѣ взятія Москвы, но ежели бы Наполеонъ предложилъ ему заключить миръ послѣ сраженія при Бородинѣ, то онъ согласился бы на это, чтобы спасти священный для русскихъ городъ.

«Мы потеряли много драгоцѣннаго времени на эти переговоры. Наконецъ императоръ пришелъ къ убѣжденію, что придется рѣшить дѣло оружіемъ. Онъ отправилъ всѣхъ раненыхъ генераловъ и штабъ-офицеровъ въ Смоленскъ черезъ Можайскъ и Вязьму; они прибыли благополучно въ Вильно, тогда какъ обозъ съ провіантомъ и военными снарядами подвергся нападенію со стороны казаковъ, которые захватили и уничтожили большую часть повозокъ.

«Принцъ Евгенийъ употребилъ всевозможное стараніе, чтобы реорганизовать свой корпусъ, коимъ онъ былъ очень любимъ; италіанская гвардія была великолѣпна. Императоръ приказалъ ему идти изъ Москвы первому, занять прежде всего Можайскую дорогу, затѣмъ свернуть на старую Калужскую дорогу къ Малоярославцу, гдѣ онъ предполагалъ дать русскимъ сраженіе и гдѣ, какъ намъ было извѣстно, они возвели большія земляныя укрѣпленія. Что касается короля неаполи-

танскаго, то ему наскучила война; его удерживала въ Россіи только нѣкоторая привязанность къ Наполеону, хотя онъ уже имѣлъ поводъ во многихъ отношеніяхъ жаловаться на него.

«Князь Эмюльскій, посовѣтовавшій Наполеону идти на Москву, занялся теперь ревностно реорганизаціей арміи для предупрежденія катастрофы, которую онъ уже предвидѣлъ. Къ сожалѣнію, генералы и полковники не особенно любили его за его чрезмѣрную строгость и пожалуй еще болѣе за его честность и строгое соблюденіе дисциплины. Вслѣдствіе этого они всегда радовались втайнѣ, когда удавалось помѣшать его планамъ; по этой же причинѣ они выказали неумѣстное удовольствіе, когда стало извѣстно, что Наполеонъ, во время отступленія арміи, упрекнулъ его въ сердцахъ за ошибку, которую онъ заставилъ его сдѣлать, и назвалъ его подлецомъ».

III.

Наполеонъ уѣхалъ изъ Москвы, лелѣя въ душѣ надежду, что онъ еще вернется туда; эту призрачную надежду питали многіе французы, которые зарывали награбленные ими вещи въ землю, полагая, что вернувшись возьмутъ все съ собою. Но эти надежды не осуществились.

«Когда я выѣхалъ изъ Москвы,—пишетъ баронъ Дедемъ,—въ ней уже показались казаки. Погода была великолѣпная, было такъ тепло, что мы обѣдали при открытыхъ окнахъ. Я провелъ первую ночь на бивуакѣ близъ загороднаго дома графа Ростопчина, отъ котораго остались однѣ развалины. Тутъ я увидѣлъ нѣсколькихъ французенокъ, которыя во что бы то ни стало хотѣли слѣдовать за арміей, хотя я предсказывалъ имъ всѣ бѣдствія, постигшія насъ въ непродолжительномъ времени.

«Большая дорога была загромождена повозками и экипажами; изъ нихъ большая часть были до такой степени нагружены или имѣли такія плохія запряжки, что въ первый же день увязли въ грязи, изъ которой не было возможности вытащить ихъ.

«Счастье покидало Бонапарта, но повидимому онъ былъ готовъ съ покорностью подчиниться своей судьбѣ и былъ настолько твердъ, что спокойно смотрѣлъ на грядущія несчастія; однако его обычная смѣлость смѣнилась роковой нерѣшительностью.

«Какъ только арміи стало извѣстно, что мы отступаемъ, всѣми овладѣла тревога и уныніе. Поминутно слышались крики: «казаки». Тогда люди, лошади, повозки стремительно двигались впередъ, толкая и давя другъ друга.

«Императоръ приказалъ мнѣ вести корпусъ вице-короля и князя Экмюльскаго и въ то время какъ принцъ Невшательскій объяснялъ мнѣ намѣренія его величества, я имѣлъ возможность изучить лицо этого необыкновеннаго человѣка, который предвидѣлъ всѣ трудности и бѣдствія, предстоявшія намъ, ибо онъ говорилъ о нихъ въ письмѣ къ маршалу Нею.

«Мы стремились какъ можно скорѣе выйти на Смоленскую дорогу. Погода была прекрасная, но ночи были уже свѣжія; черезъ день послѣ нашего выступленія изъ Москвы дѣлныхъ двое сутокъ шелъ дождь; но мы все еще надѣялись, что погода будетъ намъ благоприятствовать. Мы миновали Можайскъ. Тутъ мы увидѣли трупы французовъ, не похороненные во время нашего движенія въ Москву; къ счастью, морозъ, который уже порядкомъ давалъ себя чувствовать, предохранилъ насъ отъ заразы, которая при иныхъ условіяхъ неминуемо должна была развиться отъ множества павшихъ труповъ людей и лошадей.

«17-го (29-го) октября императоръ завтракалъ близъ Колоцкаго монастыря, гдѣ у насъ былъ госпиталь. Генералъ Винцингероде, взятый въ плѣнъ въ тотъ моментъ, когда онъ хотѣлъ войти въ Кремль, полагая, что мы уже оставили его, былъ представленъ императору въ Вереѣ. Наполеонъ обошелся съ нимъ очень рѣзко, подъ предлогомъ, что онъ былъ подданный короля Виртембергскаго и слѣдовательно принадлежалъ къ Рейнскому Союзу, который императоръ считалъ еще подвластнымъ себѣ. Съ молодымъ Нарышкинымъ, адъютантомъ этого генерала, обошлись вѣжливѣе; ему дали верховую лошадь, и онъ сопровождалъ Наполеона до Колоцкаго монастыря; но тутъ его отправили впередъ, чтобы скрыть отъ него наше бѣдственное положеніе, которое было очевидно. Императору и его свитѣ нерѣдко приходилось грѣться при огнѣ костровъ, въ которыхъ пылали лафеты и зарядные ящики, которые мы уничтожали, не желая оставить ихъ непріятелю.

«До Вязьмы наше отступленіе совершалось въ порядкѣ; запряжки артиллеріи и повозокъ были довольно хороши; у насъ было достаточно фуража и мы питались припасами, увезенными изъ Москвы, но, подойдя къ Вязьмѣ, непріятель началъ насъ тѣснить. Стихіи также ополчились противъ насъ; вслѣдствіе дождей дороги сдѣлались непроходимы, овраги и ручьи наполнились водою.

«Намъ то и дѣло приходилось взбираться и спускаться съ маленькихъ холмовъ, на которыхъ подъемъ вслѣдствіе заморозковъ былъ весьма скользкій. Французы, несмотря на всѣ сдѣланныя имъ предостереженія, не позаботились подковать лошадей на шипахъ; это было одною изъ главныхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ мы потеряли значительную часть артиллеріи.

«Лошади французской кавалеріи были въ ужасномъ состояніи; кир-

сирскія лошади и вообще лошади всей тяжелой кавалеріи производили удручающее впечатлѣніе; между тѣмъ прусскіе, саксонскіе и виртембергскіе полки имѣли еще полный комплектъ лошадей, ибо имъ аккуратно перевязывали раны и начальствующія лица находились постоянно при своихъ частяхъ.

«Наполеонъ говорилъ: «Свыше 9 градусовъ мороза я не находилъ въ отрядахъ французской арміи ни одного генерала на своемъ посту»; къ сожалѣнію, эти слова были вполне справедливы. Исключенія были весьма рѣдки, солдаты были терпѣливѣе начальства, такъ какъ оно громко роптало, а солдаты горевали молча; и хотя они стали со временемъ непослушны и дерзки съ офицерами, но я ни разу не слышалъ, чтобы они бранили того, кто былъ виновникомъ ихъ несчастья.

«Повозки, на которыхъ везли припасы короля неаполитанскаго, были перехвачены русскими по дорогѣ въ Дорогобужъ; съ тѣхъ поръ онъ обѣдалъ вмѣстѣ съ императоромъ, но его адъютанты и офицеры его свиты остались безъ продовольствія. Такъ какъ у меня было всего доволья, то я предложилъ имъ роскошный ужинъ; у насъ было въ изобиліи мадера, бордо, токайское, кофе и т. п. Мои гости восторгались моимъ богатствомъ, но этотъ ужинъ былъ моей лебединой пѣснью; на слѣдующій день моя повозка была опрокинута и смята артиллеріей, и дрожки, полныя съѣстныхъ припасовъ, принадлежавшія одному изъ моихъ адъютантовъ графу Кастель-Бажаку, были захвачены казаками.

«Между Дорогобужемъ и Смоленскомъ холодъ давалъ уже себя сильно чувствовать. Пошелъ снѣгъ, и начались настоящіе морозы; но по прошествіи двухъ дней наступила оттепель; это было новое бѣдствіе, такъ какъ французы, увидавъ, что идетъ снѣгъ, запаслись санями въ покинутыхъ русскими деревняхъ, и у повозокъ всѣ колеса были замѣнены полозьями. Когда же съ наступленіемъ оттепели снѣгъ растаялъ, то экипажи не могли двигаться по грязи, и пѣхотнымъ офицерамъ и солдатамъ пришлось бросить свои съѣстные припасы. Несмотря на это, духъ войска былъ прекрасенъ; всѣ еще надѣялись, что наши бѣдствія окончатся въ Смоленскѣ, гдѣ, какъ говорили, армія остановится, и куда будто бы прибыло изъ Франціи 40 тысячъ свѣжаго войска; солдаты надѣялись получить тамъ свѣжій провіантъ и расположиться на зимнихъ квартирахъ. Обманчивыя надежды разсѣялись, когда войско не только не получило въ Смоленскѣ ожидаемаго раціона, но городскія ворота были заперты, лишь только императоръ вступилъ въ городъ. Армія, вынужденная расположиться бивуакомъ за стѣнами города, узнала съ отчаяніемъ, что не было и рѣчи о сорока тысячномъ войскѣ; всѣ были возмущены, узнавъ, что императорская гвардія грабила магазины и что вино изъ императорскаго погреба продавалось за безцѣнокъ.

«По прїѣздѣ въ Смоленскъ, я сильно захворалъ, сталъ кашлять кровью

и, застудивъ желудокъ, страдалъ диссентеріей. Графъ Дарю, который ухаживалъ за мною, какъ за ребенкомъ и которому я обязанъ спасеніемъ жизни, рассказалъ мнѣ, что въ первый вечеръ, проведенный въ Смоленскѣ, императоръ занимался при сальныхъ свѣчахъ, воткнутыхъ въ бутылки.

«Армія рассчитывала провести нѣкоторое время въ Смоленскѣ, но въ началѣ ноября было получено извѣстіе, что Витгенштейнъ переправился черезъ Двину, и что молдавская армія, соединившись съ польскою, отбивъ кн. Шварценберга, собиралась отрѣзать насъ отъ Березины. Въ арміи ходили самыя зловѣщія слухи; говорили, будто русскіе хотѣли захватить Наполеона живымъ и перебить всю остальную армію.

«Главная квартира выступила изъ Смоленска при самыхъ неблагоприятныхъ предзнаменованіяхъ. У меня украли послѣднюю верховую лошадь, и мнѣ пришлось идти далѣе пѣшкомъ. Я оставилъ городъ наканунѣ отъѣзда изъ него Наполеона. Было приказано взорвать городъ, но это не удалось исполнить, такъ какъ Платовъ настигъ нашъ арріергардъ прежде, нежели онъ успѣлъ зажечь городскія зданія.

«Настоящее бѣдствіе началось за Смоленскомъ; дорога была усыяна трупами и умирающими, артиллерія и зарядные ящики были брошены.

«Послѣ сраженія при Красномъ, въ которомъ была разбита голландская и италянская гвардія, я думалъ, что мы погибли окончательно. Русскіе окружили насъ со всѣхъ сторонъ: мнѣ казалось, что для арміи не оставалось выхода.

«Въ Дубровкѣ и Оршѣ мы нашли съѣстные припасы, но безпорядокъ, господствовавшій въ арміи, былъ причиною, что они не были выданы правильно; тутъ повторилась та же исторія, какъ въ Смоленскѣ: одни получили болѣе, чѣмъ было нужно, другимъ ничего не досталось, и они гибли отъ голода.

«Извѣстія все ухудшались; 22-го ноября я уже не могъ болѣе заблуждаться на счетъ нашего положенія, увидавъ вечеромъ, что графъ Дарю жегъ бумаги императора, и при томъ самыя секретныя. Его секретарь, показавъ ему одинъ документъ, лежавшій въ прекрасномъ перламутровомъ ящикѣ, сказалъ: «Мы не имѣемъ копии съ него въ Парижѣ». Министръ отвѣчалъ: «Все равно, сожгите его».

«Когда я говорилъ объ этомъ за ужиномъ съ графомъ, то онъ сказалъ мнѣ: «завтрашній день переходъ черезъ Березину; онъ рѣшитъ нашу участь; быть можетъ, я не увижу болѣе Франціи, моей жены и дѣтей. Эта мысль ужасна».

«До какой степени французское начальство заблуждалось относительно истиннаго положенія дѣлъ, показываетъ то обстоятельство, что послѣ печальнаго перехода черезъ Березину никто не обращалъ вниманія на предостереженія, когда имъ совѣтовали спѣшить, говоря, что казаки преслѣдуютъ насъ по пятамъ».

Когда баронъ Дедемъ прибылъ въ Вильно, гдѣ уже цѣлыхъ 16 дней не получали извѣстій о Наполеонѣ, и сообщилъ генераль-губернатору гр. Гогендорфу о гдѣстномъ положеніи французской арміи, то послѣдній не повѣрилъ ему и увѣрялъ, что у него хватитъ провіанта на 100 тысячъ человекъ и что магазины наполнены предметами обмундированія.

«Легко себѣ представить,—пишетъ авторъ записокъ,—съ какимъ любопытствомъ всѣ меня разспрашивали, въ особенности члены дипломатическаго корпуса. Герцогъ де-Бассано только и твердилъ: «не говорите имъ ничего». Онъ самъ не заблуждался на счетъ истиннаго положенія дѣлъ, но система мистификацій такъ вѣлась въ плоть и кровь французовъ, что министры Наполеона хотѣли во что бы то ни стало, чтобы вѣрили тому, что они говорили, и даже чтобы ничему и никому не вѣрили.

«Я былъ возмущенъ фарсомъ, который разыгрывали въ Вильно. 1-го декабря былъ концертъ у герцога де-Бассано; на слѣдующій день былъ большой балъ у генерала Гогендорпа. Я слышалъ, какъ польскія дамы спрашивали другъ друга, указывая на меня: «Кто этотъ ходящій скелетъ?» И узнавъ, что я первый человекъ, прибывшій изъ арміи, многія изъ нихъ обращались ко мнѣ съ вопросомъ о здоровьи ихъ мужей и родныхъ. Несмотря на запрещеніе герцога де-Бассано, я совѣтовалъ имъ уложить вещи и уѣхать въ Варшаву.

«Мало-по-малу стали прибывать въ армію несчастные солдаты; 6-го декабря пріѣхалъ самъ Наполеонъ, но онъ остановился въ Вильно всего на нѣсколько часовъ. Вскорѣ стало извѣстно, что, оставивъ командованіе арміей королю неаполитанскому, онъ уѣхалъ въ Парижъ. Это возбудило всеобщій ропотъ и негодованіе. Я видѣлъ, что люди самые спокойные были внѣ себя отъ гнѣва и если бы въ этотъ моментъ у кого-нибудь хватило духа объявить о низложеніи императора, то онъ былъ бы низложенъ».

«Русскіе слѣдовали за нашимъ арьергардомъ такъ близко, что вступили въ Вильно одновременно съ нимъ; въ городѣ произошелъ страшный безпорядокъ. Генераль Гогендорпъ такъ мало вѣрилъ тому, что ему говорили, что онъ не успѣлъ спасти даже своихъ экипажей.

«Печальные остатки нашихъ экипажей, артиллеріи и казны остановились на Виленской горѣ. Французы грабили тутъ казну заодно съ казаками; тутъ были сожжены трофеи, взятые въ Москвѣ.

«Армія бѣжала по дорогѣ въ Ковно, гдѣ солдаты разграбили водочные склады, пили до опьяненія и сотнями падали замертво на улицахъ. Ковно было сожжено; разрозненные остатки «великой арміи» прибыли въ Кенигсбергъ, гдѣ всѣ были еще такъ далеки отъ мысли о подобной катастрофѣ, что ихъ приняли за отсталыхъ и думали, что главныя силы арміи ушли въ Варшаву».

Краткій очеркъ жизни и дѣятельности

ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТА

Карла Александровича Бельгарда.

Много русскихъ дѣятелей иностраннаго происхожденія послужили въ свое время на благо и пользу Россіи, и занесли свое имя на столбцы исторіи; но немногіе, быть можетъ, изъ нихъ были столь вѣрными носителями русскаго духа и русскаго народнаго характера, какимъ былъ покойный генераль-лейтенантъ Карлъ Александровичъ Бельгардъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова русскій витязь, съ его безавѣтной храбростью на полѣ брани и съ его чисто русскимъ простодушіемъ и честностью въ жизни. Во все время прохожденія службы онъ отличался полнѣйшимъ безкорыстіемъ; ни разу ни къ кому не обращался съ просьбами о какой-либо денежной наградѣ, хотя по своимъ заслугамъ имѣлъ на то право; и какъ жилъ, такъ и умеръ, оставаясь безсребренникомъ. Качества Карла Александровича, какъ вождя и человѣка, создали ему громкую популярность въ кругу современниковъ.

Покойный генераль-лейтенантъ К. А. Бельгардъ происходилъ изъ древняго французскаго дворянскаго, но небогатаго рода, эмигрировавшаго во время французской революціи 1792 года. Дѣдъ Карла Александровича участвовалъ во многихъ кампаніяхъ на Рейнѣ, во Фландріи, въ Италіи, въ Провансѣ и на побережьяхъ Бретани.

Въ 1773 году его постигло большое несчастье. Вслѣдствіе разныхъ интригъ, происковъ и доносовъ, онъ былъ обвиненъ въ государственномъ преступленіи и отданъ подѣ военный судъ, который приговорилъ его къ лишенію чиновъ, орденовъ и къ заключенію въ тюрьмѣ на двад-

цать лѣтъ и одинъ день (sic!). Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, и ни въ чемъ не виновный полковникъ, закованный въ кандалы, посаженъ въ цитадель, находившуюся въ Паренейяхъ. Благодаря неслыханной энергіи его супруги, желавшей во что бы то ни стало спасти мужа, а также назначенію новаго военнаго министра графа Сень-Жерменъ, и заступничеству самой королевы, въ 1778 году назначенъ былъ пересмотръ дѣла полковника Бельгарда, при чемъ военный судъ объявилъ его оправданнымъ отъ всѣхъ ввѣденныхъ на него обвиненій и возстановилъ во всѣхъ правахъ, которыхъ онъ былъ неправильно лишенъ.

Революція застала Бельгарда генераль-инспекторомъ артиллеріи; но не пожелавъ служить въ республиканскихъ войскахъ, онъ вмѣстѣ съ сыномъ Александромъ, капитаномъ артиллеріи, эмигрировалъ и всталъ въ ряды арміи герцога Прованскаго и графа д'Артуа. Черезъ годъ отецъ и сынъ перешли на службу въ Россію, при чемъ дѣдъ Карла Александровича, уже будучи въ преклонныхъ лѣтахъ, скончался въ 1795 году. Молодой сынъ его, капитанъ французской артиллеріи, былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ русскую артиллерію и сталъ быстро подвигаться по службѣ. 1799 годъ уже засталъ его въ чинѣ полковника, но еще не принявшимъ русскаго подданства, которое онъ принялъ лишь въ 1805 году, передъ своимъ назначеніемъ въ Свеаборгъ.

Въ 1816 году онъ скончался, оставивъ трехъ сыновей и двухъ дочерей. Старшая была замужемъ за барономъ Зассомъ, а младшая за сенаторомъ, впоследствии товарищемъ министра финансовъ Ореусомъ. Изъ братьевъ Александръ былъ убитъ, во время Севастопольской кампаніи, въ дѣлѣ на Черной рѣчкѣ, а младшій Валеріанъ Александровичъ умеръ недавно, членомъ комитета о раненыхъ въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи, достаточно выказавъ свою геройскую доблесть на Кавказѣ, гдѣ и понынѣ его вспоминаютъ.

Родившійся въ 1807 году Карлъ Александровичъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ выказывалъ пристрастіе ко всему военному, почему и былъ опредѣленъ отцомъ въ Пажескій Его Императорскаго Величества корпусъ. Въ 1826 году онъ былъ пожалованъ въ камеръ-пажи и назначенъ состоять таковымъ при императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, которая видимо его отличала, бесѣдовала и разспрашивала о матери и сестрахъ, часто пуская въ отпускъ для свиданія съ ними.

Въ 1827 году 25-го іюня, Карлъ Александровичъ былъ произведенъ въ прапорщики, въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ. Вмѣстѣ съ полкомъ онъ отправился въ турецкій походъ 1828 года и подъ крѣпостью Варной впервые проявилъ настолько мужества, что удостоился получить высочайшія благоволеніе и признательность. Сверхъ того, за время длившейся осады Варны, юный прапорщикъ получилъ орденъ

св. Анны 4 ст. съ надписью «за храбрость». Эта кампанія была боевымъ крещеніемъ Карла Александровича, послѣ котораго, въ виду наступившаго мира, пришлось продолжать фронтную службу въ полку. Но пылкая душа Бельгарда жаждала боевой дѣятельности, и уже въ 1841 году онъ былъ переведенъ подполковникомъ въ Эриванскій карабинерный полкъ, которымъ и пришлось ему командовать съ 1843 по 1850-й годъ.

Съ полкомъ этимъ связано имя Карла Александровича; съ нимъ совершилъ онъ цѣлый рядъ кампаній, приобрѣлъ себѣ славу кипучаго, неудержимо-смѣлаго командира и вмѣстѣ съ тѣмъ репутацію популярнѣйшаго начальника. Полкъ сразу оцѣнилъ личность вновь назначеннаго командира. Съ первыхъ же дней своего командованія эриванцами, онъ обратилъ особенное вниманіе на боевую жизнь полка, а потому поддерживалъ и развивалъ молодецкій духъ и удалство въ подчиненныхъ. Съ этой цѣлью онъ устраивалъ частыя военныя пирушки. Музыка и пѣсельники раздавались тамъ, гдѣ былъ Бельгардъ съ своими эриванцами. Какъ въ походахъ, такъ и въ штабъ-квартирѣ онъ свободное отъ служебныхъ занятій время проводилъ въ кругу офицеровъ, поощрялъ смѣлыхъ и смѣялся надъ робкими и нерѣдко самъ являлъ образцы удала. Для него ничего не стоило сѣсть на бѣшеную лошадь, проскакать во весь карьеръ отъ Манглиса до Тифлиса по отвратительной, ухабистой дорогѣ на разстояніи 47 верстъ; сдѣлать усиленный форсированный маршъ и быть совершенно бодрымъ. Бельгардъ скоро сдѣлался общимъ любимцемъ. Имя его въ бояхъ,—съ нами Бельгардъ,—служило девизомъ для каждаго изъ подчиненныхъ. Начиная отъ рядоваго до баталіоннаго командира, каждый по первому его призыву готовъ былъ броситься на явную опасность. Эриванцы и Бельгардъ сдѣлались грозой для горцевъ, и про подвиги Карла Александровича ротные запѣвалы сложили пѣсню:

Въ Закаталахъ шумъ воинскій
Собирается Джамать,
Сто старшинъ земли Лезгинской
Передъ Бельгардомъ стоять.

Взоромъ грознымъ ихъ собраніе
Съ высоты онъ осмотрѣлъ
И такое приказаніе
Передать имъ повелѣлъ.

Берегитесь, Джарцы, Тальцы
Да Аллахъ васъ сохранитъ!
А смотрѣть на васъ сквозь пальцы
Государь мой не велитъ.

Бѣлоканцы, Таналинцы,
Будьте смиренны и умны,
А не то для васъ гостинцы
У меня припасены.

А султану Давіаю
 Послать тотчасъ объявить,
 Что въ Ярибъ черезъ недѣлю
 Я иду къ нему гостить.
 Пусть скорѣе онъ смирится,
 Перестанетъ бунтовать,
 Знаетъ самъ, что не учиться
 Мнѣ его съ двора сгонять!
 И твердятъ съ великимъ страхомъ
 Старшины по деревнямъ,
 Знать, онъ посланъ къ намъ Аллахомъ,
 Чтобъ карать насъ по дѣламъ,
 Знать, не даромъ всѣхъ насъ проналъ
 Страхъ таковъ, что сгоряча
 Всякъ изъ насъ по-русски понялъ
 Рѣчь его безъ толмача.
 Знать, не даромъ отъѣзжая
 И Челяевъ объявляя,
 Что Бельгардъ у Николая
 Очень храбрый генералъ.

Имя Карла Александровича Бельгарда вскорѣ стало настолько извѣстно и популярно на Кавказѣ, что въ честь его слагались стихотворенія и не одними ротными запѣвалами, а людьми другихъ ранговъ, и нѣкоторыя изъ нихъ мы приведемъ ниже.

Изъ школы Бельгарда вышло много боевыхъ людей, которые прославили Эриванскій полкъ въ послѣднюю турецкую войну. Старые эриванцы, участвовавшіе со временъ Бельгарда, съ восторгомъ вспоминаютъ его боевое и во всѣхъ отношеніяхъ славное и счастливое время для полка ¹⁾.

Первое дѣло, въ которомъ эриванцамъ суждено было воочію убѣдиться въ храбрости, а также въ боевой распорядительности ихъ славнаго командира, было взятіе въ 1844 году Элису.

За взятіе его Бельгардъ былъ награжденъ по опредѣленію георгіевской думы орденомъ св. Георгія 4-й ст., а по реляціи орденомъ св. Анны 2-й ст. О дѣлѣ этомъ существуетъ слѣдующее стихотвореніе:

Единодушными устами
 Тебя мы славимъ, нашъ герой!
 Благодаримъ, подъ знаменами
 Стязали славу мы съ тобой,
 И въ битвахъ какъ въ пиру леуя,
 Ты насъ къ побѣдамъ предводилъ;
 И на твердыхъ Элисуя

¹⁾ Исторія Эриванскаго полка. П. О. Бобровскаго.

Ты съ нами какъ орелъ парилъ.
 О подвигахъ твоихъ внимаютъ
 Съ престола нашъ великій царь,
 И для тебя онъ отверзаетъ
 Монаршей милости алтарь.
 За правоту, за добродѣтель
 Самъ промыселъ въ бой тебя водилъ
 И грудь твою, побѣдъ свидѣтель
 Святой Георгій осѣнилъ.
 Да сохранить вѣковъ зиждитель
 Тебя на много славныхъ лѣтъ;
 Ты вѣрныхъ слугъ царя хранитель,
 Честь родины, - вотъ твой обѣтъ.

Но чѣмъ же мы, нашъ вождь любимый,
 Благодаренье воздадимъ,
 Тебѣ, начальникъ всѣми чтимый,
 Чѣмъ мы тебя отблагодаримъ?
 Мы поклянемся знаменами
 Исполнить первый твой завѣтъ,
 Жить дружно братскими сердцами
 Для славы русской, для побѣдъ!!

Элисейскимъ дѣломъ начался цѣлый рядъ военныхъ подвиговъ Карла Александровича Бельгарда, который, вплоть до назначенія его командиромъ 1-й бригады 10-й пѣхотной дивизіи, совершилъ въ общемъ 6-ть отдѣльныхъ кампаній на Кавказѣ, и благодаря своей огромной популярности среди войскъ сдѣлался однимъ изъ выдающихся кавказскихъ дѣятелей конца сороковыхъ годовъ.

Въ 1853 году мы встрѣчаемъ его на театрѣ войны въ Придунайскихъ княжествахъ. 27-го іюля ему былъ ввѣренъ мало-валахскій отрядъ, состоявшій изъ 3-хъ баталіоновъ пѣхоты, полка гусаръ и 2-хъ сотенъ казаковъ при 12-ти орудіяхъ, съ приказаніемъ наблюдать за побережьемъ Дуная между устьями рѣкъ Веде и Ольты, и въ случаѣ перехода турокъ на лѣвый берегъ въ большихъ силахъ, отступать на Букарестъ; но въ виду полученныхъ извѣстій о стягиваніи турками значительныхъ силъ въ окрестностяхъ Систова, Никополя, Виддина и Рахова, отрядъ былъ усиленъ еще полкомъ пѣхоты и 12-ю легкими орудіями. Начальство надъ этимъ отрядомъ было поручено генераль-лейтенанту Фипбаху.

Карлъ Александровичъ подчинился начальнику, сохраняя, впрочемъ, свою самостоятельность. «Генераль Бельгардъ, — говоритъ П. К. Менъковъ, — шумить и кричить, и судить и рядить по-своему. Любитъ солдатъ Бельгарда за молодечество, любить и понимаетъ. Удалство всегда по душѣ русскому. Вмѣстѣ съ солдатомъ выпьетъ генераль чарку водки и не поморщится: самъ затанетъ пѣсню удалую... Про турецкую артиллерію

говорить Бельгардъ солдату: вся эта басурманщина—дрянь. Стоять только наложить христіанскую руку на вражье орудіе, оно и стрѣлять перестанетъ!... И полѣзетъ съ Бельгардомъ солдатъ на чорта!»

Въ другомъ мѣстѣ, описывая совѣтъ, собранный генераломъ Фишбахомъ по случаю полученія неясныхъ приказаній, Менъковъ характерно выставляетъ нѣкоторыхъ участниковъ совѣта: «Собранный совѣтъ по ходилъ на запряжку въ баснѣ Крылова: Бельгардъ—парилъ въ облакахъ, раки пятились назадъ, рыба, самъ Фишбахъ, нырялъ въ воду. Совѣтъ кончился ничѣмъ». Между тѣмъ, въ это время блужданія (по словамъ Менъкова) войскъ нашихъ по Молдаво-Валахскимъ княжествамъ нуженъ былъ начальникъ смѣлый, энергичный, рѣшительный, какимъ былъ покойный Карлъ Александровичъ; а не похожій на генерала Фишбаха, который терялся, сбивался приходящими приказаніями и получаемыми донесеніями. Вскорѣ впрочемъ на его мѣсто былъ присланъ генералъ-адъютантъ графъ Анрепъ-Эльмтъ. Видя извѣстную нерѣшительность въ дѣйствіяхъ мало-валахскаго отряда, прибрежные жители стали почти открыто на сторону турокъ и даже позволяли себѣ, пользуясь туманами, открывать огонь по нашимъ войскамъ. Генералу Бельгарду съ небольшимъ отрядомъ поручено было усмирить поднявшихъ голову жителей, что онъ блистательно и исполнилъ.

25-го декабря, остававшійся въ с. Четати съ Тобольскимъ полкомъ полковникъ Баумгартенъ внезапно былъ атакованъ болѣе чѣмъ восемнадцатью тысячами турецкихъ войскъ.

Мѣры для охраненія нашего отряда, расположеннаго въ селеніи, были приняты слабыя, и только передъ разсвѣтомъ полковникомъ Баумгартеномъ были получены свѣдѣнія о наступленіи значительныхъ силъ непріятеля по направленію дороги, ведущей изъ с. Гунія. День, выбранный турками для движенія противъ отряда полковника Баумгартена, былъ ими выбранъ удачно, такъ какъ онъ совпадалъ съ первымъ днемъ праздника Рождества Христова, а турки могли рассчитывать застать отрядъ врасплохъ. Но несмотря на нѣкоторое запозданіе донесеній, прибывшихъ къ полковнику Баумгартену уже передъ самымъ началомъ боя, и недостаточность освѣщенія мѣстности вокругъ своей позиціи развѣздами, полковникъ Баумгартенъ успѣшно вывелъ войска впередъ с. Фонтныны-Банулуй, примыкавшаго къ с. Читати, и расположилъ ихъ въ боевомъ порядкѣ.

Уже съ 8 часовъ утра стали показываться по дорогѣ изъ с. Гунія сильныя кавалерійскія массы, численностью до 3.000 всадниковъ, и слѣдующія за ними густыя колонны пѣхоты. Турецкая артиллерія начала осыпать нашу позицію огнемъ 24-хъ орудій и наносила намъ большой уронъ. Первые стремительныя атаки турецкой дѣлви, а также наступленіе поддерживавшихъ ее густыхъ колоннъ были отбиты; но

въ виду имѣвшихся у турокъ сильныхъ резервовъ, они непрестанно, въ теченіе болѣе двухъ часовъ, усиливали огонь и натискъ. Небольшому отряду полковника Баумгартена пришлось въ виду значительныхъ потерь какъ въ офицерахъ, такъ и въ нижнихъ чинахъ, перейти съ позиціи впереди с. Фонтаны-Банулуй въ деревню Четати, пройдя которую, по возможности укрѣпиться на склонахъ небольшой возвышенности къ югу отъ Четати. Но выходя изъ этой деревни, полковникъ Баумгартенъ увидалъ, что и предстоящую позицію придется очищать съ боя, такъ какъ она уже была занята неприятельской конницей и конной артиллеріею. Съ большими потерями наши войска очистили отъ неприятеля новую позицію и заняли ее; но въ виду неперестававшихъ бѣшеныхъ атакъ турокъ, вышедшихъ изъ с. Четати, а также дѣйствій турецкой конницы, подвергавшей опасности наше лѣвое крыло и грозившей окружить нашъ порѣдѣвшій отрядъ съ тыла, отрядъ считалъ свое дѣло окончательно потеряннымъ. Тѣмъ не менѣе Баумгартенъ рѣшилъ не отступать и защищаться съ горстью удѣлѣвшихъ храбрецовъ. Наконецъ, снаряды и патроны изсякли. Ужъ болѣе четырехъ часовъ длился неравный бой, и сотни труповъ покрывали мѣстность; освирѣпѣвшіе и упоенные побѣдой фанатики продолжали наступать и докалывать даже умирающихъ враговъ; снѣгъ на далекомъ пространствѣ сталъ краснымъ отъ пролитой крови.

Положеніе полковника Баумгартена стало критическимъ, и всякій изъ удѣлѣвшихъ, начиная съ полковника до послѣдняго рядоваго, приготовился къ неминуемой смерти. Въ эти полныя ужаса и сматенія минуты, вдругъ, позади с. Четати и Фонтаны-Банулуя послышалась усиленная канонада, изрѣдка прерываемая трескомъ ружейныхъ залповъ. Неприятель сразу пріостановилъ наступленіе. Орудійные залпы въ перемежку съ перекатнымъ ружейнымъ огнемъ раздавались все ближе и ближе: то шелъ Бельгардъ на выручку своихъ...

Съ развѣвающимися знаменами, поспѣшно, чуть не бѣгомъ, появились одесцы на дорогѣ, ведущей изъ с. Моцеца, и, на ходу осыпая турокъ ружейнымъ огнемъ, бросились въ штыки на поставленнаго между двухъ огней неприятеля.

Вотъ что происходило у генерала Бельгарда, подъ утро 25-го числа. Войска его, прибывшія недавно изъ Букареста (около 300 верстъ) и сдѣлавшія этотъ утомительный по времени года переходъ въ пятнадцать дней, ничего не знали въ с. Моцеца, лежащемъ въ 12-ти верстахъ отъ с. Четати, о движеніи турокъ, и спокойно готовились справлять великій праздникъ Рождества Христова, когда часу въ 9-мъ утра, въ отрядѣ услышана была гдѣ-то далеко, къ сторонѣ Дуная, ожесточенная канонада. Генералъ Бельгардъ ни на минуту не колебался. По

направленію, откуда доносились звуки артиллерійскаго огня, онъ разсчиталъ, что завязавшееся дѣло происходитъ не иначе, какъ въ отрядѣ Баумгартена, а потому тотчасъ же, не дожидаясь приказаній изъ Бй-лешти отъ генерала Анрепа, лишь пославъ ему донесеніе, двинулся ускореннымъ маршемъ на выстрѣлы. Ранцы были оставлены подъ небольшимъ прикрытіемъ въ вагенбургѣ; войска шли быстро и съ видимымъ одушевленіемъ. «Только бы намъ не опоздать, братцы!» слышалось въ рядахъ, и люди надбавляли шагъ.

Какъ видно изъ предъидущаго, генералъ Бельгардъ пришелъ въ-время, такъ какъ, по словамъ полковника Баумгартена, ваявившаго объ этомъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», если бы одессы пришли къ мѣсту боя получасомъ позже, то Тобольскаго полка болѣе бы не существовало.

Между тѣмъ, вся ярость бѣшенаго натиска турокъ, оставившихъ отрядъ полковника Баумгартена, обратилась теперь противъ отряда генерала Бельгарда. Несмотря на подавляющее превосходство силъ турокъ и потери, сразу же понесенныя отрядомъ, генералъ Бельгардъ, вода по нѣскольку разъ самъ лично роты въ штыки, мужествомъ своимъ воодушевляя случайно останавивающіяся части и заставилъ, наконецъ, непріятеля укрыться въ с. Фонтны-Банулуй, а оттуда поспѣшно отступать на с.с. Голенцы и Модлавини къ лагерю подъ Калафатомъ.

Недостаточность при отрядѣ кавалеріи, а также крайнее изнуреніе уцѣлѣвшихъ храбрецовъ помѣшало преслѣдованію непріятеля и заставило генерала Бельгарда на мѣстѣ дожидаться присоединенія къ нему остатковъ отряда полковника Баумгартена. Къ вечеру, на Моцецевской дорогѣ отряды соединились. Встрѣчаясь съ одесцами, тобольцы обнимали ихъ, называя своими спасителями. Названія, данныя въ эту трогательную минуту другъ-другу полками, долго сохранялись между братьями по кровавому бою: одесцы называли тобольцевъ—героями, а тобольцы называли одесцевъ—спасителями. Остатки тобольцевъ, несмотря на понесенныя потери, были бодры и веселы.

Карлъ Александровичъ, всегда любимый солдатами и любившій съ ними подшучивать, увидавъ знакомаго заповалу Тобольскаго полка, единственнаго уцѣлѣвшаго изъ хора пѣсельниковъ, спросилъ его:

— Ты зачѣмъ остался живъ?

— А то какже,—отвѣчалъ заповало,—да если бы, ваше превосходительство, меня-то, заповалу, убили, такъ это жъ сталъ бы учить новыхъ пѣсельниковъ?.. Нарочно для этого и остался, ваше превосходительство!..

Командиръ Тобольскаго полка полковникъ Баумгартенъ со слезами на глазахъ благодарилъ Карла Александровича и, не довольствуясь этимъ, написалъ ему письмо, напечатанное впоследствии въ «Русскомъ Инвалидѣ», которое считаемъ нелишнимъ привести здѣсь въ подлинникѣ:

«Вчера писавши вамъ, я ничего не зналъ о производствѣ вашему въ генераль-лейтенанты. Сегодня я получилъ о томъ увѣдомленіе, и потому сгѣшу, почтеннѣйшій, многоуважаемый Карлъ Александровичъ, поздравить васъ и передать вамъ эту великую для меня радость. Вы не повѣрите, съ какимъ счастьемъ я принимаю каждую для васъ милость царя за Четатинское дѣло, которое, наконецъ, выставлено въ настоящемъ свѣтѣ, и никто болѣе не сомнѣвается, что однимъ только смѣлымъ и рѣшительнымъ вашимъ наступленіемъ съ одессцами могли быть спасены тобольцы отъ совершеннаго истребленія. До такой степени всѣ офицеры полка имѣютъ въ этомъ полное сознаніе, что обратились ко мнѣ съ просьбой просить ваше превосходительство принять отъ всѣхъ насъ золотой кубокъ, въ память столь славнаго для васъ дня, въ который тобольцы обязаны единственно вамъ своимъ спасеніемъ».

Въ семействѣ Карла Александровича долго хранилась шинель, бывшая на немъ въ день дѣла подъ Четати: она была пронизана 11-ю пулями.

— Надо будетъ сберечь на память это рѣшето,—говаривалъ онъ потомъ, смѣясь, сестрѣ.

За дѣло подъ Четати, генераль Вельгардъ былъ награжденъ золотой шпагой, украшенной брильянтами съ надписью «за храбрость».

Послѣ отступленія нашихъ войскъ изъ Молдавіи и Валахіи, Карлъ Александровичъ былъ назначенъ начальникомъ 6-й пѣхотной дивизіи, съ которою и прибылъ въ Крымъ, гдѣ и принялъ участіе въ сраженіи 4-го августа на Черной рѣчкѣ.

По окончаніи тяжелой войны онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 2-й степени съ мечами; и послѣ двадцатидвухлѣтней непрестанной боевой дѣятельности, пожелалъ быть зачисленъ по армейской пѣхотѣ, дабы имѣть возможность немного заняться своими семейными дѣлами, требовавшими его присутствія, тѣмъ болѣе, что въ 1855 году скончалась его супруга ¹⁾, оставивъ ему четверыхъ малолѣтнихъ дѣтей. Но отдыхъ Карла Александровича продолжался недолго. Уже въ 1858 году, государю императору благоугодно было избрать его для командованія второй гвардейской дивизіей, и высочайшимъ приказомъ отъ 21-го ноября того же года, Карлъ Александровичъ былъ назначенъ начальникомъ оной.

Въ 1860 году, онъ вышелъ въ отставку и жилъ въ кругу своихъ оставшихся безъ матери дѣтей, и, занимаясь ихъ воспитаніемъ, не собирався вновь поступать на службу; но подошедшій тревожный 1863 годъ заставилъ его вновь взяться за старую боевую саблю и идти туда, откуда надвигалась опасность.

---

¹⁾ Урожденная Жемчужникова.

30-го сентября 1863 г., Карль Александровичъ былъ назначенъ начальникомъ 4-й пѣхотной дивизіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, начальникомъ калишскаго военного отдѣла. Первая изъ этихъ обязанностей не представляла для испытаннаго боеваго генерала никакихъ трудностей. Солдатъ понималъ Бельгарда, Бельгардъ любилъ и понималъ солдата, и гдѣ бы и какой бы военной частью онъ ни командовалъ, быстрыя и умѣлыя его распоряженія всегда приводили къ успѣху и славѣ нашихъ знаменъ.

Карль Александровичъ ни на минуту и не сомнѣвался въ томъ. Еще отъѣзжая изъ Варшавы и представляясь по случаю отъѣзда намѣстнику, онъ съ изумленіемъ выслушалъ, что ему приходится ѣхать до Калиша черезъ Австрію.

— J'espère,—сказалъ онъ,—que c'est pour la dernière fois!

На что графъ Бергъ съ многозначущей улыбкой отвѣчалъ ему: Essayez!

И черезъ три мѣсяца послѣ этого, дѣйствительно, Карль Александровичъ проѣхалъ свободно изъ Калиша въ Варшаву безъ конвоя, такъ какъ край былъ очищенъ отъ непріятельскихъ бандъ и наружно спокоенъ.

Не такъ легко было справиться съ административной частью управленія края. Съ 1862 г. бывшая прежде Калишская губернія со всѣми уѣздами и городами, на основаніи особаго военного положенія, была подчинена въ военно-полицейскомъ отношеніи намѣстнику военного отдѣла, оставаясь по гражданскому управленію въ составѣ смежной съ ней Варшавской губерніи. Начальнику военного отдѣла было поручено вѣдать политическую часть, слѣдить за крамольными поползновеніями, искоренять корни мятежа, преслѣдовать всякаго рода «офяры», т. е. вымогательства на пользу мятежей, вербовки въ революціонныя банды и проч. Права начальника отдѣла были очень велики, но при этомъ управленіе его, т. е. канцелярскій штатъ былъ самый ограниченный и состоялъ изъ двухъ, трехъ, изъ строя взятыхъ офицеровъ, и небольшого количества писарей. Все же гражданское управленіе, судебное, почтовое, учебное, благотворительное и даже полицейское комплектовалось по-прежнему единственно польскимъ чиновничествомъ, старавшимся исподтишка содѣйствовать мятежному духу среднихъ классовъ и всякими quasi-законными путями укрывать главарей польскаго броженія.

Карль Александровичъ Бельгардъ, подавивъ насколько возможно, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ открытый мятежъ, очутился лицомъ къ лицу, безъ административной поддержки въ Варшавѣ, передъ тайнымъ, но сильнымъ чиновничьимъ міркомъ, старавшимся всячески облажить и успокоить главнаго представителя русской власти въ краѣ,

чтобы тѣмъ удобнѣе втихомолку продолжать свою подпольную интригу. На первыхъ порахъ польское общество, какъ чиновники, такъ и мѣстные помѣщики пробовали явную борьбу съ представителями русской власти, но послѣ нѣкоторыхъ попытокъ, смирились и притихли, при чемъ нѣкоторые стали даже за-просто бывать у Карла Александровича въ домѣ. Духовенство, всегда враждебно настроенное противъ русскихъ властей, тоже пыталось въ началѣ пропагандировать анти-правительственныя вѣянія, но Карлъ Александровичъ хотя былъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, сразу заставилъ трепетать всю клику ксендзовъ и неумолимой строгостью поставилъ дѣло такъ, что они не иначе подходили къ нему, какъ со знаками величайшаго почтенія. Однажды, напримѣръ, до свѣдѣнія Карла Александровича дошло, что ксендзъ одного изъ костеловъ, не совсѣмъ благонадежный въ политическомъ отношеніи, позволяетъ себѣ дѣлать какіе-то намеки въ своемъ обращеніи къ прихожанамъ, въ томъ числѣ и къ солдатамъ-католикамъ, отпускаемымъ для слушанія богослуженія. По окончаніи богослуженія, Карлъ Александровичъ быстрыми шагами подошелъ къ фронту вышедшихъ изъ костела солдатъ и обратился къ нимъ громкой и довольно своеобразной рѣчью:

— Ребята, помните, что священниковъ своихъ надо почитать и слушать. Но если они чуть что-нибудь скажутъ противъ царя и присяги— въ штыки ихъ, братцы!

— Такъ точно, ваше превосходительство,—громко пронеслось по рядамъ.

Вышедшіе изъ костела ксендзы стояли тутъ же съ невинными лицами, дѣлая видъ, что не понимаютъ русскую рѣчь генерала.

Одновременно съ столь рѣзкими подчасъ приѣмами, Карлъ Александровичъ, будучи по природѣ радушнымъ и хлѣбосольнымъ хозяиномъ, широко отворилъ двери своего дома для всякаго, не раздѣляя поляка отъ русскаго, чиновника отъ шляхетнаго помѣщика, чѣмъ, конечно, всѣ калишцы вполне пользовались. Про офицеровъ квартировавшаго въ городѣ полка и говорить нечего: они были у генерала, какъ у себя дома. Впрочемъ, помимо врожденнаго хлѣбосольства и гостепріимства, относительно поляковъ, Карлъ Александровичъ всегда держался того мнѣнія, что разъ мятежъ подавленъ, слѣдуетъ на все бросить завѣсу забвенія, такъ какъ нѣтъ ни одного поляка, такъ или иначе непричастнаго къ возстанію, и что поэтому преслѣдовать ту либо другую личность не слѣдуетъ. Будучи крайне проницательнымъ, онъ прекрасно видѣлъ мелкія козни окружающаго его польскаго кружка, но, видя ихъ мелочность и ничтожество, пренебрегалъ этими кознями. Вотъ какъ обрисовываетъ его дѣятельность въ Калишѣ одна изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей того времени въ Польшѣ, вновь назначенный въ 1866 году губернаторомъ Ка-

лишской губерніи, князь Щербатовъ ¹⁾. «Это былъ,—пишетъ князь въ своихъ запискахъ про генерала Бельгарда,—съ головы до ногъ честный и порядочный человекъ въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Дѣятельная его прежняя жизнь утомила его сильно, здоровье измѣнило ему, онъ постарѣлъ и физически сильно ослабъ. Польскому низкопоклонству онъ придавалъ настоящее его значеніе и вовсе не ослѣплялся имъ. Генераль можетъ быть любилъ почетъ, хотя я этого не замѣчалъ; мнѣ кажется, онъ только привыкъ къ чиновничеству и военной дисциплинѣ»; въ другомъ мѣстѣ князь Щербатовъ говоритъ: «Генералъ Бельгардъ замѣчательно тонко и вѣрно оцѣнивалъ и разбираалъ все это поличество,—отъ него мало что могло укрыться. Но вся его фигура была такъ проста и добродушна, что рѣшительно за нимъ такой проницательности и подозрѣвать было невозможно».

Къ сожалѣнію, въ эти годы, въ главномъ управленіи всѣмъ краемъ не было достаточно единомыслія, возникали, по выраженію Карла Александровича, «междоусобицы», и борьба нѣкоторыхъ всеильныхъ партій не могла не отражаться на губерніяхъ, гдѣ частенько не знали, какого направленія держаться, благодаря партійности свыше и полученія противурѣчивыхъ указаній. Такъ, напримѣръ, въ то время, какъ Карлъ Александровичъ указывалъ въ своихъ донесеніяхъ, что положеніе дѣла въ подвѣдомственномъ ему краѣ требуетъ немедленной присылки опытныхъ по судебной части слѣдователей, ему отвѣчали изъ Варшавы, что ему предоставляется даже въ виду серьезности разслѣдованій обходиться своими средствами, т. е. двумя офицерами, при немъ состоящими, которые, какъ мы уже упоминали выше, были взяты въ минуты возстанія, изъ строя, и стало быть не имѣли представленія ни о какомъ судопроизводствѣ, ни о польскомъ, ни о русскомъ. Одновременно съ этимъ приходили бумага за бумагой, переполненные всякими мелочными дразгами, касающимися различныхъ общественныхъ дѣятелей и ихъ семействъ, не имѣвшими никакого существеннаго значенія.

Почему,—писалось въ одной бумагѣ,—коммиссаръ по крестьянскимъ дѣламъ Х. былъ вечеромъ такого-то числа неучтивъ при встрѣчѣ въ саду съ помѣщикомъ У? Правда ли,—спрашивалось въ другой бумагѣ,—что жена коммиссара Z. играла въ костелѣ на органѣ (не во время богослуженія) нерелигіозныя аріи? Правда ли, что она же, купивъ стогъ сѣна, сложила его на дворѣ своей городской квартиры и тѣмъ поставляетъ въ опасность пожара своихъ сосѣдей?

На подобныя бумаги Карлъ Александровичъ, помимо своей нелюбви къ канцелярщинѣ, считалъ прямо недостойнымъ своего высокаго въ краѣ

¹⁾ Нынѣ командиръ 2-го армейскаго корпуса.

положенія что-либо отвѣчать и вмѣшиваться въ мелкія шляхетскія интриги, сплетни и доносы. Онъ разъ навсегда распорядился на подобныя бумаги не отвѣчать вовсе, хотя онѣ приходили за подписью графа Берга. Все это отозвалось на послѣдующихъ отношеніяхъ его съ намѣстникомъ.

Графъ Бергъ, хотя наружно оказывалъ заслуженному боевому генералу полнѣйшее вниманіе, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ препятствовалъ высшему назначенію Карла Александровича. Такъ, напримѣръ, когда оказалось свободнымъ мѣсто командующаго войсками Казанскаго военного округа и послѣдовалъ запросъ изъ Петербурга о его предполагаемомъ назначеніи на названный постъ, графъ Бергъ постарался отклонить такое назначеніе, говоря, что: генераль Бельгардъ ему въ Польшѣ нуженъ.

За время дѣятельности своей въ Польшѣ, Карлъ Александровичъ былъ послѣдовательно награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго, пожалованіемъ въ вѣчное и потомственное владѣніе майората въ царствѣ Польскомъ и, за два года до своей кончины, золотую табакеркою съ портретомъ его величества, украшенной брильянтами. Близкое знакомство съ дѣятельностью генерала Бельгарда по усмиренію польскаго мятежа дало основаніе его величеству, королю прусскому, пожаловать ему въ 1865 году орденъ прусскаго Краснаго Ораа первой степени.

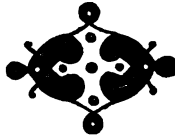
Въ 1868 году здоровье Карла Александровича, надломленное перенесенными трудами въ походахъ и бояхъ, начинало внушать нѣкоторыя опасенія. Но, вѣрный своему девизу «*le service avant tout*», Карлъ Александровичъ, иногда провозмогая себя, продолжалъ усиленно заниматься дѣлами по прочному умиротворенію края, а также командованіемъ ввѣренныхъ ему войскъ. Когда, съ прибытіемъ новаго губернатора и отдѣленіемъ въ край административнаго управленія отъ военнаго, казалось бы, влияніе и значеніе Карла Александровича въ край должно было уменьшиться, онъ тѣмъ не менѣе оставался въ глазахъ всѣхъ служащихъ и неслужащихъ все тѣмъ грознымъ, но добродушнымъ, строгимъ, но всѣмъ доступнымъ и гостепріимнымъ генераломъ.

Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея генераль-адъютанта, барона Рамзая, назначеннаго помощникомъ намѣстника, въ Варшавѣ, побудило Карла Александровича, несмотря на чувствовавшееся нездоровье, ѣхать изъ Калиша въ Варшаву. Еще за обѣдомъ, въ день чествованія юбиляра, Карлъ Александровичъ былъ, какъ всегда, оживленъ и веселъ, произносилъ заздравныя рѣчи, но на обратномъ пути изъ Варшавы въ Калишъ, въ городѣ Коло, почувствовалъ себя плохо и принужденъ былъ остановить дальнѣйшее путешествіе. Трое сутокъ боролась могучая жизненная натура съ надвигавшимся полнымъ упадкомъ силъ, и въ те-

ченіе трехъ сутокъ, каждое утро подѣзжалъ къ крыльцу больного запряженный экипажъ, чтобы продолжать путь, но болѣзнь брала свое, и 30-го марта 1868 года генерала Вельгарда не стало. Онъ тихо скончался на рукахъ успѣвшихъ прибыть членовъ своей семьи, послѣ чего прахъ его привезенъ изъ г. Коло въ Калишъ, гдѣ и преданъ землѣ при обычныхъ воинскихъ почестяхъ и громадномъ стеченіи народа. Духовенство всѣхъ вѣроисповѣданій сопровождало печальную колесницу до могилы.

Миръ праху твоему, представитель русской воинской доблести!

В. Ф. Ореусъ.

Записка слободско - украинскаго губернатора Муратова о статскомъ совѣтникѣ Каразинѣ.

1-го марта 1826 г.

Высочайше ввѣренной управленію моему Слободско-Украинской губерніи, Богодуховскаго уѣзда, помѣщикъ статскій совѣтникъ Василій Каразинъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1821 года, по высочайшему блаженной памяти государя императора Александра Павловича повелѣнію, доставленъ ко мнѣ изъ Шлиссельбурга съ нарочнымъ фельдъегеремъ, съ опредѣленіемъ ему непремѣннаго пребыванія въ помѣстьѣ его Богодуховскаго уѣзда въ селѣ Кручикѣ и съ порученіемъ мнѣ имѣть неослабное наблюденіе, чтобы онъ никуда не выѣзжалъ, обращая вниманіе и на людей, съ коими онъ будетъ имѣть сношеніе и чѣмъ самъ будетъ заниматься.

Высочайшее повелѣніе о семъ сообщено мнѣ было отъ бывшаго начальника главнаго штаба его императорскаго величества, князя Петра Михайловича Волконскаго и потомъ повторено отъ генерала-отъ-артиллеріи графа А. А. Аракчеева, съ объявленіемъ высочайшей воли, чтобы я доносилъ о всемъ заслуживающемъ вниманіе въ отношеніи поступковъ и дѣяній его.

Будучи точнымъ исполнителемъ высочайшихъ повелѣній и обращая вниманіе не только на его дѣянія и образъ жизни (въ которыхъ, впрочемъ, со времени назначеннаго ему пребыванія безвыгѣдно въ его имѣніи, я не замѣтилъ ничего особенной важности въ себѣ заключающаго), но и зная характеръ сего человѣка и образъ самолюбивыхъ его мечтаній, я опасался, чтобы онъ не вздумалъ иногда чего-либо противнаго высочайшей волѣ, почему и представлялъ о семъ мое донесеніе, на которое объявлено мнѣ высочайшее повелѣніе, чтобы переписка Каразина производилась не иначе, какъ черезъ меня, а впоследствии времени объявлена мнѣ высочайшая воля и о томъ, что Каразину воспрещается издавать въ свѣтъ всякое его литературное произведеніе.

О всемъ вышеизъясненномъ касательно статскаго совѣтника Каразина я имѣлъ счастье всеподданнѣйше донести его императорскому величеству отъ 16-го числа минувшаго января, исполняя между тѣмъ высочайшія повелѣнія безъ малѣйшаго послабленія.

При чемъ долгомъ считаю изложить здѣсь мое насчетъ г. Каразина слѣдующее заключеніе: безпокойный и затѣйливый характеръ его останется въ немъ, кажется, навсегда неизлечимымъ. Правда, что доселѣ не видно еще въ ономъ ничего стремящагося къ преступнымъ какимъ-либо дѣяніямъ и хотя съ одной стороны самолюбивыя его умствованія для всякаго благомыслящаго не инымъ чѣмъ будутъ казаться, какъ только странными и нелѣпыми мечтаніями, однако же съ другой,—въ людяхъ, менѣе укрѣпленныхъ зрѣлымъ разумомъ, могутъ иногда поселить и противныя общему порядку мнѣнія, особенно при томъ дарѣ слова и литературной способности, которыми Каразинъ обладаетъ въ высокой степени.

Къ сему долгомъ поставляю присовокупить еще слѣдующее:

1) Что Каразинъ есть человѣкъ семейный, имѣющій дѣтей шесть сыновей и одну дочь.

2) Имѣніе статскаго совѣтника Каразина собственное есть селеніе Кручикъ, здѣшней губерніи въ Богодуховскомъ уѣздѣ, то самое, въ которомъ онъ теперь находится; другое же, предназначенное вѣччимою жены его, умершимъ генераль-маіоромъ Бланкеннагелемъ, собственно для его дѣтей, состоитъ Московской губерніи въ Звенигородскомъ уѣздѣ, селцо Аношкино. Но Каразинъ такъ обремененъ долгами, что собственное его имѣніе с. Кручикъ необходимо подвергнется конфискаціи и продажѣ съ публичнаго торга на уплату его долговъ, почему мнѣ нужно разрѣшеніе, гдѣ долженъ будетъ имѣть пребываніе Каразинъ, когда с. Кручикъ обратится въ продажу? О семъ предполагаю я войти въ свое время со всеподданнѣйшимъ къ государю императору представленіемъ.

РАЗБИТАЯ ЖИЗНЬ.

РАЗСКАЗЪ ССЫЛЬНАГО.

(Къ исторіи бродяжничества на Руси).

III ʹ).

Впечатлѣнія, произведенныя первымъ днемъ въ ссылкѣ.—Поступленіе рабочимъ на винокуренный заводъ.—Начало неудачъ въ Сибирь.—Поступленіе помощникомъ сельскаго писаря.—Намѣреніе возвратиться на родину.—Разочарованіе въ этомъ.

Древняя Д., къ которой я былъ приписанъ съ прочими, стояла на берегу р. Чулыма, тянулась одной улицей цѣлую версту. День былъ рабочий, тихій, жаркій, когда мы пришли въ нее. На улицахъ и во дворахъ была тишина, все какъ-то казалось дико, пусто, нигдѣ ни души, лишь собаки изрѣдка выбѣгали привѣтствовать насъ своимъ недружелюбнымъ лаемъ и то какъ-то не охотно.

Какая-то старушка, съ большимъ горбомъ на спинѣ, опираясь на палку, съ трудомъ передвигая ноги, попала намъ навстрѣчу, спросивъ насъ, какихъ мы губерній. Тамъ, куча ребятишекъ высипала смотрѣть на насъ и о чемъ-то перешептывались между собою.

Шли мы, шли, да наконецъ и одумались: надо же гдѣ-нибудь остановиться. Но гдѣ и у кого? Вотъ мы увидѣли сѣдаго какъ лувъ старика, сидящаго за воротами одного дома.

— Здравствуй, дѣдушка!

— Здорово, молодцы. Что, новенькіе?

ʹ) См. „Русскую Старину“ іюня 1900 года.

- Да, дѣдушка, новенькіе.
 — А куда приписаны?
 — Да сюда, въ вашу деревню.
 — Какъ! къ намъ, въ Д.?
 — Да.
 — Вотъ, это доброе дѣло, рады добрымъ людямъ; поди, умѣете жать и косить?
 — Умѣемъ, дѣдушка, — отвѣчали нѣкоторые.
 — Вотъ это ладно, нашъ Парфень ищетъ косцовъ, пожалуй васъ и возьметъ; вечеромъ онъ прійдетъ домой, а сейчасъ въ полѣ.
 — А какихъ будете губернь?
 Каждый назвалъ свою.

— А къ кому же намъ, дѣдушка, пристать-то здѣсь? — спросилъ кто-то изъ насъ старика.

— А вы у старшины аль у писаря были?

— Нѣтъ, не были.

— Такъ вы наперво зайдите къ старшинѣ, только едва-ли онъ дома, вишь, пора-то рабочая, вся деревня въ полѣ; тамъ вамъ дадутъ десятника, и онъ разставитъ васъ по фатерамъ, пока, ну, а тамъ, знамо дѣло, лежать на боку не будете; была бы охота, а то завтра же пойдете косить сѣно, рабочій народъ крещеному міру нуженъ.

Старикъ рассказалъ намъ, гдѣ живетъ старшина и писарь, мы поблагодарили и ушли. Старшины дѣйствительно дома не оказалось, и мы отправились къ писарю; онъ вышелъ къ намъ въ кумачевой рубашкѣ и въ плисовыхъ шароварахъ, съ трубочкой во рту. Это былъ старичекъ лѣтъ около 60-ти, украшенный сѣдиной, и по случаю большого горба навали,—ходилъ согнувшись. Онъ объяснилъ намъ, что ему ничего о насъ не извѣстно, такъ какъ изъ волостнаго правленія бумаги еще не получено, а потому и никакого распоряженія сдѣлать онъ не можетъ, кромѣ того, что посовѣтовалъ подождать до вечера, или до утра, когда получится бумага. Нечего дѣлать, пришлось ожидать. Расположились мы у какого-то амбара. Тѣ, которые умѣли жать и косить, питали надежду, что ихъ возьмутъ работать; а я, да еще двое: одинъ полячекъ, а другой русскій, хилый такой, служилъ раньше гдѣ-то въ типографіи наборщикомъ,—отчаявались, потому что работъ, кромѣ крестьянскихъ, никакихъ здѣсь не было.

Вечеромъ сѣхались съ работъ крестьяне и всѣхъ способныхъ къ полевымъ работамъ расхватили. Остались мы трое. Ночевать насъ помѣстили къ одному крестьянину, а на завтра утромъ мы опять пошли къ писарю; бумага уже была получена. Рассказавъ ему свое безвыходное положеніе, мы получили совѣтъ обратиться на винокуренный заводъ къ управляющему.

Явились мы всё трое къ управляющему заводомъ, подали ему письмо писаря; онъ прочталъ его, позвалъ нарядчика и передалъ насъ въ его распоряженіе. Нашли себѣ квартиру со столомъ у одного заводскаго рабочаго, у котораго тутъ же была своя избаушка, съ платою ему 4 рубля въ мѣсяцъ, а утромъ слѣдующаго дня были распределены на работы. Я назначенъ возить муку съ мельницы въ амбаръ.

Спустя нѣкоторое время я былъ назначенъ солодовщикомъ, но сдѣлавшійся пожаръ на заводѣ лишилъ меня мѣста, такъ какъ причину пожара приписали моей небрежности. Покинувъ заводъ, я служилъ помощникомъ сельскаго писаря В. Я. Мосина, а потомъ перешелъ на ту же должность къ сельскому писарю Ѡ. А. Богемскому, разжалованному изъ капитановъ и сосланному въ Сибирь за то, что далъ плюху начальнику. Онъ былъ женатъ на государственной преступницѣ Александровской, которая была сослана изъ Петербурга въ 1871 году, гдѣ она замѣшена была по извѣстному въ то время дѣлу государственнаго преступника Нечаева.

Я пріѣхалъ въ село Б. Квартира Богемскихъ состояла изъ одной комнаты въ крестьянскомъ домѣ. Переступивъ порогъ комнаты, я увидѣлъ страшный хаосъ: все было въ беспорядкѣ, книги и бумаги валялись на полу, кухонная и другая посуда, платье и прочій домашній скрабъ разбросанъ былъ по всѣмъ угламъ. На единственномъ столѣ кипѣлъ самоваръ: чайная посуда не мытая, корки хлѣба, папиросы, окурки, куски сахару,—все это было разбросано въ разныхъ мѣстахъ.

Было еще утро. Въ комнатѣ суетилась высокая, стройная женщина блондинка, съ остриженными въ кружокъ русыми волосами, круглымъ лицомъ и большими сѣрыми глазами, одѣтая по-домашнему. Костюмъ ея и волосы доказывали, что она не принадлежитъ къ числу здѣшнихъ жителей. Не успѣлъ я слова промолвить, какъ она уже задала мнѣ вопросъ:

— Не вы ли С. А.?

Я, удивленный такою неожиданностью, отвѣтилъ утвердительно.

— А очень приятно! Пожалуйте, раздѣвайтесь, вотъ здѣсь, положите шубу; извините за беспорядокъ, мы еще не устроились. А вѣдь мы васъ ожидали еще вчера. Вы что, озябли?

— Да, признаюсь,—отвѣтилъ я.

— Такъ пожалуйста погрѣться, вотъ кстати и чай готовъ. А можетъ вы кофе желаете? Позвольте спросить: вы уроженецъ какихъ странъ?

— Изъ Одессы,—отвѣтилъ я.

— О, такъ нужно кофе! у васъ, я знаю, кофе въ большомъ употребленіи, такъ же, какъ у насъ въ Петербургѣ. Пожалуйста повремените немножко, кофе сейчасъ будетъ готовъ. Курите, папиросы вонъ тамъ,

на столѣ, а меня ужъ извините, я сейчасъ займусь приготовленіемъ кофе.

Русская печка жарко топилась, и гостепріимная хозяйка начала хлопотать около нея. Между тѣмъ Варвара Владиміровна (такъ звали Богемскую) разсыпалась въ любезностяхъ предо мною, расспрашивала меня много кое о чемъ, сама рассказывала, какъ она содержалась въ крѣпости, какъ слѣдовала въ партіи въ Сибирь, какъ здѣсь познакомилась съ Богемскимъ и вышла за него замужъ ¹⁾. Сказать правду, я даже въ то время неловко чувствовалъ себя, меня все это до крайности стѣсняло, и я не въ состояніи былъ удовлетворить ея любопытства, отдѣливаясь на вопросы лишь коротенькими отвѣтами. Наконецъ я, въ свою очередь, спросилъ, гдѣ Федоръ Андреевичъ (мужъ ея)? Она отвѣтила, что уѣхалъ по участку и дома будетъ дня черезъ два. Нисколько не скроюсь и скажу откровенно, что положеніе мое въ обществѣ Варвары Владиміровны можно было считать если не вполне, то нѣсколько похожимъ на положеніе дикаря, первый разъ попавшаго къ европейцамъ. Богемская дѣйствительно была барыня великосвѣтская, образованная, а я въ сравненіи съ нею—дикарь. Кромѣ грубаго обращенія и всевозможныхъ пошлостей, я до того времени ничего не видалъ и не слышалъ. А потому эта свѣтская вѣжливость мнѣ казалась довольно странною, и по тогдашнему моему понятію многое я находилъ даже непристойнымъ и по простотѣ своего сердца во многомъ обвинялъ въ душѣ Варвару Владиміровну.

Прожилъ я день, другой, а Федора Андреевича нѣтъ, какъ нѣтъ. Болтаюсь безъ дѣла, что для меня крайне непріятно было. Если бы я былъ занятъ дѣломъ, то навѣрно Богемская не приставала бы ко мнѣ со своими рассказами, да разспросами, которые мнѣ надоѣли хуже горькой рѣдьки. Здѣсь необходимо пояснить, какая рѣзкая противоположность произошла въ моей жизни въ послѣднее время. Я забылъ раньше сказать, что Мосинъ былъ человѣкъ въ высшей степени не разговорчивый, и вотъ, живя у него, бывало за цѣлый день услышишь не болѣе двухъ-трехъ словъ и то только относящихся къ дѣлу; зато ужъ при случаѣ,—ругани сколько угодно. А здѣсь, у Богемскихъ, все наоборотъ и, при моей неразговорчивости и застѣнчивости, такое положеніе меня обременяло; я даже занялъ обязанность няньки съ годовымъ ребенкомъ-сынишкомъ Богемскихъ, рада того только, чтобы какъ-нибудь выйдти изъ своего неловкаго положенія. На четвертый день пріѣхалъ и Богемскій. Ну, думаю, слава тебѣ, Господи, сяду за столъ, буду работать, тогда ужъ никто ко мнѣ не будетъ приставать со своими баснями. Авъ не тутъ-то было: проходитъ день, другой, а работы все никакой не

¹⁾ До замужества въ Сибирь она была Александровская, жена полковника.

даютъ. Я ужъ вышелъ изъ терпѣнія и прямо заявилъ, что больше не могу быть безъ дѣла. Наконецъ, пристроили меня, сѣлъ я къ столу, вооружился перомъ и пишу съ утра до ночи.

Федоръ Андреевичъ и Варвара Владиміровна Богемскіе оба одинаковыхъ лѣтъ,—по 40 каждому; характеръ же ихъ противоположный одинъ другому. Самъ Богемскій характера кроткаго, смирнаго и невозмутимаго, но зато она «бой баба»—такъ прозвали ее съ перваго раза крестьяне. Федоръ Андреевичъ слишкомъ удивлялъ меня слѣдующей странностью: бывало напишешь что-нибудь и самъ хорошо знаешь, что не такъ, но онъ никогда этого не скажетъ, а все «хорошо». Но зато Варвара Владиміровна не постѣснится сказать дѣйствительность и черное бѣлымъ никогда не назоветъ и не задумается за какую-нибудь несправедливость прочитать въ самой вѣжливой формѣ, хотя кому бы то ни было такую нотацію, что всѣмъ чертамъ тошно станетъ. Всякая бумага, сочиненная Федоромъ Андреевичемъ, предварительно просматривалась Варварой Владиміровной и если оказывалась удовлетворительнаго изложенія, то она разставитъ лишь знаки припинанія, передастъ мнѣ для записи въ исходящій и отсылки по принадлежности; въ противномъ же случаѣ, дѣлались ею измѣненія, дополненія, и затѣмъ передавалась мнѣ для переписки.

При обсужденіи общественныхъ дѣлъ, Варвара Владиміровна подавала свои совѣты, а старшина и общественники бывало только рты разинуть: «эко, баба, какъ ладно придумала, такъ и самому засѣдателю въ голову не пришло бы!» Всѣ соглашались, одобряли поданный совѣтъ и приводили въ исполненіе.

Нѣсколько уже разъ говорила мнѣ Варвара Владиміровна, почему я все сижу и не пойду куда-нибудь прогуляться, но я не слушалъ, а зналъ лишь свой столъ, стулъ и больше ничего. Вотъ, однажды она приказала запречь лошадь въ санки и затѣмъ пригласила меня съ собой. Я думалъ, что нуженъ ей въ качествѣ кучера, но нѣтъ, сама взяла въ руки возки, сѣли мы рядышкомъ и поѣхали, а Федоръ Андреевичъ остался дома. Катались по улицамъ, потомъ выѣхали за село, а на обратномъ пути заѣхали къ одному крестьянину посмотреть квартиру. Здѣсь хозяйка дома спросила Богемскую, указывая на меня:

— Что же, барыня, это вашъ муженекъ?

— Нѣтъ, это помощникъ нашъ, а мужъ мой дома.

Въ скоромъ времени, мы перѣехали на новую, болѣе удобную квартиру; здѣсь было приспособлено помѣщеніе и подъ канцелярію, въ которой я и устроился. Послѣ перваго катанья съ Варварой Владиміровной, таковыя уже нѣсколько разъ повторялись, но каждый разъ лошадью она правила сама. Катанья эти меня сильно стѣсняли, а замигчалъ, какъ въ селѣ указывали на насъ пальцами.

Было утро 25-го декабря 1873 года. На дворѣ трещалъ сибирскій морозъ, и отъ густаго тумана на дворѣ ничего не было видно. Мы всё только-что встали, и я, затопивъ желѣзную печь, усѣлся грѣться противъ пылающаго огня въ ожиданіи чая, вспоминая о родинѣ, о томъ, какъ праздникъ Рождества Христова встрѣчался дома, при покойныхъ родителяхъ, какъ я остался сиротой и затѣмъ какъ познакомился съ тюремной жизнью. Вся картина прошлаго представлялась въ моемъ воображеніи, и при этомъ, я горько, горько заплакалъ. Вдругъ настывшая отъ мороза дверь рванулась сильною рукою, и морозъ клубами поспѣшилъ ворваться въ теплую комнату, вперёдъ открывшаго дверь мужика, у котораго усы и борода были обледенѣлы. Пришедшій оказался сельскимъ старшиною Гармановымъ и впопыхахъ, едва переводя духъ, обратился къ вышедшему въ переднюю комнату Богемскому: «Федоръ Андреевичъ! какое-то большое начальство наѣхало изъ губерніи и спрашиваютъ ихъ милость», — указывая на Богемскую.

— Такъ что же, гдѣ оно, начальство-то?—спросила Богемская старшину.

— А вотъ, идутъ сюда улицей, а я вперёдъ проулкомъ побѣжалъ извѣстить васъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явилось и начальство: ачинскій окружный исправникъ Лавровскій, изъ Красноярска полковникъ жандармовъ Банинъ, два жандарма и нѣсколько человекъ мѣстныхъ крестьянъ въ качествѣ понятыхъ. Войдя въ комнату, полковникъ, обращаясь къ Богемской, спросилъ:

— Вы мадамъ Александровская?

— Да, бывшая Александровская, а сейчасъ Богемская. А что вамъ угодно?

— А вотъ, извольте видѣть, изъ Петербурга получена телеграмма, что у васъ находятся письма князя Ч.; такъ поэтому и поручено мнѣ истребовать отъ васъ эти письма,—они очень нужны къ дѣлу.

— Никакихъ писемъ у меня нѣтъ; объ этомъ я заявляла уже и на судѣ. Будучи еще въ Петербургѣ, я съ Ч. рассорилась и прервала всякія сношенія съ нимъ.

— Это прекрасно,—продолжалъ полковникъ.—Но для меня вашего заявленія недостаточно, я по долгу службы обязанъ произвести у васъ обыскъ и если.....

Но Богемская перебила полковника:

— Все къ вашимъ услугамъ, г. полковникъ, но предупреждаю, что писемъ вы у меня не найдете, потому что ихъ нѣтъ.

Понятно, что этимъ начальство не удовлетворилось, и начался обыскъ. Все перерыли и ничего конечно не нашли. Много было раз-

ныхъ писемъ, были и на французскомъ языкѣ, которыя полковникъ тоже просматривалъ, но нужныхъ ему не оказалось. Составленъ объ этомъ актъ, который, по прочтеніи Богемской, предложено было ей подписать. Полковникъ же, составляя этотъ актъ, почему-то вклеилъ въ немъ такую фразу: «находившихся у Александровской писемъ, по произведенному у нея обыску, не оказалось».

— Нѣтъ, такой актъ, г. полковникъ, я не подпишу, — сказала Богемская.

— Почему?

— А потому, на какомъ основаніи вы вставили «находившихся»? тогда какъ они никогда у меня не находились, и я вамъ ничего подобнаго не говорила.

— Да!—Такъ это ничего, я это слово выскоблю.

— Нѣтъ, г. полковникъ, потрудитесь ужъ пожалуйста переписать.

И полковникъ морщась, съ замѣтнымъ неудовольствіемъ, принялся переписывать актъ. Окончивъ, снова прочиталъ, всё присутствующіе подписали, и начальство уѣхало.

Спустя недѣлю послѣ описаннаго событія, волостное правленіе получило отъ земскаго засѣдателя 3-го участка Брусенцова предписаніе слѣдующаго содержанія. «Такъ какъ жена сельскаго писаря Богемскаго— государственная преступница Александровская, вмѣшивается въ дѣла сельскаго управленія, а потому предписываю, по полученіи сего, тотъ часъ же уволить Богемскаго отъ занимаемой имъ обязанности». Я остался жить у Богемскихъ и послѣ его отставки, и мы переѣхали въ Ачинскъ.

Въ Ачинскѣ мы поселились на квартирѣ, во флигелѣ того дома, куда меня водили въ первый день освобожденія. Я занялъ обязанность повара, Ѳедоръ Андреевичъ няньки, а на Варварѣ Владиміровнѣ лежала обязанность изыскивать средства къ пріобрѣтенію продовольственныхъ припасовъ. Она была привилегированная акушерка, и ее нѣкоторые приглашали на практику. Кромѣ того, кое-кто помогалъ просто изъ челоуѣколюбія. Помню д-ра Старогородскаго, оказывавшаго помощь. Жизнь наша была скучная и однообразная.

Варвара Владиміровна часто уходила куда-то, а мы съ Ѳедоромъ Андреевичемъ оставались дома. Она хлопотала о пріисканіи службы какъ для мужа, такъ и для меня, но ничего не выходило; каждый разъ утѣшала насъ обѣщаніями.

Наконецъ, я рѣшился отправиться въ Томскъ. Расчеты мои были таковы, что въ Томскѣ я непременно долженъ быть арестованъ какъ челоуѣкъ, не имѣющій письменнаго вида. При арестѣ я имѣлъ въ виду показать, что я родомъ изъ Одессы, и такимъ образомъ распрощаюсь съ непривѣтливой Сибирью. Такъ и сдѣлалъ. Я явился къ полицейскому приставу и заявилъ о себѣ, это не имѣю письменнаго вида Меня

арестовали, а потомъ начали допрашивать. На допросѣ показать, что я одесскій мѣщанинъ, въ Сибирь пришелъ добровольно, съ цѣлью посмотреть страну; въ настоящее время возвратиться обратно средствъ не имѣю, почему и прошу отправить меня на родину этапнымъ порядкомъ. Приставъ отнесся къ моимъ показаніямъ недовѣрчиво, но тѣмъ не менѣе долженъ былъ писать то, что я показывалъ. Меня заперли въ арестантскую, а часа черезъ три вызвали и отправили въ тюремный замокъ, гдѣ и помѣстили въ камерѣ № 2, надъ дверью которой красовалась дощечка съ надписью: «За бродяжество».

Здѣсь изъ 35-ти слишкомъ человѣкъ было не болѣе пяти такихъ, которые попали въ тюрьму первый разъ за неимѣніе вида на жительство. Остальные же всѣ были «нашего поля ягоды». Тутъ были настоящіе, закоренѣлые бродяги, которые нѣсколько разъ уже бывали въ каторгѣ, нѣсколько разъ судились за бродяжество, выходили на поселеніе и опять бродяжничали.—Имъ весь путь отъ Шадринска до Иркутска и за Байкаломъ извѣстенъ былъ, какъ свои пять пальцевъ.

Въ особенности памятенъ мнѣ Катковъ, который отъ Томска до Иркутска не только зналъ всѣ села и деревни, но и разстояніе между ними, въ какомъ селѣ подають лучше и гдѣ хозяева болѣе или менѣе извѣстны благотворительностью. Многие бродяжничали въ силу привычки, облѣпившіеся къ труду, окончательно избалованные тюремною жизнью, и поэтому для нихъ жизнь постоянная, осѣдая была невыносима. Такіе бродили взадъ впередъ, приноравливая попасть въ тюрьму на зиму, гдѣ, до полученія справокъ о личности, находили полное обезпеченіе въ содержаніи, заводили новыя знакомства, заручались свидѣніями о томъ, гдѣ и въ какой тюрьмѣ свободнѣе и лучше содержаніе, и въ слѣдующій вояжъ стремились попасть въ ту тюрьму. По установленіи же справокъ личности, имъ выдавались полняки ¹⁾ и отправлялись этапомъ къ мѣстамъ своихъ поселеній, куда приходили весной или въ началѣ лѣта. До наступленія холоднаго времени всюду бродили, стрѣляли, а подѣ часть, при удобномъ случаѣ, если встрѣчалось что-либо плохо лежащее, то и воровали. По этому поводу существуетъ въ Сибири пословица: «Поселенецъ что младенецъ, на что взглянетъ, то и тянетъ», На зиму же—опять въ тюрьму. Я встрѣчалъ такихъ, которые лѣтъ 20 состоя на причисленіи въ какой-нибудь волости, за все это время бывали въ своей деревнѣ день, два и то лишь по прибытіи каждый разъ въ партіи, пока успѣютъ размотать казенныя вещи, которыя крестьяне охотно покупають конечно за полцѣны и затѣмъ, приобрѣтя какія-нибудь лохмотья, опять отправляются за полнякомъ.

¹⁾ Полнякъ—комплектъ походной арестантской одежды.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ я вызванъ былъ изъ тюрьмы къ приставу, который огорошилъ меня словами:

— Что же ты врешь, что одесскій мѣщанинъ?

Но я, придерживаясь первоначальнаго своего показанія, — подтвердилъ его.

— Да, вѣрно, я одесскій мѣщанинъ.

— Врешь! Былъ когда-то мѣщанинъ, а теперь ссыльно-поселенецъ. Сказывай, куда причисленъ? Вѣдь ты по приговору Херсонскаго окружнаго суда за бродяжество сосланъ въ Сибирь.

Нечего было дѣлать, нужно было указать приставу мѣсто своей ссылки, и по этому дополнительному показанію также посланы были справки, а я отведенъ обратно въ тюрьму. Такимъ образомъ я разочаровался въ своихъ предположеніяхъ попасть обратно въ Одессу, и мысль объ этомъ должна была отойти на задній планъ. Зиму пришлось сидѣть въ тюрьмѣ въ ожиданіи справокъ изъ Ачинска. За это время я совсѣмъ палъ духомъ. Печаль на меня навалилась такая, что я никакъ не могъ себя утѣшить и постоянно ходилъ грустный и задумчивый. Я не боялся того, что меня погонять опять въ Ачинскъ, но меня въ высшей степени страшило наказаніе, которое я долженъ былъ понести по суду за самовольное оставленіе мѣста ссылки. За первый побѣгъ закономъ опредѣлено наказаніе плетью двадцатью ударами; вотъ это-то для меня было ужаснѣе всего. Иной разъ я по цѣлымъ ночамъ не спалъ, все думалъ о томъ, какъ я перенесу это жестокое наказаніе. Да и было о чемъ кручиниться, потому что плеть, которой наказываютъ преступниковъ въ Сибири, по истинѣ ужасная вещь. Въ подобныхъ случаяхъ вся участь человѣка безусловно находится въ рукахъ палача, при ловкости котораго отъ 20-ти и даже болѣе ударовъ не можетъ быть и знака на тѣлѣ, но если онъ вздумалъ бы отпустить штукъ пять по всѣмъ правиламъ своего искусства, то наказуемый ужь не встанетъ самъ съ мѣста, тогда несутъ его въ больницу. Двадцатью же ударами можно забить человѣка и до смерти.

Положимъ, что въ Сибири въ то время такъ нигдѣ и не наказывали; производилось же наказаніе такъ себѣ, только для виду, за чтѣ и спасибо сибирскому начальству, которое на наказаніе смотрѣло сквозь пальцы. Хотя и такъ, но а все же таки страшно было испытывать такое наказаніе. Я забылъ упомянуть, что изъ общественныхъ денегъ каждой камеры платилось палачу по 25 коп. за каждого человѣка, присужденнаго къ наказанію плетью, кромѣ того, всякій, подлежащій наказанію, всѣми силами старался и отъ себя ко дню наказанія умилиостивить палача, для чего преподносилъ ему копѣекъ 50 или рубль.

Такой порядкъ практиковался по всѣмъ тюрьмамъ въ Сибири. Вотъ поэтому-то палачъ и доводилъ свое искусство до того, чтобы

наказаніе было не чувствительно; мало того, требовалось, чтобы не положить даже знака на тѣлѣ, что въ особенности для бродягъ имѣло важное значеніе. Между тѣмъ наказуемый, лежа, долженъ былъ кричать: «Ваше благородіе, помилуйте, помилуйте!» Впрочемъ, случалось иногда, хотя и рѣдко, что палачъ хоть одинъ разъ припуститъ плетью отъ души, то тогда просящій о помилованіи поневолѣ кричалъ. При наказаніяхъ всегда присутствовалъ кто-нибудь изъ чиновъ полиціи, но не было даже случая, чтобы кто-нибудь изъ нихъ требовалъ отъ палача примѣрнаго наказанія.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1875 г. вызвали меня въ судъ для объявленія приговора, которымъ я присужденъ къ аресту на три дня, или же денежному штрафу въ размѣрѣ десяти рублей и затѣмъ возвращенію обратно къ мѣсту ссылки. Въ мартѣ получилъ я по обыкновенію полнякъ зимней одежды и отправился этапнымъ порядкомъ въ Ачинскъ, куда и пришелъ въ началѣ апрѣля.

IV.

Вторичное путешествіе въ Томскъ. — Первые товарищи по бродяжничеству. — Попытка къ убійству и спасеніе отъ смерти.

Изъ полученнаго въ Томскѣ полняка я оставилъ только армякъ, который перешилъ на пальто, остальное же все продалъ и, выручивъ около четырехъ рублей, отправился съ ними опять въ Томскъ. Это было 9-го апрѣля 1875 года.

Въ Томскѣ я прибылъ благополучно, безъ всякихъ приключеній въ пути. Остаться въ Томскѣ, чтобы быть опять арестованнымъ, было не удобно. Я купилъ себѣ котелокъ, — необходимая принадлежность бродягъ въ дорогѣ, — чаю и деревянную чайную чашку и отправился изъ Томска по Московскому тракту.

Бывало, остановлюсь гдѣ-нибудь у полеваго балагана, сварю въ котелкѣ чаю и тутъ же ночью. А такихъ ночлежныхъ помѣщеній по Сибири достаточно, всюду можно встрѣтить на пашнѣ балаганъ, крытый дерномъ, а въ Западной Сибири во многихъ мѣстахъ попадались гдѣ-нибудь въ лѣсу около пашенъ даже избушки съ сѣнями, съ русской печью, съ полатями и съ подпольемъ, въ которомъ бродяги иногда находили оставленные сельскими хозяевами съѣстные припасы, какъ-то: сметану, квашеное молоко и др. продукты, и все это смѣло употребляли въ пищу, нисколько не опасаясь отвѣтственности за это. Напротивъ,

поселяне даже сами сказывали, что продукты нарочито оставлены для прохожих; но я въ избушки не заходилъ, онѣ постоянно находились гдѣ-нибудь въ сторонѣ, далеко отъ дороги. Одна бѣда моя была та, что принужденъ былъ выпрашивать въ деревняхъ хлѣба и скажу теперь, что для этого нужна тоже особаго рода способность.

Попадались мнѣ бродяги и даже приглашали съ собой, но такими странными они мнѣ казались, что я никакъ не рѣшался присоединиться къ нимъ и на вопросы ихъ не признавался, что я тоже бродяга, а называлъ себя смыльнымъ какой-нибудь ближайшей волости и что иду будто бы по дѣлу въ гор. Омскъ.

Травка уже зазеленѣла, деревья одѣлись, и наступило настоящее тепло. Я готовъ было уже и арестоваться, сильно надоѣло идти на одномъ хлѣбѣ,—окончательно ослабъ. Чай у меня тоже вышелъ, купить было не на что, а выпросить не хватало смѣлости. Слышалъ въ тюрьмѣ, что бродяги, за неимѣниемъ чая, пьютъ какую-то траву подъ названіемъ «бѣлоголовникъ», но я травы этой не зналъ, да едва-ли она въ то время и была. И такъ, вскипячу бывало воды, да съ хлѣбомъ и пью какъ чай.

Однажды я остановился на ночлегъ у балагана. Вскипятить воды, сижу и попиваю съ хлѣбомъ. Смотрю, идутъ ко мнѣ двое бродягъ. У одного въ рукахъ котелъ, а у другаго за спиной, и кромѣ того у каждаго по котомкѣ чѣмъ-то наполненная, — значить, исправные, не то, что я. Пришли, поздоровались; начались разспросы; спросили меня, гдѣ я воду бралъ. Я указалъ. Одинъ пошелъ съ котелкомъ по воду и когда принесъ, то начали и они варить чай. Тутъ только они замѣтили, что я пью чай безъ молока, а у нихъ-то полноъ туязъ яицъ и котелокъ молока, потомъ оказались масляныя и творожныя шаньги; у меня же простой пшеничный хлѣбъ. Все это они насобирали неподалеку въ деревнѣ, въ которой я былъ, но получилъ лишь три-четыре куска хлѣба. Я признался, что не только у меня чай безъ молока, но даже и чаю-то нѣтъ, а одна кипяченая вода. Сразу же они поняли мою неопытность въ этой жизни и пригласили меня къ своей трапезѣ. Оба они были лѣтъ по 28-ми: одинъ средняго роста, рыжій, съ бритой бородой, голубыми глазами, какъ оказалось послѣ—грамотный, одѣтъ въ довольно поношенное ватное пальто, черезъ плечо кожаная сумка съ мѣдной солдатской пуговицей по серединѣ, на которую она застегивалась. А другой—высокаго роста, темнорусый съ рябоватымъ лицомъ и нѣсколько курчавой бородой. По смуглому лицу и большому носу, нѣсколько горбатуму, онъ походилъ на жителя Кавказа, но оказался чисто русскимъ; одѣтъ былъ въ азіатъ изъ сѣраго сукна, полы котораго по краямъ обшиты плюсомъ. Перваго звали Степаномъ, а втораго Федоромъ. Послѣ чая расположились на травкѣ, до-

стали свои трубочки и закурили. При этомъ пошли разные рассказы, при чемъ они объяснили мнѣ, что оба бѣжали съ каторги. Степанъ былъ присужденъ на 12 лѣтъ за то, что, состоя на военной службѣ, будучи унтеръ-офицеромъ, нанесъ своему начальнику оскорбленіе дѣйствіемъ, на которое вызванъ былъ послѣднимъ, и пробывъ уже въ каторгѣ четыре года, не вынесъ какихъ-то притѣненій со стороны новаго начальства—бѣжалъ вмѣстѣ съ Федоромъ, который поступилъ въ каторгу съ полгода меньше, и вотъ уже восьмой мѣсяцъ, какъ они идутъ вмѣстѣ.

Степанъ между прочимъ высказалъ намѣреніе, что если Богъ поможетъ благополучно пробраться до Шадринска, то хотѣлось бы и дальше пройти, побывать на родинѣ, въ Тамбовской губ., посмотрѣть хотя на жену и дѣтей, оставшихся въ Моршанскѣ. Но дѣло въ томъ, что идти дальше, въ особенности по Пермской губерніи, безъ паспорта трудно, а достать его тоже не легко. Онъ обрадовался, когда узналъ, что я грамотный, и сдѣлалъ намекъ на то, не могу ли я помочь ему въ его затруднительномъ положеніи относительно паспорта, но я сказалъ, что съ этимъ дѣломъ не знакомъ.

— Это ничего, только бы могъ порядочно писать, а все необходимое у меня есть,—сказалъ Степанъ.

— Мнѣ одному-то вотъ ничего и не подѣлать, потому что пишу плохо,—добавилъ онъ.

Дальнѣйшія сужденія по этому предмету отложены были до слѣдующаго раза. Федоръ оказался не разговорчивымъ и о себѣ ровно ничего не рассказалъ, такъ для меня и осталось неизвѣстнымъ, за чтѣ онъ былъ сосланъ въ каторгу и на какой срокъ. Степанъ можетъ быть и зналъ, но тоже воздержался отъ разказа, а я не смѣлъ спрашивать. Они предложили мнѣ идти вмѣстѣ съ ними, отчего я не отказался и почему-то былъ даже радъ. Обѣ эти личности сразу же показались мнѣ симпатичными, у обоихъ проглядывало какое-то чувство добродушія, въ особенности качество это замѣчалось у Степана, да и въ обращеніи-то они были далеко лучше, чѣмъ другіе бродяги, которые заслуживали антипатію, вслѣдствіе грубаго и черезъ-чуръ нахальнаго обращенія. Переночевавъ, мы втроемъ отправились въ дальнѣйшій путь.

Жизнь моя въ обществѣ Степана и Федора стала лучше, веселѣе, главное—сытѣ. Я совсѣмъ не участвовалъ въ собраніи подаеній по деревнямъ. Входимъ, бывало, въ деревню, они и пойдутъ просить одианъ по одну, другой по другую сторону; я же выхожу впередъ за деревню, прискиваю поудобнѣе мѣстечко, если случится близко вода, развожу огонь и начинаю чай варить. Ночевали также по балаганамъ, а если вѣдывается сдѣлать дневку, то прискивали для этого избушку, на этотъ случай запасались больше и провизіей. На дневкѣ отдыхали, чинились;

бывали случаи, что вмѣсто дневки проживали по два и даже по три дня вслѣдствіе дождливой погоды.

На одной изъ дневокъ Степанъ разложился съ своей походной канцеляріей, которая хранилась у него въ сумкѣ. Было нѣсколько листовъ писчей бумаги, чернила и перья. Попросилъ онъ показать ему, какъ я пишу, я показалъ, и ему понравилось. Послѣ этого онъ прямо ужъ обратился ко мнѣ съ просьбой написать подѣ его диктовку путевой видѣ на имя солдата. Отказаться было не ловко, и вотъ я пристроился къ писмоводству. Степанъ досталъ изъ сумки какой-то измятый лоскутокъ бумаги, изъ котораго и началъ мнѣ диктовать. Видѣ этотъ написанъ былъ отъ имени одного изъ полицейскихъ управленій Восточной Сибири, для прослѣдованія рядовому такому-то на родину въ Тамбовскую губернію. По окончаніи текста этого докумена, я сдѣлалъ подпись помощника исправника, а Степанъ—секретаря; столоначальника же сдѣлали отсутствующимъ, т. е. написано было «столоначальникъ» и больше ничего. Затѣмъ Степанъ досталъ печать, вырѣзанную на кусочкѣ аспидной доски, зажгли бересту, накоптили ее я приложили къ документу—вышла отчетливо, да и вырѣзана была не дурно. Послѣ всего этого поставленъ былъ №, и документъ хоть куда.

Былъ іюнь 1875 года. День клонился къ вечеру. Лучи заходящаго солнца яркимъ блескомъ обливали живописную мѣстность, расположенную по большому Московскому тракту, извилисто тянувшемуся по Томской губерніи. Вокругъ все было тихо, пустынно. Изъ опушки лѣса показались четыре всадника; выѣхавъ на дорогу, они продолжали по ней свой путь. Длинные тѣни отъ ихъ фигуръ ложились вдоль дороги, весьма медленно подвигаясь впередъ. Лошади, видимо усталыя, еле-еле передвигали свои ноги, а сидѣвшіе на нихъ изрѣдка и неохотно обмѣнивались словами. Одѣты они были въ крестьянскіе азамы, и у двухъ за плечами торчали ружья.

Мы въ это время отдыхали сидя на канавѣ и разсуждали о томъ, гдѣ бы найдти балаганъ для ночлега. Глаза наши были устремлены въ сторону ѣдущихъ, и видно было, что одинъ изъ четырехъ указывалъ что-то на насъ пальцемъ. Товарищи мои закурили трубочки, встали, и мы потихоньку отправились впередъ. Черезъ нѣсколько минутъ мужики насъ нагнали и стали разспрашивать, кто мы такіе. Мы конечно отвѣтили, что бродяги.

— А гдѣ вашъ четвертый товарищъ?

— Никакого четвертаго товарища не было у насъ,—отвѣтили мы.

— Какъ не было, коли былъ!

Мы, удивленные странностью вопросовъ, объяснили, что никого четвертаго у насъ не было и что втроемъ-то идемъ всего только вторую недѣлю. Потомъ спрашивавшій о чемъ-то потихоньку поговорилъ съ

остальными и затѣмъ обратился къ намъ со словами въ другомъ уже тонѣ.

— Куда же вы, ребяташки, въ бѣду лѣзете? Вѣдь васъ здѣсь въ селѣ заберутъ; тутъ уже нѣсколько человѣкъ арестовано вашего брата, и вы того же не минете. Мы бы васъ также арестовали, да ужъ и такъ-то міру маяты много и безъ васъ. Ступайте себѣ съ Богомъ, только трактомъ не идите, а сворачивайте въ сторону на проселокъ. Вотъ, тутъ, верстахъ въ 20-ти, будетъ деревня, а отъ нея окольный трактъ, имъ и дуйте.

При этомъ онъ показалъ вправо. Степанъ спросилъ о причинахъ такой строгости, и мужики рассказали, что дня четыре тому назадъ, вблизи деревни, отъ которой мы ушли уже верста 60, на пашнѣ, въ балаганѣ, найденъ трупъ убитаго человѣка, и слухъ есть, что около этого времени проходили четверо бродягъ.

— Вотъ топеря-ка засѣдатель и далъ приказъ всѣхъ бродягъ имать.

Мы какъ выслушали эту исторію, поблагодарили мужиковъ за такое къ намъ снисхожденіе и преподанное предостереженіе, да и подай Богъ ноги,—отправились по указанному пути въ сторону отъ тракта.

Солнышко начинало уже садиться, когда мы вышли на дорогу, по которой насъ направили. Лежала она засѣянными полями и вывела въ негустой сосновый лѣсъ, который вскорѣ окончился, и потомъ пошла березнякомъ, между которымъ изрѣдка попадали и осинники. Дорога эта вскорѣ раздѣлилась на двѣ—вправо и влѣво. Вотъ тутъ и возникъ вопросъ, которую изъ нихъ выбрать, и рѣшили идти вправо. Но чѣмъ дальше шли, тѣмъ дорога становилась все уже и уже и судя по колесному слѣду, нужно полагать, что ѣздили по ней очень не много; мы начали ужъ раскаяваться, что не пошли по той, которая вела влѣво. Продолжать этой дорогой путь до деревни, до которой намъ сказали 20 верста, было сомнительно. Ворочаться назадъ нужно было верста пять, а тутъ ужъ совсѣмъ свечерѣло. Поэтому мы рѣшили здѣсь же и ночевать, а утро вечера мудренѣе. Но опять затрудненіе: нужно было чай варить, а воды нигдѣ не видно. Дорога же дальше шла по отлогому коогору и спускалась все ниже и ниже. Если идти впередъ, то навѣрно есть вода; но кто знаетъ, далеко ли еще нужно идти. Какъ мы ни прислушивались,—вокругъ мертвая тишина, которую изрѣдка лишь нарушали ночныя птицы. Июнь мѣсяць время такое, что никакихъ полевыхъ работъ у крестьянъ нѣтъ, а потому и въ полѣ ни души. Мы находились въ нерѣшимости, идти ли дальше, или воротиться назадъ? Продолжать путь впередъ не обѣщало ничего хорошаго, потому что не только балагановъ не было, но и пашни прекратились. Наконецъ, общимъ совѣтомъ рѣшили такъ: дорога эта все-таки куда-нибудь должна вывести, если не въ деревню, то на пашню, или на заимку, и если намъ не

дойти ни до того, ни до другаго, то авось, если спустимся еще ниже, — будетъ вода и тамъ почуетъ. Хлѣба у насъ достаточный запасъ. Оба мои товарища закурили трубочки, и мы тронулись впередъ. Прошли еще полчаса. Ѳеодоръ, бывшій до того времени молчаливымъ, началъ ругать мужиковъ.

— Чортъ бы ихъ побралъ, проклятыхъ мужиковъ, они должно быть такъ, зря, сыграли надъ нами такую штуку и направили насъ куда-то къ чорту на кулички! И онъ все время продолжалъ ворчать. Я молчалъ. А Степанъ все утѣшалъ насъ, говоря: «Вотъ, подождите еще немножко, дастъ Богъ, скоро на займку придемъ, поужинзёмъ, да еще подстрѣлимъ чего-нибудь, и ладно будетъ».

— Какая тутъ можетъ быть займка, тутъ самъ дядя лѣпшій не живетъ.

Наконецъ, ужъ и всѣ замолкли. Идти было не удобно, дорога не гладкая; къ тому же цѣлый день шли безъ отдыха. Всѣ-то ужъ начали въ душѣ проклинать крестьянъ и того, кто тамъ изиденъ убитымъ. «Однако, тутъ должна быть вода», — сказалъ Степанъ, указывая на ложбину. Пройдемъ еще туда, и если нѣтъ воды и здѣсь, то, дѣлать нечего, придется ночевать, только пить-то хочется, вотъ бѣда». Пошли. Вдругъ Степанъ радостно воскликнулъ: «А что? Я правду говорилъ, что на займку придемъ, вонъ она матушка!» При этомъ указалъ впередъ, гдѣ и на самомъ дѣлѣ что-то чернѣлось.

— Какая, дьяволъ, тутъ займка въ такой глуши! — Была бы займка, такъ собаки бы лаяли, — возразилъ Ѳеодоръ.

Но чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ яснѣе въ ночной темнотѣ обрисовывалась фигура какой-то постройки, и въ дѣйствительности оказалась полевая избушка, въ которой никого не было. Обрадовались мы и этому, а пуще тому, что тутъ же журчалъ по камушкамъ тихо ручеекъ чистой холодной воды, чрезъ который намъ пришлось перейти прежде, чѣмъ попасть въ избушку. Возлѣ избушки много было старой соломы.

— Тащи-ка охапку въ избу, да будемъ огонь разводять, — сказалъ Степанъ.

Въ избушкѣ оказалась и русская печка. Натаскали туда соломы, и въ избушкѣ сразу стало свѣтло. Потомъ розыскали дровъ, наклали въ печку, и въ избушкѣ стало еще веселѣе. Принесли воды, сварили чаю и начали ужинать. Ночь была теплая, тихая. Ѳеодоръ нѣтъ, нѣтъ, да все къ чему-то внимательно прислушивается, а намъ ничего не говорить. Вышелъ онъ на дворъ, потомъ съ минутою постоялъ въ сѣняхъ, тоже притаивъ дыханіе, прислушался. Мы молчимъ, только переглядываемся, не понимая, что съ нимъ такое дѣлается. Вотъ онъ возвратился изъ сѣней къ намъ и почти испуганнымъ голосомъ проговорилъ: «Что-то, ребята не ладно, здѣсь мѣсто не чистое». А что такое? — спросилъ Степанъ. — «Ровно подъ поломъ кто-то стонетъ» — добавилъ Ѳеодоръ. Мы тоже

прислушались, но ничего не слышно. Но Фёдоръ не унимался, онъ опять подошелъ къ дверямъ, постоялъ и, затворивъ ихъ, вторично произнесъ: «Вотъ тѣ Христось, кто-то стонеть!» Степанъ положительно не хотѣлъ вѣрить, но меня охватывалъ какой-то страхъ: нужно идти на дворъ, а одинъ боюсь, признаться же въ своей трусости не хотѣлось. Наконецъ порѣшили ложиться спать, и всѣ втроемъ отправились на дворъ за соломой. Въ сѣняхъ Фёдоръ попросилъ насъ остановиться. Притаивъ дыханіе, мы начали вслушиваться, простояли минутъ пять,—тишина; потомъ дѣйствительно какъ будто что-то глухо простонало гдѣ-то далеко. Затѣмъ еще повторилось, но уже слабѣе, а потомъ еще и затихло. Послѣ этого мы простояли еще минутъ десять, и ничего не было слышно. Принесли въ избу соломѣ, разостлали на полу, помолились Богу и легли.

Я долго не могъ уснуть, но наконецъ усталость взяла свое, и я уснулъ. Проснулся уже тогда, когда солнышко заглянуло въ окна избушки. Товарищи мои тоже поднялись. Въ избушкѣ мы обнаружили признаки недавняго нахождения здѣсь тоже должно быть бродягъ, что доказывали валявшіеся на полу куски разнаго хлѣба, не совсѣмъ еще засохшаго, а въ сѣняхъ—старыя ситцевыя лоскутья, какъ бы отъ женскаго передника, выпачканные въ дегтю.

По серединѣ сѣней было закрытое отверстіе въ яму, какія обыкновенно устраиваются въ деревняхъ для сохраненія разныхъ припасовъ. Яма эта была глубиной около двухъ сажень, съ опущенной внутрь лѣстницей, въ которой видѣлось только три ступеньки, а остальные поломаны. Сварили мы чаю, напились, и стали собираться въ путь: Степанъ пошелъ въ сѣни, но сейчасъ же воротился обратно и заявилъ, что и вправду въ ямѣ кто-то простоналъ, что онъ слышалъ довольно ясно и что въ ямѣ есть кто-то.

Всѣ мы трое начали прислушиваться, окликать и положительно убѣдились, что тамъ кто-то есть, потому послѣ оклика слышались довольно слабыя, человѣческіе стоны. Что оставалось дѣлать? Не обратить вниманія и уйти отсюда,—совѣсть не позволяла. Быть можетъ, свой же братъ бродяга какими-нибудь судьбами попалъ туда? Можетъ быть, забрелъ сюда также ночью и въ темнотѣ упалъ въ яму, ушибся настолько, что не могъ оттуда выбраться? Между тѣмъ стоны стали повторяться сильнѣе и чаще, что въ Фёдорѣ болѣе усиливало страхъ, и онъ съ настойчивостью требовалъ, чтобы уйти всѣмъ изъ избушки. Но Степанъ порѣшилъ во что бы то ни стало добиться отвѣта изъ ямы. Поэтому онъ оперся руками въ колоды, въ которыхъ когда-то была западня, и, просунувъ почти половину своего туловища, желалъ заглянуть въ яму, но оборвался и полетѣлъ внизъ головой. Прошло минутъ пять молчанія, Степанъ подошелъ къ лѣстницѣ и сказалъ, чтобъ поскорѣе нащипать лучинъ и чтобъ мы туда же лѣзли, такъ какъ въ ямѣ, гдѣ-то въ углу, дѣйстви-

тельно стонетъ больной человѣкъ, но кругомъ такая темнота, что, кромѣ столба по срединѣ,—ничего больше не видно. «Полѣзайте и вы»,—сказалъ намъ Степанъ. Я нисколько не колеблясь спустился. Федоръ, хотя на это смотрѣлъ съ какимъ-то страхомъ, но тоже спустился, хотя видимо неохотно. Степанъ досталъ опички, зажегъ лучину, я другую, и яма, имѣющая форму квадрата въ двѣ сажени, освѣтилась, но ни на полу и ни по угламъ, ничего не было видно кромѣ столба по срединѣ, поддерживающаго потолокъ ямы, и вотъ, у этого-то роковаго столба мы увидѣли слѣдующую ужасную картину.

Къ столбу, въ ростъ человѣка, оказалось привязаннымъ какое-то существо, издающее слабые, едва слышные стоны; тѣло его—гладкое, угольно-чернаго цвѣта съ глянцемъ. Головы не видно, она склонена на бокъ вправо и вся обмотана какимъ-то тряпьемъ. Мы подошли къ столбу и увидѣли привязанную женщину.

Тѣло ея спереди, начиная почти отъ шеи и до ногъ, все вымазано дегтемъ. Головы и лица совсѣмъ не было видно, потому что нижнее бѣлье и платье все вмѣстѣ поднято кверху на голову, тамъ закручено и завязано поверхъ головы веревкой и тоже прикрѣплено къ столбу. Въ это время несчастная должно быть почувствовала присутствіе возлѣ себя людей и произнесла чуть слышно шопотомъ: «Спасите, Христа ради». Въ одинъ мигъ Степанъ вынулъ изъ кармана ножикъ и сначала освободилъ ноги, потомъ на головѣ обрѣзалъ веревку, раскрутилъ одежду, опустилъ, и мы увидѣли измученное лицо и голову съ распущенными въ беспорядкѣ волосами. Отвязанная отъ столба, она повалилась на наши руки. Поднесли мы ее къ выходу, но тутъ встрѣтилось затрудненіе, какъ ее поудобнѣе поднять на верхъ. Оказалось, что эта несчастная была почти полумертвая, не въ состояніи была владѣть ни однимъ членомъ. Кое-какъ съ большимъ трудомъ, удалось намъ вытащить ее изъ ямы, принести въ избу и положить на солому. Степанъ сейчасъ же распорядился приготовить для больной чаю и, когда онъ поспѣлъ, мы приподняли больную и начали ее поить; она только одну чашку и выпила. «Насиловать сразу не надо»,—сказалъ Степанъ.

Въ это время она раскрыла глаза, которые до того были почти безжизненны, лицо блѣдно-мертвеннаго цвѣта, измученное, исхудалое, имѣющее продолговатую форму, губы синія, запекшіяся, носъ маленький, нѣсколько вздернутый кверху; зубы замѣчательной бѣлизны, волосы на головѣ свѣтло-русые, руки синія, опухшія, и въ мѣстахъ, гдѣ были связаны, образовались въ тѣлѣ углубленія; вообще, все тѣло истощенное. Больная была роста средняго, лѣтъ около 25-ти. Ноги въ изорванныхъ чулкахъ и обуты въ деревенскія чарки. Платье розоваго ситца, изо-

рванное, но чистое. Ни головного платка и никакой верхней одежды не оказалось.

Послѣ чая больная закрыла глаза и видимо желала уснуть. Степанъ принялъ на себя обязанности сестры милосердія: онъ вынулъ изъ своей котомки бѣленькій мѣшочекъ, набилъ его мелкою соломой, зашилъ, и получила подушка. Потомъ снялъ съ полатей двѣ доски, пристроилъ ихъ къ лавкѣ, которая была у печки, принесъ охапку соломы, разостлалъ, положилъ подушку, и больная перенесена была на устроенную ей постель. Послѣ этого онъ снялъ съ себя пальто, одѣлъ имъ больную и далъ намъ знакъ выйти на дворъ.

Солнышко уже было высоко, мѣстность оказалась живописною, а шумящій ручей придавалъ еще больше прелести. Подошли мы къ нему, вымыли руки, сѣли на зеленую травку; товарищи мои закурили трубочки и погрузились въ думы. Ѳедоръ былъ въ особенности опечаленнаго вида; но Степанъ хотя тоже молчалъ, но лицо его было свѣтлое, веселое, какъ будто онъ испытывалъ величайшее наслажденіе.

— Ну, какъ, братцы, думаете,—спрашивалъ онъ,—что намъ теперь дѣлать? Я молчалъ. Ѳедоръ же пробормоталъ: «Говори ты, можетъ быть, ты лучше знаешь». «Нѣтъ, да однако, какъ по-твоему, Ѳедюха; что нужно дѣлать съ этой несчастной?»—настаивалъ Степанъ. «А Богъ ее знаетъ! Еслибъ она могла ходить, то вывести ее въ деревню и тамъ, какъ знаетъ себѣ, а то, вишь, она ни сегодня, завтра помретъ,—совсѣмъ недвижима. По-моему такъ. Еслибъ не мы, то она все равно погибла бы въ ямѣ, а теперь... теперь,—ну, оставить ей весь нашъ хлѣбъ и пусть себѣ поправляется, не жить же намъ здѣсь съ нею».

— Нѣтъ, Ѳедюха, ты не резонно говоришь,—возразилъ Степанъ.— Вѣдь ты самъ же говоришь и видишь, что она недвижима, что же она будетъ дѣлать съ твоимъ хлѣбомъ-то, если оставить ее одну здѣсь?

— А такъ неужто же намъ жить здѣсь, пока она поправится?—недовольнымъ тономъ спросилъ Ѳедоръ.

— Ну, и не бросать же. Какова бы она тамъ ни была, Богъ съ ней, все-таки она человѣкъ, а бросать больнаго безпомощнаго человѣка на произволъ судьбы отъ Бога грѣшно, да и совѣсть не позволяетъ—сказалъ Степанъ.

— А если она помретъ, да кто-нибудь сюда навернется, тогда какъ?—За чужіе грѣхи мы должны отвѣчать? Нѣтъ, какъ тебѣ угодно, а я на это не согласенъ. Если тебѣ хочется, то оставайся, а мы пойдемъ съ нимъ.

При этомъ Ѳедоръ кивкомъ головы указалъ на меня. Но я, до того времени молчавшій, къ удивленію Ѳедора, принялъ сторону Степана, одобрявъ при этомъ мнѣніе послѣдняго, что нельзя бросать эту несчастную, а изъявилъ желаніе остаться со Степаномъ здѣсь пока.

— Ну, а коли хочется вамъ лѣзть въ петлю, то оставайтесь, я и одинъ пойду,—сказалъ Федоръ.

Степанъ не ожидалъ такой выходки со стороны Федора и видимо былъ недоволенъ имъ, потому нисколько не сталъ уговаривать, а на послѣднія слова его промолвилъ:

— И съ Богомъ, товарищъ, плакать никто не будетъ!

Послѣ этого, Федоръ ничего не говоря, поднялся и ушелъ въ избушку.

— Неужели онъ одинъ пойдетъ?—спросилъ я Степана.

— А кто его знаетъ, можетъ быть, и пойдетъ,—отвѣтилъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Федоръ вышелъ изъ избушки съ котомкой и котелкомъ за плечами и направился на ту дорогу, по которой мы пришли, не сказавъ намъ даже «прощай».

По уходѣ Федора мы пошли въ избушку. Больная спала. Мы опять вышли на дворъ и завели рѣчь о томъ, кто бы такой могъ быть извергъ, приговорившій эту несчастную къ такой ужасной смерти, и какое могло быть тяжкое преступленіе съ ея стороны? Положимъ, преступленіе понятно: вѣроятно, послѣдовала измѣна. Это продѣлка бродягъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Да, всякіе люди есть на свѣтѣ! Это нужно быть звѣремъ, а не человѣкомъ, чтобы совершить такое страшное преступленіе надъ беззащитной женщиной. Пособилъ бы Богъ поскорѣе поправить ее, а то она конечно все расскажетъ. Только вотъ бѣда: теперь бы надо молока ей, да мяса, бульонъ сварить бы ей, а этого ничего у насъ нѣтъ, и есть ли тутъ гдѣ близко жилье, не извѣстно. И еще одна необходимость, которую намъ никакъ не приходится исполнить, потому это дѣло женское: вымыть бы ее надо. Обо всемъ этомъ заботливо разсуждалъ Степанъ. Онъ рѣшилъ искать жилья, чтобы добыть необходимое для восстановления силъ больной; поэтому онъ вздумалъ отправиться дальше по дорогѣ, а я долженъ былъ остаться въ избушкѣ. При этомъ онъ наказалъ мнѣ прислушиваться къ больной, не будетъ ли она чего просить. Оставшись одинъ, я боялся того, что Степанъ не воротится, и больная умретъ. При такихъ думахъ мнѣ даже жутко стало. Подойду потихоньку къ больной, прислушаюсь—спитъ, слышно дыханіе. Вышелъ на дворъ, сѣлъ у окна и поглядываю въ избу. Вдругъ послышалось мнѣ, что будто бы больная что-то произнесла. Я поспѣшилъ во внутрь, и дѣйствительно она что-то бормотала, но такъ безсвязно, что ничего нельзя было понять и не знаю: то ли ей во снѣ что грезилось, или же съ нею былъ бредъ. Я, подъ влияніемъ опасенія за будущность больной и себя въ особенности,—чувствовалъ себя неловко и придумывалъ, чѣмъ бы себя развлечь. Пошелъ въ кусты, наломалъ вѣтвей и связалъ вѣникъ, потомъ пришелъ въ избушку и вздумалъ привести ее мало-мальски въ порядокъ. Прежде всего посмелъ

пыль съ оконъ и съ лавки, вынесъ солому, полъ подмелъ; затѣмъ на дворѣ нашелъ разбитый горшокъ, принесъ въ немъ воды и вымылъ столъ, лавку и окна; столъ, до того времени лежавшій на полу безъ одной ножки, я пристроилъ въ переднемъ углу къ лавкѣ. Затѣмъ снялъ икону, на которой былъ толстый слой пыли, и пошелъ съ нею къ ручью, тамъ тщательно ее обмылъ, на ней оказалось изображеніе Божіей Матери, и поставилъ на мѣсто. Избушка приняла совсѣмъ иной видъ; а больная все спала, и лишь изрѣдка слышны были ея стоны.

Солнце давно уже своротило съ полдня. Придя со двора въ избушку, я увидѣлъ, что больная, лежавшая до того времени лицомъ вверхъ, поворотилась на правый бокъ. Я сѣлъ на лавку около стола. Вдругъ она открыла глаза и стала смотрѣть на меня. Это какъ бы подстрекнуло меня къ необходимости сближенія съ незнакомкой; меня въ высшей степени интересовала ея симпатичная наружность и вообще вызывало сильное желаніе къ скорѣйшему открытію таинственной ея судьбы. И вотъ точно невидимой силой привлекло меня ближе къ ея постели, и я въ свою очередь также сталъ внимательно всматриваться въ глядѣвшіе на меня пристально глаза больной. Но что это были за глаза!.. Они говорили больше словъ; я какъ бы читалъ въ нихъ всю тяжесть истязанія, перенесеннаго этой несчастной женщиной; глаза эти выражали высокое чувство благодарности за избавленіе ея отъ смерти и мученій; я совершенно растроганъ былъ этими глазами, они какъ будто кого-то искали въ избѣ. Больная видимо хотѣла чего-то попросить, сказать что-то, но какъ будто не смѣла или боялась. Послѣ нѣсколькихъ минутъ такого состоянія она хотя тихо, но довольно ясно попросила напиться. Что была за радость для меня! Я подаль ей холоднаго чаю, оставшагося въ чашечкѣ, приподнявъ ее за шею; она все выпила, а больше не было и сварить было не въ чемъ. Тутъ я постарался утѣшить ее, сказалъ, что скоро принесутъ молока и еще чего-нибудь съѣстнаго, и тогда она поѣстъ, а сейчасъ, кромѣ хлѣба, нѣтъ ничего. Вотъ тутъ я и вздумалъ воспользоваться случаемъ разпросить ее кое о чемъ и прежде всего задалъ ей вопросъ, какъ ее зовутъ. Она не сразу отвѣтила потихоньку: «Ольга». «Откуда ты?» Но на этотъ вопросъ вмѣсто отвѣта, у нея показались на глазахъ слезы, видно было, что послѣдній мой вопросъ задѣлъ ея самую больную сторону и, не желая болѣе беспокоить ее, я отошелъ прочь.

Я безпрестанно почти поглядывалъ въ окно, не идетъ ли Степанъ, и начиналъ ужъ было приходить въ отчаяніе, какъ вдругъ изъ-за кустовъ показалась его фигура; я обрадованный побѣжалъ къ нему навстрѣчу. Первый вопросъ его былъ о положеніи больной. Я высказалъ ему надежду на выздоровленіе, чему и онъ обрадовался. Онъ разсказалъ, что до деревни такъ таки и не дошелъ; дорогой ему по-

пался навстрѣчу какой-то мужикъ и направилъ его на займку, которая отъ нашей избушки была всего верстахъ въ пяти; тамъ ему надавали разныхъ припасовъ: тутъ были яйца, молоко, вяленая баранина, свѣжіе калачи и проч. Прийдя въ избушку, Степанъ удивился такой перемѣнѣ въ порядкѣ, за что меня похвалилъ, и сейчасъ же началась стряпня.

Больная съ каждымъ днемъ поправлялась. Какъ только выходила провизія, Степанъ каждый разъ отправлялся на займку и съ пустыми руками никогда не приходилъ, а однажды, такъ даже принесъ красненькій головной платокъ для больной. Вотъ, Ольга начала уже и покаживать. Однажды, въ воскресенье, она вымылась, причесалась, надѣла на голову платокъ и стала походить на воскресшую изъ мертвыхъ. Такъ мы прожили въ избушкѣ ровно десять дней.

Ольга была не словоохотлива; но какъ-то разъ, послѣ чая, Степанъ самъ попросилъ ее повѣдать намъ свое житье-бытье и о томъ, какими судьбами она попала сюда. Сначала она какъ будто не хотѣла, но потомъ, по глубокомъ раздумьи, вздохнувъ всею грудью, она начала свою грустную исторію и рассказала слѣдующее:

— Родиной я Иркутской губерніи, имѣю мужа вполне исправнаго домохозяина-крестьянина и дочерей-малютокъ 4 и 5 лѣтъ. Въ Ильинъ день прошлаго года, съ крестьянскими дѣтьми я пошла въ лѣсъ по ягоды, верстъ за пять отъ нашего села. Дѣти въ лѣсу чего-то испугались и бросились въ сторону, хотя и не далеко отъ меня были, но ихъ не было видно, потому лѣсъ былъ густой. Ягоды у меня были уже набраны, и я начала было по тропинкѣ выбираться на полянку, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, точно изъ земли выросли, передъ мной стояли двое бродягъ и загородили мнѣ дорогу, не пускаютъ ни взадъ, ни впередъ. Одинъ изъ нихъ постарше сказалъ: «Если закричишь, то сейчасъ же зарѣжемъ!» И показалъ ножъ. Я не помнила себя. Помню только, что плакала, кланялась обоимъ въ ноги, умоляла отпустить меня, говорила, что меня ждуть дома малютки-дѣти, которыя навѣрно теперь плачутъ, но просьбъ моихъ не хотѣли и слышать. Моимъ же платкомъ завязали мнѣ глаза и повели...

При этомъ Ольга залилась слезами.

— Что только они дѣлали со мной, одному Богу извѣстно... Я была беззащитна, лишена была возможности хоть кому-нибудь заявить о себѣ. Первое время съ мѣсяцъ, я даже не видѣла деревни, потому что передъ деревней останавливались ночевать гдѣ-нибудь въ лѣсу и одинъ уходилъ въ деревню за провизіей, а другой, который постарше, оставался со мной. Деревню же проходили въ такое время, когда всѣ въ ней спали. А потомъ уже не стали такъ дѣлать, деревнями проходили и днемъ, но только одну меня не оставляли. Молодой побирался деревней, а другой

шелъ со мной, и было мнѣ наказано, что если я вздумаю гдѣ-нибудь хотѣ заикнуться о себѣ, то въ ту же минуту влетитъ мнѣ ножъ въ бокъ. Такъ прошло лѣто, прошла и осень, а я все находилась въ плѣну. Вотъ пришли мы въ Ачинскій округъ и тутъ остались зимовать въ Назаровской волости, гдѣ-то въ избушкѣ около мельницъ, расположенныхъ по небольшой рѣчущкѣ Агатѣ, протекающей тайгою, впадающей въ р. Чулымъ. Молодой-то парень, такой бѣлесоватый, котораго звали Осипомъ, былъ сапожникъ, крестьяне носили ему работу, а другой постарше—Матвѣй, былъ лѣтъ 45, онъ сказывалъ, что бѣжалъ изъ каторги, куда сосланъ былъ за убійство жены; онъ былъ такой черный, страшный, здоровенный мужчина. Матвѣй чинилъ крестьянамъ замки, лудилъ, самоуары, отливалъ кольца и проч. Однажды я стала проситься отпустить меня, но Матвѣй ни за что не соглашался, а Осипъ такъ даже совѣтовалъ ему отпустить меня; изъ-за этого у нихъ между собою вышелъ раздоръ, и я послѣ того никогда уже не заикалась объ этомъ. Осипъ и съ самаго начала не хотѣлъ меня брать, но это все Матвѣй настоялъ. Осипъ какъ-то разъ сказалъ мнѣ, чтобъ я потерпѣла до весны, а тамъ, какъ выйдемъ опять въ дорогу, то я, говорить, предоставлю тебѣ случай уйти, такъ что и Матвѣй знать не будетъ, будетъ ужъ, говорить, тебѣ съ нами маяться-то. Съ великимъ нетерпѣніемъ я ожидала весны. Часто бывало горькими слезами плачу, какъ вспомню про мужа и своихъ милыхъ малютокъ, думаю: какъ-то они поживаютъ, что думаютъ обо мнѣ, и долго ли я еще буду томиться въ этомъ плѣну; но плакать-то нужно было такъ, чтобъ Матвѣй не видалъ, а то онъ бранился за это. Вотъ наступила и ожидаемая весна и пошли опять въ походъ. И до коихъ поръ, думаю, будетъ онъ меня вести, хотъ бы гдѣ-нибудь забрали насъ, что ли. Вступили мы и въ Томскую губернію. Матвѣй съ той поры, какъ между ними вышелъ раздоръ изъ-за меня, глазъ съ меня не спускаетъ и совѣмъ не сталъ оставлять меня съ Осипомъ, ну, просто, отъ меня ни на шагъ. Тутъ какъ-то они опять поссорились изъ-за того, что Осипъ одинъ все побирается по деревнямъ, а тотъ только меня караулитъ; я испугалась, думала, тотъ окающий зарѣжетъ Осипа, такъ сильно озлился на него. Съ тѣхъ поръ Осипъ поклялся освободить меня, да и самъ хотѣлъ бросить своего товарища, больно ужъ и ему надоѣлъ. Должно быть, недѣли двѣ тому назадъ, мы ночевали въ одномъ балаганѣ. Осипъ намекнулъ мнѣ, чтобъ я эту ночь была готова, какъ только заснетъ Матвѣй, то чтобъ встать и вмѣстѣ съ нимъ уйти. Страхъ какой-то меня объялъ; легла—не спится, до сна ли ужъ тутъ было? Да, надо быть, и Осипу не спалось. Вотъ Матвѣй захрапѣлъ. Я трясась сейчасъ же поднялась съ постели, а за мною и Осипъ,—схватилъ свою котомку, и мы вышли на дворъ. Только-что отошли мы отъ балагана саженей десятокъ, какъ увидали, что сзади насъ бѣжитъ Матвѣй со стягомъ въ

рукахъ и какъ только догналъ насъ, то прежде всего ударилъ Осипа по головѣ, тотъ такъ и повалился, какъ снопъ, потомъ еще раза два ударилъ лежачаго, но онъ съ перваго же удара былъ уже не живой, потому что даже ни разу не вскрикнулъ. Потомъ давай меня за косы таскать, да каблуками бить. Затѣмъ подошелъ еще къ Осипу, толкнулъ его ногою, но тотъ не пошевелился. Онъ взялъ и потащилъ его въ балаганъ, да тамъ и оставилъ, а послѣ собрался и повелъ меня съ собой; такъ мы цѣлую ночь и шли да не трактомъ и не путемъ-дорогой, какъ раньше, а все лѣсомъ, да полями, потому онъ боялся, чтобъ не было погони, если обнаружится убитый. Такъ мы прошли цѣлую ночь и половину дня; я совсѣмъ уже выбилась изъ силъ, и пришли вотъ въ эту самую избушку.

Я не могла смотрѣть на Матвѣя, какъ на убійцу и своего тирана, и задумала ночью отъ него уйдти, думаю себѣ: пусть лучше звѣръ меня съѣстъ въ лѣсу, чѣмъ находиться въ рукахъ убійцы. Днемъ я замѣтила дорогу, вотъ эту самую, которая идетъ отъ избушки черезъ ручей, и рѣшила по ней идти. Легли мы. Я жду не дождусь, когда захрапѣтъ мой извергъ. Страшно мнѣ стало, вся дрожу, какъ въ лихманкѣ. Слышу: захрапѣлъ; я немножко еще подождала, а потомъ потихоньку встала, вышла изъ избушки и прямо черезъ ручей, да на дорогу. Ночь была свѣтлая, вотъ я иду, иду, да и оглянусь: не бѣжитъ ли онъ за мною. Начинала ужъ было успокаиваться, думаю, заспался. Вдругъ, оглянулась, и о, Боже мой! Убійца бѣжалъ за мной, какъ звѣръ за своей добычей, издавая какіе-то дикіе, страшные крики. Я не знала, что мнѣ дѣлать: убѣжать отъ него не было возможности, кричать о помощи—не къ кому, такъ ужъ къ смерти и приготовилась, растянулась на дорогѣ, читаю молитву, да прощаюсь съ бѣлымъ свѣтомъ; нѣсколько разъ помянула имя мужа и дорогихъ своихъ дѣточекъ. Прибѣжалъ извергъ и давай меня бить, потомъ поднялъ на ноги и въ толчки погналъ обратно до избушки. Тутъ онъ снялъ съ себя ременный поясъ и началъ меня стегать по чѣмъ попало. Я потеряла терпѣніе и страхъ и прямо сказала ему, что если онъ будетъ меня мучить и не освободитъ отъ себя, то гдѣ-нибудь непременно заявлю объ убійствѣ имъ Осипа. Я думала этимъ его устрашать, но не тутъ-то было.

— А, ты будешь заявлять! Тебѣ, видно, Осипъ былъ любъ! Съ нимъ видно хотѣлось бродяжничать, постоѣй, я повыколочу съ тебя эту дурь!

— Я такъ и думала, что онъ сразу меня убьетъ. Но нѣтъ, пуще прежняго принялся стегать тѣмъ же ремнемъ. Наконецъ, должно быть ему надоѣло; онъ взялъ передрагъ свою опояску пополамъ и скрутилъ мнѣ назадъ руки, потомъ все, что было надѣто на мнѣ, заворотилъ на голову, закрутилъ и должно быть связалъ, такъ что я осталась нагою, потомъ поволокъ меня въ сѣни, вы-

мазалъ меня всю дегтемъ, что-то при этомъ приговаривая, и затѣмъ столкнулъ въ яму. Я сильно ушиблась и ужъ не помню того, какъ онъ привязалъ меня къ столбу, у котораго я простояла, должно быть, двое сутокъ и благодарю Тебя, Мать Пресвятая Богородица, что услышала мою, или, быть можетъ, милыхъ моихъ малютокъ молитву и послала этихъ избавителей меня отъ лютой смерти!

При этомъ Ольга перекрестилась на икону и зарыдала, какъ малый ребенокъ.

Мы переглянулись со Степаномъ, и онъ сказалъ:

— Да, такъ вона кто былъ убитый, изъ-за котораго и мы сюда попали! Ну и слава Богу, что такъ все кончилось. Значить: нѣтъ худа безъ добра.

На одиннадцатый день пребыванія нашего въ этомъ «нечистомъ мѣстѣ» мы всѣ трое вышли прямо на большой трактъ. Передъ выходомъ изъ избушки, Ольга стала на колѣни предъ иконою и со слезами помолилась. При этомъ и я никакъ не могъ воздержаться, чтобъ не прослезиться. Въ первомъ же селѣ мы распрощались съ Ольгой Михайловной, пожелали ей всего хорошаго, а главное—поскорѣе добраться до своей родной семьи, обнять мужа и дорогихъ своихъ дѣточекъ. Она бѣдняжка такъ рада была за свое освобожденіе, что не находила и словъ выразить своей благодарности намъ и отсутствующему Ѳедору, дополнивъ таковую слезами.

Долго мы смотрѣли вслѣдъ удалявшейся отъ насъ Ольги, пока она совсѣмъ не скрылась изъ нашихъ глазъ; она слишкомъ скоро шла, точно до ея дома было разстояніе дневнаго пути и будто она торопилась придти пораньше. Какова-то будетъ встрѣча безъ вѣсти пропадшей болѣе года женщины съ своимъ мужемъ и дѣтьми?—Такъ мы думали со Степаномъ. . . .

V.

Арестъ и слѣдованіе по этапу въ Одессу.—Обратно въ Сибирь.—Характеристика сибирскихъ тюремъ.—Освобожденіе.

Въ Омскѣ я самъ явился въ полицію и заявилъ, что я одесскій мѣщанинъ, но что паспорта у меня нѣтъ, потерялъ, почему и просилъ отправить меня на родину этапнымъ порядкомъ, такъ какъ добровольно слѣдовать у меня нѣтъ средствъ. Немедленно былъ арестованъ, допрошенъ, составленъ открытый листъ и отправленъ въ тюрьму, а оттуда на другой же день ушелъ въ партію пѣшеэтапнымъ порядкомъ. Партію

здѣсь идутъ небольшія, человекѣ по 10—15; во многихъ селахъ даже нѣтъ этапныхъ помѣщеній, и арестанты съ конвоемъ размѣщались по частнымъ квартирамъ. Распущенность ужаснѣйшая: пьянство, развратъ, воровство, картежничество, и во всемъ этомъ принимаютъ участіе сами конвоиры; но недостаточно этого, сами же они являются инициаторами въ различныхъ оргіяхъ, конечно, на счетъ арестантовъ. Женщины извѣстнаго поведенія ждутъ прихода партій съ нетерпѣніемъ, и сами являются для торга...

Въ случаѣ израсходованія арестантами своихъ денегъ, или у кого совсѣмъ таковыхъ нѣтъ, то старшимъ конвоя предлагались впередъ на все время похода кормовыя деньги, которыя сразу же всѣ и расходовались; продовольствовались же какъ арестанты, такъ и конвоиры подаеніемъ, которое выпрашивалось самымъ безцеремоннымъ образомъ арестантами, а при случаѣ, какъ тѣ, такъ и другіе, не прочь были и украсть что-нибудь.

Такимъ образомъ я добрался до Тюмени, отсюда на извѣстныхъ уже читателю тройкахъ до Перми, а потомъ на пароходѣ до Нижняго и затѣмъ по желѣзной дорогѣ до Одессы, съ остановками въ Москвѣ, Курскѣ и Кіевѣ.

Вотъ я опять очутился въ родномъ городѣ, но сердце что-то было не спокойно, ничего хорошаго оно не предвѣщало мнѣ.

Изъ тюрьмы препроводили меня въ полицію, изъ полиціи по обыкновенію въ мѣщанскую управу.

— Зачѣмъ же ты пришелъ, — спросили меня, — вѣдь ты по документамъ значишься сосланнымъ въ Сибирь, и у насъ исключенъ изъ числа наличныхъ, теперъ тебѣ нельзя уже именоваться одесскимъ мѣщаниномъ.

— А какъ же теперъ быть? — спросилъ я.

— Опять назадъ пойдешь въ Сибирь — былъ отвѣтъ.

Меня точно громомъ оглушило. Мнѣ страшно даже было подумать о томъ, что я, не совершивши никакого преступленія, за которое подлежалъ бы ссылке въ Сибирь, принужденъ былъ остаться въ ней навсегда и совсѣмъ проститься съ родной Одессой. Итакъ, опять тѣмъ же путемъ я долженъ былъ слѣдовать въ суровый край непривѣтливой мачихи Сибири!

Въ іюнѣ мы пришли въ Томскъ и затѣмъ отправились въ Красноярскъ. Партія помѣщена была въ центрѣ города въ частномъ старомъ домѣ. Здѣсь нигуда меня не вызывали, а чрезъ недѣлю времени отправили обратно въ Ачинскъ, гдѣ я былъ заключенъ въ тюрьму.

Въ былое время, Сибирскія тюрьмы среди арестантовъ, а въ особенности между бродягами, славились своею распущенностью и всякой предосудительнаго характера производительностью, какъ-то: выпускомъ

фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, звонкой монеты, всевозможнаго рода паспортовъ и др. документовъ, рѣзбой фальшивыхъ печатей какаго угодно правительственнаго учрежденія, поддѣлкой золота, золотыхъ вещей и даже наложенія на нихъ пробы. Къ числу такихъ тюремъ принадлежала въ описываемое время именно Ачинская тюрьма. Кому только изъ жителей Ачинскаго округа не извѣстно было, что изъ тюрьмы выпускались фальшивые рублевки и трюбки? Но не скажу навѣрное, знала ли объ этомъ мѣстная администрація,—думаю, что нѣтъ, потому что въ теченіе моего, почти шестимѣсячнаго содержанія въ тюрьмѣ, ни одного раза не было обыска... Все же дѣлалось въ тюрьмѣ открыто, безъ малѣйшихъ опасеній на счетъ того, что занятія эти преслѣдуются закономъ. Въ каждой камерѣ имѣлись разные инструменты, необходимые по специальности каждаго. Въ камерѣ наверху, въ которой помѣщенъ былъ я, содержался одинъ субъектъ, котораго арестанты звали «дикимъ бариномъ». Повидимому, онъ когда-то принадлежалъ къ привилегированному сословію; родиной онъ былъ изъ Бессарабіи, но сосланъ былъ въ каторгу на продолжительный срокъ, бѣжалъ и въ Ачинскѣ уже судился за бродяжничество, за что и приговоренъ былъ къ наказанію плетьюми и ссылкой въ заводскія работы на пять лѣтъ. У этого «дикаго барина» въ камерѣ была золотоплавня, производилось литье серебряной монеты, золотыхъ вещей: колець, перстней, крестовъ и проч. Тутъ же было свое и пробирное учрежденіе; на каждую вещь, сдѣланную конечно изъ мѣди, накладывалась проба, и тогда она получала уже названіе золотой. Сплавлялись металлы слѣдующимъ образомъ: въ желѣзную большую жаровню, специально для этого устроенную, накладывались угли, туда же клался и нужный для сплава матеріалъ; потомъ нѣсколько человѣкъ арестантовъ, вооруженныхъ длинными деревянными дудками, дуютъ изо рта въ жаровню, пока не расплавится металлъ. По всему этому можно судить, насколько мѣстная администрація и непосредственное тюремное начальство—смотритель, имѣли за тюрьмою надзоръ.

Послѣдній совѣмъ не ходилъ въ тюрьму, по крайней мѣрѣ я не помню, чтобы когда-нибудь видѣлъ его. Письмоводителя хорошо помню, такой низенькаго роста, курчавый, большеглазый, нѣкто Хомяковъ; его часто можно было видѣть въ камерахъ, онъ покупалъ у арестантовъ разныя вещи, занималъ деньги у нихъ и приносилъ нѣкоторымъ письменную работу. Бывало ли въ тюрьмѣ остальное начальство, тоже не помню, впрочемъ страпчій изрѣдка заходилъ. Тюрьма эта носила лишь названіе тюрьмы потому, что обитатели ея, именно, только подсудимые арестанты, не пользовались свободой; въ остальномъ же во всемъ, за исключеніемъ отсутствія условій семейной жизни,—ничего не было похожего на тюрьму. Ношеніе казенной одежды было не обязательно, а

кто въ чемъ хотѣлъ, въ томъ и ходилъ, какъ равно и въ остальномъ во всемъ жизнь арестанта зависѣла отъ средствъ, которыя пріобрѣтались по способностямъ каждаго. Водка была немного дороже противъ вольныхъ цѣнъ; пьяныхъ можно было видѣть чуть не каждый день. Съ крестьянъ, вновь поступающихъ въ тюрьму, брали «за парашу», смотря по состоянію, отъ одного и до ста рублей. Иной бѣдняга заказывалъ женѣ продать лошадей и коровъ и непременно привезти требуемую сумму, чтобъ только избавиться отъ побоевъ и разныхъ притѣсненій, какія обыкновенно дѣлались при неуплатѣ. Случалось, что въ подобныхъ случаяхъ отнимали полъ-жизни у человѣка: накинуть на голову арестантскій халатъ и начать подбивать по бокамъ, такъ что бѣдняга и не знаетъ, кто его билъ. Жаловаться некому, да и нельзя, потому горькимъ опытомъ дознано, что послѣ жалобъ еще хуже прежняго доставалось. Оставалось одно: платить деньги.

Въ тюремной мастерской нѣсколько человѣкъ работали трубки въ мѣдныхъ оправкахъ съ различными украшеніями; сапожники шили разную обувь. Тѣ и другіе работали на нѣкоего Михаила Осиповича, который былъ чѣмъ-то въ родѣ хозяина. Онъ каждую недѣлю съ своимъ товаромъ ходилъ на базаръ, при чемъ забиралъ и у «дикаго барина» золотой и серебряный товаръ и все это каждый разъ удачно сбывалъ.

Палачъ въ Ачинской тюрьмѣ (изъ арестантовъ) жилъ, какъ помѣщикъ, занималъ отдѣльное помѣщеніе, и всѣ будущія его жертвы (лишенные всѣхъ правъ состоянія и бродяги) оказывали ему подобающее уваженіе. Каждый день отъ артели выдавалось ему мясо и прочіе припасы, сколько его душѣ было угодно; кромѣ того, платилось отъ майдана окладное жалованье, да каждый присужденный къ наказанію считалъ непремѣнною своею обязанностію приподнести ему свою лепту по мѣрѣ возможности.

Майданщикъ Андрей Кукоевскій (онъ же Булатовъ) гремѣлъ не только въ тюрьмѣ, но слава о немъ носилась и въ городѣ, потому что едва ли городскими жителями покупалось столько картъ, сколько покупалъ ихъ почти ежедневно для тюрьмы майданщикъ. Деньги были почти у каждаго арестанта, а болѣе зажиточные ворочали сотнями. Богаче же всѣхъ въ тюрьмѣ былъ Осиповичъ; онъ всегда ходилъ въ накрахмаленной сорочкѣ, галстукѣ и при часахъ. Да, удивительныя были когда-то тюрьмы, въ особенности въ Сибири. Про нѣкоторые изъ нихъ арестанты того времени такія рассказываютъ чудеса, что въ настоящее время никакъ и не вѣрится, а между тѣмъ это правда.

Наконецъ въ январѣ 1877 года меня освободили....

Рассказывать ли дальше? Нѣтъ, не стоитъ. Въ остальной моей жизни также нѣтъ ничего отраднаго.

Теперь я не прочь бы спросить кого-нибудь: кто виноватъ въ томъ,

что я сдѣлался ссыльнымъ, преступникомъ и вообще, въ глазахъ людей сталъ порочнымъ человѣкомъ?

Пожалуй, мнѣ отвѣтять: «никто больше, какъ виновать самъ». Пусть будетъ и такъ, прошлаго уже не воротить; но такъ, или иначе, а жизнь моя окончательно исковеркана, разбита, самые лучшіе, молодые годы безвозвратно погибли въ грязномъ омутѣ этой жизни.

Мнѣ кажется, что если бы меня, послѣ смерти родителей, отдали къ сапожнику, то я вышелъ бы сапожникомъ, къ столяру—былъ бы столяромъ; но, какъ видно, я никому не былъ нуженъ, никто не хотѣлъ подать мнѣ руку помощи, вывести меня на торную дорогу съ той тропинки, на которой, 30 лѣтъ тому назадъ, я заблудился....

Да, я изъ роднаго гнѣзда выброшенъ былъ на улицу какъ негодная вещь! Всѣми былъ забытъ, всѣ отъ меня отвернулись, какъ будто для меня и не существовало добрыхъ людей. Никому не было до меня никакого дѣла. Однимъ словомъ, положеніе мое было самое безысходное и настолько горькое, что я не сумѣю и теперь описать всей той горькой дѣйствительности, которую въ то время я испытывалъ.

А сколько кромѣ меня такихъ же несчастныхъ, обездоленныхъ и заброшенныхъ, гибнетъ на всемъ обширномъ пространствѣ святой Руси?

И вотъ, не находя себѣ ни въ чемъ опоры, я избралъ исходной точкой тюрьму,—это гостепріимное убѣжище всѣхъ, подобныхъ мнѣ жалкихъ существъ, а тюрьма познакомила съ Сибирью....

Но «нѣтъ худа безъ добра» говоритъ пословица, которую въ данномъ случаѣ я вполнѣ могу примѣнить къ себѣ. Всѣ страданія, лишенія и всѣ житейскія невзгоды, какія только мнѣ пришлось вынести въ свою жизнь, благодаря Бога, укрѣпили во мнѣ вѣру въ его святой Промыслъ; я научился въ трудныя минуты прибѣгать къ усиленной горячей молитвѣ и привыкъ въ этомъ находить самое вѣрное облегченіе въ своихъ бѣдахъ. Эти религіозно-нравственныя правила, благодаря многочисленнымъ случаямъ горькой и безысходной жизни, въ которые я примѣнялъ ихъ,—остались во мнѣ и въ настоящее время.

С. А. Коваленко.

Изъ дневника П. Г. Дивова ¹⁾.

1834 г.

Жрадуюсь тому, что, переходя отъ прошлаго года къ настоящему, мнѣ не приходится описывать всѣхъ ужасовъ общеевропейской войны, которая насъ миновала; но приходится горевать объ участи Португаліи и Испаніи. Въ Португаліи, раздираемой расприми двухъ братьевъ донъ-Педро и донъ-Мигуэля, не можетъ упрочиться власть королевы, признанной Англіей и Франціей, несмотря на то, что Англія оказываетъ поддержку бывшему бразильскому императору подъ видомъ покровительства его дочери, доннѣ-Маріи. Лиссабонъ и Оporto во власти донъ-Педро; несмотря на это, донъ-Мигуэль все еще не отказывается отъ своихъ притязаній. Поддерживаемый народомъ и духовенствомъ, онъ продолжаетъ войну и надѣется, повидимому, вступить въ столицу, которую ему пришлось оставить послѣ пораженія флота англійскимъ капитаномъ Непиромъ, состоявшимъ на службѣ у донъ-Педро.

Въ Испаніи послѣ смерти короля возгорѣлась междоусобная война, поддерживаемая сторонниками донъ-Карлоса, брата покойнаго короля, который, отмѣнивъ предъ смертью саллическій законъ, возстановилъ древній кастильскій порядокъ престолонаслѣдія, въ силу котораго женщины имѣютъ право вступать на престолъ. Вдовствующая королева объявлена регентшей, и большая часть испанскаго народа приняла сторону вдовы королевы, которой удалось въ концѣ прошлаго года подавить возстаніе въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ провинціяхъ королевства. Франція приняла сторону королевы и ея дочери, но не послала имъ на помощь войска. Донъ-Карлосъ не принималъ личнаго участія въ возбужденной

¹⁾ См. „Русскую Старину“, апрѣль 1900 г.

имъ междоусобной войнѣ. Увидимъ, что произойдетъ въ этихъ странахъ въ текущемъ году.

Франція при Луи-Филиппѣ не можетъ пользоваться внутреннимъ спокойствіемъ. Партія герцога Бордосскаго поддерживаетъ надежду молодого принца, проживающаго съ королевской семьей въ изгнаніи въ Богеміи. Его мать, герцогиня Беррійская, разрѣшилась отъ бремени во Франціи ребенкомъ, отцомъ котораго былъ кн. Лукеззи-Палли, съ коимъ она тайно обвѣнчалась въ Неаполѣ и поселилась въ Австріи вдали отъ королевской семьи. Французская колонія Алжиръ была для правительства вѣчно живою ранюю, и оно готово отказаться отъ нея.

Бельгія, огорченная точно такъ же, какъ и Франція, бракомъ короля Леопольда съ одною изъ дочерей короля Людовика-Филиппа, не покончила еще своей распри съ Голландіей; между этими двумя державами затѣялась вражда. Если бы Англія и Франція не оказали помощи бельгіяцамъ, то Голландія, разумѣется, одержала бы надъ ними побѣду и подчинила бы себѣ этихъ бунтовщиковъ.

Австрія раздѣляетъ, повидимому, наши взгляды относительно Голландіи и вообще относительно общеевропейскихъ дѣлъ. Между русскимъ и австрійскимъ императорами состоялось свиданіе въ Мюнхенгретцѣ. Король прусскій уклонился отъ этого свиданія и не раздѣляетъ виды обоихъ императорскихъ правительствъ.

Турція, спасенная отъ когтей египетскаго паши вооруженнымъ вмѣшательствомъ Россіи, сблизилась съ нами, что возбудило зависть Англіи и Франціи; это можетъ послужить со временемъ поводомъ къ войнѣ.

Англія занята своими внутренними дѣлами, такъ какъ якобинизмъ, извѣстный нынѣ подъ именемъ радикализма, дѣлаетъ быстрые успѣхи въ этой странѣ; она послала флотъ въ Средиземное море для наблюденія за нашими сношеніями съ Портой и не высказала открыто своего взгляда на португальскія дѣла, признавая дочь донъ-Педро, королеву Марію, законной наследницею престола этой страны; она помогала ей лишь косвеннымъ образомъ, дозволивъ англійскимъ офицерамъ служить въ войскѣ донъ-Педро, разрѣшивъ ему пріобрѣтать въ Англіи военныя снаряды и покровительствуя ихъ доставкѣ въ Португалію. Но всѣмъ этимъ пользуется и донъ-Мигуэль съ того лишь различіемъ, что англичане стараются захватить его транспорты съ боевыми снарядами.

Въ Италіи дѣла шли также не особенно хорошо. Королю Сардинскому удалось разстроить направленные противъ него планы заговорщиковъ, но зло еще не искоренено окончательно. Папа терпѣлъ притѣсненія со стороны Франціи, и Анкона была занята войсками этой державы. Въ Неаполѣ готовился мятежъ.

Германія была обязана спокойствіемъ только стойкой и послѣдовательной политикѣ Австріи, но въ ней таился революціонный духъ, кото-

рый при малѣйшемъ поводѣ можетъ охватить Европу съ сѣвера до юга.

Данія и Швеція заняты своими внутренними дѣлами. Швеція идетъ быстрыми шагами по пути внутренняго развитія. Обѣ эти державы весьма слабо вліяютъ на дѣла Европы.

Сдѣлавъ бѣглый очеркъ положенія дѣлъ въ Европѣ, прослѣдимъ болѣе подробно внутреннее состояніе нашего отечества.

При дворѣ образовалось двѣ партіи, изъ коихъ одна покровительствуетъ нѣмцамъ, а другая—русскимъ. Наибольшимъ вліяніемъ у императора пользуются: князь Петръ Волконскій,—министръ двора, гр. Бенкендорфъ—стоящій во главѣ тайной полиціи, кн. Кочубей—предсѣдатель Государственнаго Совѣта, графъ Чернышевъ—военный министръ, кн. Меншиковъ—морской министръ.

За ними идутъ вице-канцлеръ гр. Нессельроде, министръ юстиціи Дашковъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ. Нѣтъ той вещи, которую эти три министра не могли бы исходатайствовать у императора для тѣхъ лицъ, коимъ они покровительствуютъ, но имъ приходится прилагать большое стараніе для того, чтобы государь принималъ ихъ мнѣніе въ дѣлахъ.

За этими лицами идутъ: генераль Адлербергъ—директоръ походной канцеляріи, и Танѣевъ—начальникъ одного изъ отдѣленій канцеляріи его величества.

Блудовъ и Дашковъ дѣйствуютъ въ одномъ духѣ подъ эгидою Кочубея. Изъ этого источника то и дѣло исходятъ разныя нововведенія подъ названіемъ улучшеній, которыя производятъ однако весьма смутное впечатлѣніе.

Министерство финансовъ управляется Канкринимъ до сихъ поръ весьма благоразумно и осторожно, но онъ ввелъ въ обѣихъ столицахъ страсть къ азіотажу. Серебряный рубль стоилъ 360 к. мѣдью и поднялся до 375 к., а полуимперіаль или 5 р. сер. стоилъ 19¼ р. ассигнаціями. Военное министерство принимаетъ въ Петербургѣ уплаты золотомъ. Полуимперіаль принимался за 18¾ р. ассигнаціями. Эта мѣра была вѣроятно вынуждена изобиліемъ золота, поступившимъ при уплатѣ податей.

Кромѣ вышеупомянутыхъ, наиболѣе вліятельныхъ лицъ были другія, пользовавшіяся вліяніемъ у великаго князя. Напримѣръ егермейстеръ Опочининъ и сенаторъ Полетика. Но великая княгиня не любитъ Полетику.

Императрица отличала въ особенности оберъ-камергера старика гр. Головкина и графиню Виейлгорскую; ея дѣлами по благотворительнымъ учрежденіямъ завѣдуетъ Вилламовъ.

1833 годъ ознаменовался голодомъ, свирѣпствовавшимъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Подольская губернія дала Херсонской около 30 т. четвертей ржи; правительство приняло въ этомъ случаѣ весьма благоразумныя мѣры. Тѣмъ не менѣе весна текущаго года будетъ бѣдственной для населенія тѣхъ губерній, гдѣ не хватаетъ хлѣба.

Военнымъ министерствомъ съ успѣхомъ управляетъ гр. Чернышевъ. Издержки этого министерства уменьшены сосредоточеніемъ пожковъ и т. п.

Дѣла морскаго министерства шли въ истекшемъ году хорошо, но недостатокъ денежныхъ средствъ препятствовалъ столь желаемому усиленію флота. Особенно внушительнъ Черноморскій флотъ, коимъ командуетъ опытный морякъ—адмиралъ Лазаревъ.

Однимъ изъ выдающихся событій конца прошлаго года былъ прїѣздъ чрезвычайнаго турецкаго посланника, съ которымъ очень много носились, а также прїѣздъ принца Оранскаго и французскаго посланника маршала Мэзона.

Учрежденная въ Петербургѣ городская почта быстро развивается и приноситъ большой доходъ. Пріинимниковъ, учредившій ее,—человѣкъ весьма способный.

Назначеніе первоприсутствующихъ въ Сенатѣ не принесло особенной пользы дѣлопроизводству. Меня болѣе всего огорчаетъ то, что многіе изъ моихъ сотоварищей дѣйствуютъ чаще всего подъ вліяніемъ министра юстиціи, нисколько не справляясь съ своимъ собственнымъ мнѣніемъ; это показываетъ, что они стараются подлаживаться къ тому, кто можетъ выхлопотать имъ какія-либо милости. Правду сказать, эгоизмъ играетъ вездѣ первенствующую роль. Поэтому нечего удивляться, если сенаторы идутъ тѣмъ же путемъ.

Января 3-го. Сенаторъ Лавинскій былъ на засѣданіи первоприсутствующихъ. Послѣ моихъ объясненій съ министромъ Дашковымъ я встрѣтилъ его очень любезно. Онъ сказалъ мнѣ, что безъ моего согласія онъ ни за что не принялъ бы этого назначенія, которое ставитъ его выше меня. Словомъ, онъ былъ весьма любезенъ; повидимому, онъ поведетъ дѣла какъ слѣдуетъ. По моему мнѣнію, онъ очень ловокъ и если не вполне искрененъ, то по крайней мѣрѣ умѣетъ держать себя такъ, чтобы быть приятнымъ.

Въ тотъ же день членъ Государственнаго Совѣта, кн. Любецкій, сообщилъ мнѣ, что бюджетъ утвержденъ единогласно, безъ увеличенія налоговъ, какъ того требовалъ министръ финансовъ еще въ 1832 г., и что онъ разбилъ гр. Канкринъ по всѣмъ пунктамъ, доказавъ ему, что средства не истощены, и что онъ очутился въ затруднительномъ положеніи только потому, что онъ не пользуется этими средствами. Государствен-

ные крестьяне не внесли налоговъ за тѣ 25 лѣтъ, кои тянется ревизія, и вмѣсто того, чтобы облагать пошлинами частныхъ лицъ, слѣдуетъ прибѣгнуть къ этому источнику и т. д.

Гр. Строгановъ, зять кн. Кочубея, назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, это назначеніе показываетъ, что вліяніе министра Блудова падаетъ; любопытно, что Блудовъ и Дашковъ, будучи товарищами министра, старались увеличить сферу вліянія товарищей министровъ; теперь это оружіе обращено противъ нихъ.

Говорятъ усиленно о подраздѣленіи Сената и о перенесеніи его департаментовъ въ другіе города. Два изъ нихъ предполагается имѣть въ Кіевѣ и въ Казани. Эта нелѣпость, предложенная при восшествіи на престолъ императора Николая, свидѣтельствуетъ о томъ, что находятся люди, которые хотятъ провести этотъ проектъ, несмотря на всю его несообразность потому, что онъ отвѣчаетъ разрушительнымъ дѣямъ тѣхъ, кто хочетъ поколебать верховную власть монарха. Поговариваютъ о перемѣнахъ въ министерствѣ. Говорятъ, будто Блудовъ и Дашковъ покидаютъ свои мѣста и хотятъ служить при посольствахъ.

Января 16-го. Кн. Любецкій любезно пригласилъ меня на обѣдъ. За обѣдомъ много говорили о дѣлахъ Испаніи, поляки видимо желали, чтобы ея дѣла запутались, надѣясь, что эти осложненія вызовутъ обстоятельства благоприятныя для ихъ революціонныхъ стремленій. Кн. Любецкій восхвалялъ Блудова и Дашкова. Къ сожалѣнію, эти похвалы могли быть вызваны только либеральнымъ направленіемъ, коимъ отличается правительственная дѣятельность этихъ министровъ.

Императоръ уѣхалъ съ принцемъ Оранскимъ въ Кронштадтъ.

Января 21-го. Въ Эрмитажѣ былъ спектакль, на коемъ я не присутствовала.

Всѣ эти дни только и было разговора о появившихся вновь сочиненіяхъ, направленныхъ къ испроверженію религіи и порядка. На театрѣ очень часто играютъ *La muette de Portici*, подъ названіемъ Фенелла. Публика беретъ билеты съ боя; одни стремятся видѣть эту оперу изъ простаго любопытства, другіе изъ любви къ музыкѣ и прекраснымъ декораціямъ, исполненнымъ гдѣ?—къ сожалѣнію, въ Берлинѣ!

Въ тотъ же день меня посѣтилъ кн. Любецкій; онъ описалъ мнѣ подробно засѣданіе Государственнаго Совѣта, въ которомъ обсуждался вопросъ о бюджетѣ, и министру финансовъ не удалось добиться утвержденія новыхъ налоговъ. Онъ описалъ также засѣданія, въ которыхъ обсуждались средства къ улучшенію финансовъ и опровергались возраженія, сдѣланныя кн. Любецкимъ, и когда въ департаментѣ экономіи доказывали, что финансы Англіи и Франціи находятся въ плохомъ состояніи, а русскіе финансы въ несравненно лучшемъ положеніи. Когда

гр. Канкринъ увидѣлъ, что его противникъ разрушаетъ до тла зданіе, возведенное имъ во время его 11-ти лѣтняго управленія министерствомъ, то онъ явился на слѣдующее засѣданіе и заставилъ согласиться со своимъ мнѣніемъ семерыхъ сенаторовъ изъ числа присутствующихъ 21-го. Подъ конецъ всѣ присоединились единодушно къ его мнѣнію.

Князь Любецкій описывалъ также засѣданіе Государственнаго Собранія, въ которомъ обсуждался вопросъ объ изданіи Свода законовъ. Графъ Канкринъ утверждалъ, что можно отпечатать Сводъ гражданскихъ и уголовныхъ постановленій, но что не слѣдуетъ обнародовать законовъ, касающихся управленія финансами; министры внутреннихъ дѣлъ и юстиціи также были противъ обнародованія законовъ. Государь, который присутствовалъ на этомъ засѣданіи, но не предсѣдательствовалъ въ немъ, выражалъ нетерпѣніе. Обсуждался также вопросъ о срокѣ, къ которому долженъ быть отпечатанъ Сводъ законовъ въ 8 томахъ и когда онъ долженъ войти въ законную силу. Блудовъ и Дашковъ полагаютъ, что это нельзя сдѣлать ранѣе 10 лѣтъ. Любецкій сказалъ, что достаточно одного года. Императоръ присоединился къ мнѣнію тѣхъ лицъ, которые были за болѣе короткій срокъ; наконецъ, было рѣшено, что достаточно 2-хъ лѣтъ, т. е. что 1833 и 1834 гг. будетъ достаточно для того, чтобы ознакомить судей съ новымъ кодексомъ. Въ этомъ засѣданіи императоръ сказалъ, что онъ не понимаетъ разсужденій министра финансовъ; онъ желаетъ, чтобы законъ былъ всѣмъ извѣстенъ, и, слѣдовательно, отъ подданныхъ не должно скрывать ничего, касающагося управленія различными отраслями администраціи.

Февраля 23-го. Я былъ у графа Бенкендорфа, чтобы уговориться съ нимъ по поводу предварительныхъ распоряженій касательно маюрата Радзивилловъ и воспользовался случаемъ, чтобы выразить мое искреннее сожалѣніе по поводу потери нашего сотоварища Посникова. Я сообщилъ ему отзывъ объ немъ министра юстиціи, который называлъ Посникова подъячимъ. Говоря о Сенатѣ, Бенкендорфъ сдѣлалъ весьма дѣльное замѣчаніе, а именно, что хотя дѣла и рѣшаются въ немъ очень быстро, но что эта быстрота не всегда совмѣщается съ правильнымъ рѣшеніемъ дѣла.

Марта 5-го. Обнародованъ указъ о перемѣнѣ формы въ министерствахъ. Сенату вмѣсто краснаго цвѣта присвоенъ зеленый по-прежнему съ бархатнымъ обшлагомъ; оставленъ прежній мундиръ, но къ нему добавлены ботфорты со шпорами въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Видъ получается довольно смѣшной.

Марта 15-го. Мы получали этотъ указъ 15-го числа; въ тотъ же день появился указъ объ увольненіи въ отставку всѣхъ служащихъ въ департаментѣ герольдіи. Оба указа зволивали всѣхъ. Нѣкоторые ви-

дать въ указѣ о перемѣнѣ формы шагъ къ уничтоженію чиновъ. Одинъ Богъ знаетъ, какой злой геній диктуеть подобныя указы.

Сперанскому поручено объяснить наслѣднику, передъ принесеніемъ присяги, его обязанности, какъ перваго подданнаго царя и служащаго въ рядахъ войска; присяга будетъ принесена во дворцѣ: 1) въ церкви и 2) въ Георгіевскомъ залѣ.

Марта 20-го. Разнесся слухъ, что къ освященію памятника императору Александру въ Петербургъ съѣдутся: короли прусскій и шведскій, принцъ Оранскій и фельдмаршалъ Веллингтонъ (которому предназначается вѣроятно шлага въ 100 тысячъ руб., заказанная Кабинетомъ). Говорять, что къ этому дню въ столицу соберется до 100 тысячъ войска.

Въ городѣ идетъ подписка для празднованія освобожденія Россіи отъ нашествія враговъ. 22-го числа я еще не получалъ подписнаго листа.

Марта 25-го. Совершилось освѣщеніе сенатской церкви. На освѣщеніе были приглашены сенаторы, члены Государственного Совѣта и первые чины двора. Сенаторы были въ шитыхъ парадныхъ мундирахъ, члены Совѣта въ вицъ-мундирахъ, только одинъ графъ Литта былъ въ полной парадной формѣ.

Я нахожу, что внутренняя отдѣлка сенатскаго зданія плоха; только одна церковь отдѣлана со вкусомъ. Залъ общихъ собраній отдѣланъ бѣдно; все остальное въ томъ же духѣ. По окончаніи освѣщенія въ 3-мъ департаментѣ былъ сервированъ завтракъ. Пили за здравіе императора, за процвѣтаніе Сената и за здоровье митрополита.

Марта 28-го. Я былъ приглашенъ на обѣдъ къ французскому посланнику, гдѣ были губернаторъ, оберъ-полиціймейстеръ, нѣсколько военныхъ и министръ юстиціи Дашковъ. Я воспользовался встрѣчей съ Дашковымъ, чтобы объяснитьсь съ нимъ, и сказалъ ему, что онъ меня не понималъ, что я вовсе не хотѣлъ быть первоприсутствующимъ въ какомъ-либо департаментѣ и что я буду доволенъ, если окажется возможнымъ перевести меня въ 1-й департаментъ. Затѣмъ онъ говорилъ со мною о моемъ коллегѣ Лубяновскомъ, который очень сожалѣеть, по его словамъ, что онъ уѣхалъ изъ Подольской губерніи, гдѣ его любили за то, что онъ помогалъ изъ своихъ личныхъ средствъ лицамъ, замѣшаннымъ въ возстаніи 1831 года.

Апрѣля 22-го. Государственный Совѣтъ, Сенатъ и вообще лица первыхъ 4-хъ классовъ были приглашены во дворецъ, чтобы присутствовать при принесеніи присяги наслѣдникомъ цесаревичемъ. Гражданская присяга была произнесена въ церкви, военная—въ Георгіевской залѣ.

Всѣ залы были переполнены войскомъ. Впереди царской фамиліи шли два гофмаршала и оберъ-гофмаршалъ. Наслѣдникъ сталъ на возвышеніи возлѣ императора и императрицы. Его величество самъ под-

вель своего сына къ присягѣ. Великій князь прочелъ формулу присяги прекрасно. По окончаніи церемоніи онъ бесѣдовалъ съ дипломатическимъ корпусомъ, который былъ отъ него въ восторгѣ.

Апрѣля 25-го. Засѣданія Сената были открыты въ новомъ помѣщеніи самимъ императоромъ. Сенаторы и члены Государственнаго Совѣта изъ сенаторовъ встрѣтили императора у лѣстницы. Прежде всего былъ отслуженъ краткій молебень, затѣмъ всѣ отправились въ залу общихъ собраній. Императоръ занялъ свое кресло, наслѣдникъ сѣлъ по правую руку отъ него, великій князь Михаилъ — по лѣвую. Его величество произнесъ краткую рѣчь, въ которой сказалъ, что онъ поручаетъ сына своему брату, и объяснилъ, что указъ, касающійся русскихъ за границею, вызванъ необходимостью ограничить расходы великихъ княгинь.

Говоря о сынѣ, онъ поцѣловалъ брата. Послѣ этого вступленія былъ прочитанъ манифестъ о достиженіи наслѣдникомъ совершеннолѣтія, о принесенной имъ присягѣ и указъ, коимъ русскимъ подданнымъ воспрещается растрчивать свое имущество за границею. По прочтеніи этихъ актовъ засѣданіе было закрыто, и его величество осматривалъ затѣмъ зданіе Сената съ верха до низа.

Наканунѣ открытія новаго сенатскаго зданія лица первыхъ трехъ классовъ приносили во дворцѣ поздравленіе наслѣднику цесаревичу; насъ было около 70 человекъ. Наслѣдникъ поцѣловалъ каждого три раза, такъ какъ это была пасхальная недѣля, и сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ всѣмъ, кого онъ зналъ лично.

Апрѣля 30-го. Три первые департамента Сената созваны въ чрезвычайное собраніе для вскрытія духовнаго завѣщанія покойнаго графа Аракчеева. Изъ этого акта выяснилось, что императоръ Александръ превратилъ имѣніе Грузино въ маіоратъ, а покойный обязался сдѣлать приписку къ духовному завѣщанію съ указаніемъ, кого онъ назначаетъ наслѣдникомъ своего имущества; между тѣмъ этотъ актъ подписанъ императоромъ въ 1816 г., а до его (Аракчеева) смерти никто не былъ назначенъ наслѣдникомъ, такъ что по смыслу самаго завѣщанія право назначить наслѣдника принадлежитъ императору. Въ этомъ смыслѣ Сенатомъ и сдѣлано представленіе его императорскому величеству.

Іюня 5-го. Получено извѣстіе о кончинѣ канцлера князя Кочубея, скончавшагося въ Москвѣ; тѣло его повелѣно перевезти въ Петербургъ вѣроятно для того, чтобы похоронить съ большею помпою. По мысли этого предсѣдателя Государственнаго Совѣта, коимъ руководилъ Сперанскій, учреждены въ царствованіе императора Александра I министерства. Онъ былъ свѣдущъ въ дѣлахъ, но не былъ одаренъ отъ природы. При вступленіи на престолъ императора Николая возникла мысль о восстановленіи коллегіальныхъ учреждений, основанныхъ Петромъ Ве-

лякимъ; но приближенные императора и главнымъ образомъ Кочубей были за сохраненіе министерствъ и настояли на своемъ.

Іюня 21-го. Я былъ на похоронахъ Кочубея, на которыхъ присутствовать государь и ихъ императорскія высочества.

Іюня 25-го. Мордвинову пожаловано графское достоинство; по всей вѣроятности, его хотѣли вознаградить этимъ за потерю мѣста председателя Государственнаго Совѣта, на которое предназначаютъ великаго князя Михаила.

Іюля 20-го. Заключены контракты на винные откупы, доходъ съ которыхъ повысился съ 19 на 20 миллионѣвъ. Въ награду за это императоръ пожаловалъ министру финансовъ графу Канкрину 200 тысячъ, сенатору Обрескову алмазные знаки Александра Невскаго, Журавлеву 25 тысячъ и разныя другія награды прочимъ лицамъ.

Августа 3-го. Я былъ съ визитомъ у князя Ливена, который принялъ меня весьма любезно и сказалъ мнѣ, что онъ польщенъ своимъ новымъ назначеніемъ, хотя постъ посланника вполнѣ соотвѣтствовалъ его желаніямъ.

Августа 17-го. Совершилось открытіе триумфальныхъ воротъ. Около 3.000 человекъ войска, участвовавшихъ въ походѣ 1812 году, прошли подъ этимъ памятникомъ. Духовенство опоздало на церемонію, и она обошлась безъ обычнаго освященія, которое совершено позже.

Говорятъ, будто въ Москвѣ настроеніе общества весьма неблагонадежно; этимъ объясняются пожары, разоряющіе столицу; мирные граждане встревожены массою анонимныхъ брошюръ и подметныхъ писемъ.

Августа 30-го. День открытія колонны, воздвигнутой въ память императора Александра I; съ дворцоваго балкона зрѣлище было восхитительное. Мы шли вслѣдъ за императрицей, которой предшествовало духовенство, отслужившее молебень и панихиду по Александрѣ I. Когда процессія двинулась, то началась пушечная пальба.

Обойдя вокругъ колонны, мы вернулись тѣмъ же путемъ. Церемонія началась въ 11½ часовъ и окончилась для насъ около 1 часа. Послѣ этого мимо колонны начали проходить войска всѣхъ родовъ оружія; въ 3 часа все было окончено. Вечеромъ была зажжена блистательная иллюминація. Всѣ члены коммиссіи по сооруженію колонны получили награды по чинамъ.

Сентября 1-го. Большая часть войскъ выступила изъ столицы въ Царское Село на маневры. Они кончатся 5-го числа, послѣ чего ихъ величества уѣдутъ: государь въ Казань, прочія особы во внутреннія губерніи, а императрица въ Берлинъ.

Сентября 15-го. Императоръ измѣнилъ свой маршрутъ, чтобы покончить какъ можно скорѣе, пока стоитъ хорошая погода, маневры въ Орлѣ, гдѣ собрано по этому случаю нѣсколько корпусовъ. Въ го-

родѣ только и говорятъ о пожарахъ въ Твери, Валдаѣ, Пензѣ и т. д. Увѣряютъ, будто императоръ вернется въ Петербургъ къ 5-му октября, что онъ не поѣдетъ въ Симбирскъ и Калугу, а отправится въ Берлинъ къ императрицѣ.

Сентября 25-го. Императоръ возвратился изъ путешествія, и вся царская фамилія возвратилась въ городъ, но говорятъ, что его величество уѣдетъ къ 1-му числу въ Берлинъ.

Сентября 26-го. Во дворцѣ совершился обрядъ крещенія великой княжны Анны Михайловны, на который были приглашены особы первыхъ 3-хъ классовъ, для коихъ былъ большой обѣдъ. Въ тотъ же вечеръ императоръ уѣхалъ съ наследникомъ цесаревичемъ въ Берлинъ, въ сопровожденіи графа Бенкендорфа. Князь Ливенъ остался въ Петербургѣ.

Ноября 9-го. Говорятъ, будто министръ финансовъ позволилъ себѣ сказать, что займы, заключенные имъ для Россіи, могли быть реализованы только благодаря его личному влиянію въ Европѣ. Графъ Васильчиковъ возразилъ на это нелѣпное заявленіе, замѣтивъ Канкрину, что, по его мнѣнію, Европа довѣряетъ также немного и средствамъ Россіи.

Декабря 6-го. Тезоименитство императора. Я былъ по утру во дворцѣ на *baise-mains*, а вечеромъ на балу. Марченко, князь Волконскій, Репнинъ, Нарышкинъ гофмаршалъ и Киселевъ (генераль) назначены членами Государственнаго Совѣта. Принцъ Ольденбургскій произведенъ въ генераль-лейтенанты. Нѣсколько особъ пожаловано въ фрейлины.

1835 г.

Окинемъ бѣглымъ взглядомъ внѣшнія и внутреннія событія истекшаго года. Въ дѣлахъ внутренняго управленія замѣчались колебанія. Министры превышали свою власть и присвоили себѣ право смѣщать своихъ подчиненныхъ и другія преимущества. Государь интересовался исключительно военнымъ дѣломъ. До сихъ поръ еще не издано Свода законовъ и юристамъ приходится руководствоваться прежними далеко неясными законами, затемненными чуть не 40 т. указами и мнѣніями, имѣющими силу закона. Всѣ министры, бывшіе у власти въ 1834 г., сохранили свои мѣста. Въ Сенатѣ все шло по-прежнему, всѣ выбивались изъ силъ, чтобы число хорошо или дурно рѣшенныхъ дѣлъ было какъ можно больше.

Государь учредилъ свою личную канцелярію, коей завѣдуютъ два статсъ-секретаря, одинъ officialный (Танъевъ), а другой тайный (Бен-

кендорфъ). Всѣ министерства были обязаны въ исходѣ каждаго мѣсяца представлять отчетъ объ исполненіи данныхъ имъ приказаній или о причинахъ, помѣшавшихъ ихъ выполнению. Это не нравилось министрамъ, и они старались представлять отчеты по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, но Тавѣевъ обратилъ на это вниманіе государя, который повелѣлъ соблюдать установленный порядокъ.

Нѣкоторые думали, что по возвращеніи императрицы изъ Берлина образъ жизни при дворѣ измѣнится и что вечеровъ болѣе не будетъ, такъ какъ время года было уже позднее, но все продолжалось по-прежнему. Роскошь страшно развивается. Въ Москвѣ, Тулѣ, Пензѣ были пожары, которые приписываютъ поджогамъ. Императоръ посѣтилъ гдѣ-то нѣкоторыя губерніи и ѣздилъ въ Берлинъ, откуда онъ вернулся осенью вмѣстѣ съ супругою и старшей дочерью.

Для внѣшней политики представляли весьма странное зрѣлище. Португаліей вновь завладѣлъ бывший бразильскій императоръ донъ-Педро, въ пользу своей дочери донны Маріи ди-Глоріи, изгнавъ своего брата, донъ-Мигуэла, который удалился въ Геную. Эта юная принцесса вступила въ бракъ съ принцемъ Саксенъ-Кобургскимъ, изъ семейства Бонапартовъ, несмотря на то, что Франція употребляла всѣ усилія къ тому, чтобы разстроить этотъ бракъ. Испанію раздирала гражданская война. Донъ-Карлосъ, удалившійся сначала въ Англію, сталъ во главѣ мятежниковъ противъ королевы Христіны и ея дочери. Генералъ Мина, такъ дѣятельно и успѣшно сражавшійся противъ Наполеона, былъ снова призванъ стать во главѣ войска. Но разстройство финансовъ и нерѣшительность правительства не дали ему возможности разстроить замыслы донъ-Карлоса.

Франція, все еще тревожимая внутренними смутами, сохранила однако представительный образъ правленія, возникшій въ 1830 г., но броженіе умовъ въ этой странѣ велико; увидимъ, что ожидаетъ ее въ будущемъ.

Англія, принявъ сторону существующаго во Франціи правительства, вступила съ этой державою въ союзъ; но къ концу года министерство Грея пало, Веллингтону было поручено сформировать новое министерство, во главѣ котораго сталъ Пель. Хорошо было бы, если бы ему удалось обуздать радикаловъ, которые суть настоящіе якобинцы. Италію волновали разные бродяги: французы, поляки, италянцы и другіе, которые съѣхались въ Швейцарію и волновали страну. Этыхъ негодяевъ удалось обуздать и изгнать изъ Швейцаріи. Турція, волнуемая египетскимъ пашою, который занялъ войсками Сирію, хотѣла объявить ему снова войну, но европейскимъ державамъ удалось предотвратить ее и помирить Порту съ этимъ бунтовщикомъ, всѣ замыслы котораго удавались.

Распря, возникшая между Бельгіей и Голландіей, затихла, но не была покончена. Австрія, Пруссія и Германскія государства были спокойны и заботились только о поддержаніи порядка и мира.

Швеція была взволнована сеймомъ; Данія готовитъ себѣ большія тревоженія въ будущемъ, вводя у себя представительный образъ правленія. Что будетъ съ Европою въ 1835 г.? Нельзя предвидѣть ничего удовлетворительнаго для человѣчества, въ особенности въ Испаніи.

Февраля 18-го. На масляницѣ былъ рядъ баловъ и маскарадовъ. Самымъ блестящимъ былъ балъ у оберъ-церемоніймейстера Дашкова. Императоръ посѣщалъ публичныя маскарады, онъ провелъ время весело на первомъ изъ нихъ, гдѣ его интриговало нѣсколько дамъ.

Февраля 27-го. Получено извѣстіе о кончинѣ императора австрійскаго; при дворѣ наложенъ трауръ на 4 недѣли. Его кончина есть бѣдствіе, постигшее Европу.

Въ городѣ рассказываютъ, что въ Патріотическомъ институтѣ кухарка, которую хотѣли уволить, подсыпала изъ мести мышьяку въ супъ, коимъ едва не отравилось 100—150 дѣвицъ. Ея преступленіе было обнаружено; оно могло имѣть страшныя послѣдствія, если бы императрица, по своему обыкновенію, попробовала супъ.

Марта 14-го. Въ день похоронъ австрійскаго императора, по распоряженію австрійскаго посланника, въ католической церкви была отслужена торжественная месса; вся церковь была задрапирована чернымъ, посреди нея возвышался роскошный катафалкъ. Полкъ имени покойнаго императора былъ выстроенъ шпалерами отъ Анничкова моста до Полицейскаго. Въ то время когда гѣли реквиемъ, было произведено три выстрѣла изъ орудій. Ожидали, что на эту заупокойную обѣдню придетъ императоръ, но въ церкви не было ни его, ни прочихъ членовъ царской фамиліи.

Марта 21-го. Сенату объявлено указомъ, что графъ Штакельбергъ, посланникъ въ Неаполѣ, просилъ объ увольненіи его съ этого поста и что на его мѣсто назначенъ графъ Матушевичъ.

Апрѣля 23-го. Послѣ именинъ государыни дворъ тотчасъ отправился въ Москву. Въ Петербургѣ остались только наследникъ и великія княжны, дочери императора, подъ надзоромъ князя (Александра Николаевича) Голицына. Великая княгиня Елена Павловна уѣхала за границу. Императора ожидаютъ къ 23-му мая; онъ ѣдетъ въ Казань.

Мая 5-го. Я крестилъ въ Царскомъ Селѣ мою внучку Ольгу Липгардтъ и воспользовался случаемъ, чтобы навѣстить князя Александра Голицына и поговорить съ нимъ о дѣлахъ глазной лѣчебницы. Я просилъ о наградахъ для нѣкоторыхъ лицъ (о пожалованіи Гауфу званія коммерціи совѣтника, Лерхе—Станислава 2-й ст. и какой-нибудь награды

врачу Фуссу); онъ отвѣтилъ мнѣ, что министры руководствуются принципомъ не давать знаковь отличія тѣмъ, кто работаетъ въ благотвори- тельныхъ учрежденіяхъ; я замѣтилъ, что этотъ принципъ не выдерживаетъ критики и доказываетъ плохое знаніе человѣческаго сердца. Я настаи- валь на томъ, чтобы банкиру Гауфу было дано званіе коммерціи совѣт- ника, но онъ сказалъ, что это всецѣло зависитъ отъ министра финансовъ. Затѣмъ нашъ разговоръ перешелъ на другіе предметы. Голицынъ ска- залъ мнѣ, что онъ читаетъ въ настоящее время придворные журналы царствованія Екатерины II, и прочелъ мнѣ подробное описаніе приема, оказаннаго ландграфинѣ Гессенъ-Дармштадтской, пріѣхавшей въ Рос- сію со своей дочерью, которая была первою супругою императора Павла I. Описаніе этого приема и празднествъ, устроенныхъ по этому случаю въ Царскомъ Селѣ, сдѣланное съ обычною въ прежнее время точностью, было весьма интересно. Мнѣ было жаль этого стараго царедворца, ко- торый, занимая министерскій постъ, всецѣло былъ погруженъ въ эти пустышныя воспомнанія прошлаго; ибо иной книги въ его кабинетѣ не было.

Ма я 14 - го. Я провелъ вечеръ у статсъ-секретаря Танѣва; онъ сообщилъ мнѣ резолюцію императора по поводу вопроса, возбуждавшаго разногласіе въ Комитетѣ министровъ, а именно относительно уменьше- нія количества войскъ въ царствѣ Польскомъ, гдѣ стояло 80 т., кото- рыя хотѣли уменьшить до 50 т. съ тою цѣлью, чтобы внести въ госу- дарственную казну 21 миллионъ флориновъ и принять содержаніе остаю- щихся 50 т. человѣкъ всецѣло на счетъ государства, не обременя бо- лѣе кассу королевства. Министръ финансовъ не согласился съ мнѣніемъ большинства членовъ Государственного Совѣта, поставивъ на видъ, что можетъ случиться неурожай и т. п., но заявилъ, что онъ готовъ принять 21 миллионъ флориновъ для употребленія ихъ по своему усмотрѣнію. Императоръ присоединился къ мнѣнію большинства противъ министра финансовъ. Очень любопытно, что князь Голицынъ сообщилъ мнѣ этотъ фактъ подъ секретомъ, а между тѣмъ онъ читалъ мнѣ эти бумаги въ присутствіи своей семьи, т. е. трехъ дамъ.

Ма я 25 - го. Государь съ государыней возвратились изъ Москвы. На слѣдующій день, въ Троицу, его величество присутствовалъ при освященіи собора Измайловскаго полка.

Іюня 1 - го. Я получилъ отъ Голицына перстень для доктора Фусса; доктору Лерхе пожалованъ Станиславъ, но банкиру Гауфу не дано пока никакой награды.

Когда государь ѣхалъ въ театръ, у его коляски сломилась рессора, на Караванной улицѣ; ихъ величества пересѣли въ экипажъ князя Лобанова, который случайно проѣзжалъ тутъ.

Іюня 5 - го. Начались Красносельскіе маневры. На нихъ присут-

ствують ихъ королевскія высочества, принцъ Нидерландскій съ супругою. Такъ какъ принцесса—сестра императрицы, то она будетъ жить въ Петергофѣ.

Архимандритъ Новгородскаго Юрьевскаго монастыря Фотій, большой интригантъ, завладѣвшій состояніемъ камеръ-фрейлины графини Орловой, встрѣтилъ императора въ монастырѣ не достаточно почтительно. Государь приказалъ заключить его на 10 дней въ Александро-Невскую Лавру, чтобы онъ обдумалъ свой поступокъ и научился исполнять обязанности настоятеля монастыря. Графиня Орлова употребила все свое стараніе, чтобы выманить прощеніе своему духовнику и довѣренному лицу, но императоръ былъ непреклоненъ.

Получено извѣстіе, что городъ Брестъ-Литовскъ выгорѣлъ почти дотла; пожаромъ, бывшимъ 1-го числа, истреблено 200 домовъ.

Іюля 1-го. Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Новосильцовъ пожалованъ графомъ.

Іюля 20-го. Я былъ на освященіи церкви Смольнаго монастыря, построенной 70 лѣтъ тому назадъ извѣстнымъ архитекторомъ Растрели, и которая, не будучи отдѣлана внутри, была предоставлена все это время разрушительному дѣйствію непогоды. Императоръ Николай пожелалъ окончить постройку этого великолѣпнаго памятника искусства и назвалъ его въ память своей матери соборомъ всѣхъ учебныхъ заведеній. На церемонію освященія были приглашены только сенаторы, а 22-го числа воспитанницы разныхъ учебныхъ заведеній пѣли въ этомъ соборѣ хоромъ. Прекрасные размѣры этого зданія, простота и вмѣстѣ съ тѣмъ величественный видъ храма и обиліе свѣта пріятно поражаютъ съ перваго взгляда. Дарохранилище въ главномъ алтарѣ достойна св. даровъ, которые въ ней хранятся. Стѣны и колонны, облицованныя искусственнымъ бѣлымъ мраморомъ, безъ всякихъ постороннихъ украшеній,—восхитительны. Однимъ словомъ, это образцовое произведеніе искусства, исполненное съ большимъ вкусомъ, на которомъ г.г. артистамъ есть чему поучиться.

Августа 1-го. Императоръ отправился съ императрицею, принцами Мекленбургскимъ и Нидерландскимъ на пароходъ въ Данцигъ, откуда онъ послѣдуетъ сухимъ путемъ въ Калишъ. Въ тотъ же день получено извѣстіе о довольно серьезномъ народномъ волненіи въ Берлинѣ. Свиту императора оставляютъ: кн. Волконскій, Адлербергъ, Меншиковъ и Бенкендорфъ.

Августа 26-го. Великій князь Михаилъ вернулся изъ Калиша и занялся за свои обычные занятія. Во время освященія Кульмскаго памятника, воздвигнутаго въ честь воиновъ, павшихъ въ 1813 г., императоръ пожаловалъ Андрея Первозваннаго Ермолу и Остерману. Они оба участвовали въ этомъ славномъ дѣлѣ, сражаясь противъ корпуса

Вандама. Мы узнали изъ газетъ о поѣздкѣ императора въ Вѣну для свиданія съ вдовою императора Франциска I. Онъ ѣздилъ къ ней съ строжайшимъ инкогнито. На обратномъ пути въ Россію государь осматривалъ Брестскія укрѣпленія.

Октября 16-го. Императрица возвратилась изъ своей поѣздки въ Калишъ съ великой княжной Ольгой Николаевной. Она остановилась въ Царскомъ Селѣ, но говорятъ, что собирается еще въ Москву на встрѣчу своему супругу, который уже успѣлъ осмотрѣть свои владѣнія отъ Варшавы до Кіева. Когда онъ былъ въ Варшавѣ, то депутаты Царства польскаго просили у него аудіенціи, которая и была имъ разрѣшена. Глава депутаціи, хотѣлъ произнести рѣчь, но едва успѣлъ онъ сказать: «Ваше Величество», какъ императоръ прервалъ его, сказавъ: «постойте». Депутатъ поклонился. Тогда императоръ сказалъ: «Я знаю, что вы хотите сказать мнѣ то же самое, что вы сказали, господа, моему покойному брату. Вы выразили одушевленія васъ чувства преданности и признательности; вы отвѣсили ему глубокой поклонъ точно такъ же, какъ и мнѣ, и однако вы нарушили данную намъ клятву вѣрности. Вы заставили меня воздвигнуть крѣпость въ самомъ центрѣ Варшавы, которая превратитъ ее въ груду развалинъ при первомъ же мятежномъ движеніи; вторично я строить ее (Варшаву) не буду. Не рассчитывайте ни на французовъ, ни на нѣмцевъ и позаботьтесь воспитать вашихъ дѣтей въ сознаніи ихъ обязанностей по отношенію къ монарху»¹⁾. Объ этой рѣчи говорили вездѣ. Ею всѣ восторгаются.

Октября 29-го. Сегодня скончался петербургскій почтъ-директоръ Булгаковъ, къ величайшему прискорбію всѣхъ его знавшихъ. Говорили, будто у него большое состояніе, но вскорѣ послѣ его смерти пронесся слухъ, что у него не оказалось достаточно денегъ на погребеніе.

Ноября 1-го. Кончина почтъ-директора Булгакова обратила вниманіе правительства на выгоду, которую покойный извлекалъ отъ пересылки газетъ и журналовъ, отъ чего исчисляють ежегодно доходъ въ 130 т. р. Эти деньги обращены теперь въ доходъ казны съ отчисленіемъ изъ этой суммы 20 т. р. вознагражденія директору, что вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими доходами составитъ ежегодное вознагражденіе въ 30 т. р.

Ноября 7-го. Министръ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ получилъ строгій выговоръ за то, что онъ послалъ докладъ самому императору, а не обычнымъ порядкомъ; его секретарь посаженъ на гауптвахту. Вслѣдствіе этого появился циркуляръ, коимъ министрамъ предписывается

¹⁾ Богѣ подробный текстъ этой рѣчи напечатанъ въ „Русской Старицѣ“.

адресовать письма во время отсутствія императора статсъ-секретарю Тавъеву.

Н о я б р я 22-го. Въ «Journal de S.-Pétérshbourg» появилась перепечатка язвительной критики, которую «Journal des Débats» позволилъ себѣ напечатать на рѣчь, произнесенную императоромъ въ Варшавѣ, при приѣмѣ польскихъ депутатовъ. Почтовая цензура не пропустила этого номера, но императоръ счелъ за благо не только пропустить французскую газету, но перепечатать полностью ея содержаніе и текстъ своей рѣчи съ указаніемъ на мѣста, пропущенныя въ ней издателемъ французской газеты. Надѣюсь, что по этому поводу не возникнетъ полемика и что этого шага будетъ вполне достаточно, чтобы показать величайшее презрѣніе, съ какимъ у насъ относятся къ инсинуаціямъ французскаго правительства, которое пользуется нынѣ этимъ противузаконнымъ путемъ, чтобы высказывать свое мнѣніе, и оправдывается тѣмъ, что эта газета неофициальная, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что она редактируется по его (правительства) приказанію и подъ его вліяніемъ.

Н о я б р я 25-го. Въ городѣ только и разговора о различныхъ преобразованіяхъ въ вѣдомствѣ министерства финансовъ, отъ котораго хотятъ отнять казенныя имущества, присоединивъ ихъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, или образовать изъ нихъ отдѣльное вѣдомство; будущимъ начальникомъ этого новаго учрежденія называютъ ген. Киселева. Это заставляетъ думать, что этотъ человѣкъ начинаетъ мѣшать нѣкоторымъ царедворцамъ, и что ему хотятъ дать дѣло, чтобы онъ не мѣшалъ имъ проводить ихъ планы.

Д е к а б р я 15-го. Дворянство дало балъ въ домѣ Энгельгардта, нанятомъ съ этой цѣлью на нѣсколько лѣтъ. Всѣ присутствующіе были въ полной парадной формѣ. Ихъ Величества удостоили балъ своимъ присутствіемъ, ужинали и видимо остались довольны этимъ собраніемъ дворянъ Петербургской губерніи.

Д е к а б р я 18-го. Появился манифестъ, коимъ по случаю десяти-лѣтняго юбилея со вступленія на престолъ нынѣ царствующаго императора нѣкоторымъ лицамъ, замѣшаннымъ въ дѣлѣ 14-го декабря 1825 г., срокъ каторжныхъ работъ уменьшенъ съ 15 на 13 лѣтъ; подъ этотъ манифестъ подошелъ и мой племянникъ.

1836 г.

Февреля 2-го. Около 1 часа дня на Адмиралтейской площади загорѣлся большой балаганъ (Леманъ). При этомъ погибло нѣсколько сотъ человѣкъ обоего пола; многіе были тяжело ранены. Въ опубли-

кованныхъ официальныхъ свѣдѣнiяхъ объ этомъ пожарѣ сказано, что подъ развалинами театра найдено всего 129 труповъ.

Февраля 7-го. Я былъ приглашенъ на обѣдъ къ сенатору Багрееву, женатому на дочери Сперанскаго. Эта дама показала мнѣ очень капризной и повелѣвающей мужемъ. Я пристально наблюдалъ за ней, что она подмѣтила и старалась какъ можно лучше разыграть роль женщины, не любящей большихъ собраний и предпочитающей уединенiе.

Марта 4-го. Рассказываютъ, что министръ финансовъ, намѣревавшiйся ѣхать за границу, позволилъ себѣ образовать на время своего отсутствiя какое-то временное управленiе министерствомъ и представилъ свой проектъ императору чрезъ генерала Адлерберга. Государь былъ чрезвычайно недоволенъ этимъ поступкомъ своего министра и хотѣлъ смѣнить его. Гр. Канкринъ, узнавъ о неудовольствiи его величества, отказался отъ путешествiя.

Апрѣля 21-го. День рожденiя императрицы. При дворѣ былъ выходъ. Графиня Нессельроде, супруга вице-канцлера, пожалована въ статсъ-дамы. Великий князь Михаилъ не былъ во дворцѣ. Онъ нездоровъ, говорятъ даже, будто онъ ѣдетъ на 8 мѣсяцевъ за границу для поправленiя здоровья.

Апрѣля 22-го. Былъ балъ при дворѣ, на который я былъ приглашенъ впервые въ качествѣ первоприсутствующаго 3-го департамента. Дипломатическiй корпусъ былъ приглашенъ въ полномъ составѣ. Государь продолжительно бесѣдовалъ въ залѣ съ англiйскимъ посланникомъ Даргамомъ, затѣмъ они удалились во внутреннiе покои, чтобы бесѣдовать безъ помѣхи. Посланникъ возвратился въ залу черезъ полчаса; къ нему тотчасъ подошли гр. Орловъ и морской министръ кн. Меншиковъ. Я заключилъ изъ этого, что эти приближенныя къ императору лица продолжали разговоръ, начатый государемъ. Балъ окончился во второмъ часу. Въ 11¹/₂ ч. былъ поданъ ужинъ. Залъ былъ декорированъ со вкусомъ.

Я замѣтилъ, что во время разговора съ государемъ посланникъ держался высокомерно. Этотъ разговоръ, продолжавшiйся болѣе часа, возбуждалъ толки о войнѣ съ Англiей. Я сомнѣваюсь, чтобы дѣло дошло до войны, но англiчане будутъ угрожать намъ и постараются добиться уступокъ въ торговыхъ дѣлахъ, а если мы выкажемъ боязнь, то они достигнутъ своей цѣли.

Юля 31-го. Въ послѣднiй день маневровъ, конногвардейцы устроили въ Красномъ Селѣ фейерверкъ, который не удался. Фейерверкъ долженъ былъ напоминать сраженiе при Наваринѣ и Кульмѣ. Говорятъ, будто императоръ воспретилъ впредь устраивать фейерверки на счетъ офицеровъ.

Августа 29-го. Получено извѣстie, что его величество имѣлъ несчастье опрокинуться въ коляскѣ и сломалъ лѣвую ключицу. Это несчастье случилось въ Чембарѣ, уѣздномъ городѣ Пензенской губерніи, который находится въ разстояніи 2.200 в. отъ Петербурга. Курьеръ, прибывшій 1-го сентября, привезъ успокоительныя извѣстія, разъясняющія опасенія за будущее. Возвращенія его величества въ Петербургъ ожидаютъ къ 15-му числу; по всей вѣроятности, онъ не поѣдетъ въ Варшаву. Быть можетъ, это предостереженіе свыше, которое предотвратитъ еще большее несчастье.

Сентября 17-го. Поправившись въ Чембарѣ отъ ушиба, императоръ выѣхалъ въ Петербургъ 8-го числа и прибылъ 15-го числа въ Москву, откуда онъ совершилъ путь до Царскаго Села въ 41 часъ. Эта поспѣшность была вызвана, вѣроятно, желаніемъ доказать народу, что онъ вполнѣ поправился. Два дня спустя въ Красномъ Селѣ были малые маневры.

Октября 7-го. Императоръ пробылъ въ городѣ два дня. Войска также пришли изъ Царскаго Села. Онъ былъ на парадѣ въ манежѣ, катался по городу и былъ вечеромъ въ театрѣ, гдѣ его приняли восторженно. Государь не хотѣлъ показываться публикѣ, но императрица посоветовала ему показаться и поблагодарить за сдѣланный ему пріемъ.

Ноября 26-го. Было собраніе капитула Георгіевскаго ордена, подъ предсѣдательствомъ генерала Капцевича, который сообщилъ мнѣ, что министръ финансовъ старается выхлопотать таможеннымъ чиновникамъ право на полученіе этого креста. Онъ не сочувствуетъ, поведи-мому, этому нововведенію.

Была репетиція новой серьезной оперы, музыка которой сочинена Глинкою, а либретто написано барономъ Розеномъ. Это первая опера въ этомъ родѣ, сочиненная русскимъ композиторомъ. Императоръ присутствовалъ на репетиціяхъ и очень интересуется успѣхомъ этой оперы, которая была играна первый разъ 27-го ноября. Музыка не особенно понравилась, и вообще сюжетъ оперы не вызвалъ энтузіазма въ публикѣ.

Декабря 1-го. При дворѣ наложенъ на 3 дня трауръ, по случаю смерти принцессы Луизы Прусской, бывшей замужемъ за Радзивилломъ. Трауръ окончится 7-го числа, вслѣдствіе чего балъ, назначенный при дворѣ 6-го, отложенъ до 13-го.

Декабря 6-го. Придворнымъ чинамъ даны награды; 5 дѣвицъ, въ томъ числѣ графиня Нессельроде, пожалованы во фрейлины. По министерству иностранныхъ дѣлъ было мало наградъ. Наслѣдникъ цесаревичъ произведенъ въ генералы. Нѣсколько чиновниковъ театральнаго и конюшеннаго вѣдомствъ и нѣсколько состоящихъ при посольствахъ также получили награды.

Записки Михаила Чайковского.

(Садыкъ-Мехметъ паши).

LXVIII ¹⁾.

Дѣятельность Чайковского послѣ кампаніи.—Объѣздъ имъ южной границы.—Устройство военной школы въ Фессалии.—Внутреннее устройство этой провинціи.—Разбойники и борьба съ ними.—Али-паша, комендантъ крѣпости Превеза.—Крѣпость Вечь-Бунаръ и ея комендаантъ.—Янина.—Правы турокъ.

По окончаніи войны, когда всѣ извѣстія, доходившія до насъ съ родины, свидѣтельствовали о наступленіи для польскаго народа новой эры, благодаря гуманнымъ мѣрамъ императора Александра II, я не могъ болѣе мечтать о новыхъ войнахъ для возстановленія Польши и о возстаніи въ самой Польшѣ и рѣшилъ направить всѣ свои усилія на военную выправку поляковъ и прочихъ славянъ, служившихъ султану подъ именемъ казаковъ, и на болѣе тѣсное сближеніе поляковъ со славянами. Я хотѣлъ, чтобы поляки вѣрою и правдою служили султану и Оттоманской Портѣ, сохраняя подъ турецкими знаменами свою народность, языкъ и обычаи, я хотѣлъ сблизить ихъ со славянами въ ожиданіи того времени, когда Господь позволилъ бы намъ, по своей неизреченной милости, сложить наши труды на алтарь отечества.

Я привезъ изъ Парижа цѣлую бібліотеку всевозможныхъ военныхъ сочиненій и, пріѣхавъ въ Фессалию, собралъ молодыхъ унтеръ-офицеровъ поляковъ и славянъ и основалъ военную школу, директоромъ ко-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ июнь 1900 г.

торой былъ мною назначенъ капитанъ Грабскій, бывшій ветеранъ польской арміи во времена Наполеона I; офицеры добровольно согласились проходить съ этими унтеръ-офицерами курсъ разныхъ наукъ; кромѣ военныхъ предметовъ въ этой школѣ преподавались топографія, географія, ариеметика, исторія и даже польская грамматика; всѣ науки преподавались на польскомъ языкѣ. Занятія въ школѣ были сразу поставлены какъ слѣдуетъ, несмотря на то, что этому всячески старались помѣшать старые малограмотные служаки и всѣ тѣ, которые полагали, что если солдаты будутъ болѣе образованы, то офицеры утратятъ надъ ними неограниченную власть, до которой они были большіе охотники, несмотря на свои демократическіе взгляды. Меня всегда смѣшили рѣчи этихъ господъ.

— Когда болгары будутъ болѣе образованы,—говорили они,—то они перестанутъ повиноваться намъ; лучше было бы оставить ихъ такими, какими были наши холопы въ Польшѣ; палка и дисциплина—вотъ наилучшая школа.

Такія мысли высказывались за границею польскими шляхтичами-демократами; видно, трудно отвыкнуть подъ старость отъ того, къ чему привыкнешь смолода.

Многіе роптали на мое нововведеніе, но повиновались мнѣ, и дѣло пошло на ладъ.

Взявъ съ собою одинъ эскадронъ драгунъ, коимъ командовалъ капитанъ Рика, я отправился съ нимъ на объѣздъ границы.

Что-за чудная страна Фессалія и Эпиръ, по истинѣ это мѣстопробываніе боговъ! Высокія горы поросли великолѣпнымъ лѣсомъ; вершины ихъ покрыты вѣчными снѣгами, а у подножія ихъ тянутся благоухающія степи, какъ на нашей Украйнѣ, луга и пахотныя поля, на которыхъ зерно родится самъ 30, растутъ оливковыя, померанцовыя, лимонныя и гранатовыя рощи, тутовыя деревья; тутъ же цѣлыя горы разноцвѣтнаго мрамора и гранита, рудники, въ которыхъ добывается золото, серебро, мѣдь, желѣзо и каменный уголь; берега этой благодатной страны омываются двумя морями, почва ея орошается множествомъ ручьевъ и рѣкъ; въ лѣсахъ водятся всевозможные звѣри, дикія козы, серны, олени, медвѣди и даже рыси; моря и рѣки изобилуютъ рыбою, которую отправляютъ въ чужіе края цѣлыми судами,—такова дивная Фессалія. Имѣніе, стоющее сто тысячъ, при посредственномъ управленіи приноситъ сто тысячъ дохода, а при хорошемъ управленіи и болѣе того. Какъ было древнимъ богамъ не любить этотъ край? Его облюбовали бы и современные финансовыя боги, съ самимъ Ротшильдомъ во главѣ, если бы они имѣли возможность поселиться въ этой странѣ и извлекать изъ нея доходъ. Но она завоевана мусульманскимъ оружіемъ, ея владѣютъ потомки сипаевъ, которые сами не хотятъ ра-

ботать и другимъ не дають, а хотять только безъ всякаго труда извлекать изъ всего выгоду и грабить народъ, хотять, чтобы имъ валились въ ротъ прямо жареныя перепелки. Вопреки всякой справедливости они покровительствуютъ разбойникамъ для того, чтобы держать въ вѣчной тревогѣ и повиновеніи покоренныхъ имъ райевъ. Они предпочитаютъ оставлять поля необработанными, предпочитаютъ, чтобы богатый и плодородный край обратился въ пустыню, нежели уступить кому-нибудь хоть пядь земли своихъ помѣстій, нежели подчиниться танджимату. Бей владѣли землями вопреки танджимату, разбойники были покорными исполнителями ихъ воли, а земля и жившіе на ней христіане были ихъ добычею и жертвою, терпѣли всевозможныя злоупотребленія, которыя прикрывались благовиднымъ предлогомъ, будто все это дѣлалось для сохраненія преобладающаго вліянія мусульманъ надъ христіанами; поэтому мусульманскія власти не смѣли притѣснять беевъ и побижали имъ, тогда какъ всѣ ихъ поступки шли въ разрѣзъ съ танджиматомъ.

Арнауты, какъ говорятъ, потомки мирмидонянъ ⁴⁾, сражавшихся подъ предводительствомъ Ахилла и Александра Великаго, не знали инаго занятія кромѣ военной службы. Одни изъ нихъ поступали въ пограничную стражу, куда ихъ поставляли особые чиновники, такъ называемые сергердари; другіе служили бейами или становились атаманами разбойничьихъ шаекъ, ибо надобно какъ-нибудь заработать средства къ жизни.

Правительство выдавало сергердарю на cadaго солдата по 60 піастровъ, или 12 франковъ въ мѣсяць, и по 300 драхмъ муки въ день. Сергердарь долженъ былъ дать взятку сначала въ Стамбулѣ, затѣмъ мѣстнымъ властямъ и кромѣ того нерѣдко и иностраннымъ консуламъ. Онъ долженъ былъ нанимать бинбашей, юзбашей, муэдзиновъ и чаушей, да и самъ долженъ же былъ кое-что заработать; поэтому, вмѣсто того чтобы выставить подъ ружье 1.000 человекъ, какъ онъ обязывался по контракту, онъ снаряжалъ всего человекъ 150—200. Но этимъ солдатамъ онъ не платилъ жалованія, объясняя это недостаткомъ наличныхъ денегъ въ казнѣ; поэтому нанятые имъ бѣдняки, отслуживъ срокъ, возвращались домой и распродавали свое имущество за третью часть его стоимости какому-либо чиновнику, подставленному сергердаремъ; положенной имъ муки они никогда не видали; а такъ какъ имъ надобно же было чѣмъ-нибудь существовать, то они занимались кражами, грабежами, которые приписывались разбойникамъ, гай-

⁴⁾ Древнее ахейское племя въ Фессалии.

дукамъ, арматоламъ или клефтамъ⁴⁾; несчастный народъ страдалъ, а газеты трубили о разбояхъ.

Арнауты, ставшіе атаманами разбойничьихъ шаякъ, немного получали денегъ отъ беевъ, у которыхъ ихъ также было не особенно много, но они всегда могли жить на всемъ готовомъ у нихъ на фольваркахъ и въ имѣніяхъ; они ѣли у нихъ, пили, пользовались всѣми удобствами и дѣлились доходами отъ своихъ разбоевъ со своими покровителями-бееми. Они знали другъ друга наперечетъ; на мнимыхъ разбойниковъ устраивались облавы, въ горы посылались небольшіе отряды, чтобы изловить ихъ; они шумѣли, стрѣляли, но при этомъ никогда не бывало убито или поймано ни одного разбойника; иногда для виду убивали ни въ чемъ неповиннаго пастуха, пасшаго овецъ въ горахъ, который быть можетъ самъ сдѣлался бы со временемъ разбойникомъ, если бы онъ пожилъ долѣе на свѣтѣ; но дальновидные арнауы, желая спасти его отъ грѣха, заблаговременно отправляли его на тотъ свѣтъ.

Разбой были самой главной статью дохода губернаторовъ; доходъ этотъ, хотя и незаконный, но былъ освященъ обычаемъ. Получивъ извѣстіе о появленіи разбойника или о совершеніи какой-либо крупной кражи, губернаторъ не розыскивалъ разбойника или украденной вещи, но арестовывалъ всѣхъ жителей деревни, заподозрѣнной въ укрывательствѣ вора; держалъ ихъ взаперти до тѣхъ поръ, пока они не откупались за извѣстную сумму. Сергердаря сами производили слѣдствіе, мучили людей и облагали повинностью ту деревню, черезъ которую проходили разбойники, что они узнавали по слѣдамъ, оставленнымъ ими на пескѣ или на камняхъ.

Пріѣхавъ въ Лариссу (Енишеръ), я нашелъ въ этомъ городѣ арестованными 3.653 атакчей и ни одного разбойника. Каждый атакча долженъ былъ заплатить губернатору 1.000 піастровъ, иные платили и въ десять разъ больше. Въ то время самымъ отчаяннымъ разбойникомъ считался Скальзояни изъ Эпира; онъ былъ племянникъ одного помѣщика грека, Бератли, который пользовался особыми привилегіями и такимъ влияніемъ, что губернаторъ Арты, гдѣ онъ проживалъ, былъ въ полной отъ него зависимости. Молодой Скальзояни, которому было не болѣе 16 лѣтъ, слылъ лучшимъ стрѣлкомъ въ округѣ; но онъ былъ большой сорвиголова. Дядя часто строго наказывалъ его за его продѣлки; когда же племянникъ пожаловался на него однажды губернатору Арты, который былъ съ нимъ не въ ладахъ, то тотъ подарилъ мѣ-

⁴⁾ Христіанскіе предводители, послѣ завоеванія Греціи османами удалившіеся въ горы Македоніи, Эпира и Фессаліи, славились своими грабежами и внушали такой страхъ, что турецкіе пашы заключали съ ними договоры, платили имъ жалованье и выдавали съѣстные припасы.

лодому человѣку прекрасную англійскую винтовку, сказавъ: «чтобы отнять у твоего дяди охоту вмѣшиваться не въ свое дѣло, лучше всего подбивать его пулею, чтобы онъ болѣе не всталъ».

Этотъ совѣтъ не пропалъ даромъ: молодой Скальзояни, въ тотъ же день устроивъ засаду, застрѣлилъ дядю, а самъ сдѣлался атаманомъ шайки разбойниковъ. Весь Радовистскій округъ трепеталъ передъ нимъ.

Радовистскій округъ, лежащій на правомъ берегу Аспропотама, противъ Аграфы Фессалійской, представляетъ собою страну скалъ, овраговъ, пропастей, поросшихъ оливковыми деревьями и дотога крутыхъ, что по нимъ съ трудомъ взбираются дикія козы. Всѣ дома въ немъ каменные, съ бойницами и отстоятъ одинъ отъ другаго на разстоянн $\frac{1}{2}$ версты и болѣе. Дома эти, будучи разбросаны на разстоянн 20 кв. верстъ, составляютъ одну деревню или урочище съ населеніемъ въ нѣсколько тысячъ душъ.

Во время возстанія 1855 г. Скальзояни игралъ видную роль и былъ самымъ дѣятельнымъ предводителемъ клефтовъ, а по окончанн возстанія сдѣлался снова атаманомъ разбойниковъ.

Эпирскій губернаторъ Гусни-паша послалъ противъ него баталіонъ пѣхоты, эскадронъ кавалеріи и батарею артиллеріи; однажды, въ тотъ самый моментъ, когда былъ поданъ обѣдъ, ему донесли, что Скальзояни находится по близости; Гусни-паша, не дотронувшись до ѣды, вскочилъ на лошадь и поскакалъ въ погоню за нимъ со всею своею свитою; поймать его однако не удалось; когда же всѣ вернулись и усѣлись снова за обѣдъ, и сняли крышки съ мисокъ, то оказалось, что онѣ были пусты, а въ одной изъ нихъ лежала карточка Скальзояни, на которой была вычислена стоимость всего съѣденнаго и было сказано, что все съѣдено имъ и его клефтами. Это не разсердило Гусни-пашу, но нагнало на него такой страхъ, что онъ ушелъ съ своимъ войскомъ въ Янину, а Скальзояни преспокойно хозяйничалъ въ Радовистѣ.

Вотъ въ какомъ положенн я засталъ Фессалію и Эпиръ. Мнѣ была подчинена пограничная стража, состоявшая въ Фессаліи изъ четырехъ, а въ Эпирѣ изъ двухъ бинбашликовъ, подъ начальствомъ еергердаря Халиль-бея, вполнѣдствіи паши. Пограничныхъ стражниковъ числилось до трехъ тысячъ человѣкъ, но на самомъ дѣлѣ ихъ было едва 1.000 человѣкъ.

Я началъ свой объѣздъ съ порта Воло, который могъ бы быть однимъ изъ самыхъ значительныхъ торговыхъ городовъ въ мірѣ и его портъ могъ бы быть прекраснѣйшею гаванью для обширнаго флота. Заливъ Воло представляетъ собою какъ бы внутреннее море; образуетъ возлѣ города узкій заливчикъ, на берегу котораго лежитъ мѣстечко Тригорія—гнѣздо словаковъ; на греческомъ берегу лежитъ городъ Амабополисъ, а на турецкомъ—селеніе Лихонія съ красивыми вилами

и померанцевыми, лимонными и гранатовыми рошамп, принадлежащими по большей части одесскимъ, марсельскимъ и лондонскимъ купцамъ. Ромеръ видѣлъ тамъ много красивыхъ гречанокъ изъ Одессы, которыя были украшеніемъ Лихоніи. Въ самомъ Воло также было довольно большое общество, состоявшее изъ консуловъ и ихъ семей и мѣстныхъ купцовъ; англійскимъ консуломъ былъ Стуртъ, котораго весьма интересовалъ вопросъ о мѣстонахожденіи древнихъ Фивъ. Желая отыскать его, онъ то и дѣло совершалъ съ своей женою поѣздки по странѣ, но такъ какъ оба они не говорили ни по-турецки, ни по-гречески, то не могли столкнуться съ проводниками; проводники не понимали, чего онъ искалъ, а Стуртъ только повторялъ: «Тебу» (Фивы); а по-турецки тере значить гора; поэтому проводники полагали, что онъ хочетъ полюбоваться видомъ съ горы, водили его съ горы на гору, говоря тере; англичанинъ заносилъ въ свою записную книжку: «Тебу» и нагружалъ ословъ и муловъ камнями, взятыми на каждой горкѣ, полагая, что это камни съ развалинъ прежнихъ Фивъ; онъ считалъ такимъ образомъ до двухъ тысячъ пригорковъ, на которыхъ стояли нѣкогда Фивы, и набралъ столько камней, что нагрузилъ ими впоследствии цѣлое судно, которое послалъ въ даръ королевѣ Викторіи.

Обѣзжая военные посты въ окрестностяхъ Воло, я нашелъ вездѣ полный комплектъ пограничныхъ стражниковъ-арнаутъ, но всѣ они были дотого похожи другъ на друга, какъ близнецы; мои казаки сдѣлали то же наблюденіе, и какъ люди опытные, бывалые, разговаривая съ арнаутами, они сдѣлали незамѣтнымъ образомъ на нихъ кресты; оказалось, что мы увидали тѣхъ же, отмѣченныхъ крестами арнаутъ на слѣдующихъ постахъ; тогда мы поняли маневръ сергердарей, который состоялъ въ томъ, что на первомъ посту былъ положенный комплектъ солдатъ, которые по окончаніи смотра и по нашемъ отъѣздѣ изъ мѣстечка, тотчасъ слѣзши окольными путями на слѣдующій постъ и ожидали насъ, изображая новую часть въ полномъ комплектѣ и дажѣ; такимъ образомъ обманывали инспекторовъ, посылаемыхъ правительствомъ. Не желая играть такую глупую роль, я показалъ бинбашамъ отмѣченныхъ крестами арнаутовъ; они были очень сконфужены, признались въ обманѣ, но увѣрили, что иначе поступать не могли, за неимѣніемъ средствъ. Этотъ опытъ послужилъ мнѣ впоследствии на пользу.

Изъ Турки, куда выѣхали мнѣ на встрѣчу мѣстныя греческія власти, я отправился въ Чатальджи, или Ферсалу, гдѣ и остановился въ домѣ богатаго Шехъ-бея; онъ рассказывалъ мнѣ, что Чатальджи считается самой нездоровой мѣстностью Фессалии, но что въ самомъ городѣ нигдѣ нѣтъ блохъ и клоповъ и что они не могутъ тутъ жить. Дѣйствительно, въ его домѣ не было этихъ враговъ человѣческаго покоя.

Желая убѣдить насъ въ истинѣ своихъ словъ, онъ послалъ въ Демако чловѣка, который привезъ оттуда большой горшокъ, наполненный живыми клопами; ихъ выпустили въ одну комнату, гдѣ они быстро расползлись по всему полу; на другой день онъ повелъ насъ въ эту комнату, и мы увидѣли всѣхъ клоповъ мертвыми; турокъ доказывалъ, что это зависитъ отъ воздуха, и что въ Демако, которое лежитъ на горѣ и пользуется хорошимъ климатомъ, водятся миллионы клоповъ; мы испытали это впоследствии на себѣ.

Изъ Демако, гдѣ находилась древняя крѣпость, укрѣпленная согласно всѣмъ новѣйшимъ требованіямъ науки, мы отправились въ Кардисту—сердце Фессалии, такъ называли этотъ городъ въ древности, и это вполне справедливо. Надобно признать, что въ прежнее время люди были лучшими стратегами, нежели теперь, ибо всѣ укрѣпленія, возведенныя въ Демако и въ Фанарѣ, были расположены такъ, что ихъ было не замѣтно даже спускаясь съ горъ на равнину, между тѣмъ какъ никто не могъ проѣзжать мимо Кардисты не замѣченнымъ изъ крѣпости; поэтому я поставилъ въ Кардистѣ сильный гарнизонъ и, развивая мой планъ обороны границы, доказывалъ необходимость укрѣпить Кардисту и имѣть тамъ главную квартиру или центральный пунктъ пограничной стражи Фессалии и Эпира.

Въ монастырѣ, называемомъ Корона, въ которомъ было 200 келій, былъ помѣщенъ весь штабъ и эскадронъ, и люди и лошади имѣли довольство всего необходимаго. Монастырь былъ укрѣпленъ подобно крѣпости и стоялъ надъ обрывомъ, по которому шла дорога съ плоскогорья Неврокополи на плоскогорье Кардиста; другая дорога шла отъ плоскогорья Неврокополи къ границѣ черезъ большое и довольно многолюдное селеніе, Редіево, жители котораго, румыны, назывались каракачанами. Многія ихъ поселенія находятся въ Фессалии и Эпирѣ и даже въ горахъ Македоніи. Мужское населеніе очень красиво, напоминаетъ древнихъ римлянъ; это потомки бывшихъ римскихъ легионеровъ, которые не смѣшались съ другими народами. Ихъ богатство составляютъ стада овецъ и рогатаго скота: они занимаются выдѣлкою разныхъ шерстяныхъ матерій, лѣтомъ живутъ въ горахъ, а зимою спускаются въ долины; ихъ дома построены изъ камня и походятъ на маленькія крѣпостцы, съ бойницами. Они очень зажиточны и болѣе образованы, нежели прочіе жители Турціи, характера смѣлаго и отважнаго, и если бы румынскому правительству удалось переманить ихъ на лѣвый берегъ Дуная, то у него были бы прекрасные легионы для защиты своихъ владѣній. Многіе румыны, какъ напр. Гика, Конаки и др., суть выходцы изъ Эпира и Фессалии, которые переселились изъ тамошнихъ горъ въ разное время; удивительно, что румыны, которые у себя на родинѣ отличаются большимъ легкомысліемъ и своеволіемъ, находясь подъ иноземной властью, оказы-

ваются самыми степенными людьми и готовы научиться самому строгому порядку. Въ нихъ сохранилась до сихъ поръ твердость характера, настойчивость и храбрость древнихъ римлянъ. Каракачаны внушаютъ къ себѣ въ окрестныхъ жителяхъ страхъ и уваженіе.

Въ Кастаніи мы пили вино, которое пѣнилось и было вкусно, какъ шампанское. На мѣстѣ оно сохраняется много лѣтъ, не утрачивая своихъ качествъ и продолжая пѣниться, но, будучи вывезено за Кастанскія горы, теряетъ вкусъ и болѣе не пѣнится.

Въ Серменикіой намъ пришлось пробыть три дня по причинѣ сильныхъ вѣтровъ, во время которыхъ опасно ѣхать по горахъ, у подошвы которыхъ зияютъ пропасти. Съ горъ приходится спускаться нѣсколько верстъ на самомъ краю пропасти, по столь узкимъ тропинкамъ, по которымъ можетъ идти въ рядъ только одна лошадь. Господь хранилъ насъ, и мы совершили этотъ путь благополучно.

На рѣкѣ Аспропотамъ, отдѣляющей Аграфъ отъ Радовиста, находится старинный римскій мостъ, перекинутый съ одной горы на другую; длина этого моста, у котораго нѣтъ перилъ—120 шаговъ, а ширина 3 шага; глубина же пропасти до дна рѣки не менѣе 2.000 сажень; мѣстные жители считаютъ эту глубину равную 200 минаретамъ, каждый вышиною въ 10 сажень; черезъ мостъ переходятъ пѣшкомъ и такъ какъ тутъ было много несчастныхъ случаевъ, то никто не рѣшается въ настоящее время проѣхать черезъ него на мулѣ или на ослѣ. Гусни-паша хотѣлъ, чтобы арнауты перевезли его черезъ этотъ мостъ на какомъ-то подобіи санокъ, къ которымъ онъ велѣлъ привязать себя, но, едва вступивъ на мостъ, онъ дотога перепугался, что сталъ кричать благимъ матомъ, какъ будто съ него сдирали шкуру; его тотчасъ потащили назадъ вмѣстѣ съ санками.

Я велѣлъ скупить въ сосѣднихъ деревняхъ весь холстъ, который можно было достать, и натянуть его на веревкахъ по обѣ стороны моста, чтобы ни люди, ни лошади не могли видѣть пропасти, и чтобы они шли какъ бы между двумя полотняными стѣнами; самый же мостъ я приказалъ посыпать пескомъ. Такимъ образомъ я прошелъ благополучно по этому мосту со всѣмъ эскадрономъ.

Этотъ переходъ создалъ намъ среди мѣстныхъ жителей славу искусныхъ кавалеристовъ, какихъ-то новыхъ центавровъ; они вообразили, что если мы за кѣмъ погонимся, то отъ насъ никому не уйти; это значительно помогло намъ поддерживать въ краѣ тишину и порядокъ.

Пройдя черезъ Радовистъ, мы увидѣли въ Комбоці первую сторожевую башню, коихъ предполагалось выстроить на границѣ 180, каждая стоимостью до 300 тысячъ. Пока этихъ башенъ выстроено всего пять, а въ Анино былъ построенъ блокгаузъ, обошедшійся около милліона; онъ стоялъ на самой границѣ; по другую сторону ея тянулася высокая цѣпь

горь; въ блокаузѣ было устроено помѣщеніе для орудій; не знаю, что бы съ нимъ стали дѣлать въ случаѣ ненадобности. Смѣшно было строить блокаузы и сторожевыя башни противъ разбойниковъ, когда для этого было бы достаточно имѣть кордоны. Въ случаѣ войны съ Греціей при отступленіи войска эти миллионныя сооруженія пришлось бы оставить въ добычу неприятелю, а если бы турецкое войско перешло границу и вступило въ Грецію, то ихъ пришлось бы оставить безъ всякаго употребленія. Я написалъ въ этомъ смыслѣ донесеніе изъ Арты и приостановилъ работы по постройкѣ этихъ башенъ, къ величайшему неудовольствію штаба и архитектора, или каменщиковъ и плотниковъ-грековъ, которые въ дѣйствительности были строителями этихъ зданій и офицерами штаба, такъ какъ сами штабные офицеры, коихъ тутъ было три, не имѣли ни малѣйшаго понятія ни о строительномъ искусствѣ, ни о фортификаціи. Одинъ изъ нихъ признался мнѣ, что онъ былъ чубукчемъ у начальника артиллеріи, другой—что онъ былъ сыномъ привратника военной школы, а третій—былъ изъ придворныхъ музыкантовъ, игралъ на флейтѣ; всѣ трое числились офицерами штаба, ѣли, пили и спали въ Артѣ, но ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ указать, въ какихъ именно пунктахъ находились сторожевыя башни. Мнѣ пришлось отправиться за свѣдѣніями къ Калфамъ, строителямъ грекамъ и съ ними объѣхать окрестности.

Въ Артѣ мы нашли великолѣпный каменный римскій мостъ, утвержденный на одной артѣ и сохранившійся такъ прекрасно, что казалось, будто онъ только-что построенъ. За этимъ мостомъ намъ пришлось ѣхать болѣе 10 верстъ по померанцевой и лимонной рошѣ, въ которой деревья были такъ высоки, какъ самыя высокіе наши клены. Выѣхавъ изъ этого лѣса, мы вступили въ обработанное поле, гдѣ охотились совершенно новымъ для меня способомъ. Въ этой мѣстности водилось множество куницъ, желтыхъ, какъ лисички, и извѣстныхъ тамъ подъ названіемъ цингаръ; мы разсыпались по полю, а куницы взбирались на деревья, гдѣ ихъ и стрѣляли, мы убили въ нѣсколько часовъ 120 куницъ.

Въ Салагорѣ находятся казенныя солеварни и такіе обширные рыбныя промыслы, какихъ мнѣ еще не доводилось видѣть. Торговля рыбными продуктами ведется преимущественно съ тремя городами: Корфу, Триестомъ и Мальтой, куда вывозится маринованная форель, омары въ видѣ консервовъ и бутарга—родъ красной, сухой икры превосходнаго вкуса. Торговля эта столь доходная, что Гассанъ-бей, болгаринъ изъ Филлиноля, принявшій мусульманскую вѣру и поселившійся въ Превезѣ, сталъ самымъ богатымъ изъ окрестныхъ помѣщиковъ, купилъ два небольшихъ парохода, которые были заняты исключительно перевозкою этихъ рыбныхъ продуктовъ изъ Салагоры въ Корфу, Триестъ и Мальту.

Превосходная крѣпость Превеза, комендантомъ которой былъ Али-паша, построена, какъ говорятъ, подъ наблюдениемъ инженера-нѣмца, который получилъ за свои труды отличное вознагражденіе, но ни денегъ не привезъ въ Германію, ни самъ не вернулся домой. Али-паша имѣлъ обыкновеніе поручать подобнаго рода работы иностранцамъ, платилъ за нихъ щедро, въ присутствіи иностранныхъ консуловъ, а инженеровъ, возвращавшихся домой моремъ или сухимъ путемъ, убивали его клеветы, и деньги, которыя они везли съ собою, возвращались въ кассу пашы; онъ умѣлъ обставить дѣло такъ, что никто и не подозрѣвалъ этого, и онъ всегда находилъ охотниковъ производить у него новыя работы.

Въ Превезѣ намъ оказали истинно славянское гостепримство Гасанъ-бей. Мы застали въ этомъ городѣ комиссію, посланную для составленія карты границъ; комиссія эта состояла изъ извѣстнаго турецкаго каллиграфа и изъ доктора медицины, коимъ велѣно было исполнять обязанности инженеровъ; докторъ кромѣ того числился офицеромъ штаба. Они находились въ Превезѣ уже 3 мѣсяца и не знали, какъ приняться за работу; нашъ пріѣздъ вывелъ ихъ изъ затруднительнаго положенія; нашъ чертежникъ переснялъ для нихъ карту, составленную капитанами Ходосевичемъ и Боровичемъ, и они отправились въ Стамбуль, не взглянувъ даже на границу. Эфенди былъ пожалованъ пашою и такъ полюбилъ съ тѣхъ поръ карты, что гдѣ бы онъ ни видѣлъ новенькую карту, онъ тотчасъ приказывалъ срисовать и раскрасить ее; надобно сказать, что онъ всегда выказывалъ мнѣ расположеніе и признательность, что особенно удивительно со стороны турка; второй былъ произведенъ въ полковники и командуеъ по-сейчасъ пѣхотнымъ полкомъ, въ которомъ медицинская часть сильно хромаеъ, но за то чрезвычайно развита любовь къ топографическимъ работамъ.

Превеза съ ея садами и заборами, обвитыми кактусами и алоемъ, съ ея прекраснымъ мѣстоположеніемъ, по справедливости можетъ назваться однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ этой мѣстности. На полу-пути изъ Превезы въ Янину находится небольшая крѣпость Бечъ-Бунаръ—пять источниковъ. Она выстроена Али-пашою, чтобы держать въ повиновеніи его излюбленныхъ союзниковъ суліотовъ ¹⁾ со стороны суши, такъ же точно, какъ для охраны со стороны моря были выстроены крѣпости Превеза и Парги. Этотъ развратный и честолюбивый правитель арнаутовъ мечталъ объ образованіи королевства Эпиръ, подъ вла-дычествомъ котораго находились бы греки и арнауты. Поэтому онъ хотѣлъ удержать въ своемъ любимомъ Эпирѣ суліотовъ, самыхъ луч-

¹⁾ Суліоты—албанскій народецъ православнаго вѣроисповѣданія, въ началѣ нынѣшняго вѣка сохранявшій свою независимость отъ турокъ. Въ войну за освобожденіе они оказали Греціи важныя услуги. В. Т.

ших своихъ солдатъ грековъ и христіанъ, даровавъ имъ различныя выгоды и привилегіи, чтобы въ случаѣ надобности имѣть всегда наготовѣ греческую фалангу.

Мы застали въ Бечъ-Бунарской крѣпости старичка-капитана; бывшаго комендантомъ еще во времена султана Селима. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ назначенъ комендантомъ этой крѣпости, онъ ни разу не былъ ни въ Янигѣ, ни даже въ Превезѣ; гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 26 полуслѣпыхъ и хромыхъ солдатъ и 4 артиллеристовъ, которые обрабатывали сады, сѣяли просо, кукурузу; у нихъ была въ крѣпости мельница, двѣ коровы, штукъ четырнадцать козъ и много разной домашней птицы; они воздѣлывали табакъ и покупали только кофе, сахаръ, соль и свѣчи; деньги же на покупку этихъ вещей они добывали продажей лисицъ и куницъ, на которыхъ охотились. Во всей крѣпости не было ни одной женщины. Комендантъ умѣлъ читать и писать и получалъ иногда старыя турецкія газеты. Когда къ нему пріѣхалъ капитанъ Ходосевичъ, посланный впередъ, чтобы приготовить для насъ помѣщеніе, то старичекъ сказалъ ему, что о казакахъ и обо мнѣ онъ слышалъ и читалъ въ газетахъ, что ему извѣстно, что по окончаніи войны русскій императоръ, заключивъ миръ съ султаномъ, далъ ему полкъ казаковъ и меня съ ними для того, чтобы мы очистили страну отъ разбойниковъ, и что онъ согласенъ принять казаковъ и устроить ихъ какъ можно лучше, какъ войско, состоящее на службѣ султана, но что онъ никогда не слышалъ о такомъ народѣ, какъ «драгуны» и не знаетъ, что это за люди; поэтому онъ не можетъ впустить ихъ въ крѣпость, такъ какъ можетъ быть подъ этимъ кроется какая-нибудь измѣна со стороны грековъ. Ходосевичъ успокоилъ его, сказавъ, что онъ и самъ хорошенько не знаетъ, что за народъ эти драгуны, но что ихъ нашли въ горахъ и ведутъ напоказъ султану, какъ добровольныхъ плѣнныхъ, которые сами себя отдали подъ покровительство султана. Комендантъ принялъ эти слова за чистую монету, однако для пущей осторожности выкатилъ изъ сарая единственное орудіе, бывшее въ крѣпости и которое онъ пряталъ въ сарайъ подъ замокъ, чтобы его не украли; онъ зарядилъ его картечью, и самъ съ Ходосевичемъ поставилъ его въ томъ мѣстѣ, гдѣ должны были стоять драгуны.

Приготовившись такимъ образомъ, онъ принялъ насъ весьма любезно и со всевозможными почестями, и я только отъ Ходосевича узналъ о томъ, что онъ побаивался драгунъ; онъ посматривалъ на нихъ съ любопытствомъ и, несмотря на то, что Ходосевичъ успокаивалъ его, онъ всю ночь не смыкалъ глазъ, карауля ихъ съ заряженной пушкой. Впоследствии я поставилъ въ Бечъ-Бунарѣ военный постъ изъ драгунъ съ офицеромъ, и комендантъ такъ подружился съ «народомъ драгунъ», что когда, три года спустя, драгуны ушли изъ Эпира, то бѣд-

ный старичекъ заболѣлъ горячкой; ему все мерещились разбойники-греки, онъ призывалъ на помощь драгунъ, и вида, что они не приходятъ, умеръ съ отчаянія. Когда мы вернулись въ Фессалию и въ Эпиръ, то мы застали старичка умершимъ и похоронили его въ крѣпости, гдѣ онъ остался комендантомъ и послѣ своей смерти, такъ какъ его мѣсто никѣмъ не было занято.

Въ Янинѣ мы застали губернаторомъ маршала Рифать-пашу, того самаго, который, по смерти Муссы-паши, былъ комендантомъ Силистріи. Но гораздо замѣчательнѣе его были въ то время въ Янинѣ: Хагиръ-бей, бывшій въ молодости товарищемъ Мехмедъ-Али египетскаго; Паша-бей—зять Али-паши, который открылъ всѣ его замыслы Высокой Порты и былъ до нѣкоторой степени виновнымъ въ смерти этого выдающагося человѣка, и Эльмаръ-ага—селигдаръ, т. е. оруженосецъ, его любимецъ и слуга, не разлучившійся съ нимъ съ его 15-лѣтняго возраста до самой смерти.

Паша-бей и Эльмаръ-ага были люди очень престарѣлые; перваго мучило угрызеніе совѣсти, а второй еще горевалъ о смерти паши, котораго онъ боготворилъ, и оба ни о чемъ иномъ и не думали и не говорили, какъ объ Али-пашѣ. Они тотчасъ явились ко мнѣ, каждый съ своими рассказами, но такъ ненавидѣли другъ друга, что ихъ избѣгали приглашать вмѣстѣ, опасаясь какого-нибудь неприятнаго столкновенія.

Эльмаръ-ага восхваляетъ умъ Али-паши, который побѣдилъ всѣхъ своихъ противниковъ не оружіемъ, а своими дѣйствіями; если бы его не убили, говорилъ ага, то онъ навѣрно довелъ бы всѣ свои планы до конца; Эльмаръ-паша объяснялъ всѣ жестокости, совершенныя имъ, необходимою.

Паша-бей говорилъ, что онъ изъ преданности къ мусульманству обвинилъ Али-пашу передъ Высокой Портою въ измѣнѣ отечеству, ибо, будучи его зятемъ и человѣкомъ хорошо образованнымъ, онъ велъ его корреспонденцію на греческомъ языкѣ и изъ нея узналъ, что паша уговорился не только съ греческой гетеріей, но и съ славянами, живущими въ Сербіи, и съ боснійскими бейами, даже съ княземъ черногорскимъ напасть одновременно на турокъ, сбросить ихъ ярмо и выгнать ихъ изъ Европы. Бѣдный Паша-бей, пораженный мыслию о томъ, что было бы съ могущественнымъ мусульманскимъ государствомъ безъ калифа и султана, и опасаясь этого несчастія, которое представлялось ему страшнѣе конца міра, предпочелъ пожертвовать тестемъ, котораго онъ любилъ, какъ своего благодѣтеля; его побудила къ этому преданность къ мусульманской вѣрѣ. Рассказавъ это, онъ тотчасъ началъ читать вполголоса молитвы и перебирать четки.

Мы осмотрѣли домъ Эльмаръ-аги, который былъ настоящимъ музеемъ произведеній арнаутскаго искусства. Стѣны и потолки во всѣхъ

комнатахъ, коихъ было довольно много, были отдѣланы разноцвѣтнымъ деревомъ, украшеннымъ рѣзбою съ цвѣтами, птицами и звѣрьми, которые были написаны такъ естественно, такъ были полны жизни, что они не потеряли бы по сравненію съ образцовыми произведеніями самыхъ лучшихъ мастеровъ. На одной стѣнѣ былъ изображенъ Али-паша во весь ростъ, на конѣ, вступающій верхомъ въ Прагу. Лошадь была сдѣлана такъ живо, какъ будто она готова соскочить со стѣны, а лицо Али-паши было такъ сурово, что вась невольно охватывала дрожь. На другой стѣнѣ была изображена его жена, а возлѣ нея двѣ павы. Василика была похожа на Юнону, а павлиньи перья были исполнены такъ художественно, что каждое перышко, каждая пушинка отдѣлялись, какъ у живой птицы. Въ огромномъ залѣ, называемомъ диванъ-хане, были изображены на стѣнахъ битвы, въ которыхъ участвовали арнауты, и охотничьи сцены, исполненные также мастерски. Во всѣхъ комнатахъ была масса оружія работы арнаутовъ, отдѣланнаго въ серебро и золото и осыпаннаго драгоценными камнями; диваны были обиты шелковой матеріей ручной работой арнаутокъ. Его домъ стоялъ посреди небольшого, но хорошеькаго парка, въ которомъ были устроены пруды и ручейки. Эльмаръ-ага угостилъ насъ бараниной, зажаренною по-арнаутски, и мы ѣли ее также по-арнаутски, безъ ножей и вилокъ, и рвали мясо руками, принимая вкусные куски изъ рукъ хозяина.

Я посѣтилъ вмѣстѣ съ Рифать-пашою островъ и развалины замка, въ которомъ томился и окончилъ жизнь гроза Эпира и Фессалии—Али-паша. Рифать-паша, какъ истый турокъ, не восторгался дѣйствіями этого буттовщика, а ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ, какъ бы найти сокровища Али-паши, которыя навѣрно были гдѣ-либо зарыты. Видя, какъ дружелюбно относились ко мнѣ арнауты, онъ всячески подлаживался ко мнѣ, полагая, что я узналъ, гдѣ спрятаны эти сокровища. Онъ былъ занятъ этимъ болѣе, нежели своимъ губернаторствомъ.

Это былъ типъ современнаго турка, воспитаннаго въ Вѣнѣ; онъ говорилъ отлично по-нѣмецки и недурно по-французски. Онъ не выказалъ во время войны ни малѣйшихъ военныхъ способностей и не отличался храбростью, но за то превзошелъ себя въ проискахъ и интригахъ. Будучи назначенъ предсѣдателемъ военнаго суда въ Шумлѣ, онъ подстрекалъ тайно мусульманъ противъ Омеръ-паши, какъ гяура, который только прикидывался мусульманиномъ, а Омеръ-пашѣ доносилъ тайно все, что о немъ говорили, не щадя никого. Въ своихъ секретныхъ донесеніяхъ сераскиру онъ изображалъ Омеръ-пашу самыми черными красками, а Омеръ-пашѣ доставлялъ для прочтенія секретную корреспонденцію, изъ которой тотъ могъ видѣть, какъ непріязненно относился къ нему сераскиръ. Онъ обращался со всѣми въ высшей степени любезно,

а за спиною дѣлалъ всякому неприятности. Онъ ненавидѣлъ изъ политическихъ видовъ всѣхъ христіанъ и иностранцевъ.

Однажды, я былъ нечаянно свидѣтелемъ съ нѣсколькими офицерами, какъ этотъ паша преподавалъ урокъ практической жизни своимъ тремъ сыновьямъ, малолѣткамъ. Паша лежалъ подъ деревомъ на диванѣ, а передъ нимъ стояли его сыновья, одѣтые въ мундиры съ саблею на боку, и много другихъ дѣтей, одѣтыхъ одни—христіанскими священниками, другіе иностранными консулами, а нѣкоторые въ своихъ собственныхъ платьяхъ. Одинъ изъ его сыновей сѣлъ въ кресло; къ нему стали подходить попы, цѣловали полы его платья, онъ указывалъ имъ мѣсто на землѣ, и они садились кучками; смотря на нихъ съ улыбкою, онъ приказывалъ подать имъ кофе и, какъ говорилъ мой слуга Гассябъ, угощалъ ихъ по-турецки. Двое другихъ мальчиковъ скрывались въ это время подъ деревомъ и, когда попы ушли, то, они напали на нихъ и ограбили, отнявъ все, что тѣ имѣли при себѣ. Та же сцена разыгралась съ консулами, съ тою лишь разницею, что консула усадили въ кресло и угощали его стоя, но и его ограбили, когда онъ уходилъ, и сдѣлали видъ, будто его топтать въ рѣкѣ. Затѣмъ происходилъ судъ; дѣтей ловили, вели въ судъ; тѣ, которыя были коноводами, собственноручно били ихъ палками, чтобы, убивъ ихъ, зарыть вмѣстѣ съ ними въ землю свою тайну; по окончаніи суда читался фирманъ султана, и раздавались заграничные ордена.

Примѣтивъ насъ, Рифать-паша немного сконфузился, но сказалъ, улыбаясь: «они забавляются».

Я отвѣчалъ: «учатся быть пашами».

— Совершенно вѣрно,—отвѣчалъ онъ,—если бы не учился этому съ дѣтства, то мы не умѣли бы управлять народомъ, какъ должно.

Онъ былъ правъ, я ничего не могъ возразить на это.

Условившись съ Рифать-пашею, что онъ наберетъ 500 арнаутовъ, которые, находясь непосредственно подъ командою сергердара Муслимбаея, будутъ подчинены мнѣ, я уѣхалъ въ Мецову.

Мецова—огромное мѣстечко, въ которомъ живутъ каракачаны, о коихъ я уже говорилъ; населеніе этого мѣстечка доходитъ до 6 тысячъ душъ; въ немъ имѣется 800 каменныхъ прекрасно построенныхъ домовъ. Глубокій оврагъ дѣлитъ это мѣстечко на двѣ половины: большое и малое Мецово. Въ послѣднемъ немало домовъ, меблированныхъ на европейскій ладъ; мы видѣли тамъ нѣсколько фортепьянъ; каракачанки играютъ на роялѣ, хорошо говорятъ по-французски, занимаются преподаваніемъ и имѣютъ много ученицъ. Жители этого мѣстечка зажиточны, даже богаты; главное ихъ богатство составляютъ стада овецъ и рогатаго скота и сильныхъ и выносливыхъ лошадей, число коихъ весьма значительно. Между ними встрѣчается довольно много лошадей съ вью-

щейся, какъ у барановъ, шерстью; такія лошади цѣнятся особенно высоко, такъ какъ ихъ считаютъ очень сильными и кроткими,—два качества, отличающія каракачанскихъ лошадей.

Мы разговорились съ мѣстными жителями о легіонахъ Трояна, о румынахъ; они утверждали, что семейство Гика по происхожденію не албанцы, а настоящіе потомки бывшихъ легіонеровъ и что колыбель ихъ рода—Мецова; намъ показывали даже развалины домовъ, принадлежавшихъ семейству Гика и многимъ другимъ молдаванскимъ и валахскимъ семействамъ, одного происхожденія съ ними. Говорятъ, что когда господари фанаріоты набирали рекрутъ арнаутовъ для своей личной стражи, то мусульмане не захотѣли служить господарямъ гяурамъ, арнауты также не выказали желанія служить въ войскѣ, поэтому къ нимъ на службу поступили каракачаны.

По дорогѣ отъ Саламбрии къ Малой Мецовѣ намъ показывали пропасть, гдѣ гибнетъ ежегодно довольно много людей и лошадей. Впослѣдствіи, когда мнѣ пришлось часто проѣзжать этой дорогою, я этому не удивлялся, такъ какъ отъ Малой Мецовой мѣстность идетъ подъ гору и сворачиваетъ вглубь такъ круто, образуя обрывъ, что лошадь, спускаясь съ горы, ступаетъ на самомъ краю этого обрыва. Я никакъ не могъ добиться того, чтобы съ этой стороны были устроены перила. Мѣстные власти отвѣчали мнѣ на всѣ мои просьбы: «своей судьбы не миновать», а мѣстные жители увѣряли, что власти не разрѣшили имъ сдѣлать перила, говоря, что человекъ не долженъ переустраивать то, что сдѣлано Богомъ. Драгунскій военный постъ, поставленный мною въ Мецовѣ, сдѣлалъ по моему приказанію перила вдоль обрыва, и несчастные случаи прекратились, но когда драгуны выстушили изъ этого мѣстечка, то перила тотчасъ были сброшены въ пропасть арнаутами.

Въ 1854 г. въ этомъ мѣстѣ произошло сраженіе между повстанцами-греками и турецкимъ войскомъ, подъ командою черкеса Абди-паши. Повстанцы сожгли нѣсколько домовъ; но черкесъ Абди-паша спасъ церковь, которую поджогъ кто-то изъ его единомышленниковъ. Абди-паша, спрятавшійся въ этой церкви, замѣтилъ огонь и успѣлъ потушить его. Этотъ паша былъ очень уменъ и отличный стрѣлокъ; онъ сражался съ повстанцами и собственноручно убилъ многихъ изъ нихъ; за это сраженіе турецкое правительство наградило его званіемъ маршала, а за спасеніе церкви онъ получилъ орденъ отъ русскаго правительства. Ревностно служа Высокой Портѣ, онъ считалъ себя вѣрноподаннымъ русскаго императора и получалъ за это дорогіе подарки въ видѣ золотыхъ кубковъ, серебряныхъ сервизовъ и перстней съ драгоценными камнями. Не получивъ спеціальнаго военнаго образованія, онъ достигъ высшихъ должностей, снискалъ себѣ расположеніе солдатъ и составилъ себѣ порядочное состояніе, благодаря счастью, удачѣ, своему низкопо-

клонству передъ стариками и умѣнію снискать популярность между равными себѣ и подчиненными. Вообще черкесы нерѣдко составляютъ себѣ карьеру въ Турціи; гаремы турецкихъ сановниковъ переполнены черкешенками, которыя имъ покровительствуютъ: *ce que femme veut, Dieu le veut*.

Выѣхавъ изъ Мецовой, переправившись чрезъ высокія горы Сигось и Малакамъ и пройдя обширное селеніе Каракачанку, мы прибыли въ Калабакъ—селеніе, лежащее у подошвы горы Метеоръ при самомъ началѣ Фессалійскаго плоскогорья. На горѣ Метеоръ также точно, какъ на Аѳонской горѣ, стоятъ 12 православныхъ монастырей. Обѣ эти монашескія республики владѣютъ обширными имѣніями въ Румыніи, изъ коихъ патріархъ, синодъ и приближенные патріарха извлекаютъ большіе доходы. Между этими двумя монашескими республиками та лишь разница, что на Аѳонѣ не только нѣтъ ни одной женщины, но даже нѣтъ ни одного звѣря, женскаго пола, тогда какъ въ Калабакѣ довольно много женщинъ, при томъ весьма красивыхъ, а на самой высокой скалѣ стоитъ женскій монастырь, съ исправительнымъ домомъ для фанарскихъ грѣшницъ и для греческой аристократіи другихъ городовъ. Къ этому монастырю нѣтъ дороги и даже самой узенькой тропинки; въ него можно попасть только однимъ способомъ: подняться въ корзинѣ, которую втягиваютъ кверху на канатѣ и, въ которой могутъ помѣститься всего двѣ osoby, но обыкновенно поднимаютъ только одну. Женскій монастырь отдѣляется отъ мужскаго непроходимой пропастью; и въ мужской монастырь также поднимаются въ корзинѣ, хотя туда можно подняться и по ступенямъ, высѣченнымъ въ скалѣ.

Мѣстечко Калабакъ извѣстно побѣдою, одержанною турецкимъ войскомъ подъ начальствомъ Фуадъ-паши, который еще былъ въ то время Фуадомъ-эфенди, надъ соединенными силами повстанцевъ Греціи, Эпира и Фессалии; этимъ сраженіемъ была окончена междоусобная война, и водворено спокойствіе въ этихъ двухъ турецкихъ провинціяхъ. Фуадъ-паша, не будучи военнымъ по профессіи, но обладая выдающимися способностями къ военному дѣлу, достигъ въ нѣсколько недѣль того, чего военачальники не могли достигнуть въ нѣсколько мѣсяцевъ съ регулярнымъ и иррегулярнымъ войскомъ. Человѣкъ талантливый и дѣйствующій настойчиво всегда стоитъ выше ремесленника и можетъ достигнуть большаго.

Во время нашего пребыванія въ Калабакѣ, однажды, рано утромъ, когда едва начинало свѣтать, ко мнѣ явился неожиданно капитанъ Ромеръ и рапортовалъ слѣдующее. Ему не спалось, и онъ вышелъ изъ монастыря, въ которомъ мы помѣщались у подошвы горы, подышать чистымъ воздухомъ и прохаживался у подошвы горы Метеоръ, какъ вдругъ услышалъ крикъ женщины, и, побѣжавъ къ тому мѣсту, откуда онъ раз-

давался, онъ увидалъ, что туда уже сбѣжалось нѣсколько казаковъ. Кричала женщина, лицо которой было закрыто вуалью и которую четыре монаха и какой-то грекъ старались насильно посадить въ корзину, не смотря на ея слезы и крики. Капитанъ Ромеръ приказалъ монахамъ именемъ Садыка-паши остановиться; женщина, услыжавъ мое имя, закричала по-французски.

— Если онъ другъ Антона Аллеона, я умоляю его именемъ этой дружбы спасти меня.

Капитанъ Ромеръ приказалъ солдатамъ освободить эту даму изъ рукъ монаховъ и грека и отвелъ ее въ одинъ изъ сосѣднихъ домовъ, гдѣ жилъ чорбаджій съ семьей; предоставивъ ее на попеченіе женщины, онъ приставилъ къ дому сильный караулъ, а самъ отправился ко мнѣ.

Я тотчасъ пошелъ къ этой дамѣ, которая сообщила мнѣ, что она родомъ изъ Еникіюя, на берегу Босфора, что она близкая родственница Аристарха, великаго Логофета; схвачена по его приказанію и привезена сюда для пожизненнаго заточенія въ монастырѣ. Она плакала, рыдала, просила меня защитить ее, говоря, что она хорошо знакома съ Аллеономъ, часто слышала отъ него мое имя, и что великій Логофетъ говорилъ, что насъ соединяетъ съ Аллеономъ тѣсная дружба. Дама хорошо говорила по-французски, была хороша собою и симпатична. Ей было лѣтъ двадцать съ небольшимъ. Я не спрашивалъ ее о причинѣ столь суроваго къ ней отношенія великаго Логофета; она также не касалась этого вопроса.

Грекъ и монахи тѣмъ временемъ скрылись, а калобакскій епископъ, къ которому я обратился по этому поводу, отвѣчалъ, что онъ въ такія дѣла не мѣшается, что это не его дѣло; и что единственную его обязанность составляетъ поить и кормить мусульманскихъ сановниковъ и увеселять ихъ. Онъ и насъ пригласилъ на роскошный завтракъ, за которымъ угостилъ насъ превосходнымъ старымъ виномъ, и самъ такъ много пилъ, что началъ подъ конецъ пѣть пѣсни, играть на балалайкѣ и подтанцовывать; онъ велѣлъ снести кушанье дамѣ, прося не мѣшать его въ это дѣло.

Спасенная нами дама или дѣвица отправилась въ моемъ экипажѣ въ Трикалу, гдѣ я помѣстилъ ее въ домѣ перваго чорбаджія Эссалии. Она прожила у него нѣсколько мѣсяцевъ; ее никто не преслѣдовалъ и не разыскивалъ. Въ скоромъ времени она вышла замужъ за Музуруса, богатаго кушца съ Ионическихъ острововъ, у котораго было довольно большое имѣніе въ Эссалии. Бракъ этотъ былъ очень счастливый, но мы съ капитаномъ Ромеромъ никакъ не могли узнать, что была за причина постигшей ее бѣды.

На всѣ наши вопросы она отвѣчала только: Monsieur Antoine (Alleon) у а été roué beaucoup. (Въ этомъ много виновенъ Антонъ Аллеонъ).

Несмотря на все наше любопытство, мы не могли быть назойливы.

Я писалъ объ этомъ Аллеону; но онъ отвѣчалъ мнѣ уклончиво; когда же я упомянулъ объ этомъ случаѣ при свиданіи съ нимъ, то онъ сначала отмалчивался, но потомъ попросилъ прекратить этотъ разговоръ. Такъ дѣло и осталось тайною, а быть можетъ оно могло бы послужить темою для интереснѣйшаго романа или повѣсти. Г-жа Музурусъ жива доселѣ и окружена взрослыми дѣтьми, изъ коихъ старшаго зовутъ Антономъ.

Я избралъ для своей главной квартиры Трикалу, родину Ахилла, не потому, что въ этомъ городѣ родился герой Иліады, а для того, чтобы не жить въ одномъ мѣстѣ съ губернаторомъ Эссалин, Гусни-папою, который жилъ въ Лариссѣ. Это былъ человѣкъ мало знакомый съ дѣлами и не особенно пріятный въ обхожденіи; я не хотѣлъ имѣть съ нимъ лишняго дѣла, что было бы неизбѣжно, живя въ одномъ городѣ; я предпочиталъ объясняться съ нимъ письменно. Къ тому же въ силу данной мнѣ инструкціи я былъ совершенно независимъ отъ губернатора и предпочиталъ быть первымъ въ Трикалѣ, нежели вторымъ въ Лариссѣ.

Главная квартира и 1-й эскадронъ казаковъ находился въ Трикалѣ, 2-й эскадронъ стоялъ въ Кардисѣ, 3-й—въ Демако, 4-й—въ Армиро, 5-й—въ Воло и 6-й—въ Чатальджи.

Первый эскадронъ драгунъ стоялъ въ Янинѣ, 2-й—въ Превезѣ и Салагорѣ, 3-й—въ Орси, тамъ же былъ и полковой штабъ. Тысяча человѣкъ арнаутовъ подъ командою Халимъ-бея занимали военные посты на границѣ Эссалин отъ Воло до Аспропотома, а 500 человѣкъ арнаутовъ подъ командою Муслимъ-аги были разставлены отъ Аспропотома вдоль границы Эпира, до Превезы. Казацкія и драгунскіе почтовые отряды заняли: Калабакъ, Молокашъ, Мевну, Бечъ-Бунаръ. Эти почтовые отряды состояли каждый изъ 6-ти солдатъ и 1-го унтеръ-офицера и употреблялись для перевозки корреспонденціи и охраны дорогъ; такъ какъ они находились постоянно въ сношеніяхъ съ мѣстными жителями, то имъ было поручено слѣдить за всѣмъ, что происходило въ окрестностяхъ. Такимъ образомъ войска были разставлены вдоль всей границы, и она находилась постоянно подъ ихъ наблюденіемъ.

Арнауаты получали отъ меня жалованье полностью и своевременно; каждому выдавалось, кромѣ того, 300 драхмъ муки въ день. При бинбашахъ-арнауатахъ состояли офицеры и унтеръ-офицеры казаки и драгуны, говорившіе по-турецки. Въ краѣ водворился порядокъ, разбои и злодѣйства прекратились, ихъ какъ рукою сняло. Денежная почта и товары не подвергались болѣе ограбленію на большихъ дорогахъ; вообще имущество и личность были въ большей безопасности, такъ какъ бей не позволяли себѣ прежнихъ злоупотребленій.

Это положеніе дѣлъ встревожило Гусни-папу; онъ сталъ собирать мазбатъ противъ меня и казаковъ, нашелъ нѣсколько беевъ, которые приложили свои печати къ этому мазбату, но люди болѣе порядочные

изъ числа мусульманъ и христіанъ, во главѣ съ богачемъ Гассанъ-беемъ, Молла-Тевфикъ-беемъ и другими лицами написали со своей стороны мазбатъ, который былъ посланъ великому визирю и въ которомъ они благодарили его за присылку казаковъ и меня. Были также получены письма отъ греческаго правительства, изъ Аѳинъ, которое благодарило за соблюденіе договора и за образцовую охрану границы. Тогда великій визирь, Али-паша, относившійся ко мнѣ всегда недоброжелательно, написалъ мнѣ письмо, горячо благодарилъ меня за все, сдѣланное мною, и просилъ написать ему откровенно, могу ли я ладить съ Гусни-пашою; въ противномъ случаѣ онъ просилъ указать, кого бы я желалъ видѣть на его мѣстѣ.

Я не жаловался въ своемъ отвѣтномъ письмѣ великому визирю на Гусни-пашу, но просилъ прислать Азиса-пашу, босняка, сына Изета-паши, прекраснѣйшаго кавалерійскаго офицера и моего добраго друга.

Въ скоромъ времени, пріѣхалъ Азисъ-паша, и я перенесъ свою главную квартиру изъ Трикалы въ Енишеръ, или Лариссу, чтобы быть съ нимъ въ одномъ городѣ.

LXIX.

Интриги въ полку.—Цѣнныя качества арнаутовъ и болгаръ.—Освобожденіе арестантовъ.—Бен и арнауты.—Кончина Решидъ-паши.

Во время нашего пребыванія въ Эссалии и Эпирѣ намъ жилось очень не дурно. Военная слава казаковъ и драгунъ была упрочена.

Къ сожалѣнію, на насъ обрушились въ это время двѣ бѣды: во-первыхъ, болѣзни; во-вторыхъ, интриги, нарушившія доброе согласіе между офицерами, что отразилось, само-собою разумѣется, и на солдатахъ, и было причиною ихъ дезертирства, особенно частаго между поляками. Вслѣдствіе этого, многимъ офицерамъ пришлось выйти въ отставку.

Эти интриги произвели на меня крайне непріятное впечатлѣніе и доказали, что ненормальное положеніе, въ какомъ находились эмигранты-поляки, вліяло неблагопріятно на ихъ умъ и характеръ и лишило ихъ прежняго благородства. Поневолѣ приходилось признать, что эмигранты 1848 г. внесли много дурнаго въ среду эмигрантовъ 1831 г., которые, несмотря на всѣ сдѣланные ими промахи и ошибки, все же были представителями настоящаго польскаго шляхетства, всегда готоваго принести отечеству въ жертву свои личныя выгоды и стремленія, и которое худо ли хорошо служило Польшѣ и полагало въ этомъ свою заслугу. Богатство, матеріальныя выгоды, обезпеченіе будущности, желаніе вы-

двинуться въ ущербъ другому и занять чужое мѣсто, словомъ, весь катехизисъ современныхъ практическихъ людей былъ незнакомъ политическимъ эмигрантамъ 1831 г.

Все, что дѣлалось ими, даже въ томъ случаѣ, когда ихъ дѣйствія были направлены противъ личностей, которыхъ они обличали въ отсутствіи патріотизма, дѣлалось обыкновенно съ убѣжденіемъ, что этого требуетъ благо отечества.

Демократы нарушили своими происками оплоченность польскаго шляхетства; выше упомянутыми отрицательными свойствами обладали преимущественно эмигранты 1848 г., отъ которыхъ ими заразились быть можетъ безтолковые, но все же искренніе и благородные эмигранты 1831 г. Это было очевидно всѣмъ; всѣ понимали, какъ трудно помочь горю, тѣмъ болѣе, что войны не предвидѣлось по крайней мѣрѣ въ скоромъ времени, а пограничная служба перестала интересовать поляковъ. Въ началѣ у насъ было много дѣла, но когда пограничные жители были приведены въ повиновеніе, когда прекратились мало-по-малу разбои и наступило бездѣйствіе, то поляки, почивъ на лаврахъ, увлеклись интригами и происками; впрочемъ, они и къ этому скоро охладѣли, видя, что интриги не приносятъ имъ никакихъ существенныхъ выгодъ, ни повышеній, ни денежныхъ наградъ.

Мнѣ хотѣлось, чтобы наше войско было отозвано съ границы и получило какое-нибудь новое назначеніе, которое освѣжило бы его, подняло бы его духъ и прекратило бы дезертирство, принявшее столь огромные размѣры, что третій напримѣръ эскадронъ, коимъ командовалъ Дверницкій, потерялъ почти всѣхъ нижнихъ чиновъ. Правда, капитанъ былъ человекъ довольно несносный, допекавшій солдатъ; я назначилъ ему въ помощники маіора Махмуда-Муху, но тогда дѣло пошло еще хуже, они начали вдвоемъ преслѣдовать русскихъ, коихъ въ третьемъ эскадронѣ была добрая половина; всѣ унтеръ-офицеры, а за ними солдаты дезертировали; бѣжали и поляки; на своихъ мѣстахъ остались только болгары, которые несли одни всю службу.

Забывая о томъ, какъ бы поскорѣе освободить войско отъ пограничной службы, я убѣдилъ моего пріятеля, ессалійскаго губернатора Азиса-пашу, созвать меджилисъ изъ статскихъ и военныхъ лицъ для пересмотра судебныхъ дѣлъ, по которымъ много лицъ томилось въ заключеніи со временъ Гусни-паши. Я былъ предсѣдателемъ этого меджилиса. Мы освободили въ теченіе нѣсколькихъ дней до двухъ тысячъ арестантовъ; народъ благословлялъ насъ и молился за здоровье султана Абдуль-Меджидъ-хана. Мусульмане и христіане послали по этому случаю благодарственные мазбаты Высокой Портѣ и султану. Иностранные консулы, проживавшіе въ Лариссѣ и въ Воло, писали въ своихъ доне-

сеніяхъ посланникамъ, что въ Эссалии никогда еще не было такъ спокойно и жители не пользовались такою безопасностью.

Г. Кономенесъ, исполнившій обязанности посланника въ Афинахъ, сообщилъ мнѣ, что греческій министръ послалъ, по повелѣнію короля Оттона, благодарность Высокой Портѣ за водвореніе порядка на границѣ; мнѣ была прислана копія съ этой бумаги.

Все это было очень пріятно, но ни мало не содѣйствовало исполненію моихъ желаній. Мы продолжали стоять на границѣ.

Слѣдующее обстоятельство пришлось для меня весьма кстати, измѣнивъ положеніе дѣлъ. Въ Герцеговинѣ начались волненія, Черногорія готовилась къ войнѣ. Во главѣ возмущившихся герцеговинцевъ сталъ Лука Вукловичъ; сербовъ заподозрили въ участіи въ этомъ движеніи. Такъ какъ правительству было извѣстно о моихъ сношеніяхъ съ сербами, то сераскиръ обратился ко мнѣ за совѣтомъ, — какъ поступить въ этомъ случаѣ; я отвѣчалъ, что, по моему мнѣнію, лучше всего было бы произвести демонстрацію, которая, не угрожая непосредственно Сербіи, заставила бы ея государственныхъ людей призадуматься; и что для этого слѣдовало бы выставить на Коссовомъ полѣ довольно сильный корпусъ войскъ; это было бы угрозою для Черногоріи и показало бы въ то же время, что мы имѣемъ на-готовѣ довольно значительныя силы.

Я вызвалъ драгунъ изъ Эпира, а казаковъ послалъ на границу и сталъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній.

Я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ эссалийскими беями; многие изъ нихъ были люди весьма образованные, начитанные, знакомые съ греческой философійю, исторіей и литературой. Молоденькая и хорошенькая внучка Али-паши, вышедшая впоследствии замужъ за Риза-бея, который былъ посланникомъ въ Петербургѣ и Тегеранѣ, писала на греческомъ языкѣ стихотворенія и повѣсти, подражая Жоржъ-Зандѣ. Съ многими беями можно было пріятно провести время, но они знали, что я ни подъ какимъ видомъ не буду потворствовать ихъ продѣлкамъ, и поэтому во время моего пребыванія въ Эссалии воздерживались отъ своихъ привычекъ; этимъ отчасти объясняется, почему количество разбоевъ за это время значительно уменьшилось.

Арнауты были прекрасные солдаты пограничной стражи; изъ нихъ вырабатывались дѣльные и способные офицеры. У меня въ Аграфѣ былъ одинъ бинбашъ, Ибрагимъ-ага, который считался бы прекраснымъ офицеромъ въ любомъ европейскомъ войскѣ. Я думаю, что если бы сформировать стрѣлковые баталіоны изъ однихъ арнаутовъ, то лучшаго войска нельзя бы желать; только слѣдовало бы сохранить ихъ строй, ихъ обычай и поставить во главѣ ихъ офицеровъ исключительно изъ арнаутовъ. По моему мнѣнію, они отъ природы такіе же превосходные лѣхотинцы, какъ донцы природные кавалеристы. Они обладаютъ такою же

любовью къ военному дѣлу, такую же привязанностью къ своей родинѣ и ко всему своему, родному. Подобно тому, какъ донцы воспѣваютъ своихъ пѣсняхъ Стеньку Разина и Полтавскую битву, такъ турки арнауты воспѣваютъ Али-пашу и Мустафу-пашу. Героями ихъ пѣсней являются только свои, родные имъ люди. Они до такой степени дорожатъ жалованьемъ, что существуетъ такой анекдотъ: когда одинъ турецкій ага, умирая, горевалъ о томъ, что онъ оправляется на тотъ свѣтъ одинъ, то его слуги, арнауты, сказали ему, что если онъ прибавитъ имъ жалованья на 5 піастровъ и будетъ платить его аккуратно впередъ, то они согласны идти съ нимъ и на тотъ свѣтъ. Чѣмъ болѣе я притраивался къ арнаутамъ, тѣмъ болѣе убѣждался въ томъ, что это действительно потомки славныхъ воиновъ Ахилла и Александра Македонскаго и, что обращаясь съ ними умѣло, изъ нихъ можно было бы сформировать превосходное войско. Я могъ положиться на нихъ болѣе чѣмъ на поляковъ, и по сейчасъ сохранилъ съ ними дружественныя отношенія.

Энергія и слѣпое повиновеніе болгаръ, служившихъ въ казанскомъ войскѣ, могли быть поставлены въ примѣръ.

Въ это время я получилъ приказаніе пріѣхать какъ можно скорѣе въ Стамбуль. Когда я пріѣхалъ, то во главѣ министерства стоялъ Решидъ-паша, но его вскорѣ похитила смерть. Я былъ у него и увидѣлъ его кончины; онъ сказалъ мнѣ, что когда насъ можно будетъ отвести отъ границы и когда дипломаты дружественныхъ и враждебныхъ къ намъ дворовъ свыкнутся съ мыслью, что мы служимъ султану, числимся въ турецкомъ войскѣ, то онъ передвинетъ насъ въ славянскія земли, чтобы сформировать польско-славянское войско, которое будетъ служить въ настоящее время султану, а въ будущемъ Польше, что онъ уже говорилъ объ этомъ съ Риза-пашею. Решидъ-паша просилъ мнѣ написать объ этомъ записку, которую онъ хотѣлъ представить на слѣдующій день султану; онъ просилъ меня остаться ночевать у него въ Эмиргіанѣ, и у него же написать эту записку, но я просилъ отпустить меня домой, обѣщавъ привезти записку по утру. Я проспалъ всю ночь и на разсвѣтѣ, осѣдлавъ коня, поѣхалъ въ Эмиргіанъ.

Спускаясь съ горы, я увидѣлъ, что весь берегъ отъ Балты-Лиды до дворца великаго визиря былъ усыянъ народомъ, а на Босфорѣ стояло такое множество каяковъ, что изъ Европы въ Азію можно было перейти сухимъ путемъ, шагая изъ одного каяка въ другой. На всѣхъ лицахъ отражалось искреннее горе, даже отчаяніе, многіе плакали на вслѣзъ. Я никогда не видалъ выраженія столь единодушной печали.

Решидъ-паша скончался на разсвѣтѣ. Доктора не считали его болезнь смертельной и даже опасной, но Господь въ своихъ неисповедимыхъ судьбахъ отозвалъ его, лишивъ Оттоманскую Порту человѣка,

который много для нея потрудился и высоко держалъ знамя правительства.

Люди, во всемъ желающіе видѣть что-либо необычайное, приписывали кончину Решида-паши отравѣ; одни обвиняли въ этомъ врачей грековъ, подкупленныхъ яко бы Россіей—во главѣ этихъ лицъ стояли англичане и нѣмцы; другіе обвиняли имамовъ въ отравленіи визиря, котораго нѣкоторые глупцы, изъ религіознаго фанатизма, называли гауромъ. Греки любили Решида-пашу за то, что онъ былъ къ нимъ добръ и справедливъ; я не разъ слышалъ, какъ онъ говорилъ:

— Я предпочитаю грековъ армянамъ потому, что они любятъ свою родину, а армяне любятъ только деньги; греки могли бы быть хорошими подданными султана, армянъ же мы никогда не насытимъ деньгами; они всегда будутъ обманывать насъ и всегда будутъ намъ чужіе.

Я много разъ слышалъ эти слова изъ устъ Решидъ-паши. Музурусы, Фотиадесы, Аристархи и многіе иные греки пользовались его высокимъ покровительствомъ. Онъ довѣрялъ только одному армянину, своему секретарю Агопъ-эфенди.

Мусульманское духовенство считало Решида-пашу человѣкомъ высокаго ума, который оказалъ Турціи большія услуги и поставилъ ее на ноги. При томъ, будучи очень богатъ, онъ дѣлалъ много доблѣнній; мусульмане любили его какъ роднаго отца, и дѣйствительно онъ былъ таковымъ для нихъ; алчущіе и жаждущіе шли къ Решиду-пашѣ и уходили отъ него напоенные и накормленные; у кого было горе, тотъ шелъ къ нему за совѣтомъ и уходилъ отъ него утѣшенный. Онъ умѣлъ всякаго обласкать и привлечь къ себѣ и не обижалъ даже своихъ враговъ; поэтому между мусульманами, конечно, не нашлось бы человѣка, который хотя бы мысленно задумалъ что-либо дурное противъ этого визиря. Что же касается христіанскаго населенія Турціи, то можно сказать, что Решидъ-паша былъ его единственнымъ защитникомъ и покровителемъ.

У него могли быть недоброжелатели только среди высшихъ сановниковъ, завидовавшихъ тому, что онъ достигъ столь высокаго положенія и пользовался такимъ огромнымъ вліяніемъ и любовью народа, но, когда онъ скончался, то самыя ярые его завистники и недоброжелатели скорбѣли объ его утратѣ.

По смерти Решида-паши, садръ-азамомъ былъ назначенъ Али-паша; дѣятельность правительства была по-прежнему усгѣшна, такъ какъ султаномъ былъ Абдулъ-Меджидъ, а сераскиромъ Риза-паша. Нѣсколько дней спустя послѣ несчастнаго событія я былъ у сераскира; онъ спросилъ меня о запискѣ, которую я долженъ былъ подать Решиду-пашѣ, и о которой онъ говорилъ съ ними, условившись о томъ, какъ провести реформу.

Я представилъ Риза-пашѣ свою записку и нѣсколько дней спустя

былъ вызванъ въ сераскеріатъ, гдѣ мнѣ сообщили, что войско, коимъ я командовалъ, было причислено къ третьему корпусу и получило приказаніе двинуться въ Битагли (Bitagli) и ожидать моего прибытія; а я былъ временно назначенъ въ комиссію, на которую была возложена обязанность выработать правила для войска, которое будетъ нести службу на греческой границѣ. Въ эту комиссію были назначены: дивизионный генералъ Ибрагимъ-паша, бригадный генералъ Нурединъ-паша, членъ военнаго меджеліса, Мустафа-эфенди, драгоманъ сераскеріата и я; письмоводителемъ былъ назначенъ мой диванъ-эфенди, т. е. директоръ моей канцеляріи Весси-эфенди.

Перев. В. В. Тимошукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

шил и печатался из печати. Записки Килинского, печатавшиеся „Русском Старине“, обвиняют себя время с апреля 1794 г., когда они изучали в варшавском магистрате прусские прокламации, по февралю 1795 г., когда автор их опознал в Петропавловскую тюрьму. Познавшемуся вновь, повил „Записки“ Килинского о правлении Станислава Понятовского, начинаются описанием событий, предшествующих гродненскому сейму (1793 г.), и кончатся вступлением Килинского пруссаками в слезы (1794 г.). Первым написаны Килинским из Петербурга, по освобождении из заключения, на основании набросков, сделанных в тюрьме. Вторым же написаны из города поддате— по освобождении и возвращении из Петербурга в Варшаву. В последних парах обширнее описаны апрельские и майские события 1794 года, а также отомеша автора „Записок“ к Костюшки. Несколько шестое, Килинский был главным инициатором и вождем варшавского восстания. Этот замысел преемственного правительства в Варшаве, был приглашен начальником артиллерии обороны в военную службу. Востане возникло в Великий четверг, после разбития, раньше назначенного времени, известие дошло президента города королю. Последней точкой же даль знать об измене известности русскому посланнику. Признание это сделало невозможным востане в первую же явную Игельстрома. Это был так слабачек Килинский.

Замысел этой борьбы на площадих, уланам в дворах Варшавы представлять собою рисовку, арка написанную, картину. На доверчивости Килинского вышло множество обязанностей. Им выдали его в различных комиссиях (финансовой, паспортной) и комитетах (артиллерийской безопасности, продовольствия и др.). Он подурекладывает заговоры на жизнь короля, он приказывает арестовать и повесить еп. Колоньского, Англича, Забизлу и герцога Ожонского. Убийство Малиновского, обвиняемого в предательстве отъ бѣдней удлинит трагедию и в том случае на потерю мужа, требует почью к ней, прощит ему смерть, доводит Малиновского до раскаяния. Подучает школьничков

сопровождать на дѣловъ и догосин ругать примаса Цюпитовского; ставят передъ дворничью того же примаса пислицу и, возбуждая народъ, принуждают короля дать брату отраву. Но на то и самъ едва не платится жизнью, сперва отъ руки майора Хоментовского, а потомъ отъ черни, возбужденной Колонькою. Въ послѣдніе мѣсяцы востанія Килинский отдался всецѣло вооруженію и обученію 20-го полка, командиромъ котораго былъ назначенъ. Когда онъ потребовалъ отъ Костюшки для своихъ солдатъ оружія и мундировъ, то получилъ отъ него, что „хорошій хозяинъ имѣеть у себя всѣ запасы“ и что, слѣдовательно, онъ, Килинский, найдетъ средства для обученія и вооруженія. Въ сраженіи съ пруссаками, осаждавшими Варшаву, полкъ Килинскаго былъ первый разъ въ огнѣ. „Наши полочки—разсказываетъ онъ—дали себя знати неприятелю, какъ бульдоги, когда ихъ съ цѣны спустать“.

Событія на театрѣ войны быстро ведутъ къ политической катастрофѣ. После Мадеевицы слѣдуетъ штурмъ Праги и паденіе Варшавы. Тогда Килинский покидаетъ столицу и ѣдетъ въ Познань, гдѣ, по его словамъ, симпатіи всѣхъ были на его сторонѣ. Прусскія власти выдали Килинскаго русскимъ. На этомъ прерывается новый Раміетникъ, обладающій тѣми же качествами и недостатками, что и первый, т. е. богатствомъ содержанія, живостію изложенія, образными языкомъ и удивительными ошибками въ описаніи событій, въ которыхъ авторъ Записокъ не принималъ непосредственнаго участія.

Величелпный надатель Записокъ, скрытый подъ буквою А, снабдилъ ихъ: а) предисловіемъ, въ которомъ разсказала исторію появления ихъ на свѣтъ и, между прочимъ, воздалъ должное научному безпристрастію „Рус. Старинѣ“, помѣтившей въ 1895 г. на своихъ страницахъ первыя Записки Килинскаго, б) замѣткою о домѣ Килинскаго въ Варшавѣ съ приложеніемъ вида этого дома и в) оговорилъ нѣсколько важныхъ ошибокъ автора Записокъ, допущенныхъ послѣднимъ въ изложеніи.

Г. А. Воробьевъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1901 г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою. За границу **ОДИНАДЦАТЬ руб.**—въ государствѣ, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій протокъ, д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбаеникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресевская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣвская ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

~~Въ~~ Гр. **Ивогородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, за Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ биографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей думовыхъ и сѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, записки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисунки бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только черезъ лица, подписавшіяся въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и замѣнамъ; призначенныя неудобныя для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

~~Въ~~ Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8 рублей**; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1900 по **9 рублей**.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ къ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **бесплатно**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXI-й.

АВГУСТЪ.

1900 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Императоръ Николай I и Польша въ 1825 — 1831 годахъ. (Оконч.). П. К. Шильдера. . . . . 257—264
- II. Эпизисъ генерала В. И. Левашовна. . . . . 265—297
- III. Зауэриана прачкою изданія Польши. (Переводъ съ польской рукописи). . . . . 299—326
- IV. Памяти Д. В. Григорьевича. (Презиантис егю изъ главнаго Писма, училищъ). А. П. Савельева. . . . . 327—336
- V. Изъ записки Д. А. Нарылова. Событ. П. А. Тудубъ. . . . . 339—364
- VI. Герцога Бегарна П. М. Маврова. . . . . 365—331
- VII. Вестни изъ дневника М. К. Мердери. (Переводъ съ французскаго). Сообщилъ Алексѣй Мердери. . . . . 383—389
- VIII. Въ исторіи русской литературы: Поэтики братьевъ А. А. и М. А. Поступинича издавать журналъ (1818—1821 г.). . . . . 391—405
- IX. Александръ Ефимовичъ Имайловъ. 1779—1821 гг. П. К. Кубасова. . . . . 407—430
- X. Эпизисъ Михаила Чайковскаго. Перев. Н. В. Тихошуръ. . . . . 431—448

- XI. Эпизисная цинкиа „Русской Старини“: Два рецензита «Н. Н. Новиковъ. Рецензита императрицы Екатерины II—ген. Лоуутину. 24-го янв. и 11-го февраля 1786 г. (стр. 298). — Переправа ипп. Николая I черезъ Наванъ въ 1846 г. Приказъ по 5-ой пѣхотной дивизии 2-го декабря 1846 г. Сообщилъ подполковникъ К. А. Домбровский (337—338). — 0 тайномъ ввозѣ въ Россію сочиненія Н. Тургеева. Писма графа Орлова — Л. А. Перовскому, 15-го августа 1847 г. (382). — Въ характеристикѣ П. Коновинича: Писма П. Коновинича — В. П. Карамзину, 26-го мая 1813. (390). — Приказъ графа Барилла де Толли по арміи съ благодарностиа короля прусскаго, 12-го июля 1814 года. (406).

XII. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Архивъ Брюлловыхъ.

2) Портретъ Александра Ефимовича Имайлова съ рисункомъ вѣнцата изъ альбома. Риск. П. Н. Хезминкайя.

Враганиаега подиска на „Русскую Старину“ изд. 1900 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, съ 4 страницъ, обертки.

Присыль подѣлами редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 часовъ лудин.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Обществениа Польза“,
Большая Подъкатская, 23.
1900.

Кафедра русскаго языка и словесности въ Юрьевскомъ (Дерптскомъ) университетѣ. Составить по архивнымъ и печатнымъ матеріаламъ Е. В. Пѣтухова. Юрьевъ. 1900.

Разбираемая нами книга Е. В. Пѣтухова, составляющая отдѣльный оттискъ изъ «Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевского университета», состоитъ изъ двухъ главъ и приложеннаго въ концѣ книги указателя личностей именъ.

Особенный интересъ представляетъ первая половина труда г. Пѣтухова, въ которой описательно читателя съ положеніемъ кафедры русскаго языка въ Юрьевскомъ университетѣ со времени его основанія и до нашихъ дней. На ней мы и остановимся болѣе подробно.

При самомъ основаніи Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго) университета, по дарованнымъ ему древними правилами — высочайше утвержденному плану 4-го іюля 1799 г. и присоединеннымъ къ нему напечатаннымъ 5-го января 1802 г.—полагался «учитель русскаго языка», который долженъ былъ, провъ обученія желавшихъ русскому языку, исполнять еще и обязанности университетскаго переводчика.

По уставу, утвержденному 12-го сентября 1803 г., въ числѣ другихъ, еще тогда невозможившихся, кафедръ положена была и кафедра русскаго языка и литературы, представителями которой должны были быть «ординарный профессоръ русскаго языка и словесности, который также ведетъ русскаго ученическую переписку по препорученіямъ университетскаго правленія» и «лекторъ русскаго языка, который состоитъ въ должности переводчика при университетскихъ Совѣтахъ».

Несмотря на равноправное съ вѣстной стороны положеніе кафедры русскаго языка и литературы на-ряду съ другими кафедрами философскаго факультета, — обученіе этимъ предметамъ съ самаго же начала не было сдѣлано обязательнымъ. Это обстоятельство, вытекавшее изъ взгляда на русскій языкъ со стороны новыя организаторы учебной части Юрьевскаго университета какъ на языкъ иностранный, подобно другимъ иностраннымъ языкамъ, сдѣлало впоследствии причиной хлоскихъ несогласій и споровъ въ самой университетской средѣ и дѣлаго ряда запросовъ и расширеній со стороны высшаго начальства, которое не могло не видѣть въ государственномъ языкѣ гораздо болѣе важнаго и существеннаго элемента университетскаго обученія, чѣмъ это представлялось административной и педагогической корпораціи университета, совершенно чуждой тогда общерусскимъ государственнымъ интересамъ.

По новому уставу для этого университета, утвержденному 4-го іюля 1820 г., положеніе

кафедры русскаго языка и литературы удержано прежнемъ, 17-го октября 1821 г. профессоръ русскаго языка и литературы В. А. Первозиновъ, по предложенію Совѣта, представилъ планъ лекцій по своему предмету для казенныхъ воспитанниковъ Медицинскаго института (при университетѣ), при чемъ находили этотъ планъ привѣтливый и къ прочимъ студентамъ всѣхъ факультетовъ. Планъ этотъ состоялъ изъ слѣдующаго: 1. Лекторы русскаго языка должны преподавать этикаголію и упражнять слушателей къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій. Послѣ того слушатели переходятъ къ профессору, 2. Профессору русскаго языка и литературы преподавать съ ними ситаксисъ и остальные части грамматикъ и упражнять ихъ въ переводахъ съ латинскаго на русскій и въ разговорахъ, 3. Основаннымъ основательнее съ русскими языками студентамъ профессоръ читать исторію русскаго языка и литературы и знакомить ихъ съ лучшими русскими писателями.

Несмотря на то, что планъ проф. Первозинова былъ утвержденъ Совѣтомъ университета, — стремленіе студентовъ къ наученію русскаго языка было настолько слабо и незначительно къ русскому языку столь откровенно, что Совѣтъ 18-го октября 1822 г. постановилъ предложить декану медицинскаго факультета разъяснить воспитанникамъ Медицинскаго института настоятельную необходимость знанія ими русскаго языка въ виду возможности назначенія ихъ на службу въ восточныя губерніи Имперіи, а вскорѣ было постановлено даже сажать во время ваканцій въ карьерѣ тѣхъ студентовъ института, которые не будутъ усердно заниматься русскимъ языкомъ. Надо думать, — замѣчаетъ Е. В. Пѣтуховъ, — что и эта мѣра не имѣла благотворныхъ послѣдствій, такъ какъ въ 1827 г. министръ народнаго просвѣщенія вынужденъ былъ указать Совѣту на то, чтобы извѣстнымъ студентамъ Медицинскаго института сдѣлалось обязательнымъ курсъ выданнаго были не вѣдомъ, какъ по удостовѣренію ихъ познаний въ русскій языкъ.

16-го декабря 1836 г. была выражена высочайшая воля императора Николая Павловича «во-первыхъ, строго подтверждая Дерптскому университету, чтобы никто не былъ удостоиваемъ знанія двѣнадцатаго студента, знающаго и латина безъ достаточнаго знанія русскаго языка, и во-вторыхъ, черезъ шата дѣтъ никакого изъ сей университетъ не принимать въ студенты, если не издержитъ предварительнаго строгаго экзамена въ основательное знаніе русскаго языка. Но чрезъ шло, и со стороны университета, повидимому, не было ничего предпринята для того, чтобы привести въ исполненіе эту волю, и вотъ, министръ народнаго просвѣщенія, гр. С. С. Уваровъ, огорченно уступилъ этой волѣ, прише-

А. Жуковский

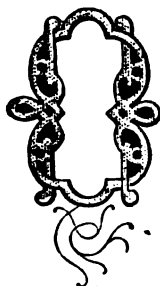
(Копія съ портрета нарисованнаго въ 1820 году въ одномъ изъ альбомовъ).

Императоръ Николай I и Польша.

1825—1831 г.г.

XVI¹⁾.

братимся теперь къ тому, что дѣлалъ въ самое критическое время польско-русской войны цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Послѣ Гроховской битвы, цесаревичъ въ виду временнаго затишья въ военныхъ дѣйствіяхъ, съ разрѣшенія главнокомандующаго, уѣхалъ въ Вѣлостокъ, гдѣ находилась княгиня Ловичъ²⁾. Съ этого времени для цесаревича наступилъ самый тяжелый въ его жизни періодъ. «Мое положеніе такое, — пишетъ Константинъ Павловичъ въ письмѣ къ Ѳ. П. Опочинину, — что дѣйстви-тельно живу со дня на день и нельзя даже обратить мысль или желаніе на будущее. Одна надежда на Господа Бога и упованіе на Его всемогущую волю. Безъ того есть съ чего съ ума сойти. Жена у меня пнибко была больна и теперь еще столь слаба, что лежитъ въ кровати уже другую недѣлю. Всѣ ея недуги не суть иное какъ послѣдствіе нашего выгона изъ Варшавы и претерпѣніе всѣхъ безпокойствъ какъ физическихъ, такъ и моральныхъ, а хуже всего продолженіе сего поло-

¹⁾ См. «Русск. Стар.» июль 1900 г.

²⁾ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ по этому поводу импера-тору Николаю: „Le maréchal, n'ayant rien en vue pour le moment, a bien voulu me permettre de prolonger mon séjour ici (т. е. въ Вѣлостокѣ) jusqu'à ce qu'il entreprenne quoi que ce soit“.

женія, ибо по всѣмъ обстоятельствамъ конца не предвидится ни въ чемъ, слѣдовательно, и надежды нѣтъ къ тому»¹⁾).

Когда военныя дѣйствія возгорѣлись съ новой силой, цесаревичъ пожелалъ опять возвратиться съ своему гвардейскому отряду и даже настаивалъ на этомъ, но императоръ Николай воспротивился подобному намѣренію, находя неудобнымъ, чтобы братъ принялъ на себя вторично ту незначительную роль, не соответствующую занимаемому имъ положенію (*le rôle insignifiant et inconvenant à votre rang*), которую онъ уже разъ разыгралъ. «*C'est préjudiciable et à votre caractère et à ce que vous avez été pour moi et à ce que vous êtes encore*», — прибавилъ государь.

«Вамъ угодно было часто говорить мнѣ, что вы ревностно и преданно будете служить мнѣ», — писалъ государь къ цесаревичу, — такъ вотъ позвольте же мнѣ во имя этого обѣщанія, даннаго съ вашей стороны и подъ видомъ личной мнѣ услуги, попросить ея у васъ, потребовать ея. Вся эта война мѣняетъ свой характеръ; изо дня въ день она становится болѣе серьезной, болѣе ожесточенной благодаря толкамъ, которые вожаки умѣютъ давать ей, пользуясь нашимъ долгимъ бездѣйствіемъ; уже однимъ изъ предлоговъ, которымъ они пользуются между прочимъ, для воодушевленія противъ насъ войскъ, является бывшее ваше присутствіе въ арміи, какъ доказательство прямой мести. Отстранимъ даже призракъ подобной мысли. Я уже сказалъ вамъ и снова повторяю: никто не имѣетъ права упрекать васъ въ томъ, что вы не раздѣлили опасностей вашихъ храбрецовъ; благоприятный для этого моментъ миновалъ; другія соображенія, болѣе настоятельныя, должны противиться вашему возвращенію туда. Вы отказываетесь такъ же отъ командованія гвардіей, хотя я предлагалъ вамъ снова вступить въ него, — то было бы исполнѣ естественно и въ порядкѣ вещей, а въ будущемъ объединило бы все подъ вашимъ начальствомъ. Вы сіе не желаете, вѣроятно у васъ должны быть свои причины отказываться отъ него, но повторяю, это — именно то, чего я желаю. Болѣзненное состояніе моей несравненной сестры, о чемъ Михаилъ сообщаетъ мнѣ подробности, также является могущественнымъ побужденіемъ, чтобы въ настоящее время вамъ оставаться возлѣ нея. Однимъ словомъ, дорогой Константинъ, я долженъ настаивать на томъ, чтобы въ настоящую минуту вы отказались отъ намѣренія, на которое мнѣ невозможно согласиться»²⁾).

¹⁾ Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ Федору Петровичу Опочинину, отъ 13-го (25-го) марта 1831 года. изъ Вѣлостока.

²⁾ „*Vous avez bien voulu me dire souvent que vous me serviriez avec zèle et dévouement; eh, bien, permettez que ce soit au nom de cette promesse de votre part et à titre de service que vous me rendrez que je*

Убѣдительные доводы императора Николая оказались тщетными; цесаревичъ продолжалъ настаивать на своемъ мнѣніи. Тогда государь написалъ брату, что, исчерпавъ «все, что только было у меня на душѣ высказать вамъ какъ въ качествѣ брата, такъ и въ качествѣ преданнаго друга и, наконецъ,—что мнѣ было и постоянно будетъ самымъ тягостнымъ,—по долгу моеѣ должности (*par devoir de ma place*), къ этому мнѣ болѣе нечего прибавить... Вы властны дѣйствовать въ настоящемъ случаѣ согласно вашей совѣсти, вашимъ убѣжденіямъ,—и я умоляю. (*Vous êtes le maître d'en agir selon votre conscience, votre conviction et—je me tais*)¹⁾.

Не легко было императору Николаю писать все это брату, который, по выраженію государя, «былъ нашимъ властелиномъ и остался для меня таковымъ навсегда въ глубинѣ моего сердца (*Vous qui avez été notre maître et qui pour moi l'êtes toujours au fond de mon coeur*)»—но долгъ въ умѣ императора-рыцаря, какъ и всегда, взялъ верхъ надъ чувствомъ! Цесаревичъ покорился волѣ государя, которая, по его словамъ, для него была, есть и будетъ святая истина, и остался въ Бѣлостокѣ.

Наступили пасхальные праздники, и Константинъ Павловичъ писалъ Опочинину:

«Дай Боже, чтобы при сихъ высокаторжественныхъ дняхъ, по благодати Его всѣ наши до сихъ поръ не весьма благополучныя событія, военныя и мірскія, переѣнились въ нашу пользу. Я увѣренъ, что вы, любезный Федоръ Петровичъ, раздѣляете въ полной мѣрѣ мои желанія,

---

vous la demande, que je l'exige. Toute cette guerre change de caractère; elle devient de jour en jour plus grave, plus acharnée par l'impulsion que les meneurs savent lui donner en profitant de notre longue inaction; déjà un des prétextes dont ils se servent entre autre pour animer la troupe contre nous est celui de votre présence passée à l'armée comme une preuve de vengeance directe. Eloignons même cette apparence de raison. Je vous l'ai dit et vous le répète: personne n'est en droit de vous faire le reproche de ne pas avoir partagé les périls de vos braves; le moment pour le faire est passé; d'autres motifs plus impérieux doivent s'opposer à votre retour à bas. Vous refusez aussi le commandement de la garde, quoique je vous avais proposé de le reprendre, ce qui eut été parfaitement naturel et en règle et plus tard réunissait le tout sous vos ordres. Vous ne voulez pas, vous devez avoir probablement vos raisons pour le refuser, cependant je le répète, c'est là ce que je désire. L'état souffrant de mon excellente soeur, dont Michel me donne les détails, est aussi un puissant motif pour vous fixer près d'elle dans ce moment. En un mot, cher Constantin, je dois insister à ce que vous renonciez pour le moment à cette intention, à laquelle il m'est impossible de consentir». (Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу, отъ 16-го (28-го) марта 1831 года).

¹⁾ Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу, отъ 30-го марта (11-го апрѣля) 1831 года.

истекающія отъ глубины сердца моего, чуждаго всегда всякаго зла и ничего другаго не желающаго, какъ общаго блага и справедливости... Я здоровъ, но до крайности скученъ и признаюсь, что надо много и много духу и твердости, дабы перенести теперешнее мое положеніе, вспоминая каждую минуту прошедшее... Есть минуты таковыя, что голова идетъ вокругъ и до съумасшествія не далеко. Если бы я былъ одинъ, почти всё потерявъ, бѣда не большая, но всё сіи невинныя жертвы и страдальцы каждую минуту передъ глазами и изъ мысли не выходятъ»¹⁾).

«Какая для меня разница въ окончаніи моихъ пятидесяти двухъ лѣтъ отъ роду и начатіи пятьдесятъ третьяго года съ предъидущими, и признаюсь, что никогда не воображалъ, чтобы могли постичь меня и моихъ тѣ всѣ несчастія, которыя уже были и продолжаютъ преслѣдовать, въ награду трудовъ, усердія, ревности къ службѣ и исполненія возложеннаго въ теченіе 16½ лѣтъ. Богъ есть судія виновникамъ всего сбывающагося со всѣхъ сторонъ съ нами. Мое дѣло—молчаніе и терпѣніе и упованіе твердое на милость и благость Господа Всемогущаго, что поздно или рано выведетъ изъ сего столь труднаго положенія... Сегодня два года тому назадъ, какъ былъ торжественный въѣздъ государя въ Варшаву и гдѣ онъ былъ принятъ съ восторгомъ и съ изъясненіемъ наживѣйшихъ чувствъ преданности и усердія. Я же былъ счастливъ тѣмъ, что могъ, какъ бы сказать, водворить моего государя, представя ему плоды заботъ всѣхъ родовъ, 16½ лѣтъ продолжавшихся. Кто бы могъ тогда вообразить, что спустя два года все будетъ поставлено верхъ дномъ столь неистовыми, столь подлыми, столь неблагодарными, столь измѣнническими и столь ехидными способами, и которые завлекли цѣлый народъ и ¾ онаго противъ желанія и благополучія, которымъ онъ пользовался, въ бездну пропасти несчастія, въ угодность лицемѣровъ и ихъ пользу, дабы воспользоваться трудами другихъ. Волосы дыбомъ становятся, только-что объ этомъ подумаешь»²⁾).

Вскорѣ пребываніе цесаревича въ Бѣлостокѣ сдѣлалось не безопаснымъ, вслѣдствіе появленія въ окрестностяхъ польскаго отряда Хлапов-

¹⁾ Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ Ѳ. П. Опочинину, отъ 1-го (13-го) мая 1831 года, изъ Бѣлостока.

²⁾ Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ Ѳ. П. Опочинину отъ 5-го (17-го) мая 1831 года.

Въ припискѣ къ этому письму цесаревичъ написалъ:

„Pro memoio:

„1) сегодня 52 года, какъ я крещенъ.

„2) сегодня 36 лѣтъ, какъ я поступилъ на службу.

„3) сегодня 2 года, какъ былъ торжественный въѣздъ государя въ Варшаву для коронаціи“.

скаго. Тогда цесаревичъ съ княгинею Ловичъ выѣхалъ 9-го (21-го) мая въ Слонимъ; но здѣсь поджидалъ его новый врагъ—холера. Страшась за свою супругу, цесаревичъ продолжалъ начатое отступленіе по бѣлорусскому тракту, черезъ Минскъ въ Витебскъ. По прибытіи въ послѣдній городъ, 3-го (15-го) іюня, цесаревичъ поселился въ домѣ генералъ-губернатора князя Хованскаго. Здѣсь Константинъ Павловичъ написалъ государю 7-го (19-го) іюня 1831 года послѣднее письмо, въ которомъ коснулся своего тягостнаго положенія и невозможности возвратиться въ Петербургъ.

«Я осмѣливаюсь настоятельно умолять васъ войти въ мое тягостное положеніе данной минуты,—писалъ цесаревичъ,—и въ ту фальшивую роль, которую я вынужденъ играть. Блуждая, какъ я, отдѣленный отъ плачевныхъ остатковъ моихъ, которыхъ я не долженъ былъ бы покинуть иначе какъ съ жизнью, и изъ чувства благодарности за вѣрность, которую они проявляли и доказывали мнѣ со времени всѣхъ моихъ несчастій; съ какимъ лицомъ и съ какимъ выраженіемъ хотите вы, дорогой и несравненный братъ, чтобы я явился къ вамъ въ Петербургъ, гдѣ уже, слава Богу, меня, надѣюсь, почти забыли? Или я могъ бы приблизиться къ вамъ съ выраженіемъ стыда? Или же съ выраженіемъ недовольнаго, какимъ я, конечно, никогда не буду? Или же съ видомъ огорченнаго, который будетъ истолкованъ своими и чужими въ смыслѣ недовольства и фальшивой распри, которая равнымъ образомъ есть и будетъ совершенно чуждой мнѣ, но которая, несмотря на это, будетъ по-своему истолкована недовольными, которые кишатъ повсюду? Или, наконецъ, для того, чтобы запереться у себя, почти не выходя оттуда, такъ какъ, признаюсь, я не буду въ состояніи показаться куда бы то ни было, не ощущая стыда за ту жалкую роль, которую я вынужденъ играть послѣ 36-ти лѣтъ службы. Благоволите также подумать, сколько людей потребуютъ отъ меня отчета въ своихъ родственникахъ и дѣтяхъ, которыхъ они мнѣ вѣрили и которыхъ я, повидимому, покинулъ, не будучи въ состояніи отвѣтить имъ съ доказательствами въ рукахъ и, тѣмъ не менѣе, они съ трудомъ этому повѣрятъ. Всѣмъ говорунамъ я не могу представить въ свое оправданіе письма, которыя вы соблаговолили мнѣ написать; они увидѣли бы въ нихъ только мою покорность и мое послушаніе въ исполненіи вашей высочайшей воли—удаляясь, согласно вашему желанію, изъ арміи»¹⁾).

¹⁾ „J'ose vous supplier instamment d'entrer dans ma pénible situation du moment et du faux rôle que je suis forcé de jouer; errant comme je le suis, séparé des tristes restes des miens, avec lesquels j'aurais dû ne me séparer qu'avec l'existence et par gratitude de la fidélité qu'ils m'ont prouvée et témoignée depuis tous mes malheurs, quelle mine et quelle figure voulez-vous, cher et excel-

Одновременно съ письмомъ къ государю, цесаревичъ излилъ также свою скорбь Ѳ. П. Опочинину и писалъ ему 7-го (19-го) іюня изъ Витебска:

«Я живу здѣсь уже четвертыя сутки и отдыхаю отъ скуки и усталости физической и моральной и никакого занятія другого не имѣю какъ скуку, скуку и скуку. Впрочемъ здоровъ, но жена по прїѣздѣ сюда крайне ослабла и уже третьи сутки какъ съ кровати не встаетъ, авось Господь Богъ поможетъ, надежда на Него одного. Здѣсь пока мѣсть все тихо и хорошо. По всей дорогѣ насъ окружали уваженіемъ и желаніемъ угодить и дѣлать пріятное во всѣхъ сословіяхъ. Симъ, признаюсь, я былъ весьма тронутъ и благодаренъ, въ особенности въ моемъ теперешнемъ скитающемся положеніи. Долго ли я здѣсь пробуду и что изъ меня будетъ, зависитъ отъ обстоятельствъ и отъ разрѣшенія государя императора на письмо, которое я сегодня къ нему послалъ. Испытавъ все въ службѣ военной, на старости лѣтъ испыталъ и должность фурштатскаго чиновника: *du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas*. Что же дѣлать, ежели судьбѣ такъ угодно».

Развязка была уже близка. Въ ночь съ 14-го (26-го) на 15-е (27-е) іюня 1831 года, цесаревичъ Константинъ Павловичъ заболѣлъ холерою и въ тотъ же день въ 7¼ часовъ вечера скончался.

Княгиня Ловичъ увѣдомила государя о случившемся печальномъ событіи особымъ письмомъ:

«Мой братъ, вы будете очень несчастны, потому что несчастна я, а одно лишь обстоятельство въ мнѣ могло сдѣлать меня несчастной. Въ четыре часа онъ заболѣлъ, а въ восемь вечера! О, мой Боже, сжалятесь надъ нами, надъ императоромъ, надо мною, надъ нами... Мой братъ, каковы будутъ ваши приказанія относительно его?»¹⁾

lent frère, que j'apporte auprès de vous à Pétersbourg où déjà, grâce à Dieu. l'on m'a, j'espère, presque oublié? Est-ce avec la mine de honte que je pourrai vous approcher? est-ce avec la mine d'un mécontent que certes je ne serai jamais? est-ce avec une mine peinée et qui sera interprétée par les siens et les étrangers comme mécontentement et brouille de famille partout? est-ce enfin pour me claquemurer chez moi, sans en sortir, puisque, je l'avoue, que je ne pourrai me présenter nulle part sans honte du triste rôle que je suis forcé de jouer après 36 années de service. Le plus, veuillez songer combien de monde me demanderont compte de leurs parents et enfants qu'ils m'avaient confiés et que j'ai l'air d'avoir abandonnés et auxquels je ne pourrai répondre preuves en mains et, malgré cela, ils y croiront avec peine. Je ne pourrai présenter mes justifications dans les lettres que vous avez daignées m'écrire, à tous ces parents et dans lesquelles ils ne verraient que ma soumission et mon obéissance à exécuter vos ordres suprêmes... en m'éloignant d'après vos désirs de l'armée! (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 7-го (19-го) іюня 1831 года, изъ Витебска.

¹⁾ „Witebsk, ce 15 (27) 1831.

„Mon frère, vous serez bien malheureux, car je le suis et une chose au monde

Вечеромъ, 17-го (29-го) іюня, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ отправился къ государю, находившемуся въ Петергофѣ. «На пути,—пишетъ Бенкендорфъ,—встрѣтилъ меня фельдъегерь, который, остановивъ коляску, подавъ мнѣ записку отъ князя Волконскаго, требовавшего, именемъ государя, неотложнаго моего прибытія.. Нѣсколько удивленный симъ, такъ какъ пріѣзда моего въ Петергофъ уже и безъ того ожидали, я, однако же, велѣлъ погонять лошадей и вскорѣ домчался до маленькаго домика, занимаемаго государемъ. Первые попавшіяся мнѣ лица были два доктора императрицы. Ихъ озабоченный видъ крайне меня испугалъ. Едва я успѣлъ, на вопросъ мой, услышать, что императрицѣ сейчасъ пускали кровь, какъ вышелъ государь, весь въ слезахъ, и, схвативъ меня за руку, увлекъ въ свой кабинетъ. Здѣсь, въ такомъ волненіи, какъ мнѣ никогда не случалось его видѣть, онъ передалъ мнѣ полученное имъ извѣстіе, что братъ его, Константинъ Павловичъ, скончался отъ холеры¹⁾. Когда я прочелъ печальныя подробности этой внезапной кончины, государь сказалъ мнѣ, что, желая дать очевидное доказательство живаго участія, пріемлемаго имъ въ положеніи несчастной вдовы цесаревича, онъ сейчасъ отправляетъ меня къ княгинѣ Ловичъ съ изъясненіемъ ей своего соболѣзнованія и съ приглашеніемъ пріѣхать въ Петербургъ при тѣлѣ ея мужа, котораго она не рѣшалась оставить. Чувствуя себя при выѣздѣ изъ города совершенно здоровымъ, я вышелъ изъ государева кабинета больнымъ. Относя это единственно къ печальнымъ ощущеніямъ отъ неожиданной вѣсти о кончинѣ цесаревича, я пошелъ въ свои комнаты, чтобы распорядиться приготовленіями къ предстоящей поѣздкѣ; но едва успѣлъ, кончивъ ихъ, прилечь, какъ во мнѣ открылись всѣ признаки холеры. Прибывшій въ эту минуту изъ Петербурга врачъ государевъ Арентъ, прибѣжавъ ко мнѣ, испугался при видѣ перемѣны въ моемъ лицѣ. Послѣ данныхъ мнѣ лѣкарствъ и горячей ванны, откуда меня вынули безъ чувствъ, мнѣ сдѣлалось нѣсколько

---

pouvait me rendre malheureuse. A quatre, il est tombé malade, mais à huit du soir! O mon Dieu, prenez pitié de nous, de l'Empereur, de moi, de nous... Mon frère, qu'ordonnez vous à propos de lui?

¹⁾ Кончина цесаревича Константина Павловича возвѣщена была манифестомъ, подписаннымъ 17-го іюня 1831 года на дачѣ Александрін близъ Петергофа, въ которомъ сказано:

„Среди печальныхъ сердцу нашему событій Всевышнему угодно было усугубить горестъ нашу. Любезнѣйшій братъ нашъ цесаревичъ и великій князь Константинъ Павловичъ, пораженный заразительною болѣзнію, въ Витебскѣ свирѣствовавшею, послѣ сильныхъ, но скоротечныхъ страданій скончался отъ холеры въ пятнадцатый день сего мѣсяца. Съ душою скорбною, но съ смиреніемъ къ несповѣдимымъ опредѣленіямъ Царя царей, возвѣщаемъ всенародно о постигшей домъ нашъ печали“.

легче. Тотчасъ взяты были всевозможныя предосторожности для охраненія царскаго жилища отъ привезенной мною заразы. Но государь въ ту же еще ночь навѣстилъ меня и потомъ, въ теченіе слишкомъ трехъ недѣль, каждый день удостоивалъ меня своимъ посѣщеніемъ и продолжительною бесѣдою, предметы которой представляли, впрочемъ, обыкновенно мало отраднаго».

Въ это время ко всѣмъ заботамъ, обременявшимъ тогда императора Николая, присоединилась еще новая печаль: съ 14-го (26-го) іюня въ Петербургѣ открылась холера, которая черезъ нѣсколько дней приняла угрожающіе размѣры. Страшная болѣзнь привела въ трепеть всѣ классы населенія и въ особенности простонародіе, которое всѣ мѣры для охраненія его здоровья, усиленный полицейскій надзоръ, отъѣленіе города и даже уходъ за пораженными холерою въ больницахъ начало считать преднамѣреннымъ отравленіемъ. Стали собираться въ скопища, оставливать на улицахъ иностранцевъ, обыскивать ихъ для открытія носимаго при себѣ мнимаго яда, гласно обвинять врачей въ отравленіи народа. На послѣдокъ, 22-го іюня (4-го іюля), чернь, возбужденная толками и подозрѣніями, столпилась на Сѣнной площади и, посреди многихъ другихъ безчинствъ, бросилась съ яростью разсвирѣпѣвшаго звѣря на домъ, въ которомъ была устроена временная больница. «Всѣ этажи,— какъ пишетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ,— въ одну минуту наполнились этими бѣшеными, которые разбили окна, выбросили мебель на улицу, изранили и выкинули больныхъ, приколотили до полусмерти больничную прислугу и самымъ безчеловѣчнымъ образомъ умертвили нѣсколько врачей. Полицейскіе чины, со всѣхъ сторонъ тѣснимые, спрятались или ходили между толпами переодѣтыми, не смѣя употребить своей власти. Наконецъ, военный генералъ-губернаторъ графъ Эссенъ, показавшійся среди сборища, равномерно не успѣлъ возстановить порядка и также долженъ былъ укрыться отъ изступленной толпы. Въ недоумѣніи, что предпринять, городское начальство собралось у графа Эссена, куда прибылъ и командовавшій въ Петербургѣ гвардейскими войсками графъ Васильчиковъ. Послѣ предварительнаго совѣщанія, послѣдній привелъ на Сѣнную площадь батальонъ Семеновскаго полка съ барабаннымъ боемъ. Это хотя и заставило народъ разойтись съ площади въ боковыя улицы, но нисколько его не усмирило и не заставило образумиться. Въ ночь волненіе нѣсколько стихло, но все еще городъ былъ далеко отъ обыкновеннаго порядка».

Князь Меншиковъ въ дневникѣ своемъ пишетъ: «Принуждены были двинуть войска, которыя, не видя государя, показали недовѣріе къ начальству, но магическое для русскихъ слово все переимѣнило. Графъ Закревскій сказалъ, что поляки подбиваютъ народъ, и мигамъ преобразенцы зарядили ружья. 23-го іюня (5-го іюля) государь поѣхалъ въ Пе-

тербургъ водою, на пароходѣ «Ижора», взявъ меня и доктора Арендта; мы пристали къ Елагину острову, который запертъ для охраненія отъ холеры. Здѣсь государь узналъ о положеніи города отъ военнаго генераль-губернатора и другихъ лицъ, призванныхъ для свиданія и объясненія. Сѣлъ въ коляску и, взявъ меня съ собою, отправился на Преображенское парадное мѣсто, гдѣ лагеремъ стоялъ батальонъ сего полка. Государь объявилъ имъ, что есть злоумышленные люди, подбивающіе народъ къ безпокойству, что войска вчера возстановили порядокъ, что онъ войска благодарить и увѣренъ, что впредь также будутъ дѣйствовать. Солдаты отвѣчали восклицаніями преданности весьма замѣчательными и криками «ура!». Государь проѣхалъ потомъ Каретною частью, гдѣ погрозилъ нѣкоторымъ толпамъ и лавочникамъ. Оттуда проѣхалъ на Сѣнную площадь, гдѣ собрано было до 5.000 народу. Вставъ среди коляски и обратившись къ толпѣ, государь сказалъ:

— Вчера учинены были злодѣйства, общій порядокъ былъ нарушенъ, стыдно народу русскому, забывъ вѣру отцовъ своихъ, подражать буйству французовъ и поляковъ, они васъ подучаютъ, ловите ихъ, представляйте подозрительныхъ начальству, но здѣсь учинено злодѣйство, здѣсь прогнѣвали мы Бога, обратимся къ церкви, на колѣни, и просить у Всемогущаго прощенія.

«Вся площадь стала на колѣни и съ умиленіемъ крестилась, и государь тоже; были слышны нѣкоторыя восклицанія: «согрѣшили окаянныя». Продолжая потомъ рѣчь свою къ народу, государь объявилъ толпѣ:

— Что, клявшись передъ Богомъ охранять благоденствіе ввѣреннаго ему Промысломъ народа, онъ отвѣчаетъ передъ Богомъ и за безпорядки, а потому онъ ихъ не попуститъ,—повторяя еще: — Самъ лягу, но не попушу, и горе ослушникамъ.

«Въ это время нѣсколько человекъ возвысили голосъ. Государь воскликнулъ къ народу:

— До кого вы добираетесь, кого вы хотите, меня ли? Я никого не страшусь, вотъ я!.. (показываетъ на свою грудь).

«Народъ въ восторгѣ и слезахъ кричалъ «ура!». Послѣ сего государь поцѣловалъ одного старика изъ народа и воротился на Елагинъ и въ Петергофъ.

«24-го іюня (6-го іюля) слухи и ложныя извѣстія о безпокойствахъ въ Петербургѣ тревожили насъ цѣлый день, и государь нѣсколько разъ собирался туда ѣхать. 25-го іюня (7-го іюля) день рожденія государя. Послѣ обѣда онъ опять поѣхалъ изъ Петергофа на пароходѣ къ Ела-

гину острову, гдѣ, взявъ графа Чернышева съ собою, объѣзжалъ городъ, былъ въ Аничковскомъ дворцѣ и возвратился въ Петергофъ»¹⁾).

Порядокъ былъ восстановленъ, но холера не уменьшилась—умирало до 600 человекъ въ день. Несмотря на значительное число вновь устроенныхъ больницъ, ихъ становилось мало; священники едва успѣвали отпѣвывать трупы.

26-го іюня (8-го іюля) императоръ Николай писалъ фельдмаршалу Паскевичу:

«Здѣсь у насъ послѣдовали новыя весьма важныя затрудненія, которыя, однако, съ помощію всемогущаго, всемилосерднаго Бога, мы превозможемъ. Холера уже тринадцатый день насъ посѣтила и ея заболѣло болѣе 1.200 человекъ всѣхъ состояній и изъ коихъ до половины умерли! Народъ ей не вѣритъ, и буйство возрасло до того, что два госпиталя разграбили и убили лѣкаря и другихъ. Мнѣ удалось унять народъ своими словами безъ выстрѣла, но войско, стоя въ лагерѣ, безпрестанно въ движеніи, чтобы укрощать и разсѣивать толпы. Вчера былъ я опять въ городѣ, меня съ покорностію слушаютъ и, слава Богу, начинаютъ приходить въ порядокъ. Но признаюсь, все это меня крайне мучаетъ, отъ тебя жду съ нетерпѣніемъ утѣшенія. Да поможетъ тебѣ Богъ»²⁾).

Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ, отъ 4-го (16-го) іюля, государь сообщилъ графу Паскевичу еще слѣдующія свѣдѣнія о ходѣ болѣзни въ Петербургѣ.

«Здѣсь со вчерашняго дня, благодаря милосердному Богу, холера нѣсколько слабѣетъ. Но дѣйствія ея были ужасны и на всѣ состоянія. Мы лишились отличнаго почтеннаго графа Опшермана; потеря сія для меня наиболѣе чувствительнѣйшая, я его никѣмъ не могу замѣнить. Умерли также генераль-интендантъ флота генераль Головинъ, морской артиллеріи генераль-маіоръ Барановъ, путей сообщенія ген.-маіоръ Шефлеръ и Аванасъевъ и много другихъ. Графъ Ланжеронъ умираетъ и, наконецъ, сею же болѣзнію умерла статсъ-дама княгиня Куракина. Въ городѣ все тихо, и народъ вѣритъ и унылъ. Въ войскѣ потеря сносна, но въ Кронштадтѣ—ужасна! Потерялъ я также бѣднаго графа Потоцкаго, но сей не отъ холеры, а отъ камня въ печени».

¹⁾ Донесенія, представленныя генераль-адъютанту Бенкендорфу изъ III-го отдѣленія, по поводу событій, сопровождавшихъ появленіе холеры въ Петербургѣ въ 1831 году.

²⁾ Графу П. А. Толстому государь писалъ 29-го іюня (10-го іюля) 1831 года:

„Здѣсь появилась холера и уже около 2.000 ея заболѣло и половина умерла. Были безпокойства и буйства, но съ помощію Божіею прекращеніи безъ оружія; но гибель эта большая“. (Военно-Ученый Архивъ. Отд. I. № 645.

15-го (27-го) іюля государь могъ уже сообщить Паскевичу болѣе успокоительныя извѣстія:

«Здѣсь все тихо и въ порядкѣ... болѣзнь, слава Богу, столь же скоро исчезаетъ, какъ страшно скоро развилась».

По свидѣтельству генераль-адъютанта Бенкендорфа, въ Петербургѣ «на каждомъ шагѣ встрѣчались траурныя одежды и слышались рыданія. Духота въ воздухѣ стояла нестерпимая. Небо было накалено какъ бы на далекомъ югѣ, и ни одно облачко не застигало его синевы, трава поблекла отъ страшной засухи—вездѣ горѣли лѣса и трескалась земля. Дворъ переѣхалъ изъ Петергофа въ Царское Село, куда переведены были и кадетскіе корпуса. За исключеніемъ Царскаго Села, холера распространилась и по всѣмъ окрестностямъ столицы. Народъ страдалъ отъ препонъ, которыя полагались торговлѣ и промышленности. Правительство должно было работать за всѣхъ, подавая руку помощи нуждавшимся, предупреждая безпорядки и заботясь о народномъ продовольствіи».

Министерство внутреннихъ дѣлъ издало въ 1831 году: «Наставленіе къ распознаванію признаковъ холеры, предохраненію отъ оной и къ первоначальному ея лѣченію». Эта брошюра наполнена многими любопытными правилами и причинила немало бѣдъ руководствовавшимся заключавшимися въ ней наставленіями. Лицамъ, подающимъ помощь одержимому холерою, предписывалось: «имѣть съ собою скляночку съ растворомъ хлориновой извести, или съ крѣпкимъ уксусомъ, которымъ чаще потирать себѣ руки, около носа, виски и проч., кромѣ сего носить въ карманѣ сухую хлориную известь въ полотняной сумочкѣ».

Между тѣмъ, всѣхъ тѣхъ, которые строго исполняли это правило, народъ на улицахъ останавливалъ и если находилъ въ карманѣ въ скляночкѣ уксусъ, либо порошки хлористой извести, заставлялъ, въ удостовѣреніе, что это не ядъ, выпивать, а порошокъ насильно сыпалъ въ ротъ. Несчастныя жертвы заботливости о самосохраненіи были избиваемы, и многіе заплатились даже жизнію. Всѣ эти явленія происходили отъ усвоенной тогда властями ложной отправной точки, что холера обладаетъ свойствами чумы и переносится людьми и вещами; поэтому правительство придумывало цѣлый рядъ охранительно-стѣснительныхъ мѣръ, вызвавшихъ только народныя волненія и всеобщее неудовольствіе.

Въ «Наставленіи» попадаются и комическія страницы; такъ напримѣръ запрещалось жить въ жилищахъ тѣсныхъ и нечистыхъ; запрещалось предаваться гнѣву, страху, унынію и безпокойству духа и вообще сильному движенію страстей; запрещалось вскорѣ послѣ сна выходить на воздухъ. «А если требуетъ того необходимость, то должно одѣваться теплѣе, и никакъ не выходить безъ обуви». Запрещалось выходить изъ дому, не омывши все тѣло, или, по крайней мѣрѣ, руки, виски и за

ушами «растворомъ хлориновой соды или извести, а за недостаткомъ оныхъ, чистымъ уксусомъ, или простымъ виномъ, смѣшаннымъ съ деревяннымъ чистымъ масломъ».

Въ объявленіи «Положенія С.-Петербургскаго комитета, составленнаго подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора, для принятія мѣръ противъ распространенія холеры въ здѣшней столицѣ», отъ 20-го іюня 1831 года, между прочимъ, сказано было: «При полученіи извѣстій отъ частнаго пристава о каждомъ сомнительномъ больномъ, попечитель отправляется самъ для освидѣтельствованія больного, оказанія ему пособія и чтобъ собрать всѣ нужныя свѣдѣнія о томъ домѣ, гдѣ больной оказался, дабы всѣ мѣры къ огражденію самаго дома были приняты» и проч.

Очевидецъ тревожныхъ холерныхъ дней 1831 года. рассказываетъ слѣдующій случай, вызванный упомянутымъ объявленіемъ: «Разъ, проходя по Моховой улицѣ, я увидѣлъ, что трехъ-этажный домъ, находящійся навскось церкви Симеона, былъ запертъ и оцѣпленъ полиціей; у воротъ стояли два будочника, а третій—ходилъ подъ окнами по тротуару. Жители, въ страхѣ и отчаяніи, высунувшись изъ отворенныхъ оконъ всѣхъ этажей, что-то кричали,—я разобрать не могъ. Лица, проходящія мимо этого дома, бѣжали, затыкая платками носы, или нюхали уксусъ. Я изъ любопытства остановился наблюдать, что будетъ; думалъ, что вотъ явится попечитель или частный, или квартальный и распорядится, чтобы больной былъ удаленъ въ больницу, а здоровые были выпущены. Но напрасны были мои ожиданія; прошло вѣрныхъ полчаса, никто не являлся и никакого распоряженія не послѣдовало. Слышу въ воротахъ крикъ, шумъ, стукъ молотковъ; ворота шатаются, и видно, что на нихъ изнутри напиралъ. Къ счастью жителей, на дворѣ жилъ слесарь, который, собравъ своихъ рабочихъ, сбилъ калитку съ петель; калитка упала, и вся эта толпа съ радостью и крикомъ бросилась на улицу; жители вздохнули свободно; въ одну минуту у оконъ никого не было; всѣ ринулись вонъ изъ дома и разбѣжались по всѣмъ направленіямъ; полиція въ мигъ исчезла; что было далѣе, сказать не могу, потому что я, дивясь тому, что видѣлъ, продолжалъ путь свой»¹⁾.

Встрѣчались и другія картины тогдашнихъ петербургскихъ нравовъ. Неумѣлая и невѣжественная полиція того времени нерѣдко забирала въ домахъ пьяныхъ людей и, принимая ихъ за холерныхъ, отправляла въ больницы. Здѣсь, подобный мнимый больной, очнувшись, бѣжалъ домой по улицѣ въ больничномъ халатѣ и въ колпакѣ, распространяя въ

¹⁾ И. Р. Фонъ-дѣръ-Ховенъ: Холера въ С.-Петербургѣ въ 1831 году. „Русская Старина“, 1884 г., т. 44, стр. 395.

народъ ненависть къ докторамъ и къ больницамъ, а также молву, что туда хватаютъ народъ для отравы.

Множество народа покинуло въ холерное время столицу; эти бѣглецы разнесли по Россіи нелѣпые слухи объ отравѣ; въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ подобные слухи нашли для себя благоприятную почву и послужили поводомъ къ страшному возмущенію.

«Въ Старой Руссѣ,—писалъ императоръ Николай графу Паскевичу 15-го (27-го) іюля 1831 года, — и въ другихъ мѣстахъ повторились здѣшнія сцены и подъ тѣмъ же глупымъ предлогомъ. Въ Старую Руссу посланы войска, и дальнѣйшаго еще не знаю».

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ посвятилъ этому печальному событію въ своихъ запискахъ слѣдующія строки:

«Несмотря на всѣ перемѣны, внесенныя въ военные поселенія императоромъ Николаемъ, сѣмя общаго неудовольствія, возвращенное между поселянами коренными основами первоначальнаго ихъ образованія и стѣснительнымъ управленіемъ Аракчеева, еще продолжало въ нихъ корениться. Прежніе обыватели этихъ мѣстъ, оторванные отъ покоя и независимости сельскаго состоянія и подчиненные строгой дисциплинѣ и трудамъ военнымъ, покорялись и той и другимъ лишь противъ воли. Введенные въ ихъ составъ солдаты, скучая однообразіемъ безпрестанной работы и мелочными требованіями, были столь же недовольны своимъ положеніемъ, какъ и прежніе крестьяне. Достаточно было одной искры, чтобы вспыхнуло общее пламя безпокойства. Холера и слухи объ отравѣ послужили къ тому лишь предлогомъ. Военные поселяне, возбуждая другъ друга, дали волю давнишней своей ненависти къ начальству и бросились съ яростію на офицеровъ и врачей. Всѣ округи огласились общимъ воплемъ, требовавшимъ смерти офицеровъ и отравителей; всякій, кто не могъ спастись отъ нихъ скорымъ бѣгствомъ, былъ безошадно убиваемъ, и одно только поселеніе 1-го Карабинернаго полка не приняло никакого участія въ этихъ звѣрскихъ кровопролитіяхъ. Резервные батальоны тѣхъ полковъ, которые такъ мужественно дрались въ Польшѣ, равнодушно смотрѣли на совершавшіяся въ ихъ глазахъ неистовства, и хотя не уклонялись прямо отъ повиновенія, но очень вяло исполняли приказанія своихъ начальниковъ. Уже люди злонамѣренные начинали являться для направленія этого гнуснаго возстанія, уже эмиссары старались возбудить окрестныхъ помѣщичьихъ крестьянъ противъ ихъ владѣльцевъ. Въ Старой Руссѣ народъ бросился на помѣщеніе полиціи, умертвилъ городничаго, нанесъ жестокіе побои прочимъ полицейскимъ чиновникамъ, разбилъ питейные дома и въ торжествѣ бѣгалъ по опустѣлымъ улицамъ. Генералы собрали батальоны, но не отважились идти на бунтовщиковъ, въ опасеніи, что приказанія

ихъ останутся неисполненными. Все, что еще оставалось на сторонѣ законной власти, было погружено въ уныніе и бездѣйствовало ¹⁾.

¹⁾ Когда начался бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ, графъ Аракчеевъ, опасаясь за свою безопасность, поспѣшилъ удалиться изъ Грузина въ Новгородъ. Но здѣсь графа ожидало не менѣе чувствительное огорченіе; мѣстное начальство не только не озаботилось принять мѣры къ его успокоенію, но поступками своими даже побуждало его къ выѣзду въ Тверскую губернію. Тогда Аракчеевъ обратился къ императору Николаю съ письменною жалобю.

По поводу этого письма, государь написалъ графу Чернышеву ниже слѣдующія строки:

„Изъ прилагаемаго письма г. Аракчеева увидите, сколь неприлично поступаютъ съ генераломъ, въ службѣ считающимся. Напишите предписаніе г. Люде и г. губернатору, что на личную ихъ отвѣтственность возлагаю бдительность за безопасностью г. Аракчеева во время его пребыванія въ Новгородѣ; что ихъ дѣло охранять отъ обидъ каждого, подавно же тѣхъ, кои удостоиваются носить мой военный мундиръ. Г. Люде, какъ временному коменданту, поставить слѣдующихъ по уставу часовыхъ къ дому г. Аракчеева и принять всѣ мѣры, еслибъ, чему не вѣрю, была точная опасность, чтобы съ нимъ ничего не приключилось. Напишите въ сильныхъ и положительныхъ выраженіяхъ“.

Вслѣдствіе высочайшей воли, выраженной въ приведенной нами резолюціи, графъ Чернышевъ обратился изъ Царскаго Села 1-го (13-го) августа 1831 года къ новгородскому коменданту генералъ-маіору Люде съ слѣдующимъ отношеніемъ:

„До высочайшаго свѣдѣнія дошло, что г. генералъ-отъ-артиллеріи графъ Аракчеевъ, по случаю разнесшихся слуховъ объ угрожающей будто бы ему опасности буйства военныхъ поселянъ, пріѣхалъ изъ имѣнія своего Грузина въ Новгородъ, полагая быть тамъ безопаснѣе; но, что вопреки сего ожиданія, мѣстное начальство не только не заботилось принять зависящія мѣры къ его успокоенію, но, напротивъ того, совершенно несоответственными ни званію, ни лѣтамъ его своими поступками, показало рѣшительную наклонность побудить его къ выѣзду въ Тверскую губернію.

„Въ чувствахъ негодованія на столь неприличное отношеніе къ полному генералу, состоящему на службѣ его величества, государь императоръ высочайше повелѣтъ мнѣ соизволилъ немедленно предписать вашему превосходительству, что его величество изволитъ возлагать на личную вашу и г. новгородскаго гражданскаго губернатора отвѣтственность имѣть за безопасностью графа Аракчеева, во все пребываніе его въ Новгородѣ, самое дѣятельнѣйшее попеченіе, поставя при томъ на видъ вамъ, что ежели вы по настоящему званію и г. губернаторъ облечены непремѣнно обязанностию ограждать отъ обидъ всѣхъ и каждого, то коими паче были обязаны обратитъ сугубое вниманіе ваше къ особѣ генерала высшей степени, и что сверхъ того въ особенности ваше превосходительство, какъ временный комендантъ города, имѣли долгомъ своимъ поставить къ дому генерала графа Аракчеева слѣдующихъ по уставу часовыхъ и вообще употребить къ охраненію его способы, ежели бы ему дѣйствительно могла угрожать какая-либо опасность, что однако же государь императоръ изволитъ полагать совершенно невѣроятнымъ.

«Но, среди произведенныхъ безчинствъ, поселяне сами испугались всего ими совершеннаго и рѣшились послать депутацію къ государю. Нѣкоторые изъ числа ихъ повѣренныхъ были остановлены за станцію до Царскаго Села, другіе прошли прямо въ Петербургъ. Государь пожелалъ видѣть этихъ людей и приказалъ графу Орлову привести ихъ въ Ижору, куда взялъ и меня съ собою. Когда они предстали передъ его величествомъ, то онъ велѣлъ всѣмъ стать на колѣни, строго изобразилъ имъ всю гнусность ихъ поступковъ и всю тягость заслуженнаго ими наказанія.

— Ступайте домой,—заклучилъ онъ,—и скажите вашимъ, что я пришлю моего генераль-адъютанта Орлова, чтобы произвести строжайшее разысканіе и принять надъ ними начальство. Смотрите же слушаться его.

«Орловъ вслѣдъ затѣмъ поѣхалъ въ поселеніе. Его твердость, присутствіе духа и значеніе, которое давала ему присылка отъ высочайшаго имени, ободрили начальниковъ и утвердили повиновеніе въ колебавшихся солдатахъ.

«Но государь хотѣлъ самъ все лично видѣть и потушить въ его началѣ бунтъ, угрожавшій самыми опасными послѣдствіями. Онъ отправился въ поселеніе совершенно одинъ, оставя императрицу въ послѣднемъ періодѣ ея беременности и въ смертельномъ безпокойствѣ, по случаю этой отважной поѣздки. Постоянный рабъ своихъ царственныхъ обязанностей, государь исполнялъ то, что считалъ своимъ долгомъ; ничто, лично до него относившееся, не въ силахъ было остановить его.

«Онъ пріѣхалъ прямо въ округъ военныхъ поселеній и предсталъ передъ собранными батальонами, запятнавшими себя кровью своихъ офицеровъ. Лицъ ему не было видно; всѣ преступники лежали распростертыми на землѣ, ожидая безмолвно и трепетно монаршаго суда. Повторивъ сказанное ихъ депутатамъ, государь приказалъ вывести изъ рядовъ главныхъ виновныхъ и предать ихъ немедленно военному суду. Все было исполнено съ слѣпою покорностію. Одному батальону, еще болѣе другихъ осквернившему себя злодѣяніями и также лежавшему лицомъ къ землѣ, государь тутъ же велѣлъ выйти изъ экзерциргауза и идти немедленно, въ полномъ его составѣ, въ Петербургъ, гдѣ людей разбѣстятъ по крѣпостямъ, подвергнуть суду и выключить изъ списковъ. Весь батальонъ поднялся, повернулся направо и пошелъ въ величайшемъ порядкѣ, къ мѣсту своего назначенія. Ни одинъ солдатъ не отва-

---

„Таковую высочайшую волю объявляя вашему превосходительству къ точному и непремѣнному исполненію, долгомъ считаю присовокупить, что видѣть съ сямъ предписано уже объ оной и г. новгородскому гражданскому губернатору“.

жидся даже попросить позволенія проститься съ семьей или взять что-нибудь изъ своего имущества.

«Потомъ государь обратился къ начальникамъ, отдать имъ приказанія о составѣ военно-судныхъ комиссій и о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ для возстановленія порядка ¹⁾. Старорусскіе жители также хотѣли просить себѣ помилованія, но государь, наиболѣе противъ нихъ раздраженный, отозвался, что его нога не будетъ въ ихъ преступномъ городѣ, и что ихъ разберетъ также военный судъ.

«Между тѣмъ, обнаружившіяся на дѣлѣ пагубныя послѣдствія существованія военныхъ поселеній, почти у воротъ столицы, и глубоко укоренившася въ поселеніяхъ неудовольствія къ своему положенію не могли не обратить на себя особеннаго вниманія. Явилась необходимость измѣнить начала устройства поселеній и уничтожить этотъ духъ братства и совокупныхъ интересовъ, который изъ двѣнадцати гренадерскихъ полковъ составлялъ какъ бы отдѣльную и при томъ вооруженную общину, разьединенную и отъ арміи, и отъ народа. Но такъ какъ, послѣ случившагося, надлежало избѣгать малѣйшей уступки, то ко всѣмъ перемѣнамъ было приступлено уже позже и при томъ болѣе въ видѣ наказанія. Одинъ 1-й Карабинерный полкъ, въ награду за свое поведеніе, остался на прежнемъ своемъ положеніи; во всѣхъ прочихъ велѣно дѣтей поселянъ, причислявшихся прежде къ своимъ полкамъ, распределить безъ разбора по полкамъ армейскимъ; убыль въ гренадерскихъ полкахъ пополнить рекрутами изъ всѣхъ губерній; отдѣлить солдатъ отъ поселянъ, оставляя первыхъ только на жительствѣ у послѣднихъ, какъ вообще въ деревняхъ, и обложить поселянъ денежными сборами. Вслѣдствіи помѣщенія двухъ гренадерскихъ полковъ были заняты двумя гвардейскими кавалерійскими полками, квартировавшими прежде въ Варшавѣ, а помѣщеніе третьяго—отведено подъ кадетскій корпусъ.

«Изъ этой поѣздки, составлявшей столь блестящую страницу царствованія императора Николая,—онъ успѣлъ возвратиться ко времени разрѣшенія августѣйшей своей супруги. Богъ обрадовалъ его, 27-го іюля (8-го августа) 1831 года, рожденіемъ сына Николая ²⁾. Послѣ

¹⁾ Подверглись наказанію: розгами — 150 человекъ, шпиль-рутенами — 1.599 человекъ, кнутомъ—88 человекъ, исправительно—773 человекъ.

Послѣ тѣлеснаго наказанія и во время таковаго умерло 129 матежниковъ.

²⁾ Въ письмѣ къ графу П. А. Толстому, императоръ Николай 28-го іюля (9-го августа) пишетъ: „Богъ меня наградилъ за поѣздку мою въ Новгородъ, ибо, спустя нѣсколько часовъ послѣ моего возвращенія, Богъ даровалъ мнѣ счастливое разрѣшеніе отъ бремени сыномъ Николаемъ“.

Въ тотъ же день государь писалъ по тому же поводу графу Паскевичу: „Богъ благословилъ жену мою, давъ ей вчера счастливое разрѣшеніе отъ

всѣхъ опытаннѣхъ государемъ огорченій, это радостное событіе было первымъ свѣтлымъ проблескомъ и какъ бы началомъ новой, лучшей эпохи въ его жизни. Въ прошедшемъ все было омрачено печальми и бѣдствіями, надъ будущимъ висѣла, казалось, такая же черная туча. Война въ Польшѣ, возстаніе въ западныхъ губерніяхъ, страшная смертность въ столицахъ, мятежъ на Сѣнной площади и въ военныхъ поселенияхъ, — все это мало обѣщало хорошаго. И вдругъ все измѣнилось: съ каждымъ курьеромъ стали приходять, одна за другою, лишь добрыя вѣсти».

Но до прибытія въ Петербургъ столь нетерпѣливо ожидаемыхъ добрыхъ вѣстей изъ дѣйствующей арміи, императоръ Николай испыталъ еще много душевныхъ волненій. «Что за минута! лихорадка бьетъ, но съ покорностью жду, что Богъ дастъ», — писалъ государь Паскевичу. Къ существовавшимъ тогда политическимъ тревогамъ присоединилось еще потрясающее впечатлѣніе, которое должно было произвести на государя погребеніе тѣла скончавшагося цесаревича Константина Павловича. 1-го (13-го) августа императоръ Николай писалъ графу Паскевичу: «Вчера привезли тѣло брата въ Гатчино, и, признаюсь, тяжелый былъ мнѣ день; свиданіе съ сестрой было ужасно, и я больной воротился».

Церемонія ввоза тѣла цесаревича черезъ Петербургъ въ крѣпость состоялась лишь 14-го (26-го) августа; шествіе двинулось отъ Московской заставы и продолжалось четыре часа, во время проливнаго дождя. За колесницей ѣхалъ верхомъ императоръ Николай со свитой. 17-го (29-го) августа тѣло было предано землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ.

Ближайшимъ послѣдствіемъ кончины цесаревича Константина Павловича явился указъ отъ 29-го августа 1831 года, въ которомъ сказано:

«На основаніи закона, постановленнаго въ Учрежденіи объ императорской фамиліи, повелѣваемъ: любезнѣйшаго сына нашего наследника всероссійскаго престола, его императорское высочество великаго князя Александра Николаевича, отнынѣ впредь наименовать во всѣхъ случаяхъ государемъ наследникомъ цесаревичемъ и великимъ княземъ».

Княгиня Ловичъ поселилась въ Царскомъ Селѣ. По разсказу генералъ-адъютанта Бенкендорфа: «болѣзненная, печальная, убитая судьбою, неумолчно оплакивавшая того, который возвелъ ее на степень невѣстки царской и не переставалъ до конца своихъ дней питать къ ней самую нѣжную привязанность и дружбу, она не хотѣла никого видѣть

бременя сыномъ Николаемъ. Наша радость, велика, и нельзя отъ глубины души не признавать милость Божию, что среди всѣхъ несчастій и скорбей поддержалъ здоровье жены моей столь удивительнымъ образомъ».

и заключалась въ своей скорби. Только для меня сдѣлано было исключеніе, такъ какъ въ послѣднее время я состоялъ въ постоянной перепискѣ съ цесаревичемъ и при томъ жилъ въ одномъ изъ флигелей того дворца, который она занимала. Я нашелъ, что умъ и сердце ея сохранили всю прежнюю теплоту и живость; но постигшія ее ударъ и несчастіе горячо любимой ею отчизны сильно подѣйствовали на ея нервы и разстроили воображеніе. Она съ жаромъ заступалась за образъ дѣтвѣ покойнаго супруга и старалась, если не оправдать, то по крайней мѣрѣ ослабить безразсудство и неблагодарность своихъ соотечественниковъ. Вся ея бесѣда свидѣтельствовала о сильномъ волненіи, въ конецъ разрушившемъ остатки жизненныхъ силъ, уже истощенныхъ слабостью сложеніемъ. Вскорѣ княгиня пала жертвой нервическаго недуга».

Между тѣмъ, польскій мятежъ все болѣе приближался къ окончательной кровавой развязкѣ. 4-го (16-го) іюля русская армія начала переправляться на лѣвый берегъ Вислы у Осыка близъ прусской границы, а затѣмъ продолжала медленно и осторожно наступать къ Варшавѣ. Наконецъ, двухъ-дневный штурмъ 25-го и 26-го августа (6-го и 7-го сентября) рѣшилъ участь польской столицы; остатки мятежной арміи очистили городъ и Прагу, отступивъ къ Модлину. Гвардія, подъ личнымъ предводительствомъ великаго князя Михаила Павловича, вступила 27-го августа (8-го сентября) въ покоренную Варшаву, черезъ Іерусалимскую заставу; къ вечеру графъ Паскевичъ переѣхалъ въ Бельведерскій дворецъ.

«Варшава у ногъ вашего императорскаго величества»,—доносилъ фельдмаршалъ Паскевичъ императору Николаю.

Посланный съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ флигель-адъютантъ ротмистръ князь Суворовъ, внукъ генералиссимуса, прибылъ въ Царское Село 4-го (16-го) сентября. За два дня до того государь получилъ отъ фельдмаршала диспозицію для предстоящаго штурма Варшавы; легко представить себѣ, въ какомъ безпокойствѣ провелъ Николай Павловичъ эти двое сутокъ въ ожиданіи рѣшительнаго извѣстія. Все русское общество въ Петербургѣ и въ Москвѣ находилось съ нѣкотораго времени въ подобномъ же тревожномъ ожиданіи грядущихъ событій. Наконецъ, возжелѣнный курьеръ прибылъ. Окружавшая Царское Село цѣпь остановила Суворова. Государь самъ къ нему выѣхалъ и привезъ его торжествуя во дворецъ.

«Какъ всегда, первымъ движеніемъ великаго нашего монарха было возблагодарить Бога. Въ нѣсколько минутъ дворецъ наполнился людьми, и всѣ были въ себя отъ радости»,—пишетъ Бенкендорфъ.

По словамъ государя, «восторгъ Петербурга описать нельзя, только что съ ума не сходятъ, что будетъ въ Москвѣ»¹⁾.

Императоръ Николай осчастливилъ своего побѣдоноснаго фельдмаршала слѣдующими милостивыми строками:

«Слава и благодареніе всемогущему и всемилосердному Богу!—Слава тебѣ, мой старый отецъ-командиръ, слава героической нашей армии! Какъ мнѣ выразить тебѣ то чувство безпокойства, которое вселило во мнѣ твое письмо отъ 24-го числа, все, что происходило во мнѣ тѣ три безконечные дня, въ которые между страха и надежды ожидалъ роковой вѣсти и, наконецъ, то счастье, то невзяснимое чувство, съ коимъ обнялъ я твоего вѣстника.

«Ты! съ помощью Бога всемилосерднаго, поднялъ вновь блескъ и славу нашего оружія, ты наказалъ вѣроломныхъ измѣнниковъ, ты отомстилъ за Россію, ты покорилъ Варшаву—отнынѣ ты свѣтлѣйшій князь Варшавскій! Пусть потомство воспоминаетъ, что съ твоимъ именемъ неразлучна была честь и слава російскаго воинства, а имя твое да сохранить каждому память дня, вновь прославившаго имя русское. Вотъ искреннее изреченіе благодарнаго сердца твоего государя, твоего друга, твоего стараго подчиненнаго. Ахъ! зачѣмъ я не летѣлъ за тобой, по-прежнему въ рядахъ твоихъ, кои мстили за честь Россіи; больно носить мундиръ и въ таковые дни быть приковану къ столу, подобно мнѣ несчастному»²⁾.

Паденіе Варшавы не положило сразу конецъ кровопролитію въ Польшѣ. Война продолжалась еще нѣкоторое время, но не долго.

Ромарино съ 14.000 человекъ при 42-хъ орудіяхъ перешелъ въ Галицію и 5-го (17-го) сентября сдался австрійцамъ; вмѣстѣ съ нимъ удалился изъ Польши князь Адамъ Чарторижскій, который, предугадывая печальную судьбу, ожидавшую его въ Россіи, воспользовался случаемъ безпрепятственно выйти изъ сферы русскаго вліянія³⁾.

¹⁾ Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 10-го (22-го) сентября 1831 года, изъ Царскаго Села.

Въ томъ же письмѣ, государь относительно Франціи замѣтилъ:

„Ежели французы дѣйствительно столь же сумасбродны быть хотятъ, какъ ученики ихъ—поляки, то врядъ-ли набѣгнутъ намъ всеобщей войны. Что-то будетъ въ Парижѣ, когда узнаютъ про штурмъ Варшавы? Цѣлаго стекла не оставятъ у Поццы въ домѣ... Желаю мира, но не надѣюсь“.

²⁾ Письмо императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 4-го (16-го) и 5-го (17-го) сентября 1831 года.

³⁾ 6-го (18-го) октября 1831 года послѣдовалъ указъ Правительствующему Сенату:

„Члена Государственнаго Совѣта и сенатора тайнаго совѣтника князя Чарторижскаго, нарушившаго присягу вѣрности и съ упорствомъ участвовавшего во всѣхъ преступныхъ предпріятіяхъ польскихъ мятежниковъ, до

Занятіе генераломъ Ридигеромъ вольнаго города Кракова побудило Ружицкаго также искать спасенія на австрійской территоріи. Главныя силы польской арміи, удалившіяся къ Модлину, кончили тѣмъ, что 23-го сентября (5-го октября), подъ начальствомъ новаго главнокомандующаго Рыбинскаго, перешли въ Пруссію въ числѣ 21.000 человекъ, при 95 орудіяхъ. При польскихъ войскахъ, удалившихся изъ Варшавы, находилось новое мятежное правительство, съ Бонавентурой Немоевскимъ во главѣ. Модлинъ, съ 6.000-мъ гарнизономъ, сдался 26-го сентября (8-го октября), а въ заключеніе, Замостье—съ 4.000-мъ гарнизономъ—9-го (21-го) октября 1831 года. Польскій мятежъ кончился; но для Россіи возжеланный миръ сопровождался новымъ зломъ: въ Европѣ появилась польская эмиграція. Десятки тысячъ человекъ разсыпались по всему міру, утративъ отечество; интересы ихъ и испытанныя невзгоды требовали выставлять себя и Польшу жертвами тиранства и гоненій; они понесли свою ненависть и вопль противъ Россіи въ Парижъ, Лондонъ, Бельгію и Америку. Образовавшейся тогда эмиграціи обязаны мы были съ 1831 года враждебнымъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія въ Западной Европѣ къ русскому правительству, выражавшимся при каждомъ удобномъ случаѣ и словомъ и дѣломъ.

Въ Петербургѣ, побѣдоносное окончаніе польско-русской войны отпраздновали 6-го (18-го) октября торжественнымъ парадомъ и молебствомъ на Марсовомъ полѣ.

«Помолившись сегодня утромъ Богу и воздавъ Ему за благодѣянія Его,—писалъ государь князю Варшавскому,—обращаюсь вторично къ тебѣ, мой любезный Иванъ Ѳеодоровичъ, какъ виновнику сегодняшняго торжества, именемъ моимъ и отъ лица благодарнаго отечества; спасибо, отъ глубины души спасибо! Смотръ и вся церемонія были прекрасны; войска было 19.000 при 84 орудіяхъ, погода прекрасная и видъ чрезвычайный». Вмѣстѣ съ тѣмъ, императоръ Николай обрадовалъ князя Варшавскаго новою милостію: сынъ фельдмаршала удостоился производствомъ въ прапорщики. «Поздравляю тебя съ прапорщикомъ имени твоего полка, княземъ Ѳеодоромъ Варшавскимъ; желаю, чтобы онъ шелъ по стопамъ отца и былъ достойный ему во всемъ наследникъ».

Глубоко растроганный неожиданною царскою милостію, фельдмаршалъ отвѣчалъ государю:

«Еще одна милость изліяна вашимъ императорскимъ величествомъ на меня, пожалованіемъ моего сына въ офицеры. Увеличенныя благо-

самаго окончательнаго ихъ усмирения и покоренія оружіемъ нашимъ всего края, признавая недостойнымъ присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ и Правительствующемъ Сенатѣ, повелѣваемъ изъ списковъ службъ исключить».

дѣянiя ваши налагають на меня обязанность приложить старанiе заслужить оныя, но вашимъ милостямъ нѣтъ конца, и силы мои къ службѣ вашей, государь, у ногъ вашихъ, чтобы заслужить оныя» ¹⁾).

На это письмо императоръ Николай отвѣчалъ бездѣльными для фельдмаршала строками, ярко освѣщающими отношенiя, окончательно установившiяся, послѣ взятiя Варшавы, между государемъ и его другомъ—отцомъ-командиромъ.

«Я радуюсь,—писалъ государь,—ежели назначенiемъ сына могъ тебѣ принести удовольствiе; но знай, что и твои заслуги выше моихъ наградъ, ежели мнѣ по моимъ чувствамъ судить. Наружные знаки милостей для людей; но то сердечное чувство благодарности, которое въ моемъ сердцѣ, оно для твоей души, которая мою понимаетъ; стало, ежели ты вѣришь моей благодарности, моей искренней любви, дружбѣ и довѣренности,—то я доволенъ» ²⁾).

Въ день петербургскаго мирнаго торжества, обнародованъ былъ манифестъ, въ которомъ объявлялось, что возженная измѣной война прекратилась; вмѣстѣ съ тѣмъ, государь коснулся въ немъ и будущей своей политической программы по отношенiю къ побѣжденной Польшѣ.

«Россiяне! съ помощiю небеснаго Промысла, мы довершимъ начатое нашими храбрыми войсками»,—читаемъ мы въ заключительныхъ словахъ манифеста. «Время и попеченiя наши истребить сѣмена несогласiй, столь долго волновавшихъ два соплеменные народа. Въ возвращенныхъ Россiи подданныхъ нашихъ царства Польскаго вы также будете видѣть лишь членовъ единаго съ вами великаго семейства. Не грозю мщенiя, а примѣромъ вѣрности, великодушiя, забвенiя обидъ, вы будете способствовать успѣху предначертанныхъ нами мѣръ, тѣснѣйшему, твердому соединенiю сего края съ прочими областями имперiи, и сей государственный неразрывный союзъ, къ утѣшенiю нашему, ко славлѣ Россiи, да будетъ всегда охраняемъ и поддерживаемъ чувствомъ любви къ одному монарху, однихъ нераздѣльныхъ потребностей и пользы общаго, никакимъ раздоромъ не возмущаемаго счастья» ³⁾).

На молебствiе 6-го октября были также приглашены представители дипломатическаго корпуса. Французскiй полномочный министръ баронъ Бургоэнъ, въ бесѣдѣ съ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ импе-

¹⁾ Изъ письма князя Варшавскаго императору Николаю, отъ 19-го (31-го) октября 1831 года.

²⁾ Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 24-го октября (5-го ноября) 1831 года.

³⁾ Манифестъ императора Николая, отъ 6-го (18-го) октября 1831 года. Одновременно съ манифестомъ императоръ Николай отдалъ еще приказъ по армiи.

ратору Николаю людей, сказалъ: «Что скажетъ Франція, если, въ моемъ лицѣ, ея цвѣта появятся на предстоящемъ торжествѣ? Я не въ правѣ поступать такъ, и сердце мое возмущается при этой мысли». Послѣ приведенныхъ здѣсь словъ французскаго дипломата, неудивительно, что онъ не присутствовалъ на молебствіи, чѣмъ очень опечалилъ государя, осмысливаго его нѣкогда знаками своего вниманія.

Въ Варшавѣ молебствіе и парадъ, по случаю окончанія Польской войны, происходили 4-го (16-го) октября на равнинѣ между Іерусалимскою и Вольскою заставами; парадомъ командовалъ великій князь Михаилъ Павловичъ. По окончаніи молебствія его высочество, неожиданно приказавъ войскамъ взять на караулъ, отдалъ честь князю Варшавскому и, подъѣхавъ къ фельдмаршалу, опустилъ шлягу предъ представителемъ русской военной славы. Шумное и долго неумолкавшее «ура!» раздавалось въ рядахъ войска. «Въ минуту этого пштитческаго состоянія каждаго изъ находившихся на парадѣ, всѣ были поражены новымъ зрѣлищемъ,—пишетъ очевидецъ этого торжества, — фельдмаршалу угодно было приказать войскамъ взять на караулъ, чтобы отблагодарить его высочество, и только-что его свѣтлость, подъѣхавъ къ его высочеству, снялъ шлягу, безъ всякаго предварительнаго приказанія вновь раздалось по войску «ура!»—безпрерывное, безконечное; восторгъ былъ всеобщій» ¹⁾).

За границею извѣстіе о взятіи Варшавы, какъ и слѣдовало ожидать, не было принято сочувственно.

«Въ Парижѣ бѣснлись нѣсколько дней сряду,—писалъ императоръ Николай,—и насъ ругали до крайности; но все это очень хорошо, ибо доказываетъ ясно, что они заодно стояли, и что сей ударъ, *rag contre coup*, имъ отдался сильно. Въ Англии, напротивъ, приняли сіе какъ должно и благородно» ²⁾).

Государь остался также недовольнымъ австрійскимъ правительствомъ, когда, между прочимъ, явились затрудненія при выдачѣ нижнихъ чиновъ корпуса Ромарино. Объ этомъ свидѣлствуютъ слѣдующія строки письма императора Николая къ князю Варшавскому: «Затѣи австрійцевъ подлы и двуличность гнусна, но не время съ ними ссориться, а ты весьма умно и хорошо поступилъ—велѣвъ объявить нижнимъ чинамъ, что могутъ возвратиться; оно не только не противно, но даже совершенно согласно съ моими намѣреніями, тебѣ извѣстными. Поведеніе нашихъ сосѣдей тѣмъ неблагоразумнѣе, что не даетъ имъ право въ тяжелое для нихъ время просить нашей помощи; и я, вѣрно, не

¹⁾ Достопамятныя черты изъ жизни генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго и храбрыхъ его сподвижниковъ. Москва, 1833 г., стр. 193—201.

²⁾ Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 24-го сентября (6-го октября) 1831 года, изъ Царскаго Села.

пролью капли драгоцѣнной русской крови за ихъ дѣло, ежели они произвольно нарушать станутъ трактаты, а для насъ однихъ считать ихъ будутъ святыми. Предвижу имъ всѣмъ плохой конецъ съ подобной политикой. Тѣмъ нужнѣе намъ скорѣе кончить и упрочить наше дѣло»¹⁾.

Основной взглядъ императора Николая на польскія дѣла, выработавшійся послѣ братоубійственной войны 1831 года и опредѣлившій собою послѣдующую судьбу Польши, выразился въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ государемъ въ разговорѣ съ барономъ Бургономъ:

— Да, я знаю, Европа несправедлива въ отношеніи меня. Обоихъ насъ, моего брата Александра и меня, подвергаютъ отвѣтственности за то, чего мы оба не дѣлали. Не намъ принадлежитъ мысль о раздѣлѣ Польши: это событіе уже стоило Европѣ многихъ хлопотъ, пролило много крови и можетъ пролить еще; но не насъ слѣдуетъ упрекать въ томъ. Мы должны были принять дѣла такими, какими ихъ передали намъ. Я имѣю обязанности, какъ императоръ Россійскій. Я долженъ остерегаться повторенія тѣхъ ошибокъ, которыя породили нынѣшнюю кровопролитную войну. Между поляками и мною можетъ существовать лишь полнѣйшая недовѣрчивость (*méfiance absolue*). Привожу доказательства: покойный братъ мой осыпалъ благодѣянiami королевство Польское, а я свято уважалъ все имъ сдѣланное. Что была Польша, когда Наполеонъ и французы пришли туда въ 1807 году? Песчаная и грязная пустыня. Мы провели здѣсь превосходные пути сообщенія, вырыли каналы въ главныхъ направленіяхъ. Промышленности не существовало въ этой странѣ; мы основали суконныя фабрики, развили разработку желѣзной руды, учредили заводы для ископаемыхъ произведеній, которыми изобилуетъ страна, дали обширное развитіе этой важной отрасли народнаго богатства. Я расширилъ и украсилъ столицу; существенное преимущество, данное мною польской промышленности для сбыта ея новыхъ продуктовъ, возбудило даже зависть въ моихъ другихъ подданныхъ. Я открылъ подданнымъ королевства рынки имперіи; они могли отправлять свои произведенія далеко, до крайнихъ азіатскихъ предѣловъ Россіи. Русская торговля высказалась даже по этому поводу, что всѣ новыя льготы дарованы были моимъ младшимъ сыновьямъ въ ущербъ старшихъ сыновей. Вы отвѣтите, что это только матеріальныя благодѣянія, и что въ сердцахъ таятся другія чувства, кромѣ стремленій къ выгодамъ. Очень хорошо! Посмотримъ, не сдѣлали ли мы, мой братъ и я, всего возможнаго, чтобы польстить душевнымъ чувствамъ, воспоминаніямъ объ отечествѣ, о національности и даже либеральному

---

¹⁾ Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 18-го (30-го) октября 1831 года, изъ Москвы.

чувству. Императоръ Александръ возстановилъ названіе королевства Польскаго, на что не рѣшался даже Наполеонъ. Братъ мой оставилъ за поляками народное обученіе на ихъ національномъ языкѣ, ихъ кокарду, ихъ прежніе королевскіе ордена: Бѣлаго Орла, Святаго Станислава и даже тотъ военный орденъ, который они носили въ память войнъ, веденныхъ съ вами и противъ насъ. Они имѣли армію совершенно отдѣльную отъ нашей, одѣтую въ національные цвѣта. Мы надѣлили ихъ оружейными заводами и пушечными литейными. Мы дали не только то, что удовлетворяетъ всѣмъ интересамъ, но и что льститъ страстямъ законной гордости: они нисколько не оцѣнили всѣхъ этихъ благодѣній. Оставивъ имъ все, что было даровано, значило бы не признать опыта. Мои-то дары они и обратили противъ своего благодѣтеля. Прекрасная армія, такъ хорошо обученная братомъ моимъ Константиномъ, снабженная вдоволь всѣми необходимыми предметами, вся эта армія возстала; литейные, оружейные заводы, арсеналы, мною же столь щедро наполненные, послужили ей для того, чтобы воевать со мною. Я въ правѣ принять предосторожности, чтобы предупредить повтореніе случившагося. Углубимся, какъ говорятъ, въ самую суть вопроса. Что такое поляки? Народъ, разбросанный по обширной территоріи, которая принадлежитъ тремъ различнымъ державамъ. Развѣ я въ правѣ вернуться къ раздѣлу, такъ давно исполненному тремя различными державами? Всѣ сторонники поляковъ разглазольствуютъ объ этомъ на досугѣ. Они забываютъ, что я российский императоръ, что я долженъ принимать во вниманіе не только выгоды, но и страсти моихъ русскихъ подданныхъ и сочувствовать ихъ страстямъ въ томъ, что онѣ имѣютъ въ себѣ справедливаго. Гдѣ же я возьму составныя начала Польши, возстановляемой въ воображеніи? Имѣютъ ли въ виду раздѣлъ 1792 года, или мечтаютъ о возстановленіи всей Польши, какъ она существовала до перваго раздѣла? Но вѣдь ни Австрія, ни Пруссія, ни мои русскіе подданные не позволили бы мнѣ этого. Вы видите, что нѣтъ возможности вернуться къ прошедшему. Могу утверждать съ полною искренностью, что мы осыпали поляковъ всякаго рода благодѣніями; могу сказать самымъ восторженнымъ ихъ сторонникамъ: найдите мнѣ, въ какое угодно время, подъ русскимъ ли владычествомъ, въ эпоху ли герцогства Варшавскаго, въ пору ли буйнаго избирательнаго королевскаго правленія, Польшу болѣе богатую, лучше устроенную, съ болѣе превосходною арміею, съ болѣе цвѣтущими финансами, съ болѣе развитою промышленностью передъ Польшею въ царствованіе императора Александра и мое. Поляки не оцѣнили воиъхъ этихъ преимуществъ; довѣріе навсегда разрушено между ими и мною. (*La confiance est à jamais détruite entre eux et moi*).

Всѣ доводы императора Николая не поколебали, однако, убѣжденій барона Бургоэна, который продолжалъ настаивать на необходимости

возстановить въ Польшѣ, хотя отчасти, тотъ порядокъ вещей, который существовалъ до мятежа, находя, что поляковъ скорѣе можно образумить милосердіемъ, нежели строгостію. Государь возразилъ, въ свою очередь, дипломату, что никогда не позволитъ себѣ этого (Je n'en gardeai rien). Впрочемъ, въ семь роковомъ вопросѣ баронъ Бургоянъ былъ не одинокимъ проповѣдникомъ политики милосердія и всепрощенія. Парротъ, опальный другъ императора Александра, также заступился за поляковъ и писалъ въ 1831 году его преемнику:

«Прежде чѣмъ написать вамъ эти строки, я палъ ницъ предъ Божествомъ. Я просилъ Его очистить мое сердце отъ всякой слабости, а мой умъ—отъ всякаго предубѣжденія. Я умолялъ Его осѣнить меня, чтобы подать вамъ совѣтъ. Почтите, государь, эту мольбу безкорыстнаго старца, который имѣетъ въ виду лишь васъ, ваши истинные интересы, вашу славу. Я вопрошалъ свое сердце, соразмѣрять настоящее, и вся моя душа взываетъ къ вамъ: милосердіе! милосердіе! Конфисковать имѣнія мятежниковъ—это значитъ обогащаться гнуснымъ способомъ. Желать отомстить русскую пролившуюся кровь—заблужденіе. Казня живыхъ, нельзя воскресить мертвыхъ. Местъ—проявленіе страстей. Прощать—это сѣять братство среди людей, предотвратить мстѣ въ какой-либо критическій моментъ. А кто поручится вамъ, государь, что критическій моментъ не наступитъ для васъ? или для вашего дорогаго сына? Развѣ у васъ, государь, нѣтъ какого-либо грѣха, который нужно было бы искупить? И вотъ милосердіе въ отношеніи Польши искупить ихъ всѣ» ¹⁾.

Наконецъ, независимо отъ краснорѣчивыхъ изліаній несправимаго александровскаго идеалиста, даже среди русскаго общества, несмотря на патріотическія увлеченія минуты, раздавались голоса въ пользу примирительной политики. Князь П. А. Вяземскій въ одномъ изъ своихъ писемъ пишетъ: «что дѣлается въ Петербургѣ послѣ взятія Варшавы?

¹⁾ „Avant de vous écrire ces lignes je me suis prosterné devant la Divinité. Je L'ai priée de purifier mon coeur de toute faiblesse et mon esprit de toute prévention. Je L'ai suppliée de me sanctifier pour vous donner des conseils. Honorez, Sire, cette prière d'un vieillard désintéressé qui ne voit que vous, votre véritable intérêt votre gloire. J'ai sondé mon cœur, j'ai calculé le présent et l'avenir et mon âme entière vous crie: clémence! clémence! Confisquer le bien des rebelles, c'est s'enrichir d'une manière odieuse. Vouloir venger le sang russe qui a coulé c'est une erreur. On ne ressucite pas les morts par le supplice des vivants. La vengeance est de la passion. Pardonner, c'est fraterniser les hommes, c'est prévenir la vengeance dans un moment critique. Et qui vous répondra, Sire! que le moment critique ne viendra pas pour vous? ou pour votre fils chéri? N'avez vous pas, Sire, quelque péché à expier. Eh bien! la clémence envers la Pologne les expiera tous“. (Изъ письма Паррота къ императору Николаю, отъ 2-го (14-го) марта 1831 года).

Именемъ Бога (если Онъ есть) и человѣчности (если она есть) умоляю васъ, распространяйте чувства прощенія, великодушія и состраданія. Миръ жертвамъ. Право сильнаго восторжествовало. Такимъ образомъ, Провидѣніе удовлетворено. Да будетъ оно прославлено, равно какъ и тѣ, кому сіе надлежитъ; но не будемъ подражать дикарямъ, съ пѣснями пляшущимъ вокругъ костровъ, на которые положены ихъ плѣнники. Будемъ снова европейцами»¹⁾.

Тѣмъ не менѣе, идеи строгости и возмездія одержали верхъ. Императоръ остался вѣренъ мысли, высказанной имъ еще до усмиренія польскаго мятежа, что «если вопросъ рѣшится оружіемъ, тогда между нами будетъ лишь полнѣйшее недовѣріе (la méfiance la plus absolue)».

XVII.

Государь, раздѣлившій съ Москвою въ 1830 году холерное бѣдствіе, пожелалъ теперь побывать снова въ своей древней столицѣ, когда, послѣ усмиренія польскаго мятежа, воцарились снова въ землѣ миръ и спокойствіе. 11-го (23-го) октября императоръ Николай прибылъ въ Москву, а черезъ три дня пріѣхала туда императрица Александра Ѳеодоровна, а 28-го октября (9-го ноября) наслѣдникъ цесаревичъ.

«Ты удивишься, любезный Иванъ Ѳеодоровичъ, когда узнаешь мой внезапный отъѣздъ съ женой сюда; но я считалъ его полезнымъ для того, чтобы удостовѣриться самому объ духѣ Москвы и дать оному нужное мнѣ направленіе»,—писалъ императоръ Николай князю Варшавскому, 15-го (27-го) октября 1831 года. По пріѣздѣ же въ Москву, государь писалъ: «сказать восторгъ жителей Москвы невозможно, надо самому это видѣть; день былъ прелестный, и народу было столько, что сверху страшно было смотрѣть. Замѣчательно, что ключи Модлина ко мнѣ доставлены наканунѣ молебствія; ключи Замостья здѣсь, наканунѣ

¹⁾ „Que devient Pétersbourg après la prise de Varsovie? Au nom de Dieu, s'il y en a un, et de l'humanité, s'il y en a une, propagez des sentiments de pardon, de générosité, de commisération. Paix aux victimes! Le droit du plus fort a eu le dessus. La Providence est donc en règle. Gloire lui soit rendue, ainsi qu'à tous à qui de droit; mais n'imitons pas les sauvages, qui dansent autour des bûchers de leurs ennemis. Redevenons Européens“. (Изъ письма князя П. А. Вяземскаго къ Елисаветѣ Михайловнѣ Хитровой, отъ 7-го (19-го) октября 1831 года, изъ Москвы. „Русскій Архивъ“ 1895 года, книга 2-я, стр. 111).

же молебствія. Великъ Богъ русскій, десница Его видна вездѣ и во всемь, Онъ любитъ Россію» ¹⁾).

Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ пишетъ по поводу пребыванія государя въ Москвѣ, что площадь передъ дворцомъ съ утра до ночи кипѣла народомъ, надѣявшимся увидѣть кого-нибудь изъ членовъ императорской фамилии въ окошко. «При ихъ выѣздахъ, толпа бѣжала имъ на встрѣчу и сопровождала радостными криками ихъ экипажи. Государь, посѣщая съ обычною своею дѣятельностью общественныя заведенія, работая, между тѣмъ, неуспѣшно надъ преобразованиемъ управленія царства Польскаго и надъ слияніемъ западныхъ нашихъ губерній, въ отношеніи къ ихъ законамъ и обычаямъ, съ великороссійскими. Дано было новое направленіе Виленскому университету и другимъ мѣстнымъ училищамъ, введеніемъ въ нихъ преподаванія русскаго языка, какъ основы всего ученія. Бездомное и вѣчно безпокойное сословіе шляхты было отдѣлено, въ правахъ и привилегіяхъ своихъ, отъ истиннаго дворянства и обращено въ нѣчто среднее между помѣщикомъ и землевладѣльцемъ. Наконецъ, присутственныя мѣста и должностныя лица, вмѣсто прежнихъ польскихъ своихъ названій, получили тѣ же, какъ и въ Россіи. Въ это пребываніе двора въ Москвѣ, привезли туда всѣ знамена и штандарты бывшей польской арміи, и государь приказалъ поставить ихъ въ Оружейную палату, въ числѣ трофеевъ, скопленныхъ тутъ вѣками ²⁾». Тамъ же, на полу, у подножія императора Александра, была положена и хартія, нѣкогда имъ пожалованная царству Польскому» ³⁾).

¹⁾ Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 18-го (30-го) октября 1831 года, изъ Москвы.

Фельдмаршалъ отвѣчалъ 27-го октября 1831 года:

„Восторгъ жителей Москвы меня не удивляетъ, это восторгъ благороднаго народа, который чувствуетъ, чѣмъ онъ обязанъ своему царю“.

²⁾ Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ забылъ упомянуть, что въ качествѣ трофеевъ также присланы были въ Москву тронъ королевскій и дворцовый флагъ. Всѣ эти знаки прежняго существованія Польши, какъ самостоятельнаго королевства, сданы были, подобно знаменамъ и штандартамъ, на храненіе въ Оружейную палату.

³⁾ Къ этимъ словамъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ прибавляетъ, что императоръ Александръ въ послѣдній годъ царствованія оплакивалъ дарованную имъ царству Польскому конституцію, „какъ актъ великодушія, столь же предосудительный для политической будущности царства, сколько оскорбительный для самолюбія русской имперіи“. Здѣсь, кажется, Бенкендорфъ приписываетъ собственныя свои мысли и разсужденія императору Александру; едва-ли мы имѣемъ достаточное основаніе утверждать, что творецъ соглашенія 1815 года съ Польшею измѣнилъ своимъ кореннымъ убѣжденіямъ по поводу этого вопроса и оплакивалъ принятое имъ рѣшеніе? Напротивъ того, существуютъ несомнѣнныя доказательства, что императоръ Александръ по-

По этому поводу императоръ Николай писалъ князю Варшавскому изъ Москвы: «Спасибо за *charte constitutionelle* и за знамена; все здѣсь храниться будетъ въ Оружейной палатѣ, какъ памятникъ великодушія нашего Александра I и польской благодарности, равно какъ твоей славы и храбраго нашего войска»¹⁾. Затѣмъ въ позднѣйшемъ письмѣ къ фельдмаршалу государь посвятилъ тому же предмету еще нѣсколько строкъ.

«Я получилъ ковчегъ съ покойницею конституціей, за которую благодарю весьма; она изволитъ покоиться здѣсь въ Оружейной палатѣ».

Относительно генераловъ бывшей польской арміи императоръ Николай распорядился не очень милостиво.

Сначала казалось, что правительство откажется отъ репрессивныхъ мѣръ относительно генераловъ мятежной арміи. Дѣйствительно, 10-го (22-го) сентября, графъ Чернышевъ писалъ князю Варшавскому, что государь повелѣваетъ, чтобы всѣ польскіе генералы, пользовавшіеся этимъ званіемъ въ арміи до революціи, отправлены были въ Москву и тамъ ожидали бы полученія дальнѣйшихъ приказаній его величества. Чернышевъ прибавилъ, что государь не желаетъ, чтобы господа эти, направляясь въ Москву, были арестованы, но только сопровождаемы (*Elle désire que ces messieurs se dirigent sur Moscou sans être arrêtés, mais accompagnés*); напротивъ того, — писалъ Чернышевъ, — государь желаетъ, чтобы генералы эти знали, что, требуя ихъ въ Москву, онъ не намѣревается принять противъ ихъ карательныя мѣры; они должны остаться въ Москвѣ, пока Польша не будетъ вновь организована и тогда, — какъ полагалъ Чернышевъ, — государь намѣревается ихъ видѣть и дозволить имъ возвратиться.

Но вскорѣ снисходительное настроеніе государя измѣнилось, и уже 1-го (13-го) октября государь писалъ князю Варшавскому изъ Царскаго Села: «Польскихъ генераловъ, ни въ какомъ случаѣ, я не полагаю оставить въ Москвѣ, но разошлю врозь по губернскимъ городамъ и податѣ». Затѣмъ, по приѣздѣ въ Москву, государь писалъ въ разное время: «Польскіе генералы валяютъ сюда ежедневно и спроваживаются немедленно въ Ярославль и Вологду»²⁾. «Подвозъ поляковъ съ недѣлю

мыслилъ даже объ увѣнчаніи водруженнаго имъ политическаго зданія новыми мѣропріятіями въ прежнемъ духѣ. Поэтому нельзя приписать императору Александру мыслей и чувствъ, вызванныхъ въ душѣ его преемника неумолимымъ ходомъ позднѣйшихъ событій.

¹⁾ Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 15-го (27-го) октября 1831 года, изъ Москвы.

²⁾ Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 24-го октября (5-го ноября) 1831 года, изъ Москвы.

какъ приостановился было, какъ вдругъ сегодня привезены трое, въ томъ числѣ ея милость Крюковецкій! Какъ имъ будетъ весело любоваться другъ на друга! Я ихъ прибралъ по мастямъ, такъ что всѣ наслѣдники главнокомандованія обрѣтаться будутъ въ Ярославль, а прочая ..... въ Вологдѣ»¹⁾.

Разрѣшеніе возвратиться въ Польшу дано было весьма немногимъ избраннымъ лицамъ, съумѣвшимъ внушить къ себѣ довѣріе правительства.

Императоръ Николай воспользовался своимъ пребываніемъ въ Москвѣ, чтобы съѣздить въ Ярославль. Въ этой поѣздкѣ, государя сопровождалъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, который въ своихъ запискахъ пишетъ: «На пути въ Ярославль, мы ночью посѣтили Троицко-Сергіевскую лавру. Архимандритъ съ братією встрѣтили насъ у Святыхъ воротъ съ зажженными свѣчами. Несмотря на 12 градусовъ мороза, государь пошелъ съ непокрытою головою черезъ дворъ и корридоры въ ту древнюю и великолѣпно-украшенную церковь, гдѣ нѣбогда, въ польскую осаду, иноки, ослабленные трудами защиты, голодомъ и ранами, собрались въ ожиданіи конечнаго штурма и неминуемой смерти, для причащенія въ послѣдній разъ Св. Таинъ, а вмѣсто того послѣдовало неожиданное отступленіе непріятели. Воспоминанія этой сцены, древность зданія, посвященнаго молитвѣ, окружавшій насъ мракъ, разсѣваемый лишь свѣтомъ свѣчей, едва достаточнымъ, чтобы видѣть золото и драгоценные камни на иконахъ,—все это вмѣстѣ произвело во мнѣ глубокое и благоговѣнное умиленіе. Монахи проводили государя обратно до его саней, и, поѣхавъ далѣе, мы около обѣда прибыли въ Ростовъ, гдѣ все народонаселеніе высыпало передъ соборомъ. Помолвившись въ немъ, государь остановился въ отведенномъ для него домѣ одного изъ значительнѣйшихъ мѣстныхъ купцовъ, отъ котораго, послѣ разспросовъ о торговлѣ этого города, принявъ и обѣдъ, поданный съ привычнымъ русскимъ хлѣбосольствомъ. Вечеромъ мы пріѣхали въ Ярославль, коего улицы были усыяны народомъ и дома ярко освѣщены. Общій восторгъ выразился здѣсь еще явственнѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Государь уже давно находился въ своихъ комнатахъ, а крики все не умолкали, возобновляясь иногда съ большею еще силою. Пришлось, нако-

¹⁾ Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 3-го (15-го) ноября 1831 года, изъ Москвы.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 14-го (26-го) декабря 1831 года, изъ Петербурга, гнѣвное настроеніе государя выразилось еще болѣе рѣзкимъ образомъ. Упомянувъ о беспорядкахъ, происшедшихъ въ Данцигѣ, Николай Павловичъ пишетъ: „Поляки въ Данцигѣ до того начудили, что самихъ французовъ испугали; очень здорово и здорово и пруссакамъ, за всѣ ихъ комплименты съ этими .....“.

нецъ, выслать сказать, что государь усталъ отъ дороги и хочетъ спать; только тогда толпа разошлась, но съ ранняго утра она снова уже стояла подъ его окнами. Государь посѣтилъ соборъ и общественныя заведенія, въ томъ числѣ и Демидовскій лицей, этотъ благородный памятникъ щедрости русскаго вельможи. Украшеніе города, нивелировка волжской набережной, фабрики шелковыхъ и льняныхъ издѣлій и прекрасный Спасскій монастырь—обратили на себя его особенное вниманіе. Дворянство дало для него балъ въ своемъ общественномъ домѣ, въ которомъ помѣщается приказъ общественнаго призрѣнія и училище для немущихъ дѣтей обоюга пола. Осмотрѣвъ все и отдавъ соотвѣтственныя нуждамъ и потребностямъ приказанія, государь возвратился въ Москву, гдѣ пробылъ до 25-го ноября (7-го декабря). Большіе концерты въ дворянскомъ собраніи и вечера у императрицы и у военнаго генералъ-губернатора дали высшей публикѣ возможность насладиться высочайшимъ лицедрѣніемъ, и ихъ величества восхитили всѣхъ своимъ благодушіемъ и свойственною имъ пріятливостію, передъ которой исчезали принужденность этикета и различіе сана».

Пребываніе государя въ Москвѣ ознаменовалось встрѣкою съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ. Она не прошла безслѣдно.

Императоръ Николай, какъ уже выше упомянуто, питалъ глубокое, можно сказать, непреодолимое недовѣріе и нерасположеніе къ бывшему проконсулу Грузіи; эти чувства продолжали существовать и въ 1831 г., хотя со времени невольной отставки Ермолова прошло уже болѣе четырехъ лѣтъ. Настроеніе государя вполнѣ отразилось въ перепискѣ его съ княземъ Варшавскимъ. 15-го (27-го) октября императоръ Николай писалъ отцу-командиру: «Здѣсь нашель я Ермолова; онъ былъ у меня, ужасно постарѣлъ, растолстѣлъ и обрюзгъ, и какъ кажется, присмирѣлъ. Полагають, что ему хочется проситься вновь на службу, хотя мнѣ онъ про сіе ничего не говорил; но казалось и мнѣ, что симъ кончится; ежели такъ, я не откажу, но не мнѣ его приглашать». Нѣсколькими днями позже, 24-го октября (5-го ноября) государь продолжалъ: «Мое ожиданіе сбылось, сегодня Ермоловъ просилъ меня письмомъ принять паки въ службу! Вотъ, до чего дожили, посмотримъ, что изъ сего будетъ; повидимому, присмирѣлъ; не проведетъ, дружокъ!»¹⁾

¹⁾ Въ такихъ же малосочувственныхъ выраженіяхъ императоръ Николай отозвался въ своей перепискѣ съ княземъ Варшавскимъ и о князѣ П. А. Вяземскомъ и А. И. Тургеневѣ: „Довольно странно, что всѣ извѣстные говоруны, какъ-то: князь Вяземскій и А. Тургеневъ, зашаркались и первый усердно служить“. (Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 3-го (15-го) ноября 1831 года, изъ Москвы). Камергеръ, коллежскій совѣтникъ князь П. А. Вяземскій въ то время занималъ мѣсто чиновника по особымъ порученіямъ въ министерствѣ финансовъ; въ 1831 году онъ былъ командированъ въ Москву членомъ комиссіи по устройству выставки русскійскихъ произведеній и промышленности въ большомъ королевскомъ дворцѣ.

Къ этимъ неблагопріятнымъ отзывамъ императоръ Николай прибавилъ 3-го (15-го) ноября слѣдующія строки: «Ермоловъ покуда скромнень и тихъ, посмотримъ, что дальше будетъ, я за нимъ съ любопытствомъ слѣдую и покуда еще не понимаю».

Вышнимъ образомъ, государь и императрица Александра Θεодоровна обошлись съ Ермоловымъ въ Москвѣ чрезвычайно милостиво; при различныхъ встрѣчахъ съ ветераномъ 1812 года, Николай Павловичъ удоставалъ его продолжительными разговорами ¹⁾. Всѣ глаза устремились на Ермолова. Всѣ чаяли его скорое возвышеніе и, какъ пишетъ Погодинъ: «придворные паразиты посыпались къ нему съ визитами» ²⁾. Тѣмъ не менѣе, ничего особеннаго или чрезвычайнаго не случилось, и назначеніе Ермолова на должность, соотвѣтствующую его способности и опытности, все-таки не послѣдовало. Императоръ Николай принялъ только Ермолова вновь на службу и назначилъ членомъ Государственнаго Совѣта, вслѣдствіе чего Алексѣй Петровичъ долженъ былъ переселиться въ Петербургъ.

Денисъ Давыдовъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ слѣдующія подробности относительно обстоятельствъ, обусловившихъ вторичное вступленіе на службу Ермолова. «Государь, ожидавшій, что Ермоловъ, обласканный имъ, вступить снова въ службу, былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что онъ даже не намекнулъ ему о подобномъ желаніи. Бенкендорфъ, посѣтивъ Ермолова, сказалъ ему, по порученію государя, слѣдующее: «его величеству весьма непріятно то, что вы, будучи столь милостиво приняты имъ, не изъявили до сего времени желанія поступить на службу», на что Ермоловъ отвѣчалъ: «государь властенъ приказать мнѣ это, но никакая сила не заставитъ меня служить вмѣстѣ съ Паскевичемъ». Это было передано куда слѣдуетъ. Графъ А. Ѳ. Орловъ, посѣтивъ Ермолова въ то время, какъ онъ собирался въ подмосковную, объявилъ ему о волѣ государя, дабы онъ вступилъ вновь въ ряды войска. Онъ сказалъ ему, что государь даетъ ему слово, что его никогда не сведетъ съ фельдмаршаломъ. Вынужденный написать въ этомъ смыслѣ письмо къ государю, Ермоловъ вскорѣ узналъ изъ приказа о принятіи своемъ на службу.

¹⁾ Денисъ Давыдовъ пишетъ, что Ермоловъ, будучи позванъ къ императорскому столу, едва не навлекъ гнѣва государя, принятіемъ участія въ нѣкоторыхъ польскихъ генералахъ, «которые, — какъ онъ выразился, — поступили какъ благородные граждане». Государя, начинавшаго возвышать голосъ и намекать на то, что эти любезные ему граждане будутъ сосланы въ Сибирь, Ермоловъ успокоилъ лишь словами: «никто ихъ, конечно, не убѣдитъ, что милосердіе государя никогда не обратится на нихъ».

²⁾ А. П. Ермоловъ. Матеріалы для его біографіи, собранные М. Погодинымъ. Москва. 1864.

Можетъ быть нѣчто подобное дѣйствительно случилось и можетъ быть до нѣкоторой степени согласовано съ содержаніемъ писемъ императора Николая объ Ермоловѣ къ князю Варшавскому¹⁾.

Намъ остается еще упомянуть объ одномъ распоряженіи, сдѣланномъ императоромъ Николаемъ въ Москвѣ въ 1831 году; оно касалось государственной уставной грамоты императора Александра I.

Когда вспыхнула революція въ Варшавѣ, поляки захватили множество секретныхъ бумагъ, принадлежавшихъ цесаревичу Константину Павловичу и Н. Н. Новосильцову. Въ числѣ послѣднихъ находилась также государственная уставная грамота, разработкою которой нѣкогда занимался Новосильцовъ. Польское революціонное правительство воспользовалось сдѣланной находкой для своихъ цѣлей и напечатало грамоту 18-го (30-го) іюня 1831 года въ Варшавѣ на русскомъ и французскомъ языкахъ съ прибавкою предисловія, написаннаго министромъ иностранныхъ дѣлъ Андреемъ Городискимъ (André Horodyski)²⁾. Когда русскія войска вступили въ Варшаву, государственная уставная грамота продавалась въ книжныхъ магазинахъ города; узнавъ объ этомъ, императоръ Николай написалъ князю Варшавскому, 14-го (26-го) сентября 1831 года, слѣдующія замѣчательныя строки:

¹⁾ Когда Ермоловъ находился уже въ Петербургѣ, ему было сдѣлано странное предложеніе. Графъ Чернышевъ спросилъ Алексѣя Петровича согласился ли бы онъ принять на себя званіе предсѣдателя въ главномъ аудиторіатѣ. Ермоловъ отклонилъ сдѣланное ему лестное предложеніе, сказавъ: „Единственнымъ утѣшеніемъ была для меня всегда привязанность ко мнѣ войска, и я не хочу потерять ее. Готовъ принять всякую должность, какую государю угодно возложить на меня, но только не могу быть наставителемъ“. Такъ пишетъ М. П. Погодинъ.

Денисъ Давыдовъ формулируетъ отказъ Ермолова почти въ тѣхъ же выраженіяхъ: „Единственнымъ для меня утѣшеніемъ была привязанность войска; я не приму этой должности, которая бы возлагала на меня обязанности наказывать“. Государь замѣтилъ на это: „Ермоловъ не такъ это понимаетъ“.

²⁾ Государственная уставная грамота напечатана въ приложеніяхъ къ 4-му тому сочиненія: „Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе“.

Въ предисловіи Городискій объясняетъ слѣдующимъ образомъ причину появленія въ печати Государственной уставной грамоты:

„Nous laissons à la nation russe le soin d'apprécier les motifs pour lesquels une idée aussi grande, une oeuvre aussi importante est tombée dans l'oubli. Les Polonais désirent ardemment que cette découverte fortuite rappelle au gouvernement russe qu'il serait temps enfin que la nation dont il se fait obéir et qui attend depuis si longtemps l'amélioration de son existence politique, que cette nation composée de tant de millions d'êtres opprimés par le despotisme, commence enfin à goûter les fruits d'une monarchie constitutionnelle. Les Polonais s'estimeront heureux, si en portant ce projet à la connaissance du public, ils se trouvent avoir rendu service à ce grand peuple“.

«Чертковъ привезъ мнѣ экземпляръ проекта конституціи для Россіи, найденный у Новосильцова въ бумагахъ; напечатаніе сей бумаги крайне непріятно; на 100 человекъ нашихъ молодыхъ офицеровъ, 90 прочтутъ, не поймутъ, или презрять, но 10 оставить въ памяти, обсудить—и, главное, не забудутъ. Это пуще всего меня беспокоитъ. Для того, столь желательно мнѣ, какъ менѣе возможно, продержатъ гвардію въ Варшавѣ. Вели графу Витту стараться достать елико можно болѣе экземпляровъ этой книжки и уничтожить, а рукопись отыскать и прислать ко мнѣ, равно какъ и оригинальный актъ конституціи польской, который искать должно въ архивѣ сената... Начальникамъ велѣтъ обращать самое бдительное вниманіе на сужденіе офицеровъ и стараться и словами, и собственнымъ примѣромъ доказывать, коликаго презрѣнія заслуживаютъ тѣ, кои подобнымъ оружіемъ намъ вредить хотятъ».

Князь Варшавскій отвѣчалъ государю 26-го октября (7-го ноября) 1831 года:

«Генераль графъ Виттъ, которому я, во исполненіе высочайшей воли вашего императорскаго величества, поручилъ сдѣлать розысканіе о такъ называемой русской конституціи, донося мнѣ, что изъ числа 2.000 экземпляровъ, въ Варшавѣ напечатанныхъ, взято революціоннымъ правительствомъ для раздачи всѣмъ министрамъ, членамъ революціоннаго правленія и депутатамъ сейма 150, отправлено помянутымъ правленіемъ къ главнокомандующему армію мятежниковъ, для употребленія по его усмотрѣнію, 150, распродано частнымъ лицамъ: до занятія нашими войсками Варшавы 102 и въ первые дни по занятіи сего города распродано 18,—доставилъ ко мнѣ рукопись сей книги на французскомъ и русскомъ языкахъ и 1.578 печатныхъ экземпляровъ, нами выкупленныхъ, кромѣ экземпляра, представленнаго вашему императорскому величеству, и экземпляра, врученнаго его императорскому высочеству государю великому князю Михаилу Павловичу. Поднося при семъ вашему императорскому величеству упомянутую рукопись, всеподданнѣйше доношу, что означенные 1.578 экземпляровъ отправлены мною въ двухъ запечатанныхъ печатью генерала графа Витта ящикахъ, для представленія вашему императорскому величеству къ генераль-адъютанту графу Чернышеву.

«Что же касается до экземпляровъ, взятыхъ революціоннымъ правительствомъ и распроданныхъ частнымъ лицамъ, то генераль графъ Виттъ при всемъ усерднѣйшемъ стараніи не успѣлъ еще открыть, у кого оныя находятся и по сіе время никакого не оказалось повода, по коему бы можно было полагать, чтобы нѣкоторые изъ тѣхъ экземпляровъ были у гвардейскихъ офицеровъ».

Участь присланныхъ въ Москву ящиковъ съ уставною грамотою вскорѣ опредѣлилась. 23-го ноября (5-го декабря) генераль-адъютантъ

Адлербергъ сообщилъ московскому коменданту генералу Стаалу, что «государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, въ присутствіи вашего превосходительства и моемъ, сжечь 1.578 экземпляровъ одного сочиненія, распространеніе коего, по содержанію своему, не можетъ быть допущено. Вслѣдствіе сего покорнѣйше прошу ваше превосходительство назначить на сихъ же дняхъ время и мѣсто къ должному исполненію сей высочайшей воли».

Дальнѣйшій ходъ дѣла виденъ изъ нижеслѣдующаго секретнаго всеподданнѣйшаго рапорта, отъ 27-го ноября (9-го декабря) 1831 года:

«Во исполненіе высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія, доставленные отъ главнокомандующаго дѣйствующею арміею два запечатанныхъ ящика, сего числа, со всѣми находившимися въ оныхъ 1.578-ю экземплярами, такъ называемой русской конституціи, на арсенальномъ дворѣ въ Кремлѣ сожжены. О чемъ счастье имѣемъ всеподданнѣйше донести вашему императорскому величеству.

Московский комендантъ генераль-маіоръ Стаалъ.

Генераль-адъютантъ Адлербергъ¹⁾»).

Императоръ Николай остался чрезвычайно довольнымъ временемъ, проведеннымъ въ Москвѣ, отдохнувъ здѣсь отъ девяти мѣсячнаго мученія, какъ выразился государь въ письмѣ къ князю Варшавскому, прибавивъ, «которое Богъ прекратилъ чрезъ твое лицо». Печальное извѣстіе внезапно прервало пребываніе двора въ первопрестольной столицѣ: 17-го (29-го) ноября княгиня Ловичъ скончалась въ Царскомъ Селѣ въ первую годовщину польской революціи. «Бѣдная сестра княгиня Ловичъ кончила свою страдальческую жизнь»²⁾, писалъ государь князю Варшавскому. «Подобно императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, княгиня не могла пережить своего супруга».

Государь выѣхалъ изъ Москвы 25-го ноября (7-го декабря) вмѣстѣ съ императрицею и проводилъ ее до ночлега въ Твери. Здѣсь онъ сѣлъ въ открытыя, какъ всегда въ его поѣздкахъ, сани и проѣхалъ въ сопровожденіи генераль-адъютанта Бенкендорфа, нигдѣ не останавливаясь, до Царскаго Села. По разсказу Бенкендорфа, «близъ Новгорода холодный проливной дождь пробилъ насъ до костей и остался нашимъ спутникомъ во всю ночь. Нужно было имѣть крѣпкое здоровье, чтобы остаться здоровымъ послѣ этой поливки. Но государь спѣшилъ въ Царское Село для отдачіи послѣдняго долга скончавшейся княгини Ловичъ. Весь дворъ

¹⁾ Архивъ канцеляріи военнаго министерства.

²⁾ Въ томъ же письмѣ, отъ 20-го ноября (2-го декабря) 1831 года къ князю Варшавскому, императоръ Николай пишетъ: „Я ѣду въ среду съ тѣмъ, чтобы быть на похоронахъ. Въ Петербургѣ будемъ съ женой въ субботу 28-го числа; признаюсь, съ сожалѣніемъ оставляю Москву“.

былъ тамъ собранъ, и тѣло ея предали землѣ въ тамошней римско-католической церкви, избранной ею самою для послѣдняго своего обиталища».

Когда императоръ Николай возвратился въ Петербургъ, совершилась уже одна, не лишенная значенія, перемѣна въ личномъ составѣ высшей администраціи. Еще до московской поѣздки, государь сообщилъ князю Меншикову, что графъ Закревскій просится въ отставку, и поручилъ ему спросить графа, кого онъ избралъ бы себѣ въ преемники по управленію министерствомъ. Вскорѣ, 19-го ноября (1-го декабря) 1831 года, дѣйствительно состоялось увольненіе графа Закревскаго въ отставку, въ которой Арсеній Андреевичъ пробылъ до 1848 года, когда, по личной просьбѣ государя, графъ снова вступилъ на служебное поприще. Управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ; должность же финляндскаго генералъ-губернатора занялъ генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ.

Въ чемъ же заключалась причина столь внезапнаго и неожиданнаго увольненія столь заслуженнаго государственнаго дѣятеля? Баронъ М. А. Корфъ въ своихъ запискахъ пишетъ, что графъ Закревскій, при назначеніи его министромъ внутреннихъ дѣлъ, принесъ съ собою въ управленіе, несмотря на недостатокъ высшаго образованія, очень много усердія, добросовѣстности и правдивости, и, сверхъ того, очень энергическій характеръ, доходившій, въ незнаніи угодливости сильнымъ, нерѣдко до строптивости. Возстановивъ противъ себя черезъ эту черту всѣхъ пользовавшихся властью, въ особенности предсѣдателя Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ графа Кочубея, графъ Арсеній Андреевичъ естественно не могъ долго удержаться на мѣстѣ. Начало его опалѣ положено было проектомъ закона о состояніяхъ, разсматривавшимся въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1830 году.

«Я не только,—разсказывалъ Закревскій барону Корфу,—сопротивлялся всѣми силами этому, какъ его называлъ, нелѣпому проекту, но и осмѣлился даже въ Совѣтѣ, въ присутствіи государя, собиравшагося тогда въ Варшаву, сказать, что первымъ условіемъ для изданія новаго закона считаю присутствіе его величества въ столицѣ.—Почему жъ?—спросилъ государь съ весьма раздраженнымъ видомъ.—Потому,—отвѣчалъ я,—что невозможно предвидѣть, какія послѣдствія будутъ имѣть этотъ государственный переворотъ, и я, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, не могу принять на себя отвѣтственности за сохраненіе народнаго спокойствія въ отсутствіе вашего величества.

«Прямаго возраженія не послѣдовало и хотя проектъ былъ отложенъ и потомъ совсѣмъ взятъ назадъ, однако, съ тѣхъ, именно, поръ, государь, видимо, ко мнѣ охолодѣлъ, а Кучубей, мужчины и женщины, во всѣхъ поблѣдствіяхъ и во всей ихъ роднѣ, еще болѣе на меня озлобились, по-

тому что проектъ, какъ вы знаете, былъ созданиемъ этой ватаги, вмѣстѣ съ Сперанскимъ. Потомъ, при появленіи у насъ впервые холеры, государь командировалъ меня во внутрь Россіи, для мѣстныхъ распоряженій, а позже—назначилъ главнымъ распорядителемъ по всѣмъ мѣрамъ противъ болѣзни въ столицѣ. Здѣсь, увидясь со мною на другой день послѣ несчастныхъ іюньскихъ происшествій на Сѣнной, онъ спросилъ:

— Чему приписать народное волненіе?

— Единственно распоряженіямъ и злоупотребленіямъ полиціи.

— Это что значить?

— То, государь, что полиція силою забираетъ и тащить въ холерныя больницы и больныхъ и здоровыхъ, а потомъ выпускаютъ только тѣхъ, которые отплатятся.

— Что это за вздоръ,—закричалъ государь, видимо, разгнѣванный,—Кокешкинъ, доволенъ ли ты своею полиціею?

— Доволенъ, государь,—отвѣчалъ оберъ-полиціймейстеръ, тутъ же находившійся.

— Ну и я совершенно тобою доволенъ!

«Съ этимъ словомъ государь отвернулся и ушелъ въ другую комнату. Тутъ я еще болѣе убѣдился, что мой часъ насталъ: такая очная ставка съ подчиненнымъ и такое предпочтеніе его передо мною ясно доказывали, что мнѣ уже не оставаться министромъ. Я хотѣлъ только докончить нѣкоторыя, особо мнѣ данныя порученія, а потомъ откланяться. Между тѣмъ, дѣло нѣсколько оттянулось отъ того, что государь велѣлъ ѣхать въ Финляндію, для наблюденія за расположеніемъ тамъ умовъ, въ случаю революціи въ Польшѣ. Я остался въ Финляндіи до извѣстія объ окончаніи польскаго мятежа и, воротясь въ концѣ октября 1831 года, въ самую минуту отъѣзда государя изъ Петербурга, послалъ просьбу объ отставкѣ, застигнувъ его еще въ Царскомъ Селѣ. Отставка дана мнѣ была тотчасъ же безъ затрудненій и даже безъ личнаго свиданія».

Въ дополненіе къ этому разсказу слѣдуетъ еще замѣтить, что немилости, въ которую впалъ тогда графъ Закревскій, наиболѣе способствовали слишкомъ крутыя мѣры, принятыя имъ во время объѣзда Россіи по случаю холерной эпидеміи; онѣ вызвали много неудовольствія и справедливыхъ жалобъ ¹⁾.

---

¹⁾ Баронъ М. А. Корфъ въ своихъ запискахъ приводитъ слѣдующую записку, полученную имъ 4-го (16-го) іюля 1831 года отъ графа Кочубея, изъ Царскаго Села, подтверждающую повсемѣстный ропотъ, вызванный мѣропріятелями графа Закревскаго: „Изъ докладной записки г. министра внутреннихъ дѣлъ вы увидите, что онъ, наконецъ, и самъ почувствовалъ все неудобство мѣръ, прежде имъ къ охраненію отъ холеры предписанныхъ.“

Въ эту пору императора Николая не переставала занимать мысль о возможномъ вредномъ вліяніи польскаго общества на молодыхъ представителей нашей арміи среди покоренной ею страны. Тотчасъ послѣ занятія Варшавы, государь не замедлилъ высказать фельдмаршалу, что онъ крайне опасается для офицеровъ, находящихся въ Польшѣ, «заразы нравственною» и писалъ, 14-го (26-го) сентября, изъ Царскаго Села, советуя чаще мѣнять гарнизонъ въ Варшавѣ и обратить самое бдительное вниманіе на сношенія и поведеніе офицеровъ. Къ этому наставленію государь присовокупилъ: «заразы нравственной всего болѣе боюсь». Послѣднія слова были три раза подчеркнуты государемъ.

По прибытіи изъ Москвы, императоръ Николай, въ своей перепискѣ, снова возвратился къ этому жгучему вопросу и 10-го (22-го) декабря сообщилъ князю Варшавскому еще слѣдующія дополнителныя мысли:

«Все, что говоришь о спокойствіи края, мнѣ весьма пріятно ¹⁾, но

Страшно подумать, что по одному московскому тракту скончалось въ карантиняхъ до 12.000 душъ. Нѣтъ доброты и смирноты нашего народа!»

Впрочемъ, неудовольствіе, высказанное императоромъ Николаемъ противъ графа Закревскаго, началось ранѣе 1831 года. Приведемъ здѣсь примѣръ, относящійся къ 1828 году. Во время пребыванія государя въ арміи въ Турціи, главнокомандующій въ Петербургѣ графъ П. А. Толстой представилъ графу Дибичу отзывъ Закревскаго, въ которомъ сообщалось, что министръ внутреннихъ дѣлъ не принимаетъ сношеній съ нимъ помощника начальника штаба по военнымъ поселеніямъ, а требуетъ, чтобы въ этомъ случаѣ былъ соблюденъ порядокъ, начертанный въ Общемъ Учрежденіи министерствъ, относительно сношеній министровъ съ одними только главнокомандующими лицами, а не съ подчиненными имъ.

20-го августа (1-го сентября) 1828 года послѣдовала въ Одессѣ нижеслѣдующая собственноручная резолюція императора Николая:

«Поручить графу Толстому, призвавъ генераль-адъютанта Закревскаго, къ себѣ, объявить ему, что я съ удивленіемъ и съ крайнимъ неудовольствіемъ узналъ странную прихоть его, и что я подтверждаю и впредь не отступать отъ данныхъ Главному штабу правилъ».

Слово „прихоть“ было три раза подчеркнуто государемъ.

¹⁾ 29-го ноября (11-го декабря) 1831 года, князь Варшавскій писалъ императору Николаю: «Здѣсь вездѣ утихло и успокоилось; въ провинціяхъ гораздо лучше приняли манифестъ вашего императорскаго величества. Варшава издавна была гнѣздо революціонистовъ; надобны годы на ихъ исправленіе. Въ провинціяхъ же даже въ продолженіе самой войны, гдѣ жители въ нѣкоторыхъ мѣстахъ все имущество потеряли, не находилъ я того ожесточенія, каковое встрѣчалось въ другихъ войнахъ и противъ другихъ народовъ. Я думаю, что если уменьшится власть помѣщиковъ надъ крестьянами, какъ я буду имѣть счастье представить проектъ, то Польша можетъ современемъ быть если не привержена, то, по крайней мѣрѣ, во время войны съ другими націями не опасна.

прошу на сіе не полагаться и вездѣ подтверждать быть осторожнымъ. Я боюсь женщины; этотъ адскій народъ ими всегда дѣйствовалъ, и наша молодежь между ихъ соблазна и яда вольныхъ мыслей, точно въ опасномъ положеніи; молю тебя, ради Бога, смотри, что дѣлается, и не принимается ли зараза у насъ? Въ семь наблюденіи нынѣ состоятъ какъ твоя, такъ и всѣхъ начальниковъ самая первая, важная, священная обязанность. Надо вамъ сохранить Россіи вѣрную армию; въ долгой же стоянкѣ память прежней вражды скоро можетъ исчезнуть и замѣниться чувствомъ соболѣзнованія, потомъ сожалѣнія и, наконецъ, желаніемъ подражанія. Сохрани насъ отъ того Богъ! Но повторяю, въ семь вижу крайнюю опасность и неотступно прошу усугубить за симъ самое бдательное попеченіе, надзоръ и подтвержденіе всѣмъ начальникамъ. Надо елико можно дѣйствовать оружіемъ презрѣнія и во всѣхъ случаяхъ передъ нашими выставлять всю гнусность мятежническихъ правилъ и указать ужасныя онаго послѣдствія для края и для всѣхъ состояній. Пиши мнѣ, что ты по сему думаешь и замѣчаешь. Но лучший способъ избѣгать опасности есть удалиться отъ оной, то-есть выслать домой все, безъ чего обойтись можно».

На предостереженіе императора Николая князь Варшавскій отвѣчалъ 18-го (30-го) декабря:

«Спокойствіе края до сихъ поръ, благодаря Бога, продолжается; ни одного важнаго происшествія не случилось; съ самаго начала я сколько возможно занялся, чтобы войска, а особливо офицеры не испортились въ Варшавѣ, и для того по вашему повелѣнію войска перемѣняются; солдаты стоятъ въ казармахъ. Гренадеры теперь смѣняются; офицеры сего корпуса весьма хорошо вели себя, сохраняя дисциплину и мало гдѣ знакомились. Я займусь, нельзя ли будетъ какими постановленіями предупредить дурныя знакомства; но сіе весьма трудно по деревнямъ исполнить; но я думаю, что на массу офицеровъ знакомства сіи не сдѣлаютъ большаго вліянія, но можетъ быть нѣсколько шалуновъ и будутъ въ ихъ мысляхъ. Я думаю, что сіе еще не такъ опасно, ибо до сихъ поръ почти половина нашей арміи стояла въ Польшѣ; но кромѣ 6-го корпуса, который былъ составленъ изъ поляковъ, всѣ другія войска весьма хорошо дрались и не слышно было приверженности къ революціоннымъ мыслямъ; но еще предпишу всѣмъ начальникамъ обратить на сіе строгое вниманіе. При томъ же, я сколько примѣчаю, то и самые поляки не весьма хорошо насъ принимаютъ; вмѣсто того, я замѣчаю нѣкоторую въ нихъ гордость и удивленіе, что осмѣливаются съ ними строго обходиться и пренебрегать. Словомъ, я не вижу, чтобы сей народъ былъ къ намъ весьма уклончивъ».

Въ отвѣтъ на приведенное письмо, государь благодарилъ отца-командира «за добрыя извѣстія объ краѣ», но прибавилъ: «Весьма

желаю, чтобы надежды твои на счетъ сохраненія добраго духа въ войскахъ сбылись, но самая бдительная осторожность необходима. Для большаго раздѣленія офицеровъ варшавскаго гарнизона отъ жителей, предлагаю тебѣ размѣстить ихъ предпочтительно въ видѣ казармъ, въ домахъ секвестрованныхъ, какъ напримѣръ въ домѣ Паца и Чарторижскаго; такимъ образомъ, всѣ будутъ вмѣстѣ и подъ однимъ надзоромъ, и городу будетъ тогда легче отъ квартированія. Гордость польская не помѣшаетъ имъ всячески стараться пробовать и портить образъ мыслей молодежи, въ чемъ женщины будутъ главнымъ орудіемъ, такъ, какъ всегда бывало. Удивленіе же ихъ, что строго съ ними обходятся, крайне мило и забавно... Прощай, любезный отецъ-командиръ, обнимаю тебя сердечно и поздравляю съ наступающимъ новымъ годомъ; да будетъ онъ миренъ и счастливъ для Россіи, которой нуженъ отдыхъ, но ежели присуждено быть иначе, да будетъ же онъ случаемъ новой славы храбрымъ нашимъ героямъ, подъ предводительствомъ варшавскаго побѣдителя. Да благословитъ тебя Богъ!»¹⁾.

Закончился столь тревожный всякими событіями 1831-й годъ; для Россіи наступило мирное восемнадцатилѣтіе, продолжавшееся, безъ перерыва, до Венгерской войны 1849 года. Чего не могло бы быть достигнуто для благосостоянія Россіи при столь благоприятной обстановкѣ! Но государь былъ уже не тотъ, какимъ онъ являлся на престолѣ въ 1825 году; польская революція довершила пагубное вліяніе, оставленное въ умѣ Николая Павловича событіями 14-го декабря. Отнынѣ императоръ сталъ все болѣе и болѣе склоняться на сторону абсолютизма, погубившаго его отца и столь много повредившаго его брату въ общественномъ уваженіи. Направленіе, данное дальнѣйшимъ ходомъ царствованія императора Николая, привело принца Евгенія Виртембергскаго къ слѣдующимъ размышленіямъ:

«Я сказалъ бы императору Николаю: испытай свое сердце, и ты увидишь, что оно благородно, доброжелательно и склонно ко всему великому; не обманывай самого себя насчетъ собственныхъ чувствъ. Протяни Европѣ братскую руку и не дѣлай ни для кого исключенія. Открой двери твоего государства просвѣщенію и торговлѣ! Ты самъ настолько великодушенъ, челоѣколюбивъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ твердъ и рѣшительнъ, что тебѣ предназначено играть блестящую роль во главѣ могущественнѣйшаго государства. Тебѣ слѣдуетъ стать во главѣ всякаго добраго начинанія и презирать крикуновъ; но если ты не тиранъ, то не старайся же казаться имъ!»²⁾.

¹⁾ Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 26-го декабря 1831 года (7-го января 1832 года).

²⁾ Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg. T. 4, 158.

Этими строками заканчиваются воспоминанія принца Евгенія, сочувственныя отношенія котораго къ императору Николаю и къ Россіи не могли быть поколеблены, несмотря на всѣ невзгоды и несправедливости, испытанныя имъ въ разное время на служебномъ поприщѣ. Поэтому за отзывомъ принца слѣдуетъ признать значеніе безпристрастнаго историческаго приговора.

Н. Шильдеръ.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

Quand avec des pensées naturellement tristes on a l'imagination gaie, et avec l'esprit malin, le coeur bon, on est à coup sûr de la meilleure espèce de gens.

Вторъ помѣщаемыхъ здѣсь записокъ, баронъ Владиміръ Ивановичъ фонъ-Левенштернъ, родился въ 1777 г. въ замкѣ Разиксѣ въ Эстляндіи. Онъ происходилъ изъ стариннаго рода лифляндскихъ бароновъ; его дѣдъ, наслѣдовавъ въ Эстляндіи нѣсколько имѣній, въ томъ числѣ вышеупомянутый замокъ Разиксѣ, продалъ свои лифляндскія помѣстья и переселился въ Эстляндію.

Баронъ Владиміръ Ивановичъ получилъ въ родительскомъ домѣ весьма тщательное первоначальное образованіе подъ руководствомъ приглашенныхъ изъ-за границы гувернеровъ, а затѣмъ былъ помѣщенъ въ дворянское училище (Ritterakademie) въ г. Ревелѣ, гдѣ и окончилъ курсъ наукъ.

17 лѣтъ онъ оставилъ родительскій домъ и, отправившись въ Петербургъ, поступилъ на службу въ л.-гв. Семеновскій полкъ, куда, по обычаю того времени, онъ съ дѣтства былъ записанъ сержантомъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1794 г. онъ перешелъ вахмистромъ въ конную гвардію, а 1-го января 1795 г. былъ переведенъ ротмистромъ въ армію и зачисленъ въ Украинскій полкъ легкой кавалеріи.

Перемѣны, воспослѣдовавшія въ арміи по вступленіи на престолъ, Павла I, коснулись молодаго барона Левенштерна въ томъ отношеніи что ему, какъ лицу, отсутствовавшему изъ своего полка въ моментъ восшествія на престолъ императора, пришлось выйти въ отставку. Однако,

благодаря протекціи его дяди, генерала Бенкендорфа, онъ былъ вскорѣ принятъ въ кирасирскій полкъ, съ которымъ совершилъ италянскій походъ 1799 г., успѣлъ отличиться и заслужить повышеніе.

Въ 1804 г. онъ вышелъ въ отставку, женился и поселился въ имѣніи, занявшись сельскимъ хозяйствомъ. Но его бракъ былъ непродолжителенъ, его жена скончалась въ 1809 г.; томимый тоскою, онъ думалъ найти забвеніе на полѣ битвы. Обстоятельства благопріятствовали этому желанію. Баронъ поступилъ снова на службу въ прежнемъ чинѣ маіора, участвовалъ въ Отечественной войнѣ и совершилъ всю кампанію, вступивъ съ нашими войсками въ Парижъ.

Послѣднія 25 лѣтъ жизни баронъ Владиміръ Ивановичъ провелъ въ отставкѣ, дослужившись до чина генералъ-маіора.

Человѣкъ образованный и начитанный, баронъ былъ пріятный собесѣдникъ и всегда былъ желаннымъ гостемъ въ самыхъ лучшихъ домахъ столицы. Въ скромной квартирѣ, которую онъ занималъ послѣдніе годы жизни на Мойкѣ, всегда можно было встрѣтить министровъ, дипломатовъ, художниковъ, дамъ лучшаго общества. Въ особенно дружественныхъ съ нимъ отношеніяхъ находились гр. Нессельроде, генералы кн. Чернышевъ и Воронцовъ, гр. Паленъ, Ридигеръ и Бергъ. Онъ велъ до конца жизни дѣятельную переписку съ своими многочисленными друзьями въ Россіи и за границей. Баронъ Левенштернъ скончался 21-го января 1858 г., 82-хъ лѣтъ отъ роду; несмотря на преклонный возрастъ, онъ сохранилъ до послѣднихъ дней жизни ясность ума; по словамъ лицъ, близко его знавшихъ, его мощный умъ поддерживалъ его брвенное тѣло.

Въ 1858 г., тотчасъ по его кончинѣ, появились въ Гейдельбергѣ «*Denkwürdigkeiten eines Lifländers aus den Jahren 1790 — 1815*»; издатель, Смитъ, лично знакомый съ Левенштерномъ, составилъ эти записки въ 1850 г. со словъ барона Владиміра Ивановича и по предоставленному въ его распоряженіе письмамъ и разнымъ фамиліальнымъ документамъ; но ихъ отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ собственноручными записками барона Левенштерна, съ которыми онъ сходенъ по содержанію, и поѣтому ошибочно принимались нѣкоторыми (см. словарь Эфрона) за извлеченіе изъ этихъ записокъ. Собственноручныя на французскомъ языкѣ записки барона Владиміра Ивановича Левенштерна не были до сихъ поръ изданы ни полностью, ни въ извлеченіи, онѣ хранятся въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной библиотеки и нынѣ впервые появляются въ переводѣ на страницахъ «Русской Старины».

I.

Введение.

Происхождение.—Рождение и воспитание.—Графъ Бобринскій.—Морской бой русскихъ со шведами близъ Ревеля. — Побѣда, одержанная адмираломъ Чичаговымъ.

Очень трудно говорить о себѣ и въ особенности о событіяхъ своего времени и заслужить при этомъ всеобщее одобреніе. Слогъ долженъ быть тщательно выработанъ, истина должна быть строго соблюдена, событія, которыя быстро слѣдуютъ одно за другимъ, должны быть изображены крупными штрихами и, несмотря на это, представлять собою стройное цѣлое и быть переданы съ точностью.

Всѣ эти трудности, которыя я вполне сознаю, заставили бы меня отказаться отъ мысли писать мои записки, если бы меня не успокаивала мысль, что я пишу лишь для друзей; только эта мысль можетъ дать мнѣ смѣлость приступить къ исторіи моей частной и политической жизни, богатой событіями и интересной по всему тому хорошему и худому, которое я испыталъ.

Истина всегда полезна, ее надобно говорить непрестанно, хотя бы даже въ томъ случаѣ, когда рискуешь изложить ее не особенно хорошо. Поэтому я буду говорить ее всегда, хотя бы отъ этого страдало мое самолюбіе.

Въ молодости я на многое смотрѣлъ не разсуждая и пользовался жизнью, ни къ чему особенно не стремясь; мои мысли перелетали съ предмета на предметъ такъ же, какъ и мои желанія. Ставъ нынѣ болѣе спокойнымъ, болѣе разсудительнымъ, я никогда не смотрю на предметъ не думая о немъ и не смотрю на него не видя его. Итакъ начнемъ писать; долго живутъ тѣ сочиненія, которыя задуманы съ серьезной цѣлью.

Я появился на свѣтъ при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ и родился въ одинъ годъ и въ одинъ день съ блаженной памяти императоромъ Александромъ. Всѣ предвѣщали мнѣ счастливую и благополучную жизнь.

Я увидѣлъ свѣтъ въ замкѣ Разиксъ (Rasix) въ Эстляндіи, который принадлежалъ моему отцу, богатому землевладѣльцу этой губерніи, бывшему нѣсколько лѣтъ подъ рядъ предводителемъ дворянства.

За услуги, оказанныя имъ во время войны съ Швеціей, онъ удостоился особаго благоволенія императрицы Екатерины II.

Моя мать была рожденная баронесса Сталь-Гольштейнъ, двоюродная сестра бывшаго шведскаго посланника въ Парижѣ, мужа извѣстной баронессы Сталь-Гольштейнъ (Неккеръ). — Благодаря такому родству эта

необыкновенная женщина, замѣчательная своимъ умомъ, своимъ пылкимъ характеромъ и некрасивой наружностью, приняла меня 30 лѣтъ спустя въ высшей степени любезно.

Я получилъ воспитаніе настолько тщательное, насколько позволяли обстоятельства и мѣстныя условія. Я долженъ отдать справедливость моему отцу, что онъ не пренебрегъ ничѣмъ, не падая ни денегъ, ни заботъ, чтобы я получилъ самыя разностороннія и основательныя познанія. Моя мать, женщина весьма умная и обладавшая прекраснымъ характеромъ, заботилась преимущественно о моемъ нравственномъ воспитаніи. Чувствительность (*la sensibilité*) была, по ея мнѣнію, величайшимъ сокровищемъ, какимъ можетъ обладать человекъ.

Отецъ, занимавшій въ Эстляндіи весьма значительныя должности и владѣвшій въ то же время большими помѣстьями, былъ слишкомъ обремененъ дѣлами, чтобы входить въ подробности моего воспитанія. Къ тому же, живя открыто для всѣхъ, въ особенности для иностранцевъ, онъ болѣе заботился о томъ, чтобы я приобрѣлъ хорошія и изящныя манеры, нежели о моихъ успѣхахъ въ наукахъ. Эта часть моего воспитанія была предоставлена всецѣло моимъ наставникамъ, получавшимъ большое вознагражденіе и изъ коихъ одинъ былъ выписанъ изъ Парижа, а другой изъ Лейпцига.

Мой отецъ былъ строгъ и требователенъ въ вопросахъ чести и честности, поэтому съ самаго вступленія моего въ свѣтъ моею первою и самою серьезною заботою было достигнуть почестей не работѣтельствуя. Съ этой цѣлью я старался сближаться по мѣрѣ возможности съ тѣми, кои слыли людьми честными и обладающими достоинствами. Я нерѣдко оставлялъ игры съ товарищами, чтобы прислушаться къ разговору о войнѣ и политикѣ, услышать рассказы о сраженіяхъ, описаніе только-что бывшей осады Очакова и Измаила (1786 г.), вслѣдствіе чего товарищи нерѣдко называли меня педантомъ. Когда мнѣ было 12 лѣтъ, благодаря счастливой случайности я былъ свидѣтелемъ морскаго сраженія, въ которомъ адмиралъ Чичаговъ разбилъ близъ Ревеля шведскій флотъ, коимъ командовалъ герцогъ Зюдерманландскій, потерявшій при этомъ два линейныхъ корабля, изъ коихъ одинъ взлетѣлъ на воздухъ, а другой былъ взятъ непріателемъ.

Графъ Бобринскій, жившій въ то время въ ссылкѣ въ Ревель за проказы, учиненныя имъ въ Лондонѣ и Парижѣ, часто посѣщалъ домъ моего отца; онъ встрѣтилъ меня 2-го мая на улицѣ, усадилъ въ свои дрожки и повезъ меня въ гавань, гдѣ мы сѣли съ нимъ на маленькую лодку и отправились на батарею, защищавшую входъ въ гавань. На немъ былъ его роскошный мундиръ Конногвардейскаго полка, въ коемъ онъ числился капитаномъ, такъ что никто и не подумалъ воспрепятствовать намъ с ѿ ѿ и на б а т е р е ю; я слѣдовалъ за нимъ съ искренно

дѣтской радостью. Шведскія ядра долетали до насъ; свистъ, который они производили, пролетая надъ нашей головою, приводилъ меня въ восторгъ; нѣкоторые ядра попали въ стѣну этой старой деревянной батареи, и я замѣтилъ, что окружающіе ни мало не раздѣляли мое радостное настроеніе; нѣкоторые старые воины даже поблѣднѣли. Ихъ ужасъ и еще болѣе величественная картина сраженія произвели на меня глубокое впечатлѣніе; съ тѣхъ поръ я только и мечталъ о сраженіяхъ и ничего такъ не желалъ, какъ еще разъ быть свидѣтелемъ битвы. Это желаніе было впоследствии вполне удовлетворено.

Появленіе шведскаго флота навело ужасъ на жителей Ревеля, изъ коихъ одни выѣхали изъ города, другіе попрятались въ погреба; остальные направились въ гавань, чтобы лицезрѣть единственное въ своемъ родѣ замѣчательное зрѣлище, какое представляетъ собою морское сраженіе. Шведское судно, горѣвшее болѣе двухъ часовъ, взлетѣло на воздухъ съ оглушительнымъ шумомъ и трескомъ; затѣмъ наступила мертвенная тишина и, когда всѣ опомнились отъ ошеломившаго ихъ впечатлѣнія, то на судахъ, въ гавани и на морскомъ берегу раздалось громкое «ура». Картина была великолѣпная!

Во время сраженія въ городѣ царствовало страшное смятеніе; было извѣстно, что суда еще не получили необходимаго количества пороха, который перевозили наскоро съ величайшей опасностью.

Дѣйствіями на сушѣ руководили генералы Волковъ и Паленъ (отецъ); въ этой мѣстности было немного войска, и казаки, въ то время очень плохо дисциплинированные, грабили предмѣстья, вслѣдствіе чего жители были еще болѣе объаты страхомъ.

Наконецъ, благодаря умѣлымъ дѣйствіямъ адмирала Чичагова и храбрости нашихъ моряковъ, была одержана рѣшительная побѣда.

Я пишу о себѣ и не подражаю тѣмъ лицамъ, которыя, желая писать себѣ панегирики, говорятъ о себѣ подъ вымышленнымъ именемъ. Я не настолько тщеславенъ и глупъ, чтобы превозносить себя безо всякаго повода, но должный стыдъ также не помѣшаетъ мнѣ сказать о себѣ то, что можетъ послужить къ моей чести, если это правда.

Счастье часто благопріятствовало мнѣ, но нерѣдко оно отвертывалось отъ меня; оно слѣпо. Награждая иногда честнаго человѣка, оно чаще всего воспитываетъ глупца. Я убѣдился слишкомъ поздно въ томъ, что, руководствуясь однимъ разумомъ, нельзя достигнуть цѣли и что самыя лучшія поступки и самыя прекрасныя планы не приносятъ пользы, если ихъ не стараются выставить и не пускаютъ въ ходъ интригъ для того, чтобы добиться осуществленія этихъ плановъ.

Вращаясь съ юныхъ лѣтъ въ свѣтѣ, я приобрѣлъ многіе его недостатки. Можно себѣ представить, что я долженъ былъ выстрадать, когда убѣдился на опытѣ въ суетности всего того, что не основано на нрав-

ственныхъ принципахъ. Прийдя къ этому вопль справедливому, но грустному заключенію, къ сожалѣнію слишкомъ поздно, я все же во-время опомнился.

II.

Поступленіе въ Семеновскій полкъ и въ ординарцы къ графу Солтыкову. — Графиня Солтыкова. — Князь Платовъ Зубовъ. — Тогдашніе нравы. — Вѣдѣнность и внутреннія качества императрицы Екатерины. — Переходъ въ легкую украинскую кавалерію.

Я кончилъ образованіе въ Ревельской дворянской академіи (academie de la Noblesse), которая пользовалась въ то время большой извѣстностью, и былъ записанъ, по тогдашнему обычаю, какъ ребенокъ изъ хорошей семьи, въ л.-гв. Семеновскій полкъ сержантомъ (1794 г.); къ величайшему моему удовольствію, мнѣ нашили на обшлага три широкихъ галуна, чѣмъ я гордился, какъ Артабанъ.

Мой дядя, достойный и прекрасный генералъ Бенкендорфъ (впослѣдствіи рижскій генералъ-губернаторъ) взялся отвезти меня въ Петербургъ и представилъ командиру полка, графу Николаю Солтыкову (впослѣдствіи князь и фельдмаршалъ); послѣдній по его просьбѣ назначилъ меня состоять ординарцемъ при его особѣ. Это чрезвычайно польстило моему самолюбію, такъ какъ этимъ преимуществомъ, дававшимъ право носить шпоры, пользовалось въ полку всего четыре человѣка. Остальные трое избранныхъ были два графа Толстыхъ и князь Мещерскій.

Графиня Солтыкова, закадычный другъ г-жи Бенкендорфъ, обошлась со мною какъ съ роднымъ. Я былъ удостоенъ ея особымъ расположеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ приходилось нерѣдко сносить ея капризы. Эта дама была очень своеобразна и суевѣрна. Она не терпѣла духовъ, никогда не садилась за столъ, если было 13 собесѣдниковъ, немилосердно прогоняла изъ-за стола того, кто имѣлъ неосторожность просыпать соль. Однажды, когда я былъ намаженъ помадой, которая пахла геліотропомъ, она прогнала меня, сдѣлавъ мнѣ громогласно выговоръ; другой разъ я былъ лишенъ обѣда за то, что пришелъ тринадцатымъ.

Такъ какъ я былъ очень молодъ и легкомысленъ, то я этимъ не особенно огорчался и не сердился на нее; она была признательна мнѣ за это и не лишила меня своего покровительства.

Съ наступленіемъ весны, графъ Солтыковъ, занимавшій прекрасную квартиру въ Зимнемъ дворцѣ, переѣхалъ въ свой красивый загородный домъ, на Петергофской дорогѣ, близъ Триумфальныхъ воротъ. Я ѣздилъ

туда каждый разъ, какъ того требовало исполненіе моихъ служебныхъ обязанностей, и прогуливался въ саду и паркѣ, пользуясь самымъ разнообразнымъ обществомъ, которое постоянно смѣнялось. Не разъ гр. Солтыковъ, желая послать меня съ какимъ-либо порученіемъ или съ письмомъ ко двору, который находился въ Царскомъ Селѣ, былъ вынужденъ поднять на ноги всѣхъ лакеевъ, чтобы розыскать меня; они находили меня обыкновенно ухаживающимъ за горничной-калмычкой, которая была дурна собою, какъ смертный грѣхъ, но прельщала меня лакомствами, коими всегда были полны ея карманы.

Бѣдняжка; мнѣ было всего 16 лѣтъ! она тратила даромъ свои конфеты. Это была первая женщина, выказавшая ко мнѣ нѣжное участіе, и я безотчетно заинтересовался ею болѣе, нежели другими женщинами, которыя были такъ же хороши собою, какъ она была дурна.

Во время моихъ поѣздокъ въ Царское Село, которыя я совершалъ на отвратительныхъ курьерскихъ телѣгахъ и по отвратительнѣйшей дорогѣ, я имѣлъ счастье видѣть и восхищаться императрицей Екатериной II. Великіе князья Александръ и Константинъ, никогда не разставшіеся съ нею, общались уже въ то время все то, чѣмъ они сдѣлались со временемъ; великій князь Александръ былъ прекрасенъ, какъ Аполлонъ, любезенъ, привѣтливъ и добръ, какъ ангель.

Мои обязанности давали мнѣ право сопровождать графа Солтыкова къ великимъ князьямъ, и даже на придворные балы, гдѣ я имѣлъ возможность видѣть самыхъ выдающихся личностей при дворѣ Екатерины.

Великій князь Павелъ Петровичъ фигурировалъ при дворѣ на первомъ планѣ, хотя настоящіе царедворцы старались избѣгать его. Всеобщимъ вниманіемъ пользовался въ то время князь Платонъ Зубовъ; самые важные сановники преклонялись передъ этимъ молодымъ человекомъ, который держалъ себя гордо и безстрастно и едва удостоивалъ ихъ вниманіемъ. Приемныя комнаты и залы князя Зубова, графа Солтыкова, бывшаго въ то время предсѣдателемъ военнаго департамента, оберъ-прокурора графа Самойлова и вице-канцлера князя Безбородко были всегда полны народа.

Я имѣлъ случай наблюдать каждый день, какъ голубыя ленты умѣютъ стѣбаться и въ случаѣ надобности ступевываться. Но я замѣчалъ, что, дѣлая эти работѣльные поклоны, люди не утрачивали хорошаго тона и манеръ настоящихъ вельможъ; при дворѣ еще существовали манеры и тонъ вѣка Людовика XIV; въ обращеніи съ вельможами и въ преклоненіи передъ людьми, стоявшими въ то время у власти, не было ничего рѣзкаго, даже люди гордые и низкопоклонные были вѣжливы и соблюдали извѣстныя приличія.

Совершенно вѣрно, что графъ (впослѣдствіи князь) Солтыковъ мылся, полоскалъ зубы и одѣвался въ присутствіи всѣхъ господъ, украшен-

ныхъ лентами, которые почитали за счастье присутствовать при его туалетѣ.

Князь Зубовъ причесывался при нихъ, и ихъ одежда была покрыта пудрою, но они не счищали ее и, проходя по другимъ заламъ, гордились тѣмъ, что могли сказать и даже доказать съ полной очевидностью, что они были у него.

И однако тотъ же гордый и высокомерный князь Зубовъ ни передъ кѣмъ не возвышалъ голоса; этого никто бы не потерпѣлъ! Присутствовать при туалетѣ—не противорѣчало тогдашнимъ нравамъ, но относительно всего другаго всѣ требованія вѣжливости и все то, чего требовала честь (*point d'honneur*), соблюдалось строго.

Мѣсто, занимаемое мною, давало мнѣ возможность наблюдать все своими собственными глазами. Стоя спокойно въ нишѣ у окна, я наблюдалъ за всѣми тогдашними знаменитостями, которыя проходили передъ моими глазами; между прочимъ я видѣлъ графа Ферзена, когда онъ ѣхалъ сражаться съ Костюшкой, который былъ взятъ имъ въ плѣнъ. Я читалъ на лицахъ зависть по поводу выбора, сдѣланнаго императрицею, который графъ Ферзенъ такъ блистательно оправдалъ.

Онъ предполагалъ взять меня съ собою, но графиня Солтыкова не согласилась на это, говоря, что я еще слишкомъ молодъ; правда, мнѣ было всего 16 лѣтъ. Она хотѣла сдѣлать изъ меня изящнаго гвардейскаго офицера, а я горѣлъ желаніемъ участвовать въ серьезномъ сраженіи.

Морское сраженіе, видѣнное мною въ Ревелѣ, воспламенило мое воображеніе, и я никогда не могъ отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія. Громъ орудійныхъ выстрѣловъ всегда былъ для меня самой пріятной музыкой. Какое-то предчувствіе вселило во мнѣ увѣренность въ мою счастливую звѣзду, поэтому моя заслуга была не такъ велика; впоследствии я всегда преклонялся передъ тѣми изъ товарищей, которыхъ угнетало предчувствіе противоположнаго свойства и которые тѣмъ не менѣе шли въ сраженіе хладнокровно и съ покорностью судьбѣ.

Эта увѣренность въ моей неуязвимости происходила еще изъ слѣдующаго обстоятельства: въ тотъ день, когда я долженъ былъ ѣхать въ армію, моя мать призвала деревенскую гадалку, которая, давъ мнѣ проглотить какое-то зелье изъ ствола ружья, увѣряла, что послѣ этого меня не можетъ постигнуть никакая бѣда. Я не особенно вѣрилъ въ дѣйствительную силу этого снадобья, но проглотилъ его, чтобы сдѣлать удовольствіе моей матери.

Невѣдомое для насъ необъяснимо,—сказалъ еще Наполеонъ,—я не хочу быть болѣе вольнодумнымъ, нежели онъ; какъ бы то ни было, я всегда избѣгалъ какъ бы какимъ-то чудомъ самыхъ серьезныхъ опасностей, и воспоминаіе объ этой старой и отвратительной кодуныѣ под-

держивало меня въ тѣ моменты, когда ядра и пули свистѣли надъ моей головою.

Моя мать, женщина очень религіозная, вѣроятно также мало вѣрила въ предсказанію, какъ и я, однако она уговорила меня продѣлать эту кабалистическую процедуру.

Навѣрно никто не былъ такъ часто въ огнѣ, какъ я; между тѣмъ я не только не получилъ никакого серьезнаго поврежденія, но, будучи три или четыре раза легко раненъ, я отдѣлался такъ благополучно, что у меня не было повреждено ни одной кости; пули и даже кирпичъ (какъ напр. подъ Бородинымъ) всегда останавливались въ моихъ мускулахъ, а это было не такъ легко, ибо мяса у меня почти не было. Всѣ хирурги были поражены этимъ обстоятельствомъ.

Я имѣлъ случай видѣть императрицу также за обѣдней въ дворцовой церкви.

Екатерина Великая была велика лишь нравственно; она была не высока ростомъ и по ея лицу было видно, что она была скорѣе красавицей, нежели хорошенькой; величавыя черты ея лица смягчались выраженіемъ глазъ и очаровательной улыбкой. По ея лбу было видно, что она одарена памятью и воображеніемъ; ея губы свидѣтельствовали объ ея откровенномъ и веселомъ характерѣ. Императрица имѣла въ молодости, вѣроятно, очень свѣжій цвѣтъ лица, она много заботилась о своемъ туалетѣ, кланялась по-русски, всегда одинаковымъ образомъ; войдя, она кланялась сперва направо, потомъ налево и затѣмъ прямо; вообще всѣ ея дѣйствія казались методичны и рассчитаны.

Она обладала въ высшей степени умѣніемъ слушать и такъ хорошо владела собою, что казалось, будто она слышитъ говорящаго даже тогда, когда она думала совсѣмъ о другомъ.

Она умѣла поддерживать этикетъ, не придавая ему характеръ чего-то театральнаго или преувеличеннаго, и не требовала наружныхъ знаковъ поклоненія.

Въ выборѣ людей, коимъ она покровительствовала, часто играли роль счастье и благосклонность; но она умѣла указать каждому надлежащее мѣсто и умѣла опѣнить истинное достоинство.

Она была очень щедра; многихъ одѣляла деньгами изъ щедрости, какъ человѣкъ великодушный, многимъ благотѣльствовала, какъ человѣкъ добрый, и многихъ награждала въ видѣ поощренія, какъ человѣкъ, желающій, чтобы ему служили хорошо.

Такъ какъ служба поглощала незначительную часть моего времени, то я употреблялъ все остальное на осмотръ достопримѣчательностей Петербурга, бралъ уроки фехтованія и верховой ѣзды, бывалъ въ нѣкоторыхъ домахъ лучшаго общества и довольно часто посѣщалъ театръ.

Я занималъ въ городѣ вмѣстѣ съ двумя моими соотечественниками

хорошенькую квартиру на Малой Морской; у насъ было общее хозяйство; со мною жили Гельфрейхъ и баронъ Карлъ Будбергъ, служившіе въ одномъ полку со мною. Они уѣхали оба въ отпускъ; я остался одинъ, мною овладѣла тоска по родинѣ, и я рѣшилъ просить графа Солтыкова позволенія съѣздить навѣстить родныхъ. Онъ далъ мнѣ четырехъ-мѣсячный отпускъ, и я уѣхалъ изъ Петербурга.

Я пріѣхалъ очень удачно на Троицынъ день. Моя мать встрѣтила меня со слезами радости; сестры не знали, какъ обласкать меня; отецъ былъ очень доволенъ: я былъ вполне счастливъ. Я возмужалъ, но атмосфера и развратъ большаго города не коснулись меня. Моя мать, съ раннихъ лѣтъ заботившаяся укоренить въ моемъ сердцѣ правила нравственности, радовалась тому, что я вернулся изъ столицы, не утративъ чистоты нравовъ и чувствъ.

Четырехъ-мѣсячный отпускъ пролетѣлъ быстро. 1-го октября я былъ уже въ Петербургѣ.

Имѣя рѣшительное пристрастіе къ кавалерійской службѣ, я перешелъ въ томъ же году гофъ-фурьеромъ въ Конную гвардію, а 1-го января 1795 г. былъ зачисленъ капитаномъ въ легкую украинскую кавалерію (*chevaux légers d'Ukraine*).

Столь быстрое повышение преисполнило меня радостью. Я былъ всецѣло обязанъ этимъ расположенію и могущественному покровительству графа Солтыкова.

Голубой мундиръ (*bleu de Prusse*) съ красными обшлагами, серебряными пуговицами и аксельбантами былъ шить въ 24 часа, и я присутствовалъ въ немъ 1-го января на придворномъ балу. Я имѣлъ счастье благодарить императрицу, которая милостиво дала мнѣ поцѣловать руку.

Мнѣ шель всего 17-й годъ, но я считалъ себя человѣкомъ вполне взрослымъ; по крайней мѣрѣ я усвоилъ манеры взрослого человѣка, былъ всегда при саблѣ и, потрогивая аксельбанты, старался казаться въ кругу товарищей серьезнымъ и воздержаннымъ.

Какъ полонъ счастья тотъ день, въ который надѣваешь впервые мундиръ. Принцъ де-Линъ былъ правъ, говоря, что всѣ наши радости ребяческія; этотъ умный юмористъ насчитывалъ въ своей жизни всего четыре дня истинно счастливыхъ: тотъ день, въ который онъ впервые надѣлъ мундиръ, день его первой битвы, день, въ который ему сказали впервые «я люблю тебя», и тотъ день, когда онъ всталъ съ постели послѣ оспы. Первый и послѣдній изъ этихъ счастливыхъ дней не могли болѣе повториться, но такъ какъ другіе два повторились въ его жизни разъ пятнадцать, то они вскорѣ утратили всю свою прелесть.

III.

Отъездъ изъ Петербурга въ Бѣлостокъ.—Кончина сестры.—Князь Репнинъ.—
Прибытіе въ полкъ.—Встрѣча съ Суворовымъ.—Увольненіе въ отпускъ.

Пробывъ два мѣсяца въ Петербургѣ, гдѣ экипировался, я отправился къ мѣсту своего служенія. Полкъ, въ который я былъ зачисленъ, состоялъ въ арміи фельдмаршала кн. Суворова и стоялъ (1795 г.) въ окрестностяхъ Варшавы. Я захватилъ проѣздомъ навѣстить родныхъ, которые были очень рады видѣть вновь капитана легкой конницы, но радость нашего свиданія была омрачена горестнымъ событіемъ: моя сестра Елена скончалась на моихъ рукахъ, послѣ родовъ; она была замужемъ всего 13 мѣсяцевъ, и ей только-что минуло 18 лѣтъ. Какъ тяжело переносить первое горе; человѣкъ обыкновенно всецѣло предается ему и даже не допускаетъ мысли, что ему слѣдовало бы чѣмъ-нибудь отвлечься отъ него. Я избѣгалъ всякихъ удовольствій и считалъ для себя счастье впредь несбыточной мечтою, такъ какъ я лишился его въ одно мгновеніе. Отецъ обожалъ мою сестру; онъ страшно страдалъ и, заболѣвъ, едва не умеръ. Опасное состояніе, въ которомъ онъ находился, заставило меня выйти изъ того безучастнаго состоянія, въ которомъ я находился; но есть чувства, которыхъ не убиваетъ самое большое горе,—таковы долгъ и честь. Приближалось время, когда я долженъ былъ явиться въ полкъ. Я вырвался изъ объятій родныхъ, которые напутствовали меня своими благословеніями.

Рижскій генераль-губернаторъ Паленъ, къ которому отецъ далъ мнѣ рекомендательное письмо, принялъ меня какъ роднаго. Желая облегчить мнѣ поѣздку въ Варшаву, онъ поручилъ мнѣ отвезти депеши фельдмаршалу Суворову и далъ мнѣ курьерскую подорожную.

Оставивъ Ригу, я ѣхалъ день и ночь, до Гродно, гдѣ остановился, чтобы передать депеши князю Репнину.

Князь принялъ меня ласково; онъ очень любилъ моего отца, который былъ предводителемъ дворянства въ то время, когда кн. Репнинъ занималъ мѣсто лифляндскаго и встляндскаго генераль-губернатора.

Сыновья графа Палена, состоявшіе при штабѣ кн. Репнина, предложили мнѣ помѣститься вмѣстѣ съ ними. Такъ какъ они дежурили у короля польскаго, который находился въ то время въ изгнаніи, то я часто раздѣлялъ съ ними скуку въ королевскомъ салонѣ, но за то пользовался прекраснымъ обѣдомъ.

Я часто имѣлъ случай видѣть послѣдняго короля польскаго и былъ свидѣтелемъ политической агоніи этой страны; князь Репнинъ подав-

ляль (égraser) короля своей представительной осанкой и тѣмъ превосходствомъ, какое побѣдитель всегда имѣетъ надъ побѣжденнымъ, какова бы ни была разница въ ихъ социальномъ положеніи. Я восхищался граціей, красотою и кокетливостію польскихъ дамъ, военной выправкой нашихъ войскъ, великолѣпіемъ и роскошью, коими окружалъ себя кн. Репнинъ, въ домѣ котораго самый изысканный французскій тонъ и нравы самыхъ цивилизованныхъ странъ сочетались съ обычаями и утонченностію Востока.

Я отправился въ Бѣлостокъ, гдѣ находился штабъ моего полка, и явился полковому командиру полковнику Анрепу. Впослѣдствіи я неоднократно радовался тому, что я поступилъ въ этотъ полкъ. Полковникъ Анрепъ былъ отцомъ для своихъ офицеровъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ ознакомиться со всѣми подробностями службы и общалъ дать мнѣ вскорѣ эскадронъ. Я всегда обѣдалъ за его столомъ; вечеромъ мы играли въ бостонъ; время, проведенное мною въ Бѣлостокѣ, глубоко запечатлѣлось въ моей памяти.

Нѣкоторые штабъ-офицеры выказывали мнѣ особое расположеніе; въ числѣ ихъ назову подполковника Козенца (Cosenz), графа Витгенштейна, графа Мантейфеля и Курселя.

Мой полкъ получилъ приказаніе выступить; мы двинулись къ Плоцку и вошли въ составъ дивизіи, въ которой числились Кіевскій полкъ конныхъ егерей подъ командою полковника Сарса, гренадерскій Фанагорійскій полкъ подъ командою полковника Жеребцова и полкъ казаковъ; главное начальство надъ этимъ отрядомъ принялъ генераль-лейтенантъ Ласи.

Товарищи приняли меня и отнеслись ко мнѣ какъ нельзя лучше: нѣкоторые старые поручики завидовали мнѣ, но я снискалъ въ концѣ концовъ ихъ расположеніе: въ мою пользу говорили моя молодость и неспорченность.

Въ лагерѣ велась крупная игра; я умѣлъ играть во всѣ игры и испробовалъ счастье, которое благоприятствовало мнѣ.

Отецъ далъ мнѣ деньги, необходимыя на покупку лошадей; приложивъ къ нимъ то, что я выигралъ въ карты, я могъ купить три прекрасныхъ лошади. Мы часто катались верхомъ; графъ Витгенштейнъ до страсти любилъ верховую ѣзду и хотѣлъ превзойти меня въ ней; мы устраивали состязанія; сѣрая кобыла, купленная мною, оставалась почти всегда побѣдительницей, что было не особенно пріятно для самолюбія графа.

Генераль Ласи, а затѣмъ фельдмаршалъ Суворовъ произвели смотръ полкамъ. Я былъ несказанно счастливъ видѣть вблизи героя Россіи.

Въ тотъ день, когда онъ пріѣхалъ, я былъ дежурнымъ. Когда я

рапортовалъ ему, меня охватила дрожь. Не давъ мнѣ докончить, онъ спросилъ неожиданно, какой супъ ѣдать въ Ревелѣ по четвергамъ?

— Щи,—смѣло отвѣчалъ я.

Онъ видимо былъ доволенъ.

— А по пятницамъ? а по субботамъ? и т. д.

Я перечислилъ все меню естляндской кухни.

Фельдмаршалъ Суворовъ, будучи въ низшихъ чинахъ, служилъ въ Ревельскомъ гарнизонѣ, и ему было извѣстно, что на моей родинѣ существуетъ обыкновеніе подавать каждый день въ недѣлю извѣстный супъ.

Однажды, въ большую жару, послѣ кавалерійскаго ученія у меня сбѣжалось сильное кровохарканье, кровь у меня такъ и полилась изъ горла. Врачи признали болѣзнь серьезною и предписали мнѣ оставить палатку и поселиться гдѣ-либо въ деревнѣ. Добрый полковникъ Анрепъ навѣстилъ меня и, полагая, что я страдаю легкими, совѣтовалъ мнѣ уѣхать на время изъ арміи и отправиться для поправленія здоровья на родину.

Я воспользовался этимъ позволеніемъ и уѣхалъ. По пути я остановился на двѣ недѣли въ Гродно, чтобы отдохнуть и окрѣпнуть, и поселился снова у молодыхъ графовъ Паленъ. Второй братъ графъ Петръ Паленъ былъ также боленъ, и я пользовался вмѣстѣ съ нимъ у врача князя Репнина.

Старшій, графъ Павелъ Паленъ, отправился въ Петербургъ курьеромъ съ депешами къ императрицѣ; я слѣдовалъ за нимъ болѣе медленно. Я останавливался въ Ковно и Митавѣ, гдѣ обѣдалъ у графа Палена (отца), только-что передъ тѣмъ назначеннаго генераль-губернаторомъ Курляндіи, которую онъ такъ ловко заставилъ добровольно изъявить покорность Россіи, хотя въ силу вещей это случилось бы неизбежно немного ранѣе или немного позднеѣ. Палену удалось достигнуть этого безъ потрясенія, за чтѣ императрица была признательна ему, осыпала его милостями и щедро наградила.

Я пробылъ нѣсколько дней въ Ригѣ, чтобы посоветоваться съ докторомъ Штофрегенемъ, который вполне успокоилъ меня на счетъ состоянія моихъ легкихъ; я провелъ двѣ недѣли самымъ пріятнымъ образомъ у сестры моего отца, баронессы Будбергъ, въ ея хорошенькомъ загородномъ домѣ въ Видрихѣ и явился неожиданно къ родителямъ, которые думали, что я нахожусь за 2.000 верстъ отъ родительскаго крова.

Они были весьма удивлены и обрадованы. Заботливый уходъ и исландскій мохъ возстановили въ скоромъ времени мое здоровье. Такъ какъ у меня былъ безсрочный отпускъ, то я пробылъ у родныхъ до конца года и съ наслажденіемъ забавлялся охотой, которую я всегда

страстно любилъ. У моего отца было все необходимое для охоты; сосѣди и даже иностранцы прѣзжали издалека въ Ревель, чтобы охотиться у него, и отецъ оказывалъ всѣмъ столь широкое гостепрѣимство, что въ его замкѣ жили зачастую на всемъ готовомъ болѣе ста человѣкъ посѣтителей, а въ его конюшняхъ кормилось болѣе ста лошадей.

IV.

Поѣздка въ Дерптъ.—Возвращеніе въ полкъ.—Вступленіе на престолъ императора Павла I.—Исключеніе изъ службы и поступленіе вновь въ кирасирскій полкъ Нумзена.—Жизнь въ Митавѣ.

Отецъ совѣтовалъ мнѣ съѣздить въ Дерптъ, чтобы познакомиться съ нашими родными, жившими въ этомъ городѣ. Я отправился туда съ моимъ братомъ Карломъ, который былъ въ то время адъютантомъ князя Сергѣя Голицына.

Въ началѣ января (1796 г.) въ Дерптъ съѣзжалось все дворянство, чтобы устроить свои дѣла и въ то же время повеселиться. Оживленіе, которое царило въ городѣ вслѣдствіе съѣзда столькихъ лицъ, и ярмарка, открывавшаяся въ то же время, придавали Дерпту видъ столицы.

Я провелъ въ Дерптѣ очаровательныхъ 6 недѣль: обѣды, балы, любительскіе спектакли, игры—все способствовало пріятному препровожденію времени.

Въ Дерптѣ я былъ первый разъ влюбленъ. Молодая дѣвушка, прелестная, какъ амуръ, сумѣла затронуть нѣжныя струны до тѣхъ поръ безмолвнаго моего сердца.

Я не имѣлъ смѣлости признаться ей въ любви, но мое обращеніе, мое ухаживаніе, мои глаза говорили ей о моихъ чувствахъ. Одна болтливая подруга открыла ей мою тайну; я хотѣлъ во что бы то ни стало жениться на ней! Къ счастью, братъ, болѣе меня благоразумный, отговорилъ меня отъ этого намѣренія: какой бы я былъ прекрасный мужъ въ 17 лѣтъ!

Я отправился, чтобы разсвѣять свое горе (1796 г.) въ Виддрихъ къ моей доброй тетущкѣ; она приняла меня ласково; вскорѣ разсудокъ взялъ верхъ, и я оставилъ мысль о бракѣ. Впослѣдствіи я узналъ съ удовольствіемъ, что эта молодая и хорошенькая дѣвушка вышла замужъ за князя * *.

Мой братъ, сдѣлавшій все возможное, чтобы помѣшать моей женитьбѣ, не устоялъ передъ искушеніемъ вступить въ бракъ съ молодой и очень богатой наслѣдницей. Правда, онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ

не по влеченію сердца, а по расчету. Онъ женился на дочери генераль-лейтенанта барона Фрейзель; она была сирота и вступила на другой день послѣ брака во владѣніе обширными имѣвіями.

Этотъ бракъ, заключенный по расчету, не былъ особенно счастливъ, и примѣръ брата надолго отвратилъ меня отъ женитьбы.

Въ исходѣ 1796 г. я отправился въ свой полкъ, который стоялъ на зимнихъ квартирахъ въ Подольской губ. и числился въ корпусѣ князя Прозоровскаго.

Проѣздомъ черезъ Ригу я узналъ горестную вѣсть о кончинѣ императрицы Екатерины. Вся Россія была глубоко опечалена.

При вступленіи на престолъ императора Павла всѣми овладѣлъ страхъ.

Новый императоръ ознаменовалъ начало своего царствованія исключеніемъ изъ службы всѣхъ офицеровъ, отсутствовавшихъ изъ своихъ полковъ. Я былъ въ числѣ исключенныхъ, хотя я уже ѣхалъ въ это время въ полкъ. Этотъ указъ, вслѣдствіе котораго я остался въ столь юныхъ лѣтахъ безъ мѣста и безъ занятій, привелъ меня въ уныніе.

Къ счастью, мой дядя, достойный генералъ Бенкендорфъ, назначенный рижскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, написалъ генералу Нумзену, назначенному генералъ-инспекторомъ кавалеріи, прося его вновь принять меня на службу и опредѣлить въ кирасирскій полкъ, коимъ онъ командовалъ. Эта просьба увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Мой бывший полкъ былъ переформированъ. Легкая конница и конные егеря, оказавшіе столь видныя услуги въ Турціи и Польшѣ, прекратили свое существованіе. Они были созданы княземъ Потемкинымъ, котораго императоръ Павелъ не любилъ, точно такъ же, какъ и все исходившее отъ этого замѣчательнаго человѣка, столь же колоссальнаго ростомъ, какъ гигантскаго въ своихъ проектахъ. Генералъ Бауръ хотѣлъ взять меня въ свой гусарскій Павлоградскій полкъ, но я предпочелъ поступить въ полкъ генерала Нумзена, пользовавшагося лучшей славой. Генералъ Бауръ получилъ прозвище «le tigreur de chevaux de poste»: такъ какъ никто не могъ совершить болѣе головоломныхъ курьерскихъ поѣздокъ, какъ этотъ бывший адъютантъ князя Потемкина.

Генералъ Нумзень, человѣкъ достойный и храбрый, весьма свѣдущій въ своемъ дѣлѣ, ветеранъ Семилѣтней войны, которую онъ совершилъ въ чинѣ полковника въ рядахъ французскаго войска, обошелся со мною какъ съ роднымъ сыномъ; онъ искренно полюбилъ меня, и я обязанъ ему любовью къ военнымъ наукамъ, которыя онъ самъ преподавалъ мнѣ.

Онъ зналъ въ превосходствѣ всѣ подробности военнаго дѣла и тре-

бывалъ, чтобы къ его урокамъ относились съ большимъ вниманіемъ и вполне сознательно.

Главная квартира генерала Нумзена находилась въ Митавѣ (1797 г.). Онъ вызвалъ по одному эскадрону изъ каждаго полка, который онъ былъ посланъ инспектировать, самъ обучалъ офицеровъ, училъ ихъ строевой службѣ, верховой ѣздѣ, училъ ихъ даже подковывать лошадей, ковать желѣзо и т. п.

По новой организаціи его полкъ получилъ названіе кирасировъ Нумзена.

Я прожилъ въ Митавѣ нѣсколько мѣсяцевъ какъ нельзя болѣе пріятно. Утро посвящалось службѣ, ученью, верховой ѣздѣ, а вечера я проводилъ въ прелестномъ избранномъ обществѣ.

Я имѣлъ случай сдѣлать много пріятныхъ знакомствъ на балахъ, которые часто давались въ казино и у мѣстныхъ землевладѣльцевъ.

Я съѣздилъ въ Ревель, но, не заставъ отца, не остановился въ этомъ городѣ и поѣхалъ повидаться съ нимъ на границу Лифляндіи, гдѣ онъ ожидалъ (1797 г.) уже нѣсколько дней пріѣзда короля польскаго. Онъ былъ назначенъ привѣтствовать его и сопровождать въ путешествіи. Императоръ Павелъ, поступая во всемъ противно тому, какъ поступала императрица Екатерина, велѣлъ отдавать ему королевскія почести.

V.

Переводъ полка въ Валкъ.—Генералъ Нумзенъ.—Характеристика общества.—Полученіе эскадрона.—Переимѣна обмундированія и строеваго устава.—Выступленіе въ 1799 г. въ походъ противъ французовъ.—Затрудненія въ обмундированіи.—Освобожденіе завязшаго экипажа Суворова.—Кончина матери.—Увольненіе Нумзена отъ командованія корпусомъ и назначеніе Корсакова.—Генералъ Воиновъ.

Стародубскіе карабинеры, пришедшіе въ Митаву (1797 г.), пробывъ въ пути нѣсколько мѣсяцевъ, были наскоро переформированы въ кирасировъ Нумзена; затѣмъ этотъ полкъ выступилъ изъ Митавы въ Валкъ, небольшой городокъ Лифляндіи, который, казалось, на первый взглядъ, не могъ представить намъ тѣхъ удобствъ, коими мы пользовались въ Митавѣ; но, пробывъ тамъ нѣкоторое время, мы перезнакомились съ окрестными помѣщиками, и я проводилъ время весьма пріятно.

Генералъ Нумзенъ вмѣнилъ мнѣ въ обязанность ежедневно обѣдать у него. Онъ любилъ хорошо поѣсть и въ особенности любилъ хорошее вино. У него бывалъ каждую пятницу большой обѣдъ; за столъ садились

въ 2 часа, а изъ-за стола рѣдко вставали ранѣе полуночи. Приходилось пить до полного изнеможенія.

Однажды, когда въ числѣ приглашенныхъ было нѣсколько сосѣднихъ помѣщиковъ, шампанское, выпитое въ большомъ количествѣ, дотого разгорячило всѣмъ головы, что генераль поссорился съ барономъ Унгернъ-Стернбергомъ, мѣстнымъ землевладѣльцемъ, человѣкомъ весьма благовоспитаннымъ. Всѣ встали изъ-за стола, генераль приказалъ принести пистолеты. Я счелъ долгомъ не допустить дѣло до дуэли и всталъ между противниками, но генераль схватилъ меня своей геркулесовской рукою и хотя онъ былъ на костыляхъ, страдая отъ полученныхъ имъ серьезныхъ ранъ, но онъ такъ сильно прижалъ меня къ своему толстому животу, что едва не задушилъ. Однако въ это время его гнѣвъ немного улегся; къ тому же, употребивъ усиліе, генераль нѣсколько ослабѣлъ; остальные гости схватили барона; поссорившихся успокоили, и они помирились.

Въ тотъ же вечеръ графъ Панинъ, отправлявшійся посланникомъ въ Берлинъ, заѣхалъ повидаться съ генераломъ, который принялъ его лежа въ постелѣ, и хотя онъ былъ выпивши, но онъ бесѣдовалъ съ нимъ далеко за полночь со свойственнымъ ему умомъ и находчивостью. Графъ Панинъ, полагая, что генераль боленъ, не подозрѣвалъ, что онъ бесѣдовалъ съ человѣкомъ, выпившимъ дюжину бутылокъ шампанскаго. Подобныя оргіи повторялись каждую пятницу. Въ остальные дни этотъ, достойный уваженія, старикъ жилъ весьма умѣренно, пилъ одну воду, слегка подкрашенную виномъ, и работалъ въ своемъ кабинетѣ часовъ 5—6 подъ рядъ.

Два раза въ недѣлю у него собирались офицеры, и онъ объяснялъ имъ военныя дѣйствія союзныхъ войскъ, посланныхъ противъ французскихъ санкюлотовъ. Я никогда не забуду, какъ, держа въ рукахъ газеты, онъ предсказалъ отступленіе Моро, указывая намъ заранѣе на картѣ тѣ пункты, куда долженъ былъ двинуться Моро, чтобы выйти съ честью изъ затруднительнаго положенія, въ которое онъ былъ поставленъ поражениемъ, понесеннымъ по винѣ эрцгерцога Карла при Журданѣ.

Лѣто и зима прошли довольно однообразно, но не безъ пріятности.

Корпусъ офицеровъ основалъ клубъ; жители принимали участіе въ его собраніяхъ, и зимою въ клубѣ часто танцевали; охота, которую я страстно любилъ, также доставляла мнѣ немало наслажденій.

Въ то время не было въ модѣ порицать правительство и критиковать постоянно всѣ его дѣйствія; общество предоставляло вѣдать дѣла тѣмъ, которые понимали ихъ лучше насъ; мы наблюдали не разсуждая о томъ, какъ и почему дѣлается то-то и то-то, и дѣла шли отъ этого не хуже.

Играя каждый вечеръ въ бостонъ съ полковникомъ Шираемъ, пле-

мянникомъ князя Бездородко, я къ сожалѣнію очень скоро пристрастился къ игрѣ. Мнѣ, какъ говорится, везло, и я много выигрывалъ, что не особенно хорошо для молодыхъ людей, которые со свойственной имъ самонадѣянностью воображаютъ, что счастье должно всегда благоприятствовать имъ, и при первой неудачѣ впадаютъ въ отчаяніе, и въ концѣ концовъ обыкновенно совершенно разоряются.

Я получилъ разрѣшеніе провести Рождественскіе праздники (1798 г.) у моихъ родныхъ. Они всѣ съѣхались въ замокъ, къ моей сестрѣ, графинѣ Стенбокъ.

Я встрѣтилъ у нея ту молодую даму, о которой я говорилъ выше. Мы сблизились и обманывали другъ друга на счетъ нашихъ истинныхъ чувствъ. Съ кокетками остается только платить имъ тою же монетою, но нельзя не порицать тѣхъ мужчинъ, которые имѣютъ несчастную привычку бѣгать за всѣми женщинами, не столько для удовлетворенія притупшаго имъ желанія нравиться, какъ изъ тщеславнаго желанія увеличить число своихъ побѣдъ. Это смѣшное тщеславіе въ модѣ, но его слѣдовало бы строго преслѣдовать.

Въ это время освободилась вакансія эскадроннаго командира; генералъ Нумзенъ далъ мнѣ эскадронъ; назначеніе мое было утверждено императоромъ, и эскадронъ сталъ называться моимъ именемъ. Трудно представить себѣ, какъ много очаровательнаго въ мысли, что нѣсколько сотъ молодцевъ носятъ ваше имя и болѣе или менѣе гордятся этимъ, смотря потому, насколько они цѣнятъ своего командира и насколько они ему преданы. Я квартировалъ въ Руценѣ (Rouzen), въ 50 верстахъ отъ Риги.

Мой эскадронъ былъ въ довольно плохомъ состояніи, такъ какъ мой предшественникъ болѣе заботился о томъ, чтобы наполнить свой кошелекъ, нежели о томъ, чтобы имѣть попеченіе о лошадяхъ; мнѣ стоило не мало труда привести его въ хорошее состояніе.

Императоръ Павелъ измѣнилъ обмундированіе войскъ, желая сдѣлать изъ него вмѣсто національнаго войска плохую копію прусской арміи временъ Фридриха II. Обмундированіе солдатъ по новому образцу доставило намъ безконечно много труда и хлопотъ.

Солдаты и въ особенности офицеры вскорѣ были измучены различными переменами въ формѣ, выправкѣ и дисциплинѣ. Вынужденные то и дѣло усвоивать новыя правила и вскорѣ забывать ихъ, офицеры нехотя исполняли получаемыя приказанія, которыя, какъ они были исполнѣны, будутъ такъ-же скоро отмѣнены, какъ и предъидущія. Смотря по строгости, небрежности или суетливому усердію начальства, каждый гарнизонъ, каждый полкъ имѣлъ особую выправку.

Лучшіе офицеры оставили службу; я также собирался просить объ увольненіи меня въ отставку, какъ вдругъ былъ получено (1798) прика-

заніе выступить въ походъ противъ Франціи. Это былъ счастливѣйшій моментъ моей жизни!

Намъ приказано было выступить въ 24 часа въ Брестъ-Литовскъ, назначенный сборнымъ пунктомъ войскъ, коими командовалъ князь Сергѣй Голицынъ и который долженъ былъ войти въ составъ арміи фельдмаршала Суворова, избраннаго союзными державами главнокомандующимъ австро-русскихъ войскъ.

Приказаніе выступить въ 24 часа не допускало колебаній, но, отдавая его, забыли, что было слишкомъ мало времени, чтобы превратить русское войско въ прусскую армію. У насъ не было ни мундировъ, ни обуви, однако мы выступили.

Я выѣхалъ 1-го января 1799 г.; по пути, когда мы останавливались на ночлегъ, и на всѣхъ дневкахъ портные и сапожники усердно принимались за работу; благодаря неусыпнымъ трудамъ и заботамъ, мнѣ удалось наконецъ обмундировать эскадронъ. Не успѣли сдѣлать только ботфортовъ; между тѣмъ намъ предстояло пройти въ полной парадной формѣ черезъ Ригу, и всѣмъ намъ было извѣстно, что слово «невозможно» не существуетъ въ словарѣ императора. Тогда я придумалъ, чтобы каждый кирасиръ надѣлъ только по одному высокому сапогу, такъ что когда они шли по обыкновенію, по два въ рядъ, то ноги, находившіяся снаружи, были обуты въ высокіе сапоги, а ноги, находившіяся внутри, были обуты въ полусапожкахъ. Никто не заподозрѣлъ этой хитрости, къ которой прибѣгнулъ весь полкъ; императоръ, получивъ отъ генераль-губернатора донесеніе объ образцовой выправкѣ нашего корпуса, осыпалъ насъ похвалами; намъ было совѣстно, что онѣ были такъ мало нами заслужены, но при послѣдственности, съ какою все дѣлалось въ то время, комиссаріатъ не могъ доставить намъ во-время весь нужный матеріалъ.

Надобно еще сказать, что зима 1799 г. была чрезвычайно суровая.

Холодъ былъ ужасный, однако педантизмъ доходилъ до того, что отъ офицеровъ и солдатъ требовали, чтобы они были всегда причесаны и напудрены, въ лосиныхъ брюкахъ и съ открытыми ушами. Офицеры должны были подавать примѣръ. По тѣмъ страданіямъ, какія приходилось переносить, этотъ походъ былъ настоящимъ мученіемъ.

Флигель-адъютанты дѣлали постоянные развѣзды по большимъ дорогамъ, и горе тому, кто оказывался въ чемъ-либо виновенъ: генералы и офицеры неумолимо исключались изъ службы.

Главнокомандующій князь Голицынъ нагналъ насъ по пути; онъ призвелъ намъ смотръ и велѣлъ идти какъ можно послѣднѣе въ Брестъ, гдѣ должна была сосредоточиться вся армія, и откуда нашъ армейскій корпусъ долженъ былъ идти на соединеніе съ арміей фельдмаршала Суворова, который шелъ на Вѣну и въ Италію.

Но въ царствованіе императора Павла, слѣдующій день никогда не походилъ на предъидущій; князь Голицынъ не успѣлъ дойти до Бреста, какъ былъ уволенъ отъ командованія корпусомъ, его смѣнили достойный генералъ Нумзень, который шелъ все время со своимъ полкомъ. Онъ насъ оставилъ и устроилъ свою главную квартиру въ Брестѣ.

Фельдмаршалъ Суворовъ обогналъ насъ. Его экипажъ увязъ въ снѣгу; я подоспѣлъ со своимъ эскадрономъ и высвободилъ его. Въ то время какъ мои кирасиры работали, Суворовъ кричалъ не переставая изъ своей кареты: «ура, ура, молодцы, рымникскіе карабинеры». Онъ не забылъ, что полкъ Стародубскихъ карабинеровъ рѣшилъ своей молодецкой атакой участь сраженія при Рымникѣ,—сраженія, столь достопамятнаго, что это названіе было прибавлено къ имени Суворова.

Мы прибыли въ мартѣ мѣсяцѣ къ мѣсту своего назначенія. Полковникъ графъ Игельстромъ принялъ командованіе полкомъ. Насъ разставили по квартирамъ по берегу Буга.

Разливъ рѣкъ едва не былъ для насъ пагубнымъ; онѣ вышли изъ береговъ такъ неожиданно и быстро, что мы едва успѣли спасти лошадей и сбрую. Я былъ по плечи въ водѣ и схватилъ лихорадку; генералъ Нумзень, узнавъ, что я лежу безъ всякой помощи и ухода, въ плохой крестьянской хижинѣ, разрѣшилъ мнѣ пріѣхать въ главную квартиру.

Я уже начиналъ поправляться, когда получилъ горестное извѣстіе о кончинѣ моей дорогой матери, которую я нѣжно любилъ. Ни одна женщина не была столь оплакиваема своими дѣтьми и друзьями; весь городъ облекся въ трауръ, и всѣ, даже простой народъ, шли за ея гробомъ.

Эта горестная вѣсть такъ повліяла на мое здоровье, что я былъ на краю могилы, у меня сдѣлалась горячка, и я проболѣлъ шесть недѣль.

Въ это время мимо нашей главной квартиры проѣзжалъ король Людовикъ XVIII, направлявшійся въ Митаву.

Генералъ Нумзень пригласилъ ко мнѣ главнаго врача короля. Этотъ достойный человѣкъ прописалъ мнѣ лѣкарство, предписалъ извѣстную діету и возстановилъ мои силы.

Однако я поправлялся весьма медленно: вернувшись къ жизни, я почувствовалъ себя одинокимъ на свѣтѣ. Мнѣ необходимо было развлечься, я хотѣлъ забыться на нѣкоторое время въ шумной жизни главной квартиры. Мое сердце, не иссушенное еще страстью, искало предмета, къ которому оно могло бы привязаться. Напрасная надежда! Я вскорѣ подмѣтилъ, что я давалъ болѣе, нежели получалъ; отъ меня никто не требовалъ глубокаго и возвышеннаго чувства; я чувствовалъ вокругъ себя ужасную пустоту, старался измелчать свои чувства, чтобы подойти подъ общій уровень моихъ веселыхъ и беззаботныхъ товарищей. Всѣ называли меня мечтателемъ; я устыдился той роли, какою

игралъ, и рѣшилъ заняться исключительно службою, но такъ какъ одинокая и монотонная жизнь сдѣлалась мнѣ наконецъ нестерпима, то я мало-по-малу снова втянулся въ общество.

Я былъ утомленъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же впечатлѣній, однихъ и тѣхъ же сценъ, однихъ и тѣхъ же мыслей.

Я задавалъ себѣ вопросъ: чего жаждало мое сердце? Послѣ смерти моей матери у меня не было болѣе желаній.

Тогда передъ моими умственными взорами промелькнуло честолюбіе; я ухватился за эту мысль съ тою страстностью, съ какою я принимался за осуществленіе всѣхъ моихъ плановъ. Я искалъ въ безпредѣльномъ пространствѣ это невѣдомое благо, мысль о которомъ преслѣдовала меня.

Между тѣмъ настало время выступить; генераль совершенно неожиданно для него былъ уволенъ, и на его мѣсто назначенъ генераль Корсаковъ.

Полкъ Нумзена былъ вѣренъ генералу Воинову.

Положеніе генерала Нумзена было въ высшей степени тягостное. Еще наканунѣ онъ былъ на высшей степени власти и благосостоянія и лишился внезапно всего, что нужно для человѣка, привыкшаго къ достатку и къ широкой дѣятельности!

Большинство лицъ, льстившихъ ему наканунѣ, покинули его; я позналъ чрезъ это людей и научился презирать ихъ.

Къ счастью, нашлись люди, которые примирили меня съ человѣческимъ родомъ. Къ числу этихъ людей принадлежалъ генераль Воиновъ, который держалъ себя вполне чистосердечно и въ высшей степени деликатно.

Что касается меня, то я выразилъ доброму генералу Нумзену мою признательность и расположеніе, и предложилъ эскадроннымъ командирамъ отказаться отъ всѣхъ претензій, какія мы могли предъявить генералу и вручить ему подписанныя нами квитанціи. Мои товарищи согласились на мое предложеніе, одни—охотно, другіе—нехотя. Мнѣ удалось такимъ образомъ избавить этого превосходнаго старика отъ необходимости уплатить около 10 тысячъ рублей, чѣмъ онъ былъ тронутъ до слезъ.

Генераль Нумзень, датчанинъ по происхожденію, былъ потомкомъ извѣстнаго и вліятельнаго рода. Въ молодыхъ лѣтахъ, онъ поступилъ на службу Франціи, участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, служа подъ начальствомъ маршала де-Брогли. Какъ человѣка усерднаго, весьма дѣятельнаго, трудолюбиваго и обладавшаго прекрасными свойствами характера, его отличали по службѣ.

Императрица предложила ему перейти на русскую службу, въ чинѣ генераль-лейтенанта; онъ изъявилъ свое согласіе, съ отличіемъ коман-

доваль армейскимъ корпусомъ въ Финляндіи, во время войны со шведами, и былъ награжденъ орденами: Александромъ Невскимъ и Георгіемъ 3-й ст.

Императрица, всегда щедро награждавшая его, не могла, однако, обогатить Нумзена; его расходы всегда превышали его средства, такъ что онъ находился постоянно въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и ему приходилось извертываться; не будучи интересаномъ, онъ казался таковымъ, и, когда у него не было денегъ, онъ старался добыть ихъ, не особенно стѣсняясь въ этомъ случаѣ способами. Онъ часто не выдавалъ намъ денегъ, потребныхъ на покупку фуража, и мы были нерѣдко жертвами его расточительности.

Генераль Нумзенъ былъ настоящій колоссъ, при этомъ чрезвычайно толстъ; онъ ходилъ на костыляхъ. Однажды я поставилъ его латы въ видѣ лодки и сѣлъ въ нихъ. Онъ вошелъ въ этотъ моментъ и много смѣялся моею выдумею, ибо онъ любилъ шутки и никогда на нихъ не сердился.

Генераль съ трудомъ садился на лошадь, но, усѣвшись верхомъ на своей прекрасной англійской кобылѣ, которая одна только и могла везти этого Голиафа, онъ былъ превосходный наѣздникъ и вообще прекрасный кавалерійскій офицеръ, и могъ заткнуть за поясъ самаго сильнаго и ловкаго наѣздника.

Я никакъ не могъ отдѣлаться отъ лихорадки; мнѣ пришлось ѣхать за полкомъ въ экипажѣ, но такъ какъ лихорадка все усиливалась, то мои друзья, и въ особенности полковникъ графъ Ламбертъ, уговорили меня остановиться въ Краковѣ.

Я попалъ на прекраснаго врача, который радикально излѣчилъ меня. Доказавъ свои знанія, онъ пожелалъ еще облагодѣтельствовать меня, и, когда я, совершенно оправившись, хотѣлъ отблагодарить его 50 дукатами, то онъ наотрѣзъ отказался взять ихъ и вдобавокъ предложилъ мнѣ въ распоряженіе свой кошелекъ.

Такъ какъ я въ деньгахъ совершенно не нуждался, то я настоялъ на томъ, чтобы онъ взялъ эти 50 дукатовъ.

VI.

Движеніе черезъ Силезію и Моравію.—Празднества въ Прагѣ.—Французскіе эмигранты.—Графиня Донгольская.—Прибытіе въ Регенсбургъ.—Дальнѣйшее движеніе.—Полевоиннъ баронъ Виммеръ.—Вступленіе въ Аугсбургъ.

Когда я совершенно поправился, я взялъ почтовыхъ лошадей и догналъ мой полкъ въ Ольмюцѣ (1799 г.). Во время моего отсутствія

моимъ эскадрономъ командовалъ графъ Моденъ, сдѣлавшій все возможное, чтобы содержать его въ должномъ порядкѣ.

Пройдя большую часть Силезіи и Моравіи, мы вступили въ Богемію. Въ Коллинѣ я осматрѣлъ знаменитое поле сраженія, гдѣ Фридрихъ Великій былъ разбитъ маршаломъ Дауномъ.

Я остановился близъ Праги, на землѣ графа Филиппа Кинскаго, бывшаго фаворита Іосифа II, который участвовалъ въ путешествіи въ Херсонъ съ императрицей Екатериной.

Графъ Кинскій принялъ меня весьма любезно и пригласилъ на соколиную охоту; я провелъ у него двое сутокъ, и онъ далъ мнѣ свой экипажъ, чтобы догнать полкъ у воротъ Праги.

Мы прошли чрезъ Прагу въ полной парадной формѣ. Въ этомъ городѣ была главная квартира генерала Корсакова.

Князь Ауерсбергъ далъ большой обѣдъ, на который были приглашены русскіе генералы и нѣкоторые офицеры. Я былъ въ числѣ приглашенныхъ. На этомъ обѣдѣ, за которымъ царствовала обычная въ Австріи пышность и этикетъ, присутствовали всѣ мѣстные сановники; было также много хорошенкихъ женщинъ, которыя любопытствовали взглянуть вблизи на сѣверныхъ варваровъ.

Послѣ обѣда, я отправился осматривать достопримѣчательности города и обратилъ особенное вниманіе на мѣсто, на которомъ погибъ славной смертью маршалъ графъ Шверинъ, павшій со знаменемъ въ рукахъ.

Вечеромъ, я былъ приглашенъ къ графу де-Монбуазье, знатному французскому эмигранту.

Всѣ знатные французы, проживавшіе въ то время (1799 г.) въ Прагѣ, собрались въ салонъ г-жи де-Монбуазье. Три дочери этой дамы, очаровательныя дѣвицы, придавали еще болѣе прелести этому избранному обществу. Гости пѣли, играли, бесѣдовали. Я восхищался любезностью французовъ. Мнѣ никогда еще не приходилось слышать такой пріятной и остроумной бесѣды, я не имѣлъ о ней понятія. Мнѣ приходилось слышать, какъ люди разсуждаютъ о разныхъ предметахъ, но въ обществѣ этихъ французскихъ эмигрантовъ мнѣ впервые довелось слышать увлекательную бесѣду людей, которые умѣли касаться предмета, не углубляясь въ него, вносили веселость въ серьезный разговоръ, умѣли принаравливаться къ тому, кто ихъ слушалъ, умѣли придать интересъ самому сухому предмету, обсуждали его со всѣхъ сторонъ дѣлая видъ, что они касаются его слегка, умѣли вполне естественно переходить отъ одного тона къ другому.

Вторая дочь г-жи де-Монбуазье, Полина, была дѣвушка очаровательная; въ правильныхъ чертахъ ея лица было что-то пикантное; въ ея наружности и умѣ были всѣ данныя для того, чтобы нравиться.

Я едва серьезно не влюбился въ эту очаровательную женщину.

Въ этомъ обществѣ я былъ единственный русскій, меня очень обласкали, всѣ удивились тому, что я былъ не такимъ медвѣженкомъ, какъ думали сначала. О моихъ соотечественникахъ имѣли въ то время самое нелѣпое мнѣніе. Трудно себѣ представить, какіе мнѣ дѣлали нелѣпыя вопросы: одна дама спросила меня совершенно серьезно:

— Правда ли, что ваши солдаты ѣдятъ маленькихъ дѣтей?

— Не только маленькихъ,—отвѣчалъ я,—но и большихъ, если они такіе хорошенькія, какъ вы, mesdames.

Этотъ отвѣтъ очень понравился.

Меня просили позвать моего слугу, чтобы посмотрѣть, какой имѣютъ видъ простые русскіе люди; мой Алексѣй, не отличавшійся красотой Антиноя, терпѣливо позволилъ осмотрѣть себя со всѣхъ сторонъ.

Если бы къ намъ пріѣхалъ готтентотъ, его разсматривала бы не съ бѣлымъ любопытствомъ, какъ всѣ оглядывали моего денщика-татарина. Надобно сознаться, что со своими калмыцкими глазами онъ походилъ дѣйствительно на людюда.

На слѣдующій день, я былъ снова приглашенъ къ графу де-Монбуазье; послѣ великолѣпнаго обѣда, мы совершили прогулку на водѣ и остановились на прелестномъ островѣ, чтобы закусить. Вечеръ мы провели въ театрѣ; день закончился блестящимъ баломъ у князя Сольмскаго, пражскаго архіепископа. Къ нему стѣхались всѣ знатныя лица города. Женщины, не стѣняясь, окружили меня и удостоили меня чести сказать, что я очень любезенъ и хорошо воспитанъ; словомъ, мною интересовались какъ новинкою; ко мнѣ относились какъ къ игрушкѣ; я былъ обязанъ успѣху моей молодости, скромности и неиспорченности и умѣнью говорить по-французски и по-нѣмецки. Это могло бы вскружить мнѣ голову, если бы мы не уѣхали два дня спустя.

Мы остановились (1799 г.) на границѣ Богеміи и Баваріи, чтобы дать нашей пѣхотѣ время подойти; я нашелъ прекрасное помѣщеніе въ замкѣ графа Донгальскаго (Donhalsky).

Онъ былъ женатъ на княжнѣ Яблоновской; въ его домѣ все было на англійскій ладъ, и онъ самъ былъ англоманъ съ головы до ногъ.

Графиня, женщина лѣтъ 30—35, еще довольно красивая, отнеслась ко мнѣ весьма дружелюбно. Она часто бесѣдовала со мною о соблазнахъ, какіе могутъ встрѣтиться молодому человѣку въ свѣтѣ, старалась укрѣпить мои принципы и указать мнѣ средства избѣжать соблазновъ.

— Женщины, — говорила она, — будутъ играть въ вашей жизни большую роль, слѣдовательно, вамъ нужно какъ можно ранѣе выработать себѣ извѣстныя идеи и принципы, коими порядочный человѣкъ долженъ руководствоваться въ своихъ сношеніяхъ съ ними.

Она не совѣтовала мнѣ никогда ухаживать за дѣвушкой, если я не имѣлъ намѣренія жениться на ней, и предоставить моимъ родителямъ избрать мнѣ жену, такъ какъ, любя меня, они не принесутъ моего счастья въ жертву матеріальнымъ выгодамъ и честолюбію, ибо, заключая бракъ на всю жизнь, благоразуміе требуетъ прежде всего, чтобы мы справились, какъ взглянуть на него лица, заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ.

— Хотя наша жизнь коротка, — говорила она, — но всеблагій Создатель ниспосылаетъ много радостей тому, кто умѣетъ найти ихъ и пользоваться ими, когда онѣ выпадаютъ на его долю.

Она убѣждала меня избѣгать интимныхъ связей съ замужними женщинами и никогда не вносить разладъ въ семью.

Я былъ тронутъ ея совѣтами, но такъ мало былъ расположенъ слѣдовать имъ, что въ то время, какъ она проповѣдывала мнѣ съ такою добротою всѣ эти истины, я только и думалъ о томъ, какъ бы ей понравиться, если бы она допустила это.

Къ счастью, намъ пришлось скоро выступить изъ этой мѣстности. Снова началась моя скитальческая жизнь; воспоминаніе объ осторожной графинѣ изгладилось изъ моей памяти въ тотъ моментъ, какъ я потерялъ изъ вида ея замокъ, всѣ мои мысли были заняты моими кирасирами и лошадьми.

Мы перевалили черезъ Богемскія горы и, проѣхавъ не останавливаясь по чуднымъ равнинамъ Баваріи, прибыли въ Регенсбургъ.

Нашъ полкъ сталъ лагеремъ на прелестномъ островкѣ, образуемомъ Дунаемъ въ центрѣ города.

Княгиня Туръ-и-Таксисъ сдѣлала намъ честь пригласить насъ на обѣдъ. Она была такъ же привѣтлива и хороша собою, какъ ея сестра, королева прусская.

Старикъ князь de-la-Тоугъ посѣтилъ нашъ лагерь; я былъ дежурнымъ и объяснилъ ему все, что онъ пожелалъ знать. Онъ любезно пригласилъ меня посѣтить его на слѣдующій день въ его загородномъ замкѣ близъ Регенсбурга.

Изъ Регенсбурга мы направились въ Аугсбургъ, прекрасный торговый городъ Швабіи. Я осмотрѣлъ его достопримѣчательности, прекрасную городскую ратушу и запасный водоемъ.

Графъ Фуггеръ представилъ меня нѣсколькимъ весьма милымъ дамамъ, съ которыми я ѣздилъ завтракать въ общественный садъ, въ разстояніи четверти версты отъ города, гдѣ можно получить только редисъ, отличное свѣжее масло и пиво.

Я встрѣтилъ тамъ австрійскаго полковника барона Виммера, главнаго поставщика провіанта и фуража (*entrepreneur général des vivres et fourrages*) австро-русской арміи. Это былъ человѣкъ замѣчательный

по своему уму, храбрости и предприимчивости. У него было огромное состояніе, онъ владѣлъ обширными помѣстьями; правительство было должно ему болѣе 20 милліоновъ. Его магазины были разсыяны по всей Германіи.

Наши комиссаріатскіе и провіантскіе чиновники, какъ напр. Трофимовскій, Свѣчинъ и многіе другіе, нажили благодаря ему сотни тысячъ флориновъ; наживая самъ, онъ давалъ и другимъ возможность обогатиться.

У меня было нѣсколько молодыхъ лошадей, которыхъ мнѣ хотѣлось продать; онъ купилъ ихъ за высокую цѣну заглазно, единственно изъ желанія сдѣлать мнѣ одолженіе.

Я помѣстился въ Аугсбургъ вмѣстѣ съ графомъ Ламбертомъ въ гостиницѣ «Бѣлаго барана». Такъ какъ въ городѣ было нѣсколько игорныхъ домовъ, то мнѣ захотѣлось попытать счастье. Одинъ французскій эмигрантъ, по фамиліи Дюжи, относившійся ко мнѣ весьма пріязненно, совѣтовалъ мнѣ воздержаться отъ игры, увѣряя, что мнѣ никогда не удастся выиграть; но я былъ настолько самоуувѣренъ, что не придалъ этимъ словамъ никакого значенія. Тогда онъ открылъ мнѣ, что онъ самъ былъ членомъ игорнаго дома; несчастное положеніе эмигранта заставляло его чѣмъ-нибудь зарабатывать хлѣбъ; онъ ручается мнѣ, что игрокамъ приходится бороться не съ однимъ только счастьемъ. Этотъ поступокъ былъ такъ честенъ, что я охотно простилъ ему его двусмысленное положеніе, поблагодарилъ его и послѣдовалъ его совѣту. Я встрѣтился съ нимъ впоследствии въ арміи принца Конде.

Мы имѣли съ графомъ Ламбертомъ въ Аугсбургѣ столкновеніе съ однимъ баварскимъ офицеромъ, котораго мы спустили съ лѣстницы; онъ вызвалъ насъ на дуэль, но самъ не явился въ назначенный часъ. Вскорѣ послѣ этой исторіи мы уѣхали изъ Аугсбурга и догнали нашъ полкъ въ Стокахъ (Stokach), гдѣ эрцгерцогъ Карлъ только передъ тѣмъ одержалъ побѣду.

VII.

Нейпирхъ.—Лауфенскій водопадъ.—Неудачныя дѣйствія генералъ Корсакова противъ Массены.—Движеніе къ нему на помощь.—Затруднительное положеніе генерала Воинова подъ Винтертуромъ.—Отступленіе къ Эглизау и потомъ къ Шафгаузену.—Стычка близъ Шлатта и Дрейенгофена.—Отступленіе къ Рейтлингену.

Послѣ столь длиннаго перехода надобно было дать отдохнуть лошадямъ; войско было разставлено по квартирамъ. Я помѣстился въ Ней-

кирхѣ (Neukirch), неподалеку отъ прелестнаго Констанцкаго озера и по близости отъ Линдау.

Я часто ѣздилъ въ этотъ городъ,—Венецію Констанцкаго озера, и катался по озеру въ обществѣ очаровательныхъ женщинъ, безъ коихъ я уже почти не могъ проводить время.

Двѣ недѣли пролетѣли, какъ сонъ; наконецъ, было получено приказаніе идти далѣе. Сколько было вздоховъ съ той и съ другой стороны.

Армія направилась къ Шафгаузену; пройдя чрезъ этотъ городъ, мы стали лагеремъ на правомъ берегу Рейна, возлѣ прекраснаго и величественнаго Лауфенскаго водопада.

Я никогда не видѣлъ болѣе живописной картины.

Сидя на обломкѣ скалы, я удивлялся тому, какую грусть навѣваетъ шумъ, производимый паденіемъ воды. Люди любятъ источники потому, что между ними и быстротечною нашею жизнью существуетъ тайное сходство.

Шумъ водопада привлекалъ и въ то же время отталкивалъ меня, онъ возбуждалъ и разрушалъ мои надежды. Пока мы стояли возлѣ этого водопада, я ходилъ любоваться имъ каждый вечеръ. Мы были накануне кровавыхъ событій; размышленіе объ этомъ заставило меня обратиться къ Богу; я просилъ его защитить меня и пощадить мою молодую жизнь.

Въ одну изъ повѣздокъ въ Шафгаузенъ, я пилъ превосходный рейнвейнъ на самомъ берегу рѣки Рейна; мы были съ товарищами въ самомъ веселомъ настроеніи, какъ вдругъ мы услышали какой-то гулъ, напоминавшій раскаты отдаленнаго грома. Это была пушечная пальба, происходившая въ окрестностяхъ Цюриха. Мы поспѣшно вскочили на лошадей.

Нашъ полкъ получилъ приказаніе перейти Рейнъ у Эглизау (Eglisau) и присоединиться къ 4.000 баварцамъ, чтобы подкрѣпить корпусъ Корсакова, котораго атаковалъ генералъ Массена.

Генералъ Воиновъ собралъ эскадронныхъ командировъ, далъ намъ инструкціи для предстоящаго ночнаго марша, и мы весело двинулись въ путь. На слѣдующій день пушечная пальба возобновилась съ большою силою. Массена разбилъ Корсакова на всѣхъ пунктахъ; намъ было приказано идти рысью, чтобы поддержать и прикрыть отступленіе.

Генералъ Корсаковъ попался намъ на встрѣчу со всѣмъ своимъ штабомъ. Самонадѣянный видъ, который онъ имѣлъ до этого пораженія, исчезъ; генералъ былъ блѣденъ и разстроенъ. Его сопровождали гусары Лекоргина [le général Lekorgine(?)]; этотъ великолѣпный полкъ подвергался въ теченіе нѣсколькихъ часовъ убійственному огню и жестоко пострадалъ; у командира храбраго генерала Лекоргина оторвало ядромъ ногу.

Мы продолжали идти вперед; артиллерія и военный обозъ послѣдно отступали, тогда какъ мы горѣли желаніемъ сразиться съ непріателемъ.

Наконецъ, мы увидѣли его, но такъ какъ уже стемнѣло, то мы оставились, успѣвъ однако захватить нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ; мы ограничились тѣмъ, что наблюдали за дорогами, которыя шли въ разныхъ направленіяхъ, и сдерживали движеніе непріателя.

Мы развели костры и разнуздали половину лошадей въ каждомъ эскадронѣ. Это былъ нашъ первый бивуакъ.

Я не легъ спать; ожиданіе слѣдующаго дня поглощало меня всецѣло.

Какъ передать всѣ мысли, тѣснившіяся въ моей головѣ, когда я сидѣлъ возлѣ костра, окруженный моими молодцами кирасирами.

Я наслаждался, но чѣмъ именно, я не могъ бы точно сказать. Душа вѣчно жаждетъ новаго; едва достигнувъ желаемаго, она уже предъявляетъ новыя требованія. Весь міръ не можетъ ее удовлетворить. Ее можетъ удовлетворить лишь безконечное; тѣмъ не менѣе я былъ счастливъ, я предвкушалъ съ наслажденіемъ завтрашнюю битву съ врагомъ чело-вѣческаго рода; чувство гордости заставляло усиленно биться мое сердце при мысли, что быть можетъ на завтра мнѣ суждено отличиться! Какъ безумецъ человѣкъ, придавая столь большое значеніе такимъ браннымъ вещамъ. Но мои радужныя мысли омрачались время отъ времени тягостнымъ чувствомъ, когда разсудокъ напоминалъ мнѣ, что я могу ежеминутно быть убитымъ. Звукъ трубы вывелъ меня изъ этого страннаго и тягостнаго настроенія, я мигомъ овладѣлъ собою и сталъ въ главѣ моихъ дорогихъ кирасиръ.

Войско построилось въ боевой порядокъ; мы двинулись къ непріателю, который перешелъ тотчасъ въ отступленіе, привѣтствовавъ насъ однако нѣсколькими пушечными выстрѣлами.

Генералъ Корсаковъ, узнавъ, что нѣсколько пѣхотныхъ полковъ и одинъ артиллерійскій паркъ были отрѣзаны отъ его арміи и послѣдно отступили къ Винтертуру, приказалъ генералу Воинову отыскать ихъ и далъ ему въ подкрѣпленіе полкъ донскихъ казаковъ Астахова и полкъ уральскихъ казаковъ Бородина. Эти остатки корпуса Корсакова направились къ Дрейенгофену, чтобы перейти въ этомъ мѣстѣ Рейнъ. Пылкій генералъ Воиновъ хотѣлъ облегчить ихъ послѣднее отступленіе, произведя на непріателя энергичную атаку. Онъ шелъ вдоль линіи французскихъ войскъ, въ надеждѣ соединиться съ нашими, но, достигнувъ Винтертура, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ.

Непріатель, не подозрѣвавшій о нашемъ приближеніи, былъ удивленъ не менѣе насъ. Такъ какъ онъ не атаковалъ насъ, то мы взяли на себя инициативу и повели атаку столь энергично, что захватили даже нѣсколько плѣнныхъ, но, несмотря на блестящее началѣ, мы были вынуждены нѣсколько минутъ спустя переправиться черезъ рѣку Туръ (la

Thur) вплавь, чтобы избѣжать столкновѣнія съ болѣе превосходными силами. Единственнымъ нашимъ спасеніемъ было выйти на дорогу, ведущую къ Эглизау по проселочнымъ дорогамъ, которыя были почти непроходимы.

Мы пронеслись рысью по деревнѣ, которая была переполнена французскими войсками. Они смотрѣли на насъ изъ оконъ: не знаю, чему приписать—изумленію или страху, обуявшему непріятеля, но онъ сталъ стрѣлять только по 5-му эскадрону. Я командовалъ четвертымъ; у меня была ранена всего одна лошадь, да двѣ лошади утонули.

Большая дорога была уже занята французами; поэтому намъ не оставалось никакой надежды присоединиться къ главнымъ силамъ арміи, находившимся въ Эглизау. Генералъ Воиновъ рѣшился кинуться въ лѣсъ, гдѣ не было иной дороги кромѣ узкой лѣсной тропы. Ему пришлось вскорѣ раскатыться въ этомъ движеніи, ибо лишь только половина его полка проникла въ лѣсъ, какъ люди, шедшіе въ головѣ колонны, очутились на краю пропасти, которую невозможно было перейти, и были вынуждены остановиться. Не было достаточно мѣста, чтобы повернуть лошадей одну за другой. Насъ нагоняла французская пѣхота; положеніе становилось все болѣе и болѣе критическимъ. Хладнокровіе генерала Воинова и храбрость солдатъ спасли насъ.

5-й и 4-й эскадроны тотчасъ построились въ боевой порядокъ и стали угрожать непріятелю, между тѣмъ какъ остальные три эскадрона вышли изъ лѣса. Это движеніе было поддержано казаками; наконецъ, блестящая атака, произведенная 5-мъ эскадрономъ подъ командою графа Ламберта и 4-мъ эскадрономъ подъ моею командою, дала намъ окончательно возможность выйти изъ бѣдственнаго положенія, въ которомъ мы очутились.

Продолжая сражаться, мы достигли до моста Эглизау въ тотъ моментъ, когда генералъ Корсаковъ отдалъ приказаніе взорвать его. Если бы мы пришли четвертью часа позже, то намъ не осталось бы иного выбора, какъ сдаться въ плѣнъ или утонуть въ Рейнѣ.

Доблестный генералъ Воиновъ уже объявили намъ, что если мостъ въ Эглизау будетъ взорванъ, то онъ бросится вплавь; это значило идти на вѣрную смерть, такъ какъ вслѣдствіе близости водопада теченіе рѣки въ этомъ мѣстѣ столь быстро, что не было примѣра, чтобы черезъ нее могла переплыть даже свинья, хотя изъ всѣхъ животныхъ она считается самымъ лучшимъ пловцомъ.

Мостъ былъ взорванъ, лишь только мы успѣли перейти черезъ него, и мы расположились лагеремъ въ виноградникахъ, покрывающихъ правый берегъ Рейна. Въ двухъ шагахъ оттуда находился складъ овса. Мнѣ было поручено принять фуражъ для нашего и для двухъ

казачьихъ полковъ, и я воспользовался этимъ, чтобы дать моему эскадрону двойной раціонъ.

Когда люди и лошади подерѣпились, намъ было приказано отступить къ Шафгаузену и стать лагеремъ за тетъ-де-пономъ, сооруженнымъ австрійцами по близости отъ монастыря du Paradis.

Вскорѣ остатки арміи Корсакова сосредоточились на правомъ берегу Рейна; генеральъ Воиновъ принялъ командованіе передовыми постами нашего лѣваго фланга. Онъ перешелъ обратно Рейнь у Дрейенгофена и занялъ позицію на лѣвомъ берегу передъ этимъ городомъ. Я былъ усиленъ егерями Титова и полкомъ казаковъ. Ни одного дня не проходило безъ стычки между нашими солдатами и французами.

Непріятель исчезъ въ тотъ моментъ, когда мы менѣ всего этого ожидали, и кн. Алексѣй Горчаковъ послалъ меня съ моимъ эскадрономъ и сотнею казаковъ отыскать его.

Я былъ впервые предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ и вынужденъ дѣйствовать по своему собственному вдохновенію.

Признаюсь, задача оказалась не столь легкою, какъ я воображалъ; когда приходится дѣйствовать по своему собственному усмотрѣнію, а не руководствоваться волею другаго, то видишь вещи совершенно иначе и иначе судишь о нихъ.

Я прошелъ три версты, не встрѣтивъ непріятеля, наконецъ примѣтилъ его у переправы черезъ р. Туръ. Парижскіе гусары, красные, какъ кровь, шли мнѣ на встрѣчу. Мои молодцы кирасиры не посрамили своего юнаго командира, горѣвшаго желаніемъ совершить какой-нибудь славный подвигъ. Гусары были опрокинуты рымнякскими храбрецами, и мнѣ посчастливилось взять въ плѣнъ французскаго полковника, за что я получилъ похвалу отъ князя Горчакова и здоровый ударъ саблею по головѣ.

Я былъ счастливъ; мнѣ удалось отыскать непріятеля, скрывавшагося отъ насъ съ цѣлью, чтобы атаковать Суворова, и я опредѣлилъ его силы и движеніе, не натворивъ никакихъ глупостей; я возвратился поздно ночью въ лагерь, гдѣ всѣ поздравляли меня.

Весь день шелъ сильный дождь, я промокъ до костей; нашъ обозъ находился въ трехъ переходахъ отъ нашего лагеря, я не могъ смѣнить бѣлья и платья, поэтому былъ вынужденъ раздѣться догола, чтобы высушить одежду у костра, и прикрылся пока солдатскою шинелью.

Когда человекъ молодъ, онъ все можетъ перенести. Былъ ноябрь мѣсяцъ, ночи были чрезвычайно холодныя, между тѣмъ я не схватилъ даже насморка! Я выпилъ порядное количество пунша, улегся, хорошо укрывшись на сѣно, и всталъ по утру здоровъ и невредимъ.

Полученная мною рана не мѣшала мнѣ нести службу; когда мой

эскадронъ стоялъ въ караулѣ на аванъ-постахъ, то я старался охранять монастырь св. Екатерины, находившійся во вѣренномъ мѣ районѣ.

Я послалъ аббатиссѣ стражу для ея охраны, а она, въ благодарность за мое вниманіе, присылала мнѣ ежедневно на бивуакъ обильный обѣдъ, превосходный кофе, ликеры и всевозможныя лакомства.

Я былъ весьма огорченъ тѣмъ, что во время жаркой стычки, которую мы имѣли съ неприятелемъ и вслѣдствіе которой мы были вынуждены оставить лѣвый берегъ Рейна, монастырь св. Екатерины былъ занятъ санюлотами.

Это сраженіе происходило близъ Шлатта и Дрейенгофена. Произведя атаку на неприятеля, мнѣ удалось овладѣть батареей, состоявшей изъ 4-хъ орудій. При этомъ у меня было убито нѣсколько солдатъ; генералъ Воиновъ немного побранилъ меня за то, что я дѣйствовалъ не достаточно осмотрительно, но все же нашелъ возможнымъ наградить меня, производствомъ въ майоры. Въ царствованіе императора Павла, не давали георгіевскаго креста, который я бы могъ получить за это дѣло.

Это кровопролитное сраженіе, въ которомъ счастье вначалѣ благоприятствовало русскимъ, окончилось побѣдою неприятеля.

Мостъ, находившійся на Рейнѣ у Дрейенгофена, былъ сожженъ, и наша армія, оставивъ окончательно лѣвый берегъ рѣки, расположилась близъ Шафгаузена.

Отличительною чертою характера генерала Корсакова было держать себя надменно и самонадѣянно до сраженія и быть малодушнымъ по окончаніи его. Войсками, сражавшимися противъ насъ, командовали генералы Лоржъ (Lorge) и Удино. Я разговаривалъ съ послѣднимъ у предмостнаго укрѣпленія Дрейенгофена въ то время, когда онъ уже былъ подоженъ. Мы находились отъ него всего въ нѣсколькихъ саженьяхъ.

Булингенскій тетъ-де-понъ былъ еще въ нашихъ рукахъ; генералъ Менаръ (Menard), дважды атакующій его, былъ отброшенъ нашими храбрыми гренадерами Екатеринославскаго полка, которые потеряли своего командира, генерала Сакена, въ Цюрихѣ, гдѣ онъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ.

Массена отступилъ къ Trullikon'у, и русская армія заняла снова Шафгаузенъ.

Лоржъ и Удино атаквали съ успѣхомъ Дрейенгофенъ. Генералы Соне (Sonet) и Газанъ (Gazan) атаквали Штейна и корпусъ принца Конде въ Констанцѣ. Мортъе находился въ резервѣ.

Корсаковъ, боявшійся упрековъ со стороны Суворова, двинулся съ 10 батальонами и 22 эскадронами противъ неприятеля, сдѣ-

лавъ это вѣроятно болѣе для очистки совѣсти, нежели въ надеждѣ на успѣхъ.

Всѣ дѣйствія этого генерала отличались необдуманностью. Пѣхота прошла мостъ и лѣсъ, не ожидая кавалеріи, и была отброшена прежде, нежели послѣдняя могла поддержать ее.

Однако, наша пѣхота вступила вслѣдъ затѣмъ стремительно въ бой, и ей удалось даже отбросить непріятеля до Андельфингена, но, когда Массена сталъ лично во главѣ своего резерва—состоящаго изъ гренадеръ, то русская пѣхота была вынуждена отступить.

Мы оставили Буллингенскій тетъ-де-понъ; это было ошибкою съ нашей стороны, такъ какъ это лишило насъ возможности перейти снова въ наступленіе, отъ чего не было никакой причины отказываться.

Полагали, что генераль Корсаковъ отступилъ по настоянію эрцгерцога Карла, который не сомнѣвался въ храбрости русскихъ и въ томъ, что они въ состояніи защитить свою позицію, но не былъ увѣренъ въ желаніи нашего генерала удержаться на этой позиціи. Зная несогласіе, существовавшее ранѣе между этими двумя начальствующими лицами, можно считать это объясненіе весьма вѣроятнымъ.

Какъ только мы оставили лѣвый берегъ Рейна, всѣ непріятельскія дѣйствія прекратились. Австрійскій генераль Нанендорфъ прибылъ изъ Мангейма, смѣнилъ наши посты, и мы ушли ночью, предавъ огню нашъ бивуакъ къ великому негодованію австрійцевъ, которые видѣли въ этомъ остатокъ варварства.

Погода была отвратительная, проливной дождь промочилъ насъ до костей, и такъ какъ ночью подморозило, то наша одежда покрылась кристаллами снѣга, и мы походили на обсахаренный миндаль.

Мы прибыли наконецъ въ окрестности Штокаха (Stockach), но всѣ деревни были переполнены солдатами, и намъ пришлось снова стать бивуакомъ.

Я былъ совершенно измученъ. Для того чтобы согрѣться, я зашелъ въ хижину одного крестьянина, у котораго были виноградники. Послѣ многихъ просьбъ съ моей стороны старушка-крестьянка открыла мнѣ двери. Ея мужъ уже спалъ; я раздѣлся, заставилъ его встать съ постели и легъ на нагрѣтое мѣсто; меня прикрыли всевозможнымъ тряпьемъ. Хозяйка напоила меня плохимъ кофе съ цикоріемъ, и я крѣпко уснулъ.

Я никогда не спалъ такъ хорошо и не ощущалъ такого физическаго благосостоянія. Проснувшись на слѣдующій день совершенно бодрымъ и здоровымъ, я ужаснулся при видѣ того отвратительнаго ложа, которое послѣ перенесенныхъ мною наканунѣ страданій казалось мнѣ восхитительнымъ: оно было грязно.

Я поспѣшно соскочилъ съ постели, наскоро одѣлся и, щедро отблаготворивъ,

даривъ этихъ добрыхъ людей, отправился къ моимъ кирасирамъ, которые разложили большіе костры, зарѣзали нѣсколько коровъ и съумѣли обогрѣться и добыть себѣ пищу.

Между тѣмъ дошедшее до насъ извѣстіе объ отступленіи Суворова и о переходѣ имъ С.-Готарда серьезно встревожило насъ. Было необходимо обезпечить сношеніе съ этимъ героемъ; это было возложено на меня; мнѣ дали двѣ сотни казаковъ, съ которыми я отправился на поиски Суворова.

Я прошелъ по берегу прекраснаго Констанцкаго озера, миновалъ Линдау и Брегенцъ и, вступивъ въ Граубинденскій кантонъ, встрѣтилъ передовыхъ казаковъ Суворова.

Извѣстія, которыя мнѣ приходилось сообщить этому великому чело-вѣку, только-что преодолевшему передъ тѣмъ величайшія препятствія, были далеко не утѣшительны, но онъ не упалъ духомъ; онъ только и думалъ о томъ, какъ бы скорѣе соединиться съ Корсаковымъ, слить его армію со своею и заставить его забыть неудачи, испытанныя въ Цюрихѣ.

Я догналъ свой эскадронъ въ Швабіи, въ Кенигсекскомъ замкѣ. Намъ подали прекрасный обѣдъ; тутъ впервые съ начала кампаніи я провелъ ночь въ чистой и удобной постелѣ.

Нѣсколько дней спустя я остановился въ Бухаускомъ капитулѣ ¹⁾ (Chapitre de Buchau) на озерѣ Федеръ (Federsee). Настоятельницаю этого монастыря была графиня Стадіонъ; всѣ канониссы принадлежали къ знатнѣйшимъ фамиліямъ имперіи.

Меня приняли весьма радушно. Это аббатство походило на маленькій дворъ, тутъ было все: и камергеры, и маршалы.

Капцлеръ этого капитула былъ чело-вѣкъ умный, но пропитанный доктринами современной философіи, коихъ онъ не только былъ ревностнымъ послѣдователемъ, но которыя старательно проповѣдывалъ. Я цѣнилъ его знанія и искалъ случая бесѣдовать съ нимъ; онъ взялся просвѣтить меня. Мы читали вмѣстѣ съ нимъ сдѣланныя имъ выписки изъ Гельвеція, Вольтера, д'Аламберта, Бюффона, Ж. Ж. Руссо, барона Гольбаха и Гримма.

Онъ объяснялъ мнѣ различныя теоріи мірозданія, дѣлая изъ нихъ выводы, противорѣчившіе моимъ религіознымъ взглядамъ; я слушалъ его со вниманіемъ, но мои вѣрованія не были имъ поколеблены.

Совершивъ въ теченіе нѣсколькихъ дней переходъ по весьма плодородной мѣстности, я расположился съ войскомъ на квартирахъ въ окрестностяхъ Рейтлингена, недалеко отъ истоковъ Дуная.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Капитулъ у католиковъ мѣсто, гдѣ происходятъ собранія монастырскаго духовенства, также духовныхъ орденовъ.

Два рескрипта о Н. И. Новиковѣ.

Рескриптъ Екатерины II—генералу Лопухину.

23-го января 1786 г.

Господинъ генераль-маіоръ и Московскій губернаторъ Лопухинъ. Содержателя типографіи въ Москвѣ Николая Новикова прикажите призвать въ губернское правленіе изъяснить ему, что учрежденіе типографіи обыкновенно предполагается для изданія книгъ обществу прямо полезныхъ и нужныхъ, а отнюдь не для того, дабы пособствовать изданію сочиненій, наполненныхъ новымъ расколомъ для обмана и уловленія невѣждъ; изъ его же Новикова типографіи вышло немалое количество книгъ сему подобныхъ и потому допросить его о причинахъ, побудившихъ его къ изданію тѣхъ сочиненій и въ какомъ намѣреніи то дѣлано было и что онъ объявить, намъ донесите. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Тоже отъ 11-го февраля 1786 г.

Господинъ генераль-маіоръ и Московскій губернаторъ Лопухинъ. По разсмотрѣніи донесенія вашего отъ 30-го января и приложеннаго къ тому допроса содержателя московской типографіи Николая Новикова повелѣваемъ: книги, изданныя въ той типографіи, кои еще неоконченны свидѣтельствомъ порученнымъ отъ насъ указомъ отъ 23-го декабря 1785 г. преосвященному архіепископу московскому, запечатать отъ управы Благочинія въ помянутой типографіи и книжной лавкѣ и продажу ихъ запретить, доколѣ по совершеніи того осмотра послѣдуетъ дальнѣйшее наше повелѣніе.

Внутреннія причины паденія Польши.

(Переводъ съ польской рукописи) ¹⁾.

важнѣйшимъ сословіемъ въ Польшѣ было сословіе шляхетское. Званіе шляхетства получалось преимущественно за отличіе на полѣ брани. Разъ признанное, шляхетство переходило на потомство.

Шляхта вела борьбу съ врагами страны, она составляла дворъ короля и вмѣстѣ съ королемъ правила страню. Пока вообще брали верхъ въ шляхтѣ добродѣтели: храбрость, вѣра и любовь къ ближнему, до тѣхъ поръ она была дѣйствительной поддержкой и помощію въ правленіи Пястовъ; когда же отъ вѣры

---

¹⁾ Авторъ предлагаемой вниманію читателей статьи, безпристрастный изслѣдователь историческихъ судьбъ своего отечества, не могъ напечатать своего труда на польскомъ языкѣ, и отдавая свою рукопись въ наше распоряженіе, пожелалъ остаться неизвѣстнымъ. Мы печатаемъ это безпристрастное и правдивое историческое изслѣдованіе внутреннихъ причинъ паденія Польши въ дословномъ и реводѣ съ польскаго на русскій языкъ.

Источниками служили слѣдующія сочиненія: 1) Исторія Польши, Шуйскаго. 2) Четырехлѣтній сеймъ, кс. Калинки. 3) Записки стараго шляхтича, Ржевускаго. 4) Замѣтки, до настоящаго времени не повзвися въ печати и составляющія собственность шляхетской семьи, прадѣдъ которой былъ камергеръ короля Станислава-Августа. 5) Записки Кятовича. 6) О престолонаслѣдіи въ Польшѣ, Северина Ржевускаго. 7) Размышленія надъ грамотой, данной за подписью господина Ржевускаго, Потоцкаго. 8) О междунарствіяхъ въ Польшѣ и объ избраніи королей, Эмы Езерскаго. (Въ сочиненіи онъ названъ Фравцемъ). 9) Патріотическія письма Выбицкаго. 10) Замѣчанія къ сочиненію, которое вышло въ Варшавѣ съ именемъ Северина Ржевускаго о престолонаслѣдіи въ Польшѣ, Гюгона Коллонтая. 11) *Considérations par Rousseau*. 12) Историческая хронологія Польскаго Королевства, Си-

осталась только форма, храбрость перешла въ кастовую гордыню, а любовь къ ближнему ограничилась исключительно родственными интересами, наступилъ разладъ съ королемъ, пренебреженіе къ интересамъ государства и забота только о собственномъ величіи, основанномъ не на разумѣ и честности, а на импонированіи величіемъ гордости и состоянія, приобретеннаго какими бы то ни было средствами. Справедливо можно сказать, что современный американскій принципъ «человѣкъ стоитъ столько, сколько у него денегъ», издавна былъ извѣстенъ въ Польшѣ. А когда, вмѣсто честности въ характерѣ, народилось достославное «liberum veto» и извѣстныя «вольныя шляхетскія права», выработался деспотизмъ шляхты, всякій въ своемъ помѣстьѣ хотѣлъ быть и, хоть не de jure, то de facto, почти былъ королемъ. Не удивительно, что воспитанные на такихъ началахъ потомки, занявъ высшія должности, всегда подозрѣвали короля, какъ врага «вольныхъ шляхетскихъ правъ», стремящагося къ неограниченной власти. Этимъ и вызвано раздвоеніе въ государствѣ. А такъ какъ въ машинѣ всякая неладница ведетъ къ распаденію, то и польское королевство должно было распадаться и распадалось.

Китовичъ въ своихъ запискахъ, изданныхъ въ Познани въ 1840 г., говоритъ: «въ Польшѣ два народа: одинъ—мелкопомѣстная шляхта, мѣщане и крестьяне, другой—властные паны и состоятельная шляхта». Мелкой шляхтой называли бѣдное шляхетское сословіе. Эти люди владѣли отдѣльными деревнями съ фольварками, или отдѣльными поселками, состоявшими изъ нѣсколькихъ дворовъ, или же кромѣ «шляхетскаго сокровища» (герба) не имѣли ничего; бывало также, что болѣе десятка расплодившихся шляхтичей владѣли одной деревней, пожалованной имъ предку которымъ-либо изъ польскихъ королей. Вслѣдствіе незначитель-

меона Конопцакаго. 13) Полякъ въ szui (?), подшитой правдой. Варшава 1791 г.

Примѣчанія переводчика:

1) Во всей польской рукописи внушаетъ сомнѣніе только одно слово, вѣроятно арханческое: въ 13-мъ пунктѣ источниковъ, которыми руководствовался авторъ въ своемъ сочиненіи, брошюра 1791 года носитъ заглавіе: „Polak w szui, prawda podszytej“. Что означаетъ подчеркнутое слово—трудно угадать по смыслу, хотя это слово встрѣчается разъ и въ сочиненіи. Если тутъ говорится о какой-нибудь одеждѣ, то, быть можетъ, это слово имѣетъ одинъ корень съ русскимъ „чуйка“.

2) Фамилія польскаго генерала иностранца Соссеіа написана нами латинскими буквами, такъ какъ она непохожа ни на французскую, ни на нѣмецкую, и мы опасались ошибиться, передавая ее въ русскомъ начертаніи.

3) на страницѣ 309-й перевода, авторъ называетъ нѣсколько отнятыхъ у Польши воеводствъ „Западной Пруссіи“ (Prussy Zachodnie); нужно думать, что это описка.

N. N.

ности ихъ имѣній, они были названы «шляхтой загоновой» или «шарачками», отъ льняной сѣрой (szarej) одежды домашняго издѣлія, которую они носили.

Мелкая шляхта, не будучи въ состояніи содержать своихъ дѣтей или не желая дробить и безъ того скудное достояніе, обыкновенно высылала своихъ сыновей, научивъ ихъ съ грѣхомъ пополамъ читать и писать, а по большей части и совсѣмъ не научивъ,—въ усадьбы богатыхъ пановъ, чтобы тамъ они наживались и обезпечивали себѣ хлѣбъ. Въ большинствѣ случаевъ такая служба вначалѣ была бесплатною. Вновь прибывшій исполнялъ обязанности комнатнаго служителя, или теперешняго лакея: чистилъ пану одежду, оружіе, прислуживалъ за столомъ, входилъ въ составъ воинской дружины пана и т. п. За юношескія шалости и прихоти его сѣкли, разложивъ на коврѣ, такъ какъ бить шляхтича на голой землѣ считалось оскорбленіемъ. Его содержаніе составляли подарки, получаемые отъ пана или болѣе состоятельныхъ товарищей, въ видѣ кунтуша, пояса, нѣсколькихъ червонцевъ, сабли, пистолета, булавки, коня и т. п. За малѣйшую дерзость въ отношеніи пана его прогоняли, били или бросали въ казематъ. Проявлять свое «я» передъ властнымъ паномъ не дозволялось бѣдному, состоящему на службѣ шляхтичу. Если такой «шляхтенокъ» служилъ своему пану вѣрно и покорно, онъ со временемъ могъ попасть въ смо трителя тюрьмы конюшни и конскаго завода и даже въ начальники панской дружины,, въ эконома на фольваркѣ или въ деревнѣ, или въ уполномоченные пана по хозяйственнымъ дѣламъ. Довольно часто случалось, что неимущій шляхтичъ, поступивъ совершеннымъ бѣднякомъ на службу къ магнату, приобрѣталъ расположеніе пана и получалъ въ пожизненное владѣніе или въ собственность одну или нѣсколько деревень съ угодьями и изъ бѣдняка обращался въ корень состоятельнаго рода. При тогдашнихъ понятіяхъ, служба у магнатовъ не была оскорбительной для шляхтича, напротивъ, бѣдный шляхтичъ считалъ высокой честью для себя, если могъ помѣститъ своего сына въ усадьбѣ властнаго пана.

Въ виду того, что большая часть шляхты была бѣдна и нуждалась въ поддержкѣ со стороны богатыхъ, состоятельные паны легко овладѣли неимущими; послѣдніе стали «покорными слугами» своихъ властелиновъ. Благодаря этому въ неимущей шляхтѣ выработались такіе взгляды, какихъ требовала аристократія; выработалось и преобладаніе аристократіи въ сеймикахъ и сеймахъ,—преобладаніе тѣхъ aspiraцій, которыя она считала выгодными для себя. Другими словами, бѣдная шляхта, имѣя такое же, какъ и вельможи, право на «позволяю» или «не позволяю», помимо воли стала широкою для орудованія вельможъ.

Другимъ народомъ въ Польшѣ были властные паны-аристократы.

Эти люди составляли дворъ короля, занимали высшія должности, привлекая изъ нихъ большія выгоды. Свое начало одни изъ нихъ вели изъ баснословной и темной древности, другіе же, люди новые, отъ королевскихъ пожалованій и щедротъ, за которыя они рѣдко отплачивали своему монарху «доброю за добро». Великіе роды пошли преимущественно отъ епископовъ. Епископы были надѣлены большими помѣстьями, и доказательствомъ этому служить то, что въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ двѣ трети всего пространства края были собственностью костела. Экономный епископъ накоплялъ огромныя сокровища и завѣщала ихъ потомкамъ; болѣе вліятельный испрашивалъ у иностранныхъ монарховъ для своихъ родственниковъ дипломы на званіе князей, графовъ и маркизовъ, а эти титулы совсѣмъ не были извѣстны въ польскомъ законодательствѣ, такъ какъ оно признавало принципъ шляхетскаго равенства: общимъ принципомъ было то, что «всякій польскій шляхтичъ рождается отъ короны», т. е. путь къ престолу открытъ передъ нимъ. Такое убѣжденіе породило фальшивое понятіе о собственномъ величіи и безграничную гордость. Если прибавить къ этому вліяніе наименующую шляхту, которая естественно нуждалась въ покровительствѣ и помощи вельможъ, добившись ихъ, становилась «покорными слугами» своихъ благодѣтелей, если прибавить великія богатства въ золотѣ, драгоценныхъ вещахъ, серебрѣ и земельныхъ пространствахъ, бывшія во владѣніи вельможъ (были роды, собственность которыхъ составляла половину воеводства, напр., помѣстье Станислава-Феликса Потоцкаго),—то легко понять, каково было вліяніе вельможъ на судьбы страны. Аристократія очень полезна для страны, такъ какъ, имѣя болѣе легкій доступъ къ королю, она является посредницей между народомъ и трономъ. И счастлива та страна, въ которой аристократія понимаетъ и вполне добросовѣстно относится къ своимъ аристократическимъ обязанностямъ. Однако для укорененія этихъ обязанностей необходима нравственная и физическая сила трона. Въ виду того, что въ Польшѣ тронъ замѣщался по выбору, и въ король избирали того, кто сулилъ наиболѣе вольныхъ правъ шляхтѣ и скрѣплялъ свое обѣщаніе присягою,—у властныхъ пановъ должно было выработаться преувеличенное понятіе о собственномъ «я». Здѣсь брали свое начало теченія, дѣйствовавшія въ пользу или во вредъ краю. Аристократъ, будучи убѣжденъ, что онъ повліялъ на избраніе того или иного короля, считалъ себя благодѣтелемъ его и не признавалъ надъ собою никакой сдерживающей власти трона. Подобно тому, какъ всякое принужденіе онъ считалъ невыносимымъ деспотизмомъ, такъ и всякое, состоявшееся безъ его участія постановленіе о судьбахъ страны признавалъ нарушеніемъ его правъ и злодѣйствомъ. Крупнымъ нравственнымъ недостаткомъ пановъ-

вельможъ было отсутствіе умственнаго образованія ⁴⁾. Установилось убѣжденіе, что шляхтичъ созданъ для сабли, а не для пера. При отсутствіи образованія, стремленіе къ высшимъ должностямъ должно имѣть прискорбныя послѣдствія. Исторія свидѣтельствуетъ, что никогда панъ-вельможа не былъ ни повѣтовымъ кравчимъ, ни земскимъ судьей и вообще не занималъ ни одной изъ второстепенныхъ должностей, такъ какъ для него онѣ были слишкомъ мелки. Онѣ охотно соглашались служить странѣ, но только на высокой должности, къ которой чувствовалъ себя подготовленнымъ съ дѣтства. Въ виду прирожденныхъ ему способностей, онѣ не признавалъ надъ собою закона, такъ какъ предосудительно было и подумать, что кто-нибудь изъ подобныхъ шляхтичей могъ провиниться передъ закономъ. Величайшія безправія и преступленія, учиняемыя надъ людьми, поставленными ниже, нисколько не отягчали ихъ совѣсти. Наша исторія приводитъ милліоны подобныхъ примѣровъ.

Несмотря на это, они наиболѣе болтали о шляхетскомъ «братскомъ равенствѣ», хотя въ сущности не признавали его, если не считать періодовъ, предшествовавшихъ сеймикамъ или «элекціи»,—при бочкѣ вина или меда. Въ то время на массы неимущей шляхты, жаждущей и ищущей протекціи властнаго пана, магнатъ-аристократъ имѣлъ несравненно больше вліянія, чѣмъ правительство. Собрать на сеймикахъ такія массы, въ которыхъ каждый имѣлъ право «veto», магнаты старались ревностно. Тогда, дѣйствительно, бывало шляхетское братское равенство. Панъ-вельможа окончательно спивался со шляхтенкомъ и на свой счетъ кормилъ эту, весьма многочисленную, армію. Въ результатѣ эта бѣдная и невѣжественная шляхта, очарованная любезностью магната, видѣла только въ немъ и въ его помощи спасеніе страны и не разъ безсознательно голосовала во вредъ ей. «Должно быть такъ, какъ панъ-гетманъ хочетъ, какъ панъ-воевода велить!»—такова была вся ея политическая премудрость. И ужъ вѣрно служили эти люди тому, съ чьего блюда ѣли. (Калинка. «Четырехлѣтній сеймъ», т. I, стр. 136). Поэтому не удивительно, что всѣ важнѣйшія постановленія сейма, основанныя на lauda'хъ въ сеймикахъ, всегда бывали такими, какихъ хотѣла аристократія.

Не слѣдуетъ осуждать всю массу польскаго магнатства, такъ какъ въ ней были люди, отличавшіеся твердостью духа, мужествомъ и разумомъ. Были такіе, которые дивили весь міръ своими подвигами, были

⁴⁾ Только какъ исключенія, воспитывались нѣкоторые за границей, ибо въ странѣ не было высшихъ учебныхъ заведеній. Одни изъ нихъ извлекали пользу изъ пребыванія за границей и возвращались на родину проникнутые прекрасными и возвышенными принципами, другіе привозили изъ-за границы необузданную деморализацію, и послѣднихъ было болѣе.

такіе, которые для спасенія отчизны отдавали огромныя земельныя пространства и послѣдній грошъ своего достоянія. Но это были только исключенія. Большинство же, спеленутое въ грязныя свивальники своей гордыни, только того желало и только то дѣлало, что ему повелѣвала эта гордыня, независимо отъ пользы или вреда для края. Поэтому не разъ выдывали пана-вельможу, который, безъ всякаго полномочія со стороны своего правительства, посѣщалъ иностранныя дворы и тамъ готовъ былъ вступать въ соглашенія, рѣшающія участь государства, словно бы именно онъ воссѣдалъ на престолѣ, или судьбы страны находились исключительно въ его рукахъ и зависѣли отъ его воли. Словомъ, каждому изъ такихъ пановъ казалось, что онъ одинъ, какъ мифологическій Атласъ, держитъ на своихъ плечахъ всю страну, и что только онъ, подобно Юпитеру, однимъ мановеніемъ своей всеильной десницы можетъ спасти или предать уничтоженію эту страну. Тяжело, и, однако, нужно признать это.

Извѣстно, какъ могущественна была Польша, какія тяжкія превратности она переживала и какъ благополучно выходила изъ нихъ. А вѣдь послѣднее случалось всегда благодаря геройству единицы, которая своимъ огнемъ воспламеняла общество. Отсюда и росла слава и могущество; однако могущество это и слава не имѣли никакой связи съ внутреннимъ государственнымъ строемъ. Господь Богъ надѣлилъ насъ великимъ качествомъ—геройствомъ, но не даровалъ намъ другаго качества: политическаго благоразумія и повиновенія своимъ властямъ; самъ же народъ потерялъ въ себѣ совѣсть. А народъ, въ которомъ не царствуетъ совѣсть, послушаніе и возможность награждать или наказывать, иначе сказать—сильное правительство, не можетъ существовать самостоятельно. Ни одно государство не имѣло, не имѣетъ и не будетъ имѣть такой свободы единицъ, какую имѣла Польша. Польскій шляхтичъ чувствовалъ себя полнымъ самодержцемъ въ своемъ помѣстьи, неограниченно правилъ своими подданными, и никто—ни король, ни сеймъ—не имѣли права вмѣшиваться въ дѣла его правленія. И еслибъ когда-либо король или сеймъ дерзнулъ вмѣшаться въ отношенія шляхтича къ его подданнымъ, въ этомъ усмотрѣли бы большое злоупотребленіе и несправедливость вопіющую, посягающую на естественныя права польскаго шляхтича. Правительство и короля этотъ шляхтичъ уважалъ, но не боялся ихъ, такъ какъ король, ограниченный правами олигарховъ, не могъ причинить ему никакого зла, а правительство составлялъ онъ самъ, имѣя право на рѣшающій голосъ, и все, что ему не нравилось, онъ могъ отвергнуть. Правда, существовали законы, но что толку изъ того, если никто ихъ не выполняетъ! Пока правительство было сильнѣе—и законъ принимался въ уваженіе, и страна укрѣплялась и расширялась, а когда правительство ослабло—и

закономъ стали пренебрегать, край приходилъ въ упадокъ. Хотя было введено много узаконеній ¹⁾, усугубленныхъ страхомъ наказанія, но никто не слѣдовалъ имъ, такъ какъ король, первый стражъ закона, былъ безсиленъ. Ограничусь нѣсколькими примѣрами изъ Калинки («Четырехлѣтній сеймъ»). Казнохранителя считали главной причиной бѣдности страны. Всякіе контракты заключались казнохранителями по ихъ собственному усмотрѣнію, хоть бы во вредъ странѣ, безъ вмѣшательства со стороны короля и правительства. Они завѣдывали казною безъ всякаго контроля и хотя обязаны были представлять отчеты сейму, но при помощи своей партіи изъ бѣдѣйшей шляхты легко могли расторгнуть сеймъ въ силу принципа «liberum veto». Значить, они дѣлали, что имъ было угодно. Король же, хоть бы и зналъ о величайшихъ злоупотребленіяхъ, не имѣлъ никакого права наказывать виновныхъ и даже требовать возвращенія взятаго. Вслѣдствіе этого частные шляхетскіе роды гордились, если никто изъ ихъ членовъ не бывалъ казнохранителемъ, такъ какъ это избавляло ихъ отъ упрека, что состояніе ихъ возросло въ ущербъ казнѣ.

Въ завѣдываніи канцлеровъ находились города и королевскія помѣстья. Они оказывали вліяніе на замѣщеніе должностей, они судили дѣла шляхты съ мѣщанами, они имѣли право отказать въ приложеніи канцелярской печати къ грамотѣ о королевской милости. Словомъ, они имѣли большое значеніе, оказывали большое вліяніе,—но въ свою пользу. То же самое было и на другихъ должностяхъ. Каждый изъ сановниковъ былъ очень вліятеленъ, но всегда дѣйствовалъ не во благо краю, а «pro domo sua». Что же сказать о власти гетмана, который имѣлъ право давать офицерскіе чины и размѣщать войска, гдѣ ему заблаговра судится. Если гетманъ хотѣлъ овладѣть сеймикомъ, онъ вводилъ туда войска, и сеймикъ постановлялъ, что приказывалъ панъ-гетманъ. Что же сказать о другихъ злоупотребленіяхъ! Было, напримѣръ, время при Августѣ III, когда народная армія на границѣ Украины представляла собою скопище контрабандистовъ, которое приносило гетманамъ около милліона дохода,—разумѣется, въ ущербъ казнѣ. Король, хоть бы штавшій наилучшія намѣренія, не могъ пресѣчь зло, такъ какъ не имѣлъ власти для этого, а за отсутствіемъ верховной власти не было никакого коллективнаго взгляда въ дѣлахъ общественной службы и никакого

¹⁾ До XVII вѣка всѣ законы заключались въ двухъ томахъ, но такъ какъ ихъ исполняли—страна была сильна; съ XVII же вѣка—съ 1611 до 1784 г.—т. е. въ теченіе полутора столѣтія, на тридцати сеймахъ было утверждено столько законовъ, что понадобилось цѣлыхъ шесть объемистыхъ томовъ, чтобы включить ихъ, и однако эти законы не спасли страны, вслѣдствіе всеобщей развращенности гражданъ.

единства во благо краю. Все откладывалось до сейма, а когда онъ наступалъ, легко было отмѣнить его.

Бросимъ бѣглый и безпристрастный взглядъ на польскія судебныя установленія.

Чувство независимости и произвола, которое овладѣло всей аристократіей и шляхтой, должно было передаться и судебному вѣдомству. Судъ — это расправа во имя справедливости за нарушение закона. Судебное вѣдомство не можетъ быть отдѣлено отъ верховнаго правительства, т. е. отъ короля. Въ противномъ случаѣ упадаетъ и авторитетъ судовъ и авторитетъ короля. Когда знаменитый государственный канцлеръ Янъ Замойскій, во времена короля Стефана Баторія, вида переутомленіе короля при разборѣ судебныхъ дѣлъ, учредилъ особый трибуналь юстиціи, — произволь шляхты немедленно же овладѣлъ этимъ храмомъ правосудія. Ни король Августъ III, ни его преемники, несмотря на свои ревностныя старанія, уже не могли возстановить прежнія королевскія права относительно судебного вѣдомства. А это лишеніе короля права на надзоръ должно было вызвать пренебрежительное отношеніе судей къ ихъ обязанностямъ. Хотя общество роптало на бездѣйствіе судовъ, но не было силы и средствъ, чтобы принудить ихъ къ труду. Еще хуже, чѣмъ праздность, были въ судахъ пристрастіе и безсовѣстность; старосты, имѣвшіе «*ius gladii*», пользовались этимъ страшнымъ правомъ въ собственныхъ интересахъ, а не для общественнаго спокойствія, судьи же заправляли имѣніями мелкой шляхты не по закону, а по собственной волѣ. Если же такой судья еще пользовался могущественной протекціей магната, онъ могъ равнодушно относиться къ осуждающему его общественному голосу и нимало не опасаться юридической отвѣтственности. Поэтому польскіе суды ксендзъ Калинка называетъ «школой беззаконія и разгула». А еще до него Стапицъ сказалъ, что «трибуналы не знаменовали правосудія, а только свидѣтельствовали, кто въ данномъ году былъ сильнѣе». И епископъ Красицкій въ «Панѣ Додосинскомъ» приводитъ слишкомъ много примѣровъ судейскаго безправія. Ржевускій въ «Запискахъ стараго шляхтича» (стр. 63) передаетъ, что въ Люблинскомъ трибуналѣ былъ образъ Иисуса Христа съ отвороченнымъ назадъ ликомъ. Причиной этого, какъ гласитъ преданіе, былъ слѣдующій фактъ. Нѣкая вдова шляхтянка терпѣла гоненіе отъ какого-то магната. Дѣло поступило въ трибуналь, и хотя правда была на сторонѣ шляхтянки, магнатъ выигралъ его. Приведенная въ отчаяніе шляхтянка будто бы сказала: «если бы меня судили черти, приговоръ былъ бы справедливѣе». По окончаніи суда, когда судьи и свѣтскіе и духовные разошлись, а остались только низшіе чиновники, подѣхало нѣсколько каретъ, изъ нихъ высадились черти и

перейдя въ залу засѣданій, въ присутствіи находившихся тамъ чиновниковъ, начали разбирать дѣло этой шляхтянки и рѣшили его безусловно въ ея пользу. Тогда Спаситель на крестѣ отвернулъ свой ликъ, и въ такомъ положеніи онъ останется, пока народъ не избавится отъ прожорливости судовъ, чревоугодія ксендзовъ и пьянства шляхты.

Итакъ бѣдный шляхтичъ тщетно искалъ правосудія, такъ какъ воля магната составляла законъ. Говоря это, я не осуждаю весь судебный персоналъ и не заподозриваю его въ злонамѣренности, такъ какъ и въ немъ были люди честные; слагаю вину на духъ общества и на обстоятельство. Польское законодательство вмѣняло судьямъ въ обязанность знакомство съ законами страны, но въ цѣлой Польшѣ не было школы правовѣдѣнія, и люди только на практикѣ знакомились съ закономъ. Къ тому же, поступленію на должность судьи не предшествовали никакіе экзамены, и его рѣшала только протекція магната. Въ польскомъ кодексѣ не было параграфа объ исполненіи приговора. Въ гражданскихъ дѣлахъ его исполняла выигравшая сторона, а если противникъ былъ сильнѣе, онъ самъ, даже безъ суда, приводилъ въ исполненіе приговоръ, имъ самимъ постановленный; если же онъ былъ слабѣе, то и отъ приговора по суду не было никакого толка, такъ какъ правительство (король) не имѣло право вмѣшиваться въ судебныя дѣла. Такимъ образомъ ни производъ болѣе сильнаго, ни право болѣе слабаго не имѣли ни узды, ни защиты.

Въ дѣлахъ уголовныхъ законъ предписывалъ старостамъ принимать экзекуціонныя мѣры лишь въ томъ случаѣ, если дѣло шло о государственномъ преступленіи. Въ исполненіе же приговоровъ по дѣламъ о преступленіяхъ, хоть бы самыхъ тяжкихъ, противъ частныхъ лицъ старосты не обязаны были вмѣшиваться. При такихъ условіяхъ сколько справедливейшихъ приговоровъ должно было остаться безъ исполненія, сколько обидъ безъ удовлетворенія, и какимъ поощреніемъ это было къ дерзкому произволу! Неудивительно, что общеевропейскимъ мнѣніемъ, по словамъ Эссена, было, что «трибуналы въ Польшѣ—предметъ для смѣха и подтруниванія въ Европѣ» («Nachrichten über Polen»). А Сташиць говоритъ: «Боже упаси, чтобы какой-нибудь неимущій шляхтичъ дерзнулъ стать при законѣ или противиться которому-либо изъ этихъ гордецовъ (магнатовъ)! Счастливъ онъ былъ, если его не разрубали на мѣстѣ! Съ той минуты ни въ дорогѣ, ни дома онъ не могъ быть спокоенъ за свою жизнь. Вскорѣ онъ получалъ со стороны магната официальное увѣдомленіе, что владѣетъ чужой деревней. И такъ все должно было пресмыкаться передъ торжествующей гордыней».

Законодательной конституціей при Сигизмундѣ I, въ 1532 г., было обнародовано, что дозволятельно «насиліе отражать насиліемъ». Тутъ уже явственно выступаютъ сила и наглость олигарховъ. На практикѣ

которая выработалась во времена безправія, не только нужно, но и необходимо было отражать силу силой, а у кого этой силы не было, тому приходилось терпѣть все. И вотъ терпѣлъ крестьянинъ, которымъ совершенно пренебрегали въ судахъ, не принимая его жалобъ. Терпѣлъ еврей, если не могъ откупиться. Долженъ былъ терпѣть мѣщанинъ, если не былъ въ состояніи выпросить себѣ помощь у ассесорствъ или воеводы. Терпѣлъ неимущій шляхтичъ, если былъ строптивъ передъ состоятельнымъ. Властный же панъ или шляхтичъ, пользовавшійся покровительствомъ аристократа, могъ безнаказанно позволять себѣ всякія безчинства, въ увѣренности, что никто не дерзнетъ привлечь его къ отвѣтственности. При такихъ условіяхъ совѣсть должна была заглухнуть, давая мѣсто горделивому понятію о собственномъ всемогуществѣ, въ рамкахъ котораго не одинъ магнатъ чувствовалъ себя и законодателемъ, и правительствомъ. На такія понятія о справедливости и законности страна не можетъ опираться и должна пасть!

Никто не станетъ отрицать, что какъ нѣтъ для страны ничего лучшаго, чѣмъ аристократія, блещущая добродѣтелями, качествами характера и разумомъ, такъ нѣтъ ничего пагубнѣе, чѣмъ аристократическое правительство по вырожденію аристократіи. Въ послѣднемъ случаѣ править не законъ, а произволъ, не желаніе блага странѣ, а алчность, не вѣрно понятая амбиція, а смѣшное и достойное презрѣнія чванство. Такое правленіе, уже по одному только закону природы о преобладаніи зла надъ добромъ, должно погубить край. Увы, такъ было и въ Польшѣ! Пока сосѣднія государства были слабѣе, это безправіе у насъ сходило съ рукъ безнаказанно. Польша импонировала мужествомъ, восхитала Европу своими молодеческими побѣдами, за которыя получала выраженія признательности и восторга. Добывались ея расположенія и считали ее какъ бы китайской стѣной, отдѣляющей Европу отъ чрезвычайно могущественнаго въ то время магометанскаго царства. Когда же сосѣднія государства, шествуя по пути логическаго законодательства, опирающагося о силу трона, въ естественномъ порядкѣ вещей окрѣпли и стали мощными, Польша со своимъ заплѣснѣвшимъ безправіемъ не могла остаться среди нихъ. По подстрекательству Фридриха Великаго, короля Пруссіи, и несмотря на протесты со стороны Россіи, въ Ниссѣ, на свиданіи австрійскаго императора Іосифа II съ тѣмъ же Фридрихомъ Великимъ, въ 1769 г. былъ постановленъ первый раздѣлъ Польши. Россія отвергла этотъ проектъ. Тогда Фридрихъ Великій, чтобы достигнуть разъ намѣченной цѣли и обогатиться польскою землею, въ 1770 г. подстрекнулъ Іосифа II занять Спизжъ и Новотарчину, чтобы дать поводъ къ переступленію польскихъ границъ и тѣмъ самымъ убѣдить Россію, что Австрія первая даетъ примѣръ раздѣла Польши, который и былъ провозглашенъ въ 1773 г. Россія, занятая войной съ Турціей,

была бы вынуждена, желая и впредь противиться волѣ двухъ сосѣдовъ, вести войну и съ ними; чтобы избѣжать этого, она подписала актъ раздѣла (Шуйскій «Исторія», т. II, стр. 360, 361). Что она не сочувствовала ему—это, кромѣ историческаго факта, можетъ доказывать также чисто матеріальная сторона дѣла. Въ то время какъ Пруссія и Австрія взяли богатыя и заселенныя области, Россія досталась область безлюдная и сравнительно бѣдная. Наибольшую долю при раздѣлѣ получила Австрія: эту долю составляла Червоная Русь съ частью Малой Польши и Подолін и Краковскія копи, что въ совокупности названо Галиціей. Пруссаки захватили воеводства вальборское, поморское, хелминское и Вармию, т. е. почти всю западную (?) Пруссію, кромѣ Данцига и Торна, да еще часть Великой Польши, Россія же—воеводства мстиславское, витебское и заднѣпровскій участокъ. При Польшѣ осталось еще 9.630 кв. миль и около 8.000.000 населенія. Самъ по себѣ фактъ раздѣла свидѣтельствуетъ, какъ безсильна была Польша, если ни предотвратить его, ни воспротивиться ему она не была въ состояніи.

Послѣ того какъ была утрачена треть государства, слѣдовало не падить силъ, чтобы удержать за собою и сберечь то, что осталось. Между тѣмъ раздоры не прекращались, вина сваливалась на сосѣдей, на собственнаго короля, и никто не хотѣлъ признать дѣйствительную причину, заключающуюся въ произволѣ шляхты. А такъ какъ не врачевали того, что было наиболее поражено недугомъ, то неудивительно, что болѣзнь должна была истощить силы и убить тѣло Рѣчи Посполитой. Общій голосъ поляковъ осуждаетъ короля Станислава Понятовскаго и слагаетъ на него всю вину. Это было бы справедливо, если бъ этотъ король пользовался хоть половиною тѣхъ правъ, какія имѣли и имѣютъ короля въ другихъ государствахъ. Если бы, пользуясь этими правами, онъ злоупотребилъ ими и предалъ страну измѣною, онъ дѣйствительно заслуживалъ бы осужденія, но у насъ король имѣлъ только титулъ, подданныхъ же у него не было, такъ какъ магнатство всегда вело борьбу противъ короля.

Въ 1787 г. гетманъ Браницкій, Феликсъ Потоцкій, гетманъ Ржевускій, Сапѣга, Велевскій и другіе послали російской императрицѣ Екаторинѣ проектъ конфедераціи, имѣвшей цѣлью ниспровергнуть въ Польшѣ тогдашнее правительство и создать новое, въ которомъ они, Браницкій и Потоцкій, играли бы первенствующую роль. Они просили у императрицы денегъ и войскъ для осуществленія своего проекта. Они предлагали, чтобы конфедерація была устроена въ провинціи, а не въ Варшавѣ, такъ какъ король, собравъ въ своихъ рукахъ всѣ средства (если бы конфедерація была въ Варшавѣ), станеть думать объ интересахъ не Россіи, а своихъ собственныхъ. Они же, какъ лица ча-

стныя, будутъ чувствовать признательность къ императрицѣ и станутъ дѣйствовать въ ея пользу. За исполненіе просьбы они обѣщали помощь въ войнѣ съ Турціей («Четырехлѣтній сеймъ» Калинки). По истинѣ, нужно было большое великодушіе со стороны Екатерины, чтобы не воспользоваться этимъ предательствомъ поляковъ. Императрица отвергнула этотъ проектъ, сказавъ, что не хочетъ въ чужомъ государствѣ дѣйствовать во вредъ королю, такъ какъ это походило бы на бунтъ противъ короля, и добавила, что «нужно сохранить все, что касается вѣрности царствующему Станиславу-Августу» (слова Екатерины). Она издала рескриптъ на имя Штакельберга, чтобы онъ склонялъ поляковъ къ полному спокойствію, а князю Потемкину повелѣла совѣтъ не принимать польскихъ волонтеровъ въ русскую армію.

Король—первый, естественный защитникъ государства; охрана государства—армія: значитъ, король долженъ имѣть власть надъ арміей. Безъ этого король не имѣлъ бы подобающаго авторитета ни внѣ, ни внутри страны. Говорю «внѣ», такъ какъ король безъ арміи—это красивая, малеванная фигурка, которою восторгаются, но которой не боятся, такъ какъ она ничего не можетъ сдѣлать; «внутри» потому, что король безъ арміи не въ состояніи оберегать порядокъ, безопасность и справедливость въ странѣ. Между тѣмъ въ Польшѣ уже съ XVII столѣтія не король, а гетманы имѣли власть надъ войскомъ. Гетманъ имѣлъ рѣшающій голосъ въ государственныхъ дѣлахъ; при немъ было рѣшающее «liberum veto». И этой гетманской власти не могъ преодолѣть ни одинъ польскій король: начиная отъ Владислава IV, всѣ они по очереди должны были покориться ей. А Августъ II сказалъ: «Если бъ я зналъ, что такое въ Польшѣ гетманская власть, я добивался бы гетманства, а не короны».

Послѣ перваго раздѣла Польши, важнѣйшія особы, вмѣсто того, чтобы думать о защитѣ и обезпеченіи страны, вступаютъ въ уговоръ (гетманъ Браницкій съ генераломъ подольскаго края Потоцкимъ), чтобы совершенно ограничить королевскую власть и даже устроить такъ, чтобы государство могло обойтись безъ короля, а представителями власти являлись поочередно вельможи изъ каждаго воеводства. Браницкій получилъ бы исключительную власть надъ арміей и за то долженъ былъ силою обезпечить престолонаслѣдіе родственнику генерала Потоцкаго, зятю Чарторыйскихъ,—принцу Вюртембергскому.

Когда въ 1788 г. коронное генеральство оказалось вакантнымъ, и король хотѣлъ дать его очень даровитому князю Юсіфу Понятовскому, семья Потоцкихъ, завидуя королевской семьѣ, посягнула на это достоинство, и Феликсъ Потоцкій, 19-лѣтній юнецъ, поставилъ свою кандидатуру; когда же король не захотѣлъ согласиться на нее, Потоцкіе обратились къ русскому послу Штакельбергу и заявили ему, что «долж-

ность, имѣющую столь важное значеніе, должно занимать лицо, преданное къ Россіи (Калинка)». Посоль упросилъ короля; и это званіе досталось Феликсу. Вскорѣ послѣ того, когда общественное мнѣніе перешло на сторону Пруссіи, этотъ же самый Феликсъ Потоцкій осмѣивалъ тѣхъ, кто стоялъ за Россію, а во время сейма участвовалъ въ объѣздахъ, даваемыхъ маршаломъ сейма Александровичемъ. Ихъ называли прихлебателями Россіи за то, что они объѣдали у своего короля; сторонниковъ же Пруссіи, которые собирались у Чарторыйскихъ, называли патріотами, и на дѣстницѣ дворца Чарторыйскихъ дѣвицы осыпали ихъ цвѣтами.

Этотъ духъ противодѣйствія и оппозиціи королю былъ прирожденъ олигархамъ. Сапѣга говаривалъ: «Я не считалъ бы себя настоящимъ Сапѣгой, если бы не чувствовалъ охоты къ борьбѣ съ королемъ». Этою борьбою и достигнуто то, что, вмѣсто того, чтобы собирать силы при тронѣ и укрѣплять его, короля лишили права давать офицерскіе чины, устранили отъ завѣдыванія иностранными дѣлами, отняли у него всякое вліяніе на управленіе арміей и ея организацію. Армія должна была присягать на вѣрность не королю, а гетману, такъ какъ гетманъ былъ стражемъ «вольности». Защита отъ внѣшнихъ враговъ была для него дѣломъ второстепеннымъ. Главной задачей гетмана было держать въ осадномъ положеніи короля и присматривать за нимъ, такъ какъ его считали первымъ врагомъ шляхетской вольности. Принципомъ Ржевускаго было: не давать трону никакой власти, такъ какъ это было бы ослабленіемъ Рѣчи Посполитой, а кто хотѣлъ бы придать власть королю, того слѣдуетъ считать врагомъ государства; мѣщанъ не допускать къ правленію, такъ какъ при ихъ помощи король могъ бы урѣзать вольность и наложить ярмо на шляхту; того, кто хотѣлъ бы упразднить «liberum veto», должно признавать врагомъ отчизны; относительно крестьянъ правительство не имѣетъ права дѣлать какія бы то ни было постановленія, такъ какъ они крѣпостные шляхты и въ ихъ отношенія къ пану никто не долженъ вмѣшиваться. Такимъ образомъ: 1) liberum veto, 2) безсиліе королей, 3) неприкосновенность шляхетской вольности, 4) полное устраненіе городовъ отъ дѣлъ правленія и 5) подневольное состояніе крестьянъ — были непремѣнными условіями существованія Польши, по мнѣнію олигарховъ. Стражъ этихъ условій, гетманъ,—важнѣйшая особа въ странѣ и уда королевской воли. Дерзость его дошла до такой степени, что когда нѣкій вертопрахъ поддѣлалъ письмо отца и обманомъ увезъ изъ монастыря барышню, а отецъ обратился за помощью къ королю, при чемъ король, желая спасти несчастную, потребовалъ у польнаго гетмана вооруженной силы, то гетманъ не только не далъ военной помощи, но даже не отвѣтилъ на требованіе короля.

За оказаніемъ поддержки вышеупомянутымъ принципамъ Ржевускій обратился къ Россіи, но Екатерина съ презрѣніемъ отвергнула его

планы. Послѣ этого онъ обратился къ Австріи и за содѣйствіе таковой гетманской власти обѣщалъ императору Іосифу II неограниченное вліяніе въ Польшѣ, но, отвергнутый и тутъ, онъ обратился къ Пруссіи. Объ этомъ будетъ рѣчь въ свое время.

Въ военномъ отношеніи Польша стояла ниже критики. Въ то время когда Россія имѣла армію въ 300.000 чел., а Австрія и Пруссія по 200.000,—въ Польшѣ было всего 16.000, да и то какихъ?! Въ литовской арміи въ 1776 г. найдено всего 3.928 солдатъ, но за то 1.172 офицера. Въ брошюркѣ «Полякъ въ сзш (?) правдой подшитой» (Варшава, 1791 г.) приведенъ рапортъ коннаго полка, состоящаго изъ шести взводовъ. По рапорту долженъ былъ быть комплектъ въ 120 человекъ и 120 лошадей, а между тѣмъ недоставало до комплекта 50 солдатъ и лошадей 119. Итого для отправленія службы состоятъ налицо: офицеровъ въ комплектъ 25, унтеръ-офицеровъ 4, солдатъ 41, лошадь 1, сѣдло 1. Такимъ образомъ въ кавалерійскомъ полку была одна лошадь и одно сѣдло, солдатъ 41, но комплектъ офицеровъ былъ полонъ: ихъ было налицо 25.

Значитъ, войска почти не было, а то, которое имѣлось, находилось въ жалкомъ состояніи. Оружія—почти никакого, матеріальное содержаніе—какъ нельзя быть хуже; вѣрнѣе сказать, войско совершенно не прокармливалось, такъ какъ солдатъ вмѣсто пищи получалъ жалованье. За то у него не было ни гроша, ассигнованнаго на оружіе, мундиръ, обувь, бѣлье, порохъ, пули и т. д. При отсутствіи же взысканія податей въ порядкѣ экзекуціи, жалованье получалось солдатомъ нерегулярно, рѣдко помѣсячно, иногда по четвертямъ года или по полугодіямъ, а зачастую еще рѣже. Получивъ жалованье, солдатъ скоро прокучивалъ все и, значитъ, жилъ въ кредитъ, когда въ кредитѣ ему отказывали, бралъ, что только могъ. Да и что же ему было дѣлать! Когда будетъ получено жалованье, онъ не знаетъ, а житейскія потребности у него были. Хотя самъ Станиславъ-Августъ не былъ воиномъ, однако всѣ признають, что благодаря его заботамъ, войска, довольно малочисленныя, были приведены въ надлежащій порядокъ.

Барская конфедерація уничтожила почти всю армію; въ отдѣльных полкахъ не было болѣе 50—90 человекъ, крайне дурно одѣтыхъ и вооруженныхъ. Король Станиславъ-Августъ израсходовалъ изъ собственныхъ средствъ на плавильню въ Козеницахъ, на укрѣпленіе Каменца и на арсеналъ свыше 700.000 злотыхъ. Кромѣ того онъ подарилъ странѣ 200 пушекъ и на собственный счетъ построилъ казармы въ Варшавѣ. Желая привести армію въ сносное состояніе, онъ просилъ своихъ подданныхъ вельможъ о содѣйствіи, а когда они отказали, обратился къ русскому посланнику Штакельбергу, за исходатайствованіемъ у Россіи ограниченія гетманской власти. Штакельбергъ въ 1776 г. поѣхалъ въ

Петербургъ, гдѣ въ то время гетманъ Ржевускій и Игнатій Потоцкій трудились надъ исходатайствованіемъ ограниченія королевской власти. Однако Штакельбергъ, очертивъ дѣйствительно жалкое положеніе короля, а при такихъ условіяхъ и скорбную будущность Рѣчи Посполитой, склонилъ императрицу стать на сторонѣ праваго, именно привезъ уполномочіе на созваніе конфедеративнаго сѣзда. Этотъ сеймъ, подъ покровительствомъ Россіи, постановилъ, чтобы войска были отданы въ управленіе департамента; гетманъ долженъ быть только предсѣдательствующимъ въ департаментѣ, обязанъ подписывать то, что будетъ постановлено большинствомъ голосъ. «*Libegum veto*» не будетъ тутъ мѣста. Отмѣнена присяга войскъ на вѣрность гетманамъ, предписанная арміи Браницкимъ. Производство во всѣ офицерскіе чины было передано королю, а по всѣмъ дѣламъ, касавшимся обмундированія, вооруженія, обученія и пропитанія войскъ, департаментъ долженъ былъ сноситься съ королемъ и состоявшіяся резолюціи представлять на утвержденіе государственнаго совѣта. Этотъ замѣчательный шагъ впередъ, сдѣланный исключительно по указанію Екатерины, оказалъ рѣшительное дѣйствіе на сокрушеніе гетманской власти и развязалъ руки королю для усовершенствованія арміи.

Въ 1778 г. король ввелъ въ силу постановленіе, что все касающееся пополненія и снабженія войскъ должно быть рѣшаемо даже на вольныхъ сеймахъ большинствомъ голосовъ, что тутъ нѣтъ мѣста «*veto*», а всякіе остатки казенныхъ суммъ должны быть обрацаемы на армію, по соглашенію короля и департамента. Такимъ образомъ послѣ каждаго сейма прибывало отъ 500 до 700 солдатъ. Была обезпечена регулярная уплата увеличеннаго жалованья, и тѣмъ самымъ добросовѣстныхъ офицеровъ склонили остаться на службѣ. Немалымъ поощреніемъ для нихъ было и то, что въ 1783 г. была запрещена продажа офицерскихъ чиновъ. Прежде былъ такой обычай, что, напр., полковникъ, желающій оставить службу, имѣлъ право продать свой чинъ за наличныя деньги или имѣніе, какъ заблагоразсудится. Такимъ образомъ нерѣдко личность, не имѣющая никакого понятія о военной службѣ, покупала этотъ чинъ и своею некомпетентностью не только причиняла вредъ странѣ, но и выставляла себя на посмѣшище даже простымъ солдатамъ. Старанія короля привели къ тому, что уже въ 1776 г. въ комплектъ войскъ насчитывалось: пѣхоты 10.335, а кавалеріи 8.200, прекрасно вооруженныхъ и обученныхъ. Далѣе, въ виду того, что ежегодно распускалось по домамъ извѣстное количество солдатъ, а на ихъ мѣсто набирались рекруты, можно было имѣть при надобности около 30.000 регулярнаго и обученнаго войска. За все это, сдѣланное подъ влияніемъ Штакельберга, слѣдуетъ быть благодарнымъ Россіи; жаль, что мы сами не сознавали этой потребности! Король жаждалъ идти далѣе. Въ то время Польша имѣла хорошихъ ге-

нераловъ: Брюля, Соесзі'а (?), Гольца, но они были иностранцами. Нуженъ былъ кто-нибудь свой, чтобы на родной нивѣ онъ добросовѣстиѣ трудился для собственной отчизны. Король Станиславъ-Августъ нашелъ такого человѣка въ лицѣ Комаржевскаго, который подъ начальствомъ Фридриха Великаго, короля прусскаго, дослужился до почестей и славы. Ему король довѣрилъ урегулированіе арміи. Страна не ошиблась въ выборѣ короля. Комаржевскій не только добросовѣстно, но и гениально справился съ своею задачею. Онъ любилъ родину и желалъ ей добра. Въ виду того, что тогдашнее европейское общественное мнѣніе считало прусскую армію наиболѣе совершенною, Комаржевскій организовалъ польскую армію по образцу прусской. Къ этому склоняло его не столько европейское общественное мнѣніе, сколько извѣстное ему, какъ подполковнику прусской службы, нерасположеніе Пруссіи къ Польшѣ и ея желаніе обогатиться новымъ захватомъ польскихъ областей. И вотъ онъ образовалъ по прусскому образцу не только пѣхоту, но и кавалерію, а такъ какъ трудно было держать въ повиновеніи волонтеровъ изъ шляхты, «пановъ-товарищей», то онъ постепенно уменьшалъ ихъ число, чѣмъ вызывалъ неудовольствіе въ нелюбящей субординаціи шляхтѣ. Не имѣя же достаточнаго числа способныхъ офицеровъ въ лицѣ коренныхъ жителей страны, онъ заполнялъ недочеты иноземцами изъ прусской и саксонской арміи,—словомъ, старался создать армію, которая была бы въ состояніи дать отпоръ болѣе сильному противнику. И въ самомъ дѣлѣ насколько ему позволили время и силы, онъ сдѣлалъ это такъ, что и сеймъ выразилъ ему одобреніе и сосѣднія государства признали его заслуги, а Эссенъ, англійскій посолъ, говоритъ: «съ того времени, какъ войско избавлено отъ прозорливости гетмановъ, оно несравненно лучше организовано и обучено, стало болѣе дисциплинированнымъ и получаетъ плату регулярно».

Однако магнатство позавидовало значенію Комаржевскаго, тѣмъ болѣе, что король, видя въ немъ личность, желающую добра странѣ, неоднократно довѣрялъ ему миссіи къ иностраннымъ дворамъ. И вотъ Браницкій, Потоцкіе, Чарторыйскіе и комп. рѣшили запятнать и погубить эту почтенную и полезную личность. Они придумали гнусный планъ клеветы, будто Комаржевскій хотѣлъ лишить жизни генерала подольскаго края Феликса Потоцкаго. Слѣдствіе, начатое вопреки вліянія магнатства, покрыло клеветниковъ позоромъ. По этой причинѣ главная инициаторша клеветы, княгиня Любомирская, выѣхала въ Парижъ и уже болѣе не возвращалась въ отечество. Король въ возмездіе за несправедливыя нравственныя страданія Комаржевскаго произвелъ его въ генералъ-лейтенанты съ жалованьемъ въ 18.000 злотыхъ. Но и эта резонная награда возмутила магнатство, признавшее невозможнымъ, чтобы «человѣкъ чужой и свѣжаго шляхетства» имѣлъ столь высокій чинъ (Ка-

линка, т. I, стр. 166). Комаржевскій, вида, что съ предрасудками магнатовъ ему не совладать, къ большому огорченію арміи, подалъ въ отставку и выѣхалъ за границу—навсегда! Въ его лицѣ страна потеряла энергичнаго преобразователя застарѣлыхъ убѣжденій, а это случилось благодаря магнатству и подъ вліяніемъ Пруссіи.

Это — воспоминанія скорбныя, однако, необходимыя при современныхъ условіяхъ. Отъ чистаго сердца слѣдуетъ признать, что по странному стеченію обстоятельствъ, въ нашей безпредѣльной неурядицѣ все, что сдѣлано у насъ хорошаго, сдѣлано подъ вліяніемъ иностранныхъ дворовъ, и по большей части—Россіи. Чтобы смирить дурныя намѣренія Браницкаго, нужно было суровое запрещеніе Екатерины; чтобы склонить Феликса Потоцкаго къ единодушнымъ дѣйствіямъ съ королемъ, понадобилось предложеніе Екатерины; чтобы кн. Чарторыйскаго, сторонника Австріи, приблизить къ королю, нужно было строгое замѣчаніе австрійскаго канцлера, данное при посредничествѣ Россіи («Четырехлѣтній сеймъ», Калинка). Можно бы привести сотни другихъ примѣровъ, и все-таки воѣ старанія, при внутренней распущенности, не повели ни къ чему!

Кто пыталъ и растравлялъ гордыню, хоть бы это былъ злѣйшій врагъ, считался хорошимъ, а кто искренно желалъ добра, напрямикъ стремился къ цѣли, говоря правду, и освѣщалъ скорбное будущее, тотъ былъ врагомъ страны!

Россія была доброжелательна къ намъ, хотѣла, чтобы Польша осталась Польшей. Императрица Екатерина не забавлялась салонной любезностью съ поляками, какъ это дѣлали пруссаки, и, не питая злыхъ намѣреній въ отношеніи Польши, говорила правду и ее-то бросала въ глаза польскимъ панамъ. Пруссія же, жаждавшая новыхъ областей и польскихъ городовъ, льстила ихъ прирожденнымъ страстямъ, зная, что это приведетъ нашу страну къ паденію. И вотъ салонное лицемеріе Пруссіи вызвало то, что поляки перестали вѣрить доброжелательной Россіи, а сочувствовали и вѣрили Пруссіи. Когда былъ возбужденъ проектъ объ увеличеніи войска, и король потребовалъ, чтобы землевладѣльцы дали знать, какую именно часть состоянія они посвящаютъ на эту цѣль, дабы увеличить войско, соображаясь со средствами, то требованіе это не понравилось шляхтѣ, утверждавшей, что лишь бы было сдѣлано постановленіе относительно войска, а средства найдутся. И, по наущенію прусскаго посла (Калинка, «Четырехлѣтній сеймъ»), единогласно было рѣшено увеличить армію до 100.000 человекъ. Во всей Европѣ это страшное постановленіе бросило очень дурной свѣтъ на резолюцію сейма, такъ какъ страна не была въ силахъ выставить и содержать столь многочисленную армію. Польша послѣ различныхъ эпидемій—холеры, тифа, оспы, скарлатины и т. д., которыя въ нѣкоторыхъ

мѣстностяхъ обезлюдили цѣлыя деревни, имѣла въ то время 7.000.000 населенія. Если исключить изъ этого числа дѣтей, стариковъ, женщинъ, ксендзовъ, монаховъ и неспособныхъ къ военной службѣ, то остался бы всего миллионъ людей, способныхъ къ ней. Изъ послѣднихъ приходилось бы брать въ армію десятого, а отъ того сильно бы пострадало сельское хозяйство, составлявшее едва-ли не важнѣйшій источникъ доходовъ страны. Содержаніе такой арміи стоило бы около 50.000.000 злотыхъ, а между тѣмъ всей монеты, обращавшейся въ странѣ, было на 100.000.000. Значитъ, не было никакого соотношенія между циркулировавшей монетой, составлявшей имущество страны, и расходомъ на армію. Тогдашніе источники доходовъ приносили 18 мил. злотыхъ, а на одну только армію нужно было 50 мил. Во всей странѣ было 20.000 деревень, нужно было брать по пяти рекрутовъ изъ каждой; достигнуть этого было бы трудно даже въ случаѣ всеобщей революціи, а чего же ожидать, когда дѣло шло о регулярномъ войскѣ! Поэтому о постановленіи сейма Штакельбергъ справедливо сказалъ: «это дѣти, которые сегодня забавляются, но наступитъ горькое раскаяніе, когда нужно будетъ платить». А англійскій посолъ говорилъ въ своей депешѣ: «и половины нужной суммы не соберутъ; это можетъ дать понятіе о польской политикѣ».

При томъ, откуда взять сразу нѣсколько тысячъ способныхъ офицеровъ для 100.000-й арміи, если для 18.000-ой Комаржевскому приходилось искать ихъ за границей?! Откуда взять ручное оружіе и пушки, если въ странѣ не было ихъ? Откуда, наконецъ, взять рекрутовъ, если обязательной воинской повинности не было? Надъ этими существенными вопросами отнюдь не задумывались; современникамъ казалось, что самое постановленіе возмѣститъ армію. За то подавались голоса и постановлялось, чтобы эта большая армія, словно бы она существовала, была изъята изъ вѣдѣнія Совѣта и короля. Было предположено при посредничествѣ Пруссіи просить Екатерину о поддержкѣ этихъ плановъ, но Пруссіи казалось неумѣстнымъ посредничество въ столь бессмысленныхъ требованіяхъ. Прусское государство, управляемое разумно и зарившееся на новый захватъ у Польши, не могло протезировать наивнымъ требованіямъ поляковъ, такъ какъ это обнаружало бы его хищническое стремленіе, которое оно не хотѣло проявлять преждевременно. Въ виду этого Бухольцъ, прусскій посолъ, зная душевное настроеніе поляковъ, столь скорое на порожденіе бессмыслицъ, доложилъ своему монарху, Фридриху II, что такое содѣйствіе не своевременно: «нужно ждать, чтобы поляки сдѣлали какую-нибудь глупость; дабы эта глупость позволила намъ явно вмѣшаться въ ихъ дѣла, а для этого нужно, чтобы наши войска стояли вблизи польской границы» (Калинка). И вотъ

пруссійскій дворъ отказалъ полякамъ на просьбу о посредничествѣ въ Петербургѣ.

Чтобы заручиться средствами на содержаніе увеличиваемой до ста тысячъ арміи, необходимо было утверждать новыя подати. Съ этой цѣлью примасъ Понятовскій, снесшись съ епископами, объявилъ въ сеймѣ 12-го марта 1789 г., что все духовенство обязуется вносить вдвое болѣе того, что будетъ уплачивать шляхта, и даже пошло дальше въ своей готовности на пожертвованія: обязалось представить 35% своихъ доходовъ. Король, со своей стороны, пожертвовалъ чистую прибыль съ городовъ Гродно и Бреста, что составляло свыше 200.000 злотыхъ въ годъ; шляхта же обязалась давать 10% чистаго дохода съ имѣній, но съ условіемъ, чтобы это называлось не податью, а «добровольнымъ вѣчнымъ приношеніемъ землевладѣльцевъ». Условіе «по доброй волѣ землевладѣльцевъ» вскорѣ доказало, что эта «добрая воля» была только на словахъ, а не на дѣлѣ. Черезъ двѣ недѣли послѣ постановленія о жертвованіи «десятаго гроша» депутатъ Стройновскій увѣдомилъ сеймъ, что хотя ясно оговорено, чтобы эту подать уплачивала шляхта, а не крѣпостные крестьяне, однако во многихъ деревняхъ помѣщики взыскиваютъ ее со своихъ крѣпостныхъ. Король и нѣкоторые изъ пановъ требовали строгаго закона и наказанія виновныхъ, но—тщетно! Шляхта, движимая собственными интересами, не позволила этого. Въмѣсто того, чтобы добросовѣстно исполнять свое обязательство относительно пожертвованія на войско, она платила не 10%, а едва 3%, такъ что весь сборъ съ государства на армію, вмѣсто 50 м., принесъ едва 6 мил. злотыхъ, тогда какъ на личныя удовольствія шляхта ежегодно тратила за границей 100 мил. злотыхъ (Калинка «Четырехлѣтній сеймъ»). Но трудно понять, почему былъ констатированъ столь малый доходъ. Шляхта по мѣрѣ возможности скрывала свои доходы, да и признанные оцѣнивала очень низко. Были обнаружены имѣнія, которыя при ревизіи утаили по нѣскольку фольварковъ, были пивоваренные заводы, которые опредѣляли число изготовляемыхъ ими бочекъ пива на нѣсколько тысячъ меньше, чѣмъ оно было въ дѣйствительности. Хлѣбъ, гдѣ онъ былъ наиболѣе дорогъ и продавался легко, оцѣнивался такъ: копа пшеницы 8 злотыхъ, ржи 4 злота. Доходы со скота были совершенно откинута на томъ основаніи, что они переменчивы. Дѣло дошло до того, что люди, о которыхъ было достовѣрно извѣстно, что они имѣютъ 50.000 годоваго дохода, уплачивали вмѣсто 5.000 злотыхъ только 900, а тѣ, у кого было 40.000 дохода, записывали, что получаютъ 10.000, и вмѣсто 4.000 платили 1.000. Кто имѣлъ 12.000 дохода, вмѣсто 1.200 платилъ 200 злотыхъ.

Значить, кромѣ отсутствія патріотизма въ тогдашней шляхтѣ было еще притупленіе совѣсти: вѣдь каждый шляхтичъ передъ опредѣле-

ниемъ дохода приносилъ присягу, что покажетъ правду и опредѣлитъ истую цифру. А какія ложныя свѣдѣнія давалъ онъ! Поэтому-то Сташицъ обратился къ сейму съ слѣдующими словами: «перестанемъ употреблять присягу, такъ какъ она въ Польшѣ уже не откроетъ правды, а душу загубитъ. Она свидѣтельствуетъ, какъ извращены у насъ нравы, какъ упала религія, между тѣмъ какъ остались только обряды». И тутъ были благородныя исключенія. Іоакимъ Потоцкій подарилъ странѣ 300 солдатъ, обмундированныхъ и вооруженныхъ на его счетъ. Радзивиллъ обязался подарить государству 2.000 солдатъ. Янъ Потоцкій обезпечилъ своими имѣніями пожертвованіе въ 10.000 злотыхъ. Но это—благородныя исключенія, и только исключенія, которыя должны были затеряться во всеобщей недобросовѣстности.

16-го сентября 1789 г. сеймъ затронулъ вопросъ о другомъ податномъ сборѣ—налогѣ на табакъ. Проектъ былъ мотивированъ примѣромъ Франціи, которая получала изъ этого источника выше 30 мил. франковъ дохода. Во Франціи было въ то время 24 милліона населенія, въ Польшѣ же, если считать и дѣтей, до 8 мил., но табакъ въ несравненно большемъ количествѣ употреблялся въ Польшѣ, чѣмъ во Франціи. Доходъ изъ этого источника былъ разсчитанъ приблизительно на 20 мил. злотыхъ, и его было рѣшено обратить на армію. И тутъ, однако, оказалась препятствіемъ несообразительность сдѣлавшихъ постановленіе. У Франціи были собственныя табачныя фабрики и строго соблюдавшійся законъ о взысканіи податей, въ Польшѣ же не было ни одной фабрики: былъ только домашній промыселъ. Права на принудительное взысканіе она не имѣла. Для введенія табачной промышленности, которая могла бы доставить странѣ 20 мил. злотыхъ, нужно было, чтобы казна ассигновала одинъ мил. злотыхъ, а она была пуста, и, значитъ, проектъ, способный при разумномъ правленіи доставить желательный доходъ, въ Польшѣ долженъ былъ упасть и упасть.

Затѣмъ былъ затронутъ другой вопросъ. Въ Польшѣ казна взимала налогъ съ убоя, шкуры же въ сырцѣ вывозились за границу и, выдѣланные тамъ, возвращались въ край, какъ товаръ гораздо большей стоимости. Шкуръ ежегодно вывозилось въ Пруссію отъ 400.000 до 800.000 штукъ, и продавались онѣ по 10 злотыхъ за каждую. По выдѣлкѣ же ихъ въ Пруссіи, нужно было платить до 120 злотыхъ за штуку. И вотъ сеймъ, желая предотвратить заграничную эксплуатацію и имѣть доходъ съ собственного продукта страны, постановилъ взимать съ мясниковъ, вмѣсто практиковавшагося дотолѣ налога съ убоя, плату въ натурѣ, самими шкурами, и выдѣлывать ихъ въ Польшѣ. Благодаря этому ежегодный доходъ казны увеличился бы на 12—18 мил. На первый взглядъ это—постановленіе разумное, но, глубже вникнувъ въ него, мы ясно поймемъ, какъ вредна торопливость въ дѣлѣ, кото-

раго не знаютъ основательно. Дабы получить желаемый доходъ, нужно было содержать цѣлыя сотни чиновниковъ для пріема шкуръ и наблюденія, чтобы онѣ были сняты безъ поврежденій, а при всеобщей недобросовѣстности трудно было найти такихъ чиновниковъ. Нужно было построить много сушиленъ, такъ какъ ихъ не было; нужны были дубильщики: и ихъ страна не имѣла въ достаточномъ количествѣ. При томъ, для устройства необходимыхъ сушиленъ и привлеченія способныхъ дубильщиковъ нуженъ былъ миллионъ золотыхъ, а пустая казна не была въ состояніи доставить эту сумму. Надъ этимъ однако не задумывались, и хотя на дурные результаты такого постановленія указывали сейму король, Чацкій, Малаховскій и др., это нисколько не помогло, и постановленіе было сдѣлано! Дурныя послѣдствія обнаружались немедленно же. Въ тотъ самый день, когда вступилъ въ силу приговоръ сейма, 1-го января 1790 г., мясники доставили 500 недавно снятыхъ шкуръ, а такъ какъ не было ни сушильни, ни прислуги для развѣшиванія, то всѣ онѣ испортились, и ихъ пришлось выбросить въ Вислу. Коммиссія, при такихъ условіяхъ, вынуждена была продавать шкуры евреямъ, которые по-прежнему вывозили ихъ въ Пруссію. Кончилось тѣмъ, что казна, получавшая раньше 9 миллионъ золотыхъ съ убоя, послѣ постановленія относительно шкуръ имѣла всего 3 миллионъ дохода. Спустя годъ, этотъ законъ былъ отмѣненъ, а жаль, такъ какъ при болѣе энергичномъ правительствѣ онъ могъ бы значительно увеличить доходъ казны!

Несмотря на эти нелѣпости, гетманская партія, враждебная королю, не переставала требовать въ сеймѣ стотысячной арміи, а къ финансовому вопросу о содержаніи этой арміи относилась очень равнодушно. Королевская партія, подъ влияніемъ Штапельберга, потребовала у военной коммиссіи разъясненій, касающихся состоянія арміи. Рапорты были весьма неудовлетворительны! Несмотря на повелѣніе сейма, чтобы въ данномъ году (1789-мъ) было совершено три набора: въ январѣ, апрѣлѣ, и іюнѣ,—оказалось, что первый наборъ былъ неполнѣй оконченъ, второй доведенъ едва до половины, а третьяго совсѣмъ не начинали. Какъ разъясняютъ многіе изъ ротмистровъ въ своихъ рапортахъ, это произошло потому, что хотя въ назначенное время они скомплектовали свои части, но, не получая денегъ на ихъ содержаніе, прокармливаютъ ихъ на свой счетъ; другіе же, не имѣя собственныхъ средствъ, должны были распустить солдатъ или совсѣмъ не вербовали ихъ. Всего было собрано едва 35.000 солдатъ, но Китовичъ въ своихъ «Запискахъ» (т. I, стр. 27) характеризовалъ ихъ такъ: «Я видѣлъ солдатъ, которые уже по 3 мѣсяца были на службѣ, а еще ходили босикомъ, безъ оружія и мундировъ,—только въ кителяхъ». При такихъ условіяхъ нельзя было мечтать ни о дисциплинѣ и обученіи, ни о разверсткѣ на полки и

бригады. Ротмистры и полковники, всякій разъ какъ просили денегъ на содержаніе войскъ, отсылались назадъ съ пустыми руками. Не было никого, кто устранилъ бы эту неурядицу и этотъ хаосъ. Король не могъ сдѣлать это, такъ какъ подданные наконецъ добились того, что армія и казна были изъяты изъ вѣдѣнія короля. Сеймъ, правда, завѣдывалъ ими, но что толку отъ того, если свои постановленія онъ только записывалъ, а въ исполненіе ихъ не приводилъ, если на пустяки тратилъ цѣлые мѣсяцы, а важныя дѣла рѣшалъ, не задумываясь, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Такъ, напр., въ теченіе семи часовъ было постановлено конфисковать помѣстья краковского епископства, существовавшего семь столѣтій; въ теченіе одного часа увеличили армію съ 18 до 100 тысячъ, не имѣя понятія объ условіяхъ, необходимыхъ для столь важнаго шага; въ теченіе трехъ четвертей часа согласились на заключеніе союза съ Пруссіей, не рассчитавъ его тяжкихъ и скорбныхъ послѣдствій.

Въ ноябрѣ разсуждавшія въ сеймѣ головы, вида страшную неладу, какъ будто бы нѣсколько отрезвѣли и пришли къ убѣжденію, что стотысячной арміи имъ не собрать и не организовать, тѣмъ болѣе, что не было установленнаго закономъ воинскаго набора. Вербовка была просто грабежемъ; военный отрядъ налеталъ на деревню, королевскую или костельную (рѣдко на шляхетскую, такъ какъ это считалось бы нарушеніемъ шляхетскихъ вольностей и нарушеніемъ собственности, которою былъ хлопъ), силою хваталъ парней и зачислялъ ихъ въ войска; но и отъ того было мало толку, такъ какъ изъ одной лишь Великой Польши въ теченіе года бѣжало въ Пруссію отъ набора 10 тысячъ крестьянъ. Поэтому было постановлено собрать временно 65 тысячную армію, съ расходомъ въ 40 милл. злотыхъ. 4-го декабря былъ утвержденъ законъ, уполномочивавшій вербовать одного человѣка на сто шляхетскихъ дворовъ и на пятьдесятъ костельныхъ и королевскихъ. Срокъ службы былъ опредѣленъ на шесть лѣтъ.

Это былъ законъ прекрасный, но иное дѣло утверждать законы и иное—соблюдать ихъ. На утвержденіе законовъ много было готовности, но соблюдать ихъ не было у насъ охоты. И вотъ, прискорбно читать мнѣнія иностранцевъ, пребывавшихъ въ Варшавѣ въ концѣ XVIII вѣка: они говорятъ напрямикъ, что замѣтили въ полякахъ полное отсутствіе чувства собственнаго достоинства, нравственности и даже ordinarilyшей порядочности. И въ самомъ дѣлѣ было такъ. Король не могъ вывести общество изъ упадка, такъ какъ былъ лишенъ власти; хотъ онъ и воодушевлялъ словомъ, хотъ поощрялъ примѣромъ къ жертвамъ въ пользу страны, отдавъ всѣ свои драгоценности, даже перстни и часы, казнѣ для спасенія государства, но его не слушали и ему не подражали.

Когда на нужды арміи «подымный» налогъ былъ увеличенъ до пяти злотыхъ, шляхта, чтобы обойти этотъ законъ, соединяла нѣсколько печныхъ трубъ съ одной наружной (этимъ и объясняется происхождение непомѣрно широкихъ трубъ, которыя и въ настоящее время встрѣчаются по деревнямъ въ старинныхъ усадьбахъ), лишь бы не дать пяти злотыхъ на спасеніе отчизны. На собственные же капризы, на дорогія яства и заморскія «фрикассе», на дорогія и старыя вина, на дружины гѣлохранителей, капеллы, богатые ливреи, на поваровъ, выписываемыхъ изъ Франціи, на позолоченныя кареты,—на все это шляхта швыряла деньги тысячами и сотнями тысячъ, и только для бѣдной отчизны не было пяти злотыхъ! А вѣдь она кричала, что любить свою родину! Возможна ли любовь безъ жертвъ? Мы далеко ищемъ причины паденія государства, а не хотимъ видѣть и вѣрить, что она въ насъ самихъ. Были голоса, призывавшіе къ порядку и сознанію своихъ заблужденій, но никто не внималъ имъ!

Животрепещущимъ вопросомъ было улучшеніе доли крестьянъ. Хлопъ, какъ крѣпостной, былъ собственностью того, въ чьей деревнѣ онъ жилъ. У него не было ни воли, ни собственнаго дома—это было панское, а онъ былъ рабомъ своего пана. Въ отношенія крѣпостнаго и пана никто—ни правительство, ни король—не имѣлъ права вмѣшиваться. Хлопъ не могъ протестовать противъ причиненной ему обиды или жаловаться на нее. Поэтому неудивительно, что обращеніе съ хлопомъ было просто безчеловѣчно; и таковымъ было оно въ имѣніяхъ и шляхты, и духовенства. Въ естественномъ порядкѣ вещей, развилась въ этомъ угнетаемомъ простонародьи крайняя деморализація: о нравственности хлопа не заботился никто—ни панъ, ни ксендзь. Уже сто лѣтъ не было прироста населенія въ Польшѣ, такъ какъ крестьянскія дѣти хоть и рождались на свѣтъ, но умирали отъ нужды, неряшества и отсутствія опеки надъ ними. Хлопъ ясно сознавалъ причиняемую ему кривду; поэтому хоть онъ и кланялся пану, но ненавидѣлъ его, духовныхъ лицъ почиталъ, но не довѣрялъ имъ. Эти ненависть и недоувѣрчивость донныя остались въ простомъ народѣ и не скоро исчезнуть, такъ какъ память о пережитыхъ обидахъ переходитъ въ поколѣнія. Панщина вызвала то, что шляхтичъ и хлопъ разлѣнились и спились съ круга; что Польша, въ то время плодороднѣйшая страна на свѣтѣ, продуктировала меньше хлѣба, чѣмъ, напримѣръ, Англія, которая по пространству равнялась польскому воеводству; что едва одна треть всего пространства Польши воздѣлывалась; что эта $\frac{1}{3}$ не производила и доли того, что она давала бы, если бъ культивировалась надлежаще; что на одну квадратную милю насчитывалось въ Польшѣ 700 человѣкъ, тогда какъ въ другихъ государствахъ населеніе на томъ же пространствѣ доходило до 5.000; что эта миля въ Польшѣ приносила податнаго сбора 1.200 зл., а въ дру-

гихъ государствахъ—отъ 60 до 120 тысячъ дохода. У насъ были люди, разсуждающіе трезво и желающіе счастья странѣ; они били въ набатъ и разъясняли въ цифрахъ, какія бѣдствія причиняетъ панщина. Иные писали брошюры, но никто не хотѣлъ читать ихъ, а если и читалъ, то не вѣрилъ имъ. Замойскій совѣтовалъ облегчить долю хлопа и обезпечить его отъ обидъ со стороны помѣщика. Сташицъ доказывалъ, что «панщина причинила Рѣчи Посполитой больше зла, чѣмъ всѣ ея враги въ совокупности»; онъ восклицалъ: «упразднимъ панщину, и черезъ 20 лѣтъ наша родина преобразится; у нея не будетъ недостатка ни въ людяхъ, ни въ деньгахъ, ни въ средствахъ защиты. А если упразднить ее у насъ еще нѣтъ смѣлости, то замѣнимъ ее на чиншъ или окружную работу, но признаемъ за хлопомъ право на владѣніе землею, какъ собственностью!» Сташицъ предусматривалъ скорбныя послѣдствія угнетеннаго состоянія этого важнѣйшаго общественнаго слоя и не колебался произнести публично слѣдующія памятные слова: «Паденіе Польши будетъ карою за угнетеніе хлопа!» Однако ни Замойскаго, котораго закричали, ни Сташица, какъ мѣщанина, не слушали. Французскаго писателя Руссо чуть не обожали тогдашніе поляки, и въ польскомъ обществѣ онъ слылъ ревностнымъ польскимъ патриотомъ; однако этотъ самый Руссо осмѣивалъ режимъ въ Польшѣ, а о первомъ раздѣлѣ онъ говоритъ въ письмѣ къ Фридриху II: «По слухамъ, раздѣлъ Польши—твое дѣло, государь; вѣрю этому, такъ какъ это мысль гениальная». Въ своемъ же сочиненіи, «*Considérations*», ch. III, онъ обращается къ полякамъ со слѣдующими словами: «Вы не въ состояніи предотвратить поглощеніе васъ сосѣдами; какія бы средства вы ни употребляли, Польша будетъ сто разъ раздавлена». Это и не удивительно, такъ какъ неурядица и безправье губятъ не только семейства, но и государства, и именно они были важнымъ факторомъ въ паденіи Польши.

Мѣщанское сословіе хотя и въ меньшей степени, но тоже нуждалось въ улучшеніи своей доли. Мѣщане не допускались въ государственный совѣтъ. Имъ дозволялось учиться, но только для себя самихъ, а не для государства; до высшихъ степеней мѣщанинъ не могъ дослужиться ни въ арміи, ни въ духовенствѣ, такъ какъ онѣ были монополіей шляхты. Города были собственностью тѣхъ, въ чьихъ владѣніяхъ они были расположены; поэтому владѣлецъ угнеталъ и мѣщанина почти какъ хлопа, а такъ какъ это было сословіе сравнительно богатое въ странѣ, то оно деньгами откупалось отъ гнета, исправно вносило подати въ казну и желало добра государству. Напримѣръ, варшавскіе мѣщане вносили въ казну, въ видѣ различныхъ налоговъ 3.141.000 злотыхъ, а когда было утверждено повышеніе подымнаго сбора, давашаго съ одной только Варшавы 140.000 зл., жители столицы, мѣщане, добровольно обязались уплачивать въ годъ 400.000 зл.; кромѣ того, всѣ

города объявили, что будутъ платить 20% съ оборотнаго капитала, лишь бы придти съ помощьюъ отчизнѣ. Мѣщане требовали только, чтобы сеймъ призналъ ихъ гражданами государства, дагь имъ права, которыми они пользовались въ прежней Польшѣ, чтобы въ арміи они могли дослуживаться до офицерскихъ чиновъ, а въ духовенствѣ до высшихъ степеней; чтобы имъ дозволили пріобрѣтать имѣнія, подчинили ихъ юрисдикціи сословной или королевской и уволили ихъ отъ юрисдикціи старостъ и маршала, которые имъ, мѣщанамъ, дали таки себя знать.

Признать эти льготы мѣщанамъ не дозволила шляхта, опасаясь, чтобы король съ помощьюъ мѣщанъ не отмѣнилъ «самой природою данныхъ шляхетскихъ привилегій и вольностей». Депутація, состоявшая изъ мѣщанъ, представителей всѣхъ городовъ, обратилась прежде всего къ королю, но онъ совсѣмъ не былъ въ состояніи помочь имъ, такъ какъ не имѣлъ правъ; затѣмъ обратились къ канцлеру Малаховскому, но этотъ принялъ депутацію холодно, сказавъ, что онъ канцлеръ при тронѣ, а дома—Малаховскій, и спровадилъ ее ни съ чѣмъ; обращалась она и къ другимъ министрамъ со своими справедливыми требованіями, но всюду должна была наслушаться горькихъ упрековъ, заявленій, что требовать для себя привилегій, которыя подобаютъ только шляхтѣ, — «дерзость». Назвать дерзостью справедливыя требованія важной части общества, отзывчивой на нужды страны и любящей ее, — на это были способны развѣ только польскіе министры конца XVIII столѣтія. Стало быть, и этотъ многоважный вопросъ пошелъ «ad acta».

Люди здравомыслящіе затронули и другой, не менѣе важный вопросъ—о престолонаслѣдіи. Въ Польшѣ каждый изъ королей былъ избираемъ шляхтою. Шляхта обыкновенно выбирала того изъ кандидатовъ, который давалъ ей наиболѣе привилегій. И на элекціяхъ не обходилось безъ интригъ иностранныхъ дворовъ, и, сказать по справедливости, Польша самостоятельно, безъ чуждыхъ вліяній, избрала только двухъ королей: Собѣскаго и Вишневецкаго. Дабы избѣжать иностранныхъ вліяній, лица, видѣвшія положеніе вещей яснѣе, высказали мнѣніе, что слѣдуетъ сдѣлать престолъ наслѣдственнымъ. Выбицкій въ «Патріотическихъ письмахъ» (1780 г.) говоритъ прямо, что «Польша не спасетъ себя отъ гибели, если не откажется отъ привилегіи выбирать себѣ короля». За это однако Выбицкаго едва не убили. Впослѣдствіи отдѣльныя лица начали выступать смѣлѣе съ рѣчью о престолонаслѣдіи, что дало поводъ Северину Ржевускому написать небольшое сочиненіе «О престолонаслѣдіи въ Польшѣ», въ которомъ онъ съ ужасомъ и съ опасеніемъ за шляхетскія вольности оспариваетъ, на основаніи нелогическихъ аргументовъ, голоса за наслѣдственность. Онъ говоритъ, что послѣдняя приведетъ страну къ деспотизму, такъ какъ наслѣдственный король, подъ предлогомъ благоустройства, привлечетъ всѣ власти подъ

свое начало, возмутить крестьянство, чтобы наложить ярмо на шляхетское сословіе, установить новые налоги, чтобы разорить шляхту, перессорить властные роды, чтобы они не могли защищать шляхетскія вольности, овладѣть войскомъ, чтобы употребить его противъ шляхты. А сынъ такого короля, принявъ дѣло, уже на половину готовое, навѣрно доведетъ до конца. Шляхтичъ же лишь тогда примѣтитъ перемѣну въ правительствѣ и своемъ сословіи, когда его собственный крѣпостной начнетъ привлекать его къ суду! Далѣе онъ пугаетъ общество картиной деспотизма Тиверія и Траяна и патетически восклицаетъ: «Развѣ въ польскомъ мірѣ еще не было достаточно Траяновъ, чтобы тоскливо мечтать о королѣ!» Затѣмъ пугаетъ сосѣдними державами, которыя, по его мнѣнію, никогда не согласятся на наслѣдственность престола въ Польшѣ, потому именно, что наслѣдственный король могъ бы собрать армію числомъ около 200.000 чел. и тогда сталъ бы страшенъ сосѣдямъ. Въ заключеніе онъ совѣтовалъ организовать правительство безъ короля, съ тѣмъ чтобы управляло только магнатство. Эти слова, произнесенныя съ горячностью и льстившія гордости шляхты, при томъ подкрѣпленныя обаяніемъ гетманскаго званія и авторитетомъ магната, который никогда не благоволилъ къ королю, вызвали очень сильное впечатлѣніе въ обществѣ. Да и можно ли было не вѣрить, когда говорилъ такой мужъ, противникъ короля, движимый будто бы чистѣйшей любовью къ родинѣ,—и говорилъ въ защиту шляхетскихъ вольностей! И вотъ Браницкій былъ такъ восхищенъ этой брошюрой, что велѣлъ немедленно же перепечатать ее въ Варшавѣ и разослать по всей странѣ.

На эту брошюру отвѣтили сторонники наслѣдственности престола, люди высокообразованные, какъ напримѣръ, Гуголь Коллонтай, епископъ Красинскій, Игнатій Потоцкій, Эаддей Морскій, Іакинфъ Езерскій и Францъ Езерскій.

Потоцкій въ своей брошюрѣ «Размышленія надъ граматой, изданной за подписью господина Ржевускаго» притворяется, будто не вѣритъ, что Ржевускій могъ быть ея авторомъ; онъ полагаетъ, что кто-то другой прикрылся его фирмой, такъ какъ немислимо, чтобы гетманъ, столь высокій сановникъ, былъ такъ близорукъ. Въ заключеніе онъ донимаетъ колкостями Ржевускаго, говоря, что если, и въ самомъ дѣлѣ, авторъ брошюры—онъ самъ, то написалъ ее съ той мыслью, чтобы сохранить избирательный престолъ для главнокомандующаго русской арміи Потемкина. А слѣдуетъ замѣтить, что Потемкинъ нещадно бранилъ Ржевускаго за его злонамѣренность въ отношеніи короля, называлъ его пьяницей, буяномъ, непатріотомъ, тиранномъ, страшнѣйшимъ деспотомъ и т. д.

Коллонтай доказываетъ, что авторъ брошюры неосновательно смѣшалъ понятія о наслѣдственной монархіи и о неограниченной, такъ

какъ, не будучи наслѣдственнымъ государемъ, можно править самодержавно, какъ правили Марій, Сулла и Цезарь; и наоборотъ, располагая наслѣдственной властью, можно править при условіяхъ строгой ограниченности, какъ напимѣръ, въ Голландіи. Далѣе онъ говорить, что не народъ боится наслѣдственности престола въ Польшѣ, а олигархи, которымъ наслѣдственный престолъ не позволитъ нарушать общественныя права по собственному усмотрѣнію. Видя, что престолъ, въ данное время избирательный, имѣетъ связь съ усиленіемъ гетманской власти, онъ говоритъ: «Отдѣляйтесь отъ королей, выберите себѣ магнатовъ въ начальники областей, и если такъ легко состоялся шокировавшій всю Европу раздѣлъ Польши, то еще легче будетъ захватывать разрушенныя области подъ власть чуждыхъ державъ». (Замѣчанія къ сочиненію, которое вышло въ Варшавѣ съ именемъ Северина Ржевускаго «О престолонаслѣдіи въ Польшѣ», 1790 г.).

Францъ Езерскій въ своемъ замѣчательномъ разсужденіи: «О междуцарствіяхъ въ Польшѣ и объ избраніи королей» доказываетъ, что девять междуцарствій въ Польшѣ со временъ Сигизмунда-Августа были страшнымъ бѣдствіемъ для народа, что избраніе королей вызываетъ всегда неурядицу, послѣдствіемъ которой была постоянная потеря областей и вмѣстѣ съ тѣмъ независимости государства. Въ заключеніе онъ говоритъ: «Достаточно еще одной элекціи, самое большое—двухъ, чтобы всей Польши окончательно не стало».

Однако, при застарѣлости предразсудковъ, эти трезвыя мнѣнія оказывались совершенно недействительными. Радзивилль, «Пане-Коханку», уже на смертномъ одрѣ говорилъ окружающимъ: «Никто не можетъ болѣе, чѣмъ я, ненавидѣть вольную элекцію, такъ какъ изъ-за нея родъ мой пришелъ въ упадокъ. Однако, какъ добрый полякъ, откладывая въ сторону частныя интересы—и наслѣдственности престола не желаю». Сухоржевскій, калишскій депутатъ, защищая элекцію въ сеймѣ, сказалъ: «Не убоюсь признаться вамъ: не хочу существованія Польши, не хочу имени поляка, если мнѣ быть невольникомъ короля!» А епископъ Коссаковскій прочиталъ въ сеймѣ меморіаль, въ которомъ, ссылаясь на польскіе законы, выражаетъ мнѣніе, что «врагомъ отчизны слѣдуетъ считать того, кто дерзнетъ предлагать наслѣдственность престола». Самъ король Станиславъ-Августъ, бездѣтный, совѣтовалъ наслѣдственность. Въ 1790 г. онъ произнесъ въ сеймѣ слѣдующія слова: «Вѣдь моя жизнь, исполненная огорченій, оскорбленій и печалей, вѣроятно уже не будетъ продолжительна. Послѣ моей смерти осиротѣетъ престолъ и на него будутъ посягать люди, проникнутые амбиціей, а такъ какъ единодушія не будетъ, то должна произойти домашняя война. Признавъ наслѣдственность престола, въ настоящее время можно еще предотвратить бѣдствіе».

Эти добросовѣстные голоса подверглись различнымъ экспериментамъ;

ихъ фильтровали, взвѣшивали и въ заключеніе отвергли, чтобы только не нарушать шляхетскихъ вольностей. Шляхта предпочитала загубить край, только бы не допустить хотя одной привилегіи для спасенія отчизны! Это горькое признаніе, но оно справедливо. Голосовъ, призывавшихъ къ усовершенствованіямъ въ стравѣ, не слушала, а управитья со зломъ было некому. Польское общество сгнило окончательно.

Крѣпкая организація государства, опирающаяся о сильный престолъ, переносится на подданныхъ, удѣляя имъ свою твердость и крѣпость, и выдѣряетъ въ народъ необходимыя доблести. У насъ было иначе. По мѣрѣ того, какъ ослабѣвала государственная организація съ XVI столѣтія, доблести убывали, а пороки все возрастали. Безнаказанное магнатство портило правительство, а правительство не имѣло способа оградить его самого отъ порчи. Это было взаимное пагубное воздѣйствіе, такъ какъ отсутствіе дисциплины въ народѣ должно повлечь за собою деморализацію. И хотя доблести въ единичныхъ родахъ, хотя страстные желанія единицъ спасти отчизну вспыхивали отъ воспоминаній о былыхъ геройствахъ, однако доблести массы, талантливости и позывъ къ службѣ сообща—исчезали по мѣрѣ ослабленія правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезала и сила государства. Не король, не Россія, а общественное безначаліе погубило Польшу, распатало совѣсть и испортило народъ. Въ древнихъ римлянахъ плѣняють насъ героизмъ и самоотверженіе, проявляемые въ общественныхъ дѣлахъ, а въ дѣ древній римлянинъ не отличался большимъ мужествомъ, чѣмъ теперешній италіанецъ. Въ повседневномъ быту онъ былъ холоденъ и разсчетливъ; но, пройдя черезъ суровую школу римскихъ легионовъ, научившись въ сплоченныхъ кадрахъ службѣ, дисциплинѣ и уваженію къ власти, онъ измѣнялъ свою натуру и обращался въ непобѣдимаго воина.

Народную гордость слѣдуетъ цѣнить, и ей подобаешь честь, но—гордости, вѣрно понятій. Въ Польшѣ же была гордость абсолютная и эгонистическая; такую гордость должно осудить. И испанскій народъ славился своею гордостью, но такъ какъ она основывалась на любви къ престолу, въ которой взростали цѣлыя поколѣнія, то Испанія, эта малолюдная страна, и произвела столь блистательные перевороты въ исторіи міра. По принципу преданности трону, она научилась повиновенію и дисциплинѣ. Этого уваженія къ правительству и повиновенія властямъ не было въ Польшѣ, и это было главною причиною ея паденія.

Памяти Д. В. Григоровича.

(Пребываніе его въ Главномъ Инженерномъ училищѣ).

Главное Инженерное училище, въ которое поступилъ Д. В. Григоровичъ въ тридцатыхъ годахъ (1836 г.), созданное великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ (1819 г.), имѣло совсѣмъ отличный характеръ отъ прочихъ того времени военно-учебныхъ заведеній: составъ училища былъ небольшой (126 чел.), каждый поступающій въ училище былъ не моложе 14 лѣтъ, назывался кондукторомъ и присягалъ на вѣрность службы. Вся внутренняя и внѣшняя обстановка (пища, содержаніе, обмундированіе и проч.) были совсѣмъ иныя, чѣмъ въ кадетскихъ корпусахъ. Молодые люди, считавшіеся на службѣ и пользовавшіеся нѣкоторыми правами (относительно пенсій) и избавленные отъ тѣхъ взысканій, которыя существовали въ кадетскихъ корпусахъ, щеголяли своимъ мундиромъ и считали свое званіе кондуктора выше имени кадета. Многимъ кондукторамъ были извѣстны кадетскіе порядки, права ротныхъ командировъ въ корпусахъ наказывать тѣлесно воспитанниковъ, и не забыты были въ военно-учебныхъ заведеніяхъ наставленія бывшаго директора 1-го кадетскаго корпуса ген. Клингера, говорившаго неоднократно: «Die Russen muss man mehr schlagen und weniger lehren».

Въ Инженерномъ училищѣ существовали, большею частію, взысканія строевыя, хотя, тѣмъ не менѣе, не мягкія, а скорѣе суровыя; но требованія и взысканія были одинаковыя какъ съ кондуктора, такъ и съ офицера, находившагося въ офицерскомъ классѣ; и кондуктора, отпустившаго длинныя волосы, и за длинную шевелюру офицера, стригли «подъ гребенку»; и кондуктора, замѣченнаго въ куреніи табаку, и офицера, курившаго въ классной комнатѣ или на дежурствѣ, сажали

подъ арестъ или высылали на службу. Еще строже взыскивали за нарушение дисциплины, несоблюдение формы одежды, головного убора, за хождение въ фуражкахъ по улицѣ, или въ капошахъ и пр. Тѣмъ не менѣе, въ небольшой семьѣ кондукторовъ, замкнутыхъ по недѣлямъ вмѣстѣ, не получавшихъ газетъ, почти не знакомыхъ съ вѣшнимъ міромъ, дѣлившихъ между собою и горе и радости, представлявшихъ собою отдѣльный мірокъ, были и свои традиціонныя уставы, обычаи и пожалуй законы. Хотя всѣ эти постановленія иногда были сильнѣе драконовскихъ, но въ сущности заключали въ себѣ много хорошаго, ослабляя въ привычкахъ молодыхъ людей остатки дурнаго домашняго воспитанія. Сближеніе между товарищами было такъ велико, и эта связь такое имѣла вліяніе на всю жизнь бывшихъ кондукторовъ Инженернаго училища, что никакія ни счастливыя, ни несчастныя обстоятельства не разрушали этой связи. Съ шестидесятыхъ годовъ, къ сожалѣнію, все измѣнилось. Но во внутренней жизни училища долго еще были и свои достоинства, и свои недостатки, можетъ быть, слѣды тогдашняго общественнаго настроенія—преобладаніе старшаго надъ младшимъ: въ училищѣ были старшіе I и II класса и были младшіе—III и IV класса кондукторы; значеніе старшихъ было такъ велико и надзоръ надъ младшими былъ такъ серьезенъ и строгъ, что проявленіе въ кондукторахъ младшаго класса нарушенія мѣстныхъ традиціонныхъ обычаевъ или моды, безнравственныхъ привычекъ, отсутствіе честности, хвастовство, и обманъ и проч., позорящіе человѣка, въ особенности кондуктора Инженернаго училища, наказывались товарищами старшаго класса, или внушеніями всякаго рода, или неисправному предлагалось выйти въ отставку, и все это дѣлалось келейно, никто изъ начальства этого не зналъ. Къ сожалѣнію, самосудъ, эта домашняя расправа прививалась и въ семьѣ другихъ двухъ младшихъ классовъ, и тамъ былъ самосудъ и были старшіе и младшіе—первые были кондукторы III класса, послѣдніе были IV класса (обитатели «Камчатки»), такъ называемые «рябцы». Участь этихъ илотовъ была почти та же самая, какая существовала въ то время во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ школахъ, пансіонахъ, гимназіяхъ, училищахъ, бурсахъ и пр.; вездѣ, вновь поступавшіе подвергались всякаго рода насмѣшкамъ, оскорбленіямъ и побоямъ. Трудно сказать, были ли эти недостатки послѣдствіями дурнаго тогдашняго воспитанія, или грубости нравовъ извѣстнаго времени, наконецъ, были ли они порокомъ не человѣка, а вѣка (non vitia hominis, sed vitia saeculi), только они существовали въ Инженерномъ училищѣ въ то время, когда Д. В. Григоровичъ поступилъ въ него по экзамену.

Въ своихъ воспоминаніяхъ ¹⁾ Д. В. Григоровичъ о первомъ годѣ

¹⁾ Изд. А. Ф. Маркса, XII, стр. 227.

своего поступленія въ Главное Инженерное училище не могъ забыть этого тяжелаго для него времени; уже старикомъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ:... «что онъ рѣшительно не можетъ понять, какъ онъ, мальчикъ по природѣ въ высшей степени нервный, впечатлительный, робкій, мягкій, какъ воскъ, съ развитіемъ запоздалымъ—могъ пережить въ той атмосферѣ, гдѣ товарищи его были суровѣе, безпощаднѣе, чѣмъ само начальство».

Къ этимъ чувствамъ, которыя испытывалъ Д. В. въ первый годъ его пребыванія въ Инженерномъ училищѣ, и мнѣнію его о томъ обществѣ, гдѣ онъ началъ служить и жить, можно только прибавить, что Григоровичъ, ни по своему воспитанію, ни по своимъ душевнымъ качествамъ и слабостямъ, по крайней мѣрѣ въ ту пору, какъ мы его знали, совсѣмъ не былъ подготовленъ къ той средѣ общества—своеобычной и суровой, въ которую онъ поступилъ.

Нравственныя страданія начались за долго до поступленія Д. В. въ Инженерное училище, съ того дня, какъ старушка-мать привезла его въ пансіонъ инж.-капитана Костомарова, для приготовленія къ экзамену въ Инженерное училище. «Первый мой визитъ,—говоритъ Д. В.,—къ Костомарову произвелъ на меня удручающее впечатлѣніе». Онъ увидѣлъ передъ собою пожилаго, высокаго офицера съ большими черными усами; съ серьезнымъ, даже, сколько ему тогда показалось, суровымъ лицомъ, его испугали бывшіе у Костомарова воспитанники (то были: Достоевскій, Паукеръ, Звѣревъ, Готовскій и др.) и еще болѣе, чѣмъ самъ капитанъ. Каждый день пріемнаго экзамена производилъ на Григоровича особенныя страданія, которыхъ конца онъ не могъ дожидаться. Наконецъ, онъ былъ принятъ, и снова начались для него испытанія. Достаточно вспомнить, что Григоровича прежде, чѣмъ онъ поступилъ въ Инженерное училище, какъ избраннаго по экзамену для пріема, въ числѣ 15-ти такихъ же кандидатовъ, повели сначала въ лазаретъ для осмотра, потомъ въ какую-то комнату, гдѣ всѣхъ раздѣли донага («гдѣ онъ корчился, какъ дѣвочка, едва удерживаясь отъ слезъ»). Затѣмъ, начались его страданія со вступленіемъ въ училище: нарушилось его спокойствіе, явилась тревога во всемъ; утромъ и вечеромъ барабанный бой, утромъ и вечеромъ классы, въ промежуткѣ строевыя занятія: «стойка», «выправка», маршировка, хожденіе въ три пріема, держаніе ноги на-вѣсу, и отпусканіе по командѣ; вѣчный крикъ, команда «смирно», даже тогда, когда всѣ стояли во фронтѣ, молча, какъ вбитые въ землю и проч. и, въ довершеніе тяжелыхъ впечатлѣній Григоровича, начались назойливыя приставанія, разпросы такъ называемыхъ «старыхъ» кондукторовъ, которыхъ забавляла его чувствительность, по ихъ понятіямъ женственность; насмѣшки ихъ переходили въ грубость и могли кончиться очень печально для Григоровича, «рябца», если бы не выручилъ его изъ

бѣды, случайно проходившій мимо, старшаго класса Радецкій ¹⁾ (Ө. Ө.), и, узнавъ причину слезъ Григоровича, своими внушеніями не прекратилъ совѣтъ преслѣдованія его товарищами.

Благодаря богатымъ способностямъ и хорошему домашнему воспитанію, Григоровичъ въ первый годъ пребыванія въ Инженерномъ училищѣ учился прекрасно, хотя уже тогда у него были любимые и нелюбимые научные предметы и лекціи симпатичныя и антипатичныя. Ему нравились словесныя науки: исторія, географія, русская и иностранная словесность, и др., и сильно не долбилъ оныя математики, однѣ лекціи которой производили на него тяжелое впечатлѣніе. «Лишь только что-либо касалось,—говоритъ Григоровичъ,—математической выкладки, вычисления, мозгъ мой словно вдругъ застился туманомъ, чѣмъ-то придавливался. При одномъ появленіи преподавателя математики Л. М. Кирпичева, сердце мое замирало». Лекціи же литературы оныя прослушивалъ всегда съ напряженнымъ вниманіемъ, составлялъ по нимъ записки и особенно заслушивался литературнымъ сообщеніемъ г. Прокоповича, друга Н. В. Гоголя. Литературныя ли лекціи г. г. Прокоповича и послѣ него Плаксина были для Григоровича тѣми благодѣтельными сѣменами, которыя нашли обильную и плодотворную почву въ душѣ высокоталантливаго Д. В., или его природное влеченіе къ литературѣ, только уже въ первый годъ его классныхъ занятій оныя началъ предпочитать словесныя науки и равнодушно относиться къ наукамъ специальнымъ. Обычное нерасположеніе Григоровича къ этимъ послѣднимъ наукамъ увеличивалось съ возраставшей антипатіей его къ фортификаціи. Оны не могъ спокойно переносить неприятныя для него насмѣшки преподавателя фортификаціи инж.-поручика Густава К., который не стѣснялся смѣяться надъ отвѣтами Григоровича, когда они были неудовлетворительными, и особенно, когда Григоровичъ позволялъ себѣ замѣнять иностранныя техническія названія простыми русскими словами, такъ вмѣсто слова «туръ», или «габіонъ» называлъ плетеная корзина, «брустверь» называлъ: грудная защита (по-старинному: перси), «потерны», «сорти»—проходами, «брульонъ»—черновой рисунокъ, «банкетъ»—приступокъ, пѣшеходия и др., все это вызывало грубыя насмѣшки Густава К. надъ Григоровичемъ и доводило его до слезъ.

Въ Инженерномъ училищѣ было много такихъ личностей, которыя проникались особеннымъ пристрастіемъ къ какому-либо предмету, увлекались его изученіемъ и, по выходѣ изъ Инженернаго училища, своими почтенными трудами достигали почестей и славы, только не на инженерномъ поприщѣ ²⁾. Точно также и Григоровичъ съ особенною любовію

¹⁾ Впослѣдствіи герой Шибки.

²⁾ Достоевскій, Сѣченовъ, Трутовскій, Рехневскій, фонъ-Кауфманъ, Герсеновъ, Лееръ, Струве, Яблочковъ и мн. др.

занимался словесными науками, преимущественно литературою, относясь совершенно равнодушно къ остальнымъ наукамъ, какъ бы предчувствуя, что будетъ занимать его въ будущемъ, и, что, какъ онъ говоритъ, составить счастье всей его жизни.

Рядъ впечатлѣній, испытанныхъ Д. В. Григоровичемъ въ первый годъ его пребыванія въ Инженерномъ училищѣ, не дѣлали его грубѣе, равнодушнѣе ко всему, что его прежде занимало и тревожило. Потеря нѣкоторыхъ имъ любимыхъ товарищей, высланныхъ юнкерами въ саперные батальоны, по поводу владыкинской исторіи, желавшихъ, по ихъ понятіямъ, искоренить въ ротѣ наушничество, не уменьшила природныхъ особенностей Григоровича. Его мучилъ недостатокъ искренности въ человѣкѣ, къ которому онъ преданъ былъ душою, съ кѣмъ онъ хотѣлъ раздѣлять минуты своего досуга, въ комъ онъ могъ еще найти сочувствіе къ своимъ мечтамъ, кого онъ уважалъ и любилъ, какъ наприм. *Э. М. Достоевскій*. Это былъ человѣкомъ совсѣмъ другаго характера, иначе держалъ себя и спокойнѣе смотрѣлъ на все окружающее, чѣмъ Григоровичъ, который говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что *Э. М.* выказывалъ черты несообщительности, сторонился, не принималъ участія въ играхъ, сидѣлъ, углубившись въ книгу, и искалъ уединеннаго мѣста. «Съ неумѣренною пылкостью моего темперамента,—говоритъ Григоровичъ,—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайнею мягкостью и податливостію характера, я не ограничился привязанностію къ Достоевскому, но подчинился его вліянію». Не только съ этимъ можно согласиться, но и даже съ тѣмъ, что на Григоровича имѣли большое вліяніе начитанность Достоевскаго, знаніе имъ трудовъ многихъ русскихъ и иностранныхъ писателей, и все, что говорилъ *Э. М.*, для Григоровича, по его словамъ, «было откровеніемъ, назиданіемъ, оказавшимъ благотѣльное дѣйствіе на всю его будущую литературную дѣятельность». Но надобно припомнить, что эти два человѣка съ дѣтства были двѣ совершенно разнородныя силы, анодъ и катодъ, положительныя и отрицательныя, такъ что то, что нравилось и занимало одного, не могло нравиться другому, что привлекало Григоровича (игры «загонки», танцы, пѣсни, живыя картины и пр.), Достоевскому казалось скучнымъ. На то, что особенно сердило Григоровича: барабанный бой, вытягиваніе носка на маршировкѣ и стояніе, какъ онъ говоритъ въ журавлиной позѣ на одной ногѣ, пока не скомандуютъ ее опустить—Достоевскій смотрѣлъ равнодушно, усердно вытягивалъ носокъ, учился подходить на ординарцы, хотя сознавалъ, что по его тѣлосложенію, болѣзненной структурѣ и по его блѣдному лицу, онъ уже по природѣ не былъ красавцемъ, чтобъ быть представителемъ строеваго кондуктора. Григоровича сердили нерѣдко фразы инструктора солдатика Образцоваго полка, говорившаго: когда маршируете, то такъ, чтобы «носокъ

вашъ игралъ», когда идетъ по фронту начальство справа, то держите лѣвое ухо вострѣе и смотрите начальству «глазь въ глазь»,—однимъ словомъ, ему не нравились многія обычныя солдатскія выраженія: «уберите третье ребро, или подавайтесь всѣми средствями впередъ, не упираясь на оныя» и т. п. Ф. М. Достоевскаго наставленія эти не только не сердили, но казались любопытными по своей оригинальности. Походъ изъ Петербурга, лѣтомъ, въ лагерь Григоровичу не нравился, его утомляли и аммуниція, и ружье съ «полунагалищемъ» (чехломъ на куркъ) и тѣсакъ, шанповой инструментъ, бившій по ногамъ, и киверъ (всегда наполняемый книгами, апельсинами и пр.), наконецъ ранецъ, тоже набитый не соломой, а «бонбонцерками» и пирожками. Достоевскій, какъ «слабый по фронту», назначался въ «квартиреры», т. е. въ то число (четырехъ человекъ) кондукторовъ, которыхъ посылали съ офицеромъ за день до выступленія роты изъ Петербурга въ Петергофъ, для занятія избъ и сараевъ для ночлега роты, въ дер. «Старая Кикинка».

Какъ зимою, такъ и лѣтомъ, въ лагерь, образъ жизни и привычки Григоровича и Достоевскаго не мѣняли своего обычного характера. Первый любилъ удовольствія, прогулки, игры, купанья, его занимали фонтаны, штурмы на каскады, а владѣя прекрасно французскимъ языкомъ, онъ легко знакомился съ дѣтьми нашихъ аристократовъ и богатыхъ людей, съ подпрапорщиками и пажами. Второго, Достоевскаго, ничто подобное не занимало, по-прежнему его можно было найти или одного въ уголкѣ шатра, съ книгою или письмомъ, всегда задумчивымъ и еслиговорившимъ, то тихо и особенно продолжительно. Григоровичъ, когда перешелъ въ слѣдующій (III) классъ, и когда вышелъ изъ разряда «рябцовъ», сдѣлался неузнаваемъ: къ природной мягкости присоединилось особое добродушіе, онъ сдѣлался душою общества, и дѣйствительно это была личность милая и сердечная, которая увлекала товарищей своею дружбою и въ особенности своими интересными разсказами, дышавшими неподдѣльною искренностію, веселостію и остроуміемъ. По воспоминаніямъ его товарищей, современниковъ, Григоровичъ, лѣтомъ, сидя на завалинкѣ шатра, декламировалъ изъ «Горя отъ ума», «Цыганъ» или наизусть читалъ цѣлыя строфы изъ сочиненій: Державина, Озерова и др. Любимымъ чтеніемъ Григоровича лѣтомъ были переводы де-Шаплетта (его времени дежурнаго офицера), романы Вальтеръ-Скотта, или сочиненія миссъ Эджевортъ, Фенимора Купера, Ламартина и др. Въ рукахъ Достоевскаго никогда не было романовъ, и зимою и лѣтомъ можно было видѣть или рукописи, всторыхъ никто не касался или книги серьезнаго содержанія, между прочимъ: Масильона, Монтескье, Zschokke: Die Stunden der Andacht, или Knigge: Über den Umgang mit Menschen и т. п.

Не могу забыть того времени, когда въ молодости, будучи дежур-

нымъ офицеромъ въ Главномъ Инженерномъ училищѣ, мнѣ приходилось часто видѣться и говорить со многими молодыми людьми, кондукторами училища. До сихъ поръ въ моей памяти сохранились имена многихъ изъ этихъ юношей, не только занимавшихъ меня своими разговорами и тѣмъ сокращавшихъ часы суровой тогдашней службы, но и привлекавшихъ меня къ себѣ своею чистосердечною и откровенною бесѣдою. Въ то время не всякое начальство могло вызывать юношескихъ кондукторовъ къ бесѣдѣ съ нимъ; мнѣ можетъ-быть удалось воспользоваться этимъ правомъ, отчасти потому, что между нами была небольшая разница въ лѣтахъ, а можетъ быть они довѣряли моей скромности и ласковому, не служебному отношенію съ ними. Молодежь нерѣдко увлекалась своимъ характеромъ, наклонностями и откровенно передавала мнѣ свои впечатлѣнія, и такимъ образомъ представляла мнѣ случай быть нравственно для нея полезнымъ. Это я узналъ впоследствии, когда спустя десятки лѣтъ, мнѣ приходилось нерѣдко слышать отъ людей пожилыхъ, заслуженныхъ благодарность за все доброе, мною имъ оказанное, во время ихъ пребыванія въ Инженерномъ училищѣ. Припоминая это прошлое даже давноинувшее, мнѣ ясно представляются многія личности, бывшіе воспитанники училища, у меня сохранились въ памяти нѣкоторые предметы нашихъ разговоровъ, общая ихъ характеристика, и, какъ теперь, помню мои частыя бесѣды съ Достоевскимъ, Григоровичемъ и др. Какъ теперь слышу тихую, спокойную рѣчь Достоевскаго, передаваемую имъ послѣдовательно остановками, прерываемую имъ, повидимому, съ намѣреніемъ или для облегченія груди или же размышленія. Бесѣда Достоевскаго была для меня интересною по изобилію его начитанности и мастерскому ея изложенію. Совсѣмъ другой характеръ имѣла рѣчь Григоровича: какъ теперь слышится его звонкій голосъ, его одушевленные, живые рассказы, пополняемые хотя мелкими, но яркими блестками остроумія. Не мудрено, что онъ своими рассказами привлекалъ многихъ слушателей изъ своихъ товарищей, даже самыхъ угрюмыхъ. Весьма часто, не чувствительно переходя отъ одного предмета къ другому, отъ минутныхъ впечатлѣній къ мечтамъ о будущности, Григоровичъ то забывалъ о своемъ служебномъ положеніи, объ училищѣ, той средѣ, куда судьба его занесла, и радъ былъ случаю поговорить съ кѣмъ-нибудь, чтобъ подѣлиться своими впечатлѣніями, своими розовыми надеждами; то, чувствуя тягость своей зависимости, Григоровичъ представлялъ себя только тогда совершенно счастливымъ человекомъ, когда онъ будетъ на свободѣ, за предѣлами классной жизни, вѣтъ той школы, которая утомляла его своими уставами, казенщиной, притуплявшей въ немъ всякую энергію. Онъ представлялъ себя художникомъ, артистомъ мысли, чувства, вся жизнь котораго посвящена изящному, искусству, его не изсякаемому источнику

очарованія, свѣжести и красоты. Онъ заранѣе радовался успѣхамъ своихъ трудовъ, представляя себя любящимъ общество академикомъ, профессоромъ, лауреатомъ—забывая, что еще нѣсколько минутъ и команда: строиться «на ученье», или барабанный бой къ вечерней зорѣ разрушать его иллюзіи.

Въ памяти знавшихъ Григоровича въ Инженерномъ училищѣ сохранилась замѣчательная его любовь къ рисованію, особенная любовь къ изящному; была ли эта способность въ немъ врожденная, природный талантъ, или явилась и развилась въ училищѣ, частью большою практикою пріобрѣтаемою, или посѣщеніемъ Эрмитажа, музеевъ и Академіи художествъ,—трудно сказать. Впослѣдствіи, большую часть жизни своей посвящая труды свои литературѣ, Григоровичъ, въ то же время и можно сказать со страстію занимался также изящнымъ искусствомъ, изучая монументальные памятники живописи, скульптуры, ваянія, и пр. Теперь, когда имя его сохранилось въ почтенномъ Обществѣ, поощренія художниковъ, можно припомнить то, что Григоровичъ часто говорилъ, что онъ многимъ обязанъ первому и симпатичному учителю рисованія и черченія, преподавателю этихъ предметовъ въ Инженерномъ училищѣ, инженеръ-капитану Ал. Петр. Реймерсу.

Кромѣ того, что г. Реймерсъ былъ страстный любитель и знатокъ живописи и пластическаго искусства, это была личность особенно интересная. Воспитанникъ того же училища, первыхъ годовъ по его основаніи, человекъ хорошо образованный и отличной души, онъ былъ извѣстенъ въ инженерномъ мірѣ по одному прискорбному случаю. Онъ пострадалъ за то, что не исполнилъ лично ему даннаго приказанія начальства. Въ видахъ сбереженія мундировъ, ежедневно носимыхъ кондукторами, построены были сѣрыя куртки съ кожаными локотниками, и приказано было ихъ надѣть, и, когда послѣ нѣсколько разъ повторенныхъ приказаній младшаго и затѣмъ старшаго начальства (графа Оппермана), кондукторы приказаній не исполнили, увѣдомили объ этомъ генераль-инспектора по инженерной части, великаго князя Николая Павловича, проживавшаго тогда въ Аничковскомъ дворцѣ. Великій князь скоро пріѣхалъ. Кондукторская рота была въ сборѣ, въ павильонѣ (гдѣ она была первоначально помѣщена). Послѣ выраженного великимъ княземъ ротѣ неудовольствія, и, когда на его приказаніе надѣть куртки не послѣдовало исполненіе, великій князь обратился къ право-фланговому, это былъ кондукторъ Реймерсъ.

— Сейчасъ надѣть куртку!—сказалъ великій князь.

— Простите, ваше высочество, мы не промѣняемъ нашего мундира на куртку фуражата!—отвѣтилъ Реймерсъ.

— Такъ ты надѣнешь ляжку солдата!—сказалъ великій князь и оставилъ училище.

Къ счастью, гнѣвъ великаго князя скоро прошелъ. Реймерсъ кончилъ курсъ наукъ и вышелъ въ офицеры, но только прапорщикомъ, котораго долго не производили въ слѣдующіе чины. На его счастье, когда онъ былъ въ Инженерномъ училищѣ уже преподавателемъ ситуаціи, рисованія и перспективы и когда перемѣнилось начальство, измѣнился и составъ училища, прошлое было забыто, кондукторы по-прежнему носили мундиры, одинъ только виновникъ ихъ сохраненія въ училищѣ оставался въ одномъ чинѣ,—пріѣзжаетъ въ Инженерный замокъ императоръ Николай Павловичъ. Государь, обойдя офицерскіе классы, вошелъ въ верхній кондукторскій классъ, гдѣ читалъ лекцію о перспективѣ и теоріи тѣней прапорщикъ Реймерсъ. Государь полюбовался рисунками кондукторовъ, сѣлъ на первую скамейку подлѣ кондуктора, прослушалъ всю лекцію, всталъ и взволнованнымъ голосомъ сказалъ:

— Реймерсъ, поди ко мнѣ, и когда Реймерсъ подошелъ, государь обнялъ его со слезами на глазахъ и нѣсколько разъ повторилъ: Прошлое забываю; мы по-прежнему остаемся друзьями!

Вечеромъ въ тотъ же день, изъ капитула орденовъ присланъ былъ пакетъ съ орденомъ св. Владиміра 4-й степени на имя инженеръ-подпоручика Реймерса.

Съ каждымъ годомъ, можетъ быть и съ каждымъ мѣсяцемъ развивалась въ Григоровичѣ любовь къ рисованію, къ живописи; онъ все менѣе и менѣе занимался научными предметами. По его словамъ, онъ «годъ отъ году неохотнѣе, хуже учился», его увлекали съ одной стороны, чтеніе, съ другой, любовь къ художеству. Въ праздничные дни, не сообщая никому, Григоровичъ сталъ ходить въ Академію художествъ, началъ брать уроки рисованія и живописи у художника Тамаринскаго, а знакомство съ его товарищами-коллегами, ихъ «независимость,—какъ онъ говоритъ—свобода жизни, при занятіяхъ любимымъ предметомъ», о чемъ, возвращаясь въ училище, онъ рассказывалъ только друзьямъ своимъ, давали ему сильно чувствовать строгую зависимость въ стѣнахъ Михайловскаго замка. Скрывая свои мечты отъ своей старушки-матери, Григоровичъ ждалъ съ нетерпѣніемъ времени свободы, «хотѣлось скорѣе вырваться на волю»... Мечты его осуществились скоро, только по поводу прискорбнаго случая.

Въ своей автобіографіи Д. В. Григоровичъ подробно описалъ этотъ случай, какъ, гуляя по Большой Морской, заглядѣвшись на эстампы, выставленные въ окнахъ одного магазина съ картинами, онъ не замѣтилъ проѣзжавшаго мимо великаго князя Михаила Павловича и не отдалъ ему воинской чести, и, еще хуже, будучи позваннымъ къ великому князю, Григоровичъ, подъ вліяніемъ овладѣвшаго имъ страха, бросился въ ближайшій магазинъ, оттуда на Мойку, и не заѣжая домой, при-

ѣхалъ въ училище. Вернушіеся вскорѣ за нимъ его товарищи Подымовъ и Донцовъ, бывшіе свидѣтели горестнаго случая съ Григоровичемъ, старались его успокоить, и самое взысканіе, послѣдовавшее за этотъ проступокъ, ограничилось кратковременнымъ арестомъ, но этотъ случай такъ сильно подѣйствовалъ на нервнаго Григоровича, что онъ заболѣлъ и изъ лазарета увѣдомилъ свою старушку-мать о своемъ несчастіи, и просилъ ее взять его изъ училища. Никто не могъ измѣнить его намѣренія: ни убѣжденія и уговоры начальства (Шарнгорста, барона Рсзена и Дальвица), ни просьбы его матери и друзей его: Достоевскаго, Бекетова и Витковскаго, не могли убѣдить его остаться въ училищѣ; прошеніе объ увольненіи было подано, и онъ былъ уволенъ изъ училища по болѣзни. Такъ кончилъ службу въ инженерномъ корпусѣ одинъ изъ весьма талантливыхъ и рѣдкихъ душевныхъ качествъ воспитанниковъ Главнаго Инженернаго училища, прославившій впоследствіи колыбель своего начальнаго воспитанія своими прекрасными учеными и литературными трудами.

Желательно, чтобы почтенное имя Д. В. Григоровича, нашего народнаго писателя, автора «Антоня Горемыки», «Рыбаковъ», «Смедовской долины» и многихъ другихъ, осталось въ памяти Петербурга на стѣнѣ дома (Екатерининскій каналъ, д. № 77), гдѣ долгое время жилъ и умеръ Д. В. Григоровичъ.

Ал. Савельевъ.

Переправа императора Николая I черезъ Нѣманъ въ 1846 году ¹⁾.

Приказъ по 5-й пѣхотной дивизіи 2-го декабря 1846 г. № 187, г. Вильно.

Командиръ 2-го баталіона Вологодскаго пѣхотнаго полка, содержащаго нынѣ караулы въ г. Ковно, маіоръ Домбровский, рапортомъ отъ 28-го минувшаго ноября за № 452, по эстафетѣ донесъ мнѣ, что 27-го числа того мѣсяца, въ 12 часовъ полудня прибылъ туда изъ С.-Петербурга фельдъегерь съ извѣщеніемъ, что его величество государь императоръ изволить проѣзжать черезъ г. Ковно за границу въ царство Польское.

Вслѣдствіе сего маіоръ Домбровский, съ приготовленнымъ отъ 2-й гренадерской роты почетнымъ карауломъ, ожидалъ высочайшаго прибытія. Въ часъ по полуночи 28-го числа августѣйшій монархъ, въ сопровожденіи графа Орлова, извоилъ прибыть въ Ковно и намѣренъ былъ отправиться въ то же время въ дальнѣйшій путь, но при переправѣ черезъ рѣку Нѣманъ, его величество подвергся очевидной опасности, экипажъ сталъ тонуть. Маіоръ Домбровский, увидѣвъ это, тотчасъ бросился въ воду съ бывшими при немъ офицерами вѣреннаго ему баталіона, и, хотя были увлекаемы быстрымъ теченіемъ воды и плывущими кругами льда, не допустивъ однакожь его величеству выскочить изъ коляски, но употребивши всѣ свои силы, маіоръ Домбровский на собственныхъ плечахъ вынесъ на берегъ августѣйшаго Монарха.

Гг. офицеры того баталіона, при семъ случаѣ находившіеся, послѣдую достопохвальному примѣру маіора Домбровскаго, бросившись въ воду, вытаскивали коляску на берегъ, а именно: капитанъ Петри, поручикъ Кардиналовскій 1-й и прапорщикъ Печинскій, усердіемъ которыхъ и

¹⁾ Въ февральской книжкѣ „Русской Старины“ нынѣшняго года въ „Запискахъ барона Корфа“ (стр. 329 и 330), упоминается о той опасности, которой подвергся императоръ Николай при переправѣ черезъ р. Нѣманъ. Помѣщаемъ здѣсь болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ происшествіи. При этомъ считаемъ не лишнимъ замѣтить, что въ г. Ковно, на берегу р. Нѣмана, въ память этого событія, выстроена церковь во имя св. Николая чудотворца, и въ ней находится вызолоченная мѣдная доска, на коей описанъ этотъ случай и подвигъ маіора Іосифа Домбровскаго.

Ред.

помощью находившихся тутъ нижнихъ чиновъ вѣреннаго ему баталіона экипажъ былъ вытаскенъ на берегъ.

При семъ случаѣ въ особенности поручикъ Кардиналовскій 1-й подвергался опасности: съ потерей своей жизни три раза весь былъ погруженъ въ воду и тонулъ; но нижними чинами былъ спасенъ и вынесенъ на берегъ и въ то же время онъ съ маіоромъ Домбровскимъ, по приказанію государя императора, въ сопровожденіи лейбъ-медика, были отведены въ ближайшую прибрежную избу, для обогрѣнія ихъ.

По сему случаю его величество, приостановивъ дальнѣйшій путь свой, изволилъ переночевать въ г. Ковно, и на другой день, замѣтивъ порядокъ по гарнизонной службѣ по карауламъ, изволилъ лично благодарить гг. офицеровъ: капитана Петри, поручиковъ Бурочка и Кардиналовскаго 2-го, подпоручика Гиленскаго и прапорщика Печинскаго.—Маіору же Домбровскому и поручику Кардиналовскому 1-му за оказанное усердіе при переправѣ всемилостивѣйше пожаловано первому—1.000 рублей, а послѣднему—700 рублей ассигнаціями; а нижнимъ чинамъ въ числѣ 67 человекъ отъ 2-го баталіона Вологодскаго пѣхотнаго полка, бывшимъ при томъ случаѣ,—100 рублей серебромъ. Затѣмъ его величество, по полученіи извѣстія отъ наследника цесаревича великаго князя Александра Николаевича, изволилъ предпринять обратный путь въ С.-Петербургъ.

Сдѣлавъ донесеніе его превосходительству господину командующему корпусомъ, я съ признательными чувствами душевнаго уваженія къ примѣрно-достопохвальному подвигу, оказанному маіоромъ Домбровскимъ и гг. офицерами 2-го баталіона Вологодскаго пѣхотнаго полка, поставляю въ лестный для меня долгъ сдѣлать извѣстнымъ по вѣренной мнѣ дивизіи. Присовокупляя, что отличительный поступокъ ихъ пребудетъ въ войскѣ съ чувствами глубокаго уваженія къ каждому изъ гг. офицеровъ, а въ особенности маіору Домбровскому, подавшему примѣръ въ высокой преданности и самоотверженіи примѣрные, къ послѣдованію,—не могу умолчать, чтобы не выразить, что гг. офицеры высоко украсили усердную ихъ службу незабвеннымъ подвигомъ предъ священной особой всемилостивѣйшаго государя нашего, и оный пребудетъ приснопамятнымъ какъ для нихъ самихъ, такъ и предъ начальствомъ.

Подлинный подписалъ начальникъ дивизіи генераль-лейтенантъ Батуринъ.

Сообщ. подполковн. К. I. Домбровскій.

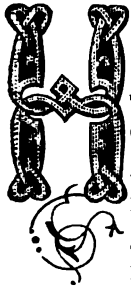

Изъ записокъ Д. А. Кармазина ¹⁾.

I.

Дѣтство, уѣздное училище и гимназія.—Посѣщеніе гимназіи министромъ А. С. Норовымъ.—Новый директоръ Н. Н. Мурзакевичъ.—Инспекторъ І. Г. Михневичъ.—Вомбардированіе Одессы англо-французами въ 1854 г.—Почетители одесскаго округа: Демидовъ и Н. И. Пироговъ.

(1839—1857 гг.).

Нѣтъ настоящей необходимости знать, кто были мои предки. Сынъ мой Евгений, которому я оставляю эти записки, будетъ имѣть всѣ необходимые документы о происхожденіи рода. Ему не придется выносить тѣ тяготы, которыя достались на мою долю при розысканіи формулярныхъ списковъ, грамотъ и т. д. при ходатайствахъ моихъ о присоединеніи меня къ роду дѣда, уже записаннаго въ дворянскую книгу Херсонской губерніи. Скажу только, что отецъ мой служилъ въ началѣ 30-хъ годовъ форстмейстеромъ въ

¹⁾ Часть настоящихъ записокъ, заключающихъ въ себѣ юность и годы ученія автора, прислана намъ П. А. Тулубомъ. Въ своемъ письмѣ онъ между прочимъ говоритъ: „авторъ записокъ — Данилъ Адриановичъ Кармазинъ — скончался 13-го мая 1899 г. на шестидесятомъ году жизни. Онъ умеръ въ своемъ имѣніи въ с. Макарихѣ Херсонской губерніи Александрійскаго уѣзда. Въ послѣднемъ уѣздѣ протекала и вся общественная дѣятельность почившаго. Покойный служилъ сначала судебнымъ слѣдователемъ, потомъ — участковымъ мировымъ судьей и предсѣдателемъ мирового съѣзда; а послѣ упраздненія мирового института и введенія земскихъ начальниковъ — почетнымъ мировымъ судьей. Свидѣтель введенія судебныхъ уставовъ 1864 года, Д. А. Кармазинъ въ дѣятельности своей, въ качествѣ слѣдователя и судьи, всегда оставался вѣрнымъ завѣтамъ эпохи освободительныхъ реформъ. Помимо судебныхъ обязанностей почившій, какъ землевладелецъ, отдавалъ не-

извѣстномъ на югѣ по громадности Черномъ лѣсѣ (въ сѣверо-западной части Александрійскаго уѣзда, гдѣ, совершенно случайно, пришлось жить и дѣйствовать мнѣ), вышелъ въ отставку, какъ говорили, въ 36 году и переѣхалъ на жительство въ материнское имѣніе Ананьевскаго уѣзда, Марьевку. Здѣсь я и родился въ 1839 году. Смутно, но вспоминаю, что отецъ любилъ меня и баловалъ, что мать, несомнѣнно тоже любившая,—была строже съ нами, дѣтми. У меня были двѣ старшихъ сестры.

Шести лѣтъ отъ роду я потерялъ мать, а послѣ,—говорили, черезъ полгода—отца.

Въ 1846 году я припоминаю себя на противоположной почти окраинѣ Ананьевскаго уѣзда, въ имѣніи дѣда по матери, Онуфрія Андреевича Жеребко. Дѣдъ, тогда уже 80 лѣтъ, жилъ одинокимъ вдовцомъ, но еще былъ подвижнымъ и относительно бодрымъ старикомъ. Переѣхавъ къ дѣду, я уже читалъ. Вскорѣ дѣдъ воспользовался моею, вѣроятно, плохую грамотою и усадилъ меня за чтеніе, какъ говорилъ, слова Божія. Въ 1847 году дѣдъ отвезъ меня въ г. Балту (въ 18 верстахъ) продолжать «науку». Мнѣ было тамъ хорошо въ знакомой, вѣроятно, ему семьѣ. Учили меня двѣ взрослые дочери. Къ праздникамъ большею частью дѣдъ

мало энергіи, труда и нравственныхъ силъ земскому дѣлу своего уѣзда. Особенно ревностно относился покойный къ вопросу о народномъ образованіи. Крестьяне съ ихъ бѣдностью и темнотою были всегда предметомъ самаго заботливаго его вниманія. И густая сѣть земскихъ школъ, покрывающая Александрійскій уѣздъ, многимъ обязана почину и настойчивости покойнаго. Все пережитое и передуманное за долгую жизнь занесено Кармазиннымъ въ его записки. Онѣ обнимаютъ почти полувѣковой періодъ — отъ 1839 года (годъ рожденія автора) по 1886 годъ. Но писались онѣ не вслѣдъ за событіями, а лишь въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ, начиная съ 1892 года, вскорѣ послѣ выхода автора въ отставку. Писалъ свои записки Кармазинъ медленно, съ любовью, писалъ исключительно для своего единственнаго сына Евгенія, мечта подвѣститься съ нимъ воспоминаніями о прошломъ, думая воспроизведеніемъ своей жизни пробудить и въ сынѣ свои завѣтные стремленія, свои излюбленные взгляды. Этой мечтѣ не суждено было осуществиться: Евгенийъ, уже ученикъ 8-го класса Елисаветградской гимназій, 21-го февраля 1899 года окончилъ жизнь самоубійствомъ. Онъ бросился подъ курьерскій поѣздъ и былъ раздавленъ. Трагическая смерть сына окончательнаю подкосила больного чахоткою отца и ускорила развязку. Умирая, Кармазинъ завѣщалъ 27 тысячъ на устройство въ с. Макарихѣ народной школы имени его сына. Земству же отказана покойнымъ и его благоустроенная усадьба съ прекраснымъ садомъ и землемъ въ количествѣ восьмидесяти десятинъ—для устройства образцовой сельско-хозяйственной фермы. Остальная часть имѣнія, до 755 десятинъ, по смыслу духовнаго завѣщанія, должна быть продана крестьянамъ с. Макарихи и сосѣдней деревни Диковки, и лишь вырученная отъ продажи сумма достается наслѣдникамъ. Такимъ образомъ потребности земства, нужды крестьянъ и забота о народномъ образованіи до послѣдней минуты были тѣмъ предметомъ, къ которому неотступно влеклись все помыслы усопшаго“.

самъ прѣѣзжалъ за мною. Припоминаю, что въ суровый зимній день, спустили меня внизъ подъ фартухъ полуоткрытаго возка, прикрывъ съ головой большимъ кожухомъ,—такъ что я дышалъ въ оставленное для этого отверстіе, и въ такомъ видѣ везли меня много верстъ. Вообще у дѣда я чувствовалъ себя привольно: проводилъ время въ саду и на конюшнѣ съ первѣйшимъ другомъ кучеромъ.

Въ 1848 году дѣдъ отвезъ меня въ Одессу и опредѣлилъ въ уѣздное училище. Конечно, меня поразили шумный большой городъ, въ особенности я дивился, когда изъ гостиницы на Новомъ Базарѣ пришлось около получаса ѣхать на противоположный конецъ города, къ родственникамъ Жеребко. Дѣдъ помѣстилъ меня на квартирѣ у нѣкоей вдовы Батуриной. Она была добрая старуха, но сынъ ея Василій болѣзненный и злой, служившій тогда уже въ какой-то канцеляріи, обижалъ меня и командовалъ. Кормили плохо. Посылали меня на базаръ, въ ближайшую лавку за сахаромъ, углемъ и даже «околотомъ» (связки вымолоченной ржаной соломы); я же носилъ и дрова изъ сарая. Бѣганье на базаръ, вѣроятно, мало отягощало меня; большое мученіе было въ томъ, что я помѣщался въ одной комнатѣ съ несимпатичнымъ Василюмъ. Въ маѣ дѣдъ, посылая въ Одессу по надобностямъ деревни, прислалъ теткѣ мой Настасѣ Ивановѣ Жеребко деревенскихъ гостинцевъ. Тетя, желая надѣлать меня, везла ихъ лично. Когда она подѣзжала къ дому, гдѣ жили Батуриные, я какъ разъ слѣдовалъ изъ лавки съ коробкою древеснаго угля, къ тому же, вѣроятно, не совсѣмъ приглядно одѣтый. Почтенная старуха была шокирована и возмущена,—и въ результатѣ—черезъ нѣсколько дней я водворенъ на квартирѣ у нѣкоей 55-ти-лѣтней вдовы Орлянской.

Полька по присхожденію, потомственная дворянка, бездѣтная и одинокая, она имѣла у себя крѣпостную женщину, купленную еще ея покойнымъ мужемъ, Авдотью. Тетюшка, опредѣляя меня къ Орлянской, первѣе всего выяснила, что я сынъ дворянина и помѣщика и что меня слѣдуетъ содержать сообразно этимъ моимъ достоинствамъ. Орлянская занимала три небольшихъ комнаты и кухню. Какими средствами она жила, такъ какъ я былъ ея единственнымъ квартирантомъ и, разумѣется, дешевымъ,—не знаю, но подъ ея заботами, сравнительно, я благодеествовалъ. Она пріучила меня не быть замухрышкой и только въ смыслѣ этихъ, новыхъ для меня требованій, возбуждала не рѣдко мое недовольство; кормила же, что называется, до отвала. Помню и до сей поры вкуснѣйшіе пироги, которые пекла Авдотья. Какой особый типъ тяжелаго прошлаго представляла собою эта, безфамильная для всѣхъ окружающихъ, Авдотья! Вѣрнѣйшій домочадецъ, услужливая и заботливая Авдотья, что касалось кухни, была нерѣдко со своей полновластной госпожей на ножахъ. Но попробуй кто-либо дурно отзываться объ ея госпо-

жѣ или затронуть мою дворянскую честь, Авдотья, спокойно выносившая личныя, не касающіяся кухни, обиды,—набрасывалась на нашего обидчика, готовая выпарапать глаза.

Орлянская, вообще религіозная, много и долго молилась по утрамъ; днями вышивала по канвѣ или вязала чулокъ, а на досугѣ любила читать русскія книги и въ особенности слушать чтеніе; помню, по ея желанію, разумѣется урывками,—я читалъ громко Вѣчнаго Жидѣ (Е. Ся). Мнѣ также сообщилось религіозное настроеніе: я много молился и въ праздники не пропускалъ ни одной службы, бѣгая для этого въ церковь Архангело-Михайловскаго монастыря. Такъ прошелъ еще годъ; я выдержалъ экзаменъ во 2 классъ. За мною дѣдъ обѣщалъ прислать на лѣтнія вакаціи. Прошла недѣля въ напрасномъ ожиданіи. Наконецъ, я узналъ, что изъ имѣнія двоюроднаго дѣда В. А. Жеребко (гдѣ нынѣ ст. Жеребково юго-зап. ж. д.) прибыли подводы съ хлѣбомъ. Прикащикъ передалъ мнѣ, что дѣдъ Онуфрій Андреевичъ тяжело боленъ и, вѣроятно, умереть. Орлянская и слышать не хотѣла, чтобы меня отпустить съ «мужиками». Тогда я подъ покровительствомъ Авдотьи, видѣвшей мои искреннія слезы и поговорившей по душѣ съ прикащикомъ, уѣхалъ тайно. Авдотья снабдила меня на дорогу, чѣмъ могла. Мы выѣхали утромъ. Орлянская же, не дождавшись меня къ обѣду, начала волноваться, а къ вечеру подняла страшную тревогу; но я былъ уже, сравнительно, далеко. Прикащикъ, хотя и ѣхалъ на повозкѣ, въ которую впряжены были три лошади, но, имѣя подъ своимъ надзоромъ до 30 возовъ, слѣдовалъ за возами шагомъ. Мы останавливались для отдыха и ночлега подъ открытымъ небомъ, въ степи, въ порядкѣ стараго чумачества. Довольный своимъ новымъ положеніемъ у костра и котелка съ закипавшей кашей или галушками, я вспоминалъ мою Авдотью, которой былъ обязанъ своею свободою и возможностью свидѣться съ дѣдомъ. Но какое бы негодованіе возбудилъ я въ ней, если бы признался, что ѣлъ изъ общаго котла съ мужиками, что эти каша и галушки казались мнѣ вкуснѣе ея прославленныхъ, не мною только, пирожковъ.

Прибыли на мѣсто только на третій день къ вечеру. Вспоминаю съ благодарностью, какъ за мною ухаживалъ, укладывая непременно на возу и прикрывая ноги, добрый старикъ-прикащикъ изъ крестьянъ. Я засталъ еще дѣда въ живыхъ, и, умирая, онъ благословилъ меня, поручивъ заботу обо мнѣ родному сыну, а моему дядѣ, Ф. О. Жеребко. Дядя, въ качествѣ опекуна (имѣніе въ 800 десятинъ), взялъ меня къ себѣ въ г. Ананьевъ, а оттуда, не помню уже какъ, я къ началу ученія прибылъ въ Одессу и былъ особенно торжественно встрѣченъ Авдотьей. Затѣмъ я продолжалъ мой курсъ. И въ іюнѣ 1852 года окончилъ выпускной изъ училища экзаменъ съ наградой.

Другой дядя мой, Осипъ Михайловичъ Жеребко, жившій въ Одессѣ,

опредѣлили меня въ пансіонъ 1-й одесской гимназіи. Онъ былъ мѣстный домовладѣлецъ, служилъ секретаремъ въ коммерческомъ судѣ и по характеру всѣхъ судебныхъ учреждений того времени, какъ секретарь и дѣлецъ, былъ настоящимъ воротилой въ коммерческой Одессѣ. Благодаря этому, тогдашній директоръ 1-й гимназіи Петровъ, выражая дядѣ О. М. сожалѣніе въ томъ, что онъ опоздалъ съ моимъ опредѣленіемъ, такъ какъ штатъ воспитанниковъ уже полонъ, и, не желая отказать ему, согласился принять меня сверхштатнымъ, получивъ однако же, какъ говорили, усерднѣйшее приношеніе.

Едва вмѣсто 4-го класса, я принять въ третій, такъ какъ въ уѣздномъ училищѣ не изучали новѣйшихъ языковъ. При этомъ также необходимо было вліяніе директора. Въ нашемъ «благородномъ», какъ тогда величали, пансіонѣ, я скоро освоился; оказалось болѣе 20 земляковъ изъ моего роднаго Ананьевского уѣзда; изъ нихъ съ братьями Синицыными, Флоринскими, Шварцами, Сергѣемъ Гонскимъ я былъ друженъ до выхода изъ гимназіи. Единственное, что на первыхъ порахъ вызывало пріятныя воспоминанія о моемъ пребываніи у Орлянской, это—плохой пансіонскій столъ.

Кажется, въ концѣ 1852 года, намъ объявили о скоромъ пріѣздѣ для ревизіи министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова. Началась усиленная маршировка, подготовленіе къ хорошему привѣтствію министра и видимая забота начальства по обмундировкѣ.

Въ ожиданіи гостя усердно и непрерывно въ теченіе многихъ дней дѣйствовали швабры для поддержанія чистоты половъ; бѣлились и перебѣливались стѣны.

Министра мы, выстроенные въ шеренги, привѣтствовали громкимъ «здра-ві-я же-ла-емъ» и т. д. Первѣе всего было обращено вниманіе на обмундировку; замѣченъ былъ выступившій къ низу бортъ мундира, мѣшковатость, недоброкачественность бѣлыхъ пуговиць съ красноватой тѣнью. И все это выражалось тутъ же въ присутствіи учениковъ. Вообще наибольшія заботы министра были обращены на выправку и на экономическую сторону, такъ какъ говорили, что о характерѣ дѣйствій Петрова, въ послѣднемъ смыслѣ, министръ былъ предупрежденъ. Директоръ видимо страшно волновался и трусилъ. Передавали, что Норовъ по окончаніи обзора дѣлопроизводства въ общемъ правленіи гимназіи и лица, направился къ выходу. Директоръ бросился впередъ для подготовленія его высокопревосходительству шинели и галошъ, и вдругъ видитъ только одну галошу министра; испуганный, онъ поднялъ страшную суету; но кто-то, болѣе спокойный, остановилъ метавшихся, объяснивъ, что его высокопревосходительство носить только одну галошу на здоровой ногѣ: нижняя часть правой ноги оторвана при Бородинѣ.

Помню, однажды ревизоръ-министръ прибылъ въ 8 час. утра къ на-

чалу классовъ; слушалъ нашу общую молитву, заходилъ нѣсколько разъ въ столовую, былъ на урокъ маршировки, но не помню, былъ ли въ нашемъ классѣ во время учебныхъ занятій.

Говорили тогда, что Норовъ присутствовалъ въ лицей на лекціи заслуженнаго профессора богословскихъ наукъ, протоіерея Михаила Карповича Павловскаго. О. Михаилъ, извѣстный проповѣдникъ меньше по существу, нежели по формѣ и ораторскимъ приѣмамъ рѣчи, вообще не удовлетворялъ слушателей студентовъ. Не ручаюсь за истину, но передамъ то, что говорили тогда студенты. Когда вошелъ къ нимъ въ аудиторію Норовъ, Павловскій, послѣ привѣтствія и наступившей тишины, обратился къ слушателямъ студентамъ съ такими словами:

— Я васъ предупредилъ, что сегодня мы приступимъ, къ изложенію понятій о новой для васъ наукѣ—логикѣ,—и далѣе продолжалъ: «что же такое логика? Логика есть наука объ истинѣ. Но что такое истина? Да, была на свѣтѣ истина и спросили истину, что такое истина, и—не дала истина отвѣта».

Министръ вышелъ восторженно-довольнымъ.

Прощаясь съ лицеемъ, Норовъ пригласилъ дирекцію, М. К. Павловскаго и профессоровъ къ обѣду. За обѣдомъ, обратившись къ о. Михаилу съ выраженіемъ благодарности за то высокое удовлетвореніе, которое онъ вынесъ, прослушавъ его лекцію,—Норовъ спросилъ профессоровъ,—бываютъ ли они на лекціяхъ у Михаила Карповича. Профессора смутились. Храбрѣйшій изъ нихъ, — юристъ-профессоръ Лохвицкій,—рѣшился отвѣтить. Желали бы, молъ, но неудобно по времени, и не принято, ваше высокопревосходительство.

— А совѣтую, совѣтую вамъ, господа,—прибавилъ министръ,—провозгласивъ общее привѣтствіе.

Результатомъ ревизіи было, между прочимъ, удаленіе Петрова,—его замѣстил Н. Н. Мурзакевичъ.

Новый директоръ Николай Никифоровичъ «изъ состава профессоровъ»,—какъ говорили,—серьезный ученый, извѣстный археологъ, всю жизнь прожилъ безсемейнымъ, видимо, не любилъ и былъ далекъ отъ пониманія дѣтскаго міра. Въ свою очередь, мы, гимназисты, его не любили. Огромнаго, какъ намъ казалось тогда, роста, тучный, великій чревоугодникъ, Мурзакевичъ наводилъ на насъ страхъ, въ особенности своими послѣобѣденными появленіями. Случалось иногда, что, при такомъ появленіи, директоръ за пустую сравнительно шалость примѣнялъ практиковавшіяся тогда въ нашемъ «благородномъ» пансіонѣ розги.

Здѣсь уместно сказать хотя нѣсколько словъ объ инспекторѣ и вообще о составѣ администраціи пансіона. Иосифъ Григорьевичъ Михневичъ, также профессоръ упраздненной послѣ 1848 г. каѳедры философіи, по отношенію къ намъ, гимназистамъ, былъ совершенно противополож-

ностью Мурзакевичу. Добрый и, очевидно, любившій дѣтей, Іосифъ Григорьевичъ лишь по требованіямъ того времени старался казаться суровымъ. Всегда спокойный, справедливый, онъ примѣнялъ наказанія лишь въ случаяхъ серьезныхъ проступковъ, или за уклоненіе или небреженіе къ молитвѣ и церковной службѣ. Предусмотрительный во всемъ, инспекторъ дѣйствовалъ какъ по клавишамъ, дозволяя отступленіе только во время появленія своего въ предѣлахъ пансіона, но появленія эти были неопредѣленны,—мы не знали ни дня, ни часа инспекторскаго пришествія. Совершенно несоотвѣтственно кто-то изъ шустрыхъ далъ Іосифу Григорьевичу имя «злой духъ». Это потому, что, при серьезномъ выговорѣ, онъ непремѣнно повторялъ: «исправься,—въ тебѣ злой духъ!» Михневичъ былъ также и инспекторомъ студентовъ; ему подчинены были два субъ-инспектора. Надзиратели, по большей части, относились къ намъ порядочно, и все это, благодаря строю, установленному инспекторомъ. Въ каждой половинѣ растровчатыхъ дверей класса были вдѣланы небольшія овальныя стекла, такъ что во время классныхъ занятій надзиратели, по примѣру инспектора, подходя къ стекламъ, безшумною походкою, извнѣ наблюдали за нашимъ вниманіемъ и поведеніемъ. При директорѣ Мурзакевичѣ, мы поняли вскорѣ, что Іосифъ Григорьевичъ господствуетъ надъ пансіономъ и гимназіею, и, къ большой нашей радости, замѣчали, что директоръ болѣе и болѣе отдѣлялся отъ пансіона, появляясь лишь въ торжественныхъ случаяхъ на литурги, молебнахъ, иногда въ столовой въ большіе праздники. Справедливость требуетъ сказать, что безкорыстіе директора, все-таки главнаго представителя по управленію, было причиною улучшеннаго, по возможности, пансіонскаго содержанія.

Ярко помнится мнѣ одинъ изъ торжественныхъ случаевъ появленія Мурзакевича и суетливо-непривычной для него дѣятельности. Это было въ памятное для Одессы утро, 11-го апрѣля 1854 г. На разсвѣтѣ этого дня изумленная торговая Одесса поражена была видомъ появившагося соединеннаго англо-французскаго флота, стоявшаго отъ берега на разстояніи выстрѣла. Въ 6 час. утра (Страстная суббота), уже началась бомбардировка. Помню,—уже въ то время, когда ясно слышалась канонада, когда одно изъ ядеръ упало на нашемъ рекреационномъ дворѣ, пробивъ раздѣлявшую дворъ стѣну, когда другое ядро произвело разрушеніе въ противоположномъ корпусѣ гимназіи, домъ Камфати, на Дерибасовской,—директоръ вмѣстѣ съ Іосифомъ Григорьевичемъ собрали насъ, гимназистовъ, для торжественной молитвы въ нашу домовую церковь. Служилъ профессоръ Павловскій. Кажется, кто-то, командированный отъ генераль-губернатора или попечителя, побудилъ начальство скорѣе вывести насъ. Порѣшили вести насъ на собственный лицейскій хуторъ, за Ботаническимъ садомъ. Не очень наблюдали, конечно, чтобы

мы шли стройно. Догадливые изъ насъ захватили присланные къ Пасхѣ снадобья. По пути, въ чудный, теплый, ясный день, издалека мы видѣли носившіяся надъ Одессой облачка; это были вылетающія изъ орудій бомбы, разрывавшіяся у насъ на виду. Когда мы подходили къ цѣли, — снова посоль, принесшій распоряженіе, чтобы мы не входили на хуторъ, въ виду близости его къ морю и въ виду опасности, могущей грозить намъ, одѣтымъ въ красные воротники и форменныя фуражки. Намъ указано было слѣдовать назадъ и остановиться на привалѣ, за стѣнами зданія училища, въ Ботаническомъ саду. Сюда привезли намъ только повозку булокъ. Это было уже около 11 ч. дня. Не успѣвъ выпить чаю, мы, разумѣется, накупились на булки, присоединивъ къ этому сухояднію, кто могъ и успѣлъ, аппетитные куски захваченныхъ домашнихъ припасовъ. Въ два часа новое распоряженіе, — вести насъ въ помѣщеніе женскаго института, расположеннаго въ части города, не обстрѣливаемой неприятелемъ.

Благородныя, какъ и мы, обитательницы института на почтовыхъ и въ наемныхъ каретахъ вывезены, въ 7 час. утра, въ г. Вознесенскъ, гдѣ было соответственное для нихъ помѣщеніе въ такъ-называемомъ дворцѣ. Въ зданіе института мы прибыли около 4 час. по полудни. Голодные и усталые, мы, однакоже, бросились для осмотра еще неостывшихъ слѣдовъ такъ внезапно спугнутыхъ и увезенныхъ нашихъ благородныхъ согражданокъ. Записки, оказавшіяся кое-гдѣ подъ матрацами, въ укромныхъ мѣстахъ спальныхъ и классныхъ ящиковъ, по своему специально внутреннему и наивному содержанию, доставили намъ возможность хотя на время заглушить голодь. Кое-какой обѣдъ дали намъ въ 6 ч. вечера. Къ ночи слѣдующаго, перваго дня Пасхи, мы были уже на своихъ матрацахъ, конечно, не возбужденныхъ, за отсутствіемъ нашимъ, ни въ комъ никакого интереса.

Религіозное настроеніе, переходившее, для моего возраста, въ крайность, не оставляло меня въ гимназіи. Нерѣдко въ пансіонѣ, избирая укромныя мѣста, иногда запираясь на ключъ въ уборной, я молился долго, насколько могъ. Конечно, я всегда охотно отправлялся для слушанія церковныхъ службъ, въ домовую церквя.

Нашъ благородный пансіонъ нерѣдко парадировалъ въ Городскомъ соборѣ при разныхъ торжественныхъ службахъ. Намъ отводили видное мѣсто, — противъ праваго боковаго алтаря, смежнаго съ главнымъ придѣломъ во имя Спаса Преображенія. Кажется, въ осень 55 года, состоялось августѣйшее посѣщеніе Одессы императоромъ Александромъ II, прибывшимъ ко времени выхода изъ Одессы нѣсколькихъ гренадерскихъ или гвардейскихъ полковъ въ Крымъ, для помощи изнывавшему Севастополю. Полки были выстроены на Соборной площади, гдѣ должно

было быть, послѣ освященія воды, совершенно напутственное благословеніе. Архіепископъ Иннокентій привѣтствовалъ государя рѣчью.

Пресвященный Иннокентій, со времени прибытія въ Одессу въ концѣ сороковыхъ годовъ, всегда привлекалъ массы ко времени своего архіерейскаго служенія въ соборѣ и въ другихъ мѣстныхъ храмахъ. Люди высшаго общества, преимущественно дамы, задолго до срока узнавали, гдѣ будетъ совершать службу архипастырь.

Въ годы 1855—1856, попечителемъ Одесскаго округа былъ Демидовъ. Мы знали только, что онъ обладалъ громадными средствами,—какъ говорили,—милліонеръ. Не знаю, была ли эта сторона благотвѣтельна для лучшаго устройства округа; но, вообще, о дѣятельности Демидова, какъ попечителя, слуховъ къ намъ не доходило. По традиціямъ, насъ и къ нему водили въ большіе праздники. При блестящей обстановкѣ дома, черзчуръ скользкихъ паркетахъ, безмолвныхъ бакенбардистахъ-лакеяхъ въ безукоризненныхъ, конечно, фракахъ,—мы себя, вообще, чувствовали неловко. У прежняго попечителя, Бугайскаго, устраивались забавы, игры, насъ садили за общій столъ, подавали послѣ другихъ, и мы знали, видѣли, какъ быть въ крайнихъ случаяхъ.

Однажды 11-е Демидова объ Рождествѣ устроила для гимназистовъ (все-таки по выбору) что-то въ родѣ аллегри. Насъ, четырнадцать, повелъ надзиратель въ часъ дня. У входа мы были впущены и предоставлены собственному благоразумію. Надзиратель ушелъ, объявивъ, что явится въ три часа. Г-жа Демидова вошла къ намъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ дамъ, очевидно, приглашенныхъ для «случая», насъ осматривали какъ звѣрковъ,—съ милыми улыбками, перебрасываясь французской рѣчью. Патронесса поспѣшила, наконецъ, усадить насъ.

Въ большомъ залѣ, усѣвшись въ рядъ, всѣ 14-ть, мы, порядочно смущенные, представляли, вѣроятно, курьезный видъ. Рады были, когда насъ позвали къ столу; усѣлись за 14-ть приборовъ; къ намъ 15-мъ присоединился гувернеръ-французъ. Обѣдъ былъ несомнѣнно изысканный и тонкій; но мы едва-ли оцѣнили это. Выходила въ промежуткахъ хозяйка, обращаясь то къ малышамъ, которые, знай, уписывали; то преимущественно, къ старшему изъ насъ. То былъ нѣкто Перестіани, грекъ, большой, широкоплечій, съ длиннымъ носомъ, угреватый, говорившій на-распѣвъ. Онъ, видимо, былъ убитъ вниманіемъ элегантной патронессы и на повторенный ею вопросъ, почему ѣсть мало,—отвѣтилъ повышеннымъ, зычнымъ голосомъ: «я же говорю, что не хочу!»

Насъ увели въ 3¹/₂ часа гулять; ходили мы долго, такъ что и намъ, охочимъ до прогулокъ по городу, порядочно надоѣло. Узнали мы послѣ, что въ это время, раньше обычнаго своего срока, обѣдала семья нашего принципала. Привели насъ снова къ попечителю (котораго тогда и не

удалось намъ лицеарѣтъ) въ 5¹/₂ часовъ. Угостили чаемъ, фруктами, сладкими и подарками по жребію.

На вакаціонное время, въ 1856 году, я поѣхалъ съ Флоринскими. Невдалекѣ было имѣніе товарища К., жившаго съ двумя меньшими сестрами при вдовѣ-матери. Матушка его, Надежда Васильевна, представляла собою особенно тяжелый типъ до-реформенной помѣщицы. При небольшомъ, впрочемъ, ростѣ, плотная, энергичная, она, видимо, обладала большою физическою силою. Нерѣдко сама объѣзжала лошадей своего завода, осаживала на скаку въ упоръ четверню рослыхъ большихъ коней. Въ ту пору намъ доставляло большое удивленіе, когда Надежда Васильевна, управляя лошадьми, насвистывала, какъ самый лихой ямщикъ.

Бѣгая по саду и въ ближайшей, почти смежной съ домомъ рошѣ, гдѣ расположена была пасѣка, мы часто проводили время свободно; покуривая въ куренѣ пасѣчника, старика Матвѣя,—или, какъ его почему-то звали,—Мафтея; а потому не всегда были свидѣтелями всего происходившаго.

У Надежды Васильевны въ особомъ флигелѣ помѣщался пансіонъ «неблагородныхъ» крестьянскихъ дѣвушекъ, вѣчно сидѣвшихъ за пѣльцами или иглой. Кромѣ своихъ, Надежда Васильевна принимала дѣвушекъ отъ другихъ помѣщиковъ,—понятно, на условіяхъ присылки провизіи и платы за обученіе, съ тѣмъ, что, по прохожденіи опредѣленнаго курса, Надежда Васильевна имѣетъ право два года эксплуатировать работу ученицъ въ свою пользу.

Какъ-то дошелъ къ намъ слухъ, что одной изъ дѣвушекъ за какую-то провинность обрѣзали косу. Узнали мы и то, что пострадавшая—дочь нашего любимца-старика Матвѣя. Почувалъ ли Матвѣй скорое исполненіе вѣщихъ словъ поэта «Рабство, падшее по манію царя» и, что вскорѣ взойдетъ желанная, прекрасная заря «свободы», или, быть можетъ, подъ его грубой оболочкой порвалась чуткая, слишкомъ натянутая струна, какъ знать? Но нашъ Матвѣй со сватомъ (будущій свекоръ дочери), явился къ барынѣ спросить: «за какую-какую провинность понесла дочь постыдную для дѣвушекъ кару?» При чемъ, въ понятномъ волненіи, Матвѣй бросилъ какую-то угрозу помѣщицѣ. Скоро мы услышали грозный крикъ Надежды Васильевны о призывѣ исполнителя экзекуціи. Кого-то изъ обычныхъ не оказалось; позванъ былъ фаворитъ барыни,—кучерь. Рослый, красивый, молодой, лѣтъ 26-ти, но по-прежнему порядку—«Гришка», на приказаніе разложить старика замялся; оказалось, что Матвѣй—его родной дядя... Надежда Васильевна, стоя на 3-й ступени крыльца, подозвала Гришку къ себѣ и звонкимъ ударомъ по лицу заставила его забыть всякія родственныя чувства.

Произошла еще болѣе дикая расправа. . . .

Вакаціи прошли, и я началъ послѣдній учебный годъ въ гимназіи. Войдя какъ-то къ намъ, инспекторъ объявилъ, что попечитель Демидовъ выбылъ и къ намъ назначенъ новый—Н. И. Пироговъ.

Въ одинъ изъ учебныхъ дней предстоялъ урокъ всеобщей исторіи; преподавалъ одинъ изъ лучшихъ учителей—В. Ф. Щерецкій, обладавшій большою способностью передачи и умѣвшій возбудить дѣйствительный интересъ къ своему предмету. Щерецкій, всегда заботливо одѣтый, въ черную пару, со складнымъ цилиндромъ,—на этотъ разъ, вошелъ въ классъ въ новѣйшемъ виць-мундирѣ, особенно эффектнымъ.

Зналъ ли В. Ф., что предполагается посѣщеніе попечителя,—очень можетъ быть, что почтеннѣйшій и предусмотрительный Іосифъ Григорьевичъ надавилъ одну изъ клавишъ своего механизма,—но, спросивъ на-скоро 2—3 учениковъ, Щерецкій объявилъ намъ, что хочетъ возстановить въ нашей памяти одну изъ блестящихъ эпохъ Римской исторіи—время Цезаря. Только-что приступилъ В. Ф. къ изложенію, безшумно открылись обѣ половины двери, и вошелъ попечитель, въ сопровожденіи нашего начальства.

Н. И. Пироговъ, въ длиннополомъ тяжеломъ, рыжемъ сюртукѣ, суровый, съ обнаженнымъ черепомъ, на которомъ бросались въ глаза большія выпуклости, произвелъ на насъ впечатлѣніе, вызвавшее чувство робости, пожалуй страха. Послѣ привѣтствія и какого-то вопроса къ учителю,—Щерецкому предложено продолжать занятія. Нисколько не смутившись, В. Ф. продолжалъ и, обладая вообще прекрасной рѣчью, въ этотъ разъ, какъ намъ казалось, говорилъ лучше, чѣмъ когда-либо; и, когда раздался звонокъ, эффектно закончилъ: «вы помните, господа, что Цезарь, пораженный Брутомъ, палъ къ подножію статуи Помпея!»

Не скажу, одобрилъ ли попечитель чтеніе Щерецкаго, но мы, помню, имѣли сіяющій видъ. Можетъ быть, это побудило Николая Ивановича остаться, послѣ звонка, нѣсколько минутъ въ нашемъ классѣ, и, когда попечитель обратился къ нѣкоторымъ изъ насъ съ какимъ-то вопросомъ, когда мы услышали его голосъ, когда улыбка освѣтила его суровый видъ, первое невыгодное впечатлѣніе исчезло.

Наконецъ, завѣтная мечта моя приблизилась. Въ концѣ мая 1857 г., я заказалъ себѣ студентскую фуражку и, втихомолку примѣряя ее безпрестанно, еще до окончанія экзаменовъ, истрепалъ ее порядочно.

II.

Періодъ лицейскій.

(1857—1861).

На вакаціи 1857 года, уже студентомъ, я отправился къ дядѣ въ Ананьевъ. Выѣхалъ я на почтовыхъ съ однимъ изъ товарищей, которому путь лежалъ, черезъ Ананьевъ же, въ Балтскій уѣздъ Подольской губерніи. Я пригласилъ товарища отдохнуть и провести еще день со мною. Дядя встрѣтилъ меня уже совсѣмъ ласково и симпатично; за обѣдомъ поздравилъ меня и товарища шампанскимъ. Сестры, съ сіяющимъ видомъ, глядѣли на меня, какъ на что-то феноменальное. Обѣ сестры играли на рояли,—старшая даже хорошо,—отваживались и пѣть. Намъ, въ жизнерадостномъ нашемъ настроеніи, и музыка и пѣніе казались блистательными, мы заслушивались не только ходкими тогда романсами «ея ужъ нѣтъ», «когда бъ онъ зналъ»,—но приходили въ восторгъ отъ давно забытыхъ «матушка голубушка», «сарафанчикъ» и др.

Товарищъ мой, вмѣсто сутокъ, прогостилъ, кажется, четыре дня. Я не удерживалъ его, зная, что родные ждутъ не дождутся своего студента, да кромѣ того сестры уже успѣли мнѣ сообщить, что дядя женится и свадьба предположена 30-го іюня, т. е. черезъ недѣлю. Спустя нѣсколько дней мы съ дядей, его дочерью и сыномъ выѣхали въ имѣніе Войновку—мѣсто жительства невѣсты, гдѣ я уже бывалъ въ вакаціи 1856 г.

Будущая теть, Флора Александровна Войнова, почти однихъ со мною лѣтъ, симпатичная, черноокая, виртуозка, вызывала и во мнѣ почтительное поклоненіе, въ особенности выраженіемъ своихъ лукавыхъ, вѣчно смѣющихся глазъ.

30-го іюня я фигурировалъ въ роли шафера, и на меня дядя возложилъ подготовленіе причта и обстановки въ приходской церкви с. Вредіевки.

Свадебное торжество было скромное, исключительно въ кругу своихъ. Дядя оставался въ Войновкѣ еще дней десять. Заботы всѣхъ и прежде всего были направлены на то, чтобы не быть помѣхой новобрачнымъ.

Положеніе окружавшихъ незавидное. Нужно было, въ свою очередь, искать въ чемъ-либо интереса, и это оказалось возможнымъ на мѣстѣ. Осмотрѣвшись, я въ первый разъ увидѣлъ и сознательно оцѣнилъ настоящій хозяйственный механизмъ. Въ числѣ обитателей Войновскаго дома, кромѣ молодой тети, были только матушка ея Анна Яковлевна Войнова, старшій родной ея братъ Трофимъ Яковлевичъ Мезинъ и родственница ихъ Марія Ивановна (фамиліи ея я не зналъ и не знаю).

Это были, не по задачѣ конечно, истые представители теоріи раздѣленія труда. Анна Яковлевна завѣдывала домою, садомъ, огородомъ; Марія Ивановна—спеціально молочнымъ хозяйствомъ и наружными кладовыми; Мезинъ—полевымъ хозяйствомъ, ямѣя въ своемъ распоряженіи двухъ, такъ называемыхъ, приказчиковъ. Все у нихъ шло по разѣ введенному порядку, насколько возможно безшумно и, какъ говорится, по маслу. Хозяйничая, въ такомъ порядкѣ, на 800-хъ десятинахъ лѣтъ двадцать, тріо это приобрѣло земельный участокъ въ 1.000 десятинъ, устроивъ на мѣстѣ поляну чашу: прекрасный 2-хъ этажный домъ, солидные хозяйственные службы, амбары, засыпанные хлѣбомъ; обширный садъ, огородъ; а кладовыя, привлекавшія и раньше мое исключительное вниманіе, говорили о высшей степени довольства. Одна изъ такихъ обширныхъ кладовыхъ (домовая) была въ распоряженіи Анны Яковлевны; входъ въ нее былъ изъ столовой, расположенной въ нижнемъ этажѣ. Круглый годъ кладовая эта была наполнена всякимъ съѣдобнымъ добромъ. Въ соответственное время—зелень, ягоды, фрукты; во всякое другое время—засахаренные, сушеные и вяленые плоды, прелестнѣйшій квасъ, сладости, вина и т. д. Т. Я. Мезинъ, тогда лѣтъ около 55 старый холостякъ («паничъ»—какъ его величала прислуга), любилъ насъ, дѣтей. Единственной его слабостію была охота и то только зимой, въ свободное для хозяйства время. Лучше всего мы чувствовали себя въ его кабинетѣ, обставленномъ оружіемъ и принадлежностями охоты.

Около 15-го іюля мы возвратились въ Анапьевъ, гдѣ я прожилъ еще мѣсяцъ и успѣлъ увѣрить себя, что я безповоротно влюбленъ въ одну изъ моихъ дальнихъ родственницъ, однихъ со мною лѣтъ. Правду сказать, моя отдаленная кухня, гуляя со мной «при дугѣ», не только не поддерживала моихъ фантазій, но очень мило и умѣло отрезвляла меня. 22-го августа я выѣхалъ въ Одессу, имѣя въ виду, что лицей переводятъ въ новое зданіе и что переходъ долженъ совершиться ко дню акта, 30-го августа.

Прибывъ въ Одессу, я остановился въ гостиницѣ, не зная, какъ и гдѣ мы, пансіонеры-студенты, будемъ устроены. Новое помѣщеніе, спеціально построенное (гдѣ нынѣ университетъ), было вполне готово. Гимназисты съ 25-го августа были въ полномъ сборѣ.

Я засталъ уже нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей: грека Перестіани, Макарова, Романова. Это были казенно-коштные, воспитывавшіеся на особыя опредѣленные суммы, съ обязательствомъ поступленія на факультетъ восточныхъ языковъ. Эти три были уроженцы Мариуполя и Таганрога и, по отдаленности и несостоятельности, не ѣздили на вакаціонное время, проживая лѣто на лицейскомъ хуторѣ. Имъ, пока, дали временное помѣщеніе въ новомъ зданіи, гдѣ, съ разрѣшенія инспектора, пріютился и я. Стали прибывать остальные пансіонеры. По

штату полагалось только 16. Насъ помѣстили затѣмъ въ нижнемъ этажѣ праваго крыла, выходящаго на Херсонскую улицу. Всѣ 16 кроватей, одна противъ другой, установлены были въ одномъ большомъ, достаточно свѣтломъ отдѣленіи. Въ силу недавняго порядка и привычекъ, насъ такое совмѣстное пребываніе нисколько не отягощало; напротивъ того, съ 8 ч. утра, а то и ранѣе, къ намъ являлись уже приходящіе товарищи, внося понятное оживленіе.

Шли приготовленія къ акту необычныя, въ виду того, что предстояло въ тотъ же день освященіе зданія въ присутствіи официальныхъ представителей всѣхъ вѣдомствъ и почетнѣйшихъ гражданъ, гостей, приглашенныхъ и къ завтраку. Мы знали, что столовая гимназистовъ, на этотъ разъ, назначалась для приѣма гостей; но 28-го и 29-го августа еще не слышно было, будутъ ли приглашены къ завтраку представители и отъ студентовъ. Опасенія, что приглашенія не послѣдуетъ (какъ это и случилось), вызвали недовольство вообще студентовъ, а въ особенности среди насъ, пансіонеровъ, собравшихся для обѣда въ обычное отдѣленіе, въ общей связи (подъ угломъ) съ столовою, куда приглашены гости.

Нашлись предусмотрительные коллеги, принесшіе въ карманахъ нѣсколько бутылокъ вина; послѣ того, какъ въ свое время были провозглашены тосты за здоровье государя императора, всего царствующаго дома, далѣе въ честь присутствовавшаго преосвященнаго, здоровье генераль-губернатора, попечителя округа, мы, не допустивъ дальнѣйшихъ тостовъ, уже съ разлитымъ въ стаканахъ собственнымъ виномъ, гаркнули тостъ за процвѣтаніе лица, будущаго университета, и затѣмъ, послѣдовательно, за благоденствіе высоко-чтимаго Н. И. Пирогова и— за здоровье студентовъ.

Неожиданность, понятное смущеніе высокихъ гостей вызвали страшный, но заслуженный переполохъ нашего ближайшаго начальства. Выходку нашу замолчали. Передавали тогда, будто бы попечитель заявилъ, что онъ винить себя въ томъ, что не освѣдомился, приглашены ли представители студентовъ, и на слова директора Беккера, сославшагося на экономическую сторону—на отсутствіе ассигнованія, будто бы отвѣтилъ: «это наивно». Игнорированіе студентовъ на торжествѣ вызвало неодобреніе и городской публики.

Черезъ нѣсколько часовъ мы, порядочною компаніею, гуляли по Дерibasовской съ поднятыми головами; намъ казалось, что въ городѣ всѣ уже должны знать объ афронтѣ, который мы учинили нелюбезному начальству. Часовъ около 6-ти вечера нѣсколько человѣкъ пансіонеровъ съ «вольными», какъ называли мы приходящихъ, зашли во вновь открытую, въ новомъ домѣ извѣстнаго булочника Дурьяна, кондитерскую Кальгера. У него кто-то открылъ раньше прекрасную малиновую

наливку. Общество постоянно возрастало; гуль уже разносился далеко. Студентъ Чербаджогло остроумно копировалъ несимпатичнаго растеряшагося директора Беккера и почтеннѣйшаго Иосифа Григорьевича утонченная политика котораго, на этотъ разъ, спасовала.

Между тѣмъ въ кондитерской только и слышно было или басовое «водки», или болѣе мягкое—«un petit verre de framboise». Щеголяли еще неутраченными дискантами; юнцы выкрикивали возможно громче. Долго ли мы оставались, что происходило, кто кого велъ, и гдѣ мы устранивались—объ этомъ были самые разгорѣчивые толки на слѣдующій день, когда мы собрались къ Кальгеру же для похмѣлья!..

Состоя полнымъ пансіонеромъ, т. е. на всемъ готовомъ до платья и сапогъ, я, какъ и другіе мои сожители, свободные отъ постоянного надзора и заботъ о нуждахъ дня, зажилъ припѣваючи. На лекціи заглядывали больше изъ любопытства и новизны. Но вскорѣ разнесся слухъ о возвращеніи командированнаго на два года за границу адъюнктъ-профессора А. В. Лохвицкаго, и за тѣмъ появилось объявленіе о томъ, что вступительная его лекція, по энциклопедіи законовѣднія, назначена на 20-е сентября.

Къ слушанію вступительной лекціи собралось масса студентовъ всѣхъ факультетовъ. Одна изъ самыхъ обширныхъ аудиторій не могла вмѣстить всѣхъ жаждущихъ. Вблизи профессорскаго стола, у колоннъ, по обѣ стороны были поставлены кресла для директора, инспектора и профессоровъ. Явилось и изъ нихъ большинство. Александръ Васильевичъ, что называется человекъ бывалый, а скорѣе всего, по свойствамъ своей натуры, не обнаружилъ видимаго смущенія. Небольшаго роста, плотный, здоровый, съ большимъ открытымъ лбомъ, онъ появился въ какомъ-то жизнерадостномъ настроеніи. Начавъ скромнымъ выраженіемъ благодарности за то вниманіе, которымъ онъ, еще быть можетъ незаслуженно, удостоенъ слушателями и почтеннѣйшими сотоварищами, А. В. ясно и толково ознакомилъ слушателей студентовъ съ существомъ предмета и будущихъ чтеній. Блестящая отчасти зажигательная лекція, продолжавшаяся два часа, была выслушана молодежью съ восторженнымъ вниманіемъ. Громъ аплодисментовъ, еще тогда дозволенныхъ, и искренній, очевидный восторгъ молодежи проводили лектора.

На послѣдующихъ лекціяхъ А. В. аудиторія была переполнена. Ведя, въ промежуткахъ, частныя бесѣды съ нами, Лохвицкій предложилъ посѣщать его по субботамъ. У него бывало въ эти дни человекъ по десяти. Но немного насчитали мы такихъ субботъ! Вскорѣ оказалось, что, по предложенію министерства, уже оповѣщеннаго, въ известномъ смыслѣ, о томъ впечатлѣніи, какое произвелъ профессоръ на слушателей-студентовъ,—на лекціяхъ Лохвицкаго всегда долженъ былъ присутствовать директоръ.

Помнится мнѣ одна лекція: А. В. читалъ намъ о роли стряпчаго (царево око) въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Указавъ, что стряпчій, подчиненный лишь губернскому прокурору *de jure*, независимый отъ мѣстной администраціи, былъ какъ бы постояннымъ контролеромъ ея дѣйствій, имѣлъ надзоръ за всѣми присутственными мѣстами, опредѣленія которыхъ только тогда приводились въ исполненіе, когда на нихъ была надпись стряпчаго «читалъ». Пояснивъ, дагѣе, значеніе и силу этого надзора въ теоріи и, коснувшись вопроса о томъ, всегда ли такіе результаты достигаются практикою жизни,—А. В., обративъ вниманіе на столъ у колонны, за которымъ помѣщался директоръ, замѣтить, что Беккеръ дремлетъ, помовавъ опущенной головой. Находчивый профессоръ, заканчивая чтеніе, вдругъ обратился къ намъ съ вопросомъ: «такъ для чего же, мм. гг., стряпчій?» И, съ сильнымъ ударомъ рукою по столу, отвѣтилъ: «да чтобъ судья не спалъ!» Уже запрещенное, единодушное bravo пробудило смущеннаго директора, выбѣжавшаго изъ аудиторіи и забывшаго свою обязанность выразить намъ внушеніе за нарушеніе порядка...

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ А. В. долженъ былъ уйти изъ Одессы; его перевели въ Петербургъ, подъ ближайшій надзоръ министерства. Этому способствовало, какъ говорили тогда, сообщеніе губернскаго предводителя на имя генераль-губернатора о распущенности и нежелательныхъ движеніяхъ среди лицейской молодежи.

При введеніи судебной реформы въ 1865 г., Лохвицкій перешелъ въ образовавшійся составъ присяжныхъ повѣренныхъ. Мы жили безъ особыхъ недоразумѣній, что называется беззаботно, а въ большинствѣ и весело. Особенно бдительнымъ надзоромъ со стороны начальства мы не были отягощаемы. Требовалось, однако, чтобы всѣ мы находились въ 11 часовъ ночи на своихъ постеляхъ. Это требованіе немало печалило и озабочивало насъ. Пришедшіе ранѣе, зная, что тотъ или другой изъ товарищей не скоро, а можетъ быть и совсѣмъ не явится, въ ожиданіи возможнаго прихода инспектора, являвшагося не рѣдко около 12 часовъ ночи для обзора, все ли обстоитъ благополучно,—устраивали, изъ чего представлялось возможнымъ, на постели отсутствующую фигуру, прикрывая ее съ головою одѣяломъ. При слабомъ освѣщеніи единственной лампы, много разъ такіе приемы приводили къ благополучному исходу, въ особенности при сочувствіи Мартына, на вопросъ инспектора: «всѣ ли на лицо?» всегда бойко отвѣчавшаго: «точно такъ, ваше высокородіе».

Но или кто-либо намекнулъ І. Гр—чу, или онъ началъ недоувѣрять тому, что всѣ мы «пайныки»,—однажды инспекторъ остановился у постели одного изъ товарищей, почти ежедневно замѣнявшагося фигурой,

прикоснулся у мѣста, гдѣ должны быть ноги, и при возникшемъ сомнѣніи, пропелся по всей фигурѣ, убѣдившись въ подлогѣ.

Не спавшій рядомъ, но притаившійся товарищъ все это видѣлъ, видѣлъ, какъ І. Гр., ходившій вообще безшумно, на цыпочкахъ вышелъ; не слышно было обычнаго вопроса къ дежурному тогда Мартыну, поджидавшему инспектора, по обыкновенію, у выходной двери. На слѣдующій день І. Гр. имѣлъ солидный разговоръ съ пансіонерами старшихъ курсовъ, взывая къ порядку и благоправію. Послужившій нѣкоторое время приемъ являлся послѣ этого уже негоднымъ.

Вскорѣ найденъ былъ другой способъ и оказался болѣе находчивымъ. Всякій разъ, когда 2—3 изъ пансіонеровъ предполагали отсутствовать, вмѣсто нихъ являлись на свободныхъ койки замѣстители изъ входящихъ студентовъ, укладывались спать, и если случалось, что І. Гр. заходилъ въ дортуаръ, то, прикоснувшись, при сомнѣніи, къ спавшему, находилъ настоящія ноги, и сомнѣніе разсѣивалось. Такой приемъ служилъ намъ извѣстное время; но, вѣроятно, инспекторъ какими-то судьбами освѣдомился, что одинъ изъ самыхъ юркихъ изъ нашей безпардонной компаніи постоянно не ночуетъ. Желая провѣрить, І. Гр. уже недовольствовался тѣмъ, что нашелъ настоящія ноги, подошелъ къ спавшему, укрытому съ головой, и, отвернувъ одѣяло, вмѣсто искомага юнца—свѣтлаго блондина еще безъ всякой растительности—нашелъ брюнета и бородатаго. Опять внушеніе и затѣмъ болѣе усиленный надзоръ.

Мы стали замѣчать, что, когда компанія собиралась по вечерамъ у Кальгера или въ ресторанѣ Алексѣева, рѣдко кто изъ подошедшихъ не заявлялъ, что натолкнулся на прогуливающегося педеля. Это—оставшійся несомнѣнно въ памяти всѣхъ студентовъ довольно длиннаго періода лицейской жизни—Карлъ Ивановичъ Мальскій.

Небольшаго роста, вѣчно улыбающійся, но доносчикъ по характеру службы, К. И. какъ-то умудрялся жить на 144 рубля въ годъ. Во многихъ случаяхъ студенты, предвидя возможность доноса, преподносили ему или небольшую денежную мзду, или незатѣйливый подарокъ. Мальскій принималъ, вздыхая и обыкновенно провознося при этомъ: «вы не повѣрите, какъ трудно служить по министерству просвѣщенія!» Справедливость требуетъ сказать, что послѣ приношенія К. И. оставался передъ начальствомъ нѣмъ.

Кондитеръ Кальгеръ оказался любимцемъ студентовъ; разносторонній, услужливый, открывшій довольно широкій кредитъ, онъ каждого изъ студентовъ зналъ и называлъ по фамилии (имя и отчество не были въ модѣ); выписывалъ газеты, завелъ шахматы, домино (играли на пирожки), а главное—перемѣнилъ тѣсное помѣщеніе у Дурьяна на болѣе обширное въ д. Калафати на Дерibasовской улицѣ, съ просторной особой комнатою окнами во дворъ и отдѣльнымъ туда выходомъ. Въ этомъ

отдѣленіи мы были изолированы отъ сторонней публики, посѣщавшей кондитерскую, и зачастую сживали тамъ безъ сюртуковъ.

III.

Послѣ ухода А. В. Лохвицкаго Лицей понесъ новую потерю уже вслѣдствіе причинъ естественныхъ.

Умеръ заслуженный профессоръ Зеленецкій, читавпій съ 30-хъ годовъ русскую словесность. Не только свѣдущій по предмету, но съ громаднымъ запасомъ разностороннихъ знаній, оставивпій видныя работы по своей спеціальности, Зеленецкій, къ сожалѣнію, не обладалъ желанною способностію передачи. Производя достаточно тяжелое впечатлѣніе изложеніемъ предмета (дикцію), онъ сообщалъ всегда такую массу интересныхъ данныхъ, что всегда имѣлъ слушателей, чѣмъ не могли похвалиться нѣкоторые изъ болѣе даровитыхъ товарищей Зеленецкаго. Имѣя прекрасную, многотомную бібліотеку, профессоръ охотно предлагалъ этотъ богатый запасъ желавшимъ изъ студентовъ.

По обычаю того времени, студенты, смѣняясь, дежурили у гроба покойнаго въ квартирѣ его на Дерибасовской улицѣ въ домѣ Синицына; а затѣмъ проводили останки въ соборъ и къ могилѣ. На кладбищѣ профессоръ протоіерей Павловскій сказалъ надгробное слово. Очертивъ личность покойнаго и его заслуги по профессіи, Михаилъ Карповичъ, между прочимъ, сказалъ: «Твоя эрудиція, твое трудолюбіе и вмѣстѣ съ тѣмъ, при высокихъ душевныхъ качествахъ, твоя скромность служили для насъ образцомъ».

Свое слово ораторъ заключилъ слѣдующимъ образомъ: «Другъ и товарищъ! Чтѣ, если бѣ ты всталъ? Какія откровенія принесъ бы ты намъ изъ того, лучшаго міра, откровенія, какихъ не нашли ты здѣсь, въ твоихъ книгахъ, а ихъ такъ много было у тебя?»

Профессоръ Павловскій, обладавшій, какъ я упоминалъ уже, ораторскою рѣчью и приѣмами, не привлекалъ къ себѣ слушателей. Постоянно торжественный тонъ его лекцій ослаблялъ у аудиторіи вниманіе къ существу предмета. Кромѣ того, М. К. вызывалъ нерасположеніе студентовъ требованіемъ особой почтительности и вообще своими традиціонными притязаніями, явно опиравшимися на дружбу вліятельнаго І. Гр. Михневича.

Подъ истиннымъ или напускнымъ, какъ считали многіе, увлеченіемъ, Павловскій иногда, послѣ звонка, продолжалъ еще чтеніе, при чемъ не любилъ, если кто-либо изъ студентовъ среди лекціи выходилъ изъ аудиторіи.

І. Гр. Михневичъ, всегда дѣйствуя по духу времени въ періодъ

управленія Одесскимъ округомъ Н. И. Пироговымъ, былъ, или, по крайней мѣрѣ, казался либераломъ.

Кто изъ насъ, еще оставшихся въ живыхъ лицействъ, не вспомнить съ глубокимъ уваженіемъ, къ сожалѣнію, кратковременный, но блестящій періодъ 1857—1858 гг.

Пироговъ несомнѣнно одно изъ самыхъ свѣтлыхъ лицъ среди русскихъ общественныхъ дѣятелей XIX вѣка. Н. И. былъ не только великимъ мыслителемъ, замѣчательнымъ хирургомъ, но и выдающимся администраторомъ и педагогомъ. «Мы не воспитаны!»—взывалъ нѣкогда Пироговъ въ своихъ извѣстныхъ «Вопросахъ Жизни». Масса свѣтлыхъ взглядовъ и мыслей о просвѣщеніи и воспитаніи юношества, даже при невозможности проведенія ихъ въ жизнь, доставили бы автору «Вопросовъ» славу педагога. Но Н. И., по счастливой случайности, взгляды тѣ и мысли примѣнялъ на дѣлѣ, управляя Одесскимъ округомъ, осчастливленнымъ его представительствомъ, — примѣнялъ безбоязненно, со свойственными ему стойкостію и энергіею, пока хватило силъ. Въ качествѣ истиннаго «попечителя» юношества, Пироговъ, у котораго слова никогда не расходились съ дѣломъ, проводилъ на практикѣ свои гуманныя педагогическія начала и просвѣтительныя взгляды, наставляя и учащихся и учащихъ. Извѣстно, что при немъ «Одесскій Вѣстникъ» изъ безцвѣтнаго провинціального листка превратился въ серьезный, литературный органъ, переданный по ходатайству попечителя подъ редакцію профессоровъ Лицея А. И. Георгіевскаго и Н. М. Богдановскаго.

Новыхъ редакторовъ Н. И. Пироговъ привѣтствовалъ статью:

«Вы, вѣрно, не угодите Лицею, если будете помѣщать дребедень въ фельетонѣ или сдѣлаете его газету лавочной выставкой. Вспомните, что «Од. Вѣст.» можетъ попасть въ руки и великоросса, и малороссіянина, и молдована, и грека, и еврея. Вспомните, что Одесса живетъ пшеницей что степь — плохой проводникъ убѣжденій и просвѣщенія. Вспомните, что великое слово «впередъ», столь одушевлявшее солдатъ Суворова и Блюхера, не на всѣхъ дѣйствуетъ также магически: есть еще много на свѣтѣ господъ и степныхъ, и столичныхъ, которые не знаютъ, что можно и должно идти впередъ, но... и т. д.». А затѣмъ далѣе въ той же статьѣ: «Я сравниваю васъ, гг. редакторы, съ артистомъ, выступающимъ на сцену предъ разнохарактерной публикой. Его публика такъ же, какъ и ваша, занимаетъ и партеръ, и ложи, и раекъ. Если артистъ человекъ съ талантомъ и призваніемъ, станетъ ли онъ своею игрою закскивать благоволенія у сидящихъ во всѣхъ ярусахъ и рядахъ — вверху и внизу? Истинный талантъ и истинное искусство привлекаетъ не спускаясь»...

Далѣ Н. И. въ качествѣ публициста поучалъ разноплеменную, разношерстную, но кичливую Одессу такими словами:

«Съ тѣхъ поръ какъ я выступилъ на поприщѣ гражданственности путемъ науки, мнѣ всего противнѣе были сословныя предубѣжденія, и я невольно перенесъ этотъ взглядъ и на различія національныя. Какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни, какъ между своими товарищами, такъ между всѣми подчиненными и начальниками, я никогда не думалъ дѣлать отличія въ духѣ сословной и національной исключительности. Эти убѣжденія, какъ слѣдствіе моего образования, выработавшіяся цѣлою жизнію, сдѣлались для меня уже второю натурою и не покинуть меня до конца жизни»...

Въ стрѣ студенческой коллегіальной жизни, попечитель предоставилъ студентамъ имѣть «свою» бібліотеку, кассу для недостаточныхъ товарищей и право сходокъ въ опредѣленное, свободное отъ занятій, время и въ строгихъ предѣлахъ внутреннихъ интересовъ коллегіи. Н. И. нерѣдко появлялся среди насъ, постоянно повторяя, что предоставленіе извѣстныхъ правъ налагаетъ и соотвѣтственныя обязанности; что, независимо отъ всего того, что можетъ произойти въ будущемъ, помимо нашей воли,—мы должны каждую минуту думать и помнить, что укрѣпленіе и развитіе предоставленныхъ намъ начинаній въ области нашей лицейской жизни зависитъ и отъ насъ самыхъ и что самымъ горькимъ упрекомъ для насъ будетъ то, если предоставленныя права будутъ отняты по нашей собственной винѣ.

Всегда ли молодежь была повинна въ отнятіи у нея дорогихъ для жизни коллегіи правъ—скажетъ, въ свое время, безстрастная исторія...

А между тѣмъ—откуда взялась масса книгъ для основанія бібліотеки, книги притекали безостановочно; студентская касса, общая для всѣхъ безъ различія курсовъ и какихъ бы то ни было группъ, не оскудѣвала, пополнялась взносами имущихъ товарищей, преимущественно бессарабцевъ (Леонарды, Кессо, Руссо, Доници, Писаржевскій и другіе). Достаточные сборы давали музыкальныя утра (по воскресеньямъ), въ которыхъ, кромѣ студентовъ, принимали участіе лучшія музыкальныя силы города. Но главный фондъ кассы составляли сборы со спектаклей, устраиваемыхъ студентами. Благодаря ходатайству попечителя, при видимомъ сочувствіи бывшаго тогда генер.-губернатора графа Александра Григорьевича Строгонова, спектакли разрѣшены были и ставились въ городскомъ театрѣ, что обуславливало лучшіе сборы. Графъ Строгоновъ никогда не присылалъ за билетъ менѣе ста рублей. Плата въ 50 рублей (Полетика, Волоховъ, Массъ, графъ Толстой и др.) была не рѣдкость. Спектакли устраивались студентами исключительно, при режиссерномъ только руководствѣ такихъ артистовъ, какъ Никитинъ, Васильевъ I, Федотова, Фабіанская. Помню, какъ шумно и многолюдно прошла тогда

еще новая пьеса «Свадьба Кречинскаго», въ которой роль Расплюева даровито исполнилъ студентъ Константинъ Чербаджогло. Женскія роли также исполнялись студентами, въ «Ревизорѣ», напр., роль жены Городничаго игралъ Науменко, а дочери—Вълецкій; такъ оба они и остались подъ именами «Анны Андреевны» и «Марии Антоновны». Каждый спектакль давалъ чистаго сбора не менѣе полуторы тысячи, обогащая кассу раза два-три въ зиму.

Изъ кассы, по приговорамъ схода, не только выдавалась недостаточнымъ товарищамъ плата за слушаніе лекцій, но выдавались и ссуды временно-нуждающимся и безвозвратная помощь членамъ, утратившимъ или не нашедшимъ заработка. Не помню не только случаевъ злоупотребленій, но даже рѣзкихъ ошибокъ. Да и могло ли быть иначе? Кто же могъ лучше товарищей знать и нуждающихся, и степень ихъ нужды? Въ то время не случалось читать: такіе-то студенты уволены за невзносъ платы, а такимъ-то назначенъ окончательной срокъ тогда-то,—не случалось наталкиваться на такія полныя отчаянія объявленія объ «урокахъ» и заработкѣ, какія не шутки же ради печатаеть теперь нуждающаяся университетская молодежь.

Тогда же зародились среди насъ надежды на преобразование лица въ университетъ. Честь возбужденія объ этомъ ходатайства и умѣлое представленіе вѣскихъ данныхъ—опять таки дѣло Н. И. Пирогова. Все, что я по силамъ моей памяти сказалъ о дѣятельности Н. И.—выписки, которыя я позволилъ себѣ сдѣлать,—все это знаю, извѣстно и не ново; но иногда полезно заносить въ хронику, для вѣщней памяти, образцы дѣятельности и пламенной любви къ родинѣ такихъ людей, какъ покойный Пироговъ.

Старымъ людямъ въ воспоминанье,
Молодымъ въ назиданье.

Точно не помню когда, но около этого времени въ газетѣ «le Nord» появилась статья о предположенномъ освобожденіи крестьянъ. Понятно, какое впечатлѣніе эта великая, еще неосязаемая, какъ фактъ, надежда должна была произвести среди насъ, студентовъ. Газету вырывали, перехватывали изъ рукъ въ руки, истрепали; но вскорѣ появились доставленные къ-то новые экземпляры той же газеты. Великая вѣсть поглотила всякіе другіе интересы.

Вечеромъ собрались къ Кальгеру; конечно и—джонка. Трудно передать оживленные рѣчи, выраженіе надеждъ и пожеланій, связанныхъ и ожидаемыхъ отъ великаго акта освобожденія.

Въ особомъ изолированномъ отдѣленіи кондитерской гуль стоялъ невообразимый, но безъ всякаго покушенія на нарушеніе общественной тишины. Впрочемъ, предусмотрительный Кальгеръ около 11 ч.

ночи уговорил насъ разойтись и былъ, быть можетъ, невольною причиною всего послѣдовавшаго.

Явились горячія головы, и вмѣсто того, чтобы разойтись по домамъ, мы большой и нельзя сказать чтобы вполне добропорядочной компаніей вошли въ извѣстный тогда ресторана Алексѣева, помѣщавшійся въ домѣ на Садовой, гдѣ нынѣ Благородное Собрание. Мы застали въ саду ресторана за столиками публику, не охваченную волновавшею насъ благою вѣстью, но видимо спокойную и занятую лишь собой и обыденными интересами. Къ намъ сейчасъ же присоединились студенты, пошавшіе ранѣе нашего прихода къ Алексѣеву, такъ что группа наша выросла до 50 и болѣе. Спустя полчаса, публика, вѣроятно замѣтивъ возбужденное, а быть можетъ и слишкомъ развязное настроеніе студентовъ,—испарилась. Остались кое-гдѣ у нѣсколькихъ столовъ, видимо, коммерсанты-иностранцы, исключительно мужчины, за обычной бутылкою краснаго вина.

Нестѣсняемые уже присутствіемъ дамъ, мы овладѣли музыкою и, помню, танцовали въ садикѣ, по песчаной площадкѣ нѣсколько кадрилией; роль дамъ исполняли наши же «Анна Андреевна» и «Марія Антоновна» и другіе женоподобные товарищи. Стало слышно, что уже требуется ужинъ—не въ саду, а въ одной изъ залъ ресторана, лѣтомъ обыкновенно пустующей и выходящей окнами съ одной стороны въ садъ, а съ другой—въ большую галлерею, также пустовавшую.

Мы размѣстились за длиннымъ столомъ, ничего не подозрѣвая; а между тѣмъ мы были уже подъ наблюденіемъ аргусовъ, какъ оказалось, злыхъ и, въ лучшемъ смыслѣ, невѣжественныхъ. Насъ не трогали, и мы, воодушевленные искреннимъ, быть можетъ лучшимъ настроеніемъ въ жизни каждаго изъ насъ, думали, что «благоденствуемъ».

Начались тосты... Проходить съ той поры четвертый десятокъ лѣтъ, но и теперь, какъ и прежде, говорю чистосердечно: мы были повинны лишь въ томъ, что перекрикивали другъ друга, виноваты во вѣшнемъ, такъ сказать, неурядкѣ; но никто изъ насъ громогласно не произнесъ ни одного тоста антиправительственнаго или антирелигіознаго. Пили, правда, здравицы «за освобожденный народъ русскій», за приобщеніе его къ просвѣщенію; за будущій университетъ, свѣтильнякъ нашего благословеннаго Юга... Слышны были спорадическіе крики: «Долой тьму и невѣжество; да возсіяетъ яркій свѣтъ истины и правды и да расточатся врази ихъ!»... И многое, но въ такомъ только смыслѣ.

Мы благополучно, разумѣется лишь не въ строгихъ требованіяхъ дисциплины, разошлись. А на слѣдующій день оказалось, что мы всѣ записаны соглядатаями, что уже доложено «о происшествіи» попечителю и генераль-губернатору; что насъ винятъ чуть ли не въ государственномъ преступленіи; говорили даже о возможности высылки всѣхъ насъ изъ Одессы.

Попечитель, по обыкновению, потребовалъ къ себѣ выборныхъ (шесть лицъ по два отъ курса); отъ нашего курса, какъ и ранѣе, ходилъ я. Къ ужасу нашему, мы услышали отъ Н. И. Пирогова, читавшаго по докладной запискѣ, что нами произносились тосты: «долой преосвященнаго», религію почитаній, «да здравствуетъ религія разума» и т. д.

Выслушавъ нашу «исповѣдь» — преимущественно тѣхъ, кто были участниками ужина, попечитель предложилъ намъ позаботиться о сохраненіи порядка съ обычнымъ посѣщеніемъ лекцій и не собираться на сходки, объявивъ, что онъ лично будетъ въ Лицеѣ черезъ сутки и къ тому времени распорядится о созывѣ нужныхъ лицъ. Эти послѣднія слова—«вужныхъ» лицъ, при другихъ условіяхъ, могли бы звучать неприятнымъ будущимъ, но мы вѣрили въ Пирогова и, на самомъ дѣлѣ, согласно данному обѣщанію, внесли покой и увѣренность въ среду товарищей.

На третій день попечитель прибылъ въ Лицей; были собраны всѣ «участники преступления»; явилась масса и не участвовавшихъ, которымъ никто не препятствовалъ присутствовать.

— Прежде всего—сказалъ Пироговъ—я старался добыть истину о томъ, что происходило при вашемъ сборищѣ въ ресторанѣ Алексѣева. Какъ молодежь, вы увлеклись симпатичною мыслію о будущемъ русскаго общества. Но вы забыли то, что должны были помнить, что въ прессу попадаютъ такіе слухи, которые, въ существѣ, не рѣшены еще главенствующею волею государя императора. Разъ бы таковая воля была выражена въ установленномъ порядкѣ, я первый раздѣлилъ бы съ вами прекрасныя движенія вашего сердца. Нынѣ же я не одобряю ваши дѣйствія, какъ преждевременныя, совершенныя массою, въ публичномъ мѣстѣ, такъ какъ отсутствіе публики, о чемъ вы говорили, было лишъ случайностію и, какъ я думаю, происшедшею по вашей же винѣ. Надѣюсь, что впредь вы будете дѣйствовать осмотрительнѣе съ полнымъ благоразуміемъ, обратившись еще съ большимъ вниманіемъ къ вашимъ занятіямъ, какъ главному залогу той пользы, которую вы, въ качествѣ будущихъ гражданъ, можете, въ свое время, принести родинѣ и русскому народу.

Мы поняли справедливость укоризны и старались загладить впечатлѣніе понятнаго мѣъ и теперь, но сказавшагося не въ должной формѣ нашего молодого порыва.

Между тѣмъ слухи по полицейской редакціи проникли въ городъ; стоустая молва преувеличила ихъ. Передавали тогда за достовѣрное, что представитель дворянства губернской предводитель доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ о распущенности учащейся молодежи и о томъ, что онъ не ручается за дальнѣйшее спокойствіе и порядокъ.

Къ счастью, такое зловѣщее карпаніе не оправдалось...

Лицей и мы, студенты, благоденствовали, благодаря высокогуманнмъ

отношеніямъ и дѣйствіямъ Н. И. Пирогова по управленію округомъ. Въ свое время я говорилъ, совершенно искренно, о характерѣ гимназической жизни моего времени. Въ короткій промежутокъ 2—3-хъ гдѣтъ, заходя въ пансіонъ гимназіи, гдѣ у меня оставались отсталые товарищи и младшіе по классамъ земляки, я не узнавалъ гимназіи. Иныя отношенія старшихъ къ младшимъ, иные разговоры, возможное знакомство съ литературою, съ текущими интересами жизни. Старшіе гимназисты принимали участіе въ устраиваемыхъ тогда литературно-научныхъ бесѣдахъ, при участіи самого попечителя. Помню, 6-й классъ гимназіи, съ разрѣшенія и полного вѣдома начальства, издавалъ даже свой журналъ.

Какое значеніе и благотворное вліяніе имѣли на учениковъ устраиваемыя по инициативѣ попечителя литературныя и научныя бесѣды, указалъ самъ Н. И. Пироговъ въ одномъ изъ писемъ къ І. В. Бергензону, напечатанномъ, въ послѣднее время, въ «Русской Школѣ». Въ письмѣ томъ покойный Н. И. Пироговъ говорилъ:

«Ученики, безъ различія національностей, съ необыкновеннымъ рвеніемъ бросались за работу (письменную, не словесную) и подготовлялись къ устному веденію бесѣды о томъ или другомъ предметѣ и, конечно, выбирали иногда предметъ для бесѣды не по силамъ, но всегда по склонности, и эти склонности какъ учениковъ, такъ и учителей обнаруживались наглядно; свобода возрѣній, конечно, недопускаемая на официальныхъ урокахъ, поощряла учениковъ къ серьезному занятію предметомъ, избраннымъ для бесѣды, и обнаруживала неизвѣданныя на обыкновенныхъ урокахъ способности и знанія».

Между тѣмъ въ городѣ уже циркулировали настойчивыя слухи о переводѣ Н. И. Пирогова изъ Одессы. Вскорѣ слухи превратились въ несомнѣнный фактъ, глубоко опечалившій въ особенности насъ, студентовъ. Объявлено было, что Н. И. въ извѣстный день прибудетъ проститься съ Лицеємъ. Явилась мысль объ изготовленіи благодарственной, отъ лица студентовъ, напутственной рѣчи. Рѣчь была составлена студентомъ 3-го курса Владиміромъ Антоновичемъ Аристовымъ (нынѣ старшій предсѣдатель Варшавской судебной палаты).

Помню, Аристовъ прекрасно произнесъ прощальную рѣчь. Выразивъ Н. И. глубокую благодарность и признательность за постоянно проводимыя имъ начала прямыхъ и открытыхъ отношеній къ студентамъ, за умѣлыя заботы о лучшемъ устройствѣ нашего быта и отношеній къ намъ (непосредственнаго) начальства и представителей науки, профессоровъ, Аристовъ закончилъ словами: «благодаримъ васъ, Николай Ивановичъ, за ту разумную свободу, которую вы даровали намъ. Она заставила насъ быть болѣе строгими къ своимъ поступкамъ, къ своей жизни».

— Оставляя Одесскій округъ,—отвѣчалъ Н. И. Пироговъ,—я сохраню о васъ самыя благопріятныя воспоминанія, потому что нашелъ въ васъ добрыхъ и благонамѣренныхъ студентовъ.

Въ день выѣзда студенты большой массой, кто какъ могъ, на верховыхъ лошадяхъ, въ экипажахъ, на извозчикахъ проводили Н. И. до первой почтовой станціи, простившись съ незабвеннымъ «попечителемъ» съ глубокою и неподдѣльною скорбью и съ неутѣшительною, но вѣрною мыслію, выраженною кѣмъ-то изъ товарищей, что Николая Ивановича, какъ попечителя, можно «смѣнить, не замѣнивъ».

Къ намъ назначенъ былъ Н. Р. Ребиндеръ, которому профессеры и студенты были представлены въ актовомъ залѣ. Привѣтливо обратившись къ профессорамъ, новый попечитель, между прочимъ, заявилъ намъ, студентамъ, что «всѣми силами постарается не уклониться отъ избраннаго его предшественникомъ пути, что недоразумѣнія, какія могутъ возникнуть, онъ надѣется, будутъ чистосердечно выясняемы чрезъ представителей отъ студентовъ».

Несмотря на такое обѣщаніе, отношенія къ намъ ближайшаго начальства и нѣкоторыхъ профессоровъ стали измѣняться къ худшему.

Въ строѣ лицейской жизни наступали другіе порядки.

І. Гр. Михневичъ выбылъ въ Кіевъ, куда назначенъ помощникомъ попечителя. Не помню, по какимъ причинамъ Н. Р. Ребиндеръ не долго оставался у насъ попечителемъ; на его мѣсто былъ назначенъ Могилянскій.

Каждый день въ Лицеѣ появлялось новое объявленіе, начинавшееся словомъ «воспрещается». Объявленія сначала прибывались на открытой доскѣ. Одно изъ нихъ, вѣроятно самое строгое, было кѣмъ-то изъ студентовъ сорвано. Объявленія стали тогда помѣщаться подъ проволочной сѣткой. Мы то-и-дѣло читали: «Воспрещается въ свободные часы (если чтеніе почему-либо не состоялось) оставаться въ стѣнахъ Лицея, собираться толпой; воспрещается входить въ читальную болѣе десяти лицъ, разговаривать; воспрещается куреніе папиросъ въ корридорахъ; разбрасываніе окурковъ» и т. д.

Наступилъ и прошелъ май 1861 года. Окончились благополучно выпускные экзамены. Мы, такъ сказать, въ преддверіи настоящей жизни. Естественная мысль — отпраздновать достиженіе цѣли, проститься съ нашимъ нетяжелымъ прошлымъ.

Насъ, болѣе близкихъ ко всему прошлому, собралось около сорока; къ намъ пристегнулись нѣсколько лицъ, постороннихъ лицезу и студентской средѣ, но имѣвшихъ среди насъ каждый одного или двухъ знакомыхъ. Въ ресторанѣ Алексѣева заказанъ былъ незатѣйливый студентскій ужинъ. Оттуда по программѣ, около 3-хъ часовъ ночи, мы направились на Приморскій бульваръ встрѣтить восхожденіе солнца.

Бульваръ всегда былъ любимымъ мѣстомъ для отдыха и прогулокъ. Товарищи, переводившіеся ранѣе въ другіе университеты, разъ снова попадали въ Одессу, прежде всего отдавали дань бульвару, заявляя каждый, что никакіе виды Москвы, Кіева, а тѣмъ болѣе Харькова,

Казани не сравнятся, при южной ночи, съ видами на море съ одесскаго Приморскаго бульвара.

Въ это послѣднее для многихъ изъ насъ посѣщеніе бульвара, въ особенности при той обстановкѣ, мы пользуясь просторомъ, нигѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемые, шельничали весело, искренно, что называется, во всю.

Такое хорошее настроеніе было неожиданно прервано несерьезнымъ, но неприятнымъ эпизодомъ. Я упомянулъ, что къ нашему сплоченному кружку пристегнулись нѣсколько добровольцевъ. Въ числѣ ихъ былъ князь К. Всѣ мы болѣе или менѣе подпили. Но К., выпивши, какъ говорятъ, на грошъ, шумѣлъ, и съ нимъ постоянно возились, то подводя его какъ не могущаго идти, то удерживая его отъ намѣренія бить окна, стучать въ чужія двери.

Наконецъ я слышу крикъ К. «пустите, пустите меня! Я уже ничего лучшаго не жду отъ жизни!» При чемъ К. какъ бы намѣревался броситься съ уступовъ внизъ бульвара. Нѣкоторые изъ добродушныхъ товарищей употребляли крайнія усилія не допустить К. сорваться съ высоты около ста футовъ (три уступа).

Совсѣмъ неожиданно и необдуманно я въ свою очередь крикнулъ: «оставьте его, господа! Что вы съ нимъ возитесь? Князекъ не бросится въ пропасть—ручаюсь вамъ головой». Я не предполагалъ, что товарищи отступаютъ отъ К., но это случилось. Князь остался въ незавидномъ положеніи и, не додумавшись обратитъ все въ шутку и забывъ, что за минуту передъ тѣмъ онъ хотѣлъ казаться безсознательно пьянымъ, — самымъ серьезнымъ тономъ объявилъ мнѣ, что пришлетъ секундантовъ, а затѣмъ уѣхалъ съ бульвара не простившись.

Этотъ неприятный перерывъ не помѣшалъ нашей программѣ. Съ бульвара мы непосредственно и, конечно, по образу пѣшаго хожденія направились на хуторъ Ланжерона, гдѣ рѣшено было отдохнуть у моря, подъ покровомъ майскаго неба. Тамъ заказали мы для себя къ 2 часамъ обѣдъ, прекрасно провели день, а къ вечеру — назадъ, въ городъ, въ излюбленный нашъ пріютъ кондитерскую Кальгера.

Предупрежденіе и предварительный заказъ были излишними: у Кальгера уже все было готово для послѣдней товарищеской джонки. Сюда привезли и К., въ сущности незлобиваго сердечнаго человѣка, и мы, за общимъ брудершафтомъ, выпивъ по формѣ черезъ руку, забыли съ нимъ наше недавнее недоразумѣніе и сдѣланный имъ сторяча вызовъ.

Проведя почти безъ сна двое сутокъ, мы простились, обнимая другъ друга съ сочувствіемъ и искренностію, пожалуй не повторявшимися впослѣдствіи, при иныхъ отношеніяхъ, къ инымъ товарищамъ.

Черезъ день-два многіе изъ насъ были уже далеко отъ всегда мною любимой, на самомъ дѣлѣ великолѣпной Южной Пальмиры...

Гортензія Богарна.

I.

Во Франціи, въ бывшей области Орлеанэ ¹⁾, существовала древняя дворянская фамилія Богарна, одинъ изъ представителей которой, маркизь Богарна, будучи губернаторомъ подвѣтренныхъ ²⁾ острововъ въ Америкѣ, подружился въ 1757 году съ семействомъ Ташеръ-де-ла-Пажери, принадлежавшимъ также къ орлеанскому дворянству. Со временемъ сынъ маркиза, виконтъ Богарна, блестящій капитанъ 19-ти лѣтъ, вступилъ, въ 1779 году въ Парижѣ, въ бракъ съ Жозефиною Ташеръ-де-ла-Пажери ³⁾, имѣвшей всего 16 лѣтъ. Бракъ этотъ былъ не изъ счастливыхъ. Богарна—прекрасный танцоръ, очаровательный собесѣдникъ, красивый и вѣтреный офицеръ, постоянно ухаживалъ съ успѣхомъ за другими дамами, позабывая о своей женѣ, горько сѣтовавшей на такое поведеніе мужа. У нихъ въ 1781 году родился сынъ Евгенийъ (будущій извѣстный генераль Наполеона I), а затѣмъ 10-го апрѣля 1782 года родилась дочь Евгениа-Гортензія. Отецъ ея въ это время былъ въ Америкѣ, куда онъ, подобно многимъ другимъ французамъ, отправился для участія въ войнѣ американцевъ за независимость, подъ начальствомъ извѣстнаго Рошамбо, Лафайетта и другихъ. По заключеніи мира Богарна посѣтилъ родныхъ на островѣ Мартиникѣ и скоро увлекся одною особою и подпалъ вполне ея вліянію. Его супруга, оставаясь въ Парижѣ, также не отличалась безупречною вѣрностью,

¹⁾ Орлеанэ—прежняя провинція Франціи, лежавшая въ центрѣ королевства, изъ которой, при раздѣленіи Франціи на департаменты, составилось ихъ нѣсколько.

²⁾ Подвѣтренными островами называется группа мелкихъ Антильскихъ острововъ въ Мексиканскомъ заливѣ, не вдалекѣ отъ острова Мартиники.

³⁾ Эта Жозефина со временемъ была первою супругою Наполеона I.

вслѣдствіе чего, Богарна, по дошедшимъ до него о томъ извѣстіямъ, вернулся въ Парижъ съ цѣлю добиться развода. Говорятъ, что и Жозефина въ свою очередь подала просьбу о разводѣ и впредь до рѣшенія дѣла удалилась, по принятому въ то время обычаю, въ монастырь Пантемонъ, вмѣстѣ съ своею малолѣтнею дочерью. Сынъ же былъ помѣщенъ уже въ 1787 году въ пансіонъ.

Дѣло о разводѣ совершилось миролюбиво; супруги развѣхались: сынъ остался у отца, а дочь—у матери, при чемъ отецъ обязался выдавать ежегодно на содержаніе дочери до семи лѣтъ по тысячѣ франковъ, а потомъ по полторы тысячи, выплачивая деньги по третямъ впередъ.

Вскорѣ послѣ этого въ іюнѣ 1788 года, Жозефина съ дочерью отправилась въ Маринику къ роднымъ. Роскошная тропическая природа, при чудномъ небѣ, изумительной растительности и совершенно иной обстановкѣ, нежели во Франціи, произвели большое впечатлѣніе на малолѣтнюю Гортензію, получившую страсть къ зелени, цвѣтамъ и сельской жизни.

Пробывъ не болѣе двухъ лѣтъ въ Мариникѣ, Жозефина, оставивъ роднымъ новорожденнаго ея ребенка, вернулась въ 1790 году съ Гортензіею въ Парижъ, гдѣ ее встрѣтилъ мужъ ея Богарна; они стали снова жить вмѣстѣ, словно постановленія о ихъ разводѣ не существовало.

Между тѣмъ, французская революція быстро развивалась, и въ 1793 году генераль Богарна былъ назначенъ на мѣсто Кюстина начальникомъ рейнской арміи. Ему однако не удалось въ-время выручить Майнцъ, который, по недостатку продовольствія, сдался неприятелямъ, и Богарна, опасаясь быть уволеннымъ, самъ просилъ освободить его отъ командованія. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ и, взявъ жену и обоихъ дѣтей, уѣхалъ въ деревню Ферте, но не надолго. Онъ былъ арестованъ и въ концѣ 1794 г. заключенъ вмѣстѣ съ супругою въ тюрьму, а дѣти ихъ были взяты на попеченіе теткою Фанни Богарна и все время террора провели въ Парижѣ.

Наступившій 9-й термидоръ ¹⁾ освободилъ изъ тюрьмы Жозефину Богарна; мужъ же ея былъ казненъ ранѣе, имѣя всего 34 года. Она попала въ кругъ лицъ, которыя собирались у молодого и очаровательнаго Барраса, одного изъ членовъ директоріи, и скоро сдѣлалась его любовницею; она воспользовалась этимъ положеніемъ для спасенія отъ казни и темницы многихъ изъ своихъ друзей и пріятелей. Заботясь о воспитаніи дѣтей своихъ, она помѣстила Гортензію въ извѣстный тогда пансіонъ г. Кампанъ.

Революція уничтожила, какъ извѣстно, монастыри и духовныя конгрегации, имѣвшія въ то время въ своихъ рукахъ монополію воспитанія

¹⁾ 28-го іюля 1794 года Робеспьеръ былъ низвергнутъ, и учреждена директорія.

лицъ женскаго пола; всѣ подобныя заведенія были закрыты. Нѣкто Жене (Genet), служившій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, имѣлъ дочь, которой далъ хорошее по понятіямъ того времени образованіе. Извѣстный Гольдони училъ ее итальянскому языку; Дюкло, Мармонтель, Томъ—знакомили съ французскою и классическою литературою. Благодаря этому она 15-ти лѣтъ сдѣлалась чтицею дочерей Людовика XV и вышла въ 1774 году замужъ за гардеробмейстера графини д'Артуа, нѣкоего Бертоля Кампанъ (Campan) и скоро сдѣлалась первою камеръ-юнгфершею Маріи-Антуанетты, которой не разъ аккомпанировала на арфѣ и фортепiano, когда она пѣла модные романсы Гретри. Казнь Маріи-Антуанетты разстроила спокойную жизнь г-жи Кампанъ. Лишенная всякихъ средствъ и имѣя на своемъ попеченіи престарѣлую мать, больного мужа и еще малолѣтняго сына, г-жа Кампанъ, ради насущнаго хлѣба, открыла учебное заведеніе для дѣвицъ, которое должно было замѣнить собою одно изъ существовавшихъ прежде при монастыряхъ. Труды ея увѣнчались успѣхомъ. Близкое знакомство съ обществомъ, правильность возрѣній и твердость убѣжденій г-жи Кампанъ доставили извѣстность ея заведенію, которое скоро получило названіе «Сентъ-Жерменскій національный институтъ» и занимало великолѣпное помѣщеніе на улицѣ Единства, съ громаднымъ садомъ. Г-жа Кампанъ имѣла какъ бы призваніе къ преподаванію; она обучала сама большинству предметовъ, очень придерживаясь правилу обучать забавляя и совмѣщая пріятное съ полезнымъ. Хотя курсъ обученія и раздѣлялся на четыре класса, но преподаваемые предметы проходились въ небольшомъ объемѣ. За то всѣ ученицы умѣли прекрасно танцовать и дѣлать поклоны, благодаря стараніямъ моднаго учителя Кулонъ; отлично играли на арфѣ и фортепiano; много занимались пѣніемъ и живописью. Г-жа Кампанъ для этого не жалѣла средствъ и нанимала лучшихъ преподавателей. Но все вниманіе и главныя усилія г-жи Кампанъ были направлены къ развитію искусства нравиться (*l'art de plaire*) и умѣнья вести разговоры. Она ежедневно занималась съ воспитанницами старшаго класса спеціально разговоромъ на какую-либо, избранную ею самою тему и указывала, какъ его вести прилично, ясно, не скучно. Равнымъ образомъ, она подробно и обстоятельно внушала ежедневно правила свѣтскаго обращенія, приличія, вѣжливости, обходительности, присоединяя къ этому обыкновенно рассказы или анекдоты, относящіеся къ различнымъ случаямъ свѣтской жизни. Словомъ сказать, воспитаніе было хотя и тщательное, но свѣтское, при томъ исключительное, для лицъ достаточныхъ, при чемъ даже обращалось немного вниманія и на религіозно-нравственную сторону, такъ какъ различныя условія того времени, именно легкость нравовъ, вообще, господствовавшія возрѣнія Вольтера и его послѣдователей и, наконецъ, отсутствіе священниковъ и

закрытіе церквей, дѣлали крайне затруднительнымъ внушеніе дѣтямъ религіозныхъ началъ. Правительство того времени воспретило г-жѣ Кампанъ устроить церковь и имѣть священника для обученія Закону Божію, сказавъ, что «нація признаетъ только безсмертіе души и Высшее Существо». Гораздо позднѣе просьба ея была удовлетворена, и преподавателемъ Закона Божьяго явился аббатъ Бертранъ, со временемъ ставшииъ сына Гортензіи, Людовика-Наполеона. Нельзя не упомянуть, что г-жа Кампанъ, зорко слѣдившая за поведеніемъ и обращеніемъ своихъ ученицъ, избѣгала наказаній и старалась всегда дѣйствовать убѣжденіемъ и внушеніемъ; она даже избѣгала бранить ученицъ или дѣлать имъ выговоры въ присутствіи другихъ, находя болѣе цѣлесообразнымъ дѣлать это наединѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ у нея была установлена цѣлая система разныхъ наградъ и поощреній, начиная отъ раздачи различныхъ книгъ до поѣздокъ съ нею за городъ и посѣщенія бѣдныхъ и несчастныхъ (что считалось одною изъ высшихъ наградъ).

Г-жа Кампанъ установила особенную награду за благо нравіе (*prix de bon caractère*), разумія подъ этимъ хорошее поведеніе, учтивость въ обращеніи, скромность, повиновеніе, чистоту и опрятность, хорошее материнское отношеніе воспитанницъ старшаго класса къ младшимъ и т. д. Подобная награда состояла изъ искусственно сдѣланной розы, которую удостоенная надѣвала по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ (отсюда названіе ихъ *rosière*) и допускалась къ завтраку съ начальницею за однимъ столомъ. Высшею наградою при окончаніи курса была та же роза, поднесенная въ фарфоровой вазѣ съ соответствующею надписью.

Въ свободное отъ занятій время ученицы занимались обыкновенными дѣтскими играми, свойственными ихъ возрасту и полу. Г-жа Кампанъ, кромѣ того, старалась ихъ развлекать своими рассказами, нарочно ею составленными и впоследствии изданными, а также заставляя играть небольшія комедіи. Ежегодно бывалъ большой балъ, на который, кромѣ родителей, приглашались и воспитанники учебнаго заведенія *Collège Irlandais*, основаннаго ирландцемъ Дермонтомъ, хорошо знавшимъ г-жу Кампанъ.

Въ это-то училище Жозефина и отдала въ 1795 году свою двѣнадцатилѣтнюю дочь Гортензію, а вскорѣ послѣ того и свою племянницу Эмилию Богариэ ⁴⁾, кузину Гортензіи, очень красивую особу. Онѣ обѣ помѣстились въ одной комнатѣ вмѣстѣ съ двумя племянницами самой г-жи

⁴⁾ Въ эту Эмилию Богариэ влюбился Луи Бонапартъ (будущій супругъ Гортензіи); но Наполеонъ не пожелалъ этого брака, отправилъ своего брата въ Тулонъ, а Эмилию выдалъ за своего адъютанта Лавалетта, котораго она впоследствии при реставраціи спасла отъ смертной казни.

Кампанъ и скоро съ ними коротко подружились. Гортензія занималась очень прилежно и отличалась особеннымъ талантомъ къ живописи, которой и обучалась у извѣстнаго тогда Изабѣ. Многія изъ дѣвиць, находившихся вмѣстѣ съ Гортензією въ то время въ пансіонѣ, приобрѣли вполнѣдствіи не малую извѣстность, какъ-то Зоя Талонъ (будущая извѣстная графиня Кайя, любовница Людовика XVIII); дѣвица Фодоасъ (Faudas); современемъ герцогиня Ровиго, приближенная очень къ Наполеону I; Каролина Бонапартъ, сестра Наполеона I, будущая супруга Мюрата, извѣстная своими похождениями съ Жюно, Меттернихомъ, Лавоюанъ (La Vauguon) и т. д., дѣвица Леклеркъ, вышедшая за маршала Даву; дѣвица Гюло (Hulot), со временемъ супруга генерала Моро; Луиза Кошелю, оставившая любопытныя воспоминанія о Гортензіи и т. д. Со всѣми ими Гортензія болѣе или менѣе близко подружилась.

Пока Гортензія находилась въ пансіонѣ, Жозефина, тяготясь своимъ положеніемъ, пыталась неоднократно снова устроиться, т. е. выйдти замужъ. Вступить въ бракъ съ Баррасомъ ¹⁾ не представлялось возможнымъ, ибо онъ былъ женатъ; намѣреніе ея сдѣлаться супругою генерала Гошъ (Hoche) ²⁾ не осуществилось; наконецъ, ей удалось побѣдить непобѣдимаго, совершенно еще молодого Наполеона I и вступить съ нимъ въ бракъ 19-го ventose, послѣ чего на другой день онъ отправился въ свою знаменитую итальянскую кампанію и вернулся въ Парижъ въ январѣ 1798 года, послѣ Раштадтскаго конгресса. Г-жа Кампанъ по этому поводу давала праздникъ, на которомъ ученицы играли трагедію «Эсеиръ» (подражая въ этомъ г-жѣ Ментенонъ, заставившей нѣкогда воспитанницъ Сенъ-Сира играть ту же трагедію предъ Людовикомъ XIV). Наполеонъ былъ очень польщенъ этимъ. Роль Эсеири играла Гортензія, почему-то не имѣвшая никакаго расположенія къ своему вотчиму. Она была недовольна этимъ бракомъ ея матери и очень тосковала, хотя среди своихъ подругъ могла смѣло имъ гордиться. Бонапартъ недолго пробылъ въ Парижѣ и отправился въ Египетскій походъ.

¹⁾ Баррасъ, потомокъ очень древней фамиліи, родился въ 1755 году, служилъ во флотѣ у Суффрена въ Индіи и потомъ сдѣлался ревностнымъ дѣятелемъ революціи; былъ членомъ Конвента, а потомъ и директоріи. Будучи противникомъ Бонапарта, онъ послѣ переворота 19-го ноября 1799 г. (18 брюмера) уѣхалъ въ Бельгію, гдѣ за нимъ долгое время наблюдали. Вполнѣдствіи онъ вернулся во Францію и умеръ въ 1829 году. Человѣкъ безъ всякихъ принциповъ, онъ велъ самую развратную жизнь и заслужилъ презрѣніе во всѣхъ отвошеніяхъ.

²⁾ Гошъ родился 1768 г. близъ Версаля; одинъ изъ выдающихся генераловъ революціи и человѣкъ самыхъ строгихъ и честныхъ правилъ. Онъ приобрѣлъ извѣстность усмиреніемъ вандейцевъ, а затѣмъ своими дѣйствіями противъ арміи роялистовъ на Рейнѣ; во время этихъ дѣйствій онъ внезапно умеръ по необъясненной причинѣ въ лагерѣ подъ Вецларомъ въ 1799 году.

Проводивъ супруга до Тулона, Жозефина поѣхала на воды въ Пломбьеръ ¹⁾. Однажды, вечеромъ, она стояла вмѣстѣ съ другими дамами на балконѣ, какъ вдругъ балконъ обрушился. Жозефина упала, получила значительныя ушибы и лишилась на время употребленія рукъ. Она вызвала къ себѣ дочь Гортензію, которая за нею ухаживала и пробыла въ Пломбьерѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ. Это пребываніе внѣ училища ей понравилось, и она стала часто уѣзжать отъ г-жи Кампанъ, тѣмъ болѣе, что мать ея оправившись вывозила ее охотно съ собою на всѣ общественныя балы. Впрочемъ, молва о поведеніи Жозефины скорѣе препятствовала успѣху Гортензій въ обществѣ; съ нею избѣгали знакомиться вслѣдствіе поведенія ея матери, которая, пользуясь пребываніемъ мужа въ Египтѣ, возобновила сношенія съ прежнимъ поклонникомъ своимъ Ипполитомъ Шарль и помѣстила его въ Мальмэзонъ ²⁾, въ которомъ сама жила. Затѣмъ она все болѣе и болѣе сближалась съ членомъ директоріи Гойэ (Gohier) и его супругою, въ надеждѣ, что дружба ея съ женою послѣдняго отвратитъ всякое подозрѣніе Бонапарта и не допустить его придавать значенія всѣмъ рассказамъ о ея походженіяхъ, сообщаемыхъ ему въ Египетъ какъ преданными лицами, такъ и членами его семейства, особенно его матерью и женами его братьевъ. Жозефина, для отстраненія всякаго подозрѣнія, задумала выдать Гортензію замужъ за сына Гойэ (Gohier); но его родители не пожелали имѣть подобнаго родства, не предвидя, конечно, что Гойэ будетъ со временемъ консуломъ въ странѣ, въ которой Гортензія будетъ королевою. Испытавъ эту неудачу, Жозефина вознамѣрилась женить на Гортензій Рюбелль (Ruebell) ³⁾, сына одного изъ членовъ директоріи, очень молодаго человѣка, большаго прия-

¹⁾ Пломбьеръ—очень маленькое мѣстечко въ Вогезскихъ горахъ—очень замѣчательно своими цѣлебными водами, которыя посѣщалъ часто императоръ Наполеонъ III.

²⁾ Мальмэзонъ (Malmaison)—небольшое имѣніе, купленное супругою Наполеона, Жозефиною, близъ Парижа въ 1798 году у семейства Кутэ (Coulteux). Она прекрасно устроила домъ, садъ, паркъ и любила въ немъ жить. Здѣсь она готовила переворотъ въ пользу Наполеона во время пребыванія его въ Египтѣ. Наполеонъ сперва также любилъ жить въ Мальмэзонѣ, но, послѣ провозглашенія своего императоромъ въ 1804 году, сталъ жить въ Севъ-Клу, и Мальмэзонъ былъ заброшенъ. Послѣ развода своего Жозефина снова удалилась въ Мальмэзонъ и въ немъ доживала свой вѣкъ. Тутъ посѣтилъ ее императоръ Александръ I. По смерти Жозефины это имѣніе досталось ея сыну, принцу Евгенію, было продано шведскому банкиру, отъ котораго купила Мальмэзонъ испанская королева и снова возстановила его.

³⁾ Рюбелль, род. въ 1747 г. и умеръ въ 1807 г. въ Кольмарѣ, былъ ревностный приверженецъ революціи, говорилъ противъ парламента, эмигрантовъ, священниковъ и королевской власти и настаивалъ на казни Людовика XVI. Вислѣдствіи былъ членомъ директоріи. Онъ отличался непоколебимою честностью и вслѣдствіе этого имѣлъ не мало враговъ.

теля кутилы Иеронима Бонапарта. Онъ очень не нравился самой Гортензiи, которая и слышать не хотѣла о подобномъ бракѣ; къ тому же старикъ Рюбелль заявлялъ, что онъ и его сынъ слишкомъ хороши е альзасцы, чтобы вступать въ родство съ Жозефиною и корсиканцемъ.

Жозефина непремѣнно хотѣла воспользоваться дочерью какъ средствомъ закрѣпить свое положенiе и въ особенности среди членовъ семейства Бонапарта, относившагося къ ней враждебно. Если это ей теперь еще и не удалось, то она при посредствѣ дочери и сына добилаcь примиренiя съ Бонапартомъ, который, возвратясь изъ Египта, не хотѣлъ даже и видѣть своей супруги. Дѣти умолили раздраженнаго генерала простить ихъ мать; супруги помирились, и Жозефина не замедлила оказать услугу Бонапарту при совершенномъ имъ въ скоромъ времени переворотѣ. Въ ночь на 18-е брjюмера воспитанницы г-жи Кампанъ были пробуждены необычайнымъ шумомъ и волненiемъ народа и скоро узнали, что директорiя ниспровергнута Бонапартомъ, установлено консульство, и Францiя отдана на произволь одного, хотя и гениальнаго человѣка. Вскорѣ Наполеонъ съ Жозефиною перебрались въ Люксембургскiй дворецъ, куда перемѣщены были Гортензiя Богарнэ и Каролина Бонапартъ. Но честолюбiе Наполеона не довольствовалоcь этимъ жилищемъ. Онъ со всѣми своими перебрался 19-го февраля 1800 года въ Тюльери. Тутъ Гортензiя имѣла тоже свою комнату, въ которой художникъ Изабэ продолжалъ давать ей уроки живописи. Г-жа Кампанъ не позабывала свою воспитанницу, достигшую такого величiя; она продолжала съ нею переписываться, давала ей всякаго рода полезные совѣты, приводила на память поступки и дѣянiя предшествовавшихъ обывательницъ Тюльери и т. д. Она совѣтовала ей быть скромною, внимательною, не ослѣпляться своимъ положенiемъ, а помнить о сопряженныхъ съ нимъ обязанностяхъ, не вмѣшиваться въ дѣла политики, не увлекаться вихремъ свѣтскихъ удовольствiй и т. д. Всѣ эти совѣты, изложенные теперь въ «Перепискѣ г-жи Кампанъ» (т. I), перемѣшивались не рѣдко восхваленiями Наполеона I, доходившими по назначенiю, а также совѣтами, обращенными къ Гортензiи продолжать занятiя и чтенiе. Г-жа Кампанъ, по просьбѣ Гортензiи, указывала ей книги, которыя было желательно, чтобы она прочла. Она составляла для Гортензiи росписанiе занятiй по днямъ отъ 9½ час. утра до 12 час., настаивала, чтобы она занималась живописью, пѣнiемъ, игрою на фортепiано и т. п. Гортензiя благодарила ее, спрашивала дальнѣйшихъ совѣтовъ и указанiй, но на дѣлѣ едва-ли могла ими пользоваться. Тому препятствовала во многомъ шумная и веселая жизнь, которую вела Гортензiя. Въ Парижѣ въ то время были постоянныя празднества по случаю побѣдъ, одерживаемыхъ Наполеономъ; во дворцѣ— происходили ежедневные приемы и балы, на которыхъ Гортензiя являлась неизбѣжнымъ украшенiемъ и въ силу своей очаровательной наружности

и также роскошнаго и изящнаго туалета. Празднества почти не прерывались. Наполеонъ, отбѣивъ установленныя революціей праздничныя дни, ввелъ опять прежніе маскарады, балы въ «Оперѣ», самъ давалъ часто балы у себя, а примѣру его слѣдовали всѣ прочіе. Кромѣ того, всякіе десять дней были постоянно небольшія собранія въ комнатахъ Жозефины, на которыхъ присутствовало отборное общество и всѣ, чѣмъ-либо замѣчательные люди. Самъ Бонапартъ дѣлалъ ежедневно приемы, возобновляя известное въ прежніе годы катанье въ Лонгшанъ; по вечерамъ—бывалъ въ театрѣ. При всемъ этомъ непремѣнно присутствовала Жозефина съ Гортензіею, которую первая все старалась пристроить за одного изъ членовъ семейства Бонапарта съ цѣлью упрочить этимъ и свое положеніе въ семействѣ, къ ней нерасположенномъ. Это не препятствовало ей однако приглашать и другихъ болѣе видныхъ молодыхъ людей, которые могли быть со временемъ выгодными женихами для Гортензіи, а въ настоящемъ—не упускали случая ухаживать за самою Жозефиною не безъ корыстныхъ, впрочемъ, цѣлей. Эти молодые люди были по преимуществу изъ семействъ прежнихъ аристократовъ и роялистовъ и надѣялись этимъ путемъ достигнуть осуществленія всевозможныхъ просьбъ, съ которыми уже въ то время они обращались къ Бонапарту. Гортензія сама обнаруживала расположеніе къ роялистамъ вообще и нерѣдко ходатайствовала за нихъ предъ Бонапартомъ, который въ минуты веселости называлъ ее маленькая Вандейка или Шуанка ¹⁾ и подтрунивалъ тогда надъ ея роялизмомъ. Въ то время (вскорѣ послѣ Маренго) мечтали о восстановленіи монархіи и, по словамъ Буріенна, секретаря Наполеона, а также Хейдъ-де-Невилля (Hude de Neuville, mémoires, т. I, стр. 269—270), самъ графъ д'Артуа чрезъ очаровательную герцогиню Гиншъ (Ginche) пытался вывѣдать взглядъ Наполеона на это предположеніе.

Въ числѣ выдающихся кавалеровъ роялистовъ былъ нѣкто г. Манъ (Mun), котораго Жозефина намѣтила въ супруги Гортензіи. Но сія послѣдняя въ то время упорно держалась само-по-себѣ прекрасному правилу, что выйдетъ замужъ только за того, кого сама полюбитъ, а потому, несмотря на всѣ доводы и убѣжденія матери, не согласилась вступить въ бракъ съ Мэнномъ, не пользовавшимся нисколько ея расположеніемъ,

¹⁾ Въ провинціи Вандеѣ было упорное возстаніе всего населенія противъ революціи и въ пользу прежняго порядка. Революція съ трудомъ усмирила это возстаніе, принявшее характеръ народной войны. Сторонниковъ возстанія звали шуанами; но происхожденіе этого названія объясняется различно. Одни говорятъ, что былъ отважный предводитель шайки, носившій имя Jean Chouan; другіе же говорятъ, что возставшіе, желая дать о себѣ извѣстіе другъ-другу, подражали крику совы (chat huant), откуда и произошло данное имъ прозвище.

тѣмъ болѣе, что узнала изъ разговоровъ, что онъ былъ влюбленъ въ г-жу Сталь. Къ тому же сама Гортензія была занята въ то время очень извѣстнымъ тогда въ Парижѣ, богатымъ роялистомъ Шарль Гонто (Gontaut), очень умнымъ и привлекательнымъ человѣкомъ. Семейство Гонто не желало этого брака и, чтобы разомъ прервать всѣ дальнѣйшія къ тому стремленія, отправило Шарля въ Англію.

Присутствуя ежедневно на всѣхъ обѣдахъ и завтракахъ перваго консула, видя ежедневно множество блестящихъ молодыхъ военныхъ офицеровъ, играя и очень часто танцуя съ ними, она, не получившая полного и основательнаго воспитанія, скоро обратила особенно благосклонное свое вниманіе на молодаго Дюрока и изъ-за него отказала новому жениху, нравившемуся очень ея матери, графу де Пауло (de Paulo), человѣку очень обыденному и слишкомъ большому болтуну, котораго Наполеонъ скоро за неумѣстныя и смѣлыя рѣчи выслалъ изъ Парижа въ Лангедокъ.

Дюрокъ былъ адъютантомъ Наполеона и пользовался необычайнымъ его довѣріемъ. Ему было около 27—28 лѣтъ; онъ обладалъ красивою наружностью и прекрасными манерами, изысканнымъ обращеніемъ, при томъ былъ очень прямодушенъ, не очень воздержанъ въ словахъ, но очень благороденъ, честенъ и прекрасно воспитанъ. Неудивительно, что Дюрокъ обратилъ на себя вниманіе Гортензіи, которая въ него скоро совершенно влюбилась. Это конечно не укрылось отъ проницательности Наполеона I. Онъ съ удовольствіемъ согласился бы на бракъ Гортензіи съ Дюрокомъ, если бы сей послѣдній рѣшился искать ея руки, но Дюрокъ самъ повидимому не очень торопился и не былъ слишкомъ увлеченъ Гортензіею. Въ это время Дюрокъ былъ посланъ въ Петербургъ для принесенія императору Александру поздравленія со вступленіемъ на всероссійскій престолъ, и въ продолженіе своего пребыванія въ Петербургѣ переписывался съ Гортензіею, при посредствѣ секретаря Наполеона Буріенна и съ вѣдома Жозефины, желавшей теперь однако непременно выдать Гортензію за брата своего мужа Луціана. Гортензіи было уже 22 года; всѣ ея подруги по пансіону большею частью вышли за мужъ; она была окружена множествомъ молодыхъ дамъ, въ числѣ которыхъ одно изъ видныхъ мѣстъ занимала ея подруга Лора Пермонъ, вышедшая за генерала Жюно ¹⁾ и оставившая извѣстныя записки подъ именемъ герцогини д'Абрантесъ. Гортензія желала примкнуть къ ихъ числу, а потому не очень отклоняла намѣреніе Жозефины

¹⁾ Жюно родился въ 1771 году, былъ одинъ изъ отважнѣйшихъ генераловъ Наполеона, обладалъ хладнокровіемъ, но не отличался военными дарованіями. Онъ завоевалъ Португалію въ два мѣсяца и взялъ городъ Абрантесъ на рѣбѣ Таго, отъ чего и получилъ титулъ герцога д'Абрантесъ.

устроить ей бракъ съ Луціаномъ, тѣмъ болѣе, что убѣдилась въ нежеланіи Дюрока сдѣлать ей предложеніе. Луціанъ Бонапартъ въ свою очередь исключительно заботился о наживѣ денегъ. Возвратясь изъ Испаніи, онъ привезъ большія сокровища и занимался, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, постыдными, но весьма для него прибыльными спекуляціями на хлѣбъ, за чтѣ и лишился мѣста. Онъ вовсе не намѣревался вступить въ бракъ съ Гортензією и далъ довольно ясно понятіе Жозефинѣ, которая тогда обратилась къ Луи Бонапарту, еще менѣе правившемуся самой Гортензіи. Самъ Луи Бонапартъ былъ еще влюбленъ въ Эмилию Богарнэ, недавно только вышедшую за мужъ за Лавалетта, и не могъ еще утѣшиться. Для разсѣянія онъ отправился въ Пруссію присутствовать на военныхъ маневрахъ, надѣясь, что Гортензія, его вовсе нетерпѣвшая, выйдетъ тѣмъ временемъ за мужъ. Но это не оправдалось, и Луи по возвращеніи изъ Потсдама испросилъ разрѣшеніе отправиться въ Португалію, гдѣ и участвовалъ въ походѣ Леклерка. Тѣмъ не менѣе онъ не избѣгъ судьбы. По настоятельнымъ убѣжденіямъ своей супруги Бонапартъ самъ посовѣтовалъ брату жениться на Гортензіи, и Луи, не въ силахъ будучи отказать въ чемъ-либо Бонапарту, согласился на это. То же самое сдѣлала и Гортензія по внушеніямъ ея матери, хотя не чувствовала никакого расположенія къ будущему своему супругу. Кардиналъ Капрара благословилъ этотъ бракъ въ небольшой заглѣ, такъ какъ церкви еще не были восстановлены, 3-го января 1802 года, а торжественное празднованіе происходило 14-го января, въ продолженіе котораго новобрачные цоражали всѣхъ грустными и печальными своимъ видомъ.

Луи Бонапартъ обладалъ пріятною наружностью, но недугъ, прибрѣтенный имъ въ Италіи, разстроилъ его здоровье и повліялъ на расположеніе его духа. Онъ былъ обыкновенно задумчивъ и серьезенъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ окончательно убѣдился въ нерасположеніи и даже отвращеніи къ нему его супруги. Онъ былъ довольно набоженъ, былъ болѣе строгихъ правилъ, нежели остальные его братья, любилъ читать и заниматься. Къ несчастью, онъ былъ довольно мелочентъ, принималъ упрямство за характеръ и силу воли, и полагалъ, что исполняетъ обязанности долга, занимаясь разными мелочами своей служебной дѣятельности. Онъ видѣлъ ранѣе, что Гортензія не имѣетъ никакого къ нему расположенія, и теперь, женившись, упорно старался преодолѣть ея нерасположеніе и желалъ наперекоръ всему составить счастье своей супруги. Но Гортензія презрительно относилась ко всему этому. Она не могла простить Луи Бонапарту, что онъ, видя явное къ нему нерасположеніе съ ея стороны, не отказался заблаговременно самъ отъ ея руки. Согласившись съ досады на его предложеніе, Гортензія теперь сожалѣла объ этомъ необдуманномъ поступкѣ и

надѣялась, что мужъ не будетъ имѣть какого-либо значенія въ ея жизнь, какъ это и бывало во многихъ супружествахъ. Она не обращала никакого вниманія на его любезность и предупредительность и скоро достигла того, что совмѣстная ихъ жизнь походила только на одно спокойное перемирие. Луи Бонапартъ все болѣе и болѣе уединялся, предаваясь литературнымъ занятіямъ, супруга же его—предалась свѣтскимъ развлеченіямъ. Она каждый день выѣзжала, танцевала съ увлеченіемъ, и всѣ считали ее счастливѣйшею особою. Привлекательная ея наружность доставляла ей успѣхъ въ обществѣ и толпу поклонниковъ. Это доходило конечно до свѣдѣнія Луи Бонапарта; онъ дѣлался подозрительнымъ и мнительнымъ, упрекалъ жену въ такомъ образѣ жизни и въ порывѣ гнѣва дошелъ однажды до того, что съ полною откровенностію и подробностію разсказалъ Гортензій образъ жизни и поведеніе ея матери, воспретивъ ей имѣть какое-либо сношеніе или свиданіе съ Жозефиною безъ его присутствія. Гортензія, дрожа отъ ужаса, слушала всѣ эти слова мужа, глубоко ее оскорбившія. Она не понимала, къ чему эти упреки и оскорбленія чести ея матери. Еще болѣе возмущалась она запрещеніемъ бывать у матери и тѣмъ строгимъ надзоромъ, который мужъ учредилъ надъ нею самою. Луи Бонапартъ платилъ прислугѣ, чтобы она слѣдила за его женой; онъ не отдавалъ Гортензій никакихъ писемъ и записочекъ, ей присланныхъ, не прочтя ихъ предварительно самъ; онъ запрещалъ ей входить въ сношенія съ кѣмъ бы то ни было безъ его вѣдома. Это было своего рода тиранство, оправдаваемое быть можетъ только тѣми наклонностями къ легкомыслію, которыя Луи Бонапартъ замѣчалъ въ своей супругѣ.

Вскорѣ однако, 10-го октября 1802 года, у Гортензій родился сынъ, Луи Наполеонъ; она страшно полюбила младенца и проводила съ нимъ весь день, сидѣла дома и стала преимущественно заниматься искусствами. Кромѣ рисованія она много играла на арфѣ, сочиняла очень извѣстные въ то время романсы для пѣнія и сама ихъ пѣла съ большимъ выраженіемъ. Ей удалось добиться отъ мужа разрѣшенія ѣздить одной въ Мальмезонъ, а потомъ Сенъ-Клу, гдѣ проживала Жозефина съ супругомъ, и принимать участіе въ различныхъ невинныхъ развлеченіяхъ, до которыхъ былъ охотникъ самъ первый консулъ. При этомъ Гортензія по привычкѣ кокетничала со множествомъ офицеровъ; это вызвало со стороны ея супруга сперва замѣчанія, а затѣмъ ссоры и крупныя объясненія, молва о которыхъ повсюду распространялась въ публикѣ.

Между тѣмъ было немало общаго у обоихъ супруговъ. Гортензія выказывала любовь въ литературѣ, мужъ же ея не только ее любилъ, но и самъ занимался ею; онъ писалъ даже сонеты Гортензій, которые она принимала съ презрительнымъ высокомеріемъ. Луи Бонапартъ любилъ

музыку, предлагалъ своей супругѣ играть съ нею вмѣстѣ, но она упорно отказывала ему въ этомъ. Онъ сталъ приглашать къ себѣ литераторовъ, ученыхъ и артистовъ того времени; Гортензія употребляла тогда всѣ средства, чтобы очаровывать ихъ своею любезностію и обходительностію. Такимъ образомъ всѣ лучшія намѣренія Луи Бонапарта обращались ему же во вредъ, потому что съ самаго перваго дня замужества Гортензія упорно на него досадовала, какъ упрямый ребенокъ. Самъ Наполеонъ Бонапартъ не рѣдко дѣлалъ Гортензіи замѣчанія относительно слишкомъ развязнаго и предосудительнаго обращенія ея съ адъютантами и другими придворными.

Скоро консульство преобразилось въ имперію; папа короновалъ Наполеона въ 1804 году. Луи Бонапартъ былъ сдѣланъ констаблемъ имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ изданъ законъ о престолонаслѣддіи, по которому, за неимѣніемъ потомства у императора, престолъ переходилъ къ потомству Іосифа и Луи, сдѣланнымъ принцами имперіи. Это увеличило еще больше вражду семейства Бонапартовъ и Богарнэ. Гортензія первое время имперіи отличалась скромностію и отсутствіемъ всякаго честолюбія, она была къ тому же опять не въ ладахъ съ мужемъ, рѣзо съ нею обращавшимся. Съ этого времени начинается и разстройство здоровья Гортензіи, объясняемое также второю ея беременностію, послѣдствіемъ которой было рожденіе 11-го октября 1804 г. втораго сына Луи Наполеона, котораго и крестилъ папа Пій VII. Жозефина была очень обрадована этимъ рожденіемъ внука, который, по ея мнѣнію, обезпечивалъ наслѣдственность престола и собственное ея положеніе.

Отправившись въ слѣдующемъ году въ Булонскій лагерь, Наполеонъ взялъ съ собою супругу, Мюрата и пригласилъ туда же Гортензію, которая одна и пріѣхала. Наполеонъ оказалъ ей всевозможныя военныя почести, подробно описанныя ею въ воспоминаніяхъ. Маршалъ Даву устроилъ великолѣпный завтракъ въ палаткахъ въ Амлетѣзѣ, маршалъ Ней давалъ большой праздникъ въ Монтрѣль, на кораблѣ возили ее смотрѣть англійскій и голландскій флоты. Послѣ осемидневнаго пребыванія Жозефина возвратилась назадъ, Наполеонъ же отправился въ Италію и короновался желѣзною короною лангобардовъ въ Миланѣ. Въ это время Луи Бонапартъ купилъ себѣ близъ Парижа въ долинѣ Монморанси прекрасное помѣстье Сенъ-Ле (Saint Leu) и занялся украшеніемъ своего замка. Гортензія же по-прежнему упорно досадовала на мужа, представляла изъ себя жертву, вздыхала и словно утомленная борьбою ожидала только смерти для избавленія отъ страданій.

Отправляясь въ кампанію, пріобрѣвшую извѣстность пораженіемъ не пріятеля подъ Ульмомъ и Аустерлицемъ, Наполеонъ назначилъ брата Луи главнымъ начальникомъ резервныхъ войскъ въ Парижѣ и приказалъ ему много принимать и давать вечера для оживленія столицы во

время его отсутствия. Не задолго передъ этимъ онъ основалъ пріюты для сиротъ лицъ, имѣвшихъ орденъ Почетнаго Легіона, и сдѣлалъ Гортензію главною попечительницею оныхъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ стали опасаться высадки англичанъ на берега Голландіи. Наполеонъ приказалъ тогда Луи отправиться въ Голландію и принять воѣ необходимыя мѣры къ оборонѣ страны и въ то же время осмотрѣть подробно сѣверную армію. Императоръ уже рѣшилъ обратить Батавскую республику въ королевство, а также и то, что королемъ будетъ сдѣланъ Луи, поѣздка котораго должна была положить главныя основанія тѣхъ сношеній, которыя будутъ существовать со временемъ между Голландіею и его братомъ.

Луи отправился въ Голландію, и его супруга была очень счастлива, что осталась одна въ Парижѣ. Она не замедлила принимать у себя небольшое число пріятельницъ, прежнихъ ученицъ г-жи Кампанъ. Онѣ всѣ занимались музыкою, рисовали за большимъ столомъ и запросто пили чай. Все это было бы очень невинно, если бы только Гортензія не занималась чрезъ-чуръ военными и артистами, бывавшими также на этихъ вечерахъ, и не поражала бы ихъ всѣхъ своею очаровательною любезностію. Впрочемъ, скорое возвращеніе Луи Бонапарта положило конецъ этимъ собраніямъ, къ большой досадѣ Гортензіи, которая была мало утѣшена даже тѣмъ, что 4-го марта 1806 года она и ея братъ были признаны дѣтьми Наполеона. Въ минуту тоски и досады она сообщила своей матери о всѣхъ самыхъ сокровенныхъ горестяхъ супружеской жизни. Поѣздка въ Голландію повліяла неблагоприятно на здоровье Луи Бонапарта: прежняя его болѣзнь проявилась съ болѣшею силою; извѣстный Корвизаръ ¹⁾, не находя болѣе средствъ къ исцѣленію, въ отчаяніи посоветовалъ ему захворать коростю (т. е. паршею), съ цѣлью вызвать наружу дурные соки, которые, скрываясь внутри организма Луи Бонапарта, лишали его возможности пользоваться руками и ногами. Это хотя и объясняли простудою, но неосновательно; это было прямое послѣдствіе болѣзни, пріобрѣтенной въ Италіи. Корвизаръ убѣдилъ Луи достать рубашку и постельное бѣлье больнаго, одержимаго паршею (коростю), и спать въ нихъ. Онъ это и сдѣлалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ, чтобы Гортензія по-прежнему спала въ одной съ нимъ комнатѣ, хотя и на отдѣльной кровати. Конечно, подобное требованіе было и оскорбительно, и бесполезно, и крайне неприятно. Онъ же, какъ говорятъ, бралъ

¹⁾ Корвизаръ, род. 1775 г., сынъ адвоката, онъ и самъ предназначался на это. Но природное влеченіе и склонность къ медицинѣ одержали верхъ. Онъ сталъ прилежно заниматься медициною и скоро сдѣлался профессоромъ, а потомъ и врачомъ Наполеона и Жозефины, которая встрѣчала его ранѣе у Барраса. Въ 1805 году онъ сдѣланъ барономъ и получалъ орденъ Почетнаго Легіона. Онъ умеръ въ 1821 году, оставивъ много сочиненій по медицинѣ.

еще и ванны изъ внутренностей животныхъ, заражавшихъ воздухъ на далекомъ пространствѣ. Корвизаръ былъ того мнѣнія, что воздухъ въ подобной спальнѣ вреденъ для здоровья Гортензи, и сообщилъ объ этомъ Жозефинѣ, которая не замедлила передать это мужу своему, выразившему по этому поводу крайнее удивленіе и неудовольствіе своему брату. Однако Луи Бонапартъ на этотъ разъ обнаружилъ сопротивленіе и сказалъ своему могущественному брату, что онъ хозяинъ у себя въ домѣ, что никто не въ правѣ вмѣшиваться въ его домашнія дѣла, что ему одному принадлежитъ рѣшеніе вопроса о надлежащемъ обращеніи съ своею женою и что при дальнѣйшемъ вмѣшательствѣ въ его семейную жизнь онъ удалится за границу. Наполеонъ не сталъ настаивать, видя что если братъ его и не правъ по отношенію къ своей женѣ, то онъ лично не въ силахъ принудить его обходиться съ нею иначе. Онъ совѣтовалъ Гортензи быть потерпѣливѣе, а Луи—обходиться съ нею болѣе снисходительно и ласково.

Вскорѣ въ Парижъ явилась депутація изъ Голландіи для объясненія и переговоровъ о новой формѣ правленія. Послѣ непродолжительныхъ объясненій, 15-го іюня было возвѣщено объ учрежденіи вновь Голландскаго королевства, а королемъ его былъ назначенъ Луи Бонапартъ, безъ предварительныхъ съ нимъ объясненій объ этомъ. Наполеонъ сказалъ ему, что голландцы сами предназначаютъ ему корону, отъ которой онъ не въ правѣ отказаться. Гортензия была очень этимъ довольна; новая конституція опредѣляла, что при малолѣтствѣ она будетъ регентшею. Луи самъ видѣлъ въ этомъ возможность отдалить свою супругу отъ слишкомъ развязнаго двора Наполеона и подчинить ее вполне образу жизни, соответствующему его понятіямъ и вкусу.

Настало время отъѣзда въ новое королевство. Гортензия предпочла бы отправитъ въ Голландію только своего супруга и остаться самой королевою Голландіи въ Парижѣ. Она просила Наполеона разрѣшенія остаться, ссылаясь на слабость своего здоровья, сырой климатъ Голландіи и на все усиливающееся несогласіе ея съ мужемъ. Однако Наполеонъ не тронулся этимъ и настоялъ на томъ, чтобы Гортензия ѣхала вмѣстѣ съ мужемъ въ Голландію. Супруги въ непродолжительномъ времени совершили торжественный вѣздъ въ Гаагу и поселились въ королевскомъ дворцѣ, убранномъ весьма просто и скромно. Чтобы не обременять бюджета, Луи удовольствовался тѣмъ, что имѣлось.

Впрочемъ нельзя утверждать, чтобы король былъ хорошо принятъ въ странѣ, въ которой былъ призванъ царствовать. Его считали врагомъ Голландіи и смотрѣли на учрежденіе королевства какъ на переходную мѣру къ полному присоединенію Голландіи къ Французской имперіи. Несмотря на то, Луи принялся добросовѣстно исполнять лежавшія на немъ обязанности, обнаруживъ при этомъ трудолюбіе и чрезвычай-

чайную любовь къ порядку и бережливости. Онъ берегъ деньги своихъ подданныхъ, соблюдалъ крайнюю во всемъ экономію и опредѣлилъ въ точности всѣ расходы собственного двора. Это очень понравилось голландцамъ, но Луи скоро отступилъ отъ этихъ мудрыхъ правилъ. Онъ поставилъ дворъ на слишкомъ большую ногу, взявъ при томъ по преимуществу французовъ. Штатъ королевы, также очень многочисленный, состоялъ исключительно изъ дамъ парижскаго общества, въ числѣ которыхъ была и дѣвица Кошелъ (Cochelet), подруга Гортензій по пансіону, оставившая намъ любопытныя свои записки. Аббатомъ при дворѣ Гортензій былъ прежній ея учитель Бертранъ, будущій первый наставникъ ея сына Наполеона III.

Всѣ лица, состоявшія при дворѣ, принадлежали къ старому французскому дворянству, къ роялистамъ, которымъ особенно благоволила Гортензія. При ея дворѣ мало-по-малу водворялись порядки, расходы и наряды прежняго французскаго двора. Голландія же въ то время была далеко не въ цвѣтущемъ состояніи. Торговля ея была въ упадкѣ, порты и склады—пусты, лавки въ большинствѣ закрыты. Не было никакого движенія и жизни въ городахъ, нѣкогда кипѣвшихъ дѣятельностію; на улицахъ поросла трава; оставшіяся немногія богатые семейства жили очень скромно и просто среди всеобщаго разоренія. Въ такой-то странѣ, разоренной вторженіемъ французовъ въ началѣ революціи, а затѣмъ континентальною системою, предстояло Гортензій царствовать и сдумать поправиться. Послѣднее ей впрочемъ удалось въ такой же мѣрѣ, какъ и ея мужу. Гортензія, устроивъ домъ, принялась опять за развлеченія. Она посѣщала различные музеи и могла вполне удовлетворить свой артистическій вкусъ. Осматривая различныя достопримѣчательности въ окрестностяхъ, она вздумала посѣтить деревню Бракъ ¹⁾, гдѣ находились огромные склады сокровищъ, приобретенныхъ прежнею торговлею голландцевъ и состоявшихъ изъ драгоценныхъ камней, кружевъ, и проч. Но какъ королева не предупредила о своемъ посѣщеніи, то по правиламъ и не была допущена въ деревню (въ которую постороннихъ не пускаютъ), къ великой ея досадѣ. Но дѣлать было нечего; необходимо было подчиниться установленнымъ правиламъ. Труднѣе гораздо было для нея послѣдовать новому требованію ея супруга. Онъ пожелалъ, чтобы Гортензія вела жизнь уединенную и вполне скромную, вѣроятно побужденный къ этому неисправимымъ кокетствомъ Гортензій, возбуждав-

¹⁾ Деревня Бракъ—цвѣтущее мѣстечко въ сѣверной Голландіи, недалеко отъ Амстердама; это резиденція богатыхъ голландскихъ купцовъ, достигшихъ богатства до неслыханныхъ размѣровъ; улицы и тротуары въ деревнѣ были фаясовыя, тщательно ихъ мыли, не пускали ѣздить въ экипажахъ и ходить животнымъ. Иноземцы также не могли проникнуть въ улицу, не надѣвъ особыхъ войлочныхъ туфель и т. д.

шимъ въ немъ сильную ревность, быть можетъ и лишенную въ то время всякаго основанія. Это конечно дошло скоро до Наполеона, писавшаго брату 4-го апрѣля 1807 года изъ Финкенштейна, чтобы онъ измѣнилъ обращеніе съ своею женою. «Ты имѣешь лучшую и самую добродѣтельную жену, — пишетъ Наполеонъ, — и ты дѣлаешь ее несчастною. Пусть она пляшетъ сколько ей угодно, это вполнѣ естественно въ ея годы. Моей женѣ сорокъ лѣтъ, и я съ поля сраженія пишу ей, чтобы она отправлялась на балъ. А ты хочешь, чтобы женщина въ двадцать лѣтъ, полная жизни и мечтаній, проводила время въ монастырѣ или была бы кормилицею, вѣчно занятою дѣтми. Ты слишкомъ много проявляешь свою личность въ домашней своей жизни и слишкомъ мало въ управленіи странюю. Сдѣлай счастливою мать своихъ дѣтей. Къ этому имѣется одно только средство: оказывать ей полное уваженіе и довѣріе. Къ несчастью, ты имѣешь слишкомъ добродѣтельную жену; если бы твоя жена была бы кокетка, она ловко водила бы тебя за носъ».

Луи Наполеонъ, будучи только четырьмя годами старше своей супруги, былъ слишкомъ рѣзокъ и настойчивъ въ обращеніи съ нею и не зналъ, что въ семейной жизни еще болѣе, нежели въ политикѣ, надо часто уменьшать и ослаблять выраженія мыслей и чувствъ, не надо быть до крайности откровеннымъ. Въ настоящемъ случаѣ супруги откровенно высказывали взаимное нерасположеніе и даже отвращеніе, и это окончательно ихъ поссорило.

Подобная жизнь, сопровождаемая исключительно только горемъ и неприятностями, могла разстроить и самое крѣпкое здоровье. Неудивительно, что Гортензія начинаетъ недомогать и постоянно жаловаться на нездоровье, объясняя это сырмъ климатомъ Голландіи. Король, еще болѣе болѣзненный, страдалъ гораздо значительнѣе отъ сырости, но не жаловался однако и готовъ былъ не вѣрить словамъ своей супруги, объясняя ихъ ея желаніемъ перемѣнить мѣстожителство. Оба они видимо таяли, но каждый изъ нихъ замѣчалъ это только на себѣ. Гортензія наконецъ впала въ какую-то мрачную меланхолію, король же, не будучи тираномъ, переселилъ ее въ загородный домъ на морскомъ берегу. Но извѣстно, что ничто не располагаетъ къ меланхоліи въ такой сильной мѣрѣ, какъ ежедневный и постоянный видъ моря. Гортензія впала окончательно въ полное уныніе; тогда доктора сочли необходимымъ отправить ее на воды въ Аахенъ (Aix la Chapelle); король послѣдовалъ за нею, чтобы пользоваться и самому водами. Вскорѣ Гортензія, въ октябрѣ 1806 года, когда Наполеонъ начиналъ свою знаменитую прусскую кампанію, отправилась въ Майнцъ къ Жозефинѣ, которая находилась въ этомъ городѣ во время военныхъ дѣйствій. Туда же пріѣхала мило-

видная и капризная молодая принцесса Баденская Стефанія ¹⁾, которою увлекался Наполеонъ. Начались опять всякія увеселенія и забавы, играли даже въ жмурки, при чемъ никто и не помышлялъ о кровавыхъ битвахъ подъ Іеною и Ауерштедтомъ.

Пришло наконецъ возвращаться въ Гаагу и снова жить вмѣстѣ съ ненавистнымъ мужемъ; начались снова всякія ссоры, доказавшія полную невозможность совмѣстной жизни. Супруги рѣшили жить отдѣльно, на разныхъ половинахъ. Гортензія проводила время въ праздности, болтая съ состоявшими при ней дамами. Мужъ же ея предавался все болѣе и болѣе занятіямъ отчасти по долгу, отчасти чтобы забыться отъ неприятностей, которыхъ было немало. Къ неприятностямъ семейнымъ присоединились неприятности по управленію. Наполеонъ настоятельно требовалъ осуществленія континентальной блокады. Это было разореніе для Голландіи; Луи Бонапартъ это понималъ и старался разными изытціями и разрѣшеніями ослабить суровость этой мѣры. Это вызвало неудовольствіе Наполеона, требовавшаго отъ своего брата точнаго и неуклоннаго исполненія его приказаній. Кончилось тѣмъ, что Луи Бонапартъ чрезъ нѣ которое время отказался отъ престола. Вскорѣ постигло его новое семейное несчастіе.

II. Майковъ.

(О кончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Это Стефанія Богарнэ, вышедшая по требованію Наполеона на Пресбургскомъ мирѣ замужъ за великаго электора Баденскаго.

О тайномъ ввозѣ въ Россію сочиненія Н. Тургенева.

Письмо графа Орлова—Д. А. Перовскому.

15-го августа 1847 г. № 1355.

Дошло до меня свѣдѣніе, что въ недавнемъ времени проникла въ Россію книга, подъ заглавіемъ «Les mémoires d'un proscrit», сочиненія государственнаго преступника Николая Тургенева, и что для провоза этой книги употребленъ былъ тотъ подлогъ, что первыя страницы въ оной заключаютъ въ себѣ листы изъ «L'histoire universelle de Segùre». По сдѣланнымъ же мною негласнымъ розысканіямъ обнаруживается, что сочиненіе Тургенева ввезено въ числѣ 50 экземпляровъ, которые всѣ распроданы.

Какъ съ одной стороны книгопродавцы, продававшіе это изданіе, безъ сомнѣнія будутъ отклонять отъ себя вину, а съ другой—дознано, что запрещенныя сочиненія почти всегда ввозятся не книгопродавцами, а модными торговками и уже ими раздаются книгопродавцамъ, то я полагаю, что формальное преслѣдованіе этого дѣла не приведетъ къ желаемымъ послѣдствіямъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ, считая моею обязанностію предупредить подобныя злоупотребленія, обращаюсь къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою, не изволите ли приказать объявить всѣмъ книгопродавцамъ, что недобросовѣстныя дѣйствія нѣкоторыхъ изъ нихъ извѣстны правительству, а также взять съ нихъ подписку въ томъ, что не будутъ заниматься продажей запрещенныхъ сочиненій подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ подвергнуться взысканію.

Обязываюсь присовокупить, что я съ симъ вмѣстѣ сообщилъ о вышеизложенномъ г. министру финансовъ, дабы онъ приказалъ имѣти и въ таможенныхъ бдительнѣйшій надзоръ за недопущеніемъ къ тайному водворенію въ Россію запрещенныхъ сочиненій, а также извѣстилъ объ этомъ и г. министра народнаго просвѣщенія.

Листки изъ дневника М. К. Мердеръ.

(Переводъ съ французскаго).

5-го февраля 1836 г. Среда.

Съ вечера у княгини Голицыной пришлось уѣхать на балъ къ княгинѣ Бутеро.

На лѣстницѣ рядами стояли лакеи въ богатыхъ ливреяхъ. Рѣдчайшіе цвѣты наполняли воздухъ нѣжнымъ благоуханіемъ. Роскошь необыкновенная!

Поднявшись наверхъ, матушка и я очутились въ великолѣпномъ саду—предъ нами анфилада салоновъ, утопающихъ въ цвѣтахъ и зелени. Въ обширныхъ апартаментахъ раздавались упоительные звуки музыки невидимаго оркестра. Совершенно волшебный, очарованный замокъ. Большая зала съ ея бѣломраморными стѣнами, украшенными золотомъ, представлялась храмомъ огня—она пылала.

Оставались мы въ ней недолго: въ этихъ многолюдныхъ, блестящихъ собраніяхъ задыхаешься...

Въ толпѣ я замѣтила Д'Антеса, но онъ меня не видѣлъ. Возможно, впрочемъ, что просто ему было не до того.

Мнѣ показалось, что глаза его выражали тревогу—онъ искалъ кого-то взглядомъ и, внезапно устремившись къ одной изъ дверей, исчезъ въ сосѣдней залѣ.

Черезъ минуту онъ появился вновь, но уже подъ руку съ госпожею Пушкиною.

До моего слуха долетѣло: «Partir—у pensez Vous bien, Madame,—je ne le crois pas—ce n'était pas là Votre intention»... ¹⁾

¹⁾ Уѣхать—думаете ли вы объ этомъ—я не вѣрю этому—это не ваше намѣреніе.

Выраженіе, съ которымъ произнесены эти слова, не оставляло сомнѣнія насчетъ правильности наблюденій, сдѣланныхъ мною ранѣе,—они безумно влюблены другъ въ друга!

Пробывъ на балу не болѣе получаса, мы направились къ выходу: баронъ танцевалъ мазурку съ г-жею Пушкиной—какъ счастливы они казались въ эту минуту!..

22-го января 1837 г. Пятница.

На балу я не танцевала. Было слишкомъ тѣсно.

Въ мрачномъ молчаніи я восхищенно любовалась г-жею Пушкиной. Какое восхитительное созданіе!

Д'Антесъ провелъ часть вечера неподалеку отъ меня. Онъ оживленно бесѣдовалъ съ пожилою дамою, которая, какъ можно было заключить изъ долетавшихъ до меня словъ, ставила ему въ упрекъ экзальтированность его поведенія.

Дѣйствительно—жениться на одной, чтобы имѣть нѣкоторое право любить другую, въ качествѣ сестры своей жены,—Боже! для этого нуженъ порядочный запасъ смѣлости (coupage)...

Я не разслышала словъ, тихо сказанныхъ дамою. Что же касается Д'Антеса, то онъ отвѣчалъ громко, съ отгѣнкомъ уязвленного самолюбія:

— J'entend, madame, ce que Vous voulez me faire comprendre, mais c'est que je ne suis pas du tout sûr, moi, d'avoir fait une bêtise!

— Prouvez au mondeque Vous saurez être un bon mari... et que les bruits qui courent ne sont pas fondés!

— Merci, mais le monde n'a qu'à me juger ¹⁾!

Минуту спустя я замѣтила проходившаго А. С. Пушкина. Какой уродъ! (Quel monstre!)

Разсказываютъ,—но какъ дерзать довѣрять всему, о чемъ болтаютъ?! Говорятъ, что Пушкинъ, вернувшись какъ-то домой, засталъ Д'Антеса tête-à-tête со своею супругою.

Предупрежденный друзьями, мужъ давно уже искалъ случая проверить свои подозрѣнія; онъ сумѣлъ совладать съ собою и принялъ участіе въ разговорѣ. Вдругъ у него явилась мысль потушить лампу, Д'Антесъ вызвался снова ее зажечь, на что Пушкинъ отвѣчалъ: «не беспокойтесь, мнѣ, кстати, нужно распорядиться насчетъ кое-чего» . .

Ревнивецъ остановился за дверью и чрезъ минуту до слуха его донеслось нѣчто похожее на звукъ поцѣлуя. . .

¹⁾ — Я понимаю то, что вы хотите дать мнѣ понять, но я совсѣмъ не увѣренъ, что сдѣлалъ глупость!

— Докажите свѣту, что вы сумѣете быть хорошимъ мужемъ. . . и что ходящія слухи не основательны.

— Спасибо, но пусть меня судить свѣтъ.

Впрочемъ, о любви Д'Антеса извѣстно всѣмъ. Ее, якобы, видятъ всѣ. Однажды вечеромъ, я сама замѣтила, какъ баронъ, не отрываясь, слѣдилъ взорами за тѣмъ угломъ, гдѣ находилась она. Очевидно, онъ чувствовалъ себя слишкомъ влюбленнымъ для того, чтобы, надѣвъ маску равнодушія, рискнуть появиться съ нею среди танцующихъ.

28-го января 1837 г. Четвергъ.

Только-что были г.г. Лип. Фид... Они сообщили о кончинѣ г. Пушкина. Какъ быстро распространяются слухи! Еще утромъ намъ объ этомъ говорилъ кто-то изъ прислуги. Вотъ къ чему привела женитьба барона Д'Антеса! Разъ дуэли было суждено состояться, то ужъ не проще ли было покончить съ мужемъ прежде, чѣмъ обвиняться съ сестрою его жены? Теперь же послѣднее представляется совершенно невозможнымъ. Каково положеніе вдовы!?

Говорятъ, встрѣча произошла въ 4 часа утра, послѣ бала. Пуля попала въ животъ и тамъ засѣла. Подробности дуэли мнѣ еще не извѣстны. Завтра все узнаемъ въ тысячѣ пересказовъ—запишу нѣсколько вариантовъ, чтобы было изъ чего выбрать заслуживающій наибольшаго довѣрія.

Сегодня утромъ уѣхала леди Лондондери. Я видѣла, какъ она садилась въ карету. Ее провожалъ кавалеръ въ шляпѣ, украшенной бѣлымъ плюмажемъ. Они подѣловались; затѣмъ онъ пожалъ ей руку на англійскій манеръ и отеръ слезу...

Маркиза была очаровательна: головку ея украшала шапочка (фасонъ вродѣ нашихъ кучерскихъ) небесно-голубаго бархата, отдѣланная бѣлымъ мѣхомъ. На плечахъ красовалась великолѣпная шуба.

Вчера къ ней заѣзжалъ государь императоръ, и у подѣзда перебивало великое множество народа. Кто былъ господинъ, провожавшій ее утромъ,—не разглядѣла—я слишкомъ близорука. Думала, что это Гал..., или Ап..., но исторія Д'Антеса заставляетъ теперь въ этомъ сомѣваться.—Сегодня утромъ врядъ ли онъ ¹⁾ могъ быть свободенъ.

Пушкинъ, несомнѣнно, великій поэтъ. Не знаю, представлялъ ли онъ изъ себя еще что-нибудь. О немъ говорятъ, какъ о человѣкѣ грубомъ (brutal). Но кто, въ концѣ концовъ, не грубъ? Особенно, когда имѣешь глупость жениться на писанной красавицѣ, будучи столь некрасивымъ! (étant aussi laid soi même)²⁾.

29-го января. Пятница.

Въ моемъ распоряженіи двѣ версіи. Тетя рассказываетъ одно, бабушка совсѣмъ другое—послѣднее мнѣ милѣе. У бабушки Д'Антесь-де-

¹⁾ который изъ двухъ?

²⁾ (Будучи столь некрасивъ).

Примѣч. перевод.

Геккеренъ является «en chevalier galant» ¹⁾). Если вѣрять тетѣ — «c'est un personnage brutal» ²⁾).

Говорятъ, будто со дня свадьбы, даже ранѣе вѣнчанія, Пушкина преслѣдовали анонимныя письма. Одно изъ нихъ онъ не въ силахъ былъ переварить: подъ изображеніемъ роговъ стояло множество именъ обманутыхъ мужей, выражавшихъ свое восхищеніе по поводу того, что общей ихъ участи не избѣжалъ человекъ, пользующійся репутаціею далеко не добродушнаго, которому случается даже и поколачивать жену...

Таковъ смыслъ письма, имѣвшаго рѣшающее значеніе.

Пушкинъ показалъ его барону Д'Антесу: тогда послѣдній, будто бы, сказалъ:

— Послушайте, когда обладаешь женой красавицей, тогда не слѣдуетъ удѣлять много вниманія злымъ выходкамъ подобнаго рода.

— Быть можетъ, вы правы, — отвѣтилъ Пушкинъ, — но я, тѣмъ не менѣе, прошу, чтобы нога ваша не была въ моемъ домѣ.

На это Д'Антесъ возразилъ:

— Если вы любите вашу супругу, то также ли сильна любовь ваша и къ ея сестрѣ? Отчего вы не допускаете мысль, что я прихожу для нея?

— Если такъ — то женитесь на ней.

Вотъ какъ сдѣлалось дѣло.

Цѣною этого самопожертвованія удавалось спасти репутацію любимой женщины.

Тетя рассказываетъ, будто Д'Антесъ стрѣлялъ первымъ и ранилъ Пушкина, который упалъ, но затѣмъ поднялся со словами: *le combat n'est pas fini — tenez Vous, Monsieur, tranquille* ³⁾! выпустилъ зарядъ. Д'Антесъ, раненый въ плечо, въ свою очередь падаетъ. Пушкинъ спрашиваетъ «убить?» Секундантъ противника отвѣчаетъ: «Нѣтъ».

— Жаль, — произноситъ Пушкинъ и лишается чувствъ — его рана смертельна.

Возможно ли, имѣя прострѣленные внутренности, найти въ себѣ достаточно силы, чтобы стрѣлять?

Бал...инъ, очевидно, правъ, говоря, что всѣ женщины отдають предпочтеніе бездѣльникамъ (*aux mauvais sujets*): Д'Антесъ мнѣ симпатичнѣе Пушкина...

Секундантомъ Д'Антеса былъ молодой человекъ изъ французскаго посольства — это также говорить въ его пользу: онъ не хотѣлъ компрометировать кого-либо изъ товарищей по полку.

¹⁾ Галантнымъ рыцаремъ.

²⁾ Это — грубая личность.

³⁾ Бой не конченъ, стойте, милостивый государь, смирно.

Государь послалъ сказать Пушкину—чтобы онъ умеръ, какъ подобаетъ доброму христіанину.

Матушка послала камердинера узнать, живъ ли А. С. Пушкинъ.

У Су...невыхъ говорили о Пушкинской исторіи. Самъ С. вполне порядочный человекъ, но служить въ полку, соперничающемъ съ кавалергардскимъ, а потому естественно было бы слышать отъ него что-либо, говорящее не въ пользу Д'Антеса—слабость, свойственная честиѣйшимъ людямъ: соперники всегда обладаютъ недостатками...

— Несомнѣнно Д'Антесу, увлеченному до безумія г-жею Пушкиной, не слѣдовало жениться на ея сестрѣ, но разъ онъ это сдѣлалъ, нельзя не сказать,—говорить Су...евъ,—что этимъ онъ думалъ спасти репутацію той, которую любилъ. Поступокъ необдуманный, но являющій признаки высокой души, особенно послѣ того, какъ всѣмъ было говорено о рѣшимости ѣхать во Францію, съ цѣлью положить конецъ оскорбительнымъ толкамъ и клеветѣ, распространеннымъ въ обществѣ насчетъ г-жи Пушкиной. На этихъ дняхъ Д'Антесъ получилъ отъ ея мужа письмо, полное самыхъ оскорбительныхъ выраженій. Не оставалось ничего другаго, какъ требовать удовлетворенія, или, по меньшей мѣрѣ, объясненій. Пушкинъ принялъ вызовъ. Д'Антесъ стрѣлялъ первымъ и ранилъ противника, который упалъ. Тогда секунданта Д'Антеса спросилъ: «не пора ли кончить?»

— Нѣтъ!—отвѣчалъ раненый и, минутою спустя, потребовалъ оружіе, крикнувъ Д'Антесу «стойте хорошенько!»

Выстрѣлъ былъ неудаченъ. Молодой французъ, секунданта Д'Антеса, повторилъ—«теперь кончено!»

— Нѣтъ,—сказалъ Пушкинъ, и, потребовавъ, чтобы его поддержали, прицѣлился снова и ранилъ Д'Антеса въ руку, послѣ чего тотъ, въ свою очередь, упалъ.

Пушкинъ, улыбаясь, спросилъ: «онъ умеръ?»

— Нѣтъ!—отвѣтилъ французъ.

— Жаль!—проговорилъ Пушкинъ.

Какъ только Д'Антесъ оправится, онъ съ женою уѣдетъ за границу. Вотъ его собственные слова: «Уѣду, и ее увезу съ собою». Онъ говорить всѣмъ, кто хочетъ его слушать, что женился, дабы спасти честь сестры жены отъ оскорбительной клеветы, но теперь считаетъ своимъ долгомъ заняться несчастною жертвою, ставшею его женою.

Пусть говорятъ послѣ этого, что въ дѣйствіяхъ его сказывается нѣчто возвышенное (*du réelement grand*), а у его противника заключается нѣчто грубое, дьявольское (*brutalement diabolique!*).

По крайней мѣрѣ онъ не измѣнилъ своей любви и испытанной храбрости—*Ces têtes chaudes de notre siècle—les têtes françaises!* ¹⁾

¹⁾ Эти горячія головы нашего столѣтія—французскія головы!

[Далѣе, позднѣйшая приписка: De grandes et belles folies! Blanches et belles d'un côté—noires et laides de l'autre . . . . .]¹⁾.

30-го января. Суббота.

У насъ г. Эс—ъ. Онъ утверждаетъ, что поведеніе Д'Антеса въ послѣднее время было безупречнымъ. Пушкинъ адресовалъ ему ужаснѣйшее письмо, которое оскорбленный догадался кое-кому показать, прежде чѣмъ идти на поединокъ. Названный отецъ Д'Антеса—баронъ де Геккеренъ, какъ говорятъ, первый настаивалъ на принятіи вызова.

Новыхъ подробностей происшествія нѣтъ.

Раненный (Д'Антесъ) лежитъ у себя на квартирѣ, на рукахъ у жены, которая его страстно любитъ.

Онъ удивительно красивъ....

Вотъ что, между прочимъ, припоминаю изъ рассказовъ о Пушкинѣ.

Однажды, на спектаклѣ, публика не скупилась на аплодисменты, но Пушкинъ упорно ничѣмъ не проявлялъ своего одобренія. Его соудъ, человекъ увлекающійся, не утерпѣлъ и, глядя въ его сторону, сказалъ: «какой глупецъ!»

Пушкинъ промолчалъ. Занавѣсъ падаетъ. Встаютъ. Тогда Пушкинъ подходитъ къ энтузіасту, говоря: «вы обозвали меня глупцемъ—извольте ошибаться—я Пушкинъ, давшій себѣ слово не аплодировать:—вотъ причина, почему вы остались ненагражденнымъ пощечиной,—публика могла бы принять ее за аплодисментъ»...

1-го февраля.

Сегодня состоялись похороны Пушкина, при участіи громадной толпы...

2-го февраля.

Поговариваютъ о томъ, что Д'Антесъ можетъ лишиться руки—бѣдный молодой человекъ!

6-го февраля.

. . . . . Говорили о Пушкинѣ, котораго г-жа К—ова обвиняетъ: «два мѣсяца тому назадъ я нашла бы, что дуэль естественна, но теперь, послѣ того какъ Д'Антесъ женился на сестрѣ той, которую любилъ, когда онъ принесъ въ жертву собственное счастье, ради чести другаго,—обстоятельства переменились. Надо было къ подобному самопожертвованію отнестись съ уваженіемъ. Мы знаемъ, что г-жа Пушкина была единственною женщиною, которую онъ почиталъ (qu'il ait respecté), для него она была боже-ствомъ, въ ней была его жизнь, идеалъ сердца. Несомнѣнно, образъ ея издавна жилъ въ немъ. Когда они встрѣтились—она уже принадлежала

¹⁾ Большія и прекрасныя глупости! Бѣлыя и красивыя съ одной стороны—черныя и некрасивыя—съ другой стороны.

другому. Онъ полюбилъ,—но свѣтъ позавидовалъ счастью. Злые языки начали свою работу. Влюбленный ясно увидѣлъ приближеніе той минуты, когда его ангела коснется людская клевета... Тогда собравъ все свое мужество, онъ объявилъ во всеуслышаніе, что женится. Для подобной жертвы нужно обладать сильнымъ духомъ».

У насъ, въ царствѣ морозовъ, гдѣ сила любви слишкомъ часто соизмѣряется съ приданнымъ, которое рассчитываютъ получить,—любовь, какъ страсть, остается непонятною. Все ограничивается заключеніемъ болѣе или менѣе выгодной сдѣлки...

17-го февраля.

Припоминается слѣдующій анекдотъ:

Однажды сидятъ Пушкинъ въ оперѣ, рядомъ съ неизвѣстнымъ, который все время подпѣваетъ пѣвцу Петрову.

Крайне раздосадованный, Пушкинъ произноситъ: «что-за глупецъ!—мѣшаетъ слушать!»

— Позвольте, милостивый государь, васъ спросить,—обращается къ нему сосѣдъ,—кого вы называете глупцомъ.

— Конечно, актера Петрова, такъ какъ онъ лишаетъ меня удовольствія васъ слушать!

Сообщилъ Алексѣй Мердерь.

Къ характеристикѣ П. Коновницяна.

Письмо П. Коновницяна къ В. Н. Каразину.

26-го мая 1813. Верхней Силезіи близъ Нейса замокъ Грунау.

Г-нъ Жадко лично, уповаю, удостовѣрилъ уже васъ, сколь я готовъ охотно былъ исполнить отъ всего сердца комисіи ваши, но къ несчастію моему нашелъ меня почти близъ смерти: я раненъ въ ногу пулею навлететь съ поврежденіемъ кости, но при всемъ тяжкомъ отъ того страданіи старался какъ возмогъ произвести по письмамъ вашимъ все въ дѣйствіе; не имѣя другаго способа, долженъ былъ все препроводить къ графу Аракчееву и 6 дипломовъ для отсылки ученымъ по адресамъ; надѣюсь, что не оставилъ онъ исполнить. За г-на Жадко заступиться просилъ также, который успѣлъ мнѣ уже хвалиться ласковымъ графа приѣмомъ.

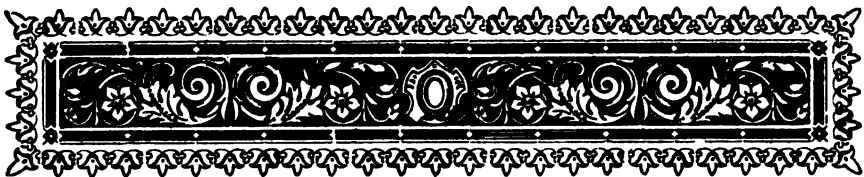
Фельдмаршала письма ваши уже не застали, онъ навѣрно много бы способствовалъ во всемъ по желанію вашему. Благодарю покорно за присылку образцовыхъ своихъ произведеній, радуюсь, что все у насъ въ краю столь успѣшно идетъ.

Я увѣренъ, что вы, милостивый государь, возьмете участіе въ положеніи моемъ, хотя я и не лишился благодаря Бога совсѣмъ ноги; но все страдаю тяжело, и едва-ли буду въ состояніи ею настояще ходить. Остается мнѣ та отрада, что и въ сей послѣдней кампаніи сошелъ съ своего поприща, какъ вѣрный сынъ отечества. Сія увѣренность облегчаетъ раны мои. Простите, почтенный Василій Назарьевичъ, не лишите меня дружества вашего, и будьте совершенно увѣрены, что съ своей стороны ничего ..... ¹⁾ къ приобрѣтенію его, какъ быть навсегда съ почтеніемъ и преданностью вамъ, милостивый государь, покорный и искренній другъ Петръ Коновницянъ.

¹⁾ Одно слово не разобрано

Къ исторіи русекой литературы.

III.

Попытки братьевъ А. А. и М. А. Бестужевыхъ издавать журналъ.
(1818—1823 г.)

1.

Представленіе С.-Петербургскаго цензурнаго комитета попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа С. С. Уварову.

22-го ноября 1818 г. № 95.

Лейбъ-гвардіи драгунскаго полка прапорщикъ Александръ Бестужевъ¹⁾, въ поданномъ имъ въ сей Комитетъ прошеніи прописывая, что «онъ намѣревается издавать съ будущаго 1819 года журналъ подъ названіемъ «Зимцерла», представляетъ послужной свой списокъ и программу того журнала. О сочиненіяхъ же своихъ объясняетъ, что, будучи занятъ дѣлами по службѣ, не могъ еще быть извѣстенъ публикѣ, кромѣ слѣдующихъ пьесъ, помѣщенныхъ въ журналѣ «Сына Отечества», и именно: «Духъ Бури» (стихами изъ Лагарпа) и «О состояніи востонскихъ и ливонскихъ крестьянъ», первая—въ 31-мъ, а послѣдняя—въ 38-мъ номерѣ; но надѣется заслужить вниманіе оной изданіемъ помянутаго журнала, на что и проситъ разрѣшеніе.

Въ приложенной же программѣ значить, что въ составъ журнала «Зимцерлы» имѣютъ входить слѣдующія статьи:

«Иностранная и отечественная литература, переводы въ стихахъ и въ прозѣ, сочиненія, до всѣхъ отраслей гражданскихъ и военныхъ наукъ

¹⁾ Извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ «Марлинскій».

касающіяся, стихотворенія всѣхъ родовъ поэзіи, библиографія, критика и смѣсь. Черезъ двѣ недѣли,—т. е. каждаго 15-го и послѣдняго числа мѣсяцевъ, будетъ выходить одна книжка въ обыкновенный форматъ, содержащая въ себѣ не менѣе четырехъ печатныхъ листовъ».

Цензурный комитетъ, на основаніи предложенія вашего превосходительства отъ 8-го іюля сего года за № 346, имѣя долгъ представить вышнему начальству мнѣніе свое о всякомъ вновь предполагаемомъ къ изданію журналѣ и объ издателѣ онаго, разсмотрѣвъ представленныя отъ г. Бестужева документы и вошедши во всѣ прикосновенныя къ дѣлу сему соображенія, честь имѣетъ объяснить слѣдующее:

1) По содержанію программы, кругъ журнала, предполагаемаго г. Бестужевымъ, будетъ обширѣйшій, заключаая въ себѣ не только всѣ части словесности отечественной и иностранной, но также критику и всѣ отрасли гражданскихъ и военныхъ наукъ. Къ выполненію такого обширнаго плана потребны также и обширныя по всѣмъ частямъ свѣдѣнія, а не менѣе того и практическая опытность для правильнаго сужденія о предметахъ, до государственнаго управленія относящихся:—чего въ г. Бестужевѣ ни отрицать, ни предполагать, по его слишкомъ еще молодымъ лѣтамъ, Комитетъ не можетъ (ему отъ роду 20 лѣтъ).

2) Хотя же въ послужномъ его, Бестужева, спискѣ значить, что онъ обучался языкамъ: латинскому, французскому и нѣмецкому, географіи и исторіи, риторикѣ, поэзіи, логикѣ, философіи, натуральной исторіи, физикѣ, механикѣ, химіи, вышней математикѣ, астрономіи, статистикѣ, политической экономіи, правамъ, архитектурѣ, артиллеріи и фортификаціи,—однакоже въ писанной имъ г. Бестужевымъ программѣ, Комитетъ не безъ удивленія замѣтилъ въ десяти не болѣе строкахъ, три ошибки противъ правописанія; что доказываетъ по меньшей мѣрѣ его невнимательность и небрежность.

3) Что касается до двухъ статей его перевода, на которыя онъ указываетъ: то опыты сіи похвальны только потому, что свидѣтельствуютъ объ охотѣ его къ полезнымъ упражненіямъ. Впрочемъ, переводъ въ прозѣ о состояніи восточныхъ и ливонскихъ крестьянъ не отличается ни чистотою слога, ни правильностью языка.

4) Для исправности въ изданіи періодическихъ сочиненій, потребно имѣть издателю, кромѣ достаточныхъ свѣдѣній, еще величайшее терпѣніе, непрерывную внимательность и навыкъ къ трудамъ. А какъ г. Бестужевъ въ прошеніи своемъ изъясняетъ, что онъ, будучи занятъ дѣлами по службѣ, не могъ быть извѣстенъ публикѣ, кромѣ по двумъ только вышеупомянутымъ пьесамъ, то Комитетъ имѣетъ причину думать, что самый родъ его службы и занятія по оной будутъ часто отвлекать его отъ многотрудныхъ занятій журналиста. Къ тому жъ, на случай откомандировки его по службѣ, что случиться можетъ ежедневно, должно

опасаться либо совершенной остановки, либо неисправности въ изданіи журнала.

5) Комитетъ неоднократно имѣлъ случай замѣтить, что многіе, особливо изъ молодыхъ людей, къ ученому сословію не принадлежащихъ, предпринявъ изданіе какого-нибудь журнала, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ прекращали оное; отчего не только публика оставалась обманутою (ибо деньги собраны впередъ), но и цензура нѣкоторымъ образомъ терпѣла нареканіе, поелику публика привыкла считать цензорское дозволеніе на изданіе журнала какъ бы ручательствомъ въ исправномъ и безостановочномъ продолженіи онаго по крайней мѣрѣ на годичное время. Комитетъ не имѣлъ до сего времени никакихъ средствъ къ отвращенію отъ себя такого нареканія, не считая себя въ правѣ, по силѣ высочайше утвержденного устава о цензурѣ, воспрещать кому-либо изданіе журнала. Впрочемъ, Комитетъ не относитъ сего на счетъ г. Бестужева, а представляетъ въ видѣ общихъ по сему предмету соображеній.

Изложивъ мнѣніе свое по преднамѣреваемому журналу Бестужева, Комитетъ честь имѣетъ приложить при семъ копію съ послужнаго его списка и съ программы журнала, прося покорнѣйше вашего превосходительства по сему дѣлу рѣшенія.

Подп. цензоры: Ив. Тимковской, Г. Яценковъ, Х. Зонъ, А. Спада.

2.

Отношеніе попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

2-го декабря 1818 г. № 645.

Лейбъ-гвардіи драгунскаго полка прапорщикъ Александръ Бестужевъ просилъ дозволенія на изданіе съ будущаго 1819 года журнала подъ названіемъ: «Зимцерла» и представилъ въ С.-Петербургскій цензурный Комитетъ послужной своей списокъ и программу преднамѣреваемаго имъ журнала.

Комитетъ, на основаніи предписанія вашего оіятельства отъ 29-го іюня сего года подъ № 1379, войдя въ надлежащія съ своей стороны соображенія, въ представленіи своемъ отъ 22-го минувшаго ноября, при семъ въ подлинникѣ прилагаемомъ, объяснилъ свое по предмету сему мнѣніе.

Хотя Комитетъ достаточно доказалъ, какъ сомнѣнія свои и опасенія въ разсужденіи надежности онаго журнала, по причинѣ занятія издателя службою, также по причинѣ неопытности его и неизвѣстности въ публикѣ важными сочиненіями, и хотя я согласенъ съ таковымъ мнѣніемъ

Комитета, но полагаю дозволить прапорщику Бестужеву издавать под его отвѣтственностью оной журналъ, только для опыта, во-первыхъ, потому, что въ предположеніи, ежели изданіе будетъ хорошо, то въ такомъ случаѣ предварительное запрещеніе было бы нѣкоторымъ стѣсненіемъ охоты къ ученымъ и можетъ быть очень полезнымъ для публики сего рода занятіямъ; а во-вторыхъ, потому, что ежели бы журналъ впредь найденъ былъ недостойнымъ вниманія публики и бесполезнымъ, или же бы прекратился неблагоуременно по винѣ издателя, то тогда бы неудачный опытъ Бестужева послужилъ бѣльшимъ еще правомъ для правительства обуздывать несоразмѣрную съ силами предпримчивость новыхъ подобныхъ издателей.

Впрочемъ, имѣю честь предать все сіе на благоусмотрѣніе вашего сіятельства.

Подп. Сергій Уваровъ.

Резолюція: Главное училищное правленіе, признавая заключеніе цензурнаго Комитета основательнымъ, предоставляетъ г. министру увѣдомить г. попечителя для объявленія Бестужеву, что изданіе сего журнала можетъ еще на нѣсколько времени быть удержано, когда издатель успѣетъ приобрѣсть трудами своими болѣе извѣстности въ ученой публикѣ. 4-го декабря 1818 г.

Подписалъ директоръ Василій Поповъ.

3.

Отношеніе министра народнаго просвѣщенія попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа.

23-го декабря 1818 г. № 3021.

Отношеніе вашего превосходительства отъ 2-го сего декабря № 645, съ приложеніемъ въ подлинникѣ представленія С.-Петербургскаго цензурнаго Комитета и слѣдующихъ къ оному бумагъ, по предмету принимаемаго лейбъ-гвардіи драгунскаго полка прапорщикомъ Александромъ Бестужевымъ изданія съ будущаго 1819 года журнала подъ заглавіемъ: «Зимперла» предложены были мною на разсмотрѣніе Главнаго правленія училищъ. Правленіе нашло мнѣніе цензурнаго Комитета о неизвѣстности въ публикѣ издателя уважительными сочиненіями основательнымъ, и потому предоставило мнѣ для объявленія г. Бестужеву, увѣдомить васъ, милостивый государь мой, что изданіе онаго журнала можетъ еще нѣсколько времени быть удержано, пока издатель успѣетъ приобрѣсть учеными трудами своими болѣе извѣстности въ публикѣ.

Будучи согласенъ съ таковымъ заключеніемъ Главнаго правленія училищъ, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство увѣдомить объ этомъ прапорщика Бестужева.

Подписалъ: министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князь Александръ Голицынъ.

4.

Прошеніе отставнаго штабсъ-капитана Михаила Бестужева-Рюмина въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ.

6-го сентября 1823 года.

Предполагая съ будущаго 1824 года приступить къ изданію литературнаго журнала подъ названіемъ С.-Петербургскаго, убѣждаюсь покорнѣйше просить С.-Петербургскій цензурный комитетъ о исходатайствованіи мнѣ на сей предметъ надлежащаго разрѣшенія. Указъ, данный мнѣ объ увольненіи моемъ отъ службы его сіятельствомъ командиромъ отдѣльнаго Финляндскаго корпуса, господиномъ генераломъ отъ инфантеріи и кавалеромъ графомъ Штейнгелемъ, въ которомъ прописана служба моя; программу предполагаемаго мною С.-Петербургскаго журнала и роспись изданнымъ мною книгамъ, для усмотрѣнія изъ оной извѣстныхъ публикѣ занятій моихъ въ словесности, имѣю честь у сего почтеннѣйше представить.

5.

С.-Петербургскій цензурный комитетъ въ засѣданіи 20-го декабря 1853 года слушали:

Прошеніе уволеннаго отъ службы изъ Вильманstrandскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитана Михаила Бестужева-Рюмина, о исходатайствованіи разрѣшенія на предполагаемое имъ съ будущаго 1824 года изданіе литературнаго журнала подъ заглавіемъ «С.-Петербургскаго». Причемъ проситель представилъ: указъ объ увольненіи его изъ упомянутаго полка, въ которомъ прописана служба его, программу предполагаемаго имъ журнала, и роспись изданнымъ имъ книгамъ, для усмотрѣнія изъ оной извѣстныхъ публикѣ занятій его въ словесности. А въ программѣ изъяснено, что въ составъ С.-Петербургскаго журнала будутъ входить:

1. Изящная словесность.

1) Проза. Повѣсти, разговоры, любопытныя описанія, достопамятныя происшествія, біографіи, разные отрывки и проч.

2) Стихотворенія. Оды, посланія, элегія, идилли, баллады, романсы, эпиграммы, надписи, вообще новѣйшія произведенія отечественной поэзіи.

II. Критика.

Современное обозрѣніе россійской словесности. Краткія извѣстія о вновь выходящихъ въ Россіи книгахъ, преимущественно относящихся до словесности, съ изложеніемъ краткихъ же, но безпристрастныхъ замѣчаній о содержаніи, цѣли и достоинствѣ оныхъ. Статья сія будетъ составляться, сколько возможно, по біографическому порядку.

Къ сей же статьѣ принадлежатъ и рецензіи или подробныя разсмотрѣнія новыхъ выходящихъ книгъ, какъ равно и антикритики, или возраженія, дѣлаемыя противъ нихъ.

III. Пантеонъ россійскихъ писателей.

Исчисленіе произведеній отечественныхъ писателей и подробныя разсмотрѣнія оныхъ. На 1824 годъ для статьи сей предназначены: Ломоносовъ, Петровъ, Херасковъ, Державинъ, Николевъ, Озеровъ и др.

IV. Пантеонъ иностранныхъ писателей.

Краткое біографическое извѣстіе о какомъ-нибудь иностранномъ писателѣ. Въ ономъ будутъ изображены нѣкоторыя черты его жизни и характера. Также помѣщено обозрѣніе его сочиненій и проч. На 1824 годъ для статьи сей предназначены: Дантъ, Тассъ, Аріостъ, Мильтонъ, Монтанъ, Шапелль, Боссюетъ, ла-Брюйеръ, Лесаажъ, Фонтенель, Кребильонъ, Томасъ, Воалло, Лейбницъ, Геснеръ и многіе другіе.

V. Смѣсь.

1) С.-Петербургскія театральныя вѣдомости. Извѣстія о-представляемыхъ на С.-Петербургскихъ императорскихъ театрахъ пьесахъ и обозрѣніе содержанія новѣйшихъ изъ оныхъ. Сужденія и замѣчанія о игрѣ актеровъ и тому подобное.

2) С.-Петербургскія записки. Извѣстія о какихъ-нибудь, заслуживающихъ вниманія, новостяхъ въ столицѣ, некрологическія записки и проч.

3) Разность. Все то, что не можетъ быть помѣщено ни въ одномъ отдѣленіи изъ вышепомянутыхъ статей, будетъ содержаться въ сей статьѣ, каковою долженъ заключаться каждый номеръ С.-Петербургскаго журнала. Всякіе небольшія статьи, замѣчанія, извѣстія о новыхъ книгахъ и пр. и пр.

Къ выходу сего журнала каждый мѣсяцъ предполагается по двѣ книжки. Каждая будетъ состоять не менѣе какъ изъ 4-хъ печатныхъ листовъ, или ста страницъ въ большую 12 д. листа.

Роспись изданнымъ 1. штабсъ-капитаномъ Бестужевымъ-Рюминымъ книгамъ.

I. Приношеніе 1816 году, содержащее въ себѣ нѣсколько мелкихъ пьесъ въ стихахъ. Москва, 1816, въ типографіи С. Селивановскаго, въ 8 ¹).

II. Стихи ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, на случай обрученія ея императорскаго высочества великой княжны Анны Павловны съ кронъ-принцемъ Нидерландскимъ Вильгельмомъ. Москва, 1816, въ типографіи Соливановскаго, въ 8 ²).

III. Краткій памятникъ для полевыхъ офицеровъ, содержащій въ себѣ разсужденіе о правилахъ, коими долженъ руководствоваться офицеръ, какъ напоминающими ему важнѣйшія обязанности его званія. С.-Петербургъ, 1818, въ типографіи Іосифа Іоаннесова, въ 8 ³).

IV. Онаго же изданіе второе. С.-Петербургъ, 1820, въ типографіи Іосифа Іоаннесова, въ 12-ю долю листа ⁴).

V. Разсужденіе о пѣвцѣ въ станѣ русскихъ воиновъ. С.-Петербургъ, 1822, въ типографіи І. Іоаннесова, въ 8 ⁵).

VI. Пѣвецъ среди русскихъ воиновъ, возвратившихся въ отечество въ 1816 году. С.-Петербургъ, 1823, въ типографіи І. Іоаннесова, въ 8 ⁶).

Указъ, данный объ увольненіи отъ военной службы 1. штабсъ-капитану Бестужеву-Рюмину, отъ 21-го февраля 1823 г. за № 197, есть слѣдующій:

По указу его величества государя императора Александра Павловича, самодержца всероссійскаго и проч. и проч.

Предъявитель сего штабсъ-капитанъ Михайлъ Александровъ сынъ Бестужевъ-Рюминъ, который, какъ значится изъ формулярнаго о службѣ его списка, отъ роду имѣетъ 25-ть лѣтъ, изъ дворянъ, въ службу вступилъ подпрапорщикомъ 816 г. декабря 9-го въ Вильманstrandскій пѣхотный полкъ; портупей-прапорщикомъ 818 г. января 19-го, подпоручикомъ 819 г. января 13-го, поручикомъ декабря 4-го; въ походахъ и

¹) За исключеніемъ двухъ страницъ заглавнаго листа сихъ стихотвореній оныя помѣщены на шести страницахъ.

²) Сія стихи заключаютъ четыре страницы.

³) Сія книжка напечатана на 31 страницѣ.

⁴) Оная книжка второе изданіе печатана на 47-ми страницахъ.

⁵) Сія книжка занимаетъ 67 страницъ.

⁶) Сіе изданіе напечатано на 104 страницахъ.

штрафахъ не бывалъ, по-россійски и французски, ариметику, поэзію, риторику, логику, географію и миеологию знаетъ; въ домовыхъ отпускахъ былъ: 818 году на 28 дней, 819 г. на 3 мѣсяца, 821 г. на 2 мѣсяца и 822 г. на 2 же мѣсяца и на срокъ явился; холостъ, къ повышенію аттестовался достойнымъ, а минувшаго 1822 года декабря въ 23 день высочайшимъ его императорскаго величества приказомъ уволенъ по домашнимъ обстоятельствамъ отъ службы штабъ-капитаномъ. Во свидѣтельство чего по высочайше предоставленному мнѣ уполномочію и данъ сей указъ ему, штабъ-капитану Бестужеву-Рюмину, за моимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ герба моего печати въ корпусной квартирѣ въ г. Гельсингфорсѣ. Подлинный подписалъ генераль-отъ-инфантеріи командиръ отдѣльнаго финляндскаго корпуса графъ Штейнгель.

Справк а. Предписаніемъ господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, сообщеннымъ С.-Петербургскому цензурному комитету въ списокъ при предложеніи бывшаго г-на попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа дѣйствительнаго статскаго совѣтника Уварова отъ 8-го іюля 1818 года за № 346, поручено было г-ну попечителю: предписать цензурному комитету, дабы оный самъ собою не разрѣшалъ къ изданію новыхъ періодическихъ сочиненій, но представлялъ бы о каждомъ вновь предполагаемомъ изданіи оныхъ установленнымъ порядкомъ къ нему, г-ну министру, черезъ г. попечителя на разрѣшеніе, излагая подробно цѣль и содержаніе сочиненія, кто онаго издатель, какими другими сочиненіями уже извѣстенъ, и представлялъ при томъ послужной такового списокъ и другія о немъ свѣдѣнія, а сверхъ того и мнѣніе свое о предполагаемомъ къ изданію періодическомъ сочиненіи.

6.

Отношеніе С.-Петербургскаго цензурнаго комитета попечителю.

23 декабря 1823 г. № 150.

Уволенный отъ службы Вильманстрандскаго пѣхотнаго полка штабъ-капитанъ Бестужевъ-Рюминъ представилъ въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ прошеніе объ исходатайствованіи ему отъ высшаго начальства позволенія издавать въ будущемъ 1824 году періодическое сочиненіе подъ заглавіемъ: «С.-Петербургскій журналъ».

Цензурный комитетъ въ исполненіе сдѣланнаго на случай таковыхъ просьбъ предписанія отъ господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, которое сообщилъ комитету предмѣстникъ вашего превосходительства при своемъ предложеніи отъ 8-го іюля 1818 года

за № 346, разсматривалъ представленныя г. Бестужевымъ-Рюминымъ при прошеніи программу С.-Петербургскаго журнала, изданныя имъ нѣкоторыя стихотворныя и прозаическія сочиненія, и указъ объ отставкѣ просителя изъ военной службы.

По разсмотрѣніи всего, комитетъ нашелъ:

1) Что печатныя сочиненія г. Бестужева-Рюмина не имѣютъ еще той степени достоинства и извѣстности, какую, по мнѣнію комитета, должны сперва пріобрѣсть литературные труды принимающаго на себя обязанность издателя періодическаго сочиненія.

2) Программа С.-Петербургскаго журнала обѣщаетъ представлять публикѣ критическій разборъ не только новѣйшихъ книгъ, выходящихъ въ Россіи, но и твореній первостепенныхъ нашихъ писателей, какъ-то: Ломоносова, Державина, Николева, Озерова и другихъ; обѣщаетъ представлять также разборъ сочиненій славнѣйшихъ писателей иностранныхъ, изъ коихъ назначены для одного 1824 года: Дантъ, Тассъ, Аріостъ, Мильтонъ, Монтанъ, Шапелль, Боссюэтъ, ла-Брюйеръ, Лесаажъ, Фонтенель, Кребильонъ, Томасъ, Воало, Лейбницъ, Геснеръ. По сему такая программа заставляетъ предполагать въ издателѣ журнала большія свѣдѣнія не только въ отечественной, но и иностранной словесности. Между тѣмъ въ сей самой программѣ, писанной рукою г. Бестужева, усмотрѣны грамматическія ошибки, доказывающія, что г. сочинитель оной не имѣетъ основательнаго познанія и въ отечественномъ языкѣ; и

3) Въ прошеніи и другихъ своихъ бумагахъ г. Бестужевъ-Рюминъ не называетъ будущихъ своихъ сотрудниковъ, которые могли бы замѣнить недостатокъ его познаній и исполнить принимаемую имъ на себя обязанность въ отношеніи къ публикѣ.

При такихъ обстоятельствахъ комитетъ полагаетъ, что изданіе въ С.-Петербургѣ новаго литературнаго журнала г. Бестужевымъ-Рюминымъ едва-ли можетъ быть нужно и полезно для читающей публики, особливо при множествѣ другихъ періодическихъ изданій, здѣсь печатаемыхъ, ибо число однихъ таковыхъ изданій, которыя разсматриваетъ цензурный комитетъ, простирается уже до 17-ти. Упомянувъ о семъ множествѣ журналовъ, комитетъ находитъ случай представить при семъ на благоусмотрѣніе вашего превосходительства особенную вѣдомость объ оныхъ. При всей краткости таковой вѣдомости ваше превосходительство безъ сомнѣнія изволите замѣтить, какихъ трудовъ, вниманія и осмотрительности требуетъ пропускъ въ свѣтъ къ назначеннымъ срокамъ болѣе тысячи двухсотъ печатныхъ листовъ, или безмала двадцати тысячъ страницъ, составляющихъ одинъ годъ изъ сихъ изданій, ибо многія тысячи читателей оныхъ дѣлаются судьями трехъ цензоровъ, и болѣе ихъ имѣя досугъ и способъ разсматривать напечатанныя сочи-

невня со всѣхъ сторонъ, могутъ открывать въ оныхъ (иногда въ одномъ выраженіи), то, чего не возможно открыть одному цензору, озабоченному множествомъ разнообразныхъ дѣлъ, требующихъ скорости и незнающихъ различныхъ обстоятельствъ сочиненія, извѣстныхъ нѣкоторымъ только лицамъ. Но отъ прозорливости вашего превосходительства, конечно, не скроется, что выходящія изъ печати журналы не дадутъ еще полнаго понятія о трудахъ цензоровъ: не рѣдко осторожность побуждаетъ ихъ справляться о разныхъ обстоятельствахъ и случаяхъ, объясняющихъ закрытое, но истинное намѣреніе сочинителя, съ какимъ пишутся многія піесы, на каковыя справки нужно время и терпѣніе; часто чтеніе и перечитываніе большихъ піесъ, какъ скоро онѣ окажутся подлежащими запрещенію или потребуютъ исправленія, дѣлается напраснымъ трудомъ, ибо въ семь случаевъ цензоръ обязанъ заниматься новымъ непредвидимымъ чтеніемъ, чтобы не дѣлать остановки въ печатаніи срочнаго изданія; часто цензоры принуждены бываютъ тратить много времени на словесныя объясненія и даже на переписку съ сочинителями или переводчиками піесъ, которыхъ цензура одобрить не можетъ безъ нужныхъ, по ея мнѣнію, перемѣнъ; иногда легко раздражающееся самолюбіе авторовъ побуждаетъ ихъ утруждать самое начальство цензурнаго комитета жалобами на оный и отнимаетъ у цензоровъ отъ исправленія настоящей ихъ должности время на сочиненіе оправданій противу неосновательныхъ жалобъ.

Изъ одного сего понятія о части трудовъ каждаго цензора, обязаннаго разсматривать срочныя изданія, явствуетъ, что размноженіе сихъ изданій болѣе всего увеличиваетъ работы и отвѣтственность цензоровъ: ибо никакія книга, говоря вообще, столько не обращаются въ публикѣ, какъ журналы. Но по мѣрѣ умноженія трудовъ занимающагося разсматриваніемъ журналовъ сокращается время, остающееся ему на чтеніе другихъ полезнѣйшихъ книгъ, которыхъ число ежегодно простирается до нѣсколькихъ сотъ. Въ истекающемъ 1823 году количество вступившихъ на разсмотрѣніе С.-Петербургскаго цензурнаго комитета рукописей и печатныхъ книгъ простирается нынѣ до 574 разныхъ званій.

Уже опытъ двухъ слишкомъ лѣтъ показалъ С.-Петербургскому цензурному комитету не только трудность лежащихъ на немъ обязанностей, но и физическую и нравственную невозможность исполнять сіи обязанности всѣ къ общему удовольствію, по крайней мѣрѣ исполнять оныя такъ, чтобы къ наступающему году не оставалось отъ прошедшаго не разсмотрѣнныхъ книгъ.

Такимъ образомъ невольное задержаніе нѣкоторыхъ другихъ изданій, кромѣ періодическихъ, подвергаетъ комитетъ новой непріятности слышать роптанія сочинителей и даже опасаться жалобъ, которыми каждый изъ нихъ найдетъ благовидную причину утруждать начальство комитета

ибо не для всякаго ясно, что количество журналовъ и другихъ сочиненій безпрестанно умножается и можетъ умножаться до неограниченнаго числа, а число цензоровъ ограничивается здѣсь тремя, и сіе малое число можетъ еще уменьшиться болѣзнями, или отъ другихъ причинъ ¹⁾).

Вошедшая въ цензурный комитетъ просьба о позволеніи издавать здѣсь новый литературный журналъ подала комитету поводъ вмѣстѣ съ разсмотрѣніемъ ея и представленіемъ вашему превосходительству относящихся къ сему дѣлу обстоятельствъ разсмотрѣть ближе другой болѣе важный вопросъ, а именно: не можетъ ли размноженіе литературныхъ журналовъ затруднять у насъ самые успѣхи просвѣщенія? Если всякое срочное изданіе не позволяетъ издателю зрѣло обдумывать и хорошо излагать многихъ предметовъ; если умноженіемъ числа такихъ повременныхъ сочиненій можно опредѣлять распространеніе вкуса къ чтенію легкому и неосновательному; если сей вкусъ нечувствительно встребляетъ охоту заниматься лучшими книгами, требующими размысленія, и если съ непомятымъ умноженіемъ числа журналовъ, истощаются вмѣстѣ и матеріалы каждаго и самые способы читателей пріобрѣтать какъ оныя журналы ²⁾, такъ и полезныя книги, то комитетъ осмѣливается воспользоваться симъ случаемъ, чтобы сказать свое мнѣніе, что въ неограниченномъ размноженіи литературныхъ журналовъ, издаваемыхъ частными людьми, которые еще неизвѣстны полезными трудами, онъ не видитъ умноженія надежныхъ пособій къ распространенію истиннаго просвѣщенія и образованію нравовъ, не видитъ сего главнаго предмета, коему должны отвѣчать назначаемыя къ общественному употребленію книги—словомъ, не видитъ здѣсь предмета, поставленнаго на видъ цензурѣ въ самыхъ первыхъ статьяхъ высочайше утвержденнаго для нея устава.

Впрочемъ, цензурный комитетъ долгомъ своимъ считаетъ отдать на судъ вашего превосходительства всѣ свои разсужденія, къ коимъ подала поводъ обстоятельства, сопровождающія вступившую въ оный просьбу о изданіи новаго журнала. Отъ вашего превосходительства совершенно будетъ зависѣть довести до свѣдѣнія высшаго начальства

¹⁾ При семъ случаѣ можно и необходимо замѣтить, что ни одинъ цензурный комитетъ въ Россіи не разсматриваетъ такого множества периодическихъ изданій, какое обязанъ разсматривать С.-Петербургскій комитетъ. При томъ члены находящіеся во всѣхъ университетахъ цензурныхъ комитетовъ имѣютъ по своей должности помощниковъ въ профессорахъ и адъюнтахъ, читающихъ представленныя цензору книги и рукописи.

²⁾ Примѣчаніе. На покупку только 17 журналовъ, разсматриваемыхъ С.-Петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ, потребно въ одинъ годъ болѣе 500 рублей; но въ показанномъ числѣ не заключаются еще всѣ журналы, печатаемые въ Петербургѣ, а петербургскими периодическими изданіями не ограничивается еще число журналовъ, издаваемыхъ въ Россіи.

такую просьбу г. Бестужева-Рюмина вмѣстѣ съ симъ донесеніемъ комитета. На случай представленія о семъ дѣлѣ его сятельству господину министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, комитетъ имѣеть честь приобщить къ своему донесенію программу изданія С.-Петербургскаго журнала и роспись мелкихъ сочиненій, изданныхъ штабсъ-капитаномъ Бестужевымъ-Рюминымъ. Сія два приложенія комитетъ покорнѣйше проситъ ваше превосходительство приказать возвратить ему по минованіи въ оныхъ надобности

В Ъ Д О М О С Т Ь

о періодическихъ изданіяхъ, разсматриваемыхъ С.-Петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ.

НАЗВАНІЕ ИЗДАНІЙ И ИЗДАТЕЛЕЙ.	Число книжекъ или номеровъ, выдаваемыхъ въ недѣлю.			Число печатныхъ листовъ въ годовомъ изданіи.
	въ каждый мѣсяць.	въ годъ.	въ годъ.	
1. „Журналъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества“, издаваемый комитетомъ по ученой части.	—	по 1 кн.	12 кн.	66 листовъ (или 1.066 страницъ).
2. „Соревнователь просвѣщенія и благотворенія“, издаваемый Обществомъ любителей словесности.	—	по 1 кн.	12 кн.	90 листовъ
3. „Сынъ Отечества“, издаваемый коллежскимъ совѣтникомъ Гречемъ.	по 1 №	по 4 №	52 №	148 „
4. Литературныя прибавленія къ „Сыну Отечества“, издаваемые коллежскимъ совѣтникомъ Княжевичемъ.	—	по 2 №	24 кн.	72 „
5. „Сибирскій Вѣстникъ“, издаваемый бергмейстеромъ 8 класса Спаскимъ.	—	по 2 кн.	24 кн.	72 „
6. „Отечественныя Записки“, издаваемые коллежскимъ совѣтникомъ Свинынымъ.	—	по 1 кн.	12 кн.	72 „
7. „Благонамѣренный“, издаваемый коллежскимъ совѣтникомъ Измайловымъ.	—	по 2 №	24 кн.	60 „
8. „Русскій Инвалидъ“, издаваемый коллежскимъ совѣтникомъ Воейковымъ.	по 6 №	отъ 26 до 27 №	до 306 №	153 „
9. Литературныя прибавленія, издаваемые г. Воейковымъ и Козловымъ.	—	отъ 3 до 4 №	до 48 №	25 „
10. „Сѣверный Архивъ“, издаваемый г. Булгариннымъ.	—	по 2 №	24 кн.	85 „
11. Литературныя листы къ „Сѣверному Архиву“.	—	по 1 №	12 №	24 „

НАЗВАНІЕ ИЗДАНІЙ И ИЗДАТЕЛЕЙ.	Число книжекъ или номеровъ, издаваемыхъ въ каждый мѣсяцъ.	Число печатныхъ листовъ въ годовомъ изданіи.
12. „St. - Petersburgische Zeitschrift“, издаваемый коллежскимъ секретаремъ Ольдекопомъ	— по 1 кн. 12 кн.	„
13. „Дѣтскій Музеумъ“, на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ	— по 1 № 12 №	12 „
14. „Сѣверная Арфа“, музыкальный журналъ	— по 1 № 12 №	30 „
15. „Журналъ изящныхъ искусствъ“, издаваемый титулярнымъ совѣтникомъ Григоровичемъ	— 1 книжка въ каждомъ мѣсяцѣ 6 кн.	60 „
Сверхъ сихъ періодическихъ изданій будутъ печататься въ 1824 году новые журналы:		
16. „Указатель открытій по Физикѣ, Химіи, Естественной Исторіи и Технологіи“.	— 1 кн. 6 кн.	50 „
По Высочайшему соизволенію:		
17. „Ученый и литературный журналъ Россійской Имперіи по части Путей Сообщенія“		
на русскомъ языкѣ	— по 1 кн. 12 кн.	60 „
„ французскомъ	— по 1 кн. 12 кн.	60 „
Всего же	— 54 624 кн.	1.239 печатн. листовъ.

Изъ сей вѣдомости явствуетъ, что общее число печатныхъ листовъ, составляющихъ годовое изданіе семнадцати журналовъ, простирается до 1.239 листовъ, или, считая въ каждомъ печатномъ листѣ 16 страницъ въ 8-ю долю листа, до 19.824 страницъ.

7.

Предписаніе исправляющаго должность понечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Д. Рунича С.-Петербургскому цензурному комитету.

31-го декабря 1823 года за № 1269.

Не находя въ уставѣ о цензурѣ ясныхъ указаній, на основаніи которыхъ предоставлялось бы мнѣ право входить въ разсмотрѣніе обстоятельствъ, въ представленіи комитета отъ 23-го сего декабря изложенныхъ, относительно новаго періодическаго изданія: «С.-Петербургскій журналъ», и такъ какъ комитету дано право непосредственнаго раз-

смотрѣнія книгъ и сочиненій, то и предоставляю оному поступить въ семь случаѣ на законномъ основаніи, тѣмъ болѣе, что есть ли издатель останется рѣшеніемъ комитета недоволенъ, можетъ, на основаніи того же устава о цензурѣ, принести жалобу главному правленію училищъ. Подлинную программу изданія упомянутого журнала и роспись сочиненій штабсъ-капитана Бестужева-Рюмина у сего возвращаю.

8.

Отношеніе С.-Петербургскаго цензурнаго комитета исправляющему должность попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа.

8-го января 1824 года № 3.

С.-Петербургскій цензурный комитетъ, имѣвъ честь получить отвѣтъ вашего превосходительства отъ 31-го числа декабря прошлаго 1823 г. № 1269, на представленіе его отъ 23-го того же мѣсяца № 150, относительно поданной въ комитетъ г. штабсъ-капитаномъ Бестужевымъ-Рюминымъ просьбы объ исходатайствованіи ему отъ высшаго начальства позволенія издавать въ семь 1824 году періодическое сочиненіе подъ заглавіемъ «С.-Петербургскій журналъ» — долгомъ считаетъ вторично войти къ вашему превосходительству съ представленіемъ по сему предмету.

Хотя высочайше утвержденный іюля 9-го дня 1804 года Уставъ о цензурѣ дѣйствительно даетъ комитету право заниматься непосредственнымъ разсматриваніемъ книгъ и сочиненій, однако жъ на печатаніе періодическихъ изданій, къ которымъ принадлежитъ и предпринимаемое г. Бестужевымъ изданіе «С.-Петербургскаго журнала», комитетъ обязанъ всякій разъ предварительно испрашивать позволенія высшаго начальства въ исполненіе упомянутого въ первомъ представленіи комитета и при семъ въ копіи прилагаемаго предписанія господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, какое на подобный случай сдѣлано было уже въ 1818 году.

Какъ комитетъ по сему предписанію не имѣетъ права самъ собою ни позволить, ни запретить никакого періодическаго изданія, и какъ оный по 5, 14 и 35 статьямъ Устава о цензурѣ обязанъ по дѣламъ своимъ относиться къ вашему превосходительству, то комитетъ составляетъ нынѣ долгомъ покорнѣйше просить ваше превосходительство представить при вашемъ мнѣніи на благоусмотрѣніе его сятельства господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія первое представленіе свое о просьбѣ г. Бестужева, съ препровождаемыми при семъ обратно подлинною программю изданія упомянутого журнала и росписью сочиненій сего просителя.

9.

Предписаніе исправляющаго должность попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Д. Рунича С.-Петербургскому цензурному комитету.

2-го іюня 1824 года № 742.

Господинъ министръ народнаго просвѣщенія, въ предписаніи отъ 31-го минувшаго мая подъ № 1795, увѣдомилъ меня, что представленіе мое отъ 28-го января сего года, вмѣстѣ съ отзывомъ С.-Петербургскаго цензурнаго комитета относительно испрашиваемаго отставнымъ штабсъ-капитаномъ Бестужевымъ-Рюминымъ дозволенія издавать періодическое сочиненіе, подъ названіемъ: «С.-Петербургскій журналъ» разсматривалось въ главномъ правленіи училищъ. Правленіе, по основанію причинъ, изъясненныхъ въ отзывѣ цензурнаго комитета, какъ въ разсужденіи степени достоинства и извѣстности литературныхъ трудовъ просителя, не соответствующихъ приемлемой имъ на себя обязанности, такъ и вообще въ разсужденіи невыгоднаго вліянія, какое можетъ имѣть размноженіе журналовъ на распространеніе вкуса къ чтенію легкому и неосновательному, положило не давать дозволенія на изданіе помянутаго журнала.

Господинъ министръ, будучи съ своей стороны согласенъ съ такимъ заключеніемъ главнаго училищъ правленія, предоставилъ мнѣ предложить здѣшнему цензурному комитету, для увѣдомленія о томъ штабсъ-капитана Бестужева-Рюмина.

О всемъ вышеозначенномъ предлагаю С.-Петербургскому цензурному комитету къ свѣдѣнію и надлежащему исполненію.

Приказъ графа Барклая-де-Толли по арміямъ съ благодарностью короля прусскаго.

12-го іюня 1814 года № 120 Главн. кварт. Г. Гагенау.

Рескриптъ, на имя мое послѣдовавшій отъ его величества короля прусскаго, изъявляющаго особенное его величества расположеніе къ войнамъ, въ прошедшей войнѣ участвовавшимъ, я къ свѣдѣнію у сего сообщаю: «Арміи императора вашего и вѣрнаго моего союзника были соединены съ моими, храбростью и столькимъ перенесеніемъ трудностей для достигнутой нынѣ цѣли. Миръ прекратилъ сіе соединеніе оружія, но онъ никогда не изгладитъ изъ памяти единодушіе, доброе согласіе и тотъ духъ геройскій, съ которымъ единственно можно было одержать только трудную побѣду. Я прошу васъ, господинъ генералъ-фельдмаршалъ, быть истолкователемъ моимъ передъ арміями императора повелителя вашего въ изъявленіи сихъ моихъ чувствованій, которыя вездѣ меня сопровождаютъ будутъ, объявивъ имъ, что напоминать о томъ времени, въ которое я былъ свидѣтелемъ непрерывныхъ опытовъ сихъ добродѣтелей, всегда для меня драгоцѣнно будетъ, и что возобновить во мнѣ всякій разъ чувство уваженія къ симъ храбрымъ арміямъ.

«Вамъ лично не имѣю надобности повторять то расположеніе, которымъ я къ вамъ преисполненъ; надѣюсь, что оно вамъ довольно извѣстно»

Подлинный подписалъ главнокомандующій всѣми арміями, генералъ-фельдмаршалъ графъ Барклай-де-Толли.

Александръ Ефимовичъ Измайловъ.

1779 — 1831 гг. ¹⁾.

V ¹⁾.

Обозрѣніе литературной дѣятельности Измайлова.—Произведенія въ прозѣ.

Впервые имя Александра Ефимовича Измайлова появилось въ печати въ 1797 году подъ стихотвореніемъ «Смерть», переведеннымъ изъ Малерба; можетъ быть, стихами же и начались его литературные опыты. Но такъ какъ первымъ крупнымъ произведеніемъ Измайлова былъ прозаическій романъ, и вообще въ области прозы преимущественно онъ работалъ въ первые годы своей литературной дѣятельности, то мы и начнемъ обозрѣніе послѣдней съ прозаическихъ произведеній нашего писателя.

Съ небольшимъ сто лѣтъ назадъ (въ половинѣ 1799 года) въ книжныхъ лавкахъ Глазунова поступила въ продажу слѣдующая книга: «Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества.—Повѣсть, написанная А. Измайловымъ». Это была первая часть. Вторая часть вышла подъ тѣмъ же заглавіемъ два года спустя, въ 1801 г. ²⁾, и повѣсть, такимъ образомъ, разрослась въ цѣлый романъ, подъ которымъ наименованіемъ она обыкновенно и упоминалась впоследствии.

Напечатанный въ 1799 году, но написанный еще ранѣе (приблизительно въ 1797 г., когда Измайловъ, какъ онъ самъ говоритъ, былъ,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюль 1900 г.

²⁾ Встать исправимъ ошибочное мнѣніе, что будто-бы 1-я часть въ 1801 г. была переиздана: была переиздана лишь обложка, помѣченная дѣйствительно 1801-мъ годомъ.

«осьмнадцать не больше лѣтъ»), романъ этотъ не имѣлъ успѣха при жизни автора, въ настоящее же время почти забытъ. Въ подтвержденіе неуспѣха романа достаточно указать и на то, что послѣ 1801 года онъ не переиздавался ни разу вплоть до 1891 года, когда «Русскій книжный магазинъ» (въ Москвѣ) выпустилъ «полное собраніе» сочиненій А. Е. Измайлова; даже самъ авторъ, издавъ въ 1826 году свои прозаическія произведенія, романъ этотъ исключилъ; исключень онъ и изъ Смирдинскаго изданія 1849 года, хотя «по причинѣ, отъ издателя не зависящей». Критика осудила романъ, публика забыла.—Но, насколько справедливо такое отношеніе къ «Евгенію», мы постараемся выяснитъ въ своемъ разборѣ этого романа; въ виду малоизвѣстности послѣдняго считаемъ нелишнимъ изложить его содержаніе.

На первыхъ страницахъ своего романа авторъ знакомитъ насъ съ дѣдомъ и родителями героя. Дѣдъ его—Негодяевъ, канцеляристъ по службѣ, былъ пьяницей и оставилъ своему сыну въ наслѣдство «одинъ старый войлокъ, замѣнявшій у него мѣсто постели». Но Лука Лукичъ (отецъ героя романа) доставилъ себѣ послѣ 40-лѣтней службы «кусочекъ хлѣба» и, приобретя путемъ выгодной женитьбы деревеньку (въ коей и поселился), не сидѣлъ безъ дѣла, но «казалось, жилъ единственно для услугъ рода христіанскаго», которыя выражались въ даваніи денегъ въ проценты, приемъ закладовъ и проч. Въ свободное время онъ занимался чтеніемъ указовъ и адресъ-календарей. Жена Луки Лукича «очень помнила» свое дворянское происхожденіе и майорскій чинъ мужа, «имѣла не малыя свѣдѣнія въ искусствѣ нарядовъ и злословія» и жила «на знатной ногѣ». Черезъ полтора года у этой четы родился сынъ, котораго назвали Евгеніемъ, именемъ одного гвардейскаго офицера, весьма любезнаго и знающаго свѣтъ человѣка, который госпожѣ Негодяевой «всегда дѣлалъ компанію». Тотчасъ по рожденіи, еще до крестинъ, родители поторопились записать Евгенія, по установившемуся обычаю, въ гвардію, и госпожа Негодяева, принимая поздравленія съ рожденіемъ сына, говорила всѣмъ съ улыбкой восхищенія: «у меня уже сыночекъ сержантъ гвардіи». Воспитаніе Евгенія сначала было поручено кормилицѣ, штату мамушекъ и нянюшекъ, затѣмъ гувернеру Pendar'd'y (бѣглому французскому солдату), изъ рукъ котораго нашъ герой попалъ въ пансіонъ нѣкоего Эдельмана, недалекаго нѣмца, «который безпрестанно занимался куреніемъ табака и своими выгодами». Пробывъ въ этомъ пансіонѣ 5 лѣтъ и научившись въ немъ—какъ ни странно—лишь пьянству и разврату, Евгеній послѣ одного глупаго поступка былъ взятъ родителями домой, такъ какъ госпожа Негодяева «не хотѣла болѣе, чтобы сынъ ея учился у такихъ людей, которые не знаютъ сбходиться съ благородными людьми». Спустя немного времени мы видимъ Евгенія въ стѣнахъ университета, куда родители отдали

свое дѣтище, чтобы онъ «по выходѣ изъ онаго на большой театръ свѣта получилъ отъ всѣхъ зрителей и актеровъ, его наполняющихъ, пріятное названіе благовоспитаннаго и ученаго молодого человѣка».

Но храмъ науки показался скучнымъ и тѣснымъ нашему герою, и онъ или пропускалъ лекціи, или же занимался на нихъ просто шалостями. Но за то онъ вполне сумѣлъ воспользоваться всѣми прелестями столичной жизни, во всю ширь своей молодой барской природы, вмѣстѣ съ такимъ пріятелемъ-студентомъ, какъ Развратинъ, нравственныя качества котораго вполне отвѣчали его фамиліи. Евгенийъ, «презирая явно тѣхъ студентовъ, которые имѣли болѣе знанія, нежели платья, а особенно тѣхъ, у которыхъ въ жилахъ обращалась кровь неблагородная», близко сошелся съ Развратинымъ, такъ какъ онъ лучше всѣхъ умѣлъ помогать ему въ его увеселеніяхъ. Итакъ, Развратинъ научалъ Евгенія, тотъ учился, и, въ полугодовое пребываніе въ званіи студента, герой нашъ, кромѣ того, что приобрѣлъ богатый запасъ знаній и убѣжденій въ духѣ Развратина, практически «усовершенствовался играть на билліардѣ и выучился въ познаніи напитковъ, а также въ обращеніи съ женщинами, обращающимися съ цѣлымъ свѣтомъ».

«Такое было его воспитаніе, стойвшее нѣсколько тысячъ его родителей», заключаетъ авторъ первую книгу романа. Полугодовымъ пребываніемъ въ университетѣ закончилось образованіе Евгенія. Онъ оставилъ университетъ, пріѣхалъ домой и, выждавъ чинъ поручика, началъ собираться въ Петербургъ къ отбыванію службы. Родители снабдили Евгенія 5-ю тысячами рублей (на первое время) и наставленіями, при чемъ со стороны отца они имѣли больше отношенія къ службѣ, или, лучше сказать, низкопоклонству; со стороны матери—къ соблюденію моды и ухаживанію за дамами свѣта: «Не скучай—говорила она—знатнымъ дамамъ дѣлать компанію въ карточной игрѣ и въ променадахъ, выполняй всѣ ихъ комиссіи: черезъ это можешь получить себѣ счастье»... «Не тотъ одинъ чины хватаетъ, кто надъ работою умираетъ», наставлялъ отецъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ объятій, слезъ и наставленій, Евгенийъ при помощи своего гусара сѣлъ въ экипажъ и тронулся въ дорогу. Развратинъ былъ его спутникомъ. Ихъ сопровождала и свита Евгенія, состоявшая изъ камердинера, парикмахера, повара и домашняго адвоката. «Шествіе сіе замыкалось пятью возами, ѣдущими другъ за другомъ, на которыхъ накладенъ былъ деревенскій запасъ, состоящій изъ разнаго рода какъ хлѣба, такъ и живности. Скуку длиннаго путешествія наши герои разгоняли самыми непристойными развлечениями, останавливаясь подолгу въ попутныхъ гостиницахъ, кабакахъ, играя въ карты и проч. Порой Развратинъ улаждалъ нашего героя разсказами

о своей жизни и подвигахъ, излагалъ предъ нимъ свои разсужденія, грубыя, даже циничныя до крайности...

Наконецъ, пріятели наши прибыли въ Петербургъ. Вскорѣ по приѣздѣ Евгенийъ вмѣстѣ съ Развратинымъ отправился представляться знакому своему отца Вѣтрову, тоже барину, имѣвшему 400 душъ крестьянъ и 50.000 долгу; онъ «проживалъ очень хорошо оброкъ, получаемый имъ съ деревень своихъ, и имѣлъ удовольствіе тщеславиться тѣмъ, что годовой его расходъ превышаетъ доходъ болѣе, нежели вдвое». Вѣтровъ, его супруга и вся семья приняла хорошо молодыхъ людей, хотя, конечно, предпочтеніе отдавали Евгению за его манеры свѣтскаго воспитаннаго молодого человѣка, которыхъ не имѣлъ Развратинъ. Въ первый же день своего посѣщенія Вѣтровыхъ, герои наши близко сошлись съ хозяевами, а спустя немного времени Евгенийъ былъ даже другомъ дома Вѣтровыхъ. Въ салонѣ госпожи Вѣтровой («которая, хотя была лѣтъ сорока, но имѣла благородное соревнованіе не уступать въ великолѣпіи и разборчивости убранства щеголихамъ, превосходящимъ ее вдесятеро богатствомъ») Евгенийъ имѣлъ случай познакомиться съ весьма разнообразнымъ обществомъ. Тутъ были гости «во фракахъ, въ мундирахъ, въ шпаляхъ, въ шляпахъ, въ чепцахъ», особы «различнаго возраста, различнаго званія и различнаго дурачества». О характерахъ и качествахъ гостей Вѣтровыхъ можно судить по фамиліямъ: богатый и дѣльный помѣщикъ Тысящниковъ, имѣвшій супругу, весьма похожую по своимъ нравственнымъ качествамъ на г-жу Негодяеву, братья Подьянкины, г-жа Лицемеркина, Распутинъ, Прыжковъ и др. Евгению пришлось по душѣ это общество, охотно принявшее его въ свой кругъ, и герой нашъ, почувствовавъ себя въ своей сферѣ, «занимался всѣми увеселеніями, какими только желалъ и могъ», тѣмъ болѣе, что у него всегда было въ достаточномъ количествѣ и денегъ, и времени (отъ обязательной службы офицера онъ откупался). Но скоро начались и страданія Евгения. Первое изъ нихъ принесла «измѣна» г-жи Вѣтровой, которая, промѣнявъ мужа на Евгения, и послѣдняго замѣнила Прыжковымъ (онъ былъ соперникомъ Негодяева въ танцованіи). Евгенийъ отомстилъ ей, пославъ написанное подъ диктовку Развратина письмо, полное самыхъ сильныхъ выраженій. Но на ея мѣсто вступила къ нему дѣвица Миловзорова, за которой Евгенийъ и началъ ухаживать. Впрочемъ, ухаживанія эти скоро окончились для него трагикомическимъ образомъ. Оказалось, что домъ Миловзоровыхъ, гдѣ часто бывалъ Евгенийъ, былъ не что иное, какъ притонъ шуллеровъ, и герой нашъ послѣ дѣлаго ряда злоключеній попалъ въ сѣти, которыя были искусно разставлены Миловзоровымъ купно со своею дочерью, прельстившей Евгения. Евгенийъ жестоко поплатился за свои увлеченія и неопытность; но скоро къ нему опять вернулись и здоровье, и деньги, которыя съ прежней щедростью посылались

родителями въ отвѣтъ на краснорѣчивыя и полныя нѣжныхъ чувствъ письма сына; вмѣстѣ съ ними въ Евгеніи проснулась и жажда новыхъ наслажденій, и онъ вновь пустился въ прежнюю жизнь.

Изъ слѣдующихъ двухъ послѣднихъ главъ романа и заключенія мы узнаемъ, что Евгеній не успѣлъ прожить такимъ образомъ въ столицѣ и года, какъ былъ вызванъ матушкой въ деревню. Дѣло въ томъ, что отецъ его «лишился внезапно языка и черезъ нѣсколько часовъ и жизни». Герой нашъ летитъ домой и застаётъ уже и мать умирающей: она жестоко простудилась, выѣхавъ въ театръ на другой день послѣ похоронъ своего мужа. Черезъ недѣлю по приѣздѣ Евгенія и она умерла. Евгеніюшка, похоронивши великолѣпно свою матушку и взявши съ собой всѣ оставшіеся послѣ нея брилліанты и дорогія вещи, равно какъ наличныя деньги и векселя послѣ батюшки, возвратился въ Петербургъ, куда призывали его тогдашняя служба и веселость, прожилъ въ пять лѣтъ все, что его отецъ нажилъ въ пятьдесятъ, вошелъ въ неоплатныя долги, хотѣлъ поправить свое состояніе выгодной женитьбой, посаженъ былъ по просьбѣ своихъ займодавцевъ въ магистратъ, занемогъ тамъ горячкой и скончался на 24-мъ году отъ рожденія, имѣя уже чинъ поручика гвардіи.

Изъ этой же главы мы узнаемъ дальнѣйшую судьбу и другихъ героев романа. Такъ Развратинъ скоро потерялъ въ нетрезвомъ видѣ по своей ослѣпленности скопленные имъ, живучи съ Евгеніемъ, нѣсколько тысячъ рублей, поступилъ на службу учителемъ чистописанія, грамматики и др., и, наконецъ, былъ убитъ ударомъ молніи въ тотъ самый моментъ, когда, прогуливаясь съ однимъ изъ своихъ учениковъ, доказывалъ ему, «что нѣтъ ни Бога, а посему ни награжденія, ни наказанія небеснаго».

Печаленъ былъ конецъ и Вѣтровыхъ, и прочихъ героевъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе романа, сорокъ главъ котораго, заключенныхъ въ пять книгъ, почти сплошь заняты изображеніемъ дурнаго воспитанія и сообщества и дурныхъ слѣдствій того и другаго. На протяженіи сорока главъ авторъ не выставилъ ни одного лица, которое могло бы возбудить къ себѣ симпатіи въ душѣ читателя; авторъ не далъ ни одной картины, которая привлекла бы къ себѣ читателя. Весь романъ — изображеніе однихъ лишь отрицательныхъ сторонъ русской жизни, русской молодежи. Само собою разумѣется, что такое скопленіе отвратительныхъ личностей съ низкими склонностями, среди гадкихъ и подлыхъ дѣлъ и дѣлишекъ, — какъ справедливо еще замѣтилъ А. Д. Галаховъ — сильно повредило его достоинству, «какъ предвѣренная односторонность¹⁾: она уронила «Евгенія» и во мнѣніи публики и критики. Критика встрѣтила романъ Измайлова болѣе чѣмъ недружелюб-

¹⁾ „Исторія русской словесности“, т. II, Спб. 1875 г., стр. 170.

но, прямо враждебно, и въ лицѣ рецензента «Новостей» сочла «Евгенія» книгой недостойной для чтенія: «Такъ не пишутъ романовъ для воспитанія!»—воскликаетъ между прочимъ рецензентъ въ своемъ пространномъ отзывѣ ¹⁾. Молодой авторъ былъ возмущенъ такимъ отношеніемъ критики къ первому дѣтищу его музы и на страницахъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» скоро помѣстилъ свое объясненіе, въ которомъ называлъ критику на его книгу не иначе, какъ забавнымъ объявленіемъ ²⁾.

Впрочемъ, въслѣдствіи Измайловъ и самъ охладѣлъ къ своему роману и даже не разъ осмѣивалъ его на страницахъ собственнаго журнала «Благонамѣренный» ³⁾. Но неуспѣхъ романа, какъ во мнѣніи критики современной, такъ и болѣе поздней (напр. Бѣлинскаго) ⁴⁾ и даже самый фактъ охлажденія къ нему его автора еще не рѣшаютъ вопроса о значеніи его въ исторіи нашей литературы. Вопросъ этотъ, получающій особую важность, если мы вспомнимъ, какъ немногочисленна была семья нашихъ первыхъ русскихъ романовъ, къ которымъ присоединился въ концѣ XVIII вѣка «Евгеній», можетъ быть рѣшенъ только при болѣе внимательномъ отношеніи къ роману Измайлова, въ каковомъ ему до сихъ поръ отказывали. Роману Измайлова историкъ литературы долженъ отвести, если не важное, то, во всякомъ случаѣ, далеко не второстепенное мѣсто въ ряду нашихъ первыхъ по времени романовъ уже потому, что «Евгеній» одинъ изъ первыхъ, или, лучше сказать, первый русскій реальный романъ, ибо ни въ одномъ изъ русскихъ романовъ до Измайлова мы не встрѣчаемъ такого реального изображенія нашего быта, какъ въ романѣ «Евгеній». Картины, составленныя Измайловымъ, реальны и, надо отдать ему справедливость, фотографически точны: раскройте мемуары того времени, приподнимите сатирической покровъ съ листковъ русскихъ сатирическихъ журналовъ конца прошлаго столѣтія—и передъ вами мелькнутъ портреты русскихъ людей, такъ поразительно схожіе съ портретами, даваемыми Измайловымъ. Отмѣтимъ при этомъ, что молодой авторъ затрогивалъ въ своемъ романѣ одинъ изъ жгучихъ вопросовъ того времени—воспитаніе и, показывая обществу похождение «Евгенія», имѣлъ весьма серьезную и хорошую идею: «Ежели—заканчивалъ Измайловъ предисловіе къ своему роману—моя книга будетъ похвалена хотя немногими знающими людъ-

¹⁾ „Новости“ 1799 г., іюль. Отрывки изъ нея, какъ примѣръ тогдашней критики, приводились не разъ и въ позднѣйшей литературѣ (см. напримѣръ книгу Н. А. Вѣлозерской „Н. Т. Нарѣжный“. Спб. 1886).

²⁾ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1799, № 93, стр. 2338. Между прочимъ Измайловъ требовалъ „объясненія“ со стороны „Новостей“, но его не послѣдовало, ибо журналъ этотъ вскорѣ прекратилъ свое существованіе.

³⁾ См. „Полное собраніе сочиненій“ т. II, стр. 267, 294.

⁴⁾ Сочиненія, т. VII, Спб. 1860, стр. 383.

ми, ежели хотя немногіе родители приложатъ рачительнѣйшее стараніе о воспитаніи дѣтей своихъ, я почту себя весьма награжденнымъ за мои труды».

Но въ чемъ же кроется причина неуспѣха романа Измайлова, несмотря на оригинальность его, реализмъ, привидно отвѣчающій дѣйствительности? Конечно, не въ одномъ лишь крайнемъ реализмѣ, не въ одномъ лишь смѣломъ изображеніи отрицательныхъ сторонъ нашей жизни, что ставилось главнымъ образомъ въ упрекъ Измайлову его критиками; ибо читаетъ наше общество и понынѣ «Мертвыя души», и давно уже критика отсаздалась отъ мысли подвергать осужденію «неумолимый рѣзецъ» Гоголя. Но тѣмъ-то и великъ Гоголь въ своемъ реализмѣ, что изъ-подъ его «неумолимаго рѣзца», «выпукло и ярко» выходила,—какъ настойчиво повторялъ Бѣлинскій,—«совершенная истина жизни»; произведенія его отвѣчаютъ вполне основному требованію реальной поэзіи—«извлекать поэзію жизни изъ прозы жизни и потрясать души вѣрнымъ изображеніемъ этой жизни». Гоголь, выражаясь словами другаго современнаго ему критика, «ни на одно мгновенье не упускалъ изъ виду общечеловѣческихъ условій характера каждаго изъ своихъ героевъ, и потому всѣ дѣйствующія лица его поэмы прежде всего являются людьми, какъ-бы малы и ничтожны они ни были по положенію своему въ обществѣ, до какого бы нравственнаго униженія ни были доведены воспитаніемъ и неизбѣжнымъ теченіемъ дѣлъ»¹⁾. Въ каждомъ героѣ его не трудно усмотрѣть всѣ человѣческія движенія, и потому-то всѣ они возбуждаютъ къ себѣ глубокое сочувствіе въ душѣ читателя, у котораго найдется чувство жалости и состраданья даже и при взглядѣ на Плюшкина, эту «прорѣху на челоуѣствѣ».

Обращаясь къ роману «Евгеній», мы прежде всего должны отмѣтить односторонность его автора въ изображеніи жизни и характеровъ. Романъ Измайлова, говоря языкомъ Бѣлинскаго, даже не «синтетическія по-вѣрки аналитическихъ наблюденій надъ жизнью», но просто протокольная записъ безобразій въ нашей жизни, фотографическіе снимки съ молодежи своего времени «въ неопозволительныхъ позахъ». Авторъ «Евгенія», такъ сказать, «обезчеловѣчилъ» своихъ героевъ, сдѣлалъ изъ нихъ негодяевъ, лишенныхъ сколько-нибудь общечеловѣческихъ желаній, уродовъ, со страстями и побужденіями самыми порочными²⁾. Дѣйствительно, въ чемъ проходитъ день нашихъ героевъ, вся жизнь ихъ? Въ какомъ-то чаду безобразій: старики занимаются ростовщиче-

¹⁾ В. Н. Майковъ. „Критич. опыты“. Спб. 1891, стр. 265.

²⁾ Такъ назвалъ своего героя самъ авторъ:

„Восемнадцати не больше гѣтъ
Урода этого я произвелъ на свѣтъ“.

ствомъ, сутяжничествомъ, флиртомъ, карточной игрой..., молодежь ходить по кабакамъ, игорнымъ домамъ и всю жизнь свою проводить въ одномъ лишь стремленіи къ наслажденіямъ, порою грубымъ и унижительнымъ...

Читателю скучно и душно въ такой атмосферѣ, онъ ищетъ хоть одной сцены, на которой онъ могъ бы отдохнуть въ своемъ слѣдованіи за похождениями героевъ романа, хоть одного побужденія въ нихъ общечеловѣческаго. Не находя ни того, ни другаго, читатель, пробѣгая романъ, не чувствуетъ въ немъ и присутствія автора, его «души», не видитъ той объединяющей идеи, которая охватывала бы все произведение. Идея эта поставлена лишь въ предисловіи, но провести ее черезъ свой романъ молодому автору было не подъ силу. Не мудрено, поэтому, что критику «Новостей» показалось, что авторъ «Евгенія» тѣшитъ лишь свое воображеніе, и Измайлову, такимъ образомъ, пришлось разочароваться въ своемъ ожиданіи, что романъ его будетъ прочтенъ и даже, можетъ быть, «нѣсколько пріятель».

Другой причиной неуспѣха романа Измайлова слѣдуетъ считать и нѣкоторую несвоевременность его появленія. Не забудемъ, что въ концѣ прошлаго вѣка въ нашей литературѣ завоевало себѣ симпатіи иное изображеніе жизни, чѣмъ-то, съ которымъ мы встрѣчаемся въ «Евгеніи»: переводные романы Ричардсона и др. и подражанія имъ, повѣсти Карамзина и цѣлой плеяды его подражателей открывали новую эпоху въ нашей литературѣ и вкусахъ, эпоху, въ которой герои «Евгенія» никакъ не могли уже привлечь къ себѣ вниманіе нашей публики. Дѣйствительно, Евгенийъ могъ имѣть успѣхъ лишь въ годы появленія пьесъ Фонъ-Визина и Екатерины II. Онъ былъ первый опытъ смѣло показать, именно въ формѣ реального романа, неурядицы въ нашей жизни, благодаря дурному воспитанію и сообществу, неурядицы, о которыхъ такъ много говорили русскіе люди Екатерининской эпохи, подъ иноземнымъ влияніемъ, теребя на разные лады и въ салонахъ, и на театральныхъ подмосткахъ, и на листкахъ періодической печати, и въ проектахъ объ улучшеніи рода человѣческаго одну и ту же тему о воспитаніи. Но извѣстно, что шумные дебаты нашего высшаго общества о воспитаніи, послѣ созданія: «Недоросля» и «Бригадира», болѣе уже не находили рѣзкаго выраженія въ нашей литературѣ, это—во-первыхъ; во-вторыхъ,—гордо провозглашавшіяся теоріи по тому же вопросу не осуществлялись на практикѣ, не проникали въ жизнь, или проникали слишкомъ мало. Послѣ всего сказаннаго уже не трудно вывести, какое значеніе имѣетъ для насъ романъ Измайлова: являясь какъ-бы дополненіемъ къ литературѣ Екатерининской эпохи (по идеѣ, своему нравственно-сатирическому характеру и пр.), «Евгеній», въ то же время, прекрасный показатель, что нравы нашего общества въ концѣ прошлаго и на зарѣ настоящаго столѣтія, общества, «вздыхавшаго» по бѣдной

Лизѣ, не измѣнились, или измѣнились очень мало къ лучшему, сравнительно съ нравами временъ Простаковыхъ и имъ подобныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, присмотримся ближе къ дѣйствующимъ лицамъ романа Измайлова. О родителяхъ главнаго героя романа (Евгенія Негодяева) скажемъ немного: они—сколокъ съ портретовъ родителей, знакомыхъ намъ по драматическимъ произведеніямъ императрицы Екатерины, Фонвизина и сатирическимъ листкамъ того времени. Болѣе оригиналенъ въ изображеніи Измайлова самъ Евгеній Негодяевъ. Съ дѣтства приученный къ мысли, что онъ, во-первыхъ, дворянинъ, во-вторыхъ, сержантъ, Евгеній имѣлъ высокое понятіе о своихъ достоинствахъ, тѣмъ болѣе, что модное воспитаніе, данное ему его родителями, его знаніе свѣта, умѣнье изъясняться по-французски, кланяться неприужденно и танцовать превосходно, а главное—деньги въ большомъ количествѣ и мундиръ офицера гвардіи—давали ему возможность быть однимъ изъ видныхъ представителей тогдашней золотой молодежи и одерживать безъ труда немало побѣдъ надъ женскими сердцами. Трудно сказать, какіе интересы, кромѣ жажды развлеченій, были у Евгенія: удовлетвореніе своимъ страстямъ было цѣлью жизни этого барчука, въ плоть и кровь котораго вошло убѣжденіе, что онъ дворянинъ и по сему не долженъ ничего дѣлать; «cherchez la femme!», казалось, было его постояннымъ лозунгомъ. Избравъ своимъ менторомъ Развратина, онъ прошелъ всю свою жизнь съ университетской скамьи рука объ руку съ этимъ человѣкомъ, превосходя часто даже его въ своемъ ненасытимомъ сладострастіи. Въ пять лѣтъ онъ успѣлъ промотать все, что его отецъ нажилъ въ пятьдесятъ, и умеръ въ «магистратѣ».

Другъ его, Развратинъ, какъ показываетъ самая фамилія этого героя, былъ развратнымъ во всѣхъ смыслахъ, начиная съ убѣжденій и кончая поступками ⁴⁾. Назвавшись другомъ богатаго барчука, онъ принялъ на себя роль его наставника и руководителя и, засыпая его кучей бессмысленныхъ силлогизмовъ, всякій разъ, какъ тотъ находился въ нерѣшительности, всегда склонялъ Евгенія на свою сторону. Онъ въ конецъ заглушилъ въ душѣ Евгенія тѣ немногочисленныя крупички добрыхъ чувствъ, которыхъ въ немъ не успѣло уничтожить воспитаніе, и, обманывая частенько его самымъ подлымъ образомъ, особенно когда дѣло шло о деньгахъ, успѣлъ скопить себѣ къ смерти Евгенія крупную сумму. Но какъ приходили деньги, такъ онѣ и уходили; онъ лишился

⁴⁾ Вотъ какъ характеризуетъ его самъ авторъ: „это былъ человѣкъ посредственныхъ знаній, испорченныхъ нравовъ и испорченнаго сердца; хвасталъ какъ педагогъ, пилъ какъ ремесленникъ, игралъ на бильярдѣ, какъ маркеръ, злословилъ, какъ богомолка, и умѣлъ съ несказаннымъ искусствомъ жить на счетъ другихъ“.

ихъ самымъ неожиданнымъ образомъ: его обворовывали. Конецъ его извѣстенъ.

Что касается остальныхъ героевъ романа, то о нихъ, въ немногихъ словахъ, можно сказать слѣдующее: не служеніе на благо общества, не трудъ, полезный для него и разумный, но лишь удовлетвореніе собственныхъ мелкихъ, чисто эгоистическихъ страстишекъ лежало въ основѣ ихъ жизни, которую они прожигали всевозможными средствами, начиная съ баловъ, обѣдовъ, салонной болтовни, кончая картами, винами и т. п. Однообразная до утомительности и пошлая ихъ жизнь, съ вѣдшей стороны, была бѣдна, убога, и съ внутренней, духовной; о послѣдней авторъ даже какъ-бы избѣгаетъ говорить.

Таковы въ общихъ чертахъ герои романа «Евгеній»; таково русское дворянское общество въ изображеніи Измайлова,—изображеніи, совершенно правдивомъ въ частности, какъ отмѣтилъ еще А. Д. Галаховъ.

Присматриваясь ближе къ этому обществу, не трудно замѣтить въ немъ тѣхъ же Чудихиныхъ, Ханжикиныхъ, Простаковыхъ и т. д., словомъ, галлерю тѣхъ самыхъ типовъ, что мы видимъ въ пьесахъ Екатерининской эпохи, хотя съ нѣкоторыми новыми чертами. Но если въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія существовали: Иванушка, Митрофанушки, Ханжикины, Чудихины и проч., то развѣ ихъ не стало въ 90-хъ годахъ? развѣ воспитаніе стало лучше, а прежнее не дало своихъ результатовъ, и дѣти Простаковыхъ стали дѣйствительно людьми потому, что начали вздыхать надъ горькой участью героинь сентиментальныхъ романовъ?—Нѣтъ, общество было то же общество, но повторяемъ, конечно, съ нѣкоторыми новыми чертами. Евгениіи Негодяевы 90-хъ годовъ существовали и раньше, и, какъ увидимъ, они будутъ жить и позже, хотя подъ другой фамиліей и въ другихъ костюмахъ. Они явились на нашей землѣ, какъ разъ съ того момента, какъ въ хоромахъ помѣщичьихъ усадебъ, на всемъ протяженіи нашего отечества, зазвучала изъ устъ россиянь французская рѣчь, и крѣпостные «людишки» гнули свои выи передъ годовалымъ барчукомъ, но уже въ чинѣ сержанта, выводимымъ на показъ въ мундирѣ, сему чину присвоенномъ. Чадолюбивые родители примѣняли къ нимъ, сообразно измѣнявшимся понятіямъ и условіямъ жизни, разныя системы воспитанія, съ результатами которыхъ мы хорошо можемъ познакомиться, присмотрѣвшись къ портретамъ питомцевъ Вральмана, m-lle Pendard, m-me Sans Pudeur, m-g L'Abbé и т. п.

Итакъ, какія бы системы воспитанія ни примѣнялись къ нашимъ Евгениямъ, и какъ бы послѣдніе ни различествовали между собой по своему темпераменту, уму и характерамъ,—они все тѣ же Россійскіе Евгениіи. Не сразу явились на русской почвѣ Онѣгины, но они развились постепенно, и, какъ всякое общественное явленіе въ своемъ

развитіи подчиняется непреложнымъ законамъ измѣненій и преемственности, такъ и литературные типы, вродѣ разсматриваемыхъ нами, выработанные самой жизнью, лишь вѣрные снимки съ одного и того же русскаго человѣка, сдѣланные лишь въ разныя эпохи его возраста, въ которыя онъ успѣлъ немало измѣниться. Неизмѣримая разница, хотя бы въ умственномъ отношеніи, между Евгеніемъ романа Пушкина и Евгеніемъ романа Измайлова, но громадная разница между Евгеніемъ послѣдняго и Иванушкой Фонъ-Визина, но всѣ они братья между собой, всѣ дѣти однихъ родителей: русскаго барина времени крѣпостничества, знающаго только, что онъ—дворянинъ, и русской барыни, знающей, что она дворянка и что ея дѣтямъ нужно достойное ихъ званія воспитаніе—нужны лоскъ, свѣтъ, французскій языкъ и мундиръ,

„Одинъ мундиръ, расшитый и красивый“.

правда, потомъ, замѣненный чернымъ фракомъ, но подъ которымъ

„Слабодушіе, разсудка нищета“,

скрывался тотъ же эгоизмъ, та же душа, можетъ быть, и даровитая но искавшая лишь удовлетворенія собственнымъ страстямъ, страдавшая порой отъ неудовлетворенности собственного эгоизма, душа, которая не въ состояніи была подняться выше личныхъ интересовъ, въ сознательномъ или безсознательномъ стремленіи за которыми проходила вся жизнь нашихъ Евгеніевъ. Было время, когда они кричали: «не хочу учиться, хочу жениться»; было время, когда они кидались въ омутъ разврата и или погибали тамъ, или выходили разбитыми, усталыми и ни на что негодными, кромѣ жалкаго петиметрства; было время, когда имъ надобѣдалъ и Дидло и всѣ блага земныя, и говорили они, окутавшись въ Чайльдъ-Гарольдовскій плащъ, что они, «не созданы для блаженства», или, еще лучше, что

„Жизнь ужъ насъ томить, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ“ и т. д.

Поэтъ правъ, рисуя въ 30-хъ годахъ современное ему поколѣніе, какъ поколѣніе людей «къ добру и злу постыдно равнодушныхъ». Негодное воспитаніе, даваемое негодными отцами—вотъ главная причина, породившая такое поколѣніе. Такихъ взглядовъ держался очевидно и Лермонтовъ, смотря на «наше поколѣніе», какъ на «обманутыхъ сыновъ промотавшихся отцовъ»; такіе взгляды мы найдемъ и далеко до него

„На васъ, родители, потребуютъ отчета,
Что вашихъ жизнь дѣтей позоромъ стала свѣта
И что въ безпутствахъ дни свои влекутъ они,
Причиною тому лишь вы одна“.

доносится до насъ изъ XVIII вѣка ¹⁾. Измаиловъ, рисуя своего Евгения, главной причиной, почему изъ него вышелъ уродъ (какъ онъ самъ называлъ его впоследствии), полагаетъ воспитаніе. Итакъ, вотъ какуя связь и преемственность литературныхъ типовъ и представителей русской золотой молодежи мы можемъ наблюдать въ развитіи нашей литературы въ связи съ развитіемъ русской жизни вообще. Евгений Негодяевъ—связующее звено между героями Екатерининской эпохи и начала XIX вѣка, онъ—преемникъ первыхъ и прототипъ вторыхъ. И вотъ почему романъ Измаилова можетъ занимать видное мѣсто между романами, имѣющими не малое общественное значеніе.

Но не одинъ Евгений имѣетъ такую связь съ предшествующими и послѣдующими типами. Не вдаваясь въ подробности, отмѣтимъ слѣдующее. Подьянковъ—блестящій прототипъ Грибоѣдовскаго Молчалина. Господа въ родѣ мосье Лепандардъ, смѣшнiviше господъ Вральмановъ и т. п., со временемъ стали называться мосье Бопре, l'Abbé и т. д.; г-жа Sans Pudeur, «которая довольно дурно говорила по-русски, а читать не умѣла нисколько» и т. д., жила еще долго на Руси, и—нужно ли говорить—что подобныхъ ей не трудно встрѣтить и понынѣ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о степени оригинальности романа Измаилова. Мы назвали его первымъ русскимъ оригинальнымъ реальнымъ романомъ,—можно еще прибавить нравственно сатирическимъ. Но, само собою разумѣется, что опредѣленіе это до нѣкоторой степени условно и требуетъ оговорокъ.

Въ прекрасномъ трудѣ Н. А. Бѣлозерской о В. Т. Нарѣжномъ ²⁾, статьѣ Благосвѣтова «Русскій прозаическій романъ» ³⁾, А. Г. Лященко «Публицистическій элементъ въ романахъ Эмина» ⁴⁾ и нѣкоторыхъ другихъ читатель найдетъ немало указаній на то, что какъ элементъ, и реальное изображеніе русской жизни и общества, и нравственно-сатирическое обличеніе недостатковъ русскихъ людей, испорченныхъ дурнымъ воспитаніемъ и пр., не трудно встрѣтить въ старыхъ романахъ до Измаилова. Съ своей стороны можемъ прибавить, что Измаиловъ, создавая своихъ героевъ, находился подъ сильнымъ вліяніемъ литературы какъ иностранной, такъ и русской. Достаточно указать на сходство его разсужденій о воспитаніи со взглядомъ на тотъ же предметъ Руссо, на тотъ burlesque въ его романѣ, который напоминаетъ Скаррона и пр. Что касается до вопроса о вліяніи на Измаилова лите-

¹⁾ См. „Живописецъ“, 1772 г., л. 8, письмо VII.

²⁾ Н. А. Бѣлозерская „В. Т. Нарѣжный“. Спб., 1886.

³⁾ „Сынъ Отечества“, 1856 г., №№ 28, 31, 38.

⁴⁾ Отд. оттискъ изъ „Jahresbericht der Reform. Kirchenschule für 1897—98“. Спб. 1898.

ратуры русской, то мы уже успѣли замѣтить, что типы, обрисованные Измайловымъ въ своемъ романѣ, весьма напоминаютъ героевъ комедій и сатирическихъ листовъ Екатерининской эпохи. Мало того, мы можемъ указать нѣсколько статей изъ старой сатирической журналистики, даже совпадающихъ по заглавію съ заглавіемъ «Евгенія», напр.: «Слѣдствія худаго воспитанія», «О дѣйствіи добраго и худаго воспитанія», «Отъ воспитанья все зависитъ», «О худомъ воспитаніи сельскихъ дворянъ» (переводъ), «Хорошее воспитаніе лучше богатаго наслѣдства» ¹⁾ и др. Но всѣ эти статьи въ двѣ-три странички, иной разъ переводныя, имѣютъ общаго съ романомъ Измайлова лишь заглавіе и тему, о разработкѣ же въ нихъ типовъ и подробномъ развитіи ихъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Статьи эти могли быть для нашего писателя лишь толчкомъ къ написанію романа, но отнюдь не источникомъ.

Заслуга Измайлова въ области исторіи русскаго романа въ томъ-то и состоитъ, что онъ былъ однимъ изъ первыхъ нашихъ романистовъ, которые глубоко чувствовали весь вредъ «ложнаго» воспитанія, скорбѣли о крайней распущенности нашей молодежи и полуобразованнаго общества, какъ результатъ нерадѣнія о своихъ дѣтяхъ родителей, предпочитавшихъ «вѣрять нравъ дѣтей распутнымъ бѣглецамъ». Измайловъ вмѣстѣ съ Н. П. Николевымъ, хорошо понималъ, что въ томъ воспитаніи, «... что свѣтскимъ мы зовемъ

„Разврата общаго зародыши всѣ въ немъ“ ²⁾.

Но въ то время, какъ Колевъ, для борьбы съ «развращенными нравами нынѣшняго вѣка» ³⁾, взялъ старое оружіе и уже не имѣвшее силы надъ современниками, именно сатиру, Измайловъ предпочелъ иное средство: онъ задумалъ показать обществу его правдивое изображеніе въ такой литературной формѣ, въ которой бы можно было соединить всѣ приемы, въ частности практиковавшіеся въ нашей литературѣ для борьбы съ невѣжествомъ и проч.,—онъ задумалъ реальный романъ, въ которомъ бы не надо было пускать своего героя за тридевять земель, распространяться о примѣрахъ добродѣтели, дѣлать нравственно-дидактическія вылазки и т. п., словомъ, бросить рутину и дать простое реальное изображеніе дикихъ нравовъ своихъ современниковъ, какими онъ видѣлъ ихъ постоянно передъ глазами.

¹⁾ „Живописецъ“ стр. 138; „Праздное время“, ч. I, стр. 163; „Ярославск. ежемѣсяч. соч.“, ч. I, стр. 133; „Правдое время“, ч. III, стр. 371 (см. также „Библиот. ученая“, ч. IV, стр. 156); „Ярославск. ежемѣсяч. сочин.“, ч. I, стр., 131; „Иртышъ, превращающ. въ Иппокрену, 1791, сент.

²⁾ См. любопытныя страницы о состояніи.

³⁾ См. его сатиру „На развращенные нравы нынѣшняго вѣка“, находящуюся въ сборникѣ С. А. Венгерова. „Русская поэзія“, т. I, Спб., 1880 г., стр. 801—802.

Обширное знакомство съ литературой и хорошіе образцы сатирическихъ изображеній въ нашей журналистикѣ помогли ему въ обработкѣ типовъ; пребываніе въ закрытомъ учебномъ заведеніи (гдѣ, какъ мы отмѣтили, нравы не отличались цѣломудріемъ) и ранняя тонкая наблюдательность дали ему сюжетъ и героевъ романа. Молодость и неопытность 18-ти-лѣтняго автора, повторяемъ, были виной, что Измайловъ не справился съ своей задачей: изображеніе вышло одностороннимъ и, хотя онъ могъ сказать въ свое оправданіе, что

„Я ихъ (т. е. порочныхъ) описывалъ порочныя дѣла,
А честнымъ у меня едина похвала“,

все же общество сочло книгу его вредной и недостойной для чтенія. Главный же недостатокъ романа,—его грубоватость и въ выраженіи, и въ подборѣ сценъ, и въ изображеніяхъ, грубоватость, доходившая до цинизма.

Какъ увидимъ, эта особенность въ творчествѣ Измайлова осталась навсегда характерной чертой его произведеній.

Слѣдующее по времени болѣе крупное произведеніе Измайлова—повѣсть «Бѣдная Маша»¹⁾, изданная отдѣльной книжкой въ 1801 г.

«Простаковъ,—начинается повѣсть,—пожилой отставной офицеръ, посредственнаго достатка, посредственнаго разума, но весьма добраго сердца, жилъ со старухой, своей женой, одинакихъ съ нимъ свойствъ въ городѣ N. Главнѣйшее ихъ занятіе состояло во снѣ, въ хожденіи по праздникамъ въ церковь и употребленіи со своими сосѣдями и пріятелями домашнихъ наливокъ». Они пріютили у себя на старости лѣтъ сироту-племянницу Машу, дѣвушку такихъ прекраснѣйшихъ качествъ, что всякій сынъ говорилъ себѣ: «Дай мнѣ Богъ такую невѣсту, какова Маша». Многіе ее сватали, но понравился ей и ея родственникамъ одинъ только Миловъ, за котораго она и вышла замужъ. Но не долго наслаждалась Маша прелестями супружеской жизни: «по простествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ свадьбы Миловъ сталъ собираться въ ***, гдѣ, какъ сказывалъ, находился при мѣстѣ». Маша хотѣла было ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, но краснорѣчіе мужа и Простаковыхъ убѣдило ее остаться, и Миловъ уѣхалъ одинъ, выпросивъ наканунѣ отъѣзда у своей жены ея приданное, состоявшее изъ денегъ и жемчуга. Но скоро обнаружился обманъ Милова: Маша пріѣхала съ сыномъ въ городъ, гдѣ былъ Миловъ, и застала своего мужа въ объятіяхъ какой-то Шарлотты. Свиданіе кончилось драмой: Шарлотта, понявъ, что она обольщена женатымъ человѣкомъ, «вонзила себѣ въ грудь большой ножъ»... Миловъ въ отчаяніи покушается на самоубійство, его удерживаютъ. Но такая

¹⁾ „Россійская отчасти справедливая, повѣсть“. Съ эпиграфомъ изъ Флоріана: „Il n'est point de bonheur que dans l'amour légitime“.

развязка такъ на него подѣйствовала, что онъ занемогъ «пресильной горячкой» и былъ на краю смерти. Старанія лѣкаря и заботы Маши возстановили его силы, и онъ началъ поправляться. Однако мысль о самоубійствѣ вновь овладѣла имъ, и онъ скоро привелъ ее въ исполненіе. Маша была потрясена до глубины души, и только «священный долгъ» матери и христіанки препятствовалъ ей кончить жизнь свою. Схоронивъ мужа и взявши изъ всего имѣнія, оставшагося послѣ Милова, только одинъ слугуэтъ его, она возвратилась въ домъ своихъ родственниковъ, гдѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и «умерла съ грусти».

Повѣстью этой Измайловъ отдалъ дань входившему тогда въ силу новому теченію въ нашей литературѣ—сентиментализму. Она написана въ духѣ сентиментальныхъ, или, какъ иные тогда въ шутку называли, «раздирательныхъ» повѣстей, въ подражаніе «Бѣдной Лизѣ» Карамзина. Но сентиментальное, очевидно, не было въ натурѣ Александра Ефимовича,—онъ былъ сатирикъ—юмористъ, что отразилось и на настоящей его повѣсти. «Природа,—какъ вѣрно замѣчаетъ Галаховъ,—отказала Измайлову въ тѣхъ принадлежностяхъ чувствительности, изъ которыхъ она становится сентиментальностью, и, напротивъ, даровала ему ту ея степень, на которой она отличается простодушіемъ и грубоватостью» ¹⁾. Такимъ образомъ, повѣсть Измайлова выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ сентиментальныхъ повѣстей того времени, съ одной стороны,—своимъ мелодраматизмомъ (на который, намъ кажется, и нельзя смотрѣть иначе, какъ на неудачную попытку автора замѣнить чувствительность «раздирающими» сценами), съ другой,—реальнымъ, близкимъ къ естественности, но съ легкимъ оттѣнкомъ юмора изображеніемъ такъ-называемаго «низменнаго» быта. Еще Булгаринъ отмѣтилъ, что въ разсматриваемой повѣсти «сцены провинціального сватовства и вообще домашній бытъ провинціала мастерски списаны съ природы, т. е., въ чувствительной повѣсти лучшая сторона—юмористическая» ²⁾. Булгаринъ на сей разъ правъ: страницы, гдѣ описано сватовство, или, напримѣръ, гдѣ приводится письмо Филимона Фатюева и т. п., читаются съ удовольствіемъ даже и теперь. Вообще, нужно замѣтить, что юмористическія нотки частенько слышатся въ этой повѣсти; при томъ въ ней нѣтъ и утомительныхъ отступленій съ сентиментальными изліяніями; плаксивый, чувствительный тонъ въ ней чувствуется, сравнительно съ другими повѣстями того же рода, весьма мало ³⁾: въ ней больше простоты и естественнаго чувства, и, не приведя авторъ такихъ страшныхъ и грубыхъ кровавыхъ развязокъ, это произведеніе Измайлова было бы прекраснымъ отрывкомъ

¹⁾ „Современникъ“ 1850 г., т. 23, стр. 89.

²⁾ „Сѣверная Пчела“ 1849 г., № 141.

³⁾ Въ другомъ болѣе позднемъ подражаніи Карамзину („Что нужно актеру?“) Измайловъ вовсе отбросилъ „чувствительность“.

изъ жизни простодушныхъ россіянь, прозябающихъ въ провинціи за своими будничными дѣлешками да наливочками, въ мирной болтовнѣ съ сосѣдами, со всею ихъ наивностью, а вмѣстѣ и невѣжествомъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что языкъ повѣсти отличается ясностью и легкостью, начало же ея, которое мы выписали, прямо-таки прекрасно по своей простотѣ и ровному, спокойному тону эпического разсказа съ легкимъ оттѣнкомъ юмора.

Слѣдующею и послѣднею повѣстью Измайлова была повѣсть «Ибрагимъ и Османъ или трудись, дѣлай добро и будешь счастливъ»¹⁾.

«Въ царствованіе славнаго калифа Гарунъ Альрашида,—начинается повѣсть,—жилъ неподалеку отъ Багдада старый мудрецъ, по имени Ибрагимъ». Это былъ человѣкъ идеальной честности, человѣкъ, всю жизнь свою посвятившій «дѣланію добра» своимъ ближнимъ; благодѣянія, щедро, но съ разборомъ, расточаемыя имъ, назидательныя бесѣды, умные совѣты, знаніе жизни и людей, глубокія познанія въ наукахъ,—все это привлекало много народу въ деревню, гдѣ онъ жилъ, и слава о немъ разносилась на далекое пространство. Молва о немъ дошла и до Османа, сына Кебиба (короля дамасскаго), который, несмотря на всѣ удобства жизни, роскошь, славу и прочія блага, ниспосланныя ему судьбой, чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ. Онъ рѣшилъ пріѣхать къ Ибрагиму и просить мудреца помочь ему найти счастье жизни. Мудрецъ ласково принялъ королевича и предложилъ Осману остаться у него. Тотъ согласился, и вотъ тутъ-то, за непродолжительное пребываніе у Ибрагима, Османъ, познакомившись съ основными положеніями ученія мудреца: «трудись, дѣлай добро» etc. и вкусивши сладость жизни въ трудѣ и дѣланіи добра, понялъ, въ чемъ кроется счастье человѣка. Съ радостью Османъ возвратился домой и во все продолженіе своей жизни, твердо памятуя наставленія Ибрагима и на дѣлѣ слѣдуя его ученію, чувствовалъ себя счастливымъ, ибо жизнь его проходила, полная труда, радѣнія о ближнихъ и дѣланія добра.

Повѣсть эта принадлежитъ къ числу такъ-называемыхъ «восточныхъ» повѣстей. Въ своей статьѣ объ А. П. Бенитцкомъ²⁾, мы имѣли уже случай говорить о восточной повѣсти вообще и о степени ея распространенія у насъ въ Россіи. Поэтому, здѣсь отмѣтимъ лишь, что Измайловъ,—сатирикъ-бытописатель по преимуществу,—рано почувствовалъ, на-ряду съ другими сродными ему по таланту писателями, все удобство «восточной повѣсти», какъ формы, въ которой весьма удобно можно уложить ту или другую морально-дидактическую идею или намекъ

¹⁾ Первоначально напечатана въ „Любитель словесности“ 1806 г., № 11, 12; затѣмъ въ „Благонамѣренномъ“ 1818 г., ч. 3.

²⁾ „Журналъ министерства народнаго просвѣщенія“ 1900 г., апрѣль.

на обстоятельства, требующія огласки, но о которыхъ нельзя говорить открыто и прямо.

Въ только-что рассказанной повѣсти Измайловъ, очевидно, имѣлъ въ виду провести одну изъ излюбленныхъ своихъ идей, одно изъ основныхъ положеній своего нравственного кодекса: «трудись, дѣлай добро» и проч.; если же мы обратимъ вниманіе на предшествующую этой повѣсти его статейку «Наставленіе стараго индѣйскаго мудреца молодому государю» ¹⁾, тѣсно примыкающую къ повѣсти и представляющую какъ бы эскизъ для нея, то намъ ясны станутъ и смыслъ, и цѣль этихъ двухъ произведеній Измайлова. Мы смотримъ на эти произведенія Александра Ефимовича, какъ на своего рода публицистическія работы. Дѣло въ томъ, что въ первые годы царствованія Александра, когда общественное настроеніе было особенно возбуждено, и рѣдко какой пѣта не привѣтствовалъ молодаго монарха и не выражалъ самыхъ радостныхъ надеждъ, начали появляться массаи разнаго рода произведенія, въ которыхъ явно или между строкъ, дѣлались намеки на необходимость тѣхъ или другихъ перемѣнъ, предлагались совѣты и т. п., даже болѣе: начали подаваться указанія, которыя нельзя было отнести ни къ кому иному, какъ къ личности государя. Такъ и въ «Наставленіи индѣйскаго мудреца» Измайлова мы усматриваемъ желаніе автора сдѣлать нѣсколько добрыхъ указаній самому монарху, и, такъ какъ это неудобно было дѣлать прямо, то Александръ Ефимовичъ избралъ путь окольный. Съ этой точки зрѣнія можно смотрѣть, въ связи съ только-что названнымъ наброскомъ, и на «Ибрагимъ и Османъ».

Особыхъ литературныхъ достоинствъ эти работы не имѣютъ.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ отмѣтить, что послѣдняя повѣсть принята была весьма сочувственно въ свое время ²⁾, долго правилась публикѣ, и Измайловъ даже перепечаталъ ее впоследствии въ «Благонамѣренномъ».

Своего рода публицистическими попытками можно считать и слѣдующія произведенія Измайлова: «Разсужденіе о нищихъ» ³⁾ и «Вчерашній день» ⁴⁾.

Первое написано подъ вліяніемъ высочайшаго рескрипта, даннаго на имя камергера Витовтова 12-го мая 1802 года. Измайловъ взялъ эпиграфомъ слѣдующія слова рескрипта: «Обыкновенное подаваніе ни-

¹⁾ Первоначально напечатана въ „Любитель словесности“ 1806 г., № 2, стр. 111—116.

²⁾ Между прочимъ, повѣсть „Ибрагимъ и Османъ“ была читана въ 1806 г. на засѣданіи вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ и одобрена къ напечатанію.

³⁾ Спб., 1804 г., in 8°.

⁴⁾ Спб., 1807 г., in 12° (по Соликову (№ 3115) „рѣдка“).

щимъ умножаетъ только число оныхъ» и написалъ по этому поводу разсужденіе о томъ, «какимъ способомъ можно уменьшить у насъ, въ Россіи, великое число оныхъ (т. е. нищихъ) и доставить всѣмъ прочимъ безнужное пропитаніе безо всякаго на то иждивенія отъ казны».

«Нищета и бѣдность, сія два несносныя въ общежитіи бѣдствія»,— говоритъ авторъ въ предувѣдомленіи «Разсужденія»,— «такія представляють намъ ужасныя картины и такія пагубныя влекутъ за собою слѣдствія, что, по мнѣнію моему, давно бы уже должны были обратить на себя вниманіе искусныхъ политиковъ и патріотовъ. Августѣйшій нашъ патріотъ чувствовалъ всю важность, отъ сего зла происходящую, и доказательствомъ отеческаго его попеченія о несчастныхъ его подданныхъ, страждущихъ подъ игомъ нищеты, доказательствомъ неизреченной о семъ заботливости есть высочайшій его и всѣмъ намъ извѣстный рескриптъ отъ 12-го мая 1802 года, который служилъ немалымъ побужденіемъ и мнѣ къ тому, что я вздумалъ писать о семъ предметѣ».

Затѣмъ Измайловъ, послѣ краткихъ разсужденій о необходимости и спасительности благотворенія, подходитъ къ опредѣленію истинно-несчастныхъ, каковыми онъ считаетъ нищихъ. Распредѣливъ, затѣмъ, нищихъ на три категоріи (нищіе изъ отставныхъ солдатъ, нищіе—крестьяне, нищіе—увѣчные и т. п.) и доказавъ настоятельную необходимость въ облегченіи ихъ участи, авторъ говоритъ о тѣхъ неудобствахъ, съ которыми сопряжено обычное подаваніе, о невозможности имѣть при всѣхъ приходахъ богадѣльни и проч., и, наконецъ, предлагаетъ свой проектъ: переписать всѣхъ нищихъ по каждому приходу и завести во всѣхъ церквахъ нарочныя для нихъ кружки. «Нищіе, будучи извѣстны по всякому приходу, станутъ приходить по воскресеньямъ въ церковь, гдѣ, по окончаніи обѣдни, въ присутствіи старосты и священника, будетъ происходить раздача денегъ, сколько на еженедѣльное содержаніе каждаго, или на другія надобности потребуется».

«Я могу увѣрить»,—прибавляетъ Александръ Ефимовичъ,— «что сборъ денегъ на нищихъ превзойдетъ ожиданіе... Каждый усердный прихожанинъ, идучи въ праздникъ въ церковь и бравши съ собою на свѣчи, на церковное строеніе и проч. деньги, конечно, не забудетъ положить нѣсколько монетъ въ одну изъ сихъ кружекъ». Кромѣ церквей, по предложенію автора, слѣдуетъ поставить кружки и въ другихъ мѣстахъ, «куда собираются часто для одного только увеселенія и излишнихъ прихотей, напримѣръ: въ маскарадахъ, театрахъ, рынкахъ, даже въ самыхъ кофейныхъ домахъ и трактирахъ». Вотъ средства для борьбы съ нищетою, которыя 80 лѣтъ тому назадъ Измайловъ предлагалъ съ нѣкоторымъ опасеніемъ за ихъ «сообразность», но которыя, какъ всѣмъ извѣстно, въ наше время практикуются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но вниманіе гуманнаго Измайлова останавливали не одни лишь

нищѣ: онъ живо сознавалъ необходимость подачи помощи и бѣднякамъ ремесленникамъ, художникамъ и т. п. лицамъ, обремененнымъ часто большими семействами и по тѣмъ или другимъ причинамъ не могущимъ доставать себѣ необходимыхъ средствъ къ существованію. Вотъ почему онъ съ искреннимъ восторгомъ повторялъ въ концѣ своего проекта слѣдующія слова рескрипта: «надлежитъ искать несчастныхъ въ самомъ жилищѣ ихъ, въ обители плача и стenanія, ласковымъ обращеніемъ, спасительными совѣтами, словомъ, всѣми нравственными и физическими способами стараться облегчать судьбу ихъ,—вотъ въ чемъ состоитъ истинное благодѣаніе». Изъ біографіи Измайлова мы уже знаемъ, что онъ въ продолженіе всей своей жизни удовлетворялъ всѣмъ только-что изложеннымъ требованіямъ «истиннаго благодѣанія».

Еще болѣе благородства и искренняго прямотушія выказалъ Измайловъ въ другой своей работѣ «Вчерашній день». Это—небольшой рассказъ, гдѣ авторъ между картинами сытой праздности нашего дворянства и непосильнаго труда бѣдняка вставилъ нѣсколько своихъ разсужденій о жалованіи и пенсіяхъ. Будучи самъ чиновникомъ и свидѣтелемъ, какъ тяжело жилось въ столицѣ его сослуживцамъ, Измайловъ предлагаетъ для вспомошествованія имъ слѣдующія средства: съ рѣдкимъ простодушіемъ онъ проситъ господъ отставныхъ чиновниковъ, имѣвшихъ родовое имѣніе, или скопившихъ въ продолженіе службы благопріобрѣтенное состояніе, отказаться отъ небольшихъ пенсій, а богатыхъ молодыхъ людей, получавшихъ, но проматывавшихъ по пустякамъ свое жалованіе, отказаться—отъ него, дабы и то и другое (т. е. пенсія и жалованье) обратить въ пользу бѣдныхъ чиновниковъ.

Объ остальныхъ прозаическихъ произведеніяхъ Измайлова, которыя авторъ помѣщалъ на страницахъ издаваемыхъ имъ журналовъ, можно ограничиться немногими словами. Александръ Ефимовичъ писалъ были, анекдоты, діалоги, посланія, «мысли» и т. п. небольшіе наброски, которые въ то время служили необходимымъ балластомъ послѣднихъ страницъ каждой книжки журнала. Несмотря на разнообразіе только-что перечисленныхъ набросковъ, всѣ они имѣютъ нѣсколько общихъ чертъ.

Во-первыхъ, они написаны прекраснымъ, по тому времени, легкимъ, языкомъ; во-вторыхъ, большинство ихъ не что иное, какъ картинки изъ нашей прошлой для автора или современной ему жизни, странички изъ нашего быта, на которыхъ просто и правдиво авторъ рассказываетъ о тѣхъ неурядицахъ въ нашемъ строѣ жизни, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ; или которыя въ изобиліи хранилъ въ своей памяти по наслышкѣ. Заявивъ себя въ первомъ крупномъ прозаическомъ сочиненіи бытописателемъ юмористическимъ, Измайловъ остался таковымъ во все продолженіе своей литературной дѣятельности. Во всѣхъ своихъ мелкихъ прозаическихъ произведеніяхъ (я, какъ увидимъ, въ басняхъ) нашъ писатель

имѣлъ въ виду бытописаніе, иной разъ, съ морально-дидактическими тенденціями, но почти всегда подъ легкой дымкой простодушнаго юмора.

Безобразія въ нашей жизни различныхъ слоевъ общества (преимущественно дворянъ), самодурство, грубость и дикость нравовъ, корыстолюбіе, неблагодарность, ханжество и т. п.—вотъ главные темы Измайлова. Замѣтимъ при этомъ, что онъ любилъ иногда обращаться къ тѣмъ самымъ вопросамъ, что волновали его раньше и о которыхъ онъ успѣлъ уже высказаться,—возьмемъ хотя бы вопросъ о дурномъ воспитаніи и сообществѣ: показавъ слѣдствія того и другаго въ романѣ «Евгеній», Измайловъ много лѣтъ спустя въ анекдотахъ «Красныя дѣти» и «Русская жена»¹⁾ разсказалъ о двухъ фактахъ, которые могутъ служить хорошей иллюстраціей къ его юношескому произведенію. Но описывая отрицательныя стороны нашей жизни и общества, Измайловъ нерѣдко съ любовью останавливался на изображеніи и противоположныхъ, въ доказательство чего можно привести, напр., его анекдотъ «Стряпчій Миротворецъ»²⁾ и др.

Наконецъ, между мелкими прозаическими твореніями Измайлова можно насчитать немало и такихъ, которыя имѣютъ интересъ исключительно біографическій, гдѣ авторъ говоритъ о своей особѣ, сообщая иной разъ даже мельчайшія подробности своей жизни, говорить о томъ, какъ проводить день, какія у него занятія, привычки, говорить о своей семьѣ, знакомыхъ, прислугѣ и пр. Въ наше время появленіе такихъ признаній автора въ печати было бы, конечно, курьезомъ въ высшей степени, но при патріархальныхъ нравахъ печати временъ «Благонамѣреннаго», они не казались компрометирующими автора; рѣшимость же Измайлова обнародовать на страницахъ своего журнала можно объяснить лишь крайней откровенностью нашего писателя, его простодушіемъ, доходящимъ иной разъ до наивности.

О другихъ мелкихъ прозаическихъ произведеніяхъ Измайлова, имѣющихъ ближайшую связь съ дѣятельностью его какъ редактора-издателя «Благонамѣреннаго», скажемъ въ своемъ мѣстѣ, пока же заключимъ эту главу обзоромъ двухъ работъ его характера критическаго; мы имѣемъ въ виду его «Опытъ о разсказѣ басни» и «Разборъ басенъ».

Рано избравъ басню излюбленной формой своего творчества, Измайловъ скоро обратился къ изученію теоретической ея стороны. Съ этой цѣлью, вооружившись знаніемъ французскихъ теоретиковъ басни, онъ приступилъ къ широко задуманной работѣ—трактату о баснѣ, и

¹⁾ „Полное собраніе сочиненій“, т. II, стр. 110, 115.

²⁾ Ibid, стр. 106.

загѣмъ, утвердившись въ теоретическихъ принципахъ, началъ при-
мѣнять на практикѣ свои научно-выработанные приемы. Плодами
его занятій въ этомъ направленіи явились «Опытъ о разсказѣ басни»
и «Разборы басенъ» извѣстныхъ нашихъ баснописцевъ: Хемницера,
Дмитріева, Крылова и др. (Второй трудъ остался незаконченнымъ: об-
стоятельства помѣшали Измайлову выполнить его въ тѣхъ размѣрахъ,
въ какихъ онъ хотѣлъ). Разсужденія о баснѣ и разборы появлялись
частями, съ 1815 г., сперва на страницахъ «Вѣстника Европы», загѣмъ
«Сына Отечества» и «Благонамѣреннаго»; въ исправленномъ видѣ,
авторъ помѣщалъ ихъ въ собраніяхъ своихъ сочиненій (изд. 1817,
1821 г.), и, наконецъ, они вышли отдѣльной книгой, составлявшей
3-ю часть собранія сочиненій Измайлова, изд. 1826 года.

Опыты эти съ самаго начала появленія своего въ свѣтъ вызвали
оживленные толки въ журналистикѣ, мало того, появились даже отдѣльныя
изданія за и противъ Измайлова ¹⁾; но большинство привѣтствовало по-
явленіе такихъ работъ Александра Ефимовича ²⁾, его называли даже
законодателемъ русскаго баснописанія ³⁾; самъ авторъ считалъ свои
опыты одними изъ лучшихъ трудовъ своихъ и ставилъ ихъ себѣ въ особую
заслугу. И дѣйствительно Измайловъ былъ въ правѣ гордиться ими: для
своего времени, его разсужденія были дѣйствительно «классическимъ»
трудомъ,—это была первая (на русскомъ языкѣ) серьезная и болѣе
полная работа по теоріи басни. Но для насъ теперь она, конечно,
имѣетъ мало значенія, какъ по характеру критическихъ приѣмовъ Из-
майлова, такъ и потому, что «Опытъ» его далеко не оригиналенъ. Дѣло
въ томъ, что немногочисленный запасъ критическихъ приѣмовъ Измай-
лова былъ заимствованъ имъ изъ французскихъ теоретическихъ сочи-
неній. Критика Измайлова была критика чисто французская конца
прошлаго столѣтія. Ни эстетическая, ни психологическая оцѣнка не имѣла
виднаго мѣста въ критическихъ отзывахъ тогдашнихъ даже извѣст-
ныхъ французскихъ критиковъ, съ которыми обращался Измайловъ;
главное вниманіе ихъ устремлялось на чисто внѣшнюю сторону произ-
веденія, и ихъ поверхностныя разсужденія вертѣлись на критикѣ языка
и филологическихъ замѣткахъ: грамматика, стилистика и версификація—
вотъ главные пункты, изъ которыхъ исходили ихъ отзывы.

Взявъ себѣ за руководство комментарій на Лафонтена, составленный

¹⁾ См. Окуловъ: „Разсмотрѣніе разсужденія, наданнаго Измайловымъ въ журналѣ „Сынъ Отечества“ о баснѣ и самия басни его“. Спб. 1817; А. Р. „Два опыта въ словесности“. Спб. 1816.

²⁾ См. „Духъ Журналовъ“. 1816, № 3; „Русск. Вѣстн.“ 1817, №№ 11—12; „Отеч. Записки“. 1821, ч. VIII; „Украинск. Вѣстникъ“, 1817, ч. VIII, 113—120 и др.

³⁾ См. „Карманная книжка Лопидъ“. Спб. 1821, стр. 194.

Батте, Гильономъ, Шамфоромъ, Нодье etc., Измайловъ былъ вѣренъ въ своемъ «Опытѣ» и въ разборахъ басенъ. Такъ что, въ этомъ отношеніи, т. е. по дѣмъ самымъ приѣмамъ, которыми пользовался Измайловъ въ своихъ критическихъ разсужденіяхъ, онъ въ правѣ былъ называть свои разборы «примѣчаніями», ибо говорить о цѣлостности, о полнотѣ подобной критики, конечно, нельзя. Дѣйствительно, это были примѣчанія на отдѣльныя слова произведенія, выраженія красивыя и некрасивыя, легкія и тяжелыя и т. п., но особенности чисто метрическія и пр. Согласно такимъ взглядамъ на роль и обязанности критика, Измайловъ, конечно, былъ правъ допустить и такія—съ нашей точки зрѣнія—вольности, какія онъ позволилъ себѣ по отношенію къ изданію сочиненій Озерова. Ему не понравились нѣкоторыя шероховатости въ стихахъ—и онъ смладилъ ихъ. Напр., Эдипъ говорить Полинику:

„Зри ноги ты мои, скитавшись изъязвленны;
Зри руки, милостивъ прошеньемъ утомленны;
Ты зри главу мою, лишенную волосъ“.

Измайловъ послѣдній стихъ исправляетъ такъ:

„Зри и главу мою, лишенную волосъ“.

И сдѣлалъ онъ это по слѣдующему соображенію, приведенному въ предисловіи изданія:

«... Озеровъ, равно какъ и Державинъ, былъ великій поэтъ, но не всегда, какъ и тотъ, искусный стихослагатель (*versificateur*). Этотъ недостатокъ есть, такъ сказать, неизбежная дань, заплаченная ими тому времени, въ которое начали они писать, не учась классической словесности и не имѣя тогда образцовъ исправнаго стихосложенія»³⁾.

Не вдаваясь въ болѣе подробную оцѣнку названныхъ трудовъ Измайлова, изложимъ содержаніе его «Опыта» и приведемъ примѣры его разборовъ.

«Опытъ» состоитъ изъ 7 главъ: въ первой говорится о 3-хъ главныхъ качествахъ разсказа: краткости, ясности и правдоподобіи; при томъ рекомендуется «не начинать разсказа весьма издалика и не входить въ излишнія подробности», оканчивать разсказъ въ надлежащемъ мѣстѣ не дѣлать безъ нужды отступленій отъ главной матеріи, особенно, продолжительныхъ, не говорить того, что всякій легко можетъ подразумевать и т. д. Въ слѣдующей главѣ говорится «объ украшеніяхъ разсказа», затѣмъ о простотѣ, естественности, «о пріятномъ» (*le gracieux*), «о забавномъ» (*le plaisant*); послѣдняя болѣе обстоятельно изложенная глава посвящена разсужденію о простодушіи (*le paif*). Самостоятельнаго

³⁾ Извѣстно, что за такое самоуправство съ текстомъ Измайлова немало упрекали. Тотъ оправдывался. (См. „Благонамѣренный“, 1824, т. 8).

во всѣхъ этихъ отдѣлахъ мало; по большей части разсужденія Измайлова представляютъ или пересказъ или переводъ изъ того или другаго автора, подкрѣпляемый сравненіями и примѣрами изъ басенъ отечественныхъ писателей; къ чести нашего писателя слѣдуетъ отмѣтить ясность изложенія его «Опыта» и простоту въ систематизаціи добытыхъ имъ матеріаловъ. Изъ «Разбора басенъ» Измайлова приведемъ для примѣра отрывки изъ его разбора басни Крылова «Лягушки, просящія царя».

По обыкновенію, писатель нашъ приводитъ сначала басню и затѣмъ сопровождаетъ нѣкоторыя строки ея примѣчаніями». Вотъ что напр. говоритъ онъ по поводу стиха

„И плотно такъ онъ трепнулся на царство“:

«Какъ выразителенъ и этотъ тяжелый пятистопный стихъ! Первая половина онаго оканчивается односложнымъ словомъ, вторая оканчивается также односложнымъ, за которымъ слѣдуетъ длинное слово «трепнулся». Невозможно не остановиться на сихъ двухъ односложныхъ словахъ и на первомъ слогѣ слѣдующаго слова: трепнулся. Все это чрезвычайно живо изображаетъ описываемое здѣсь дѣйствіе. Кажется, видишь, какъ этотъ царь упалъ съ неба на землю, отскочилъ немного вверхъ, потомъ опять упалъ и остался уже на мѣстѣ».

По поводу слѣдующаго стиха

„Что ходенемъ пошло трясино государство“.

Измайловъ вспоминаетъ отзывъ В. А. Жуковскаго ¹⁾ и прибавляетъ свое замѣчаніе:

«Живопись въ самыхъ звукахъ! Два длинныхъ слова: ходенемъ и трясино прекрасно изображаютъ потрясеніе болота. Гильенъ въ примѣчаніи своемъ въ баснѣ Лафонтена: «Le chat et un vieux rat» говорить, что изобрѣтенное имъ слово: la gent trottemenu, такъ какъ многія другія его же выраженія и прочихъ оригинальныхъ поэтовъ, потеряны для иностранныхъ языковъ. То же самое должно сказать и о настоящемъ русскомъ выраженіи: ходенемъ пошло: этого нельзя перевести ни на какой языкъ. Трясино государство — весьма удачный эпитетъ» и т. д.

Заключаетъ свой разборъ Измайловъ слѣдующими словами: «Вообще басня сія у Крылова несравненно лучше, нежели у Лафонтена — а это — скажу вмѣстѣ съ г. Жуковскимъ — весьма много; ибо Лафонтенова басня прекрасна: въ стихахъ послѣдняго менѣе живописи и самый разсказъ его не столь забавенъ». Французскій стихотворецъ Павильонъ (Ра-

¹⁾ Жуковскій, „Вѣстникъ Европы“. 1809, № 9, стр. 82.

villon), жившій еще во времена Людовика XIV, вздумалъ сравнить голландцевъ съ лягушками этой басни:

„Ce peuple me parut dans ces lieux aquatiques,
Un reste libertin des grenouilles antiques,
Qui ne voulurent point de roi“.

Однако въ исходѣ миноваго и въ началѣ нынѣшняго столѣтїя, французы гораздо болѣе, нежели голландцы, походили на лягушекъ. Разность только въ томъ, что у нихъ, вмѣсто одного журавля было два: Робеспьеръ и Наполеонъ.

„Однѣ-ли у себя считаютъ черный годъ?
Ахъ! каждый день въ нихъ былъ великой недочетъ“.

Всего вышеизложеннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы судить о критическихъ приѣмахъ Измайлова и ихъ достоинствахъ. Въ заключеніе позволимъ себѣ повторить, что, какъ бы для насъ въ настоящее время, ни были малоцѣнны эти безхитростныя разсужденія Измайлова ¹⁾, въ ту пору нашей литературы, въ частности критики, она были дорогимъ вкладомъ: не даромъ о нихъ такъ заговорила тогдашняя печать. Измайловъ былъ однимъ изъ первыхъ нашихъ поэтовъ и первымъ изъ баснописцевъ, обратившимъ серьезное вниманіе на теоретическую сторону одной изъ формъ поэтическихъ произведеній и желавшимъ утвердить критику на болѣе прочныхъ основанїяхъ; онъ сдѣлалъ попытку дать ей научно-обоснованный фундаментъ. При такомъ серьезномъ взглядѣ на критику, понятно, почему нашъ писатель считалъ ее дѣломъ не легкимъ: «Критика не легка,—говорилъ онъ въ «Благонамѣренномъ» (1819, XI)—можно въ одинъ вечеръ написать удачно рецензію, но должно прежде употребить много времени на прочтеніе и обсуживаніе». Вотъ почему Измайловъ и дорожилъ изданїями «комментированными», «критическими» и желалъ видѣть въ таковомъ изданїи сочиненія Ломоносова, котораго весьма уважалъ ²⁾.

Ив. Кубасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Известно, что Кеневичъ назвалъ ихъ мелочными (См. его „Библиограф. и историч. примѣчанія къ баснямъ Крылова“. Спб. 1868).

²⁾ „Славянинъ“ 1828, VIII.

Записки Михаила Чайковского.

(Мехметъ-Садыхъ паши).

LXX 4).

Правила для пограничныхъ войскъ.—Измаилъ-паша.—Сборъ войскъ на Коссовомъ полѣ.—Маневры.—Недоразумѣніе между великимъ визиремъ и Измаиломъ-пашею.—Выступление изъ лагеря.

Я написалъ на французскомъ языкѣ подробный проектъ правилъ для пограничныхъ войскъ и приложилъ къ нему карту границы съ обозначеніемъ всѣхъ военныхъ постовъ, для занятія которыхъ требовалось по моему разсчету всего три баталіона пѣхоты и два эскадрона кавалеріи. Коммиссія рассмотрѣла этотъ проектъ по пунктамъ, и онъ былъ одобренъ безъ всякаго измѣненія. Военный совѣтъ согласился съ мнѣніемъ коммиссіи; сераскиръ представилъ проектъ на утвержденіе султана, который скрѣпилъ его своею подписью. Занятія коммиссіи продолжались два мѣсяца.

Я получилъ приказаніе отправиться въ Битаглю, а оттуда на Коссово поле, гдѣ должно было собраться болѣе 20 тысячъ войска, подъ командою маршала Измаила-паши.

Было время рамазана; высадившись на берегъ въ Салоникахъ, я спѣшилъ застать маршала въ главной квартирѣ. Онъ принялъ меня холодно, но вѣжливо; я сдѣлалъ видъ, что не обращаю на это вниманія, тотчасъ занялся приготовленіемъ войска къ походу, въ чемъ офицеры дѣятельно помогали мнѣ; самими дѣятельными и ревностными мо-

4) См. „Русскую Старину“ іюль 1900 г.

ими помощниками были, какъ всегда, тѣ, которые противъ меня интриговали.

Маршалъ Измаилъ-паша, прозванный Шайтаномъ, былъ родомъ черкесъ; онъ былъ выкупленъ изъ плѣна Хозревомъ пашею; человекъ храбрый, онъ умѣлъ держать военныхъ въ рукахъ; его всѣ боялись. Онъ отличался чисто военнымъ добродушіемъ и прямою, легко поддавался вліянію лицъ, стоявшихъ ниже его въ нравственномъ отношеніи. Воспользовавшись этимъ, поляки, по своему обыкновенію, наклеветали ему на меня такъ, что онъ относился ко мнѣ съ завистью и недоброжелательствомъ. Не щадя своихъ силъ, я дѣлалъ все возможное, чтобы наше войско и всѣ служащіе въ немъ были на хорошемъ счету, чтобы поляки стояли какъ можно выше въ отношеніи военномъ и политическомъ; я пересталъ писать и только и думалъ день и ночь о томъ, какъ бы увеличить значеніе поляковъ въ глазахъ султана, всѣхъ турокъ и славянъ, а поляки эмигранты загѣвали противъ меня всякія каверзы; мои же сослуживцы интриговали противъ меня, сочиняли доносы, стараясь погубить меня.

Въ то же время съ родины я никогда не получалъ ни магійшаго знака сочувствія, но по крайней мѣрѣ тамошніе поляки молчали, какъ будто меня и моихъ казаковъ не было на свѣтѣ. Когда мы обсуждали однажды съ однимъ изъ моихъ друзей причины подобнаго равнодушія, то онъ сказалъ: «всему виною то, что ты, генералъ, все дѣлаешь самъ, ни съ кѣмъ не совѣтуешься и никому не позволяешь руководить тобою!» Выходило такъ, какъ мнѣ говорилъ однажды генералъ Дверницкій: «если хочешь имѣть значеніе и вліяніе на поляковъ, дѣлай видъ, что ты глупѣе ихъ, что у тебя нѣтъ ни воли, ни ума, что всякій можетъ водить тебя за носъ и дѣлать съ тобою, что хочетъ; тогда они будутъ любить тебя, ты будешь ихъ любимымъ начальникомъ». Это была великая истина.

Мы собрались на Коссово поле на могилу славянской свободы, славянской народности. Эта плоская возвышенность тянется на 60 верстъ въ длину, на 30 верстъ въ ширину и лежитъ болѣе чѣмъ на тысячу футъ надъ уровнемъ моря; на ней находятся пахотныя поля и луга, встрѣчаются пригорки и долины, но нѣтъ лѣса. На этомъ полѣ произошла славная битва, сковавшая свободу славянскихъ народовъ и воспѣтая сербами въ ихъ народныхъ пѣсняхъ.

Нигдѣ въ Турціи нѣтъ такого обилія всякаго рода звѣрей, рыбъ, овощей, ягодъ, грибовъ, какъ на Коссовомъ полѣ и на окрестныхъ горахъ. Это благодатный край для солдата; у насъ были ежедневно лукулловскіе обѣды, которые не стоили намъ почти ни гроша; вино можно было пить ведрами; въ сербской сливянкѣ также не было недостатка. Сербы подружились съ казаками, арнауты также братались съ ними.

Я явился въ лагерь съ девятью эскадронами и засталъ тамъ столько же эскадроновъ кавалеріи, 24 баталіона пѣхоты и 10 батарей артиллеріи. Маршалъ принялъ насъ съ почетомъ, подобающимъ войску; но наши отношенія не были сердечны, они были только сносны. Начались маневры; они велись безтолково; на дѣлѣ никогда не удавалось выполнить то, что было предположено на бумагѣ. Выдумали какой-то маневръ, названный по-турецки *fortesa*, состоявшій въ томъ, что вся пѣхота строилась въ каре, по краямъ котораго становились пушки, а кавалерія, штабные офицеры и баталіоны, не вошедшіе въ это каре, должны были вступить въ него. Маршалъ, держа въ рукахъ плачь мѣстности разсылалъ приказанія со штабными и адъютантами; но каре никакъ не могло построиться, и остальныя части никакъ не могли вступить въ него; все выходило не ладно. Маршалъ былъ очень недоволенъ.

Однажды, ѣдучи съ нимъ съ маневровъ, мы обсуждали этотъ вопросъ; я выразилъ мнѣніе, что штабные офицеры отдавали не тѣ приказанія, какія слѣдовало, и что адъютантамъ не слѣдовало отдавать приказаній. Маршалъ спросилъ меня, могъ ли бы я выполнить этотъ маневръ? Я отвѣчалъ, что я понимаю его и могъ бы это сдѣлать. Когда же онъ мнѣ сказалъ: «ну, такъ завтра вы его исполните», то я просилъ его не настаивать на этомъ, такъ какъ это было бы обидно для него и для другихъ; но предложилъ ему вернуться въ лагерь и произвести маневръ примѣрно на палочкахъ, написать приказы съ тѣмъ, что на слѣдующій день онъ произведетъ маневръ самъ. Мы такъ и сдѣлали; на другой день маневръ удался какъ нельзя лучше. Съ тѣхъ поръ мы были съ маршаломъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ, составляли вмѣстѣ съ нимъ планы маневровъ, и онъ былъ мною очень доволенъ.

Къ великому неудовольствію поляковъ я былъ въ самыхъ хорошихъ дружественныхъ отношеніяхъ съ маршаломъ Измаиломъ, который во многомъ совѣтовался со мною и чрезвычайно довѣрялъ мнѣ. Онъ подарилъ мнѣ прекраснаго породистаго жеребца. «Какъ,—закричали всѣ,—истый мусульманинъ подарилъ безъ всякаго повода иностранцу породистую лошадь; это слишкомъ».

Назначенный въ это время великимъ визиремъ Кибризли Мехмедъ-паша былъ посланъ осмотрѣть нѣкоторыя мѣстности Турціи; ему были даны большія полномочія для введенія танджимата и для строгаго взыскація съ тѣхъ, кто будетъ противиться этому. Кибризли-паша былъ чловѣкъ доброжелательный, горячо любившій свою родину и радѣвшій о ея славѣ, но онъ не отличался хладнокровіемъ и самообладаніемъ восточныхъ людей, которые улыбаются, подписывая смертный приговоръ; онъ былъ чловѣкъ живой, горячій, болѣе походилъ на француза, чѣмъ на турка, легко раздражался и поддавался вліянію близкихъ и льсте-

повъ; однако надобно отдать ему справедливость, когда у него проходила первая вспышка гнѣва, его всегда можно было убѣдить въ томъ, что было дѣйствительно полезно и справедливо.

Вслѣдствіе интригъ Ахмеда-эфенди Кибризли былъ предубѣжденъ противъ маршала Исмаила. Ахмедъ-эфенди, сынъ гречанки и янычара, воспитывавшійся до двадцатилѣтняго возраста въ Аеннахъ, остался туркомъ и мусульманиномъ и обладалъ всѣми чертами характера прежнихъ византійцевъ, въ особенности унаслѣдовалъ ихъ любовь къ интригамъ. Будучи комиссаромъ по введеніи танджимата въ Битаглію онъ не однократно получалъ выговоры отъ маршала и съ тѣхъ поръ сдѣлался его заклятымъ врагомъ. Когда я пріѣхалъ въ Битаглію, онъ сталъ подговаривать меня дѣйствовать съ нимъ заодно противъ маршала. Я съ гнѣвомъ отвергъ его предложеніе и тѣмъ создалъ себѣ въ лицѣ его врага, онъ все-таки нашелъ средство сдѣлать въ желаемомъ имъ смыслѣ донесеніе Кибризли-пашѣ чрезъ грековъ къ которымъ благоволилъ Кибризли и съ которыми поддерживалъ сношенія Ахмедъ-эфенди. Такимъ образомъ великій визирь былъ предубѣжденъ противъ маршала, и послѣднему это было извѣстно черезъ его тайныхъ агентовъ, коихъ имѣлъ каждый турецкій сановникъ, руководясь ихъ донесеніями въ своихъ поступкахъ.

Маршалъ выразилъ желаніе, чтобы я выѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ и съ отрядомъ казаковъ на встрѣчу Кибризли, котораго ожидали въ нашъ лагерь. Я охотно согласился на это потому, что могъ такимъ образомъ скорѣе увидѣть Кибризли.

При встрѣчѣ съ маршаломъ Исмаилъ-пашею Кибризли обошелся съ нимъ такъ непріязненно, что между ними едва не произошла бурная сцена; къ счастью, великій визирь сѣлъ на коня и велѣлъ сопровождать его мнѣ и казакамъ. Мы проскакали галопомъ полдороги. Быстрое движеніе подѣйствовало на него успокоительно; поѣхавъ тише, я началъ уговаривать его, и мнѣ настолько удалось склонить его въ пользу маршала, что они были впослѣдствіи въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ, чему я былъ несказанно доволенъ, такъ какъ оба эти сановника были люди весьма достойные и ихъ дѣятельность была полезна султану и Турціи.

Всѣ три дня, которые великій визирь провелъ у насъ въ лагерѣ, происходили маневры, ученія, фейерверки, однимъ словомъ, были всевозможныя торжества; на третій день охотники, записавшіеся въ драгуны, и казаки присягали на вѣрную службу султану подъ казацкими знаменами въ присутствіи всего войска и народа.

Кибризли любилъ подобныя торжества, тѣмъ болѣе, что они не противорѣчили танджимату и, будучи оглашены въ газетахъ, свидѣтель-

дствовали о дружелюбныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между христіанами и мусульманами.

По отъѣздѣ великаго визиря мы простояли въ лагерѣ еще двѣ недѣли; когда же наступили холода, то войску было приказано идти на зимнія квартиры. Маршаль Измаиль, съ которымъ мы были очень хороши, пріѣхавъ ко мнѣ въ лагерь съ нѣкоторыми пашами въ скверную дождливую погоду, жаловался, что нельзя выступить изъ лагеря, такъ какъ командиры требуютъ три или четыре дня для приготовления. Я сказалъ, что не понимаю такого войска, что если бы мнѣ было приказано выступить, то я былъ бы готовъ въ нѣсколько часовъ.

— Ну такъ покажи имъ,—сказалъ маршаль,—что значить войско и солдаты.

Я разослалъ приказанія, велѣлъ протрубить разные сигналы; солдаты начали быстро собираться. Маршаль сидѣлъ подъ открытымъ небомъ съ часами въ рукахъ и слѣдилъ за сборами; не прошло и двухъ часовъ, какъ эскадроны были на лошадяхъ и я рапортовалъ ему, что мы выступаемъ.

Онъ обнялъ меня и едва не задушилъ въ своихъ объятіяхъ, говоря пашамъ:

— Вотъ это войско, это настоящіе солдаты! Съ такимъ войскомъ можно идти на край свѣта и быть спокойными, что съ нимъ достигнешь всего, что хочешь. Благодарю тебя, паша, благодарю васъ, казаки и драгуны, чего вы учите войско султана какъ должно служить. Вашему примѣру послѣдуютъ быть можетъ остальные.

Я скажу со своей стороны, что трудно было бы найти лучшихъ солдатъ, нежели были казаки и драгуны, собравшіеся на Коссовомъ полѣ.

Во время ночныхъ тревогъ, которыя мы производили довольно часто, было достаточно пяти минутъ, чтобы цѣлый эскадронъ выстроился на площади верхомъ на лошадяхъ. Безъ сомнѣнія, при этомъ играла большую роль казацкая сбруя, но и солдаты были дѣйствительно проворны и расторопны.

Всѣ признавали эти качества драгунъ и казаковъ и отдавали имъ справедливость, говоря, что они составляютъ лучшую кавалерію турецкаго войска; турки-солдаты и офицеры относились къ нимъ съ уваженіемъ. Я радовался этому отъ всего сердца и думалъ, что временныя непріятности миновали и что намъ удастся послужить Польшѣ и дожидаться лучшихъ временъ. Съ этой надеждой, съ этой твердой увѣренностью я проводилъ эскадроны на зимнія квартиры сперва въ Ускюпъ, а оттуда въ Битаглю.

LXXI.

Кончина Абдуль-Меджида. — Новый сераскирь Намыкъ-паша. — Переѣзны, вызванныя новымъ царствованіемъ. — Смерть Измаиля-паша. — Фирманъ на званіе фериъ-паша.

Мнѣ было приказано сераскиромъ оставить полкъ на зимнихъ квартирахъ въ Ускюпѣ (Uskiupic) и Прилепѣ, а самому явиться въ Стамбуль.

Вскорѣ послѣ моего приѣзда въ столицу, послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни, скончался султанъ Абдуль-Меджидъ; врачи опредѣлили его болѣзнь Салоникской лихорадкой, которую онъ получилъ при посѣщеніи въ предыдущемъ году Салоникъ. Этотъ великій монархъ, благодѣтель своего народа и всѣхъ, кто былъ близокъ къ нему, не былъ оцѣненъ своими подданными, какъ онъ того заслуживалъ; одинъ только Риза-паша и нѣкоторые сановники изъ бывшихъ приближенныхъ Решида-паша отдавали ему должное.

Послѣ Абдуль-Меджида на престолъ вступилъ его братъ, султанъ Абдуль-Азисъ-ханъ. Съ новымъ царствованіемъ можно было ожидать многихъ переѣзвъ, и нельзя было ручаться, что наша польско-славянская организація останея неприкосновенною. Великимъ визиремъ остался по-прежнему Кибризли Мехмедъ-паша. Мехмедъ-Али-паша, съ которымъ я былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ, помимо званія генерала-адмирала былъ назначенъ оберъ-гофмаршаломъ и слылъ любимцемъ новаго султана.

Говорятъ, будто сераскирь, Риза-паша, хотѣлъ возвестъ на престолъ Мурада-эфенди, старшаго сына покойнаго султана, человека, прекрасно образованнаго и по своимъ нравственнымъ качествамъ и стремленіямъ походившаго на отца. Когда султанъ былъ при смерти, то Риза-паша вызвалъ въ Стамбуль съ азіатскаго берега войска, которыя были такъ преданы ему, что офицеры и солдаты повиновались бы ему слѣпо, если бы онъ выразилъ свое желаніе.

Призывъ войска встревожилъ великаго визиря и Мехмедъ-Али, ярыхъ сторонниковъ новаго султана, и они стали неусыпно слѣдить за состояніемъ здоровья Абдуль-Меджида. Жена Мехмеда-Али, любимая сестра султана, не отходила отъ него и безпрестанно сообщала мужу о положеніи умирающаго. Въ моментъ кончины султана, во дворцѣ Долма-Бахче, оба моста, перекинутые черезъ Золотой Рогъ, были подняты, и вся флотилія вышла изъ адмиралтейства на Золотой Рогъ и на Босфоръ; морскіе баталіоны заняли караулы во дворцѣ, и Абдуль-Азисъ былъ провозглашенъ султаномъ въ Долма-Бахче. Сухопутнаго войска во дворцѣ не было; въ казармахъ находилась только одна ар-

тиллерія. Все войско болѣе 20 тысячъ человекъ находилось въ это время съ сераскиромъ въ Стамбулѣ. Когда тѣло скончавшагося султана было выставлено напоказъ народу на рогожѣ, какъ тѣло самаго простаго бѣдняка, въ знакъ того, что передъ Богомъ всѣ люди равны и что смерть равняетъ всѣхъ, то вновь провозглашенный султанъ уже возсѣдалъ на тронѣ, имѣя возлѣ себя только великаго визиря и генераль-адмирала съ нѣсколькими флотскими пашами.

Привѣтствовать новаго султана собралось такъ мало лицъ, что капитану Грыглашевскому и поручику Горенштейну, случайно пріѣхавшимъ во дворецъ, пришлось быть въ числѣ лицъ, цѣловавшихъ полы царской одежды.

Сераскиръ, паши и войско прибыли въ Долма-Бахче, только часть спустя, когда султанъ Абдуль-Азисъ былъ уже по всѣмъ правиламъ провозглашенъ падишахомъ и калифомъ; тотчасъ было совершено погребеніе султана Абдуль-Меджида. Я искренно оплакивалъ этого монарха, относившагося столь сочувственно къ полякамъ и къ интересамъ бѣдной Польши.

Риза-паша лишился своего мѣста, успѣвъ однако устроить положеніе казаковъ и драгунъ въ регулярномъ войскѣ султана; имъ было сдѣлано распоряженіе объ укомплектованіи казаковъ до тысячи человекъ, а драгунъ до пятисотъ человекъ.

Сераскиромъ былъ назначенъ Намыкъ-паша, человекъ дѣльный, но, мусульманинъ стараго закона, онъ былъ первымъ полковникомъ низама и въ царствованіе султана Махмуда исполнялъ разныя дипломатическія порученія; не было того европейскаго двора, въ которомъ онъ не былъ посланникомъ; онъ прекрасно владѣлъ иностранными языками, въ особенности французскимъ, и былъ вполне свѣтскимъ человекомъ, но былъ безжалостенъ къ своимъ подчиненнымъ и, соблюдая выгоды правительства, не платилъ имъ жалованья.

Онъ самъ былъ богатъ, любилъ жить широко и не входилъ въ положеніе подчиненныхъ и не давалъ себѣ отчета въ томъ, что нужда заставляла ихъ нерѣдко дѣлать всевозможныя злоупотребленія, за которыя онъ, однако, строго взыскивалъ и каралъ ихъ. Вслѣдствіе этого, несмотря на его знаніе военнаго дѣла и на его административныя способности и несмотря на его дѣятельность и усердіе, нравственныя качества превосходнаго турецкаго войска, которое можно было назвать по справедливости войскомъ Риза-паши, значительно понизились; этимъ былъ нанесенъ войску первый ударъ; но ему еще болѣе повредило введеніе такъ называемыхъ мектеблѣй, учителей. Тотъ, кто видѣлъ это боевое войско въ 1854 и 1855 г., не узналъ бы его теперь, ибо оно не имѣетъ нынѣ даже тѣхъ качествъ, которыя необходимы войску въ мирное время.

Намыкъ-паша относился доброжелательно ко всѣмъ иностранцамъ, поступавшимъ въ турецкое войско и исполнявшимъ добросовѣстно свои служебныя обязанности. Онъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Омеръ-пашею, покровительствовалъ Измаилу-пашѣ, а обо мнѣ говорилъ не разъ:

— Я не люблю христіанъ, райевъ, носящихъ турецкій мундиръ, но я цѣню Садыка-пашу и до тѣхъ поръ, пока я буду сераскиромъ, я всегда буду защищать и оберегать созданное имъ войско.

Намыкъ-паша сдержалъ слово. Онъ ассигновалъ сто тысячъ на покупку лошадей для казацкаго полка и далъ предписаніе отпустить мнѣ эти деньги въ Салоникахъ, гдѣ онъ были выданы звонкой монетою, тогда какъ въ Стамбулѣ были въ обращеніи исключительно бумажныя деньги, каины, стоимость которыхъ, по курсу, была вдвое менѣе звонкой монеты.

Начало царствованія султана Абдуль-Азиса ознаменовалось многими переменами и нововведеніями. Никогда не забуду того момента, когда на торжество открытія военной школы, въ присутствіи всей арміи, прибывшей на это торжество въ Стамбулъ, Намыкъ-паша вынесъ на рукахъ маленькаго сына султана, Юзуфъ-Изедия-эфенди, и представилъ его войску, какъ вольноопредѣляющагося въ пѣхотный полкъ; онъ велъ въ то же время за руку сына султана Абдуль-Меджида, Нурединъ-эфенди, и представилъ его войску, какъ вольноопредѣляющагося въ стрѣлковый пѣхотный батальонъ; на обоихъ мальчикахъ были мундиры ихъ частей. Видѣть дѣтей султана, принцевъ крови, служащихъ въ войскѣ наравнѣ съ прочими было новостью; это означало наступленіе новой эры въ оттоманскомъ государствѣ, и это было первымъ шагомъ на пути къ цивилизаціи, къ сближенію съ прочими европейскими государствами.

Къ сожалѣнію, впечатлѣніе, произведенное этимъ какъ на христіанъ, такъ и на мусульманъ, было ослаблено слѣдующими двумя распоряженіями: уменьшеніемъ жалованія войскамъ, которое было сдѣлано по представленію Намыка-паши, и отмѣною всѣхъ пожизненныхъ пенсій, пожалованныхъ султаномъ Абдуль-Меджидомъ. Покойный султанъ былъ человекъ щедрый и великодушный; онъ награждалъ за всякую оказанную ему услугу, не желая, чтобы люди, послужившіе ему, терпѣли въ чемъ-либо недостатокъ.

Щедрость—прекрасная черта въ монархѣ; про султана Абдуль-Меджида нельзя сказать, что онъ былъ расточителенъ, или благодѣтельствовалъ по прихоти, а не по заслугамъ. Распоряженіе объ отнятіи пожалованныхъ имъ пенсій, сдѣланное Кибризли-пашею, не обогатило казну, но уронило съ глазахъ народа величіе царскаго сана.

Достоинно вниманія, что эту тѣнь набросили на новое царствованіе

два самых выдающихся сановника Турціи, которые были наиболее ревностными турецкими патриотами. Народъ и войско молча, но съ тревогою въ сердцѣ ожидали, что принесетъ имъ новое царствованіе.

Слуги покойнаго султана, жаловались на свою судьбу, а слуги новаго султана желая избѣгнуть подобной участи и обезпечить себя подъ старость средствами къ существованію, позволяли себѣ безнаказанно всевозможныя злоупотребленія. Что было выгоднѣе для правительства? предоставляю судить объ этомъ всякому.

Покойный султанъ былъ окруженъ лицами вполне достойными, коихъ онъ приближалъ къ себѣ самъ и рекомендовалъ ему Решидъ-паша; въ числѣ его первыхъ сановниковъ были такія личности, которыя могли бы съ честью занять мѣсто при любомъ европейскомъ дворѣ. При новомъ же царствованіи, гофмаршалъ Махмудъ-Али-паша, опасаясь вліянія и контроля приближенныхъ, принялъ за правило удалять отъ султана всѣхъ дѣльныхъ и энергичныхъ людей, замѣнивъ ихъ личностями ничего незнающими и слѣдовательно неспособными играть никакой роли; поэтому султанъ былъ окруженъ одними лишь интриганамн.

Это принесло огромный вредъ новому царствованію, которое при иныхъ условіяхъ могло бы довершить дѣло, начатое султаномъ Абдуль-Меджидомъ, и поставить Турцію на высшую степень могущества. Но для этого необходимо, чтобы султана окружали такіе люди, какими были Риза-паша, Фуадъ-паша и имъ подобные.

Въ Стамбулѣ проживалъ въ то время на покой маршалъ Измаиль-паша, болѣвшій отъ ранъ, полученныхъ имъ въ тѣхъ многочисленныхъ сраженіяхъ, въ коихъ онъ принималъ столь доблестное участіе. По удаленіи Риза-паши онъ былъ уволенъ въ отставку съ незначительной пенсіей, въ 5 тысячъ піастровъ; у него не было при дворѣ покровителей, которые могли бы заступиться за него, такъ какъ онъ былъ, какъ извѣстно, незнатнаго происхожденія. Въ Турціи человѣкъ, не занимающій никакого мѣста, никакого officialнаго положенія, все равно, что мертвый, отъ него всѣ сторонятся, такъ какъ въ немъ болѣе нѣтъ надобности заискивать. Я поѣхалъ навѣстить Измаила-пашу и засталъ его огромный конакъ пустымъ; я едва разыскалъ слугу, который провелъ меня къ больному. Старикъ встрѣтилъ меня со слезами на глазахъ и былъ искренно тронутъ моимъ вниманіемъ; мы долго и о многомъ бесѣдовали съ нимъ. Отъ него я отправился къ великому визирю, и мнѣ удалось добиться, что его пенсія была увеличена съ 5 до 15 тысячъ и что самъ великій визирь навѣститъ его вмѣстѣ со мною. Послѣ этого посѣщенія въ его конакъ постоянно толпились посѣтители; онъ былъ благодаренъ мнѣ и говорилъ, извиняясь за свое прежнее недружелюбное ко мнѣ отношеніе:

— Въ этомъ были виноваты поляки, коимъ ты сдѣлалъ такъ много

добра и которые только и думали, какъ бы отплатить тебѣ за добро зломъ и неблагодарностью; они хотѣли возстановить насъ другъ противъ друга, сдѣлать насъ злѣйшими врагами, но Господь не допустилъ этого. Горе полякамъ и черкесамъ, которые не умѣютъ цѣнить людей и все то, что посылаетъ имъ Господь.

Это были послѣднія слова, слышанныя мною отъ этого доблестнаго черкеса, который не получилъ никакого образованія, выдвинулся единственно своими личными заслугами и храбростью.

Онъ вскорѣ скончался, и объ немъ забыли, какъ будто его и не было на свѣтѣ.

Я отправился вторично на Коссово поле, чтобы принять начальство надъ отрядомъ, который состоялъ изъ 6 эскадроновъ кавалерійскаго полка (называвшагося татарскимъ полкомъ; когда-то онъ дѣйствительно состоялъ изъ татаръ, но и въ то время въ немъ было не болѣе 5 или 6 офицеровъ татаръ), изъ 6 казачьихъ эскадроновъ, конми командовалъ мой старый другъ и пріятель Киркоръ-бей; изъ 3-хъ эскадроновъ драгунъ подъ командою Муратъ-бея и изъ одной бригады артиллеріи.

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Стамбула Намыкъ-паша показалъ мнѣ бумагу, полученную имъ изъ Высокой Порты, въ которой ему сообщали, что въ Ускюпѣ началось волненіе, что нѣсколько арнаутовъ, подстрекаемыхъ казаками, взялись за оружіе, и дѣло едва не дошло до рѣзни, но губернаторъ Ускюпа, Джавутъ-паша, возстановилъ порядокъ, принявъ энергичныя мѣры. Не довѣряя донесенію губернатора, Намыкъ-паша поручилъ мнѣ, проѣздомъ черезъ этотъ городъ, разузнать подробно, какъ было дѣло, и по полученіи свѣдѣній отъ меня рѣшилъ послать комиссію для производства слѣдствія.

У Джавудъ-паши было въ Высокой Портѣ немало покровителей; поэтому онъ получилъ благодарность; былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ и получилъ орденъ Меджидіе 3-й ст.

Пріѣхавъ въ Ускюпъ, я былъ удивленъ необыкновенной любезностью губернатора, который встрѣтилъ меня за двѣ мили отъ города и хотѣлъ, чтобы я непременно остановился въ его конакѣ; я едва упросилъ его позволить мнѣ отправиться на мою прежнюю квартиру; онъ хвалилъ казаковъ и полковника Киркора, говорилъ о какомъ-то столкновеніи; когда же я сказалъ ему, что мнѣ ничего не извѣстно, то онъ былъ весьма удивленъ и тотчасъ же сталъ доказывать, что все это были сущіе пустяки и что это дѣло слѣдуетъ предать забвенію.

Когда я вернулся поздно вечеромъ къ себѣ на квартиру, ко мнѣ явился тайкомъ одинъ изъ первыхъ беевъ санджака, Мехмедъ-бей, личный врагъ губернатора, рассказалъ мнѣ подробно все дѣло и обѣщалъ принести мнѣ мазбашъ съ описаніемъ всего происшествія за подписью

и печатью беевъ. Мазбашъ былъ мнѣ доставленъ въ ту же ночь, онъ уже былъ у меня въ карманѣ, когда, рано утромъ, ко мнѣ пріѣхалъ губернаторъ, чтобы сопровождать меня изъ города.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Въ полку служилъ волонтеромъ Рифать-бей, Михаилъ-оглу, изъ Стамбула, потомокъ бывшихъ румелійскихъ бейлербеевъ. Между нимъ, двумя казаками и нѣсколькими арнаутами завязалась у колодца ссора, по поводу разбитаго кувшина. Въ это время проѣзжалъ мимо губернаторъ, который ударилъ одного изъ спорившихъ—Рифать-бея, съ такою силою, что у него слетѣла съ головы феска. Видя, что ему на помощь прибѣжало нѣсколько казаковъ, губернаторъ поспѣшно ускакалъ въ конакъ; произошелъ всеобщій переполохъ; капитанъ Яблоновскій и другіе казаки, бывшіе немного подъ хмѣлькомъ, приказали сѣдлатъ лошадей и взяли за оружіе. Увидѣвъ это, жители также схватились за оружіе, и дѣло быть можетъ дошло бы до рѣзни, если бы полковникъ Киркоръ, узнавъ о случившемся, не вывелъ поспѣшно эскадроны за городъ; затѣмъ, ставъ во главѣ карабинеровъ, онъ разставилъ по всему городу патрули; изъ одного окна въ него стрѣляли; виновный тотчасъ схваченъ. Губернатора полковникъ не могъ розыскать, такъ какъ онъ спрятался въ подвалѣ и не показывался всю ночь. Онъ пришелъ къ Киркору только тогда, когда казаки снова вступили въ городъ. Киркоръ сдѣлалъ ему строгій выговоръ за то, что онъ ударилъ солдата султана; губернаторъ извинился, благодарилъ, а вернувшись въ свой конакъ, написалъ ложное донесеніе, въ которомъ жаловался на казаковъ и восхвалялъ себя и свою распорядительность. Я донесъ Намыкъ-пашѣ о случившемся и препроводилъ ему мазбашъ-беевъ. По моемъ возвращеніи изъ лагеря, было произведено слѣдствіе; Джавадъ-паша былъ смѣщенъ, однако, не былъ лишенъ полученнаго имъ чина и ордена. Киркоръ былъ оправданъ

Никто не умѣетъ такъ, какъ турки, протрубить о дѣлѣ, ничего не стоящемъ, и замолчать о заслугѣ другаго; они на это большіе мастера.

Съ наступленіемъ зимы, я прибылъ съ казаками, драгунами и артиллеріей на зимнія квартиры въ Ускюпъ, куда пріѣхали ко мнѣ и мои сыновья, окончившіе уже курсъ наукъ въ Сенъ-Сирской школѣ во Франціи. Я опредѣлилъ ихъ офицерами въ казацкій полкъ. Пробывъ два мѣсяца въ Ускюпѣ, я получилъ приказаніе отправиться въ Виталию. Былъ довольно сильный морозъ, и по дорогѣ лежалъ глубокій снѣгъ; насъ застигла по пути такая снѣжная мятель, что мы потеряли нѣсколько лошадей; у насъ также заболѣло нѣсколько солдатъ. Я ѣхалъ по обыкновенію всю дорогу верхомъ, во главѣ моего полка, и такъ заболѣлъ по пріѣздѣ въ Виталию, что едва не умеръ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ, я получилъ приказаніе явиться въ Стамбулъ. Въ это время садразамомъ былъ назначенъ Фуадъ-паша, а сераскиромъ

Мехмедъ-Ружди-паша. Когда я явился въ сераскеріатъ, то мнѣ было объявлено желаніе султана зачислить меня окончательно въ іерархію турецкаго войска, и мнѣ былъ врученъ фирманъ о назначеніи меня ферикомъ, т. е. дивизионнымъ генераломъ.

Званія миримиряна и бейлербея не считаются военнымъ званіемъ, они означаютъ только происхожденіе изъ дворянской среды и даютъ право на званіе паши; поэтому всѣ запорожскіе гетманы получали званіе миримиряна и бейлербея, по той же причинѣ и я пользовался этимъ званіемъ. Въ царствованіе султана Абдуль-Меджида, бейлербей считался важнѣе ферики, а миримирянь выше ливаони (бригаднаго офицера); въ царствованіе же султана Абдуль-Азиса этотъ порядокъ былъ измѣненъ. По правдѣ сказать, я неохотно разстался съ званіемъ, которое было освящено традиціей, такъ какъ я страстно любилъ все, что имѣетъ историческую основу; но я не могъ противиться волѣ монарха, тѣмъ болѣе, что мое новое званіе совершенно точно опредѣляло мое положеніе въ войскѣ. Мехмедъ-Ружди-паша сказалъ мнѣ по этому поводу: «было бы несообразно, чтобы, командуя полкомъ, вы не носили военного званія», такимъ образомъ я сдѣлался ферикомъ, т. е. дивизионнымъ генераломъ.

Во время моего пребыванія въ Константинополь было получено извѣстіе о возстаніи, которое вспыхнуло въ Греціи и угрожало престолу короля Оттона; вслѣдствіе этого войска были двинуты въ Фессалію.

Я поѣхалъ моремъ въ Салоники, а оттуда сухимъ путемъ въ Лариссу (Ленишеръ), гдѣ губернаторствовалъ Измаиль-паша, внукъ Али-паши.

Въ Лариссу подходили со всѣхъ сторонъ войска; ожидали прибытія маршала Абдуль-Керимъ-Надиръ-паши, который долженъ былъ принять начальство надъ всѣми войсками, станутыми на границу Греціи,

---

LXXII.

Вѣроятничество турецкихъ пашей.—Возстаніе въ Польшѣ въ 1863 г.—Маркизъ Велепольскій и графъ Замоискій, ихъ взаимныя отношенія.—Положеніе офицеровъ-поляковъ, служившихъ въ Турціи.—Мнѣніе Чайковскаго о возстаніи.—Сераскиръ Фуадъ-паша и его организаторская дѣятельность.—Гуссейнъ Ави-паша.

Поимка разбойника Щемо интересовала гражданское и военное управленіе Фессаліи гораздо болѣе, нежели усмиреніе возстанія въ Греціи, хотя это возстаніе могло распространиться и на наши владѣнія, ибо греки были не прочь овладѣть не только Ионическими островами,

но также Эпиромъ, Фессалией и даже Македонией; но у насъ объ этомъ не особенно тревожились. Щемо, арнаутъ, бывший чаушъ сергердари Габи-паши, служа много лѣтъ въ полици, прекрасно изучилъ мѣстные обычаи и сумѣлъ войти въ близкія сношенія съ жителями и въ особенности съ мѣстными землевладѣльцами беями; которымъ онъ помогать держать въ повиновеніи кметовъ. Когда наше войско было отозвано изъ Фессалии, Щемо оставилъ службу, собралъ шайку разбойниковъ изъ арнаутовъ и греческихъ поликаровъ и сталъ хозяйничать въ Фессалии, какъ у себя дома, нападалъ на деревни, на фольварки, обиралъ и убивалъ путешественниковъ, въ особенности грабилъ почту. Губернаторъ не заботился о спокойствіи ввѣренной ему провинціи, и Щемо вскорѣ навелъ ужасъ на всю Фессалию. Для поимки его былъ посланъ маршалъ Абди-паша, съ четырьмя баталіонами пѣхоты, тысячею башибузуками, двумястами жандармовъ, четырнадцатью эскадронами кавалеріи и двумя орудіями. Оба паши, военный и статскій, разъѣзжали въ удобныхъ экипажахъ по большимъ дорогамъ изъ села въ село, а войско шло вслѣдъ за ними колоннами по краю дороги, отыскивая Щемо, но онъ не показывался, и никто не могъ сказать, гдѣ онъ находится.

Проведя цѣлый мѣсяцъ въ такихъ поискахъ, паши возвратились, не напавъ на слѣдъ разбойниковъ. Тогда на поимку ихъ были посланы драгуны, которые изловили ихъ въ Эпирѣ. Поимка Щемо принесла болѣе всего пользы губернатору Эпира, Гусни-пашѣ, который помѣстилъ его въ хорошенькомъ конакѣ, поилъ, кормилъ, навѣщалъ его, рассказывая ему о разбойникахъ-арнауцахъ, которые сдѣлались со временемъ важными сановниками, и такъ сумѣлъ вкратцѣ къ нему въ довѣріе, что Щемо выболталъ ему о своихъ сношеніяхъ съ беями, чорбаджіями и даже съ чиновниками фессалийскаго губернатора. Гусни-паша составилъ имъ поименный списокъ и противъ фамилиі каждого бея отмѣтилъ ту сумму, какую онъ желалъ получить съ нихъ за то, чтобы ихъ не выдавать. Наибольшей мздою—въ пять тысячъ турецкихъ лиръ, былъ обложенъ самъ губернаторъ. Съ этимъ спискомъ отправилось отъ его имени къ беямъ довѣренное лицо съ такимъ ультиматумомъ: либо заплати деньги, либо въ Стамбуль будетъ послано донесеніе, слѣдствіемъ котораго можетъ быть потеря мѣста, конфискація имущества или изгнаніе.

Всѣ беи уплатили то, что съ нихъ требовали, и вдобавокъ благодарили, говоря, что паша пощадилъ ихъ и потребовалъ немного. Эта жатва принесла ему свыше трехъ милліоновъ піастровъ. Миѣ рассказывали объ этомъ два бея, которые сами порядкомъ поплатились.

Когда сборъ былъ поконченъ, Гусни-паша препроводилъ Щемо въ Лариссу, съ дружескимъ совѣтомъ повѣсить его, не препровождая

въ Стамбуль, чтобы онъ не бѣжалъ съ дороги, какъ это случилось въ Янинѣ. Совѣтъ его былъ исполненъ. Щемо привезли въ Лариссу вечеромъ, а на утро онъ уже былъ повѣшенъ. Все дѣло до поры до времени было шито-крыто; Гусни-паша получилъ даже повѣшеніе и въ концѣ концовъ сталъ во главѣ министерства полиціи. Но гдѣ повадилася кушинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить; съ теченіемъ времени были обнаружены всѣ его злоупотребленія, и онъ не только потерялъ мѣсто, но даже былъ сосланъ.

Стоявшія жары не позволяли ни производить учений въ полѣ и охотиться. Соскучившись отъ бездѣйствія, я взялся за перо и написал сочиненіе: «*Dziwne zycia dziwnych Polakow*», которое было издаваемо въ Лейпцигѣ и появилось въ «Собраніи польскихъ писателей», издаваемомъ Брокгаузомъ. Лишь только я окончилъ это сочиненіе и размышлялъ о томъ, чѣмъ бы мнѣ заняться до осени, какъ было получено вѣстие о злополучномъ возстаніи, вспыхнувшемъ въ Польшѣ.

Я собралъ къ себѣ офицеровъ-поляковъ и совѣтовалъ имъ подать просьбу Фуаду-пашѣ, назначенному въ то время сераскиромъ, и высказавъ въ ней нашу признательность турецкому правительству и нашу готовность по-прежнему служить султану, упомянуть о томъ, что мы все-таки не перестали быть поляками и хотимъ служить отечеству и польскому дѣлу; поэтому мы просимъ войти въ наше положеніе и обсудить вопросъ о томъ, какимъ образомъ мы могли бы исполнить свой долгъ по отношенію къ Польшѣ, не нарушая нашихъ обязанностей относительно Турціи; однимъ словомъ, чтобы мы могли быть поляками, не переставая быть достойными слугами султана.

Прошеніе это было написано мною и одобрено всѣми единогласно. Я просилъ драгунъ, чтобы они выбрали изъ своей среды одного офицера, который отправился бы съ этой просьбою въ Стамбуль. Большинствомъ голосовъ былъ избранъ капитанъ Карлъ Марквартъ.

Признаюсь откровенно, я былъ горячимъ сторонникомъ политики маркиза Велепольскаго и считалъ великаго князя Константина Николаевича однимъ изъ самыхъ способныхъ и самыхъ благородныхъ людей въ мірѣ. Мнѣ было извѣстно о несчастной зависти, съ какою *Замойскіе* относились къ маркизу Велепольскому, такъ какъ еще зимою я видѣлся съ двумя довѣренными лицами *Замойскаго*, которыя пріѣзжали въ Стамбуль съ цѣлью посмотреть, что я дѣлаю, и разузнать мои дальнѣйшія намѣренія. Изъ разговора съ ними я убѣдился, что Андрей *Замойскій* опасался, какъ бы Сигизмундъ Велепольскій, пользуясь именемъ своего отца, не сдѣлался для него опаснымъ соперникомъ и не помѣшалъ ему осуществить его намѣренія. Къ сожалѣнію, *Замойскіе* всегда за малую цену мала одна мысль—о желѣзномъ фондѣ. Я хорошо помню слова эти господъ:

— Преданные вѣрѣ нашихъ отцовъ, какъ ревностные католики, мы будемъ энергично противиться панславянскимъ стремленіямъ Велепольскаго.

Я видѣлъ ясно, что эта политика, напоминая политику Владислава Замойскаго, не могла привести ни къ чему иному, какъ къ новымъ распрямъ и ссорамъ, какъ это было въ 1855 и 1856 гг.

Однако дѣлать было нечего; такъ какъ возстаніе началось, то разсуждать было не время; надобно было думать только о томъ, какъ бы быть полезнымъ Польшѣ.

Капитанъ Марквартъ возвратился вскорѣ съ письменнымъ отвѣтомъ Фуада-паши, въ которомъ паша, выражая свое полное сочувствіе намъ и нашему дѣлу и поблагодаривъ насъ за довѣріе, съ какимъ мы обратились къ нему, обѣщавъ передвинуть нашъ полкъ въ Балканы и писалъ, чтобы мы были готовы выступить, но при этомъ совѣтовалъ соблюдать порядокъ и спокойствіе и присовокуплялъ, что если офицеры не хотятъ ждать, то онъ разрѣшаетъ мнѣ уволить ихъ въ отпускъ, выдать имъ прогоны изъ кассы 3-го корпуса и отправить этихъ господъ немедленно, чтобы не подать повода къ какимъ-либо возраженіямъ со стороны дипломатовъ, которые не сочувствовали польскому возстанію.

Одновременно съ этимъ письмомъ командующій 3-мъ корпусомъ получилъ приказаніе удовлетворить всѣ мои просьбы относительно увольненія офицеровъ въ отпускъ и выдачи имъ денегъ на дорогу.

Я прочелъ офицерамъ письмо сераскира и объяснилъ имъ наше положеніе.

Нѣсколько офицеровъ подали вслѣдъ за тѣмъ прошеніе объ отпускѣ и уѣхали, но нѣкоторые, не довольствуясь тѣми льготами, которыя предоставило имъ турецкое правительство, начали склонять солдатъ къ дезертирству; мало того, подучили ихъ похитить полковое оружіе. Когда эти господа были удалены изъ полка, то у насъ водворилось спокойствіе; случаи дезертирства стали рѣдки, но нашъ полкъ уже не былъ посланъ въ Балканы, такъ какъ онъ потерялъ довѣріе правительства. Я боялся просить объ этомъ, не рѣшаясь брать на себя отвѣтственность за полкъ; между тѣмъ эта демонстрація могла имѣть самыя важныя послѣдствія. Съ точки зрѣнія нравственной, она могла поднять духъ жителей Украйны; чего не могли сдѣлать золотыя грамоты, то сдѣлали бы навѣрно казацкое имя и воспоминаніе о запорожскомъ кошѣ. Въ Балканахъ ряды нашего войска могли увеличиться болгарами, которые не только братались съ нами, но желали вполне слиться съ нами. Но поляки не хотѣли или не могли понять сущность дѣла. Поляки никогда не оказывали нашей организаци, какъ я уже говорилъ, ни нравственной, ни матеріальной поддержки; они относились къ ней не только равнодушно, но даже пренебрежительно.

Я не удерживалъ ни одного офицера, выразившаго желаніе ѣхать въ Польшу, и даже помогъ имъ чѣмъ могъ, хотя смотрѣлъ на это возстаніе какъ на величайшую ошибку, когда-либо сдѣланную Польщею, ибо поляки затѣяли его въ царствованіе императора Александра II, который, предавъ забвенію все прошлое, далъ полякамъ величайшій знакъ своего благоволенія, пославъ намѣстникомъ въ царство Польское своего роднаго брата. Политика маркиза Велепольскаго, хлопотавшаго о сляніи поляковъ со славянами, сулила намъ въ будущемъ большія выгоды; передъ Польщею открывалось широкое будущее, но зависть и недоброжелательство не позволили полякамъ воспользоваться этимъ. Таковъ былъ мой взглядъ на повстаніе; въ этомъ духѣ я писалъ моимъ друзьямъ въ Парижъ. Я горевалъ надъ участью поляковъ и Польши, и отъ всего сердца желалъ имъ съ честью выйти изъ этого затруднительнаго положенія. Мнѣ не хотѣлось, чтобы поляки выказали себя неблагодарными по отношенію къ турецкому правительству, которое относилось къ намъ всегда такъ прекрасно, и я прилагалъ къ этому всевозможное стараніе.

Вскорѣ къ намъ пріѣхалъ маршалъ Абдуль-Керимъ-Надиръ-паша, которому было поручено объѣхать границы; я, какъ человѣкъ, хорошо знакомый съ мѣстностью, былъ назначенъ сопровождать его. Этотъ объѣздъ продолжался полтора мѣсяца. Моимъ сыновьямъ, изъ коихъ старшему Раза-паша далъ названіе Тимуръ-бея, а младшему—Музаферъ-бея, велѣно было исполнять обязанности штабныхъ офицеровъ: они снимали планъ мѣстности и укрѣпленій и заслужили одобреніе маршала. Въ продолженіе этой поѣздки во время своихъ разговоровъ съ маршаломъ я старался всячески поднять въ его глазахъ значеніе казаковъ и всей нашей организаціи.

Рапортъ, представленный маршаломъ по объѣздѣ границы, былъ весьма благоприятенъ для насъ и, такъ сказать, загладилъ все то, въ чемъ провинились казаки и драгуны. Я получилъ отъ Фуадъ-паши благодарность за добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей, и мнѣ было приказано послать эскадронъ казаковъ и эскадронъ драгунъ въ Стамбуль для представленія султану и самому явиться туда же, отославъ полкъ въ Битаглю.

Эскадронъ казаковъ, посланный въ Стамбуль, былъ сборный, а изъ драгунскаго полка былъ посланъ первый эскадронъ. Люди, лошади и обмундированіе этихъ эскадроновъ не оставляло желать ничего лучшаго; на казакахъ былъ ихъ традиціонный мундиръ, а на драгунахъ былъ мундиръ, напоминавшій мундиръ 5-го уланскаго полка во время войны 1831 г.

Сераскиръ Фуадъ-паша принялъ меня весьма любезно; это былъ настоящій джентльменъ, прекрасно образованный, любезный, краси-

вый соборъ и быстро все схватывавшій, прятный и остроумный собесѣдникъ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасный дипломатъ и хотя никогда не былъ на войнѣ, но отлично понималъ духъ, потребности войска и безъ сомнѣнія лучше многихъ маршаловъ могъ бы предводительствовать арміею. Усмиреніе Эпира и Фессалии доказало его способности какъ дипломата и предводителя войска. Какъ сераскиръ или военный министръ, онъ много сдѣлалъ для того, чтобы поднять значеніе корпуса офицеровъ; благодаря ему турецкіе офицеры перестали носить за пашами папуши (туфли), перестали быть слугами и сдѣлались настоящими офицерами; окончивъ свои служебныя обязанности, они проводили время вмѣстѣ съ пашами, садились при нихъ за столъ, бесѣдовали съ ними въ гостиной. Фуадъ-паша дополнилъ то, чего не доставало войску Риза-паши. Онъ сдѣлалъ бы еще много полезнаго, если бы не былъ въ несчастіи такъ скоро смѣненъ; на его мѣсто былъ назначенъ маршалъ Гуссейнъ-Авни-паша, который сумѣлъ испортить все заведенное въ войскѣ Риза и Фуадъ пашами.

Фуадъ-паша происходилъ изъ хорошаго стариннаго рода, давшаго Турціи не мало ученыхъ, историковъ и поетовъ; онъ учился въ молодости медицинѣ и былъ врачомъ; по смерти отца, обезглавленнаго по повелѣнію султана Махмуда, онъ поступилъ въ драгоманъ и посвятилъ себя политической карьерѣ, исполнивъ весьма удачно многія возлагавшіяся на него дипломатическія порученія. Султанъ Абдуль-Меджидъ, убѣдившись въ способностяхъ Фуада-паши во время его службы на границѣ, послалъ его для усмиренія мятежа въ Сирію и Дамаскъ, что онъ и исполнилъ съ удивительной энергіей и ловкостью и за что онъ былъ пожалованъ маршаломъ. Султанъ Абдуль-Азизъ, по вступленіи на престолъ, назначилъ его сераскиромъ; смѣло можно сказать, что послѣ Риза-паши не было болѣе способнаго и дѣльнаго сераскира.

Гуссейнъ-Авни-пашѣ по выходѣ его изъ военной школы покровительствовалъ одинъ изъ преподавателей этой школы французъ, капитанъ Маньянъ (Magnan), которому онъ отплатилъ за это ненавистью также какъ и всѣмъ прочимъ французамъ. Омеръ-паша аттестовалъ его во время войны 1854 г. человекомъ неспособнымъ, за что онъ воспылалъ ненавистью ко всѣмъ иностранцамъ, были ли то христіане или мусульмане, пренебрегалъ старыми офицерами, оскорблялъ ихъ и наводилъ армію офицерами, окончившими курсъ въ военной школѣ. Они не успѣвали ознакомиться хорошенько со службою, какъ ихъ уже назначали дивизионными и корпусными командирами. Его ненависть къ Риза-пашѣ и ко всѣмъ иностранцамъ сблизила его съ Али-пашею, который разыгрывалъ роль архи-турка, чтобы этимъ отличиться отъ Решидъ и Фуадъ-пашей.

Фуадъ-паша назначилъ Гуссейнъ-Авни-пашу своимъ помощникомъ, кай-

макамомъ, что принесло огромный вредъ ему самому, турецкому войску и всему государству. Онъ питалъ къ Риза-пашѣ такую страшную ненависть, что когда тотъ умеръ и онъ, будучи въ то время сераскиромъ, долженъ былъ отдать ему послѣднюю честь, какъ заслуженному предводителю войскъ султана, то онъ не поѣхалъ на его похороны, сказавъ своимъ друзьямъ:

— Я радъ и счастливъ, ибо на свѣтѣ не можетъ быть величайшей радости и удовольствія, какъ видѣть своего врага зарытымъ въ землю такъ глубоко, что ему оттуда не встать.

Эти слова характеризуютъ лучше всего этого сановника.

Перев. В. В. Тимошукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

дней былъ 15-го декабря 1838 г. войти къ государю императору съ докладомъ, въ которомъ, указавъ на трудности исполненія высочайшей воли отъ 16-го декабря 1836 г., просилъ отсрочить силу этого указа до 16-го декабря 1845 г. На этотъ доклад последовала слѣдующая резолюція: «Итъ по сему. Императору угодно, что въ скоромъ времени эта вѣда дерптскихъ студентовъ найдется жюри, которые въ составѣ будутъ поступить въ учителя русскаго языка въ своемъ край, ибо отличный духъ изъ штиглицъ неистощимъ».

Въ связи съ этимъ выраженіемъ высочайшей воли последовало распоряженіе гр. Угрюмова о томъ, что поступившіе въ Дерптскій университетъ послѣ января 1845 г. не могутъ получить совѣтствующаго дипломнаго званія, если докажутъ свое умѣніе владѣть грамматическо-правильно изрывать свои мысли на русскомъ языкѣ.

14-го апрѣля 1860 г. при попечителѣ Е. Ф. фонъ-Брадѣ было утверждено министерскими изысканіями профессоромъ М. П. Розенбахъ «Положеніе о преподаваніи русскаго языка и словесности въ императорскомъ Дерптскомъ университетѣ»; но и по введеніи точныхъ правилъ преподаванія и слушанія русскаго языка и литературы въ университетѣ въ опредѣленной степени обязательности зачатъ этотъ предметъ для студентовъ всѣхъ факультетовъ, — дѣло востановило не удовлетворительно, и университетъ продолжалъ тягаться русскимъ языкомъ.

9-го января 1865 г. была утверждена новая уставъ для Дерптскаго университета. По этому уставу половина была въ историко-филологическомъ факультетѣ, вѣдѣнъ бывшей Вендскій «русскаго языка и литературы», — вѣдѣнъ «русскаго языка въ особенности и славянскаго лингвистическаго пообщенію»; а одна изъ секцій въ концѣ 60-хъ годовъ была образована на предметъ «русскаго языка и литературы».

Предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія попечителю Рижскаго учебнаго округа отъ 12-го сентября 1893 г., прежде дѣйствовавшими правилами были замѣнены слѣдующими пунктами: 1. Тѣ изъ студентовъ императорскаго Рижскаго университета, которые получили дипломныя въ гимназіяхъ съ русскими преподавательскими языкомъ или обучались въ нихъ по некоемъ иному званію, а равно выдержавшіе въ званіи главнѣйшаго испытаніе зрѣлости, освобождается отъ контрольных испытаній въ сему предмету; 2. студенты же, окончившіе курсъ гимназіи Рижскаго учебнаго округа въ томъ время, когда въ ней гимназіяхъ велось преподаваніе въ званіи зрѣлости, а равно учащие въ университетѣ по аттестатамъ оконченнаго гимназіи, обязаны сдать въ званіи университетскаго курса особое испытаніе

по русскому языку, съ доказательствомъ полнаго съ нимъ знакомства, какъ теоретическаго, такъ и практическаго. Испытаніе производится въ факультетской комиссіи, съ депутатомъ отъ историко-филологическаго факультета; 3. въ основу такого испытанія положены: 1) владѣніемъ работами, востановилъ въ письменномъ переводѣ даннаго испытательной комиссіей отрывки съ извѣстныхъ или другаго иностраннаго языка на русскій. По разсмотрѣніи перевода членами комиссіи, провозвѣдана такое испытаніе по содержанію работы для проверки ея самостоятельности и знакомства съ русскою грамматикой; 4. посещение лекцій русскаго языка и литературы не обязательно для студентовъ не-филологовъ; но, въ случай желанія, имъ предоставляется записываться на общіе и спеціальныя курсы по сему предмету, читаемые на историко-филологическомъ факультетѣ, съ уплатою гонорара за такіе курсы по общему основанію.

Эти правила остаются въ силѣ и до настоящаго времени.

Во второй половинѣ своего труда г. Пѣтуховъ даетъ довольно подробнаго свѣдѣнія о жизни и научной дѣятельности профессоромъ, преподавателей и доцентовъ Рижскаго университета по кафедрѣ русскаго языка и словесности, съ 1802 по 1895 годъ.

Н. К.-ш.-ъ.

Русская словесность съ XI по XIX столѣтіе извѣстна; библиографическій указатель произведеній русской словесности въ связи съ исторіей литературы и критикой. Книжки и журнальныя статьи. Составилъ А. В. Мезиерь. Часть I. — Русская словесность съ XI по XVIII в. С.-Петербургъ. 1899.

Громадное большинство прекрасныхъ и достойныхъ вниманія книгъ и журнальныхъ статей, на утравившихъ своего значенія и даже общаго интереса до сего дня, не находятъ себѣ читателей, — говоритъ авторъ въ предисловіи, — потому только, что читавшей публики оны не извѣстны, или потому, что она забыла о нихъ.

А. В. Мезиерь взяла на себя довольно трудную задачу, требующую кропотливаго труда, — составить возможно полный библиографическій указатель всѣхъ произведеній русской словесности, вѣдѣннаго изъ и критическихъ статей о нихъ, и вполнѣ справилась съ своей задачей, а потому ея трудъ, безъ сомнѣнія, принесетъ пользу какъ для спеціалистовъ ученыхъ, такъ и для преподавателей русской словесности, а также и для учащихся, да и широкой публикѣ напомнитъ о существованіи многихъ хорошихъ книгъ и статей, несправедливо забытыхъ.

Н. К.-ш.-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1900 г.

ТРЕДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкой. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государствѣ, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старинѣ“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсаева), **Въ Казани—А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, къ Редакціи журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы и цѣлыя вѣтки и отдѣлы о событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣд.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ биографіямъ выдающихся русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи объ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобиографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія: Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Рохословія.

Редакція отвѣчаетъ на правильную доставку журнала только пересылками, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1899 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присланныхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **бесплатно**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXI-й.

СЕНТЯБРЬ.

1900 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Воспоминанія о вѣдомыхъ лицейскихъ товарищахъ. Михаилъ Васильевичъ Булгаковъ-Петровский, Асад, К. С. Белоухославо. . . . . 449—456
- II. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. Н. Дубровина. 457—483
- III. Записки генерала В. И. Лешинскаго . . . . . 485—522
- IV. Меттернихъ и его внѣшняя политика. А. П. Рѣдкая. . . . . 523—540
- V. Софья Петровна Сѣчяна. (Ея жизнь и переписка). II. . . . . 541—557
- VI. Изъ исторіи русской литературы: I. В. Булгаринъ и Н. П. Гречъ; II. О. Булгаринъ и его «Сѣверный Архивъ»; III. Н. П. Гречъ и его «Сынъ Отечества»; IV. Булгаринъ послѣ 14-го декабря 1825 года. Сообщилъ П. Д. . . . . 559—591
- VII. Герцогиня Богарна. (Окончаніе). П. М. Майкова. 593—614
- VIII. Александръ Ефимовъ. Изложилъ П. Кубасова. 615—628
- IX. Изъ воспоминаній Михайловскаго - Давыдовскаго, 1823 года. Сообщ. П. К. Шильдеръ. . . . . 629—649
- X. Смоленскіе партизаны въ 1812 г. А. Слезкинъ-Скаго. . . . . 651—665
- XI. Англо-французы въ Кентахъ въ 1860 г. А. П. Рѣдкая. . . . . 667—684
- XII. Записная книжка «Русской Старинѣ»: Стихи, приписываемыя П. А. Кривошеину (стр. 484).—Императоръ Александръ I и его гофжурналъ графа П. А. Толстого въ 1815 году (558).—Возвращеніе барона Бенningсена въ армію въ 1812 году. Всподданнѣйшее письмо барона Бенningсена, 20-го августа 1812 г. (392).—Испытаніе полковника Новица. Письмо полковника Поянша къ ген.-лейт. Реву, 21-го июля 1706 г. Сообщилъ М. К. Марченко (650).—0 привитіи янн. Николаемъ I въ непосредственное свое завѣдываніе собственности Ею Величества Капеллярн. Собственноручный рескриптъ имп. Николая гр. Арачьеву, 20-го дек. 1823 г. (666).
- XIII. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Архивъ Брюлловыхъ.

2) Портретъ Софьи Петровны Сѣчяной. Грав. Н. П. Хелмницкія.

Принимается подписка на «Русскую Старину» изд. 1900 г.

Можно получать журналъ за вѣдущіе годы, см. 4 стр. обертки.

Пріемъ посылкамъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественнаго Полеза».

Большая Подольская, 39.

1900.

Digitized by Google

IX-я книжка «Русской Старинѣ» вышла 1-го сентября 1900 г.

Крестьянская реформа въ Новгородской губернии. Записки С. И. Носовича. 1861—1863. Съ предисловіемъ В. И. Семеновскаго. С.-Петербургъ. 1900

Для исторіи подготовленія крестьянской реформы въ первые годы царствования императора Александра Николаевича издано уже не мало матеріаловъ, хотя еще большее количество ихъ хранится въ столичныхъ и провинціальныхъ архивахъ. Матѣе давнихъ выиски о введеніи Положенія 19-го февраля 1861 года. Кое-что, правда, напечатано, — говорить въ своемъ предисловіи В. И. Семеновскій, — но все же мы не имѣемъ свѣдѣній о дѣятельности мировыхъ посредниковъ и присутствій по крестьянскимъ дѣламъ въ первое время по освобожденіи крестьянъ во всей мѣстности Россіи.

Всѣма существеннымъ дополненіемъ къ тѣмъ матеріаламъ, которыми располагаютъ уже въ настоящее время русская наука, служатъ разбирательства пачи весьма интересныя записки генералъ-лейтенанта Сергія Ивановича Носовича о службѣ его по введеніи крестьянской реформы въ Новгородской губернии въ 1861—63 гг. Первоначально эти записки были напечатаны въ X и XI тт. «Историческаго Обзорія» Сборника Историческаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемого подъ редакціей Н. И. Карвена.

Начавъ свое служеніе крестьянскому дѣлу въ Новгородской губернии, С. И. Носовичъ продолжалъ его въ Витебской и Могилевской губерніяхъ. Затѣмъ, въ 1867 г., онъ былъ назначенъ въ Ташкентъ чиновникомъ особымъ порученіемъ при генералъ-губернаторѣ Кауфманѣ; занималъ должность уѣдскаго начальника въ Бокандѣ, былъ председателемъ организационной комиссіи въ Маргеланѣ и командированъ въ Бухару съ порученіемъ, успешнымъ исполненіемъ котораго заслужилъ высочайшую благодарность¹⁾. Послѣ того онъ служилъ въ Болгаріи, во время ея оккупации, и, наконецъ въ 1882 г. былъ назначенъ губернаторомъ въ Иркутскѣ. Прослуживъ тамъ четыре года, онъ, по слабости здоровья, оставилъ это мѣсто, вѣрующивши объ излеченіи, бывшего генералъ-губернатора Туркестанскаго края принять его туда на службу. Прощаясь своего назначенія два года безъ содержанія, С. И. Носовичъ принужденъ былъ выйти въ отставку и скончался 1-го января 1897 г., прослуживъ на государственной службѣ 37 лѣтъ.

Если придется кому-нибудь читать бітаны записки эти о ходѣ крестьянскаго вопроса, — говорить авторъ въ своемъ предисловіи, — то я прошу знать, что онъ писаны подъ впечатлѣніемъ дня, безъ строгой соотвѣтственности предыдущаго къ послѣдующему, т. е. безъ за-

думчиваго плана, а притомъ онъ жадно гонимъ воспоминаніемъ о тѣхъ событіяхъ (началь и высадкахъ, которыми сопровождался для меня мое личное участіе въ реформѣ).

Вотъ въсколько выдержекъ изъ этихъ писемъ.

«Я пріѣхалъ въ Псково¹⁾ два вѣсны года послѣ объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ и былъ не мало удивленъ — читаясь имъ подъ 26-мъ фев. 1861 года, — встрѣтивъ со стороны помѣщиковъ большае имъ мѣшину вліяніе и пасивнѣе въ дѣлѣ моемъ важное для нихъ, вслѣдствіе дѣла въ обществѣ крестьянъ; съ другой стороны я былъ тогда же усвоенъ въ жѣмъ и пріятныхъ ожиданіяхъ набои крестьянъ и темъ правдивѣе въ неопредѣленности и нестойкіи, о которыхъ мнѣ писали въ Ташкентѣ. Я замѣляю, однако, крестьянъ въ обществѣ возбужденномъ, натянутаю оставши дѣла главное же — въ состояніи полнаго бездѣйствія всего того, что ожидаетъ ихъ не только въ настоящее, но и въ будущемъ, во всемъ непосредственно по объявленіи крестьянскаго положенія, которое имъ читали и исторію не могли быти, и читали сами, но исторію не было для нихъ совершенно непонятнымъ. Мысли изъ нихъ (общественныя), продолжалъ С. И. Носовичъ, — понимаятъ всю прелесть пользу реформы въ будущемъ, но прише въ три трудныхъ года заставить ихъ войти въ новое порядку вещей, такъ будто совершенно предому для нихъ.

«По объявленіи манифеста въ Крестьянскаго Положенія, все крестьяне сразу почувствовали неудобство своей неграмотности; они должны были начинать читать или писать, читать имъ своихъ господъ; помещики думали, Положеніемъ подѣ вышвырну, обидѣли и ругали и собирали подати за свои помѣстья въ русской грамотѣ; вообще крестьяне, слыша, что можно научиться читать въ мѣстномъ приходѣ, просили научить ихъ дѣтей; вообще стали охотно посылать ихъ въ школу дѣтнюю свою; такъ дѣти ханжачиваго хереса можно надѣяться, что всезы и вѣны дѣтей много желавшій учиться, такъ что правды авести по одну школу для равныхъ вѣдѣстей».

Говоря о предисловіи въ Новгородѣ 8-го октября 1862 г. тысячелѣтіи Россіи, какъ имъ стоятельница государству, — С. И. Носовичъ утверждаетъ, что единственныи историческимъ вѣсторію этого лѣтъ были въ началѣ, который тысячами прицѣмнухъ на террасахъ въ Новгородѣ изъ окрестныхъ деревень. Нужно имъ зать, — продолжаетъ онъ, — что дворянство ему оставалось совершенно равнодушнымъ ко всему приготопленіямъ, необходимыми для ирива государя, такими образами, что нужно было

¹⁾ Записки Носовича о посольствѣ въ Бухару напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1898 г., т. XLV (№ 8 и № 9).

¹⁾ Село Деманскаго уѣзда Новгородской губернии.

СОФІЯ ПЕТРОВНА

СВѢЧИНА.

Воспоминанія о нѣкоторыхъ лицейскихъ товарищахъ.

Михаилъ Васильевичъ Буташевичъ-Петрашевскій.

Июнь 1849 года былъ отмѣченъ печальною исторіею, извѣстною подъ именемъ «дѣла Петрашевскаго». Оно выдвинуло изъ не-извѣстности человѣка, вовсе не рожденнаго для того, чтобы занимать какую-либо роль на исторической сценѣ. И един-ственно сдѣланію особуемыхъ обстоятельствъ обязанъ онъ тѣмъ, что сталъ своего рода извѣстностью. Судьба какъ бы сама взялась сдѣлать то, о чемъ онъ всегда думалъ—и чего всегда желалъ— быть не такъ, какъ всѣ люди.

Я зналъ Петрашевскаго съ лицейской скамьи; мы были товарищами, хотя и не однокурсниками: я былъ — IX курса, выпущеннаго въ 1838 году, а онъ X курса выпуска 1839 года. Въ его курсѣ, состоя-вшемъ изъ 20 воспитанниковъ, въ числѣ которыхъ были А. В. Голо-вининъ, М. Хр. Рейтернъ, баронъ А. П. Николаи, и др.,—онъ одинъ вы-пущенъ съ чиномъ XIV класса. При его несомнѣнно хорошихъ спо-собностяхъ и живости ума, и при той легкости, съ какою въ тогдаш-немъ Лицеѣ, при тогдашнемъ не очень значительномъ объемѣ всего преподаванія, можно было при выпускѣ и болѣе высокіе чины,—выйти коллежскимъ регистраторомъ—это нельзя иначе назвать, какъ «быть не какъ всѣ».

Что не недостатокъ способностей былъ причиною такого фіаско окончанія Петрашевскимъ лицейскаго курса, доказательствомъ служить то, что онъ тотчасъ послѣ выпуска, пользуясь правомъ, которое въ то время было предоставлено лицейстамъ, поступилъ въ Петербургскій уни-верситетъ и не далѣе, какъ 19-го августа 1841 года совѣтомъ универ-ситета удостоенъ, по успѣхамъ въ наукахъ, степени кандидата юриди-ческаго факультета. Поступивъ на службу въ министерство иностран-

ныхъ дѣлъ по департаменту внутреннихъ сношеній, онъ въ 1840 г. опредѣленъ третьимъ переводчикомъ, а въ 1843 году перемѣщенъ во вторые переводчики.

Въ бытность свою въ Лицеѣ, Петрашевскій отличался такими странностями, что въ общемъ мнѣніи товарищей онъ слылъ за взбалмошнаго и вздорнаго мальчишку. Онъ производилъ впечатлѣніе избалованнаго «матушкина сына», котораго въ дѣтствѣ слишкомъ захвалили, и который привыкъ считать дозвоительною всякую свою фантазію. У такихъ дѣтей легко развивается непомерное самолюбіе и самонадѣянность, особенно же, если тѣ годы, въ которыхъ человекъ всего сильнѣе испытываетъ на себѣ вліяніе окружающей среды, протекли въ семействѣ, незнакомомъ съ правилами благовоспитанности, уже смолода дисциплинирующими съ нѣкоторой стороны нашу волю и приучающими насъ даже во внѣшности и въ самыхъ незначительныхъ поступкахъ не позволять себѣ ничего, что по принятымъ обычаямъ считается неприличнымъ. Эти двѣ причины — избалованность и неблаговоспитанность, въ связи съ чрезмернымъ самолюбіемъ, — выродились у Петрашевскаго въ несчастную страсть — оригинальничать, которая и погубила его. Онъ всегда и вездѣ, гдѣ только могъ, старался «не быть какъ всѣ». Такъ, будучи чиновникомъ такого министерства, въ которомъ корректность въ костюмѣ считается строго обязательною, онъ ходилъ по улицамъ въ какомъ-то широкомъ плащѣ и въ шляпѣ съ самыми широкими полями — въ настоящемъ сомбреро, скандализируя тѣмъ своихъ сослуживцевъ дипломатовъ и съ явнымъ намѣреніемъ обратить на себя вниманіе полиціи, такъ какъ въ высшемъ правительствѣ не очень благосклонно смотрѣли на всякія эксцентричности въ костюмѣ на улицахъ. Однажды, какой-то тароватый французъ привезъ изъ Парижа модную новинку, которую надѣялся пустить въ ходъ въ Петербургѣ — мужскія шляпы, у которыхъ верхъ тулья состоялъ не изъ круга, какъ у теперешнихъ цилиндровъ, а изъ квадратнаго четырехугольника, какъ у уланскихъ шапокъ, — и первымъ, явившимся въ такой смѣшной обновкѣ, на Невскомъ, въ часы наибольшаго тамъ оживленія, былъ, конечно, не кто иной, какъ Петрашевскій. Пріятели смѣялись надъ нимъ, и это его тѣшило. Одинъ изъ нихъ, Я. Т. Спѣшневъ говаривалъ ему: «Ты, дружище, дѣлаешь все возможное, чтобы быть высѣчену въ полиціи, а полиція тебя презираетъ и не хочетъ тебя сѣчь. Вѣдь это, какъ ты себѣ хочешь, а обидно для тебя».

Въ то время гражданскіе чиновники не могли носить бороды, усы и длинныхъ волосъ на головѣ, а Петрашевскій, изъ погони за оригинальностью, отростилъ себѣ длинную шевелюру и съ кудрями по плечамъ явился на службу въ министерство. Директоръ департамента долго косился на него за это, но такъ какъ Петрашевскій не хотѣлъ понять

этихъ нѣмыхъ внушеній, то директоръ поручилъ одному изъ чиновниковъ передать ему уже на словахъ совѣтъ остричься. На другой день Петрашевскій является съ тѣми же длинными волосами, и директоръ, выведенный изъ терпѣнія, уже самъ обратился съ нему съ укоризной за неисполненіе приказанія.

— Я не только исполнилъ приказаніе вашего превосходительства, — отвѣчалъ Петрашевскій, приподнимая на головѣ парикъ, — но и обрился.

Подобныя выходы были его обыкновеннымъ занятіемъ.

Все это были школьничества и глупыя школьничества, недостойныя взрослога человѣка; но они рисуютъ вполнѣ Петрашевскаго: его вѣчную страсть — оригинальничать, простиравшуюся до того, что онъ не чувствовалъ, какъ дѣлается черезъ то смѣшнымъ и жалкимъ. Весь онъ былъ какимъ-то умственнымъ недоносомъ, неспособнымъ сообразовать свои поступки съ разумно сознаною цѣлью. Онъ много читалъ, но все прочитанное не претворялось въ его умѣ въ связанное цѣлое и не шло на образованіе твердыхъ убѣжденій. Живи онъ въ болѣе спокойное время, онъ вѣроятно свѣковалъ бы благополучно, съ незавидною репутаціею смѣшного, но безвреднаго чудака. А между тѣмъ, обстоятельства времени, въ которомъ ему, волею судебъ, пришлось жить, сдѣлали его героемъ трагедіи, внесшей его имя въ исторію, какъ государственнаго преступника, хотя и комическаго, по выраженію барона М. А. Корфа.

Петрашевскій, выйдя въ свѣтъ изъ стѣнъ Лицея, долженъ былъ ощущать недостатокъ въ обществѣ. Какъ актеру нужны зрители, такъ ему нужны были люди, передъ которыми онъ могъ бы рисоваться своею эксцентричностью. Не имѣя большой родни, лишенный даже пріятельскихъ отношеній къ школьнымъ товарищамъ, которые для вступающаго на жизненное поприще обыкновенно составляютъ первое общество, но съ которыми у него никогда не было особаго сближенія, онъ задумалъ самъ создать вокругъ себя свое общество и уже съ 1845 года завелъ у себя «пятницы», т.-е. то, что въ свѣтѣ называется *jeuxs fixes*, съ тою разницею, что въ свѣтѣ такіе журъ-фиксы для людей въ извѣстномъ положеніи, имѣющихъ большой кругъ знакомства, служатъ средствомъ поддержанія общественныхъ связей, тогда какъ Петрашевскій, наоборотъ, еще самъ долженъ былъ вербовать для себя знакомыхъ для того, чтобы «пятницы» могли состояться. И какія же знакомства могъ онъ дѣлать — человѣкъ безъ всякаго общественнаго положенія, не представлявшій и самъ собою, за исключеніемъ странностей, ничего интереснаго и привлекательнаго. Легко себѣ представить, что такое были эти справа и слѣва, безъ разбора, нахватанныя знакомства — большею частью такіе же юнцы, какъ онъ самъ, изъ разныхъ слоевъ общества, разныхъ профессій и званій, люди, случайно встрѣченные гдѣ-нибудь и зазванные на чашку чаю, — молодежь, еще не слишкомъ занятая

серьезнымъ дѣломъ и не знающая подчасъ куда сунуться вечеромъ, штатскіе и военные, молодые офицеры и юнкера, учителя и студенты, новички въ службѣ по министерствамъ, въ особенности по департаменту внутреннихъ сношеній, сослуживцы Петрашевскаго. Между всѣми ими было только одно общее: юность, еще не тронутая опытомъ жизни, юность до глубины мозга, которой все еще кажется легкимъ и возможнымъ, которой еще «море по колѣно». Не трудно себѣ представить, чѣмъ могли быть разговоры въ такой разнохарактерной и разношерстной компаніи, собиравшейся у Петрашевскаго, когда «языкъ безъ костей», не умудренный еще жизненнымъ опытомъ, былъ выпускаемъ въ четырехъ стѣнахъ на полную свободу, внѣ всякихъ стѣсненій не только со стороны полиціи и цензурной ферулы, но иногда даже и здраваго смысла. Тутъ даже и люди, обыкновенно очень смирнаго образа мыслей, могутъ, въ жару задорнаго спора, высказывать такіа мнѣнія, которыя если бы были въ то время зачерчены незримымъ фонографомъ, показались бы имъ самимъ сумасбродными. А мы знаемъ изъ показанія Ѳ. М. Достоевскаго, одного изъ участниковъ «пятницъ» Петрашевскаго, какую роль играли споры въ этихъ собраніяхъ. «Въ обществѣ, которое собиралось у Петрашевскаго»,—говоритъ Достоевскій ¹⁾,—«не было ни малѣйшей цѣлости, ни малѣйшаго единства, ни въ мысляхъ, ни въ направленіи мыслей. Казалось, это былъ споръ, который начался одинъ разъ съ тѣмъ, чтобъ никогда не кончиться. Во имя этого спора и собиралось общество,—чтобы спорить и деспориться. Безъ споровъ у Петрашевскаго было бы чрезвычайно скучно, потому что одни споры и противорѣчія и могли соединить этихъ разнохарактерныхъ людей. Говорилось обо всемъ и ни о чемъ исключительно, и говорилось такъ, какъ говорится въ каждомъ кружкѣ, собравшемся случайно... Я участвовалъ иногда въ спорахъ у Петрашевскаго... и не пугался, когда слышалъ иное горячее слово... въ увѣренности, что тутъ дѣло происходило семейственно, въ кругу общихъ знакомыхъ и пріятелей, а не публично».

Самъ Петрашевскій былъ страстный спорщикъ. Еще въ Лицеѣ особымъ удовольствіемъ его было заводить диспуты со своими товарищами, а одинъ изъ гувернеровъ, добрыйшій Алексѣй Ивановичъ Кохъ бывалъ нерѣдко его жертвою; это былъ человекъ болѣзненно-нервный и поэтому легко раздражавшійся, и Петрашевскій забавлялся тѣмъ, что, заведя съ нимъ какую-нибудь бесѣду, доводилъ его, своими возраженіями и софизмами, до крайняго изступленія, до «бѣло-калильнаго жара», къ явному вреду для его здоровья. Достоевскій, въ вышеупомянутомъ его «показаніи», говоритъ, что Петрашевскому было тягостно вести съ нимъ продолжительный разговоръ, и они оба опасались долго загова-

¹⁾ «Космополисъ», сентябрь 1898 г., стр. 206.

риваться другъ съ другомъ, такъ какъ съ десятого слова они бы оба заспорили, а это ужъ надоѣло.

Сороковые года были во Франціи, какъ извѣстно, временемъ особеннаго оживленія въ области политико-экономическихъ наукъ и появленія разныхъ теорій и системъ, порожденныхъ желаніемъ найти средства для избавленія человѣчества отъ золъ пауперизма и пролетаріата. Таковы были возникавшія тогда ученія сенсимонизма, коммунизма, кабетизма, фурьеризма et tutti quanti. Все это были самыя несбыточные утопіи, грѣшившія тѣмъ, что онѣ были придуманы не для людей, существующихъ въ дѣйствительности, а для какихъ-то идеальныхъ людей, никогда не существовавшихъ и какими они и впредь по всей вѣроятности никогда существовать не будутъ. Одному наиболѣе фантастическому изъ этихъ ученій, фурьеризму, посчастливилось особенно понравиться Петрашевскому, и онъ, какъ человѣкъ, вѣчно суетящійся, вѣчно набирающій на себя какія-нибудь хлопоты, хотя бы и самыя ненужныя, вспалъ на странную мысль распространять у насъ ученіе фурьеризма, очевидно, самъ его хорошенько не понимая и не замѣчая, что въ этой утопіи, достаточно осмѣянной и освистанной даже въ самой Франціи, у насъ никому не было никакой надобности. Въ своемъ ослѣпленіи красотами фаланстеріи, Петрашевскій въ роли пропагандиста фурьеризма проявилъ всю суетливость своей природы, раскрывая прелести этой доктрины посѣтителямъ своихъ пятницъ, заводя у себя для нихъ цѣлую специальную бібліотеку, для раздачи изъ нея для прочтенія книгъ кому только можно, знакомымъ и полужанкомымъ, устроилъ 7-го апрѣля 1849 года въ честь Фурье, въ день его рожденія, обѣдъ съ торжественными тостами и рѣчами, да еще какими! И все это творилось съ большою серіозностью, съ чувствомъ исполненія какого-то великаго подвига, какъ будто дѣло шло о какомъ-то особенно важномъ предметѣ, а не о невинныхъ фантазіяхъ добродушнаго французскаго мечтателя. Если величайшій комизмъ заключается въ никому ненужной дѣятельности, то можно сказать, что Петрашевскій въ роли пропагандиста фурьеризма осуществилъ въ себѣ, въ иной рамкѣ, и *toute proportion gardée*, комическій типъ, сродный тому, какой созданъ Сервантесомъ въ его безсмертномъ «Донъ-Кихотѣ».

Не довольствуясь приобрѣтеніемъ себѣ адептовъ въ средѣ интеллигентной, Петрашевскій пробовалъ проводить излюбленную имъ доктрину и въ болѣе простыхъ души, полагая, повидимому, что для воспріятія его проповѣди довольно имѣть уши. Собравъ однажды дворниковъ домовъ своихъ и сосѣднихъ, онъ прочиталъ имъ лекцію о фурьеризмѣ и спросилъ: «поняли, ребята?»

— Поняли, сударь, поняли, какъ не понять.

Довольный такимъ отвѣтомъ, Петрашевскій далъ имъ по двугри-

венному на брата и пригласилъ придти еще въ другой разъ и привести съ собою и другихъ своихъ товарищей. Когда они снова пришли къ нему, онъ, «давъ волю словъ теченію», угостилъ ихъ еще болѣе длинною лекціею и, отпуская, далъ имъ по пятаку.

— Баринъ!—сказали они, — это маловато будетъ; мы у вашей милости пробыли новѣ долѣе, чѣмъ въ первой, а получили меньше!

Когда потомъ у нихъ спрашивали, чтó говорилъ имъ баринъ, они отвѣчали:

— Что говорилъ! извѣстно, баринъ балуетъ; работы никакой мы у него не дѣлали, а денегъ далъ невѣсть за что.

Не знаю, такъ ли это было; по крайней мѣрѣ, такъ рассказывали смѣясь въ городѣ о подвигахъ этого забавнаго пропагандиста. Если такъ, то, значитъ, Петрашевскій на полстолѣтіе упредилъ Нежлюдова, сбѣснявшаго своимъ крестьянамъ прелести теоріи землевладѣнія амеканца Жоржа.

Я не видѣлся съ Петрашевскимъ съ самаго Лицея; не случилось ни разу встрѣтиться съ нимъ гдѣ-нибудь ни въ обществѣ, ни даже на улицѣ; поэтому былъ нѣсколько удивленъ, когда онъ, въ одинъ прекрасный день, въ февралѣ 1849 года пришелъ ко мнѣ и послѣ первыхъ привѣтствій сказалъ: «а я принесъ тебѣ хорошую книжку, не хочешь ли почитать?» Взглянувъ на заглавіе, я увидѣлъ, что то было сочиненіе Фурье, уже достаточно мнѣ извѣстное. Поэтому я его поблагодарилъ за его желаніе меня просвѣтить, но сказалъ, что книжка мнѣ не нужна, потому что я уже ее знаю.

— Ну, такъ возьми ее и сообщи кому-нибудь изъ своихъ знакомыхъ; книжка запрещенная, и не всякъ можетъ ее достать, поэтому кому-нибудь изъ твоихъ знакомыхъ было бы, можетъ быть, интересно ее почитать.

На такое странное предложеніе я отвѣчалъ, что такихъ знакомыхъ у меня нѣтъ, и отказался принять книжку. Посидѣвъ у меня немного и видя, что разговоръ между нами какъ-то не клеился, онъ собрался уйти, но передъ уходомъ просилъ бывать у него, при чемъ сообщилъ, что по вечерамъ, въ пятницу, онъ бываетъ всегда дома и радъ принимать своихъ добрыхъ пріятелей.

Чтобы не показаться гордецомъ и неучтивцемъ, я нѣсколько времени спустя отправился къ нему отдать визитъ вечеромъ въ пятницу, въ исходѣ февраля или въ самыхъ первыхъ числахъ марта. Онъ жилъ въ своемъ собственномъ домѣ, гдѣ-то въ Коломенской части. Было довольно рано, и я засталъ у него еще небольшое общество: одинъ юнкеръ, какой-то студентъ и какой-то блѣднолицый юнецъ, — вотъ и все; новсего больше меня поразила та обстановка, въ которой Петрашевскій принималъ этихъ «своихъ добрыхъ пріятелей». Это была одна средней величины комната, въ

которой всю мебель составляли старый диванъ, покрытый грязнымъ ситцемъ, очень жесткій для сидѣнія, повидимому, набитый мочалами; нѣсколько грошовыхъ рыночныхъ стульевъ, старый столъ, на которомъ стояла одна сальная свѣчка, составлявшая все освѣщеніе комнаты. Такая обстановка у человѣка, несомнѣнно очень достаточнаго, являлась чѣмъ-то умышленнымъ, преднамѣреннымъ, — отпечаткомъ страсти хозяина оригинальничать, — «быть не какъ всѣ». У него было въ то время, какъ значилось въ его послужномъ спискѣ, въ Петербургѣ два дома — одинъ каменный, другой деревянный, пустопорожнее мѣсто, а въ Петербургской губерніи 250 душъ крестьянъ, да у матери его было въ Новгородской губерніи 150 душъ и въ Петербургѣ два каменныхъ дома.

Вступая въ такое неожиданное общество, въ неожиданной обстановкѣ, я не могъ въ первую минуту достаточно овладѣть собою, чтобы скрыть свое изумленіе, и это, кажется, было замѣчено присутствовавшими; и какъ мы ни пытались завязать, изъ приличія, какой-нибудь разговоръ на самыя ходячія банальныя темы, ничего не выходило; чувствовалась съ той и другой стороны какая-то натянутость, не позволявшая намъ разговариваться. Впрочемъ, пробовалъ говорить о чѣмъ-то одинъ Петрашевскій, а его «добрые пріятели», юнцы, сколько помню, почти не раскрыли рта. Посидѣвъ немного, сколько требовала учтивость, я выдумалъ какой-то предлогъ, чтобы сократить свое посѣщеніе и распростился съ Петрашевскимъ, котораго я потомъ уже ни разу не видалъ. И благо мнѣ было; видно, я родился подъ счастливою звѣздою. Впослѣдствіи оказалось, что та пятница, въ которую я такъ неудачно сунулся къ Петрашевскому, была одною изъ послѣднихъ, если даже не самою послѣднею, передъ пятницею 11-го марта 1849 года, съ которой началъ постоянно посѣщать собранія у Петрашевскаго особый тайный агентъ, составившій тотъ списокъ всѣхъ участниковъ этихъ собраній, который послужилъ первою основою сперва для слѣдствія, а потомъ для суда надъ ними.

О пятницахъ Петрашевскаго зналъ весь городъ, но зналъ такъ, что о нихъ говорили не иначе какъ смѣясь; знала о нихъ и полиція, которая не упускала ихъ изъ вида, но не находила въ нихъ ничего такого, что требовало бы ея вмѣшательства и репрессіи. Но настала 1848 годъ, грянула въ Парижѣ февральская революція со всеми ея послѣдствіями, и картина перемѣнилась. Роль, какая въ эту революцію выпала на долю коммунистовъ, бросила черную тѣнь и на фурьеризмъ. Пропагандированіе этой мирной системы, казавшееся дотолѣ лишь комическою затѣею чудака, получило значеніе дѣла опаснаго для государственнаго спокойствія. Безумные разговоры, бывшіе у неразумныхъ посѣтителей «пятницъ» Петрашевскаго, сдѣлались предметомъ ближайшаго наблюденія, а потомъ обширнаго слѣдствія, которымъ, по замѣчанію М. А. Корфа,

«обнаружено, что дѣло отнюдь не имѣло ни такой важности, ни такого развитія, какія въ началѣ придавали ему слухи и что все дѣло представляло болѣе видъ безумія, нежели преступленія». О добладѣ, представленномъ по дѣлу Петрашевскаго слѣдственной комиссіею, баронъ Корфъ въ своихъ «Запискахъ» говоритъ, что «члены называли это дѣло — заговоромъ идей, чѣмъ и объясняли трудность дальнѣйшихъ раскрытій: ибо если можно обнаруживать факты, то какъ же уличить въ мысляхъ, когда онѣ не осуществились еще никакимъ проявленіемъ, никакимъ переходомъ въ дѣйствіе?» ¹⁾

«Дѣло Петрашевскаго» кончилось 22 декабря 1849 г. на Семеновскомъ плацу сценою, рельефно описанною барономъ Корфомъ ²⁾, и въ этотъ же день 28-ми лѣтній виновникъ этого дѣла отправленъ на безсрочныя каторжныя работы въ рудникахъ Сибири, гдѣ и умеръ въ 1867 году.

К. Веселовскій.

¹⁾ «Русс. Стар.» 1900, май, стр. 278 и 279.

²⁾ Тамъ же, стр. 279 и 280. О томъ же въ «Матеріалахъ для жизнеописанія Ф. М. Достоевскаго», О. Ф. Миллера въ Полн. Собр. сочиненій Ф. М. Достоевскаго, Спб. 1883, Том. I, стр. 121 и слѣд.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

IX 1).

Перемѣна административныхъ дѣятелей.—Удаленіе Новосильцова, графа Строганова, гр. Кочубея и Вязмитинова.—Кончина гр. Васильева.—Назначеніе министрами: Голубцова, кн. Куракина, графа Румянцева и гр. Аракчеева.—Характеристика новыхъ министровъ.—Посольство Савари и Коленкура.—Внутреннее положеніе Россіи.—Разладъ между обществомъ и правительствомъ.—Положеніе Александра.—Нерасположеніе общества къ Наполеону и его представителямъ.

Императоръ Александръ сознавалъ, что внутреннее состояніе государства требовало коренныхъ преобразованій, но, чувствуя свое одиночество въ государствѣ и въ виду политическаго положенія Россіи, не считалъ возможнымъ приступить къ этому немедленно.

Возвратившись изъ Тильзита въ Петербургъ и встрѣтившись съ Н. Н. Новосильцовымъ, Александръ сказалъ ему:

— Ну, я принялъ (отъ Наполеона) орденъ Почетнаго Легіона.

— Теперь,—отвѣчалъ Новосильцовъ,—оставаясь на службѣ, я могъ бы повредить новому союзу вашего величества и новой вашей политикѣ. Наполеону извѣстна моя личная къ нему вражда и моя пріязнь къ Англіи: слѣдовательно, пока я при васъ, онъ не можетъ полагаться на искренность вашихъ чувствъ. Чтобы упрочить довѣріе новаго вашего союзника, вамъ никакъ нельзя долѣе держать меня при себѣ. Вы, напротивъ, должны меня прогнать и прогнать гласно.

1) См. «Русскую Старину» 1899 г. № 8 (августъ).

Воспитанный въ Англіи и постоянный сторонникъ союза съ этою державою, Н. Н. Новосильцовъ не скрывалъ, что сближеніе съ Наполеономъ и новая политика Россіи противна его видамъ и убѣжденіямъ. Высказанныхъ словъ было достаточно, чтобы императоръ Александръ потерялъ расположеніе къ Новосильцову, но какъ человекъ, тонкій въ обращеніи съ людьми, императоръ не сразу отдалилъ отъ себя бывшего своего любимца.

Занимая весьма важный постъ: «при особо порученныхъ отъ его императорскаго величества дѣлахъ», Новосильцовъ постепенно лишился личныхъ докладовъ государю и вообще доступа къ нему. Тѣмъ не менѣе, не скрывая своихъ убѣжденій, онъ гласно осуждалъ новую политику петербургскаго кабинета и, послѣ неосторожныхъ словъ, сказанныхъ имъ на одномъ многочленномъ обѣдѣ, окончательно порвалъ тѣ отношенія, которыя существовали между нимъ и государемъ.

«Александръ Тургеневъ давно въ Петербургѣ,—сообщалъ Я. И. Булгаковъ своему сыну ¹⁾»,—писалъ, но вдругъ пересталъ: или недосугъ или оттого, что начальнику его Новосильцову, говорятъ, не хорошо. Ему велѣно выѣхать изъ дворца, гдѣ онъ жилъ». Вскорѣ послѣ того Новосильцовъ дѣйствительно уѣхалъ за границу ²⁾.

15-го августа 1807 года скоростижно скончался одинъ изъ выдающихся дѣятелей, министръ финансовъ графъ Алексѣй Ивановичъ Васильевъ. Потерю эту считали тогда весьма чувствительною для Россіи.

Работникъ по финансовой части въ теченіе трехъ царствованій: Екатерины II, Павла I и Александра I, онъ постоянно обращалъ на себя вниманіе и умѣлъ обойтись безъ чрезвычайныхъ мѣръ во время войны съ Франціею въ 1805—1807 г. г. Это одно уже характеризуетъ его финансовыя способности и административную дѣятельность.

Сожалѣя о кончинѣ графа, императоръ Александръ въ указѣ Сенату 18-го августа 1807 г. между прочимъ писалъ:

¹⁾ Въ письмѣ изъ Москвы отъ 7-го ноября 1807 г. „Русск. Арх.“ 1898 г. № 2, 219.

²⁾ Впослѣдствіи, въ 1809 году, князь А. Чарторыйскій старался оправдать Новосильцова въ глазахъ императора. „Я постарался,—говоритъ онъ,—навести его (Александра) на Новосильцова и на извѣстный доносъ, недавно сдѣланный на насъ обоихъ. Какъ только императоръ замѣтилъ, къ чему я веду рѣчь, онъ прервалъ меня, сказавъ, что это дѣло поконченное, что я тутъ замѣшанъ лишь косвенно, ибо остался безучастнымъ въ то время, какъ г. Новосильцовъ велъ самыя странныя рѣчи въ мѣстѣ столь публично, какъ трактиръ. Дѣло шло объ обѣдѣ, на которомъ Новосильцовъ будто бы разсуждалъ о письмѣ, недавно полученномъ его величествомъ отъ Наполеона. Императоръ былъ весьма раздраженъ. Я защищалъ, какъ умѣлъ, Новосильцова, но все было напрасно“. („Русскій Арх.“ 1871 г. № 4 и № 5, стр. 752 и 753).

«Въ царствованіе наше, управляя всѣми отраслями государствен-ныхъ доходовъ и расходовъ, неуспынными трудами своими, содержалъ онъ многочисленную часть сію не только въ строжайшемъ порядкѣ и цѣлости, но со времени образованія министерствъ вновь устроилъ вѣр-реннѣйшій управленію его департаментъ, присовокупя къ оному новые источники доходовъ, и въ самыя трудныя времена, при чрезвычайныхъ государственныхъ нуждахъ, благоразуміемъ и опытностію своею, избиралъ наилучшіе способы къ исправленію всѣхъ оборотовъ, къ его части принадлежащихъ, содѣйствовалъ тѣмъ къ облегченію важнѣйшихъ предпріятій, къ пользѣ и славѣ отечества обращенныхъ.

«Сверхъ таковыхъ достоинствъ и заслугъ государственнаго чело-вѣка, представлялъ онъ собою въ домашней жизни примѣръ добродѣ-тельного гражданина. И по всѣмъ симъ отношеніямъ, приобрѣвшимъ ему всеобщее уваженіе и наше особенное благоволеніе и довѣренность, заслуживаетъ онъ пребыть въ памяти признатель-наго отечества» ¹⁾.

Мѣсто графа Васильева занялъ племянникъ его, Голубцовъ, чело-вѣкъ далеко не такихъ способностей, какъ даровитой и опытный его дядя.

Въ ноябрѣ 1807 года оставилъ свою должность и другой близкій совѣтникъ Александра, графъ В. П. Кочубей. Саратовскій губернаторъ Бѣляковъ, за злоупотребленія, былъ удаленъ отъ должности и отданъ подъ судъ помимо министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея, ему покровительствовавшего. Честолюбивый министръ, оскорбясъ наруше-ніемъ того, что считалъ принадлежностію своей власти, а еще болѣе возбужденнымъ этимъ дѣломъ личными объясненіями съ государемъ, просилъ объ увольненіи его отъ должности. Подъ предлогомъ болѣзни, графъ Кочубей уѣхалъ въ безсрочный отпускъ и министромъ внутрен-нихъ дѣлъ былъ назначенъ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, бывший въ то время малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ.

Противникъ Наполеона графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, вслѣдствіе измѣнившихся къ нему отношеній императора, также нахо-дилъ невозможнымъ оставаться въ прежнемъ положеніи совѣтника государя, былъ переименованъ изъ тайныхъ совѣтниковъ въ генералъ-майоры, назначенъ генералъ-адъютантомъ и поступилъ на службу въ войска.

Графъ Павелъ Александровичъ былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ, честнѣйшихъ и благонамѣреннѣйшихъ людей, бывшихъ при дворѣ Але-ксандра I. «Ангель душою, съ умомъ свѣтлымъ и глубокимъ, съ высо-

¹⁾ «Графъ А. И. Васильевъ, первый министръ финансовъ въ Россійской имперіи». „Русская Старина“ 1893 г. № 3, стр. 577.

кимъ образованіемъ, графъ П. А. любилъ Россію выше всего въ мірѣ и обожалъ государя, въ которомъ чтилъ высокія дарованія и пламенное желаніе къ просвѣщенію и возвеличенію отечества» ¹⁾. Отецъ не желалъ, чтобы единственный сынъ его служилъ въ военной службѣ, и графъ Павелъ Александровичъ состоялъ при императорѣ въ гражданскомъ чинѣ. Во время войны съ Наполеономъ графъ Строгановъ находился въ главной квартирѣ государя чиновникомъ по дипломатической части.

Гражданская служба не удовлетворяла его и среди военныхъ дѣйствій, съ разрѣшенія атамана Платова, графъ съ полкомъ донцовъ произвелъ смѣлый набѣгъ на непріятеля. Переправившись вплавь черезъ рѣку Алле, онъ напалъ врасплохъ на французовъ, разсѣялъ ихъ, захватилъ много плѣнныхъ и этимъ отважнымъ подвигомъ снискалъ себѣ всеобщую похвалу и уваженіе. Дальнѣйшій жребій его былъ рѣшенъ; отецъ позволилъ ему перейти въ военную службу, и графъ воспользовался этимъ позволеніемъ, сознавая, что обстоятельства измѣнились и прежнее положеніе было для него невозможно. «Императоръ Александръ называлъ его своимъ другомъ—и этотъ другъ всегда говорилъ ему правду». Графъ Строгановъ постоянно являлся заступникомъ безвинно угнетенныхъ злоупотребленіями власти и вполнѣ оправдывалъ слова Державина, обращенныя къ вельможѣ:

Вашъ долгъ, Монарху, Богу, Царству
Служить и клятвой не играть,
Неправдѣ, злобѣ, мздѣ, коварству
Пути повсюду пресѣкати!

Не чувствуя себя въ силахъ идти по этому пути, графъ П. А. Строгановъ удалился.

Ушелъ и бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Будбергъ, настаивавшій на продолженіи военныхъ дѣйствій и ненавидѣвшій французскаго императора. «Будбергъ былъ стѣявленный врагъ Наполеона,—говоритъ С. М. Соловьевъ ²⁾,—который, не рѣшаясь прямо потребовать у Александра смѣны министра, какъ потребовалъ у Фридриха-Вильгельма смѣны Гарденберга, однако позволялъ себѣ выходы противъ Будберга. Не Будбергъ велъ переговоры, не онъ подписался подъ тильзитскимъ договоромъ. При видимой перемиріи системы нельзя было ему оставаться министромъ».

Баронъ Будбергъ, смѣнявшій князя Чарторыжскаго, уже тѣмъ самымъ приобрѣлъ себѣ въ немъ врага. Давно уже онъ настаивалъ на смѣнѣ

¹⁾ Воспоминанія Ѳ. В. Булгарина, изд. 1847 г., т. III, стр. 177.

²⁾ «Императоръ Александръ», изд. 1877 г., стр. 164.

Будберга и военнаго министра Вязмитинова, который ему тоже не нравился.

«Выставивъ бѣдствія, грозящія Россіи,—отвѣчалъ ему императоръ Александръ ⁴⁾),—вы предлагаете для избавленія отъ нихъ: 1) чтобы я объявилъ себя королемъ польскимъ; 2) смѣнилъ министровъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ. Было бы долго входить въ разсужденія по первой статьѣ, что же касается второй, то объявляю, что доволенъ службою обоихъ министровъ. Кромѣ того, я не вижу никого, кто бы могъ ихъ замѣнить. Не генералъ ли Сухтеленъ? Говорю громко, что не нахожу въ немъ способностей нужныхъ для военнаго министра, и предпочитаю Вязмитинова.... Надобно, чтобы я уважалъ тѣхъ, съ которыми работаю; только при этомъ условіи могу имъ довѣрять».

По возвращеніи изъ Тильзита мнѣніе императора объ обоихъ министрахъ совершенно измѣнилось. Подъ предлогомъ болѣзни, Будбергъ былъ уволенъ, и съ сентября 1807 года мѣсто его занялъ графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, остававшійся вмѣстѣ съ тѣмъ и министромъ коммерціи. Назначеніе это было полнымъ торжествомъ для немногихъ сторонниковъ союза съ Франціею и встрѣчено непріязненно противною партіею.

«Достойные слуги его (Александра),—пишетъ Н. И. Гречъ ⁵⁾),—были удалены или удалились сами. Возвысились глупые и недобрые Куракины (и) не способный говорунъ Румянцовъ».

«Не имѣю я надобности, писалъ позже фельдмаршалъ князь Прозоровскій ⁶⁾),—описывать личныхъ его (Румянцова) достоинствъ; они вамъ извѣстны: чего же тутъ добраго ожидать? Его, конечно, купить нельзя; но онъ не болѣе какъ un animal à manger du foie».

Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ былъ человѣкъ высокообразованный, страстный любитель наукъ и художествъ. Онъ располагалъ огромнымъ состояніемъ, дѣлавшимъ его человѣкомъ совершенно независимымъ. Если бы онъ и не занималъ высокой должности, то по своему уму, привѣтливости имѣлъ бы всегда большое вліяніе на общество; но, къ сожалѣнію, это былъ человѣкъ слабаго характера.

Не проходя службы въ мелкихъ чинахъ и назначенный прямо камергеромъ, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, графъ Румянцовъ не зналъ хода административной машины, и потому окружавшіе его чиновники всегда имѣли большое вліяніе на дѣла и часто злоупотребляли его именемъ. При учрежденіи Государственнаго Совѣта императоръ Александръ назначилъ Румянцова членомъ его, а при обра-

⁴⁾ С. М. Соловьевъ. «Императоръ Александръ I», изд. 1877 г., стр. 164.

⁵⁾ Въ своихъ запискахъ, стр. 264 и 265.

⁶⁾ Князю С. Ф. Голицыну въ письмѣ отъ 23-го іюля 1809 г. «Русскій Арх.» 1876 г. № 6, стр. 57 и 58.

зованіи министерствъ—министромъ коммерціи. Это министерство графъ Николай Петровичъ сохранилъ за собою и теперь и сверхъ того былъ директоромъ вновь учрежденнаго департамента водяныхъ сообщеній (коммуникацій). При всемъ своемъ правосудіи, честности и пламенной любви къ общему благу, Румянцовъ, обремененный множествомъ дѣлъ и не углубляясь въ канцелярскія тонкости, не могъ искоренить злоупотребленій и безпорядковъ въ управленіи. Про высшихъ чиновниковъ Коммерцъ-Коллегіи рассказывали самыя вопіющія вещи, и графъ Румянцовъ не обращалъ на нихъ вниманія; ему говорили, что это клевета, зависть, и графъ считалъ своею обязанностію защищать преданныхъ ему людей. Эта защита налагала на него печать неспособнаго государственнаго дѣятеля.

Графа Румянцова считали сторонникомъ Наполеона потому, что онъ указывалъ не разстройство финансовъ, на необходимость устроить войска, упрочить начатыя преобразованія внутри имперіи и слѣдовательно до времени жить въ мирѣ съ Франціею.

Вскорѣ послѣ Будберга былъ уволенъ и Вязмитиновъ отъ должности военнаго министра.

Сергій Кузьмичъ Вязмитиновъ, впоследствии графъ, съ которымъ намъ придется не разъ встрѣчаться, былъ сынъ небогатаго дворянина Курской губерніи. Почти ребенкомъ онъ былъ записанъ въ полкъ, тамъ квартировавшій и затѣмъ переведенный въ Петербургъ для содержанія карауловъ. Президентъ Военной коллегіи графъ З. Г. Чернышевъ потребовалъ отъ полка въ свою канцелярію одного унтеръ-офицера, умѣющаго хорошо писать. Полкъ отправилъ С. К. Вязмитинова. Тамъ онъ скоро снискалъ себѣ благосклонность сначала правителя канцеляріи, а потомъ и самого гр. Чернышева, который сдѣлалъ его своимъ флигель, а потомъ генеральсь-адъютантомъ. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ Вязмитиновъ состоялъ при графѣ Чернышевѣ, управляя его канцеляріею и всѣми дѣлами. За участіе въ устройствѣ Вѣлорусскихъ губерній императрица Екатерина II пожаловала Вязмитинову 800 душъ крестьянъ въ Вѣлоруссію. Съ производствомъ въ полковника Сергій Кузьмичъ былъ назначенъ командиромъ Вологодскаго мушкетерскаго полка, «который онъ довелъ до того, что полкъ этотъ служилъ образцомъ въ арміи». Потомъ сформировалъ онъ Сибирскій гренадерскій полкъ; но съ производствомъ въ генераль-маіоры, по болѣзни глазъ, принужденъ былъ оставить строй и былъ назначенъ сначала губернаторомъ въ Могилевъ, а затѣмъ сенаторомъ.

Зная лично Вязмитинова, императрица Екатерина II, по полученіи извѣстій о безпорядкахъ въ Башкиріи, назначила его уфимскимъ генераль-губернаторомъ, гдѣ онъ и оставался до вступленія на престолъ императора Павла I. Послѣдній пожаловалъ ему тысячу душъ въ Мин-

ской губерніи, вызралъ его изъ Уфы, сдѣлалъ комендантомъ Петропавловской крѣпости и генералъ-кригсъ-коммиссаромъ. Со вступленіемъ на престолъ императора Александра I Вязмитиновъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, назначенъ вице-президентомъ Военной коллегіи, а при учрежденіи министерствъ — военнымъ министромъ и главнокомандующимъ въ С.-Петербургѣ.

Безпорядки по хозяйственной части въ войну 1807 года, въ особенности по довольствію и обмундированію войскъ, требовали радикальныхъ мѣръ къ ихъ искорененію. Старикъ Вязмитинову трудъ такой былъ не по силамъ, тѣмъ болѣе, что постороннія внушенія ослабляли съ каждымъ днемъ довѣріе императора Александра къ военному министру. Государь имѣлъ при себѣ особаго докладчика, генералъ-адъютанта гр. Ливена, черезъ котораго и проходили всѣ дѣла по военной части. Открывшееся послѣ кампаніи лихоимство и, можно сказать, даже хищничество комиссаріатскихъ и провіантскихъ чиновниковъ¹⁾ окончательно лишило Вязмитинова не только довѣрія государя, но и вызвало его немилость. Сергѣй Кузьмичъ былъ уволенъ въ отставку даже безъ мундира, и на его мѣсто былъ назначенъ графъ А. А. Аракчеевъ, который считался врагомъ Вязмитинова.

«Среди военной олигархіи любимцевъ, — писалъ де-Мэстръ²⁾, — вдругъ выросъ изъ земли, безъ всякихъ предварительныхъ знаменій, генералъ Аракчеевъ. Онъ жестокъ, строгъ, непоколебимъ; но, какъ говорятъ, нельзя назвать его злымъ. Я считаю его очень злымъ. Впрочемъ, это не значитъ, чтобы я осуждалъ его назначеніе, ибо въ настоящую минуту порядокъ можетъ быть восстановленъ лишь человѣкомъ подобнаго закала. Остается объяснить, какъ рѣшился его императорское величество завести себѣ в и з и р я: ничто не можетъ быть противнѣе его характеру и его системѣ. Основное его правило состояло въ томъ, чтобы каждому изъ своихъ помощниковъ удѣлять лишь ограниченную долю довѣрія. Полагаю, что онъ захотѣлъ поставить рядомъ съ собою п у г а л о п о с т р а ш и ѣ е, по причинѣ внутренняго броженія, здѣсь господствующаго.

«Аракчеевъ имѣетъ противъ себя обѣихъ императрицъ, графа Ливена, генерала Уварова, Толстыхъ — словомъ, все то, что здѣсь имѣетъ вѣсъ. Онъ все давитъ; передъ нимъ исчезли, какъ туманъ, самыя замѣтныя вліянія».

Прошлое графа Аракчеева не вызываетъ необходимости опровергать слова де-Мэстра, будто-бы онъ выросъ изъ земли безъ всякихъ предварительныхъ знаменій.

¹⁾ См. объ этомъ „Русскую Стар.“ 1898 г. № 12, стр. 500.

²⁾ Въ январѣ 1808 г. „Русскій Арх.“ 1871 г., т. I., стр. 116.

Графъ Алексѣй Андреевичъ служилъ уже третьему императору и былъ извѣстенъ всей Россіи. Сынъ бѣднаго дворянина, гр. Аракчеевъ гордился своимъ происхожденіемъ и древностю своего рода.

«Благодарю васъ,—писалъ онъ С. Н. Глинкѣ¹⁾— за приглашеніе ваше подписаться на изданіе «Русскаго Вѣстника»; онъ мнѣ близкій родня, какъ старому русскому дворянину. Родной мой прадѣдъ, генералъ-маіоръ Аракчеевъ, служилъ въ семь чинѣ, во время Минихова похода къ Очакову. Кажется, что сіи чины тогда были важны и болѣе почтены. А я, бѣдный дворянинъ, воспитанъ былъ совершенно по-русски: учился грамотѣ по часослову, а не по рисовальнымъ картамъ²⁾. Потомъ выученъ будучи читать псалтирь за упокой по своимъ родителямъ, посланъ на службу государя и препорученъ въ С.-Петербургѣ чудотворной Казанской иконѣ, съ такимъ родительскимъ приказаніемъ, дабы я всѣ мои дѣла начиналъ съ Ея соизволенія—чему слѣдую и по сіе время».

По природѣ сухой сердцемъ, чуждый всему изящному, любящій только положительное, основанное на расчетѣ, никогда и ничѣмъ не увлекающійся, Аракчеевъ, поставившій себѣ цѣлью исключительно фронтную службу, шелъ твердо по избранному имъ пути. Человѣкъ не дюжиннаго ума, онъ еще въ молодости счумѣлъ обратить на себя вниманіе начальства.

Поступивъ 20-го іюля 1783 года въ шляхетный артиллерійскій и инженерный корпусъ, Аракчеевъ, въ августѣ 1786 года, за отличные успѣхи въ наукахъ и поведеніи, былъ пожалованъ вызолоченною медалью, установленною за отличіе. «Съ сегодняшняго дня,—писалъ директоръ корпуса кадету Аракчееву³⁾,—вы властны посѣщать классы или заниматься у себя; вы сами себѣ составите планъ наукъ и будете одной совѣсти вашей отдавать въ ономъ отчетъ. Вашъ вѣрный другъ П. Мелиссино».

Съ пятнадцати-лѣтняго возраста Аракчеевъ былъ уже помощникомъ корпусныхъ офицеровъ въ обученіи кадетъ слабыхъ по фронту и наукамъ. При помощи «тычковъ», пинковъ и разныхъ наказаній, Аракчеевъ скоро достигалъ того, что кривые и неуклюжіе кадеты обращались въ прямыхъ и ловкихъ, лѣнтая выучивали свои уроки, а самъ наставникъ пріобрѣталъ себѣ репутацію человѣка способнаго и необыкновенно усерднаго. Эта репутація была настолько прочна, что съ производствомъ Аракчеева, 27-го сентября 1787 года, поручикомъ арміи, онъ, по совѣту

¹⁾ Отъ 4 мая 1808 г. „Отрывокъ изъ письма знаменитаго сына отечества къ издателю „Русскаго Вѣстника“.—„Русскій Вѣстникъ“ 1808 г., №, 5 стр. 244.

²⁾ Первымъ наставникомъ его былъ сельскій дьячекъ, получавшій за уроки четверть ржи и двѣ четверти овса въ годъ.

³⁾ Отъ 4-го апрѣля 1787 года.

Мелиссино, остался при корпусѣ преподавателемъ артиллеріи и математики. За трудъ его при формированіи во время шведской войны при кадетскомъ корпусѣ артиллеріи, за обученіе людей фронту, стрѣльбѣ, лабораторному искусству и наконецъ за составленіе краткихъ артиллерійскихъ записокъ, Аракчеевъ былъ переведенъ въ артиллерію и назначенъ командиромъ особой гренадерской команды, составленной изъ лучшихъ фронтовиковъ трехъ ротъ кадетскаго корпуса.

По просьбѣ Н. И. Салтыкова (впослѣдствіи князя), сына котораго Аракчеевъ обучалъ математикѣ, онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ генералу Мелиссино, рекомендовавшему его потомъ великому князю Павлу Петровичу, какъ офицера очень свѣдущаго и трудолюбиваго.

4-го сентября 1792 г. Аракчеевъ, въ чинѣ капитана, имѣя 24 года отъ роду, прибылъ въ Гатчино и былъ назначенъ командиромъ артиллерійской роты гатчинскихъ войскъ наследника, и съ этого момента началось его быстрое возвышеніе. Человѣкъ нелюдимый; не любившій общества и свѣтскія увеселенія, не отличавшійся ловкостью и тонкостью воспитанія, Аракчеевъ не могъ тягаться съ лицами, окружавшими великаго князя, и потому всецѣло предался служебнымъ занятіямъ. Онъ производилъ ученья, продолжавшіяся по двѣнадцать часовъ въ день, не сходя съ поля. На этихъ ученьяхъ долженъ былъ присутствовать, по волѣ отца, и великій князь Александръ Павловичъ, пріѣзжавшій для того изъ Петербурга въ Павловскъ. Сначала онъ ѣздилъ одинъ разъ въ недѣлю, а съ 1795 года—по четыре раза и занимался маневрами, ученьями и парадомъ. Эти ученья послужили первымъ сближеніемъ Александра съ Аракчеевымъ.

Въ день вступленія своего на престолъ императоръ Павелъ вызвалъ изъ Гатчины Аракчеева и, обратившись къ нему, сказалъ:

— Смотри, Алексѣй Андреевичъ, служи мнѣ вѣрно, какъ и прежде.

Затѣмъ, призвавъ великаго князя Александра Павловича, императоръ сложилъ его руку съ рукою Аракчеева.

— Будьте друзьями,—сказалъ государь,—и помогайте мнѣ.

7-го ноября, на другой день по вступленіи на престолъ, императоръ Павелъ назначилъ великаго князя Александра Павловича полковникомъ въ Семеновскій полкъ, а полковника Аракчеева—комендантомъ г. Петербурга и въ Преображенскій полкъ. Ему было отведено помѣщеніе въ Зимнемъ дворцѣ, въ покояхъ, прежде занимаемыхъ княземъ П. Зубовымъ. На слѣдующій день, 8-го ноября, Аракчеевъ, имѣя 27 лѣтъ отъ роду, былъ произведенъ въ генераль-маіоры, а 13-го ноября—награжденъ орденомъ Св. Анны 1-й степени. Въ день коронованія императора 5-го апрѣля 1797 г. онъ получилъ орденъ Св. Александра Невскаго и баронское достоинство.

Вскорѣ послѣ того, великій князь Александръ Павловичъ былъ на-

значенъ первымъ с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, шефомъ л. гв. Семеновскаго полка, инспекторомъ по кавалеріи и пѣхотѣ С.-Петербургской и Финляндской дивизій, а съ 1-го января 1798 г.—предсѣдателемъ въ военномъ департаментѣ.

Около того же времени и именно 19-го апрѣля 1797 г. Аракчеевъ былъ назначенъ генераль-квартирмейстеромъ всей арміи, а 10-го августа—командиромъ Преображенскаго полка.

Обязанности, возложенныя на великаго князя и барона Аракчеева, какъ коменданта города, вызывали непрерывное сношеніе ихъ другъ съ другомъ. По званію военнаго губернатора, Александръ Павловичъ обязанъ былъ два раза, утромъ и вечеромъ, подавать императору рапортъ о такихъ событіяхъ, которыя прямо или косвенно относились и до вѣдѣній коменданта. Въ рапортахъ этихъ излагались подробности о состояніи гарнизона, о всѣхъ караулахъ и конныхъ патруляхъ, посылаемыхъ по городу и его окрестностямъ, при чемъ за малѣйшую ошибку давался строгій выговоръ. «Великій князь Александръ былъ еще молодъ,—говоритъ Саблуковъ ⁴⁾,—и характеръ его былъ робокъ; сверхъ того онъ былъ близорукъ и немного глухъ; поэтому можно себя представить, что занимаемая имъ должность не была синекурою и стоила ему многихъ бессонныхъ ночей. Оба великіе князя смертельно боялись своего отца и, когда онъ смотрѣлъ сколько-нибудь сердито, блѣднѣли и дрожали, какъ осиновый листъ. Они также искали покровительства у другихъ, вмѣсто того чтобы имѣть возможность (какъ можно было бы ожидать по ихъ высокому положенію) самимъ его оказывать. Поэтому они внушали мало уваженія».

Весьма естественно, что Александръ, сознававшій свою неопытность, обращался за совѣтомъ къ человѣку, съ которымъ ему приходилось имѣть сношеніе чаще, чѣмъ съ другими, человѣку, рекомендованному ему въ «друзья», знающему службу до тонкости, знающему привычки императора и оберегавшему его безопасность. «Нужно было сознаться,—говоритъ Саблуковъ,—что онъ (Аракчеевъ) былъ искренно преданъ своему повелителю и заботливъ о личной безопасности императора» ⁵⁾.

Дружба эта дѣйствительно скоро завязалась, и Александръ весьма часто обращался за совѣтами къ Аракчееву, «почитая лучше спросить хорошаго совѣта, нежели надѣлать вздору». «Прости мнѣ, другъ мой,—писалъ онъ въ одномъ письмѣ къ Аракчееву,—что я тебя беспокою, но я молодъ, и мнѣ нужны весьма еще совѣты, и такъ я надѣюсь, что

⁴⁾ Воспоминанія о дворѣ и временахъ императора Павла I и проч. Русс. Арх. 1869 г., стр. 1896.

⁵⁾ Воспоминанія о временахъ Павла I. Русскій Арх. 1869 г., стр. 1898.

ты меня не оставишь? Прощай, другъ мой, не забудь меня и будь здоровъ». Не только болѣзнь, но и малѣйшее недомоганіе Аракчеева крайне беспокоило Александра Павловича. Онъ просилъ его беречь себя для него изъ опасенія даже временно лишиться его совѣтовъ. «Ради Бога, — писалъ онъ, — побереги себя, если не для себя, то, по крайней мѣрѣ, для меня. Миѣ отмѣнно пріятно видѣть твои расположенія ко миѣ. Я думаю, что ты не сомнѣваешься въ моемъ и знаешь, сколько я тебя люблю чистосердечно¹⁾».

Аракчеевъ шелъ на встрѣчу всѣмъ желаніямъ и просьбамъ великаго князя и, при неуступчивости своего характера, скоро подчинилъ себѣ слабохарактернаго и молодаго Александра, склоннаго поддаться вліянію сильнаго характера. Аракчеевъ сталъ для него человѣкомъ неопѣненнымъ, необходимымъ совѣтникомъ въ сложныхъ порядкахъ тогдашней службы и опекуномъ во всѣхъ поступкахъ неопытнаго административнаго дѣятеля. Всякая разлука съ Аракчеевымъ беспокоила Александра и вызывала желаніе съ «отмѣннымъ нетерпѣніемъ» его видѣть, сознаніе, что ему грустно безъ него, и что онъ ему крайне необходимъ. Александръ видѣлъ въ Аракчеевѣ настолько вѣрнаго и неподкупнаго друга, что писалъ ему витимныя письма, касающіяся частныхъ его отношеній съ императоромъ-отцомъ.

Скоро друга Александра постигла опала, вызванная крутыми мѣрами и жестокими поступками. Будучи командиромъ Преображенскаго полка и генераль-квартирмейстеромъ, Аракчеевъ успѣлъ возбудить ненависть въ своихъ подчиненныхъ. Холодный и придирчивый, овъ старался всюду находить беспорядки и неисправности и рѣдко отдавалъ справедливость усердію и заслугамъ. Повторяя часто преображенцамъ, что «чистыя казармы—здоровыя казармы», Аракчеевъ дѣйствительно достигъ необыкновенной чистоты и опрятности, но для этого нижніе чины, проводившіе большую часть дня на ученьяхъ, по ночамъ мыли полы, чистили улицы и не знали покоя. Часто полковой командиръ жесто наказывалъ солдатъ, осыпалъ офицеровъ выговорами, бранью и вообще обращался съ ними весьма грубо.

Поведеніе Аракчеева, какъ генераль-квартирмейстера, было еще того хуже. По свидѣтельству графа Толя, служба свитскихъ офицеровъ была преисполнена «отчаянія». Съ 7 часовъ утра и до 7 часовъ вечера, съ двухчасовымъ только перерывомъ, Аракчеевъ заставлялъ офицеровъ чертить планы, часто ненужные и устарѣвшіе. Живя надъ чертежною, онъ приходилъ въ нее по нѣсколько разъ въ день, осыпалъ офицеровъ бранью и разъ забылся до того, что молодому колоновожа-

¹⁾ Н. К. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“. Т. I, стр. 177—181.

тому Фитингофу далъ пощечину. Завѣдывающій чертежною подполковникъ Ленъ, сподвижникъ Румянцова и Суворова, украшенный георгиевскимъ крестомъ, будучи обруганъ Аракчеевымъ самымъ площаднымъ образомъ, застрѣлился. Это событіе надѣлало шуму въ городѣ. Ленъ былъ лично извѣстенъ императору Павлу, а изъ оставленнаго имъ письма выяснилась причина самоубійства. 1-го февраля 1798 г. Аракчеевъ былъ уволенъ въ отпускъ для излѣченія болѣзни, а 18-го марта отставленъ отъ службы, съ награжденіемъ, впрочемъ, чиномъ генераль-лейтенанта. Онъ уѣхалъ въ имѣніе Грузино, подаренное ему императоромъ Павломъ. Тамъ онъ получалъ письма великаго князя Александра Павловича, увѣрявшаго его въ неизмѣнности дружбы и выражавшаго желаніе скорѣе его видѣть и беречь свое здоровье. Желаніе наслѣдника скоро исполнилось, и ему же поручено было императоромъ написать, чтобы Аракчеевъ пріѣхалъ въ Петербургъ. 11-го августа 1798 г. Аракчеевъ былъ вновь принятъ на службу, 22-го декабря былъ назначенъ опять генераль-квартирмейстеромъ, а 4-го января 1799 года—командиромъ л. г. артиллерійскаго баталіона и инспекторомъ артиллеріи. На слѣдующій день онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Іоанна Іерусалимскаго съ содержаніемъ по ордену въ 1.000 руб. въ годъ, и, наконецъ, 5-го мая пожалованъ графомъ, при чемъ при утвержденіи герба императоръ Павелъ собственноручно прибавилъ надпись: «б е з ъ л е с т и п р е д а т ь».

Несмотря на всѣ эти милости и вниманіе императора, Аракчеевъ не долго оставался въ Петербургѣ. Въ артиллерійскомъ арсеналѣ, неизвѣстными ворами, былъ обрѣзанъ гадунокъ и золотыя кисти со старинной колесницы, для артиллерійскаго штандарта. Отвѣтственность падала на караулъ, который въ этотъ день былъ отъ л. гв. артиллерійскаго баталіона и которымъ командовалъ родной братъ инспектора артиллеріи. Аракчеевъ донесъ, что караулъ былъ наряженъ отъ полка генераль-лейтенанта Вильде, который и былъ за то отставленъ отъ службы. Вильде обратился къ графу Кутайсову и рассказалъ ему всю правду, а тотъ передалъ все слышанное императору Павлу... «Въ тотъ вечеръ былъ у государя балъ въ Гатчинѣ. Аракчеевъ, ничего не подозревая, явился во дворецъ, но лишь Павелъ его увидѣлъ—послалъ черезъ флигель-адъютанта Кутлубицкаго приказаніе Аракчееву ѣхать домой ¹⁾». На слѣдующее утро, 1-го октября 1799 г., послѣдовалъ высочайшій приказъ, которымъ Аракчеевъ былъ отставленъ отъ службы «з а л о ж н о е д о н е с е н і е», а генераль Вильде принятъ вновь на службу. Эта отставка, интересна для насъ по дальнѣйшему ходу событій.

¹⁾ М. И. Богдановичъ, „Исторія царствованія императора Александра I“ Т. II, приложение, стр. 51.

На вахтъ-парадѣ того же 1-го октября вѣсть объ отставкѣ Аракчеева радостно разнеслась между присутствующими.

Великій князь Александръ Павловичъ, прибывъ также на плацъ до начала развода, подошелъ къ генераль-маіору Тучкову.

— А слышалъ ты объ Аракчеевѣ, — спросилъ онъ Тучкова, — и знаешь, кто вмѣсто него назначенъ?

— Знаю, ваше высочество, — Амбразанцевъ.

— Каковъ онъ?

— Онъ пожилой человекъ, можетъ быть, не такъ знаетъ фронтную часть, но, говорятъ, добрый и честный человекъ.

— Ну, слава Богу; эти назначенія настоящая лотерея; могли попасть опять на такого мерзавца, какъ Аракчеевъ ¹⁾.

Спустя двѣ недѣли послѣ разговора, а именно 15-го октября великій князь Александръ Павловичъ писалъ Аракчееву: «Я надѣюсь, мой другъ, что мнѣ нужды нѣтъ, при семъ несчастномъ случаѣ, возобновить увѣренія о моей непрестанной дружбѣ; ты имѣлъ довольно опытовъ объ оной, и я увѣренъ, что ты объ ней не сомнѣваешься... Повѣрь, что она никогда не переменится... Прощай, другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! не забывай меня, будь здоровъ и думай, что у тебя вѣрный во мнѣ другъ остается». Въ другомъ письмѣ отъ 12-го декабря Александръ писалъ Аракчееву: «Твоя дружба всегда для меня будетъ приятна, и повѣрь, что моя не перестанетъ на вѣкъ ²⁾».

Въ мартѣ 1801 года, по недвѣрью къ окружающимъ, императоръ Павелъ послалъ графу Аракчееву приказаніе прибыть въ Петербургъ. Послѣдній вечеромъ 11-го марта подѣхалъ къ петербургской заставѣ, но былъ задержанъ по распоряженію военнаго губернатора графа Палена. Въ ночь съ 11-го на 12-е марта императоръ Павелъ неожиданно скончался...

Событіе это легло всею тяжестью на душу Александра и отразилось на всей послѣдующей нравственной жизни вновь вступившаго на престолъ императора. Не легко было ему встрѣтиться и съ Аракчеевымъ. Вотъ почему послѣдній оставался на нѣкоторое время безъ всякой дѣятельности; 16-го августа 1801 года ему было разрѣшено носить мундиръ гвардейской артиллеріи ³⁾, а въ апрѣлѣ 1803 года онъ получилъ слѣдующую собственноручную записку императора Александра I: «Алексѣй Андреевичъ! Имѣя нужду видѣться съ вами, прошу васъ пріѣхать въ Петербургъ».

¹⁾ Мнѣніе великаго князя Александра Павловича объ Аракчеевѣ въ 1799 г. „Рус. Старина“ 1871 г., ст. 241 и 242.

²⁾ Н. К. Шильдеръ. „Императоръ Александръ“. Т. I., стр. 177—186.

³⁾ Записка гр. Ливена 16-го августа 1801 года. Арх. канц. воен. минист. — Высочайшія повелѣнія, кн. № 127.

Аракчеевъ тотчасъ же прѣѣхалъ и предсталъ онъ передъ Александромъ «съ сердцемъ чистымъ и духомъ правымъ» ¹⁾ относительно покойнаго отца его императора Павла I. Аракчеевъ могъ сказать, что, при его присутствіи въ Петербургѣ, быть можетъ, и не было бы событія, совершившагося въ ночь съ 11-го на 12-е марта. Эта мысль должна была невольно придти въ голову и молодому императору; онъ помнилъ, какъ отецъ завѣщалъ ему не разлучаться съ Аракчеевымъ, и исполненіе этого завѣщанія стало теперь священною обязанностью для Александра. Безусловно покорный власти, весь преданный долгу, Аракчеевъ стоялъ среди окружающихъ почти одинъ съ чистою совѣстью и какъ бы съ упрекомъ. По благородству души Александръ не могъ не уважать стараго слугу отца, которому обязанъ былъ многимъ. Люди нервнѣтельнаго и слабаго характера всегда довольны, когда возлѣ нихъ стоитъ человѣкъ противоположныхъ свойствъ, къ которому они могутъ прибѣгнуть за совѣтомъ въ трудныя минуты и передать ему часть своихъ обязанностей, требующихъ твердости характера, водворенія порядка, чего сами, по своему характеру, сдѣлать не могутъ. Аракчеевъ понималъ это и стоялъ особнякомъ, ни въ комъ не заискивая. Гордый, самолюбивый, онъ не видалъ себѣ равнаго, былъ холоденъ, молчаливъ и исполнительнъ. Онъ стоялъ передъ Александромъ одинъ, какъ памятникъ, какъ представитель Павла и тѣхъ людей, «прямыхъ и суровыхъ, но преданныхъ безъ лести государю, какъ дѣти отцу... Онъ гнушался корысти и любостыжанія и презиралъ почести новаго времени. Однимъ онъ не пренебрегалъ, одного добивался—неограниченной довѣренности монарха и для того, чтобы поддерживать въ Александрѣ воспоминанія о родителяхъ, давалъ службѣ своей колоритъ гатчинскій... Такимъ образомъ онъ попалъ въ душу и сердце Александра, легъ у него на совѣсти, сдѣлался для него непрестаннымъ, задушевнымъ воспоминаніемъ ²⁾». Аракчеевъ сталъ для Александра нравственно необходимымъ, и обстоятельства складывались такъ, что чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе упрочивалась связь государя съ его другомъ-подданнымъ.

14-го мая 1803 года графъ Аракчеевъ былъ назначенъ опять командиромъ л. гв. артиллерійскаго баталіона и инспекторомъ всей артиллеріи.

Въ этомъ званіи онъ трудился дѣятельно и неутомимо. Онъ преобразовалъ артиллерію, далъ ей такое устройство, что въ послѣдующихъ войнахъ, организація ея признавалась лучшею, среди всѣхъ европейскихъ государствъ ³⁾. Улучшая матеріальную часть артиллеріи,

¹⁾ Надпись на памятникѣ императору Павлу I, воздвигнутомъ Аракчеевымъ въ своемъ имѣніи Грузинѣ.

²⁾ Императоръ Александръ и графъ А. А. Аракчеевъ (рукоп.).

³⁾ См. переписку его съ Гнейзенау. „Русская Старина“. 1900 г. № 1, стр. 98.

Аракчеевъ заботился и объ образованіи офицеровъ. Онъ учредилъ при гвардейской артиллеріи училище, дабы—писалъ онъ ¹⁾—«я могъ самъ видѣть недостатки онаго и, усовершенствуя уже во всемъ, тогда заведу для блага общаго и въ другихъ полкахъ. Между тѣмъ совѣтую вашему превосходительству о своихъ юнкерахъ и фейерверкерахъ приложить какъ возможно лучшее стараніе о доставленіи имъ средствъ къ знанію артиллерійской науки, для собственной вашей пользы, дабы черезъ оное имѣли у себя офицеровъ не по одному только названію артиллерійскихъ».

Вопросъ объ образованіи офицеровъ очень заботилъ Аракчеева.

«Получа образованіе,—писалъ онъ Н. В. Верещагину ²⁾,—и успѣхи въ математическихъ наукахъ по методѣ, преподаваемой вашимъ превосходительствомъ, я нахожу ее самою лучшею и превосходною, какъ въ прошедшихъ, такъ и въ нынѣшнихъ временахъ. Будучи же по волѣ монарха нашего поставленъ начальникомъ такого корпуса, котораго все совершенство зависитъ единственно отъ знанія математическихъ наукъ, къ достиженію сей цѣли, я полагаю непремѣнно нужнымъ завести при полкахъ артиллерійскихъ училища, дабы чрезъ сіе доставить всѣ способы молодымъ людямъ къ усовершенствованію познанія тѣхъ наукъ, которыя непосредственно однѣ токмо должны отличить и дать дѣйствительно названіе артиллерійскаго офицера.

«Сдѣлавши хорошій каменный фундаментъ, старое деревянное строеніе, можетъ на долгое время спорить въ прочности новому каменному, да и тогда, когда придетъ въ совершенную гнилость, то имѣвши уже готовый и хорошій (фундаментъ), гораздо прочнѣе и скорѣе можно выстроить новое. Но такъ какъ для фундамента нужно непремѣнно имѣть лучшей доброты матеріалъ и хорошій совѣтъ знающаго мастера по опыту, уже надъ собою собственно испытанному,—я не нахожу нигдѣ лучше ни того, ни другаго, кромѣ васъ, почему и прошу ваше превосходительство, для пользы всей артиллеріи, прислать мнѣ вашей методы ариметику, геометрію и алгебру, черезъ что много обяжете того, который всегда пребываетъ» и проч.

Для поднятія уровня образованія офицеровъ Аракчеевъ употреблялъ всѣ средства и, неутомимо слѣдя за всѣми техническими работами, велъ артиллерію по пути къ совершенству. Императоръ Александръ цѣнилъ своего стараго друга, вѣрилъ безусловно въ его честность, неподкупность и правдивость.—«Сейчасъ получилъ письмо твое,

¹⁾ Генер.-лейтен. Петру Михайловичу Капцевичу отъ 2-го ноября 1803 г. № 29. Арх. С.-Петербур. Артилл. музея, дѣла Аракчеева, связка 875, кн. 151.

²⁾ Генералу Николаю Васильевичу Верещагину отъ 30-го ноября 1803 г. № 109. Тамъ же.

Алексѣй Андреевичъ,—писать государь ¹⁾),—и сейчасъ же дать предписание министру выгнать Космачева изъ департамента, не объясняя другой причины, кромѣ извѣстныхъ мнѣ обстоятельствъ».

«Обстоятельства таковы, — писалъ Александръ въ другомъ письмѣ Аракчееву ²⁾), — что полезнѣе будетъ, если ты, Алексѣй Андреевичъ, переѣдешь планъ поѣздки своей и, вмѣсто Казани, осмотришь по границѣ тѣ изъ своихъ полковъ (артиллерійскихъ), которые назначены въ маршъ» ³⁾).

Посѣщая арсеналъ, или разсматривая чертежи вновь проектированныхъ орудій и принадлежности къ нимъ, Александръ торопился высказать свою благодарность инспектору артиллеріи.

«Графъ Алексѣй Андреевичъ!— писалъ ему Александръ ⁴⁾),—Съ большимъ удовольствіемъ видѣлъ я сегодня, при посѣщеніи здѣшняго арсенала изготовленную вновь полевую и осадную артиллерію со всѣми къ ней принадлежностями, распоряженіе работъ, занятія мастеровыхъ, подручность каждому въ способахъ и достойный великаго уваженія порядокъ. Все сіе и получаемыя отъ главнокомандующихъ дѣйствующими арміями донесенія объ исправности находящейся при оныхъ артиллеріи, обязываютъ меня отдать усердію вашему на пользу службы совершенную справедливость и симъ засвидѣтельствовать достойно пріобрѣтаемую признательность пребывающаго къ вамъ благосклоннымъ».

«Доведеніе до превосходнаго, состоянія артиллеріи,—писалъ Александръ въ другомъ рескриптѣ ⁵⁾),—и успѣшное дѣйствіе оной въ продолженіе сей войны, также исправное снабженіе оной всѣмъ нужнымъ, обязываетъ меня сдѣлать достойное воздаяніе заслугамъ вашимъ; почему приказомъ моимъ вчерашняго дня произведены вы въ генералы-отъ-артиллеріи. Примите сіе знакомъ моей признательности и особаго моего благоволенія».

«Со вступленія вашего въ службу одѣланныя вами распоряженія по артиллерійскому департаменту, при нынѣшней кампаніи, исправнымъ дѣйствіемъ артиллеріи и достаточными во всѣхъ частяхъ онаго департамента запасами, оправдали мою къ вамъ довѣренность, и симъ самымъ уже вы и получаете собственное ваше и мое удовольствіе» ⁶⁾).

Не довольствуясь такими знаками довѣрія и благодарности, императоръ Александръ 14-го декабря 1807 года повелѣлъ: объявляемыя гра-

¹⁾ Въ запискѣ безъ года и числа.

²⁾ Также безъ числа, но относящемся къ 1805 году.

³⁾ Т. е. въ походъ передъ войной 1805 г.

⁴⁾ Отъ 8-го февраля 1807 г. Собраніе рескриптовъ и писемъ къ гр. Аракчееву (рукоп.).

⁵⁾ Рескриптъ императора отъ 28-го іюня 1807 г. изъ Таурогена. Тамъ же.

⁶⁾ Рескриптъ отъ 1-го іюля 1807 г. изъ Доблена, близъ Матавы. Тамъ же.

фомъ Аракчеевымъ высочайшія повелѣнія считать именными указами императора ¹⁾, а 21-го декабря государь писалъ ему:— «Если исправленіе дѣлъ особо вамъ препорученныхъ отъ насъ, позволить, то присутствовать вамъ въ Государственной Военной коллегіи и Артиллерійской ея Экспедиціи ²⁾»).

Довѣріе императора къ графу Аракчееву, какъ къ человѣку, отличавшемуся строгою исполнительностью и възыскательностію по службѣ, постепенно возрастало, и въ глазахъ Александра онъ являлся человѣкомъ необходимымъ тамъ, гдѣ нужно было уничтожить безпорядки и злоупотребленія. Понятно, что когда открылись безпорядки въ провіантскомъ и комиссаріатскомъ вѣдомствахъ, то для искорененія ихъ императоръ призвалъ Аракчеева и 13-го января 1808 года назначилъ его военнымъ министромъ вмѣсто уволеннаго отъ службы С. К. Вязмитинова.

Аракчеевъ не сразу принялъ эту должность, но потребовалъ устраненія графа Ливена отъ доклада государю по военнымъ дѣламъ, уничтоженія военно-походной канцеляріи и господства надъ главнокомандующими дѣйствующихъ армій. На все это послѣдовало согласіе императора и дало возможность Аракчееву единолично распорядиться военнымъ вѣдомствомъ. Считая себя необходимымъ и чувствуя свое вліяніе на императора, Аракчеевъ сталъ дѣйствовать самостоятельно и независимо.

Недѣли черезъ двѣ послѣ вступленія въ должность военного министра онъ подалъ прошеніе объ отчисленіи его отъ этой должности.

— Какая тому причина?—спросилъ удивленный Александръ.

— Если ваше величество—отвѣчалъ Аракчеевъ,—отставили съ такимъ позоромъ Вязмитинова, то всѣ думали, равно какъ и я, что онъ найденъ вами въ нераченіи, избочиченъ въ злоупотребленіи и въ разстройствѣ въ дѣлахъ. Но когда я принялъ его должность и вошелъ въ подробность дѣлъ, то увидѣлъ, что коллегія и департаменты, равно и канцелярія главнокомандующаго—все было въ совершенномъ порядкѣ; не только не замѣтилъ злоупотребленія, но, напротивъ, рѣдкое его безкористіе. А потому судя, что если такой человѣкъ, каковъ Вязмитиновъ, слуга всегда съ такою честію и столь долгое время императрицѣ, бабкѣ вашей, императору, родителю вашему, и вашему величеству, отставленъ такъ позорно, то я и всякій другой должны ожидать такой же участи, безъ всякой причины, по одному только вашему капризу. Для чего я прошу меня отставить и иначе не соглашусь служить, если не отдадутъ должной справедливости Вязмитинову.

¹⁾ Арх. Сената. Копія высочайшихъ повелѣній, кн. 295.

²⁾ Военно-Ученый Архивъ. Отд. I, д. № 438.

Государь приказаль объявить, что Вязмитиновъ уволенъ въ отставку по прошенію, съ мундировъ и со всёмъ содержаніемъ, прежде имъ получаемымъ. Александръ I написалъ ему лестный рескриптъ и спустя нѣкоторое время назначилъ его членомъ Государственнаго Совета ¹⁾.

Благородное заступничество Аракчеева за Вязмитинова не перемѣнило о немъ мнѣнія общества, да и вообще назначеніе новыхъ министровъ было встрѣчено несочувственно. Съ ними началъ императоръ Александръ I второй періодъ своего царствованія, «когда,—говорить современникъ ²⁾,—все измѣнилось въ немъ и вокругъ него, когда онъ долженъ былъ разорвать прежніе союзы, удалить отъ себя прежнихъ любимцевъ, когда насильно влекомый Наполеономъ, долженъ онъ былъ казаться идущимъ съ нимъ рука объ руку, когда притворство сдѣлалось для него необходимою».

Не желая оставлять Александра безъ своего вліянія, а пожалуй и безъ нѣкоторой опеки, Наполеонъ, тотчасъ послѣ отъѣзда русскаго императора изъ Тильзита, отправилъ въ Петербургъ свои глаза и уши въ лицѣ генерала Савари. Послѣдній прибылъ въ столицу въ три часа дня 11-го (23-го) іюля, и въ тотъ же день въ 8 часовъ вечера имѣлъ аудіенцію у императора.

— Генераль, — сказалъ ему императоръ Александръ ³⁾,—я очень радъ васъ видѣть у себя. Вы были единственный человѣкъ, котораго я не видѣлъ въ Тильзитѣ, а для меня было бы большое удовольствіе васъ тамъ встрѣтить. Впрочемъ, вы уже давно знаете мои чувства... Онъ (Наполеонъ) оказалъ мнѣ въ Тильзитѣ преданность, которую я никогда не забуду. Я очень признателенъ за выраженіе мнѣ дружбы въ настоящее время и благодаренъ ему за то, что выбралъ васъ для выраженія этого чувства. Чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ болѣе доволенъ, что видѣлъ его. Я все боюсь, чтобы изъ множества сказаннаго имъ въ столь короткое время не выскользнуло изъ моей памяти какое-нибудь слово. Это человѣкъ удивительный, необыкновенный, и надо сознаться, что хотя мы имѣемъ право на ваше уваженіе, но вы имѣете значительное преимущество, и надо быть безумнымъ, чтобы это у васъ оспаривать. Впрочемъ, я надѣюсь, что все дѣло кончено: я далъ ему слово и сдержалъ его.

По окончаніи аудіенціи Савари приглашенъ былъ на слѣдующій день къ императорскому столу.

¹⁾ Записки Энгельгардта. Москва, изд. 1867 г., стр. 228—231.

²⁾ Записки Ф. Вигеля, ч. II, стр. 238.

³⁾ Деша Савари Наполеону 25-го іюля (6-го августа) 1807 г. Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. т. 83, стр. 2 и 3.

— Императоръ не любитъ церемоній и въ особенности съ посланнымъ отъ императора Наполеона, — сказалъ гр. Толстой Савари. — Онъ проситъ васъ завтра обѣдать, и тамъ вы будете представлены императрицѣ.

За обѣдомъ Савари сидѣлъ возлѣ императора по правую его сторону, и во все время Александръ былъ съ нимъ любезенъ, особенно предупредителенъ и внимателенъ. Онъ хорошо зналъ, что Савари былъ въ то время самымъ близкимъ человѣкомъ къ Наполеону, преданнымъ ему тѣломъ и душою, обожающимъ своего покровителя, повиновавшимся ему безъ разсужденій и исполнявшимъ буквально всѣ его приказанія. Съ самаго начала военной славы Наполеона, Савари былъ его адъютантомъ, употреблялся всегда для самыхъ важныхъ порученій тамъ, гдѣ необходимы были безусловная преданность, скромность и самоотверженіе. Человѣкъ не гениальный, не дипломатъ и даже мало образованный, Савари былъ, однакоже, человѣкомъ умнымъ и ловкимъ. Природа одарила его особымъ полицейскимъ умомъ, и Наполеонъ всегда употреблялъ его тамъ, гдѣ нуженъ былъ сыщикъ, гдѣ приходилось открывать тайны или наблюдать за поступками людей.

Савари завѣдывалъ тайною полиціею Наполеона, былъ невидимымъ его стражемъ и блюстителемъ окомъ. Шпіонство превратилось въ страсть у Савари: онъ хотѣлъ все знать и предугадать и дѣлалъ это при посредствѣ подкупа и мѣръ, часто самыхъ безнравственныхъ. Онъ привезъ съ собою въ Россію множество шпіоновъ и еще болѣе шпіонокъ. Для этого были выбраны женщины хитрыя, умныя и недурныя собой. Впрочемъ, прискаты такихъ и въ самой Россіи было тогда нетрудно. Раскиданные по всему пространству русской земли французы — гувернеры и гувернантки, живя въ русскихъ семействахъ и пользуясь полною откровенностью, знали многія тайны. Прикидываясь искренними и преданными, они вывѣдывали не только семейныя тайны, но и государственныя. «При томъ и честиѣйшій иностранецъ, — говоритъ современникъ ⁴⁾, — преданъ своему государю и отечеству, безъ зазрѣнія совѣсти, интересы и выгоды онаго предпочитаетъ выгодамъ Россіи, ему дающей пропитаніе; чѣмъ умнѣе, тѣмъ удобнѣе можетъ проникнуть въ тайны государственныя и оныя передать своимъ землякамъ, — что и совершается къ крайнимъ невыгодамъ нашего отечества».

— Я ужасно боюсь связей съ французенками, — говорилъ однажды за обѣдомъ графъ Потоцкій. — Это застрѣльщицы Наполеона, и я готовъ биться объ закладъ, что всѣ онѣ, или по крайней мѣрѣ три-четверти — шпіонки.

⁴⁾ Всеподд. записка тайнаго совѣтника А. И. Арсеньева 2-го апрѣля 1826 г.

— Забыла тебѣ сказать,—говорила какъ бы мимоходомъ нѣкая Шарлота, весьма близкая къ Булгарину, что у меня есть въ Парижѣ двоюродный братъ, который занимается составленіемъ общей европейской статистики и просилъ меня сообщить ему нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія о Россіи. Возьмись, любезный другъ, собрать свѣдѣнія. Вотъ, напримѣръ, о вашей кавалеріи: тебѣ весьма легко будетъ собрать извѣстія въ канцеляріи вашего штаба ¹⁾).

Такими лицами пользовался Савари, и что же онъ узналъ отъ нихъ?

Возвращеніе императора Александра,—доносили онъ ²⁾—не произвело никакого впечатлѣнія и не вызвало радости; извѣстіе о мирѣ не произвело также никакого впечатлѣнія. «Всеобщее мнѣніе, надъ которымъ работали болѣе двухъ лѣтъ, достигло до высшей степени экзальтации противъ насъ. Умы были слишкомъ расположены къ продолженію войны, чтобы миръ былъ принятъ въ Петербургѣ съ тѣмъ восторгомъ, который всегда вызываетъ подобное событіе. Мой пріѣздъ сдѣлалъ большое впечатлѣніе. За мною слѣдовали, въ теченіе нѣсколькихъ дней, въ театръ и на гулянья, какъ за любопытнымъ предметомъ. Я замѣтилъ всюду молчаніе о политическихъ дѣлахъ, похожее на удивленіе. Никто не смѣлъ говорить ни о Тильзитѣ, ни о мирѣ, ни о Франціи, ни объ императорѣ (Наполеонѣ). За два дня до моего пріѣзда еще молились въ церквахъ противъ насъ, но указъ 12-го (24-го) іюля заставилъ прекратить эти молитвы ³⁾; другой такой же указъ ⁴⁾ повелѣлъ, чтобы въ разговорахъ, актахъ и другихъ документахъ говорили объ императорѣ французовъ не иначе, какъ съ уваженіемъ, подобающимъ его сану».

Далѣе Савари говоритъ, что появилось въ журналахъ нѣсколько пасквилей и статей, выражающихъ презрѣніе къ французамъ; что на биржѣ увѣряли, будто миръ не заключенъ, и порицали императора Александра за то, что онъ поѣхалъ на свиданіе къ Наполеону, тогда какъ этотъ послѣдній долженъ былъ это сдѣлать по отношенію къ русскому императору. Все это было вполне справедливо.

Въ присылкѣ Савари, Наполеонъ выказалъ свою обычную наглость, такъ какъ Савари былъ участникомъ гибели герцога Энгиенскаго, изъ-за котораго начались непріязненные отношенія между Наполеономъ и Александромъ. На протестъ послѣдняго объ ужасномъ поступкѣ съ герцогомъ, Наполеонъ отвѣчалъ дерзкимъ вопросомъ: что сдѣлалъ бы госу-

¹⁾ Воспоминанія О. В. Булгарина, ч. III, стр. 369—371.

²⁾ Tableau de St.-Petersbourg à l'époque du 23-го juillet au 5 août.—Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества, т. 83, стр. 21 и 22.

³⁾ Указъ этотъ состоялся 30-го іюля стараго стиля.

⁴⁾ Такого указа не было, и Савари вѣроятно имѣетъ въ виду нѣкоторыя цензурныя распоряженія.

дарь, если бы ему доложили, что въ Петербургъ ѣдутъ нанятыя Англією злоумышленники на жизнь императора Павла? Этого вопроса русскій императоръ никогда не могъ простить Наполеону. «Вообще Александръ I-й былъ злопамятенъ и никогда въ душѣ своей не прощалъ обиду, хотя часто, изъ видовъ благоразумія и политики, скрывалъ и подавлялъ въ себѣ это чувство» ¹⁾). Онъ ненавидѣлъ Наполеона и послѣ его вопроса поставилъ себѣ цѣлью жизни отомстить ему.

Когда, въ 1809 году, по Петербургу распространился слухъ объ умственномъ разстройствѣ, угрожающемъ Наполеону, и о припадкахъ падучей болѣзни, которымъ онъ будто бы подверженъ, — Чарторыйскій спросилъ императора, правда ли это и есть ли въ этихъ слухахъ хотя доля истины ²⁾).

— Никогда Наполеонъ не сойдетъ съ ума, — отвѣчалъ Александръ. — Это вещь невозможная; и тѣ, которые этому вѣрятъ, совсѣмъ его не знаютъ. Это человекъ, который среди самыхъ выдающихся обстоятельствъ остается спокойнымъ и хладнокровнымъ; всѣ припадки его гнѣва дѣлаются съ нимъ только для другихъ и по большей части суть дѣйствія разсчета. Онъ не дѣлаетъ ничего, не предусмотрѣвши и не сообразивши всѣхъ послѣдствій. Тѣ изъ его дѣйствій, которыя кажутся самыми порывистыми и смѣлыми, разсчитаны всею хладнокровнѣе. Одна изъ любимыхъ его поговорокъ та, что во всякомъ дѣлѣ прежде всего нужно отыскать методъ, что нѣтъ такой трудной вещи, съ которою не можно было бы справиться, если только придумаешь надлежащій способъ дѣйствій; что если только этотъ послѣдній отыскать, остальное ничто. Но что съ другой стороны, какъ бы ни было просто дѣло, не слѣдуетъ за него приниматься, не отыскавши къ тому надлежащаго метода, ибо иначе все испортишь и не достигнешь никакого результата. Что же касается до его здоровья, то это сказки; никто не пользуется лучшимъ здоровьемъ: онъ никогда не бываетъ боленъ, и единственный недугъ, который за нимъ знаютъ, есть паршивое худосочіе, бросившееся внутрь и отъ котораго его лѣчили. Никто лучше его не выноситъ труда и усталости; но ему нуженъ сонъ, хотя бы въ неопредѣленные часы, съ тѣмъ только, чтобы онъ могъ проспять восемь часовъ въ сутки. Онъ не краснорѣчивъ ни на словахъ, ни въ письмѣ; онъ при мнѣ диктовалъ письма слогомъ отрывочнымъ, безсвязнымъ.

Это говорилъ человекъ тонкій, не даромъ изучившій до мельчайшихъ подробностей характеръ своего противника и сознававшій, что вокругъ него нѣтъ или по крайней мѣрѣ мало людей, ему сочувствующихъ, его понимающихъ, такихъ, которымъ онъ могъ бы довѣриться и

¹⁾ Записки Н. И. Греча, стр. 260.

²⁾ «Русскій Арх.» 1871 г. т. I, стр. 766 и 767.

на которыхъ могъ бы положиться. Мы указали на то состояніе, въ которомъ находился Александръ по возвращеніи изъ Тильзита, и на то неудовольствіе, съ которымъ встрѣчены были условія мира не только обществомъ, но и членами царскаго семейства ¹⁾). Государь скорбѣлъ, что подданные не понимаютъ его двулчія съ Наполеономъ, вызваннаго силою обстоятельствъ, а подданные не понимали поведенія своего государя. Непониманіе это вытекало изъ различія взглядовъ. Александръ заглядывалъ въ будущее и не сознавалъ всей тяжести положенія настоящаго; его подданные тяготились настоящимъ, мало думали о будущемъ, которое представлялось имъ гадательнымъ.

«Не слѣдуетъ забывать, — говоритъ кн. Вяземскій ²⁾), — что Наполеонъ, какъ императоръ, былъ не что иное, какъ воплощеніе, олицетвореніе и оцарствованіе революціоннаго начала. Онъ былъ равно страшенъ и царямъ и народамъ. Кто не жилъ въ ту эпоху, тотъ знать не можетъ, догадаться не можетъ, какъ душно было жить въ это время. Судьба cadaго государства, почти cadaго лица, болѣе или менѣе, такъ или иначе, не сегодня, такъ завтра зависѣла отъ прихотей тюльрійскаго кабинета или отъ боевыхъ распоряженій Наполеоновской главной квартиры. Всѣ были какъ подъ страхомъ землетрясенія или изверженія огнедышащей горы. Никто не могъ ни дѣйствовать, ни дышать свободно».

«Общее мнѣніе, общее негодованіе обвиняло Александра, а онъ самъ терпѣлъ болѣе всѣхъ, принужденъ былъ скрывать свои мысли и чувства. Тяжелое грустное время» ³⁾).

Причиною оппозиціи правительству была тяжесть положенія. Общество и народъ не задавались государственными и мировыми вопросами, а жили подъ гнетомъ настоящаго. Внѣшніе успѣхи и слава имперіи мало кого привлекали, когда у себя, дома, были неустройства и лишенія. Съ объявленіемъ войны Англии, заграничная морская торговля прекратилась и, хотя война эта велась вяло, но очень тяготила населеніе. «Не было ни кофе, ни винограднаго вина въ общемъ употребленіи публики: богатые и знатные, конечно, ѣли и пили, что хотѣли, но всѣ прочіе терпѣли недостатокъ въ первыхъ потребностяхъ, жаловались, роптали» ⁴⁾). Цѣны на все возвысились, курсъ упалъ, рабочія руки отрывались то наборами, то сборомъ милиціи; появилась зараза, распространившаяся изъ Кавказской губерніи въ Астраханскую и Саратовскую и грозившая Москвѣ, а черезъ Макарьевскую ярмарку и всей Россіи.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, 1898 г. № 12, стр. 516.

²⁾ Полное собр. сочин. кн. Вяземскаго, т. VII, стр. 442 и 443.

³⁾ Записки Н. И. Греча, стр. 271 и 272.

⁴⁾ Записки Н. И. Греча, стр. 271.

Во многихъ мѣстахъ былъ неурожай, затруднительная, по случаю заразы, доставка соли изъ Элтонскаго озера и неполученіе заграничной соли черезъ Балтійскіе порты ¹⁾,—все это усиливало тяжесть положенія населенія. Разореніе было настолько велико, что недостатку средствъ Свербеевъ приписывалъ свое плохое образованіе ²⁾. На скорое поправленіе обстоятельствъ къ лучшему разсчитывать было трудно, потому что Наполеонъ не умиротворялъ, а разжигалъ страсти.

Не понимая и не сознавая всей тяжести жизни, Александръ не могъ себя объяснить причинъ ропота и смотрѣлъ съ презрѣніемъ на общество, какъ на капризнаго ребенка, къ которому необходимо примѣнить нѣкоторую строгость.

Современники стали замѣчать не только теперь, но и ранѣе значительное измѣненіе въ характерѣ и обращеніи императора.

Неудачная попытка командовать арміею и распорядиться ея дѣйствіями въ Аустерлицкомъ сраженіи и сознаніе превосходства въ этомъ отношеніи Наполеона оказали «великое вліяніе на характеръ Александра», и сраженіе это «можно назвать эпохою въ его правленіи. До того времени онъ былъ кротокъ, довѣрчивъ, ласковъ, а послѣ сдѣлался подозрителенъ, строгъ до безмѣрности, недоступенъ и не терпѣлъ уже, чтобы кто говорилъ ему правду».

Тильзитскій миръ произвелъ въ Александрѣ еще болѣе существенную перемѣну. «Съ тѣхъ поръ прекратились или чрезвычайно ослабли благородныя его помысленія о благѣ и просвѣщеніи Россіи. Онъ сдѣлался недовѣрчивѣе и нелюдимѣе прежняго ³⁾».

«Между отвратительными свойствами сердца человѣческаго,—писалъ де-Местръ ⁴⁾,—въ особенности замѣчательно слѣдующее: когда человѣкъ знаетъ, что онъ тяжело оскорбилъ общественное мнѣніе, вмѣсто того чтобы уступить, онъ упорствуетъ. Боюсь, чтобы такъ не было и въ настоящемъ случаѣ. Императоръ знаетъ, что онъ всѣмъ не по нутру, и онъ окруженъ совѣтниками, которые говорятъ ему, будто его обвиняютъ въ безхарактерности. Такія внушенія—величайшая глупость и величайшее преступленіе. Ихъ достаточно, чтобы обезпечить осуществленіе самыхъ гибельныхъ плановъ. Присовокупите къ этому неуваженіе къ собственному народу, глубоко укоренившееся въ сердцахъ его величества, и

¹⁾ Исторія министерства внутренн. дѣлъ. Варадинова, ч. I, стр. 204.

²⁾ Общее дѣло,—говорилъ онъ,—отражалось на частномъ всѣхъ и каждого, а потому и на дальнѣйшемъ ходѣ моего воспитанія (Записки Свербеева, т. I, 46).

³⁾ Записки Н. И. Греча, стр. 264 и 265.

⁴⁾ Въ письмѣ отъ 16-го (25-го) декабря 1808 г. „Русскій Арх.“ 1871 г. стр. 130.

вы согласитесь, что нельзя представить себѣ положенія дѣлъ болѣе опаснаго».

Александръ находился тогда въ нравственно удручающемъ состояніи; онъ былъ такъ озлобленъ и нервно разстроенъ, что готовъ былъ раскрыть карты своимъ врагамъ. Ненавидя Наполеона и не питая довѣрія къ его представителю Савари, государь такъ откровенничалъ съ послѣднимъ ¹⁾:

— Если эти глупцы,—говорилъ Александръ о своихъ подданныхъ,—имѣютъ намѣреніе отправить меня на тотъ свѣтъ, то пусть торопятся, но только они напрасно воображаютъ, что могутъ меня принудить къ уступчивости или обезславить. Я буду толкать Россію къ Франціи насколько въ состояніи сдѣлать это. Не судите объ общественномъ мнѣніи по разговорамъ нѣсколькихъ бездѣльниковъ, въ которыхъ я вовсе не нуждаюсь, и, къ тому же слишкомъ трусливыхъ, чтобы предпринять что-либо. Здѣсь не достаетъ для этого ни ума, ни рѣшимости. Горе тому, кто не идетъ прямымъ путемъ. Мнѣ извѣстно, что интригуютъ, что Англія еще работаетъ и что то, что вы видѣли, является результатомъ этихъ происковъ. Я не опасаясь ихъ; несмотря ни на что, я буду идти къ своей цѣли. Будьте спокойны на этотъ счетъ. Въ концѣ концовъ должны будутъ подчиниться. Я работаю надъ тѣмъ, чтобы все переимѣнить, но могу произвести все это лишь медленно. Я намѣреюсь все поставить на другую ногу. Я очень люблю моихъ родныхъ, но я царствую и требую, чтобы мнѣ оказали должное вниманіе.

Какое впечатлѣніе должны были произвести эти слова на Савари? Какое мнѣніе онъ могъ вынести изъ дворца о самомъ Александрѣ? По меньшей мѣрѣ какъ объ императорѣ, находящемся въ разладѣ со своими подданными, какъ о человѣкѣ, увлеченномъ Наполеономъ и готовомъ идти рука объ руку съ Франціею. Послѣдующія событія могли только подтвердить послѣднія заключенія.

Зима 1807—1808 г въ Петербургѣ была оживленнѣе, нежели предъидущая. Императоръ Александръ желалъ, чтобы столица, несмотря на всѣ невзгоды и трудное матеріальное положеніе, веселилась для доказательства, что въ Россіи нѣтъ унынія, о которомъ говорили противники Наполеона. Балы въ аристократическихъ домахъ, у иностранныхъ пословъ и негодантовъ и у банкировъ бывали чаще, чѣмъ когда-либо. Государь самъ посѣщалъ даже балы богатыхъ купцовъ и тѣмъ привлекалъ на нихъ населеніе столицы. Все это онъ дѣлалъ для того, чтобы примирить общество съ Наполеономъ и его представителемъ, сначала Савари, а потомъ съ Коленкуримъ. Но щегольская молодежь, окружавъ

¹⁾ Н. К. Шильдеръ „Императоръ Александръ I“, т. II, стр. 298, примѣчаніе 366.

шая того и другаго, долгое время не могла подкупить высшее общество, несмотря на все его пристрастіе къ иностранцамъ и въ особенности къ французамъ. Ихъ почти никуда не приглашали хотя государь и дворъ оказывали имъ всякаго рода вниманіе, но дома знати большею частью оставались для нихъ долгое время недоступными.

— Изъ тридцати визитовъ, — говорилъ Савари ¹⁾, — которые я сдѣлалъ людямъ высокопоставленнымъ, я былъ принятъ и посѣщаемъ только княземъ Лобановымъ и графомъ Толстымъ. Я замѣтилъ, что многія лица не смѣютъ со мною говорить, и даже офицеры, которыхъ я зналъ во время послѣдней кампаніи. Французскіе негодіанты не смѣютъ ко мнѣ приходить.

Императоръ Александръ I оказывалъ Коленкуру особое вниманіе и, при нахальствѣ посла, подчинился его вліянію и капризамъ. Коленкуръ былъ помѣщенъ въ прекрасномъ домѣ, на Дворцовой набережной, почти рядомъ съ Эрмитажемъ ²⁾.

«Сіяя славой своего повелителя», Коленкуръ скоро сталъ во главѣ дипломатовъ, господствовалъ своимъ политическимъ вліяніемъ и игралъ роль проконсула, а его свита затмевала всѣхъ великолѣпнѣею обстановки ³⁾. Государь явно и громко высказывалъ свое личное расположеніе къ нему и къ Наполеону, чѣмъ посоль и пользовался совершенно безцеремонно.

По воскресеньямъ производились такъ называемые кейзеръ-парады, не отмѣняемые даже при 10 градусахъ мороза. На этихъ парадахъ всѣ иностранные послы (военные) находились обыкновенно въ свитѣ государя. По словамъ графа П. Д. Киселева, императоръ Александръ I по нѣсколько разъ подбѣгалъ къ окну посмотриѣтъ, приѣхала ли на Дворцовую площадь карета Коленкура, и уже съ появленіемъ ея отправлялся на кейзеръ-парадъ. Тамъ «Коленкуръ ѣхалъ обыкновенно

¹⁾ Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества, т. 83, стр. 22.

²⁾ Употребляя всѣ усилія къ тому, чтобы понравиться Александру, императоръ Наполеонъ купилъ у Мюрата для русскаго посла въ Парижѣ особый домъ.

— Мюрать, — спросилъ онъ, — что тебѣ стоитъ твой отель въ улицѣ Серрути?

— Четыреста тысячъ франковъ.

— Но я говорю не о четырехъ стѣнахъ; я разумѣю отель со всѣмъ тѣмъ, что въ немъ находится, съ мебелью, посудой и пр.

— Въ такомъ случаѣ онъ обошелся мнѣ миллионъ.

— Завтра тебѣ выплатятъ эту сумму—это отель русскаго посла.

Въ отвѣтъ на это императоръ Александръ купилъ домъ князя Волконскаго для французскаго посла.

³⁾ Коленкуру было назначено 500.000 франковъ ежегодно.

впереди всѣхъ, съ правой стороны возлѣ императора и, разговаривая съ нимъ, ухитрился скакать на поль-лошади впереди государя ¹⁾».

Въ началѣ 1809 года, во время пребыванія въ Петербургѣ короля и королевы прусскихъ, общество старалось оказать имъ самый радушный и почетный приемъ, что, конечно, было демонстраціею противъ Наполеона. Посоль его Коленкуръ понималъ это очень хорошо и не церемонился въ выраженіи своего неудовольствія. Въ день пріѣзда прусскихъ гостей онъ отказался иллюминировать домъ, въ которомъ жилъ, что безъ сомнѣнія, было выходкою скорѣе противъ императора Александра, чѣмъ противъ короля прусскаго и его супруги. Въ отвѣтъ на эту дерзость петербургское общество не стѣснялось при каждомъ случаѣ выказывать свое нерасположеніе къ французскому послу.

Всѣ знатнѣйшія государственныя лица и аристократія давали въ честь короля и королевы великолѣпныя балы. Въ числѣ такихъ лицъ былъ и графъ А. С. Строгановъ, врагъ Наполеона, удалившійся отъ всякихъ сношеній съ Коленкуромъ. На балѣ у А. Л. Нарышкина, императоръ Александръ сказалъ Строганову:

— Ты дашь балъ и не будешь дурачиться. Понимаешь! Это значило, чтобы онъ пригласилъ Коленкура.

Графъ безмолвно поклонился и исполнилъ приказаніе, хотя при этомъ не обошлось безъ недоразумѣній. Наканунѣ бала пріѣхалъ къ графу Строганову чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ и привезъ записку Коленкура къ графу Румянцову съ жалобою, что онъ не приглашенъ на балъ. Графъ Строгановъ послалъ за своимъ секретаремъ Ласковскимъ, который заявилъ, что имя Коленкура стоитъ первымъ въ списокѣ.

— Ваши же курьеры, — сказалъ Ласковскій чиновнику, — развозили билеты.

Призвали курьеровъ.

— Развезли ли билеты по адресамъ?

— Развезли, — отвѣчали они, — только одного не нашли.

— Кого?

— Дюка де-Висанса.

Тутъ недоразумѣніе объяснилось. Новый титулъ Коленкура не былъ извѣстенъ еще эзекутору министерства, и потому онъ не получилъ приглашенія.

«Великолѣпный балъ, — пишетъ Н. И. Гречъ ²⁾, — кончился ужинамъ. Въ одномъ концѣ залы накрытъ былъ круглый столъ на девять кувертовъ, по числу царственныхъ особъ, удостоившихъ балъ своимъ посѣщеніемъ. Отъ этого круглаго стола тянулись два длинные стола для вѣрноподанныхъ и прочихъ. Передъ самымъ окончаніемъ танцевъ, Ко-

¹⁾ Изъ записокъ Ф. Я. Мирковича „Русскій Арх.“ 1890 г. № 3, стр. 403.

²⁾ Въ своихъ запискахъ, изд. 1886 г., стр. 272 и 273.

левкуръ вошелъ въ столовую, увидѣлъ распоряженіе, по которому онъ исключался изъ общества царскихъ особъ, и рѣшился захватить свое мѣсто нагlostью. Онъ сталъ у круглаго стола и взялся за стулъ.

«Входятъ гости. Александръ въ первой парѣ велъ королеву, взглянулъ, увидѣлъ Коленкура, догадался и сказалъ королевѣ:

— Сегодня позвольте мнѣ не садиться подлѣ васъ. Ужъ и такъ мнѣ нѣтъ покоя отъ моей жены. Буду ходить вокругъ стола и ухаживать за всѣми.

«Королева стала смѣючись возражать. Императрица Елисавета Алексѣевна, понявъ мысль государя, начала играть роль ревнивой жены. Государь не садился и былъ до крайности любезенъ со всѣми, а особенно съ Коленкуромъ, который согналъ его съ мѣста».

Все это, конечно, не нравилось русскимъ людямъ, въ особенности жившимъ въ вѣкъ Екатерины II, привыкшимъ первенствовать въ Европѣ, и они только сдерживались отъ явнаго и грубаго выраженія неприязненныхъ чувствъ къ Наполеону и его посланнику. Нерасположеніе было такъ сильно, что въ сентябрѣ 1809 г. извѣстная М. А. Нарышкина устроила на своей дачѣ великолѣпный праздникъ, съ фейерверкомъ и ужиномъ на 200 человекъ; но ни французскій посолъ и ни одинъ французъ не были приглашены ¹⁾. Только ухаживая за публикой, давая самъ великолѣпные праздники ²⁾, Коленкуръ кое-какъ добился лучшаго къ себѣ расположенія.

«Замѣчательно, — говоритъ А. П. Бутеневъ, — что въ такомъ самодержавномъ государствѣ, какъ наше, при государѣ, столь любимомъ, какъ былъ Александръ Павловичъ, несмотря на вкоренившееся въ высшихъ классахъ предпочтеніе къ иностранцамъ, политическія обстоятельства того времени произвели въ обществѣ глухой, но все же внятный ропотъ противорѣчій открыто выражаемымъ симпатіямъ двора. Это общее настроеніе замѣтилъ я и въ моемъ непосредственномъ начальникѣ графѣ А. Н. Салтыковѣ ³⁾: онъ раздѣлялъ чувства большинства ⁴⁾. Не однимъ только глухимъ ропотомъ высказывалось общество, были и такіе люди, которые говорили и писали явно и открыто.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ „Русскій Арх.“ 1871 г. т. I, 138.

²⁾ На одномъ изъ ужиновъ у Коленкура были поданы груши, которыя стоили по 300 франковъ каждая; каждая бутылка бордо стоила по 8 руб., что по тогдашнимъ цѣнамъ составляло рѣдкость.

³⁾ Въ то время бывшемъ товарищемъ, министра иностранныхъ дѣлъ.

⁴⁾ Воспоминанія А. П. Бутенева „Русскій Арх.“ 1881 г. кн. III (1), 46.

Стихи, приписываемые И. А. Крылову ¹⁾.

Обласканный не по заслугамъ
И вамъ и вашимъ всѣмъ подругамъ,
Крыловъ изъ кельи плетъ поклонъ,
Гдѣ мухой злой укушенъ онъ,
Сидитъ раздутъ какъ купидонъ;
Но не пафосской и не критской,
А иль татарской иль калмыцкой.
Что жъ дѣлать, надобно терпѣть!
Но чтобъ у боли сбавить силы,
Нельзя-ль меня хоть пожалѣть?
Вы такъ добры, любезны, милы—
Нельзя-ль уговорить подругъ,
Чтобъ вспомнить бѣднаго Крылова,
Когда десертъ пойдетъ вокругъ;
Повѣрьте, онъ изъ вашихъ рукъ
Лѣкарствомъ будетъ для больнова.

---

¹⁾ Печатаемые стихи взяты изъ стариннаго рукописнаго сборника.—Дѣйствительно-ли они принадлежать перу И. А. Крылова, желательно было бы знать мнѣніе лицъ, близко знакомыхъ съ біографіею и сочиненіями нашего знаменитаго баснописца.

Р е д.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

VIII ¹⁾.

Французскіе эмигранты.—Стоянка въ дер. Мюльгаузенъ. — Герцогъ Энгіенскій. — Аугсбургъ. — Главная квартира Суворова. — Отношенія его къ дамамъ.—Боевая жизнь.—Перенесеніе главной квартиры въ Прагу.—Кн. Багратионъ.—Окончаніе военныхъ дѣйствій и возвращеніе въ Россію.

Я переплылъ верхомъ черезъ Дунай, черезъ который переправа была сопряжена въ послѣдствіи съ такимъ трудомъ не только для меня и для пловцовъ, несравненно болѣе искусныхъ, нежели я.

Я остановился въ замкѣ Пфлумернъ, принадлежавшемъ барону Шютцу (Schütz), у котораго проживало нѣсколько знатныхъ эмигрантовъ, которымъ онъ оказывалъ, какъ это было принято въ Германіи, самое широкое гостепрѣимство. Въ то время эмигранты еще не испортили свою репутацію интригами, сплетнями и легкомысліемъ; у нихъ были еще матеріальныя средства, и они не были вынуждены унижаться передъ республикой, подобно маркизу де-Путена, который именовался «фабрикантомъ табакерокъ и игрушекъ по милости единой и нераздѣльной французской республики».

Жизнь въ эмиграціи была для нихъ тяжела; хлѣбъ, который они ѣли за границею, былъ для нихъ горекъ, и увѣренность, что, вернувшись во Францію, они погибнутъ на гильотинѣ, была перспективою не особенно утѣшительной; несмотря на это, они сохранили свою врожденную веселость и съ ними можно было провести время веселѣе, нежели въ обществѣ весьма добродѣтельныхъ, но тяжеловѣсныхъ нѣмецкихъ бароновъ.

Судья округа жилъ въ той же деревнѣ, гдѣ я остановился; это былъ человекъ почтенный, съ которымъ можно было провести время пріятно

¹⁾ См. „Русскую Старину“, августъ 1900 г.

и не безъ пользы; я всегда любилъ обогащать себя познаніями и не раскаиваюсь въ томъ, ибо тѣ немногія свѣдѣнія, коими я обладаю, приобрѣтены мною отъ интеллигентныхъ собесѣдниковъ, съ коими проводилъ время: умъ и знанія—два качества, изъ коихъ первое дается Богомъ, но второе каждый можетъ приобрѣсти самъ.

Князь Суворовъ приказалъ намъ расположиться на квартирахъ ближе къ Аугсбургу, гдѣ находилась его главная квартира; я стоялъ въ деревнѣ Мюльгаузенъ, близъ Лехскаго поля, на которомъ происходило великое сраженіе Атиллы.

Вмѣстѣ съ моимъ полкомъ въ этой деревнѣ стоялъ эскадронъ драгунъ герцога Энгіенскаго.

Занимая, съ военной точки зрѣнія, съ герцогомъ одинакое положеніе, будучи оба молоды и сходясь во вкусахъ, мы вскорѣ съ нимъ сблизились, и между нами возникли самыя сердечныя отношенія.

Я провелъ съ герцогомъ три недѣли самымъ пріятнымъ образомъ; въ то время никто не предвидѣлъ его трагической судьбы; онъ былъ окруженъ самой блестящей французской молодежью; каковы д'Антейль, Карль и Гастонъ, Дамась, Сюлли, Тюренъ, Бонтилье, Грюнгеймъ и т. д.

Мы проводили время во всевозможныхъ удовольствіяхъ, которыя переходили иногда въ оргіи. Бравый генералъ Нумзень, съ чисто отеческой заботливостью старавшійся приучить меня къ веселымъ кутежамъ и попойкамъ, довелъ меня дотого, что я могъ поспорить съ самымъ завзятымъ кутилой. Принцъ Конде, который пріѣзжалъ инспектировать эскадронъ герцога Энгіенскаго, ни мало не подозрѣвалъ, что я одолжилъ его драгунамъ шапки и сбрую, которыя были у нихъ въ самомъ жалкомъ состояніи; за то ихъ повара были несравненно лучше нашихъ.

Я часто ѣздилъ въ главную квартиру въ Аугсбургъ, гдѣ проводили время очень весело; иностранцевъ съѣхалось множество, люди спѣшили со всѣхъ концовъ Европы, чтобы взглянуть на героя Италіи; дамы съ восторгомъ цѣловали ему руки, которыя онъ давалъ имъ для поцѣлуя не стѣсняясь.

Всѣ гостиницы были переполнены; я зашелъ однажды въ богатый игорный домъ; поигралъ, поужиналъ даромъ за роскошно накрытымъ столомъ и такъ какъ было слишкомъ поздно возвращаться въ деревню, то я ничего не говоря растянулся на диванѣ и проспалъ такъ всю ночь. Никто не былъ этимъ возмущенъ кромѣ меня самого; по утру мнѣ было стыдно подумать, что я ночевалъ въ этомъ притонѣ. Но въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, пришлось мириться съ необходимостью.

Повеселившись и отдохнувъ нѣсколько недѣль, намъ пришлось снова идти въ походъ.

Мой слуга, выросшій вмѣстѣ со мною, въ одинъ прекрасный день

покинулъ меня, тайкомъ увезя съ собою почти все мое имущество, между прочимъ мою прекрасную скрипку, на которой быть можетъ онъ играетъ теперь въ кабакахъ. Съ досады я совершенно бросилъ этотъ инструментъ.

Провѣдомъ черезъ Регенсбургъ я былъ приглашенъ на обѣдъ къ княгинѣ de la Tour Taxis, я былъ свидѣтелемъ того, какъ она любезничала съ тогдашнимъ героемъ, кн. Багратиономъ, и присутствовалъ при урокахъ французскаго языка, которые ему давалъ генералъ Хитровъ.

Хорошее было время; хорошо служилось и еще лучше всѣ веселились.

Фельдмаршалъ Суворовъ устроилъ свою главную квартиру въ Прагѣ и расквартировалъ свое войско въ Богеміи, въ Рокицанѣ, гдѣ я заболѣлъ и былъ вынужденъ переѣхать въ Пильзенъ.

Окончательно поправившись, я поѣхалъ въ Прагу, гдѣ намѣревался провести масляницу. Въ то время въ Прагѣ блистали графини Кламъ, Шликъ и Колловратъ; за ними ухаживала наша молодежь: Милорадовичъ, Хитровъ, Шепелевъ, кн. Багратионъ и иные; балы слѣдовали за балами.

Въ отелѣ барона Виммера, въ которомъ остановился кн. Суворовъ, собиралось высшее общество.

У г. Виммеръ ежедневно былъ накрытъ столъ на 50 человекъ, и его обѣды славилась.

Возникли новые политическіе планы. Суворовъ, наскучивъ тѣмъ, что кабинеты мѣшали всѣмъ его военнымъ операціямъ, былъ непреклоненъ; онъ отступилъ съ арміей, горѣвшею желаніемъ сразиться съ французами, коими командовалъ самъ Наполеонъ.

Къ величайшему нашему сожалѣнію, Суворовъ повелъ насъ обратно къ русской границѣ.

Мы прошли чрезъ Брюнъ, Ольмюцъ, Краковъ; начальство надъ нами принялъ генералъ Розенбергъ. Это былъ другъ моего отца; онъ пригласилъ меня къ себѣ, привѣтствовалъ меня съ моими успѣшными дѣйствіями во время кампаніи.

IX.

Краткая оцѣнка военныхъ дѣйствій.—Состояніе русской арміи.

Прежде нежели перейти границу, сдѣлаемъ бѣглый обзоръ тѣхъ причинъ, которымъ надобно приписать неудачу славнаго дѣла, возложеннаго на князя Суворова; посмотримъ, каковъ былъ составъ различныхъ корпусовъ, съ коими ему приходилось дѣйствовать, и укажемъ, почему именно его должна была постигнуть неудача.

Фельдмаршалъ князь Суворовъ, главнокомандующій австро-русскими войсками, пользуется слишкомъ большою извѣстностью и славой, что мнѣ могла придти мысль быть судьей его дѣйстви.

По своимъ выдающимся заслугамъ онъ могъ претендовать на роль умиротворителя Европы; онъ не преслѣдовалъ честолюбивыхъ цѣлей, но желалъ только общаго блага, и его умъ былъ также великъ, какъ были славны его побѣды.

По характеру это былъ человекъ благородный, великодушный и добрый. Писатели пристрастные или мало свѣдущіе ошибочно приписывали ему кровожадность. Штурмъ Измаила и Праги не подтверждаетъ этого обвиненія. Суворовъ былъ вынужденъ къ этому обстоятельствомъ и первый горевалъ о пролитой имъ крови; нѣкоторые видѣли, какъ онъ плакалъ! Большое число плѣнныхъ, взятыхъ въ особенности въ Прагѣ, не позволяетъ сомнѣваться въ умѣренности побѣдителя. При томъ начальствующимъ лицамъ рѣдко удается сдержать горячность солдатъ и предотвратить ея послѣдствія во время сраженія, а еще менѣе во время штурма, въ особенности такого, каковъ былъ штурмъ Праги, когда большинство русскихъ было наэлектризовано воспоминаніемъ объ убійствахъ, совершенныхъ во время возстанія въ Варшавѣ нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ.

Этотъ выдающійся человекъ, одаренный самыми возвышенными качествами, пренебрегъ великолѣпнѣйшей ролью, какую только могла ниспослать ему судьба.

Онъ слишкомъ явно выказалъ свою досаду противъ австрійскаго правительства и сумѣлъ внушить ее императору Павлу. Вотъ единственно, что можно поставить въ вину этому великому человеку.

Одного его генія было не достаточно, такъ какъ ему пришлось бороться противъ невѣжества, самонадѣянности, зависти и отсутствія единодушія.

Своими успѣхами въ Италіи онъ былъ обязанъ единственно своему генію, и каждое его дѣйствіе было драгоценнымъ урокомъ; въ то время онъ былъ безспорно величайшимъ полководцемъ своего вѣка.

Его выдающіяся способности ярко выразились въ цѣлесообразности принятыхъ имъ мѣръ, въ распредѣленіи войскъ и въ смѣлости, съ какою были задуманы его планы. Тамъ, гдѣ онъ не могъ быть лично, слава нашего оружія была скомпрометтирована, да и могло ли быть иначе?

Императоръ Павелъ создавалъ генераловъ изъ ничтожества, изъ лицъ, не имѣвшихъ понятія о войнѣ.

Все было ниспровергнуто. Было почти запрещено говорить и писать, даже совѣсть была поработана волею одного человека: во время этого печальнаго царствованія не осталось и воспоминанія о благосостояніи,

коимъ мы пользовались въ продолженіе славнаго и благодѣтельнаго царствованія его матери.

Въ арміи не осталось ни одного изъ генераловъ, столь прославившихъ ея оружіе.

Генераль Корсаковъ, человѣкъ знающій, довольно опытный, но весьма гордый и самонадѣянный, относился съ пренебреженіемъ къ французской арміи и ея генераламъ и, разумѣется, не былъ способенъ поддержать высокую славу, которую наша армія пріобрѣла въ Италіи, благодаря гению Суворова.

Корсаковъ совершилъ походъ вмѣстѣ съ арміей принца Конде, которая шла вслѣдъ за графомъ д'Артуа: въ обществѣ этихъ молодыхъ вертопраховъ, которые хвастались тѣмъ, что при одномъ ихъ появленіи армія санкюлотовъ будетъ уничтожена, онъ научился относиться къ врагу пренебрежительно; это была роковая ошибка, которая его погубила и дорого обошлась князю Суворову и коалиціи.

Корсаковъ ничего не слушалъ и ни съ кѣмъ не совѣтовался; онъ не придавалъ ни малѣйшаго значенія опытности принца Карла и не сумѣлъ даже составить себѣ штабъ. Его армія была олицетвореннымъ хаосомъ. Отдѣльныя лица терпѣли отъ его деспотизма, а вся армія—отъ его невѣжества. Причина его пораженія лежала въ немъ самомъ; онъ поставилъ себя въ такое положеніе, что Массена былъ вынужденъ побѣдить его.

Подчиненные ему генералы достигли высшихъ чиновъ не сражаясь; это были по большей части гатчинцы, которые не имѣли даже понятія о томъ, что надобно имѣть карту для того, чтобы ориентироваться въ какой-либо мѣстности и въ особенности въ странѣ, столь гористой, какъ Швейцарія.

Я могъ бы привести много другихъ примѣровъ, но считаю, что и сказаннаго достаточно, чтобы доказать, насколько мы были не способны воевать противъ генераловъ, для коихъ Карно составлялъ планы кампаній и которые умѣли энергично приводить эти планы въ исполненіе.

Поэтому Массена надѣлалъ намъ много хлопотъ, и армія была спасена отъ окончательной гибели только благодаря ея личной храбрости.

Но все-таки нѣкоторые генералы имѣли случай отличиться; назову Сакена, Воинова, Фока, Likorhine и кн. Алексія Горчакова.

Воиновъ, самый старшій изъ генераловъ, по необходимости командовалъ лѣвымъ флангомъ арміи; генераль-лейтенанты, которые возростали также быстро, какъ спаржа растетъ въ огородѣ: Гудовичъ, Свѣчинъ, Есиповъ и многіе другіе добровольно подчинялись его приказаніямъ; чувство самосохраненія, столь сильное въ человѣкѣ и которое не соображается ни съ долгомъ, ни съ обязанностями, ни съ чиновначаліемъ, побуждало cadaго изъ нихъ сдѣлать все возможное, чтобы спасти остатки

разбитой арміи; слѣдствіемъ этого были единичные подвиги храбрости, но совокупность дѣйствій начальствующихъ лицъ доказала, что хотя храбрыми могутъ быть и молодые люди, но одной храбрости мало и она не можетъ замѣнить опытности и привычки, приобретенной на войнѣ.

Преимущества, которыя непріятель извлекъ изъ нашего пораженія, парализовали всѣ старанія нѣкоторыхъ генераловъ, которые были вынуждены держаться оборонительной системы дѣйствій, кругъ дѣятельности которой суживался съ каждымъ днемъ, вслѣдствіе того, что военныя операціи были плохо задуманы и еще того хуже выполняемы.

Приготовленія къ битвѣ при Цюрихѣ обнаружили непредусмотрительность, нерѣшимость и беспорядокъ, коими были отмѣчены всѣ наши дѣйствія во время отступленія вплоть до соединенія съ арміей Суворова.

Но такова стойкость русскаго солдата, что никакія страданія, бѣдствія и опасности не были въ состояніи поколебать бодрости его духа. Несмотря на всѣ испытанныя имъ бѣдствія, онъ былъ также отваженъ и неустрашимъ; генералы же, за весьма малыми исключеніями, потеряли голову, если допустить, что она была у нихъ раньше.

Только князь Горчаковъ, Сакенъ, Войновъ, Рѣзвой и Фокъ не потеряли голову.

Вмѣсто того, чтобы разсѣять свой армейскій корпусъ, Корсакову слѣдовало сосредоточить его въ Эглизау или занять позиціи, не доходя Глатта, занять отрядомъ Цюрихъ, поддержать его главными силами арміи въ томъ случаѣ, если бы непріятель атаковалъ его, и ожидать прибытія князя Суворова или возвращенія эрцгерцога Карла, который совершилъ въ это время довольно бесполезную диверсію къ Мангейму.

Корсаковъ совершенно позабылъ, что главнымъ основаніемъ всякаго военнаго дѣйствія должна быть забыта о своей собственной безопасности, и что достигнуть этого можно только сосредоточеніемъ своихъ силъ. Онъ перешелъ въ наступленіе три недѣли ранѣе, чѣмъ слѣдовало; вслѣдствіе этого Суворовъ, придававшій большое значеніе этой позиціи, лишился всѣхъ плодовъ своихъ побѣдъ.

Наша артиллерія, столь прекрасная въ настоящее время, была тогда въ самомъ жалкомъ состояніи; лошади были плохія, у нихъ не было достаточно корма, и уходъ за ними былъ плохой. Они рѣдко имѣли силы везти орудія даже на небольшую гору, и людямъ приходилось помогать имъ.

Кавалерійскія лошади были плохи, плохо выѣзжены, плохо взнузданы, офицеры были плохо обучены верховой ѣздѣ, они были храбры, но весьма мало образованы.

Пѣхота была хороша, но одѣта въ высшей степени смѣшно. У насъ

былъ огромный обозъ и множество повозокъ, мы походили болѣе на турецкое войско, нежели на европейскую армію.

Генераль Корсаковъ имѣлъ неосторожность помѣстить этотъ обозъ въ самомъ Цюрихѣ, почти на аванпостахъ: поэтому французы очень скоро избавили насъ отъ заботъ о немъ, захвативъ его почти цѣлкомъ.

Одною изъ первыхъ заботъ князя Суворова послѣ соединенія съ нами было расформировать корпусъ Корсакова и слить его съ своей арміей.

Соединенныя усилія трехъ союзныхъ державъ: Австріи, Англии и Россіи не увѣчались успѣхомъ.

Только одинъ Суворовъ одержалъ побѣду въ Италіи; въ Швейцаріи и въ Голландіи наши войска были разбиты.

Ошибочно принятая мѣра была причиною, то эта кампанія, начатая въ интересахъ престоловъ, не принесла тѣхъ плодовъ, на какіе можно было рассчитывать.

X.

Отступление къ Брестъ-Литовску.—Генераль Линденеръ.—Дуэль.—Прибытіе на прежнія квартиры въ г. Валкъ.—Уничтоженіе 13, кавалерійскихъ полковъ.—Формированіе обсерваціоннаго корпуса.—Кончина императора Павла I.

Зима уже наступила, когда мы пришли въ Брестъ-Литовскъ, истребленный страшнымъ пожаромъ въ ту самую ночь, когда мы въ него вступили. Въ этомъ городѣ стоялъ гарнизономъ (1800 г.) гр. Ланжеронъ со своимъ полкомъ.

Перейдя границу, мы тотчасъ почувствовали, что мы лишились многихъ прелестей походной жизни; если исключить бѣдствія, испытанныя нами въ Цюрихѣ, то все остальное время было для насъ однимъ непрерывнымъ наслажденіемъ.

Намъ было объявлено, что генераль Линденеръ, завзятый гатчинецъ, произведетъ намъ инспекторскій смотръ. При этомъ извѣстіи всѣми овладѣлъ паническій страхъ; намъ было извѣстно, что инспекторскіе смотры генерала Линденера никогда не обходились безъ жертвъ. Его репутація въ этомъ отношеніи дотого упрочилась, что каждый заранѣе безропотно покорялся своей участи, т. е. быть исключеннымъ изъ службы, посаженнымъ въ крѣпость и т. д. Этотъ всеильный человекъ, коего жестокость равнялась его всемогуществу, считалъ позволительнымъ всякій самовольный поступокъ.

Къ счастью, онъ опасно заболѣлъ, и мы отдѣлялись однимъ страхомъ. Мы пошли далѣе, къ Вильно.

Близъ этого города, я имѣлъ несчастье поссориться съ однимъ изъ моихъ лучшихъ друзей, графомъ Ипполитомъ де-Моденъ, служившимъ въ чинѣ капитана въ моемъ эскадронѣ.

Мы рѣшили нашъ споръ съ оружіемъ въ рукахъ. Мы были оба молоды, горячи и, не успѣвъ даже пригласить секундантовъ, отправились на гумно и стали рубить другъ друга саблею на свободѣ. Кровь, лившаяся въ изобиліи изъ ранъ, которыя мы нанесли другъ другу, успокоила нашъ гнѣвъ. Наша злоба улеглась, минуто спустя мы почувствовали, какъ глубока была связывавшая насъ дружба. Съ тѣхъ поръ она ни разу не нарушалась.

Мы подошли къ Ригѣ. Мостъ черезъ Двину еще не былъ исправленъ. Генераль Воиновъ послалъ меня къ генераль-губернатору, генераль-лейтенанту Ребиндеру просить ускорить постройку моста. Надъ нимъ работали нѣсколько дней безъ перерыва и, когда онъ былъ оконченъ, то мы прошли чрезъ городъ въ полной парадной формѣ.

Изъ Риги мы пошли въ Валю, гдѣ расположились на прежнихъ квартирахъ. Насъ встрѣтили такъ же любезно, какъ въ Ригѣ.

Я получилъ отпускъ, чтобы повидаться съ отцомъ.

Проживъ въ Ревелѣ мѣсяцъ, я отправился къ своему эскадрону, который былъ для меня второй семьей.

Въ 1801 г. императоръ Павелъ, уничтоживъ однимъ почеркомъ пера 13 полковъ кавалеріи, наводнилъ прочіе полки офицерами. Къ намъ поступило ихъ 30 человекъ, въ томъ числѣ 12 штабъ-офицеровъ. Изъ 4-го по списку я сталъ 13-мъ и слѣдовательно сверхштатнымъ.

Я передалъ мой эскадронъ подполковнику Китаеву, офицеру Румянцевской школы, въ которой держались правила воспитывать солдата палкою.

Это обстоятельство внушило мнѣ отвращеніе къ службѣ, я видѣлъ, какъ худо обращались съ моимъ любимымъ дѣтищемъ, съ моими молодцами кирасирами, которыхъ я заставилъ любить себя и бояться, не прибѣгая къ брани и къ палкѣ. Я не помню, чтобы мнѣ приходилось ихъ наказывать. Во все время, пока я командовалъ эскадрономъ, у меня не было ни одного дезертира, ни одной кражи.

Вслѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ (1801 г.) между Петербургскимъ и Сень-Джемскимъ кабинетами, и чуть не всѣми прочими дворами Европы, мы образовали обсерваціонный корпусъ и были посланы на Балтійское побережье.

Главнoкомандующимъ войскомъ былъ назначенъ графъ Паленъ-отецъ, хотя онъ продолжалъ жить въ Петербургѣ. Генераль Воиновъ командовалъ летучимъ отрядомъ. Но трагическое событіе сдѣлало всѣ эти мѣры излишними. Это была внезапная кончина Павла I и восшествіе на престолъ императора Александра.

Тогда все измѣнилось, всѣ вздохнули; улеглось всякое соперничество, всякая ненависть, люди цѣловались, встрѣчаясь на улицѣ; казались, всѣ проснулись отъ тяжелаго и страшнаго сна.

Отъ императора Александра, внука Екатерины и воспитанника Лагарпа, ожидали все то, чтò онъ сдержалъ впоследствии. Онъ спасъ Россію отъ бездны, въ которую ее ввергнулъ его отецъ.

Немедленно былъ заключенъ миръ съ Англіей.

Графъ Паленъ уѣхалъ въ Ревель, чтобы начать переговоры съ Нельсономъ, коего флотъ былъ уже въ виду этого порта, и вскорѣ вошелъ на Ревельскій рейдъ.

Я видѣлъ англійскаго адмирала у адмирала Спиридова. Этотъ знаменитый человекъ угощалъ насъ на своемъ кораблѣ; онъ былъ некрасивъ, но его глаза горѣли отвагой и гениемъ.

XI.

Вступленіе на престолъ императора Александра I. — Реорганизация кавалерійскихъ полковъ. — Переводъ полка въ Глуховъ. — Гр. Разумовскій. — Полученіе отпуска. — Женитьба. — Выходъ въ отставку. — Избраніе депутатомъ округа.

Императоръ Александръ, съ самаго вступленія своего на престолъ, занялся реорганизаціей арміи. Онъ уменьшилъ число кирасирскихъ полковъ; расформированные полки были превращены въ драгунъ.

Въ томъ числѣ былъ и мой полкъ, получившій прежнее названіе Стародубскаго полка. Мы охотно сбросили наши кирасы, нашу кожаную аммуницію, лосиные брюки и облеклись въ зеленый мундиръ, каску, и взяли въ руки ружье со штыкомъ.

Насъ послали въ Глуховъ, въ Малороссію, въ Черниговскую губернію.

Это была въ прежнее время резиденція малороссійскихъ гетмановъ.

Пройдя черезъ Псковъ, Смоленскъ, Новгородъ-Сѣверскій и Стародубъ, мой полкъ прибылъ въ Глуховъ, совершивъ этотъ переходъ въ два мѣсяца. Генераль Кологривовъ долженъ былъ инспектировать войска, стоявшія въ окрестностяхъ Глухова.

Мы постарались устроиться какъ можно лучше. Эта мѣстность была богата естественными произведеніями, хлѣбомъ, но бѣдна деньгами. Одесса была въ то время небольшимъ мѣстечкомъ и не представляла еще вѣрнаго и доходнаго рынка для сбыта произведеній промышленности, фабричныхъ и земледѣльческихъ продуктовъ. Крестьяне были полудикари, но большіе землевладѣльцы ни въ чемъ не уступали по

части вѣшняго благосостоянія и просвѣщенія жителямъ самыхъ цивилизованныхъ странъ.

Маркевичъ, Кочубей, Скоропадскіе и т. д. приняли меня очень любезно.

Батуричь—мѣстопребываніе графа Разумовскаго, находился въ нашемъ районѣ. Мнѣ не случалось видѣть, чтобы кто-либо изъ вельможъ жилъ роскошнѣе и оказывалъ болѣе широкое гостепримство.

Я жилъ въ имѣніи Кочубея, которое принадлежало его бабушкѣ и невѣсткѣ. Хозяйствомъ завѣдывала компаньонка-француженка, особа весьма привѣтливая и не глупая, съ которой я съ удовольствіемъ проводилъ время въ этомъ уединеніи. Она была умна, но слишкомъ романчна: это была женщина еще свѣжая, не отличавшаяся впрочемъ ни особенной красотой, ни фигурой, но въ ней было нѣчто, способное очаровать болѣе, нежели красота. Она никогда не испытала чувства, которыя она была способна возбудить, и всегда говорила о страсти съ пренебреженіемъ.

Я долго велъ постоянную переписку съ этой интересной особой и благодаря ей выработалъ себѣ слогъ и пристрастился къ литературѣ.

Я прожилъ въ Глуховѣ нѣсколько лѣтъ. Общество офицеровъ состояло изъ очень милыхъ людей. Вздумавъ завести свою бібліотеку, мы все сложились и выписали книги изъ Лейпцига и Петербурга. Завѣдующимъ ея былъ избранъ майоръ Герцбергъ. Мы также жертвовали въ бібліотеку свои собственныя книги; отдѣлъ военныхъ сочиненій былъ очень полонъ.

Чтеніе, охота и бостонъ, такова была неизмѣнная программа нашего препровожденія времени. Проведя въ Глуховѣ три года, я получилъ 4-хъ мѣсячный отпускъ (1804 г.).

По пути на родину я заѣхалъ въ Черниговъ, гдѣ провелъ нѣсколько дней, желая представиться малороссійскому генералъ-губернатору князю Алексію Куракину. Затѣмъ я заѣхалъ въ Витебскъ, къ дядѣ генерала Воинова, генералъ-губернатору Михельсону, который принялъ меня весьма ласково; миновавъ Могилевъ, Шкловъ, Полоцкъ, Псковъ и Дерптъ, я пріѣхалъ въ январѣ мѣсяцѣ къ моему отцу и, проведя у него всего нѣсколько дней, отправился въ Петербургъ, гдѣ я не былъ 9 лѣтъ.

Я представлялся императору Александру и великому князю Константину. Послѣдній предложилъ мнѣ поступить въ его Конногвардейскій полкъ, но такъ какъ эта карьера требовала большихъ средствъ, то просилъ позволенія посоветоваться предварительно съ отцомъ. Генералъ Уваровъ со своей стороны предложилъ мнѣ поступить въ Кавалергардскій полкъ, коимъ онъ командовалъ, я и отъ этого отказался или, лучше сказать, просилъ позволеніе повременить отвѣтомъ по той же при-

чинѣ, хотя я объ этомъ очень сожалѣлъ, такъ какъ это было единственное средство сдѣлать быструю и хорошую карьеру.

Всѣ эти планы разсѣялись, какъ дымъ, когда я познакомился съ графиней Наталіей Тизенгаузенъ, фрейлиной ихъ императорскихъ величествъ, и дочерью оберъ-гофмейстера, гр. Тизенгаузена. Она мнѣ очень понравилась, и я просилъ ея руки.

Мой отецъ, весьма довольный этимъ бракомъ, обезпечилъ меня, отдавъ въ мое полное владѣніе прекрасное имѣніе и замокъ Разиксъ.

Мнѣ надобно было однако возвратиться въ полкъ, такъ какъ моему отпуску истекалъ срокъ; я поѣхалъ въ Глуховъ, съ намѣреніемъ выйти въ отставку. По пріѣздѣ въ полкъ, я привелъ въ порядокъ дѣла, отослалъ мои экипажи, лошадей и собакъ и подалъ прошеніе объ отставкѣ.

Я былъ уволенъ два мѣсяца спустя съ чиномъ подполковника. Передъ отъѣздомъ изъ Глухова, на меня напали однажды мошенники. Я провелъ вечеръ у одного изъ моихъ товарищей; было уже поздно, ночь была очень темная, я возвращался домой одинъ,—какъ вдругъ три негодяя напали на меня, одинъ изъ нихъ нанесъ мнѣ ударъ по головѣ, которую онъ разсѣкъ; я былъ ошеломленъ, но не потерялъ сознанія, и имѣлъ силы замахнуться саблею и закричать «караулъ».

Мерзавцы испугались и пустились бѣжать. Меня подняли какіе-то прохожіе и отнесли въ сосѣдній домъ. Оказалось, что это была квартира Трегубова, адъютанта генерала Воинова; онъ послалъ за хирургомъ, который сдѣлалъ мнѣ перевязку, успокоилъ меня на счетъ того, что моя рана не опасная, и сказалъ, что я буду въ состояніи выѣхать недѣли черезъ три.

Генералъ-губернаторъ кн. Алексѣй Куракинъ, бывшій въ то время въ Глухсѣ, велѣлъ розыскать виновныхъ, но ихъ не удалось найти; поводомъ къ нападенію на меня было, вѣроятно, то обстоятельство, что я въ этотъ день получилъ по почтѣ значительную сумму денегъ—5.000 р., что не могло остаться тайною въ такомъ маленькомъ городѣ, какъ Глуховъ.

Проболѣвъ нѣсколько недѣль, я наконецъ совершенно оправился и съ полубритой головою (что было не особенно кстати для человѣка, ѣхавшаго вѣнчаться), я постигшиль уѣхать изъ города, въ которомъ меня едва не постигъ столь роковой конецъ.

Мнѣ было тяжело разставаться съ генераломъ Воиновымъ и моими славными товарищами.

По моемъ возвращеніи, состоялась моя свадьба. Я былъ несказанно счастливъ; моя жена обладала всѣми качествами ума и сердца. Ея двоюродная сестра, графиня Бобринская, которая очень любила ее, пріѣзжала изъ Петербурга къ намъ на свадьбу.

Я проводилъ время очень пріятно лѣтомъ въ имѣніи, а зимою въ городѣ.

На сеймѣ, который состоялся вскорѣ по вступленіи моемъ въ бракъ съ графиней Тизенгаузенъ, я былъ избранъ депутатомъ моего округа съ правомъ присутствовать въ гражданскомъ и военномъ судѣ и рѣшать споры, возникающіе между жителями и солдатами. вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ избранъ первымъ депутатомъ по церковнымъ дѣламъ того прихода, въ которомъ я былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ землевладельцевъ.

Можно было предполагать, что я достигъ всего того, что было предназначено мнѣ судьбою на землѣ; я полагалъ, что я достигъ на 27-му году жизни тихой пристани и, къ довершенію счастья, у меня родился (1805 г.) сынъ, котораго я назвалъ Львомъ (Léon) въ честь г-жи Сталь, моей родственницы, которая только-что издала свой романъ «Дельфина».

Четыре мѣсяца спустя я имѣлъ несчастье лишиться этого ребенка. Моя бѣдная Наташа была неутѣшна. Люди съ чувствительнымъ сердцемъ сильнѣе испытываютъ горе; они такъ предаются ему обыкновенно, что этимъ подрываютъ свое здоровье. Такъ было и съ моею женою.

XII.

Замыслы Наполеона противъ Англіи.—Война 1805 г.—Поѣздка въ Италію.—Жизнь въ Вѣнѣ.—Графъ Огинскій.—Болѣзнь и кончина жены.—Занятіе французами Вѣны въ 1809 г.—Волонтерство.

Вспыхнула война 1805 г., я не принималъ въ ней участія, отказавшись отъ всякихъ честолюбивыхъ плановъ; къ тому же я никогда не былъ серьезно преданъ военному дѣлу.

Главнoкомандующимъ арміей противъ Наполеона былъ назначенъ Кутузовъ.

Вся Европа считала химерой задуманный этимъ исполнoмъ проектъ завоеванія Англіи. Въ самомъ дѣлѣ, вторженіе въ Англію казалось дѣломъ невыполнимымъ, однако, свѣдущіе люди доказали впоследствии, что этотъ проектъ не былъ, какъ многіе говорили и писали, только искусной политической маской, коею Наполеонъ прикрывалъ другіе завоевательные планы, и что опасность вторженія угрожала Англіи, такъ же точно, какъ тверда была рѣшимость Наполеона предпринять эту войну.

Вооруженіе многочисленнаго флота было почти окончено, постройка различнаго типа судовъ была также окончена: Булонская гавань была расширена

Наполеонъ, понявъ наконецъ всю трудность, съ какою было сопряжено его обширное предпріятіе, еще тверже рѣшилъ преодолѣть его. Онъ рассчитывалъ для этого на морскія силы Франціи и Европы.

Только морской министръ былъ посвященъ въ его тайные замыслы; армія горѣла нетерпѣніемъ сражаться. Маршалы Сультъ, Даву, Ней соперничали въ усердіи и дѣятельности, чтобы поддержать рвеніе сухопутныхъ и морскихъ силъ постоянными военными упражненіями. Присутствіе Наполеона всѣхъ воодушевляло, придавало всѣмъ бодрость.

Англійское правительство, серьезно встревоженное, не жалѣло золота. Образовалась коалиція, и Наполеону пришлось по неволѣ отказаться отъ своихъ замысловъ противъ Англии.

Войска выступили изъ Булонскаго лагеря, и береговой арміи было приказано идти на Рейвъ и вступить въ Германію.

Французская армія, страстно желавшая, чтобы этотъ исполнинскій проектъ былъ осуществленъ, такъ какъ она зарилась на богатства Англии, съ трудомъ отказалась отъ своихъ надеждъ. Но благодаря легкомыслию, свойственному французскому характеру, это впечатлѣніе вскорѣ изгладилось.

Увѣренная въ томъ, что ей предстояло пожать новые лавры, французская армія съ радостью готовилась перенести всѣ труды и опасности.

Австрійскій главнокомандующій Макъ потерпѣлъ пораженіе на всѣхъ пунктахъ и сдался въ плѣнъ при Ульмѣ, съ остатками своей арміи.

Послѣ этого пораженія, Кутузову пришлось имѣть дѣло со всѣми французскими силами. Между обѣими арміями произошло нѣсколько славныхъ, но кровопролитныхъ сраженій, которыя привели наконецъ къ битвѣ при Аустерлицѣ. Мы были разбиты, и наши войска возвратились въ Россію.

Въ этомъ сраженіи, былъ убитъ братъ моей жены, графъ Фердинандъ Тизенгаузенъ, флигель-адъютантъ и зять генерала Кутузова; это былъ прекраснѣйшій молодой человекъ. Онъ былъ убитъ со знаменемъ въ рукѣ, во главѣ малороссійскаго гренадерскаго полка, который онъ повелъ въ штыки на непріятеля. Съ нимъ были положены въ могилу полученные имъ нѣсколько дней передъ тѣмъ Георгіевскій крестъ и крестъ Маріи Терезіи.

Это былъ новый ударъ для моей бѣдной Наташи! Она едва не умерла, но Господь сжаился надъ нею, пославъ ей втораго сына, котораго я назвалъ Фердинандомъ въ память его дяди, графа Тизенгаузена.

Такъ какъ моя нервная система была совершенно потрясена, то мое здоровье внушало женѣ серьезныя опасенія. Она ухаживала то за мною, то за сыномъ, рожденіе котораго разсѣяло ея горе.

Нашъ маленькій Фердинандъ скончался, когда у него прорѣзывались зубы. Я былъ чрезвычайно огорченъ, а моя жена была въ совершенномъ отчаяніи и никогда не могла забыть этого страшнаго горя.

Во время Прусской кампаніи (1807 г.) я хворалъ и просидѣлъ все время безпомощно въ своемъ креслѣ; испытанное мною горе и досада, что я не могу участвовать въ походѣ, истощили мои силы; я медленно угасалъ; врачи потеряли надежду на мое выздоровленіе и совѣтовали мнѣ ѣхать въ Италію.

Неожиданный пріѣздъ моихъ братьевъ: Георгія, Федора и Эдуарда доставилъ намъ нѣкоторое облегченіе. Молодые, блестящіе гусарскіе офицеры, они возвращались съ войны, участвовали въ сраженіяхъ при Пултускѣ, Эйлау и Фридландѣ, во всѣхъ аванъ и аррьергардныхъ стычкахъ, и благополучно избѣгли всѣхъ опасностей.

Въ то же время пріѣхалъ и мой братъ-морякъ, окончившій свое кругосвѣтное путешествіе. Смерть моей сестры графини Стенбокъ и моего брата Федора, молодого человѣка, подававшего самыя блестящія надежды, омрачила наше счастье, которое было такъ же кратковременно, какъ лучъ солнца, освѣщающій небо, которое заволокли тучи.

Гусары уѣхали обратно въ армію, а морякъ ушелъ въ Черное море, гдѣ онъ командовалъ фрегатомъ, взятымъ у турокъ.

Я рѣшилъ ѣхать въ Италію. Поручивъ управленіе моимъ имѣніемъ честному и образованному человѣку, я уѣхалъ.

Мы остановились на нѣсколько дней въ Оберпаленѣ, у двоюродной сестры моей жены, графини Бобринской; къ ней также пріѣхали родители моей жены; это разсѣло на время ея меланхолію. Къ сожалѣнію, въ ней уже таилась недугъ, о которомъ никто не подозрѣвалъ. У нея образовался на груди нарывъ, распухли железы. Съ этой минуты ни она, ни я не знали болѣе покоя. Врачи, съ которыми мы совѣтовались въ Дерптѣ, объявили, что лѣченіе болѣзни можетъ быть только оперативное, и что для радикальнаго ея излѣченія необходимо вырѣзать ракъ, образовавшійся у нея на груди.

Моя жена съ удивительнымъ самообладаніемъ рѣшилась подвергнуться операціи и перенесла ее благополучно. Она поправлялась медленно и такъ какъ то время года было уже позднее, то мы рѣшили провести зиму въ Вѣнѣ.

Проѣхавъ черезъ Ригу, я остановился на нѣсколько дней въ Вильно, чтобы посоветоваться съ сыномъ извѣстнаго доктора Франка, который самъ уже былъ знаменитостью. Онъ далъ мнѣ рекомендательное письмо къ своему отцу въ Вѣну.

Изъ Вильно мы направились на Брестъ и Люблинъ.

Въ октябрѣ мѣсяцъ дорога отъ Люблина до Кракова была отврати-

тельна; имѣя берлинъ, запряженный 8-ю и нѣрѣдко 10-ю лошадьми, я съ трудомъ могъ проѣхать двѣ станціи въ день.

Переправляясь черезъ Вислу, мы едва не утонули. Съ нами ѣхалъ графъ Огинскій. Мы бѣдствовали вмѣстѣ съ нимъ и разстались въ Краковѣ съ искреннимъ сожалѣніемъ.

Гр. Огинскій извѣстенъ своими несчастіями, своей ссылкой, своимъ богатствомъ и въ особенности своими музыкальными способностями.

Императоръ Александръ былъ настолько великодушенъ, что разрѣшилъ ему вернуться изъ ссылки и вернуть ему все его состояніе. Онъ женился впоследствии на гѣвицѣ италіанкѣ и жилъ очень хорошо во Флоренціи, гдѣ я встрѣчался съ нимъ. Полонезъ, сочиненный имъ въ ссылкѣ, извѣстенъ всѣмъ; онъ послалъ его своей женѣ, которую онъ обожалъ, и она поняла по преобладавшему въ немъ мотиву все то, что происходило у него на душѣ.

Въ Вѣнѣ мы остановились въ отелѣ императрицы австрійской (hôtel de l'Impératrice d'Autriche); нѣсколько дней спустя, я нанялъ квартиру напротивъ церкви св. Петра въ домѣ, носившемъ названіе Всевидящаго ока (l'oeil de Dieu). Это показалось мнѣ добрымъ предназначеніемъ.

Моя жена хорошо перенесла утомительное путешествіе и мало-помалу окрѣпла; мои нервы также успокоились; на нихъ благотворно подействовала однообразная стукъ экипажныхъ колесъ. Я думалъ, что намъ еще возможно счастье.

Я имѣлъ рекомендательныя письма къ графу Андрею Разумовскому, закадычному другу моего тестя, который принять меня какъ нельзя любезнѣе. Обѣды и вечера непрерывно слѣдовали одинъ за другимъ.

Молодая графиня Кувентовенъ (Coupentoven), рожденная Левенштернъ, познакомила мою жену съ графиней Стадіонъ и другими дамами. У насъ часто проводили вечеръ французскій посланникъ и нѣкоторые члены дипломатическаго корпуса. Въ ихъ обществѣ моя бѣдная Наташа почти забыла о своей меланхоли.

Такъ какъ здоровье не позволяло ей сидѣть позднѣе 10-ти часовъ, то графу Андрею пришла счастливая мысль написать мѣломъ на зеркалѣ крупными буквами: «приказано расходиться по домамъ въ 10 часовъ», такъ что, всякій, взглянувъ въ зеркало хотя мимоходомъ, невольно прочитывалъ эту фразу.

Заѣхать къ намъ посидѣть часокъ другой, прежде нежели ѣхать куда-нибудь на вечеръ или на балъ, вошло въ моду, и мнѣ было довольно трудно поддерживать равновѣсіе между обиліемъ посѣтителей и тѣсною нашего помѣщенія.

Попавъ въ свѣтъ, я пожелалъ быть представленнымъ ко двору.

Въ Вѣнѣ этикетъ не допускаетъ, чтобы иностранецъ былъ пред-

ставленъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, онъ долженъ быть представленнымъ посланникомъ, между тѣмъ у насъ не было въ то время посланника въ Вѣнѣ. Г. Анштеттъ попросилъ французскаго посланника представить ко двору меня, генерала Вердеревскаго, Цызерева и полковника графа Витта. Это не особенно понравилось австрійцамъ, точно такъ же, какъ и намъ, русскимъ, такъ какъ отношенія Франціи и Австріи становились уже натянуты и хотя въ салонѣ французскаго посланника съѣзжалось ежедневно самое избранное вѣнское общество, но можно было предполагать, что буря скоро разразится.

Императоръ и императрица удостоили меня нѣсколькими словами. Императрица была хороша собою и очень привѣтлива.

Я былъ также представленъ эрцгерцогинѣ Маріи-Луизѣ-Беатрисѣ, матери императрицы, всѣмъ эрцгерцогамъ и герцогу Альберту Саксенъ-Тергенскому (Saxe-Terhen).

Я былъ приглашенъ на многіе парадныя обѣды.

Принцъ де-Линь или князь принялъ меня съ откровенной любезностью; онъ любилъ русскихъ, и двери его отеля были всегда для нихъ открыты.

Въ роскошный салонъ къ супругѣ маршала кн. Любомірскаго съѣзжалось лучшее вѣнское общество. Присутствіе ея племянницы, очаровательной графини Замойской, ея внучатаго племянника кн. Генрика Любомірскаго и ея внуковъ Артура и Альфреда Потоцкихъ придавало еще болѣе блеска этимъ собраніямъ.

Графъ Разумовскій роскошно принималъ гостей въ своемъ только-что отстроенномъ великолѣпномъ отелѣ. Мнѣ оказывали большое расположеніе въ семействѣ графа Аппови, сынъ котораго, бывшій впоследствии посланникомъ въ Парижѣ, только-что женился на дѣвицѣ Ногаролла (Nogarolla), умной и прелестной особѣ.

Я также завелъ знакомство въ финансовомъ мірѣ, посѣщая семейства Ариштейновъ, Пфейра, Эскалесъ и Фріеса; пребываніе въ Вѣнѣ было для меня какъ нельзя болѣе пріятно.

Я также усердно посѣщалъ Пратеръ и театры. Баронесса Шпехтъ, столь извѣстная своимъ умомъ и красотою, а также своею связью съ княземъ Лудвигомъ Лихтенштейномъ, на чтѣ все вѣнское общество смотрѣло снисходительно, и графиня Фюнфбирхенъ, впоследствии Эстергази, рожденная Шешпингъ (Schoerringk) придавали особую прелесть прогулкамъ въ Пратерѣ.

Намъ оказывали также всевозможное вниманіе генералъ Вердеревскій, графъ Головкинъ, графъ Толстой, бывшій посланникъ, графъ Виттъ, Булгаковъ и нѣкоторые другіе наши соотечественники.

Посѣщая такъ часто общество и пользуясь всѣми развлечениями, жена моя, казалось, чувствовала себя прекрасно; однако я пригласилъ извѣстнаго доктора Франка; онъ нашелъ состояніе ея здоровья весьма

утѣшительнымъ въ данное время, но внушающимъ серьезныя опасенія въ будущемъ.

Лучшіе вѣнскіе врачи: Каппелини, Мальфати, Сальватори и Ранвельцгофферъ составили консиліумъ подѣ председательствомъ Франка, и рѣшили, что необходимо сдѣлать операцію вторично. Мною овладѣло страшное отчаяніе; тотъ, кому было извѣстно все, что я выстрадалъ во время первой операціи, могъ представить себѣ, что я чувствовалъ въ ожиданіи второй.

Моя бѣдная Наташа, нѣкогда столь красивая и счастливая, могла остаться въ живыхъ только при условіи перенесенія страшныхъ страданій; это приводило меня въ самое мрачное настроеніе, и я совершенно упалъ духомъ, но не рѣшался сообщить несчастной приговоръ врачей.

Наконецъ Франкъ, этотъ патріархъ врачей, взялся сообщить ей, что она могла ожидать спасеніе, только рѣшившись перенести вторично весьма тяжелую операцію. Она выслушала его безропотно, кротко взглянула на меня и сказала: «лишь бы я поправилась».

Ее успокоили, и операція была сдѣлана. Великолѣпный уходъ быстро возстановилъ ея силы, и вмѣстѣ съ ними вернулся ея ангельскій характеръ и ея всегдашняя бодрость духа!

Вѣнское общество отнеслось къ намъ въ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ удивительно, всѣ наперерывъ оказывали больной самое сердечное вниманіе и участіе.

По прошествіи двухъ мѣсяцевъ, Наташа, казалось, вполне оправилась. Радость и счастье снова посѣтили нашъ домъ, но, къ сожалѣнію, это продолжалось недолго. Появились симптомы болѣе опасныя, и уже на выздоровленіе ея не было никакой надежды! Она скончалась на моихъ рукахъ въ страшныхъ страданіяхъ. Я остался совершенно одинъ на свѣтѣ, удрученный этимъ ужаснымъ горемъ, не имѣя съ кѣмъ раздѣлить его.

Занятіе Вѣны французами (1809 г.) въ тотъ самый моментъ, когда моя жена была при смерти, придавало этому горестному для меня событію еще болѣе зловѣщій характеръ.

Во время бомбардировки, продолжавшейся всю ночь, одинъ изъ снарядовъ, брошенныхъ французами, попалъ въ домъ Ветцлара, гдѣ мы жили. Произведенный этимъ шумъ и волненіе, крики: «пожаръ», бѣгство другихъ жильцовъ, такъ напугали мою жену, что это ускорило ея смерть. Впрочемъ, ея состояніе было таково, что врачи считали ея смерть благодѣяніемъ. Ея тѣло было набальзамировано тѣмъ же химикомъ, который бальзамировалъ маршала Ланна (Lannes), герцога Монтебелло, и положено въ часовнѣ, въ ожиданіи того, когда событія позволятъ перевезти его на родину, въ склепъ, гдѣ покоились ея предки.

Вѣнское духовенство не разрѣшило мнѣ поставить ея тѣло въ ча-

совню, но я обратился къ графу Андреоссу, только-что назначенному генераль-губернаторомъ Вѣны, и духовнымъ лицамъ пришлось уступить силѣ. Флигель-адъютантъ императора Александра I полковникъ Горголи и молодой и блестящій Чернышевъ были такъ добры, помогли мнѣ отдать послѣдній долгъ усопшей.

Они и графъ Виттъ, съ которымъ я былъ издавна друженъ, употребили все свое стараніе, чтобы вывести меня изъ того безчувственнаго состоянія, въ какое меня повергла кончина моей бѣдной Наташи. Они совѣтовали мнѣ искать утѣшеніе на полѣ битвы и воспользоваться политическими обстоятельствами, чтобы принять участіе волонтеромъ въ военныхъ дѣйствіяхъ Наполеона.

Опасность, съ какою это было сопряжено, соблазнила меня; я уже смотрѣлъ на смерть равнодушно, я смотрѣлъ на нее скорѣе какъ на благо, такъ какъ она дала бы мнѣ возможность соединиться вновь съ дорогимъ существомъ, котораго я лишился.

Какъ разъ въ это время (1809 г.) въ главную квартиру Наполеона прибылъ генераль-адъютантъ князь Павелъ Гагаринъ.

Я былъ знакомъ съ нимъ еще въ то время, когда онъ состоялъ въ чинѣ капитана при главной квартирѣ князя Репнина въ Гродно, и очень сошелся съ нимъ, какъ съ человѣкомъ очень умнымъ и пріятнымъ. Онъ быстро сдѣлалъ карьеру благодаря своему браку съ красавицей княжною Гагариной и особому благоволенію императора Павла, и я потерялъ его изъ вида. Встрѣтившись съ нимъ въ главной квартирѣ Наполеона, я убѣдился, что онъ все еще былъ добрымъ и сердечнымъ человѣкомъ, какимъ я зналъ его въ Гродно.

Онъ представилъ меня принцу Невшательскому (Бертъе), оберъ-гофмаршалу Дюроку, графу де Шампаньи (Champagny), министру иностранныхъ дѣлъ и герцогу де Бассано.

Наполеонъ изъявилъ согласіе на мою просьбу. Я присоединился къ графу Витту, который былъ причисленъ къ той же категоріи, и мы вмѣстѣ стали снаряжаться къ войнѣ; у графа Витта была по истинѣ царская конюшня; поэтому выборъ лошадей не представлялъ для насъ ни малѣйшаго затрудненія; мы обзавелись лучшими лошадьми, нежели многіе французскіе генералы, и онѣ были конечно не хуже, нежели лошади щегольскихъ адъютантовъ принца Невшательскаго и ординарцевъ Наполеона. Мы приняли участіе въ походѣ и участвовали въ сраженіяхъ при Аспернѣ, Ваграмѣ, Голабрюннѣ и Знаннѣ.

XIII.

Краткая характеристика Наполеона.—Война 1809 г.—Участіе въ ней Левенштерна въ качествѣ волонтера.—Характеристика австрійскихъ войскъ.—Вооруженіе жителей Вѣны.—Защита города.—Бомбардированіе столицы Австріи и вступленіе въ нее французовъ.—Графъ Андреосси.—Характеристика французскихъ генераловъ.—Наружность Наполеона.—Жизнь его въ Шёнбруннѣ.—Парадъ французскимъ войскамъ.

Первыя блестящія побѣды были одержаны Бонапартомъ въ Италіи: его имя было у всѣхъ на устахъ! Онъ пробудилъ усыпленные умы и сдѣлалъ приковать всѣ взоры.

Мнѣ было любопытно видѣть и наблюдать этого необыкновеннаго человѣка вблизи, въ особенности въ день битвы.

Его изумительная карьера, его выдающіеся военные подвиги, достопамятные походы, совершенные имъ въ Италію, войны 1800, 1805 и 1807 г.г. такъ мало походили на все видѣнное до тѣхъ поръ, что мое любопытство было вполнѣ простительно; видѣть его вблизи было весьма поучительно.

Бонапартъ принадлежитъ исторіи; ей придется выяснить необычайныя качества, коими былъ одаренъ этотъ человѣкъ; современнику трудно исполнить эту задачу, но онъ можетъ изложить ясно и главное правдиво тѣ событія, въ коихъ ему пришлось быть участникомъ, и отмѣтить нѣкоторыя особенныя черты, присущія Наполеону, которыя ему довелось самому наблюдать или о которыхъ ему пришлось слышать.

Я не имѣю намѣренія и даже возможности разсматривать съ научной точки зрѣнія вопросы, касающіеся военныхъ дѣйствій; я хочу только высказать о нихъ свое сужденіе. Каково бы оно ни было, оно можетъ пригодиться со временемъ какъ матеріалъ для историческаго изслѣдованія и можетъ представить нѣкоторый интересъ потому, что оно высказано искренно и безпристрастно.

Политическія событія находятся всегда въ тѣсной внутренней связи съ дѣйствіями арміи и имѣютъ огромное вліяніе на судьбу отдѣльныхъ личностей. Со времени революціи политика европейскихъ державъ никогда не шла рука объ руку съ политикой Франціи, и поэтому нельзя было предполагать, что мнѣ представится когда либо-случай видѣть этого замѣчательнаго человѣка, въ особенности въ день битвы. Это могло случиться лишь въ виду тѣхъ чрезвычайныхъ, выдающихся событій, какія народамъ Европы пришлось испытать.

Тильзитскій договоръ и Эрфуртскій конгрессъ доставили мнѣ этотъ случай.

Франція расширила предѣлы своихъ владѣній и увеличила число

своихъ союзниковъ. Изъ смертельныхъ враговъ Наполеона мы дѣлались его союзниками. Исторія съ трудомъ повѣритъ этому.

Когда началась война Франціи съ Австріей, то князь Сергѣй Голицынъ былъ назначенъ командующимъ корпусомъ, который долженъ былъ дѣйствовать въ Галиціи противъ нашихъ бывшихъ союзниковъ.

Въ главную квартиру Наполеона былъ посланъ одинъ генералъ-адъютантъ (князь Гагаринъ) и нѣсколько флигель-адъютантовъ русскаго императора: слѣдовательно, можно было принять участіе въ походѣ французской арміи, не нарушая этимъ приличія и не оскорбляя общественаго мнѣнія, что я и сдѣлалъ.

Французская армія, въ ея тогдашнемъ видѣ, безъ сомнѣнія, могла считаться образцовою.

Великіе таланты, находившіеся въ этой арміи, ихъ многочисленныя подвиги храбрости и сраженія, въ коихъ участвовала эта армія, представляли обширное поле для наблюденія.

Послѣ испытаннаго мною несчастья, мой умъ былъ склоненъ къ серьезнымъ размышленіямъ. Я мало дѣлился своими мыслями, но много наблюдалъ. Мнѣ хотѣлось въ особенности изучить Наполеона. Онъ одинъ былъ достоинъ самыхъ серьезныхъ размышленій какъ въ отношеніи его оригинальной личности, такъ и въ силу его многочисленныхъ и разнообразныхъ военныхъ операцій.

Выдающіяся качества, коимъ онъ былъ обязанъ своему возвышенію, усугублялись въ день битвы величественной картиной этого зрѣлища, которое заставляло позабыть все его недостатки. Намъ не извѣстны многія весьма важныя подробности о дѣйствіяхъ непріятельскихъ армій; ни въ бюллетеняхъ Наполеона, ни въ австрійскихъ бюллетеняхъ не слѣдуетъ искать правды.

Передавая ихъ буквально, мы представили бы событія въ ложномъ свѣтѣ, и это дало бы впоследствии поводъ ко многимъ ошибочнымъ выводамъ. Но, описывая событія по своимъ личнымъ наблюденіямъ, не руководствуясь ни чьимъ постороннимъ мнѣніемъ, не отдавая предпочтенія ни той, ни другой арміи, можно льстить себя надеждою, что рассказъ объ этихъ событіяхъ будетъ любопытенъ если не по изложенію, то по его безпристрастію и по нѣкоторымъ подробностямъ, доселѣ быть можетъ неизвѣстнымъ.

Я не упускалъ случая все видѣть и собрать объ всемъ самыя обстоятельныя свѣдѣнія; но, клянусь Богомъ, я не имѣю притязанія написать сочиненіе безупречное: я ручаюсь за одно,—что мой рассказъ будетъ изложенъ добросовѣстно.

Послѣ объявленія войны, въ 1809 г., Наполеонъ быстро одержалъ

рядъ побѣдъ, которымъ онъ былъ обязанъ своему выдающемуся генію и которыя привели его армію къ воротамъ Вѣны.

Императоръ Францискъ II, вся императорская фамилія и всѣ высшіе сановники выѣхали изъ города. Эрцгерцогъ Максимилианъ остался въ Вѣнѣ, чтобы защищать столицу.

Генераль Гиллеръ (Hiller), командовавшій аррьергардомъ австрійской арміи, отступалъ передъ побѣдоносной арміей Наполеона, по большой дорогѣ, идущей въ столицу изъ Браунау (Braunau), между тѣмъ какъ эрцгерцогъ Карлъ приближался къ Вѣнѣ съ главными силами своей арміи, спускаясь съ Богемскихъ горъ.

Появленіе корпуса Гиллера нѣсколько ободрило упавшихъ духомъ вѣнцевъ. Жители столицы соперничали другъ передъ другомъ, чтобы встрѣтить подобающимъ образомъ этихъ храбрецовъ, лица которыхъ, потемнѣвшія отъ загара и пыли, имѣли внушительный, воинственный видъ. Они стали бивуакомъ на улицахъ и городскихъ площадяхъ, гдѣ имъ были розданы въ изобиліи съѣстные припасы и вино.

На площади передъ замкомъ расположилось шесть великолѣпнѣйшихъ баталіоновъ венгерскихъ гренадеръ самаго воинственнаго вида. Въ городѣ всѣ волновались и только говорили о томъ, что надобно защищаться до послѣдней крайности. На валахъ была поставлена гвардія, жители просили выдать имъ оружіе и отправились за нимъ въ арсеналь. Имъ были розданы ружья и патроны. Горе тому, кто позабылъ бы прицѣпить къ шляпѣ австрійскую кокарду или, будучи въ состояніи носить оружіе, не имѣлъ бы ружья на плечѣ.

Я причислился изъ любопытства къ числу сражающихся и просилъ также дать мнѣ ружье; я сталъ на часахъ на валу, называемомъ «le Barteu», который служить въ хорошую погоду мѣстомъ прогулки для лучшаго общества г. Вѣны.

Мнѣ хотѣлось самому видѣть и наблюдать своими собственными глазами, до какой степени можетъ дойти энтузіазмъ народа. Но я вскорѣ убѣдился, что у добрыхъ вѣнцевъ онъ бываетъ не особенно продолжителенъ.

Съ наступленіемъ ночи, когда жареные цыплята, которыхъ истребляютъ въ Вѣнѣ въ такомъ огромномъ количествѣ, были всѣ съѣдены, умы успокоились и всѣ разошлись по домамъ.

Я также бросилъ ружье и сталъ простымъ зрителемъ событій, которыя слѣдовали одно за другимъ съ удивительною быстротою.

Наполеонъ потребовалъ, чтобы городъ сдался, и, получивъ отказъ, приказалъ тѣсно обложить Вѣну, возвести батареи и бомбардировать столицу.

Эрцгерцогъ Максимилианъ выѣхалъ изъ города ночью, предоставивъ его своимъ собственнымъ силамъ. Князь Лудвигъ Лихтенштейнъ, тя-

жело раненый, остался въ Вѣнѣ. Генералъ Одонелль принялъ командование войсками.

Бомбардированіе продолжалось всю ночь: нѣсколько домовъ было сожжено. Первымъ запылалъ большой домъ на Грабенѣ, называемый Тратнергофъ. Домъ, въ которомъ я помѣщался, также не былъ пощажень.

На улицахъ царствовала полнѣйшая тишина.

Жители не смѣли выйти на улицу, опасаясь быть ранеными осколками бомбъ; солдаты жались къ домамъ со стороны, противоположной непріятельскимъ батареямъ; зрѣлище было довольно грустное и зловѣщее: одни только пожарные проявляли большую дѣятельность и исполняли свой долгъ безъ шума, дѣйствуя смѣло и безукоризненно.

Въ четыре часа утра бомбардированіе прекратилось. Я вышелъ на улицу, чтобы составить себѣ понятіе объ опустошеніи, произведенномъ въ городѣ, и къ величайшему моему разочарованію, увидѣлъ, что пострадали только однѣ оконныя стекла и что благодаря стараніямъ пожарныхъ обгорѣло всего нѣсколько крышъ.

Я розыскалъ нѣкоторыхъ знакомыхъ, которые спрятались въ подвалы, и убѣждалъ ихъ выйти изъ этихъ сырыхъ помѣщеній, увѣряя, что опасность миновала; что французы займутъ по всей вѣроятности городъ, который не имѣлъ никакихъ средствъ къ защитѣ, ибо иначе онъ будетъ превращень въ груды развалинъ. Дѣйствительно, въ 11 часовъ бомбардированіе возобновилось, но въ полдень была подписана капитуляція, и въ два часа французы вступили въ Вѣну.

Способъ, коимъ совершилась эта оккупация и вступленіе войскъ въ Вѣну, былъ настолько характерень, что онъ обратилъ мое вниманіе, и по моему мнѣнію былъ превосходно рассчитанъ по характеру жителей Вѣны.

Я отправился на площадь передъ замкомъ, неподалеку отъ воротъ, называемыхъ Бургторъ (Burgthor).

Прежде всего въ воротахъ появился маленькій барабанщикъ французъ, въ родѣ гамэна въ мундирѣ. Онъ шелъ одинъ, держа въ рукахъ большое письмо, которое онъ несъ такъ, чтобы его было замѣтно, и чтобы нельзя было ошибиться на счетъ свойства даннаго ему порученія. Его схватилъ офицеръ городской стражи и повелъ къ австрійскому главнокомандующему.

Нѣсколько минутъ спустя явились два изящно одѣтыхъ французскихъ офицера; можно было подумать, что они шли съ визитомъ, а не изъ непріятельскаго лагеря. Одного изъ нихъ звали Марбѣфъ, и я познакомился съ нимъ впоследствии. Они шли подъ руку, какъ будто гуляли. Сказавъ нѣсколько словъ офицеру, командовавшему постомъ, они прошли далѣе, весело болтали между собою, вѣжливо кланялись дамамъ, спрашивали встрѣчныхъ на прекрасномъ нѣмецкомъ языкѣ, ко-

торый часть, благодарили и проходили дальше. Вслѣдъ за ними явилось четыре гвардейскихъ гренадера безъ ружей; они вошли въ кафе, начали играть на билліардѣ, заплатили впередъ за все, что потребовали; вели себя тихо и благопристойно.

Народъ былъ весьма изумленъ тѣмъ, что непріятель считалъ себя повидимому въ совершенной безопасности; волненіе, царствовавшее въ толпѣ нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, смѣнилось величайшимъ спокойствіемъ.

Вслѣдъ за этими веселыми солдатами, игравшими на билліардѣ, вступилъ небольшой отрядъ артиллеристовъ. Ни у кого не спрашивая дороги, онъ направился прямо къ арсеналу, который былъ имъ занятъ.

Затѣмъ въ городъ вступилъ баталіонъ гренадеръ и занялъ вмѣстѣ съ городской стражею большую гауптвахту передъ замкомъ. Наконецъ прибылъ графъ Андреосси, назначенный генераль-губернаторомъ Вѣны. Онъ сошелъ съ лошади у самаго замка и занялъ комнаты императрицы. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ главный интендантъ графъ Дарю, который помѣстился также въ замкѣ.

Корпусъ маршала Ланна (Lannes), герцога Монтебелло, вступилъ въ городъ съ развернутыми знаменами и съ барабаннымъ боемъ. Вслѣдъ за нимъ ѣхалъ Массена, и затѣмъ въ городъ устремились подобно потоку отряды французовъ, которые шли непрерывно одинъ за другимъ, и жители убѣдились нѣсколько поздно, что кротость и скромность, выказанные французами въ моментъ ихъ вступленія въ городъ, имѣли цѣлью только испытать народъ, взглянуть, какъ онъ будетъ держать себя, что можно отъ него ожидать, и велики ли его энергія и отчаяніе.

Главная квартира Наполеона находилась въ Шёнбруннѣ. Гвардія расположилась въ окрестностяхъ этой императорской резиденціи.

Я нанялъ, еще до вторженія французовъ, для себя загородный домъ близъ Шёнбрунна, въ деревнѣ Гитцингенъ и къ моему величайшему неудовольствію былъ выселенъ оттуда гренадерами старой гвардіи. Они безъ церемоніи заняли мой домъ и когда я зашелъ туда по окончаніи оккупациі, чтобы посмотреть, какая участь постигла мою мебель, то я увидѣлъ съ изумленіемъ, что французы поставили въ залѣ на столъ боченокъ вина и употребляли его такъ, какъ мы употребляемъ бокалы съ пуншемъ, распѣвали пѣсни и не обращали ни малѣйшаго вниманія на мое изумленіе. Я избралъ благую долю, удалился, не сказавъ имъ ни слова, и болѣе не возвращался въ этотъ домъ.

Такъ какъ я былъ хорошо знакомъ съ генераломъ графомъ Андреосси, въ то время когда онъ былъ посланникомъ въ Вѣнѣ, то я сдѣлалъ ему визитъ. Онъ принялъ меня какъ нельзя лучше; но, несмотря на свою скромность, не удержался, чтобы не замѣтить, что онъ принимаетъ меня

въ тѣхъ самыхъ покояхъ, гдѣ два мѣсяца передъ тѣмъ мы были вмѣстѣ съ нимъ на пріемѣ у императрицы.

Мнѣ не понравилось это замѣчаніе, и я отвѣчалъ, «что разумѣется въ то время никто не могъ предвидѣть подобнаго бѣдствія».

— Вы правы,—сказалъ онъ,—это большое несчастіе, но по правдѣ сказать, нельзя пытаться поднять дубину Геркулеса, когда на это не хватаетъ силъ.

Онъ пригласилъ меня отобѣдать вмѣстѣ съ нимъ. Роскошь и изысканность, царствовавшая два мѣсяца передъ тѣмъ за столомъ бывшаго посланника, смѣнились самой скудной трапезой, такъ какъ насъ угощали австрійскій маршалъ, завѣдывавшій столомъ губернатора. Посуда и ливреи лакеевъ были украшены императорскимъ гербомъ, но вина были не съ береговъ Гаронны и Роны, какъ прежде.

Столъ былъ накрытъ на 40 персонъ, но насъ обѣдало всего 12 человѣкъ, въ томъ числѣ было нѣсколько генераловъ. Со мною бесѣдовали генералы Лагранжъ и Вальтеръ; всѣ остальные были типичные военные, отъ нихъ издали пахло казармой. Войдя въ зало, они не сняли своихъ шляпъ и мѣховыхъ шапокъ, никому не поклонились, говорили другъ другу ты, не бывъ друзьями, и не умѣли сказать двухъ словъ, не сопровождая ихъ излюбленнымъ крѣпкихъ словцомъ.

Генералъ Лагранжъ былъ человѣкъ совсѣмъ инаго рода: онъ казался мнѣ человѣкомъ весьма почтеннымъ и любезнымъ; онъ потерялъ руку въ сраженіи при Аспернѣ.

Генералъ Вальтеръ командовалъ гвардейской кавалеріей: имъ очень дорожили. Это былъ типъ конно-гренадера; храбрый воинъ, онъ уже нѣсколько отполировался въ пріемныхъ Наполеона.

Генералъ Лагранжъ познакомилъ меня съ полковникомъ Беркегеймомъ, командовавшимъ 1-мъ кирасирскимъ полкомъ, и съ полковникомъ Лепотромъ (Lepaultre), командиромъ 9-го полка; оба они были люди весьма любезные и принадлежали къ хорошему обществу.

Беркегеймъ былъ въ Петербургѣ во время перваго пріѣзда въ Россію Коленкура; онъ вспоминалъ объ оказанномъ ему пріемѣ съ удовольствіемъ и благодарностью.

Я поѣхалъ въ Шёнбруннъ и присутствовалъ на большомъ парадѣ, который происходилъ на замковомъ дворѣ. Наполеона окружала во время парада вся его военная свита.

Я увидѣлъ; наконецъ, этого замѣчательнаго человѣка—и признаюсь, онъ не произвелъ на меня ожидаемаго впечатлѣнія. Его лицо было мнѣ знакомо по портретамъ; но я нашелъ, что онъ былъ полнѣе, нежели его обыкновенно изображали. Его походка была неграціозна, онъ держалъ себя слишкомъ просто, въ его поступи было мало достоинства. Онъ находился постоянно въ движеніи, не могъ ни минуты простоять

на мѣстѣ, но говорилъ очень мало; часто нюхалъ табакъ и, какъ будто сгорая отъ нетерпѣнія, то закладывалъ руки за спину, то скрепчивалъ ихъ на груди. Не знаю, подражалъ ли онъ Фридриху Великому или просто былъ нетерпѣливъ, но я видѣлъ, что онъ бралъ табакъ изъ кармана, не трудясь достать для этого табакерку.

Возлѣ него стоялъ принцъ Невшательскій (Бертье); онъ одинъ носилъ такую же шляпу, какъ Наполеонъ, и мундиръ безъ шитья. Наполеонъ только съ нимъ обмѣнялся нѣсколькими словами.

Парадомъ командовалъ генералъ Борсенъ; это былъ красивый, прекрасно одѣтый и еще молодой человекъ, съ замѣчательной военной выправкой. Во время парада ружейные приемы и церемониальный маршъ были исполнены съ большой отчетливостью; одежда гвардейскихъ гренадеръ поражала чистотою и изяществомъ.

Къ Наполеону подошли безъ церемоніи нѣсколько офицеровъ и солдатъ линейнаго полка и подали ему прошенія. Онъ принялъ ихъ благосклонно, отрывисто предложилъ имъ нѣсколько вопросовъ, затѣмъ, передавъ ихъ просьбы Бертье, сдѣлалъ знакъ, чтобы они удалились.

Доступность, съ какою онъ позволялъ подходить къ нему во время парада, была однимъ изъ тѣхъ средствъ, коими онъ умѣлъ снискать любовь арміи. Военнымъ было лестно, что они имѣли право обращаться къ монарху, въ верховному вождю арміи, и высказать ему свои желанія и все то, что ихъ тревожило.

Эти просьбы нерѣдко оставались безъ послѣдствій, но надежда уже сама по себѣ есть счастье; къ тому же каждому было лестно, что императоръ обратилъ на него вниманіе хотя бы на пять минутъ. Этотъ великій человекъ былъ большой шарлатанъ, но его шарлатанство было рассчитано на характеръ французовъ и вообще на свойства человеческого сердца.

Принцъ Невшательскій, которому я былъ уже представленъ княземъ Гагаринымъ, представилъ меня въ свою очередь Наполеону.

«Что вы дѣлали въ Вѣнѣ?»—спросилъ императоръ и, не ожидая отвѣта, такъ какъ Бертье уже передалъ ему о моемъ желаніи слѣдовать за главной квартирою, онъ присовокупилъ: «Ну, такъ вы будете въ числѣ нашихъ». Я сдѣлалъ глубокой поклонъ. Въ ту же минуту, примѣтивъ Баварскаго королевскаго принца, Наполеонъ подошелъ къ нему и обнялъ его.

Вѣнскіе зѣваки толпою устремились въ Шёнбруннъ, чтобы взглянуть на этого необыкновеннаго человека.

Часовымъ, которые были разставлены въ аллеяхъ, ведущихъ ко дворцу, было приказано пропускать во дворъ всякаго, кто былъ прилично одѣтъ; вслѣдствіе этого на парадахъ была всегда огромная толпа народа, же-

лавшая видѣть Наполеона вблизи. Для его личной безопасности не было принято повидимому никакихъ мѣръ.

По окончаніи парада онъ сдѣлалъ общій поклонъ и поднялся съ изумительной быстротою въ замокъ, шагая черезъ двѣ и три ступеньки, такъ что свита съ трудомъ поспѣвала за нимъ.

Въ одной заглѣ, смежной съ его кабинетомъ, уже былъ сервированъ обильный завтракъ. Приглашенныхъ угощаль гофмаршалъ, а Наполеонъ завтракалъ одинъ съ Бертье. Я приглашался обыкновенно на эти завтраки, которые болѣе походили на изобильный обѣдъ, такъ какъ при этомъ подавался супъ и кофе со сливками.

Отрядъ конногвардейцевъ, въ мѣховыхъ шапкахъ, былъ всегда наготовѣ съѣсть на лошадь по первому сигналу: собираясь выѣхать, Наполеонъ никогда не предупреждалъ о томъ; «мою лошадь»,—говорилъ онъ, и это служило сигналомъ къ отъѣзду, и, дѣйствительно, двѣ минуты спустя онъ уже былъ на лошади. Для него всегда стояла наготовѣ осѣдланная и взызданная лошадь.

Въ тотъ моментъ, когда онъ произносилъ: «мою лошадь», всѣ спѣшили вскочить на коней, толкали, роняли другъ друга, не соблюдая при этомъ ни малѣйшей вѣжливости. Отъѣздъ императора походилъ всегда на тревогу, на внезапное нападеніе непріятеля.

Вскочивъ на свою арабскую лошадь, онъ мчался съ мѣста въ галопъ, рѣдко давая себѣ трудъ подобрать поводья.

Вслѣдствіе этого, однажды случилось, что лошадь, вмѣсто того, чтобы ѣхать по дорогѣ, направилась прямо въ конюшню; это привело Наполеона въ такое бѣшенство, что когда одинъ изъ дежурныхъ конюховъ остановилъ ее, то императоръ, не сказавъ ни слова, ударилъ его пять или шесть разъ хлыстомъ и затѣмъ пустилъ лошадь ея обыкновеннымъ аллюромъ.

Онъ совершалъ эти поѣздки съ чисто военною дѣлюю: производилъ рекогносцировки, по всѣмъ направленіямъ вдоль праваго берега Дуная; между прочимъ, посѣщаль также островъ Лобау. Только однажды онъ проѣхалъ чрезъ Вѣну, но не останавливался въ городѣ.

Наполеонъ часто производилъ смотры различнымъ армейскимъ корпусамъ, которые дефилировали предъ нимъ; онъ хвалилъ ихъ или дѣлалъ замѣчанія, инспектировалъ артиллерию и парки; его интересовало все, имѣвшее отношеніе къ арміи; онъ не упускалъ ни одного случая, чтобы пріобрѣсти расположеніе солдатъ и офицеровъ. Поэтому, рѣдкій начальникъ былъ такъ обожаемъ ими.

Я уважалъ Наполеона за его таланты, за его изумительное счастье, но не любилъ его за зло, сдѣланное Европѣ. Однако безпристрастіе, коимъ я далъ себѣ слово руководствоваться, заставляетъ меня сказать, что какъ предводитель арміи онъ былъ безподобенъ.

XIV.

Переходъ французской арміи черезъ Дунай.—А. И. Чернышевъ.—Движеніе арміи по лѣвому берегу Дуная.—Сраженіе при Аспернѣ.—Поѣздка въ Баденъ и Швену.—Графъ Виттъ.—Ординарцы Наполеона.—Валевская.—Жизнь въ Вѣнѣ по занятіи ея французами.—Вторичная переправа французской арміи черезъ Дунай.—Князь Гагаринъ.—Горголи.—Бернадогъ.—Бассано.—Сраженіе при Ваграмѣ.

Въ Шёнбруннѣ, въ тишинѣ своего кабинета, Наполеонъ обдумывалъ планъ переправы черезъ Дунай и остановился на островѣ Лобау. На рукавахъ Дуная были сооружены мосты. Все было окончено съ изумительной быстротою и съ величайшей тайнѣ. Въ Вѣнѣ объ этомъ почти не подозрѣвали.

21-го мая армія перешла наконецъ Дунай, а 22-го числа произошло сраженіе при Аспернѣ.

Еще 13-го мая, въ день сдачи г. Вѣны, Наполеонъ пытался перейти Дунай при Нурсдорфѣ, но эта попытка не удалась. Пришлось прежде всего овладѣть островомъ, названнымъ впоследствии островомъ Ласаль, который лежитъ противъ Нурсдорфа. Понтонеры и моряки гвардейскаго экипажа высадили на этотъ островъ 1.000 человѣкъ, посланныхъ генераломъ Сентъ-Илеромъ (St. Hilaire). Австрійцы энергично атаквали этотъ отрядъ, который сражался съ изумительной храбростію и погибъ до послѣдняго человѣка.

Во время этого дѣла, Наполеонъ подвергся ружейному огню австрійцевъ; его шляпа была прострѣлена. Возлѣ него находился въ этотъ моментъ одинъ только молодой и блестящій Чернышевъ. Онъ разсказывалъ намъ впоследствии, что Наполеонъ прищпорилъ свою лошадь, чтобы выѣхать изъ ущелья, образуемаго въ этомъ пунктѣ берегомъ. Достигнувъ плоской возвышенности, которая была внѣ сферы ружейныхъ выстрѣловъ непріятеля, онъ сдѣлалъ видъ, будто не онъ приказалъ Сентъ-Илеру послать 10 ротъ, чтобы сдѣлать попытку переправиться въ этомъ пунктѣ.

Какъ всегда ловкій шарлатанъ, онъ сказалъ:

— Во всемъ этомъ и въ понесенной нами потерѣ виноватъ безумецъ Сентъ-Илеръ. Я приказалъ ему послать всего 50 стрѣлковъ.

Эта неудавшаяся попытка заставила Бонапарта избрать для переправы другой пунктъ, выше Эберсдорфа, приблизительно въ двухъ верстахъ ниже Вѣны. Переправа черезъ Дунай совершилась, какъ я уже сказалъ, 21-го и 22-го мая.

Французская армія выступила съ острова и двинулась по лѣвому берегу Дуная, имѣя для сообщенія съ противоположнымъ берегомъ всего

только одинъ понтонный мостъ, обстрѣливаемый все время непріателемъ. Мостъ, наведенный черезъ второй рукавъ Дуная, былъ разрушенъ во время сраженія—австрійцами; впрочемъ, благодаря дружнымъ усиліямъ французскихъ матросовъ и понтонеровъ, онъ былъ вскорѣ исправленъ. Тѣмъ временемъ, сраженіе велось весьма энергично.

Для того, чтобы разрушить понтоны, австрійцы то и дѣло посылали плавучіе отряды, и, несмотря на бдительный надзоръ понтонеровъ, 22-го мая были разрушены два большихъ понтонныхъ моста.

Такъ какъ французская армія не имѣла сообщенія съ противоположнымъ берегомъ, то въ ней вскорѣ сталъ ощущаться недостатокъ въ боевыхъ зарядахъ и хотя ихъ подвозили на лодкахъ, но ихъ было недостаточно по сравненію съ выпускаемымъ количествомъ снарядовъ.

Матросы и понтонеры, энергія которыхъ возрастала по мѣрѣ того, какъ увеличивалась опасность арміи, трудились неутомимо надъ починкою поврежденныхъ мостовъ; имъ удалось исправить ихъ послѣ полудня, но мостъ, перекинутый черезъ первый рукавъ Дуная, былъ разрушенъ вторично, а для его починки у французовъ не было необходимыхъ матеріаловъ.

Австрійцы не знали, какъ велика была опасность, угрожавшая французской арміи, но все же они воспользовались минутою замѣшательства, чтобы перейти въ наступленіе; французы, у которыхъ уже истощились боевые заряды, употребили со своей стороны невѣроятныя усилія, чтобы вернуться на островъ Лобау.

Массена, баловень судьбы, одержавшій на своемъ вѣку такъ много побѣдъ, покрылъ себя и въ этотъ день славою.

Наполеонъ двинулъ своихъ кирасиръ, пожертвовавъ ими для спасенія арміи: все поле битвы было усыяно убитыми и ранеными солдатами въ латахъ.

Ланнъ, выказавшій чудеса храбрости, былъ смертельно раненъ и скончался нѣсколько часовъ спустя на рукахъ Наполеона.

Положеніе императора было отчаянное, но его звѣзда еще не померкла. Онъ приказалъ съ большимъ хладнокровіемъ уменьшить артиллерійскій огонь, чтобы сохранить оставшіеся боевые заряды, и пожертвовалъ, какъ я уже сказала, тяжелой кавалеріей, чтобы спасти армію, которая успѣла отступить на островъ Лобау, прикрываемый Массеною, который бросился въ лѣсъ влѣво отъ острова и храбро выдержалъ натискъ всей австрійской арміи.

Самому Наполеону угрожала опасность быть взятымъ въ плѣнъ или убитымъ, чего онъ едва избѣжалъ.

Онъ переплылъ черезъ Дунай въ маленькой лодкѣ въ сопровожденіи Бертье, Дюрока, Савари и Чернышева, который былъ въ то время

весьма молодъ, даже моложе всѣхъ насъ въ чинѣ, но удостоился особаго вниманія со стороны Наполеона.

Вслѣдствіе моего неопредѣленнаго положенія въ арміи, я былъ мало на виду и, не имѣя ни малѣйшаго желанія быть убитымъ австрійцами или пожертвовать жизнью за французовъ, я избѣгнулъ благоразумно опасности, воспользовавшись удобнымъ моментомъ. Одинъ жандармскій офицеръ, пользовавшійся большимъ значеніемъ во французской арміи, взялъ меня съ собою въ небольшую лодку, и мнѣ осталось только перейти черезъ мостъ, который еще не былъ разрушенъ, чтобы вступить на островъ Лобау, гдѣ армія была скучена, не имѣя никакихъ средствъ къ спасенію. По недостатку перевозочныхъ средствъ она терпѣла въ теченіе нѣсколькихъ дней недостатокъ въ провіантѣ и могла бы очутиться въ еще болѣе критическомъ положеніи, если бы эрцгерцогъ Карлъ, вмѣсто того, чтобы удивляться и радоваться своей побѣдѣ, прогналъ отрядъ Массены изъ лѣса, въ который онъ укрылся, и началъ обстрѣливать островъ Лобау. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ разбилъ бы на голову всю французскую армію.

Вслѣдствіе отсутствія сообщеній, резервамъ, находившимся на правомъ берегу Дуная, и армейскому корпусу Даву пришлось бы въ такомъ случаѣ только быть зрителями этого печальнаго событія.

Апатія и нерѣшительность австрійцевъ спасли и этотъ разъ французовъ отъ рѣшительной гибели.

Перейдя съ большимъ трудомъ мосты и пройдя черезъ островъ Лобау, Наполеонъ расположился въ Кайзеръ-Эберсдорфѣ и легъ спать, предоставивъ докончить дѣло маршаламъ и Бертье.

Послѣ всѣхъ этихъ неудачъ французская армія была до такой степени разстроена, что въ нѣкоторыхъ полкахъ осталось подъ ружьемъ не болѣе 50 человекъ. Полковникъ Беркгеймъ, командовавшій 1-мъ кирасирскимъ полкомъ, показывалъ мнѣ списокъ наличныхъ силъ своего полка; у него осталось всего 60 солдатъ и незначительное число офицеровъ, способныхъ продолжать кампанію. 9-й кирасирскій полкъ, коимъ командовалъ полковникъ Лепотръ (Lepaultre), и полкъ графа Уденара были не въ лучшемъ состояніи.

По приказанію Наполеона, кавалерія расположилась на квартирахъ въ окрестностяхъ Бадена. Пѣхота заняла хорошо построенные бараки, которые походили на деревенскіе дома, крытые соломой. Мѣстные жители должны были доставлять арміи все необходимое и горько жаловались на это.

Великолѣпные дома, дворцы, между прочимъ, дворецъ эрцгерцога Карла, были превращены въ госпитали.

Чрезвычайная дѣятельность, выказанная въ семь случаевъ Наполеономъ, огромныя средства, кои онъ сумѣлъ извлечь изъ страны и даже

въ самой Вѣнѣ, бездѣйствіе австрійской арміи,—все способствовало тому, чтобы дать ему время и необходимыя средства для того, чтобы реорганизовать армію.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль французская армія была реорганизована и успѣла окончательно оправиться; вскорѣ армія и главная квартира позабыли о всѣхъ понесенныхъ ими неудачахъ и невзгодахъ.

Я употребилъ время, проведенное нами въ отдыхѣ, по случаю пріостановки военныхъ дѣйствій, чтобы совершить поѣздку въ Баденъ и его окрестности. Мнѣ сопутствовалъ полковникъ Горголи; въ Баденѣ мы посѣтили графа Витта, жившаго тамъ со своей семьей.

Въ этомъ городѣ нашли убѣжище нѣсколько русскихъ семействъ. Я встрѣтилъ тутъ, между прочимъ, графиню Самойлову и познакомился у графини Виттъ, какъ съ нею, такъ и со многими французскими офицерами и особенно сошелся съ генераломъ Бордесу и Арриги (герцогъ Падуанскій).

Въ компаніи этихъ дамъ и французскихъ генераловъ мы отправились въ Швенау. Мы совершали обыкновенно всѣ поѣздки въ экипажахъ графа Витта. Французовъ поражало то обстоятельство, что русскій полковникъ, коимъ въ то время былъ графъ Виттъ, могъ катать насъ на своихъ собственныхъ великолѣпныхъ лошадяхъ, предоставивъ одновременно въ наше распоряженіе коляску, запряженную четверью врьдъ, съ русскою упряжью, коляску, запряженную четверкой à la D'Aumont, фаятонъ, запряженный парю лошадей въ англійской упряжи, кабриолетъ и русскія дрожки въ одну лошадь съ пристяжкой и польскую бричку, съ польской упряжью и краковской сбруей. За то графъ Виттъ сумѣлъ истратить огромныя суммы денегъ; колоссальнаго состоянія его матери, красавицы графини Потоцкой, не хватало на то, чтобы пополнять его траты и сохранить миллионное состояніе.

Швенау и его паркъ слишкомъ хорошо извѣстенъ, чтобы стоило описывать ихъ прелести; но необыкновенное зрѣлище представлялъ нашъ бивуакъ, расположенный во дворѣ замка, и гиганты кирасиры, занимавшіе всѣ дома. Я долженъ, однако, отдать справедливость французскому начальству: солдаты ничего не испортили, не помjali даже цвѣтниковъ.

Мы посѣтили императорскій замокъ Люксембургъ, который также былъ переполненъ французами, пользовавшимися тутъ временнымъ отдыхомъ; они вездѣ уважали чужую собственность и хотя брали все нужное для жизни, но брали съ толкомъ. Французская администрація обставляла все извѣстной формальностью: у васъ брали платье, но вамъ оставляли рубашку.

Я видѣлъ напрімѣръ въ Люксембургѣ, въ кабинетѣ австрійскаго императора, прелестныя маленькія картины, которыя легко можно было

унести, однако, до нихъ никто не дотронулся, точно также, какъ и до множества рѣдкихъ и цѣнныхъ предметовъ, находившихся въ покояхъ стариннаго замка, посреди озера.

Мой слуга, уроженецъ Вѣны, былъ менѣе щепетилецъ. Онъ утащилъ изъ столовой древнихъ рыцарей очень старинную и любопытную вещь, которую онъ подарилъ мнѣ по возвращеніи изъ Вѣны. Какъ я его ни бранилъ, но никакъ не могъ убѣдить этого бывшаго венгерскаго подданнаго, что эта вещь украдена имъ у его собственнаго монарха; онъ отвѣчалъ мнѣ, что тамъ, гдѣ непріятель и гдѣ война, позволительно брать все, что попадетъ подъ руку, а что взято, того не стоитъ возвращать.

Взятую вещь,—хрустальный подносъ съ инкрустаціей изъ слоновой кости, нельзя было возвратитъ, тѣмъ болѣе было не время наказывать слугу; но я все же прочиталъ ему нравоученіе, а затѣмъ далъ ему за подносъ нѣсколько дукатовъ и подарилъ его моему тестю, графу Тизенгаузену, который велъ свое происхожденіе съ 1200 года и которому было пріятно имѣть вещь, быть можетъ, служившую нѣкогда одному изъ его предковъ.

Въ Вѣнѣ я часто проводилъ время съ ординарцами Наполеона и съ адъютантами Бертье. Это былъ цвѣтъ блестящей парижской молодежи: любезные въ обществѣ, они блистали своею храбростію на полѣ битвы. Всѣ эти лица ютились въ домѣ жены маршала, княгини Любомірской. Я встрѣчалъ у нея Флаго, Монтестье, Канонвиля, Фегезака, Мортемара, Монмора (Montmaure), Марбефа, Хлоповскаго, Сентъ-Эньяна (St. - Aignan), Перигора, Тюренна, Порталеса, Камири (Camiry) и многихъ другихъ. Бесѣдуя съ ними, я имѣлъ возможность узнать многія подробности и оцѣнить слабыя и доблестныя стороны французской арміи.

Мы болтали, играли, пѣли, говорили обо всемъ; французы люди откровенные. Я замѣтилъ однажды этимъ господамъ, что ихъ бюллетени очень прикрашены и что событія, происходившія на нашихъ глазахъ, описаны въ нихъ далеко не вѣрно.

— Это правда,—сказалъ де-Сентъ-Эньянь, но, если хотите, я скажу вамъ, какая разниа существуетъ между нашими и вашими бюллетенями: мы пишемъ только для парижскихъ зѣвакъ и для легковѣрныхъ людей Европы, но Наполеону мы всегда говоримъ правду. Въ вашихъ же бюллетеняхъ скрываютъ правду отъ монарха, хотя народъ догадывается о ней.

Въ доказательство своихъ словъ, онъ показалъ мнѣ донесенія, посылаемые Наполеону, и я убѣдился, что отъ него не смѣли скрывать правду и ее говорили императору безъ прикрасъ.

У графини Виттъ я встрѣчалъ часто графа Косинскаго и многихъ другихъ поляковъ.

Я познакомился съ хорошенькой Валевской, прѣхавшей изъ Варшавы, чтобы усладить тоску Шёнбрунскаго героя (Наполеона); я видѣлъ, какъ она возвращалась, сияя счастьемъ, когда ей удавалось разсѣять думы съ чела этого человѣка, заставлявшаго трепетать всю Европу.

Валевскую нельзя было назвать красавицею, но она была очень хорошенькая женщина; въ ея фигурѣ не было изящества, но за то ея глаза были очаровательны, а цвѣтъ лица ослѣпительный. Прибавьте къ этому восхитительный ротъ, очаровательную улыбку, доброе сердце и въ особенности страстное преклоненіе передъ ея знаменитымъ любовникомъ, чего мы, обыкновенные люди, никакъ не могли повять; но она увѣряла насъ въ этомъ съ такою простотою и искренностью, что намъ приходились изъ вѣжливости дѣлать видъ, что мы этому вѣримъ. Она вышла впоследствии за мужъ за графа Орнано, молодого и блестящаго генерала императорской гвардіи.

Если перенестись мысленно въ ту эпоху, то легко себѣ представить, какое обаяніе имѣли въ нашихъ глазахъ всѣ лица, приближенные къ обитателю Шёнбрунна, и что чай, который мы пили ежедневно съ этой хорошенькой женщиной, до губъ которой только-что коснулся Богъ войны, казался намъ вкуснѣе чая, получаемаго нами обыкновенно изъ Китая.

Она проводила съ Наполеономъ ежедневно всего одинъ часъ и рассказывала намъ въ дружеской бесѣдѣ у г-жи Виттъ, что онъ былъ съ нею любезнымъ въ продолженіе этихъ 60 минутъ, но по просшествіи этого времени становился нетерпѣливъ, и тогда надобно было уйти, не выказывая неудовольствія и не жеманясь; онъ требовалъ, чтобы съ нимъ были, какъ говорится, покладисты.

Несмотря на огромныя повинности, коими была обложена Вѣна, въ ней соблюдался строгій порядокъ. Бывали конечно злоупотребленія, но они преслѣдовались. Я приказалъ разстрѣлять одного французскаго кривс-коммиссара, который позволилъ себѣ притѣснять жителей.

Театры были открыты, рестораны всегда были переполнены. Нерѣдко приходилось видѣть, что какой-нибудь гренадеръ сидѣлъ рядомъ съ генераломъ; почтительно вставая при его приближеніи, сдѣлавъ подъ козырекъ, онъ садился, требовалъ шампанскаго и пилъ за здоровье своего генерала. Мы удивлялись этой простотѣ обращенія, но французы находили это вполне естественнымъ, а дисциплина и подчиненіе отъ этого ни мало не страдали.

Французскій солдатъ послушенъ въ строю и слѣпо повинуется начальству; остальное время онъ считаетъ себя человѣкомъ и прежде всего гражданиномъ, гордится этимъ и пользуется этимъ по-своему.

Отдыхъ, коимъ армія пользовалась въ теченіе двухъ недѣль, можно было сравнивать съ спокойствіемъ, предшествующимъ бурѣ. Наполеонъ и Бертье обдумывали въ это время въ тишинѣ кабинета гибель австрійской арміи и монархіи.

Наполеонъ рѣшилъ еще разъ попытаться перейти Дунай, и самъ избралъ пунктъ для переправы. Испытанная имъ неудача показала, какъ было опасно совершить переправу черезъ такую большую рѣку въ виду арміи, которая твердо рѣшилась не допускать этой переправы.

Наполеонъ испыталъ во время сраженія при Аспернѣ, что въ состояніи сдѣлать армія, воодушевленная любовью къ отечеству и наэлектризованная командующимъ ею принцемъ (эрцгерцогомъ Карломъ).

Было интересно видѣть эти двѣ арміи, коими предводительствовали люди, умѣвшіе воодушевить солдатъ.

Благоразуміе требовало избрать для переправы иной пунктъ; по крайней мѣрѣ маршалы полагали, что Наполеонъ такъ поступитъ. Но либо другаго болѣе удобнаго пункта не было, либо желѣзная воля Наполеона не могла помириться съ мыслию, что ему придется отказаться отъ своего первоначальнаго плана. Какъ бы то ни было, онъ упорно стоялъ на своемъ и рѣшилъ, что переправа черезъ Дунай совершится у острова Лобау. Всѣ возраженія, сдѣланныя ему по этому поводу, оказались бесполезны. Онъ хотѣлъ отомстить австрійцамъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ понесъ пораженіе.

Приготовленія, сдѣланныя имъ, были столь же грандіозны, сколь смѣло было самое предпріятіе. Для переправы армейскихъ корпусовъ съ Лобау на лѣвый берегъ Дуная, было построено девять мостовъ; всего же для переправы войска было сооружено 17 мостовъ.

Французы нашли въ Вѣнѣ всѣ необходимые матеріалы, коими они искусно съумѣли воспользоваться. Дѣятельность и распорядительность, выказанная имъ при исполненіи этого предпріятія, превосходятъ всякое вѣроятіе. Съ знаніемъ сочеталась желѣзная воля.

Намѣреніе Наполеона не могло быть тайною для австрійцевъ. Если бы ихъ не предупѣдомили даже изъ Вѣны, то шумъ, производимый рабочими, былъ слишкомъ великъ, чтобы непріятель могъ не догадаться о его причинѣ.

За нѣсколько дней до переправы Наполеонъ началъ тревожить австрійцевъ на всѣхъ пунктахъ, утомляя и обманывая на счетъ своихъ истинныхъ намѣреній. Онъ разставилъ на берегу острова Лобау артиллерию самаго большаго калибра, найденную имъ въ вѣнскихъ арсеналахъ, чтобы имѣть возможность обстрѣливать лѣвый берегъ Дуная и подготовить переправу своей арміи, и перенесъ главную квартиру изъ Шенбрунна въ Кайзеръ-Эберсдорфъ.

Ночь, предшествовавшая сраженію, была очень бурная: все время

свирѣпствовалъ ураганъ, сопровождавшійся проливнымъ дождемъ; опасались, чтобы и этотъ разъ поводіе не разрушило мосты.

Французская армія, скученная на островѣ Лобау, перенесла все стойко и терпѣливо. Въ самую грозу 1.500 стрѣлковъ были посажены на суда и переправлены на противоположный берегъ Дуная; эта переправа совершилась подъ наблюденіемъ адъютанта Массены, полковника Лакруа, который покрылъ себя славой и былъ въ тотъ же день произведенъ въ генералы. Наполеонъ любилъ немедленно награждать заслуги.

Какъ только переправились стрѣлки, тотчасъ были наведены мосты и Наполеонъ могъ сказать: «Нѣтъ болѣе Дуная».

Мы отправились изъ Вѣны рано утромъ вмѣстѣ съ графомъ Виттомъ, чтобы присутствовать при великихъ событіяхъ этого дня.

Князь Гагаринъ находился еще въ Эберсдорфѣ; Горголи и Чернышевъ были уже съ Наполеономъ на островѣ Лобау.

Признаюсь, я былъ нѣсколько удивленъ тому, что генераль-адъютантъ императора Александра, лицо официальное, не находился возлѣ героя этого дня, и даже высказалъ Гагарину свое удивленіе по этому поводу. Онъ принялъ мое замѣчаніе довольно добродушно; но впоследствии я имѣлъ случай убѣдиться, что дѣло, которымъ мы всѣ интересовались, было ему не по вкусу. Непонятно, какъ могъ императоръ Александръ такъ ошибиться, пославъ въ главную квартиру Наполеона человѣка столь мягкосердечнаго и такъ мало способнаго быть представителемъ нашей арміи.

Князь Гагаринъ, человѣкъ весьма умный и обходительный, тушевался въ блестящей толпѣ молодыхъ людей, которые воодушевлялись, едва слышавъ запахъ пороха. Къ счастью, Горголи и Чернышевъ не уступали никому своими выдающимися личными качествами и воинственнымъ огнемъ, коимъ горѣли ихъ глаза.

Я убѣдилъ князя Гагарина поспѣшить къ Наполеону; и мы подѣхали къ нему въ тотъ моментъ, когда онъ переходилъ черезъ послѣдній мостъ. Смѣшавшись съ толпою, князь Гагаринъ держалъ себя безупречно: никто не могъ заподозрить его антипатію къ войнѣ и предпочтеніе, которое онъ отдавалъ ботаническому саду Шёнбрунна, что и было причиною того, что онъ не принималъ участія въ интереснѣйшихъ и поучительныхъ рекогносцировкахъ, которыя предшествовали этому великому дню.

Когда Наполеонъ появился на равнинѣ, на ней уже выстроено было огромное количество пѣхоты. Его привѣтствовали возгласомъ: «да здравствуетъ императоръ!» Саксонская кавалерія развернула фронтъ въ присутствіи Наполеона; онъ былъ видимо доволенъ.

Я увидѣлъ тутъ впервые Бернадотта, окруженнаго блестящимъ штабомъ; быть можетъ, онъ уже предвидѣлъ въ то время видную роль,

какую ему пришлось играть впоследствии. Онъ отличался величественной наружностью и прекрасными манерами; саксонцы, коими онъ командовалъ, обожали его. Наполеонъ, отдавая должное большимъ способностямъ Бернадотта, однако не любилъ его.

Императоръ поговорилъ съ минутою съ Даву и Массеной, изъ коихъ первый командовалъ правымъ, а второй лѣвымъ крыломъ французской арміи. Оба маршала поскакали въ галопъ. Тогда императоръ отъѣхалъ отъ такъ называемой главной квартиры, коею командовалъ Дюрокъ, и которую составляли всѣ ординарцы, всѣ штабные офицеры, адъютанты принца Невшательскаго, министры: Шампаньи, Маре и Дарю, коихъ конвоировали жандармы, дежурный эскадронъ конно-гренадеръ и эскадронъ гвардейскихъ конныхъ егерей.

Императора сопровождалъ Бертъ съ двумя берейторами, въ мундирахъ, обшитыхъ галунами. Наполеонъ отъѣхалъ въ галопъ позиціи.

Между тѣмъ мы всѣ сошли съ лошадей и, чтобы лучше видѣть движеніе и позицію непріятеля, взобрались на какое-то старое зданіе, полуразрушенное попавшими въ него ядрами.

На этой развалинѣ я познакомился съ герцогомъ де-Бассано (Маре). Живя въ Берлинѣ, онъ былъ хорошо знакомъ съ графиней де-Брау (de Brau), рожденной Левенштернъ, моей кузиной, и вспоминалъ объ ней съ большимъ сочувствіемъ. Онъ показалъ мнѣ полученный имъ изъ Парижа красивый портретъ его жены и съ нѣжностью говорилъ о ней и о своихъ дѣтяхъ, не подозревая, какъ мое сердце обливалось при этомъ кровью.

Кажется, ему было не особенно пріятно очутиться на нашей развалинѣ въ своемъ придворномъ шитомъ мундирѣ, тѣмъ болѣе, что онъ провелъ всю ночь подъ проливнымъ дождемъ.

— Императоръ, — сказалъ онъ, — промокъ точно такъ же, какъ и мы, но онъ можетъ смѣнить бѣлье и платье, когда ему заблагорассудится, мы же должны будемъ находиться при немъ, не смѣнивъ платья.

Де-Бассано прочиталъ мнѣ письмо, которое императоръ передалъ ему съ улыбкою и въ которомъ анонимный авторъ предупреждалъ Наполеона, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ были заложены мины и что предполагалось взорвать на воздухъ большую часть французской арміи и его самого. Императоръ посмѣялся надъ этимъ извѣстіемъ, но герцогъ де-Бассано былъ, повидимому, очень озабоченъ, хотя дѣлалъ видъ, что не придаетъ значенія этому предостереженію. Онъ вытащилъ изъ кармана бутылку превосходнаго коньяка и далъ мнѣ выпить его изрядное количество.

Пока мы разговаривали, Дюрокъ приказалъ намъ двинуться далѣе вмѣстѣ съ главной квартирой. Всѣ послѣшили сойти съ развалинъ и сѣсть на лошадей. Я спустился однимъ изъ послѣднихъ: такъ какъ я

былъ подверженъ головокруженію, то я никакъ не рѣшался спуститься со стѣны, которая была почти отвѣсна. Графъ Тюреннъ сжался надо мною и помогъ мнѣ, переставляя мои ноги изъ одной расщелины въ другую, пока я не соскочилъ наконецъ на землю. Безъ его помощи я пожалуй и до сихъ поръ сидѣлъ бы на этой стѣнѣ.

Мы посѣбно вскочили на лошадей и поскакали во весь опоръ за Наполеонъ. Онъ ѣхалъ шагомъ за арміей, которая перешла въ наступленіе.

По всей линіи происходила усиленная канонада: сраженіе началось. День былъ великолѣпный, зрѣлище было величественное. Наполеонъ былъ спокоенъ и безмолвенъ. Со всѣхъ сторонъ къ нему подѣзжали адъютанты съ рапортами: онъ выслушивалъ ихъ, предлагалъ имъ вопросы и отпускалъ, давъ имъ самыя точныя указанія.

Если надобно было послать кого-нибудь съ приказаніемъ, то онъ никогда не указывалъ, кого именно послать: Дюрокъ называлъ по очереди адъютантовъ по списку, составленному заранѣе.

Когда отдѣльнымъ отрядамъ надобно было присоединиться къ тому или другому корпусу или дивизіи, то опять таки Дюрокъ указывалъ, въ какомъ направленіи имъ надлежало идти. Такимъ образомъ все шло безъ шума и суетни. Излишнему усердію, которое такъ часто встрѣчается въ другихъ главныхъ квартирахъ, здѣсь не было мѣста.

Чтобы получить награду, недостаточно было исполнить свой долгъ, надобно было отличиться: храбрость цѣнилась, но неустрашимость удостоивалась особой похвалы. «Благодаря ей, выигрываются сраженія», — говорилъ Наполеонъ. Протекція только помогала выдвинуться, но, при отсутствіи личныхъ качествъ, ея было недостаточно для того, чтобы получить незаслуженную награду, и я думаю, нельзя указать ни одного случая, когда крестъ былъ полученъ только благодаря протекціи.

Наполеонъ говорилъ мало и обращался исключительно къ одному Бертье.

Въ критическій моментъ, когда лѣвому крылу угрожала опасность отъ натиска австрійцевъ, Наполеонъ послалъ Бертье узнать, въ какомъ положеніи было дѣло, и указалъ ему, какъ исправить его. При этомъ было ясно, что именно онъ, а никто иной руководилъ дѣйствіями арміи, и что онъ ни съ кѣмъ не совѣтовался и не подчинялся постороннему вліянію, ибо, давъ инструкцію Бертье, онъ сказалъ: «Хорошо ли вы поняли меня?»

— Понялъ, ваше величество, — отвѣчалъ Бертье.

— Ну, такъ повторите мое приказаніе.

Человѣкъ, говорящій такимъ тономъ первому генералу своей арміи, увѣренъ въ самомъ себѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что сраженія выигры-

валъ самъ Наполеонъ, единственно благодаря своему гению: Бертъе руководилъ только частными движеніями арміи.

Къ вечеру была произведена энергичная атака на центръ. Саксонцы потеряли при этомъ множество людей. Наполеонъ былъ недоволенъ Бертъе, который сдѣлалъ однако болѣе, нежели былъ въ силахъ.

Приказавъ направить атаку на центръ, императоръ сошелъ съ лошади, отошелъ отъ насъ шаговъ на 40—50 и сталъ рвать пшеничные колосья, составляя изъ нихъ букеты, которые онъ тотчасъ бросалъ, срывая новые колосья.

Атака была неудачна: поле битвы было усѣяно убитыми и ранеными; Наполеонъ сѣлъ снова на лошадь; его лицо было мрачно; всѣ перелглядывались молча, никто не произнесъ ни слова.

Ночь застигла насъ на полѣ битвы; мало-по-малу пальба прекратилась съ обѣихъ сторонъ; участь сраженія еще не была рѣшена.

Наполеонъ остался со своей гвардіей на полѣ битвы и провелъ ночь подъ открытымъ небомъ.

Со всѣхъ сторонъ виднѣлись пылавшія деревни, слышались стоны раненыхъ; ночь была темна и прекрасна. Темнота еще болѣе увеличивала зловѣщую красоту зрѣлища: на горизонтѣ пылали бивуачные огни, и виднѣлось зарево пылавшихъ деревень.

Пока всѣ не размѣстились по своимъ мѣстамъ, въ главной квартирѣ царствовалъ невообразимый хаосъ: всѣ толкали другъ друга, лошади лягали насъ, всѣ громко звали своихъ товарищей.

Наши лошади не получали корма въ теченіе 24-хъ часовъ. Такъ какъ можно было предполагать, что сраженіе возобновится на слѣдующій день, то нѣкоторые изъ насъ рѣшили вернуться въ Эберсдорфъ, гдѣ находилась главная квартира и обозъ.

Только одинъ Чернышевъ, которому было назначено отвезти извѣстіе о сраженіи въ Петербургъ, остался при Наполеонѣ. Онъ нравился этому великому человѣку, что онъ и доказалъ не разъ на дѣлѣ.

Трудно было опредѣлить, въ какомъ направленіи находился островъ Лобау: бивуачные огни сбивали насъ съ толку и мѣшали намъ ориентироваться.

Князь Гагаринъ, человѣкъ весьма милый и любезный, былъ, къ несчастью, весьма плохимъ кавалеристомъ, онъ свалился въ глубокой ровъ и едва не убится до смерти; мы съ трудомъ вытащили его изъ этой пропасти. Графъ Виттъ, Горголи, графъ Каница (Capizu), шталмейстеръ Наполеона, я и нѣсколько незнакомыхъ намъ офицеровъ съ трудомъ добрались до перваго моста. Два берейтора, мундиры которыхъ были всѣ обшиты золотыми галунами, и коихъ Савари, временно исполнявшій обязанности Коленкура, приставилъ къ намъ для личныхъ услугъ, много помогли намъ при этомъ.

На островѣ Лобау были проведены дороги, освѣщенныя фонарями, какъ въ большомъ городѣ.

Въ Эберсдорфѣ мы получили съѣстные припасы, вина, фуражъ. Наполеонъ приказалъ самымъ строжайшимъ образомъ, чтобы русскіе офицеры ни въ чемъ не терпѣли недостатка.

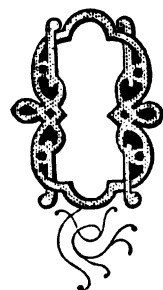
Бѣдный кн. Гагаринъ такъ пострадалъ отъ своего паденія, что ему пришлось возвратиться въ Вѣну.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Меттернихъ и его внѣшняя политика.

бширный трудъ, предпринятый подь этимъ заглавiемъ ¹⁾ г. Демеличемъ, составляетъ едва-ли не первую попытку полного общаго очерка внѣшней политики Австро-Венгрии за весь любопытный періодъ министерства Меттерниха. До настоящаго времени вышелъ пока только первый, весьма объемистый томъ этого изслѣдованія, основаннаго, помимо другихъ источниковъ, преимущественно на подлинныхъ документахъ изъ австрійскихъ архивовъ. Во введеніи къ этому тому авторъ даетъ сжатый обзоръ событій, предшествовавшихъ войнѣ 1809 г. и сопутствовавшихъ ей, причемъ излагаетъ въ главнѣйшихъ чертахъ и условія шёнбрунскаго мира. Слѣдующія затѣмъ главы обнимаютъ періодъ отъ заключенія этого мира до исхода русско-французской войны 1812 г., послѣ которой судьбы Европы измѣнились и Австро-Венгрія отказалась отъ усвоенной ею до тѣхъ поръ французской системы. Два дальнѣйшіе тома, которыми Демеличъ предполагаетъ завершить свое изслѣдованіе, будутъ посвящены исторіи австрійской дипломатіи до іюльской революціи, а можетъ быть коснутся и событій болѣе поздняго времени.

Написанная живо и интересно, книга Демелича заслуживаетъ вниманія, какъ по тщательности, съ которою сгруппированъ авторомъ собранный имъ историческій матеріалъ, такъ и по тому, что она даетъ довольно яркую картину отношеній, существовавшихъ въ описываемую эпоху между западно-европейскими государствами и Россією. Поэтому ознакомленіе русскаго читателя съ этимъ солиднымъ трудомъ

¹⁾ Metternich und seine auswärtige Politik. von Fedor von Demelitsch. Erster Band. — Stuttgart, 1898.

представляется далеко не лишнимъ; именно для этой цѣли и предназначается приводимый ниже пересказъ обширнаго изслѣдованія Демелича.

I.

Войны, веденныя съ Франціею въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій, поколебали, какъ извѣстно, политическія основы старой Европы, пошатнувъ, между прочимъ, также положеніе, могущество и вліяніе Австріи, которая понесла значительный ущербъ, въ видѣ территориальныхъ урѣзокъ и утраты части ея населенія. Дефицитъ монархіи постоянно возрасталъ, а государственный долгъ ея, составлявшій въ началѣ этого періода 377,627 милліоновъ, достигъ 630,397 милліоновъ гульденовъ. Торговый балансъ слагался все менѣе и менѣе благоприятно и въ 1805 г. потери на курсѣ за-границею выразились, говорятъ цифрою 76 милліоновъ. Внутри государства одно за другимъ объявлялись банкротства и національное имущество неуклонно шло на убыль. Послѣ люневильскаго мира совокупная цѣнность земли всѣхъ австрійскихъ областей опредѣлялась въ 3.640.000.000 гульд., а въ 1805 году упала до 320.000.000. Послѣ пресбургскаго мира и вслѣдствіе уплаты въ пользу Франціи вознагражденій, военныхъ контрибуцій и проч. доходы Австріи значительно уменьшились и составляли всего 8.400.000 гульденовъ.

Пресбургскій миръ оставилъ, сверхъ того, нѣсколько вопросовъ неразрѣшенными, что повлекло за собою долгіе и трудные переговоры, во время которыхъ тюрльрійскій кабинетъ занялъ положеніе, не предвѣщавшее Австріи ничего хорошаго.

По очищеніи австрійскими войсками Венеціанской области, въ провинціяхъ этихъ остались различные предметы, несомнѣнно составлявшіе собственность австрійскаго государства и представлявшіе собою цѣнность въ 23 $\frac{1}{2}$ милліона франковъ. Часть этого имущества принадлежала морскому вѣдомству, другая заключалась въ разнаго рода запасахъ. Всѣ требованія Австріи относительно вознагражденія оставались безплодными; ей не были возвращены также и податныя недвижки земель, уступленныхъ Франціи на правомъ берегу рѣки Изонцо; кромѣ того, Франція удержала еще причитавшіеся Австріи доходы съ находившихся въ тѣхъ земляхъ государственныхъ имуществъ. Между тѣмъ, помянутыя недвижки и доходы составляли около 1 $\frac{1}{2}$ милліоновъ франковъ.

Наполеонъ вообще не обращалъ никакого вниманія на притязанія Австріи. Мало того, что онъ совершенно подорвалъ ея морскую торговлю, французскими каперами захвачено было, на основаніи наполеоновскихъ декретовъ, 40 австрійскихъ судовъ, шедшихъ изъ англійскихъ портовъ; при этомъ не было принято въ соображеніе то обстоятельство, что означенныя суда, находясь въ морѣ, никакъ не могли знать о распоряженіяхъ императора.

Вскорѣ послѣ подписанія пресбургскаго мира, со стороны Франціи было самымъ настойчивымъ образомъ потребовано открытіе военной дороги черезъ австрійскій Литораль, причемъ имѣлось въ виду установить лучшія сообщенія между Истрією и Далмаціей. Въ Вѣнѣ заподозрили въ этомъ требованіи замаскированное намѣреніе Франціи овладѣть въ скоромъ времени самимъ Литоралемъ. По смыслу конвенціи, заключенной по этому дѣлу 16-го апрѣля 1806 г., по означенной дорогѣ могли быть проводимы одновременно не болѣе 800 человѣкъ и 150 лошадей; но число это было вскорѣ превышено, и французы постепенно ввели здѣсь правильное почтовое сообщеніе и даже стали ввозить названною дорогою товары. Все это крайне оскорбляло вѣнскій кабинетъ и еще болѣе усиливало раздраженіе, и безъ того уже вызванное въ Австріи тягостными условіями пресбургскаго мира. Особенно горько ощущалась въ Вѣнѣ утрата германской императорской короны: семьсотъ лѣтъ носили ее государи Габсбургскаго дома, и вдругъ чужой монархъ сорвалъ ее съ ихъ головы и не только увеличилъ этимъ свое преобладаніе, но еще и приобрѣлъ, вслѣдствіе сдѣланныхъ въ имперіи и въ Италіи преобразованій, могущественное оружіе для дальнѣйшихъ переворотовъ. Обладаніе германскою императорскою короною поднимало значеніе династіи и придавало ея власти болѣе вѣсъ передъ иностранными государствами. По отношенію же къ внутреннимъ дѣламъ, связь съ Германією служила для Австріи основою духовнаго развитія и единственнымъ объединяющимъ базисомъ этой многоязычной монархіи.

Очень тяжела была для австрійцевъ также и потеря италіанскихъ владѣній, утрата которыхъ не только нанесла ущербъ морскимъ интересамъ Австріи, но и лишила ее вліянія въ Турціи и на Левантѣ. Италіанскими владѣніями Австрія всегда дорожила. Съ тѣхъ поръ, какъ Австрія и Франція начали между собою борьбу за преобладаніе въ Европѣ, обѣ онѣ постоянно стремились утвердиться на Аппенинскомъ полуостровѣ — путемъ ли непосредственныхъ завоеваній, или посредствомъ вовлеченія мелкихъ италіанскихъ дворовъ въ сферу своихъ интересовъ, понимая, что тотъ, кто станетъ хозяиномъ на полуостровѣ, будетъ господствовать также и на Средиземномъ морѣ. Кромѣ того, Италія составляла для обѣихъ державъ первую наступательную и оборонительную линію.

Такимъ образомъ, съ утратою Германіи и Италіи, положеніе Австріи стало небезопаснымъ какъ съ военной, такъ и съ политической точекъ зрѣнія. Государи рейнскаго союза находились теперь въ полной зависимости отъ Наполеона и вынуждены были къ жертвамъ людьми и иными средствами, далеко превышавшими ихъ силы; вознаградить же ихъ за это можно было только на счетъ Австріи.

Въ Вѣнѣ были убѣждены, что Наполеонъ имѣетъ противъ Австріи злые умыслы. Когда же послѣдовали плѣненіе папы и паденіе Бурбоновъ въ Испаніи, самъ собою возникъ въ Австріи вопросъ: что же, послѣ этого, остается еще прочнаго и святаго? И съ этихъ поръ Наполеона стали считать лишь врагомъ стараго порядка, въ стремленіи своемъ къ всемірному владычеству подготовлявшимъ уничтоженіе всего существующаго.

Австрію онъ оцѣнилъ широкимъ полукругомъ, простиравшимся отъ запада къ югу. Повергнувъ во прахъ Пруссію, онъ угрожалъ границамъ Богеміи, а учрежденіемъ герцогства Варшавскаго создалъ постоянную опасность для Галиціи. Многочисленность точекъ соприкосновенія сферъ власти обоихъ государствъ дѣлала болѣе чѣмъ сомнительною возможность сохраненія миролюбивыхъ отношеній между ними, и въ Австріи дѣйствительно были убѣждены, что какъ только Наполеонъ покоритъ Испанію, онъ переведетъ свою армію въ среднюю Европу, причемъ цѣлью его нападенія можетъ быть только Австрія. На это, повидимому, несомнѣнно указывалъ его союзъ съ Россіей. Подозрѣнія австрійцевъ еще болѣе усилились вслѣдствіе сдѣланныхъ Франціею довольно ясныхъ намековъ. Такъ, въ январѣ 1808 г. Наполеонъ возбудилъ вопросъ о раздѣлѣ Турціи и сдѣлалъ Австріи по этому предмету общія, очень неопредѣленные предложенія, въ которыхъ вѣнскій кабинетъ усмотрѣлъ разставляемую для него ловушку. Онъ полагалъ, что французскій императоръ ищетъ только предлога, чтобы съ французскимъ корпусомъ, или съ войскомъ того или другаго изъ своихъ союзниковъ, вторгнуться въ Австрію въ такую минуту, когда ея войска находились бы въ войнѣ съ турецкими. Въ случаѣ побѣды Австріи, Наполеонъ уже владѣлъ бы тѣмъ, что онъ пожелалъ бы получить для себя или для своихъ союзниковъ, въ возмѣщеніе новыхъ пріобрѣтеній монархій; въ случаѣ же, если бы Австрія потерпѣла пораженіе, вся вина въ войнѣ пала бы на нее и императоръ французскій удержалъ бы за собою австрійскія области, въ видѣ вознагражденія за жертвы, принесенныя имъ и его союзниками. Кромѣ того, въ Вѣнѣ утверждали, будто французскіе агенты распространяютъ на границахъ Галиціи, Италіи и Далмаціи слухъ, что Наполеонъ поспѣшитъ покончить съ испанскими дѣлами, съ цѣлью наказать Австрію за ея отказъ поддержать его планы. Слухъ этотъ отчасти подкрѣпляется тѣмъ тономъ, какимъ говорила въ то время французская печать; и хотя

Наполеонъ, послѣ извѣстной рѣзкой сцены, которую онъ сдѣлалъ австрійскому послу на большомъ приѣмѣ 15-го августа 1808 г., осыпалъ его отличіями и проявилъ готовность къ соглашенію, однако, австрійцы видѣли въ этомъ лишь уловку, рассчитанную на то, чтобы выиграть время. Никто не допускалъ и мысли, что Наполеонъ въ самомъ дѣлѣ хочетъ сохранить миръ. Поэтому приступлено было къ вооруженіямъ и во всѣхъ классахъ населенія стало замѣчаться сильное одушевленіе. Всѣ были готовы пожертвовать родиной и имуществомъ, и жизнью. Эрцгерцогъ Карлъ со всею страстью патриотическихъ чувствъ отдался заботѣ о подготовкѣ вооруженныхъ силъ монархіи къ борьбѣ за честь и независимость государства. При всемъ томъ, онъ не желалъ вызывать войны; онъ хотѣлъ только быть готовымъ, чтобы событія не застали Австрію врасплохъ. Но, рядомъ съ нимъ, дѣйствовала другая сильная партія, требовавшая войны, и однимъ изъ наиболѣе горячихъ ея сторонниковъ былъ тогдашній австрійскій посолъ въ Парижѣ, графъ Меттернихъ. Правда, въ оставленныхъ имъ бумагахъ Меттернихъ пытается отречься отъ этого, но нѣкоторые документы доказываютъ съ полною несомнѣнностью, что онъ дѣйствительно былъ объятъ въ то время воинственнымъ задоромъ. Меттернихъ и всѣ прочіе сторонники войны считали ту минуту очень благоприятною для открытія военныхъ дѣйствій. Меттернихъ придавалъ чрезвычайно важное значеніе «національной оппозиціи» во Франціи, которая, какъ онъ полагалъ, воспользуется первымъ представившимся случаемъ, чтобы перейти къ дѣлу. Ему удалось разсѣять опасенія, которыя пытались въ Вѣнѣ по поводу эрфуртскаго соглашенія. Быть можетъ, результаты знаменитаго свиданія императоровъ въ Эрфуртѣ были сообщены ему Тальраномъ¹⁾, съ поясненіемъ, что они имѣютъ не то значеніе, какое приписывалось имъ современниками. Подтвержденіе такого истолкованія графъ Меттернихъ видѣлъ въ отзывавъхъ русскаго посла въ Парижѣ, графа Толстого; послѣдній принадлежалъ къ сильной въ Россіи антифранцузскій партіи и навѣрное находился въ сношеніяхъ съ помянутою «національною оппозиціей», отъ которой, быть можетъ, недалеко былъ и графъ Меттернихъ.

По отношенію къ Россіи въ Вѣнѣ пытали тѣмъ менѣе опасеній, что донесенія князя Шварценберга изъ Петербурга были успокоительны. Вѣнское положеніе представлялось поэтому благоприятнымъ. Съ Пруссіей Австрія давно уже вела переговоры, и если съ этой стороны нельзя было ожидать многого, все-таки можно было рассчитывать на то, что когда вспыхнетъ война, берлинскій кабинетъ присоединится къ общимъ уси-

¹⁾ Въ начертаніи фамиліи этого дипломата мы держимся ея произношенія французами; обычное у насъ начертаніе ея „Талеѳранъ“ не соотвѣтствуетъ правильному произношенію.

лѣямъ. Вѣнское правительство не сомнѣвалось, что германскій народъ возстанетъ противъ своего притѣснителя, какъ только австрійскія войска перейдутъ границы. Наконецъ, большія надежды возлагались на высадку англійскихъ войскъ въ сѣверной Германіи и на возстаніе въ Италіи.

Все это не могло, конечно, остаться скрытымъ отъ Наполеона, и онъ быстро принялъ рѣшеніе. Какъ ни неудобно могла казаться ему тогда война съ Австріею, онъ видѣлъ, что при данномъ положеніи дѣлъ столкновение неизбежно. Для Австріи важнѣйшимъ вопросомъ было то, какое положеніе займетъ Россія и можно ли рассчитывать на ея содѣйствіе. Императору Александру война была, казалось, не ко времени, такъ какъ онъ желалъ, прежде всего, обезпечить завоеваніе Финляндіи и дунайскихъ княжествъ. Изъ-за этого онъ не ставилъ Наполеону препятствій въ Испаніи, призналъ всѣ перемѣны въ Германіи и Италіи и обязался обнажить мечъ, еслибы Австрія нарушила миръ. Онъ, однако, вовсе не желалъ усиленія могущества Наполеона и его приближенія къ границамъ Россіи. Поэтому онъ совѣтовалъ Австріи держаться мира, хотя и не принималъ угрожающаго положенія. Въ такомъ же смыслѣ онъ говорилъ и съ княземъ Шварценбергомъ, не скрывая, впрочемъ, отъ него принятыхъ передъ Франціею обязательствъ. Императоръ Александръ желалъ австрійской арміи успѣха, и потому вѣнскій кабинетъ не хотѣлъ видѣть враждебныхъ намѣреній Россіи даже тогда, когда князь Шварценбергъ уже выѣхалъ изъ Петербурга.

4-го апрѣля 1809 г. австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Стадіонъ, писалъ графу Грюнне, что повѣренный въ дѣлахъ Россіи въ Вѣнѣ, Анштетъ, сообщилъ ему депешу Румянцова, изъ которой можно заключить, что со стороны Россіи—по крайней мѣрѣ, въ началѣ войны—опасаться нечего. Въ депешѣ, будто бы, говорилось, что императоръ Александръ изумленъ дѣйствіями Австріи. «Неужели Австрія въ самомъ дѣлѣ хочетъ войны?»—спрашиваетъ императоръ: «это побудило бы меня сообразоваться впредь исключительно съ интересами моей имперіи и обязательствами, принять которыя на себя побудили меня мои интересы». Въ заключеніе, императоръ говоритъ, что этимъ онъ не имѣетъ въ виду выразить угрозу, и повелѣваетъ Анштету лишь освѣдомиться, что вѣнскій дворъ признаетъ необходимымъ сдѣлать для огражденія его интересовъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, онъ повторилъ сдѣланное ранѣе князю Шварценбергу заявленіе, что Россія находится въ союзѣ съ Франціею, какъ на случай войны, такъ и на случай мира.

Графъ Стадіонъ былъ вполне увѣренъ, что командующій австрійскимъ корпусомъ въ Галиціи эрцгерцогъ Фердинандъ не будетъ слишкомъ обезпокоиваемъ русскими, и что стоитъ только благополучно миновать первому мгновенію, какъ успѣхи въ Германіи сдѣлаютъ остальное; воз-

возможности неудачъ графъ Стадіонъ, повидимому, вовсе не принималъ въ расчетъ. Оптимистическіе взгляды Стадіона по отношенію къ Россіи раздѣлялись не всѣми, но воинственное настроеніе возымѣло перевѣсъ, и война стала дѣломъ рѣшеннымъ. Никто не мечталъ, однако, о войнѣ завоевательной; въ виду имѣлось лишь возвратить Австріи ея прежнее положеніе и обезпечить миръ, чтобы монархія могла посвятить себя развитію ея внутреннихъ связей и выполнить свою историческую миссію. Въ случаѣ побѣды австрійскаго оружія, первымъ долгомъ полагалось освободить Германію отъ французскаго покровительства и установить болѣе благоприятныя для Австріи военныя границы. При этомъ, прежде всего, предполагалось приобрѣсть вновь Тироль и Форарльбергъ. Сверхъ того, имѣлось въ виду добиться нѣкоторыхъ территоріальныхъ измѣненій въ пользу младшихъ линій императорскаго дома. Права германскихъ государей предполагалось оставить нетронутыми и только замѣнить тѣхъ изъ правителей, которые держали сторону Наполеона, другими принцами ихъ домовъ. Герцогство Варшавское предназначалось первоначально для прусскаго короля, однако, эрцгерцогъ Карлъ желалъ, чтобы этотъ пунктъ оставался до времени въ тайнѣ, такъ какъ Пруссія пользовалась въ герцогствѣ лишь слабымъ сочувствіемъ и мѣстное населеніе могло бы стать во враждебныя отношенія къ Австріи, еслибы узнало о предположеніи подчинить его Пруссіи. Въ концѣ концовъ, проектъ этотъ былъ оставленъ, въ силу того соображенія, что прусскій король, изъ опасенія навлечь на себя неудовольствіе петербургскаго двора, на вѣрное никогда не согласился бы занять герцогство Варшавское.

При такихъ обстоятельствахъ началась въ апрѣлѣ 1809 г. война. Эрцгерцогъ Карлъ, какъ уже сказано, былъ противъ войны и выступилъ въ походъ противъ собственнаго убѣжденія, въ единственной надеждѣ на то, что въ случаѣ первой побѣды австрійскихъ войскъ германскіе государи отступятся отъ Наполеона. Когда этого не случилось, онъ сталъ совѣтовать заключить миръ, пока непріятель еще не вступилъ въ предѣлы Австріи; но военная партія, съ графомъ Стадіономъ во главѣ, не хотѣла и слышать о мирѣ. Императоръ Францъ, находившійся въ то время въ Шердингѣ, послалъ графа Стадіона въ главную квартиру эрцгерцога съ порученіемъ передать ему, что его величество считаетъ настоящую минуту неудобною для того, чтобы предлагать миръ, но что если эрцгерцогъ признаетъ подобный шагъ возможнымъ безъ нанесенія ущерба достоинству престола и монархіи, то императоръ не замедлитъ дать согласіе на заключеніе мира.

Эрцгерцогъ затруднился разгадать истинный смыслъ этихъ словъ; ему казалось, что императоръ, съ одной стороны, желаетъ мира, а съ другой хочетъ еще разъ попытать счастья съ оружіемъ въ рукахъ. Эрцгерцогъ Карлъ колебался; но событія требовали быстрого рѣшенія, и вотъ онъ

написалъ Наполеону то злосчастное письмо, которымъ противники эрцгерцога постарались воспользоваться во вредъ ему, обвинивъ его въ отсутствіи мужества; въ этой чертѣ характера эрцгерцога они усматривали причину всѣхъ постигшихъ Австрію бѣдствій. Хотя исторія давно уже очистила Карла отъ обвиненія въ малодушіи, однако письмо его къ Наполеону, неоднократно появлявшееся съ тѣхъ поръ въ печати, дѣйствительно было весьма неудачно по формѣ. Эрцгерцогъ писалъ, что Наполеонъ возвѣстилъ о своемъ прибытіи громъ орудій и не далъ государямъ времени привѣтствовать его величество. О присутствіи императора—продолжалъ Карлъ—ему стало извѣстно по той убыли, которую онъ понесъ: онъ потерялъ много людей, но и австрійскія войска захватили много плѣнныхъ тамъ, «гдѣ командовалъ не Наполеонъ». Затѣмъ Карлъ предлагалъ произвести размѣнъ плѣнныхъ и заключалъ свое письмо слѣдующими словами: «Государь, я считаю себя польщеннымъ тѣмъ, что веду борьбу съ величайшимъ полководцемъ нашего времени, и былъ бы счастливъ, если бы судьба избрала меня для обезпеченія моему отечеству благъ прочнаго мира. Но какъ бы ни сложились случайности войны или же состоялся бы миръ, мое честолюбіе всегда будетъ вести меня навстрѣчу вашему величеству, и я буду одинаково польщенъ честью вести переговоры съ вашимъ величествомъ, все равно—со шпагою ли или съ миртовою вѣтвью въ рукѣ».

Письмо это было оставлено безъ отвѣта, и война продолжалась. 13-го мая Вѣна сдалась на капитуляцію. Быстрое побѣдоносное шествіе Наполеона вызвало въ австрійскомъ населеніи величайшее отчаяніе, тѣмъ болѣе сильное послѣ недавняго всеобщаго одушевленія и недавнихъ блестящихъ ожиданій военнаго успѣха. Положеніе Австріи оказалось безнадежнымъ и могло улучшиться единственно въ случаѣ оборота военнаго счастья, на что рассчитывать было почти невозможно. Однако, побѣда подъ Асперномъ и нѣкоторыя другія обстоятельства возбудили въ правительственныхъ кругахъ новыя надежды на болѣе благоприятный поворотъ въ положеніи дѣлъ. 30-го мая графъ Стадіонъ писалъ эрцгерцогу Карлу, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, прусскій король рѣшилъ идти объ руку съ Австріей, хотя бы это даже повело къ его разрыву съ Россіей. Въ виду этого, Стадіонъ считалъ крайне необходимымъ отправить въ Кенигсбергъ высшаго австрійскаго офицера, такъ какъ переговоры между прусскимъ министромъ фонъ-дербъ-Гольцомъ и австрійскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, барономъ Весенбергомъ, нисколько не подвигаются впередъ. Гольцъ умышленно-де затягиваетъ переговоры, вслѣдствіе распространившихся въ Кенигсбергѣ слуховъ, будто послѣ паденія Вѣны между Австріей и Франціей начались переговоры о мирѣ. Стадіонъ полагалъ, что Австрія могла бы принудить Пруссію къ содѣйствию, занявъ по отношенію къ

ней такое положеніе, которое скомпрометтировало бы прусскаго короля передъ Франціей и такимъ образомъ помѣшало бы ему вести дальнѣйшіе переговоры. Совѣтъ министра иностранныхъ дѣлъ былъ исполненъ: въ австрійской главной квартирѣ рѣшили отправить въ Кѣнигсбергъ полковника Штайгентеша. Отъ этой миссіи Стадіонъ ожидалъ наилучшихъ результатовъ, но уже первое, полученное отъ Штайгентеша донесеніе значительно охладило его. Полковникъ Штайгентешъ засталъ прусскаго короля въ угнетенномъ состояніи духа; король сказалъ, что его, повидимому, хотятъ погубить одновременно съ Австрією, но что онъ не можетъ допустить этого. Послѣдующія донесенія Штайгентеша были еще менѣе утѣшительны: всѣ усилія его оказывались тщетными, въ виду опасенія короля, что въ случаѣ новыхъ неудачъ Австрія, какъ случилось послѣ Аустерлица, можетъ заключить миръ, а Пруссіи придется понести расходы, а также въ виду того, что король сознавалъ собственную свою слабость. Даже настоянія королевы, Шарнгорста Гвайзенау и Бейме не могли склонить короля къ согласію дѣйствовать совмѣстно съ Австрією. Вообще, миссія Штайгентеша окончилась полною неудачей, и его попросили, именемъ короля, выѣхать обратно изъ Кѣнигсберга.

Главною причиною этой неудачи было, во всякомъ случаѣ, уже въ то время питаемое Пруссією желаніе обезпечить свое будущее положеніе въ Германіи путемъ точнаго установленія предѣловъ власти обоихъ государствъ, съ признаніемъ р. Майна границею между ними. Австрія не могла, однако, предрѣшать столь важный вопросъ въ такую минуту, когда, прежде всего, требовалась быстрота дѣйствій. Вопросъ о будущемъ устройствѣ Германіи надо было оставить до болѣе благоприятнаго времени. При томъ, полковникъ Штайгентешъ убѣдился, что король Фридрихъ-Вильгельмъ, безъ соучастія Россіи, никогда не согласится оказать содѣйствіе Австріи. Изъ нѣкоторыхъ заявленій короля можно было заключить, что онъ принялъ на себя въ Петербургѣ какія-то обязательства, о которыхъ ничего не было извѣстно даже наиболѣе приближеннымъ къ нему лицамъ. Однажды, бесѣдуя съ Бейме, который старался склонить его къ опредѣленному рѣшенію, онъ сказалъ: «Вы не знаете, до какого предѣла мнѣ можно идти». По мнѣнію Весенберга, склонить короля къ дѣйствіямъ постоянными настояніями едва-ли было бы возможно, такъ какъ онъ усматривалъ въ нихъ лишь стремленіе заручиться его помощью, а помощь свою онъ былъ намѣренъ оказать лишь за высокую цѣну. Понимая въ этомъ смыслѣ также и миссію Штайгентеша, онъ говорилъ Шарнгорсту: «Должно быть, они очень чувствуютъ свою слабость, если настоятельно просятъ моей помощи». Положеніе дѣлъ могло бы быть измѣнено только рѣшительною побѣдой Австріи.

Итакъ, вотъ какова была политическая обстановка въ началѣ и при

*

дальнѣйшемъ ходѣ войны. Настроеніе двора, какъ извѣстно, не раздѣлялось въ Пруссіи народомъ и арміею, болѣзненно чувствованными униженіе государства. Еще до открытія военныхъ дѣйствій между Австріею и Франціей, комендантъ Берлина, графъ Шазо, представилъ главнокомандующему австрійской арміей проектъ сформированія корпуса добровольцевъ; такіе же проекты были представлены потомъ, во время начавшагося уже похода, эрцгерцогу Блюхеромъ, Шарнгорстомъ и Гнайзенау, причѣмъ Блюхеръ заявлялъ, что онъ въ четырехнедѣльный срокъ соберетъ отрядъ, силою отъ 12 до 15 тысячъ человѣкъ. Отрядъ этотъ былъ бы отданъ подъ полное командованіе эрцгерцога и численность его могла бы, при какомъ-нибудь счастливомъ событіи, быть увеличена до 50.000 человѣкъ. Блюхеръ изъявлялъ готовность присоединиться къ корпусу Гнайзенау и войти въ сношенія съ Англіею по вопросу о поддержкѣ. Силы эти, въ соединеніи съ брауншвейгскимъ, вестфальскимъ, ниже-саксонскимъ и ганноверскимъ контингентами, признавались достаточными для обороны сѣверной Германіи.

Эрцгерцогъ Карлъ хотя и признавалъ пользу, которую принесли бы означенные корпуса добровольцевъ, особенно при популярности Блюхера и Гнайзенау въ прусской арміи, благодаря чему подъ знамена ихъ стеклось бы много людей, однако высказался противъ принятія сдѣланныхъ предложеній въ такое время, когда еще не было рѣшено продолжать войну. Въ случаѣ мира, австрійскій императоръ былъ бы скомпрометированъ передъ Наполеономъ, а Блюхеръ и Гнайзенау имѣли бы право требовать принатія ихъ на австрійскую службу. Означенныя предложенія не встрѣтили, такимъ образомъ, сочувствія въ австрійской главной квартирѣ, гдѣ Блюхера и Гнайзенау сочли даже за людей, желавшихъ во что бы ни стало играть роль. Во всякомъ случаѣ, отъ Пруссіи не ждали скорого рѣшенія.

Еще менѣе увѣренности питали въ Вѣнѣ по отношенію къ Россіи. Хотя вѣнскій дворъ и предполагалъ, что она относится къ Австріи благоприятно, однако все же не считалъ невозможными и враждебныхъ дѣйствій съ ея стороны. Многого ожидали отъ австрійской партіи въ Петербургѣ. Въ главной квартирѣ эрцгерцога Фердинанда пресерьезно рассказывали, будто императоръ Александръ отрекся отъ престола и передалъ регентство сенату. Слухи эти казались тѣмъ болѣе правдоподобными, что русскіе офицеры проявляли величайшую предупредительность передъ австрійцами, тогда какъ отношенія ихъ къ ихъ союзникамъ-полякамъ были очень натянуты, на что поляки постоянно жаловались. Австрійскіе генералы старались извлечь изъ этого выгоды. Имъ было поручено настойчиво бороться съ инсургентами и вытѣснить ихъ изъ Галиціи, съ русскими же обходиться дружественно, пока они, въ соединеніи съ поляками, не перейдутъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Такъ,

маіоръ графъ Ходиць, при столкновеніи съ русско-польскимъ отрядомъ, немедленно прекратилъ бой, какъ только оттѣснилъ инсургентовъ. Русскій генералъ Сиверсъ приписывалъ этотъ эпизодъ недоразумѣнію. Такой же случай былъ и подъ Краковомъ. Отношеніе Австріи къ полякамъ было, впрочемъ, обусловлено не только ея соображеніями относительно Россіи, но и относительно поляковъ. Вторженіе варшавскихъ войскъ въ Галицію равнялось утратѣ этой области. Австрія рисковала увидѣть Галицію включенною въ составъ вассальнаго государства Наполеона, владычество котораго простерлось бы тогда до Карпатовъ, Лишь немногіе думали, что русскіе овладѣютъ Галиціей; говорили, что даже и въ этомъ случаѣ петербургскій дворъ не былъ бы обезпеченъ отъ возстановленія Польши. Всѣ эти расчеты относительно Россіи существенно препятствовали военнымъ дѣйствіямъ австрійской арміи въ Галиціи. Достигнутыя выгоды оказывались безуспѣшными и не могли задержать наступленія русской арміи, какъ доказало занятіе вновь Сандомира. Поэтому эрцгерцогъ Фердинандъ прибѣгнулъ къ переговорамъ и отправилъ въ главную квартиру князя Голицына генерала графа Фикельмона съ предложеніемъ не предпринимать военныхъ дѣйствій противъ австрійцевъ. Фикельмону было, однако, заявлено, что русскимъ генераламъ приказано занять Галицію до Вислы, но не дѣлать ни шага за эту рѣку. Въ случаѣ противодействия ихъ движенію, они будутъ вынуждены начать военныя дѣйствія безъ предварительнаго объявленія войны. Генералъ графъ Суворовъ изъявилъ готовность пріостановить свое наступленіе, впредь до полученія отъ эрцгерцога объясненій. Фикельмонъ опредѣлялъ силы русскихъ въ 46.000 человѣкъ. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, подробности которыхъ не имѣютъ существеннаго значенія, между австрійскими и русскими военачальниками состоялось къ концу іюня тайное соглашеніе, по которому, впредь до дальнѣйшихъ событій, установлена была демаркаціонная линія.

Тѣмъ временемъ, пока совершались эти дѣла въ Галиціи, графъ Стадіонъ подготавливалъ отправку высшаго австрійскаго офицера къ русскому императору, съ цѣлью испросить, если будетъ возможно, пріостановку наступленія русскихъ войскъ. Миссія эта возложена была на генерала барона Штуттергейма, которому и поручено отвезти къ императору Александру письмо австрійскаго монарха, которое не могло быть истолковано въ смыслъ предложенія какихъ-либо обязательствъ, а также не могло послужить и къ пресѣченію или ограниченію мѣръ, уже принятыхъ эрцгерцогомъ Фердинандомъ. Такимъ образомъ, въ задачу генерала Штуттергейма не входило вступать въ опредѣленные переговоры. Ему велѣно было явиться къ русскому императору лишь въ томъ случаѣ, если императоръ будетъ находиться близъ австрійской границы или не далѣе Вильны. Далѣе этого города барону Штуттер-

гейму ѣхать не было приказано. Если бы видѣть императора ему не удалось, онъ долженъ былъ вернуться въ австрійскую главную квартиру и сдать письмо эрцгерцогу Фердинанду, который затѣмъ направилъ бы его установленнымъ порядкомъ къ русскому императору. Но передъ своимъ отъѣздомъ Штуттергеймъ долженъ былъ дать понять русскимъ генераламъ, что они взяли бы на себя тяжелую отвѣтственность, если бы стали препятствовать ему въ выполненіи возложенной на него миссіи, такъ какъ письмо не только имѣетъ значеніе для австро-русскихъ отношеній, но, можетъ быть, находится въ связи съ судьбами Европы. Графъ Стадіонъ придавалъ огромное значеніе тому, чтобы наступленіе русскихъ войскъ было пріостановлено до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ рѣшительнаго дѣла при австрійской главной арміи. Онъ допускалъ возможность того, что вслѣдствіе письма австрійскаго императора, Александръ I сдѣлаетъ первый шагъ къ началу переговоровъ. Дѣйствительно, письмо это было выраженіемъ личной дружбы императора Франца къ его старому союзнику. Императоръ признавалъ существовавшее между Россією и Австріей военное положеніе и намѣчалъ нѣсколько исходныхъ точекъ для примирительныхъ предложеній, ничѣмъ не связывая, однако, австрійскаго двора. Онъ спрашивалъ, между прочимъ, не найдется ли какого-нибудь, совмѣстимаго съ существованіемъ и независимостью Австріи, средства къ прекращенію войны, и, въ заключеніе, просилъ императора Александра сказать слово, которое могло бы положить конецъ прискорбному осложненію, жертвами котораго, — если бы оно продлилось, — пали бы оба императора.

Баронъ Штуттергеймъ, прибывъ въ русскую главную квартиру, не засталъ тамъ князя Голицына, видимо избѣгавшаго встрѣчи, вѣроятно не желая возбуждать въ полякахъ подозрѣнія, будто онъ намѣренъ въ тайнѣ вести переговоры съ Австріей. Штуттергеймъ подтверждалъ, однако, въ своемъ донесеніи, что русскіе офицеры относятся къ Австріи сочувственно; даже въ присутствіи поляковъ они сознавались-де, что неохотно участвуютъ въ занятіи Галиціи. Союзники ненавидятъ-де другъ-друга отъ всей души, но императоръ Александръ, вопреки настроенію своего народа, намѣренъ, кажется, сохранить союзъ, въ надеждѣ пріобрѣсть польскую корону. Вообще же, въ поведеніи русскихъ много-де противорѣчій. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они заставляли австрійское управленіе, они оставляли его въ силѣ; но точно такъ же поступали они и по отношенію къ революціонному правительству въ мѣстахъ, которыя были заняты галицкими повстанцами или варшавскими войсками. Въ этихъ полумѣрахъ и въ этой неопредѣленности дѣйствій петербургскаго кабинета Штуттергеймъ усматривалъ намѣреніе выждать исхода борьбы на Дунаѣ, а можетъ быть и новаго вторженія французской арміи въ Венгрію. Въ томъ же, что русскіе хо-

тять овладѣть Галиціей, Штуттергеймъ ни минуты не сомнѣвался;—по его мнѣнію, если Австрія выйдетъ изъ борьбы побѣдительницею, императоръ Александръ немедленно же возвратитъ ей эту область, а въ случаѣ пораженія монархіи постарается оставить завоеванную Галицію за собою.

Что касается вѣреннаго ему письма, Штуттергеймъ видѣлъ, что ему нельзя будетъ вручить это письмо самому императору Александру, такъ какъ императоръ не выѣзжалъ изъ Петербурга. Не удалось ему также увидѣться и съ княземъ Голицынымъ. Послѣдній прислалъ въ Пильзно, куда прибылъ Штуттергеймъ, начальника своего штаба, графа Берга, и тотъ объяснилъ австрійскому посланцу, что князь Голицынъ никакъ не можетъ принять его въ своей главной квартирѣ, потому что это дастъ новую пищу польскимъ интригамъ. Принятіе письма не могло бы остаться тайною: его надо будетъ переслать съ курьеромъ къ графу Аракчееву, который-де не замедлитъ рассказать о немъ своимъ приближеннымъ, и такимъ образомъ о письмѣ узнаютъ и поляки, и Наполеонъ, что повредитъ успѣху дѣла. Въ виду этого, графъ Бергъ предлагалъ вручить письмо ему самому, послѣ чего князь Голицынъ отправилъ бы его чрезъ своего адъютанта въ Петербургъ, и письмо попало бы императору въ руки безъ малѣйшей огласки. Баронъ Штуттергеймъ хотя и возражалъ противъ этого предложенія, однако, въ виду даннаго положенія дѣла, вынужденъ былъ отдать письмо графу Бергу.

Пока происходили эти переговоры, пораженіе австрійцевъ подъ Ваграмомъ рѣшило участь похода. Исходъ этого боя повергъ всю Австрію въ глубокое уныніе. Въ главной квартирѣ императора всѣ потеряли голову и въ первое мгновеніе сочли, повидимому, продолженіе борьбы совершенно невозможнымъ. По крайней мѣрѣ, императоръ Францъ, тотчасъ послѣ боя, обратился къ эрцгерцогу Карлу съ вопросомъ, что дѣлать, если Наполеонъ не захочетъ вступить въ переговоры о мирѣ? Эрцгерцогъ Карлъ тотчасъ же отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что надо продолжать войну съ тѣми малыми средствами, которыми еще располагаетъ Австрія. По его мнѣнію, въ томъ случаѣ, если Наполеонъ обнаружитъ склонность къ переговорамъ, но поставить условія, которыя были бы оскорбительны для чести монархіи и слишкомъ подрывали бы ея силы, надо отвергнуть эти условія самымъ рѣшительнымъ тономъ, потому-что лучше ужъ погибнуть, чѣмъ согласиться на унижительный миръ. Отвѣтъ этотъ дѣлаетъ тѣмъ болѣе чести эрцгерцогу, какъ воину, что ему слишкомъ хорошо было извѣстно прискорбное состояніе арміи. Общая численность ея хотя и опредѣлялась въ 235.000 человекъ, однако армія лишена была единства командованія, продовольственная часть въ ней была очень неудовлетворительна и, сверхъ того, обставлена множествомъ трудностей.

На слѣдующій послѣ ваграмскаго боя день, въ Эрнстбрунѣ, гдѣ находился австрійскій императоръ, состоялось нѣсколько совѣщаній между императоромъ, графомъ Стадіономъ и посломъ Меттернихомъ. Послѣдній сообщилъ о заявленіяхъ преемника Тальрана, Шампанья, изъ которыхъ можно было заключить, что Наполеонъ не станетъ уклоняться отъ мирныхъ предложеній. О заявленіяхъ этихъ Меттернихъ слыхалъ во время своего недобровольнаго пребыванія въ непріятельскомъ лагерьѣ, куда онъ попалъ въ качествѣ военнопленнаго, которымъ онъ былъ объявленъ тотчасъ по началіи войны, впредь до переменъ посольскаго персонала при вѣнскомъ дворѣ. Сообщение его побудило императора Франца отправить генерала князя Иоганна Лихтенштейна во французскую главную квартиру для подготовки мирныхъ переговоровъ. Миссія эта потерпѣла, однако, неудачу, такъ какъ Наполеонъ потребовалъ раздробленія Австріи на мелкія государства и отреченія императора Франца отъ престола.

Тѣмъ временемъ эрцгерцогъ Карлъ отступилъ въ Цнаймъ, куда вскорѣ послѣдовалъ за нимъ и императоръ Францъ, въ свитѣ котораго находились графъ Меттернихъ и легаціонный совѣтникъ Флоре. Однако, быстрое наступленіе французовъ заставило императора покинуть Моравію и отправиться обратно въ Венгрію, куда онъ и поѣхалъ, пригласивъ съ собою въ экипажъ Меттерниха. Послѣдній, повидимому, въ то время былъ уже намѣченъ въ преемники графу Стадіону, который еще при отправкѣ князя Лихтенштейна къ Наполеону заявлялъ, что считаетъ свою задачу выполненною и намѣренъ во время переговоровъ удалиться, такъ какъ присутствіе его бесполезно и даже, скорѣе, вредно. Однако императоръ не соглашался пока на отставку министра иностранныхъ дѣлъ и повелѣлъ ему оставаться при главной квартирѣ эрцгерцога Карла и продолжать веденіе иностранныхъ дѣлъ согласно полученнымъ указаніямъ, такъ какъ сношенія между главной квартирой Карла и императорскимъ дворомъ въ Венгріи легко могли быть прерваны, причемъ эрцгерцогъ остался бы безъ дипломатическаго совѣтника. Въ ту пору средоточіемъ всѣхъ военныхъ операцій былъ Коморнъ и, пока туда желали стянуть всѣ силы, чтобы въ данный моментъ возобновить борьбу, эрцгерцогу Карлу приказано было держаться, стараясь занять непріятеля, чтобы вынудить его раздробить свои силы.

Кровопролитные бои 10-го и 11-го іюля вокругъ Цнайма вынудили, однако, эрцгерцога вступить съ французами въ переговоры о перемиріи. Потери австрійской арміи были громадны. Съ 5-го іюля она лишилась 51.626 человекъ и 7.482 лошадей; однихъ генераловъ пало 17, а штабъ-и оберъ-офицеровъ 847. О возмѣщеніи этой убыли нечего было и думать. При томъ, послѣ такихъ жестокихъ пораженій духъ арміи былъ угнетенъ и на новый бой нельзя было рѣшиться, не ставя на карту

самое существованіе монархіи. Карлъ поручилъ графу Бельгарду предложить непріятелю заключеніе перемирія. Затѣмъ къ австрійскимъ форпостамъ прибылъ генераль Монбрэнъ, и генералу Вимпфену было поручено веденіе переговоровъ.

Извѣстіе о заключеніи цнаймскаго перемирія дошло до императора Франца ранѣе полученія имъ донесенія эрцгерцога Карла, который указывалъ на совершенную невозможность рѣшиться на новый бой. Императоръ былъ крайне пораженъ дошедшею до него вѣстью и написалъ своему брату, что не можетъ повѣрить, чтобы тотъ до такой степени превысилъ свои полномочія и выпустилъ изъ рукъ выгоды, которыхъ достигъ. Находя, что на краткое перемиріе онъ еще могъ бы согласиться, но четырехнедѣльнаго не допускаетъ, императоръ запретилъ всѣмъ генераламъ соблюдать перемиріе безъ его ратификаціи. Въ полученномъ вслѣдъ за тѣмъ донесеніи эрцгерцога Карла мотивы принятой имъ мѣры были изложены со всею обстоятельностью, во всей ихъ неотразимой силѣ; тѣмъ не менѣе, противники эрцгерцога безповоротно осудили заключеніе перемирія, и, вѣроятно, именно ихъ вліянію и слѣдуетъ приписать сильное неудовольствіе императора противъ брата. За эрцгерцогомъ оставлено было командованіе лишь непосредственно ввѣренными ему войсками. Управление военнымъ министерствомъ у него отняли, устранили отъ должностей его любимцевъ, генераловъ Грюнне и Розенберга, а лицамъ, ввѣдавшимъ дѣла военнаго министерства, дали другія назначенія. Послѣ этого эрцгерцогъ Карлъ подалъ въ отставку, которая принята была императоромъ, и сдѣлался частнымъ человѣкомъ. Императоръ назначилъ главнокомандующимъ князя Лихтенштейна, того самаго, который посланъ былъ ранѣе въ непріятельскую главную квартиру для переговоровъ. Онъ вызванъ былъ императоромъ въ Коморнъ въ то время, когда князь находился, послѣ первыхъ переговоровъ съ Наполеономъ, въ своихъ помѣстьяхъ. Поѣхавъ черезъ Вѣну, онъ представился Наполеону и спросилъ его, не будетъ ли отъ него порученій къ австрійскому императору. Наполеонъ высказался въ весьма миролюбивомъ духѣ, заявивъ, что не требуетъ отъ Австріи большихъ жертвъ, чѣмъ въ 1805 г., и даже смягчилъ бы ихъ, если бы императоръ Францъ рѣшился отречься отъ престола. Вслѣдъ за тѣмъ австрійскій императоръ написалъ Наполеону 18-го іюля, что онъ назначилъ Меттерниха и Нюжана комиссарами для веденія мирныхъ переговоровъ, а 22-го іюля Наполеонъ отвѣтилъ на это, что назначилъ, съ своей стороны, уполномоченнымъ Шампаньи. Послѣдній изложилъ въ нотѣ слѣдующія предварительныя условія: 1) распущеніе ополченія; 2) сокращеніе численности арміи на половину нынѣшнихъ кадровъ; 3) увольненіе всѣхъ состоящихъ на австрійской службѣ французовъ, слѣдовательно какъ бывшихъ гражданъ Франціи, такъ и выходцевъ изъ присоединенныхъ впоследствии къ ней странъ.

Мирный конгрессъ былъ открытъ 17-го августа въ Альтенбургѣ. Въ Австріи съ тревогою стали слѣдить за ходомъ преній, опасаясь не только территоріальныхъ потерь, но и громаднхъ, непосильныхъ денежныхъ требованій. Будущее представлялось австрійцамъ въ самомъ мрачномъ цвѣтѣ; дипломаты высказывали увѣренность, что Наполеонъ ни въ какомъ случаѣ не допуститъ такихъ условій мира, которыя могли бы способствовать подъему и усилению приниженой монархіи. Напротивъ, военная партія при австрійскомъ дворѣ именно въ безотрадности положенія, казавшагося безнадежнымъ, усматривала достаточное основаніе для того, чтобы еще разъ попытаться счастья съ оружіемъ въ рукахъ; она утверждала, что лучше погибнуть въ почетной борьбѣ, чѣмъ принимать позорную гибель въ униженіи. Что касается Россіи, то при австрійскомъ дворѣ снова начали вѣрить въ благопріятный съ ея стороны поворотъ. Толковали, будто императоръ Александръ выразилъ Голицыну и Суворову удовольствіе по поводу ихъ медленнаго наступательнаго движенія въ Галиціи; изъ этого заключали, что императоръ настроенъ теперь болѣе благопріятно по отношенію къ Австріи. Толки эти, однако, едва-ли имѣли достаточное основаніе. По крайней мѣрѣ, въ Галиціи, несмотря на всѣ сочувственныя австрійцамъ заявленія русскихъ офицеровъ, Суворовъ заявилъ, что въ случаѣ, если по истеченіи срока перемирія австро-французская война всгорится вновь, русскія войска будутъ вынуждены дѣйствовать противъ австрійцевъ. Таковы же были отзывы всѣхъ русскихъ офицеровъ. Нѣкоторые изъ нихъ утверждали, что имъ приказано ограничиться занятіемъ Галиціи, другіе же увѣряли, что русскія войска двинутся въ Венгрію, тогда какъ задачей поляковъ будетъ вторженіе въ Моравію и Богемію. Но при австрійскомъ дворѣ все-таки надѣялись, что событія повернутся къ выгодѣ Австріи, и именно вслѣдствіе письма императора Франца, отъ 30-го іюля, къ русскому императору. Въ письмѣ этомъ Францъ, извѣщая своего прежняго союзника о заключеніи цнаймскаго перемирія, увѣрялъ, что онъ всегда стремился къ восстановленію мира, но такого, который заслуживалъ бы этого названія, а потому и предложилъ императору французовъ вступить въ мирныя переговоры. Уполномоченные отъ обѣихъ сторонъ уже назначены и соберутся немедленно. Императоръ Францъ заявлялъ, что горячо желаетъ, чтобы переговоры эти повели къ восстановленію спокойствія и такихъ отношеній къ Франціи, которыя были бы совмѣстимы съ достоинствомъ короны и безопасностью народовъ Австріи. Если Наполеонъ желаетъ мира, миръ будетъ заключенъ; въ случаѣ же неудачи мирныхъ попытокъ, императоръ можетъ быть увѣренъ, что причиною тому были французскія условія, противорѣчившія лежащему на австрійскомъ императорѣ, какъ государѣ, долгу, или же угрожавшія независимости монархіи, или, наконецъ, представлявшіяся настолько обманчи-

вами, что принятіе ихъ должно было бы имѣть самыя пагубныя послѣдствія. Въ заключеніе, въ письмѣ указывалось на общность интересовъ Австріи и Россіи. Императоръ Францъ старался въ этомъ письмѣ выставить Наполеона нарушителемъ спокойствія и показать русскому императору, что обстоятельство, имѣвшихся въ виду при заключеніи его договора съ Франціею уже не существуетъ, да въ сущности никогда и не существовало, такъ какъ Австрія всегда желала мира и если вынуждена была взяться за оружіе, то только для защиты своего существованія.

Въ отвѣтъ на это императоръ Александръ, въ письмѣ изъ Петербурга, отъ 3-го августа, выразилъ удовольствіе по поводу желанія Франца прекратить войну. «Вашему величеству—писалъ онъ—извѣстно, какъ сильно я желалъ, чтобы Австрія не нарушала мира. Я заранѣе указывалъ на то зло, которое должно было произойти и которое я предвидѣлъ». Далѣе государь выражалъ сожалѣніе о томъ, что онъ находится такъ далеко отъ театра событій, такъ какъ для него было бы утѣшеніемъ, если бы онъ могъ оказать добрыя услуги къ быстрому восстановленію мира и соглашенію интересовъ, а также и упроченію дружественныхъ отношеній между Австріею, Франціей и Россіей. Такимъ образомъ, императоръ Александръ ясно далъ понять, что вину въ печальномъ положеніи дѣлъ онъ приписываетъ Австріи. Послѣ этого, австрійцамъ уже нечего было ожидать отъ Россіи. Александръ былъ еще въ долгу передъ Наполеономъ за то, что тотъ не мѣшалъ завоеванію русскими Финляндіи и дунайскихъ княжествъ. Кромѣ того, и отношенія къ варшавянамъ вынуждали русскаго императора къ наступленію въ Галицію. Инсургенты пріобрѣтали тамъ все большее значеніе, что могло быть выгодно только для будущей Польши; чтобы воспрепятствовать этому, русскимъ было необходимо стараться предупредить ихъ польскихъ союзниковъ. Недаромъ князь Голицынъ упрекалъ австрійскихъ военачальниковъ въ томъ, что они недостаточно серьезно отнеслись къ инсургентамъ и не постарались вытѣснить ихъ изъ Галиціи, пока численность русскихъ войскъ не была еще достаточна для дѣйствій противъ австрійцевъ. Голицынъ, очевидно, намекалъ на то, что теперь, когда въ корпусѣ его числится 50.000 человекъ, ему уже невозможно оставаться спокойнымъ зрителемъ, если бы австрійцы стали тѣснить поляковъ. Высшіе русскіе офицеры, не скрывая своего сочувствія къ Австріи, открыто заявляли, что они обязаны начать дѣйствія противъ австрійскихъ войскъ, если тѣ будутъ противиться ихъ наступательному движенію. Они говорили также, что въ Россіи всѣ противъ союза съ Франціей, но императоръ держится его. При томъ, численность инсургентовъ такъ велика (отъ 50 до 60 тысячъ человекъ),

что Россія было бы слишкомъ много хлопотъ съ ними, если бы она присоединилась къ Австріи.

Такое положеніе дѣлъ дало Меттерниху поводъ предложить другую политику по отношенію къ Россіи. Галиція представлялась ему потерянною для Австріи и могла быть, по его мнѣнію, завоевана вновь лишь послѣ побѣды надъ Наполеономъ; но онъ считалъ нужнымъ постараться привлечь поляковъ на сторону общаго отнынѣ дѣла Австріи и Пруссіи. Для достиженія этой цѣли, онъ предлагалъ слѣдующій планъ: 1) Пруссія отступается на нѣкоторое время отъ герцогства Варшавскаго; 2) Австрія—тоже временно—отказывается отъ частей Галиціи; 3) обѣщается возстановить польскую корону и отдать ее польскому королю; 4) между Австріей, Пруссіей, Польшей, Портой, Англіей, Испаніей, Португаліей, Сициліей, Сардиніей и проч. заключается оборонительный и наступательный союзъ; 5) Австрія обѣщаетъ соединить всю западную Галицію и части восточной съ польскою короною; 6) польская армія обязывается немедленно примкнуть къ арміи австрійской.

Само собою разумѣется, что Меттернихъ совѣтовалъ дѣйствовать съ величайшею осторожностію и ознакомить съ этимъ планомъ только графа Понятовскаго, посуливъ ему, за его поддержку, королевскій титулъ.

Стадіонъ, который еще не былъ удаленъ отъ дѣлъ, не безъ основанія возражалъ противъ предложенія Меттерниха, что поляковъ едва ли удастся отклонить отъ Наполеона, такъ какъ чрезъ него они уже болшею частью достигли того, что можетъ дать имъ Австрія, и при его помощи гораздо легче достигнуть большаго. Поляковъ, полагалъ Стадіонъ, можно было бы склонить на сторону Австріи только въ томъ случаѣ, если бы удалось возбудить въ нихъ озлобленіе противъ замысловъ или власти Наполеона. При томъ, даже въ лучшемъ случаѣ, отъ инсургентовъ можно ожидать развѣ только пассивной поддержки. Стадіонъ указывалъ также, какой вредъ могло бы причинить Австріи то, если бы она пригрозила Россіи возстановленіемъ Польши: такая угроза могла бы побудить императора Александра дѣятельно вступить за Наполеона, тогда какъ теперь нельзя еще считать несомнѣннымъ, что онъ не пощадитъ вѣнскаго двора. Доводы Стадіона подѣйствовали, и предложеніе Меттерниха было оставлено безъ исполненія.

А. Рѣдкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Софья Петровна Свѣчина.

(Ея жизнь и переписка).

В настоящее время имя Софьи Петровны Свѣчиной мало кому извѣстно. Между тѣмъ въ свое время, въ 20-хъ—50-хъ годахъ этого столѣтiя, она возбуждала самые разнообразныя толки, какъ въ Парижѣ, гдѣ жила въ то время, такъ и въ Петербургѣ. Еще гр. Ѳ. В. Ростопчинъ, сообщая графу М. С. Воронцову въ самомъ концѣ 1819 года о различныхъ парижскихъ новостяхъ, писалъ, что «Свѣчина разыгрываетъ роль Севиньи, расположившись между чувствительностью и умомъ ¹⁾». Постепенно ее стали считать влиятельнымъ членомъ, почти центромъ ультрамонтанской партiи. Говорили, что ея гостиная соединяла всѣхъ знаменитыхъ католиковъ, всѣхъ яростныхъ приверженцевъ папы; въ Парижѣ носился слухъ, что Свѣчина своими совѣтами, разговорами оказывала влiянiе на молодые таланты католической церкви, славилась своею горячею любовью къ ней, граничившею съ изувѣрствомъ, и проповѣдывала всѣмъ обращенiе въ католицизмъ. Рассказывали, что она была всеильна у кардиналовъ и у папы, и что послѣ ея смерти рѣчь шла даже о томъ, чтобы причислить ее къ лику католическихъ святыхъ.

На-ряду съ этимъ, уже въ позднѣйшее время, высказывалось обвиненiе ея въ національномъ, религiозномъ и политическомъ ренегатствѣ; что, въ чадѣ своей славы и силы, она не интересовалась «муравьиною работою» русскаго народа, что для нея не существовало родины; что

¹⁾ Архивъ князя Воронцова, книга 8, гр. Ѳ. В. Ростопчинъ къ гр. М. С. Воронцову 23 дек. 1819 г. (4 янв. 1820 г.).

«отъ всего историческаго образа Свѣчиной, когда она была еще жива, вѣяло уже чѣмъ-то прошлымъ, отжившимъ свое время, вѣяло этою именно историческою мертвенностью, которая называется историческимъ безсмертіемъ». Проводилась мысль, что Свѣчина «далеко не реальная современная сила, а смѣсь какого-то резонерства и религіознаго педантизма съ нѣсколько сѣхимъ и холоднымъ сердцемъ; что «тутъ сила была разбита въ мелкіе куски подъ молотомъ насильно привитой мертвенной идеи католицизма». Но и при наличіи подобныхъ отзывовъ признавалось, что это была безспорно крупная историческая женская личность своего времени ¹⁾.

Вскорѣ послѣ смерти Свѣчиной одинъ изъ ея близкихъ друзей, графъ Фаллу, членъ французской академіи, издалъ въ четырехъ томахъ ея біографію, переписку и собраніе оставшихся послѣ нея сочиненій, афоризмовъ и пр. Все, что такимъ образомъ стало извѣстно о Свѣчиной, рисуеъ ея не только какъ несомнѣнно выдающуюся историческую личность, но и какъ женщину, надѣленную скромностью, задушевностью и сердечностью, составляющими отличительныя черты именно русской женщины.

Предлагаемая статья имѣетъ цѣлью познакомить читателя съ личностью Свѣчиной и съ ея письмами, представляющими значеніе для исторической науки, такъ какъ въ нихъ она касалась видныхъ дѣятелей и вопросовъ пережитаго ею времени.

I.

Софья Петровна Свѣчина, урожденная Соймонова, родилась въ Москвѣ 10-го ноября 1782 года. Ея отецъ, Петръ Александровичъ Соймоновъ, занималъ въ то время въ Москвѣ видный служебный постъ. Впослѣдствіи онъ былъ сенаторомъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, президентомъ коммерцъ-коллегіи, быстро подвинувшись по службѣ въ царствованіе императора Павла ²⁾. Ея мать, урожденная Болтина, была дочерью извѣстнаго историка, генераль-маіора Ивана Никитича Болтина-члена Россійской академіи и члена Военной коллегіи ³⁾.

¹⁾ Д. Мордовцевъ, III.

²⁾ Такъ, 19-го ноября 1796 года, въ чинѣ генераль-поручика, П. А. Соймоновъ былъ назначенъ президентомъ коммерцъ-коллегіи; въ 1797 году ему, уже въ чинѣ тайнаго совѣтника, было пожаловано 800 душъ крестьянъ, а 28-го октября 1798 г., въ званіи сенатора, былъ произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

³⁾ Родился 11-го января 1735 года, скончался 6-го октября 1792 г.

Вскорѣ послѣ рожденія дочери, нареченной при крещеніи Софіей, въ честь двѣнадцатаго имени Екатерины II, Соймоновъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ императрицы. Вслѣдствіе этого ему пришлось переехать на жительство въ Петербургъ, гдѣ ему была отведена квартира въ Зимнемъ дворцѣ.

Занятія царедворца не помѣшали Соймонову отдаться дѣлу воспитанія маленькой Софіи, въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ остававшейся его единственнымъ ребенкомъ. Подъ влияніемъ проблесковъ у дѣвочки незауряднаго ума, въ немъ развивалась родительская гордость, соединявшаяся съ самой нѣжной любовью. Уже съ раннихъ лѣтъ юная Софія обнаруживала большія способности къ языкамъ, музыкѣ и рисованію. Въ то же время въ ней развивалось и рѣдкое для ребенка качество—твердость характера, проявлявшаяся въ крайне своеобразной формѣ, имѣющей особое значеніе для выясненія ея позднѣйшаго міровоззрѣнія. Какъ-то она выразила страстное желаніе имѣть часы, и отецъ обѣщалъ ей подарить ихъ. Дни ожиданія прошли безъ сна, въ лихорадочномъ состояніи. Наконецъ, часы были получены, нѣкоторое время дѣвочка носила ихъ съ большою радостью, какъ вдругъ ея дѣтскій умъ прорѣзала неожиданная мысль, что есть нѣчто болѣе прекрасное, чѣмъ часы,—это добровольно отказаться отъ нихъ. Тотчасъ же она побѣжала къ отцу и возвратила ему часы, признавшись въ побужденіяхъ, руководившихъ ею. Соймоновъ пристально посмотрѣлъ на дочь, взялъ часы, положилъ ихъ въ ящикъ своего бюро, и больше о нихъ не было и рѣчи.

Квартира Соймонова была украшена цѣнными картинами, бронзою, мраморомъ. Маленькая Софія жила съ этими представителями вымысла и исторіи, но чувствовала непреодолимое отвращеніе къ кабинету, въ которомъ находилось нѣсколько мумій. Она стыдилась этой слабости, возмущалась за нее на самое себя и, наконецъ, рѣшила отдѣлаться отъ нея. Однажды, когда возлѣ нея никого не было, она раскрыла страшную для нея дверь, побѣжала къ ближайшей муміи, приподняла ее и стала обнимать, до тѣхъ поръ, пока, ослабленная сдѣланнымъ надъ собою усиліемъ, она не упала безъ сознанія на паркетъ. На шумъ отъ паденія тѣла прибѣжалъ самъ Соймоновъ, вынесъ ее на своихъ рукахъ и не безъ труда добился признанія въ чувствѣ страха, которое до того времени она скрывала отъ него. Но это усиліе надъ самой собою обезпечило ей побѣду: съ этого дня муміи превратились для нея лишь въ предметъ любопытства и интереса и ничего болѣе.

Среди дѣтскихъ игръ Софіи Соймоновой, какъ и у большинства дѣвочекъ ея возраста, особенное мѣсто занимали куклы. Она привязывалась къ кукламъ, какъ къ друзьямъ, и свою любовь къ нимъ сохранила далеко за предѣлами дѣтства. Однако, и въ свою любовь къ кукламъ она вносила духовный, подчасъ драматическій интересъ. Она давала имъ имена,

извѣстное назначеніе, устанавливала между этими различными лицами постоянныя систематическія отношенія, заставляла ихъ вести одушевленные разговоры, живо занимавшіе ея воображеніе, а иногда становившіеся и средствомъ умственного развитія для нея самой: игра въ куклы уже являлась для нея, по словамъ ея біографа, введеніемъ въ область знанія людей и предзнаменованіемъ ея духовнаго міровоззрѣнія.

Подъ вліяніемъ блестящихъ празднествъ, происходившихъ въ Эрмитажѣ, она сочинила балетъ, который назвала «Пастушка вѣрная и пастушка легкомысленная». Она перетанцовала и переиграла передъ отцомъ и его друзьями всѣ сцены своего балета, и успѣхъ, выпавшій при этомъ на ея долю, дотога вѣзался въ ея памяти, что, уже на склонѣ своихъ лѣтъ, она съ улыбкою вспоминала о немъ.

Въ дни празднествъ, дворецъ весь блисталъ огнями, а при малѣйшемъ поводѣ устраивались роскошныя иллюминаціи. Въ своихъ играхъ юная Софія естественно подражала этому. Гостиной въ квартирѣ Соимонова предшествовала большая галлерей, и часто ее предоставляли въ полное распоряженіе Софіи съ ея куклами. По этому поводу уже въ старости, послѣ шестидесяти лѣтъ своей жизни, она писала: «Въ моемъ дѣтствѣ однимъ изъ самыхъ сильныхъ удовольствій для меня было устройство различныхъ праздничныхъ украшеній, которыя я иллюминировала, располагая ихъ на каминѣ изъ бѣлаго мрамора, находившемся въ моей класной комнатѣ. Просто невѣроятно рвеніе, съ которымъ я принималась рисовать, вырѣзывать транспаранты, раскрашивать ихъ, придумывать эмблемы и девизы. Мое сердце билось отъ радости все время, пока продолжались приготовленія, но какъ только моя иллюминація начинала гаснуть, невыразимая, гнетущая грусть овладѣвала мною, и никогда позднѣе «*sic transit gloria mundi*» не звучало для меня болѣе печально, чѣмъ тогда».

Въ одинъ изъ вечеровъ осенью 1789 года Соимоновы, вернувшись домой, были пораженъ, увидѣвъ, что галлерей, ведшая къ гостиной, была освѣщена безчисленнымъ количествомъ разсѣянныхъ по ней маленькихъ свѣчей. Спросивъ у дочери о причинахъ подобной иллюминаціи, онъ услышалъ въ отвѣтъ, что «развѣ не нужно отпраздновать взятіе Бастиліи и освобожденіе этихъ несчастныхъ французскихъ узниковъ».

Это восклицаніе семилѣтней дѣвочки явилось, по словамъ біографа Свѣчиной, отголоскомъ моднаго направленія, господствовавшаго въ то время на сѣверѣ Европы, — въ Берлинѣ, Вѣнѣ и, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, въ Петербургѣ; подъ вліяніемъ этого направленія было принято возставать противъ злоупотребленій власти, съ жаромъ говорить о свободѣ и человѣческомъ достоинствѣ, о всеобщемъ освобожденіи умовъ и народовъ. «Въ минуту чисто царскаго воодушевленія, Петръ Великій проронилъ слѣдующее восклицаніе: «Увы! я тружусь надъ перерожденіемъ своихъ

подданныхъ, а не могу передѣлать самого себя». Эти благородныя слова, — продолжаетъ де-Фаллу, — въ еще большей степени должны были служить девизомъ Екатерины и ея двора, какъ и большинства преобразователей XVIII вѣка.

Соймоновъ, обладавшій всѣми свойствами своего времени, раздѣлялъ также и всѣ его иллюзіи. Онъ былъ великодушень, свободомыслящъ, отзывчивъ ко всякому плану улучшенія соціального строя, но забывалъ объ указаніяхъ опыта, былъ доступенъ иллюзіямъ и совершенно введенъ въ заблужденіе антирелигіозными предрасудками. При такихъ-то условіяхъ было закончено воспитаніе его дочери; въ системѣ ея воспитанія ничѣмъ не было пренебрежено, за исключеніемъ одного—идеи о божественномъ законѣ.

Къ четырнадцати годамъ Софія Соймонова знала русскій языкъ, котораго, по словамъ ея біографа, не знало большинство ея соотечественницъ, говорила по-италиански и по-англійски столь же чисто и увѣренно, какъ и по-французски, правильно выражалась по-нѣмецки и изучала латинскій, греческій и еврейскій языки. Но что касается религіи, то она была знакома съ нею лишь по пышнымъ богослуженіямъ въ придворной церкви, и никогда ни утромъ, ни вечеромъ, не молилась Богу.

Пятнадцати лѣтъ, вскорѣ по восшествіи на престолъ императора Павла Петровича, Софія Соймонова была пожалована во фрейлины къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Извѣстной близости, въ которую такимъ образомъ она была поставлена по отношенію къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, Фаллу приписываетъ вліяніе на развитіе въ Софіи Соймоновой пониманія людей. Съ этихъ поръ, по его словамъ, она стала проникать въ тайны каждаго счастья и безмолвныхъ слезъ.

Пребываніе у двора нисколько не отразилось на любви ея къ труду; ея дарованія подъ вліяніемъ соревнованія получили дальнѣйшее развитіе; ея пастели признавались достойными имени профессиональнаго художника; ея голось отличался звучностью, гибкостью и былъ очень большой по объему; при этомъ она прекрасно играла на клавесинѣ.

По своей наружности она не останавливала на себѣ вниманія, но выраженіе ея лица, ея жесты, звукъ ея голоса были необыкновенно привлекательны и симпатичны. Ея небольшіе голубые глаза смотрѣли оживленно и ласково; кончикъ ея носа былъ слегка приплюснутъ, цвѣтъ ея лица поражалъ своею свѣжестью: она была небольшого роста; ея поступь была удивительно свободна и изящна; каждое ея слово, каждое движеніе носили отпечатокъ деликатности и достоинства.

Когда Софія Соймонова стала взрослой дѣвушкой, она сдѣлалась предметомъ ухаживаній со стороны многихъ молодыхъ людей. Но вы-

боръ ея отца остановился на его личномъ другѣ, генералѣ Николаѣ Сергѣевичѣ Свѣчинѣ, бывшемъ одно время при императорѣ Павлѣ военнымъ губернаторомъ Петербурга. Это былъ человекъ уже 42 лѣтъ, высокаго роста, внушительной наружности, твердаго характера. Софія Соймонова отнеслась къ выбору отца какъ и ко всему, что исходило отъ него—съ любовной почтительностью. Мать ея умерла нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, и что особенно плѣняло ее въ бракѣ со Свѣчиннымъ, это увѣренность, что ея младшая сестра, которую она любила какъ мать, останется вмѣстѣ съ нею.

Вскорѣ послѣ свадьбы дочери Соймоновъ впалъ въ немилость у императора Павла Петровича, былъ отставленъ отъ службы (26-го августа 1799 г.) и долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга. Онъ отправился въ Москву. Тамъ, слѣдствіемъ потрясеній, испытанныхъ имъ отъ постигшей его опалы, разлуки съ нѣжно любимой дочерью и охлажденія друзей, явился апоплексическій ударъ, унесшій его въ могилу (2-го января 1800 г.).

Когда Свѣчина получила извѣстіе о кончинѣ отца, оно произвело на нее такое сильное впечатлѣніе, что она, какъ подкошенная, упала на колѣни. «Этотъ первый случай душевнаго одиночества, эта потребность поддержки, въ которой она никогда не ощущала недостатка, вдругъ обратила ея взоръ къ небу; ея первая молитва была внушена ея первымъ испытаніемъ, и, не имѣя болѣе возможности сказать «мой отецъ», она воскликнула «мой Богъ»!

II.

Служебное положеніе генерала Свѣчина удерживало его въ Петербургѣ, и жена его не могла уклониться отъ выполненія обязанностей, налагаемыхъ жизнью среди общества, хотя, въ глубинѣ души, она всецѣло была поглощена постигшимъ ее несчастьемъ—потерей отца. Подъ влияніемъ этого ея характеръ, и безъ того наклонный къ преждевременной зрѣлости, сталъ дѣлаться еще болѣе серьезнымъ, и она все болѣе и болѣе стала отдаваться размышленіямъ.

Смерть отца способствовала пробужденію въ ней религіознаго чувства, и умъ ея работалъ главнымъ образомъ именно въ этомъ направленіи. «Богъ остался предметомъ ея безпокойной мысли: она искала, призывала, вопрошала его; но этотъ Богъ— былъ еще Богъ отвлеченный, безъ свѣта и тепла; это былъ уже излюбленный предметъ ея занятій, но еще не единственное сокровище ея сердца».

Въ то время, въ концѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія, Пе-

тербургъ былъ переполненъ блестящей толпой французскихъ эмигрантовъ, закинутыхъ въ него французской революціей. Въ числѣ гостиныхъ, оказавшихъ имъ особенно радушный пріемъ, была и гостиняя Свѣчиной. Каждый день въ ней докладывали объ именахъ, когда-то звучавшихъ въ Версали и Трианонѣ: Брогли, Крюссоль, Дама, д'Отишанъ, Ростиньякъ, Торси, Ла-Гардъ, Ла-Мезонфоръ, Сень-При.

Вмѣстѣ съ тѣмъ французская революція выбросила въ Петербургъ и нѣсколькихъ видныхъ представителей французскаго духовенства, воспользовавшихся радушіемъ пріотившей ихъ страны для окатоличенія многихъ лицъ изъ русскаго высшаго общества. Іезуиты тоже прочно обосновались въ Петербургѣ, и глава ихъ Груберъ имѣлъ свободный доступъ даже къ императору Павлу. Если принять при этомъ во вниманіе роль и вліяніе графа де-Мэстра, сардинскаго посланника при петербургскомъ дворѣ, то стануть понятны тѣ успѣхи, которые дѣлалъ католицизмъ среди высшаго русскаго общества въ концѣ прошлаго и въ первую треть настоящаго столѣтія.

Хотя многіе считали, что первымъ, кто ввелъ католицизмъ среди русскихъ — былъ графъ де-Мэстръ, но въ дѣйствительности «честь» этого, по словамъ Свѣчиной, принадлежитъ одному изъ эмигрантовъ шевалье д'Огаръ (d'Augard.) Графъ же де-Мэстръ былъ, по ея свидѣтельству «великимъ святелемъ», но, все-таки, не первымъ, введшимъ католицизмъ среди русскихъ. Этотъ д'Огаръ, бывший офицеръ французскаго флота, эмигрировалъ изъ Франціи въ 1791 году и былъ назначенъ императрицей Екатериной помощникомъ директора императорскихъ библиотекъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ и постоянныхъ посѣтителей гостини Свѣчиной. Онъ не обладалъ ни высшими дарованіями, ни вдохновенностью де-Мэстра, но его простота, чисто французское изящество ума и веселость тѣмъ болѣе помогали ему, что никто и не думалъ остерегаться ихъ. Онъ оказалъ дѣлу католицизма такіа большія услуги, что впоследствии, во всю свою жизнь, Свѣчина съ особеннымъ чувствомъ вспоминала о «первомъ мореплавателѣ», какъ она называла его.

Такимъ образомъ Свѣчина, въ періодъ пробужденія въ ней понятій о Богѣ, была окружена людьми, только и ждавшими случая отвѣтить на запросы ея религіозной пытливости.

III.

Биографъ Свѣчиной имѣлъ въ своемъ распоряженіи рукописные мемуары ея мужа и, руководствуясь ими, передаетъ въ своемъ трудѣ одинъ эпизодъ изъ жизни Свѣчина, имѣвшій большое значеніе въ его жизни, а слѣдовательно и въ жизни Свѣчиной, и, повидимому, явив-

шійся одной изъ причинъ, обусловившихъ впоследствии ихъ отъѣздъ во Францію на постоянное жительство. Въмѣстѣ съ тѣмъ Фаллу сообщаетъ въ своемъ сочиненіи нѣсколько данныхъ, интересныхъ для характеристики и императора Павла и мужа Свѣчиной.

Въ кругу своей семьи Павелъ Петровичъ проявлялъ ту же строгость и требовалъ той же дисциплины, какъ и въ жизни общественной. Разсѣянность при исполненіи требованій этикета, неправильный поцѣлуй руки навлекали какъ на великихъ князей, такъ и на великихъ княгинь нѣсколько дней, а иногда и цѣлую недѣлю ареста. Великіе князья должны были участвовать въ безпрестанныхъ парадахъ и маневрахъ. Александръ Павловичъ былъ крайне искусенъ въ ружейныхъ приемахъ, а Константинъ Павловичъ, по словамъ рукописныхъ мемуаровъ Свѣчина, не имѣлъ равнаго себѣ въ умѣніи бить на барабанѣ.

Не менѣе строгій надзоръ былъ установленъ надъ всѣми отдѣльными частями арміи, гдѣ бы онѣ ни стояли гарнизономъ. Бывали случаи, что офицеровъ внезапно арестовали, сажали въ сани и прямо доставляли въ Петербургъ для суда, часто, въ присутствіи императора. Колебаніе, робость равнялись признанію, самыя суровыя наказанія налагались совершенно безапелляціонно. Однажды Павелъ Петровичъ возложилъ на Свѣчина приведеніе въ исполненіе жестокаго приговора надъ однимъ полковникомъ. Когда все было приготовлено къ экзекуціи, Свѣчинъ подходитъ къ осужденному, уже раздѣтому до пояса, и объявляетъ ему:

— Возьмите вашу шпагу, немедленно уѣзжайте изъ Петербурга; государь милуетъ васъ.

Послѣ этого Свѣчинъ отправился во дворецъ, прямо къ Павлу Петровичу.

— Государь, — сказалъ онъ, — я приношу вамъ свою голову; я не исполнилъ повелѣній вашего величества. Полковникъ свободенъ; я возвратилъ ему честь и жизнь. Теперь прикажите вмѣсто него покарать меня.

Павелъ Петровичъ крѣпко пожалъ ему руку и, послѣ нѣкотораго колебанія, сказалъ:

— Вы хорошо поступили; я сожалѣлъ, что не поговорилъ объ этомъ съ великимъ княземъ Александромъ. — И затѣмъ онъ прибавилъ: — Пусть только, впрочемъ, это никогда не будетъ извѣстно въ Петербургѣ.

Несмотря на приведенный случай, благоволеніе Павла Петровича къ Свѣчину не только не уменьшилось, но, повидимому, даже возросло, такъ какъ затѣмъ, впоследствии (12-го августа 1800 г.) Свѣчинъ былъ назначенъ временнымъ военнымъ губернаторомъ Петербурга.

Къ этому-то времени и относится упомянутый выше эпизодъ изъ жизни Свѣчина.

Объ этомъ эпизодѣ Свѣчинъ въ своихъ мемуарахъ передаетъ слѣдующее:

«Среди лицъ, явившихся поздравить меня по случаю назначенія меня военнымъ губернаторомъ,—пишетъ онъ,—выдѣлился адмиралъ Р. ¹⁾, разсыпавшійся въ самыхъ лестныхъ похвалахъ. Онъ бывалъ на вечерахъ моей жены и сумѣлъ проявить тамъ свое превосходство надъ другими. Графъ ** ²⁾ сдѣлалъ визитъ новому губернатору, несмотря на свое обыкновеніе, изъ чувства достоинства, ни у кого не бывать. Онъ пригласилъ меня заѣхать къ нему, чтобы поговорить о дѣлахъ. Я направился къ нему, въ шесть часовъ вечера, какъ это было указано имъ. За исключеніемъ швейцара, домъ былъ пустъ, прислуги не было. Графъ ** встрѣтилъ меня съ подсвѣчникомъ въ рукахъ, предупредилъ, что онъ одинъ, и провелъ меня въ отдѣльно расположенный кабинетъ».

Затѣмъ графъ ** объявилъ Свѣчину, что обращается къ нему, какъ къ начальнику вооруженной силы столицы. Говорилъ о планахъ «группы самыхъ знатныхъ людей страны», помнящихъ о славномъ положеніи Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины и чувствующихъ себя униженными, видя, что Россія отстранена отъ Европы и не имѣетъ союзниковъ. Кучка этихъ людей, по словамъ графа, пользовалась поддержкой со стороны Англіи, и онъ спрашивалъ Свѣчина, какъ отнесется онъ къ этимъ планамъ въ качествѣ военного губернатора столицы.

— Графъ,—отвѣчалъ Свѣчинъ,—я не раздѣляю мнѣнія, чтобы честные лица, дѣйствуя лишь по своему собственному произволу, были въ правѣ дѣлать измѣненія въ строѣ правительства... Король больной или слабомумный, какъ мы видѣли это въ исторіи другихъ странъ, замѣняется совѣтомъ регентства. Смерть Карла I и Людовика XVI—убійства, преступленія, величайшая измѣна. Вотъ мое мнѣніе, я останусь вѣренъ своей роли и не буду мѣнять ея, какъ арлекинъ на сценѣ. Но, впрочемъ, будьте спокойны: я не воспользуюсь вашимъ довѣріемъ, чтобы путемъ гнуснаго доноса добиться милостей. Законъ предоставляетъ мнѣ право и средства добратся до головы, начиная съ ногъ, и я займусь этимъ. Забудьте, графъ, что я говорилъ съ вами и смотрите пожалуйста на нашъ разговоръ какъ на сонъ.

Нѣсколько дней спустя, адмиралъ Р. снова заѣхалъ къ Свѣчину и спросилъ его, на какомъ рѣшеніи остановился онъ послѣ своего разговора съ графомъ **. Свѣчинъ отвѣтилъ, что останется вѣренъ долгу и чести. Тогда Р. бросился ему на шею, сталъ цѣловать его и совѣтовалъ не измѣнять принятаго рѣшенія.

¹⁾ Повидимому, здѣсь рѣчь идетъ объ извѣстномъ адмиралѣ Рибасѣ.

²⁾ Графъ Паленъ.

«Два дня спустя,—пишетъ въ заключеніе Свѣчинъ,—утромъ я былъ назначенъ сенаторомъ, а вечеромъ—отставленъ».

Нѣсколько времени спустя послѣ внезапной опалы Свѣчина, военнымъ губернаторомъ Петербурга былъ назначенъ (21-го октября 1800 г.) графъ Паленъ.

IV.

Послѣ своей отставки Свѣчинъ съ женою остались жить въ Петербургѣ.

Около этого времени доктора объявили Свѣчиной, что ей не суждено испытать радостей матери. Этотъ приговоръ, въ связи съ пошатнувшимся здоровьемъ, не могъ не придавать будущему, въ ея глазахъ, отпечатка чего-то безотраднaго, холоднaго, что должно было побуждать ее еще болѣе сосредоточиваться въ самой себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, искать пищи для своего любящаго сердца. И дѣйствительно, она удвоила заботы о воспитаніи своей младшей сестры, съ еще болѣею предупредительностью стала относиться къ своему мужу; съ чисто материнскою любовью занялась судьбою маленькой дѣвочки, Нади Стаелинъ, которую Свѣчинъ любилъ, какъ дочь, и которую она приняла къ себѣ въ домъ на правахъ родной дочери; дѣятельно и съ большою отзывчивостью занялась дѣлами благотворительности. Вмѣстѣ съ тѣмъ все свое свободное время она стала посвящать чтенію, являвшемуся для нея не простымъ развлеченіемъ, такъ какъ каждая книга выходила изъ ея рукъ съ массой помѣтокъ, послуживъ ей матеріаломъ для многочисленныхъ комментариевъ и выписокъ. Эти выписки заносились въ особыя тетради, составившія впоследствии тридцать пять переплетенныхъ томовъ.

По выраженію біографа Свѣчиной, «эти томы являлись стадіями, черезъ которыя постепенно прошелъ ея умъ». Значеніе ихъ для нея можетъ быть выражено слѣдующими словами де-Мэстра, написанными имъ по поводу надобнаго же собранія своихъ собственныхъ выписокъ. «Вы откуда видите эти громадные тома, лежащіе на моемъ бюро, читаемъ мы въ «Петербургскихъ вечерахъ»; вотъ уже въ теченіе тридцати лѣтъ какъ я записываю туда все, что особенно поражаетъ меня при чтеніи. Иногда я ограничиваюсь простыми указаніями; иногда, слово въ слово, переписываю наиболѣе существенныя мѣста; часто я сопровождаю ихъ кое-какими замѣтками, а часто заносу туда также и тѣ проносящіяся мысли, тѣ внезапныя проблески, которые гибнутъ бесплодно, если ихъ мимолетное проявленіе не будетъ закрѣплено письменно. Эти сборники никогда не покидали меня во всѣхъ моихъ странствіяхъ по

различнымъ странамъ Европы, и теперь вы не повѣрите, съ какимъ удовольствіемъ я пробѣгаю эту огромную кипу. Каждое мѣсто пробуждаетъ во мнѣ массу интересныхъ мыслей и грустныхъ воспоминаній, въ тысячу разъ болѣе пріятныхъ, чѣмъ то, что принято называть удовольствіями».

О характерѣ и разнообразіи чтенія Свѣчиной можно судить по тому, что въ ея сборникѣ встрѣчаются выдержки изъ Руссо, Мармонтеля Бартеlemi (изслѣдованіе о морали), Жанлисъ, Гарація, Ла-Гарпа, Дюкло, Паскаля, Массильона, Боссюэ, Коттэнъ, Стаала, Лейбница, Декарта, Марка Аврелія и др.

Не ограничиваясь чтеніемъ, Свѣчина не упускала случая пополнить свои знанія и другимъ путемъ. Такъ, съ идеями Канта, Фихте, Гегеля ознакомилась изъ бесѣдъ съ извѣстнымъ впоследствии въ Германіи философомъ Раупахомъ, однимъ изъ частыхъ посѣтителей ея гостиной въ бытность его въ Петербургѣ.

Изъ числа близкихъ друзей Свѣчиной въ эту эпоху слѣдуетъ отмѣтить графа де-Мэстра. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ концѣ 1803 года, въ качествѣ посланника сердинскаго короля, и быстро занялъ въ петербургскомъ обществѣ выдающееся положеніе. Въ частности, на Свѣчину должно было оказывать вліяніе то обстоятельство, что частная жизнь де-Мэстра вполне гармонировала съ тѣмъ, что онъ говорилъ и проповѣдывалъ. Посланникъ несчастнаго короля, онъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы, подъ оболочкой гордости и путемъ личныхъ лишеній, скрыть бѣдность, которую онъ раздѣлялъ вмѣстѣ со своимъ государемъ. Иногда обѣдъ уполномоченнаго посланника состоялъ изъ куска хлѣба со стаканомъ воды, но этими лишеніями обезпечивалось содержаніе кареты и егера, которыхъ онъ считалъ необходимыми для поддержанія достоинства своей миссіи. По словамъ Фаллу, ничто не могло ни устранить его преданности, ни сдержать его искренности. «Онъ не зналъ лучшей мѣры для привязанности, чѣмъ откровенность. Обращаясь попеременно со словомъ то къ народамъ—громко,—то къ государямъ, тихо,—онъ говорилъ каждому изъ нихъ не то, что онъ могъ предполагать пріятнымъ для нихъ; а то, что онъ считалъ полезнымъ для нихъ же».

Сближеніе Свѣчиной съ де-Мэстромъ началось подъ вліяніемъ инстинктивнаго взаимнаго влеченія ихъ другъ къ другу; по удостовѣренію Фаллу, несмотря на разницу въ возрастѣ (49 и 21 годъ) и различіе исходныхъ точекъ ихъ міровоззрѣнія, они не замедлили отгадать сродство своихъ душъ. Однако, при всемъ томъ, умъ молодой женщины нисколько не былъ поработченъ умомъ де-Мэстра, чему, впрочемъ, воспротивилась бы врожденная независимость ея натуры.

Материнскія заботы о младшей сестрѣ и пріемной дочери, предупредительность по отношенію къ мужу, попеченіе о бѣдныхъ, свѣтскія

обязанности, чтеніе—все это наполняло время, сердце и умъ Свѣчиной; но это не могло удовлетворить жившей въ ней и присущей каждому человѣку потребности въ яркомъ личномъ счастьи, даваемомъ почти исключительно какой-либо страстной привязанностью, не имѣющей ничего общаго съ чувствомъ долга и потому являющейся совершенно самопроизвольной. Такой привязанностью для Свѣчиной явилась ея привязанность къ Роксандрѣ Стурдзѣ, фрейлингѣ императрицы Елизаветы Алексѣевны, вышедшей затѣмъ замужъ за графа Эдлинга. Привязанность къ Стурдзѣ граничила у Свѣчиной съ влюбленностью, и она сохранила ее во всю свою жизнь ⁴⁾.

Молодыхъ женщинъ сближало также и то, что обѣ онѣ, по словамъ Свѣчиной, не носили на себѣ отпечатка того міра, въ которомъ вращались; напротивъ того, все то, что было въ нихъ хорошаго, лучшаго, обуславливалось началами, неизвѣстными въ этомъ мірѣ и переносившимися далеко за предѣлы его нравственныхъ извѣяновъ.

Когда младшая сестра Свѣчиной стала выѣзжать, она вышла за

---

⁴⁾ Роксандра Стурдза родилась въ Константинополѣ 12-го октября 1786 г. Ея родители, греки по происхожденію, владѣли въ Молдавіи большими помѣстьями. Послѣ заключенія Яскаго договора, они сошли болѣе благоразумнымъ эмигрировать въ Россію, гдѣ были приняты императрицей Екатериной очень благосклонно. Роксандра Стурдза была пожалована во фрейлинны къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ на шестнадцатомъ году отъ рожденія и пользовалась большимъ расположеніемъ со стороны императрицы. Она вышла замужъ за графа Эдлинга въ 1816 году. Графъ Эдлингъ былъ въ то время главнымъ лицомъ при дворѣ мужа великой княгини Маріи Павловны великаго герцога Саксенъ-Веймарскаго. Вскорѣ послѣ замужества графиня Роксандра Эдлингъ добилась отъ своего мужа осуществленія своей давнишней мечты—основать поселеніе, гдѣ бы она могла примѣнить всѣ послѣдствія добытыя блага цивилизаціи. Частью они купили сами, частью имъ было пожаловано громадное пространство совершенно необработанной земли близъ Одессы, и тамъ-то они и обосновались, назвавъ свое имѣніе „Манзырь“. Они сами расчистили почву, насадили деревья, виноградники, вырыли колоды, распахали землю. Вскорѣ тамъ появились церкви, школы, больницы и т. д. Сохранилось указаніе, что въ имѣніи гр. Эдлинга примѣнялся свободный, соотвѣтственно оплачиваемый трудъ. Въ 1825 году Манзырь еще одинъ вышлся среди необозримой степи, а въ 1840 году онъ былъ уже окруженъ цѣлою сѣтью русскихъ деревень, нѣмецкихъ и болгарскихъ колоній. Въ 1829—30 г. графиня Эдлингъ оказала большую услугу краю. Среди массы плотниковъ и каменщиковъ, работавшихъ въ Манзырѣ, появилась чума. Подъ влияніемъ паники, они хотѣли разбѣжаться по различнымъ мѣстамъ, чѣмъ еще болѣе распространили бы заразу. Гр. Эдлингъ повела всю опасность, и ей личными увѣщаніями удалось уговорить рабочихъ не разбѣгаться. Ту же энергію и то же пренебреженіе опасностью для себя лично она проявила и впоследствии во время холеры. Она умерла въ 1854 году. Послѣ нея остались воспоминанія, представляющія, какъ извѣстно, большое значеніе для исторіи царствованія императора Александра.

мужъ за князя Григорія Гагарина, и семья сестры, быстро увеличившаяся рожденіемъ дѣтей, стала для Свѣчиной какъ бы ея собственной семьею.

Такъ продолжалось до 1811 года, когда установившійся порядокъ жизни Свѣчиной былъ нарушенъ отъѣздомъ Свѣчина въ армію. Вслѣдствіе этого Свѣчина уѣхала на нѣкоторое время въ свои деревни въ Нижегородскую и Саратовскую губерніи. Вернувшись затѣмъ въ Петербургъ, она была избрана предсѣдательницей общества по оказанію помощи московскимъ погорѣльцамъ и съ большой энергіей отдалась этому дѣлу.

Въ 1813 году Свѣчину ожидало новое огорченіе, разлука со Стурдзой, уѣхавшей сопровождать императрицу Елизавету Алексѣевну въ ея продолжительномъ заграничномъ путешествіи. Оба друга вели между собою довольно оживленную переписку. Письма Стурдзы, къ сожалѣнію, не сохранились, письма же Свѣчиной къ Стурдзѣ уцѣлѣли. Главнымъ образомъ они могутъ служить для объясненія нравственнаго облика Свѣчиной, но въ то же время заключаютъ въ себѣ и нѣсколько интересныхъ данныхъ для исторіи Россіи того времени.

Очерчивая общій характеръ этой переписки, Фаллу замѣчаетъ, что «слѣдя шагъ за шагомъ за интимной жизнью этихъ двухъ молодыхъ блестящихъ женщинъ, причастныхъ ко всему, что человѣческія событія представляли когда-либо наиболѣе громкаго или притягательнаго, невольно проникаешься почтительнымъ удивленіемъ, видя, что онѣ извлекали изъ всего этого только одни серьезные уроки и позволяли своему честолюбію лишь мечты о страстной дружбѣ, единеніи и любви къ человѣчеству».

V.

Мы уже упомянули выше, что Свѣчиной не было суждено испытать яркаго личнаго счастья. Поэтому, при ея характерѣ и міровоззрѣніи, жизнь начала постепенно представляться ей неисполнимою для совершенія нравственныхъ трудовъ.

«Прежде, когда я была молода, еще три или четыре года тому назадъ,—какъ-то писала она своему другу гр. Эддингъ, выказывая стремленіе старить себя,—я горѣла жаждою все видѣть, все знать: я съ наслажденіемъ отправилась бы въ Индію, не имѣя другой цѣли, какъ желаніе удовлетворить ненасытное любопытство. Теперь же какая разница! Если мнѣ не показать впереди надежды быть полезною или обязанностей, налагаемыхъ любовью, я не только не подумаю двинуться,

а какъ-то, машинальнымъ движеніемъ, еще болѣе углублюсь въ свое кресло, и мои руки и ноги повиснутъ сами собою въ знакъ полного безучастія». Къ этому присоединялась какая-то разочарованность въ людяхъ, заставившая ее высказать однажды, что наказаніемъ за способность изучать людей является несчастье узнать ихъ. Она уже ищетъ убѣжища для своего «угнетеннаго, оскорбленнаго и неизмѣнно грустнаго сердца» какимъ убѣжищемъ, пока явилась не религія, а дружба съ Эдлингъ. Порою ею овладѣвала душевная скука, душевное одиночество, обусловленное тѣмъ, что окружавшее ее общество оставляло ее неудовлетворенной, что среди него она чувствовала себя чужой. По-своему она старалась забыться, но и эти попытки, повидимому, не всегда приводили къ цѣли.

«Вы не можете себѣ представить той жизни, которую я веду,—признавалась она Эдлингъ,—у меня почти нѣтъ свободной минуты. У меня въ головѣ родъ утомленія, которое чувствуешь въ глазахъ, когда въ нихъ отражается масса смѣняющихся одинъ за другимъ предметовъ, которыхъ не можешь даже отличить въ отдѣльности... Увы! да, у меня тысячи плановъ, десять начатыхъ сочиненій, намѣреніе все сдѣлать, а,—въ силу закона, столь стараго, что его можно бы считать вѣчнымъ,—изъ-за желанія все сдѣлать я ничего не дѣлаю». Вопли естественны, что при такихъ условіяхъ она должна была сознавать себя несчастною. Она не могла утѣшать себя и надеждами на личное счастье въ будущемъ, такъ какъ смотрѣла на надежду, какъ на пищу, крайне несытную, которая утомляетъ, но не восстанавливаетъ силъ. Не видя личнаго счастья, отказавшись отъ надежды на него въ будущемъ, она стала полагать свое счастье въ счастіи другихъ. «Я слишкомъ устала отъ самой себя,—писала она Эдлингъ,—чтобы не испытывать потребности вѣрять въ другихъ. Уже давно какъ я безвозвратно помѣстила свое состояніе въ тѣхъ, кого люблю: ихъ благосостояніе, ихъ надежды являются процентами, которыми я существую».

Надежнымъ якоремъ спасенія для Свѣчиной явилась религія. Она все болѣе и болѣе стала находить въ ней поддержку. «И какихъ только сокровищъ не предлагаетъ религія!—какъ-то писала она;—что бы я сдѣлала, если бы была лишена ея! И что дѣлаютъ эти существа, слишкомъ несчастныя для того, чтобы признавать ихъ преступными, которыхъ не знаютъ могущества ея доброты».

VI.

Какъ уже сказано ранѣе, смерть отца впервые заставила мысль Свѣчиной обратиться къ Богу. По этому поводу она писала впоследствии: «я проснулась отъ сна, худшаго, чѣмъ смерть. Въ девятнадцать лѣтъ я бросилась въ объятія къ Богу съ такою страстностью, что по

порывистости не могу сравнить ее ни съ чѣмъ, испытаннымъ мною ранее. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ моя религіозность носила этотъ характеръ, и пять минутъ религіознаго экстаза были достаточны, чтобы придать всей моей послѣдующей жизни принятое ею направленіе».

Можно смѣло сказать, что въ эти нѣсколько лѣтъ Свѣчина, исполняя обряды православной церкви, въ сущности, сознательно не принадлежала ни къ православной, ни къ католической церкви. Когда страстность порыва къ Богу стала постепенно проходить, явились сомнѣнія, колебанія, исканіе истины,—гдѣ же истина,—на сторонѣ православной или же католической церкви? Здѣсь же Свѣчину ждали д'Огарь, де-Мэстръ и др., и неудивительно, что подъ воздѣйствіемъ искусства одного, ума другаго и сплоченныхъ усилій остальныхъ, мысль Свѣчиной стала склоняться въ одну опредѣленную сторону. Одно изъ главныхъ достоинствъ русской церкви—отсутствіе диктатуры надъ сердцемъ и убѣжденіями, въ данномъ случаѣ могло лишь послужить цѣлямъ д'Огара и его единомышленниковъ, такъ какъ колеблющійся человекъ всегда пойдетъ туда, гдѣ ему обѣщаютъ болѣе опредѣленности.

Но при всемъ томъ Свѣчина долго не сдавалась. Она усиленно занималась вопросами церковной исторіи, изучала постановленія вселенскихъ соборовъ и съ особымъ вниманіемъ относилась ко всему, что касалось раздѣленія церкви и папства. Какъ ни странно, она проявляла при этомъ столько педантизма, что даже вызывала ироническія замѣчанія со стороны де-Мэстра. Чтобы окончательно провѣрить и углубиться въ себя, оставаясь побольше наединѣ съ самой собою, она поселилась на лѣто 1815 года на дачѣ Барятинскаго, на берегу Финскаго залива. 29-го іюня 1815 года она въ послѣдній разъ приобщилась въ Петергофѣ по греческому обряду съ «единственною цѣлью разсѣять послѣднія оставшіяся сомнѣнія», а 27-го октября того же года перешла въ католичество, принявъ имя Жанны, въ честь Іоанна Крестителя.

Около этого времени благосклонное отношеніе императора Александра къ иезуитамъ, свободно дѣйствовавшимъ въ Россіи, стало измѣняться, и это побуждало ихъ быть особенно насторожѣ. Поэтому было рѣшено, что обращеніе Свѣчиной должно сохраняться въ тайнѣ. Однако, эта тайна слишкомъ тяготила ее, и вскорѣ она выдала ее.

Въ концѣ декабря 1815 года появился указъ объ изгнаніи иезуитовъ изъ Петербурга и Москвы; въ этомъ указѣ упоминалось между прочимъ, что они совратили съ пути православія нѣсколькихъ женщинъ съ умомъ слабымъ и нецелѣуловательнымъ, и юношей, воспитаніе которыхъ было довѣрено имъ. Затѣмъ, въ послѣдствіи эта мѣра была распространена на всю Россію, и иезуитскіе пансіоны и прочія учрежденія ордена были закрыты.

Когда былъ обнаруженъ первый указъ объ изгнаніи иезуитовъ,

Свѣчина рѣшила, что дальнѣйшее сохраненіе тайны являлось бы малодушіемъ, боязнью подвергнуться преслѣдованіямъ, и она открыто заявила о пережнѣ вѣроисповѣданія.

Однако, благородный порывъ Свѣчиной не повлекъ для нея никакихъ неблагопріятныхъ послѣдствій. Отношеніе къ ней императора Александра нисколько не измѣнилось къ худшему. Напротивъ того, оно приняло около этого времени особенно благосклонный оттѣнокъ, что можетъ быть объяснено тѣмъ, что ихъ невольно сближало одушевляющее ихъ тогда исканіе религіозной истины.

Расположеніе императора Александра къ Свѣчиной стало дѣлаться настолько очевиднымъ, что, по удостовѣренію ея біографа, это обстоятельство встревожило очень многихъ изъ приближенныхъ государя и подало поводъ къ интригамъ противъ Свѣчиной. Но такъ какъ по своимъ личнымъ качествамъ она представлялась слишкомъ трудно уязвимой, то всѣ усилія ея недруговъ обратились противъ ея мужа. Къ этому присоединилось еще злопамятство со стороны тѣхъ, которые не могли простить ему его образа мыслей относительно дѣйствій, приведшихъ къ событію 11-го марта 1801 года. Вскорѣ интрига восторжествовала, и въ результатъ Свѣчинъ рѣшилъ уѣхать за границу. Прощаясь со Свѣчиной, государь выразилъ сожалѣніе по поводу ея отъѣзда и высказалъ желаніе, чтобы она писала ему. Переписка между императоромъ Александромъ и Свѣчиной продолжалась вплоть до самой кончины государя. Послѣ смерти императора Александра письма къ нему Свѣчиной были возвращены ей обратно въ Парижѣ. Было ли это сдѣлано въ силу выраженной почившимъ государемъ воли, или же въ силу утонченной деликатности со стороны императора Николая Павловича—не извѣстно. Свѣчина благоговѣнно хранила какъ письма императора Александра, такъ и возвращенныя ей ея собственныя письма вплоть до 1845 г., когда она довѣрила ихъ для прочтенія одному выдающемуся государственному человѣку того времени,—и съ тѣхъ поръ они исчезли безслѣдно. Въ его бумагахъ послѣ его смерти ихъ не оказалось, и Фалду высказываетъ предположеніе, что или они были сожжены въ тревожную эпоху 1848 года, или, быть можетъ, возвращены въ Россію, и, въ такомъ случаѣ, когда-либо станутъ достояніемъ исторической науки.

Путешествіе по Европѣ, въ частности, по Франціи и Англіи, составляло давнишнюю мечту Свѣчиной. Тѣмъ не менѣе, она не безъ грусти уѣзжала изъ Россіи; ея чувства въ этомъ отношеніи ярко отразились въ слѣдующихъ строкахъ ея письма къ Александру Тургеневу, могущихъ служить прекрасной характеристикой ея личности. «Вотъ я снова обращаюсь къ вамъ съ моими вѣчными просьбами... Но я оставляю здѣсь столько несчастныхъ, что то, что оказывалось бы бесполезнымъ для одного, пригодилось бы для другаго. Сдѣлайте мнѣ милость заняться

ними, а если начинаете падать духомъ, подбодрите себя мыслью, что вскорѣ совершенно помимо моей воли я оставлю васъ въ покоѣ. А, дорогой мой, когда у меня не будетъ другой связи съ моею родиной, какъ эти бѣдные и слабые, эта связь будетъ все-таки постоянно болѣе сильна, чѣмъ все, что могло бы поврагиться мнѣ въ другомъ мѣстѣ. Все то, что я не перестала чувствовать въ этомъ отношеніи, служить лучшей гарантіей стремленій, которыя, быть можетъ, приведутъ меня сюда раньше, чѣмъ я сама думаю это».

По прїѣздѣ въ Парижъ Свѣчина была радушно встрѣчена старыми друзьями, расположеніе которыхъ было испытано ею еще на родинѣ: маркизомъ д'Отишанъ, графомъ де-ла-Гардъ, герцогомъ Ришелье и др. Кромѣ того, де-Мэстръ, съ своей стороны, снабдилъ ее рекомендательными письмами къ своимъ друзьямъ. Въ одномъ изъ такихъ писемъ, къ виконту де-Бональду, онъ писалъ между прочимъ о Свѣчинѣ, что нельзя встрѣтить въ одномъ лицѣ большаго соединенія нравственности, ума и образованія съ добротою, на что де-Бональдъ отвѣчалъ ему: «это — другъ, достойный васъ, и одинъ изъ лучшихъ умовъ, которые я встрѣчалъ—слѣдствіе или причина душевныхъ качествъ, наиболѣе совершенныхъ, которыми только можетъ быть одарена смертная».

Особенно быстро Свѣчина освоилась съ салономъ и кругомъ знакомыхъ герцогини Дюра. Тамъ, между прочимъ, она впервые познакомилась со Стааль. Въ виду желанія Свѣчинѣ познакомиться съ извѣстной писательницей, которой Наполеонъ дѣлалъ честь бояться ея, герцогиня устроила интимный обѣдъ, на который пригласила Свѣчину и Стааль. Въ продолженіе всего обѣда Свѣчина, по своей обычной сдержанности, почти не проронила ни слова и едва поднимала глаза на сидѣвшую противъ нея Стааль. Наконецъ, послѣ обѣда, Стааль сама подошла къ ней со словами: «мнѣ говорили, что вы желаете познакомиться со мною; или меня обманули?»

— Конечно, нѣтъ,—возразила Свѣчина,—но всегда вѣдь первымъ заговариваетъ—король.

Въ салонѣ же герцогини Дюра Свѣчина познакомилась съ Шатобрианомъ, Вильманомъ, Ремюза, Кювие и другими знаменитостями, изъ которыхъ многіе сдѣлались вполнѣ слѣдствія ея друзьями.

Послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ Парижѣ Свѣчинѣ нашель необходимымъ побывать въ Петербургѣ и пробылъ тамъ съ женою до конца осени 1818 года, когда они снова уѣхали за границу и уже обосновались тамъ на постоянное жительство.

Мѣстомъ для этого была избрана Франція. По словамъ біографа Свѣчинѣ, одной изъ главныхъ причинъ, побудившихъ ее остановить свой выборъ именно на Франціи,—было положеніе въ ней католической церкви.

П.

(Продолженіе слѣдуетъ)

**Императоръ Александръ I и его гофмаршалъ графъ
Н. А. Толстой.**

Письмо Петра Лукина—А. П. Тормасову.

13-го апрѣля 1815 г.

Между нами скажу, что гофмаршалъ графъ Николай Александровичъ Толстой, хотя старается скрывать, но очень опечаленъ, что государь его не призываетъ къ себѣ и къ его должности, и пишутъ, что государь отзывается, что онъ отъ экономіи не токмо голоднымъ былъ, прашивалъ у другихъ чашку, вторично не хочетъ той же нуждѣ и недостатку подвергаться.

Я отъ васъ и на сей почтѣ писемъ не получалъ; не пеняю, но признаюсь, не пріятно быть забыту и по чести сего не заслуживаю. Худо намъ ничтожнымъ на вельможъ полагаться и всегда надежнѣе быть отъ нихъ далѣе, издали кланяться, пока спина гнётся на старости позволяеть.

Къ исторіи русской литературы.

Ө. В. Булгаринъ и Н. И. Гречъ.

(Какъ издатели журналовъ).

I.

Булгаринъ и его журналъ „Сѣверный Архивъ“.

18-го іюня 1819 г. Ө. В. Булгаринъ писалъ князю А. Н. Голицыну ⁴⁾: «Ваше сіятельство, безъ сомнѣнія, позволите мнѣ представить вамъ планъ, основанный на слѣдующихъ началахъ. Нравы женщинъ имѣютъ толикое вліяніе на духъ народный каждой страны, что желающій распространять между людьми правила нравственности и религіи, долженъ начать наставленіемъ женщинъ въ истинномъ предметѣ ихъ занятій, нераздѣльномъ съ добродѣтелью и мудростію. Дѣти, воспитанныя подъ надзоромъ матерей добродѣтельныхъ и ученыхъ, безъ сомнѣнія, сдѣлаются полезными сынами отечества и почтенными членами общества. Но женщины, имѣя уже отъ природы склонность искать прекраснаго во всемъ, ихъ окружающемъ, пріятное и занимательное чтеніе всегда предпочитаютъ строгимъ наставленіямъ моралистовъ. И такъ веселою толко тропюю, усѣяною цвѣтами, надлежитъ вести прекрасный полъ, всегда чувствительный и остроумный, ко храму добродѣтели. Вотъ цѣль, для которой я предполагаю, согласно съ нѣкоторыми учеными моими единосемцами, издавать въ С.-Петербургѣ Дамскій журналъ на польскомъ языкѣ.

---

⁴⁾ Въ то время министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Просьба г. Булгарина была подава на французскомъ языкѣ.

Въ надеждѣ на милостивое соизволеніе на сіе вашего сіятельства беру смѣлость предетавить мудрому благоусмотрѣнію вашему предметы имѣющіе входить въ составъ сего изданія:

- 1) Исторія знаменитыхъ женъ, преимущественно обѣихъ націй.
- 2) Нравы и обычаи древнихъ.
- 3) Нравоучительныя повѣсти.
- 4) Сужденія и мысли объ обязанностяхъ прекраснаго пола и объ образованіи юношества.
- 5) Религіозныя и пріятныя стихотворенія.
- 6) Эстетика.
- 7) Пѣсни и романсы съ музыкальными нотами.
- 8) Парижскія, Англійскія и С.-Петербургскія моды съ изображеніями.

Убѣдительнѣйше прошу ваше сіятельство изъ таковой просьбы моея усмотрѣть единственно желаніе быть полезнымъ моему отечеству».

При этомъ была приложена объяснительная записка, въ которой Ѳ. Булгаринъ указывалъ на источники и обѣщалъ помѣщать въ своемъ журналѣ:

- 1) По русской исторіи:

«Я пройду,—говорилъ онъ,—оную тщательно, упоминая о всѣхъ отличныхъ особахъ женскаго пола, а между тѣмъ означу токмо: Ольгу, княгиню Кіевскую, Рогнѣду, супругу Владиміра Великаго, Марю, жену посадника Борецкаго, Екатерину I, супругу Петра Великаго».

- 2) При описаніи нравовъ и обычаевъ древнихъ и восточныхъ народовъ, «обращу я вниманіе матерей на все, что только различные сіи нравы и обычаи представляютъ выгоднаго для общества».

Въ разсужденіяхъ и мысляхъ объ обязанностяхъ прекраснаго пола и объ образованіи юношества. Ѳ. Булгаринъ обѣщалъ помѣстить «мѣста изъ славнѣйшихъ сочинителей какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ».

Въ Эстетикѣ разобрать лучшія сочиненія женщинъ-авторовъ, а при печатаніи пѣсней и романсовъ—тщательно выбрать одно только лучшее изъ того, что написано въ семь родѣ, избѣгая всего, что можетъ оскорбить нравы.

«Удивительно,—писалъ въ заключеніи проситель,—съ какимъ тщаніемъ дамы наши обучаются искусству нравиться, которое прилично имъ можетъ быть только 10-ть или 12-ть лѣтъ не болѣе, а между тѣмъ не радѣютъ о своемъ умѣ, который долженствуетъ служить имъ въ продолженіе всей ихъ жизни, и объ образованіи, кое единственно можетъ доставить имъ истинныя прелести, не смотря ни на какія превратности времени. И для того я употребляю всѣ усилія, для убѣжденія прекраснаго пола

моды свои согласовать всегда съ правилами стыдливости и благоприличія, которыя суть лучшія украшенія женщинъ. Съ другой стороны, постараюсь изобразить имъ презрѣніе, коему онѣ подвергаются, желая нравиться нашему полу не существенными достоинствами своими, но кокетствомъ и разорительною прелестью одеждъ своихъ. Напоследѣдокъ я присовѣтую имъ употреблять въ семь случаевъ благородную простоту, которая единственнымъ правиломъ своимъ должна имѣть хорошій вкусъ и климатъ.

«Надѣюсь, что ваше сіятельство, котораго августѣйшій монархъ нашъ столь достойно избралъ въ покровители изящныхъ искусствъ, съ особенною вашею добротою и остроуміемъ благоволилъ просмотрѣть предполагаемый мною планъ, который не прежде принимаю смѣлость представить вамъ, сіятельнѣйшій князь, какъ по одобреніи онаго отличными мужаами Польши какъ духовными, такъ и свѣтскими».

По наведенной справкѣ оказалось, что губернской секретарь Маркіановичъ еще ранѣе Ѳ. Булгарина просилъ разрѣшеніе издавать на польскомъ языкѣ журналъ духовно-нравственнаго и литературнаго содержанія, но попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа не разрѣшилъ этого изданія потому, что ни одинъ изъ цензоровъ С.-Петербургскаго цензурнаго комитета не знаетъ польскаго языка. На этомъ основаніи и Ѳ. Булгарину было также отказано. Онъ на этомъ не остановился и въ сентябрѣ 1821 года подалъ прошеніе тому же князю А. Н. Голицыну о разрѣшеніи ему издавать журналъ на русскомъ языкѣ.

«Нижеподписавшійся,—писалъ Ѳ. Булгаринъ,—желая по мѣрѣ силъ своихъ участвовать въ распространеніи полезныхъ знаній, вознамѣрился издавать съ начала будущаго 1822 года періодическое сочиненіе подъ заглавіемъ: «М н е м о з и н а»,—журналъ исторіи, статистики и путешествій».

Цѣль сего журнала будетъ состоять, во-первыхъ, въ распространеніи полезныхъ свѣдѣній по части исторіи древней и новой, иностранной и отечественной, статистики и политической экономіи относительно къ Россіи и другимъ странамъ, и во-вторыхъ, въ доставленіи отечественной нашей публикѣ чтенія пріятнаго и наставительнаго, которое способствовало бы изгнанію романовъ и простыхъ сказокъ, занятіями болѣе достойными людей просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ. Журналъ сей, какъ и заглавіе онаго показываетъ, будетъ состоять изъ трехъ главныхъ частей: исторіи, статистики и путешествій и раздѣляться еще на слѣдующія статьи:

I. Исторія.

- 1) Древняя исторія. Переводы изъ классическихъ писателей древности. Біографіи свхъ писателей.
- 2) Новая исторія. Переводы изъ новыхъ историковъ. Изображеніе

случаевъ современной намъ исторіи о біографіи знаменитыхъ современниковъ.

3) Отечественная исторія. Грамматы, извлеченія изъ летописей, хронографовъ и другія достопамятности древней и новой исторіи россиянь и прочихъ славянскихъ народовъ, до-нынѣ непечатанныя. Переводы изъ иностранныхъ писателей о Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странахъ. Критическія изысканія о темныхъ мѣстахъ исторіи российской. Изображеніе малоизвѣстныхъ случаевъ изъ всѣхъ періодовъ российской исторіи. Новѣйшіе историческіе анекдоты.

4) Археологія. Описаніе и истолкованіе древнихъ надписей, барельефовъ и другихъ памятниковъ древности, находимыхъ въ Россіи и другихъ странахъ.

5) Нумизматика. Описаніе древнихъ монетъ, медалей и прочихъ сего рода достопамятностей.

II. Путешествія.

1) Путешествія россиянь по чужимъ краямъ, еще не непечатанныя.

2) Путешествія россиянь и иностранцевъ по Россіи въ подлинникѣ или переводѣ, съ критическими въ приличныхъ случаяхъ замѣчаніями.

3) Важнѣйшія путешествія и географическія открытія во всѣхъ частяхъ свѣта. Въ сей статьѣ предлагаемы будутъ только путешествія достойныя особеннаго любопытства по странамъ ли, въ которыхъ оныя совершались или по дѣли, съ коюю они были предприняты. Въ нихъ, по возможности, набѣгаемо будетъ повторенія того, что уже извѣстно просвѣщенной публикѣ, особенно же всего того, что уже было напечатано въ другихъ русскихъ журналахъ. Извѣстія о новыхъ открытіяхъ полярныхъ экспедицій будутъ помѣщаемы со всею подробностью.

III. Статистика.

1) Статистическія статьи о Россіи и смежныхъ съ нею государствахъ, также о странахъ отдаленныхъ, новооткрытыхъ и вообще малоизвѣстныхъ, но любопытныхъ по своему положенію, произведеніямъ и физическимъ явленіямъ.

2) Политическая экономія. Въ сей важной статьѣ сообщаемы будутъ теоретическія изысканія и практическіе опыты, клонящіеся къ усовершенствованію земледѣлія, фабрикъ, руководлій, торговли, домоводства и словомъ всего того, что способствуетъ къ умноженію народнаго богатства и промышленности. Издатель намѣренъ руководствоваться лучшими по сей части иностранными писателями, во всякомъ случаѣ избирая только предметы, собранные съ географическимъ положеніемъ, климатомъ, законодательствомъ и внутреннимъ устроивомъ.

IV. Смѣсь.

1) Подробныя извѣстія о новыхъ историческихъ книгахъ, выходящихъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ.

2) Извѣстія о новыхъ книгахъ по части географіи, статистики и политической экономіи.

3) Рецензіи сочиненій, относящихся къ вышеупомянутымъ предметамъ. Въ сихъ рецензіяхъ будутъ соблюдаемы строжайшая благопристойность и безпристрастіе.

Политика отнюдь не входитъ въ составъ сего изданія. Никакія стихотворенія не будутъ помѣщаемы, исключая описывающихъ историческія происшествія, также древнихъ пѣсней или гимновъ, по содержанию своему достойныхъ особеннаго вниманія.

Издатель считаетъ въ числѣ сотрудниковъ своихъ многихъ отличныхъ нашихъ литераторовъ, имѣетъ великое число ненапечатанныхъ еще матеріаловъ, пользуется всѣми иностранными пособіями по избраннымъ имъ предметамъ и проситъ всѣхъ благонамѣренныхъ любителей полезныхъ знаній споспѣшествовать ему въ семъ предпріятіи.

Журналъ сей будетъ выходить по два раза въ мѣсяцъ, книжками въ 4, 5 и до 6-ти листовъ. Четыре книжки составятъ часть, а шесть частей годовое изданіе. Къ каждой части присовокупленъ будетъ портретъ, видъ или карта.

Цѣна годовому изданію въ С.-Петербургѣ и Москвѣ 30 р., съ пересылкою во всѣ города 35 рублей».

Имѣя въ виду, что Булгаринъ въ то время былъ дѣйствительнымъ членомъ высочайше утвержденныхъ Обществъ: «Любителей россійской словесности» и «Любителей словесности, наукъ и художествъ»,—С.-Петербургскій цензурный комитетъ не нашелъ препятствія къ разрѣшенію, тѣмъ болѣе, что издатель былъ уже извѣстенъ публикѣ «по разнымъ напечатаннымъ въ періодическихъ изданіяхъ россійскихъ, любопытнымъ сочиненіямъ его, изъ коихъ наиболѣе примѣчанія достойны статьи: о польской словесности, о переводчикахъ Гомера, о древнихъ и новыхъ бібліотекахъ и проч.».

Булгаринъ былъ тогда 35-ти лѣтъ отъ роду, дворянинъ и помѣщикъ Гродненской губерніи и царства Польскаго. Съ 1806 до 1810 годовъ находился въ русской службѣ, въ Уланскомъ его величества полку, былъ въ кампаніяхъ въ Пруссіи въ 1806 и 1807 году и въ Финляндіи въ 1808 году.

За оказанное отличіе въ сраженіи при Фридландѣ, награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени. Послѣ того, вышедши въ отставку, вступилъ въ польскую службу и съ польскими легіонами находился въ чинѣ капитана въ Испаніи до 1813 года и награжденъ орденомъ Почетнаго Легіона. По заключеніи всеобщаго мира въ Европѣ, оставилъ службу, посвятивъ себя наукамъ, проживая доходами изъ собственного своего имѣнія ¹⁾.

Получивъ 6-го октября разрѣшеніе издавать журналъ, *Θ. В. Булга-*

¹⁾ Собственноручная записка *Θ. Булгарина* 1-го сентября 1821 г. „О службѣ и состояніи“.

ринъ спустя нѣсколько дней просилъ дозволить ему перемѣнить заглавіе «Мнемозины» на «Сѣверный Архивъ», на что и получилъ согласіе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія ¹⁾).

15-го декабря 1822 года, исправляющій должность попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Д. Руничъ писалъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія:

«Издатель журнала, подъ названіемъ: «Сѣверный Архивъ» Булгаринъ, въ письмѣ своемъ на имя мое изъясняетъ, что, желая способствовать распространенію въ Россіи историческихъ и статистическихъ свѣдѣній, съ начала 1822 года издаетъ онъ упомянутый журналъ, помѣщая въ ономъ различные до-нынѣ неизвѣстные матеріалы, къ Россійской Имперіи относящіяся, и собирая любопытнѣйшія географическія и статистическія свѣдѣнія о Россіи и другихъ странахъ. При помѣщеніи статей онъ руководствуется самымъ строгимъ выборомъ, отвергая все то, что не согласуется съ доброю нравственностью и вѣрноподданническимъ повиновеніемъ правительству. Но какъ для собранія различныхъ драгоценныхъ матеріаловъ необходимы большія издержки, которыхъ онъ сдѣлать не въ состояніи; то просить меня объ обращеніи вниманія вашего сіятельства на сіе первое въ своемъ родѣ изданіе о Россіи и сдѣланіи онаго извѣстнымъ по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ вѣдомства департамента народнаго просвѣщенія.

«Читая издаваемый г. Булгаринымъ журналъ: «Сѣверный Архивъ», я нашелъ оный дѣйствительно полезнымъ, какъ по части преподаванія географіи, статистики и отечественной исторіи, такъ и потому, что онъ можетъ служить и для преподающихъ вѣрнымъ и хорошимъ руководствомъ въ отношеніи къ новѣйшимъ свѣдѣніямъ и открытіямъ, и для учащихся любопытнымъ и наставительнымъ чтеніемъ. По сему и предложилъ я правленію здѣшняго университета о выписаніи какъ для университета, такъ и для прочихъ высшихъ учебныхъ заведеній и гимназій С.-Петербургскаго округа, по одному экземпляру полнаго изданія означеннаго журнала, и впредь о подпискѣ на полученіе онаго. Но какъ мѣра сія, для поддержанія полезнаго труда г. Булгарина недостаточна, то въ вознагражденіе издержекъ, на сіе имъ употребляемыхъ, и въ ознаменованіе благотворнаго покровительства учебнаго начальства, всего полезнаго и добраго, не благоугодно ли будетъ вашему сіятельству предложить и прочимъ гг. попечителямъ обратить вниманіе на сей журналъ. Чрезъ умноженіе числа пренумерантовъ, г. Булгаринъ получитъ подкрѣпленіе, а сіе усугубитъ ревность его при продолженіи полезнѣйшаго его предпріятія».

¹⁾ Отношеніе князя А. Н. Голицына попечителю 2-го ноября 1821 года № 3551.

На циркулярное отношеніе министра народнаго просвѣщенія, попечитель Харьковскаго округа отвѣчалъ, что подвѣдомственныя ему учебныя заведенія по недостатку суммъ не находятъ возможнымъ выписать журналъ. Попечитель же Дерптскаго округа графъ К. Н. Ливень, — что въ округѣ «заготавливаются необходимо нужныя пособия для опредѣленныхъ предметовъ ученія, кои нужны всѣмъ учителямъ; большая же часть учителей, по причинѣ незнанія русскаго языка, не будутъ имѣть пользы отъ упомянутаго журнала»; остальные попечители ничего не отвѣчали.

Въ іюнѣ 1823 года Ѳ. Булгаринъ находилъ, что для пополненія своего журнала, заключающаго въ себѣ статьи единственно до наукъ касающіяся, ему необходимо издавать въ видѣ прибавленій къ журналу особые «Литературныя листки», въ которыхъ помѣщаться будутъ:

1) Проза. Замѣчанія о нравахъ и обыкновеніяхъ, краткія нравственныя изреченія и повѣствованія, грамматическія изысканія, критики, и проч.

2) Стихи. Легкія стихотворенія, ихъ коихъ рѣшительно исключаются любовь и вино (благородное чувство любви не подразумѣвается подъ симъ выраженіемъ).

3) Объявленія о книгахъ, эстампахъ, нотахъ, типографіяхъ.

4) Извѣстія о художникахъ и ихъ произведеніяхъ, описаніе достопримѣчательныхъ случаевъ и проч.

Испрашивая дозволеніе на печатаніе листковъ, Булгаринъ заявлялъ, что оныя издаваться будутъ безъ возвышенія цѣны на «Сѣверный Архивъ» и что издатель не опредѣляетъ числа ихъ и времени выхода въ свѣтъ.

«Хотя, — писалъ Д. Руничъ ¹⁾, — изложенныя въ прошеніи г. Булгарина статьи, кои намѣревается онъ помѣщать въ «Литературныхъ листкахъ» въ видѣ прибавленій къ издаваемому имъ журналу исторіи, статистики и путешествій, суть предметы, коихъ печатаніе позволено во многихъ журналахъ, и хотя по сдѣланной въ канцеляріи Комитета (цензурнаго) справкѣ никто изъ издателей другихъ періодическихъ сочиненій не получилъ на сіе исключительнаго права; но какъ г. Булгаринъ намѣреваемымъ изданіемъ «Литературныхъ листковъ» нѣкоторымъ образомъ измѣняетъ и распространяетъ прежній планъ «Сѣвернаго Архива», то Комитетъ долгомъ своимъ считаетъ представить прописанную просьбу его на благоусмотрѣніе высшаго начальства, съ таковымъ мнѣніемъ, что Комитетъ, съ своей стороны, тѣмъ менѣе находитъ затрудненія въ удовлетвореніи просителя, что г. Булгаринъ желаетъ увеличить свое изданіе прибавленіемъ «Литературныхъ листковъ» безъ возвышенія цѣны на свой журналъ».

¹⁾ Въ представленіи князю А. Н. Голицыну отъ 23-го іюня 1823 г., № 621.

Получивъ разрѣшеніе на изданіе «Листковъ», Булгаринъ въ апрѣлѣ 1824 года просилъ с.-петербургскаго военнаго генераль-губернатора графа Милорадовича о разрѣшеніи ему присоединить къ своему изданію листки, подъ заглавіемъ «Городской Вѣстникъ», въ которомъ могли бы помѣщаться разныя свѣдѣнія, полезныя городу ¹⁾.

«Какъ многія изъ сихъ извѣстій,—писалъ графъ Милорадовичъ ²⁾,—печатаются въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», то я покорнѣйше прошу ваше сіятельство почтить меня увѣдомленіемъ, можетъ ли въ семъ отношеніи удовлетворена быть просьба г. Булгарина».

На запросъ, сдѣланный президенту Академіи наукъ, С. Уваровъ отвѣчалъ ³⁾, что «самая большая часть статей, предполагаемыхъ къ печатанію въ «Городскомъ Вѣстникѣ» Булгарина, печатаются въ «Академи-

¹⁾ Записка Булгарина о печатаніи городскихъ извѣстій.

Ф. Булгаринъ, издатель „Сѣвернаго Архива“, журнала исторіи, статистики и путешествій и „Литературныхъ листковъ“, журнала нравовъ и словесности, покорнѣйше проситъ о позволеніи присоединить къ его изданію листки подъ названіемъ: „Городской Вѣстникъ“, которые будутъ заключать въ себѣ городскія извѣстія столичнаго города С.-Петербурга, какъ-то:

I. Извѣстія по части хозяйственной: а) О привозѣ жизненныхъ припасовъ. б) Такса оныхъ. в) О баржахъ, приходящихъ изъ внутренности Россіи. г) О приходящихъ и отходящихъ иностранныхъ корабляхъ. д) Прейсъ-курантъ.

II. Извѣстія любопытныя: а) Объ аукціонахъ и лотереяхъ казенныхъ и частныхъ. б) О сѣздахъ. 1) Въ торжественные празднества при церквахъ. 2) При высочайшемъ дворѣ. 3) О парадахъ. 4) О собраніяхъ въ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ. 5) О народныхъ увеселеніяхъ и гуляньяхъ. 6) О концертахъ и театрахъ. 7) О пріѣзжающихъ въ столицу и выѣзжающихъ изъ оной. 8) О продажѣ домовъ и отдачѣ въ наемъ квартиръ. 9) О замерзаніи и вскрытіи Невы, о разведеніи и наведеніи мостовъ. 10) О пожарахъ и причинѣ оныхъ. 11) О найденныхъ и потерянныхъ вещахъ съ описаніемъ оныхъ.

III. Извѣстія, заключающія въ себѣ нравственные примѣры, подвиги челоуколюбія, пожертвованія, благотворительности, и другія христіанскія добродѣтели гражданъ столицы.

IV. Извѣстія статистическія. а) Описаніе храмовъ Божіихъ, императорскихъ дворцовъ, казенныхъ и частныхъ зданій. б) Описанія богоугодныхъ, учебныхъ и ученыхъ заведеній. в) Народонаселеніе столицы. г) О родившихся, умершихъ и бракомъ сочетавшихся.

Цѣль сего изданія есть общая польза и удовольствіе, и потому издатель проситъ покорнѣйше предписать полиціи, городской думѣ и биржевому правленію сообщать ему нужныя свѣдѣнія, возлагая на себя обязанность ничего не помѣщать, что не будетъ подписано г. оберъ-полиціймейстеромъ или на кого возложено будетъ отъ его сіятельства г. военнаго генераль-губернатора, и одобрено существующимъ цензурнымъ Комитетомъ.

²⁾ Въ отношеніи кн. Голицыну 21-го апрѣля 1824 г. № 2036.

³⁾ Въ отношеніи кн. Голицыну отъ 1-го мая 1824 г. № 60.

ческихъ Вѣдомостяхъ» и составляютъ ихъ отличительное достоинство. Вслѣдствіе того я полагаю, что позволеніе, о коемъ просить г. Булгаринъ, не можетъ быть ему дано, безъ ущерба для Академіи и безъ нарушенія правъ, ей высочайше дарованныхъ».

Узнавъ о такомъ отвѣтѣ президента Академіи, Булгаринъ жаловался князю А. Н. Голицыну на несправедливость такого отзыва.

«Желая по мѣрѣ моихъ способностей—писалъ онъ ¹⁾—способствовать успѣхамъ просвѣщенія, я исключительно посвятилъ себя словесности, три года издаю журналъ «Сѣверный Архивъ», который удостоился благосклонности публики и лестнаго для меня вниманія вашего сіятельства; ибо вы, сіятельнѣйшій князь, изволили рекомендовать оный всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, за чтò всю жизнь пребуду благодаренъ и никогда не истреблю изъ памяти и сердца вашихъ благодареній.

«Видя недостатокъ городскихъ извѣстій въ столицѣ обширной имперіи, тогда какъ губернскіе города имѣютъ свои особенные ежедневные листки, я вознамѣрился издавать, на-подобіе прилагаемыхъ при семъ листовъ, издаваемыхъ въ городахъ Ригѣ и Ревелѣ, еженедѣльные извѣстія подъ названіемъ: «Городской Вѣстникъ», для общей пользы и удовольствія. Но какъ сего изданія нельзя предпринять безъ содѣйствія городской полиціи, то я и отнесся прежде къ г. военному генералъ-губернатору, будучи совершенно увѣренъ, что ваше сіятельство, какъ покровитель всего полезнаго, не откажете мнѣ въ моей покорнѣйшей просьбѣ. Къ крайнему моему прискорбію открылись въ началѣ сего благаго предпріятія непредвидѣнныя препятствія. Г. президентъ Академіи наукъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ, по личнымъ на меня неудовольствіямъ за то, что я въ прошломъ 1823 году, открылъ грубыя ошибки въ Извѣстіяхъ, издаваемыхъ Академіею, на запросъ вашего сіятельства, не будетъ ли вреденъ «Городской Вѣстникъ» «Санктъ-Петербургскимъ Вѣдомостямъ», отвѣчалъ, что большая часть предметовъ, избранныхъ мною, принадлежитъ Академіи. Въ семъ случаѣ г-нъ Уваровъ нѣсколько отступилъ отъ истины, ибо я самъ справлялся въ его канцеляріи и оказалось, что изъ 15-ти моихъ пунктовъ ²⁾, только

¹⁾ Въ письмѣ отъ 4-го мая 1824 г.

²⁾ Пункты эти были слѣдующіе:

- 1) О приходящихъ и отходящихъ иностранныхъ корабляхъ.
  - 2) Объ аукціонахъ и лотереяхъ казенныхъ и частныхъ.
  - 3) О концертахъ и театрахъ.
  - 4) О прѣзжающихъ въ столицу и выѣзжающихъ изъ оной.
  - 5) О продажѣ домовъ и отдачѣ въ наемъ квартиръ.
  - 6) О найденныхъ и потерянныхъ вещахъ съ описаніемъ оныхъ.
- Сверхъ того иногда помѣщаются въ нихъ:
- 7) и цѣны жизненныхъ припасовъ.

четыре печатаются въ «Санктъ-Петербургскихъ вѣдомостяхъ». Впрочемъ, я разрѣшаю всѣ трудности по сему предмету, прося покорнѣйше ваше сіятельство повелѣть г. Уварову означить, какіе именно пункты принадлежать Академіи, и тогда я общаюсь подѣ строжайшимъ изысканіемъ печатать оныя послѣ Академіи и показывать, что они оттуда почерпнуты. Въ семъ г. Уваровъ не можетъ и нынѣ никому воспрепятствовать, ибо это существуетъ въ цѣломъ мірѣ и здѣсь въ С.-Петербургѣ, что одна газета или журналъ имѣютъ право почерпать въ другомъ печатныя извѣстія.

«Сіятельнѣйшій князь, прибѣгая къ вашему великодушію, прошу защитить меня сильнымъ вашимъ покровительствомъ и удовлетворить покорнѣйшую мою просьбу для общей пользы.

«Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью пребыть честь имѣю, сіятельный князь милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою Ѡаддей Булгаринъ, издатель «Сѣвернаго Архива».

Письмо это однако же не подѣйствовало, и разрѣшенія издавать «Городской Вѣстникъ» не послѣдовало.

II.

Н. И. Гречъ и его журналъ „Сынъ Отечества“.

Въ январѣ 1817 года ⁴⁾ министръ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ писалъ попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа Сергѣю Семеновичу Уварову:

8) Описаніе торжественныхъ собраній, особенно въ ученыхъ и въ учебныхъ заведеніяхъ.

9) О пожарахъ и подобныхъ случаяхъ.

10) О благотвореніяхъ и пожертвованіяхъ особенно при изъязвленіи благодарности.

11) О богоугодныхъ, ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

8, 10 и 11 статьи входятъ также въ составъ журнала „Департамента Народнаго Просвѣщенія“.

Подобныя статьи помѣщаются и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.

Въ мѣсяцесловахъ, издаваемыхъ Императорскою Академією наукъ, на ходятся:

12) Статья о торжественныхъ дняхъ, правднуемыхъ при Высочайшемъ Дворѣ.

13) о родившихся, умершихъ и бракомъ сочетавшихся.

14) о вскрытіи и замерзаніи Невы, о разведеніи и наведеніи мостовъ.

Отъ Департамента Вѣдшей торговли издается дважды въ недѣлю

15) Прейсъ-Курантъ.

⁴⁾ Письмо отъ 18-го января 1817 г. № 177.

«Изъ копій съ журнала «С.-Петербургскаго вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ» 14-го декабря прошлаго 1816 года, усмотрѣлъ я, что титулярный совѣтникъ Гречъ предложилъ обществу сему издавать «Сына Отечества»¹⁾ отъ имени сего сословія, съ тѣмъ, чтобы онъ въ званіи редактора принялъ на себя всѣ сопряженные по изданію труды и отвѣтственность, а общество занималось бы цензурою статей его, до наукъ, художествъ и словесности относящихся. Въ разсужденіи же статей политическихъ предоставляетъ онъ на благоусмотрѣніе общества, заняться ли оному цензурою ихъ или оставить ее по-прежнему при цензурномъ комитетѣ. И таковое предложеніе г. Греча обществомъ принято.

«Относительно положенія, сдѣланнаго симъ обществомъ,—печатать журналъ «Сына Отечества» за цензурою общества, а не цензурнаго комитета, я требую отъ онаго общества объясненія.

«По состоянію же г. Греча въ вѣдомствѣ вашего превосходительства, покорно прошу замѣтить ему, что въ семъ случаѣ поступилъ онъ не основательно. Журналъ сей издаетъ онъ съ высочайшаго свѣдѣнія и соизволенія. Почему если онъ имѣлъ какія-либо уважительныя причины передать изданіе его другому лицу или мѣсту, то не прежде надлежало бы дѣлать о семъ предложеніе, какъ по предварительномъ представленіи о томъ своему начальству, которое нашло бы, можетъ быть, нужнымъ довести до свѣдѣнія государя императора, отъ щедротъ коего сдѣлано Гречу первоначально на сіе изданіе вспоможеніе. Но онъ предложилъ передать право изданія вышеупомянутому обществу, предоставивъ впрочемъ себѣ названіе редактора и всѣ выгоды отъ изданія. Вслѣдствіе чего поручаю вашему превосходительству отобрать отъ него отвѣтъ, почему онъ поступилъ самопроизвольно въ сдѣланіи обществу предложенія на означенныхъ условіяхъ, не испросивъ прежде согласія на то начальства своего, и таковой отвѣтъ мнѣ доставить.

«А какъ изъ дѣла, имѣющагося въ Департаментѣ министерства просвѣщенія, видно, что Гречъ въ началѣ 1814 года предназначилъ изъ получаемаго имъ дохода отъ изданія журнала «Сына Отечества» вносить въ С.-Петербургскую губернскую гимназію ежегодно, доколѣ изданіе журнала продолжится, по 3.000 рублей, для содержанія и воспитанія въ оной неимущихъ сиротъ, дѣтей штабъ и оберъ-офицеровъ, положившихъ животь свой за отечество въ кампаніи 1812 и 1813 годовъ; но вносятся ли имъ деньги сіи ежегодно и на какой предметъ употребляются, изъ дѣла не видно, то прошу васъ доставить мнѣ и по сему предмету надлежащее свѣдѣніе».

¹⁾ Н. И. Гречъ издавалъ „Сынъ Отечества“ съ 1812 года.

На сдѣланный запросъ Николай Ивановичъ Гречъ отвѣчалъ С. С. Уварову ¹⁾:

«Во исполненіе предложенія вашего превосходительства отъ 26-го января сего года подъ № 84, при коемъ препровождаю съ копіи отвѣщеніе къ вамъ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, отъ 18-го января подъ № 177, предписываете мнѣ представить вамъ требуемыя въ ономъ объясненія—честь имѣю донести вашему превосходительству слѣдующее:

«Главною причиною намѣренія моего передать издаваемый мною журналъ «С.-Петербургскому вольному обществу любителей словесности, наукъ и художествъ» было крайнее расстройство моего здоровья, извѣстное по службѣ и вашему превосходительству. Къ тому присоединялось желаніе доставить журналу сему, приобрѣтшему нѣкоторую извѣстность не только въ Россіи, но и въ чужихъ краяхъ, болѣе достоинства и важности при содѣйствіи многихъ почтенныхъ литераторовъ, находящихся въ томъ обществѣ. Принимая на себя въ званіи редактора большую часть прежнихъ трудовъ, предоставлялъ я въ то же время обществу выгоды, какими не пользуется ни одно изъ литературныхъ обществъ въ Россіи, имѣя въ виду сими средствами содѣйствовать возстановленію и утвержденію общества словесности въ С.-Петербургѣ, нуждающемся еще въ заведеніи сего рода.

«На вопросъ, какое я имѣлъ право сдѣлать обществу помянутое предложеніе, долгомъ поставляю отвѣтствовать, что, по моему, можетъ быть, ложному, мнѣнію, надлежало мнѣ сперва узнать, хочетъ ли общество принять оное, а потомъ уже испрашивать начальственнаго утвержденія. Основываясь на сей мысли, я получилъ сначала согласіе общества, а потомъ не приступая, еще ни въ чемъ къ самому дѣлу, готовился представить его сіятельству г. управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія мое намѣреніе и донести ему о согласіи общества. Нынѣ узнавъ, что, по мнѣнію его сіятельства, журналу моему лучше оставаться на прежнемъ положеніи, я немедленно рѣшился сему послѣдовать и увѣдомить о томъ общество. Между тѣмъ, принимаю смѣлость замѣтить, что журналъ мой былъ предпріятіемъ частнаго человѣка и не пользовался отъ правительства никакимъ преимуществомъ предъ другими. Первоначальное пособіе отъ щедротъ Государа Императора, упоминаемое въ отношеніи его сіятельства, сдѣлано мнѣ было не по представленію начальства, а по ходатайству посторонней особы, его превосходительства Алексѣя Николаевича Оленина. Я буду помнить по гробъ, съ чувствомъ искренней благодарности, всѣ пособія и милости, оказанныя мнѣ въ семъ предпріятіи лично его сіятельствомъ графомъ Алек. Кир. Разумовскимъ, и вашимъ превосходительствомъ; также

¹⁾ Отъ 12-го февраля 1817 года.

умѣю цѣнить во всей силѣ благосклонность, изъявленную мнѣ въ отзывахъ о моемъ изданіи его сіятельствомъ княземъ А. Н. Голицынымъ; но министерство народнаго просвѣщенія не только не удостоило ни малѣйшимъ вниманіемъ многолѣтнихъ трудовъ моихъ, которые стоили мнѣ здоровья и вѣроятно скоро будутъ стоить и жизни, но даже не рассудило за благо довести до высочайшаго свѣдѣнія о сдѣланномъ мною въ пользу онаго, важномъ, по состоявію моему, пожертвованіи.

«На окончательный запросъ вашего превосходительства, въ состояніи ли я продолжать начатый мною денежный взносъ, честь имѣю донести, что нынѣ, по причинѣ нарочитаго уменьшенія подписчиковъ на мой журналъ, я никакъ не могу довершить начатаго мною. Пользуясь правомъ всякаго дарителя, осмѣливаюсь просить ваше превосходительство о позволеніи распорядить внесенною мною суммою слѣдующимъ образомъ: 1) къ внесеннымъ мною четыремъ тысячамъ пятистамъ двадцати пяти рублямъ намѣренъ я прибавить недостающіе до пяти тысячъ рублей деньги; 2) изъ сихъ пяти тысячъ и накопившихся съ нихъ и имѣющихъ накопиться процентовъ, желаю я воспитать при С.-Петербургской губернской гимназій, наравнѣ съ казенными пансіонерами, двухъ сиротъ, сыновей убитыхъ въ прошедшую кампанію офицеровъ въ теченіе 6-ти лѣтъ, полагая за каждыя по пяти сотъ рублей въ годъ. О выборѣ и назначеніи сихъ сиротъ прошу министерство народнаго просвѣщенія отнестися, или позволить мнѣ обратиться къ первоприсутствующему въ Комитетъ, высочайше учрежденномъ въ 18 день августа 1814 года, для вспоможенія инвалидамъ, вдовамъ и сиротамъ воинскихъ чиновниковъ графу Алексѣю Андреевичу Аракчеву; 3) о семъ намѣреніи моемъ прошу довести до высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія».

III.

Н. И. Гречъ и Ѳ. В. Булгаринъ вмѣстѣ.

Въ 1824 году (29-го мая) Н. И. Гречъ и Ѳ. В. Булгаринъ писали въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ:

«Принявъ намѣреніе съ будущаго 1825 года соединить труды наши по издаваемымъ нами журналамъ и сдѣлать въ оныхъ рѣшительное по предметамъ, и болѣе сообразное съ цѣлю оныхъ распредѣленіе, честь имѣемъ представить С.-Петербургскому цензурному комитету планъ, по коему издаваемые нами до нынѣ четыре журнала: «Сынъ Отечества», «Литературныя къ оному прибавленія», «Сѣверный Архивъ» и

«Литературные листки» составляютъ три изданія, въ коихъ не будетъ ни одной статьи излишней или противной противъ тѣхъ, кои помѣщались до нынѣ въ помянутыхъ четырехъ періодическихъ сочиненіяхъ, и всепокорнѣйше просимъ о доведеніи сего нашего плана до свѣдѣнія начальства, дабы при исполненіи онаго не встрѣтилось какихъ-либо затрудненій».

П л а н ъ.

Издававшіеся до нынѣ въ С.-Петербургѣ журналы: Сынъ Отечества, Литературныя къ оному прибавленія, Сѣверный Архивъ и Литературные листки предполагается съ будущаго 1825 года раздѣлить на три журнала слѣдующаго содержанія:

I. Сынъ Отечества, журналъ литературы, политики и современной исторіи; въ оный входятъ:

1) Русская Словесность. Духовное и свѣтское краснорѣчіе. Разсужденія о русскомъ языкѣ и о русской литературѣ.

2) Иностранная Словесность: Извѣстія объ успѣхахъ словесности въ чужихъ краяхъ. Переводы лучшихъ иностранныхъ произведеній.

3) Критика. Разборъ новыхъ достойныхъ вниманія произведеній Русской Словесности.

4) Поэзія. Стихотворенія отдѣльными и отрывки изъ большихъ поэмъ, трагедій, комедій и проч.

5) Изящная Словесность. Повѣсти, сказки, анекдоты и т. п., изъ коихъ составлялися до нынѣ литературныя прибавленія къ Сynu Отечества.

6) Изящныя Искусства. Подробныя свѣдѣнія о новыхъ произведеніяхъ изящныхъ искусствъ въ Россіи и въ прочихъ краяхъ. Статьи, относящіяся къ Теоріи Художествъ.

7) Современная Исторія и Политика Европы. Разсужденія и повѣствованія о новѣйшихъ и прежнихъ политическихъ и военныхъ дѣлахъ; выписки изъ иностранныхъ историческихъ и политическихъ журналовъ, важнѣйшіе государственные акты, рѣчи, договоры и проч.

II. Сѣверный Архивъ. Журналъ исторіи, статистики, путешествій и словесности; въ оный входятъ:

1) Всеобщая Исторія. Переводы изъ древнихъ и новыхъ классическихъ писателей. Біографіи сихъ писателей.

2) Россійская Исторія. Граматы, извлеченія изъ лѣтописей, хронографовъ и другія достопамятности древней, средней и новой исторіи россіянъ и прочихъ славянскихъ народовъ. Критическія изысканія о темныхъ мѣстахъ исторіи Россійской и разборъ важнѣйшихъ историческихъ сочиненій. Древности. Монеты.

3) Статистика и политическая экономія. Свѣдѣнія статистическія о Россіи и смежныхъ съ нею государствахъ. Теоретическія изысканія и практическіе опыты, относящіеся къ усовершенствованію земледѣлія, фабрикъ, рукодѣлій, торговли, домоводства и т. п.

4) Путешествія россіянъ по чужимъ краямъ, еще не напечатанныя, рос-

сіявъ и иностранцевъ по Россіи. Важнѣйшія путешествія и географическія открытія во всѣхъ частяхъ свѣта. Извѣстія объ экспедиціяхъ полярныхъ.

5) Правовѣдѣніе. Теорія и практика судопроизводства. Юридическія изслѣдованія. Знаменитые процессы (causes célèbres).

6) Праваы. Статьи о нравахъ и обычаяхъ, въ родѣ Адиссова Зрителя, Джонсонова Побродяги, Пустынника Жуи, донынѣ помѣщавшіяся въ Литературныхъ листкахъ.

III. Сѣверная Пчела, журналъ новостей, по части исторіи, политики, литературы, правовъ и т. п. Въ сей журналъ входятъ всѣ легкія статьи, по вышеприведеннымъ предметамъ.

1) Новости заграничныя, кои помѣщаются были донынѣ въ Сынѣ Отечества, заимствуемыя изъ Австрійскаго наблюдателя, Берлинскихъ вѣдомостей, Рижскаго Зрителя, С.-Петербургскихъ Академическихъ нѣмецкихъ вѣдомостей и Conservateur Impartial.

2) Новости внутреннія. О необыкновенныхъ случаяхъ и явленіяхъ въ природѣ и общежитіи.

3) Новости не-политическія. О новыхъ изданіяхъ и предпріятіяхъ, о произведеніяхъ наукъ, художествъ и ремеслъ.

4) Современная русская библіографія извѣстія обо всѣхъ выходящихъ въ свѣтъ русскихъ книгахъ съ краткими объ оныхъ замѣчаніями.

5) Словесность. Легкія стихотворенія. Краткія статьи о нравахъ, обычаяхъ и литературѣ. Петербургскія записки.

6) Извѣстія о новѣйшихъ модахъ.

Первые два журнала будутъ выходить по два раза въ мѣсяцъ книжками въ 6 печатныхъ листовъ, а послѣдній листами по три раза въ недѣлю. — Подписка на оныя будетъ принимаема порознь.

Представляя прошеніе и планъ новыхъ изданій министру народнаго просвѣщенія, А. С. Шишкову, попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа Д. Руничъ писалъ ему ¹⁾:

«Хотя сей новый видъ журналовъ, предполагаемыхъ къ изданію г.г. Гречемъ и Булгаринымъ, мало измѣняетъ сущность содержанія доселѣ составляемыхъ ими періодическихъ изданій, исключая то, что нѣкоторыя статьи изъ одного журнала переходятъ въ составъ другаго, и что издатели предполагаютъ чаще сообщать публикѣ политическія извѣстія, но цензурный комитетъ находитъ: 1) что въ числѣ предметовъ, которые должны входить въ составъ журнала: Сынъ Отечества, подъ статью «Поэзія» означены отрывки изъ трагедій и комедій. Но какъ по предписанію предмѣстника вашего высокопревосходительства ²⁾ отъ 23-го минувшаго апрѣля за № 1433 дано знать комитету, что государь императоръ по докладу министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія высочайше повелѣтъ соизволилъ, дабы въ журналахъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ вовсе запрещено было помѣщеніе отрывковъ изъ

¹⁾ Отъ 21-го іюня 1824 г. № 929.

²⁾ Князя А. Н. Голицына.

театральныхъ піесъ, то комитетъ по сему полагасть неудобнымъ допустить печатаніе въ Сынѣ Отечества отрывковъ изъ трагедій и комедій или другихъ театральныхъ піесъ.

«2) Въ періодическихъ изданіяхъ, разсматриваемыхъ комитетомъ, не имѣютъ мѣста политическія извѣстія, кромѣ одного только Сына Отечества, котораго издатель сохранилъ сіе исключительное право съ 1812 года, печатая и нынѣ одинъ разъ въ недѣлю новости политическія. Сіе право гг. Гречъ и Булгаринъ желаютъ съ будущаго 1825 г. распространить на два изданія: 1) на Сынѣ Отечества, въ которомъ по 7-й статьѣ новаго плана они предполагають сообщать публикѣ два раза въ мѣсяцъ разсужденія и повѣствованія о новѣйшихъ политическихъ дѣлахъ, также важнѣйшіе государственные акты, рѣчи, договоры и т. п. и 2) на Сѣверную Пчелу, въ которой подъ статьею новости заграничныя будутъ выходить въ свѣтъ по три раза въ недѣлю политическія извѣстія, заимствуемыя изъ Австрійскаго наблюдателя, Берлинскихъ вѣдомостей, Рижскаго Зрителя, С.-Петербургскихъ Нѣмецкихъ вѣдомостей и Conservateur Impartial. Если цензуrowаніе сихъ статей возложено будетъ на с.-петербургскій цензурный комитетъ, то просимое гг. Гречемъ и Булгаринымъ распространеніе права помѣщать оныя въ двухъ изданіяхъ вмѣсто четырехъ разъ четырнадцать каждый мѣсяцъ, комитетъ съ своей стороны находитъ неудобнымъ, во-первыхъ потому, что пропускъ въ печать политическихъ извѣстій на русскомъ языкѣ требуетъ особенной осмотрительности, знанія всѣхъ отношеній Россіи къ иностраннымъ державамъ и соображенія случающихся въ сихъ отношеніяхъ перемѣнъ,—словомъ, требуетъ такихъ мѣръ осторожности, противу которыхъ цензурный комитетъ легко можетъ погрѣшить отъ незнанія новѣйшихъ политическихъ обстоятельствъ; во-вторыхъ, потому, что умноженіе числа періодическихъ изданій, до 16-ти, которыхъ чтеніе раздѣляется между тремя цензорами, почти не оставляетъ имъ времени на справки по симъ предметамъ въ сомнительныхъ случаяхъ, и что таковыя справки по необходимости останавливать будутъ цензуrowаніе другихъ книгъ.

«Поднося у сего на главноначальственное благоусмотрѣніе въ копіи прошеніе гг. Греча и Булгарина и планъ вновь предполагаемаго изданія журналовъ: Сынѣ Отечества, Сѣверный Архивъ и Сѣверная Пчела, долгомъ поставляю присовокупить, что, по разсмотрѣніи оныхъ, равно какъ и мнѣнія здѣшняго цензурнаго комитета, относительно сего предпріятія, я нахожу, что на помѣщеніе въ оныхъ въ числѣ стихотворныхъ произведеній подъ статьею «Позсія» отрывковъ изъ трагедій, комедій и другихъ театральныхъ піесъ, за изъясненнымъ высочайшимъ повелѣніемъ, дать просимаго позволенія невозможно; что же касается до прочихъ статей, въ составъ сихъ вновь предполагаемыхъ трехъ журналовъ вхо-

дящихъ, то къ издаванію оныхъ я, съ моей стороны, не вижу никакого основанія къ прѣпятствію, тѣмъ болѣе, что сіи три новые журнала нисколько не перемѣняютъ сущности издаваемыхъ доселѣ гг. Гречемъ и Булгаринымъ періодическихъ сочиненій. Что касается до представляемаго цензурнымъ комитетомъ затрудненія, то не могу признать его достаточнымъ; ибо въ дѣлѣ, къ службѣ относящемся, оно не можетъ быть принято въ уваженіе, а потому долгомъ поставляю представить о семъ вашему высокопревосходительству, испрашивая главноначальственнаго разрѣшенія».

По наведенной въ министерствѣ справкѣ оказалось, что коллежскій совѣтникъ Гречъ издаетъ журналъ подь названіемъ: «Сынъ Отечества», съ высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго по докладу бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго 8-го октября 1812 г. Въ 1822 году присовокупилъ онъ къ сему изданію прибавленія подь названіемъ Литературныхъ, но разрѣшенія со стороны министерства народнаго просвѣщенія на сіе дано ему не было.

Отставной капитанъ Булгаринъ издаетъ Сѣверный Архивъ съ 1822 и Литературные листки съ половины 1823 года, по разрѣшенію бывшаго министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

По докладу того же министра въ журналахъ, разсматриваемыхъ университетскими цензурными комитетами, высочайше запрещено помѣщать отрывки изъ театральныхъ піесъ, по принадлежности цензуры оныхъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ.

Высочайше утвержденного въ 25 день іюля 1803 года устава императорской Академіи наукъ въ § 115 изображено: «подтверждаемъ симъ право Академіи, коимъ она исключительно пользуется, печатать на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ календари, такъ равно и С.-Петербургскія Политическія вѣдомости».

Право печатать политическія статьи сверхъ журнала: «Сынъ Отечества», распространено и на «Московскія вѣдомости» вмѣстѣ съ «Вѣстникомъ Европы», по положенію комитета г. г. министровъ, высочайше утвержденному 15 іюня 1810 года.

По высочайшему повелѣнію, объявленному комитету г. г. министровъ въ 27 день февраля сего года, постановлено: чтобы російскіе чиновники, находящіеся на службѣ, нигдѣ и ни на какомъ языкѣ не издавали въ свѣтъ никакихъ сочиненій, заключающихъ что-либо касающееся до вѣдѣній или внутреннихъ отношеній Россійскаго государства сверхъ обыкновенной цензуры безъ дозволенія своихъ начальствъ.

По распоряженію предмѣстника вашего высокопревосходительства предписано было въ началѣ 1817 года здѣшнему цензурному комитету, дабы акты или статьи, относящіеся до правительства, позволяя оныя

печатать не иначе какъ съ согласія того министерства, до коего сочиненіе относится.

Несмотря на такую справку, А. С. Шишковъ нашелъ возможнымъ изданіе просимыхъ журналовъ.

«Я согласенъ,—писалъ онъ въ предложеніи попечителю ¹⁾),—чтобы дозволено было предполагаемое г. г. Гречемъ и Булгаринымъ изданіе журналовъ подъ названіемъ «Сынъ Отечества», «Сѣверный Архивъ» и «Сѣверная Пчела», на изъясненномъ вами основаніи, со включеніемъ и отрывковъ изъ комедій и трагедій, съ тѣмъ однакожь: 1) что какъ подобныя отрывки предназначено исключить изъ періодическихъ изданій въ томъ предположеніи, что могло бы случиться, что они взяты были изъ непропущенныхъ надлежащею цензурою театральныхъ пьесъ, то въ предупрежденіе сего постановить, чтобы издатели, представляя въ подвѣдомственный вамъ цензурный комитетъ журналъ свой, въ составъ коего имѣютъ входить таковыя отрывки, предъявляли ему удостовѣреніе, что оныя уже пропущены цензурою министерства внутреннихъ дѣлъ; 2) строго подтвердить цензорамъ, дабы они особенное имѣли вниманіе въ просмотрѣни заграничныхъ извѣстій и, въ случаѣ сомнѣнія, испрашивали бы разрѣшенія начальства».

IV.

Ө. В. Булгаринъ послѣ 14-го декабря 1825 года.

9-го мая 1826 года дежурный генеральгъ главнаго штаба, генеральгъ-адъютантъ Потаповъ писалъ с.-петербургскому военному генеральгъ-губернатору Кутузову:

«Государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ, чтобы ваше превосходительство имѣли подъ строгимъ присмотромъ находящагося здѣсь отставнаго французской службы капитана Булгарина, извѣстнаго издателя журналовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ его величеству угодно имѣть справку о службѣ Булгарина, гдѣ онъ служилъ по оставленіи российской службы, когда и въ какія вступалъ иностранныя и когда оставялъ оныя. О высочайшей волѣ сей имѣя честь донести вашему превосходительству, покорнѣйше прошу справку о службѣ Булгарина доставить ко мнѣ, для представленія государю императору».

По справкѣ оказалось:

«Подпоручикъ Ѳаддей Булгаринъ изъ дворянъ Минской губерніи;

¹⁾ Отъ 3-го сентября 1824 г. № 2804.

за отцомъ его 750 душъ крестьянъ мужскаго пола. Въ службу вступилъ изъ кадетовъ 1-го кадетскаго корпуса корнетомъ 1806 г. ноября 11-го въ бывший Уланскій его императорскаго высочества цесаревича полкъ.

«По неспособности къ кавалерійской службѣ переведенъ 1809 году февраля 25-го въ Кронштадтскій гарнизонный полкъ.

«Переведенъ 1810 г. августа 23-го въ Ямбургскій драгунскій полкъ.

«По худой аттестаціи въ кондуктномъ спискѣ отставленъ отъ службъ 1811 года мая 10-го.

«Всего въ службѣ въ офицерскихъ чинахъ состоялъ 4 года и 7 мѣсяцевъ.

«Былъ въ походахъ и сраженіяхъ въ 1807 г. противъ французскихъ войскъ и въ 1808 г.—противу шведовъ.

«Награжденъ орденомъ Св. Анны 3-й степени.

«Въ штрафахъ, кромѣ отставки по худой аттестаціи, и подъ судомъ не бывалъ.

«Къ повышенію по формуляру Ямбургскаго драгунскаго полка за 1810 г. аттестованъ достойнымъ.

«Отъ роду ему нынѣ 40 лѣтъ.

«По кондуктному списку за 1810 г. показанъ: «по службѣ ведетъ себя дурно, способности ума имѣеть хорошія, пьянству иногда предавъ, въ хозяйствѣ хорошъ».

Такая справка была не особенно лестна для Булгарина, и 12-го мая 1826 г. онъ писалъ Алексѣю Николаевичу Потапову:

«Вамъ извѣстно, что, будучи произведенъ въ офицеры въ весьма молодыхъ лѣтахъ, въ Уланскій его императорскаго высочества государя цесаревича и великаго князя Константина Павловича полкъ, я дѣлалъ школьническія шалости, увлекаясь примѣрами товарищей и пылкостью моего характера. Полагаю, что не безъизвѣстно вашему превосходительству, что, не взирая на сіе, я оставилъ по себѣ въ полку память честнаго человѣка и не труса и даже имѣлъ случай отличиться въ Фриландскую кампанію 1807 и Финляндскую—1808 годовъ.

«Принужденъ будучи оставить російскую службу, я въ Варшавѣ, во время существованія герцогства, увлекся общимъ стремленіемъ умовъ, страстію къ путешествіямъ, блескомъ славы Наполеона, и вступилъ въ службу подъ его знамена. Въ извиненіе сего ничего не могу представить кромѣ польскаго моего происхожденія и моей неопытности. Всегда, однако жъ, я сохранялъ братскую любовь къ Россіи и не участвовалъ въ войнѣ 1812 г. Когда въ 1814 г. имперія Наполеона рушилась и разнородныя племена, составлявшія его армію, разбрелись восвояси, какъ послѣ Вавилонскаго столпотворенія, я въ семь общемъ хаосѣ, получивъ отъ французскаго правительства видъ, возвратился въ Вар-

шаву. Тогда герцогствомъ Варшавскимъ управляло временное правительство, и членъ онаго генераль Вавржецкій, управлявшій военною частью, удержалъ у себя французскій видъ, а выдалъ мнѣ другой для свободнаго прожитія въ Гродненской губерніи. На основаніи сего я получилъ прилагаемый при семъ паспортъ ¹⁾, для проѣзда въ Петербургъ, а данный мнѣ видъ временнымъ правленіемъ Варшавскимъ удержалъ у себя заступившій мѣсто гражданскаго губернатора, коего подпись находится на паспортѣ. Съ тѣхъ поръ я оставался въ Петербургѣ и нашедши здѣсь друзей, старыхъ товарищей и покровителей, поселился навсегда, занялся литературою, женился, и на жительство въ столицѣ сперва получилъ позволеніе военнаго губернатора Вязмитинова, который докладывалъ обо мнѣ блаженныя памяти государю императору, а послѣ того — графа Милорадовича.

«При полученіи позволенія на изданіе журнала «Сѣверный Архивъ», я, кромѣ вида для проживанія, представилъ *à vis* принца Невшательскаго (Бертъе) и свидѣтельство офицеровъ. Этихъ бумагъ при мнѣ теперь нѣтъ, а находятся онѣ у моей матери, въ деревнѣ, однако жъ, онѣ занесены въ протоколъ цензурнаго комитета. Вотъ краткое и чисто-сердечное разрѣшеніе вопроса о моемъ званіи французскаго офицера, которыми наполнена Литва и Польша. Засимъ, осмѣливаюсь представить вашему превосходительству мою покорнѣйшую просьбу, которую, если возможно, прошу повергнуть къ стопамъ всемилостивѣйшаго монарха, въ такомъ видѣ, въ какомъ я представляю вашему превосходительству.

«Я десять лѣтъ подвизаюсь на поприщѣ русской словесности въ столицѣ и въ продолженіе этого времени не подвергнулся ни малѣйшему замѣчанію со стороны правительства, какъ въ отношеніи къ моему поведенію, такъ и въ отношеніи къ моимъ сочиненіямъ. Напротивъ того, я имѣлъ счастье заслужить благорасположеніе многихъ первостепенныхъ чиновниковъ государства и благоволеніе публики. Ни однимъ поступкомъ, ни одною строкою, я въ продолженіе 10 лѣтъ не погрѣшилъ противу установленнаго порядка вещей. А десять лѣтъ много времени въ нашей краткой жизни! Напротивъ того, я моими сочиненіями старался посѣять въ сердцахъ любовь и довѣренность къ престолу и чистую нравственность. Стоитъ взглянуть въ книжку «Сѣвернаго Архива», вышедшую въ свѣтъ тремя днями предъ несчастнымъ днемъ 14-го декабря (отпечатанную 8-го декабря), и прочесть мою повѣсть «Бѣдный Макаръ», чтобы удостовѣриться, какія правила я стараюсь распространять и какія чувства прививать молодымъ людямъ. Удаляясь всегда отъ всякихъ политическихъ видовъ, а даже не хотѣлъ никогда вступать въ сословіе франкъ-масоновъ, опа-

¹⁾ Паспорта этого въ дѣлѣ нѣтъ.

саясь какой-нибудь таинственной цѣли. Но званіе благонамѣреннаго русскаго писателя и смиреннаго вѣрноподданнаго столь несомѣстно съ несчастнымъ моимъ званіемъ французскаго офицера, что это мучить меня и терзаетъ. Я рѣшился во что бы то ни стало вырвать эту страницу изъ моей жизни. Надѣюсь, что по ходатайству вашего превосходительства всемилостивѣйшій государь императоръ обратитъ вниманіе на бѣднаго литератора и внемлетъ моей всеподданнѣйшей просьбѣ, которая состоитъ въ томъ, чтобы въ уваженіе моихъ малыхъ заслугъ на полѣ брани въ 1807 и 1808 годахъ и трудовъ моихъ въ литературѣ была мнѣ выдана отставка изъ инспекторскаго департамента, въ томъ чинѣ, въ которомъ я находился въ русской службѣ, и чтобы переименовать меня въ статскій чинъ, для опредѣленія къ гражданскимъ дѣламъ, гдѣ я могу быть полезенъ государю императору прибрѣтенными мною небольшими свѣдѣніями и опытностію. Смѣю надѣяться, что если ваше превосходительство захотите вступить въ это дѣло, то великодушный и милосердный монархъ не откажетъ мнѣ въ этомъ желаніи, устремленномъ къ цѣли быть ему вѣрнымъ и полезнымъ слугою.

«Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашего превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою Эаддей Булгаринъ».

Снустя нѣсколько дней Булгаринъ представилъ Потапову записку, «О цензурѣ въ Россіи и о книгопечатаніи вообще».

Записка эта была слѣдующаго содержанія:

Необыкновенные перевороты въ политическомъ мірѣ, воспослѣдовавшіе въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, порождаящіе постепенно страхъ и надежду во всѣхъ сословіяхъ общества, сдѣлали людей любопытными, внимательными ко всѣмъ происшествіямъ и распространили вкусъ къ средствамъ, сообщающимъ познанія, свѣдѣнія и извѣстія, т. е. къ чтенію. По естественному порядку вещей каждый предметъ, обращающій на себя наше вниманіе, подвергается нашему сужденію. Большинство голосовъ или сужденій образуютъ общее мнѣніе, которое, не взирая на заблужденіе нѣкоторыхъ недалековидныхъ политиковъ, существуетъ вездѣ, во всякомъ государствѣ, во всякомъ образѣ правленія, увлекаетъ за собою толпу, раздаетъ славу или безславіе и порождаетъ добро и зло. Но большая часть людей, по умственной лѣни, занятіямъ, недостатку свѣдѣній, слабости характера, врожденной гибкости ума или раздражительному чувству, гораздо способнѣе принимать и присвоивать себѣ чужое сужденіе, нежели судить сами, и какъ общее мнѣніе уничтожить невозможно, то гораздо лучше, чтобы правительство взяло на себя обязанность напутствовать его и управлять онымъ посредствомъ книгопечатанія, нежели предоставлять его на волю людей злонамѣренныхъ. Этимъ средствомъ истребляются заро-

дыши многихъ бѣдствій, и всѣ политики, всѣ великіе люди согласны въ томъ.

Россія не столь просвѣщенна, какъ другія государства Европы, но по своему положенію она болѣе другихъ государствъ имѣетъ нужду въ нравственномъ и политическомъ воспитаніи взрослыхъ людей и направленіи ихъ къ цѣли, предназначенной правительствомъ. Силою невозможно остановить распространеніе идей, подобно какъ корабля на ходу при сильномъ волненіи: можно снять флюгеръ, указующій направленіе вѣтра, но этимъ невозможно перемѣнить вѣтра. Напротивъ того искусное направленіе парусами и рулемъ даже вопреки вѣтру выведетъ корабль мимо опасныхъ мѣстъ къ желаемой пристани.

Чтобы управлять общимъ мнѣніемъ, надобно знать его стихіи или элементы. Бросимъ краткій взглядъ на всѣ сословія, составляющія нашу публику.

1. Знатные и богатые люди. Большая часть ихъ, т. е. девятнадцать двадцатыхъ, получили самое поверхностное воспитаніе и не имѣютъ даже тѣхъ свѣдѣній, которыя почерпаетъ юношество въ обыкновенныхъ приуготовительныхъ школахъ Германіи или въ гимназіяхъ Литовскихъ и Остъ-зейскихъ губерній. Отданные съ дѣтства на руки французскимъ гувернерамъ (въ числѣ коихъ весьма мало достойныхъ воспитателей), молодые русскіе дворяне, подъ ихъ руководствомъ, учатся только многимъ языкамъ, получаютъ поверхностное понятіе объ исторіи и другихъ наукахъ и, перенявъ совершенно образъ мыслей своихъ воспитателей, на 17 или 18 году вступаютъ въ свѣтъ, не имѣя никакого понятія о людяхъ и вещахъ и вовсе не зная Россіи. Они всѣхъ людей даже китайцевъ почитаютъ французами, смотрятъ на все французскими глазами и судятъ обо всемъ на французскій манеръ. Все, что было и есть во Франціи, кажется имъ совершеннымъ и примѣнительнымъ (applicable) повсюду. Верхъ мудрости почитаютъ они правила французскихъ энциклопедистовъ, которые и называютъ философіей. Хотя по своему положенію въ свѣтѣ сей классъ людей долженствовалъ бы быть привязанъ къ настоящему образу правленія, но преждевременное честолюбіе, оскорбленное самолюбіе, неумѣстная самонадѣянность, заставляетъ ихъ часто проповѣдывать правила вредныя для нихъ самихъ и для правительства. Какъ богатые и знатные люди имѣютъ возможность быть хорошо воспитанными, то многіе, судя по поверхности, уже почитаютъ ихъ хорошо воспитанными, т. е. они берутъ возможность исполненія за самое исполненіе. Правительству весьма легко истребить вліяніе сихъ людей на общее мнѣніе и даже подчинить ихъ господствующему мнѣнію дѣйствіемъ приверженныхъ къ правительству писателей. Ихъ легко можно перевоспитать, убѣдить и дать настоящее направленіе ихъ умамъ.

2. Среднее состояніе. Оно состоитъ у насъ изъ: а) достаточныхъ дворянъ, находящихся въ службѣ и помѣщиковъ, живущихъ въ деревняхъ; б) изъ бѣдныхъ дворянъ, воспитанныхъ въ казенныхъ заведеніяхъ; в) изъ чиновниковъ гражданскихъ и всѣхъ тѣхъ, которыхъ мы называемъ приказными; д) изъ богатыхъ купцовъ, заводчиковъ и даже мѣщанъ. Это состояніе самое многочисленное, по большей части образовавшееся и образующееся само собою, посредствомъ чтенія и сообщенія идей, составляетъ такъ называемую русскую публику. Она читаетъ много и большею частію по-русски, бдительно слѣдитъ за успѣхами словесности и примѣчаетъ быстрый или стѣсненный ея ходъ. Просвѣщеніе нашей публики нельзя сравнить съ другими государствами, но наша публика имѣетъ то преимущество передъ другими, что она подобно юношѣ живѣе ощущаетъ всѣ впечатлѣнія, способнѣе принять всякое направленіе и довольствуется весьма не многимъ. Не надобно большихъ усилій, чтобы быть не только любимымъ ею, но даже обожаемымъ. Къ этому два средства: справедливость и нѣкоторая гласность (publicité). Публикація о происшествіяхъ 14-го декабря навѣрно столько выиграла сердецъ въ пользу Монарха, сколько самый милостивый манифестъ. Нашу публику можно совершенно покорить, увлечь, привязать къ трону, одною тѣнью свободы въ мнѣніяхъ на счетъ нѣкоторыхъ мѣръ и проектовъ правительства, какъ сіе было до 1816 г. И понынѣ съ восторгомъ воспоминаютъ о царствованіи Екатерины II по ея Наказу, по сильнымъ нравственнымъ комедіямъ и журнальнымъ сужденіямъ о различныхъ предметахъ, по одамъ Державина и т. п. Споры, бывшіе въ «Духѣ Журналовъ» о нѣкоторыхъ мѣрахъ министерства внутреннихъ дѣлъ и статьи «Вѣстника Европы», въ началѣ царствованія императора Александра, понынѣ услаждаютъ нашу публику. Повторяю, что возстановленіемъ сужденій о томъ, что угодно будетъ правительству передать на сужденіе публики, произведется благотвѣтельное вліяніе на умы и не только въ Россіи, но даже и въ чужихъ краяхъ. — Совершенное безмолвіе порождаетъ недовѣрчивость и заставляетъ предполагать слабость; неограниченная гласность производитъ своеволие; гласность же, вдохновенная самимъ правительствомъ, примиряетъ обѣ стороны и для обѣихъ полезна. Составивъ общее мнѣніе, весьма легко управлять имъ, какъ собственнымъ дѣломъ, котораго мы знаемъ всѣ тайныя пружины. Другая важная отъ сего польза для правительства будетъ та, что оно узнаетъ способныхъ людей. Теперь вообще жалуются на ихъ недостатокъ, на *disette d'hommes* — тогда способности выплывутъ на верхъ.

3) Нижнее состояніе. Оно заключаетъ въ себѣ мелкихъ подъячихъ, грамотныхъ крестьянъ и мѣщанъ, деревенскихъ священни-

ковъ и вообще церковниковъ и важный классъ раскольниковъ. На нижнее состояніе у насъ понинѣ вовсе не обращали вниманія въ литературно-политическомъ отношеніи и по ихъ безмолвію судили о нихъ весьма неосновательно. Этотъ классъ читаетъ весьма много. Обыкновенное ихъ чтеніе составляютъ духовныя книги, странствія къ святымъ мѣстамъ, весело-нравственныя повѣствованія и все вообще относящееся ко внутреннему управленію Россіи.—Раскольниковы скиты, волостныя правленія и вольныя слободы суть мѣста, гдѣ разсуждаютъ о всѣхъ указахъ и мѣрахъ правительства и читаютъ статьи, относящіяся до устройства Россіи. Находящіяся въ Петербургѣ и Москвѣ повѣренныя отъ раскольниковскихъ обществъ, отъ казенныхъ вотчинъ, мелочные продавцы, закупающіе гуртомъ на годъ товары для продажи въ провинціяхъ, запасаются новыми указами, номерами газетъ или журналовъ, гдѣ находится что-либо для нихъ любопытное, и привозятъ съ собою или пересылаютъ съ земляками на родину. — Ко мнѣ нѣсколько разъ являлись мужики и торговцы съ просьбами продать или подарить номерокъ журнала, и я отъ нихъ и отъ купечества узнавалъ многія занимательныя подробности объ ихъ положеніи. Раскольниковы скиты суть самыя опасныя жерла, которыхъ никакъ нельзя погасить одними полицейскими средствами. Нѣтъ другой возможности совершенно овладѣть ихъ умами, какъ силою убѣжденія. Магическій жезлъ, которымъ можно управлять по произволу нижнимъ состояніемъ, есть М а т у ш к а Россія. Искусный писатель, представляя сей священный предметъ въ тысячѣ разнообразныхъ видовъ, какъ въ калейдоскопѣ, легко покоритъ умы нижняго состоянія, которое у насъ разсуждаетъ болѣе, нежели думаетъ.

4) Ученые и литераторы. Истинныхъ ученыхъ, т.-е. людей, посвятившихъ себя исключительно наукамъ, у насъ кромѣ профессоровъ весьма мало и тѣ, по большей части, иностранцы. Истинныхъ литераторовъ, владѣющихъ языкомъ, начитанныхъ, знающихъ Россію и ея потребности и способныхъ распространить, изложить, украсить всякую заданную тему—должно сознаться, къ стыду, также мало. Но какъ у насъ всякой стихотворецъ и памфлетистъ пользуется въ обществѣ нѣкоторымъ преимуществомъ и даже имѣетъ вліяніе на свой кругъ общества, то вовсе бесполезно раздражать этихъ людей, когда нѣтъ ничего легче, какъ привязать ихъ ласковымъ обхожденіемъ и снятіемъ запрещенія писать о бездѣлицахъ, напримѣръ о театрѣ и т. п. Ласковый приѣмъ И. А. Крылова государемъ императоромъ произвелъ благопріятнѣйшее впечатлѣніе въ умахъ литераторовъ и публики, нежели какое-нибудь важное пожертвованіе въ пользу наукъ и учебныхъ заведеній.

Гіерархія литераторовъ увлекается мнѣніемъ тѣхъ, которые упра-

вляють ими силою своего дарованія.—Съ этимъ классомъ гораздо легче сладить въ Россіи, нежели многіе думаютъ.—Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы дать дѣятельность ихъ уму и обращать дѣятельность истинно-просвѣщенныхъ людей на предметы, избранныя самимъ правительствомъ, а для всѣхъ вообще имѣть какую-нибудь, одну общую, маловажную цѣль, напримѣръ, театръ, который у насъ долженъ замѣнить сужденія о камерахъ и министрахъ. Весьма замѣчательно, что съ тѣхъ поръ, какъ запрещено писать о театрѣ и судить объ игрѣ актеровъ, молодые люди перестали посѣщать театры, начали сходиться вмѣстѣ, толковать вкось и впрямь о политикѣ, жаловаться на правительство даже явно. Я въ душѣ моей увѣренъ, что сія неполитическая мѣра увлекла многихъ юношей въ бездну преступленія и въ тайныя общества. Я тысячу разъ слыхалъ отъ молодыхъ людей слѣдующія жалобы: «можно ли жить, когда даже запрещаютъ за свои деньги судить о театрѣ и актерамъ! Чего послѣ этого не въ состояніи запретить!» Я нѣсколько разъ говорилъ объ этомъ покойному графу Милорадовичу, подавалъ бумагу ему и въ комитетъ театровъ, излагалъ вредъ политической отъ сихъ мѣръ, но тщетно. Театральныя интриги заглушали голосъ усердія, и все оставалось по-прежнему. Здѣсь не излишнимъ почитаю изложить вкратцѣ причины, заставившія принять сія неполитическія мѣры въ пользу нѣкоторыхъ особъ, принадлежавшихъ къ театру.

Въ нашихъ столицахъ, кромѣ театровъ, нѣтъ никакихъ публичныхъ увеселеній. Этотъ предметъ занимаетъ всѣ состоянія. Помѣщаемыя статьи въ журналахъ о театрѣ служатъ пищею для всеобщихъ разговоровъ въ чертогахъ знатныхъ, въ казармахъ и въ гостиномъ дворѣ. Между тѣмъ, публика съ неудовольствіемъ замѣтила, что князь Шаховскій, овладѣвшій (по дружбѣ съ графомъ Милорадовичемъ) репертуаромъ, представляетъ однѣ свои піесы, изъ которыхъ множество дурныхъ, и что главные роли роздаетъ своимъ питомцамъ и вообще состоящимъ подъ его покровительствомъ актрисамъ и актерамъ. — Журналы заговорили объ этомъ, и князь Шаховскій достигнулъ того, что запрещено писать не только о піесахъ, представляемыхъ на театрѣ, но даже объ игрѣ актеровъ. Должно ли упомянуть, что сіе запрещеніе произвело сильный переворотъ въ литературѣ, послужило къ погашенію возникающихъ дарованій и оскорбленію заслужившихъ вниманіе публики и привыкшихъ къ должной дани ихъ трудамъ и способностямъ? Должно ли упомянуть здѣсь, что запрещено было публикѣ изъявлять какимъ бы то ни было образомъ свое неудовольствіе объ игрѣ актеровъ и актрисъ и даже хлопать въ знакъ удовольствія актрисамъ, непокровительствуемымъ дирекціею? Все это однакожь существуетъ. Но я обращаю болѣе вниманіе на политическую часть, т.-е. на препоны, поставленныя дѣятельно-

сти ума и чувства, которыя, бывъ раздражены, обратились къ другимъ предметамъ.

Къ сему должно присовокупить, что даже по отставкѣ князя Шаховскаго театральное начальство не охотно соглашается, чтобы публика, платящая деньги за свое удовольствіе, имѣла совѣщательный голосъ посредствомъ журналовъ въ представленіяхъ театральныхъ, ибо черезъ это начальство театра теряеть часть своего вліянія. Тогда директоръ театра или начальникъ репертуарной части не можетъ уже по своему капризу и произволу распредѣлять роли покровительствуемымъ имъ актрисамъ и актерамъ, не можетъ по своей волѣ опредѣлять степени ихъ достоинства и не можетъ принимать посредственныхъ или дурныхъ пьесъ своихъ пріятелей преимущественно предъ хорошими. Сужденіе о пьесахъ въ театральномъ комитетѣ, куда приглашаются и нѣкоторые литераторы, есть одно театральное представленіе, есть одна форма. Изъ 50 принимаемыхъ пьесъ едва одну читаютъ въ комитетѣ и то въ такомъ случаѣ, когда дирекція хочетъ отказать автору, имѣющему какое-нибудь значеніе въ свѣтѣ, и въ то же время хочетъ свалить на другихъ, а именно приглашенныхъ въ комитетъ литераторовъ, неприятность отказа. Что же касается до сужденія объ игрѣ актеровъ, то для избѣжанія личностей стоитъ только предписать два правила: 1) чтобъ всякій сочинитель критики подписывалъ свое имя; 2) чтобы журналистъ отвѣчалъ за всѣ двусмысленности и личности, помѣщаемыя въ его журналѣ. Послѣ этого исчезнуть всѣ намеки и эпиграммы.

Я потому столько распространялся о театрѣ, что почитаю это весьма важнымъ дѣломъ къ успокоенію умовъ и водворенію въ публикѣ довѣренности къ правительству, ибо знаю всѣхъ литераторовъ и публику, съ которою ежедневно бесѣдую, знаю въ точности, какое неудовольствіе произвело сіе запрещеніе въ умахъ пыллаго юношества и даже людей степенныхъ, любящихъ справедливость.

Разсмотрѣвъ четыре отдѣленія, составляющія публику, и потребность или стремленіе каждого, обращаюсь къ дѣйствіямъ нынѣ существующей цензуры.

Цензура установлена для того, чтобы препятствовать распространенію идей вредныхъ въ рѣ, нравственности, существующему образу правленія, и пресѣкать личности. Неискусными мѣрами наша цензура не только не достигла сей цѣли и не произвела желаемой пользы, но только раздражала умы и повредила правительству странными своими поступками. Бросимъ взглядъ на каждую часть въ особенности.

1) Въ отношеніи къ вѣрѣ. Цензура состояла сперва подъ вліяніемъ мистицизма, а нынѣ состоитъ подъ вліяніемъ противной ей партіи. Сперва выходило множество книгъ сектаторскихъ, мистическихъ,

нынѣ покровительствуются книги, служащія опроверженіемъ первыхъ. Изъ сего бореи партій не произошло никакой пользы для вѣры и нравственности, напротивъ того, размножились секты, толки о вѣрѣ и самыя вредныя идеи для правительства. Объ этомъ предметѣ нельзя говорить кратко, и потому я умалчиваю здѣсь объ ономъ. Мысли о семъ я излагалъ по волѣ покойнаго графа Милорадовича, для блаженной памяти императора Александра. Не знаю, гдѣ находится поданная мною бумага, въ кабинетѣ ли его величества или между бумагами покойнаго графа.

Что же дѣлала цензура подѣ влияніемъ мистиковъ и ихъ противниковъ? Распространяя вредныя для чистой вѣры книги, она истребляла изъ словесности только одни слова и выраженія, освященные временемъ и употребленіемъ. Вотъ для образчика нѣсколько выражений, не позволенныхъ нашею цензурою, какъ оскорбительныхъ для вѣры: отечественное небо; небесный взглядъ, ангельская улыбка, божественный Платонъ; ради Бога, ей Богу, Богъ одарилъ его; онъ вѣчно занятъ былъ охотой и т. п. Всѣ подчеркнутыя здѣсь слова запрещены нашею цензурою, и словесность, а особенно поэзія совершенно стѣснены. Должно замѣтить, что даже папская цензура позволяетъ сіи выраженія, чему служить доказательствомъ нынѣшняя италіанская поэзія.

Столь смѣшное ханжество, представляя цензуру въ самомъ странномъ видѣ, заставляло многихъ молодыхъ людей принимать дѣйствіе за причину и уменьшило уваженіе ихъ къ правительству. Для краткости я пропускаю множество примѣровъ изъ дѣйствій цензуры, которые, безъ приложенія подлинныхъ доказательствъ, показались бы невѣроятными. Стоитъ посмотрѣть выключенныя мѣста изъ одного листка газеты или одной книжки журнала, чтобы удостовѣриться, что цензура не постигаетъ цѣли правительства, а вмѣсто того, чтобы сморѣть на духъ сочиненій, привязывается къ однимъ словамъ и фразамъ.

2) Въ отношеніи къ правительству вмѣсто того, чтобы запрещать писать противу правительства, цензура запрещаетъ писать о правительствѣ и въ пользу онаго. Всякая статья, гдѣ стоитъ слово правительство, министръ, губернаторъ, директоръ, запрещена впередъ, что бы она ни заключала. Повторяю, все зло происходитъ отъ того, что у насъ смотрятъ не на духъ сочиненія, а на одни слова и фразы и тотъ, кто искусными перифразами можетъ избѣжать въ сочиненіи запрещенныхъ цензурою словъ, часто заставляетъ ее пропускать непозволительныя вещи. Напротивъ того, всякое чистое, благоразумное сужденіе и повѣствованіе о благодѣтельныхъ мѣрахъ правительства строго запрещено. Самыя сильныя препоны для

словесности и наукъ воспослѣдовали отъ изданія повелѣнія въ 1822 г., которымъ запрещено было всѣмъ служащимъ писать и публиковать о дѣлахъ, до службы касающихся, и о внутреннемъ, и внѣшнемъ состояніи Россіи, безъ позволенія начальства. Существо сего повелѣнія весьма справедливо, ибо нигдѣ, даже въ самой Англіи, не позволяется публиковать актовъ правительства безъ согласія онаго. Но наша цензура приняла сіе повелѣніе въ противномъ смыслѣ и не позволяетъ печатать никакихъ даже маловажныхъ извѣстій безъ согласія различныхъ министерствъ, которыя иногда изъ снисхожденія позволяютъ, а чаще отговариваются тѣмъ, что не имѣютъ предписанія, какъ дѣйствовать въ семь случаевъ, и множество любопытныхъ вещей пропадаетъ для наукъ. Съ тѣхъ поръ географія и статистика Россіи пришли въ совершенный упадокъ. Цензура не позволяетъ даже извѣщать публику безъ согласія начальства разныхъ отраслей правленія о всенародныхъ происшествіяхъ, парадахъ, фейерверкахъ, гуляньяхъ, экзаменахъ въ казенныхъ и частныхъ заведеніяхъ, о феноменахъ природы въ разныхъ мѣстахъ Россіи случающихся и проч. Кто бы подумалъ, что для помѣщенія извѣстія о градѣ, засухѣ, ураганѣ должно быть позволеніе министерства внутреннихъ дѣлъ, о данномъ графомъ Милорадовичемъ фейерверкѣ въ Екатерингофѣ надлежало получить позволеніе самого графа; объ экзаменѣ частнаго пансіона нельзя извѣстить родителей безъ согласія самого начальника пансіона и т. п. Отъ этого періодическія изданія теряли свою занимательность, ибо издатели, будучи обязаны для напечатанія нѣсколькихъ страничекъ, обѣгать всѣ министерства и часто безъ успѣха, вовсе отказываются отъ помѣщенія отечественныхъ извѣстій, и мы только изъ иностранныхъ журналовъ почерпаемъ ложныя и ошибочныя извѣстія о Россіи, наприкладъ: на приложение изображенія медали за взятіе Парижа въ «Сѣверной Пчелѣ» самъ министръ просвѣщенія не могъ дать позволенія и издатели у г. военного генералъ-губернатора выпросили право извѣстить публику о томъ, что происходило всенародно. Трудно повѣрить, что наша цензура почитаетъ вреднымъ правительству? Одинъ писатель при взглядѣ на гранитныя колоссальныя колонны Исаакіевского храма восклицаетъ: «это, кажется, столпы могущества Россіи!» Цензура вымарала съ замѣчаніемъ, что столпы Россіи суть министры. Другой писатель, описывая гербъ генерала де-ла-Круа, въ Ревелѣ, сказалъ, что ножки гроба изображаютъ орловъ—цензура вымарала съ замѣчаніемъ, что орелъ есть гербъ Россіи, а потому и нельзя говорить о немъ такимъ образомъ. Таковыми поступками цензура не могла пріобрѣсть себѣ уваженія, напротивъ сдѣлалаъ предметомъ насмѣшекъ, сатиръ и эпиграммъ, въ которыхъ всегда обвинялось правительство.

3) Въ отношеніи нравственности. Въ семь случаевъ цен-

зура, какъ и въ двухъ первыхъ, привязываясь единственно къ словамъ, часто пропускала самыя соблазнительныя стихотворенія, а иногда запрещала самыя невинныя статьи. Напримѣръ, повѣсть, въ которой жидъ представленъ добродѣтельнымъ человѣкомъ (хотя въ той же повѣсти ни одинъ христіанинъ не представленъ злымъ); почтена безнравственною, потому что жиды не могутъ и не должны быть добродѣтельными. Въ повѣстяхъ нельзя сказать: женихъ поцѣловалъ свою невесту, но посмотрѣлъ на невесту; вмѣсто онъ любилъ ее, должно говорить онъ хотѣлъ жениться и т. п. Не смѣю утруждать вниманія множествомъ подобныхъ нецѣлостей и повторяю: стоятъ просмотрѣть одну книжку журнала.

4) Касательно личности. У насъ до сихъ поръ защищали не лица, но пороки и дурныя поступки. Запрещено строжайше, даже въ переводахъ съ иностраннаго, представлять камергеровъ, министровъ, генераловъ и особенно князей и графовъ иначе какъ въ самыхъ блестящихъ краскахъ и людьми добродѣтельными. Отъ этого вмѣсто пользы пристекаетъ вредъ, ибо читатели, видя въ натурѣ слабости человѣчества и сравнивая съ идеалами, тѣмъ менѣе уважаютъ тѣхъ, которые представляются на бумагѣ всегда какъ образцы, какъ совершенство человѣчества. Добро не покажется добромъ, если не будетъ въ противоположности со зломъ: картина безъ тѣней не привлечетъ вниманія и похвалъ.

Намекнувъ самымъ краткимъ образомъ о дѣйствіяхъ цензуры и принимая на себя отвѣтственность доказать все сказанное о дѣлѣ по рукописямъ, хранящимся въ архивѣ цензурнаго комитета, осмѣливаюсь представить мои мысли касательно преобразования цензуры.

Мысли о преобразованіи цензуры.

Петербургъ, средоточіе просвѣщенія, гдѣ находится дворъ, всѣ министерства, всѣ главныя учебныя заведенія, слѣдовательно самая просвѣщенная часть народа, гдѣ заведено болѣе казенныхъ типографій, нежели сколько ихъ существуетъ въ цѣлой Россіи, гдѣ издаются почти всѣ журналы и книги, имѣетъ только трехъ цензоровъ, а изъ того числа два русскихъ, когда напротивъ того всѣ города, гдѣ находятся университеты, имѣютъ ихъ до 20. Отъ этого цензура не можетъ быть бдительною и дѣятельною, часто поступаетъ на удачу, и по человѣчеству не можетъ выдержать необыкновенныхъ трудовъ, на нея возложенныхъ. У насъ въ Петербургѣ существуетъ Академія наукъ, которой члены не обременены трудами (исключая г. Френа и еще одного или двухъ). Одинъ разъ въ годъ или въ два года, Академія издаетъ одинъ томъ своихъ Записокъ, гдѣ немногіе академики помѣщаютъ свои статьи. Кромѣ того, академія издаетъ теперь вновь съ большими издержками

путешествія по Россіи своихъ путешественниковъ, которыя проданы были сперва на вѣсъ, какъ бесполезныя вещи. Содержаніе имѣютъ гг. академики значительное и по службѣ получаютъ большія выгоды. Почему бы гг. академикамъ не заниматься цензурою книгъ по ученой части, чтобъ быть полезнымъ правительству, которое ихъ награждаетъ свыше заслугъ? Во всѣхъ университетахъ гг. профессора исполняютъ обязанность цензоровъ; ибо кому сходнѣе повѣрить цензуру книгъ, какъ не тѣмъ, кому повѣряется важнѣйшее воспитаніе юношества? Наши профессора С.-Петербургскаго университета имѣютъ весьма мало занятій: нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ по двѣ каѳедры такихъ наукъ, которыя въ цѣломъ мірѣ преподаются нераздѣльно. Такъ наприимѣръ, у насъ существуютъ особыя каѳедры географіи, статистики и политической экономіи, когда сіи три отрасли должны непременно преподаваться вмѣстѣ, ибо онѣ отдѣльно могутъ быть преподаваемы какъ развѣ въ нижнихъ училищахъ. Гг. здѣшніе профессора занимаются только преподаваніемъ частныхъ уроковъ по домамъ и сямъ уничтожаютъ свое почтенное званіе, превратившись изъ ветерановъ наукъ въ *congteurs des Cachets*. Въ Москвѣ, Вильнѣ, Дерптѣ, гдѣ считается по нѣсколько сотъ студентовъ, профессора съ всеобщимъ уваженіемъ занимаются своею обязанностью, не учатъ изъ постыдной прибыли въ частныхъ домахъ и суть въ то же время цензорами. На это можетъ быть ставутъ отвѣчать, что профессора должны заниматься частными уроками, по недостатку хорошихъ частныхъ учителей. Но почему же родители не посылаютъ дѣтей своихъ на публичныя курсы въ гимназіи и университеты, какъ это дѣлается въ Вильнѣ, Дерптѣ и даже въ Москвѣ? Лучше, чтобы юношество училось на публичныхъ курсахъ, состоящихъ подъ надзоромъ правительства, нежели по домамъ, гдѣ никто не можетъ ручаться за преподаваемыя правила.

Итакъ, изъ гг. академиковъ и профессоровъ безъ малѣйшей прибавки жалованья можно составить многочисленный цензурный комитетъ, гдѣ могутъ засѣдать, какъ почетные члены, нѣсколько литераторовъ съ совѣщательнымъ голосомъ. Двѣ духовныя особы должны быть непременно прикомандированы только для разрѣшенія духовныхъ пунктовъ, встрѣчающихся въ свѣтскихъ сочиненіяхъ. Всѣ же духовныя сочиненія подлежатъ Синоду и духовной цензурѣ.

Сей комитетъ долженъ раздѣляться на два отдѣленія подъ предѣтельствомъ президента, назначеннаго правительствомъ:

- 1-е отдѣленіе—по части математическихъ и физическихъ наукъ;
- 2-е отдѣленіе—по части исторіи, статистики и словесности.

Гг. цензоры могутъ заниматься работою на дому, а два раза въ недѣлю собираны въ комитетъ, для представленія на общее разрѣшеніе

сомнительныхъ мѣсть. При сихъ двухъ отдѣленіяхъ полагается секретарь и нѣсколько писцовъ на особомъ жалованьи.

3-е отдѣленіе—театральныхъ піесъ и періодическихъ изданій: журналовъ, газетъ и альманаховъ, должно быть при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по части высшей полиціи (*la haute police*). Сюда же принадлежить и цензура приходящихъ изъ чужихъ краевъ книгъ. Это потому, что театральныя піесы и журналы, имѣя обширный кругъ зрителей или читателей, скорѣе и сильнѣе дѣйствуютъ на умы и на общее мнѣніе. И какъ высшей полиціи должно знать общее мнѣніе и направлять умы по произволу правительства, то оно же и должно имѣть въ рукахъ своихъ служащія къ сему орудія. 3-е отдѣленіе можетъ быть въ сношеніяхъ, но не должно быть въ зависимости отъ двухъ первыхъ и должно дѣйствовать особо, по волѣ самого государя императора, изъявляемой министру. Сіе 3-е отдѣленіе должно быть составлено изъ чиновниковъ просвѣщенныхъ въ полномъ смыслѣ слова, надежныхъ и нравственныхъ. Они должны получать хорошее содержаніе. Шестъ человекъ, включая въ то число и секретаря, весьма достаточно для сего отдѣленія.

Апелляція на два первыхъ должна поступать въ главное правленіе училищъ, предсѣдательствуемое самимъ министромъ просвѣщенія, а на 3-е отдѣленіе—къ министру внутреннихъ дѣлъ или начальнику высшей полиціи, который въ важныхъ случаяхъ докладываетъ самому государю императору. Екатерина II и Наполеонъ не пренебрегали сею отраслью администраціи, управляющею общимъ мнѣніемъ.

Что же касается до правилъ, какими должна руководствоваться цензура, то сіе не подлежитъ моему разсужденію. Я представилъ нашу публику и цензуру въ ихъ настоящемъ положеніи и это почитаю достаточнымъ для принятія нужныхъ мѣръ къ удовлетворенію первой и усовершенствованію послѣдней. Исполненіе самыхъ лучшихъ законовъ зависитъ отъ наблюденія за исполнителями и указанія волею Монарха пути, по которому должно слѣдовать.

Симъ оканчиваю мое мнѣніе, которое мнѣ внушено любовью къ добру, къ тишинѣ, порядку и правосудію. Я бы вмѣнилъ себѣ въ преступленіе, если бы умолчалъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя мнѣ казались вредными правительству и доводили не только до неудовольствія, но даже до изступленія пылкіе умы, лишеныя всякой дѣятельности. Какъ журналистъ, состоя въ безпрестанныхъ литературныхъ сношеніяхъ со всѣми литераторами, цензурою и публикою, я узналъ ихъ потребности, недостатки и похвальныя качества, о которыхъ теперь представляю правительству. Безкорыстная привязанность къ государю, ознаменованному началу своего царствованія твердостью характера и правосудіемъ, возлагаетъ на меня обязанность представить истину безъ

покрова, въ той надеждѣ, что если мысли мои будутъ удостоены того, чтобы быть ему представленными, онъ по великодушію своему проститъ мою смѣлость изъ уваженія къ чистотѣ моихъ намѣреній.

Оаддей Булгаринъ, издатель «Сѣверной Пчелы», «Сѣвернаго Архива» и «Сына Отечества».

Получивъ эту записку, Потаповъ передалъ ее барону И. И. Дибичу и получилъ отъ него приказаніе переговорить съ Булгаринымъ.

«По приказанію вашего превосходительства,—писалъ Потаповъ барону Дибичу,—я видѣлъ Булгарина. Вопросъ мой: полагаетъ ли онъ полезнымъ записку о цензурѣ сообщить министру просвѣщенія? огорчалъ его. Отвѣтъ заключается въ прилагаемомъ письмѣ.

«Наблюдая внимательно—писалъ Булгаринъ Потапову¹⁾—характеръ народа во всѣхъ сословіяхъ и размышляя надъ теченіемъ дѣлъ и различными необыкновенными случаями, я удостовѣрился, что почти все дурное происходитъ отъ того, что у насъ не обращали вниманіе на нравственность народа (le moral), не старались образовать общественныя мнѣнія и управлять онымъ. Движимый усердіемъ, личною привязанностью и благодарностью къ моему государю, любовью къ Россіи и желаніемъ порядка и тишины, я вознамѣрился изложить вкратцѣ мое мнѣніе о семъ предметѣ, предоставляя себѣ при случаѣ пояснить подробнѣе все сказанное въ моей запискѣ. Особа, которая, по прочтеніи оной, взялась доставить сіе государю императору, увѣрила меня честнымъ словомъ, что сія записка не выйдетъ изъ кабинета его величества и ни подъ какимъ видомъ не будетъ доведена до свѣдѣнія министра просвѣщенія. Это было условіе, на основаніи коего я согласился вручить мою записку.

«Записка сія заключаетъ въ себѣ одни политическія мнѣнія, наблюденія и соображенія. О цензурѣ говорится въ ней почти мимоходомъ и единственно потому, что въ это же время предоставленъ министерствомъ на утвержденіе новый цензурный уставъ, который по моему мнѣнію вовсе не сообразенъ съ нынѣшнимъ положеніемъ Россіи и вмѣсто того, чтобы приблизить правительство къ дѣли, удалить отъ оной. Если записка моя будетъ представлена министерству просвѣщенія, то я, излагая мысли противныя, подвергнусь жесточайшему преслѣдованію отъ всѣхъ лицъ, дѣйствующихъ такъ, какъ изъяснено въ моей запискѣ. Кромѣ того отъ записки моей не произойдетъ ни малѣйшей пользы, ибо въ оной заключаются такіе предметы, которые могутъ быть произведены въ дѣйство одною законодательною властью. Власть министерства не простирается до такой степени, чтобы оно могло преобразовать что-либо по моему плану. Я мыслю только для государя

¹⁾ Отъ 8-го іюня 1826 г.

императора, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство заступленія и покровительства въ семь дѣлѣ. Если записка моя будетъ препровождена къ министру просвѣщенія, я погибну жертвою моего усердія и погибну бесполезно. Меня заклюютъ всѣ мелочные люди, которые все дурное, сказанное въ общихъ выраженіяхъ, берутъ на свой счетъ. Если непременно нужно, чтобы записка моя была куда-нибудь препровождена по части министерства просвѣщенія, то покорнѣйше прошу доставить ее Михаилу Михайловичу Сперанскому, занимающемуся въ комитетѣ преобразования училищъ. Онъ, по крайней мѣрѣ, не причтетъ мнѣ въ вину моего усердія и чистоты моихъ намѣреній, и я не подвергнусь преслѣдованію. Отослать же оную къ министру просвѣщенія значитъ наказывать меня строжайше, а я, кажется, не заслужилъ этого. Лучше всего было истребить сію записку, если она не можетъ произвестъ никакой дѣйствительной пользы. По крайней мѣрѣ симъ не нарушится честное слово, данное мнѣ особою, взявшеюся доставить записку государю императору».

На запискѣ А. Н. Потапова баронъ И. И. Дибичъ написалъ: «Призовите его къ себѣ и успокойте его, ибо именно для того прежде спрашивали его же, и онъ напрасно труситъ; можно сдѣлать выписку изъ онаго (проекта) и переписать рукою писаря и препроводить къ министру просвѣщенія, а оригиналъ оставить у меня самого».

«Я бы желалъ видѣть этого Бугарина, если онъ чловѣкъ желающій добра и уменъ, то долгъ службы требуетъ ему открыть дорогу и простить прошедшее есть всегда дѣло доброе».

Записка была переписана до словъ: «Симъ оканчиваю мое миѣніе...» и отправлена министру народнаго просвѣщенія.

«Государь императоръ,—писалъ при этомъ И. Дибичъ ¹⁾,—получивъ прилагаемую при семь выписку, заключающую въ себѣ нѣкоторыя замѣчанія на счетъ цензуры и книгопечатанія въ Россіи, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ препроводить оную къ вашему высокопревосходительству на разсмотрѣніе и увѣдомить васъ, что его величеству угодно имѣть по сему предмету миѣніе ваше».

Сообщилъ Н. Д.

¹⁾ Отъ 5-го іюля 1826 г. № 1182.

Возвращеніе барона Беннигсена въ армию въ 1812 году.

Всепооданныйшее письмо барона Беннигсена.

20-го августа 1812 г. ')

Всемилоствѣйшіи государы!

Я находился не въ дальнемъ разстояніи отъ Петербурга, когда встрѣтилъ генерала князя Кутузова, который изустно сообщилъ мнѣ волю вашего императорскаго величества, чтобы я находился въ арміи и служилъ бы подъ начальствомъ его; нѣсколько дней спустя я удостоился счастья получить милостивое письмо вашего императорскаго величества. Лестныя выраженія, которыя вы, всемилоствѣйшіи государы, изволите употреблять касательно преданности моей вашей августѣйшей особѣ и приверженности моей къ отечеству, преисполнили меня благодарностью. Каковъ бы ни былъ кругъ дѣятельности, который вашему величеству благоугодно было назначить мнѣ, несомнѣнно то, что когда дѣло идетъ о службѣ государю и отечеству, голосъ честолюбія долженъ замолкнуть, и всѣ желанія мои исполнятся, если мнѣ возможно будетъ слабыми моими талантами способствовать успѣху оружія вашего императорскаго величества и славѣ вашего царствованія. Вы изволили предоставить мнѣ къ тому случай, и я осмѣливаюсь повергнуть за то предъ вашимъ величествомъ дань живѣйшей благодарности.

*) Переводъ съ французскаго.

Гортензія Богарнэ.

II ').

Куи Бонапартъ очень любилъ своего старшаго сына, котораго также страстно любила и Гортензія. Самъ Наполеонъ привязался къ племяннику и нерѣдко подолгу съ нимъ игралъ и забавлялся; одна изъ такихъ сценъ прекрасно изображена на извѣстной картинѣ знаменитаго Жерара. Ребенокъ дѣйствительно былъ очень милъ, смысленъ и остроуменъ. 3-го мая 1807 года онъ внезапно захворалъ и, несмотря на всѣ старанія докторовъ, умеръ отъ дифтерита черезъ сутки. Гортензія пришла въ совершенное отчаяніе, ее съ трудомъ могли оттащить отъ трупа любимаго ея сына. Она впала въ какое то уныніе, въ полнѣйшую апатію, на нее нашель какой-то столбнякъ. Мужъ ея, также сильно опечаленный, по возможности утѣшалъ ее, насколько могъ. Гортензія, тронутая наконецъ такимъ его вниманіемъ въ ней, протянула ему руку съ признательною улыбкою.

Прибывшій нарочно изъ Парижа Корвизаръ нашель положеніе Гортензіи весьма серьезнымъ. Скоро прибыла въ Гаагу императрица Жозефина и сестра Луи, великая герцогиня Бергская (супруга Мюрата), чтобы по возможности утѣшить своего брата. Заботясь о здоровьи до-

') См. „Русскую Старину“ августъ 1900 г.

чери, Жозефина предположила увезти ее съ собою во Францію въ Мальмезонъ, на что супругъ ея изъявилъ согласіе. Онъ самъ же возвратился къ прежней своей должности и сталъ снова королемъ Голландіи.

Гортензія долгое время находилась въ какомъ-то оцѣпенѣніи и какъ бы въ безпамятствѣ произносила отдѣльныя слова и фразы, ясно доказывавшія, что она думаетъ только о своемъ умершемъ сынѣ и все вспоминаетъ объ его утратѣ. Переменна всей обстановки не оказывала ни малѣйшаго вліянія на состояніе Гортензіи; поэтому послѣ 15-ти дней пребыванія въ Мальмезонѣ она отправилась на воды въ Котера (Cauterets) ¹⁾, оставивъ единственнаго своего сына у Жозефины. Она была далеко еще не оправившись; но тихая жизнь среди дикой и красивой мѣстности, большія ежедневныя прогулки, горный воздухъ, восхождение на различныя горы понемногу возстановили ея душевное спокойствіе и физическія силы. Она стала гораздо бодрѣе, по временамъ говорила даже о смерти своего сына, начинала ощущать тихое успокоеніе, какъ вдругъ судьба свела ее съ лицомъ, который, потерявъ молодую обожаемую супругу, пріѣхалъ также искать забвенія и утѣшенія въ тѣхъ же Пиренейскихъ горахъ. Этотъ человѣкъ былъ Деказь, будущій министръ Людовика XVIII. Онъ встрѣтилъ Гортензію и былъ пораженъ ея красивою наружностью. Общность горя сблизила ихъ болѣе, чѣмъ бы слѣдовало, тишина и уединеніе немало способствовали этому. Скоро они видѣлись не только всякій день, но и цѣлый день. Отношенія ихъ стали извѣстны въ Парижѣ. Луи Бонапартъ не подозрѣвалъ этого и отправился за своею женою на югъ Франціи. Однако онъ не доѣхалъ до Котера, такъ какъ Гортензія встрѣтила его въ Тулузѣ 12-го августа 1807 года. Встрѣча была очень сердечная и нѣжная съ обѣихъ сторонъ, и доброе согласіе могло повидимому водвориться въ этомъ жалкомъ супружествѣ, если бы сестра короля, великая герцогиня Бергская, не воспрепятствовала этому. Она рассказала своему брату, какъ бы не придавая сама этому вѣры, о всѣхъ отношеніяхъ Гортензіи къ Деказу и о томъ, что молва считаетъ Деказа даже виновникомъ новой беременности Гортензіи. Этого было достаточно; Луи и по природѣ былъ подозрителенъ и недовѣрчивъ; теперь же всякая надежда на согласіе съ женою исчезла.

Жозефина была встревожена блѣдностью, худобою и болѣзненнымъ видомъ своей дочери и настаивала, чтобы Гортензія осталась въ Па-

¹⁾ Котере (Cauterets) въ верхнихъ Пиренеяхъ, маленькое мѣстечко среди красивыхъ горъ, славится цѣлебными водами.

рижѣ. Мужъ ея на это не соглашался; но Жозефина склонила на свою сторону врачей и Наполеона, который и приказалъ брату оставить свою жену въ столицѣ Франціи. Луи Бонапартъ повиновался. Сама Гортензія не выражала желанія слѣдовать за мужемъ; она ссылалась на свое болѣзненное положеніе, хотя въ душѣ была очень рада остаться въ любимомъ ею Парижѣ. Она не желала разстаться также съ адмираломъ Вервель (Verhuell), посланникомъ Голландіи въ Парижѣ, и намѣревалась при томъ, по примѣру г-жи Рекамье, Жанлисъ, Сталь и другихъ дамъ, собрать вокругъ себя литераторовъ и художниковъ и сдѣлаться покровительницею изящныхъ искусствъ. Въ то время какъ Гортензія составляла такіе блестящіе планы, ея супругъ одинъ, безъ жены и сына, направлялся въ Голландію, намекнувъ довольно ясно Гортензіи о своихъ подозрѣніяхъ въ ея невѣрности къ нему. Сцена разлуки была довольно бурная; Гортензія не скрыла полного къ нему презрѣнія и ненависти и рѣшилась никогда болѣе не возвращаться къ своему мужу. Она неоднократно выражала своимъ пріятельницамъ, что «съ этого времени считала свою жизнь совершенно разбитою, видѣла, что не можетъ избавиться отъ несчастій; чувствовала себя чуждою всѣхъ удовольствій жизни, лишенною всякихъ иллюзій, почти умершею для всего совершавшагося вокругъ нея».

Вскорѣ послѣ этого, въ концѣ сентября 1807 года, весь дворъ совершалъ извѣстную поѣздку въ Фонтенебло. Гортензія также участвовала въ этомъ, несмотря на свое крайне грустное настроеніе и свою беременность; она начинала уже, какъ говорили, харкать кровью. Жозефина очень обезпokoилась этимъ, весьма часто навѣщала свою дочь, была чрезвычайно къ ней внимательна и старалась ее всячески разсѣять, рассказывая всякія мелочи своей жизни, какъ-то различныя похождения императора, ея безпокойства отъ ревности, домашнія ссоры, опасенія могущаго быть развода и т. д. Гортензія, немало рисовавшаяся въ своей болѣзни, слушала все это довольно безучастно. Однажды во время блестящей охоты, въ которой Гортензія участвовала сидя въ каретѣ, она заговорила съ императоромъ о своемъ несчастіи и о намѣреніи просить развода. Наполеонъ сказалъ ей, что никогда этого не дозволить, утѣшалъ ее, говорилъ о будущности сына и въ заключеніе выразилъ, что послѣ родовъ ей непремѣнно надо уѣхать къ мужу въ Голландію.

— Никогда!—отвѣчала Гортензія;—я не въ силахъ возвратиться въ страну, въ которой лишилась сына, тамъ слишкомъ много печальныхъ для меня воспоминаній. Къ тому же здоровье мое разстроено, честь моя опорочена, я не предвижу счастья въ жизни, не желаю болѣе ни престола, ни денегъ, хочу идти въ монастырь.

Наполеонъ утѣшалъ ее, совѣтовалъ быть терпѣливою, общая мно-

гое уладить, но повторилъ рѣшительно, что нечего и думать о разводѣ. Вскорѣ въ газетѣ «Journal des Débats» появилась замѣтка, что Гортензія въ непродолжительномъ времени вернется въ Голландію. Это произвело переполохъ. Гортензія жаловалась Наполеону, и онъ, чрезъ министра полиціи Фушэ, узналъ, что эта замѣтка доставлена отъ матери Наполеона, желавшей удалить Гортензію. По просьбамъ Гортензіи Наполеонъ разрѣшилъ помѣстить въ газетѣ опроверженіе за подписью врачей, что состояніе здоровья Гортензіи воспрещаетъ ей всякое путешествіе въ настоящее время.

По возвращеніи изъ Фонтенебло Гортензія помѣстилась въ улицѣ Черутти (теперь улица Лафитта) и имѣла очень небольшой дворъ. Веселость ея понемногу возвратилась: она была вдали отъ мужа. У нея собиралось небольшое, но избранное общество; при чемъ бывало весьма немного дамъ, только г-жа Ремюза, д'Абрантесъ, Реньо-Сенъ-Жанъ д'Анжели, отличавшаяся замѣчательною красотою и игравшая прекрасно на фортепіано, и еще нѣсколько ея прежнихъ подругъ. Занимались обыкновенно музыкою, Гортензія пѣла свои романсы съ большимъ успѣхомъ, что очень льстило ея тщеславію, и она воображала себя артисткою. По временамъ она давала большіе вечера со всею пышностію, которой требовалъ Наполеонъ отъ членовъ своего семейства; на этихъ вечерахъ постоянно присутствовалъ Сегюръ, братъ оберъ-церемоніймейстера императора, и Моле—верховный судья. Гортензія любила заниматься убранствомъ своего помѣщенія; теперь она имѣла расположеніе къ готическому стилю, и вся прежняя обстановка и меблировка сообразно этому замѣнялась другою, соответствующею этому стилю. По временамъ она ѣздила за городъ въ деревню, чтобы нѣсколько отдохнуть, занималась цвѣтами и хотя утверждала, что предпочитаетъ сельскую жизнь и деревенское уединеніе, но на дѣлѣ она до безконечности любила свѣтъ и его удовольствія и развлечения. Императоръ требовалъ, чтобы члены его семейства давали балы еженедѣльно. Гортензія установила ихъ у себя по понедѣльникамъ и приглашала лицъ всякаго рода безъ строгаго разбора, особенно художниковъ и писателей, полагая въ каждомъ изъ самыхъ незначительныхъ видѣтъ гениальныхъ людей. На одномъ изъ такихъ баловъ, данныхъ герцогиню Бергъ, Гортензія вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими дамами явилась въ легкомъ костюмѣ весталокъ (въ то время была мода на весталокъ вслѣдствіе оперы «Весталка», имѣвшей большой успѣхъ), предводительствуемыхъ дурачествомъ (Folie), которое изображала собою очень красивая и граціозная дѣвица Гильбуа (Guillebois), одѣтая также весьма легко. Мюратъ повидимому слишкомъ увлекся ею и намѣревался обнять эту особу, что не ускользнуло отъ ревнивыхъ взглядовъ его супруги. Герцогиня Бергъ громко кричала, чтобы дѣвица Гильбуа немедленно покинула ея салонъ. Гортензія,

ее привезшая,—была очень обижена этимъ, имѣла неприятое объясненіе съ хозяйкою дома и, чтобы досадить ей, уговорила Жозефину взять эту Гилльбуа въ чтицы къ себѣ. Наполеонъ этому нисколько не противился, такъ какъ привыкъ видѣть, что всѣ чтицы его супруги были всегда очень миловидныя особы. Черезъ нѣсколько дней Жозефина съ мужемъ поѣхала въ Байонну, и съ ними вмѣстѣ отправилась и Гилльбуа. Но скоро Жозефина, усмотрѣвъ, что супругъ ея ухаживаетъ за Гилльбуа внѣ предѣловъ всякаго приличія, уволила ее отъ должности и отослала въ Парижъ.

Въ это время Гортензія чуть не сдѣлалась испанскою королевою. Уѣзжая въ Байонну, Наполеонъ написалъ брату своему Луи, что въ случаѣ необходимости перемѣнить царствующую династію въ Испаніи онъ предназначаетъ испанскій престолъ ему, такъ какъ климатъ Испаніи гораздо здоровѣе для него и Гортензіи. Луи заранѣе и наотрѣзъ отказался отъ этого предполагаемаго перемѣщенія. 20-го апрѣля 1808 года у Гортензіи родился третій сынъ, названный Шарль Луи Наполеонъ. Мужъ ея не пріѣхалъ въ Парижъ ни къ ея болѣзни, ни къ крестинамъ, желая этимъ, какъ утверждали, показать, что не признаетъ новорожденнаго своимъ сыномъ.

Довольно давно носился въ Парижѣ слухъ о предстоящемъ разводѣ самого Наполеона съ Жозефиною. По возвращеніи изъ Фонтенебло разводъ былъ окончательно уже рѣшенъ. Гортензія была въ отчаяніи, но рѣшилась при этомъ снова заговорить и о своемъ разводѣ. Къ величайшему ея огорченію и изумленію, Наполеонъ и на этотъ разъ запретилъ ей думать о разводѣ. Самъ Луи Бонапартъ просилъ о разводѣ, но также безуспѣшно; статутомъ 30-го марта 1806 года разводъ былъ воспрещенъ всѣмъ членамъ императорскаго семейства. Но супруги вспомнили, что могутъ воспользоваться разлученіемъ отъ совмѣстнаго жительства, если императоръ разрѣшитъ имъ объ этомъ ходатайствовать. Наполеонъ отвѣтилъ, что это слишкомъ важный вопросъ, и онъ не беретъ рѣшить его одинъ, но соберетъ семейный совѣтъ. Совѣтъ дѣйствительно собрался и отклонилъ рѣшительно ходатайство Гортензіи и ея супруга.

Мужъ ея имѣлъ крупныя непріятности съ Наполеономъ по поводу управленія Голландіею, и рѣшено было произвести въ скоромъ времени измѣненія въ порядкѣ управленія этою странюю. По этому поводу Наполеонъ имѣлъ объясненіе съ Гортензіею, при чемъ упрекалъ ее, что она не сумѣла устроить свое положеніе и свои отношенія къ мужу, который во всемъ ей повиновался бы, если бы она сумѣла сначала взяться за дѣло.

— Вы не хотѣли его полюбить,—сказалъ Наполеонъ,— а онъ не доврѣяетъ вамъ.

Въ этихъ немногихъ словахъ опредѣлялось совершенно правильно

отношеніе Гортензін къ ея супругу, созданное ея же самою; она ясно могла оцѣнить всѣ послѣдствія своего фантастическаго упрямства его не любить. Кромѣ того Гортензін предстояло еще другое униженіе: она должна была вести переговоры съ Меттернихомъ о бракѣ Наполеона съ Марією Луизою, замѣщавшею ея мать; должна была нести шлейфъ новой императрицы вмѣстѣ съ другими королевами, испанскою и вестфальскою. Гортензія въ послѣдствіи упрекала себя, что рѣшилась исполнить подобное приказаніе.

Къ торжествамъ по случаю этого бракосочетанія Наполеона съѣхались всѣ братья его, въ томъ числѣ Луи, остановившіяся однако не въ домѣ своей супруги, а своей матери. Наполеонъ старался примирить супруговъ и съ умысломъ отвелъ имъ въ Компьеннѣ—куда всѣ поѣхали—комнаты почти рядомъ, но это не привело къ желаемой цѣли; супруги даже не проронили двухъ словъ между собою. Впрочемъ, Гортензія, не забывъ сказаннаго ей Наполеономъ, попыталась исправить послѣдствія своихъ ошибокъ и рѣшилась поѣхать въ Голландію; она намѣревалась при этомъ наблюдать за исполненіемъ ея мужемъ всѣхъ приказаній и распоряженій Наполеона и этимъ путемъ приобрести вліяніе надъ своимъ супругомъ. Она дѣйствительно поѣхала въ Гаагу, но не съ королемъ, вовсе не желавшимъ сближаться съ нею,—онъ теперь не питалъ къ ней никакой любви и привязанности, хотя и жилъ съ нею подъ одною крышею Голландцы же враждебно къ ней относились; они обвиняли ее въ томъ, что она имѣла большое вліяніе на мужа, подписавшаго трактатъ 16-го марта 1810 года, по которому уступалась Франціи часть голландскихъ провинцій, лежащихъ при рѣкѣ Шельдѣ, и усиливался всадѣ таможенный надзоръ. Вскорѣ возникли опять неприятели между братьями по управленію Голландіею. Луи, вслѣдствіе рѣзкаго письма къ нему Наполеона, прислалъ полное отреченіе отъ голландскаго престола и самъ отправился на воды въ Богемію, въ Теплицъ. Наполеонъ былъ очень раздраженъ этимъ, упрекалъ брата въ неблагодарности и послалъ къ нему Деказа съ предложеніемъ выѣхать изъ австрійскихъ владѣній и возвратиться если не во Францію, то въ страну, управляемую французскимъ принцемъ. Луи наотрѣзъ отказался и поселился окончательно въ Грацѣ въ Штиріи.

Надежда на примиреніе Гортензін съ мужемъ окончательно исчезла. Наполеонъ тогда разрѣшилъ разлученіе супруговъ, при чемъ у Гортензін оставались ея оба сына, изъ которыхъ старшій получалъ великое герцогство Бергское. Гортензія сама была отлично обеспечена. Она получала изъ государственнаго казначейства милліонъ франковъ ежегодно на старшаго сына, какъ французскаго принца, и еще милліонъ съ гльсовъ около Сень-Ле и доходъ въ 500.000 франковъ съ поземельной собственности въ Голландіи на имя втораго сына. До совершеннолѣтія

дѣтей пользованіе этими деньгами предоставлялось Гортензій. Вскорѣ однако имѣніе въ Голландіи было продано. Гортензія получала изъ казначейства эти 500.000 франковъ. Луи Бонапартъ, узнавъ объ этомъ, воспретилъ Гортензій что-либо получать изъ казначейства и предписывалъ довольствоваться общимъ ихъ достояніемъ, но конечно Гортензія не обращала никакого вниманія на эти слова и скоро поѣхала въ Aix des bains для поправленія своего здоровья.

По возвращеніи въ Парижъ, она принимала болѣе, чѣмъ когда-либо; ее посѣщали не только художники и литераторы, но и множество военныхъ лицъ. Скоро заговорили о ея близкихъ отношеніяхъ съ молодымъ уланскимъ офицеромъ де Бракъ. Онъ былъ привлекательный человекъ и храбрый солдатъ, оставившій впоследствіи очень любопытное сочиненіе объ аванпостной службѣ легкой кавалеріи. Гортензія скоро плѣнилась имъ, но это не мѣшало ей продолжать свои побѣды, и скоро улана замѣнилъ полковникъ изъ штаба принца Нефшательскаго графъ Шарль Флахо (Flahaut), одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ молодыхъ людей Парижа того времени. Гортензія, какъ сама признала въ своихъ запискахъ, имѣла особенную слабость къ военнымъ и очень любила, когда именно военные за нею ухаживали. Флахо на долго сдѣлался ея обожателемъ, она вмѣстѣ съ нимъ пѣла, играла на фортепіано, каталась, гуляла и т. д. Флахо не пропускалъ ни одного вечера, маскарада, или бала, гдѣ могъ встрѣтить Гортензію. Зимой же 1811 года было множество баловъ у членовъ императорской фамиліи, но самый великолѣпный и замѣчательный изъ нихъ былъ у Гортензій, на которомъ изображены были въ лицахъ перувианцы, идущіе въ храмъ солнца. Гортензія вмѣстѣ съ Флахо шла въ первой парѣ въ ослѣпительныхъ костюмахъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что Гортензія старалась скрыть, насколько возможно, свои отношенія къ Флахо; къ несчастью, она сдѣлалась беременною, и скрыть послѣдствія оной въ Парижѣ было очень затруднительно. Пользуясь тѣмъ, что всѣ знали о слабомъ состояніи ея здоровья, Гортензія отправилась въ свое имѣніе Сень-Лѣ со всѣмъ своимъ дворомъ, а затѣмъ тайно прибыла въ необходимое время въ Парижъ на квартиру доктора-акушера Гардіана и послѣ выздоровленія возвратилась опять въ Сень-Лѣ, какъ бы изъ своего дома. Новорожденный былъ записанъ въ книгахъ 22-го октября 1811 года и со временемъ сталъ извѣстенъ подъ именемъ графа Морни; Наполеонъ III всегда считалъ его роднымъ братомъ своимъ, и никто не оспаривалъ того, что Морни—сынъ Гортензій.

Наступалъ печальный для Наполеона 1812 годъ. Гортензія, по словамъ г-жи Ремюза, сдѣлалась гораздо серьезнѣе и болѣе пребывала дома. Наставникъ ея дѣтей заставлялъ и ее заниматься; она старалась словно пополнить пробѣлы своего воспитанія, но дѣлала это безъ всякой сис-

темы. У нея собирались по-прежнему бесѣдовать Сегюръ, Моле и другіе, но она уже мало пѣла. Флахо совершалъ походъ въ Россію; скоро дошло извѣстіе, что онъ легко раненъ, а затѣмъ—что сдѣлалъ старшимъ адъютантомъ принца Нефшательскаго. По временамъ Гортензія навѣщала императрицу Марію-Луизу, не столько по расположенію къ ней, сколько потому, что этого желалъ Наполеонъ. Она исполняла его волю, а затѣмъ какъ бы въ свое вознагражденіе уѣзжала въ Мальмезонъ, гдѣ постоянно жила ея мать Жозефина.

1812 г. кончился печально для Франціи и французовъ. Безпокойства и тревоги овладѣвали и Гортензіею. Она безпокоилась за брата Евгенія, котораго очень любила, и часто совѣтовала ему въ письмахъ не подвергать себя явной опасности и въ то же время посылала ему романы своего сочиненія. Флахо также былъ въ походѣ. Въ Парижѣ во множествѣ появились болѣе или менѣе раненые. Наконецъ, прибылъ и Наполеонъ для скорѣйшаго устройства новой великой арміи, вмѣсто погибшей въ Россіи. Начались опять всякаго рода празднества и балы по приказанію императора, хотя обстоятельства и положеніе страны отнюдь не располагали къ танцамъ и увеселеніямъ. На одномъ изъ такихъ баловъ обратила на себя вниманіе кадрили инковъ, составленная Гортензіею, которая также давала прекрасные балы. При этомъ она не упустила случая просить Наполеона выстроить ей новый дворецъ, что и было ей обѣщано, но исполненіе откладывалось до заключенія мира. Мужъ же ея, жившій въ Грацѣ въ уединеніи, мечталъ о тронѣ и писалъ Наполеону о восстановленіи для него Голландскаго королевства и о всѣхъ выгодахъ этого для Франціи. Наполеонъ предлагалъ ему возвратиться во Францію, упомянувъ, что нечего болѣе мечтать о коронѣ, отъ которой онъ самъ отказался.

Гортензія была столь же мнительна и суевѣрна, какъ и ея мать, и придерживалась всякимъ примѣтамъ и предразсудкамъ. Она почему-то предчувствовала всякаго рода бѣды въ 1813 году, подобно тому, какъ позднѣе г-жа Крюднеръ предсказывала ихъ для 1815 года. Всѣ близкія ей лица отправились на войну. Гортензія отъ безпокойства и тоски видимо худѣла, доктора воспретили ей пѣть и много выѣзжать. Отъ скуки она часто ѣздила въ свое имѣніе Сентъ-Лѣ и составляла всѣ планы своему будущему дворцу, которому не суждено было быть построеннымъ. По временамъ она ѣздила въ Мальмезонъ къ Жозефинѣ и навѣщала Марію-Луизу въ Тюильри. Скоро пришло извѣстіе о побѣдѣ при Дрезденѣ; лучъ свѣтлой надежды озарилъ Францію. Гортензія рѣшилась для поправленія своего здоровья ѣхать въ Савойю въ Aix les bains, оставивъ дѣтей на попеченіи Жозефины. Тутъ она узнала о смерти Дюрока, умершаго отъ раны послѣ двѣнадцати часовъ страданія. Трудно сказать, что испытала Гортензія при этомъ

извѣстїи; можно предполагать, что время и забвеніе изгладили въ ней всякіе слѣды любви и расположенія къ Дюроку. Она только подумала о самомъ Наполеонѣ и о понесенной имъ потерѣ.

На водахъ Гортензія вела правильную, однообразную и простую жизнь, установленную для всѣхъ пользующихся водами и ваннами; это имѣло очень полезное вліяніе на ея здоровье. Но и тутъ постигло ее большое несчастіе. Отправившись осматривать одинъ водопадъ вмѣстѣ съ состоявшими при ней дамами, въ числѣ которыхъ была и любимая ею г-жа Брокъ, Гортензія была свидѣтельницею, какъ г-жа Брокъ, переходя по доскѣ чрезъ небольшой, но бурный ручей, оступилась и скрылась въ водѣ. Несмотря на всѣ усилія, не только не удалось ее спасти, но съ трудомъ послѣ 2-хъ, 3-хъ часовъ поисковъ отыскали тѣло утонувшей. Это печальное событіе произвело сильное впечатлѣніе на Гортензію, и остальная часть лѣта прошла весьма скучно. Подъ вліяніемъ внезапной смерти г-жи Брокъ, Гортензія предалась съ большимъ рвеніемъ благотворительности; она основала госпиталь и учредила при немъ общество сестеръ милосердія, кромѣ того она стала много помогать бѣднымъ.

По совѣту врачей Гортензія отиравилась на морское купанье въ Дьешъ и при этомъ посѣтила помѣщеніе, въ которомъ трудился знаменитый естествоиспытатель Бюффонъ. Она помѣстилась въ Дьешъ въ особомъ зданіи, убранномъ для нея очень роскошно, и была очень довольна. Извѣстіе о пораженіи подъ Лейпцигомъ очень ее опечалило и встревожило, она стала опасаться появленія казаковъ близъ Дьеша!

Новый 1814 годъ начинался еще грустиѣе предшествовавшаго. Наполеонъ послѣ сраженія при Ганау прїѣхалъ въ Парижъ формировать новые полки въ истощенной Франціи. Тѣмъ не менѣе официальные торжества при дворѣ шли по-прежнему; были выходы; Наполеонъ раздавалъ обычные подарки членамъ своего семейства и своимъ приближеннымъ, но уже въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ и меньшей стоимости, хотя, казалось бы, при приближеніи непріятелей со всѣхъ сторонъ въ предѣлы Франціи было уже не до подарковъ.

Въ то время Луи Бонапартъ прибылъ въ Парижъ, но былъ принятъ Наполеономъ очень холодно. Гортензія узнала о его прїѣздѣ чрезъ дѣвицу Кошелъ и выразила, что очень довольна этимъ. Это доказывало, по ея мнѣнію, что Луи былъ истый французъ, что онъ присоединяется къ общимъ усиліямъ французовъ къ защитѣ ихъ страны и т. д. Впрочемъ, Гортензія не видѣлась съ своимъ мужемъ, который, по словамъ очевидцевъ, былъ въ жалкомъ разслабленномъ положеніи и почти не владелъ своими членами; повидимому, желаніе не видѣться было обоюднымъ.

Наполеонъ напрягалъ послѣднія усилія въ борьбѣ съ союзниками; онъ торопилъ принца Евгенія, находившагося тогда въ Миланѣ, устрой-

ствомъ новой арміи и подозрѣвалъ, что его тесть, король баварскій, старается привлечь Евгенія на сторону союзниковъ. Наполеонъ поручилъ Гортензій написать ей брату письмо съ цѣлю побудить его къ большей дѣятельности и энергіи. Она это исполнила, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по примѣру всѣхъ обывателей Парижа, занялась приготовленіемъ корпіи и бинтовъ для раненныхъ. Союзники тѣмъ временемъ быстро приближались къ самому Парижу. Начали принимать мѣры къ отъѣзду императрицы Маріи-Луизы. Гортензія, постигнувъ всѣ неблагоприятныя послѣдствія подобнаго отъѣзда, отправилась къ императрицѣ и прямо сказала ей, что отъѣздъ гибельно повліяетъ на оборону столицы и повлечетъ неизбежно потерю для нея короны.

— Вы правы,—отвѣчала императрица,—но я должна повиноваться регентству.

Возвратясь домой, Гортензія сама стала собираться, но снова поѣхала въ Тюильри и, узнавъ положительно, что отъѣздъ императрицы окончателно рѣшенъ, была въ отчаяніи.

— Это изумительно,—говорила она.—Охотно, по доброй волѣ губятъ Францію и императора. Этому нельзя вѣрять! Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ однѣ женщины обладаютъ отвагою!..

— Что же вы предполагаете дѣлать сами?—спросилъ ее Лавалеттѣ.

— Пользуясь свободою дѣйствій, я не желаю быть схваченною на дорогѣ; я останусь въ Парижѣ и буду раздѣлять судьбу всѣхъ парижанъ,—отвѣтила Гортензія.

Она провела въ большомъ волненіи всю ночь, не зная, на что окончателно рѣшиться. Лишь только она забылась, какъ пришло письмо отъ ея мужа, сообщавшее о тяжкомъ положеніи Франціи и объ отъѣздѣ императрицы. Гортензія ничего не отвѣчала на это письмо; но, вслѣдъ затѣмъ, она получила второе и третье письмо отъ Луи Бонапарта, въ которыхъ онъ спрашивалъ жену о ея дальнѣйшихъ намѣреніяхъ и высказывалъ, что послѣ отъѣзда императрицы она не можетъ съ дѣтьми оставаться въ Парижѣ и должна непремѣнно уѣхать и что онъ желаетъ видѣть дѣтей.

Раннимъ утромъ явился молодой полковникъ Лабедойѣ съ предложеніемъ проводить Гортензію изъ Парижа, а скоро затѣмъ пришелъ полковникъ національной гвардіи Реньо-Сенъ-д'Анжели и сообщилъ, что отъѣздъ императрицы съ сыномъ изъ Парижа повергъ все войско въ большое уныніе. Послѣ нѣкоторыхъ объясненій, Гортензія рѣшилась остаться; она понимала, что паденіе Парижа повлечетъ паденіе имперіи и возстановленіе Бурбоновъ; что же тогда станетъ съ нею, дочерью узурпатора? Она утѣшала себя мыслью, что Наполеонъ непремѣнно придетъ въ Парижъ и что въ видахъ этого необходимо отстаивать и защищать городъ во что бы то ни стало. Ей доказывали долго невоз-

можность этого; всё утомились 22-лѣтними непрерывными войнами, ни у кого не было болѣе энергіи. Луи Бонапартъ снова писалъ ей, чтобы она не оставляла дѣтей въ рукахъ враговъ. Наконецъ, въ 9 часовъ вечера Гортензія съ дѣтьми и нѣкоторыми приближенными выѣхала изъ Парижа по дорогѣ въ Версаль. Поздно ночью послышались громкіе выстрѣлы. Союзники начали обстрѣливать Парижъ; вскорѣ однако все затихло. Гортензія долго не знала, какъ объяснить себѣ эту тишину, какъ вдругъ получила извѣстіе, чтобы скорѣе спасалась. Она немедленно направилась къ Рамбульѣ. По дорогѣ тѣснились сотни различныхъ экипажей и толпы людей, покидавшихъ Парижъ. Крайне затруднительно было чрезъ Рамбульѣ пробираться въ Наварру (близъ Эвре), куда Гортензія съ трудомъ прибыла 2-го апрѣля и нашла все въ большомъ смятеніи. Тутъ же находилась и Жозефина. Скоро прибылъ состоявшій при герцогѣ Бассано, секретарь Моссіонъ (Maussion) и сообщилъ о капитуляціи Парижа, объ отреченіи Наполеона отъ престола и о возвращеніи Бурбоновъ. Всѣ слушали эти извѣстія въ уныніи. Жозефина плакала и завидовала участи Маріи-Луизы, которая имѣла возможность сопровождать Наполеона на Эльбу. Гортензія высказывала, что послѣдуетъ во что бы то ни стало за Наполеономъ и будетъ раздѣлять съ нимъ всякое заточеніе. Вскорѣ, однако, она стала говорить о продажѣ своихъ драгоценностей и объ отъѣздѣ къ роднымъ въ Маринику, а на самомъ дѣлѣ она вернулась въ Парижъ, отправивъ туда предварительно свою приближенную Кошелѣ съ цѣлью повидаться съ Нессельродомъ, котораго Кошелѣ знала ранѣе. Нессельроде выразилъ величайшее свое участіе къ Гортензіи и сказалъ, что она можетъ вернуться въ Парижъ, что даже это будетъ очень полезно для защиты ея личныхъ интересовъ и что всѣ союзные государи расположены къ ней очень благосклонно.

Гортензія, которой Кошелѣ не замедлила все это передать,—писала изъ Наварры 9-го апрѣля,—что очень признательна г. Нессельроде за такое участіе къ ней, что она сама ничего не желаетъ, что ей бы не слѣдовало покидать Бонапартовъ въ такую минуту, что ей неудобно оставаться во Франціи, что она не желаетъ причинять кому-либо безпокойство и т. д. Тѣмъ не менѣе она послѣдовала новымъ убѣжденіямъ г-жи Кошелѣ и прибыла въ Парижъ для болѣе выгоднаго устройства своихъ дѣлъ.

По договору въ Фонтенебло 11-го апрѣля, назначено было ежегоднаго содержанія королю Луи Бонапарту—200.000 франковъ, а Гортензіи—400.000 франковъ. Но это повидимому показалось ей недостаточнымъ, и она рѣшилась вступить сама въ непосредственные переговоры съ союзными государами, сохранивъ при этомъ не только свое достоинство, но даже придавъ видъ самоотреченія и преданности. Это кажущееся обману многихъ.

Гортензія всіма силами старалась овладѣть довѣріємъ и дружбою императора Александра, отъ котораго въ дѣйствительности все зависѣло въ то время. Она вознамѣрилась удовлетворить самолюбіе монарха, доставивъ ему возможность побѣдить ее; на дѣлѣ же сама его побѣждала. Она держала себя очень холодно и крайне сдержанно при первомъ свиданіи съ императоромъ въ Мальмезонѣ, конечно изъ расчета, а не изъ патріотизма. Александръ, встрѣчаемый крайне любезно Жозефиною, былъ очень изумленъ подобнымъ пріемомъ со стороны Гортензіи и высказывалъ это Нессельроде, который передавалъ слова императора Кошеля, сообщавшей ихъ въ свою очередь Гортензіи. Слова же и отзывъ Гортензіи объ императорѣ доходили до него тѣмъ же путемъ. Александръ I возымѣлъ большое уваженіе къ подобному возвышенному характеру Гортензіи и прибѣгнулъ ко всѣмъ чарамъ своего обхожденія, чтобы побѣдить ее. Видя, наконецъ, себя побѣжденною, она призналась въ этомъ Кошелю. Скоро императоръ видѣлся съ Гортензіею всякій день не только у Жозефины, но и въ ея помѣщеніи въ улицѣ Черутти.

Гортензія не позабывала однако о своихъ дѣлахъ. При посредствѣ г-жи Кошеля, а также Нессельроде, для большаго обезпеченія Гортензіи и ея дѣтей, дѣла, прилегающіе къ имѣнію Сень-Лѣ, были присоединены къ этому имѣнію, которое было сдѣлано герцогствомъ Сень-Лѣ и предоставлено указомъ Людовика XVIII во владѣніе Богарнэ съ титуломъ герцогини Сень-Лѣ. Гортензія была не особенно довольна, но такъ много говорила о Сень-Лѣ, что императоръ Александръ выразилъ желаніе посѣтить это мѣсто. Гортензія не замедлила пригласить его въ самомъ небольшомъ обществѣ, показывала ему паркъ, говорила о предполагаемыхъ ею постройкахъ и украшеніяхъ, а затѣмъ много пѣла. Императоръ былъ восхищенъ и голосомъ, и всею особою, сочинявшею такіе прелестные романсы. Бонапартисты относились неодобрительно къ такому расположенію Гортензіи къ побѣдителю Франціи и Наполеона; одинъ изъ нихъ герцогъ Ровиго прямо и открыто высказалъ ей неприличіе такого поведенія для дочери Наполеона.

Неожиданное событіе на время прервало заботы Гортензіи о своихъ дѣлахъ. Жозефина 23-го мая принимала у себя короля прусскаго, несмотря на то, что немного недомогаала. На другой день у ней обнаружилась лихорадка, но тѣмъ не менѣе она принимала великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, а также императора Александра I. Къ вечеру ей сдѣлалось настолько худо, что она удалилась къ себѣ, оставивъ съ высокими посѣтителями Гортензію. На другой день, Жозефина чувствовала себя еще хуже; врачи опасались за ея здоровье. Императоръ Александръ пріѣхалъ самъ узнать объ ея положеніи и остался обѣдать съ Гортензіею. Ночью Жозефинѣ сдѣлалось совсѣмъ худо, и утромъ въ день св. Троицы она скончалась. Гортензія, бывшая у обѣдни,

едва успѣла застать ея послѣднія минуты жизни. Она до того была поражена смертью матери, что лишилась чувствъ и долгое время находилась въ какомъ-то оцѣпенѣннн. Восемь дней спустя императоръ Александръ опять обѣдалъ у Гортензін, одѣтой въ глубокой трауръ, вручилъ ей патентъ на герцогство Сень-Лё, подписанный королемъ, и затѣмъ, простившись, отправился въ скоромъ времени въ Англiю. Онъ поручилъ секретарю посольства имѣть попеченіе о дѣлахъ Гортензін и сообщать непосредственно ему о могущихъ возникнуть затрудненіяхъ по ея денежнымъ дѣламъ.

Принявъ титулъ герцогиня, Гортензін считала необходимымъ поблагодарить того, кто ей даровалъ оный, къ величайшему изумленію приверженцевъ Наполеона, собиравшихся у ней въ это время въ незначительномъ числѣ. Она не считала нужнымъ обращать вниманія на ихъ мнѣнія и желала на всякій случай пользоваться расположеніемъ выдающихся лицъ всѣхъ партій, въ надеждѣ, что они могутъ ей пригодиться. Она старалась приблизить къ себѣ наиболѣ замѣчательныхъ роялистовъ, какъ-то г-жу Сталь, Рекамье и т. д. Принцъ Августъ прусскій не покидалъ въ то время Рекамье и слѣдовалъ за нею всюду, какъ тѣнь. Это побудило Гортензін пригласить къ себѣ и принца. Она старалась познакомиться также съ Веллингтономъ и просила Рекамье привести его къ ней. Веллингтонъ не замедлил воспользоваться подобнымъ приглашеніемъ. Такимъ образомъ Гортензін дружественно и радушно принимала у себя всѣхъ враговъ Наполеона.

Дворъ Людовика XVIII встревожился съ появленіемъ г-жи Сталь въ замкѣ Сень-Лё; опасались, что изъ этого возникнетъ дружба, опасная правительству. Для прекращенія подобныхъ предположеній, Гортензін собралась ѣхать на воды въ Э (въ Савойѣ), но туда случайно отправилась Марія-Луиза. Министръ Людовика XVIII Блака, полагая, что изъ совмѣстнаго пребыванія этихъ двухъ царственныхъ особъ въ одномъ городкѣ можетъ возникнуть опасность всему королевству, далъ знать Гортензін, что король неблагоприятно смотритъ на ея предполагаемую поѣздку въ Э. Гортензін не настаивала именно на этой поѣздкѣ и отправилась въ Пломбьеръ, о чемъ и сообщила брату своему Евгенію, жившему около Мюнхена. Онъ не захотѣлъ ѣхать въ Пломбьеръ, и Гортензін, узнавъ объ этомъ, направилась въ Баденъ, гдѣ и встрѣтилась съ братомъ. Предполагають, что она хотѣла его склонить пристать къ заговору, имѣвшему цѣлью изгнать Бурбоновъ; но это положительно ничѣмъ не доказано.

Въ Баденѣ она встрѣтила извѣстную Крюднеръ, которая тогда хотя и не знала императора Александра, но уже восхищалась и восторгалась имъ, называя его всеобщимъ спасителемъ, бѣлымъ ангеломъ и т. д.;

она тогда уже предсказывала возвращеніе Наполеона съ Эльбы и всѣ послѣдующія отъ этого бѣдствія для Франціи и Европы.

Предсказаніе это не замедлило осуществиться, а между тѣмъ, Гортензія, возвратясь въ Сень-Лё, нашла у себя повѣстку о вызовѣ въ судъ по слѣдующему дѣлу.

Ея супругъ неоднократно требовалъ отъ нея, чтобы она возвратила ему старшаго сына, оставивъ себѣ младшаго. Не желая доставить мужу какое-либо удовольствіе, Гортензія отказывала ему въ этой просьбѣ, несмотря на то, что братъ ея Евгенийъ и даже императоръ Александръ совѣтовали ей удовлетворить законную просьбу мужа, который предъявилъ, наконецъ, требованіе судебнымъ порядкомъ. Гортензія выбрала лучшихъ адвокатовъ изъ числа преданныхъ Бурбонамъ, надѣясь на то, что вліянія различныхъ роялистовъ доставятъ ей возможность выиграть дѣло; вмѣстѣ съ тѣмъ, она отправилась съ визитомъ и къ Людовику XVIII, чтобы повліять этимъ и на королевскій судъ. Король принялъ ее чрезвычайно любезно въ Тюильри. Онъ всегда былъ очень любезенъ и обходителенъ съ особами женскаго пола; теперь же онъ былъ еще доволенъ и тѣмъ, что Гортензія, одна изъ главнѣйшихъ бонапартистокъ, дѣлала такую грубую ошибку и являлась сама ко двору Бурбоновъ. Гортензія, по ея словамъ, также была очень довольна пріемомъ короля. Это посѣщеніе Тюильрійскаго дворца привлекло въ Сень-Лё множество любопытныхъ, желавшихъ узнать о результатѣ и въ свою очередь сообщавшихъ о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ Гортензією на короля. По ихъ словамъ, король былъ очарованъ Гортензією, находилъ ее очень привлекательною и дотога часто объ этомъ говорилъ, что нѣкто Семонвиль возразилъ ему, наконецъ, «если герцогиня Сень-Лё дотога вась шлѣнила, то устройте ей разводъ и вступите съ нею въ бракъ».

Бонапартисты иначе отнеслись къ этому посѣщенію; они заключили, что нѣтъ болѣе никакого вѣроятія къ восстановленію имперіи, коль скоро Гортензія рѣшилась ѣхать къ королю, и продолжали однако по-прежнему во множествѣ посѣщать ее. Это не ускользнуло отъ вниманія правительства; полиція зорко наблюдала за Гортензією и уже 16-го декабря 1814 года, представляя полную картину препровожденія ею всего дня, называла всѣхъ лицъ, болѣе или менѣе часто ее посѣщавшихъ, упоминала также о посѣщеніи Веллингтона, о разговорахъ съ нимъ въ продолженіе болѣе часа и т. д. Словомъ, все это встревожило Людовика XVIII. и онъ приказалъ 24-го декабря опечатать всѣ бумаги Гортензіи. Однако, она была во-время предупреждена и успѣла скрыть все болѣе или менѣе подозрительное. Стали поговаривать, что Гортензія стоитъ во главѣ заговора бонапартистовъ, что она руководила убійствомъ генерала Кенеля, которому бонапартисты не довѣряли, что скоро явится маленькій капралъ и т. д. На дѣлѣ же Гортензія и не думала стоять во главѣ заговора

противъ Вурбоновъ; она, быть можетъ, втихомолку возбуждала политическія негодованія къ нимъ въ своихъ друзьяхъ, но преимущественно въ это время была занята процессомъ съ мужемъ и своими стѣсненными денежными обстоятельствами. Король не выплачивалъ назначенной ей пенсіи, и Гортензія принуждена была распродать многія свои драгоценныя вещи. Процессъ былъ проигранъ ею. Попытка ея адвоката, Бонне, поставить дѣло на политическую почву и при томъ съ цѣлью выставить Гортензію преданнѣйшею подданною короля Людовика не привела къ желаемой цѣли. Противникъ ея, извѣстный Триппе, одержалъ верхъ, и судъ обязалъ Гортензію возвратитъ ребенка въ трехмѣсячный срокъ; въ тотъ же день она узнала о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы отъ одного англичанина лорда Киннердъ.

Общій ходъ событій ста дней слишкомъ извѣстенъ, чтобы его излагать здѣсь. Скажемъ только, что Гортензія сперва относилась очень сдержанно къ возвращенію Наполеона, даже высказывала свое объ этомъ сожалѣніе, говорила, что готова была бы всеми своими силами отворотить подобное событіе, которое приведетъ къ междоусобной войнѣ и не представляетъ ручательства въ успѣхѣ для Наполеона.

Тѣмъ не менѣе она не покидала Парижа. Она увѣдомила даже Наполеона, что нѣкоторые крайніе роялисты, переодѣтые въ военное платье, отправились изъ Парижа съ намѣреніемъ его убить. Въ тотъ же день она писала Людовику XVIII, что она не принимала никакого участія въ происшедшихъ событіяхъ.

20-го марта, вечеромъ, Наполеонъ вступилъ снова въ Тюильри, и чрезъ нѣсколько минутъ появилась и Гортензія. Наполеонъ принялъ ее не только холодно, но и сурово; онъ рѣзко порицалъ ея поведеніе въ отношеніи къ союзнымъ монархамъ и Бурбонамъ и находилъ его недостойнымъ дочери Наполеона. Онъ признавалъ позорнымъ вымаливаніе ею титула и земель у враговъ отечества, ужасался, что она вступила въ переговоры съ его преслѣдователями, и т. д.

Гортензія слушала со слезами, въ большомъ смущеніи и, наконецъ, промолвила, что поступала такимъ образомъ по влеченію сердца, желая обезпечить будущность дѣтей.

— Въ такомъ случаѣ, — возразилъ Наполеонъ, — ваше сердце должно было подсказать вамъ, что, раздѣливъ съ моимъ семействомъ счастливые дни, вы должны были съумѣть раздѣлить съ нимъ же и ненастные дни.

Гортензія расплакалась и не могла промолвить слова; Наполеонъ же въ большомъ волненіи ходилъ по комнатѣ быстрыми шагами. Онъ подошелъ къ открытому окну, и немедленно толпа, стоявшая предъ дворцомъ, громко его привѣтствовала. Наполеонъ взялъ Гортензію за руку, подвелъ къ окну, заставилъ поклониться толпѣ и улыбнуться. Народныя восклицанія еще сильнѣе оглушили воздухъ. Наполеонъ помирился съ Гортен-

зію, и она, за отсутствіемъ Маріи-Луизы, сдѣлалась полною хозяйкою въ Тюильри, къ великому своему удовольствію. Опять началась тратя денегъ на пышныя приемы и празднества при дворѣ, въ самое неблагопріятное для этого время.

Наполеонъ поручилъ Гортензій написать Маріи-Луизѣ, а также своему брату Евгенію о прибытіи ихъ въ Парижъ. Письмо къ Евгенію было перехвачено и доставлено императору Александру. Оно заключало, между прочимъ, слѣдующія слова: «Я надѣюсь, что у насъ войны не будетъ. Я полагаю, что она не будетъ начата императоромъ россійскимъ, потому что онъ очень оплакивалъ вообще войну; я умоляю его оставить намъ миръ. Употреби также на него вліяніе со своей стороны, вѣтъ ты оможешь услугу человѣчеству».

Въ то же время мужъ ея писалъ письмо Наполеону и снова просилъ разрѣшить ему развестись съ супругою. Наполеонъ по-прежнему отказалъ ему въ этой просьбѣ.

Марія-Луиза не возвращалась въ Парижъ. Гортензія, проживая въ своемъ домѣ, ежедневно въ семь часовъ утра пріѣзжала въ Тюильри и оставалась до десяти часовъ, занимаясь приемомъ всякаго рода лицъ, являвшихся тогда во дворецъ. Ей нерѣдко говорили также рѣчи и восхваляли за то, что, оставшись во Франціи и Парижѣ, она служила утѣшеніемъ и надеждою добрымъ французамъ.

Однако скоро приемы прекратились: всѣ отправились на войну, окончившуюся пораженіемъ при Ватерлоо. Наполеонъ отказался отъ престола въ пользу своего сына и отправился въ Мальмезонъ, гдѣ Гортензія за нимъ сердечно ухаживала, какъ нѣжная дочь, утѣшала его въ несчастіи, ободряла и ласкала надеждами на болѣе благопріятное будущее.

Наконецъ настала часъ разлуки. Наполеонъ съ весьма немногими отправился въ Рошфоръ и островъ св. Елены, а Гортензія—въ Парижъ, гдѣ скоро опять собрала вокругъ себя всѣхъ ярыхъ наполеонистовъ, мечтавшихъ о мщеніи за Ватерлоо и восстановленіи имперіи.

— Теперь слишкомъ поздно,—говорила Гортензія;—теперь все кончено. Зачѣмъ императоръ уѣхалъ... Мнѣ теперь не слѣдуетъ вмѣшиваться болѣе въ великія дѣла, и я должна уединиться...

Она такъ и сдѣлала, нанявъ даже небольшую квартиру подъ чужимъ именемъ, въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Тѣмъ не менѣе своимъ присутствіемъ она внушала опасенія правительству, и за нею зорко наблюдали.

Союзники скоро вступили въ Парижъ; князь Шварценбергъ занялъ для себя домъ Гортензій. Императоръ Александръ, посѣтивъ Шварценберга, не заинтересовался спросить о владѣльницѣ дома. Говорилъ, что Людовикъ XVIII просилъ императора не возобновлять знакомства

съ герцогинею Сень-Лё; равнымъ образомъ утверждаютъ, что и г-жа Крюднеръ оказала свое таинственное вліяніе на то, чтобы Александръ не видѣлся съ Гортензією. Послѣдняя долго не могла понять этой немилости, но наконецъ убѣдилась въ необходимости покинуть Парижъ. Она предложила Талейрану купить ея картины. Онъ это сдѣлалъ вмѣстѣ съ другими. Гортензія затруднялась, какимъ образомъ получить ей необходимые паспорта для проѣзда, какъ вдругъ префектъ полиціи Деказъ, давно ее знавшій въ Котера, прислалъ ей приказаніе немедленно покинуть Францію. Стали поговаривать объ открытіи заговора, въ которомъ участвовала будто бы Гортензія. Какъ бы то ни было, губернаторъ Парижа, прусскій генераль Мюфплингъ, приказалъ Гортензіи выѣхать въ два часа. Неизбѣжно было подчиниться этому, и Гортензія въ сопровожденіи назначеннаго ей адъютанта князя Шварценберга и камергера австрійскаго императора офицера Война (Wouna) ¹⁾ выѣхала съ дѣтьми въ Швейцарію.

По дорогѣ мѣстами Гортензія едва не подверглась оскорбленіямъ толпы, отъ которыхъ Война мужественно ее защитилъ. Въ мѣстечкѣ Э она встрѣтила извѣстнаго Флахо, завѣрявшаго ее въ своей преданности и привязанности. Женева, куда прибыла Гортензія, не оказала ей гостепріимства: ей предложено было немедленно удалиться по внушенію Талейрана, тогда французскаго посланника въ Швейцарію, онъ опасался видѣть бонапартистеу въ столь близкомъ разстояніи отъ границы Франціи.

— Мнѣ остается только кинуться въ озеро,—сказала Гортензія,—такъ какъ я должна же гдѣ-нибудь жить!

Рѣшено было опять вернуться въ Э-ле-бенъ, которое нравилось Гортензіи. Но на этотъ разъ сардинскія власти всячески ее притѣсняли и выживали изъ Пьемонта. Между тѣмъ представители сюзныхъ державъ въ Парижѣ рѣшили, что Гортензія должна будетъ пребывать въ Швейцаріи, подъ наблюденіемъ дипломатическихъ агентовъ Священнаго союза. Но швейцарскія власти не соглашались на это и протестовали противъ подобнаго рѣшенія. Гортензія продолжала поэтому пребывать пока въ Э-ле-бенъ, гдѣ у нея по требованію мужа отобрали старшаго сына. Наконецъ, благодаря вмѣшательству герцога Рিশелье, Гортензія получила разрѣшеніе жить по ея желанію въ Констанцѣ, во владѣніи великаго герцога Баденскаго, супруга ея кузины Стефаніи.

Тревога, безпокойства и огорченія совершенно разстроили здоровье Гортензіи; она впала въ страшную слабость и долго не могла поправиться настолько, чтобы покинуть Э. Наконецъ она пустилась въ путь

¹⁾ Этотъ Война такъ усердно и внимательно охранялъ Гортензію, что скоро совершенно ее побѣдилъ.

и почти вездѣ подвергалась разнымъ притѣсненіямъ и всякаго рода неприяностямъ со стороны зоркой, но подозрительной французской полиціи. Въ одномъ мѣстѣ (Пренъи) окружаютъ полицією домъ, въ которомъ она остановилась; изъ другаго (Берго)—предлагаютъ ей немедленно уѣхать; въ третьемъ (Мора)—задерживаютъ ее на два дня; въ Бернѣ—ее допрашиваютъ и только чрезъ двадцать четыре часа разрешаютъ ѣхать далѣе и т. д. Наконецъ она прибываетъ въ Констанцъ. Но герцогъ, ея родственникъ, опасается ее принять, боится, что она вовлечетъ его въ хлопоты и объясненія, и не дозволяетъ оставаться въ предѣлахъ его владѣній. Супруга его Стефанія ручается за свою двоюродную сестру и кое-какъ улаживаетъ дѣло, она проситъ Гортензію держаться хоть до весны спокойно, къ тому времени страсти улягутся, и многое будетъ забыто. Гортензія послѣдовала этому совѣту и прожила тутъ до весны 1816 года, когда переѣхала въ небольшой домикъ на берегу Констанцскаго озера. Тутъ навѣстилъ ее братъ Евгеній изъ Мюнхена и царствующая принцесса Гогенцоллернъ-Зигмарингская, оказавшая ей королевскія почести. Этого было достаточно, чтобы встревожить дипломатическій лагерь. Меттернихъ счелъ необходимымъ принять должныя мѣры. Онъ сообщилъ герцогинѣ Сень-Ле, что, узнавъ насколько берега Констанцскаго озера имѣютъ счастье ей нравиться, онъ поспѣшаетъ выслать ей паспортъ для пребыванія въ Брегенцѣ, гдѣ она будетъ пользоваться болѣею безопасностью, находясь подъ покровительствомъ австрійскихъ законовъ. Гортензія сообразила, что покровительство въ этомъ случаѣ означаетъ надзоръ, и предпочла остаться впредь до дальнѣйшихъ приказаній въ Констанцѣ. Она посѣтила своего брата, жившаго близъ Мюнхена на берегахъ озера Вурмъ, и скоро затѣмъ отправилась по совѣту врачей для пользованія сывроткою въ горныя мѣста кантона Аппенцель, гдѣ въ нее влюбился старшина кантона, нѣкто Цельвегнеръ дотога, что сдѣлалъ ей письменно предложеніе. Давно Гортензія такъ отъ души не смѣялась, какъ читая это письмо простодушнаго швейцарца; она конечно очень любезно отклонила его предложеніе.

Горный воздухъ, спокойствіе, уединенная жизнь имѣли благотворное вліяніе на ея здоровье. Здѣсь она получила длинное письмо отъ своего мужа, въ которомъ, изложивъ, такъ сказать, всю исторію своихъ отношеній къ Гортензій, Луи Бонапартъ заканчивалъ увѣдомленіемъ, что намѣренъ ходатайствовать у папы полнаго уничтоженія ихъ брака и проситъ ее не дѣлать этому препятствій. Но папа не нашелъ никакихъ основаній къ удовлетворенію этого ходатайства.

Во время пребыванія въ Констанцѣ Гортензія занялась составле-

ніемъ своихъ воспоминаній, дошедшихъ до насъ въ отрывкахъ ⁴⁾). Она принимала по-прежнему, и не разъ навѣщала ее братъ. Это показалось подозрительнымъ, и великій герцогъ Баденскій получилъ приказаніе удалить Гортензію изъ его владѣній. На этотъ разъ и Стефанія не могла оказать помощи. Гортензія переселилась неподалеку въ Швейцарію, гдѣ приобрѣла замокъ Арененбергъ, къ великому неудовольствію Талейрана. Она стала украшать свое новое владѣніе, въ которомъ проводила весну и лѣто, зиму же она жила сперва въ Аугсбургѣ, гдѣ имѣла также свой небольшой домъ, купленный впоследствии графомъ Папленгеймомъ, а потомъ въ Римѣ.

Письмо ея мужа о разводѣ какъ бы ослабило немного ихъ непріязненные отношенія. Супруги если и не видѣлись по-прежнему, то изрѣдка переписывались. Луи Бонапартъ по желанію Гортензіи посылалъ къ ней иногда старшаго сына, воспитаніе котораго, по словамъ отца, было очень неудовлетворительно, и онъ занимался его исправленіемъ. Этотъ сынъ вскорѣ, 29-го іюня 1822 года, вступилъ въ бракъ съ дочерью Іеронима Бонапарта.

Гортензія на зиму отправилась въ Римъ (куда послѣ ежегодно ѣздила всякую зиму) и скоро собрала вокругъ себя прежнихъ приверженцевъ Наполеона, недавно предъ тѣмъ умершаго на островѣ св. Елены. Она жила въ видѣ Паоллина, принадлежавшей принцессѣ Паулинѣ Боргезе. Подъ опасеніемъ быть изгнанною изъ Рима, Гортензія въ своемъ салонѣ не допускала никакихъ разговоровъ о политикѣ; но можно полагать, что въ близкомъ кругу друзей отъ этого отступала. Она посѣщала церкви, монастыри и различные памятники древности, наполняющіе священный городъ. При одномъ изъ такихъ посѣщеній она встрѣтила г-жу Рекамье, которую прежде видѣла у Барраса. Онѣ обѣ подружились, но изъ осторожности не посѣщали другъ друга, а ежедневно назначали себѣ свиданіе въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Рекамье была крайняя роалистка, находилась въ близкихъ отношеніяхъ къ Лавалю Монморанси, французскому посланнику въ Римѣ, имѣла большое вліяніе во Франціи чрезъ своихъ друзей, какъ-то: Шатобріана, Монморанси и т. д. Ей было неудобно обнаруживать свою дружбу съ такою бонапартисткою, какою была Гортензія, которая надѣялась извлечь себѣ пользу изъ дружбы съ Рекамье. Не довольствуясь личными свиданіями, обѣ пріятельницы часто переписывались между собою и дѣлились получаемыми изъ Франціи извѣстіями. Въ Римѣ же Гортензія узнала о смерти своего брата Евгенія въ 1824 году и послѣшила на его погребеніе въ Мюнхенъ.

⁴⁾ Они изданы подъ заглавіемъ: „La reine Hortense en Italie, en France et en Angleterre“.

Года брали свое; Гортензия начинала старѣть, находила удовольствіе въ небольшомъ обществѣ преимущественно художниковъ, въ числѣ которыхъ одинъ, живописецъ Коттеро (Cottrean), пользовался ея расположеніемъ. Она только повидимому мало занималась политикою и очень обрадовалась, узнавъ о революціи 1830 года въ Парижѣ и объ изгнаніи Бурбоновъ изъ Франціи. Она опять возымѣла надежды, покинутыя ею уже нѣсколько лѣтъ, и даже мечтала видѣть своего сына на французскомъ престолѣ (послѣ вѣроятной смерти большаго герцога Рейхштадскаго). Она снова увлекается разными фантастическими надеждами! Сынъ ея женатый занимался разными изобрѣтеніями; другой же, младшій, былъ въ военной артиллерійской школѣ въ Туль (въ Берюкомъ кантонѣ) и возымѣлъ также разные мечты, которыя Гортензія еще болѣе развивала въ немъ. Это все очень беспокоило отца, бывшаго голландскаго короля, убѣждавшаго и жену и сына не принимать никакого участія въ политикѣ.

Смерть папы Пія VIII ускорила возстаніе въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ Италіи. Гортензія находилась въ Римѣ и принимала у себя не мало подозрительныхъ личностей, въ томъ числѣ бельгійца Верхюльст (Verhulst), занимавшагося химією и въ особенности заговорами, въ одинъ изъ которыхъ были увлечены ея сыновья, къ великому отчаянію ихъ отца. Онъ обвинялъ въ этомъ Гортензію, которая принуждена была уѣхать изъ Рима, гордясь, что сыновья ея участвуютъ въ революціонномъ движеніи Италіи. Но скоро бунтовщики потерпѣли поражение. По дорогѣ въ Анкону Гортензія узнала, что старшій сынъ ея лежитъ больной въ Пезаро. Она поспѣшила туда, но застала его уже умершимъ, какъ она сама говоритъ, отъ кори; вѣроятнѣе однако, что онъ былъ убитъ. Приближеніе австрійскихъ войскъ принудило Гортензію бѣжать въ Анкону съ послѣднимъ своимъ сыномъ Луи Наполеономъ. Доставъ себѣ англійскіе паспорта, Гортензія отважилась пріѣхать въ Парижъ, желая видѣть новаго короля Луи Филиппа. Это ей удалось. Король принялъ ее очень ласково, выразилъ надежду, что въ скоромъ времени не будетъ болѣе лицъ, изгнанныхъ изъ Франціи, а между тѣмъ просилъ ее, по возможности, скрывать свой пріѣздъ въ Парижъ вмѣстѣ съ сыномъ. Гортензія видѣла также королеву и была въ восторгѣ отъ ея приѣма. Она въ то же время переговорила о своихъ денежныхъ дѣлахъ съ банкиромъ Казиміромъ Перье, который завѣдывалъ, по ея порученію, всѣми ея имуществами. Болѣзнъ сына заставила Гортензію промедлить въ Парижѣ, гдѣ начинали опять подготавливаться разные манифестаціи къ 5-му мая, годовщинѣ смерти Наполеона I. Правительство очень желало, чтобы Гортензія и ея сынъ выѣхали въ этотъ день изъ Парижа, тѣмъ болѣе, что они оба помѣщались въ отелѣ на Вандомской площади, гдѣ всего удобнѣе могла быть манифестація. Гортензія однако все медлила

отъѣздомъ. Наконецъ настало 5-е мая, манифестація совершилась, и Гортензия въ тотъ же день получила приказаніе немедленно выѣхать изъ Парижа. Она отправилась въ Лондонъ, гдѣ ее встрѣтили сочувственно. Однако французскій посолъ, бывшій аббатъ, а потомъ великій камергеръ Наполеона, Талейранъ испугался появленія Гортензии и приказалъ вывѣдать у нея о цѣли ея приѣзда. Гортензия отвѣтила, что собирается вернуться въ Швейцарію черезъ Бельгію. Это еще болѣе всѣхъ переполошило. Талейранъ поспѣшилъ ей выдать паспорта подъ чужимъ именемъ для проѣзда чрезъ сѣверную Францію, минуя Бельгію. Новый бельгійскій король, принцъ Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій путя сказалъ ей: «вы, надѣюсь, не захватите себѣ проѣздомъ моего королевства?»

Гортензия вновь посѣтила мѣста, преисполненныя для нея великихъ воспоминаній. Она видѣла мѣсто Булонскаго лагеря, Шантильи Мортфонтанъ (имѣніе Іосифа Бонапарта, распроданное уже мелкими участками), Версаль и т. д., указывала все это сыну своему, добавляя разными мечтаніями. Теперь она начинала помышлять о польскомъ престолѣ для своего сына; но усмиреніе польскаго возстанія 1830—31 г. и взятіе Варшавы разсѣяли эту мечту.

Гортензия снова предалась полному покою, лежала неподвижно по цѣлымъ часамъ подъ тѣнію деревъ или въ коляскѣ, катаясь по парку, устремивъ взоры въ пространство. По временамъ играла немного на фортепіано и продолжала писать свои воспоминанія.

Совершенно неожиданное событіе вывело ее изъ этого усыпленія: въ Вѣнѣ умеръ сынъ Наполеона, герцогъ Рейхштадтскій. Сынъ Гортензии Луи сдѣлался главою семейства, и она стала мечтать о предоставленіи своему сыну короны.

Сынъ ея, Луи Наполеонъ, также мечталъ объ этомъ и намѣренъ былъ произвести военное возстаніе въ одномъ изъ большихъ городовъ Франціи, именно въ Страсбургѣ. Онъ сообщилъ объ этомъ замыслѣ Гортензии, которая очень испугалась и всячески убѣждала его оставить подобное предпріятіе, которое по ея мнѣнію не представляло надежды на успѣхъ. Послѣ долгихъ объясненій она наконецъ дала свое согласіе.

Предпріятіе было вполнѣ неудачно. Молодой Луи былъ схваченъ въ 1836 году и заключенъ въ Парижѣ въ тюрьму. Узнавъ объ этомъ, Гортензия немедленно отправилась въ Парижъ ходатайствовать о прощеніи ея сына. Она была у королевы и у президента совѣта Моле, писала Рекамье и добилаь того, что Луи Наполеонъ былъ изгнанъ въ Америку, получивъ на первое свое обзаведеніе въ Нью-Йоркѣ десять тысячъ франковъ отъ короля, котораго желалъ низвергнуть! Гортензии оставалось только поблагодарить короля и возвратиться къ себѣ, что она и сдѣлала. Здоровье ея въ это время, по замѣчанію Рекамье, было крайне разстроено. Она совершенно удалилась отъ общества и по вре-

ментамъ только писала г-жѣ Рекамье. 5-го октября 1837 года она скончалась. Сынъ ея успѣлъ однако прїѣхать изъ Америки и присутствовать при послѣднихъ минутахъ ея жизни. Она погребена во Франціи въ Рель (Rueil), въ церкви, въ которой покоится съ 1814 года и прахъ Жозефины. Принцъ Луи, ея сынъ, сдѣлавшись императоромъ Наполеономъ III, воздвигъ ей прекрасный памятникъ въ церкви съ надписью: «Королевѣ Гортензїи ея сынъ Наполеонъ III».

П. М. Майковъ.

Александръ Ефимовичъ Измайловъ.

1779 — 1831 гг. ¹⁾.

VI.

Стихотворныя произведенія Измайлова. — Басни. — Общая характеристика прочихъ стихотвореній.

Въ области поэзіи Измайловъ славился въ свое время и извѣстенъ и понынѣ, какъ баснописецъ. Значеніе его въ исторіи русской басни и мѣсто среди другихъ баснописцевъ точно опредѣлено въ обстоятельной и пространной статьѣ А. Д. Галахова, напечатанной имъ въ 1849 г. на страницахъ «Современника» (т. 18-й) по поводу Смирдинскаго изданія сочиненій нашего баснописца. Правда, нѣкоторыя разсужденія, съ которыми почтенный изслѣдователь подходилъ къ разбору басенъ Измайлова, въ настоящее время нѣсколько уже устарѣли, но съ выводами, къ какимъ привело его изученіе басенъ Измайлова, мы должны согласиться, и намъ остается о двухъ вышепоставленныхъ пунктахъ повторить лишь сказанное А. Д. Галаховымъ. Впрочемъ, сдѣлаемъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Въ началѣ текущаго столѣтія, когда выступилъ съ своими баснями нашъ «фабулистъ», какъ называлъ себя Измайловъ, басня получила у насъ широкое распространеніе: не говоря уже о томъ, что можно было насчитать много баснописцевъ въ обѣихъ столицахъ, ихъ было немало и въ провинціи, были даже отдѣльныя изданія провіціальныхъ басно-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ августъ 1900 г.

писцевъ. О широкомъ распространеніи у насъ басни, о симпатіяхъ читателей къ ней свидѣтельствуютъ и письма Александра Ефимовича.

«Кажется, у насъ любятъ теперь читать басни—пишетъ онъ И. И. Дмитріеву.—Никогда еще не раскупили здѣсь такъ хорошо ни одной книги, какъ раскупаютъ нынѣ басни Крылова. . . Завидуя его успѣхамъ—говорится въ томъ же письмѣ—многіе здѣсь принялись писать басни и пишутъ ежели неуспѣшно, за то весьма поспѣшно»¹⁾.

Несмотря на такое обиліе баснописцевъ, имя Измайлова было не изъ послѣднихъ между ними, и при каждомъ новомъ появленіи въ свѣтъ отдѣльныхъ изданій его басенъ—а ихъ было при жизни автора пять—критики тотчасъ пускались въ сравненіе Измайлова съ самыми видными представителями нашей басни. Его сравнивали съ Хемницеромъ, называли его «дружкой» Крылова и пр.; «Revue Encyclopedique» называлъ его за басни первымъ русскимъ Теньеромъ²⁾, и, съ легкой руки этого органа, прозвище Измайлова «Россійскій Теньеръ № 1-й» осталось навсегда за нашимъ писателемъ³⁾; выраженіе: «теньерю по-прежнему» было однимъ изъ любимыхъ выраженій его, которымъ онъ опредѣлялъ характеръ своей дѣятельности, какъ баснописца. Званіе «фабулиста» для него было дороже всякихъ другихъ; басня была его любимой формой поэтическихъ произведеній, и въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Александра Ефимовича встрѣчаются частыя сѣтованія его на невозможность заниматься, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, баснописаніемъ. Онъ былъ высокаго мнѣнія о баснѣ, какъ литературной формѣ, придавалъ ей весьма большое значеніе, считалъ, что въ ней именно и можно выказать свой талантъ и остроуміе предпочтительнѣе предъ другими видами поэтическихъ произведеній⁴⁾. «Баснописецъ,—говорилъ онъ въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву—долженъ быть настоящій поэтъ, то-есть долженъ имѣть чувство, составляющее существенное свойство поэта». Отмѣтимъ, наконецъ, что Измайловъ, держась вообще скромныхъ взглядовъ на свою писательскую дѣятельность, считалъ басни лучшими своими произведеніями:

„Хоть басни у меня не такъ-то хороши,
Но это лучшія мои стихотворенья“

говорилъ Александръ Ефимовичъ, поднося С. Д. Пономаревой изданіе своихъ басенъ. Печать и общество смотрѣли на Измайлова преимущественно какъ на баснописца. Что касается критики, то сужденія о на-

¹⁾ „Русск. Архивъ“ 1871 г., стр. 952.

²⁾ „Revue Encyclopedique“. 1821, v. 9, p. 604.

³⁾ „Россійскимъ Теньеромъ № 2-й“, звали В. Т. Нарѣзнаго.

⁴⁾ Въ этомъ, конечно, можно усмотрѣть вліяніе Брейтингера, котораго ученіе о баснѣ, какъ высшемъ родѣ стихотворства, еще не потеряло силы при Измайловѣ.

шесть баснописцевъ были весьма разнорѣчивы, часто прямо противоположны (иногда даже у одного и того же лица, какъ напр. Бѣлинскаго). Нѣкоторые признавали въ немъ недюжинный талантъ, считали однимъ изъ крупныхъ баснописцевъ, иногда даже превосходящимъ Дмитриева и Крылова, иные же отворачивались отъ него, не хотѣли говорить объ его басняхъ или упоминали имя нашего баснописца съ полнымъ пренебреженіемъ. Для наглядности приведемъ нѣсколько фактовъ изъ этихъ отношеній.

Первыя изданія басенъ Измайлова были, вообще, приняты весьма сочувственно; критика, благосклонно отнесшаяся къ первому (1814 г.) изданію басенъ скромнаго автора, выпустившаго ихъ въ свѣтъ—какъ онъ говорилъ въ предисловіи—единственно по просьбѣ друзей, въ 1817 г. (2-е изданіе), поставила Александра Ефимовича въ рядъ съ лучшими баснописцами того времени:

«Басни Хемницера, Дмитриева и Крылова—говорится въ одной рецензіи—должны быть въ библиотекѣ всякаго любителя отечественной словесности. То же почти самое можно сказать и о басняхъ г-на Измайлова.... Басни его и сказки, сверхъ пѣтческаго достоинства, имѣютъ часто нравственную цѣль и могутъ быть одобрены для чтенія юношеству»....¹⁾

О заимствованіяхъ Измайлова и подражаніи чужимъ образцамъ другой критикъ говоритъ:

«Въ семь отношеній можно причислить къ подлиннымъ русскимъ сочиненіямъ все то, что Измайловъ заимствовалъ изъ чужеземной словесности. Чистота слога, живое изображеніе мыслей принадлежитъ тому, кто обогатилъ память и мысли всѣми оборотами отечественнаго слова»²⁾.

О широкихъ симпатіяхъ къ Измайлову за первый періодъ его дѣятельности, какъ баснописца, можно судить по тому факту, что, лишь только начали раздаваться неблагоприятныя о немъ отзывы, большинство журналовъ и газетъ сочло нужнымъ вступить за него; такъ было напр. въ 1817 г. при появленіи книги Окулова: «Разсмотрѣніе разсужденія, Измайловымъ изданнаго о баснѣ, и самыхъ басенъ его»³⁾. Но чѣмъ далѣе шло время и Измайловъ болѣе уклонялся отъ образцовъ, которымъ раньше подражалъ, и становился самостоятельнѣе, чѣмъ болѣе онъ укрѣпился въ своемъ «теньеровскомъ» направленіи, тѣмъ чаще начали появляться рецензіи на его произведенія, но за то и рѣзче становились нападенія на него. Конечно, среди критиковъ необходимо различать и друзей и враговъ Измайлова, каковыхъ было у

¹⁾ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1817 г., первое прибавленіе къ № 94 стр. 940.

²⁾ „Русск. Вѣстникъ“ 1817 г., № 11—12, стр. 81.

³⁾ См. выше.

него немало; но, подводя итогъ отзыва, которые мы встрѣтили въ современныхъ журналахъ, нельзя не замѣтить того общаго недоброжелательства и недовольства чрезмѣрнымъ «тенѣрствомъ» Измайлова, его мужиковатостью, которой проникнуты почти всѣ его басни.

Не желая утомлять вниманія читателя выписками, предложимъ болѣе характерные отзывы. Изъ числа одобрительныхъ укажемъ напр. рецензію «Сына Отечества»:

.... «Г-нъ Измайловъ трудами своими пріобрѣлъ почетное мѣсто между нашими баснописцами; особенно отличается онъ точнымъ, близкимъ изображеніемъ низкой природы: его сказки, въ которыхъ главную роль играютъ люди пятнадцатаго класса, могутъ назваться единственными въ нашей литературѣ»¹⁾.

«... Черты его рисунковъ почти всегда глубоки и вѣрны,—говорится въ другой рецензіи—образы естественны и живы; онъ умѣлъ схватить оригинальные оттѣнки народнаго характера, особенно же въ сочетаніи идей, тонъ народнаго чувства и покровъ въ оболочкѣ мысли»²⁾...

Или вотъ напримѣръ любопытный отзывъ «Библиотеки для Чтенія»: «Свѣтъ коваренъ! Сердца человѣческія перемѣнчивы! Нельзя ничему и никому довѣрять. Тѣ, которые нѣкогда торжественно ставили басни Измайлова выше басенъ Крылова, нынче торжественно пьютъ шампанское въ честь неподражаемому таланту Крылова; тѣ, которые недавно утверждали, что басни Измайлова стыдно читать, теперь расхваливаютъ 5-е и 6-е изданіе его басенъ... А между тѣмъ Измайловъ право не заслуживалъ *ni set excès d'honneur, ni cette indignité*... Измайлова упрекаютъ за выборъ, особенно въ его сказкахъ, предметовъ болѣею частью, низкихъ. Прошу покорно! а Поттерову корову находятъ гениальнымъ произведеніемъ. О люди, люди!—я хотѣлъ сказать: о лицемеры, лицемеры!... Измайловъ не былъ одаренъ ни талантомъ, ни остроуміемъ, ни вкусомъ Крылова, но онъ также не заслуживалъ того презрѣнія, которое теперь оказываютъ къ нему прежніе почитатели... У Измайлова много простодушія и при томъ большая часть его произведеній отличаются неподдѣльнымъ русскимъ юморомъ. Стихи его вообще гладки и многіе изъ нихъ обратились въ поговорки»³⁾...

Сравненіе Измайлова съ Крыловымъ и другими баснописцами напрашивалось само собой, и рѣдкій критикъ упускалъ случай высказать это сравненіе. Между прочимъ, сравнивалъ его съ Крыловымъ князь П. А. Вяземскій, отмѣтившій въ своей записной книжкѣ: «Измайловъ—

¹⁾ „Сынъ Отечества“, 1821, № 36, стр. 135.

²⁾ „Иллюстрація“ 1846, II, № 18 (Перепечат. въ словарь Крайя, Сиб. 1847, т. VI, ч. I, стр. 46).

³⁾ „Библиот. для Чтенія“ 1839, т. XXXII, стр. 71.

подгулявшій Крыловъ¹⁾); также Ф. Ф. Вигель замѣчаетъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

«.... Это былъ Крыловъ, навеселѣ зашедшій въ казарму, въ харчевню или въ питейный домъ²⁾» и др.

Но были отзывы и весьма неодобрительные, даже враждебные. Такой отзывъ, напр., былъ помѣщенъ въ «Галатеѣ³⁾» (по поводу 6-го изданія), гдѣ басни его, какъ «чтеніе для юношества», были совершенно забракованы.

Но, конечно, болѣе разумная и дѣльная критика басенъ Измайлова была дана Бѣлинскимъ, поставившимъ ихъ выше напр. басенъ В. Измайлова, В. Пушкина и др.

«Измайловъ—говорить онъ—заслуживаетъ особенное вниманіе по своей оригинальности; тогда какъ первые подражали Хемницеру и Дмитріеву, онъ создалъ себѣ особый родъ басенъ, герои которыхъ: отставные квартальные, пьяные мужики и бабы, ерофеичъ, сивуха, пиво, паюсная икра, лукъ, соленая севрюжина; мѣсто дѣйствія—изба, кабакъ, харчевня. Хотя многія изъ его басенъ возмущаютъ эстетическое чувство своею тривиальностью, за то нѣкоторыя отличаются истиннымъ талантомъ и плѣняютъ какою-то мужиковатою оригинальностью. Таковы, напр., «Священникъ и крестьянинъ», «Пьянющкинъ, отставной квартальный» и пр. Но лучшее его произведеніе, доставившее ему особенную славу—«Павлушка мѣдный лобъ»⁴⁾.

Къ этому, во многихъ отношеніяхъ, вѣрному замѣчанію Бѣлинскаго въ свое время Галаховымъ были сдѣланы нужныя поправки. Совершенно справедливо отмѣтилъ Галаховъ, что Измайловъ, подражая иностраннымъ образцамъ, особливо Лафонтену и Флоріану, не забывалъ и своихъ. Во многихъ басняхъ его не трудно замѣтить вліяніе и русскихъ баснописцевъ, особенно Крылова. Впрочемъ, Измайловъ и не гонялся за самостоятельностью въ смыслѣ «изобрѣтенія сюжетовъ» и самъ сознавался въ бѣдности своего творчества. „Басни мои и сказки

¹⁾ Полное собраніе сочин. кн. П. А. Вяземскаго, т. VIII, стр. 25.

²⁾ Записки Ф. Ф. Вигеля, т. III, Москва 1892, стр. №3.

³⁾ „Галатея“ 1839, I, 562. Главнѣйшіе отзывы о басняхъ Измайлова въ хронологич. порядкѣ: „Русск. Вѣсти“. 1817, № 9; „Украинск. Вѣсти“. 1817, ч. VIII; „Отеч. Записки“ 1821, ч. VIII; „Соревноват. Просвѣщ.“ 1822; „Сынъ Отечества“ 1823, № 3; „Литер. Листки“ 1824, IV, VI; „Московск. Телегр.“ 1826, ч. VII; „Сѣверн. Пчела“ 1826 № 138; «Московск. Телегр.» 1827 № 13 и 14; Ibidem 1830; № 3 и 7. „Литерат. приб. къ Русск. Инвалиду“ 1833, № 49; „Библиот. для Чтенія“ 1839, т. 32; „Сынъ Отеч.“ 1839, VIII; „Московск. Наблюдат.“ 1839, т. II; „Отечеств. Зап.“ 1839, т. II; „Библиот. для Чтенія“ 1849 „Сѣверн. Пчела“ 1849, № 141, 142 и др.

⁴⁾ Сочиненія т. IV², стр. 96. Хотя въ другомъ мѣстѣ (т. V, стр. 22) Бѣлинскій не высокаго мѣнія о народности басенъ Измайлова.

суть большею частью не что иное, какъ вольное подражаніе иностраннымъ фабулистамъ:

„Я подражателя названіе желаю;
Свой трудъ достоинствомъ чужимъ я возвышаю“

говорить онъ въ предисловіи ко 2-му изданію своихъ басенъ и тутъ же приводитъ, какъ бы въ оправданіе, что и удачное подражаніе или даже просто хорошій переводъ басни—дѣло далеко не легкое. Въ посланіи къ В. И. Панаеву онъ прямо заявляетъ:

Бѣда съ мной не творческимъ умомъ!
Я въ вымыслахъ совсѣмъ удачи не имѣю.

Но главное достоинство басни лежитъ не въ «вымыслѣ», не въ фабулѣ и не ею опредѣляется. По образцамъ, завѣщаннымъ намъ баснописцами иностранными, а особенно отечественными, не трудно замѣтить, что главное достоинство басни заключается въ ея національности: басня прежде всего должна быть «вѣрнымъ выраженіемъ національности», не взирая на то, развита ли въ ней въ достаточной мѣрѣ фабула, поставлено ли въ началѣ или въ концѣ нѣсколько строкъ морали или же послѣдняя вытекаетъ непосредственно изъ басни и т. д. Второе требованіе отъ басни—современность. «Мысль общая при всей своей важности—говорить Галаховъ—можетъ быть пошлою потому именно, что она обща, всюду приложима. Сколько мелкіе баснописцы жадны къ общимъ мѣстамъ, столь же баснописцы гениальные всегда обходятъ ихъ, стремясь къ мѣстамъ, имѣющимъ современное значеніе, прямое отношеніе къ дѣйствительности. Чѣмъ важнѣ сфера современныхъ предметовъ, выражаемыхъ въ аллегорическомъ разказѣ, тѣмъ больше басня выигрываетъ въ своемъ достоинствѣ. Чѣмъ мельче сфера предметовъ, захватываемыхъ баснею, тѣмъ мельче и сама басня. Современная національность—тѣмъ болѣе достойная, чѣмъ она важнѣ—вотъ какъ можетъ выразиться необходимое условіе басни, составляющее особенное ея отличіе, безъ котораго всѣ общія представленія принадлежности не возбуждаютъ сочувствія въ читателѣ»¹⁾.

Посмотримъ же, насколько басни Измайлова отвѣчаютъ «современной національности». Обратимъ прежде всего вниманіе на языкъ его басенъ. Правда, онъ лишенъ изящества, отдѣлки, лишенъ той художественной простоты, которая плѣняетъ насъ въ басняхъ Крылова. Но въ немъ несомнѣнно чувствуется «отпечатокъ національной простонародности». Национальная простонародность—вотъ отличительная черта басенъ Измайлова и съ внѣшней и съ внутренней стороны. Но, если со стороны языка басни Измайлова рѣзко отличаются отъ басенъ Крылова своею грубоватостью, то еще болѣе замѣтна по-

¹⁾ „Современникъ“ 1849, т. 19, стр. 72.

слѣдняя, когда мы обращаемся къ сюжетамъ нашего баснописца. Сфера предметовъ, которыхъ обыкновенно касался Измайловъ, «низменная порода людей», низкій, простонародный кругъ нашей жизни. «Миръ его Басенъ—говоря словами Галахова—населенъ такими личностями, которыя по табели о рангахъ не восходятъ выше титулярнаго совѣтника и съ которыми часто имѣла дѣло управа благочинія. Двери салоновъ затворены для нихъ, но за то открыты имъ входъ въ неприхотливыя увеселительныя заведенія» ¹⁾).

Измайловъ, повидимому, чувствовалъ всю важность народности въ поэзіи, особливо въ басняхъ, онъ даже возставалъ иногда съ сатирой противъ лицъ, ложно понимавшихъ народность ²⁾), но самъ-то нашъ писатель, если судить по его баснямъ, выразилъ ее и односторонне, и угловато.

Дѣйствительно, присматриваясь даже къ лучшимъ его баснямъ, составившимъ его славу, мы не можемъ не поразиться и цинизмомъ изображенія и той грубой низменной обстановкой, среди которой застаемъ обыкновенно его героевъ. Отсюда понятно то ожесточеніе нѣкоторыхъ критиковъ противъ Измайлова, съ которымъ они преслѣдовали нашего баснописца за его «тенѣрство», ибо, если не нравилась многимъ простонародность даже басенъ Крылова, несмотря на ихъ изящество, то басни нашего писателя отнюдь не могли удовлетворить сколько-нибудь развитой эстетическій вкусъ. Еще при жизни нашего баснописца на него сыпались ѣдкия эпиграммы; не пощадили его А. Θ. Воейковъ и А. А. Писаревъ.

.....
 Я люблю носы съ прыщами,
 Хожу съ лирою въ трактиръ,
 Въ икру тамъ, лузь съ сельдями;
 Миръ кварталныхъ есть мой миръ“.

говорить о немъ первый въ своемъ «Домѣ сумасшедшихъ».

«Въ твоихъ разсказахъ всѣ скоты
 Скотами въ полной мѣрѣ»,

говорить о немъ второй въ «Пѣвцѣ на бивакахъ у подошвы Парнаса» ³⁾). «Къ сатирическимъ произведеніямъ Измайлова—замѣчаетъ Галаховъ—идеть, какъ нельзя лучше, оправданіе одного автора, высказанное въ 52-й эпиграммѣ:

„Твой портреты очень схожи:
 На лица пишешь ты?“
 „Нѣтъ, я пишу на рожи“ (т. I, стр. 412).

¹⁾ „Исторія русской словесности“, т. II. Москва 1894, стр. 343.

²⁾ См. „Полн. собраніе сочиненій“, т. II, стр. 285.

³⁾ „Библиографич. Записки“, т. II, стр. 614.

Что же касается до сравненія Измайлова по выбору сюжета и способу изложенія съ Гогартомъ, Скаррономъ, Пуссеномъ и особенно съ Теньеромъ, то, хотя оно построено на чисто внѣшнемъ сходствѣ, все же допустимо, и заключеніе Галахова, что Измайловъ не былъ художникомъ, врядъ ли основательно. Избравъ героями своихъ басенъ людей низшаго, совсѣмъ не образованнаго или малокультурнаго слоя общества и показывая ихъ намъ въ ихъ обычной обстановкѣ, Измайловъ умѣлъ живо и выпукло рисовать портреты такого сорта людей, вѣрно схватывая характерныя черты ихъ и говорить ихъ языкомъ. Приведемъ одну изъ лучшихъ басенъ Измайлова: «Пьяница».

Пьянюшкинъ, отставной квартальный.

Совѣтникъ титулярный,

Исправно насандалилъ носъ,

Въ худой шинелишкѣ, вимой, въ большой морозъ,

По улицѣ шелъ утромъ и шатался.

На встрѣчу кумъ ему, майоръ Петровъ попался.

„Мое почтеніе!“—А! здравствуй, Емельянь

Архиповичъ! да ты, братъ, видно

Уже позавтракалъ! Ну, какъ тебѣ не стыдно?

Еще обѣденъ нѣтъ, а ты, какъ стелька, пьянъ!—

„Ахъ! виноватъ, мой благодѣтель!

Вѣдь съ горя, мой отецъ!“—Такъ съ горя-то и пить?—

„Да какъ же быть?

Вотъ Богъ вамъ, Алексѣй Ивановичъ, свидѣтель,

Ѣсть нечего, всѣ дѣти босикомъ;

Жену оставилъ я съ однимъ лишь пятакомъ.

Гдѣ взять? Давно уже безъ мѣста я, несчастный!

Сгубилъ меня разбойникъ приставъ частный!

Я до отставки не пивалъ:

Спросите, скажетъ весь кварталъ.

Теперь же съ горя какъ напьюся.

То будто-бы развеселюся“.

—Не пей, такъ я тебѣ охотно помогу.—

„Въ ротъ не возьму, ей Богу, не солгу;

Господь порукой!...“—Ну, полно, не бойся,

Вотъ крестникамъ снеси полсотенки рублей.—

„Отецъ!.. дай ручку!..“—Ну, поди домой, прописи,

Да, чуръ, смотри, впередъ не пей.—

Летитъ Пьянюшкинъ нашъ, откозь взялися ноги,

И чуть-чуть не упалъ разъ пять среди дороги

Летитъ... домой?—О, нѣтъ!—Неужели въ кабакъ?

Да, какъ бы вамъ не такъ!

Въ трактиръ, а не въ кабакъ зашелъ; чтобы промѣна

Съ бумажки бѣленькой напрасно не платить,

Спросилъ ветчинки тамъ и хрѣна,

Немножко такъ перехватить,

Да рюмку водочки, потомъ бутылку пива.

А послѣ пуншику стаканъ,

Другой... и наконецъ, о! диво:
 Пьянющинъ напился уже мертвецки пьянъ;
 Къ несчастію еще въ трактирѣ онъ подрался,
 А съ кѣмъ, за что - и самъ того не зналъ,
 На лѣстницѣ споткнулся и упалъ,
 И весь, какъ чортъ, въ грязи, въ крови перемарался.
 Вотъ вечеромъ его по улицѣ ведутъ
 Два воина осани важной,
 Съ сѣкирами, въ бронѣ сермяжной.
 Толпа кругомъ. И кумъ, гдѣ ни возьмися, тутъ,
 Увидѣлъ, изумился,
 Пожагъ плечами и спросилъ:
 — Что, вѣрно съ горя ты, бѣднякъ, опять напился?—
 „За здравіе твое отъ радости я пилъ!“
 У пьяницы всегда есть радость или горе,
 Всегда есть случай пьянымъ быть;
 Закается лишь только пить—
 Да и напьется вскорѣ.
 Однако, надобно, чтобъ больше пилъ народъ:
 Хоть людямъ вредъ, за то откупщикамъ доходъ“¹⁾.

Въ баснѣ этой, какъ видитъ читатель, немало живаго драматизма, нѣтъ длиннотъ, излишнихъ отступленій, разсказъ ведется просто и естественно и въ цѣломъ рядѣ сценъ, мастерски схваченныхъ какъ бы съ натуры, встаетъ живой образъ одного изъ типичныхъ героевъ басенъ Измайлова. Но и въ этой мастеровки и реально написанной картинѣ есть мѣста, гдѣ замѣтна небрежность автора, какъ будто привычная или намѣренная неряшливость. Врядъ ли Измайловъ, при его умѣнши владѣть языкомъ, не могъ измѣнить напр. такихъ стиховъ: «Изрядно насандаливъ носъ», «И весь, какъ чортъ, въ грязи, въ крови перемарался» и т. п. Кромѣ того можно сдѣлать замѣчаніе и относительно двухъ послѣднихъ стиховъ заключенія: безъ сомнѣнія, Измайловъ хотѣлъ закончить басню остротой, но она вышла у него угловатой, хотя въ ней и чувствуется «довольно ѣдкая иронія»²⁾. По этой баснѣ Измайлова, справедливо считаемой одною изъ лучшихъ его басенъ, можно судить въ достаточной мѣрѣ какъ о свойствѣ таланта нашего писателя, такъ и о манерѣ его письма вообще.

Послѣ всего сказаннаго о національности басенъ Измайлова и тѣхъ крайностяхъ, къ которымъ привело Александра Ефимова не совсѣмъ пра-

¹⁾ (Т. I, стр. 147—150). Авторъ называетъ эту басню сказкой. Но дѣленіе Измайловымъ своихъ басенъ на басни и сказки крайне неясно, искусственно и не выдержано, такъ что Галаховъ отвергъ его, какъ излишній педантизмъ, навѣянный на Измайлова иностранными теоретиками. Съ своей стороны, мы не можемъ не присоединиться къ этому справедливому мнѣнію.

²⁾ См. П. Н. Полевой: „Исторія русск. словесности“. С.-Пбрг. 1900 г. т. II, стр. 429.

вильное пониманіе ея, и ограниченность его таланта и бѣдность воображенія, намъ слѣдовало бы разсмотрѣть, насколько современны его басни, т. е. отмѣтить темы, которыхъ касался Измайловъ въ своихъ басняхъ за все время своего баснописанія. Но объ этомъ скажемъ немного.

Басни Измайлова отличались злободневностью, и, вѣроятно, благодаря этому, главнымъ образомъ, онѣ и имѣли успѣхъ у современниковъ. Дѣйствительно, его обличенія и осмѣянія метромановъ, писателей-неудачниковъ, нападки на неправившіяся Измайлову новыя направленія въ нашей литературѣ, негодованіе на дуэли, часто въ то время происходившія въ нашемъ обществѣ, сатирическія выходы противъ извѣстныхъ въ то время лицъ (напр. П. И. Свиньина, Ганина) и т. п. могли имѣть успѣхъ лишь при жизни автора, пользовавшагося при этомъ и безъ того популярностью. Въ этомъ не трудно убѣдиться, если мы сравнимъ число изданій басенъ Измайлова, появившихся при его жизни, съ числомъ посмертныхъ. За 12-ти лѣтній промежутокъ времени, басни нашего писателя выдержали 5 изданій, затѣмъ были переизданы вскорѣ послѣ его смерти (миниатюрное изданіе 1839 г.), и уже потомъ онѣ появились полностью лишь при такъ называемыхъ «полныхъ собраніяхъ сочиненій» Измайлова (1849, 1862, 1891 г.), отдѣльно же всѣ басни не издавались, но лишь избранныя (1891, 1892, 1893, 1895); въ хрестоматіяхъ и разнаго рода сборникахъ можно встрѣтить обыкновенно лишь 2—3 басни нашего писателя. Это понятно: для современнаго читателя грубовато отдѣланныя басни Измайлова, описывающія почти исключительно мелкіе факты будничной жизни такого круга людей, который такъ мало привлекаетъ къ себѣ вниманіе культурнаго человѣка, не могутъ представлять значительнаго интереса. Имѣя предъ собой басни Крылова, гдѣ съ веселой и лукавой ироніей, съ умомъ сильнымъ и трезвымъ и тонкой наблюдательностью, авторъ по истинѣ неподражаемо, въ чертахъ дѣйствительно народныхъ, изображаетъ намъ равно прекрасно и явленія общечеловѣческой жизни, и крупныя общественныя событія своего времени и пр., имѣя такіе классическіе образцы, современныи читатель врядъ-ли назоветъ Измайлова «дружкой Крылова», какъ встарь его величали; современнаго читателя не подкупитъ ни тебѣрство Измайлова, ни яркое и типичное изображеніе его героевъ; но онъ безъ сомнѣнія обратитъ вниманіе на тотъ симпатичный образъ самого автора, который просвѣчиваетъ сквозь немного грязноватую оболочку его твореній. Являясь въ своихъ басняхъ не простымъ рассказчикомъ того, что происходитъ, между его героями, но принимая участіе въ описываемыхъ событіяхъ, Измайловъ, по свойственной ему откровенности, не можетъ не подѣлиться съ читателями своими чувствами и мнѣніями. Выраженія ихъ—какъ, замѣтилъ еще Галаховъ,—выраженія простодушныя, иногда комичныя, но всегда вполне искреннія;

какъ элементъ субъективный, они могутъ служить хорошимъ биографическимъ матеріаломъ, чѣмъ мы уже успѣли воспользоваться при составленіи біографіи нашего писателя.

Еще болѣе субъективнаго элемента содержатъ въ себѣ всѣ другія стихотворныя произведенія Измайлова, каковыхъ у него немало.

Нашъ писатель, легко владѣя стихомъ, любилъ облекать свои мечты, думы, чувства, впечатлѣнія во всевозможныя стихотворныя формы, по истинѣ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Измайловъ писалъ оды, пѣсни, діалоги, посланія, элегіи, эпиграммы, эпитафіи, надписи, эспронты, мадригалы, стихи въ альбомъ и пр. и пр.; онъ пересыпалъ зачастую стихами и прозаическую рѣчь, стихами писалъ иногда дѣловыя бумаги, примѣчанія и выноски въ своемъ журналѣ (подъ чужими статьями), писалъ стихи во время безсонницы, разъѣздовъ, на постояломъ дворѣ, въ дорожной кибиткѣ, на трубѣ парохода, на которомъ ѣхалъ и т. д.

Но, несмотря на все обиліе и разнообразіе подобнаго рода произведеній Измайлова, о нихъ достаточно ограничиться нѣсколькими замѣчаніями. Предварительно позволимъ себѣ привести отрывокъ изъ одного стихотворенія нашего писателя: «На отъѣздъ пріятеля въ Москву». Провожая одного изъ своихъ пріятелей, Измайловъ даетъ ему нѣсколько наставленій и заключаетъ свое адіеу слѣдующими словами:

„Ступай же съ Богомъ, отправляйся
И насъ въ Москвѣ не забывай,
Въ Москвѣ не долго заживайся
И въ Петербургъ къ намъ прѣзжай
На новую свою квартиру,
Да привези по валачу.
А я, какъ должно рюмачу,
Примусь тогда, примусь за лиру.
Какая лира, чортъ,—шучу;
Играть на лирѣ не умѣю,
Перомъ и то кой-какъ владѣю.
За то, умѣю я любить
И уважать людей почтенныхъ;
За ихъ здоровье радъ я пить
И добрыхъ радъ въ стихахъ хвалить.
А для лукавыхъ и надменныхъ,
Пока въ умѣ, пока дышу,
Ни полстиха не напишу¹⁾,
При случаѣ жъ и укушу.
Ни крокодиловъ, ни лягушекъ

¹⁾ Въ высшей степени небрежномъ изданіи такъ наз. „Полнаго собр. сочинен. А. Е. Измайлова“ (т. I, стр. 291), стихъ этотъ совсѣмъ пропущенъ, почему цѣлая строфа лишается смысла. Возстановляемъ по рукописи.

Надувшихся я не терплю,
 Равно какъ хвастуновъ Павлушекъ ⁴⁾;
 А честныхъ, скромныхъ всѣхъ люблю“.

Отрывокъ этотъ—одинъ изъ любопытныхъ и дѣйныхъ признаній Александра Ефимовича. Съ свойственной ему правдивостью и откровенностью, онъ ясно и просто опредѣлилъ характеръ и суть своей литературной дѣятельности: изъ скромности, называя себя риемачемъ, онъ отказывается приняться за лиру и откровенно заявляетъ, что онъ перомъ «я то кой-какъ» владѣеть; но за то онъ обладаетъ другими прекрасными качествами: искренней любовью къ людямъ честнымъ, скромнымъ и добрымъ, въ честь которыхъ онъ готовъ слагать гимны, и отвращеніемъ отъ злыхъ, на которыхъ у него готова сатира («при случаѣ жъ и укушу»). Дѣйствительно, пробѣгая мелкія стихотворенія Измайлова, какъ напечатанныя, такъ и оставшіяся въ рукописи, мы не найдемъ въ нихъ перловъ поэзіи, не найдемъ въ нихъ большой глубины мысли и воображенія, слѣдовъ высокаго поэтического вдохновенія; но въ простыхъ, не блещущихъ отдѣлкой (хотя и «гладкихъ») стихахъ Измайлова чувствуется душа, умѣвшая горячо любить добро и ненавидѣть зло и откровенно, по-своему, выражавшая свои движенія въ риемахъ. Не будемъ сравнивать Измайлова съ его знаменитыми современниками-поэтами: его плодovitая, но бѣдная муза должна занять весьма скромное мѣсто на российскомъ Парнасѣ; но мы должны признать Измайлова все же поэтомъ, хотя и съ небольшимъ талантомъ. Ограниченность послѣдняго сознавалъ и самъ Александръ Ефимовичъ:

„Къ несчастью, не всегда умѣю
 Что чувствую, то разъяснить“,

говорилъ онъ А. Д. Мякинину ⁵⁾.

„Стихи мои не хороши“,—

писалъ онъ въ альбомѣ одной знакомой дамѣ ⁶⁾. Но онъ не переставалъ писать ихъ до конца дней своихъ, ибо полагалъ, что

«Грѣшно пренебрегать искусствомъ

Тому, кто получилъ отъ Феба даръ и чувство» (т. I, стр. 315),

грѣшно «скрывать талантъ свой» (ibid, стр. 338).

Но какъ бы ни было мало и ограничено поэтическое дарованіе нашего писателя, Измайловъ считалъ себя дѣйствительно поэтомъ, каковымъ считали его и современники.

⁴⁾ См. его басню „Лгуны“ (т. I, стр. 180—183), начинающуюся словами „Павлушка-мѣдный лобъ (приличное названье)!

Имѣлъ ко жи большое дарованье“...

⁵⁾ «Собр. сочин.» т. I, стр. 318.

⁶⁾ Ibid., стр. 325.

Правда, въ нашей литературѣ начала нынѣшняго столѣтія какъ-то смѣшивали поэзію съ стихотворствомъ и, при сбивчивости понятій о творчествѣ и поэзіи, никому не казалась странной фраза Карамзина, сказанная имъ при разборѣ «Душеньки» Богдановича: «Хорошіе стихи всегда лучше хорошей прозы». Дѣло объясняется очень просто: въ стихахъ, въ то время, видѣли не что иное, какъ «мѣрную рѣчь, болѣе приятную для слуха, чѣмъ проза»; отсюда выводили уже и преимущество стиховъ предъ прозой; этимъ же объясняется и чрезмѣрное обиліе стиховъ, буквально наводнявшихъ наши старые журналы и альманахи. Ложныя понятія о сущности поэзіи не замедлили породить у насъ легіонъ виршеслагателей, почитавшихъ себя не иначе, какъ дѣтьми Аполлона, и метроманія и риемобѣсіе достигли чудовищныхъ размѣровъ... Со стороны благомыслящихъ писателей начали раздаваться протесты, зачастую въ формахъ сатиры. Что же дѣлалъ Измайловъ? Какъ человѣкъ, постоянно вращавшійся въ средѣ писателей, и какъ редакторъ-издатель, онъ убѣждался болѣе, чѣмъ кто-либо, что страсть писать стихи обратилась въ манію, и вотъ, на страницахъ «Благонамѣреннаго» появляется цѣлый рядъ эпиграммъ, пародій и рой сатирическихъ статей въ прозѣ, направленныхъ противъ Пегасиныхъ, Риемолюбовыхъ, авторовъ одъ, шарадъ и пр. Но, при всемъ томъ, надо отмѣтить, что и самъ Измайловъ былъ увлеченъ общимъ потокомъ и самъ заплатилъ дань модѣ и, купно съ сотрудниками своего журнала, писалъ нерѣдко то, противъ чего возставалъ. Просмотрите вторую половину перваго томака его сочиненій, заключающую въ себѣ мелкія стихотворенія, и, наряду съ стихами, обличающими недюжинный талантъ автора, съ остроумными эпиграммами, вы встрѣтите потуги лирическаго паренія, неудачныя попытки казаться нѣжнымъ, рядъ эпиграммъ, въ которыхъ—по выраженію Галахова—остроуміе лишь подразумевается, нѣсколько десятковъ всякаго рода надписей (сочиненныхъ, порой, по заказу), логогризовъ, наконецъ... шарадъ. Это неудивительно: при смутномъ пониманіи различія поэзіи отъ стихотворства, Измайловъ, во-первыхъ, вообразилъ, что онъ съ одинаковымъ успѣхомъ можетъ проявить свой талантъ въ любой формѣ поэтическихъ произведеній, во-вторыхъ, казалось, готовъ былъ считать всякую риемованную или просто мѣрную рѣчь за плоды истиннаго вдохновенія. Но и то и другое было заблужденіями. Измайловъ былъ сатирикъ-бытописатель, и изъ-подъ его грубоватаго пера болѣе или менѣе удачно выходили строки обличенія, безразлично—писалъ ли онъ стихами или прозой, и посему лучшія его произведенія тѣ, въ которыхъ онъ является въ роли сатирика. И всѣ попытки Измайлова выйти изъ этого ограниченнаго круга своего дарованія оказывались тщетными, порой—забавными. Болѣе всего забавнымъ казалось современникамъ его желаніе прослыть «нѣжнымъ писателемъ» и постоянное повто-

реніе Измайловымъ незаконно присвоеннаго имъ титула «писателя для дамъ», надъ чѣмъ, какъ мы видѣли, посмѣялся въ свое время и Пушкинъ, злой Воейковъ и др.

Впрочемъ, какъ бы ни были маловажны стихотворныя произведенія Измайлова, о которыхъ сейчасъ идетъ рѣчь, нельзя обойти молчаніемъ того, что составляетъ ихъ драгоцѣнную особенность, это—искренность ихъ автора, благонамѣренность и благородство. Закрывая томикъ стихотворныхъ произведеній Измайлова, невозможно вспоминается одно изъ «альбомныхъ» стихотвореній нашего писателя, посвященное В. И. Панаеву, въ которомъ, между прочимъ, Александръ Ефимовичъ говоритъ:

«Ты честный человѣкъ, и по стихамъ то видно». Фраза эта, на нашъ взглядъ, вполне приложима къ стихотвореніямъ Измайлова.

Ив. Кубасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній Михайловекаго-Данилевскаго. 1822 годъ ¹⁾.

Происшествіе со мною на придворномъ маскарадѣ.—Какъ сохраняются тайны при Дворѣ.—Повѣдка въ деревню и Либаву.—Митавскій замокъ.—Селеніе Шрунденъ.—Солдатъ Семеновскаго полка.—Уничтоженіе масонскихъ ложъ.—Масонскія логи въ Россіи.—Моя масонская исторія.—Отъѣздъ изъ Либавы.—Рига.—Военно-Сиротскій домъ.—Домъ сумасшедшихъ и присутственныя мѣста въ Ригѣ.—Генераль-губернаторъ маркизъ Паулуччи.—Освобожденіе крестьянъ Остзейскихъ губерній.—Полковникъ Бокъ.—Суперъ-интендантъ Зонгагъ.—Возвращеніе мое въ Петербургъ.—Пребываніе императора Александра I въ Або въ 1812 году.—Заключеніе 1822 года.

Въ бывшемъ 1-го января 1822 года придворномъ маскарадѣ, я гулялъ во время ужина по Эрмитажу и стоялъ одинъ въ залѣ, по которой государь возвращался съ своею фамиліею. Проходя мимо меня, его величество смотрѣлъ необыкновенно пристально на меня, до того, что это возбудило мое вниманіе. На другой день я являюсь на разводъ, и государь увидя меня, какъ будто о чемъ-то вспомнилъ и велѣлъ прислать къ нему послѣ развода князя Волконскаго. Едва я возвратился домой, какъ адъютантъ сего послѣдняго пріѣхалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, чтобы я былъ у князя того же дня въ 8 часовъ вечера. По прибытіи моемъ онъ началъ меня спрашивать, замѣтилъ ли я, что, выходя изъ-за ужина, императоръ смотрѣлъ на меня пристально? Я отвѣчалъ, что «нахожу сіе вниманіе государя весьма естественнымъ, что онъ взглянулъ лишній разъ на того, кто въ продолженіе многихъ важнѣйшихъ для него годовъ находился при немъ».

— Нѣтъ,—отвѣчалъ князь,—причина тому есть, что государь замѣ-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1899 г. № 12

тилъ, что вы были безъ маскараднаго платья, и приказалъ васъ спросить, отчего вы онаго не имѣли?

Я сказалъ, что я былъ въ маскарадномъ платьѣ, и завѣрилъ князя въ томъ честнымъ словомъ, прусовокупя, что ни чинъ мой, ни извѣстный ему образъ мыслей не позволили бы мнѣ явиться во дворецъ безъ приличнаго наряда.

На слѣдующій день, т. е. 3-го января, я пріѣхалъ на разводъ, государь подозвалъ меня немедленно и сказалъ: «Я передъ тобою виноватъ, мнѣ показалось, что ты былъ безъ маскараднаго платья».

— Виноватъ я,—отвѣчалъ я,—потому, что, идя изъ Георгіевской залы въ Эрмитажъ, не осмотрѣлся въ зеркало и не оправилъ своего домино.

— Нѣтъ,—сказалъ государь,—я передъ тобою виноватъ, совершенно виноватъ.

Въ доказательство того, какъ тайно при нашемъ дворѣ производились дѣла, и что кромѣ особъ, кому они были поручаемы, никто объ нихъ не зналъ ничего, можетъ послужить примѣромъ, что мы, флигель-адъютанты, равно и многіе генераль-адъютанты извѣстались о помолвкѣ великаго князя Михаила Павловича съ дочерью виртембергскаго принца изъ гамбургскихъ газетъ.

Такъ какъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ настала прекрасная весенняя погода и мнѣ совершенно не было никакого дѣла, даже и обыкновенной обязанности флигель-адъютанта являться ежедневно во дворецъ, бывать на разводѣ и дежурить при государѣ, въ двѣ недѣли однажды, потому что его величество переѣхалъ изъ Петербурга въ Царское Село, то я просилъ увольненія въ отпускъ на 6 недѣль. Получивъ увольненіе, я отправился въ свои деревни (въ Нижегород. губ.) и ѣхалъ столь скоро, что, имѣя въ виду единственно хозяйственныя занятія, не останавливался ни въ одномъ городѣ, даже и въ Москвѣ.

Пріятно же всегда будетъ мнѣ вспомнить, что я во время сей весенней поѣздки ввелъ у себя въ деревняхъ прививаніе коровьей оспы, къ чему сначала надобно было принуждать крестьянъ.

По возвращеніи въ Петербургъ въ маѣ мѣсяцѣ, я нашелъ его совершенно опустѣлымъ. Дворъ жилъ въ Царскомъ Селѣ, и всѣ зажиточные люди на дачахъ. Въ Главномъ штабѣ дѣлали приготовленія къ путешествію государя въ Верону на конгрессъ, а я, узнавъ, что въ сію дорогу я не назначенъ, просилъ позволенія ѣхать Курляндской губерніи въ городъ Либаву, чтобы пользоваться морскими купаніями.

Я отправился туда съ семействомъ моимъ въ началѣ іюня мѣсяца и не хотѣлъ упустить сего случая, чтобы не познакомиться съ Остзейскими губерніями, имѣя къ тому возможность: я ѣхалъ очень тихо и былъ свободенъ¹⁾.

¹⁾ Данилевскій ѣхалъ чрезъ Нарву, Дерптъ, Ригу, Митаву (Шрунленъ на р. Винадавѣ) въ Либаву.

Я никогда не могу проѣхать безъ особеннаго чувства мимо Митавскаго замка, гдѣ въ 1727 году была подписана избранною тогда на Россійскій престолъ императрицею Анною Иоанновною условная грамота, по которой она обѣщалась царствовать. Грамота, по подлости нѣкоторыхъ вельможъ, а особенно Ягужинскаго, была уничтожена; не менѣе того самое предложеніе сего договора послужить памятникомъ просвѣщенія русскихъ бояръ. Усилія ихъ были не только не безуспѣшны, но и послужили имъ пагубою, тѣмъ болѣе славы предпринявшимъ привести въ исполненіе такую мысль въ землѣ, тогда еще полудикой. Любопытно бы было рѣшеніе задачи, какимъ образомъ русскіе вельможи, погруженные въ XVII столѣтіи въ невѣжество, противившіеся всѣми силами преобразованію, вводимому Петромъ Великимъ, возымѣли въ 1727 году желаніе ограничить верховную власть монарховъ своихъ.

Митавскій замокъ примѣчательнъ еще по двукратному пребыванію въ немъ Людовика XVIII. Сей мудрый государь заставилъ народъ свой забыть въ короткое время раздоры, обуревавшіе его въ продолженіе 25 лѣтъ, излѣчилъ раны, нанесенныя Франціи кровопролитными войнами, о каковыхъ исторія упоминаетъ и которому потомство отдаетъ должную справедливость. Черты лица короля отменно похожи на князя Смоленскаго. Я благодарю всегда судьбу, что видѣлъ почти всѣхъ достопримѣчательныхъ мужей нашего времени, царей, генераловъ, министровъ, писателей и художниковъ. Воспоминаніе о нихъ доставляетъ мнѣ много наслажденій, и когда случается о комъ-нибудь изъ нихъ читать или думать, то, приводя себѣ на память черты лицъ ихъ, я воображаю, что помышляю или читаю о знакомомъ мнѣ человѣкѣ.

Въ нѣкоторыхъ лѣтахъ каждый изъ насъ живетъ съ удовольствіемъ въ прошедшемъ времени: сія мысль представилась и мнѣ въ селеніи Шрунденъ, гдѣ я остался ночевать.

Я вспомнилъ, какъ я здѣсь былъ за 14 лѣтъ, когда я ѣхалъ учиться въ Германію. Ночь была бурная, рѣка Виндава, покрытая льдомъ, поднялась до того, что нельзя было по ней переѣхать. Я встрѣтилъ здѣсь одно почтенное семейство, съ которымъ я провелъ вечеръ. Разставшись съ ними въ полночь, я сѣлъ у окна, смотрѣлъ на полный мѣсяцъ, слушалъ ревъ Виндавы и написалъ какіе-то стихи, которые впоследствии были преданы огню со всѣми моими поэтическими произведеніями. Воображенію моему представлялись тогда воздушные замки, подобныя тѣмъ, какіе могутъ войти въ голову 17-ти лѣтняго юноши, оставляющаго въ первый разъ отеческій домъ, ѣдущаго въ чужіе края и находящагося совершенно свободнымъ и независимымъ. Въ часы сихъ сладостныхъ мечтаній, я переносился въ будущность, жилъ въ мірѣ необъятномъ и мнѣ неизвѣстномъ. Минувало ровно 10 лѣтъ, въ которыя я видѣлъ Альпы и Апеннины, Тибръ и Сѣну, Донъ и Чатырдагъ, пламе-

нѣющую Москву и приступомъ взятый Монмартръ, и по прошествіи сихъ 10 лѣтъ, я очутился въ другой разъ въ 1818 году въ Шрунденѣ, сопровождая государя на Ахенскій конгрессъ. Какая великая перемена произошла въ образѣ мыслей моихъ и въ пріемѣ, мнѣ здѣсь сдѣланномъ. Въ первый разъ я былъ одинъ, незнаемый никѣмъ съ моими мечтами, а въ другой съ свѣтильникомъ опытности въ рукахъ, окруженный чиновниками, предлагавшими мнѣ наперерывъ угощенія и расточавшими передо мною вѣжливости, употребляемая съ особами, сопровождающими царей. Тогда многое льстило моему самолюбію, и особенное расположеніе ко мнѣ императора позволяло предаваться честолюбивымъ надеждамъ. Вскорѣ обстоятельства переменялись, государь сдѣлался ко мнѣ равнодушенъ и пересталъ отличать отъ прочихъ моихъ товарищей. Сначала сіе огорчило меня, но когда я вспомнилъ примѣры изъ исторіи, особенно Суворова, которому по завоеваніи Италіи и по переходѣ чрезъ Альпійскія горы запретили вѣздъ въ столицу, я успокоился, сравнивая мое ничтожество съ симъ великимъ мужемъ. Я переносилъ не только равнодушно холодность, которую мнѣ оказывали, но имѣвъ въ сіе время довольно досуга, чтобъ взвѣсить на вѣсахъ благоразумія дворскія милости, я убѣдился въ глубинѣ души моей въ совершенной суетности почестей, наградъ и отличій, ограничилъ себя малымъ кругомъ пріятелей, научился находить наслажденія въ занятіяхъ и въ спокойной совѣсти, полагалъ счастье мое въ счастіи моихъ двухъ малютокъ, здоровье мое въ ихъ здоровьѣ, жизнь мою въ ихъ жизни.

Съ такимъ расположеніемъ духа я пріѣхалъ въ 1822 году въ третій разъ въ Шрунденъ. Какая разница съ положеніемъ моимъ, въ которомъ я тамъ былъ въ 1808-мъ и 1818-мъ годахъ.

Въ Либавѣ расположенъ былъ 3-й егерскій полкъ, въ которомъ находится 50 человекъ, выписанныхъ изъ Семеновскаго полка вслѣдствіе непріятнаго случая, бывшаго въ немъ въ октябрѣ—ноябрѣ мѣсяцахъ 1820 года.

Начальникъ полка сказывалъ мнѣ, что онъ не могъ довольно нахвалиться поведеніемъ сихъ солдатъ, что въ теченіе полутора года, какъ они находились въ полку, ни одинъ изъ нихъ не былъ наказанъ и что, кажется, они дали слово другъ другу вести себя примѣрнымъ образомъ. Сколь ни горестно происшествіе, случившееся въ Семеновскомъ полку, но оно доказываетъ высокую степень образованности гвардейскаго солдата. Они поступили съ такимъ хладнокровіемъ, и когда участь ихъ была рѣшена,—съ такимъ благоразуміемъ и кротостью, что вселили въ себѣ уваженіе самихъ порицателей своихъ.

Тотъ же полковой начальникъ сказывалъ мнѣ, что запрещено главнокомандующимъ арміею семеновскихъ солдатъ, выписанныхъ въ полковые полки, производить въ унтеръ-офицеры и фельдфебели, а если кто

изъ нихъ окажется какое-либо особенное отличіе, заслуживающее производства въ унтеръ-офицеры, то представлять о такомъ на утвержденіе главнокомандующаго. Сверхъ того запрещено было выписывать ихъ въ неспособные, и полковникъ затруднялся, что дѣлать съ солдатомъ, который сошелъ съ ума. Онъ приводилъ мнѣ въ примѣръ, что въ полку, расположенномъ въ сосѣдствѣ, одинъ бывшій семеновскій солдатъ переломилъ себѣ ногу и не могъ ходить иначе, какъ на костыляхъ; его отослали въ неспособные, но высшее начальство обратило его въ поле.

Въ 3-мъ егерскомъ полку не было ни одного офицера съ состояніемъ; они содержали себя жалованіемъ; недостатки ихъ простирались до того, что полковой начальникъ велѣлъ офицерамъ являться на ученіе безъ эполетовъ, дабы они имѣли таковыя въ исправности для смотровъ.

Либава, гдѣ я провелъ лѣто, маленькій красивый городокъ, лежащій на самомъ морскомъ берегу, и заключаетъ въ себѣ до 7.000 жителей. Купцы образуютъ почетнѣйшій классъ; разговоры о тарифѣ, о курсѣ, о кораблеплаваніи составляютъ въ торговомъ городѣ главный предметъ бесѣдъ. Женщины занимаются музыкою и нѣмецкою словесностью; супруга купца Гагендорна была начальницею общества, которое выписывало 11 нѣмецкихъ газетъ и журналовъ. Я думаю, что не во всѣхъ русскихъ университетахъ получается такое количество періодическихъ сочиненій. Въ Либавѣ находились двѣ книжныя лавки, гдѣ продавали сочиненія, касающіяся до воспитанія, земледѣлія и германской литературы. Есть театръ, но не было постоянно живущей труппы актеровъ. У богатыхъ жителей бывали нерѣдко обѣды и вечеринки, и въ іюлѣ мѣсяцѣ при большомъ съѣздѣ для морскаго купанія, публичные балы, отличавшіеся благопристойнымъ поведеніемъ посѣтителей. Что касается до меня, то я не могу нахвалиться довольно гостепримствомъ либавцевъ.

Съ тѣхъ поръ какъ я выѣхалъ изъ чужихъ краевъ и обращался съ русскими, въ томъ числѣ съ первыми царедворцами, я не слышалъ столько умныхъ разговоровъ, какъ здѣсь. Купцы, доктора, пасторы, помѣщики доставляли мнѣ самыя пріятныя и поучительныя бесѣды. Я нашелъ не пустыя затѣи на французскій ладъ, но сужденіе здравое, благородное, свободно-мыслящее; многіе слѣдили за успѣхами европейскаго просвѣщенія и принимали участіе въ усовершенствованіяхъ наукъ и искусствъ. Иные имѣютъ бібліотеки и вообще занимаются садоводствомъ, сами ходятъ за деревьями и цвѣтами, и выписываютъ часто сѣмена изъ-за границы. Однажды я гулялъ по саду, въ которомъ была удивительная чистота и такъ много плодовъ и цвѣтовъ всякаго рода, что изъ-за нихъ почти не видать было зелени. Для содержанія въ исправности сего прекраснаго сада, насажденнаго рукою самого хозяина,

употребляли только одного человѣка и одну женщину. Въ Россіи не умѣютъ такъ веселиться, какъ здѣсь; это происходитъ отъ чиновъ, отъ рѣзкой черты, отдѣляющей состоянія, и отъ различія въ образованности ихъ, между тѣмъ какъ въ Курляндіи просвѣщеніе болѣе сравнивало людей между собою.

За обѣдомъ во время десерта обыкновенно поютъ нѣмецкія пѣсни.

Слѣдующіе два анекдота, случившіеся въ 1802-мъ году, когда императоръ Александръ Павловичъ посѣтилъ Либаву, могутъ пригодиться комикамъ, которые выставляютъ на сцену маленькіе города съ смѣшной стороны.

За обѣдомъ бургомистръ, подчивая императора виномъ, сказалъ: — «кушайте, ваше величество, вино, оно изъ Слицмахерова погреба». Этотъ виноторговецъ почитался лучшимъ.

На балѣ государь пригласилъ одну даму танцовать, она просила извиненія говоря, что не можетъ танцовать съ его величествомъ, давъ прежде слово адвокату Гамму.

17-го августа, я получилъ повелѣніе изъ Петербурга объявить под-писью: состою ли я въ числѣ масоновъ и къ какой ложѣ принадлежу, съ обязательствомъ не вступать впредь ни въ какія логи и тайны общества, ни внутри Имперіи, ни внѣ предѣловъ ея. Къ сему предписанію приложена была копія съ Высочайшаго рескрипта, послѣдовавшаго на имя министра внутреннихъ дѣлъ, въ коемъ изображено, что масонскія логи во всемъ государствѣ уничтожаются.

Прекращеніе масонства не имѣло въ Россіи, сколько мнѣ извѣстно, другой цѣли, кромѣ благотворенія и пріятнаго препровожденія времени. Съ закрытіемъ ложъ, мы лишаемся единственныхъ мѣстъ, гдѣ собирались не для карточной игры, потому что у насъ нѣтъ теперь общества, въ которомъ бы карты не составляли главнаго или, лучше, исключительнаго занятія. Мы еще такъ несвѣдуци въ предметахъ, касающихся до политики, что правительству нельзя опасаться, чтобы бесѣды и разговоры о нихъ могли сдѣлаться цѣлію масонскихъ ложъ. Знатные люди у насъ рѣдко были масонами, по крайней мѣрѣ ни одинъ изъ нихъ не посѣщалъ ложъ ¹⁾, обыкновенно наполненныхъ людьми средняго состоянія, офицерами, гражданскими чиновниками, художниками, весьма рѣдко купцами, а болѣе всѣхъ литераторами. Въ ложѣ «Избраннаго Михаила» я находилъ отличнѣйшихъ людей, напр. Федора Глинку, извѣстнаго столько же прекрасными своими сочиненіями, сколько и добродѣтелями; Греча, остроумнаго издателя перваго въ Россіи журнала по части изящныхъ искусствъ; графа Толстаго, прославившагося лѣпными работами; Доброхотова, лучшаго русскаго рѣзчика на камень; Рикорда, одного изъ

¹⁾ Это не вполне справедливо. Р е д .

превосходныхъ нашихъ мореплавателей, и другихъ почтенныхъ людей. Я не былъ ревностнымъ масономъ, и мнѣ не для чего принимать на себя защиту сей секты, но скажу откровенно, что въ русскихъ масонскихъ ложахъ я не слышалъ никакихъ другихъ разговоровъ, кромѣ о вспоможеніи бѣднымъ, о словесности и объ искусствахъ. Польза, происшедшая отъ соединенія такихъ отличныхъ людей, какихъ я наименовалъ, очевидна: лишившись съ уничтоженіемъ ложъ средоточія, гдѣ они совокупно дѣйствовали во взаимномъ благотвореніи и просвѣщеніи, они разсѣяты по разнымъ обществамъ, гдѣ каждый изъ нихъ находится на службѣ или по семейнымъ своимъ связямъ.

Изъ сего видно, что масонство, сближавшее особъ различныхъ состояній, было въ семъ отношеніи благотѣльно для Россіи, гдѣ раздѣленіе гражданскихъ сословій отъ много препятствуетъ развитію просвѣщенія.

Не отвергаю однако же, чтобы между масонскими ложами не происходило злоупотребленій, но никакое человѣческое учрежденіе не существовало безъ недостатковъ. Сказываютъ, что въ нѣкоторыхъ ложахъ увлекались умствованіями о мистикѣ, и слѣдовательно предавались сужденіямъ, можетъ быть, не свойственнымъ истинному разуму закона. Но разсматривая сіе обстоятельство, равно множество сочиненій, написанныхъ на нашемъ языкѣ о мистическихъ предметахъ, и страсть къ чтенію ихъ, весьма усилившюся, можно сдѣлать заключеніе, извлеченное изъ исторіи, что метафизическими книгами и преніями о религиозныхъ понятіяхъ начиналось просвѣщеніе у всѣхъ народовъ. Въ семъ смыслѣ, мы находимся въ такомъ же положеніи, въ какомъ были европейскія государства въ XVII вѣкѣ. Можетъ быть, также склонность къ мистикѣ есть дань, платимая нашимъ вѣкомъ, ибо всякій вѣкъ имѣетъ къ чему-либо особенное пристрастіе.

Въ Россіи уже въ другой разъ закрываются масонскія ложи; въ первый разъ сіе случилось во время французской революціи въ 1793 или 1794 годахъ. Запрещеніе сіе послѣдовало для огражденія насъ тогда отъ политическихъ потрясеній, свирѣпствовавшихъ во Франціи, но можно утвердительно сказать, что Россія и безъ того осталась бы спокойною, особенно когда помыслимъ, что члены тогдашняго масонства были люди самые честные и образованные, какъ напр. Иванъ Влад. Лопухинъ, Иванъ Петр. Тургеневъ, Новиковъ, Невзоровъ, Карамзинъ.

Впрочемъ, дѣйствія, распространенныя французскою революціею, которая ежедневно болѣе и болѣе обнаруживается въ Европѣ и въ Америкѣ, подтверждаютъ справедливость изреченія Мирабо. Онъ говорилъ: французская революція обойдетъ кругомъ вселенную (*La révolution française fera le tour du monde*). Причины тому должно искать не

въ масонствѣ, а въ обветшалыхъ государственныхъ постановленіяхъ, не свойственныхъ просвѣщенію нашего вѣка.

Въ рескриптѣ министру внутреннихъ дѣлъ упомянуто кромѣ масоновъ о тайныхъ обществахъ; но мнѣ, выключая существовавшего въ Михайловскомъ замкѣ мистическаго общества ⁽¹⁾, никакое другое не извѣстно, да и кто члены сихъ мнимыхъ тайныхъ обществъ? Дворянство? Но девять десятыхъ его находятся на службѣ, и живущіе въ деревняхъ преданы или игрѣ, или охотѣ, или устрашенные непрерывною молвою о вольности крестьянъ, боятся, чтобы у нихъ не отняли собственности ихъ, и весьма удалены отъ всякихъ обществъ тайныхъ. Среднее состояніе? Но оно не существуетъ, ибо ученыхъ нѣтъ, а у малаго числа, занимающагося науками по обязанности или склонности, недостаетъ насущнаго пропитанія. Купцы еще въ невѣжествѣ и, вмѣсто всякихъ другихъ политическихъ перемѣнъ, желаютъ исправленія банкротнаго устава, ибо недостатокъ кредита повсемѣстный. Кто же опасные члены сихъ мнимыхъ тайныхъ обществъ? А ежели нѣтъ членовъ, то нѣтъ и обществъ: *la guerre finit faute de combattants*.

Обращаюсь теперь къ самому себѣ и начертаю здѣсь вратцѣ вѣрное изображеніе собственныхъ моихъ масонскихъ связей.

Жизнь моя начинается съ 17-ти лѣтняго возраста. Тогда я остался одинъ въ мірѣ и воспользовался своею свободою, чтобы отправиться въ Геттингенъ. До тѣхъ поръ строгій родительскій присмотръ содержалъ меня въ неволѣ. Въ университетѣ я не имѣлъ досуга заниматься ничѣмъ другимъ кромѣ науки, и вспоминаю всегда съ восхищеніемъ о четырехъ годахъ, употребленныхъ тамъ единственно на образованіе самого себя. Во мнѣ поселилась тогда мысль издать какое-либо сочиненіе, могущее предать имя мое потомству. Конечно, то была мечта, но кто не согласится со мною, что это было благородное стремленіе въ 19-ти лѣтнемъ возрастѣ. Я избралъ предметомъ сочиненія моего «Государственный кредитъ»; посвятилъ ему нѣсколько лучшихъ лѣтъ жизни и принужденъ былъ вникать во всѣ отрасли политическихъ наукъ. Надѣясь принести Россіи честь, а себѣ славу — чѣмъ болѣе я углублялся въ науки, тѣмъ очевиднѣе казалось мнѣ, что все великое, изящное на свѣтѣ было произведено не обществами, составленными изъ многихъ членовъ, но частными усиліями людей (*par des hommes isolés*). Открытія, послужившія къ усовершенствованію человѣческаго рода, родились не въ академіяхъ, но въ уединенныхъ горницахъ ученыхъ; тайны законовъ нравственнаго и физическаго міра обнаружены не въ академическихъ собраніяхъ, но въ скромныхъ кабинетахъ, нерѣдко на чердакахъ, при слабомъ свѣтѣ лампы. Потому я общалъ себѣ никогда

¹⁾ Секты Татаринной.

не вступать въ ученые или какія другія общества, слѣдовательно, оставался чуждымъ и масонству, хотя его исторія и сокровенности достаточно мнѣ были извѣстны изъ различныхъ сочиненій, да и чего нельзя узнать при помощи Геттингенской бібліотеки, а въ ней я проводилъ часовъ по шести ежедневно. Твердо сохраняя данное самому себѣ обѣщаніе, я объѣхалъ всю Германію, Францію, Швейцарію и Италію, не вступая въ масонскій союзъ, не взирая на различныя приглашенія быть принятымъ въ число братьевъ. Науки, искусства и изящная природа представляли мнѣ столько разнообразныхъ предметовъ для размышленій, что я не имѣлъ ни времени, ни желанія заниматься чѣмъ-либо постороннимъ.

Въ 1811 году я возвратился въ Россію. Вскорѣ загремѣли ужаснѣйшія бури. Я былъ увлеченъ вихрями войны, и отношенія мои къ самому себѣ и къ свѣту перемѣнились.

Въ половинѣ 1812 года я стоялъ уже въ рядахъ нашей арміи въ Бородинѣ и Тарутинѣ. Въ Отечественную войну никому не было возможности помышлять о чемъ другомъ, кромѣ отечества. Хотя въ началѣ похода и образовалась въ Вильнѣ «Военная ложа Святаго Георгія», но непрерывныя движенія отъ Нѣмана до Москвы и обратно не позволяли заниматься масонствомъ. Гроза, висѣвшая надъ Россією, миновалась, и весною 1813 года мы очутились въ Германіи, какъ будто перенесенные туда волшебнымъ жезломъ.

Въ заграничномъ походѣ было несравненно болѣе свободнаго времени, нежели въ предыдущемъ, и сверхъ того каждый изъ насъ дышалъ вольнѣе, какъ будто у каждого спалъ камень съ сердца. Въ теченіе войны 1813 года я жилъ съ полковникомъ Брозинымъ. Онъ былъ страстный масонъ и почти каждый вечеръ говорилъ мнѣ о прелестяхъ масонства. Увлеченный разказами моего товарища, человека благородныхъ свойствъ, умнаго, уважаемаго императоромъ Александромъ, я рѣшился вступить въ масонство—но до Лейпцигскаго сраженія мы были всѣ въ какомъ-то недоумѣніи, еще не зная, на чьей сторонѣ останется перевѣсъ. Когда же на берегахъ Плейсы одержали мы рѣшительную побѣду, заботы о будущемъ исчезли, и мы уже сражались не для собственной защиты, но ополчались за освобожденіе Европы!

Въ такомъ счастливомъ расположеніи духа мы пришли въ Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ мы прожили 5 или 6 недѣль. Здѣсь-то я сдержалъ обѣщаніе, данное моему товарищу, который усиленно упрашивалъ меня далѣе не отлагать моего намѣренія. Въ одно утро въ ноябрѣ мѣсяцѣ, мы пошли вмѣстѣ къ полковнику Сорочинскому. Онъ былъ начальникомъ «Военной ложи Св. Георгія», составившейся въ нашей арміи въ началѣ похода 1812 года. Онъ принялъ меня въ масоны у себя въ кабинетѣ, по власти, ему данной. Къ Сорочинскому вселило во мнѣ

большое довѣріе то обстоятельство, что онъ былъ женатъ на дочери князя Смоленскаго, котораго память для меня была священна. Едва первый шагъ былъ сдѣланъ, во мнѣ поселилось любопытство вникнуть далѣе въ масонство, тѣмъ болѣе, что, посѣщая французскія ложи, я нашелъ въ нихъ людей степенныхъ и умныхъ. Братскія общества мнѣ очень понравились, но привязанность моя къ нимъ возрасла еще отъ слѣдующаго обстоятельства.

1-го января 1813 года, мы перешли Рейнгъ и вступили во Францію. Погода въ зимніе мѣсяцы была самая непріятная; мы дѣлали весьма сильные переходы, квартиры были дурныя. Французы принимали насъ не ласково; и вообще въ семь походѣ отрады было мало, по безпрестаннымъ спорамъ съ нашими союзниками, желавшими мира и окончанія войны съ Наполеономъ, котораго они, боялись, какъ огня. Главное наше утѣшеніе и разсѣяніе состояло въ масонской ложѣ, образованной въ прусской арміи въ 1813 году, подъ названіемъ «Ложы желѣзнаго креста». Членами были люди почтенные и веселые. Они принимали насъ русскихъ посѣтителей съ радостнымъ гостепріимствомъ. Съ ними мы проводили единственные пріятные или лучше сказать счастливые вечера въ походѣ во Франціи. Произносимыя въ ложѣ Желѣзнаго креста рѣчи исполнены были пламеннѣйшей любви къ отечеству; говоренныя на другой день или наканунѣ сраженій, онѣ производили въ душахъ нашихъ самые благородные порывы. Пусть лица, нынѣ ополчающіяся противъ масонства, и которыя конечно во время войны ограничивали изъясненіе патриотическихъ чувствованій своихъ однѣми плясками на праздникахъ, даваемыхъ при полученіи извѣстій о нашихъ побѣдахъ, прочли бы рѣчи, говоренныя въ ложѣ Желѣзнаго креста. Каждый членъ ея носилъ многократно жизнь свою въ даръ отечеству. Если въ порицателяхъ есть совѣсть, конечно, они перестанутъ вооружаться противъ такихъ масоновъ, какихъ описываю я здѣсь.

Въ мартѣ мѣсяцѣ совершился великій подвигъ взятіемъ Парижа. Въ первыя двѣ недѣли я не могъ опомниться отъ множества впечатлѣній, потрясшихъ душу мою, я былъ восторженъ торжествомъ Россіи, потомъ началъ я осматривать масонскія ложи. Дружескій пріемъ, сдѣланный русскимъ офицерамъ въ Парижѣ, и удивленіе, съ какимъ смотрѣли на насъ парижане, облегчили мнѣ чрезвычайно входъ въ масонскія ложи и знакомство съ членами.

Первая ложа, гдѣ я былъ, именуется St. Jean de Jérusalem ⁴⁾. Тамъ, какъ въ послѣдствіи и во всѣхъ ложахъ, встрѣтили меня съ пріветствіями и посадили на самое почетное мѣсто. Увидя, что я былъ только ученикомъ, предложили на тотъ же вечеръ возвести меня на степень

⁴⁾ Св. Іоанна Іерусалимскаго.

товарища и мастера, безъ всякихъ испытаній. Меня ввели въ такъ называемый храмъ, гдѣ происходилъ пріемъ одного француза въ сіи двѣ степени, съ обыкновенными церемоніями, и на другой же день 14-го апрѣля прислали мнѣ дипломъ на званіе мастера. 18-го числа того же мѣсяца меня сопричислили къ ложѣ «Des frères unis» ¹⁾. Вслѣдъ за симъ я былъ почти въ 20-ти ложахъ; вездѣ меня принимали самымъ отличнымъ образомъ, и во всѣхъ ложахъ между привѣтствіями перевозносили похвалами государя нашего. Энтузіазмъ парижанъ къ Александру былъ неизъяснимый во всѣхъ сословіяхъ, особенно между масонами.

Одно изъ любопытныхъ засѣданій происходило въ «Великомъ Французскомъ Востокѣ» (le grand Orient de France).

Насъ пригласили въ засѣданіе, имѣвшее цѣлью рѣшеніе вопроса, смѣнить ли Іосифа Бонапарта великаго магистра французскихъ ложъ, или возвести въ сіе званіе кого-либо изъ дома Бурбоновъ? Разумѣется, вопросъ былъ предложенъ изъ одного только обряда и уже былъ рѣшенъ со времени паденія Наполеона. Предсѣдатель ложъ открылъ засѣданіе приличною случаю рѣчью, и потомъ начали собирать голоса. Всѣ единодушно были въ пользу Бурбоновъ, какъ вдругъ пришла мнѣ мысль подшутить надъ французами. Вставъ съ своего мѣста, я сказалъ:

— Мнѣ вается, что Іосифъ Бонапартъ, лишенный теперь царскаго сана и опоры бывшаго недавно всемогущаго брата своего, не только сими несчастіями не потерялъ права на уваженіе масоновъ, но еще болѣе долженъ привязать къ себѣ благородныя сердца братьевъ. Неужели въ то время когда великій магистръ масонства французскаго постигнуть бѣдствіями, долженъ еще къ довершенію своего злополучія видѣть себя оставленнымъ тѣмъ орденомъ, который смотритъ не на мірскія почести, а единственно на добродѣтель. Масонамъ должно быть все равно; находится ли Іосифъ въ изгнаніи или на престолахъ Неаполя, Испаніи и Америки.

Рѣчь моя, исполненная софизмами сего рода, произвела самое живое впечатлѣніе на слушателей. Французы, еще за нѣсколько минутъ подавшіе голоса свои противъ Іосифа, единодушно начали мнѣ аплодировать. Въ самомъ дѣлѣ, странно было, что русскій офицеръ, въ русскомъ мундирѣ, въ то время когда пала династія Наполеона, сокрушенная русскими штыками, защищалъ права брата Наполеона.

Въ скоромъ времени сдѣлали мнѣ предложеніе выикнуть далѣе въ масонство. Я согласился.

Предварительно, 22-го апрѣля, возвели меня на степени, между

¹⁾ Соединенныхъ братьевъ.

мастеромъ и Rose Croix, (Розенкрейцеромъ), а именно: les grades d'Élu du grand Écossais et du chevalier d'Orient (степени избранника великаго Шотландца и кавалера Востока).

29-го апрѣля было назначено для приѣма моего въ Rose Croix (Розенкрейцеры).—Меня ввели въ прекрасную нарочно для того украшенную залу. Зрѣлище новое, очаровательное! Храмъ не походилъ вовсе на обыкновенныя масонскія ложи. Предсѣдатель Руае исполнилъ съ особеннымъ искусствомъ обязанности званія своего. Мы были приняты въ степень Rose Croix. Она есть 18-я и высочайшая во французскомъ масонствѣ. Насъ было въ то время трое русскихъ, большихъ охотниковъ до масонства. Мы посѣщали ложи всегда вмѣстѣ и получали также вмѣстѣ высшія степени: полковникъ Брозинъ и геттингенскій мой товарищъ Тургеневъ, который имѣлъ несчастіе сдѣлаться сообщникомъ заговора въ 1825 году.—Посвященные въ первое званіе французскаго масонства, мы имѣли свободный доступъ во всѣ ложи и знали таинства ихъ. Я не нашелъ въ нихъ ничего предосудительнаго, а видѣлъ только повтореніе того, что происходитъ въ ученическомъ чинѣ, только съ различными въ каждой степени обрядами, выраженіями, знаками и орденами. И въ высшихъ степеняхъ ограничиваются приѣмами, возбуждающими любопытство людей, не посвященныхъ еще въ мнимыя таинства. Французы, видя во мнѣ и товарищахъ моихъ желаніе узнавать такъ называемую царственную науку, могли бы воспользоваться тѣмъ и собрать съ насъ деньги, но они явили совершенное безкорыстіе. Правда, мы платили, но только за цѣну пергамента или бумаги, на которыхъ писали наши дипломы, за ордена, обѣды и ужины. Я не могу вспомнить безъ особеннаго удовольствія о веселости французовъ, рѣчахъ и пѣсняхъ ихъ. Почти всегда, кромѣ приятностей масонскихъ связей, прославляли они нашего государя, какъ защитника Франціи и благотворителя челоуѣчества.

Одинъ изъ пріятнѣйшихъ вечеровъ провели мы въ Парижѣ въ «Прусской ложѣ Желѣзнаго креста», о которой я упоминалъ выше. Два товарища мои и я были приняты въ нее 20-го апрѣля. Ложа сія возникла при началѣ похода 1813 года, когда въ Пруссіи богатый и бѣдный, вельможа и поселянинъ, старецъ и юноша возстали противъ утѣснителей своихъ и ополчились за независимость отечества. Извѣстно, что послѣ Тильзитскаго мира образовались въ Германіи разныя тайныя общества, съ цѣлью приуготовить умы къ могущему произойти впоследствии перевороту. Они носили различныя наименованія и способствовали очень много къ всеобщему единодушному возстанію пруссаковъ. Когда послѣдовало объявленіе войны со стороны прусскаго короля противъ Наполеона въ началѣ 1813 года, нѣкоторые члены

тайныхъ обществъ составили ложу Желѣзнаго креста. Она существовала въ продолженіе всей войны и когда со взятіемъ Парижа прекратилась ужасная брань и восстановлена была независимость Пруссіи, слѣдовательно, достигнута цѣль тайныхъ обществъ, ложа Желѣзнаго креста праздновала закрытіе свое самымъ торжественнымъ образомъ. Множество братьевъ присутствовали на праздникѣ, между прочимъ и фельд-маршалъ Блюхеръ. Рѣчи, произнесенныя при семъ случаѣ, проникнули до глубины сердца моего. Пруссаки исчисляли бѣдственное положеніе своего отечества передъ войною, описывали священную брань и благодѣтельныя дѣйствія ложи въ продолженіе войны, приводили на память, какъ посреди громовъ битвъ они ободряли въ ложѣ взаимно другъ друга къ перенесенію трудностей похода, какъ слова, проистекающія изъ сердець, исполненныхъ дружбы и любви къ отечеству, приносили имъ въ рѣшительныя минуты истинную отраду, какъ они способствовали къ низложенію цѣпей, угнетавшихъ отечество ихъ, и къ утверженію славы его. Потомъ, возблагодаривъ Бога за совершеніе подвига, они закрыли ложу «Желѣзнаго креста».

Мы были столь тронуты, что почти у каждого изъ насъ навернулись на глазахъ слезы. Въ заключеніе былъ веселый братскій ужинъ, продолжавшійся до утра. Пруссаки неоднократно пили здоровье государя и россійской арміи, превознося ихъ величайшими и единомушными похвалами.

Между тѣмъ парижскіе масоны пригласили меня вступить въ самыя великія степени шотландскаго масонства. Начиная съ ученическаго чина, ихъ считается 33. 18-ю, или *Rose Croix*, я уже имѣлъ, слѣдовательно, мнѣ надобно было получать еще 14, а 33-ю степень даютъ весьма рѣдко: она есть знаніе у п р а в л я ю щ а г о (*grade administratif*).

1-го мая пришелъ ко мнѣ г. Желенъ-Вилевенъ (*Geslin de Villepeuve*) съ полномочіемъ сообщить мнѣ высшія степени. Дѣло было кончено въ одно утро; онъ произвелъ меня въ 30-й чинъ, подъ названіемъ *Chevalier Kadosh* ¹⁾, учрежденный издавна для отмщенія за уничтоженіе Рыцарей храма (*Templiers*) и за гоненія, претерпѣныя ими и великимъ магистромъ ихъ Яковомъ Моле, погибшимъ на кострѣ въ 1314 году. Здѣсь не упоминаютъ уже болѣе объ Ирамѣ, главномъ лицѣ символическаго масонства, и обнаруживается политическая цѣль, съ которою сія степень была учреждена въ среднихъ вѣкахъ. Такимъ образомъ должно обѣщать ненавидѣть память папы Климента V и короля французовъ Филиппа Прекраснаго, въ царствованіе коихъ прекратилось существованіе рыцарей храма.

¹⁾ Кавалеръ Кадощъ.

Съ сею присягою сопрягають гораздо важнѣйшій обѣтъ: «ненавидѣть Бурбоновъ» и когда я возразилъ г-ну Желену, что на такой обѣтъ не могу согласиться, ибо одно любопытство и ничто другое влекло меня въ масонство, онъ отвѣчалъ мнѣ: «это дѣлается только для соблюденія обряда, истари принятаго».

Съ перваго взгляда сіе послѣднее обстоятельство должно показаться непростительнымъ, однакоже разсматривая, что французы съ одинаковою вѣтренностію присягають то одному правительству, то другому, и почитаютъ монарховъ своихъ не земнымъ провидѣніемъ, какъ мы, русскіе, я убѣдился, что сколько ни кажется важнымъ такой обѣтъ, но онъ не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій.

Вотъ образецъ двухъ встрѣтившихся кадошей:

Вопросъ: Кадошь ли ты?

Отвѣтъ: (осмотряся вокругъ себя). Находимся ли мы въ безопасномъ мѣстѣ?

В.: Знаешь ли ты измѣнниковъ?

О.: Филиппъ Прекрасный и Климентъ V.

В.: Сколько ты заплатилъ за принатіе тебя?

О.: Это моя тайна (а въ случаѣ настоятельнаго вопроса отвѣчать и мы довольны)

В.: Кто тебя принялъ и гдѣ?

О.: Вспомни нашу клятву.

Въ сей степени лѣтъ и возраста не считаютъ.

21-го мая я получилъ дипломъ на 32-ю степень, или Prince Souverain du Royal Secret, на французскомъ и англійскомъ языкахъ.

Такимъ образомъ въ 6 недѣль я былъ произведенъ изъ учениковъ въ высшій масонскій чинъ. Изъ сего можно заключить, что французы не полагаютъ важности въ высшихъ степеняхъ, хотя съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что вѣроятно во время революціи ложъ, какъ тайныя общества, были употреблены къ политической цѣли.

Для меня останется знакомство съ французскими масонами пріятно потому, что я провелъ съ ними время весело, и мнѣ, какъ любителю исторіи, открылись многія поясненія оной. Въ парижскихъ ложахъ я находилъ людей средняго состоянія, словоохотливыхъ и привѣтливыхъ: одни были привержены къ Бурбовамъ, другіе Наполеону, а иные республикѣ. Иначе и быть не могло въ народѣ, состоящемъ изъ 30 милліоновъ жителей, находившихся 25 лѣтъ въ ужасныхъ волненіяхъ. Невозможно требовать отъ нихъ единомыслія, но между всѣми, къ какимъ бы политическимъ партіямъ они ни принадлежали, проявлялись двѣ черты, въ которыхъ всѣ согласовались, а именно, въ любви къ своему отечеству, называемому ими la belle France, и въ уваженіи къ рус-

скимъ и къ нашему государю. Здравіе Александра I было съ восторгомъ провозглашаемо на всѣхъ празднествахъ. Во взаимность нельзя было намъ не пить за здоровье французской арміи. Однажды пили за славу Клебера, Дезея и героевъ, положившихъ животъ свой во время революціонной войны.

Оставя Парижъ, я возвратился въ Петербургъ, но не успѣлъ еще посѣтить ложъ, когда получилъ приказаніе ѣхать въ Вѣну на конгрессъ. Въ Австріи масонство запрещено, о чемъ мы не рѣдко жалѣли, ибо удовольствія, коими мы наслаждались во французскихъ ложахъ, были у насъ въ свѣжей памяти. Однажды только, Тургеневъ, Брозинъ и я, мы приняли въ моей комнатѣ, находившейся въ Императорскомъ дворцѣ, въ масоны секретаря нашего посольства при Туринскомъ дворѣ Гассе.

Въ 1815 году я находился Парижѣ день и ночь въ безпрестанныхъ занятіяхъ и не могъ располагать ни одною минутою, почему, не смотря на многократныя и усиленныя приглашенія, не имѣлъ возможности бывать въ ложахъ. Однажды только, влекомый любопытствомъ, я посѣтилъ женскую ложу, называемую *la loge d'affiliation* (присоединенная ложа), представительницею была г-жа Жакомелли. Тамъ было много прекрасныхъ француженокъ; по окончаніи работъ, мы танцовали съ ними до глубокой ночи.

Изъ Парижа я поѣхалъ съ государемъ въ Брюссель, а оттуда черезъ Швейцарію и Богемію въ Берлинъ. Здѣсь я получилъ отъ бывшей ложи Желѣзнаго креста орденскій знакъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ мы пріѣхали въ Варшаву, гдѣ я былъ только однажды въ ложѣ. Я до сихъ поръ сохраняю какое-то непріязненное чувство къ Польшѣ и вижу въ полякахъ закоренѣлыхъ враговъ Россіи. Это предубѣжденіе происходитъ во мнѣ вѣроятно отъ того, что я началъ чувствовать и размышлять въ такое время, когда была послѣдняя война съ польскими мятежниками въ 1794 году. Россія праздновала тогда совершенную побѣду надъ всегдашними своими непріятелями. Первые стихи, мною выученные наизусть, прославляли торжество Екатерины надъ поляками. Исполненный враждебнаго чувства, я не нашелъ никакого удовольствія въ Варшавской ложѣ; я не могъ признавать за братьевъ людей противныхъ моему сердцу.

Въ исходѣ 1815 года, мы возвратились въ Петербургъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ явилась ко мнѣ депутація изъ ложи «Избраннаго Михаила», составленная изъ господъ Греча, Фока и третьяго, коего не упомяну имени, просить меня отъ лица ложи быть ея намѣстнымъ магистромъ. Я принялъ сіе званіе, но не былъ болѣе пяти разъ въ ложѣ. Засѣданія ея конечно подробно были извѣстны правительству, потому что Фокъ, не пропускавшій ни одного собранія, былъ начальникомъ тайной полиціи.

*

Въ сей ложѣ я находилъ молодыхъ людей различныхъ состояній, хорошо воспитанныхъ, прекраснаго поведенія, отличныхъ художниковъ и литераторовъ. Главною дѣлю была благотворительность. Каждый членъ неоднократно возилъ деньги бѣднымъ семействамъ, особенно наканунѣ большихъ праздниковъ.

Съ 1817 года, сдѣлавшись отцомъ семейства, я не посѣщалъ ни одной логи и полагалъ, что и масоны забыли меня, но весною 1822 года пріѣхали ко мнѣ два депутата изъ французской логи *des amis réunis* ¹⁾. Господа Оде де-Сюанъ и адъютантъ генерала Бетанкура просить меня именемъ братьевъ принять надъ нею начальство. Просьбы ихъ были самыя убѣдительныя, но я не согласился, какъ будто предчувствуя, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ масонское званіе въ Россіи должно было рушиться.

Таковы были мои отношенія къ масонамъ.

1-го сентября мы выѣхали изъ Либавы, гдѣ провели 2½ мѣсяца съ пользою для здоровья и съ удовольствіемъ. Мнѣ будетъ всегда пріятно вспоминать о дружбѣ господъ Иксуля, Бурмана, Салемана, Гагедорновъ, Вонгаса и Гирша.

Многіе изъ нашихъ либавскихъ знакомыхъ провожали насъ нѣсколько верстъ за городъ до трактира, называемаго «Штатъ-Гофъ».

Простившись, мы прѣѣхали ночевать въ небольшой городъ Газепотъ.

7-го сентября я пріѣхалъ въ Ригу, гдѣ прожилъ четыре дня, ибо не могъ отказаться отъ обѣдовъ, на которые меня звали военный губернаторъ маркизъ Паулуччи и другіе чиновники.

Въ первый день моего пріѣзда я осматривалъ военно-сиротское отдѣленіе, въ которомъ обучалось до 700 солдатскихъ дѣтей по благодѣтельной методѣ Ланкастера и Белля, которая, не смотря на то, что введена въ Россію съ недавняго времени, произвела уже необыкновенные успѣхи. Правительство, ободравшее первоначально взаимное обученіе, потомъ какъ бы устранилось просвѣщеніемъ, отъ него происходящимъ, запретило заводить оное вновь въ школахъ безъ особеннаго на то позволенія. Удивительно, что въ XIX столѣтіи встрѣчаются люди, опасющіеся онаго, напр. рижскій военный губернаторъ и комендантъ сказывали мнѣ, что по ихъ мнѣнію система Ланкастера вредна, потому что она распространяетъ слишкомъ поспѣшно образованіе между такимъ классомъ людей, который должно содержать въ нѣкоторомъ мракѣ. Но сіи господа не знали, что отвѣчать, когда я имъ возразилъ, что ежели

¹⁾ Соединенныхъ друзей.

правительство, учрежденіемъ сиротскихъ отдѣленій имѣло цѣлью образовать солдатскихъ дѣтей, то почему же они отвергають способъ, по которому можно достигнуть до сего намѣренія самымъ легкимъ образомъ.

Въ домѣ сумашедшихъ считается 36 человѣкъ, изъ которыхъ шестеро помѣшаны на религіи, читають безпрестанно священное писаніе, дѣлають толкованіе на Апокалипсисъ и говорятъ всякій вздоръ, который они испещряють изреченіями, почерпнутыми изъ Библии.

И такъ шестая часть помѣшалась на св. писаніи, не есть ли это слѣдствіе библейскихъ обществъ, которыя суть странное явленіе въ исторіи ума человѣческаго; послѣ вѣка невѣрія, каковымъ было восьмое на десять столѣтіе, наступило время ханжества.

Я посѣтилъ рижскія присутственныя мѣста и нашелъ оныя въ лучшемъ порядкѣ, чистотѣ и опрятности, нежели наши велико-россійскія. Предстоитъ вопросъ, наблюдается ли въ оныхъ правосудіе, чего мнѣ, какъ постороннему, рѣшать нельзя, впрочемъ я слышалъ, что здѣсь сохраняють законы строго; это есть естественное послѣдствіе просвѣщенія, которое ведетъ насъ путемъ, хотя не всегда и не для всѣхъ яснымъ, къ лучшему исполненію нашихъ обязанностей.

Въ присутственныхъ мѣстахъ число чиновниковъ ограниченнѣе, нежели въ велико-россійскихъ губерніяхъ, что служить доказательствомъ меньшаго количества тяжёбныхъ дѣлъ.

Во время 4-хъ дневнаго пребыванія моего въ Ригѣ, я обѣдалъ два раза у военнаго губернатора маркиза Паулуччи, который принялъ меня самымъ обязательнымъ образомъ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ иностранцевъ, которые въ Россіи безъ особенныхъ и долговременныхъ заслугъ приобрѣли почести, чины и богатства.

Его приняли въ нашу службу изъ австрійской въ 1806 или 1807 годахъ надворнымъ совѣтникомъ въ иностранную коллегію, кою онъ и былъ назначенъ въ молдавскую армію въ главную квартиру генерала Михельсона. Будучи посланъ съ бумагами въ Петербургъ при возгорѣвшейся войнѣ съ Швеціею, онъ представилъ какіе-то проекты, былъ принятъ въ военную службу и отправленъ въ Финляндію къ главнокомандующему гр. Буксгевдену.

Разсказываютъ о дерзкомъ его поступкѣ съ симъ полководцемъ, который, какъ извѣстно, былъ человѣкъ весьма надменный. Когда Паулуччи пріѣхалъ къ нему, графъ занимался въ своемъ кабинетѣ и велѣлъ адъютанту никого не впускать къ нему. Адъютантъ объявилъ о приказаніи Паулуччи, но сей началъ говорить очень громко, что ему надобно непременно видѣть графа, отчего въ пріемной комнатѣ сдѣлался шумъ. Графъ, выбѣжавъ изъ кабинета, въ сердцахъ спросилъ, кто смѣетъ тревожить его? Адъютантъ донесъ ему о происходившемъ. Главнокомандующій сказалъ въ сердцахъ маркизу Паулуччи: «Я васъ велю разстрѣлять».—

Сдѣлайте эту штуку, — отвѣчалъ маркизъ, — я не видывалъ еще, какъ разстрѣливаютъ русскаго полковника.

Въ Финляндіи онъ получилъ Георгіевскій крестъ за совѣтъ и чинъ генераль-маіора и потомъ былъ посланъ въ Грузію съ предписаніемъ начальствовавшему тамъ генералу Тормасову, чтобы онъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ и представилъ маркиза въ генераль-лейтенанты. Разуѣется, повелѣніе было исполнено безъ особыхъ подвиговъ маркиза. Правительство наше, уstraшенное въ то время непоѣрнымъ славолубіемъ Наполеона, и вида, что въ скоромъ времени надобно будетъ съ нимъ сразиться, отыскивало людей способныхъ противопоставить полководцамъ, находившимся во французской арміи. Паулуччи былъ одинъ изъ тѣхъ, на кого государь въ семь отношеніи обратилъ свое вниманіе; что сей выборъ, какъ и многіе подобныя того времени, былъ неудаченъ, вскорѣ обнаружилось, когда Паулуччи былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Грузію, гдѣ онъ не явилъ никакихъ особенныхъ способностей. Оттуда, по прошествіи малаго времени, онъ былъ вызванъ въ 1812 году и опредѣленъ начальникомъ штаба первой арміи, но по причинѣ дерзкаго и неуживчиваго характера своего чрезъ нѣсколько недѣль его смѣнили и опредѣлили военнымъ губернаторомъ въ Ригу.

Вотъ обзорѣніе кратковременной службы сего человѣка, занимающаго одно изъ первыхъ мѣстъ въ Имперіи; онъ награжденъ чинами и столь щедро орденами, какъ ни одинъ изъ нашихъ генераловъ. Кромѣ содержанія, получаемаго имъ изъ казны, простирающагося до 90.000 рублей ежегодно, онъ имѣетъ двѣ аренды на 50 лѣтъ, приносящія ему 25.000 серебромъ дохода. Надобно съ другой стороны сознаться, что онъ весьма дѣятеленъ, рѣшителенъ, справедливъ и строгъ. Онъ встаетъ въ 3 часа утра, а съ 6-ти часовъ всякій имѣетъ къ нему свободный доступъ. Ему предоставлена была безсмертная честь: подать первому мысль о свободѣ крестьянъ Остзейскихъ губерній и привести ее въ исполненіе, не взирая на сопротивленіе многихъ дворянъ.

— Я взялъ вольность крестьянъ приступомъ, — сказалъ онъ мнѣ.

Я просилъ его объяснить сіе подробнѣе, и онъ продолжалъ:

— Я склонилъ на свою сторону нѣкоторыхъ помѣщиковъ, особливо молодыхъ, инымъ я обѣщалъ чины, другимъ кресты, третьимъ деньги, и былъ такимъ образомъ увѣренъ въ содѣйствіи ихъ; въ назначенный день собралось дворянство, въ приготовленной рѣчи изложилъ я ему мои мысли о свободѣ крестьянъ; тѣ изъ нихъ, которые были мною предупреждены, немедленно и громко пристали къ моему мнѣнію, а прочимъ не оставалось дѣлать ничего другаго, какъ съ ними согласиться.

Паулуччи объявилъ себя врагомъ масоновъ и велѣлъ въ 1816 году закрыть ложи во ввѣренныхъ ему губерніяхъ. Когда онъ въ томъ году

пріѣхаль въ Петербургъ, государь и бывшій министръ полиціи графъ Вязмитиновъ сказали ему, что онъ не имѣлъ права закрывать ложь, потому что масонство въ Россіи позволено. Паулуччи возразилъ, что особеннаго высочайшаго повелѣнія объ учрежденіи ложь не существуетъ, а что онъ руководствовался указами, изданными Екатериною II-ю и Павломъ I-мъ, и присовокупилъ, что ежели введутъ масонство въ его губерніяхъ, то онъ слагаетъ съ себя званіе начальника ихъ, на что императоръ сказалъ ему по нѣкоторомъ размышленіи: «faites comme vous voulez».

Онъ увѣрялъ меня, что государь, разговаривая съ нимъ въ 1821 году, сказалъ ему, что черезъ годъ масонскія логи во всей имперіи истребятся, что и сбылось.

Слѣдующій анекдотъ доказываетъ, до какой степени его боялся. Во время проѣзда государя чрезъ Курляндію въ 1818 году, коляска его величества была опрокинута. Почтовый смотритель той станціи, на которой сіе случилось, просилъ его величество извиненія и милости: не сказывать о происшествіи военному губернатору!

— Лифляндское дворянство, — сказалъ онъ (Паулуччи) мнѣ, — меня ненавидитъ, не смотря на многія благодѣянія, мною ему оказанныя. Дворянскія лифляндскія фамиліи смѣшались съ купеческими и между ними нѣтъ того единодушія и просвѣщенія, какъ между курляндскимъ и эстляндскимъ дворянствомъ.

Я слышалъ отъ него же (маркиза Паулуччи) слѣдующій любопытный анекдотъ. Нѣкто полковникъ Бокъ, котораго я знавалъ въ арміи какъ офицера отличной храбрости, писалъ неоднократно къ государю и сообщалъ предположенія свои о конституціонномъ правленіи. Не знаю, замѣтилъ ли его величество въ нихъ непозволительное вольнодумство, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, но, запечатавъ полученныя отъ него письма и предложенія въ одинъ пакетъ, отправилъ ихъ къ маркизу (Паулуччи) съ приказаніемъ отослать Бока въ Шлиссельбургскую крѣпость. Въ собственноручномъ же его величества письмѣ, посланномъ къ маркизу по сему предмету, сказано: что государь, судя по образу мыслей Бока, полагаетъ, что лучше бы было отсрочить еще на нѣкоторое время вольность крестьянъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Паулуччи, — правительство не должно показывать послабленія и, такъ какъ оно обѣщало дать свободу, то и должно сдержать свое слово.

Императоръ согласился съ нимъ.

Къ числу любопытныхъ людей въ Ригѣ принадлежитъ протестантскій суперъ-интендантъ Зонтагъ. Съ нимъ познакомилъ меня военный губернаторъ.

Зонтагъ извѣстенъ своими сочиненіями и занимался преимущественно лифляндскою исторіею.

— Въ царствованіе Екатерины I-й и Анны Ивановны, — сказалъ онъ мнѣ, — российское правительство поступало съ Лифляндіею какъ съ избалованнымъ дитятею и наблюдало свято привилегіи сего края. Должно удивляться терпѣнію правительства, съ какимъ оно переносило безпрепятствныя и неумѣстныя просьбы здѣшнихъ дворянъ, присвоивавшихъ въ то время себѣ разныя права, коихъ они прежде не имѣли, напр. чтобы никто кромѣ эстляндцевъ и лифляндцевъ не могъ имѣть помѣстій въ Остзейскихъ губерніяхъ.

Я не знаю въ самомъ дѣлѣ ничего унизительнѣе для великороссійскаго дворянства, какъ то обстоятельство, что лифляндскій и эстляндскій дворянинъ имѣетъ въ Россійскихъ губерніяхъ всѣ преимущества русскаго помѣщика, а сей послѣдній, коего предки завоевали Эстляндію и Лифляндію, не пользуется въ оныхъ всѣми правами, предоставленными тамошнему дворянству. Зонтагъ сказалъ мнѣ, что сіе происходитъ на основаніи слѣдующаго. Въ одной важной грамотѣ, которая хранится подлинникомъ въ Варшавѣ, сказано, что здѣшнее дворянство можетъ продавать помѣстья свои *ex teris*, т. е. всѣмъ постороннимъ, и что, слѣдовательно, всякій посторонній, разумѣется и русскій дворянинъ, можетъ оными обладать, но что въ копіи съ сей грамоты, вмѣсто *ex teris* значить *saeteris*, т. е. прочимъ, изъ чего вывели заключеніе, что слово прочимъ относится только до остзейскаго дворянства. Къ сему должно присовокупить, что сіе послѣднее почитаетъ себя выше русскаго дворянъ; такимъ образомъ случалось, что въ Митавѣ предлагали иногда русскимъ генераламъ, командовавшимъ расположенными тамъ войсками, грамоту на курляндское дворянство; иные принимали ихъ, а другіе отвергали, какъ то сдѣлалъ Жеребцовъ, отзываясь, что онъ и безъ того русскій дворянинъ.

Зонтагъ весьма выхвалялъ набожность рижскихъ жителей и вообще лифляндцевъ; онъ говорилъ, что церкви становятся тѣсны. Напротивъ того, Библейскія общества въ Ригѣ не процвѣтали. Онъ видѣлся съ Панкертономъ, однимъ изъ ревностныхъ распространителей сихъ обществъ, который для надзора за ними по временамъ объѣзжалъ Европу.

— Я нашелъ въ немъ, — сказалъ мнѣ Зонтагъ, — фанатика, однакоже ему нельзя отказать въ умѣ. Когда я ему сказалъ, что съ распространеніемъ библейскихъ обществъ англичане, можетъ быть, имѣютъ политическую цѣль, тѣмъ, что миссіонеры обществъ, разъѣзжая по всему свѣту, собираютъ свѣдѣнія нужныя для Англіи, лицо Панкертона перемѣнилось, какъ будто бы совѣсть уличала его въ справедливости сего упрека.

Проведя весьма пріятно время въ Ригѣ, я хотѣлъ на возвратномъ

пути въ Петербургъ посѣтитъ Ревель, но суровость осени сего не позволила, почему я поѣхалъ прямо черезъ Дерптъ въ Петербургъ, гдѣ я нашель, по случаю отъѣзда государя на конгрессъ въ Верону, все тихо и спокойно; вообще во время отсутствія его величества столица наша уподобляется губернскому городу.

На досугахъ я началъ записывать то, чтѣ слышалъ любопытнаго.

Генераль Демидовъ, который въ 1812 году командовалъ 22-ю дивизію, рассказывалъ мнѣ слѣдующее: государь, по условію съ теперешнимъ королемъ шведскимъ, бывшимъ тогда наслѣднымъ принцемъ (Бернадотомъ), назначилъ въ 1812 году съ нимъ свиданіе въ Або. Извѣстно, сколь сіе свиданіе было важно, потому что оно впоследствии воспрепятствовало, не взирая на происки Наполеона, вторженіе шведовъ въ наши предѣлы и соединеніе ихъ съ непріятелями, находившимися въ Россіи. Государь, по пріѣздѣ въ Або, жилъ тамъ четыре дня и началъ наконецъ терять надежду на пріѣздъ Бернадота. Сіе обстоятельство чрезвычайно печалило императора; тоска была примѣтна на лицѣ его и во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Кучеръ, съ которымъ онъ ѣздилъ ежедневно прогуливаться, рассказывалъ, что императоръ, отъѣхавъ нѣсколько верстъ отъ города, обыкновенно останавливалъ экипажъ и ходилъ одинъ пѣшкомъ въ продолженіе долгаго времени по лѣсамъ.

Я вообще провелъ 1822 годъ очень пріятно. Поѣздки весною въ деревни, а лѣтомъ въ Либаву были столь же полезны, сколь исполнены удовольствія и, по возвращеніи въ Петербургъ, я прожилъ тамъ осень и зиму очень весело.

Утро до 12-ти часовъ посвящено было службѣ, потомъ я занимался чтеніемъ, письмомъ или прогулкою, за столъ садился въ 3 часа и, такъ какъ кругъ знакомства моего сдѣлался весьма обширенъ, то рѣдко проходилъ день, въ который бы у меня не обѣдало нѣсколько пріятелей. Два вечера, почти каждую недѣлю, я проводилъ во дворцѣ, гдѣ по четвергамъ бывали комнатные театры у вдовствующей императрицы, а по воскресеньямъ у ея же величества балы; прочіе вечера я бывалъ или въ гостяхъ, или дома, или въ театрѣ, или въ англійскомъ клубѣ, коего я въ сіе время былъ членомъ.

Я обращался въ кругу людей умныхъ, любезныхъ и урывалъ почти ежедневно нѣсколько часовъ, чтобы слѣдовать за успѣхами просвѣщенія.

Сообщилъ Н. К. Шильдеръ.

Издѣленіе полковника Повиша.

Письмо полковника Повиша къ генералъ-лейтенанту Рену.

21-го іюля 1706 г. Кіевъ.

Хотя я всегда надѣялся, чтобъ ваше превосходительство въ Кіевѣ застать, чтобъ мой поклонъ отдать, купно, чтобъ меня князю Александру вручить, при семъ же моемъ несчастливомъ случаѣ недруги мои случай получили, ибо ежедневною лихорадкою объять былъ и для того отъ командира просилъ позволенія, чтобъ меня напередъ выпустить и какъ мой полкъ того дня 4 часа послѣ меня вшелъ, то (у)смотрѣвъ господинъ фельдмаршалъ и князь Репнинъ, что меня тутъ не было, то спросилъ моего подполковника и майора, что гдѣ я, то онѣ сказали, что я боленъ и имѣю позволеніе съ полковымъ лѣкаремъ напередъ идти. Потомъ вдругъ два присланные отъ господина фельдмаршала и генерала Репнина пришли, чтобъ мнѣ въ полку стать и понеже не возможно было, то я приказалъ, чтобъ не погнѣвались, ибо не могу.

На другой день поутру пришелъ мой подполковникъ, какъ меня почала тряска лихорадка, и приказалъ, чтобъ я тотчасъ къ генералу Репнину шель, хотя бѣ и невѣдомо, какъ боленъ былъ, ибо имѣеть государевъ указъ до меня, то я почаялъ, помози Боже, они меня не на постелѣ генераломъ сдѣлають; и я всталъ черезъ силу и какъ пришелъ, то часа съ три стоялъ и какъ онъ вышелъ, то сказалъ, что его царскаго величества указъ, чтобъ за арестъ идти и шпагу мою господину генералу-майору Чамберсу отдалъ, которое я учинилъ и обрадовался, (что) на постель мою попалъ, ибо истинную имѣю, что мнѣ арестъ шкодить не можетъ, въ чемъ по сіе время есмь, ибо никого не имѣю, кто бѣ за меня слово замолвилъ. Однако жъ, чрезъ сіе утрашеніе тако(го) поту воспріялъ, что здравіе получилъ¹⁾, тако прошу вашего превосходительства, моего высокопочтеннаго господина дядю, мой покорнѣйшій поклонъ объявить его сіятельству князю Александру, ибо общалъ меня повѣситъ и подъ свою команду взять, тако прошу, чтобъ въ полку драгунскомъ быть полковникомъ и полкъ драгунскій получить, нежели здѣсь генералъ-майоромъ быть. А ежели полкъ(а) не могу получить, то прошу у его сіятельства отпуск(а) своего. Въ чемъ остаюсь вашего превосходительства всепокорный рабъ Б. Повишъ²⁾.

Сообщилъ М. К. Марченко.

¹⁾ Курсивъ введенъ при снятіи копій.

²⁾ Въ III томѣ „Писемъ и бумагъ императора Петра Великаго“ на стр. 174, упоминается о пѣхотномъ полковникѣ „Повшіа“, съ которымъ, въ 1704 году 6-го августа, послано было письмо къ коменданту осажденной Нарвы-Горы.

Смоленскіе партизаны въ 1812 году ¹⁾

О вступленіи Наполеона въ предѣлы Смоленской губерніи, населеніе, объятое ужасомъ, искало спасенія въ лѣсахъ и сосѣднихъ губерніяхъ. Препятствовать бѣгству никто не могъ, да и некому было удерживать обезумѣвшій людъ. Всѣ покидали свои дома, старъ и младъ, чиновникъ, помѣщикъ и крестьянинъ. Повсюду тянулись обозы съ наскоро захваченнымъ скарбомъ. Весьма немногіе встрѣтили врага дома у себя. Это были люди, не успѣвшіе скрыться, и отчасти такіе, которые считали бѣгство величайшимъ стыдомъ и рѣшили грудью защищать свое родное.

Шайки фуражировъ, заходя въ селенія, грабили имущество, а больше уводили скоть и забирали хлѣбъ, въ чемъ такъ сильно нуждалась французская армія. Ограбленныя селенія поджигались непріателемъ и пылали какъ костры.

Въ такой безчеловѣчный погромъ, сычевскій земскій исправникъ Богуславскій, страшно взволнованный, вѣжалъ къ предводителю Нахимову и скороговоркой сообщилъ:

— В. п., французы близко; все по пути бьютъ, грабятъ, жгутъ.

— Знаю,—не менѣе взволнованный, отвѣчалъ предводитель.—Что будетъ съ нами, съ нашимъ отечествомъ?

Онъ задумался; отчаяніе пугало его мысли.

— Надо, в. п., прибѣгнуть къ самозащитѣ.

---

¹⁾ Источникомъ для настоящей статьи служитъ дѣло, хранящееся въ архивѣ Новгородскаго губернскаго правленія подъ заглавіемъ: «Объ истребленіи французской прокламаціи, о подчиненіи тверскому губернатору уѣздовъ другихъ губерній и о военныхъ дѣйствіяхъ предводителей дворянства исправниковъ и другихъ лицъ 1812 года». Сверхъ того авторъ пользовался и нѣкоторыми частными письмами партизановъ.

— Пожалуй, ваша мысль хорошая, но кто станетъ подъ ружье, когда всё бѣгутъ куда глаза глядятъ.

— Да, вѣдь кто-нибудь остался въ селеніяхъ.

— Допустимъ это, но какой въ оставшихся людяхъ духъ, какая воинственность, если всё дрожатъ отъ страха.

— Нѣтъ, в. п., я увѣренъ въ противномъ. Найдутся люди, которые готовы лечь костями за свое отечество.

— Впрочемъ, вамъ, какъ исправнику, ближе извѣстно сердце народа.

— Я самъ, в. п., согласенъ управлять самозащитой и сражаться до послѣднихъ силъ.

Нахимовъ крѣпко пожалъ исправнику руку и растроганно сказалъ:

— Благодарю. И такъ рѣшено. Убѣдимъ крестьянъ взяться за оружіе, а сами станемъ во главѣ ихъ. Съ Богомъ, за дѣло!—восторженно крикнулъ предводитель.

Затѣмъ уговорившись во взаимныхъ дѣйствіяхъ насчетъ вербовки добровольцевъ, онъ сказалъ:

— Теперь вы отправляйтесь къ городничему и передайте отъ моего имени, чтобы онъ подыялъ на ноги купцовъ и мѣщанъ; сообщите также о приближеніи непріятеля инвалидной командѣ, если она еще не разбѣжалась. Тѣмъ временемъ я объѣду уѣздъ, по крайней мѣрѣ тѣ селенія, которыя ближе стоятъ къ большой дорогѣ. Не забудьте сообщить также о нашихъ намѣреніяхъ маіору Емельянову.

Исправникъ быстро удалился.

Это были, кажется, первые партизаны въ отечественную войну въ Смоленской губерніи.

Нахимовъ былъ уже въ лѣтахъ, человѣкъ сдержанный и весьма разсудительный. Онъ объѣхалъ селенія и въ каждомъ внушилъ крестьянамъ, что за вѣру, отечество и царя они не должны щадить своей жизни; разъяснилъ имъ, что, отражая врага, они сохраняютъ тѣмъ свое имущество и обезпечаютъ спокойствіе. Крестьяне, любя предводителя и всегда питая къ нему вѣру, готовы были идти на все. Поэтому Нахимову было не трудно собрать для борьбы съ мародерами едва-ли не всѣхъ оставшихся крестьянъ.

Собралось до 400 человѣкъ. Нахимовъ раздѣлил добровольцевъ на двѣ партіи и объявилъ, что одна будетъ подчиняться исправнику Богуславскому, а другая маіору Емельянову. При чемъ предводитель объяснилъ крестьянамъ, что они будутъ только отражать непріятеля, поэтому изъ нихъ по очереди добровольцы должны дѣлать вокругъ каждаго селенія конные объѣзды. Если увидятъ непріятеля или услышатъ о его приближеніи, немедленно обязуются дать знать своимъ начальникамъ, а тѣ соберутъ крестьянъ, вооруженныхъ чѣмъ попало, и станутъ наготовѣ.

Въ день возвращенія Нахимова въ г. Сычевку, Богуславскій и Емельяновъ приняли командованіе партіями и размѣстились на удобныхъ пунктахъ. Не дремалъ и городничій Корженковскій; онъ, при содѣйствіи членовъ ратуши, собралъ обывателей разнаго званія и вооружилъ ихъ ружьями, тесаками и пиками.

Вскорѣ появились французскіе отряды. Наши партизаны сражались храбро; командиры ихъ всегда находились впереди. Чтобы вызвать въ крестьянахъ больше мужества, въ иныхъ стычкахъ появлялся самъ предводитель и управлялъ обѣими партіями. Относительно аванпостовъ Нахимовъ соблюдалъ строжайшій порядокъ и въ день по нѣсколько разъ выѣзжалъ провѣрять конныхъ объѣзчиковъ.

Партіи были сформированы 18-го августа, и съ этого дня по 1-е сентября имѣли 15 стычекъ съ непріателемъ, при чемъ оказалось убитыхъ французовъ 572, плѣнныхъ—325, въ томъ числѣ 3 оберъ-офицера. Среди партизановъ убыло: 44 убитыхъ и 67 раненыхъ.

Въ одну изъ схватокъ, гдѣ непріатель былъ гораздо сильнѣе, партія майора Емельянова стала падать духомъ. Майоръ, замѣтя это, крикнулъ: «съ Богомъ за мною!» и первый врѣзался въ ряды французовъ. Правда, послѣдніе отступили, а майоръ былъ смертельно раненъ шашкою въ голову и на другой день скончался.

Жители Сычевки не только отражали непріателя, но и находились въ осадномъ положеніи. Отрядъ польскихъ уланъ, не подозрѣвая воинственности города, вошелъ въ него совершенно спокойно и вдругъ встрѣтилъ сильный отпоръ; уланы смѣшались, но сейчасъ же выстроились въ боевой порядокъ, и завязалась ужасная рѣзня. Корженковскій командовалъ партизанами изъ обывателей; ему помогалъ подпоручикъ Подлущкій съ инвалидной командой и квартальный надзиратель Леновъ со служителями и полицейскими писарями.

Послѣ боя непріатель вышелъ изъ города и окружилъ его цѣпью, въ ожиданіи сдачи. Два дня прошло, а городъ не сдавался. Уланы не разъ пытались атаковать, но напрасно.

Наконецъ, къ Корженковскому явился парламентаръ.

— Мой капитанъ желаетъ сдачи?— объявилъ офицеръ на русскомъ языкѣ съ польскимъ акцентомъ.

— Русскіе люди живыми не сдаются,—отвѣтилъ городничій.

Офицеръ выразилъ на лицѣ притворное сожалѣніе и удалился.

На разсвѣтѣ уланы снова обстрѣливали Сычевку, но затѣмъ стали отступать.

Городничій поскакалъ вслѣдъ съ конными партизанами, нагналъ отрядъ версты за двѣ и потрепалъ его порядочно. Партизаны и поляки потеряли въ общемъ числѣ до 100 человекъ убитыми и ранеными.

Когда Сычевскій уѣздъ сталъ внѣ опасности, Богуславскій склонилъ

свою партію къ дальнѣйшимъ подвигамъ на защиту мирныхъ обывателей въ другихъ уѣздахъ. Онъ снабдилъ всѣхъ добровольцевъ ружьями, тесаками и вообще, какъ человѣкъ военный, сформировалъ отрядъ по правиламъ военного искусства.

Партія въ разныхъ мѣстахъ имѣла много стычекъ съ непріятелемъ.

По примѣру сычевскихъ иниціаторовъ, стали возникать партіи партизановъ и въ другихъ пунктахъ. Такъ, Богуславскій встрѣтилъ оставнаго капитана Тимашева, который бродилъ со своими вооруженными крестьянами. Этотъ капитанъ, несмотря на болѣзнь, повлекшую его отставку, прекрасно управлялъ добровольцами и въ иныхъ случаяхъ даже самъ бросался въ бой. Двѣ партіи рѣшили дѣйствовать совместно. 6-го октября имъ пришлось впервые выдержать значительное сраженіе. Дѣло было на большой дорогѣ, между Гжатскомъ и Вязьмой. Партизаны услышали вдалекѣ выстрѣлы и послѣпили къ нимъ форсированнымъ маршемъ. Послали двухъ развѣдчиковъ, которые сейчасъ же вернулись и сообщили, что это полковникъ Чернозубовъ съ донскими казаками напалъ на кавалерійскій французскій полкъ и сражается отчаянно.

— Братцы, не погибать же нашимъ удалцамъ!—сквозь слезы крикнулъ Богуславскій.

— Двумъ смертямъ не бывать—одной не миновать,—присовокушил Тимашевъ.

— Осѣнимъ себя крестомъ и ударимъ на варваровъ!—продолжалъ воодушевлять добровольцевъ исправникъ.

Въ знакъ согласія партизаны сняли шапки и начали молиться.

Въ эту минуту непріятельскія колонны переходили уже въ наступленіе. Богуславскій замѣтилъ это и сообразилъ, что непріятельскія колонны должны проходить близъ лѣса, откуда чрезвычайно выгодно открыть огонь по лѣвому флангу. Тимашевъ одобрилъ такой планъ, и партіи двинулись къ намѣченной цѣли. На ихъ счастье начинались уже сумерки. Партизаны прокрались и засѣли въ лѣсу. Разсчетъ былъ самый вѣрный. Едва колонны поравнялись съ лѣсомъ, какъ вдругъ раздался залпъ; непріятель пошатнулся, смѣшался, а вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ другой залпъ и «ура!» партизановъ. Чернозубовъ обрадовался подкрѣпленію и двинулся впередъ; казаки и партизаны налегли на врага и погнали французовъ за большую дорогу. Преслѣдованіе продолжалось недолго, такъ какъ проходящія французскія войска могли перерѣзать казакамъ и добровольцамъ путь отступленія. На мѣстѣ сраженія было подобрано 320 убитыхъ кавалеристовъ и отведено въ плѣнъ 3 офицера и 147 рядовыхъ. У нашихъ убыль оказалась въ 160 человѣкъ.

Между тѣмъ, все почти смоленское населеніе разбѣжалось по лѣсамъ, а дворяне и администрація наводнили Ржевскій уѣздъ Тверской губерніи,

какъ болѣе безопасный. Тамошній губернаторъ Л. С. Кологривовъ видѣлъ изъ этого, что смоленскіе уѣзды остались безъ начальственного надзора и брошены на произволъ судьбы. «Все попрыталось и разбѣжалось—писаль, между прочимъ Л. С. принцу Георгію Ольденбургскому¹⁾—даже смоленскій губернаторъ скрылся, неизвѣстно куда». Принцъ молчалъ.

Л. С. снова писалъ генераль-губернатору, что онъ, въ силу чрезвычайно важныхъ военныхъ обстоятельствъ, принялъ въ свое завѣдываніе Гжатскій, Сычевскій, Бѣльскій и Вяземскій уѣзды и дѣлаетъ распоряженіе объ отраженіи непріятельскихъ нападений путемъ партизанства, по примѣру Сычевскаго уѣзда. Тогда было не до того, чтобы разбирать, правъ или неправъ былъ тверской губернаторъ, взявшій подъ надзоръ уѣзды безъ разрѣшенія свыше. Принцъ отвѣтилъ въ общемъ такъ: «и прекрасно сдѣлали»²⁾.

Сначала Л. С. принялся за истребленіе французскаго воззванія, ходившаго по рукамъ смоленскаго населенія³⁾. По уѣздамъ разъ-

¹⁾ Генераль-губернатору Тверской, Новгородской и Ярославской губерній.

²⁾ Предложеніе 2-го октября.

³⁾ „Смоленскіе обыватели! Французское войско и гражданское правленіе употребляютъ всѣ способы, дабы предоставить вамъ спокойствіе, защиту и покровительство. Приходите и пріѣзжайте въ г. Смоленскъ, гдѣ открывается новое присутствіе, подъ названіемъ „муниципалитетъ“, т. е. градской правительственный совѣтъ. Здѣсь будутъ разбираться всякія дѣла, съ участіемъ васъ, русскихъ гражданъ. Около дорогъ, по которымъ проходятъ войска, одни поля и сѣнокосы разорены, но другіе остались въ цѣлости; между тѣмъ, владѣльцы ихъ скрылись, и французское правленіе не знаетъ, какъ съ этими землями быть. Поэтому, господа помѣщики и прочіе землевладѣльцы, явитесь и имѣйте довѣріе къ нашему правленію. Вы будете спокойны, въ чемъ увѣрить васъ французскій императоръ и возстановитъ прежній порядокъ. Вы, крестьяне, снятый нынѣ съ полей озимый хлѣбъ и прочіе сельскіе продукты за оставленіемъ себѣ на обѣщаніе и продовольствіе, привозите ихъ, какъ и прежде, для продажи въ г. Смоленскъ, гдѣ въ теченіе короткаго времени, вслѣдствіе множества французскаго народа, получите весьма изрядныя выгоды и скоро забудете прошедшую потерю. Если же вы желаете какой-либо защиты, то объявите объ этомъ, и васъ императоръ французскій приметъ подъ свое покровительство. Крестьяне, будьте спокойны, занимайтесь безъ всякаго страха вашими работами, французскія войска вамъ уже не будутъ больше мѣшать; они уже удаляются отсюда. Что же касается войскъ, которыя имѣютъ намѣреніе проходить здѣсь въ будущемъ времени, то имъ даны строжайшія предписанія, чтобы вамъ обидѣ и притѣсненій никакихъ не учиняли. Французское правительство ожидаетъ отъ васъ привоза въ городъ по-прежнему хлѣба и прочихъ жизненныхъ продуктовъ, за которые вы будете получать выгодную плату и большія деньги отъ самого французскаго императора; онъ въ настоящее время пребываетъ въ ожиданіи отъ васъ повиновенія и покорности“.

ѣзжали чиновники, перехватывали воззванія и внушали читателямъ ихъ, что хотя французы и обѣщаютъ не стѣснять торговлю на городскихъ рынкахъ, но на самомъ дѣлѣ возы съ хлѣбомъ забираютъ себѣ въ провантъ безденежно, протестующихъ же таскаютъ, бьютъ и всячески мучаютъ.

Затѣмъ губернаторъ приступилъ къ формированію партизановъ въ указанныхъ уѣздахъ. Онъ попросилъ, чрезъ предводителя Карцева, созвать въ Ржевѣ смоленскихъ дворянъ и обратился къ нимъ со словами:

— Господа, развѣ вамъ неизвѣстно, какъ ваши и вашихъ крестьянъ жилища разоряются врагомъ, какъ нещадно разграбляется имущество? Въ мирное время крестьяне не падали силъ, трудились до седьмого пота для вашего благосостоянія, и теперь они лишены всякой защиты. Ваше дѣло вступить за несчастныхъ. Неужели васъ не тревожитъ разоренный родной очагъ и голодныя крестьянскія семьи? По-моему, одна мысль объ этомъ должна призывать васъ на борьбу съ врагомъ. Повѣрьте, все то, что осталось на вашей родинѣ, просить защиты, молить о пощадѣ. Что жъ вы тутъ сидите? Ступайте домой и помогите сколько возможно вашимъ людямъ. Сегодня я посылаю въ смоленскіе уѣзды чиновника; онъ сформируетъ изъ крестьянъ отряды, а вы возьмете надъ ними командованіе. Вѣдь долгъ и честь русскаго дворянина прежде всего.

Просты, но глубоко прочувствованы были эти слова. Къ сожалѣнію, дворянъ немного вернулось въ предѣлы Смоленской губерніи, да и то исключительно въ г. Сычевку, такъ какъ совершилось уже обратное движеніе наполеоновской арміи, и голодный, продрогшій отъ стужи непріятель нещадно опустошалъ населенныя мѣста. Командированный совѣтникъ Денисовъ пріѣхалъ въ Сычевку; здѣсь ему подчинились и прѣжнія партіи Тимашева, Богуславскаго и Корженковскаго. Для разслѣдованія Вяземскаго уѣзда Денисовъ послалъ засѣдателя Павлова, который, вернувшись, сообщилъ, что г. Вязьма и мѣстности вокругъ него заняты непріятельскими войсками, и оставшіеся жители терпятъ отъ мародеровъ большое разореніе. Денисовъ самонадѣянно послалъ разогнать непріятеля партію въ 80 человекъ, подъ начальствомъ дворянина Сысоева. Партизаны были на коняхъ и поѣхали къ большой дорогѣ, но, не доѣзжая дер. Теплухи, встрѣтили сторожевой отрядъ въ 100 человекъ и завязали бой. Кончилось тѣмъ, что французы разбѣжались, потерявъ 12 убитыми и 19 плѣнными. Пробираясь далѣе, Сысоевъ приблизился къ указанной деревнѣ и узналъ, что въ ней засѣлъ сильный непріятель.

— Страшно приступить, — говорилъ по возвращеніи Сысоевъ. — Едва показались мы на ихъ глазахъ, французы закопошились, какъ муравьи.

— Вы бы въ атаку пустились или обманомъ какъ-нибудь,—совѣтовалъ Денисовъ.

— Нѣтъ, воля ваша, а это обошлось бы намъ дорого.

Были посланы три партіи, подъ командою дворянъ Лаврова и двухъ братьевъ Граблиновыхъ, съ приказаніемъ очистить деревню Теплуху и постараться какъ можно больше привести плѣнныхъ. Но не такъ-то легко дѣлается, какъ говорится. Французы встрѣтили партизановъ сильнымъ огнемъ. Попробовали броситься въ атаку, но безъ успѣха, ибо дер. Теплуха была хорошо укрѣплена неприятелемъ и въ ней находилось до 1.000 человекъ пѣхоты съ орудіями. Послѣ атаки нѣсколько часовъ партизаны стояли бесполезно, взирая на неприятельскія укрѣпленія, какъ лисица на виноградъ. Надо было ретироваться, тѣмъ болѣе, когда стало извѣстно, что деревня Теплуха давно уже была занята французскими войсками. Настойчивый и самолюбивый Денисовъ не унимался насчетъ деревни Теплухи и послалъ убѣдиться въ превосходствѣ неприятельскихъ силъ опытнаго Богуславскаго, присоединивъ къ нему на всякій случай отрядъ стрипчаго Торбѣева. Эти партизаны чрезъ нарочнаго доставили съ мѣста мѣтѣ утѣшительныя свѣдѣнія:—деревня Теплуха сильно укрѣплена и можетъ быть очищена лишь регулярными войсками. Но въ этомъ еще сравнительно небольшая бѣда для мирныхъ обывателей, а Богуславскій узналъ отъ четырехъ плѣнныхъ французовъ хуже—неприятель оставилъ большой трактъ и проходить правую стороною проселочными дорогами. Сейчас же развѣдавъ объ этомъ лично, Богуславскій привезъ Денисову довольно тревожныя вѣсти.

— Окончательное разореніе,—говорилъ исправникъ.

— Что вы?—воскликнулъ Денисовъ.

— Увѣряю васъ. Метлой метутъ: да и есть кому; вѣдь армія въ 50 тысячъ: проходить чрезъ село Федоровское, въ 12 верстахъ отъ Вязьмы.

— Неужели надежда на отгѣсненіе къ большой дорогѣ потеряна?

— Ихъ безъ насъ гѣснять. По пятамъ преслѣдуетъ М. И. Платовъ съ казацкими полками и провожаетъ непрощенныхъ гостей пушечными выстрѣлами, а по сторонамъ авангардомъ идетъ генералъ Сысоевъ. Французскія войска двигаются въ безпорядкѣ, теряютъ много людей, пройденныя селенія жгутъ, чтобы остановить стремленіе нашихъ войскъ.

Тогда Денисовъ обратилъ все вниманіе на то, чтобы неприятельскія войска, при обратномъ движеніи, не расплывались вширь уѣздовъ и проходили бы въ строгихъ предѣлахъ. Для этой цѣли онъ рѣшилъ поставить пикетъ на границахъ Вяземскаго, Бѣльскаго и Гжатскаго уѣздовъ, т. е. такихъ, по которымъ должны были проходить французскія

войска. Въ Вяземскій уѣздъ Денисовъ командировалъ Торбѣева съ партией въ 800 человекъ; въ Бѣльскомъ приказалъ заняться этимъ дѣломъ тамошнему исправнику Богуславскому ⁴⁾, а положеніе Гжатскаго уѣзда оказалось печальное. Тамъ отсутствовали не только власти, но и мелкіе чиновники; крестьяне же убѣжали изъ всѣхъ селеній и оставили ихъ на произволъ судьбы. Только въ имѣніи Крутицѣ помѣщиковъ Бѣльскихъ бурмистръ Игнатій Никитинъ удержалъ крестьянъ и образовалъ изъ нихъ маленькую партію.

Вблизи села Спасскаго Торбѣевъ встрѣтилъ много крестьянъ съ обозами, которые на его вопросъ: куда они переселяются?—отвѣчали, что бѣгутъ отъ французовъ, приближающихся къ селу.

— Пустое, бояться нечего,—сказалъ онъ.

— Да, кому, батюшка, смерть красна отъ этихъ варваровъ,—отвѣчали крестьяне.

— Не тронуть. Поворачивай обратно! Развѣ вы не видите, что я здѣсь со своимъ полкомъ,—самоувѣренно заявилъ Торбѣевъ и вернулъ бѣгущихъ во-свои.

Руководитель партизановъ не столько надѣялся на себя, сколько на генерала Иловайскаго, случившагося по близости съ двумя казацкими полками и могшаго покидаемую крестьянами мѣстность поставить въ безопасное положеніе.

При формированіи партій въ Бѣльскомъ уѣздѣ между исправникомъ Богуславскимъ и начальникомъ казацкаго отряда полковникомъ Дибичемъ, стоявшимъ въ г. Бѣльскѣ, возникли недоразумѣнія. Послѣдній изъ-за какихъ-то личныхъ неудовольствій хотѣлъ подставить ногу первому. Дибичъ, узнавъ стороною о порученіи Денисова, позвалъ къ себѣ исправника и завелъ съ нимъ разговоръ.

— Я слышалъ, вы хотите партизановъ собирать?—спросилъ начальникъ отряда.

— Да, уже приступилъ.

— Что же вы будете дѣлать съ ними? куда ихъ употребите?

— Приказано набрать надежныхъ людей, по ихъ желанію, и поставить однихъ пикетами по границамъ уѣзда, а другихъ партіями содержать въ селеніяхъ и, на случай вторженія непріятеля, отражать его.

— Пльньте на это!—съ досадою воскликнулъ Дибичъ.—Может ли знать военное дѣло гражданскій чиновникъ, вашъ Денисовъ? Мнѣ хорошо извѣстно, что французы потянутся по дорогѣ къ г. Духовщинѣ,—какой вредъ могутъ нанести ваши партіи и пикеты. Смѣшно, право. По-военному, надо ломать по дорогѣ мосты, чтобы задер-

⁴⁾ Родственникъ сычевскому исправнику.

жать непріятели и отдать его въ руки нашимъ войскамъ, идущимъ по пятамъ его.

— Вы полагаете?

— Обязательно; да иначе и быть не можетъ. Самое вѣрное средство.

— А начальство что скажетъ?

— За хорошее умное дѣло оно даже похвалить.

Исправникъ Богуславскій колебался въ принятіи предложенія Дибича. Это послѣдній замѣтилъ и сейчасъ же принялъ болѣе крутыя мѣры.

— Дѣлайте, какъ вамъ приказываютъ—сказалъ онъ—но знайте, что я донесу своему начальству и если вы испортите пикетами дѣло, то будетъ извѣстно, что я давалъ вамъ благой совѣтъ, а вы его не послушали.

На этихъ словахъ они разошлись.

Правда, исправникъ послѣдовалъ совѣту Дибича.—партизановъ не вербовалъ, а съ десяткомъ крестьянъ ломалъ по Духовской дорогѣ мосты. Но каково было его удивленіе, когда онъ узналъ, что никакія непріятельскія войска по этой дорогѣ не пойдутъ, да и предположенія такого не существовало; Дибичъ просто обманулъ Богуславскаго.

Одновременно съ открытіемъ предательства исправникъ получаетъ отъ Денисова бумагу, въ которой выражается полная надежда не только на сформированіе добровольцевъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ, но и на то, что пикеты уже на мѣстахъ и партіи во всей готовности, при чемъ въ концѣ говорилось, что Денисовъ не замедлитъ убѣдиться во всемъ лично.

Тутъ удивленіе смѣнилось страхомъ. Бугуславскій въ ту же минуту поскакалъ по деревнямъ; но вѣсть о приближеніи французовъ ходила уже нѣсколько дней, и населеніе разбѣжалось. Въ людяхъ ощущался крайній недостатокъ. Исправникъ самъ усовѣщевалъ вернуться изъ лѣсовъ въ селенія и вооружиться противъ непріятели. Крестьяне откликнулись на призывъ и пожелали учредить между собою конные разчѣзды. Разставлялъ ихъ по пунктамъ засѣдатель Шляхтинскій и приказывалъ зорко слѣдить за вторженіемъ непріятельскихъ войскъ. Между тѣмъ Богуславскій продолжалъ собирать людей, и когда число ихъ достигло 300, онъ объявилъ себя командиромъ этой партіи.

Дѣйствительно, скоро въ г. Бѣлый пріѣхалъ Денисовъ. Богуславскій явился къ нему и доложилъ о поступкахъ полковника Дибича.

— Судите сами,—говорилъ онъ,—что это за человѣкъ. Онъ предлагалъ мнѣ бросить партизанство и заняться сломкой мостовъ въ г. Духовщинѣ, такъ какъ тамъ пойдутъ французскія войска. Въ противномъ случаѣ грозилъ мнѣ донесеніемъ по своему начальству. Я ломалъ мосты, но напрасно, французы той дорогой вовсе не пойдутъ. Онъ это старался дѣлать, чтобы я замѣшкался съ партизанствомъ, но ошибся, къ вашему пріѣзду у меня все готово въ лучшемъ видѣ. Я просилъ у

него помощи, чтобы взять кавалерійскій отрядъ, а онъ не только не прислалъ казаковъ, даже никакого отвѣта не далъ. Высокомѣрный господинъ! Да это ли одно!

— А что же еще?

— Онъ самовольно учинилъ смертную казнь надъ двумя крестьянами.

— Неужели?!

— Всѣмъ извѣстно. Дѣло происходило такъ. Помѣщикъ Дорогобужскаго уѣзда Лыкошинъ спасался съ дворовыми людьми въ Бѣльскомъ уѣздѣ и тутъ вдругъ получаетъ свѣдѣніе, что крестьяне его вотчины взбунтовались и не признаютъ русскихъ властей. Лыкошинъ съ дворовыми и знакомымъ дворяниномъ Бедряевымъ отправился усмирять крестьянъ, но они какъ лвы бросились на пришедшихъ, господъ умертвили, а дворовыхъ избили. Избитые пришли въ Бѣлый и рассказали о дорогобужскомъ происшествіи. Дибичъ узналъ объ этомъ и послалъ туда для спокойствія команду, которая вернулась и привела виновныхъ. Полковникъ своимъ судомъ раздѣлался съ бунтовщиками: двоихъ разстрѣлялъ, а остальныхъ наказалъ кнутомъ.

Денисовъ покачалъ головой.

Явившись къ Дибичу, совѣтникъ упрекнулъ его въ отношеніяхъ къ Богуславскому, но онъ замѣтилъ:

— Сущій вздоръ! Нѣтъ, вы лучше позаботьтесь насчетъ перебѣжчиковъ.

— Не понимаю. Въ чемъ дѣло?

— А видите ли. Я ожидаю къ себѣ нѣсколько тысячъ нѣмцевъ и гишпанцевъ, которые уговорены мною перейти отъ непріятеля, такъ вы распорядитесь, чтобы люди, лошади и оружіе были доставляемы въ исправности и чтобы въ дорогѣ необходимое всѣмъ довольствіе было.

— Это не касается моихъ обязанностей.

— У вашего исправника есть партизаны; они люди самые подходящіе для сопровожденія обезоруженнаго непріятеля.

— Ихъ назначеніе совсѣмъ иное.

— Ужъ не войсковое ли?!

— Къ чему смѣяться, полковникъ, надъ людьми, которые приносятъ себя въ жертву за общее благо, не шадятъ своего живота одинаково, какъ вы и ваши казаки.

— Хорошо, я людей найду,—сказалъ задѣтый за самолюбіе Дибичъ.—Больше я съ вами переговоровъ вести не могу.

— Какъ угодно. Но мнѣ желательно узнать одно, полковникъ: вы можете помочь нашимъ партизанамъ?

— Дѣйствительно у меня есть полныя свѣдѣнія какъ о состояніи уѣзда, такъ и о положеніи непріятеля.

— Будьте любезны сообщите ихъ.

— Никогда. Это — военная тайна.

Дольше оставаться было незачѣмъ, и Денисовъ вышелъ отъ страннаго и сумасброднаго полковника.

Конечно, Денисовъ немедленно донесъ губернатору Кологривову о Дибичѣ; тутъ было все: и неприязнь къ Богуславскому, и взгляды на партизанство, и самосудъ полковника.

Дѣло получило дальнѣйшій ходъ и попало въ руки генераль-адъютанта, князя Волконскаго. Явились въ г. Бѣлый полковники Ивашенцовъ и Балабинъ, произвели слѣдствіе, и Дибичъ былъ устраненъ отъ командованія.

Какъ извѣстно, Гжатскій уѣздъ былъ совершенно пустъ; тамъ никому было заниматься партизанствомъ. Оставался только бурмистръ Игнатій Никитинъ, который, впрочемъ, пикетовъ не ставилъ, объѣздовъ не дѣлалъ, а, сидя въ имѣніи, отбивался отъ мародеровъ, заходившихъ неоднократно поживиться хлѣбными припасами.

Партія была составлена изъ помѣщичьихъ крестьянъ, подъ управленіемъ Никитина, при чемъ, въ рядахъ ея находились братъ его Иванъ, сынъ Тимошей и другой бурмистръ Максимовъ. Сначала все шло хорошо, но въ одну изъ послѣднихъ стычекъ довелось заплатить ощутительно. Къ имѣнію подошелъ сильный отрядъ кавалеристовъ и сталъ обстрѣливать своеобразное укрѣпленіе изъ хвороста, бревенъ и разнаго хлама. Партизаны рѣшились выйти на свободу и вступили въ горячій бой. Численность и дружный натискъ непріятеля принудили добровольцевъ оставить мѣсто сраженія. Послѣдніе снова укрѣпились въ своихъ укрѣпленіяхъ и стали считать потери. На этотъ разъ недоставало многихъ; самъ Никитинъ одною пулею былъ раненъ въ бокъ, а другою ему оторвало правое ухо; сынъ его оказался также раненымъ: ему нанесли ударъ въ голову и отрубили пальцы на лѣвой рукѣ. Такъ или иначе партизаны Никитина истребили въ разное время до 300 человекъ и взяла въ плѣнъ болѣе 50.

Такимъ образомъ въ Гжатскомъ уѣздѣ французы хозяйничали въ полномъ смыслѣ слова. Одинъ отрядъ пришелъ въ деревню Кривцы и сталъ бродить по избамъ. Въ избу крестьянина Рыбкина зашли четыре француза; за домомъ присматривала дѣтвора, а взрослые обмочивали хлѣбъ. Дѣти испугались солдатъ и, съ крикомъ «бусурмане, бусурмане!» побѣжали извѣщать родителей. Когда явились Рыбкины, то у французовъ было все вытащено изъ печи; они спокойно сидѣли вокругъ стола и съ аппетитомъ истребляли русскій обѣдъ. Людей они никого не тронули, даже, уходя, въ знакъ благодарности, мотали головами, зато на дворѣ облюбовали лошадей и повели съ собою. Сколько ни молили крестьяне, все-таки лошади французы не вернули. Покидая

деревню, отрядъ забралъ хлѣбъ, скоть, разграбилъ церковь и поджегъ строенія.

Наконецъ, отъ лицъ, управлявшихъ партизанами, изъ разныхъ концовъ стали приходить къ Денисову вѣсти о томъ, что уѣзды мало-помалу очищаются отъ непріятельскихъ войскъ.

На основаніи этого совѣтникъ донесъ губернатору, что въ Вяземскомъ, Сычевскомъ, Бѣльскомъ, Гжатскомъ уѣздахъ набѣги болѣе уже не повторяются, такъ какъ Наполеоновская армія удалилась, а вторгавшіеся въ селенія французы частью перебиты, частью взяты въ плѣнъ и размѣщены по городамъ.

Кологривовъ поручилъ Денисову безотлагательно отправиться въ Порѣчскій, Духовской и Дорогобужскій уѣзды и точно также оградить ихъ отъ вторженія непріятеля.

Въ Бѣломъ совѣтникъ случайно повстрѣчалъ духовскаго исправника Храповицкаго, который сообщилъ ему, что Духовской уѣздъ весь разбѣжался, и самъ онъ укрывается въ чужомъ городѣ. Слѣдовательно, о мѣстномъ формированіи партіи нечего было и думать.

— Во всякомъ случаѣ, по долгу службы и дворянина, вы не откажетесь руководить защитой?—спросилъ Денисовъ.

— Съ удовольствіемъ, но гдѣ же люди?

— О, людей мы найдемъ.

На другой день согласилась идти въ Духовской уѣздъ партія изъ бѣльскихъ обывателей, подъ управленіемъ дворянина Лутковскаго. Тогда же явился къ Денисову отставной капитанъ Аландеръ съ 80-ю отборными, вооруженными крестьянами графа Панина и предложилъ «покумиться съ французомъ».

— Прекрасно, очень кстати ваше предложеніе,—говорилъ Денисовъ.— Я отправляю въ Духовской уѣздъ одну партію, ваша будетъ другая.

— Готовъ идти куда угодно,—отвѣчалъ Аландеръ.

Денисовъ призвалъ къ себѣ духовскаго исправника и приказалъ ему отправиться въ свой уѣздъ съ указанными двумя партіями. Онъ обязывался отдѣлить отъ нихъ нѣсколько человѣкъ и поставить пограничными пикетами, самыя же партіи водворить въ болѣе выгодныхъ пунктахъ, откуда можно было бы легко отражать врага.

На дѣлѣ оказалось, что непріятельскія массы непрерывно двигались черезъ Духовской уѣздъ, и партизанамъ поневолѣ пришлось искать спасенія въ бѣгствѣ.

Порѣчскій уѣздъ также страдалъ отсутствіемъ крестьянъ и чиновниковъ, но въ меньшей степени. Приѣхавъ въ г. Порѣчье, Денисовъ нашелъ тамъ предводителя Баранцева, который, впрочемъ, съ тремя помѣщиками, подъ влияніемъ увѣщаній губернатора Кологривова, тоже прибылъ въ городъ недавно. Предводитель, подъ руководствомъ совѣт-

ника, энергично принялся за организацію партій. Онъ убѣдилъ городскихъ обывателей защищаться и назначилъ имъ командиромъ поручика Цѣвловскаго. Затѣмъ поѣхалъ въ уѣздъ и собралъ въ удѣльныхъ и помѣщичьихъ селеніяхъ по одному человѣку съ пятидесяти душъ, которые составили двѣ партіи по 300 добровольцевъ подъ командою Загряжскаго и Аданцева. Во время прохожденія непріятеля, порѣцкіе партизаны имѣли много дѣлъ, но незначительныхъ и съ малыми отрядами. Несмотря на это, добровольцы убили до 400 человѣкъ, хотя и сами отдѣлались недешево, потерявъ болѣе 200 человѣкъ. Бывъ въ уѣздѣ, Баранцевъ наткнулся на пропагандистовъ отъ «Смоленскаго правительства»⁴⁾, которые успѣли оказать вредное вліяніе на населеніе. Иныя деревни перестали повиноваться русскимъ властямъ и говорили о подданствѣ французскому императору. Предводитель привелъ въ повиновеніе заблудшихъ и главныхъ изъ нихъ наказалъ строго. Что же касается самихъ пропагандистовъ, то Баранцевъ писалъ Денисову съ мѣста, что они «преданы землѣ».

Теперь оставался Дорогобужскій уѣздъ. Въ Дорогобужѣ Денисовъ не нашелъ ни одного человѣка, могущаго заняться вербовкой партизановъ. Совѣтникъ выписалъ Баранцева и послалъ его для организаціи.

— Напрасно потрудился,—говорилъ, возвратясь, Баранцевъ.—Въ селеніяхъ—ни души; былъ въ поляхъ, лѣсахъ, уговаривалъ крестьянъ—не идутъ. Надѣ бы показать имъ хотя маленькую частицу воинской команды.

— Это зачѣмъ же?

— Крестьяне говорятъ, что ни одного русскаго солдата не видали, и боятся. Команда дастъ имъ смѣлость, и они навѣрно возьмутся за оружіе.

— Откуда мы возьмемъ команду? Инвалидные солдаты разбѣжались, начальникъ ихъ тоже удралъ, да, кромѣ насъ, кажется, никого и въ городѣ нѣтъ.

— Иначе, я думаю, невозможно.

— Вы говорите,—«невозможно». Какъ же уѣздъ останется безъ охраны, что скажетъ губернаторъ?

— Вѣрю, положеніе щекотливое. Помогите; съѣздите еще разъ, постарайтесь какъ-нибудь, если не уговорить, такъ слегка принудить крестьянъ.

Баранцевъ снова отправился по селеніямъ, но вскорѣ вернулся съ худшими вѣстями.

— Какое тамъ партизанство, самимъ бы благополучно унести ноги,—вбѣжавъ, говорилъ встревоженный предводитель.

⁴⁾ См. вышеприведенную прокламацію.

— Что такое? что случилось?

— Я встрѣтилъ вереницу повозокъ и крестьянскія семьи; они передавали, что идутъ на сѣверную границу губерніи, такъ какъ къ уѣзду приближаются сильныя полчища.

— Такъ ничего и не сдѣлали?

— Ровно ничего. Я сейчасъ удаляюсь.

— Куда?—спокойно спросилъ Денисовъ.

— Сзади тѣхъ, кто ищетъ спасенія.

Въ это время явился къ нимъ помѣщикъ Станкевичъ и подтвердилъ опасность.

— Господа, я пришелъ къ вамъ,—взволнованнымъ голосомъ говорилъ помѣщикъ. — Хотите на плечахъ носить голову, такъ бѣгите. Непрiятель близко и, слышно, хочетъ близъ Дорогобужа дать сильное сраженіе.

— Вы вѣрно знаете?—спросилъ Денисовъ.

— Если не вѣрите, такъ оставайтесь, а я поѣду.

— Вотъ вы и обидѣлись. Быть можетъ, это бояливый слухъ.

— Какой слухъ! Крестьяне пошли въ сторону, я—въ другую. Собственными глазами видѣлъ, какъ потомъ моя деревня горѣла. А о сраженіи говорили наши офицеры; они пробирались чрезъ деревню для разслѣдованія мѣстности. Я пришелъ предложить вамъ ѣхать вмѣстѣ.

Они согласились и отправились окольными путями въ г. Сычевку.

Чрезъ нѣсколько дней изъ Сычевки Денисовъ писалъ губернатору, что Смоленская губернія чиста отъ непрiятеля, послѣдній скрылся за ея предѣлами и оставилъ «одно разстройство».

Загѣмъ послѣдовали награды. Кологривовъ получилъ Высочайшее благоволеніе; Нахимовъ, Баранцевъ, Богуславскій (сычевскій), Корженковскій и Есновскій—ордена. Дворные-чиновники, стоявшіе въ рядахъ партизановъ, произведены въ слѣдующій чинъ. Двадцать человекъ награждены медалями, а остальные—деньгами. Никитину съ сыномъ дано пожизненное пособіе. Въ память же храбраго маіора Емельянова, скончавшагося отъ тяжелой раны, два брата его, сычевскіе мѣщане, Савелій и Андрей, получили по 1000 руб. каждый.

Въ конецъ разоренная Смоленская губернія крайне озабочивала Кологривова своимъ положеніемъ. Поэтому онъ предпринялъ водворить въ ней порядокъ, все поставить на прежнія мѣста, словомъ, дать ей такой механизмъ, какой она имѣла въ мирное время. Для этой цѣли губернаторъ послалъ въ уѣзды чиновника Лукина и снабдилъ его инструкціей. Это было не что иное, какъ «наставленіе», разработанное самимъ губернаторомъ въ мелкихъ деталяхъ и отличающееся, конечно, казеннымъ характеромъ. Среди разныхъ наставленій, въ инструкціи говорилось о задержаніи укрывавшагося непрiятеля, особенно поляковъ,

которые «совершенно свойственны къ развращенію умовъ слабыхъ и покорныхъ»; изъ русскихъ же слѣдовало задерживать тѣхъ, которые, въ угоду французамъ, доставляли имъ припасы, отправляли у нихъ какія-либо должности, поджигали дома, разносили прокламаціи и указывали имущество, зарытое въ землѣ и вообще гдѣ-либо сокрытое. Въ одномъ пунктѣ указывалось, что, если гдѣ окажутся мертвыя тѣла и палый скотъ, то русскихъ погребать на кладбищахъ, а для непріятельскихъ солдатъ вырывать на мѣстѣ общія ямы, при чемъ «лошадей зарывать особо, а людей тоже особо, потому что самый законъ запрещаетъ человѣка равнять со скотомъ, хотя они и злодѣи были наши».

Небезынтересны также послѣднія слова инструкціи. Губернаторъ наставлялъ водворителя порядка внушать населенію, чтобы оно безропотно переносило несчастія, «какое есть источникъ, не отъ чего другаго происшедшій, какъ отъ варваровъ, которыхъ попустило правосудное небо вразумить насъ, дабы мы были добродѣтелище и усердіе къ Богу».

Лукинъ поѣхалъ исполнять порученіе и уже энергично взялся за дѣло, какъ вдругъ Кологривовъ получаетъ отъ калужскаго губернатора, сенатора, П. Н. Каверина, бумагу ¹⁾, въ которой послѣдній писалъ, что, по распоряженію князя М. Л. Голенничева-Кутузова, Смоленская губернія еще 28-го августа отдана въ его управленіе и что въ городѣ Вязьмѣ имъ учрежденъ особый Комитетъ по дѣламъ ея.

Если вспомнить, что Кологривовъ сталъ управлять Смоленской губерніей со 2-го октября, то выходитъ, что въ одно и то же время одной и той же губерніей равноправно завѣдывали два лица. Чтобы выйти изъ такого ненормальнаго положенія, Кологривовъ уступилъ Каверину и немедленно отозвалъ отъ дѣлъ чиновника Лукина.

Когда губернія переживала тяжелые дни, Кологривовъ вербовалъ партизановъ, посылалъ своихъ чиновниковъ, перехватывалъ французскія прокламаціи, обращалъ въ повиновеніе крестьянъ, водворялъ порядокъ, словомъ, дѣятельность его по новой губерніи была очевидна и осязательна, но какое участіе въ то время принималъ въ ней калужскій губернаторъ—не извѣстно.

Слѣдовательно, сенаторъ Каверинъ заявилъ свои права на управленіе Смоленской губерніей Кологривову только тогда, когда въ ней не оставалось ни одного вооруженнаго француза.

А. Слезскинскій.

¹⁾ Отъ 15-го ноября.

**О принятіи императоромъ Николаемъ въ непосредственное свое
завѣдываніе собственной Его Величества Канцеляріи.**

Собственноручный рескриптъ импер. Николая им. Аракчееву.

20-го декабря 1825 г.

Графъ Алексѣй Андреевичъ! Желая сохранить здоровье ваше, столь сильно потерпѣвшее отъ поразившаго насъ общаго несчастія и столь мнѣ и отечеству нужнаго для окончанія предпринятаго вами устройства военныхъ поселеній, памятника благодѣтельныхъ намѣреній покойнаго государя, отца нашего, вамъ къ исполненію вѣренному, нашель я удобнымъ перевести собственную мою канцелярію въ непосредственное мое завѣдываніе; канцелярію же комитета министровъ вручить управленію директора оной...¹⁾ Гежелинскому.

Съ истиннымъ уваженіемъ есмь на всегда вашъ искренно доброжелательный.

---

¹⁾ Точка въ подлинникѣ, потому что императоръ не зналъ чина Гежелинскаго.

Англо-французы въ Китаѣ въ 1860 году.

Нынѣшнія событія въ Китаѣ снова выдвигаютъ на очередь обширную политическую дилемму, которую—если играть словами—можно было бы назвать «желтою загадкой», въ подражаніе термину «желтая опасность», еще такъ недавно бывшему въ большомъ употребленіи. Упорное сопротивленіе китайцевъ европейскимъ вліяніямъ, съ возрастающею рѣшительностью вторгающимся въ ихъ среду; обостреніе борьбы между двумя, столь несходными между собою элементами, какъ европейская и китайская культура; полная невыясненность того, существуетъ ли извѣстнаго рода солидарность между туземнымъ правительствомъ и бушующею массою—все это, въ сущности, не ново. Явленія, подобныя нынѣшней вспышкѣ народныхъ страстей, были наблюдаемы въ Китаѣ и ранѣе, причемъ событія развивались при условіяхъ, во многомъ сходныхъ съ современными. Въ виду этого представляется умѣстнымъ оглянуться, хотя-бы на-скоро, на сравнительно недавнее прошлое Китая, съ цѣлью освѣжить въ памяти характеристическія черты китайскихъ волненій и традиціонныхъ приемовъ китайской дипломатіи въ трудныя минуты столкновеній съ европейскими державами.

Небезынтересный въ этомъ отношеніи матеріалъ мы находимъ, между прочимъ, въ книгѣ графа д'Эрисона «Дневникъ переводчика въ Китаѣ» ¹⁾. Книга эта, написанная лицомъ, неотлучно находившимся при генералѣ Монтобанѣ (впослѣдствіи графъ Паликао) и непосредственнымъ свидѣтелемъ важѣйшихъ событій французской экспедиціи въ Китаѣ въ 1860 г., вышла въ 1886 г. Давность не лишаетъ

¹⁾ Journal d'un interprète en Chine, par le comte D'Hérisson. Paris.

ее, однако, современнаго интереса, въ виду извѣстной аналогіи между описываемыми авторомъ событіями и тѣмъ, что совершается въ Китаѣ въ настоящее время. Для русскаго читателя живые, бойкіе очерки д'Эрисона представляютъ интересъ еще и потому, что въ нихъ обрисовывается благотворная роль, сыгранная при заключеніи англо-франко-китайскаго мира тогдашнимъ представителемъ Россіи въ Пекинѣ, графомъ Игнатьевымъ.

Опуская рядъ сообщаемыхъ д'Эрисономъ подробностей относительно перевозки французскаго экспедиціоннаго отряда въ Китай и приготовленій къ военнымъ дѣйствіямъ, мы остановимся на тѣхъ мѣстахъ его книги, которые могутъ служить для общей характеристики военнаго и дипломатическаго положенія въ Китаѣ сорокъ лѣтъ тому назадъ.

При снаряженіи экспедиціи, предпринятой Наполеономъ III совмѣстно съ Англіей, высшее руководство французскою экспедиціонною арміей возложено было на генерала Монтобана; другіе генералы, въ томъ числѣ Трошу и Форе, отказались передъ тѣмъ принять на себя эту миссію. Монтобану ввѣрены были вначалѣ не только главное командованіе сухопутными и морскими экспедиціонными силами, но также и всѣ дипломатическія полномочія. Только при условіи сосредоточенія въ его рукахъ такой широкой власти шестидесятитрехлѣтній генералъ съ установившеюся военною репутаціей и могъ взять на себя весь рискъ гадательнаго предпріятія въ столь дальнихъ краяхъ. Но уже вскорѣ полномочія Монтобана были постепенно урѣзаны отнятіемъ у него командованія морскими силами, переданными подъ начальство англійскаго адмирала, и передачею дипломатической роли французскому представителю въ Китаѣ, барону Гро. Человѣкъ болѣзненный, престарѣлый и слабый, Гро находился подъ вліяніемъ англійскаго представителя въ Пекинѣ, дѣятельнаго, подвижнаго и настойчиваго лорда Эльгена ¹⁾). Такимъ образомъ, направленіе дѣйствій французской дипломатіи на театрѣ китайскихъ событій очутилось въ рукахъ Великобританіи. Военныя дѣйствія французскаго отряда тоже оказались связанными, вслѣдствіе подчиненія французской эскадры британскому командованію. Такую постановку дѣла д'Эрисонъ считаетъ умышленною со стороны Наполеона III, который, какъ онъ думаетъ, имѣлъ въ виду предоставленіемъ своихъ войскъ въ распоряженіе Англіи выплатить ей

¹⁾ Elgin, ошибочно называемый у насъ нерѣдко „Элджиномъ“. Онъ, какъ извѣстно, былъ въ Китаѣ сперва въ 1857 г., въ качествѣ спеціальнаго уполномоченнаго Великобританіи, и повелъ дипломатическія и военныя дѣйствія съ такою энергіей, что уже въ октябрѣ 1858 г. достигъ заключенія тьянь-цзинскаго договора. Нарушеніе послѣдняго китайцами побудило англійское правительство вновь командировать Эльгена въ Китай во главѣ экспедиціи.

долгъ благодарности за услуги, оказанныя ему передъ его воцареніемъ. Какъ бы то ни было, но генераль Монтобанъ, разочаровавшись на первыхъ же порахъ въ возможности придать своимъ дѣйствіямъ стройное единство, приступалъ къ порученному ему дѣлу въ удрученномъ состояніи духа. Впослѣдствіи настроенію его суждено было еще болѣе ухудшиться, когда, одинъ за другимъ, начали обнаруживаться признаки того, что союзники Франціи стремятся отгѣснить ее на второй планъ и воспользоваться успѣхами французскаго оружія исключительно къ выгодѣ Англіи.

Военныя дѣйствія направлены были собственно противъ китайскаго правительства, которое союзники желали принудить къ выполненію нарушеннаго имъ Тянь-Цзинскаго трактата 1858 г. Но такъ какъ въ странѣ бушевало также и народное возстаніе, то европейскимъ войскамъ приходилось дѣйствовать и противъ него, причемъ случалось, что союзныя войска оказывали помощь отъ мятежниковъ населенію, а отчасти и властямъ того самаго государства, съ которымъ находились въ войнѣ. Мѣстныя китайскія власти неразъ обращались къ англо-французамъ съ просьбами о защитѣ тѣхъ или другихъ мѣстностей отъ разграбленія мятежниками, но, съ другой стороны, изъ достовѣрныхъ источниковъ поступали свѣдѣнія о случаяхъ грабежа, совершеннаго богдыханскими войсками совмѣстно съ мятежниками, противъ которыхъ они были высланы. Такъ случилось, напр., въ Фу-Чеу; вся провинція была предана огню и мечу, и бѣжавшій оттуда вице-король прибылъ въ Шанхай просить помощи у генерала Монтобана.

Правильныя военныя дѣйствія начаты были въ іюнѣ, послѣ совѣщанія между командующими союзныхъ силъ. Англичане, настаивавшіе вначалѣ на открытіи дѣйствій на Пей-Тангѣ, несмотря на указанныя русскимъ посломъ въ Пекинѣ трудности въ этомъ районѣ, согласились подъ конецъ съ мнѣніемъ генерала Монтобана, что походъ слѣдуетъ начать взятіемъ фортовъ Таку, при входѣ въ устье р. Пей-Хо. Форты эти, какъ выяснили развѣдки, были хорошо вооружены съ фронта, но оставлены невооруженными съ тыла, такъ какъ китайцы, очевидно, допускали возможность нападенія на нихъ только со стороны рѣки, а не съ суши. Поэтому рѣшено было атаковать ихъ съ тыла. Пока генераль Монтобанъ занятъ былъ въ Чефу послѣдними распоряженіями къ наступленію, его посѣтилъ русскій посолъ въ Пекинѣ, графъ Игнатьевъ, видѣвшійся съ Монтобаномъ еще ранѣе, въ Шанхаѣ. Графъ собирался по Пей-Хо въ Пекинъ черезъ Тянь-Цзинъ и, проходя на русскомъ фрегатѣ мимо Чефу, пожелалъ повидаться съ французскимъ главнокомандующимъ. Быть можетъ, онъ хотѣлъ составить себѣ представленіе о состояніи французскихъ войскъ, чтобы судить о степени ихъ пригодности къ выполненію предстоявшей имъ задачи. Молодой военный

дипломатъ, прекрасно говорившій по-французски, произвелъ въ главной квартирѣ наилучшее впечатлѣніе. Онъ долго бесѣдовалъ съ Монтобаномъ и, не выходя изъ предѣловъ строгаго и безпристрастнаго нейтралитета, показалъ французскому генералу любопытную карту Пекина, имъ самимъ составленную. Кромѣ того, онъ сообщилъ ему интересныя данныя о загражденіяхъ на р. Пей-Хо и о вооруженіи фортовъ Таку. Графъ полагалъ, что между Пей-Тангомъ и Пей-Хо союзники встрѣтятъ одинъ или два китайскихъ укрѣпленныхъ лагеря, съ 1.500 или 2.000 человекъ въ каждомъ, и находилъ, что это весьма благопріятно для союзниковъ, такъ какъ первыхъ успѣховъ имъ нетрудно будетъ достигнуть, а на китайцевъ первый разгромъ долженъ подѣйствовать устрашающимъ образомъ. Увѣжая, спустя нѣсколько часовъ, изъ главной квартиры, графъ Игнатъевъ заявилъ (а лордъ Эльгенъ повторялъ потомъ то же самое барону Гро), что онъ будетъ присутствовать на своемъ фрегатѣ при высадкѣ союзниковъ у фортовъ и при первыхъ стычкахъ, какъ намѣренъ поступить и посланникъ Соединенныхъ Штатовъ. Это не замедлило возбудить во французскихъ войскахъ опасеніе, что дипломаты воспользуются, пожалуй, первымъ удобнымъ случаемъ для начатія переговоровъ о предварительныхъ условіяхъ мира и тѣмъ отнять у солдатъ возможность выместить на китайцахъ досаду за перенесенныя трудности похода. Опасеніе это, однако, вскорѣ разсѣялось, когда стало извѣстно, что генералъ Монтобанъ и баронъ Гро условились не допускать никакого посредничества, пока форты Таку не будутъ взяты союзниками, и подписать окончательный миръ не иначе, какъ въ Тянь-Цзинѣ. Союзники считали необходимымъ, въ интересахъ ихъ будущихъ отношеній къ Китаю, сурово отомстить ему за понесенныя въ предшествовавшемъ году неудачи и внушить китайскому правительству убѣжденіе въ томъ, что нельзя впередъ безнаказанно нарушать принятыя обязательства.

Послѣ удачно исполненной высадки и занятія Пей-Танга, союзники не замедлили убѣдиться, что появленіе ихъ сильно напугало туземцевъ. Городъ Пей-Тангъ оказался покинутымъ жителями: скрылись всѣ, кромѣ небольшой группы людей, которымъ, очевидно, нечего было терять и скорѣе, можно было рассчитывать поживиться чѣмъ-нибудь отъ шедротъ чужеземцевъ. Но и покидая городъ, китайцы не забыли минировать два его форта и зарыть въ разныхъ мѣстахъ бомбы, приспособленныя такъ, чтобы всякій, неосторожно наступившій на маскировавшую ихъ настилку, тѣмъ самымъ вызывалъ взрывъ. Въ роскошномъ домѣ одного мандарина французскіе офицеры застали потрясающую сцену: на особомъ приспособленіи, представляющемъ подобіе лежанки и служащемъ въ богатыхъ китайскихъ домахъ какъ для отопленія, такъ и для отдохновенія членовъ семьи, лежали, распростертыя, три женщины; одна была старуха, бѣдно одѣтая, а двѣ молодыя, въ роскошныхъ одѣ-

ннѣяхъ. У всѣхъ у нихъ было перерѣзано горло и изъ ранъ струилась кровь: женщины эти еще были живы и бились въ предсмертныхъ судорогахъ. Рядомъ съ ними, на полу, двѣ маленькія дѣвочки, не сознавая случившагося, весело играли, всѣ перепачканныя кровью умиравшихъ, какъ у насъ дѣти бываютъ иногда перепачканы вареньемъ. Противъ этой группы, въ прислоненномъ къ стѣнѣ креслѣ сидѣлъ самъ мандаринъ, глава этой семьи, которую онъ перерѣзалъ, вѣроятно съ цѣлю избавить своихъ близкихъ отъ истязанія варварами. Почему-то пощадивъ дѣтей или, быть можетъ, не успѣвъ покончить и съ ними, онъ перерѣзалъ и себѣ горло бритвою, которая валялась тутъ же около него. Весь въ крови, онъ былъ еще живъ и безстрастно смотрѣлъ на вошедшихъ потухающимъ взоромъ, причѣмъ медленно отмахивался вѣромъ отъ обливавшихъ его зіяющую рану мухъ.

Сцена эта, отнюдь не единственная, свидѣтельствуешь, какъ велико недовѣріе китайцевъ къ мягкосердечію европейцевъ, которымъ они приписываютъ такую же жестокость, какую проявляютъ, при случаѣ, сами по отношенію къ попавшимъ въ ихъ руки неприятелямъ. Дѣло не ограничилось, однако, только-что описанною сценою. Впослѣдствіи оказалось, что имѣющіеся при китайскихъ домахъ большіе чаны, въ которыхъ они хранятъ воду, а также пруды и колодцы, были засорены тѣлами дѣтей и женщинъ, удушенныхъ сострадательными отцами и мужьями, съ цѣлю спасти ихъ отъ грозившихъ со стороны иностранцевъ истязаній.

Оставляя въ сторонѣ подробности военныхъ дѣйствій союзниковъ, отмѣтимъ слѣдующую ихъ особенность. Д'Эрисонъ жалуется на неудобства, которыя причиняла французамъ чрезмѣрная склонность англійскихъ офицеровъ и солдатъ къ комфорту. Окруженные въ походѣ почти всѣми тѣми удобствами, какими они привыкли окружать себя дома, англійскіе военачальники нерѣдко оттягивали на нѣсколько часовъ начатіе боя, ссылаясь на то, что имъ надо сперва какъ слѣдуетъ пообѣдать или отдохнуть послѣ сдѣланнаго перехода. Обозъ англичанъ былъ такъ великъ, что крайне затруднялъ передвиженія, и это, конечно, самымъ невыгоднымъ образомъ отражалось на военныхъ дѣйствіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вызывало и неудовольствіе между начальниками союзныхъ войскъ. Начатіе атаки фортовъ Таку, къ досадѣ генерала Монтобана, замедлилось именно англичанами. Но вотъ 16-го августа лордъ Эльгенъ прибылъ наконецъ къ французскому главнокомандующему и сообщилъ ему часть бумагъ, найденныхъ въ карманахъ одного изъ мандариновъ, который зарѣзался при взятіи союзниками укрѣпленнаго лагеря Синъ-Ко. Въ числѣ этихъ бумагъ находился указъ богдыхана, который повелѣвалъ подданнымъ всѣми возможными средствами истреблять враговъ, какъ зловредныхъ животныхъ. Въ указѣ назначены были цѣны за головы «варваровъ»: за убитаго посланника столько-то, за генерала

столько-то и такъ далѣе, по степенямъ. Послѣ этого тотчасъ же было рѣшено начать дѣйствіа противъ фортовъ Таку, которые въ военномъ отношеніи могутъ быть признаны ключемъ къ Китаю.

Атака началась 24-го августа ¹⁾, причѣмъ французы стали обстрѣливать съ тыла одинъ изъ двухъ находящихся на лѣвомъ берегу Пей-Хо фортовъ, тогда какъ соединенный флотъ, расположившись въ устьѣ рѣки, бомбардировалъ всѣ форты вообще, какъ на лѣвомъ, такъ и на правомъ берегахъ. Англійская артиллерія обстрѣливала форты лѣваго берега, дѣйствуя рядомъ съ французами. Китайцы, повернувъ орудія, направили на атаковавшихъ съ тыла сильный, но далеко не мѣткій огонь. Когда форты оказались достаточно поврежденными отъ дѣйствія артиллерійскаго огня, французская колонна бросилась на одинъ изъ нихъ и взяла его штурмомъ послѣ ожесточенной схватки съ китайцами, проявившими величайшее мужество и отбивавшимися съ поразительной стойкостью. Лишь немногіе изъ нихъ, укрывшись въ наполненномъ водою рву, погрузились въ воду съ головою, оставивъ наружу только носъ да губы, чтобы можно было дышать. Какъ прежде, въ лагерѣ Син-Ко, такъ и тутъ, въ фортахъ, оказалось нѣсколько тѣлъ мандариновъ, стойчески перерѣзавшихъ себѣ горло при видѣ побѣды непріятеля. Въ числѣ ихъ одинъ, одѣтый богаче прочихъ и носившій въ знакъ отличія павлиное перо, былъ, какъ выяснилось впоследствии, командиромъ фортовъ лѣваго берега.

По занятіи форта, на стѣны котораго, вскорѣ послѣ французской штурмовой колонны, взобрались и англичане, генераль Монтобанъ хотѣлъ тотчасъ же идти впередъ, чтобы, пользуясь деморализаціею богдыханскихъ войскъ, теперь же проникнуть во второй фортъ, откуда китайцы поспѣшно убирались на лодки, увозя орудія, раненыхъ и убитыхъ. Но англичане, казалось, были скорѣе склонны ограничиться пока тѣмъ, что достигнуто. Монтобанъ былъ недоволенъ; онъ подозрѣвалъ, что англичане медлятъ не просто и, въ самомъ дѣлѣ, на другой день онъ случайно узналъ, что именно въ тотъ часъ, когда у него происходили переговоры съ англійскими военачальниками по вопросу о продолженіи военныхъ дѣйствій, къ лорду Эльгену, гарцовавшему верхомъ со своимъ штабомъ, являлись мандарины съ письмомъ отъ вице-короля провинціи, который просилъ о приостановкѣ дѣйствій. Вообще англичане сѣумѣли поставить дѣло такъ, что китайцы приписывали имъ главную, руководящую роль, а французовъ считали только ихъ помощниками, служащими на жалованьи у Англии.

Послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ, по настоянію Монтобана рѣшено было отправить нѣсколькихъ офицеровъ на развѣдку втораго

¹⁾ Всѣ числа по новому стилю.

форта, расположеннаго на разстояніи около двухъ километровъ отъ перваго, уже занятаго союзниками. Офицеры были встрѣчены съ форта довольно сильнымъ ружейнымъ огнемъ, но когда они вернулись съ развѣдки съ докладомъ англійскому и французскому генераламъ, на главномъ бастіонѣ этого отстрѣливавшагося форта неожиданно поднятъ былъ бѣлый флагъ. Тотчасъ же посланы были туда французскій и англійскій парламентары; китайцы, не желая допустить ихъ во внутренность форта, выслали къ нимъ навстрѣчу своихъ парламентаровъ. Послѣ обмѣна самыми вѣжливыми привѣтствіями, мандарины эти изъявили желаніе быть представленными посламъ. Когда имъ отвѣчено было, что пословъ здѣсь нѣтъ, они выразили сожалѣніе по этому поводу, объяснивъ, что они должны бы передать посламъ письма, которыми разрѣшается союзникамъ войти въ Пей-Хо, подъ условіемъ пріостановки враждебныхъ дѣйствій. Само собою разумѣется, что это была просто уловка съ ихъ стороны, рассчитанная на то, чтобы выиграть время. Въ смыслѣ изворотливости и лукавства, какъ доказываетъ множество примѣровъ, китайцы рѣшительно лучше изъ дипломатовъ. Достаточно припомнить хотя бы, какъ поступилъ Китай по отношенію къ Франціи въ Тонкинѣ. Китайцы подписали трактатъ объ уступкѣ части территоріи, потомъ предательски нарушили его, причемъ французскія войска подверглись избиенію. Вслѣдъ затѣмъ, они снова предложили тотъ же самый трактатъ, но дополненный на этотъ разъ условіемъ о вознагражденіи пострадавшихъ. Французы отвергли это, какъ насмѣшку, снова начали военныя дѣйствія, потеряли много людей и понесли большія издержки, а кончилось дѣло все-таки тѣмъ, что подписанъ былъ прежній трактатъ, но уже безъ условія относительно вознагражденія. Такова обычная манера китайцевъ. Въ высшей степени искусный въ казуистикѣ, китаецъ готовъ цѣлые годы вести тончайшія препирательства о какой-нибудь запятой въ дипломатическомъ актѣ; онъ никогда не спѣшитъ, нисколько не дорожа временемъ, и потому почти всегда имѣетъ возможность опутать европейскаго дипломата, истощивъ его терпѣніе. Такъ поступали и явившіеся изъ форта китайскіе парламентары: своими дипломатическими ухищреніями они совершенно озадачили офицеровъ союзныхъ войскъ, осыпая ихъ изъясненіями согласія, отрицаніями, уступками, которыя потомъ брали назадъ, и всевозможными оговорками и уклоненіями. Переговоры грозили затянуться до безконечности и, конечно, затянулись бы, если бы участвовавшій въ нихъ англійскій переводчикъ Парксъ, который былъ очень хорошо знакомъ съ китайскими пріемами, не взялъ на себя руководства преніями и не заявилъ самымъ опредѣленнымъ образомъ, что союзники требуютъ ни больше, ни меньше, какъ безусловной сдачи фортвъ. На это парламентары возразили, что въ такомъ случаѣ имъ остается только

удалиться, что фортъ ихъ хорошо вооруженъ, въ изобиліи снабженъ всѣмъ необходимымъ и будетъ защищаться до послѣдней крайности. Съ этимъ они и уѣхали. Монтобанъ, раздраженный такимъ высоко-мѣрнымъ заявленіемъ китайцевъ, хотѣлъ тотчасъ же начать атаку форта, но ее пришлось отложить на два часа, вслѣдствіе заявленія лорда Эльгена, что его войскамъ надо сперва пообѣдать. По истеченіи означеннаго времени войска двинулись къ форту и заняли его... безъ боя: фортъ безмолвствовалъ. Безпрепятственно перейдя первый, а затѣмъ и второй ровъ, союзники недоумѣвали: какой адскій замыселъ можетъ скрываться за этимъ отсутствіемъ всякой обороны со стороны форта, снабженнаго сильными орудіями? Отворивъ изнутри ворота и проникнувъ внутрь крѣпости, союзники, къ величайшему изумленію, увидѣли неподвижно стоявшій сплошною массою гарнизонъ въ 3.000 человекъ. Люди гарнизона побросали передъ собой на-земь свое оружіе. На вопросъ: гдѣ ихъ начальникъ? китайцы отвѣтили, что его у нихъ нѣтъ. Вслѣдъ за тѣмъ, изъ толпы выступили трое мандариновъ невысокаго ранга и объяснили, что ихъ главнокомандующій убитъ въ первомъ фортѣ при взрывѣ пороховаго магазина, предшествовавшемъ занятію форта союзниками (то былъ найденный въ фортѣ важный мандаринъ съ павлиньимъ перомъ). За его смертью — говорили трое мандариновъ — никто не смѣлъ безъ повелѣнія богдыхана принять на себя командованіе; притомъ, если ужъ самъ главнокомандующій не смогъ отстоять первый фортъ, то что же могли предпринять люди, отнюдь не имѣющіе притязанія быть лучше своего начальника? Съ этими словами мандарины пали на колѣни, начали сильно ударять себя въ грудь и просить, чтобы ихъ, вмѣстѣ съ гарнизономъ форта, отпустили невредимыми на правый берегъ.

Вмѣсто отвѣта, генераль Монтобанъ отправилъ двухъ своихъ офицеровъ на правый берегъ, съ порученіемъ попытаться склонить тамошніе форты къ сдачѣ. Едва отплыли эти офицеры, въ догонку за ними пустились на лодкѣ и два англійскихъ офицера; люди практичныя, они захватили съ собою, на всякій случай, и британскій флагъ.

Переправившись на правый берегъ Пей-Хо, союзные офицеры явились къ гражданскому и военному губернатору занятой англо-французами провинціи Пе-чи-ли, но, какъ водится, попали въ самую гущу китайскихъ хитросплетеній. Вице-король укрылся во внутреннихъ покояхъ, а мандарины затѣяли съ офицерами ни къ чему не ведущіе переговоры. Находявшійся при англійскихъ офицерахъ переводчикъ Парксъ, со свойственною ему крутостью, положилъ, однако, конецъ ихъ болтовнѣ, рѣшительно заявивъ, что если офицеры не будутъ немедленно приняты вице-королемъ, то уѣдутъ обратно, и вся отвѣтственность за возможные послѣдствія падетъ на вице-короля. Энергическій

натискъ всегда смиряетъ китайцевъ. Вице-король тотчасъ же принялъ офицеровъ самымъ любезнымъ образомъ. Они потребовали сдачи фортовъ праваго берега (такъ-называемыхъ «южныхъ»). Требованіе это, конечно, не замедлило вызвать длиннѣйшіе разговоры: не вида имъ конца, офицеры заявили, что прерываютъ переговоры, и, откланявшись, удалились. Китайцы бросились за ними, вернули ихъ. Эта сцена повторилась дважды, и, наконецъ, послѣ переговоровъ, продлившихся два часа, вице-король подписалъ актъ о сдачѣ южныхъ фортовъ. При прощаніи, онъ попросилъ позволенія вывезти изъ форта на лѣвомъ берегу тѣло убитаго главнокомандующаго, на что ему и было дано разрѣшеніе. На слѣдующій день, 22-го августа, проходъ по р. Пей-Хо былъ уже свободенъ.

Паденіемъ фортовъ на Пей-Хо положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось. Союзные дипломаты и главнокомандующіе могли ожидать, что послѣ этого китайцы вынуждены будутъ покориться и подписаніемъ мира въ Тянь-Цзинѣ устранять для союзниковъ надобность въ наступленіи на Пекинъ. Но вышло иначе.

Въ тотъ самый день, когда р. Пей-Хо была открыта для союзныхъ флотилій, случился эпизодъ, подавшій французамъ поводъ лишній разъ убѣдиться, что союзники ихъ, англичане, руководятся эгоистическими побужденіями. Англійскій адмиралъ Гоупъ ¹⁾, не предупредивъ французовъ и, слѣдовательно, поступивъ наперекоръ своимъ инструкціямъ, взялъ съ собою три канонерки и направился вверхъ по теченію рѣки до Тянь-Цзина. Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое произвела на китайцевъ утрата ихъ фортовъ, жители Тянь-Цзина естественно должны были бы съчесть побѣдительною ту сторону, чей флагъ появится первымъ надъ городомъ; этого и хотѣлъ достигнуть адмиралъ Гоупъ, стремившійся упрочить престижъ своей родины въ Китаѣ. Лордъ Эльгенъ и британскій генералъ Грантъ, лично сообщая объ отъѣздѣ Гоупа генералу Монтобану, сдѣлали видъ, будто поступокъ адмирала совершенъ безъ ихъ вѣдома; но едва-ли можно предположить, чтобы Гоупъ, не предупредивъ хотя бы своего посла, могъ рѣшиться на такое предпріятіе, которое, въ концѣ-концовъ, могло бы повести къ возобновленію военныхъ дѣйствій. Дѣло въ томъ, что если бы тянь-цзинскій гарнизонъ, расположенный въ двухъ командующихъ надъ рѣкою фортахъ, пустилъ ко дну три непріятельныхъ канонерки, что онъ былъ бы въ правѣ сдѣлать, то союзникамъ пришлось бы распроститься съ трактатомъ, заключеніе котораго уже предвидѣлось. Подробностей эта заслуживаетъ вниманія, какъ черта, обрисовывающая существовавшее между союзниками скрытое соперничество.

¹⁾ Норе.

Вслѣдъ за Гоупомъ, двинулись въ Тянь-Цзинь — сухимъ путемъ — французскія и англійскія войска, которыя и прибыли туда одновременно. Тутъ французамъ былъ сдѣланъ ихъ союзниками новый сюрпризъ; оказалось, что англичане заключили съ главнѣйшими мѣстными купцами контракты на поставку провіанта для британскихъ войскъ, нисколько не позаботившись объ удовлетвореніи нуждъ французовъ. Послѣдствіемъ этого было то, что французскіе интенданты лишь съ большимъ трудомъ могли добывать продовольствіе. Возмущенный такою продѣлкой, генералъ Монтобанъ обратился къ англійскому главнокомандующему съ рѣзкими упреками по поводу такого грубаго нарушенія уговора, на основаніи котораго союзники должны были братски дѣлиться находимыми на мѣстѣ продуктами; англичане извинялись, ссылаясь на «недоразумѣніе».

На другой день по занятіи Тянь-Цзина, двое китайскихъ сановниковъ, назвавшихся комиссарами богдыхана, дали знать англійскому и французскому посламъ, тоже расположившимся въ Тянь-Цзинѣ, что они готовы вступить въ мирные переговоры, причемъ выражали глубокое сожалѣніе по поводу возникшихъ между Небесною имперіей и воюющими съ нею державами недоразумѣній. Послы, не догадавшись потребовать отъ этихъ сановниковъ предьявленія полномочій, начали съ ними безконечные переговоры, чѣмъ китайскій генералиссимусъ Санъ-Ко-Ли-Цзинъ и воспользовался для сосредоточенія подъ Пекиномъ всѣхъ войскъ, какими только могъ располагать. Составили условія мира, а когда затѣмъ, послѣ длиннаго ряда пререканій, дѣло дошло до подписи, оба китайскіе сановника объявили, что у нихъ нѣтъ на это необходимыхъ полномочій и что надо послать за императорскою печатью. Въ концѣ концовъ, когда выведенные изъ терпѣнія послы отправились къ сановникамъ на домъ, чтобы указать имъ на неумѣтность созданныхъ ими проволокъ, оказалось, что сановниковъ и слѣдъ простылъ: они уѣхали и увезли съ собою всѣ врученныя имъ бумаги. Можно думать, что они немало посмѣялись надъ простоватостью европейскихъ дипломатовъ. На всѣ упреки, съ которыми обращался генералъ Монтобанъ по поводу этого упущенія къ французскому послу, баронъ Гро спокойно возражалъ: «Весьма сожалѣю, что я поступилъ не такъ, какъ бы слѣдовало; но между людьми извѣстнаго круга какъ-то неловко принимать извѣстнаго рода предосторожности».

Между тѣмъ, времени терять было нельзя; нужно было покончить кампанію до наступленія зимы, которая въ этой части Китая бываетъ сурова и могла бы вредно отразиться на состояніи войскъ. Такъ какъ на переговоры рассчитывать было нечего, то союзники рѣшили выступить по направленію къ Пекину, отправивъ по 200 человекъ отъ каждой стороны назадъ въ Шанхай, гдѣ китайскіе мятежники становились безпокойны. 10-го сентября англо-французскія войска выступили изъ

Тянь-Цзина, въ сопровожденіи лорда Эльгена и барона Гро. Китайское правительство, встревоженное тѣмъ, что непріятель продолжаетъ свое наступленіе, несмотря на всѣ противопоставляемыя ему препятствія, пыталось задержать союзниковъ въ пути, засылая къ нимъ сановниковъ съ просьбою отступить обратно къ Тянь-Цзину, гдѣ сановники общались возобновить переговоры. Просьбы эти, послѣ недавняго опыта, были, конечно, оставляемы безъ послѣдствій, и союзники продолжали свое наступательное движеніе. Въ одномъ изъ пунктовъ, гдѣ сдѣлана была остановка, къ Монтобану явился не крупнаго ранга мандаринъ и сталъ просить, чтобы войска, измѣнивъ свой маршрутъ, не проходили черезъ два подвѣдомственныхя этому мандарину селенія. Встрѣтивъ отказъ, онъ сдѣлалъ попытку подкупить д'Эрисона, служившаго при Монтобанѣ переводчикомъ. «Поймите—говорилъ онъ—вы получите тысячу таалей, если убѣдите вашего начальника направить его войска въ сторону отъ этихъ селеній». И когда его начали послѣ этого выпроваживать, онъ, упираясь, говорилъ: «Если вамъ мало тысячи таалей, то вамъ стоило только сказать».

13-го сентября французы прибыли въ Хо-Си-У; на пути туда они находили свѣжіе еще слѣды стоянки значительнаго количества конницы. Теперь цѣль, съ которою мандаринъ упрашивалъ войска измѣнить маршрутъ, стала ясна: онъ хотѣлъ, чтобы наступающій не узналъ о присутствіи вооруженныхъ силъ въ этомъ районѣ. По мѣрѣ дальнѣйшаго наступленія, все чаще и чаще попадались союзникамъ покинутыя обитателями жилища; мѣста становились все болѣе пустынными; было очевидно, что населеніе притаилось и готовитъ непріятелю что-то злобщее. И дѣйствительно, для союзниковъ готовилась ловушка. Они намѣрены были двинуться изъ Хо-Си-У на Тангъ-Че-У, но еще ранѣе ихъ выступленія принцъ Тцай, родственникъ богдыхана, прислалъ во французскую главную квартиру двухъ конныхъ мандариновъ съ депешами. Въ одной изъ нихъ, адресованной на имя барона Гро, говорилось: «Въ депешѣ, присланной намъ вами 12-го сентября, было сказано, что вы желаете подвинуться до Тангъ-Че-У. Мы далеки отъ мысли воспротивиться осуществленію этого вашего желанія; напротивъ, мы хотимъ войти съ вами въ соглашеніе. Если вы согласитесь расположить ваши войска лагеремъ въ селеніяхъ Янгъ-Тцзунъ, Чунъ-Чу и Хо-Си-У, не подвигая ихъ далѣе, то, согласно тому, что было установлено въ Тянь-Цзинѣ, ваше превосходительство можете прибыть въ Тангъ-Че-У съ малочисленною свитой и безъ оружія, чтобы договориться съ нами относительно всѣхъ статей конвенціи, которую мы могли бы составить и подписать съ приложеніемъ печатей, предварительно поѣздки вашего превосходительства въ Пекинъ для обмѣна ратификацій договора. Это устранить промедленіе и китайскимъ властямъ будетъ поручено заготовить для вашего превосходительства повозки и все необходимое для поѣздки. Итакъ,

просимъ васъ сообщить о числѣ лицъ, которыя будутъ васъ сопровождать, чтобы все могло быть заранѣе приготовлено». Подписали императорскіе комиссары: принцъ Тцай и др.—Баронъ Гро, повѣривъ искренности этого письма (онъ неразъ уже попадался на удочку китайцевъ, характера которыхъ не понималъ), настоялъ на томъ, чтобы армія была остановлена въ двухъ миляхъ отъ Тангъ-Че-У; онъ былъ увѣренъ, что теперь дѣло совсѣмъ уже кончено и подписаніе мирнаго договора не заставитъ себя ждать. Не будь у генерала Монтобана отняты дипломатическія полномочія, остановки этой не случилось бы; но при данныхъ условіяхъ онъ, хотя и съ ропотомъ, вынужденъ былъ подчиниться распоряженію барона Гро и остановился въ двухъ миляхъ отъ города, въ которомъ суждено было пострадать нѣсколькимъ жертвамъ.

Въ виду начавшихся переговоровъ, не было, казалось, никакой опасности въ отправкѣ въ Тангъ-Че-У нѣсколькихъ офицеровъ, въ качествѣ парламентаревъ; для этого избраны были пять французскихъ офицеровъ и миссіонеръ аббатъ Дюлюкъ, въ качествѣ переводчика. Имъ поручено было заготовить провіантъ, заключить нужные контракты и вообще озаботиться удовлетвореніемъ нуждъ стоявшихъ въ двухъ миляхъ отсюда войскъ, сообразуясь съ инструкціями отъ посланниковъ. Съ тою же цѣлью посланы были съ англійской стороны два офицера, первый секретарь посольства, переводчикъ Парксъ и еще нѣсколько лицъ; къ нимъ присоединились также корреспондентъ газеты «Times» Баульба, глава научной миссіи переводчикъ Эскеракъ де Лотюръ и его секретарь. Вся эта маленькая экспедиція отправилась въ Тангъ-Че-У; части войскъ велѣно было идти слѣдомъ за нею и ожидать подъ городомъ возвращенія всей группы. Во главѣ колонны пошли англичане; жителей на всемъ пути не оказалось, но всюду виднѣлись слѣды незадолго передъ тѣмъ стоявшей здѣсь многочисленной китайской конницы. Послѣ двухчасоваго перехода, вдали замѣчены были громадныя массы татарской конницы. Встревоженный Монтобанъ поѣхалъ въ англійскую главную квартиру и, по прибытіи туда, встрѣтилъ высокаго мандарина, слѣдовавшаго въ паланкинѣ, въ сопровожденіи многочисленной свиты. Мандаринъ, по имени Хангъ-Ки, носилъ коралловый шарикъ, что означало чинъ, равный генеральскому. Онъ заявилъ, что прибылъ съ цѣлью договориться съ послами относительно церемоніала ихъ вступленія въ Пекинъ. Союзные генералы отвѣчали на это, что послы не находятся при авангардѣ, но что если ужъ рѣчь идетъ о церемоніалѣ, то они хотѣли бы узнать, почему мѣсто лагернаго расположенія союзныхъ войскъ было занято татарскою арміей. Хангъ-Ки, со свойственнымъ китайцамъ умѣніемъ играть любую роль, выразилъ удивленіе и даже началъ разспрашивать генераловъ о позиціяхъ китайскихъ войскъ, которыя были ему извѣстны, конечно, лучше, чѣмъ союзникамъ. Затѣмъ онъ простился, утверждая, что тутъ, въ-

роятно, какое-нибудь недоразумѣніе, и что онъ тотчасъ же прикажетъ татарскимъ войскамъ удалиться. Вслѣдъ затѣмъ начали получаться вѣсти, что татарская армія не уходитъ, что въ ея составѣ должно быть не менѣе 15.000 всадниковъ да столько же пѣхотинцевъ, и всѣ они идутъ впередъ съ рѣшительнымъ воинственнымъ видомъ и съ зажженными фитилями при ружьяхъ. Положеніе становилось напряженнымъ. На горизонтѣ подымались столбы пыли, указывавшей на движеніе войскъ. Союзные генералы немедленно отдали нужныя приказанія. Положеніе ихъ было критическое: на открытой равнинѣ имъ приходилось съ незначительными силами принять бой съ большими неприятельскими массами. Монгобанъ, указывая на явное предательство китайцевъ, желалъ тотчасъ же открыть наступательныя дѣйствія; другаго средства къ спасенію ушедшихъ въ Тангъ-Че-У парламентаровъ онъ не находилъ. Англійскій генералъ Грантъ, напротивъ, полагалъ, что еще нѣтъ никакихъ доказательствъ предательскаго захвата союзныхъ офицеровъ въ плѣнъ и что начатіе боя, скорѣе, погубитъ ихъ. Тѣмъ временемъ, изъ Тангъ-Че-У успѣшно пробыли нѣсколько лицъ изъ числа сопровождавшихъ экспедицію парламентаровъ; всѣ они были крайне взволнованы, говорили, что имъ едва удалось пробраться сквозь толпы китайцевъ, и подтверждали справедливость полученныхъ ранѣ свѣдѣній о численности татарской арміи. Не оставалось сомнѣнія въ томъ, что воззваніе богдыхана возымѣло свое дѣйствіе: исполняя его призывъ истреблять иноземцевъ всѣми возможными средствами, какъ гадовъ, китайцы задумали завлечь неприятеля въ ловушку и начали готовить осуществленіе этого замысла еще въ Тянь-Цзинѣ, куда засылались мандарины съ цѣлью сбить союзниковъ съ толку мнимыми переговорами. Они, очевидно, стремились застигнуть врасплохъ разсѣяныя неприятельскія силы и подавить ихъ численнымъ перевѣсомъ.

Союзные генералы простились, пожавъ другъ другу руки, и приготовились вести свои войска. Въ эту минуту издали донеслись три пушечныхъ выстрѣла, а спустя нѣсколько мгновеній показался несущійся вскачь взводъ кавалеріи въ разстроенномъ порядкѣ, и къ войскамъ прискакали, съ брошенными поводьями, нѣсколько англійскихъ всадниковъ, большею частью раненыхъ. Лошади ихъ едва переводили духъ, а одна изъ нихъ пала мертвою къ ногамъ генераловъ. Прибывшіе рассказали, что китайцы напали на парламентаровъ въ Тангъ-Че-У, затѣяли рѣзню съ находившимися недалеко отъ города англійскими солдатами и едва не перебили самихъ рассказчиковъ, которыхъ сперва пытались вѣжливо заманить въ свои палатки. Ускакать рассказчикамъ удалось только благодаря прекраснымъ лошадямъ, которыми снабжена была вся англійская кавалерія и артиллерія; у французовъ же были

мелкія лошади, купленныя въ Японіи, и они не могли бы спастись въ случаѣ погои.

На-скоро выслушавъ потрясающій разсказъ, генералы двинули впередъ свои войска, которыя вскорѣ и вступили въ горячій бой. Опуская подробности, отмѣтимъ только, что, несмотря на численный перевѣсъ китайцевъ, союзники взяли позицію Коа-Тцзунъ, километрахъ въ шести отъ Тангъ-Че-У, нанеся страшный ударъ китайскому генералиссимусу Санъ-Ко-Ли-Цзину, войска котораго оказались совершенно деморализованными, не говоря уже о понесенныхъ ими большихъ потеряхъ людьми и орудіями. Относительно участи парламентеровъ стало извѣстно, что, по прибытіи въ Тангъ-Че-У, они очень любезно и вѣжливо были приняты мандаринами и размѣщены по заранѣе приготовленнымъ для нихъ квартирамъ. Переговоры съ ними велись въ примирительномъ духѣ; а потомъ оказалось, что часть ихъ была замучена на смерть и часть искалѣчена невообразимыми истязаніями. Требованіе о выдачѣ ихъ не было исполнено китайскими властями, и потому союзники рѣшили идти на Пекинъ, чтобы навести на китайское правительство ужасъ и тѣмъ побудить его къ выдачѣ несчастныхъ. Всякіе переговоры, разумѣется, были прерваны; роль дипломатіи была донныѣ не блестящею, и персоналъ посольствъ держалъ себя теперь передъ генералами тише воды, ниже травы; рѣшающій голосъ получила армія.

Путемъ развѣдокъ и чрезъ лазутчиковъ было дознано, что татарская армія, получивъ, послѣ недавняго разгрома, свѣжія подкрѣпленія, станута на разстояніи нѣсколькихъ километровъ отъ поля послѣдняго сраженія, у селенія и моста Паликао (что значитъ «мостъ восьми лилій»). Мостъ этотъ, красиво построенный изъ камня и мрамора, соединяетъ между собою оба берега Императорскаго канала, который служитъ воднымъ сообщеніемъ между Тангъ-Че-У и Пекиномъ. Тутъ сосредоточено было китайцами около 50.000 человекъ. Плѣнный китаецъ показалъ на допросѣ, что онъ видѣлъ нѣсколькихъ связанныхъ европейцевъ, которыхъ везли въ повозкахъ къ Пекину. Представлялось вѣроятнымъ, что на этотъ разъ союзникамъ придется драться со всѣми оставшимися въ наличности войсками богдыхана; такимъ образомъ, предстоявшій бой долженъ былъ имѣть рѣшающее значеніе. 21-го сентября, раннимъ утромъ, началось наступленіе союзниковъ на Паликао; въ недалекомъ разстояніи отъ моста они были встрѣчены громадною массою татарской конницы, надвигавшейся на нихъ въ полномъ порядкѣ мелкоу рысью. Въ промежуткахъ между группами всадниковъ видѣлась пѣхота, а за нею, въ лѣсу, искусно замаскированныя деревьями, поставлены были батареи. Станнымъ казалось то, что въ этой массѣ войскъ не слышалось никакой команды; всѣ эволюціи производились при помощи флаговъ, которые то поднимались, то опускались, то склонялись на-

право или нагѣво, наподобіе морскихъ сигналовъ. Татарская кавалерія упорно насаждала на союзниковъ и, благодаря своей многочисленности, вѣроятно, успѣла бы подавить ихъ, если бы только китайская артиллерія оказалась на высотѣ своей задачи; но она стрѣляла черезъ головы противника, тогда какъ орудія французовъ и англичанъ пробивали, одну за другою, бреши въ непріятельскихъ рядахъ. При всей горячности ружейнаго и орудійнаго огня, союзники не несли почти никакихъ потерь и настойчиво подвигались впередъ, тѣсня и разстраивая китайскія полчища. Бой, начавшійся въ 8 час. утра, кончился къ тремъ часамъ пополудни занятіемъ моста союзниками и бѣгствомъ совершенно разстроенной татарской арміи, потерпѣвшей огромный уронъ (до 3.000 человекъ). Потери союзниковъ оказались незначительными: въ общей сложности, они лишились 51 человекъ убитыми и ранеными. Взятая англо-французами военная добыча была очень велика. Впослѣдствіи, подвинувшись къ Пекину, союзники нашли въ Лѣтнемъ дворцѣ богдыхана, среди многихъ другихъ документовъ, донесеніе Санъ-Ко-Ли-Цзина изъ Хо-Си-У о томъ, что союзники выступили изъ Тянь-Цзина съ такими небольшими силами, что онъ навѣрное уничтожитъ ихъ всѣхъ. Донесеніе это писано было въ тотъ самый день, когда принцъ Тцай увѣрялъ французовъ честнымъ словомъ, что миръ уже совсѣмъ готовъ къ подписанію. Неудивительно, что богдыханъ, успокоенный было увѣреніемъ своего генералиссимуса въ несомнѣнности побѣды, но затѣмъ потрясенный неожиданною близостью вступленія «варваровъ» въ Пекинъ, не нашелъ ничего лучшаго, какъ бѣжать въ Монголію, оставивъ тронъ и согласившись на переговоры о мирѣ, веденіе которыхъ онъ возложилъ на своего брата, принца Кунга.

Принцъ этотъ, согласно китайскому обыкновенію, началъ съ ухищреній. Онъ обратился къ посламъ съ письмомъ, которое было помѣчено заднимъ числомъ, чтобы казалось, будто порученіе вступить въ переговоры дано было ему ранѣ разгрома подъ Паликао, обойденнаго въ письмѣ полнымъ молчаніемъ. Послы, въ своемъ отвѣтѣ, указали Кунгу на неслыханное злодѣяніе, совершенное въ Тангъ-Че-У, гдѣ были схвачены и, какъ можно опасаться, увезены въ Пекинъ парламентареры; въ виду этого злодѣянія, послы заявляли, что никакихъ переговоровъ быть не можетъ до тѣхъ поръ, пока парламентареры не будутъ возвращены въ ихъ лагери. Принцъ Кунгъ началъ увертываться; онъ заявлялъ, что плѣнники здоровы и будутъ возвращены послѣ подписанія мира и проч. Такъ проходили дни за днями, что, наконецъ, вынудило союзниковъ, простоявшихъ двѣ недѣли подъ Паликао, вступить въ боевомъ порядкѣ въ Пекинъ, предварительно занявъ расположенный по сосѣдству съ нимъ роскошный Лѣтній дворецъ богдыхана. Въ этомъ дворцѣ, подвергшемся, какъ извѣстно, разграбленію со стороны союзныхъ войскъ, а отчасти

и набѣжавшихъ изъ окрестностей китайскихъ обывателей, были, между прочимъ, найдены разныя вещи, принадлежавшія нѣкоторымъ изъ пропавшихъ безъ вѣсти парламентеровъ, а также нѣсколько бумагъ, писанныхъ европейскою рукой. Бумаги эти, подобранныя французскими солдатами и доставленныя генералу Монтобану, оказались весьма любопытными документами: то были французскій и англійскій тексты трактата, обсуждавшагося въ Тянь-Цзинѣ лордомъ Эльгеномъ и барономъ Гро, съ одной стороны, и китайскимъ мандариномъ. Мандаринъ этотъ, не имѣвшій полномочій, внезапно исчезъ и увезъ оба списка съ собою, а потомъ либо доставилъ, либо переслалъ ихъ богдыхану. При сличеніи англійскаго и французскаго списковъ обнаружилась значительная разница въ ихъ содержаніи. Въ чемъ же она заключалась?

Когда Франція и Англія посылали свои войска въ Китай, было условлено, что какъ труды и жертвы, такъ и результаты экспедиціи должны быть одинаковы для обѣихъ сторонъ. Но втихомолку англичане рассчитывали взять себѣ львиную долю. Когда китайскій комиссаръ явился въ Тянь-Цзинъ для переговоровъ, каждый изъ обонхъ пословъ вручилъ ему текстъ договора, написанный на соотвѣтственномъ языкѣ; оба текста были предварительно свѣрены обѣими сторонами, но, при врученіи мандарину, лордъ Эльгенъ замѣнилъ свѣренный англійскій списокъ другимъ, который былъ несходенъ со спискомъ французскимъ. Въ немъ выговаривались особыя выгоды въ пользу одной только Англіи—вознагражденія, территориальныя уступки на китайскомъ побережьѣ и проч. А въ пояснительномъ къ тексту письмѣ лордъ Эльгенъ писалъ: «О французахъ не беспокойтесь. Дайте имъ какое-нибудь нравственное удовлетвореніе по части ихъ религіи. Мы уже сами позаботимся о томъ, чтобы они присоединились къ просимымъ нами условіямъ, потому-что они—наемники, состоящіе у насъ на жалованьи». Британскій посоль, очевидно, не рассчитывалъ на то, что его продѣлка можетъ какъ-нибудь случайно обнаружиться.

Передавая эту подробность, д'Эрисонъ настаиваетъ на справедливости сообщаемого имъ факта и приводитъ въ подтвержденіе его нѣсколько писемъ свѣдущихъ въ дѣлѣ лицъ.

Въ дополненіе приведенныхъ выше выдержекъ изъ книги д'Эрисона, остается сказать, что въ началѣ ноября, когда союзники шли въ Пекинъ, съ цѣлью занять его, двое англійскихъ офицеровъ явились къ генералу Монтобану съ извѣстіемъ, что китайцы прислали въ британскій лагерь пятерыхъ изъ содержавшихся въ плѣну французскихъ парламентеровъ. Всѣ они—въ томъ числѣ переводчикъ Эскеракъ, оказались въ самомъ плачевномъ состояніи: измученными, истощенными, одѣтыми въ грязныя лохмотья; нѣкоторые изъ нихъ были искалѣчены, одинъ даже самымъ варварскимъ образомъ оскотленъ. И какъ разъ въ то время, когда они

испытывали ужасныя мученія, братъ богдыхана, принцъ Кунгъ, съ которымъ союзники вели переговоры, писалъ барону Гро: «Имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что я отдалъ приказаніе, чтобы переводчику вашей великой имперіи Эскераку было оказываемо надлежащее вниманіе. По дружественномъ улаженіи съ нимъ всего, что касается подписанія конвенціи, я намѣренъ немедленно же и надлежащимъ образомъ возвратить къ вамъ вашихъ задержанныхъ соотечественниковъ». Разсказовъ плѣнниковъ о перенесенныхъ ими отъ китайцевъ истязаній мы передавать не будемъ, щадя нервы читателя.

Заклучимъ наши выдержки указаніемъ д'Эрисона на то, что прекращеніемъ продолжительныхъ затыжекъ и увертокъ со стороны принца Кунга союзники были обязаны отчасти добрымъ услугамъ русскаго посла въ Пекинѣ, генерала Игнатьева. Онъ сумѣлъ повліять какъ на оставшіяся въ Пекинѣ китайскія власти, такъ и на богдыханскій дворъ. Созвавъ къ себѣ семерыхъ или восьмерыхъ оставшихся въ столицѣ офицеровъ, не имѣвшихъ, впрочемъ, полномочій для переговоровъ, онъ сталъ попрекать ихъ тѣмъ, что они ничего не предпринимаютъ въ виду угрозъ англо-французовъ бомбардировкою Пекина, если китайцы не приступятъ къ серьезнымъ переговорамъ о мирѣ. «Развѣ вы не видите,—говорилъ генераль,—что вы рѣшительно не въ состояніи предотвратить это бѣдствіе и что англо-французамъ очень легко будетъ разрушить и сжечь дворецъ богдыхана, да и весь городъ?» Напуганные китайцы, растерявшись, начали жаловаться на то, что, за отсутствіемъ всѣхъ важныхъ сановниковъ, они ничего не могутъ сдѣлать и не знаютъ, какъ быть. «Научите насъ, какъ поступить», просили они. Генераль Игнатьевъ сказалъ, что для Китая единственный выходъ изъ крайне опаснаго положенія въ томъ, чтобы заключить миръ во что бы ни стало, безусловно принявъ всѣ условія, какія будутъ поставлены побѣдителями, тѣмъ болѣе, что послѣдніе желаютъ только одного—именно искренняго подтвержденія трактата, заключеннаго китайцами два года тому назадъ безъ намѣренія соблюдать его. «Но мы не можемъ, у насъ нѣтъ полномочій на это»—возражали китайцы. «Въ такомъ случаѣ, ступайте отъ моего имени къ брату богдыхана, принцу Кунгу, передайте ему, что я вамъ говорилъ, и упросите его, какъ уполномоченнаго богдыханомъ, прибыть въ городъ вмѣстѣ съ сановниками для обсужденія и подписанія условій мира. Скажите ему, что ему нѣчего бояться, такъ какъ, въ случаѣ его готовности къ заключенію мира, союзники не тронуть Пекина». Совѣтъ этотъ подѣйствовалъ: послѣ нѣкоторыхъ, неизбѣжныхъ въ Китаѣ проволочекъ, миръ былъ подписанъ, и экспедиціи положенъ конецъ.

При чтеніи телеграммъ изъ Китая, изо-дня въ день печатаемыхъ нынѣ въ газетахъ, невольно вспоминаются разсказы д'Эрисона о китай-

скихъ событіяхъ 1860 г. и кажется, что совершающееся нынѣ во многомъ сходно съ тѣмъ, что было 40 лѣтъ тому назадъ. Общій фонъ картины остается, повидимому, такимъ же, какимъ онъ былъ въ ту пору, и все различіе едва-ли не въ томъ только, что, вмѣсто двухъ державъ, передъ «желтою загадкой» стоятъ теперь въ нерѣшимости нѣсколько націй и что противъ нихъ, наравнѣ съ «Большими кулаками», выступаютъ уже не прежнія нестройныя китайскія полчища, съ луками, самострѣлами и негодными ружьями, а войска, обученныя европейскими инструкторами и снабженныя современнымъ вооруженіемъ. Въ остальномъ же какъ-бы повторяется все прежнее. Даже исторія съ послами, задержанными въ Пекинѣ—развѣ не напоминаетъ она во многомъ эпизодъ съ англо-французскими парламентарями, о которомъ повѣствуетъ д'Эрисонъ?

А. Рѣдкинъ.

П о п р а в к а:

Въ августовской книжкѣ „Русской Старины“ на страницѣ 391 вкралась ошибка: Во второй строкѣ сверху напечатано: „Попытки братьевъ А. А. и М. А. Бестужевыхъ издавать журналъ“. Слѣдуетъ читать: „Попытки А. А. Бестужева и М. А. Бестужева-Рюмина издавать журналъ“, такъ какъ братьями они не были.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1900 г.
ТОМЪ СТО ТРЕТІЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯВРЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

- I. Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа)
М. А. Корфа . . . . . 33— 55
- II. Изъ записокъ барона Дедема. Извлеч. В. В.
Тимошукъ . . . . . 113—138
- III. Записки Михаила Чайковского. (Садыкъ-
Мехмедъ - наши). Перев. В. В. Тимо-
шукъ. . . . . 201—224; 431—448
- IV. Записки ген. В. И. Левеншерна 265—297; 485—522
- V. Изъ записокъ Д. А. Кармазина . . . . . 339—364
- VI. Воспоминанія о нѣкоторыхъ лицейскихъ то-
варищахъ М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.
Акад. К. С. Веселовскаго. . . . . 449—456
- VII. Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилев-
скаго. 1822 годъ. Сбщ. Н. К. Шильдеръ 629—649

Портреты.

- I. Портретъ ген.-лейт. К. А. Бельгарда. Грав.
И. И. Хелмицкій.
(При 7-ой книгѣ).

II. Портретъ А. Е. Измайлова. Грав. И. И. Хелмицкій.

(При 8-ой книгѣ).

III. Портретъ Софьи Петровны Свѣчиной. Грав. И. И. Хелмицкій.

(При 9-ой книгѣ).

Исслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

	ОТРАН.
I. Императоръ Николай I и Польша въ 1825—1831 гг. Н. К. Шильдера	1—32; 257—264
II. Къ исторіи Московскаго университета въ началѣ XIX вѣка. Письмо М. Муравьева къ В. Н. Каразину	56
III. Александръ Ефимовичъ Измайловъ. 1779—1831 г. Ив. Кубасова	57—78; 407—430; 615—628
IV. Письмо М. Н. Каткова—П. Н. Батюшкову о положеніи дѣлъ въ виденскомъ генераль-губернаторствѣ	79—82
V. Нѣмцы о Пушкинѣ въ 1899 г. М. Веневитинова	83—111
VI. В. Збышевскій (изъ исторіи польской смуты въ 1863 г.). Сообщ. А. Мердеръ	112
VII. Краткій очеркъ жизни и дѣятельности генераль-лейтенанта К. А. Бельгарда. В. Ф. Ореусъ	139—152
VIII. Записка слободско-украинскаго губернатора Муратова о статскомъ совѣтникѣ Карзинѣ. 1-го марта 1826 года	153—154
IX. Разбитая жизнь. Разсказъ ссыльнаго. (Къ исторіи бродяжничества на Руси). С. А. Коваленко	155—182
X. Изъ дневника П. Г. Дивова	183—200
XI. Два рескрипта о Н. И. Новиковѣ. Рескрипты Екатерины II—ген. Лопухину 23-го января и 11-го февраля 1786 года	298
XII. Внутреннія причины паденія Польши. (Переводъ съ польской рукописи)	299—326
XIII. Памяти Д. В. Григоровича. (Пребываніе его въ Главномъ Инженерномъ училищѣ). Ал. И. Савельева	327—336
XIV. Переправа императ. Николая I черезъ Нѣманъ въ 1846 г. Приказъ по 5-й пѣхотной дивизіи 2-го декабря 1846 г. Сообщ. подполков. К. І. Домбровскій	337
XV. Гортензія Богарнэ. П. М. Майкова. 365—381;	593—611

	СТРАН.
XVI. О тайномъ ввозѣ въ Россію сочиненія Н. Тургенева. Письмо графа Орлова Л. А. Перовскому 15-го августа 1847 года	382
XVII. Листки изъ дневника М. К. Мердеръ. (Переводъ съ французскаго). Сообщ. Алексѣй Мердеръ	383—389
XVIII. Къ характеристикѣ П. Коковницына. Письмо его—Н. Н. Каразину 26-го мая 1813 г.	390
XIX. Приказъ графа Барклая-де-Толли по арміямъ съ благодарностью короля прусскаго, 12-го іюня 1814 г.	406
XX. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. Н. Ѳ. Дубровина	457—583
XXI. Стихи, приписываемые И. А. Крылову	484
XXII. Меттернихъ и его внѣшняя политика. А. П. Рѣдкина	523—540
XXIII. Софья Петровна Свѣчина. (Ея жизнь и переписка). П.	541—557
XXIV. Императоръ Александръ I и его гофмаршалъ гр. Н. А. Толстой	558
XXV. Возвращеніе барона Беннигсена въ армію въ 1812 году. Всеподданнѣйшее письмо барона Беннигсена	592
XXVI. Испѣленіе полковника Повиша. Письмо его къ генераль-лейтенанту Рену	650
XXVII. Смоленскіе партизаны въ 1812 году. А. Слезинскаго	651—665
XXVIII. О принятіи императоромъ Николаемъ въ непосредственное свое завѣдываніе собственной его величества канцеляріи	666
XXIX. Англо-французы въ Китаѣ въ 1860 г. А. П. Рѣдкина	667—684
XXX. Систематическое оглавленіе 103-го тома	685—688

Исторія русской литературы.

I. Къ исторіи русской литературы. Попытки А. А. Бестужева и М. А. Бестужева-Рюмина издавать журналъ (1818—1823 г.).	391—405
II. Къ исторіи русской литературы. Ѳ. В. Булгаринъ и Н. И. Гречъ: I. Ѳ. Булгаринъ и его „Сѣверный Архивъ“; II. Н. Гречъ и его „Сынъ Отечества“; III. Булгаринъ и Гречъ вмѣстѣ; IV. Булгаринъ послѣ 14-го декабря 1825 г. Сообщилъ Н. Д.	559—591

Библиографическій листокъ.

1. Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ митрополиту московскому Филарету (съ 1812 по 1867 г.), изданныя съ библиографическими свѣдѣніями и пояснительными примѣчаніями А. Н. Львовымъ. Спб. 1900 г.—Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ юльской книги).
2. Каеэдра русскаго языка и словесности въ Юрьевскомъ (Дерптскомъ) университетѣ. Составилъ по архивнымъ и печатнымъ матеріаламъ Е. В. Пѣтуховъ. Юрьевъ 1900 г.—Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ августовской книги).
3. Русская словесность съ XI по XIX ст. включительно, библиографическій указатель произведеній русской словесности въ связи съ исторіей литературы и критикой. Книги и журнальныя статьи. Составила А. В. Мезіеръ. Часть I. Русская словесность съ XI по XVIII в. Спб. 1899.—Его же (тамъ же).
4. Крестьянская реформа въ Новгородской губерніи. Записки С. И. Носовича. 1861—1863 гг. Съ предисловіемъ В. И. Семевского. Спб. 1900 г.—Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ сентябрьской книги).
5. Воспоминанія князя Григорія Григорьевича Гагарина о Карлѣ Брюловѣ. Въ 100-лѣтію со дня рожденія Брюллова. 1799—1899. Съ предисловіемъ и статьей о художественной дѣятельности автора воспоминаній. Спб. 1900 г.—Его же (тамъ же).

Приложенія.

Архивъ Брюловыхъ . . . . . 161—195

была старание со стороны администрации казенной, так и в частной, чтобы подвинуть их на задворки, соединенная с гостеприимством, которое нужно все-таки было оказывать государю, хотя просто из одного уважения.

«Табуныво начало, — написано, между прочим, авторомъ подь 30-мъ сентября того же года, — представляеть въ нашихъ крестьянахъ, какъ и во всѣхъ неразвитыхъ обществахъ, всегда бывшихъ подь опекою и никогда не дѣйствовавшихъ самостоятельно. Нужно только овладѣть, подчинить своему вліянію двухъ-трехъ законодатель и, уже направивъ ихъ, вести зади безъ табуны, безсознательно идущій зодь на край пропасти.

«Я старался донести помещикамъ, — говорить С. Н. Писовичъ въ своихъ запискахъ подь 10-мъ октября, — что уставная грамота дѣлается исключительно актомъ юридическихъ отношений помещика къ крестьянамъ, а не хозяйственнымъ, а потому она должна имѣть въ своемъ основаніи законъ, а не произволъ гая, какъ не воссоздавано обоюдное соглашение на зодь счетъ; кромѣ того я всегда вижу, что раскола помещики очень близко и близко держалась закону, зодь дѣло идетъ о повинностяхъ крестьянъ, т. е. о величинѣ оброка или барщины, но удаляются отъ него, по возможности, дѣлаю, зодь дѣло идетъ о земельныхъ устроений крестьянъ».

Обязанности мирного посредника авторъ представляеть въ слѣдующихъ выраженіяхъ, написанныхъ въ запискахъ подь 27-мъ октября 1862 года. «Въ настоящее время судебная стонина дѣятельности посредника уходитъ на второй планъ, т. е. уступаетъ мѣсто распорядительной стонорѣ, и дѣйствительно, зодь взаимными отношениями помещиковъ и крестьянъ точна представляется по уставнымъ грамотамъ, обязанности посредника состоятъ въ наблюдении и точномъ исполненіи взаимныхъ обязанностей двухъ стоноръ, и, если онъ упускаеть изъ виду, что самое главное есть не теоретическое опредѣленіе правъ и обязанностей, а фактическое ихъ осуществленіе, то, по вѣсному признанію. Нужно приучить народъ къ строгому соблюденію всякаго договора, нужно внушить ему уваженіе къ закону, иначе представляеть дѣлается пагубной привычкой, нетерпимой ни въ какомъ благоустроенномъ обществѣ».

«О финансовой стонорѣ реформы г. Писовичъ высказываетъ слѣдующія соображенія: «со времени освобожденія крестьянъ, или, вѣрнее говоря, со времени уничтоженія барщиннаго труда и досрочнаго замѣненія его выкупаемыми зудомъ, тѣ громадная масса денежныхъ букашекъ вывереть, т. е. нашихъ кредитныхъ букашекъ, которыя гнали своею тяжестью нашъ денежный рынокъ и тѣмъ производили удорожаніе всѣхъ предметовъ, т. е. упадокъ цѣнности самихъ денегъ, — найдутъ себѣ мѣсто

и употребленія во вновь открывшихся эконоическихъ сферахъ похитивши и крестьянъ».

3-го января 1863 года авторъ записалъ съ изступленіемъ мыслью, т. е. того времени, зодь представляеть большая часть крестьянскихъ сделокъ, въ нынѣшній годъ, также какъ и въ прошлый, до меня доходить частіи сътованія крестьянъ на зарисованіе хвѣстныхъ приключеній священниковъ, которые, дѣлая крестьянамъ разныя незаконныя притѣсенія, или просто угрози ихъ не вѣнчать, требоватьъ изъ нихъ за свадьбы, по состоянію обыкновенныхъ, отъ 5 до 10 руб. сер. Этотъ періодъ сделокъ крестьяне прилически называютъ поповскими сѣдками; и дѣйствительно, притѣсеніе крестьянъ, особенно со времени ихъ освобожденія, вездѣ оправдываетъ названіе, данное ими свадьду. Въ эпоху кровостнаго права крестьяне вѣнчались всегда съ дозволенія, а иногда и по назначенію помещика, а потому они брани отъ нихъ послѣднеть письма къ священникамъ, которые по этому закону не смѣли ихъ притѣвять».

Подь 6-мъ іюня 1863 года С. Н. Писовичъ пишетъ: «зодь уже два года, какъ я живу въ деревнѣ, и въ зодь небольшой прожектують времени (если обратиться мысленно назадъ) совершалась у насъ въ деревнѣ громадная перемѣна въ лучшему, правильною, человѣчному порядку вещей. Куда ни обратишь свой взоръ, вездю преданія стараго времени замѣнились новыми порядкомъ, новыми условіями, новыми отношениями».

По приведеннымъ нами выдержкамъ можно судить, насколько интересны записки С. Н. Писовича.

Н. И-ш-ъ.

Воспоминанія князя Григорія Григорьевича Гагарина о Карлѣ Брюлловѣ. Къ 100-лѣтію со дня рожденія Брюллова 1799—1899. Съ предисловіемъ и статьей о художественной дѣятельности автора воспоминаній. СПб. 1900 г.

Первые художественные шаги князя Г. Г. Гагарина были совершены подь ближайшимъ надѣствіемъ и руководствомъ К. П. Брюллова, и поэтому его воспоминанія представляють немаловажный интересъ для исторіи русскаго искусства.

Въ своихъ воспоминаніяхъ кн. Г. Г. Гагаринъ даетъ картину постепеннаго развитія и совершенствованія таланта влзавитаго нашего художника въ зависимости отъ тѣхъ условій и обстоятельствъ, при которыхъ складывалась его гений, и вѣдѣтъ съ тѣмъ опредѣлеть значеніе, какое долженъ былъ имѣть Брюлловъ въ дальнѣйшихъ судьбахъ живописи.

Очень важнымъ по вѣдѣности князя является съ большимъ интересомъ.

Н. И-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1900 г.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАВІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государственн. вѣдомствѣ, входящія въ составъ особаго почтоваго сбора. Въ прочіе мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбаеникова** (Моховая, д. Божъ), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 14). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Намедная ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣлахъ эпохъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ биографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей художественныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобиографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакціи заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставляемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; принятыя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1899 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **бесплатно**.